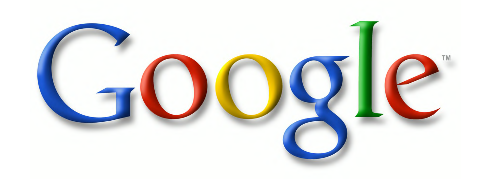
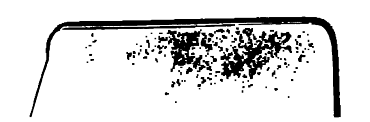


B 1,328,983

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
·LIBRARIES·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
ARTES SCIENTIA VERITAS
1817



СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1892

АПРѢЛЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.—ТОМЪ I

Slavianskoe obozrienie.
"

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1892

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ I

ЯНВАРЬ—АПРѢЛЬ

1 ... 4

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Александръ Востоковъ

Александръ Христофоровичъ Востоковъ
(1781—1864)

Дозволено цензурою 24 Апрѣля 1892 г. Спб. Тип.-лит. А. Траншель. Стремянная, 12

А. Х. ВОСТОКОВЪ *

ВЪ ЛѢТОПИСЯХЪ науки никогда не умретъ славное имя Востокова, память котораго чтятъ не одни русскіе, но и всѣ соплеменники ихъ, называя его «свѣтиломъ и творцомъ славянской филологіи».

Александръ Христофоровичъ Востоковъ родился 16-го марта 1781 года въ нѣмецкомъ семействѣ въ Аренсбургѣ, на островѣ Эзелѣ, и носилъ первоначально нѣмецкую фамилію: Остенекъ. Первымъ языкомъ его былъ нѣмецкій: на немъ началъ онъ говорить, живя въ Ревелѣ на воспитаніи у майорши Трейблутъ, и первымъ его чтеніемъ была нѣмецкая библія. Но нѣмцемъ оставался онъ недолго: семилѣтній мальчикъ пристрастился къ русскому языку, и хотя знаніе нѣмецкаго навсегда сохранило для его занятій важное значеніе, но онъ его не любилъ и даже письма на немъ писалъ только въ случаяхъ крайней необходи-

---

*) Настоящій біографическій очеркъ мы получили при слѣд. письмѣ автора: Многоуважаемый Антонъ Семеновичъ. По желанію вашему посылаю вамъ, въ нѣсколько сокращенномъ видѣ, очеркъ жизни и дѣятельности Востокова, читанный мною 27-го прошлаго февраля въ годичномъ собраніи Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Согласно съ цѣлію, для которой онъ предназначался, это—не какой-нибудь ученый трудъ, а простая біографическая замѣтка, составленная частью по личнымъ моимъ воспоминаніямъ, частью по свѣдѣніямъ, заимствованнымъ изъ трудовъ Срезневскаго, Сухомлинова, Греча, Кочубинскаго и Карелкина (писавшаго о Востоковѣ еще при жизни его). Отъ васъ зависитъ напечатать этотъ бѣглый очеркъ, если вы найдете, что онъ того заслуживаетъ.

Я. Гротъ.

16 марта 1892.
Годовщина дня рожденія
А. Х. Востокова въ 1781 году.

мости. «Онъ сталъ понимать по-русски еще живя у г-жи Трейблутъ, слушая сказки и разсказы гарнизоннаго служителя Савелія, жившаго въ томъ же домѣ». Восьми лѣтъ отвезли его въ Петербургъ и отдали въ сухопутный кадетскій корпусъ гимназистомъ. Такъ назывались воспитанники изъ не-дворянъ, обязанные, по окончаніи курса, остаться учителями въ корпусѣ. Здѣсь кадетъ Остенекъ окончательно обрусѣлъ, не только по языку, но и по сердцу, и 13-ти лѣтъ отроду сталъ писать стихи на чистомъ русскомъ языкѣ. Но мальчикъ страдалъ природнымъ недостаткомъ, который очень заботилъ близкихъ къ нему на счетъ его будущности: онъ заикался такъ сильно, что съ большимъ трудомъ могъ произнести сряду два-три самыя простыя слова. Начальство, видя, что этотъ недостатокъ мѣшаетъ участію даровитаго кадета въ общей корпусной жизни, перевело его (1794) въ Академію Художествъ—по тому соображенію, какъ увѣрялъ Гречъ, «что тамъ говорить не нужно».

Въ Академіи Востоковъ занимался сначала рисованіемъ, а потомъ архитектурою. Умѣнье рисовать перомъ очень пригодилось ему впослѣдствіи для снятія съ рукописей палеографическихъ снимковъ; но онъ не обнаружилъ склонности ни къ тому, ни къ другому искусству. Между тѣмъ въ немъ болѣе и болѣе развивалась страсть къ литературнымъ занятіямъ, особенно къ стихотворству.

На 21 году жизни Востоковъ кончилъ курсъ ученія въ Академіи. Это было въ началѣ царствованія императора Александра I. Въ то время въ Петербургѣ образовалось литературное общество подъ названіемъ: «Вольное общество любителей словесности, наукъ и художествъ». Учредители его, большею частью молодые люди, получившіе воспитаніе въ гимназіи Академіи Наукъ, обратили вниманіе на Востокова, уже пріобрѣтшаго извѣстность своими стихотвореніями. Въ ихъ кругу, преданномъ умственнымъ интересамъ, занятія Востокова стали принимать все болѣе серьезный характеръ. Ознакомившись въ Академіи съ французскимъ языкомъ, онъ теперь сталъ изучать греческій и латинскій. Много было обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ въ эту эпоху дальнѣйшему развитію Востокова. Сильнѣе всего дѣйствовало на него общее оживленіе литературы, внезапно пробудившейся при вступленіи на престолъ юнаго, благодушнаго монарха. Вновь раздались голоса любимыхъ писателей: Державина, Карамзина, Дмитріева; возникли новые та-

ланты: Жуковскій, Батюшковъ, Гнѣдичъ; между Карамзинымъ и Шишковымъ завязался заманчивый споръ о старомъ и новомъ слогѣ; наконецъ, не могло остаться безъ вліянія на молодого литератора и появленіе въ 1804 году собранія былинъ подъ заглавіемъ: «Древнія русскія стихотворенія». Все это вмѣстѣ усиливало въ Востоковѣ охоту къ лингвистическимъ занятіямъ, побуждало его къ сличенію народнаго русскаго языка съ церковнославянскимъ, и скоро онъ созналъ истинное свое призваніе вполнѣ посвятить себя строгому служенію наукѣ слова. Начавъ печатать свои произведенія, онъ, по совѣту своихъ друзей, сталъ подписываться подъ стихотвореніями псевдонимомъ: Востоковъ, а подъ учеными статьями ставилъ: Остенекъ-Востоковъ. Позднѣе, при поступленіи его на службу въ Императорскую Публичную Библіотеку, директоръ ея, А. Н. Оленинъ, убѣдилъ его подписываться просто: Востоковъ, имя, подъ которымъ онъ и заслужилъ всемірную извѣстность.

Его стихотворенія имѣютъ чисто-лирическій характеръ: это изліянія пылкаго и мыслящаго юноши, стремящагося ко всему духовно-прекрасному, восхищающагося красотами природы, воспѣвающаго любовь, дружбу и другія возвышенныя чувства; но онъ писалъ старинными, довольно тяжелыми стихами, которые для насъ уже не представляютъ интереса, кромѣ развѣ біографическаго. Особенно любопытно въ этомъ отношеніи одно изъ нихъ, въ которомъ онъ размышляетъ о своемъ положеніи вслѣдствіе тяготѣющаго надъ нимъ недуга. Онъ обращается къ богу молчанія и говоритъ между прочимъ:

Я долженъ, сжавши сердце,
Полезныхъ многихъ дѣлъ и радостей быть чуждъ,
Которыми владѣетъ
Послѣдній изъ людей, когда онъ получилъ
Божественный даръ слова...
Но мнѣ, его лишенну,
Роптать ли, и другихъ завидовать судьбѣ?
Нѣтъ, я не менѣ счастливъ,
Что скрыться иногда могу въ самомъ себѣ
Съ тобою, богъ молчанья...
Когда злословіемъ бываю оглушенъ
И дикимъ пустословьемъ,
О радость! отвѣчать я имъ не принужденъ...
И отъ пороковъ многихъ,
Молчанья строгій богъ, меня ты оградилъ:
Я поневолѣ скроменъ,

Смиренъ и терпѣливъ. Во мнѣ ты притупилъ
Сей обоюдуострый,
Опасный мечъ—языкъ...

Первымъ и важнѣйшимъ трудомъ Востокова по славянской филологіи было его геніальное «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ», напечатанное въ 1820 году въ «Трудахъ московскаго общества любителей россійской словесности». Здѣсь указаны въ первый разъ многія существенныя и характеристическія отличія церковно-славянскаго языка. Для немногихъ избранныхъ это былъ яркій лучъ свѣта, внезапно озарившій темную до тѣхъ поръ область. Но въ цѣломъ ученомъ мірѣ это замѣчательное открытіе не вдругъ было оцѣнено. Въ то самое время въ Вѣнѣ печаталась первая пространная грамматика старо-славянскаго языка чехомъ Добровскимъ, который считался ученѣйшимъ знатокомъ его. Ознакомясь съ произведеніемъ Востокова, онъ увидѣлъ, насколько русскій филологъ опередилъ его въ пониманіи законовъ языка, и потому первою мыслью Добровскаго было остановить печатаніе своего труда и уничтожить его. Только настоянія Копитара убѣдили Добровскаго отказаться отъ этого намѣренія. Но при выпускѣ своей книги онъ ни единымъ словомъ не упомянулъ объ открытіяхъ своего русскаго собрата. Не только въ литературѣ Запада, но и у насъ изслѣдованіе Востокова долго оставалось мало извѣстнымъ: не прежде 40-хъ годовъ, когда въ русскихъ университетахъ были открыты каѳедры славянской филологіи, стали распространяться идеи, впервые высказанныя Востоковымъ въ его знаменитомъ «Разсужденіи».

Почти одновременно съ появленіемъ этого труда, именно въ іюнѣ 1820 г., Востоковъ былъ избранъ въ члены Россійской Академіи. Но замѣчательно, что это было сдѣлано не столько въ пониманіи значенія Востокова для науки, сколько изъ расчета пріобрѣсти въ немъ сторонника и пособника въ пресловутыхъ корнесловныхъ измышленіяхъ президента Академіи Шишкова, который безраздѣльно надъ нею властвовалъ. Извѣстны нѣкоторыя изъ его словопроизводствъ, напр. какъ онъ производилъ нѣмецкое слово Schornstein отъ русскаго «черная стѣна», или утверждалъ, что французское trésor состоитъ изъ très и or. Въ предварительной перепискѣ Шишкова съ Востоковымъ обнаруживается одна изъ господствующихъ чертъ ха-

рактера послѣдняго,—его уступчивость и податливость въ отношеніи къ чужимъ мнѣніямъ, его неохота вступать въ какія-либо пререканія ради защиты своихъ убѣжденій. На приглашеніе Шишкова содѣйствовать ему въ его любимыхъ этимологическихъ упражненіяхъ Востоковъ отвѣчалъ выраженіемъ благодарности за любопытныя замѣчанія о словопроизводствѣ. «Съ нетерпѣніемъ, прибавилъ онъ, жду того времени, когда мнѣ позволено будетъ въ засѣданіяхъ академиковъ наслаждаться слушаніемъ бесѣды почтенныхъ моихъ сочленовъ о семъ любимомъ для меня предметѣ». Зная скромность Востокова, можно быть увѣреннымъ, что эти слова были сказаны имъ совершенно искренно.

Двадцать лѣтъ онъ принадлежалъ Россійской Академіи и посѣщалъ ея засѣданія усерднѣе всѣхъ другихъ членовъ, почти никогда не отсутствуя; но оффиціальное его участіе въ ея дѣятельности ограничивалось почти исключительно подачею «мнѣній» о сочиненіяхъ, которыя представлялись на разсмотрѣніе Академіи.

Въ апрѣлѣ 1841 года умеръ Шишковъ, а вмѣстѣ съ нимъ окончила свое почти 60-тилѣтнее существованіе и Россійская Академія. По мудрому рѣшенію императора Николая, видѣвшему, что она далеко не исполняетъ своего назначенія, эта Академія была преобразована во Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ. Изъ прежняго учрежденія съ неопредѣленнымъ кругомъ дѣйствія и слишкомъ обширнымъ, разнохарактернымъ составомъ создана была другая, менѣе многочисленная коллегія, но зато съ ясно выраженнымъ научнымъ назначеніемъ, которое состояло главнымъ образомъ въ изслѣдованіи русскаго языка и другихъ славянскихъ нарѣчій, и въ разработкѣ исторіи русской словесности, къ чему, въ видѣ второстепенныхъ предметовъ, придана еще изящная словесность и отечественная исторія. Изъ шестидесяти членовъ бывшей Россійской Академіи двадцать были переименованы въ дѣйствительные члены II-го Отдѣленія, въ числѣ которыхъ былъ конечно и Востоковъ, единственный между ними филологъ въ строгомъ смыслѣ этого слова. Въ Академіи Наукъ Востоковъ долженъ былъ принять на себя дѣятельное участіе въ словарныхъ работахъ новаго Отдѣленія, чтò не могло не отвлекать его отъ прежнихъ изслѣдованій надъ древними рукописями; но были два капитальные труда этого рода, начатые имъ очень давно и которые ему теперь удалось

окончить и напечатать. Для объясненія одного изъ нихъ мы должны возвратиться къ началу 20-хъ годовъ, времени приближенія Востокова къ славному нашему меценату, канцлеру, графу Николаю Петровичу Румянцову. Извѣстно, что этотъ незабвенный ревнитель просвѣщенія, нѣкогда дипломатъ и министръ, посвятилъ послѣдніе годы жизни важнымъ ученымъ предпріятіямъ и особенно изданію историческихъ памятниковъ. Для совѣщанія по этимъ предпріятіямъ онъ привлекъ къ себѣ нѣкоторыхъ изъ лучшихъ нашихъ ученыхъ того времени, съ которыми любилъ бесѣдовать и переписываться. Это были: митрополитъ Евгеній, Бантышъ-Каменскій, Ермолаевъ, Малиновскій, Каченовскій. Обладая богатѣйшимъ собраніемъ драгоцѣнныхъ рукописей, Румянцовъ искалъ человѣка, который взялъ бы на себя приведеніе ихъ въ порядокъ и описаніе.

Митрополитъ Евгеній, оцѣнивъ необыкновенныя достоинства Востокова, указалъ на него канцлеру, который писалъ въ отвѣтъ: «Давно уже стараюсь, но безъ успѣха, сблизиться короткимъ знакомствомъ съ г. Востоковымъ; но онъ отъ этого отказывается всегда тѣмъ, что, будучи страшный заика, очень страждетъ съ незнакомыми людьми». Черезъ нѣсколько времени однакожъ Румянцовъ съ неподдѣльнымъ восторгомъ дѣлится съ м. Евгеніемъ отрадною вѣстью: «Наконецъ мнѣ удалось побѣдить то отвращеніе, которое г. Востоковъ имѣлъ со мною лично познакомиться, и не однажды уже съ нимъ и съ г. Ермолаевымъ я у себя обѣдалъ». Востоковъ вошелъ въ кружокъ Румянцова и вскорѣ принялъ предъ канцлеромъ обязательство описать рукописи его собранія, а вслѣдъ затѣмъ, по настоянію канцлера, оставилъ казенную службу и перешелъ къ нему на службу наукѣ въ «богатѣйшій рудникъ древней русской словесности», какъ назвалъ самъ Востоковъ знаменитое собраніе рукописей канцлера. Съ 1824 года онъ принялся за ихъ описаніе. Черезъ два года, въ январѣ 1826-го, графъ Румянцовъ, разбитый параличемъ и совершенно лишенный слуха, скончался, но трудъ описанія рукописей продолжался по приглашенію брата и наслѣдника канцлера, графа Сергѣя Петровича Румянцова. Главная часть работы была уже готова, когда, въ исполненіе воли покойнаго и по ходатайству его брата, собранія книгъ, рукописей, древностей и рѣдкостей были открыты для общаго пользованія подъ названіемъ Румянцовскаго Музея, который до 1861 года помѣщался въ Петер-

бургѣ, въ домѣ его основателя. При учрежденіи Музея Востоковъ былъ назначенъ главнымъ его хранителемъ.

«Описаніе» Востокова было напечатано въ 1842 году по распоряженію министра народнаго просвѣщенія, графа Уварова, и составило огромный томъ въ 900 страницъ. Не даромъ покойный канцлеръ предрекалъ, что Востоковъ этимъ трудомъ «составитъ себѣ вѣчный памятникъ». Здѣсь описано около 500 рукописей самымъ обстоятельнымъ образомъ, но вмѣстѣ и въ возможно-сжатомъ изложеніи, съ означеніемъ не одного только содержанія, но и всего, что́ можетъ интересовать палеографа, археолога, историка, съ самыми точными выписками. «Послѣдствія этого изданія, говоритъ Срезневскій, не могли быть маловажны: съ этого только времени можно было начать основательную разработку древней русской литературы и вообще русскихъ древностей».

Черезъ годъ послѣ описанія румянцовскихъ рукописей, въ 1843-мъ, издано Востоковымъ Остромирово евангеліе, рукопись котораго, какъ извѣстно, писана была въ половинѣ XI столѣтія для новгородскаго посадника Остромира и найдена, по смерти Екатерины II, въ кабинетѣ императрицы. Императоръ Александръ Павловичъ подарилъ ее Публичной Библіотекѣ. Кому не извѣстно, какъ тщательно и съ какою богатою научною обстановкой сдѣлано изданіе этой драгоцѣнной рукописи?

Еще выше этихъ образцовыхъ изданій стоятъ словарные и грамматическіе труды Востокова. Первой работой его по лексикографіи, предпринятою въ 1808 году, т. е. въ самомъ началѣ эпохи перехода его отъ поэзіи къ наукѣ, былъ «этимологическій сравнительный словарь» славянскихъ нарѣчій и другихъ родственныхъ европейскихъ языковъ. Нѣсколько позже онъ приступилъ къ составленію «русскаго этимологическаго словаря». Оба эти труда остались неконченными въ бумагахъ Востокова и не были изданы. Но, дѣлая постоянно выписки изъ древнихъ памятниковъ, онъ не переставалъ готовить матеріалы для церковно-славянскаго словаря, который и былъ напечатанъ Академіею Наукъ въ послѣдній періодъ его жизни (1858 — 1861). Задолго до того, именно вскорѣ по образованіи II Отдѣленія Академіи, Востоковъ, по порученію его, приготовилъ къ печати второй томъ словаря «церковно-славянскаго и русскаго языка», вышедшаго въ 1847 году. Затѣмъ, около 50-хъ годовъ, онъ же,

по желанію сочленовъ, принялъ на себя редакцію областного словаря, который и былъ напечатанъ подъ его наблюденіемъ.

Почти одновременно съ первымъ словарнымъ опытомъ Востокова начались его изслѣдованія по русской грамматикѣ, замѣчательныя по своей основательности и новости выводовъ. Около 1830 года ему предложено было министерствомъ народнаго просвѣщенія заняться составленіемъ грамматики для учебныхъ заведеній этого вѣдомства. Въ 1831 появилась сперва его «Сокращенная русская грамматика», а позднѣе «Русская грамматика, полнѣе изложенная». Та и другая много лѣтъ служили обязательнымъ для училищъ министерства руководствомъ и пережили большое число изданій. По части церковно-славянской грамматики существуютъ также два труда Востокова. При Остромировомъ евангеліи помѣщены имъ правила, извлеченныя изъ этого памятника, а въ 1863 г., слѣдовательно менѣе чѣмъ за годъ до кончины маститаго филолога, издана II Отдѣленіемъ Академіи его «Грамматика церковно-славянскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго памятникамъ». Хотя этотъ послѣдній трудъ Востокова и явился не въ томъ обширномъ видѣ, какой онъ первоначально предполагалъ дать ему и какого ожидали, тѣмъ не менѣе онъ представляетъ неоспоримыя достоинства, особенно по своей исторической документальности. Нѣтъ надобности говорить, что всѣ грамматическія и лексикальныя работы Востокова отличаются тѣмъ превосходствомъ, какимъ запечатлѣно всякое произведеніе его проницательной мысли и глубокой учености. Однакожъ нельзя не согласиться съ замѣчаніемъ Срезневскаго, что въ грамматикахъ Востокова есть слабая сторона, объясняющаяся указанною выше чертою его характера и состоящая въ избѣжаніи всего, что по ходячимъ въ его время понятіямъ могло бы казаться слишкомъ новымъ, слишкомъ рѣзко противорѣчащимъ господствовавшимъ тогда взглядамъ рутинной грамматики.

Не касаясь здѣсь многочисленныхъ мелкихъ, но также не маловажныхъ изслѣдованій нашего академика, нельзя въ заключеніе пройти молчаніемъ его «Опыта о русскомъ стихосложеніи», напечатаннаго сперва (1812) въ «С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ» а потомъ (1817) изданнаго отдѣльною книгой. Здѣсь въ первый разъ систематически разсмотрѣно, какіе метрическіе размѣры примѣнимы къ русскому стиху при замѣнѣ долготы уда-

ренiемъ; особенно же ново и любопытно разсмотрѣнiе русскаго народнаго стиха въ пѣсняхъ и сказкахъ, при чемъ показаны существенныя его отличiя, смотря по большему или меньшему числу встрѣчающихся въ немъ ударяемыхъ слоговъ.

Собственно-филологическiя статьи Востокова были собраны Срезневскимъ и изданы въ 1873 году особо подъ названiемъ «Филологическихъ наблюденiй». Другимъ трудомъ, которымъ Срезневскiй почтилъ память знаменитаго товарища, было изданiе его ученой, въ высшей степени любопытной переписки съ гр. Румянцовымъ и другими близкими къ нимъ обоимъ лицами.

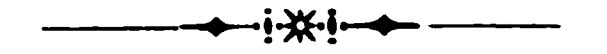
Во всѣхъ своихъ ученыхъ трудахъ Востоковъ отличался крайнею осмотрительностiю, избѣгая всякаго смѣлаго предположенiя или догадки, которая могла бы не оправдаться. Господствующими свойствами его были необыкновенная скромность, непритязательность и безкорыстiе. Какъ часто бываетъ, эти черты характера вредили ему въ житейскихъ дѣлахъ. Историкъ Россiйской Академiи, академикъ Сухомлиновъ, разсказываетъ между прочимъ: «Щедро награждая второстепенныхъ и третьестепенныхъ писателей, Академiя удѣляла Востокову самую скромную долю тѣхъ суммъ, которыми она имѣла право распоряжаться. Между тѣмъ какъ какой-то купецъ Ертовъ получилъ 1,000 руб. за изданiе своего труда и академикъ Лобановъ 5,000 на изданiе своихъ (плохихъ) стиховъ и трагедiй, а непремѣнному секретарю П. И. Соколову «за неутомимые труды и рвенiе» единовременно было выдано 13,000 руб., Востокову за его филологическiе труды присуждена та же самая награда, что и 14-ти лѣтней дѣвочкѣ Шаховой за ея дѣтскiя стихотворенiя, именно 500 рублей. Да и выдачею этихъ денегъ Востоковъ обязанъ былъ не своимъ научнымъ заслугамъ, а мелькнувшей надеждѣ избавиться отъ тяжкаго недостатка, которая однакожъ не оправдалась: 500 рублей были выданы «г. надворному совѣтнику Востокову единовременно изъ штатной суммы для уплаты врачу». Впослѣдствiи, впрочемъ, Россiйская Академiя щедрѣе помогала ему. Самою лестною наградой была для него неожиданная монаршая милость, оказанная ему въ 1854 году по поводу его 50-тилѣтняго юбилея, когда во время торжественнаго засѣданiя Академiи Наукъ 29-го декабря министръ народнаго просвѣщенiя Абр. Серг. Норовъ сошелъ съ своего мѣста и надѣлъ на него ленту Станислава 1-й степени. Всѣ присут-

ствовавшіе отнеслись съ восторгомъ и умиленіемъ къ этому торжеству скромнаго труженика».

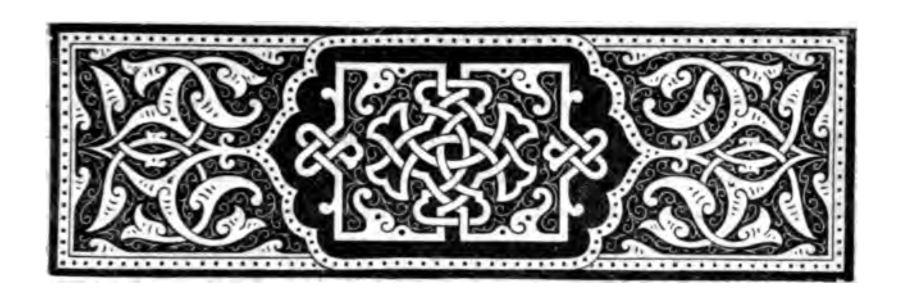
Поступивъ въ Академію вскорѣ послѣ этого, я засталъ Востокова уже 75-тилѣтнимъ старцемъ; онъ былъ средняго роста, довольно плотнаго сложенія съ массивной, убѣленной сѣдинами головой. Онъ прожилъ еще около десяти лѣтъ; я сидѣлъ противъ него, но почти никогда не слышалъ его голоса. Послѣднее время онъ ходилъ уже съ трудомъ и былъ почти слѣпъ, но все таки ѣздилъ въ засѣданія, при помощи проводника.

Востоковъ умеръ 8-го февраля 1864 г., за полторы недѣли до кончины тогдашняго президента Академіи, графа Блудова, который еще бесѣдовалъ со мною о необходимости обезпечить судьбу вдовы знаменитаго академика. Извѣстіе о смерти Востокова быстро распространилось по Петербургу [1]). Стеченіе людей на его отпѣваніи въ протестантской Петропавловской церкви и погребеніи на Волковомъ кладбищѣ было многочисленно по отношенію къ спеціальности трудовъ его и къ тѣсному кругу его знакомыхъ. Ближайшій товарищъ его по предмету занятій, академикъ Срезневскій, въ произнесенныхъ надъ его могилою прощальныхъ словахъ такъ опредѣлилъ значеніе утраты, понесенной въ немъ наукою: «Востоковъ, это нашъ Яковъ Гриммъ. Одновременно начали они оба свое дѣло важными открытіями, одновременно въ долгую жизнь трудились усердно, каждый для своего отечества, съ одинаково чистыми побужденіями, съ одинаковою требовательностію достоинства въ трудѣ, и оставили по себѣ одинаково цѣнные образцы для трудовъ послѣдователей. Давно, со времени кончины Карамзина, не раскрывалась могила въ землѣ русской для останковъ такого могучаго дѣятеля науки».

Я. Гротъ.



*) Только что онъ испустилъ послѣдній вздохъ, вдова его сообщила мнѣ печальное извѣстіе. Я поспѣшилъ на квартиру покойнаго (домъ акад. Савича въ 10-й линіи). Какъ теперь вижу его почтенную, еще не остывшую голову на высокой подушкѣ, на которой за полчаса окончилъ свою тихую, но плодотворную жизнь знаменитый труженикъ.—См. въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1864 г. № 33 «Некрологъ Востокова», составленный акад. Гротомъ, .. № 34-й, его же статью: «Похороны Востокова».



ТРИ МІРА АЗІЙСКО-ЕВРОПЕЙСКАГО МАТЕРИКА *

(ЗАКЛЮЧЕНІЕ).

Budućnost će biti dobra mati
Našem puku — već je kocka pala
Nieg've sreće — sama ćeš spoznati,
Kad razriešim tebi tajne ove:
Vidiš svuda po tih poljih cvati,
Ko da zemljom neba zviezde plove,
Množtvo cvieća različne liepote,
Za vrstima uviek vrsti nove,
A čim dalje, tim veće krasote
Pogled javlja udivljenom oku...
. . . .
Sve to cvieće to su sve radosti
Proniknule iz slavjanskog truda,
Al prie mnoge smrvit će se kosti,
Iztrunuti mnoga srca tuda,
Usahnuti mnogo krvi srodne,
Dok sadašnja Slavska zemlja huda
Pretvori se u te njive plodne!

P. Preradović.

Каковы же эти внутреннія и внѣшнія условія, необходимыя для выхода греко-славянскаго или славяно-греческаго міра изъ его во многихъ отношеніяхъ далеко непригляднаго настоящаго въ лучшее, свѣтлое будущее?

Въ самомъ дѣлѣ, кто изъ насъ, положа руку на сердце, можетъ, рѣшится сказать, что все въ нашемъ мірѣ обстоитъ благополучно и ничего особеннаго намъ не требуется? Напро-

*) См. Слав. Обозр. январь, стр. 19—41, февраль, стр. 145 — 172 и мартъ стр. 297—328.

тивъ, у грековъ, у румынъ, у всѣхъ славянъ на югѣ и западѣ, наконецъ въ Россіи, въ духовномъ просвѣщеніи, въ образованности, въ общежитіи, въ сферѣ государственной замѣчается такое множество грѣховъ, недостатковъ, прорѣхъ и изъяновъ, всяческихъ непорядковъ и недоразумѣній, что вообще и строго говоря нашъ міръ далеко еще не заслуживаетъ названій просвѣщеннаго, образованнаго, благоустроеннаго. Болѣе милліона мусульманъ имѣется въ самомъ славянствѣ, среди сербовъ и болгаръ, нѣсколько десятковъ тысячъ — среди грековъ, на островѣ Критѣ, не одна сотня тысячъ—среди албанцевъ. Какъ слабо еще утвердилось христіанство среди множества крещенныхъ инородцевъ нашихъ и какою еще нерѣдко вещественностью отличаются господствующія воззрѣнія на христіанство, на вѣру, на церковь какъ среди интеллигенціи, отъ церкви отвернувшейся, и ей преданной, такъ и въ милліонахъ простыхъ православныхъ людей, русскихъ, сербовъ, болгаръ, румынъ, грековъ, грузинъ, албанцевъ, сирійцевъ? Какъ сильно еще ультрамонтанство, какою еще властью и вліяніемъ обладаютъ іезуиты въ славянскихъ католическихъ земляхъ? Въ Австро-Венгріи, особенно въ Цислейтаніи, династія и центральное правительство видятъ въ іезуитахъ главную себѣ опору и оказываютъ имъ свое покровительство. Въ этомъ отношеніи противъ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія, когда у поляковъ видимъ— Конарскаго, Сташица, Красинскаго, Воронича, у чеховъ — Добровскаго, Прохазку, Гая и Гурдалека (оба епископа), Прохазку, Дуриха, Пухмира, Фесселя, Больцано, Камарита и пр. и пр., можно замѣтить не одинъ, а нѣсколько шаговъ назадъ. Какъ велика еще безграмотность среди большей части нашихъ народовъ? Какъ вообще еще мало у насъ школъ, но и гдѣ ихъ относительно много и гдѣ большею частью онѣ лучше заведены, какъ напр. у чеховъ, какъ дурно обезпечено сословіе учительское? Какъ вообще еще низко стоятъ наши школы, низшія, среднія и высшія? Какъ бѣдны еще литературы—народная, общеобразовательная и научная у насъ, русскихъ, у всѣхъ славянъ (за нѣкоторыми исключеніями, у иныхъ славянъ отдѣлъ народной литературы возбуждаетъ въ насъ справедливую зависть и долженъ бы для насъ, русскихъ, служить образцомъ), у румынъ, у грековъ? Какъ еще слабо у всѣхъ у насъ развито народное самосознаніе? Какъ еще мало мы знаемъ свое прошлое, на-

стоящее нашихъ странъ и народовъ и ихъ взаимныя отношенія, наши природныя богатства и какъ вообще слабо, за весьма немногими исключеніями, они у насъ разработываются? Какая еще въ огромнѣйшей части нашего міра господствуетъ смертность дѣтей, какая безпомощность противъ частыхъ всякаго рода повальныхъ болѣзней на людей и на скотъ, какія ежегодно почти происходятъ потери народныхъ силъ и имуществъ отъ пьянства, пожаровъ, саранчи, сусликовъ, филоксеры, отъ дикаго истребленія лѣсовъ, отъ засухъ и голодовокъ, разливовъ и обмеленія рѣкъ, отъ бездорожья и всяческихъ безпорядковъ на нашихъ земляныхъ и водяныхъ путяхъ сообщеній, столь дорого стоющихъ государствамъ и народамъ? Гдѣ такая дорогая администрація съ такимъ множествомъ неспособныхъ, несвѣдущихъ и недобросовѣстныхъ исполнителей и всякаго рода пустыхъ формальностей, что̀ задерживаютъ ходъ всякаго дѣла и не избавляютъ часто ни отъ какихъ злоупотребленій, гдѣ, какъ не въ нашемъ же мірѣ, будь то въ конституціонныхъ (Венгрія, Румынія, Греція, Сербія) или неконституціонныхъ государствахъ?

Къ числу крупныхъ историческихъ событій XIX в., въ нашемъ греко-славянскомъ мірѣ, принадлежитъ освобожденіе двухъ единовѣрныхъ и двухъ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ Россіи народовъ и образованіе пяти государствъ, изъ коихъ одно не вполнѣ независимое (Болгарія), королевствъ: греческаго, румынскаго, сербскаго, княжествъ: черногорскаго и болгарскаго. Вліятельное участіе Россіи въ этихъ событіяхъ слишкомъ извѣстно.

Менѣе замѣтно, но немалозначительно было ея вліяніе, хотя и нѣсколько безсознательное, на выдѣленіе въ 1867 году Венгріи съ Хорватіею и Славоніею почти въ самостоятельное государство. Правительству австрійскому не осталось безъизвѣстнымъ, какъ различны были отношенія въ 1849 г. венгерской революціонной арміи и огромнаго большинства венгерскаго населенія къ русской и австрійской арміи, къ русскимъ и австрійскимъ властямъ. О тогдашнихъ, добрыхъ, сочувственныхъ отношеніяхъ мадьяръ къ русскимъ и о надеждахъ мадьярскихъ на Россію мы имѣемъ достовѣрныя свидѣтельства какъ мадьярскихъ (недавно изданныя записки Гёргея), такъ и русскихъ участниковъ кампаніи 1849 г. Этотъ фактъ одинаково выступаетъ и въ устныхъ разсказахъ русскихъ военныхъ людей и

многихъ венгерцевъ, любящихъ объ этомъ вспоминать въ бесѣдахъ съ русскими туристами, посѣщающими Венгрію или встрѣчающимися съ венгерцами на чужбинѣ. Въ Австріи, особенно въ Вѣнѣ, хорошо извѣстно, какъ тогда и раньше и позже относились къ Россіи и къ русскимъ румыны въ Трансильваніи и восточной Венгріи, русскіе и словаки въ сѣверной, сербы и хорваты въ южной Венгріи. Въ Вѣнѣ хорошо помнили и знаютъ объ отношеніяхъ къ Россіи большинства венгерскаго населенія, не только румынскаго и славянскаго, но и мадьярскаго, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, когда въ Венгріи супругу палатина Іосифа, Александру Павловну, громко величали королевою венгерскою, что̀ и возбудило къ ней въ Вѣнѣ глубокую ненависть и было причиною страданій и преждевременной смерти этой несчастной молодой женщины. Исторія русская, венгерская и австрійская хранитъ память и о тайныхъ сношеніяхъ князя Ракоція съ Петромъ В., когда князь посылалъ къ Петру венгерско-русскаго мукачевскаго епископа, для переговоровъ о поступленіи подъ верховное покровительство русскаго царя [1]).

Послѣ Вилагоша Австрія стала серьезно опасаться русскаго вліянія въ Венгріи, не на однихъ румынъ и сербовъ, или русскихъ, словаковъ и хорватовъ, но и на мадьяръ. Вслѣдствіе поведенія Австріи въ крымскую войну, отношенія къ ней рус-

---

[1]) См. Памятники новой русской ист. изд. Кашпирева. Спб. 1872, т. II, с. 47—67 нашу статью «Пребываніе вел. княг. Александры Павловны въ Угріи» (1799—1801). О сношеніяхъ Фр. Ракоци съ Петромъ см. Fiedler, Actenstücke zur Gesch. Fr. Rak.—въ Font. rer. Austr. pag. IX—XVII, Соловьева—Ист. Россіи, XV с. 210 и сл. Воспоминанія о Венг. пох. 1849 г. А. М. Фатѣева—Русск. Бес. 1858, г. Л. въ въ Москвитян. 1856. По поводу выхода записокъ Гёргея, Pest. Loyd высказалъ слѣд. «Русскіе во всемъ этомъ дѣлѣ вели себя такъ благодушно, что они вызывали все, только не чувство мщенія. Кошутъ такъ мало чувствовалъ страху передъ русскими, что онъ думалъ даже предложить венгерскую корону Царю, а венгерскіе офицеры совершенно не шутя помышляли о поступленіи на службу въ русскую армію, и австрійское правительство дѣлало серьезныя представленія Паскевичу по поводу братанья русскихъ и венгерскихъ офицеровъ. Если въ это время поднималась въ Венгріи злоба, то исключительно противъ Гаупау, отдававшаго подъ судъ генераловъ, не только положившихъ оружіе передъ русскими, но и передавшихся ему самому. Если въ Венгріи и эта злоба давно уже угасла, то мадьярская ненависть къ русскимъ изъ-за Вилагоша должна быть отнесена въ область чистѣйшихъ басенъ. Представленіе матеріала для опроверженія этой басни составляетъ заслугу труда Стефана Гёргея (Слав. Изв. 1888 № 2. С. 101)».

скаго кабинета послѣ парижскаго мира, естественно, не могли быть дружелюбны. При всемъ нейтралитетѣ Россіи въ франко-австрійскую и прусско-австрійскую войны, русское государство явно, недвусмысленно благопріятствовало Франціи, Пьемонту и Пруссіи и тѣмъ не мало содѣйствовало пораженіямъ Австріи при Сольферино, Садовой и Кенигсгрецѣ. Значительно въ то время освобожденная, русская печать, на которую уже начали обращать вниманіе и за границею, принимала живѣйшее участіе въ наступившей, послѣ Виллафранкскаго мира, борьбѣ Венгріи съ Вѣною за автономію и историческое право. Наша печать громко и рѣшительно высказывала тогда свое сочувствіе мадьярамъ и ихъ вождямъ Деаку .и Этвешу. Такое сочувственное отношеніе Россіи, общества и правительства, къ Венгріи оказало въ то время немалое вліяніе и давленіе на Вѣну. Она была принуждена 25 лѣтъ назадъ заключить наконецъ договоръ съ Венгріею, принявъ начало дуализма и раздѣливъ прежнюю Австрійскую имперію на двѣ части: на Цислейтанію и Транслейтанію, въ надеждѣ наконецъ успокоить недовольныхъ, враждебно-настроенныхъ венгерцевъ и хорватовъ, дабы, вновь привязавъ ихъ къ себѣ, сохранить за собою земли венгерской короны, на усмиреніе коихъ, въ случаѣ новаго возстанія, у Австріи разбитой французами и пруссаками своихъ силъ не хватало, а на вторичную помощь русскую нельзя ужъ было разсчитывать.

Такъ, невозможно отрицать значительной доли вліянія Россіи на образованіе нынѣшней венгерской самостоятельности. Въ то время мадьяры, въ лицѣ Деака и Этвеша, вполнѣ кажется искренно желали удовлетворить справедливыя требованія румынъ, сербовъ и другихъ славянскихъ народностей Венгріи. Мадьярамъ вѣрило большинство венгерскихъ славянъ, не могли не вѣрить и мы, русскіе. Къ сожалѣнью, мадьяры не оправдали этихъ надеждъ; законъ о народностяхъ остался мертвою буквою. Мадьяры не обнаружили нужной выдержки и самообладанія, не выказали достаточнаго политическаго смысла. Вѣна, дворъ, армія, большинство Цислейтаніи никогда не могли искренно примириться съ этимъ почти насильно вырваннымъ у нихъ дуализмомъ. Теперь она можетъ быть довольна зарвавшимися мадьярами, возбудившими противъ себя всеобщее недовольство, вражду въ румынскомъ, славянскомъ и нѣмецкомъ населеніи Венгріи. Раздраженныя, сплачиваемыя гнетомъ мадьярскаго

шовинизма, ея народности уже начинают обращаться къ королю-императору съ ходатайствами о высочайшей защитѣ ихъ отъ мадьяръ. Дурное финансовое состояніе (слишкомъ полтора милліарда гульд. долгу), экономическое раззореніе и положительно скверная администрація, которую сами мадьяры всѣхъ партій единодушно называютъ невозможною,—азіатскою, приготовятъ наконецъ Венгрію къ тому психологическому моменту, когда ея король, онъ же австрійскій, цислейтанскій императоръ, верховный вождь всей австро-венгерской арміи, при сильной поддержкѣ всей почти Цислейтаніи и всѣхъ не-мадьяръ транслейтанскихъ, объявится вынужденнымъ выступить на защиту обижаемыхъ народностей Венгріи. Въ мадьярахъ не мало добраго и сочувственнаго; мы первые станемъ скорбѣть о потерѣ венгерской автономіи, но конечно мы, русскіе, не можемъ сочувствовать и радоваться замышляемому мадьярскими фанатиками полному омадьяренію нашихъ русскихъ, прочихъ славянскихъ братьевъ и нашихъ единовѣрцевъ—румынъ. Нынѣшнія отношенія Транслейтаніи къ Цислейтаніи имѣютъ характеръ переходный. Они должны повести или къ старому подчиненію Венгерцевъ Вѣнѣ или къ совершенному ихъ отторженію отъ послѣдней. Первое нужно австрійскому и католическому германизму, династіи, которая никогда не покинетъ мысли о великой, назначаемой ей католицизмомъ, роли въ Германіи и для того нуждается въ сильной арміи и болѣе централизованной администраціи въ своей монархіи. Все, что̀ теперь творится въ Германіи, только поддерживаетъ и разжигаетъ эти надежды древней гордой нѣмецкой династіи. Она не можетъ примириться съ постыднымъ ея изгнаніемъ изъ Германіи, гдѣ у нея столько единовѣрцевъ, друзей и союзниковъ, непрестанно по ней вздыхающихъ: партія центра въ Германіи и все, что̀ въ ней не терпитъ Пруссіи. Второе кажется не нежелательно и всѣмъ народностямъ Венгріи, развѣ за исключеніемъ нѣмецкой; но саксы трансильванскіе живутъ слишкомъ далеко, а прочіе нѣмцы слишкомъ разсѣянно, нескученно. Понятно, зарываясь въ своемъ шовинизмѣ, мадьяры заставляютъ румынъ и славянъ венгерскихъ, въ видахъ собственной безопасности, желать теперь возможно большаго сокращенія венгерской автономіи. Появленіе между мадьярами такого справедливаго, благороднаго, политическаго дѣятеля, какъ Мочари, внушаетъ впрочемъ надежду, что мадьяры сознаютъ свою вину и поймутъ наконецъ, кому они играютъ въ

руку своими смѣшными, невыполнимыми притязаніями и жестокими отношеніями къ своимъ инороднымъ *согражданамъ*, а не рабамъ, не илотамъ. Мадьярская народность сама по себѣ своеобразна, даровита, имѣетъ относительно говоря уже довольно богатую исторію и литературу: нѣтъ никакого основанія опасаться за ея будущее. Нѣкоторые славянскіе народолюбцы, въ минуты вызваннаго мадьярскими шовинистами негодованія и отчаянія, выражались правда, что мадьяры рано или поздно должны потонуть въ славянскомъ морѣ. Это пророчество осуществимо конечно, но лишь при извѣстной катастрофѣ, накликанной и навлеченной самими же мадьярами. Но такое событіе вовсе нежелательно, совершенно не въ интересахъ всего греко-славянскаго міра. Для будущей его цивилизаціи, для ея полноты, богатства и наидольшаго будущаго желательны сочность и разнообразіе. Внутри нашего міра уже явились въ нашъ вѣкъ, на югъ и на сѣверъ отъ Дуная, отдѣльные національно-политическіе организмы; за ними Богъ дастъ въ ближайшія десятилѣтія послѣдуютъ и возникнутъ еще новые изъ народовъ, нѣкогда имѣвшихъ, подобно Венгріи, свою самостоятельную исторію. Государства эти пали отъ неумѣнья совладать съ непосильными для ихъ народовъ задачами, а никакого великаго, срoднаго и доброжелательнаго имъ государства, какъ бы ихъ оплота и защиты—застои за ними въ то время не стояло. Но народности эти сохранились и могутъ уже найти себѣ болѣе для нихъ удобныя политическія организаціи. Пусть славянство въ нашемъ мірѣ преобладаетъ, но оно само распадается на нѣсколько разновидностей, исчезновеніе ихъ отнюдь нежелательно; въ нашемъ мірѣ имѣютъ свое опредѣленное мѣсто, свое призванье и разныя еще другія племена и народности, какъ греки, албанцы, румыны, мадьяры..., ихъ сохраненіе и развитіе въ ихъ собственныхъ предѣлахъ точно также—дѣло желанное, необходимое.

Вліяніе Россіи сказалось и сказывается и на другихъ внутреннихъ дѣлахъ Австро-Венгріи, хотя оно совершалось и совершается почти совершенно безсознательно, не только помимо, но и часто вопреки всѣмъ желаніямъ и намѣреніямъ русской политики и большинства русской интеллигенціи. Можно даже сказать, огромное большинство русскаго общества и нашихъ дѣятелей практической политики не признаетъ этого вліянія, вполнѣ искренно его отрицаетъ. Тѣмъ не менѣе признать его необ-

ходимо, не видѣть его—было бы намѣреннымъ, жалкимъ ослѣпленіемъ, не пользоваться, когда понадобится, вліяніемъ пріобрѣтеннымъ и рости имѣющимъ—просто безразсудно.

Нынѣшнее славянское движеніе въ Австро-Венгріи, и особенно въ Цислейтаніи (о Транслейтаніи мы уже говорили), имѣетъ цѣлью — достичь извѣстной національно-политической автономіи сверженіемъ съ себя нѣмецкой централизаціи и преобразованіемъ или разложеніемъ австрійской монархіи на отдѣльныя группы возможно болѣе самостоятельныхъ земель и народностей. Такъ чехи добиваются отъ Вѣны и династіи признанія историческихъ правъ чешскаго королевства (Чехія, Моравія, Силезія),—словѣнцы стремятся къ образованію отдѣльной автономной области и къ присоединенію къ Крайнѣ и Истріи словѣнскихъ частей Стиріи, Хорутаніи (Каринтіи), Горицкаго графства,—Далматія сѣверная, хорватская хочетъ присоединиться къ хорватскому королевству, южная, сербская—кажется больше мечтаетъ о соединеніи съ княжествомъ черногорскимъ, съ освобожденною отъ Австріи Босніею и Герцеговиною,—Галиція западная въ лицѣ польскаго дворянства и духовенства стремится ополячить Галицію русскую (восточную), мнитъ себя ядромъ будущаго королевства польскаго чуть не отъ моря до моря,—русскіе въ Галичинѣ желаютъ раздѣленія Галиціи на западную, польскую съ административнымъ и національнымъ центромъ—Краковомъ и на восточную, русскую со Львовомъ; далѣе они хотятъ административнаго соединенія съ русскою половиною Буковины (другая ея половина, меньшая, румынская). Всѣ эти стремленія и планы славянъ цислейтанскихъ еще очень далеки отъ своего осуществленія; несмотря однако на постоянное имъ противудѣйствіе,—одни лишь польскіе планы Вѣною поддерживаются и подогрѣваются,—со стороны нѣмецкаго населенія Цислейтаніи и династіи, требованія славянъ цислейтанскихъ, ихъ настроенія по отношенію къ Вѣнѣ становятся смѣлѣе и рѣшительнѣе. Не таковы они были лѣтъ десять назадъ. Еще слабѣе, покорнѣе и мягче были славяне цислейтанскіе до введенія дуализма, до автономіи Венгріи, до изгнанія Австріи изъ германскаго Союза. Это изгнаніе помогло Бисмарку образовать германскую имперію съ Пруссіею во главѣ, страшно подняло національное сознаніе и самомнѣніе германскихъ нѣмцевъ. Но позорное изгнаніе Австріи изъ Германіи подѣйствовало ошеломляющимъ образомъ на австрій-

скихъ нѣмцевъ и на ихъ старую гордую династію. Эти нѣмцы вмѣстѣ съ своими Бабенбергами и Габсбургами были въ теченіи вѣковъ важнымъ, крупнымъ факторомъ въ общей нѣмецкой жизни, образованности. Выброшенные вонъ изъ Германіи, они испытали ударъ непоправимый. Расколовши себя на Цис- и Транслейтанію, Австрія выдала 2 милліона своихъ нѣмцевъ въ полное распоряженіе мадьяръ. Часть австрійскихъ нѣмцевъ стала, пожалуй не менѣе нашихъ остзейцевъ, горячими поклонниками Пруссіи, другая же ихъ часть, строго-католическая, крѣпко преданная династіи, еще пуще прежняго возненавидѣла Пруссію за оскорбленіе, нанесенное ихъ императору, бывшему главою германскаго Союза, за борьбу начатую вскорѣ Бисмаркомъ съ папою, за то наконецъ, что этотъ же продолжатель прусской, столь враждебной Австріи, политики Фридриха II порвалъ разомъ всѣ стародавнія нити, связывавшія австрійскихъ нѣмцевъ въ одно цѣлое съ милліонами германскихъ католиковъ. Словомъ и австрійскіе нѣмцы и ихъ національная династія были совершенно выбиты изъ своей исторической колеи. Дабы отвлечь Австрію отъ католической Германіи дабы ее занять и затѣмъ вѣчно ссорить съ Россіею, выступая, когда понадобится, посредникомъ и маклеромъ той и другой, онъ направилъ взоры Австріи и ея династіи на Балканскій полуостровъ. Растерянная, въ поискахъ за новыми направленіями въ своей политикѣ, пугаясь слишкомъ сильно заявляемыхъ частью своихъ нѣмцевъ симпатій прусскихъ, Вѣна стала заигрывать со славянами, сдала мало по малу всю Галицію въ руки поляковъ и тѣмъ довела червоно-русскій народъ до самосознанія, вовсе для Австріи невыгоднаго, принуждена была сдѣлать не великія въ сущности, но прежде немыслимыя уступки словѣнцамъ и чехамъ и казалось уже совсѣмъ было поладила черезъ старо-чеховъ съ Чехіею, какъ чешскій народъ лишилъ эту партію своего довѣрія и выслалъ въ парламентъ младо-чеховъ, заговорившихъ съ Вѣною языкомъ, не слыханнымъ отъ чеховъ никѣмъ изъ преемниковъ Фердинанда II.

Это славянское движеніе въ нынѣшней Австріи не слабѣетъ, а разрастается. Оно ведетъ свое начало отъ возрожденія совершенно было раздавленныхъ Габсбургами и іезуитами, въ первой четверти XVII вѣка, народностей. Онѣ начали понемногу подыматься, съ появленіемъ на сѣверо-востокѣ колосальной фигуры

Петра В. Его неустанная дѣятельность, энергія, побѣда Полтавская, его поѣздки по Европѣ, пріѣзды въ Прагу, въ Вѣну, сношенія съ волохами, греками, мадьярами, православными и католическими славянами Турціи, венеціанской республики и габсбургской монархіи возбуждали сильное подозрѣніе и опасенія въ венеціанскомъ правительствѣ и въ вѣнскомъ дворѣ [1]): среди сербовъ-лужичанъ (Бранцель), среди чеховъ (Голларъ), далматинцевъ, хорватовъ (Каваньинъ), сербовъ, среди румынъ, грековъ, мадьяръ Петръ имѣлъ уже восторженныхъ почитателей. Они привѣтствовали въ немъ не просто великаго человѣка или государя, а великаго царя славянскаго, домина императора, василевса христіанскаго, главу новой восточной имперіи, вождя греко-славянскаго міра, чаявшаго свободы и новой политической, мѣстной и общей, союзной организаціи. Исчезло отчаянье, явились надежды, униженные, забитые турками, латинами, нѣмцами греки, волохи, славяне, мадьяры почуяли и завидѣли прибывавшую имъ громадную силу: „возставитъ вольность многихъ странъ“, по прекрасному, чисто пророческому выраженію Ломоносова о Россіи.

Неоднократныя появленія и стоянки русскихъ войскъ въ славянскихъ земляхъ Австрійской монархіи въ прошломъ и въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія имѣли, никѣмъ непредвидѣнное, но огромное, возбуждающее вліяніе на совсѣмъ было заснувшія и примирившіяся, съ приготовленною имъ долею нѣ-

---

[1]) Графъ Шенборнъ писалъ графу Волькрѣ въ Лондонъ 25 апр. 1717 г., что Веселовскій (русск. резид. въ Вѣнѣ) требуетъ у министровъ отвѣта неотступно (о пребываніи укрытаго императоромъ Карломъ VI царевича) и что „царь будетъ искать и требовать своего сына вооруженною рукою, ожидая всего отъ его рѣшительности (genio), цесарь приказываетъ спросить короля Англійскаго, „будетъ ли онъ защищать принца?“ Тотъ же тому же Волькрѣ писалъ въ Лондонъ 28 апр. 1717 г.: „Не надо давать знать двору англійскому, *что мы очень боимся царя*“. (Устряловъ. И. П. В. VI. Прил. 376—377). „Царь, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, можетъ съ многочисленными войсками, расположенными въ Польшѣ по Силезской границѣ, вступить въ герцогство и тамъ остаться до выдачи его сына; *а по своему характеру, онъ можетъ ворваться и въ Богемію, гдѣ волнующаяся чернь легко къ нему пристанетъ*. Необходимо какъ можно скорѣе найдти средство къ отпору, особенно заключеніемъ союза съ корол. Англійскимъ. Наконецъ не надо терять ни минуты въ бездѣйствіи“. (Устрял. И. П. В. VI, 392. Протоколы Вѣнск. конференціи министровъ 18(7) авг. 1717 г. по письму Петра отъ 10 іюля списаны Устряловымъ въ Вѣнскомъ Тайн. Архивѣ)...

мецкихъ илотовъ, населенія. Особенно важное значеніе имѣлъ проходъ черезъ Австрію чудо-богатырей Суворова. Одинъ изъ первыхъ дѣятелей новаго возрожденія словѣнцевъ, Валентинъ Водникъ горячо привѣтствовалъ русскія войска, проходившія черезъ его родину въ Италію. Въ своемъ журналѣ *Люблянске Новице* (1797—1800 г.) онъ писалъ въ 1799 г. слѣд.: «Вотъ важная для насъ, краинцевъ, новость! Русы, наши старые братья, посѣтили насъ. Они идутъ защищать насъ отъ непріятеля. Полторы тысячи лѣтъ назадъ первые словѣнцы пришли въ наши края; они были изъ рода русовъ и другихъ словѣнцевъ. Оттого мы такъ легко и понимаемъ русскій языкъ. Они словѣнцы по преимуществу, они корень, отъ котораго пошли наши отцы. Они далеко поселились за Дунаемъ, пока самый крайній родъ не дошелъ до предѣловъ Италіи, тутъ поселились и назвали свою страну Крайною. *Теперь мы видимъ своими глазами, какихъ могучихъ и великихъ братьевъ мы имѣемъ на свѣтѣ. Они сохранили нашъ языкъ въ совершенной чистотѣ. Къ нимъ должны мы приближаться, если хотимъ очистить нашъ языкъ. И у нихъ мы должны учиться, какъ надо защищать родину отъ врага*». Затѣмъ Водникъ перечисляетъ русскіе полки.

Въ другомъ мѣстѣ Водникъ объяснялъ своимъ читателямъ, что краинцы одна вѣтвь великаго славянскаго народа, который простирается отъ Адріатическаго до Ледовитаго моря, отъ Чехіи до Камчатки, — что для познанія значенія различныхъ мѣстныхъ именъ въ Крайнѣ нужно знать *московитарскій языкъ*. «Краинскій языкъ наиболѣе подобенъ *московитарскому*, болѣе, чѣмъ всѣмъ другимъ славянскимъ языкамъ. Московитари т. е. русскіе, много словъ сохранили, которыя нами позабыты или вышли у насъ изъ употребленія». Его землякъ, Лингартъ († 1795), въ предисловіи ко 2 т. своей Исторіи Крайны, высказалъ между прочимъ слѣд.: «Славянское племя, занимая бо́льшую половину Европы, заслуживаетъ глубокаго вниманія историковъ, мыслителей и государственныхъ людей. Между народами Австріи славяне численно и матеріально преобладаютъ. Если бы въ государствовѣдѣніи было принято именовать сумму соединеннаго населенія, на которомъ почіетъ величіе государства, по наибольшей однородной силѣ, то *Австрію слѣдовало бы называть такимъ же славянскимъ государствомъ, какова Россія*. Дабы убѣдиться въ этомъ, довольно пробѣжать взоромъ земли

отъ Адріатическаго моря до Венгріи, Галиціи, Силезіи, Моравіи и Чехіи, потомъ сосчитать славянъ и поразмыслить, что̀ они составляютъ для Австріи и чѣмъ бы они могли быть» [1]).

Это сознаніе принадлежности каждой изъ малыхъ славянскихъ народностей Австріи къ одному племени, къ одному типу, къ одному міру съ русскимъ народомъ, съ Россіею, великою и единственною тогда славянскою державою, вноситъ отнынѣ радость и утѣшеніе въ душу немногихъ одинокихъ тружениковъ, взявшихся за тяжелый трудъ пробужденія и воспитанія своихъ усыпленныхъ и униженныхъ долгимъ рабствомъ народовъ. Сосчитывая число славянъ въ Австріи и соображая географическое положеніе ихъ земель, эти первые труженики высказываютъ: если вѣрно, что сила и характеръ государствъ зависитъ отъ численности и свойствъ преобладающихъ въ нихъ народовъ, то Австрія есть или собственно говоря должна быть, должна стать такимъ же славянскимъ государствомъ, какова Россія; австрійскій императоръ былъ въ то время еще германскимъ императоромъ, а затѣмъ долго, до 1868 г., главою германскаго союза. Желаніе видѣть Австрію государствомъ славянскимъ подразумѣвательно заключало въ себѣ имѣвшее развиться въ славянахъ австрійскихъ стремленіе оторвать Австрію отъ Германіи и возможно тѣснѣе сблизить ее или просто самимъ сблизиться съ Россіею.

Такимъ образомъ съ пробужденіемъ славянскихъ народностей Австріи, съ развитіемъ ихъ мѣстныхъ словесностей должно было рости въ нихъ стремленіе ко взаимному познанію и сближенію ихъ внутри Австріи, а вмѣстѣ и къ наибольшему ознакомленію съ русскимъ языкомъ, литературою, къ сближенію съ русскимъ народомъ, съ Россіею.

Въ 1830-хъ годахъ словакъ Янъ Коларъ развиваетъ ученіе свое о славянской взаимности и подробно излагаетъ программу дальнѣйшей дѣятельности какъ для австрійскихъ, такъ и для прочихъ славянъ въ этомъ направленіи. Въ своихъ сонетахъ Slavy dcera Коларъ уже требуетъ не только взаимности, но и единенія всѣхъ славянъ.

Стократе семъ млувилъ, тедь ужъ кричимъ

---

[1]) Linhart, Ant. Versuch ein. Geschichte v. Krain. Laibach. 1791. II, Vorrede.

Къ вамъ, о роскидани Славове,
Будьме цѣлекъ, а не дробтове,
Будьме аребъ вшецко, аребъ ничимъ.

«Сто разъ я говорилъ, теперь уже кричу вамъ, раскиданные славяне! Будемъ цѣлое, а не куски. будемъ всѣмъ или ничѣмъ».

Въ другомъ смыслѣ Коларъ представлялъ себѣ цѣлое славянство въ видѣ статуи:

«Россію я бы вылилъ ей въ голову, тѣломъ бы въ ней были ляхи, плечами и руками Чехію, Сербію бы я раздѣлилъ на двѣ ноги. Меньшія вѣтви, виндовъ (словинцевъ), лужичанъ, хорватовъ, слезаковъ, словаковъ растопилъ бы я въ одежду и оружье. Передъ этимъ истуканомъ вся Европа могла бы пасть на колѣни, и сама выше облаковъ, однимъ шагомъ она поколебала бы землю».

Внѣшнее могущество Россіи, представляемое въ Европѣ какимъ то пугаломъ и страшилищемъ, радовало славянъ: не имѣя вовсе или лишенные своихъ государствъ, порабощенные Германіею, объявляемые нѣмцами за низшую, служебную расу, они не могли не дорожить внѣшнею государственною силою единственнаго народа славянскаго. Даровитый чешскій публицистъ Гавличекъ, жившій въ Россіи, знавшій ея хорошія и дурныя стороны, говорилъ въ нач. 50-хъ годовъ: «Что вы насъ, нѣмцы, стращаете русскимъ кнутомъ (russische Knute); для насъ, славянъ, онъ предпочтительнѣе и лучше вашей нѣмецкой свободы»;—«вы насъ, нѣмцы, называете пѣвцами и флейтистами. Да, мы, славяне въ Австріи, все еще пока бѣдные пѣвцы и флейтисты, но у насъ есть богатый дядюшка, онъ играетъ на контръ-басѣ и такую творитъ музыку въ Европѣ, что часто всѣхъ заглушаетъ. Еще недавно басъ его игралъ очень любезно (венгерская кампанія 1849 г.) и безъ него вѣроятно прежнее Miserere не перешло бы въ нынѣшнее Te deum laudamus. Изъ этого можно заключить, что дядюшка нашъ смыслитъ въ политикѣ, а такъ какъ онъ тоже славянинъ, то... quod erat demonstrandum». Въ другой разъ, оставивъ свой шутливый тонъ, Гавличекъ замѣчалъ объ Австріи, что ея цѣлость и сохраненіе не нужны ни нѣмцамъ, ни мадьярамъ, ни итальянцамъ, ни румынамъ. Для нихъ было бы даже лучше, если бы Австрія распалась. Только славяне, прибавилъ онъ, не имѣютъ такой перспективы. «Если бы Россія была державою свободною, то и славяне австрійскіе подобно нѣмцамъ и италян-

цамъ могли бы стремиться къ соединенію со своими соплеменниками, чтобы составить одинъ великій народъ и, образовавъ громадную славянскую державу, занимать первѣйшее мѣсто между всѣми народами міра". Это писалъ Гавличекъ въ 1849 г. Около же этого времени, болѣе его глубокій, свыше вдохновенный, самоотверженный, геніальный словакъ Людевитъ Штуръ написалъ свое знаменитое посланіе: „Славянство и міръ будущаго", ставшее извѣстнымъ свѣту въ русскомъ лишь переводѣ въ 1867 г. Здѣсь онъ прямо высказывается, какъ позже Данилевскій (Европа и Россія), противъ необходимости Австріи и вмѣстѣ противъ непосредственнаго присоединенія къ Россіи западныхъ славянъ, но за образованіе союза съ нею (федераціи) всѣхъ малыхъ славянскихъ народностей, съ сохраненіемъ ихъ внутренней политической самостоятельности.

Извѣстное мнѣніе Палацкаго, высказанное имъ въ 1848 г., о необходимости для славянъ австрійскихъ Австріи, какъ оплота съ одной стороны противъ Германіи, съ другой противъ Россіи, было въ послѣдствіи времени значительно измѣнено самимъ же Палацкимъ.

Въ 1864 г., по поводу словъ Шмерлинга и Этвеша о собраніи во Франкфуртѣ, въ органѣ Палацкаго, газ. „Народъ" было сказано: „Если нѣмцамъ въ Австріи позволительно толковать объ общенѣмецкомъ парламентѣ во Франкфуртѣ, то никто намъ не запретитъ повести рѣчь о русскомъ парламентѣ всѣхъ славянскихъ народностей". (Narod, 1864, № 262). Въ своемъ Doslov'ѣ (1872 г.) Палацкій писалъ: «Историческія событія съ 1848 по 1866 г. очевидно доказали, что какъ вообще у славянъ австрійскихъ, такъ у чеховъ въ особенности, идея федеративнаго ихъ соединенія подъ наслѣдственною властью укоренилась въ мысляхъ всего народа такъ глубоко, что къ осуществленію и сохраненію ея они охотно принесутъ всякаго рода тяжелыя жертвы. Не знаю, будутъ ли еще всегда къ тому готовы и послѣ паденія системы Гогенвартовой (подъ чужимъ внушеніемъ); я почти въ этомъ сомнѣваюсь. По крайней мѣрѣ, послѣ стольких обманутыхъ надеждъ, при ежедневно ростущихъ преслѣдованьяхъ, было бы противуестественно, если бы все еще желали помогать исконнымъ своимъ угнетателямъ вылѣзать изъ бѣды, въ которую они скоро падутъ; въ этомъ я достаточно убѣжденъ. *Я сказалъ, что не вѣрю въ великое (walné—общее, широкое) будущее Австріи,*

особенно съ той поры, какъ нѣмцы и мадьяры создали изъ нея грубую племенную деспотію: въ такомъ случаѣ вопросъ, что вообще будетъ со славянами, до сего времени австрійскими, и особенно съ чехами, не лишенъ въ этомъ отношеніи важности. Не пускаясь во всякаго рода возможности, коихъ никому изъ смертныхъ нельзя предвидѣть, съ полнымъ убѣжденіемъ скажу только, что чехи, какъ народъ, подпади они въ совершенное подчиненіе или подданство русскаго или прусскаго государства, никогда бы не были довольны своею судьбой. Они бы никогда не забыли, что, по исконному праву, они имѣютъ быть подданными лишь самимъ себѣ, т. е. своему собственному правительству, своему собственному государю. Прусаковъ, за ихъ германизаціонную фурію, они могли бы считать лишь за главныхъ непріятелей и враговъ своей народности. Что же касается русскихъ, то было бы совершенно наоборотъ. Имъ, какъ единокровнымъ родичамъ, друзьямъ и пособникамъ своимъ, чехи стали бы наивѣрнѣйшими, не подданными, но союзниками, а когда бы понадобилось, и передовымъ ихъ полкомъ (авангардомъ, předvoji) *въ Европѣ*».

Кто же изъ русскихъ людей можетъ и станетъ когда либо ожидать и желать отъ чеховъ чего либо иного, чего нибудь большаго? Такъ теоретически чешскій вопросъ можетъ считаться вполнѣ разрѣшеннымъ, лишь бы только чехи такъ всегда думали. Къ сожалѣнью и послѣ 1870 и послѣ 1879 г., а не только послѣ 1867 г., разные чехи тамъ и сямъ повторяютъ еще фразу Палацкаго (1848 г.) о необходимости Австріи, какъ оплота противъ Россіи, что̀ заставляетъ русскихъ считать чеховъ австрійскими патріотами. Австрійскій же патріотизмъ не вяжется со славянствомъ въ головахъ и сердцахъ не только русскихъ, но и славянъ транслейтанскихъ, свободныхъ болгаръ, сербовъ, и несвободныхъ сербовъ Босніи и Герцоговины.

Когда на торжественномъ пріемѣ въ Бѣловарѣ австрійскій императоръ и венгерскій король далъ рѣзкій выговоръ епископу Штросмайеру за его извѣстную телеграмму въ Кіевъ (15 іюля 1888 г.), то органъ гр. Таафе, Presse писала слѣд.: «и не въ одной Хорватіи и Славоніи, но и въ Босніи и въ Сербіи, и въ Черной Горѣ *и въ Россіи* этотъ выговоръ будетъ имѣть *дѣйствіе отрезвляющее*. Въ этихъ земляхъ уже не дерзнутъ болѣе сомнѣваться, смѣетъ ли католическій епископъ въ Австро-Вен-

гріи почитать панславизмъ, смѣетъ ли онъ *со славянскою литургіею и иными фантасмагоріями* проводить политику на свою руку и выбирать себѣ союзниковъ, гдѣ хочетъ».—Въ отвѣтъ на это органъ партіи Штросмайера, хорватская газета Obzor написала между прочимъ слѣд.: „*Славяне* (т. е. Хорваты и австрійскіе славяне) *любятъ Россію и всегда будутъ ее любить, какъ Баварцы и Саксонцы любятъ Германію*» (т. е. германскую имперію).—Этотъ N былъ затѣмъ конфискованъ.

Впрочемъ справедливость требуетъ замѣтить, что и понынѣ раздаются въ Австріи голоса между славянами (старо-чехами, старо-словѣнцами, поляками, извѣстною русско-галицкою партіею Романчука), въ сотый разъ кстати и не кстати повторяющіе старое, столь вѣрно оцѣненное Штуромъ, положеніе о необходимости для славянъ Австріи. При этомъ они распинаются передъ Вѣною о любви и преданности народовъ славянскихъ къ Австріи, о полнѣйшемъ ихъ равнодушіи, даже ненависти къ Россіи. Вѣна довольная выслушиваетъ эти увѣренія, хотя сама же обыкновенно ихъ вызываетъ и заказываетъ, благодаритъ за нихъ и утверждаетъ, что въ нихъ никогда, даже при Фердинандѣ II, не сомнѣвалась. Тѣмъ не менѣе она хорошо знаетъ, что славяне австрійскіе, пробужденныя ихъ массы и лучшая, честнѣйшая часть ихъ интеллигенціи Австрію дѣйствительно ненавидятъ, а Россію любятъ, ею гордятся, и отъ нея все чего то ожидаютъ... Они любятъ ее, кто какъ умѣетъ, хвалятся и дорожатъ ею, не зная часто многихъ ея добрыхъ сторонъ и ея настоящихъ внутреннихъ силъ, постоянно слыша и читая объ ея дѣйствительныхъ или даже вымышленныхъ порокахъ и недостаткахъ. Оно и понятно: только безумецъ славянинъ можетъ не понимать, не предвидѣть, что̀ сталось бы со всѣмъ славянствомъ, если бы Россія пропала, исчезла съ лица земли или обратилась въ нынѣшнюю незначительность всего остальнаго славянства безъ Россіи.

Такого политическаго и болѣе чѣмъ политическаго вліянія самаго бытія и роста Россіи на Австрію, на славянъ австрійскихъ, съ начала ихъ пробужденія до настоящей минуты, отрицать невозможно. Нельзя сомнѣваться, такое вліяніе будетъ только рости, а не умаляться. Но одна политика въ жизни народовъ далеко не первой важности дѣло. Ея значеніе въ исторіи скорѣе второстепенное или третьестепенное. Самая сила и

прочность политическаго вліянія одной страны на другую опредѣляется другими условіями и отъ нихъ главнѣйше зависитъ. Сверхъ политическаго вліянія Россіи на политическое развитіе и положеніе славянъ австрійскихъ и особенно цислейтанскихъ нужно отмѣтить другое вліяніе Россіи не громкое и не яркое. Оно проникаетъ тихо, незамѣтно, дѣйствуя сначала на немногія единицы, затѣмъ черезъ десятилѣтія на нѣкоторыя тамъ и сямъ группы въ пять, десять человѣкъ, наконецъ опять не за одно десятилѣтіе, уже на сотни людей и болѣе. Здѣсь мы разумѣемъ замѣтное распространеніе знанія русскаго языка и возрастающее вліяніе русской литературы, а также вліяніе чисто духовное—ознакомленіе съ православіемъ, и развивающееся къ нему между славянами иновѣрцами сочувствіе, насколько оно подготовляется русскимъ посредствомъ, черезъ изученіе русскихъ богословскихъ трудовъ, русской церкви, исторіи, народной жизни.

Это послѣднее вліяніе для многихъ незамѣтное; гдѣ оно дѣйствительное и глубокое, само собой оно не выдается впередъ и не лѣзетъ на показъ, избѣгаетъ шума и демонстрацій. Это вліяніе принимается и развивается сильнѣе въ тѣхъ странахъ славянскихъ и въ тѣхъ классахъ ихъ населенія, гдѣ живѣе хранятся преданія кирилло-меѳодіевской проповѣди, гдѣ простой народъ крѣпче держится старославянскихъ нравовъ и обычаевъ, чувствъ братства, общинныхъ, гдѣ въ близкихъ къ народу духовенствѣ и интеллигенціи чтится память Гуса, Іеронима, братьевъ моравскихъ съ ихъ послѣднимъ епископомъ, великимъ Коменскимъ, съ ужасомъ и отвращеніемъ вспоминается о подвигахъ возрожденнаго католичества и его милиціи іезуитовъ; и вообще вездѣ, гдѣ іезуиты не успѣли вытравить въ душахъ обращенныхъ поколѣній чувства правды, вѣры и любви, гдѣ не считаются матеріализмъ въ теоріи и опортунизмъ въ практикѣ высшимъ руководящимъ началомъ.

Это вліяніе Россіи прошлаго и нынѣшняго столѣтій на различныя страны Средняго міра обличаетъ извѣстную внутреннюю культурно-историческую связь и сродство этихъ странъ и народовъ съ Россіею. Это вліяніе Россіи было благотворно и глубоко преимущественно тамъ, гдѣ Россія дѣйствовала массою, гдѣ русскій народъ такъ или иначе проявлялъ свою силу, гдѣ нельзя было безъ него обойтиться, напр. арміею, флотомъ, языкомъ, народною поэзіею. Менѣе сильно, менѣе глубоко и от-

кровенно говоря вообще менѣе благотворно было вліяніе русской школы, образованности и литературы. И это вліяніе было двоякое. Есть тутъ и явленія утѣшительныя и отрадныя—таково вліяніе нашихъ великихъ писателей, поэтовъ художниковъ, нашихъ лучшихъ ученыхъ, историковъ, археологовъ, филологовъ и ихъ трудовъ по русской византійской, славянской исторіи, археологіи, языкознанію, славяновѣдѣнію. Но это вліяніе не было всеобщимъ, не одинаково простиралось на всѣ страны и народы; оно почти миновало грековъ, румынъ, не равномѣрно и не единовременно разливалось по цѣлому славянству, и въ немъ дѣйствовало на нѣкоторые лишь общественные слои и кружки. Наша школа, наша образованность и литература производила также и довольно жалкое вліяніе. Иначе впрочемъ и быть не могло. Русская школа, какъ народная, такъ средняя и высшая, находится еще въ положеніи далеко не блестящемъ. Наша образованность и наша общеобразовательная литература, за исключеніемъ немногихъ добрыхъ и свѣтлыхъ явленій, страдаютъ еще великими пробѣлами, недостатками, даже крупными пороками. Въ нашей школѣ, въ нашей образовательной и ученой литературѣ, въ русской образованности вообще еще очень мало здороваго, сочнаго, своего, русскаго, національнаго. Рядомъ съ немногимъ сравнительно свѣтлымъ и хорошимъ, что въ нихъ имѣется, сколько еще въ нихъ близорукой, ограниченной подражательности. Еще сильна въ насъ, русскихъ, непривычка думать своимъ умомъ и работать самостоятельно, еще въ нашихъ понятіяхъ, въ нашихъ работахъ всякаго рода, въ сельскомъ хозяйствѣ, промышленности, торговлѣ на государственной и общественной службѣ, въ литературѣ, наукѣ, въ значительной долѣ участвуютъ невнимательность, несосредоточенность, неряшество, разгильдяйство и, можно даже сказать, нерѣдко настоящая недобросовѣстность. Мы доселѣ еще любимъ хватать на лету понятія и знанія, спѣшимъ свалить всякую работу, не любимъ и не умѣемъ вынашивать наши мысли, обработывать наши труды, доводить ихъ до возможно чистой отдѣлки. Наша школа и общественная жизнь не даютъ юношеству и молодежи должной нравственной и умственной выправки и самообладанія. Мы всѣ любимъ обвинять русскаго крестьянина, ремесленника, мастероваго, нашу прислугу въ неисправности и въ неаккуратности, обыкновенно противупо-

ставляя русскую работу нѣмецкой, русскаго человѣка нѣмцу. Но дѣло въ томъ, что наши большіе землевладѣльцы, наши администраторы, литераторы, художники, ученые по большей части страдаютъ тѣми же и еще другими недостатками. Жизнч по средствамъ—по одежкѣ протягивать ножки, не тянуться за сосѣдомъ, не бросать денегъ даромъ направо и налѣво, не стыдиться бѣдности, не прибѣгать безъ нужды къ помощи прислуги, не дѣлать долговъ, а, сдѣлавши, исправно платить ихъ: «и не плати своихъ долговъ, по праву русскаго дворянства»—все это въ нашемъ дворянствѣ, и въ столичномъ и провинціальномъ чиновничествѣ,—большею частью, по остроумному замѣчанью Ю. Ѳ. Самарина, дворянинъ у насъ—тотъ же чиновникъ въ халатѣ, а чиновникъ—тотъ же дворянинъ въ вицъ-мундирѣ,—считается у насъ со временъ Грибоѣдова—умѣренностью и акуратностью—Молчалинскими добродѣтелями, едва ли не подлостью и чуть ли не всегда признакомъ бездарности. Всѣ эти дрянныя стороны русской жизни у иныхъ, людей *національнаго* направленія, признаются кореннымъ свойствомъ славянской широкой натуры, у другихъ—направленія *европейскаго*,—порядочность и исполнительность, строгія отношенія къ обязанностямъ считаются презрѣннымъ филистерствомъ, буржуазностью. Администрація наша, столичная и провинціальная, еще понынѣ славится своею неточностью, неисполнительностью и халатностью, по крайности въ отношеніяхъ къ мелкой публикѣ и къ народу. Главный расчетъ германскихъ военныхъ стратеговъ въ будущей предполагаемой войнѣ съ Россіею основанъ именно на неряшливости и неисправности какъ желѣзнодорожныхъ, такъ и прочихъ нашихъ органовъ управленія. Тѣ же грѣхи отличаютъ по большей части нашу печать, литературу, науку. Книга наша печатается еще большею частью неизящно, нечисто, со множествомъ опечатокъ. Русскіе переводы—литературные и научные—часто кишатъ невѣрностями, искаженіями смысла подлинника, иногда даже намѣренными, въ видахъ консервативныхъ или радикальныхъ, а чаще всего вслѣдствіе поспѣшности или даже невѣжественности переводчика и небрежности редактора съ извѣстнымъ именемъ. Русскіе ученые труды еще нерѣдко выдаются своими неточностями ссылокъ, приводимыхъ текстовъ, таблицъ и пр. Наша журнальная критика давно уже славится своею размашистостью и развязностью, безстрашною рѣзкостью приговоровъ и, отчасти уже

безсознательною, привычкою—такова сила традицій—невѣрно передавать содержаніе и смыслъ разбираемой статьи, книги или отдѣльныхъ ея мѣстъ.

Словомъ, все это недостатки—общіе всѣмъ сторонамъ русской жизни. Они конечно вытекаютъ не изъ какихъ либо коренныхъ свойствъ русской или славянской природы, а составляютъ принадлежность нашей въ значительной степени ложной образованности. Привитая изъ чужа, насильственно, по приказу, она выростала на крѣпостномъ правѣ, долго была и отчасти понынѣ остается образованностью показною, искусственною. Образованность эта, которою подчасъ такъ хвалятся и наши консерваторы и наши радикалы, причемъ тѣ и другіе часто указываютъ, съ понятною имъ только гордостью, на совершенно разныя имена и явленія, все еще образованность не настоящая, мало оригинальная, скудная творчествомъ, какъ есть мало народная, такъ сказать совсѣмъ не въ версту такому великому, своеобразному народу, каковъ русскій. Конечно русская поэзія, музыка, живопись,—гораздо меньше скульптура, зодчество,—русская наука впрочемъ далеко, далеко не по всѣмъ отдѣламъ и отраслямъ, блещутъ уже нѣсколькими великими и славными именами, представили уже нѣсколько прекрасныхъ созданій и памятниковъ. Но огромное большинство русскаго общества едва ли вообще вѣрно оцѣниваетъ всю эту работу русскаго таланта и генія. Часто, не видя и не замѣчая настоящей русской силы, оно поклоняется разнымъ понадѣланнымъ кумирамъ и дутымъ славамъ, восхищается созданіями русскаго пустоцвѣта, съ легкимъ сердцемъ и бойкимъ полузнаньемъ живо переносившаго къ намъ всѣ болѣзни старѣющихъ обществъ.

При такомъ состояніи русской школы, литературы и образованности еще долго нельзя ожидать,—едва ли даже нужно объ этомъ и жалѣть,—признанія русскаго языка общимъ языкомъ всего славянства не въ потенціи, а въ дѣйствительности. Наша образованность мало еще отвѣчаетъ потребностямъ и задачамъ Россіи, мало опознала духовныя и насущныя нужды славянства, всего нашего міра, гдѣ ей досталось первое мѣсто. Образованность наша изобилуетъ всякаго рода ложью, болѣзненными наростами и недугами, обычными примѣтами полуварварскихъ обществъ, наскоро, безъ разбору прививавшихъ себѣ старыя цивилизаціи.

Для странъ и народовъ нашего міра, покоренныхъ нѣмцами, вся подражательная сторона нашей литературы и образованности имѣла мало значенія, развѣ только безнародная часть ихъ интеллигенціи могла примѣромъ Россіи себя утѣшать и оправдывать, какъ славяне латинизованные утѣшаютъ и оправдываютъ себя примѣромъ славянъ-уніатовъ, ибо между уніею и внѣшнею, подражательною образованностью Россіи и прочихъ православныхъ земель есть тѣсное внутренное сродство. Унія — западничество — европеизмъ въ нашемъ мірѣ состояніе переходное. Оно ведетъ или къ полному отреченію отъ родныхъ основъ, или къ сознательному ихъ возврату. Но на бывшее подъ властью турокъ славянство, еще болѣе насъ невѣжественное, гораздо меньше насъ образованное, и вслѣдствіе единовѣрія гораздо болѣе къ Россіи привязанное, наша школа, литература и образованность имѣла вліяніе довольно сильное. И надо признаться, въ этомъ вліяніи нашемъ, рядомъ съ извѣстнымъ благомъ, было много дурнаго и гибельнаго. Много сербовъ и болгаръ, проведшихъ свою юность и первую молодость въ Россіи или у себя на родинѣ воспитавшихся на разныхъ русскихъ книжкахъ русской и заграничной печати, прививали себѣ разныя болѣзни русской интеллигенціи тѣмъ легче, чѣмъ больше ихъ предрасполагала первоначальная невѣжественность и полудикость. Здоровый организмъ могучаго народа, уже заявившаго себя великими созданьями и крупными явленіями въ художествахъ и наукѣ, конечно легче справится и совладаетъ съ разными наносными болѣзнями, при извѣстныхъ условіяхъ свободы и просвѣщенія, скоро переваритъ, себѣ въ пользу и во благо, самыя иначе ядовитыя вещества. Гораздо труднѣе перенести ихъ малымъ и неокрѣпшимъ силамъ такихъ странъ и народовъ, какъ Греція, Румынія, Сербія, Болгарія. Относительно трехъ первыхъ умными наблюдателями англійскими, нѣмецкими, французскими давно замѣчено, а относительно Болгаріи замѣчается теперь, что послѣ освобожденія этихъ земель отъ турокъ народные въ нихъ нравы, внѣшнее благосостояніе и разные общественные и административные порядки въ иныхъ отношеніяхъ, сравнительно говоря, упали, ухудшились, испортились, что при туркахъ въ этихъ странахъ то, другое и третье было иногда лучше, порядочнѣе, примѣнительнѣе къ народнымъ нравамъ и обычаямъ, дешевле и честнѣе, чѣмъ впослѣдствіи, при ихъ національныхъ,

прогрессивныхъ, либеральныхъ, консервативныхъ правительствахъ [1]).

Будемъ справедливы и опознаемъ такія же печальныя явленія, только въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ, и въ русской исторической жизни за послѣднія 200 лѣтъ. Укажемъ лишь въ нашемъ просвѣщеніи и общественной жизни — нигилизмъ съ развитіемъ его въ концѣ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ въ самый дикій анархизмъ, въ народномъ хозяйствѣ— экономическія бѣдствія, въ родѣ нынѣшняго положенія семнадцати губерній съ 30 милл. жителей, въ политической сферѣ— совершенно неожиданное и непредусмотрѣнное нами заключеніе нашимъ «вѣрнымъ и добрымъ другомъ и союзникомъ», Пруссіею тройственнаго, оборонительнаго и наступательнаго, союза съ Австро-Венгріею и Италіею. Только людямъ очень легкомысленнымъ и недальновиднымъ можетъ казаться, что эти пороки и прегрѣшенія русской духовной, хозяйственной и государственной жизни ведутъ свое начало отъ реформъ прошлаго царствованія и корнями своими восходятъ къ концу 50-хъ и нач 60-хъ годовъ нашего столѣтія. Нѣтъ, корень зла вовсе не тутъ. Онъ лежитъ гораздо глубже. За послѣднія двѣсти лѣтъ жизнь наша развивалась крайне односторонне, шла почти постоянно ложными дорогами. Духъ человѣческій, мысль, совѣсть, свободу воли, идею Бога вѣру, христіанское ученіе, церковь мы цѣнили, по скольку они казались полезными для временныхъ, земныхъ цѣлей внѣшняго порядка и благочинія, для нуждъ государственныхъ. Мы болѣе всего помышляли объ окружности, а не о центрѣ, о корѣ и скорлупѣ вещей, а не объ ихъ ядрѣ, о формахъ и наружности, а не о внутренности. У себя въ домахъ мы болѣе всего заботи

---

[1]) Прекрасный трудъ г. Карича «Србија, опис земље, народа и држав Београд. 1887» представляетъ превосходную діагнозу внутренняго развитія Сербіи за послѣднія лѣтъ пятьдесятъ. Подобныя же злосчастныя ошибки и печальныя явленія въ народной жизни совершались и въ Греціи, и въ Румыніи въ новѣйшее время совершаются въ Болгаріи. здѣсь не безъ значительной впро чемъ вины со стороны русскихъ легкомысленныхъ ея организаторовъ. Перенесеніе чужихъ формъ жизни никогда не проходитъ народамъ безнаказанно. Все это многимъ у насъ кажется выдумкою славянофиловъ. Они, по недавнему остроумному замѣчанію Вѣстника Европы, никогда логикой не отличались. Относительно Греціи за первыя тридцать лѣтъ ея независимости см. замѣчательную многими подробностями книжку: «Le gouvernement et l'administration en Grèce depuis 1833 par un témoin oculaire. Gènes. 1863».

лись объ убранствѣ нашихъ гостиныхъ и парадныхъ залъ, а не о спальняхъ, дѣтскихъ, людскихъ. Мы жили что̀ называлось открыто, на показъ, для гостей «званныхъ и незванныхъ, особенно для иностранныхъ», не задумываясь, хватитъ ли у русскаго народа, у Россіи средствъ и силъ на всѣ эти наши и чужія забавы, потѣхи и развлеченія. Безграмотная, невѣжественная, крѣпостная, полуголодная, спаиваемая кабаками—главнымъ источникомъ государственныхъ доходовъ,—бездорожная, ежегодно опустошаемая пожарами Россія тратила милліоны на расходы часто самые непроизводительные и безполезные. Насъ тѣшило и радовало, что сѣверная Пальмира безпрерывно украшается роскошными зданіями съ великолѣпными казенными квартирами для разныхъ военныхъ генераловъ и дѣйствительныхъ и просто тайныхъ, дѣйствительныхъ и просто статскихъ совѣтниковъ [1]), имѣетъ лучшія въ Европѣ итальянскую оперу и балетъ, обладаетъ роскошною кавалеріею съ дорогими мундирами и конями, содержитъ цѣлую нѣмецкую академію съ жалованьемъ, наградами и квартирами про нѣмецкихъ ученыхъ для изслѣдованія Россіи и съ изданіемъ ихъ сочиненій на нѣмецкомъ языкѣ, и, сокращая до возможнаго minimum'а (въ 1849 г.) число студентовъ въ нашихъ университетахъ, мы тутъ же не безъ гордости указывали, какъ на свою заслугу передъ наукою, на изданіе двухъ словарей санскритонѣмецкихъ, одного малаго, впрочемъ довольно большаго, и другаго великаго, за дорогое изданіе котораго не брались ни Англія, ни Германія, ни Франція. Страшною же, безполезною для Россіи роскошью были и всѣ ея войны въ Европѣ за спасеніе троновъ савойско-сардинскаго, неаполитанско-бурбонскаго, габсбурговъ, гогенцоллерновъ и разныхъ другихъ нѣмецкихъ князей, герцоговъ, ихъ же имена одному Богу да развѣ немногимъ нѣмцамъ извѣстны. Если бы Россія при Петрѣ III, Павлѣ I и въ первые годы царствованія Александра I вовсе не увлекалась европейскими симпатіями, то очень вѣроятно, мы бы не имѣли и войны 12 г. Еще бы легче могла бы она

---

[1]) Одинъ изъ нашихъ государственныхъ людей гр. Т. въ бытность свою въ Вѣнѣ въ 80-хъ или 70-хъ годахъ посѣтилъ тамошняго министра народнаго просвѣщенія и былъ страшно пораженъ незначительностью и неудобствами его квартиры, о чемъ потомъ и расказывалъ съ величайшимъ удивленіемъ.

избѣжать войны 1813 г., еслибъ совѣтъ Кутузова былъ услы шанъ. Всячески безъ этихъ войнъ и походовъ, безъ всѣхъ этих хлопотъ и заботъ о счастіи и безопасности совершенно чужихъ ни на что Россіи не нужныхъ савойской, бурбонской, габсбург ской, гогенцоллернской и прочихъ нѣмецкихъ династій, Россія при бо̀льшихъ помыслахъ и стараніяхъ о своихъ внутренних дѣлахъ, была бы теперь населеннѣе, грамотнѣе, просвѣщеннѣе сильнѣе, богаче, болѣе увѣренною и готовою къ отраженіі замышляемаго и снаряжаемаго вторженія двухъ, а можетъ і всѣхъ трехъ армій тройственнаго союза 1879 г., дабы отнят у Россіи цѣлыя ея области по западную Двину и Днѣпръ отбросить ее въ Азію, гдѣ въ свою очередь рѣшено возбуждат противъ Россіи Китай, Турцію и Англію. Да, полонъ глубокой дл насъ ироніи этотъ союзъ Гогенцоллерна, Габсбурга и Савойце охраненіе и усиленіе коихъ мы такъ долго считали въ наше мудрости одною изъ важнѣйшихъ задачъ Россіи. За девять лѣт до него мы не знали мѣры нашимъ радостямъ и восторгамъ по побѣдамъ пруссаковъ. Масса солдатскихъ георгіевъ украсил груди побѣдителей. Россія сразу пріобрѣла четырехъ новых фельдмаршаловъ и четырехъ кавалеровъ Георгія I степени Этотъ союзъ 1879 г., эти прусскіе планы будущей войны в союзѣ съ Австро-Венгріею и Италіею для раздѣла Россіи— бросаютъ яркій свѣтъ на всю ложность пути, которому он слѣдовала въ теченіе почти всѣхъ послѣднихъ полутораста лѣт какъ въ своей внѣшней относительно Европы, такъ и внутрен ней по отношенію къ Прибалтійскому краю, по разселенію всяческому покровительству нѣмецкихъ колонистовъ въ При вислинскомъ краѣ, въ сѣверозападной, югозападной и юговс сточной Россіи, наконецъ вокругъ Петербурга, вокругъ Цар скаго Села, Павловска, Петергофа и Ораніенбаума, по насаж денію, разведенію и возвеличенью нѣмецкаго элемента въ центр русской администраціи.

Будемъ справедливы и не будемъ упрекать за это нашихъ государей и ихъ ближайшихъ совѣтниковъ. Они увлекались н одними личными и родственными симпатіями. Они увлекалис вмѣстѣ со всѣмъ образованнымъ русскимъ обществомъ, съ на чала 60-хъ годовъ прошлаго вѣка въ особенности, тою фикціеі что Европа есть всечеловѣчество, что образованность европей ская есть образованность общечеловѣческая, что она ничего н

заключаетъ въ себѣ мѣстнаго, условнаго, преходящаго, національнаго, что отнынѣ до скончанія вѣковъ она есть и будетъ единая возможная вселенская образованность. Въ XVIII в. сама Европа крѣпко въ это вѣрила. О покорной, послушной России не задумывались, а сѣверная Америка еще не объявилась. Наши образованные русскіе люди съ того времени единодушно полагали, что ничто европейское, никакіе европейскіе интересы и злобы не могутъ, не должны быть чужды русскому сердцу. Они за счастье почитали, когда проливалась русская кровь, тратились русскія деньги на пользу и благо Европы. Имъ никогда въ голову не приходило, что исконный, первый и главный интересъ Европы Карла В. и его преемниковъ вплоть до Наполеона I и III, до Вильгельма I и Фридриха III съ ихъ Бисмаркомъ состоялъ въ ослабленіи, униженіи, территоріальномъ сокращеніи греко-славянскаго міра. Главною его представительницею Европа давно и справедливо стала считать Россію, чего сама Россія, особенно въ лицѣ ея вождей и высшихъ представителей, долго (съ исх. XVIII в.) не сознавала, еще дольше она не понимала историко-культурныхъ и этнологическихъ отношеній между своимъ міромъ греко-славянскимъ и собственною Европою или міромъ романо-германскимъ.

Не будемъ односторонни, отдадимъ должное нашимъ многолѣтнимъ увлеченіямъ Европою, ея цивилизаціею. Въ этомъ увлеченіи, при всѣхъ его крайностяхъ, было много прекраснаго. Въ нашей дани восторговъ было много справедливаго, истинно-человѣческаго: средневѣковая и новая Европа, романская и германская ея половины въ духовно-религіозной области, общежитіи, въ государственности, въ искусствахъ, въ наукахъ, промышленности, торговлѣ раскрыли столько богатства и величія духа, столько отваги и любви, создали такое множество разнообразныхъ, чудныхъ несокрушимыхъ памятниковъ энергіи, талантовъ и генія, что грядущія людскія поколѣнія во всѣхъ углахъ земнаго шара вѣчно будутъ съ благодарностью вспоминать о великихъ подвигахъ Европы. Мы, русскіе, не заслуживали бы почетнаго имени арійско-христіанскаго, не имѣли бы правъ на великое будущее, если бы, послѣ долгаго отчужденія нашего, сойдясь поближе съ Европою, не увлеклись ею до полнаго даже самозабвенія и самоотреченія. Но такое увлеченіе не могло вѣчно продолжаться. За этимъ періодомъ восторговъ, когда ря-

домъ съ прекраснымъ было не мало смѣшнаго и нелѣпаго уродства, долженъ былъ наконецъ наступить періодъ отрезвл нія, спокойнаго разбора и оцѣнки пережитого и перечувстı ваннаго. Сама Европа сознательно и безсознательно раскры намъ разные пробѣлы, коренные недостатки, пороки и яз: своей цивилизаціи. Она же отчасти научила насъ цѣнить и п лузабытыя, долго нами пренебрегаемыя стороны и особенности в шего міра, разъяснила намъ, какъ важно самопознаніе, всесторо нее и сочувственное изученіе своего народа, своей страны, церкı

Туго подвигалось это самопознаніе, еще понынѣ не ма видимъ послѣдовъ старой подражательности, утратившей в посредственную. наивную свѣжесть и прежнія разумныя опра данія. Видя въ недавнемъ еще прошломъ много лжи и нед статковъ, русское сознаніе не проклинаетъ однако путе нами пройденныхъ и можетъ указывать на иной лучшій, истин царскій путь дальнѣйшаго нашего развитія. Намъ понятно т перь, что долгое наше отчужденіе отъ всего роднаго и свят русскаго, наше увлеченіе Европою до самозабвенія и самоотр ченія зародило и воспитало въ насъ прежде не являвшуюся русскомъ человѣкѣ способность переноситься въ чужіе мір сочувствовать ихъ радостямъ и скорбямъ, понимать самыя сво образныя стороны европейской жизни, чувствовать и оцѣнива глубочайшія созданія національныхъ геніевъ разныхъ европе скихъ странъ и народностей. И многое, что въ свое время каз лось намъ прискорбнымъ, ошибочнымъ и вреднымъ въ смыс. русскихъ народныхъ интересовъ, предстаетъ теперь въ ино свѣтѣ.

Два раза германскій элементъ игралъ преобладающую, р ководящую роль, въ первыя и послѣднія полтораста лѣтъ наш исторіи. Онъ внесъ много личной силы, энергическаго почив предпріимчивости, смѣлости, ума и таланта въ управлен кормиломъ нашего корабля. Но прошлое германизма въ Россі особенно послѣдняго періода, когда русско-нѣмецкій элемен гораздо сильнѣе зависѣлъ отъ Германіи, чѣмъ русско-варяжск отъ Швеціи, Норвегіи, Даніи, показываетъ, что въ исторіи человѣч ства много великаго и прекраснаго, почти чудеснаго, творит безсознательно, что личный произволъ и сознательная дѣятел ность отдѣльныхъ лицъ или цѣлой ихъ группы, когда онѣ д ховно не связаны съ народомъ, приводятъ нерѣдко къ сове шенно нечаемымъ и непредвидимымъ результатамъ.

Таковы были полные удальства и отваги, но въ сущности нелѣпые и для русскаго славянства вовсе ненужные походы, предпріятія Олега, Игоря, Святослава. Цареграда они не завоевали, взять его не могли и взявши, ничего путнаго подѣлать съ нимъ конечно не съумѣли бы, восточной имперіи не разрушили, даже не ослабили. Ничего собственно изъ того, чтò замышляли, варяги не достигли, и ничего изо всѣхъ ихъ замысловъ странѣ, ихъ призвавшей, не было нужно. Но эти грабежи и набѣги въ послѣдствіи оказались полезными Руси: они значительно ослабили въ ней, много въ нихъ понесшій потерь, элементъ варяжскій, сблизили насъ съ Цареградомъ, открыли ему вліяніе на нашу страну, подготовили ея обращеніе въ христіанство. Память о подвигѣ германца Олега и легенда объ его щитѣ на стѣнѣ Цареграда вошла мотивомъ въ позднѣйшую область мечтаній и надеждъ, въ кругъ идей, всего менѣе пріятныхъ и желанныхъ германскому міру. Точно также и новѣйшія наши думы и попеченія, съ конца прошлаго и въ первую половину нашего столѣтія, о сохраненіи спокойствія, добраго согласія, мира и тишины въ Европѣ привели къ западно-европейской коалиціи противъ Россіи и къ Крымской войнѣ, а слишкомъ столѣтній нашъ культъ Пруссіи, увѣнчанный нашими восторгами 1870 г., довелъ до Тройственнаго Союза 1879 г.

Разныя предпріятія этого времени были вызваны не русскими, а германскими нуждами и интересами. Въ какой степени были въ самомъ дѣлѣ благотворны послѣдствія этой русской помощи для германизма, разбирать здѣсь не мѣсто: всячески неочевидны и спорны. Но подвиги суворовской арміи, проходъ и стоянки русскихъ войскъ въ славянскихъ земляхъ имѣли несомнѣнно великія благодѣтельныя послѣдствія для возрожденія славянства, положили начало освобожденію его изъ нѣмецкой неволи. Не обожай мы такъ Пруссіи, она бы не двинула всей своей арміи во Францію и поспѣшила заключеніемъ мира, безъ отнятія у Франціи Эльзаса и Лотарингіи. Такъ на многія лѣта было нарушено единодушіе и сердечное согласіе Европы. Въ какой степени и какъ надолго выиграла отъ того Германія, мы конечно опредѣлить не можемъ, но для Россіи сильная Германія, даже въ Тройственномъ союзѣ, все же слабѣе цѣлой Европы, если бы она дружно, единодушно ополчилась противъ насъ. Въ 1853—54 г. Пруссія и Австрія со всею Германіею были близки

ко вступленію въ открытый, дѣятельный союзъ противъ Россі
Какъ ни ослаблена франкфуртскимъ миромъ Франція, все з
она составляетъ предметъ большихъ тревогъ и заботъ усили
шейся Германіи. Не говоримъ уже о воспитательномъ знач
ніи объединенія Германіи для славянства въ Австро-Венгр
и въ прежней Турціи, объ измѣненіи съ того времени петербур
скихъ воззрѣній на нѣмцевъ остзейскихъ и вообще на нѣмецк
элементъ въ Россіи. Утрата слишкомъ столѣтняго могучаго влі
нія въ Россіи—«днямъ такимъ уже не возвращаться»—едва
когда окупится для Германіи пріобрѣтеніемъ двухъ небольших
весьма недружелюбно къ ней расположенныхъ, провинцій, одн
изъ нихъ даже вовсе не нѣмецкой, съ придачею глубокой, н
примиримой вражды жаждущей мщенія, дружбы и союза
Россіею Франціи.

Недостатокъ опредѣлительнаго сознанія въ цѣльномъ наро
и обществѣ бываетъ обыкновенно источникомъ слабости, веде
къ печальнымъ заблужденіямъ, по ложнымъ путямъ. Это ясі
сказалось въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія. Труді
въ кратцѣ выразить все безконечно-благотворное вліяніе пр
вославной вѣры. церкви на жизнь русскаго народа. Если нап
Русь чѣмъ крѣпка и сильна, чѣмъ живетъ и движется, поче
предстоитъ ей великое будущее,—то конечно благодаря ея в
сокому просвѣтительному началу. Все прочее, что́ нужно людям
само прилагается и приложится, ибо для человѣчества нѣтъ
никогда не будетъ ничего выше исканія царства Божія, царст
вѣчной истины и совершенной любви.

Суровая природа, пространныя равнины, лѣса, болота, искл
чительное почти занятіе землепашествомъ, разнымъ домашни
и лѣснымъ промысломъ, продолжительное незнаніе, моря, восп
тателя духа предпріимчивости и умственной отваги, долго
развивали въ добрыхъ и способныхъ славяно-русскихъ плем
нахъ ни пытливости мысли, ни безсонности ума, такъ рано о
тличавшей древнихъ грековъ. Въ доброй славянской природ
въ сельскомъ бытѣ русскаго народа было много предрасполож
нія къ сердечному воспріятію христіанства, но намъ долго, слиш
комъ долго не давалась та подвижность и возбужденность ум
что̀ никогда не оставляетъ духа человѣческаго въ покоѣ, будитъ
немъ любознательность, требуетъ отъ него строгаго отчетлива
разбора, что́ въ его нравственномъ законѣ, въ его правилахъ жи

ни и въ его быту самое высшее и существенное, что случайно и условно, что необходимо для спасенія и что безразлично.

Эта пытливость ума не могла развиться въ древней и старой Руси отъ неимѣнія настоящей, хорошо устроенной школы, съ научнымъ характеромъ, съ изученіемъ греческаго языка. Получивъ съ принятіемъ христіанства готовые славянскіе переводы Священнаго Писанія, богослужебныхъ книгъ, отеческихъ произведеній и пр., наши предки, при слабой любознательности, чувствовали мало охоты, еще менѣе необходимости изучать греческій языкъ. Такъ древняя и старая Русь имѣла въ разныя времена и сравнительно съ каждымъ столѣтіемъ больше людей начитанныхъ въ обширной славянской переводной литературѣ; но людей научно-образованныхъ, хорошо знакомыхъ съ подлинниками средне- и древне-греческой литературы, хорошихъ учителей и школъ въ ней почти не было. Въ XVI и XVII в. уже чувствуется въ нихъ потребность, являются разныя попытки, но прочнаго и широкаго успѣха онѣ не имѣли. Этотъ недостатокъ и даже отсутствіе настоящаго образованія въ древней и старой Руси (въ Московскомъ государствѣ), имѣли, какъ вѣрно указывали Кирѣевскій, Хомяковъ и подробнѣе раскрылъ Голубинскій Евгеній въ своей Исторіи русской церкви [1]) огромное вліяніе на пониженіе у насъ общаго уровня христіанской мысли, а затѣмъ и христіанской нравственности. «Невѣжество, по прекрасному замѣчанію Кирѣевскаго, отлучаетъ народы отъ живого общенія умовъ, которымъ держится, движется и выростаетъ истина посреди людей и народовъ. *Отъ невѣжества разума, при самыхъ правильныхъ убѣжденіяхъ сердца, рождается ревность не по разуму, изъ которой въ свою очередь происходитъ уклоненіе разума и сердца отъ истинныхъ убѣжденій*». У насъ нерѣдко обвиняютъ исключительно Московскій періодъ (XVI в.) и русскихъ раскольниковъ (к. XVII в.) въ стремленіи ко внѣшней формальности, въ смѣшеніи ученія съ обрядностью, духа съ буквою, внѣшняго и измѣняемаго съ внутреннимъ и существеннымъ. Но это стремленіе и это смѣшеніе начинаетъ выступать

---

[1]) Какъ жаль, что остановилось дальнѣйшее печатаніе этого прекраснаго труда, доведеннаго до к. XVI в.; эта остановка просто несчастіе для нашего духовнаго просвѣщенія, ибо трудъ Голубинскаго составляетъ истинное украшеніе русской богословской и исторической науки.

еще въ Кіевской Руси въ XI в. Довольно вспомнить, какъ Пр. Θеодосій представлялъ себѣ различія православія и латинства Правда онъ указалъ на прибавку въ символѣ вѣры (felioque) но ни слова не упомянулъ о папской власти и ея притязаніяхъ За то онъ подробно распространяется о томъ, что Латина ѣдятъ вообще «и удавленину и мертвечину и медвѣжину и бобровину и хвостъ бобровый», «и въ субботу постятся», «и постившеся вечеръ, ядять молоко и яйца». Подобно позднѣйшимъ нашимъ старовѣрамъ, пр. Θеодосій совѣтуетъ давать Латинамъ, когда просятъ Христа ради ѣсть и пить, но «въ своихъ сосудѣхъ» (т. е въ ихъ собственныхъ). Если же *своего* сосуда у нихъ не будетъ то де можно и *въ своемъ дать*, но «потомъ измывши же, сотворити молитва». Далѣе онъ уговариваетъ съ Латининомъ не брататься, «ни поклонитися, ни цѣловати его, ни снимъ въ одиномъ сосудѣ ясти, ни пити, ни борошна ихъ пріимати».

Предки наши были искренне преданы православію, рѣшительно уклонялись отъ латинства, но отъ невѣжественнаго и слишкомъ вещественнаго (матеріальнаго) понятія о вѣрѣ, они часто совсѣмъ не сознавали настоящихъ различій между православіемъ и латинствомъ. Они нерѣдко увлекались и восхищались именно тѣми сторонами латинства, что̀ наиболѣе противны православію, прямо вытекали изъ крайняго ученія о папствѣ, о внѣшнемъ авторитетѣ въ церкви, о необходимости въ ней внѣшней, принудительной власти, слѣдовательно вызывали и освящали насиліе въ дѣлахъ совѣсти и вѣры.

Новгородскій архіепископъ Геннадій (к. XV и нач. XVI в. былъ одинъ изъ образованныхъ русскихъ іерарховъ своего времени: заботился о школахъ для духовенства, объ изготовленіи полнаго списка перевода Библіи. Что̀ же ему нравилось, что̀ его умиляло на латинскомъ западѣ, что̀ онъ пламенно желалъ видѣть на Руси, въ Москвѣ? «Ано Фрязове по своей вѣрѣ какову крѣпость держатъ! *Сказывалъ ми посолъ цесаревъ про шпанского короля, какъ онъ свою очистилъ землю, и азъ съ тыхъ рѣчей и списокъ тебѣ послалъ.* И ты бы, писалъ онъ митрополиту Зосимѣ,— господине, великому князю о томъ пристойно говорилъ, не токмо спасенія ради его, но и чести для государя великаго князя» Единомышленникъ Геннадія, Іосифъ Волоцкій не умѣлъ подмѣтить чисто языческихъ, римскихъ государственныхъ воззрѣній многихъ Византійскихъ императоровъ на христіанство, на церковь, как

на религію и учрежденіе государственныя. Еретики сами, императоры преслѣдовали и гнали православныхъ и, сами православные, императоры нерѣдко гнали и преслѣдовали еретиковъ. Это вмѣшательство императоровъ въ дѣла вѣры и церкви было строго осуждаемо лучшими людьми Византіи, но приводило въ восторгъ и умиленіе Іосифа Волоцкаго, въ своей ревности не по разуму такъ горячо настаивавшаго на избіеньи еретиковъ. Къ величайшему сожалѣнію Геннадій и Іосифъ Волоцкій находили себѣ многихъ приверженцевъ въ старое время, а въ новѣйшее даже защитниковъ и тамъ, гдѣ всего печальнѣе ихъ видѣть. Къ чести старой Руси надо впрочемъ сказать, что грубыя воззрѣнія Геннадія и Іосифа Волоцкаго находили и сильное порицаніе въ ихъ современникахъ, въ такихъ благородныхъ, вѣчной памяти достойныхъ дѣятеляхъ духовныхъ и свѣтскихъ, каковы были: Нилъ Сорскій, митрополитъ Зосима, несправедливо, какъ показалъ проф. А. С. Павловъ, обвиняемый Іосифомъ Волоцкимъ въ ереси, иноки Вассіанъ (Патрикѣевъ), Артемій, князь Курбскій.

Къ несчастью умственное невѣжество, какая то тупость и грубость пониманія всего духовнаго съ одной стороны и значительная нравственная испорченность извѣстныхъ классовъ съ другой, развивали и поддерживали въ русскомъ обществѣ XVII в. и долго еще послѣ эту низменность разумѣнія Христова ученія и призванія церкви. Тѣмъ же темнымъ, злымъ духомъ нетерпимости отличались мѣропріятія духовныхъ и свѣтскихъ властей противъ раскольниковъ и разныхъ иновѣрцевъ въ царствованіе благодушнаго Алексѣя Михайловича и многихъ его преемниковъ Петра, Екатерины I, Анны, особымъ благодушіемъ не отличавшихся. Позже прекратились казни, остались разныя административныя прижимки и полицейскія преслѣдованія, пагубныя для нашего духовнаго просвѣщенія и церковной жизни, вредныя для государства, выгодныя лишь для нечестныхъ чиновниковъ, находившихъ тутъ неизсякаемый источникъ наживы. Лучшіе государственные люди наши еще въ XVIII в., какъ напр. князь Потемкинъ, ясно это понимали.

Послѣдствія такихъ мѣръ бывали всюду одинаковы: у гонимыхъ и преслѣдуемыхъ и ихъ потомковъ развивались ожесточеніе, озлобленіе и все большее и большее отчужденіе, у гонителей и преслѣдователей росло огрубеніе духа, падало нравственное чувство, утрачивалась искренность вѣры, исчезало всякое

расположеніе къ идеальнымъ стремленіямъ [1]). Тамъ и сямъ и теперь еще нерѣдко слышатся у насъ по вопросамъ объ утвержденіи и распространеніи вѣры христовой между невѣрующею интеллигенціею, между раскольниками, иновѣрцами и язычниками такого рода пожеланія и предложенія, что̀ повергаютъ въ глубокую печаль всякую искренне вѣрующую душу и только утѣшаютъ и радуютъ людей, кои отрицательно относятся къ христіанству и объясняютъ церковь, какъ учрежденіе чисто человѣческое. Такъ у насъ часто можно слышать жалобы на суды, на полицію, на высшую администрацію, что они-де недостаточно оказываютъ содѣйствія миссіонерамъ, при обращеніи язычниковъ, раскольниковъ, штундистовъ. Многіе ревнители не по разуму высказываютъ свое недовольство на то, что разныя старыя постановленія о карахъ и взысканіяхъ за перемѣну русскими людьми вѣры, за неисполненіе требованія духовнаго регламента объ ежегодномъ бываніи на исповѣди и пр. и пр. пришли въ совершенное забвеніе, обратились въ мертвую букву, или отличаются недостаточною опредѣлительностью и строгостью. По поводу словъ г. Соловьева кажется между прочимъ о томъ, что невѣрующій Вольтеръ (что̀ впрочемъ уже давно печатно было высказано Хомяковымъ [2]) въ дѣлѣ Каласа поступилъ истинно по

---

[1]) Напомнимъ прекрасныя слова Хомякова: «Въ числѣ законовъ, правящихъ умственнымъ міромъ, есть одинъ, котораго божественная, строгая правда не допускаетъ исключеній, тотъ законъ, что зло порождаетъ зло. Всякое незаслуженное оскорбленіе, всякая несправедливость поражаетъ виновнаго гораздо болѣе, чѣмъ жертву; обиженный терпитъ, обидчикъ развращается. Обиженный можетъ простить и часто прощаетъ; обидчикъ не прощаетъ никогда. Его преступленіе впускаетъ въ его сердце ростокъ ненависти, который постоянно будетъ стремиться къ развитію, если во время не очистится все нравственное существо виновнаго внутреннимъ обновленіемъ». (Сочин. II. Прага. 1867. С. 87).

[2]) Хомяковъ говорилъ: „Міръ (Романо Германскій) утратилъ вѣру и хочетъ имѣть религію, какую нибудь; онъ требуетъ религіи вообще. поэтому, только въ безвѣріи и можно теперь встрѣтить неподдѣльную искренность, и замѣчательно, что обыкновенно нападаютъ на безвѣріе не за то, что оно отвергаетъ вѣру, но за то, что оно дѣлаетъ это откровенно т. е. за его честность и благородство. Общественное негодованіе преслѣдуетъ пера Франціи, съ трибуны провозглашающаго свое собственное безвѣріе и безвѣріе своихъ слушателей. Общественное негодованіе преслѣдуетъ поэта слагающаго гимны безбожію... Бѣдный, достойный удивленія Шеллей (Qhelley)! Самыя выраже-

христіански, а епископы, требовавшіе его казни, дѣйствовали совершенно противно Христову ученію, что въ православномъ мірѣ (къ несчастью это справедливо, хотя и не по винѣ разумѣется церкви, ибо противно ея духу) бывали казни и гоненія еретиковъ, Московскія Вѣдомости еще недавно поспѣшили ополчиться за православіе, доказывали, что инквизиціи у насъ никогда не было, и съ жаромъ требовали немедленнаго закрытія психологическаго общества, гдѣ люди позволяютъ себѣ высказывать такія мнѣнія.

Каждый христіанинъ безспорно желаетъ распространенія и утвержденія христіанства на всемъ земномъ шарѣ и у себя въ отечествѣ. Но онъ дорожитъ христіанскою истиною не для внѣшняго своего спокойствія и личнаго благополучія, ни даже для политическихъ интересовъ и пользъ своего отечества, ибо такъ Христово ученье ставится на второе мѣсто и приводится въ служебное, подчиненное отношеніе къ нашей личной или національной особи. Апостолъ Павелъ говорилъ, что ни смерть, ни жизнь, ни настоящее, ни будущее не могутъ его оторвать отъ любви къ Богу, отъ вѣры во Христа (Римл. 8, 35, 38, 39), и чтобы не подумалъ кто, будто онъ желаетъ себѣ великой награды или чести или изобилія духовныхъ даровъ, онъ прибавилъ: «молилбыхся отлученъ быти отъ Христа» (Римл. 9, 3), я готовъ молиться объ отлученіи меня отъ Христа, лишь бы познали и увѣровали въ Него мои сродники по плоти. Но, такъ горячо любя свою народность, онъ евреямъ желалъ этой вѣры не изъ такъ называемаго патріотизма, не изъ желанія имъ политическаго могущества и внѣшняго благосостоянія: «всѣхъ бо сихъ языцы ищутъ» (Матѳ. 6, 31, 32). Апостолъ желалъ народамъ не только «во Христа вѣровать, но и за Христа пострадать» (Филип. 71, 29).

Одинъ изъ возвышенныхъ учителей церкви, Пр. Макарій Египетскій замѣтилъ: «для христіанъ, доброю жизнью и по дару Духа пришедшихъ въ мѣру духовнаго возраста данной имъ бла-

---

нія его невѣрія бываютъ часто проникнуты духомъ Христіанства, котораго онъ никогда постигнуть не могъ, и, прислушиваясь къ нимъ, нельзя не почувствовать глубокаго сострадавія къ этому честному уму, впавшему въ столь роковое заблужденіе; другого чувства онѣ бы не должны были внушать". т. II. Прага. Стр. 125—126.

годати, и слава и отрада и высшее наслажденіе — ради Христа быть ненавидимыми, изгоняемыми, за вѣру въ Бога терпѣть всякое оскорбленіе и позоръ»... «Какъ мужественный юноша выдерживаетъ борьбу, и на удары, ему наносимые, отвѣчаетъ ударами; такъ и христіане должны переносить скорби и внѣшнюю и внутреннюю борьбу, дабы, принимая на себя удары, побѣждать терпѣніемъ. *Таковъ путь христіанства. Гдѣ Духъ Святой, тамъ, какъ тѣнь, слѣдуетъ гоненіе и брань.* Видишь, какъ Пророки, хотя въ нихъ дѣйствовалъ Духъ, всегда гонимы были единоплеменниками. Видишь, какъ Господь, который есть путь и истина, гонимъ былъ не инымъ народомъ, но своими. Свое племя — израильтяне и гнали и распяли Его. А подобное было и съ Апостолами; потому что со времени креста перешелъ Духъ Утѣшитель и переселился въ христіанъ; никто изъ іудеевъ не былъ уже гонимъ, но *одни христіане были мучениками.* Не должны они изумляться этому: *истинѣ необходимо быть гонимою*». «И какъ обнаружится истина, если не будетъ имѣть противниковъ, людей лживыхъ, возстающихъ противъ истины»? «Пусть тебя гонятъ, говоритъ другой великій созерцатель и мыслитель христіанскій (VI в.), Исаакъ Сиринъ, ты не гони; пусть тебя распинаютъ, ты не распинай; пусть тебя обижаютъ, ты не обижай; пусть на тебя клевещутъ, ты не клевещи; будь скроменъ и не ревнуй во злѣ».

При такихъ возвышенныхъ и чистыхъ воззрѣніяхъ на Истину, можетъ ли христіанинъ, убѣждая не-христіанина, эллина, іудѣя, иновѣрца, язычника, сулить ему земныя выгоды или, въ случаѣ его несогласія грозить ему стѣсненіемъ гражданскихъ правъ, лишеніемъ имущества, ограниченіемъ свободы? Христіанинъ хранитъ заповѣди, говоритъ Исаакъ Сиринъ, «изъ любви къ Давшему ихъ, а не изъ страха или за воздаяніе награды», и здѣсь разумѣетъ воздаяніе въ будущей жизни, не допуская и мысли о какихъ либо земныхъ, человѣческихъ наградахъ и страхахъ.

Аѳанасій Александрійскій строго осуждалъ насиліе и принужденіе нежелающихъ. «Спаситель, говоритъ онъ, такъ кротокъ, что училъ: — «если кто хочетъ по мнѣ идти» и «хотящій быть моимъ ученикомъ». «Идя къ каждому, онъ никого не насилуетъ, но скорѣе стучится и говоритъ: «отвори мнѣ, сестра, моя невѣста». И когда отворятъ, Онъ входитъ, когда же лѣнятся и не желаютъ, Онъ удаляется. Не мечами, не

копьями и не воинствомъ возвѣщается истина, но убѣжденіемъ и увѣщаніемъ. Какое же убѣжденіе, гдѣ страхъ царевъ? Какое же увѣщаніе, гдѣ возражатель получаетъ въ удѣлъ ссылку или смерть?».

Въ похвальномъ словѣ Аѳанасію Великому, Григорій Богословъ говоритъ про него, что онъ училъ, какъ жилъ, и слово у него не расходилось съ дѣломъ, что по возвращеніи въ Александрію, онъ очищаетъ святилище отъ корчемствующихъ святынею христопродавцевъ и совершаетъ это не бичемъ, но убѣдительнымъ словомъ... Всѣмъ предлагаетъ онъ одинъ законъ — свободное произволеніе, ибо его одного почиталъ достаточнымъ руководствомъ къ совершенству».

Разсуждая объ обязанностяхъ епископа Св. Григорій Богословъ говорилъ: «ему надо — превосходствомъ своей добродѣтели привлекать народъ къ порядку, согласію, и не силою обуздывать, но доводить до него убѣжденіемъ, ибо *все, что́ дѣлается недоброволыно, кромѣ того, что оно насильственно и непохвально, еще и непрочно. Вынужденное, подобно растенію насильно согнутому руками, какъ скоро бываетъ оставлено на волю, обыкновенно возвращается въ прежнее положеніе. Напротивъ, что́ дѣлается по свободному произволенію, то какъ скрѣпляемое узами сердечнаго расположенія, и весьма законно и вмѣстѣ надежно*».

«По закону нашему, говорилъ тотъ же Григорій Богословъ, должно водить ненасильно, и *не нуждею, но волею*. И мірская власть не можетъ утвердиться силою; управляемое насиліемъ старается при всякомъ удобномъ случаѣ освободиться, тѣмъ болѣе наше, не столько начальство, сколько воспитаніе; всего болѣе должно соблюдать свободу, ибо тайна спасенія для желающихъ, а не для насильствуемыхъ».

Григорій Богословъ строго осуждалъ и насиліе противъ дара слова. «Запрещеніе пользоваться даромъ слова показываетъ только, что запрещающіе не полагаются на правоту свою и походятъ на человѣка, который считаетъ себя сильнѣйшимъ изъ борцевъ и требуетъ, чтобы всѣ его считали такимъ же, а между тѣмъ отдаетъ приказъ, дабы ни одинъ сильный борецъ не смѣлъ бороться и не являлся на поприще. Но это доказательство робости, а не мужества».

«Христіанамъ, говорилъ І. Златоустъ, не дозволено принужденіемъ и силою ниспровергать заблужденіе. Имъ слѣдуетъ приводить къ спасенію убѣжденіемъ, словомъ и благоволеніемъ».

Прекрасный примѣръ уваженія къ чужимъ убѣжденіямъ и признанія свободы мысли представлялъ Василій В., до конца сохранившій старыя дружескія связи съ языческимъ риторомъ Либаніемъ и безбоязненно посылавшій къ нему на ученіе юношей-христіанъ. Макарій Египетскій, приведя слова Спасителя: «отъ сердца бо исходятъ помышленія злая» (Матѳ. 15, 19) прибавляетъ: «что́ внутри человѣка, то сквернитъ его. Внутри, въ душѣ пресмыкается и ходитъ духъ лукавства, этотъ разумный двигатель, покрывало тьмы, ветхій человѣкъ, котораго должны совлечься всѣ прибѣгающіе къ Богу, чтобы облечься имъ въ небеснаго и новаго человѣка т. е. во Христа. *Поэтому человѣку ничто внѣшнее не можетъ вредить, вредитъ же только живой и дѣйственный, въ сердцѣ обитающій духъ тьмы потому каждый долженъ вести борьбу въ помыслахъ, чтобы въ сердцѣ его возсіялъ Христосъ*».

Какъ отъ всѣхъ этихъ мыслей, замѣчаній и примѣровъ великихъ отцовъ и учителей церкви съ ихъ глубокимъ постиженіемъ христіанства далеко расходятся темныя и грубыя воззрѣнія нашихъ Геннадія и Іосифа Волоцкаго и позднѣйшихъ ихъ послѣдователей. Умственная дебелость и грубость многихъ нашихъ духовныхъ дѣятелей объясняется не однимъ недостаткомъ образованія. Современные противники ихъ (Нилъ Сорскій, Арсеній, Вассіанъ, кн. Курбскій) въ концѣ концовъ едва ли превосходили ихъ своею начитанностью. Главное отличіе тѣхъ и другихъ заключалось въ томъ, что у первыхъ всѣ почти помыслы были устремлены на внѣшнюю практическую дѣятельность, посвящены текущимъ дѣламъ церковнаго и хозяйственнаго управленія обширными церковными и монастырскими имуществами. Строгіе исполнители уставовъ и всякихъ службъ дѣятельные администраторы, строители и распорядители, отличные хозяева, имѣя всегда много сношеній со всякаго рода людомъ по самымъ разнообразнымъ чисто житейскимъ и хозяйственнымъ сдѣлкамъ, они, какъ всѣ практическіе, дѣловые люди глядѣли на мысль, на умозрѣніе, какъ на пустую, безполезную тратъ времени, въ людяхъ они исключительно цѣнили строгую исполни

тельность и повиновеніе. Крутость и жестокость окружающихъ нравовъ довершала воспитаніе такихъ холодныхъ деспотическихъ натуръ [1]).

Такимъ образомъ и въ старо-русскомъ православномъ обществѣ слагались направленія довольно близкія къ латинству, какъ являлись онѣ не разъ и въ Византіи, гдѣ частью подъ вліяніемъ вмѣшательства императоровъ въ дѣла вѣры и частью чрезмѣрнаго развитія нерѣдко властолюбиваго монашества, возникали умственныя теченія, близкія по существу къ латинству и ему сочувственныя. Такова была партія враждебная патріарху Фотію. Ея отличительными чертами, по справедливому замѣчанію А. М. Иванцова-Платонова, были: церковный ригоризмъ и фанатизмъ, клерикальное вмѣшательство въ государственныя дѣла, ненависть къ просвѣщенью, неумѣренныя притязанія и злоупотребленія въ монашествѣ, усиленіе внѣшней эффектности и формализма въ развитіи церковнаго обряда, усиленіе легендаризма въ церковной литературѣ.

Въ какой степени послѣдніе два вѣка русской исторической жизни съ развитіемъ военно-полицейскаго строя нашего государства и съ направленіями новой нашей образованности могли благопріятствовать выясненію религіознаго сознанія въ русскомъ обществѣ, превосходно было раскрыто Ю. Самаринымъ въ его высоко-замѣчательномъ предисловіи къ богословскимъ сочиненіямъ Хомякова.

Все будущее русскаго просвѣщенія прежде всего зависитъ не столько отъ частныхъ, отдѣльныхъ, правда полезныхъ и нужныхъ мѣропріятій по умноженію и улучшенію всякаго рода училищъ въ ихъ внѣшнихъ и внутреннихъ условіяхъ, сколько отъ возвышенія и очищенія господствующихъ у насъ воззрѣній на вѣру, на духъ человѣческій, на Духъ Господень, отъ развитія и усиленія не внѣшней обрядности и формализма, а внутренняго христіанскаго строя и созерцанія. Тогда въ огромномъ большинствѣ людей вѣрующихъ исчезнетъ страхъ передъ знаніемъ и

[1]) Духовн. Реглам. сдѣлалъ нѣсколько напоминаній изъ Писанія: «Вѣдалъ бо всякъ епископъ мѣру чести своея и не высоко бы о ней мыслилъ...» «чтобъ укротити оную вельми жестокую епископовъ славу, чтобъ оныхъ подъ руки (донелѣже здравы суть) не вожено, и въ землю бы онымъ подручная братія не кланялись»; «честь оная умѣренна есть: а лишняя, и почитай равно царская да не будетъ; и умѣренной не самымъ пастырямъ искать и отъ подручныхъ истязовать, но свободно подаваемою довольствоваться».

наукою, невозможною безъ свободы мнѣній и сомнѣній, без свободы мысли, пропадетъ всякое желанье и поползновенье при бѣгать ко внѣшней силѣ или помощи для успѣха проповѣд христіанской. Можно представить себѣ, какъ сильно тогда измѣнятся отношенія немалой части общества, отвернувшагося от православія, когда она послышитъ отъ вооруженныхъ современ нымъ знаніемъ и образованіемъ учителей христіанскаго созер цанія, развитыя примѣнительно къ новѣйшимъ условіямъ и нуж дамъ мысли, подобныя напр. высказанной великимъ представи телемъ этого направленія, Исаакомъ Сиринымъ, на вопрос «Что такое сердце милующее?»—«возгорѣніе сердца у человѣк о всемъ твореніи, о людяхъ, о птицахъ, о животныхъ, о демо нахъ и о всякой твари. При воспоминаніи о нихъ и при воз зрѣніи на нихъ, очи у человѣка источаютъ слезы. Отъ велико и сильной жалости и отъ великаго терпѣнія умиляется сердце и не можетъ оно вынести какого либо вреда или малой печали претерпѣваемыхъ тварью. А потому и о безсловесныхъ и о вра гахъ нашихъ и о дѣлающихъ ему вредъ, ежечасно со слезам приноситъ молитву, чтобы сохранились они и были помилованы а также и объ естествѣ пресмыкающихся молится съ велико жалостью, какая безъ мѣры возбуждается въ сердцѣ человѣк до уподобленія его въ этомъ Богу». И не станутъ ли тяготѣт и привлекаться сердцемъ къ обществу вѣрующихъ массы языч никовъ, иновѣрцевъ и давно или недавно отдѣлившихся, когд увидятъ, что въ немъ вообще (а не въ тѣхъ или другихъ ча стяхъ простого народа) живутъ и исполняются такіе, распро страненные и примѣненные къ новѣйшимъ условіямъ, совѣт терпимости того же учителя: «Не отдѣляй богатаго отъ бѣднаго и не старайся распознавать достойнаго отъ недостойнаго: пуст всѣ люди будутъ для тебя равны для добраго дѣла. Такъ мо жешь и недостойныхъ привлечь къ добру. И Господь раздѣлял трапезу съ мытарями и блудницами и не отлучалъ отъ себ недостойныхъ, чтобы такъ всѣхъ привлечь въ страхъ Божій и чтобы посредствомъ тѣлеснаго приблизились къ духовному Благотвореніемъ и честью уравнивай всѣхъ людей, будетъ л кто іудей, или невѣрный, или убійца, тѣмъ паче, что и он тебѣ братъ, одной съ тобой природы, и не съ вѣдѣніемъ заблу дился отъ истины».

Съ уразумѣніемъ важности признанія свободы человѣческаг

духа въ области вѣры и знанія тѣсно связано сознаніе великаго значенія начала разнообразія въ просвѣщеніи и образованности. Одною изъ великихъ заслугъ русскаго духовенства составляютъ совершенные имъ въ разное время переводы Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки, такъ какъ православная церковь всегда признавала необходимость Слова Божія и богослуженія на родномъ языкѣ. Было бы желательно появленіе подробнаго библіографическаго указателя всѣхъ имѣющихся у насъ такихъ переводовъ на инородческіе языки. Оно необходимо не только для знанія и признанія заслугъ потрудившихся, но и для вѣрной оцѣнки того, что̀ сдѣлано вполнѣ и хорошо, что̀ только начато и ждетъ довершенія, что̀, можетъ быть, сдѣлано неудовлетворительно и потому должно быть исправлено или вновь передѣлано.

У насъ много толкуютъ и пишутъ о распространеніи русскаго языка между инородцами. Всякій языкъ распространяется внѣ предѣловъ природной своей территоріи разными способами и путями. Чѣмъ богаче народъ своею образованностью, чѣмъ выше и разнообразнѣе его литература, тѣмъ охотнѣе иноплеменные народы изучаютъ его языкъ. Пути сообщенія, связи экономическія, помимо даже школъ, много содѣйствуютъ распространенію языка господствующаго въ государствѣ народа. Далѣе школа, особенно средняя и высшая, окончательно утверждаетъ знаніе этого языка между инородцами образованными. Но низшая, первоначальная школа тамъ, гдѣ инородцы живутъ въ глуши и захолустьяхъ, далекихъ отъ большихъ дорогъ и отъ всякихъ русскихъ поселеній, тамъ понятно эта школа никогда не можетъ распространить и утвердить знаніе русскаго языка между инородцами. Что̀ узнаютъ въ два, три года, въ теченіи шестимѣсячнаго хожденія въ школу, то скоро затѣмъ и забудутъ: научить говорить на чужомъ языкѣ такая школа никогда не можетъ. Воротясь домой, дѣти конечно будутъ говорить съ отцомъ, съ матерью, въ семьѣ, у себя на улицѣ съ ребятами, конечно только на родномъ языкѣ. Оно понятно иначе и быть не можетъ, и жалѣть о томъ нечего. Нѣкоторые *спеціалисты* говорятъ, что для того надо назначать въ инородческія школы *русскихъ* учителей, ничего незнающихъ по туземному. Это заблужденіе и, прибавимъ, большое непониманіе задачи школы, даже великій грѣхъ. Что̀ священникъ, что̀ народный учитель

одинаково должны прежде всего быть близки къ своей паствѣ, къ своимъ ученикамъ и ихъ родителямъ, должны внушать имъ къ себѣ довѣріе и любовь, должны быть связаны съ ними и духовно и единствомъ рѣчи. Первоначальная школа всегда и вездѣ должна прежде всего дать начатки христіанскаго, человѣческаго и гражданскаго просвѣщенія. Если ей вмѣнить въ первѣйшую обязанность—наученіе русскому языку, то все школьное время пройдетъ для ребенка совершенно безплодно: чему учили его, онъ скоро позабудетъ, и не узнаетъ ничего, что должна дать знать первоначальная школа. «Какъ же русскіе подданные не будутъ знать русскаго языка?» Не будутъ, какъ не знали и прежде, и узнаютъ и научатся ему, когда новыя дороги, новые промыслы или торговыя связи или появленіе, въ сосѣдствѣ, русскихъ поселенцевъ, словомъ живыя связи и отношенія распространятъ русскій языкъ въ этой инородческой глуши. Уважать Россію и русскаго царя тысячи, десятки, сотни тысячъ инородцевъ нашихъ давно привыкли, и не зная русскаго языка. Любви и уваженію еще скорѣе научитъ народная школа съ языкомъ роднымъ. Какъ бы на нашъ взглядъ этотъ языкъ ни былъ простъ, грубъ, бѣденъ, онъ милъ и дорогъ ребятамъ и ихъ родителямъ. За такую милую школу они еще больше полюбятъ и больше прежняго будутъ почитать царя и Россію. Не надо никогда забывать, что инородецъ, презрительно отзывающійся о своей народности на ломаномъ русскомъ языкѣ, есть явленіе глубоко противное, и всякій трезвый добропорядочный крестьянинъ-инородецъ, не знающій ни слова по русски во сто, въ тысячу разъ для Россіи полезнѣе отбившагося отъ роднаго своего народа и дѣла любаго разбитнаго, но малопорядочнаго инородца, даже хорошо знающаго по русски... Въ значительной части нашего образованнаго или полуобразованнаго общества слышны нерѣдко самыя дикія и грубыя мнѣнія и выраженія объ инородцахъ. Это совсѣмъ не похристіански да и большое заблужденье, рѣшительно наше несчастье. Пора, давно пора понять, что начало разнообразія только пополняетъ и оплодотворяетъ начало единства: «каждую особенную народность жизни и слова, по прекрасному замѣчанію Срезневскаго, можно сравнить съ особеннымъ музыкальнымъ тономъ, каждая необходима, каждая самобытна, хотя и сливается съ другими»...

Не для одного просвѣщенія инородцевъ (православныхъ)

намъ нужны хорошіе съ извѣстнымъ образованіемъ сельскіе батюшки изъ туземцевъ или по крайней мѣрѣ отлично знающіе языки своихъ прихожанъ и такіе же учителя народныхъ школъ. Они нужны и не для одного благосостоянія русскаго государства, но и для русской науки и образованности. Въ языкахъ, народныхъ преданьяхъ, пѣсняхъ, обычаяхъ всѣхъ нашихъ инородцевъ содержится великое богатство данныхъ, важныхъ не для одной, а для нѣсколькихъ наукъ. Собранныя съ любовью и знаніемъ дѣла (тутъ преимущественно нужны развитые, любящіе свою народность туземцы изъ священниковъ и народныхъ учителей), эти данныя выяснятъ много теперь темнаго, раскроютъ много тайнъ, обогатятъ, раздвинутъ человѣческое знаніе. Въ этихъ уцѣлѣвшихъ остаткахъ большихъ нѣкогда племенъ имѣется столько разнообразныхъ темъ, мотивовъ поэтическихъ, художественныхъ (орнаменты), музыкальныхъ. Они могутъ, должны впослѣдствіи придать много новыхъ элементовъ свѣжести, сочности, разнообразія нашей поэзіи, живописи, архитектурѣ, скульптурѣ, музыкѣ. Вообще говоря, многіе недостатки нашей образованности, нашей администраціи, всей нашей полупраздной и сонной провинціальной жизни объясняются господствующимъ въ провинціальномъ обществѣ равнодушіемъ, пренебреженіемъ и невѣжественнымъ, часто весьма не нравственнымъ, презрѣніемъ къ инородцамъ, среди коихъ живутъ русскіе образованные люди часто цѣлые десятки лѣтъ, не научась ни одному изъ этихъ языковъ, не ознакомившись съ мѣстнымъ населеніемъ... Знаніе этихъ языковъ крайне необходимо и русскимъ чиновникамъ, имѣющимъ съ инородцами непосредственныя сношенія. Пошлымъ важничаньемъ, безсмысленными криками въ Петербургѣ или Москвѣ, при полномъ незнаніи мѣстныхъ условій, мы такъ называемаго *русскаго дѣла* нигдѣ не подвинемъ, *русскаго знамени* нигдѣ не водрузимъ и высоко держать не будемъ. А между тѣмъ въ ущербъ самымъ важнымъ интересамъ государства цѣлыя области и народности управляются черезъ русскихъ чиновниковъ, находящихся въ рукахъ переводчиковъ и толмачей или черезъ чиновниковъ изъ инородцевъ же, только ненавидимыхъ народностями управляемыми. Такъ весь почти Кавказъ, а не армянская его часть, управляется у насъ армянами, коихъ остальные многочисленные инородцы Кавказа вовсе не любятъ. Такъ литовцы у насъ оставлены подъ сильнымъ вліяніемъ польскимъ.

Вообще относительно этой почтенной, важной, хотя и не большой народности, у насъ существуетъ большое, печальное не доразумѣніе. Покойный, высокодаровитый А. Ѳ. Гильфердинг въ 1860-хъ годахъ былъ увлеченъ увлекавшею не немногих тогда западныхъ, католическихъ славянъ въ Австріи мыслы о примѣненіи къ ихъ языкамъ кирилловской, славянской азбук вмѣсто употребляемой у нихъ латинки. Онъ задумалъ примѣ нить и славянскую, русскую азбуку къ языку литовскому. При родный литвинъ, отличный знатокъ языка и великій народолю бецъ, человѣкъ большой эрудиціи (по языкамъ), но вовсе н писатель и еще тѣмъ болѣе не писатель народный, Микуцкі сочувствовалъ этой мысли и поддерживалъ ее въ Гильфер дингѣ. Близкій къ Н. А. Милютину, Гильфердингъ предста вилъ ему свой проектъ, и Милютинъ выхлопоталъ запреще ніе печатать литовскія книжки латиницею и приказаніе из давать ихъ лишь славянскими, русскими буквами. При этом конечно имѣлось тогда въ виду не прекращеніе литератур ной обработки литовскаго языка, а напротивъ (какъ видн изъ прекрасной статьи Гильфердинга о литовцахъ) поощре ніе ея развитію въ духѣ чисто народномъ, не польскомъ и даже намѣревались этимъ сблизить литовцевъ съ Россіек и отдалить отъ польскаго вліянія. Къ сожалѣнію этотъ про эктъ, слишкомъ отвлеченный и кабинетный, имѣлъ мало ус пѣха, но за то много дурныхъ, вовсе для насъ нежелатель ныхъ послѣдствій. Писателей литовцевъ, которые бы стал писать и печататься русскою гражданкою, не нашлось; та кихъ литовскихъ книжекъ было издано очень и очень мал Поляки, литовцы съ польскими симпатіями стали проповѣдыват въ народѣ, крѣпко преданномъ католицизму, что его таким образомъ хотятъ обратить въ православіе. Литовскихъ молитвен никовъ, напечатанныхъ русскими буквами, большинство не стал покупать, изданныя латинскими буквами въ Россіи становилис все больше и больше библіографической рѣдкостью; печатаемы заграницею, въ Пруссіи, были запрещены. И вотъ теперь за ве ликія деньги, въ три дорога, черезъ евреевъ получаютъ литовцы свои книжки, и самыя необходимыя и въ смыслѣ цензурном самыя невинныя, а вмѣстѣ съ ними и совершенно враждеб ныя Россіи: — въ послѣднія десятилѣтія образовали наши ли товцы довольно большія колоніи въ Сѣв. Америкѣ, гдѣ издаются

литовскіе журналы и разныя книжки часто чисто революціоннаго характера. И поляки, и евреи, и наши добрые сосѣди нѣмцы, такъ изучившіе нашу западную окраину, всему этому очень рады и находятъ причины желать распространенія всѣхъ подобныхъ литовскихъ изданій среди нашихъ литовцевъ [1]).

Не желая объ этомъ распространяться, мы считаемъ всего сказаннаго слишкомъ достаточнымъ для того, чтобы скромное наше мнѣніе относительно запрета въ Россіи литовскихъ книжекъ латинской печати обратило на себя вниманіе нашихъ государственныхъ людей. Ближайшіе сродичи литовцевъ, латыши слава Богу пользуются же безвозбранно въ своихъ изданіяхъ латинскою азбукою. У литовцевъ есть уже хотя и небольшая, но дорогая и любезная народу словесность, весьма цѣнная для понимающихъ важность литовскаго языка ученыхъ всѣхъ національностей. Зачѣмъ, къ чему намъ, скажите Бога ради, поселять въ смирномъ, добромъ народѣ недовольство, нелюбовь къ Россіи? Напротивъ всѣ наши интересы, народные, общественные, государственные требуютъ, чтобы литовцы любили, сохраняли свою народность и крѣпко ея держались: въ знаніи русскаго языка, какъ языка средняго и высшаго образованія, языка русской арміи и вообще государственнаго они все болѣе будутъ чувствовать и сознавать потребность. Что̀ же нужно бы было, того къ сожалѣнію, мы не дѣлаемъ. Въ церковно-іерархическомъ отношеніи литовцы по прежнему подчинены полякамъ. Ихъ народолюбцы священники часто боятся своихъ епископовъ, когда они поляки или польскаго направленія и какъ таковые смотрятъ очень косо на ксендзовъ, слишкомъ преданныхъ своей народности, не признающихъ великихъ благодѣяній старой Рѣчи Посполитой, ничего себѣ, народу не ожидающихъ и отъ будущей. Нельзя не желать, чтобы литовская католическая іерархія, все литовское католическое духовенство было совершенно независимо отъ какихъ бы то ни было польскихъ іерарховъ, чтобы употребленіе

---

[1]) «Въ Пруссіи, какъ писалъ въ 1887 г. одинъ изъ литвиновъ американскихъ, крайній фантазеръ, но въ этомъ случаѣ вѣрно передающій факты:— въ послѣднее время стали ухаживать за литовцами. «Tilsiter lit. lit. Verein» въ ст. г. Фридеберга «Bilder aus Ostpreussen» прусская Литва выставляется центромъ литовскаго просвѣщенія, и *Литвѣ обѣщается лестное будущее подъ жезломъ прусскимъ*».

народнаго литовскаго языка въ литовскихъ приходахъ повсю пользовалось исключительнымъ преобладаніемъ, чтобы знаı польскаго языка литовскому духовенству никакими способаı свыше (отъ польскихъ духовныхъ властей) не навязывалось. Точı также нельзя не считать желательнымъ и раздѣленіе евангелич ской церкви по народностямъ: нѣмецкой, латышской, эстонскс Отчего бы латышамъ и эстонцамъ не имѣть своихъ епископоı суперинтендентовъ и къ чему намъ удерживать ихъ въ іерарх ческой зависимости отъ нѣмцевъ? Вообще дѣло инородческое Россіи требуетъ внимательнаго, обстоятельнаго изученія.

Нельзя не отнестись съ великимъ уваженіемъ къ староı учрежденію, при нашихъ духовныхъ школахъ разныхъ епа хій, преподаванія въ нихъ мѣстныхъ инородческихъ языков Можно только пожелать возможно наилучшей постановки это дѣла и устройства такого же преподаванія, но не обязательнаг мѣстныхъ инородческихъ языковъ и въ нашихъ свѣтскихъ сре нихъ и высшихъ заведеніяхъ всѣхъ нашихъ учебныхъ окр говъ: вездѣ между юношествомъ и молодежью найдутся желаı щіе научиться или вѣрнѣе съищутся юноши изъ уѣздовъ, т земцы или русскіе, уже практически болѣе или менѣе знаı щіе тотъ или другой инородческій языкъ, и пожелающіе изучи его основательнѣе. Такіе знатоки инородческихъ языковъ только нужны для администраціи, но и для успѣховъ русскı науки, вообще для русской образованности, для разсѣянія со ливости мысли, для развитія пытливости ума, для возбужден здоровыхъ умственныхъ интересовъ въ провинціальномъ нашеı обществѣ, часто убійственно до тупости равнодушномъ къ ваı нымъ по внутреннему смыслу интересамъ и нуждамъ всего иı окружающаго населенія.

Русская образованность подражательнаго направленія видиı истощилась, чахнетъ; общеобразовательная мѣсячная період ческая литература, исключительно представляемая Петербургоı и Москвою, за послѣднее въ особенности время оскудѣла талаı тами, пробавляется по части идей повтореніемъ и промываніеı стараго, замѣтно линяетъ, пошлѣетъ. Петербургъ, по своему пол женію, никогда не можетъ имѣть большаго общественнаго знач нія. Онъ благопріятенъ лишь для строго-ученой дѣятельности. К сожалѣнью Москва, надѣемся, временно потеряла свое прежне значеніе умственнаго русскаго центра: въ ней есть почтенны

ученые, писатели, но она перестала быть столицею русской мысли, какою была со временъ Новикова и Карамзина. Москва, какъ вѣрно замѣтилъ уже Стасовъ, теряетъ свой внѣшній оригинальный видъ и пошлѣетъ не только наружно, эстетически, но и умственно. Вмѣсто прежней большой скуки отъ недостатка развлеченій и вмѣсто довольно сильной умственной жизни и борьбы въ разныхъ ея общественныхъ кружкахъ развилась страсть развлеченій, какая-то гостинодворская юркость, внѣшняя совсѣмъ почти петербургская дѣятельность и суетливость съ застоемъ мысли и пониженіемъ духовныхъ интересовъ. Какъ разные губернскіе города, Москва теперь спитъ и видитъ, какъ бы въ чемъ нибудь европейскомъ не отстать отъ Петербурга и даже перещеголять его. Обновленія, оживленія умственной жизни надо теперь ожидать изъ провинцій, не отъ Петербурга, не отъ Москвы. Дай Богъ, чтобы пробужденное нынѣшнимъ бѣдствіемъ вниманіе и сердечное участіе къ внутренней, провинціальной нашей жизни не охладѣло и по минованіи временной причины, чтобы большая часть лучшихъ добровольцевъ-дѣятелей не спѣшила ворочаться въ столицы и нашла себѣ постоянное, живое дѣло внутри Россіи. Дай Богъ, чтобы большая часть лучшей нашей молодежи, по окончаніи высшаго или хорошаго средняго образованія въ обѣихъ столицахъ, по долгу въ нихъ не заживалась до полнаго погруженія въ чисто московскіе или петербургскіе интересы и спѣшила ѣхать на служеніе Россіи въ провинціальные города или уѣзды.

Русское государство отнынѣ направитъ главныя свои заботы на подъемъ экономической жизни страны и упорядоченіе ея бытовыхъ условій. Общія пожеланія всѣхъ лучшихъ русскихъ людей можно выразить въ одномъ: да стѣсняется у насъ все болѣе и болѣе свобода творить зло и неправду и да расширяется свобода отдѣльныхъ лицъ, земствъ и городовъ на совершеніе всякаго добраго и полезнаго дѣла, да исчезаютъ у насъ всякія проволочки, задержки, разныя формальности, напрасно часто только мѣшающія въ самыхъ незначущихъ дѣлахъ всякому доброму почину въ уѣздѣ или уѣздномъ городѣ, часто также слишкомъ зависимомъ отъ губернскаго какъ часто стѣснены и слишкомъ зависимы городъ губернскій и губернія отъ столицы.

Но всѣ лучшія наши стремленія и намѣренія о внутреннемъ развитіи Россіи могутъ быть неожиданно прерваны,

все ея существованіе можетъ подвергнуться страшнымъ исп таніямъ и ударамъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, сама Рос этого внѣшняго бѣдствія, войны съ ея ужасами никогда не в зоветъ. Но при нынѣшнемъ напряженномъ положеніи Европы ея страшныхъ вооруженіяхъ, при извѣстномъ планѣ наступате ной войны Германіи и Австро-Венгріи съ Россіею, государс наше не можетъ не готовиться къ отраженію и отпору. Русск общество разумѣется желаетъ, чтобы этой войны вовсе не бы й, если она должна уже быть, то пусть будетъ какъ мож позже. Коалиція, въ данномъ случаѣ, Тройной Союзъ хотя си нѣе и опаснѣе одного сильнаго сосѣда, но за то пр ставляетъ больше поводовъ для всякихъ проволочекъ. По тика мирной, нападаемой державы легче можетъ парализова рѣшимость и готовность къ наступленію, имѣя противника въ одной державѣ, а въ союзѣ трехъ государствъ. Какъ бы ни было, но отрицать всякую возможность такой войны нѣ основанія, хотя она и въ высшей степени нежелательна.

Если же она когда нибудь да будетъ, то безъ сомнѣ своими размѣрами и бѣдствіями она превзойдетъ войну 1812 Пусть прусско-австрійскій планъ есть тотъ же Наполеоновс планъ похода на Москву, въ сердце Россіи, и слѣдователь планъ намъ знакомый. Но при составленіи этого плана герм скіе стратеги тщательно старались избѣжать всѣхъ ошибо Наполеона I. Они говорятъ: наша армія не будетъ такъ дале отъ базиса, какъ была наполеоновская, мы лучше знаемъ, гораздо точнѣе изучили Россію, въ ней все намъ извѣстн благодаря нашему сосѣдству, великому множеству бывавшихъ живущихъ въ Россіи нѣмцевъ: сколько было до Наполеона при Наполеонѣ французовъ въ Россіи, и такое ли они въ н занимали положеніе? У Наполеона не было желѣзныхъ доро интендантская часть была дурно устроена, Пинскихъ болотъ б лѣе нѣтъ: «въ 12-мъ году площадь болотъ р. Припети, до дящая до Бреста, представляла непроходимую преграду», т перь по осушенымъ болотамъ пролегаютъ рельсовые пути, вся эта площадь — «открыта для военныхъ дѣйствій, что имѣетъ особенное значеніе на случай вспомогательныхъ дѣйств австрійцевъ съ линіи Краковъ-Львовъ въ сѣверо-восточномъ н правленіи черезъ Кіевъ». Россія стала богаче и «веденіе н родной войны, подобно тому, какъ это было въ 1812 г., т.

оставленіе жителями своихъ жилищъ и ихъ уничтоженіе представляется де теперь дѣломъ невозможнымъ».

Подобно Наполеону нѣмцы заявляютъ, что они съ австрійцами не преслѣдуютъ въ этой войнѣ никакихъ своекорыстныхъ цѣлей и не ищутъ себѣ никакихъ пріобрѣтеній. Они обѣщаютъ возстановить Польшу; но ни Австрія, ни Пруссія не намѣрены отдавать полякамъ своихъ польскихъ провинцій; ни для одной изъ нихъ не представляется выгоднымъ въ увеличеніи у себя славянской народности, особенно съ столь рѣзко выраженными національными особенностями, какъ это имѣетъ мѣсто у польской народности... «Если польская нація вообще способна къ государственной жизни (нѣмцы въ это не вѣрятъ: одинъ изъ стратеговъ откровенно замѣчаетъ: «чистоплотнаго нѣмца уже въ силу привычки коробитъ при одномъ воспоминаніи о Польшѣ»), ей могъ бы быть указанъ этимъ способомъ путь къ спокойному, постепенному внутреннему развитію, подъ покровительствомъ обѣихъ великихъ державъ. Германія создала бы себѣ такимъ образомъ прочную границу противъ Россіи и достигла бы уничтоженія обременительной русской таможенной линіи. (Свободной Польшѣ предпишутъ уже, какую надо, таможенную линію). Прибрежья прусскія могли бы вновь подняться, вслѣдствіе доступа въ сосѣднія съ ними страны; восточныя провинціи тоже много выиграли бы относительно увеличенія своего внутренняго благосостоянія; сама Польша могла бы сдѣлаться болѣе доступною для цивилизаціи, съ улучшеніемъ путей сообщеній. Заключеніе торговаго, таможеннаго и почтоваго союза между Германіей, Австро-Венгріей и Польшей послужило бы не только ко взаимному обмѣну предметовъ сельскаго хозяйства и мануфактурной промышленности, но дало бы возможность этимъ государствамъ занять болѣе вліятельное положеніе на всемірномъ рынкѣ» [1]).

Нѣмецкіе стратеги говорятъ, что «катастрофа, постигшая великую французскую армію въ 1812 г. до сихъ поръ дѣйствуетъ подавляюще *на слабые характеры*». Но занявъ привислинскій край, союзники легко де могутъ занять вторую оборонительную линію Русскаго царства — линію средняго Буга съ

---

[1]) Польскій театръ войны соч. Сарматикуса. Русск. перев. Спб. 1881. Его же: Отъ Вислы до Днѣпра. Спб. 1886.

крѣп. Брестъ-Литовскимъ въ центрѣ. Удержаться на этой линіи течeніи долгаго времени русской арміи не представится возмо нымъ, такъ какъ правый ея флангъ можетъ быть обойденъ съ сѣве а лѣвый ничѣмъ не прикрытъ противъ наступленія австрійце съ юга. «Далѣе де можетъ служить желѣзная дорога, предс вляющая отъ Минска двойную линію для подвоза съ баз Кромѣ того для той же цѣли (наступленія на Москву) може служить сѣть югозападныхъ желѣзныхъ дорогъ. Черезъ Кіе пролегаетъ еще этапная линія изъ Галиціи, которая далѣе і детъ черезъ Курскъ и Орелъ къ Москвѣ».

Громадная разница между кампаніей 1812 г. и предпол гаемой состоитъ, по словамъ Сарматикуса, въ томъ, что снар женіе современныхъ армій и снабженіе ихъ всѣмъ для ни необходимымъ можетъ быть значительно совершеннѣе сравн тельно съ наполеоновскою арміею 1812 г., и внутренняя и связь совершенно не та, какая была въ составленной изъ ра нообразныхъ элементовъ *великой арміи*. — «Точно также, гоі ритъ Сарматикусъ, не повторятся ошибки, сдѣланныя въ время: не обезпеченныя операціонныя линіи и плохая дисци лина въ войскахъ. Напротивъ русскіе наврядъ ли оставятъ св жилища и разрушатъ ихъ, какъ это было въ 1812 г., та какъ это средство при обезпеченной базѣ и хорошо снабженн арміи наступающаго окажется только во вредъ обороняющ муся, и даже настолько, что не непріятельская армія буде ощущать во всемъ недостатокъ и нужду,—а напротивъ русская

Результатомъ де этой войны должно быть — «оттѣсненіе в ликой славянской державы, столь чуждой интересамъ остальн западной Европы, въ ея прежніе предѣлы и созданіе промеж точнаго государства, которое бы служило переходною ступен и посредствующимъ звеномъ между германскимъ центромъ славянскимъ востокомъ европейскаго материка».

Австрійскіе стратеги («Главная цѣль будущей австро-ру ской войны») тоже желаютъ возстановленія Польши и предп лагаютъ отобрать у Россіи всю ея западную часть до Двин и Днѣпра, дабы создать новое государство, «которое бы нах дилось въ политической связи съ Австро-Венгріею». (О Герма ской имперіи или о Пруссіи ни слова: какъ бы ни поссорить старымъ друзьямъ, какъ оно случилось въ войну съ Даніе за Шлезвигъ-Голштинію).

«Присоединеніе Польши къ Австріи усложнило бы нѣсколько государственный ея механизмъ, но извѣстно, что для спокойнаго развитія государства гораздо удобнѣе присоединеніе провинцій, ищущихъ этого соединенія, нежели тѣхъ, которые этого не желаютъ». Отказаться отъ задачь на Балканскомъ полуостровѣ Австрія де не можетъ, а между тѣмъ вліяніе тамъ Россіи сильнѣе австрійскаго, такъ какъ на Болгарію (пис. до 1884 г.) и Черногорію Россія можетъ разсчитывать вполнѣ, а въ Сербіи и Румыніи она имѣетъ многихъ приверженцевъ. «Съ потерею Польши, до Днѣпра и Двины, Россія будетъ отдѣлена окончательно отъ Балканскаго полуострова, и народы его подпадутъ естественно мирному вліянію Австріи безъ всякаго ея ослабленія».

Таковы планы и желанія военныхъ пруссаковъ и австрійцевъ, высказанныя во множествѣ книгъ и статей изданныхъ въ послѣднія 10—12 лѣтъ. Но задолго до этого была уже цѣлая *штатская* литература нѣмецкая съ такими же планами и желаніями. Слишкомъ двадцать лѣтъ назадъ мы имѣли случай изложить главныя ея положенія о необходимости распространенія нѣмецкой національности и цивилизаціи на славянскій сѣверо и юго-востокъ [1]).

Всѣ подобныя положенія и мнѣнія высказывались въ нѣмецкой литературѣ, печати, задолго до прусскихъ побѣдъ Мольтке и до появленія Бисмарка. Въ такихъ воззрѣніяхъ, на такихъ понятіяхъ выростали цѣлыя поколѣнія. Они плодъ многовѣковой исторіи. Что̀ стали о себѣ думать нѣмцы и пруссаки въ особенности, перемѣнились ли ихъ воззрѣнія на призваніе германизма на славянскомъ востокѣ, съ тѣхъ поръ какъ они устроили у себя военную имперію, заключили союзъ съ Австро-Венгріею и Италіею, стараются всячески о тѣснѣйшемъ сближеніи съ Англіею, и, постоянно увеличивая свои вооруженія, настойчиво требуютъ того же отъ своихъ союзниковъ?

Лѣтъ около 30 назадъ Франція Наполеона III, имѣя за собою Англію, призывала Германію къ такому же крестовому походу на Россію. Въ южной, западной Германіи, у нѣмцевъ австрійскихъ публицистика горячо защищала эту мысль. Но Пруссія

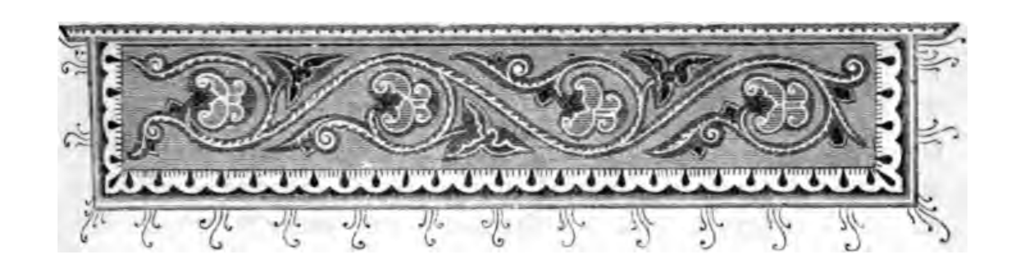
---

[1]) Объ историческомъ изученіи Греко-Славянскаго міра въ Европѣ. Спб. 1871. С. 128—129, 132.

въ то время уже рѣшилась выбросить Австрію изъ Союза самой стать въ его главѣ. За войной 1866 г. послѣдовала вой 1870 г. Предводительство континентальною Европою отъ Фра ціи перешло къ Германіи, съ Пруссіею во главѣ. Такой : переходъ имперіи отъ франковъ къ нѣмцамъ совершился 9 лѣтъ назадъ.

Вотъ новѣйшія отношенія Романо-Германскаго міра и собственной Европы къ міру Греко-Славянскому и собствен къ его главнѣйшей представительницѣ—Россіи.

В. Ламанс



900-ЛѢТІЕ ВОЛЫНСКОЙ ЕПАРХІИ.

«Въ лѣто 6500... постави Леонтъ, митрополитъ Кіевскій и всея Руси, Чернигову епископа Неофита, а въ Ростовъ постави епископа Феодора, а въ Володимерь Стефана, а въ Бѣлградъ Никиту... И радовахуся людіе, и сіаше православіе, и прославляшеся имя Христово, и слово Божіе растяше и множашеся» (П. С. Р. Л., IX. 64, 65).

I.

Въ ВОЛЫНСКОЙ епархіи идутъ большія приготовленія къ празднованію 900-лѣтія ея существованія. Въ «Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» печатается воззваніе мѣстнаго архіерея къ своей паствѣ для заблаговременнаго прочтенія народу во всѣхъ церквахъ обширной Волыни. Во многихъ тысячахъ экземпляровъ приготовляются народныя изданія по исторіи православія и русской народности въ той же Волыни и металлическіе образки съ изображеніями на лицевой сторонѣ почаевской Богоматери, а на оборотной — васильевскаго владиміро-волынскаго храма, а надъ нимъ вел. кн. Владиміра св. и перваго епископа Стефана, съ зимнинской иконой Божіей Матери посреди ихъ. Научное разъясненіе церковно-историческаго прошлаго волынской епархіи и нынѣшняго ея состоянія предложено будетъ въ особомъ сборникѣ: «Девятисотлѣтіе православія на Волыни», который выйдетъ изъ печати къ 1-му мая. Въ память того же 900-лѣтія сооружается во Владимірѣ-Волын-

скомъ часовня на средства мѣстнаго православнаго братст
Къ богослужебному участію въ предстоящій праздникъ приг
шены архіереи сопредѣльныхъ епархій: митрополитъ кіевскі
епископы холмско-варшавскій и подольскій; сдѣлано сноше
съ кѣмъ слѣдуетъ объ освобожденіи отъ занятій ученик
учебныхъ заведеній и войскъ, расположенныхъ въ волынск
губерніи, для принятія тѣми и другими участія въ торжества
получено заявленіе отъ волынскаго губернскаго предводите
дворянства, что «многіе изъ дворянъ волынской губерніи,
главѣ съ нимъ, почтутъ за особое счастіе принять дѣятельн
участіе въ предполагаемомъ духовномъ празднествѣ».

За неизвѣстностью дня и мѣсяца учрежденія и открытія «во
димерской» на Волыни епархіи, юбилейный праздникъ ея п
уроченъ ко дню памяти «словенскихъ странъ учителей, Кирил
и Мефодія богомудрыхъ», такъ какъ первыя сѣмена христіанст
проникли туда изъ Великой Моравіи, восточная граница
торой простиралась, какъ полагаютъ, до Стыря и Буга. Главны
мѣстомъ волынскихъ торжествъ будетъ г. Владиміръ-Волынскі
и продолжаться они будутъ въ немъ съ 10 по 12 мая. Кро
совершенія во всѣ три дня торжественнаго богослуженія, 10-
числа имѣетъ быть публичное собраніе, въ которомъ будутъ п
изнесены соотвѣтствующія событію рѣчи, а 12-го торжествен
засѣданіе владиміро-волынскаго братства. Въ остальныхъ го
дахъ и въ селахъ волынской епархіи, сверхъ поученій за литургіе
раздачи народу брошюръ, образковъ и крестиковъ по окончан
ея, и «собесѣдованій» духовенства съ прихожанами послѣ в
черни, предположено ознаменовать 11-ое мая, по возможно
въ каждомъ приходѣ, «или возобновленіемъ древнихъ церко
ныхъ братствъ, или учрежденіемъ церковно-приходскихъ школ
или заведеніемъ обществъ трезвости», сообразно съ мѣстны
нуждами и условіями.

Изъ сказаннаго видно, что предстоящія волынскія празд
ства будутъ совершенно отвѣчать духу и значенію тѣхъ це
ковно-народныхъ событій, которыя переживала Волынь втече
900 лѣтъ.

II.

Въ первыя три съ половиною столѣтія отъ начала существ
ванія владиміро-волынской епархіи, Волынь находилась по

властію русскихъ князей изъ рода св. Владиміра. Они много содѣйствовали утвержденію своихъ подданныхъ въ православной вѣрѣ и распространенію между ними просвѣщенія. До нашего времени сохранилось нѣсколько извѣстій и преданій объ усердіи волынскихъ князей къ сооруженію и благолѣпію церквей. Мстиславъ Владиміровичъ украсилъ ими въ первой половинѣ XII в. г. Луцкъ, а Мстиславъ Изяславичъ построилъ въ 1160 г. великолѣпный успенскій соборъ во Владимірѣ-Волынскомъ, грандіозныя развалины котораго существуютъ и понынѣ. О Даніилѣ Романовичѣ († 1264 г.) изъ лѣтописи извѣстно, что онъ «созда городы многи, и церкви постави, и украси ѣ различными красотами». Не менѣе славенъ сооруженіемъ церквей и особенно благолѣпнымъ украшеніемъ ихъ племянникъ его, Владиміръ Васильковичъ. Съ каждымъ столѣтіемъ на Волыни прибывало церквей и монастырей.

Успѣшно шло тогда на Волыни и просвѣщеніе въ духѣ той же православной вѣры. Уже въ XI в. была тамъ цѣлая сѣть училищъ: ради смотрѣнія ихъ и наставленія учителей пріѣзжалъ изъ Кіева во Владиміръ-Волынскій іерей Василій, упоминающій объ этомъ подъ 1097 годомъ. Въ XII в. галицко-волынскій князь Ярославъ Осмомыслъ самъ былъ «изученный многимъ языкамъ и наукамъ» и вмѣнялъ инокамъ въ обязанность обучать дѣтей грамотѣ, притомъ на монастырскія средства. Изъ XIII в. можно указать на кн. Владиміра Васильковича, прозваннаго за свою начитанность философомъ, который усердно заботился о просвѣщеніи своихъ подданныхъ: пріобрѣталъ книги, даже собственноручно списывалъ ихъ и жертвовалъ въ монастыри и церкви. Памятникомъ просвѣщенія и самостоятельной письменности на Волыни въ XI в. служитъ для насъ описаніе нѣкоторыхъ волынскихъ происшествій іереемъ Василіемъ, который около 1098 г. посланъ былъ во Владиміръ-Волынскій къ ослѣпленному князю Васильку Ростиславичу, описалъ свой разговоръ съ нимъ и самыя обстоятельства ослѣпленія. Отъ XIII в. сохранились до нашего времени посланія или поученія волынскаго игумена Петра, впослѣдствіи московскаго митрополита. Но особенно цѣннымъ и краснорѣчивымъ памятникомъ древняго просвѣщенія на Волыни служитъ волынская лѣтопись, лучшій списокъ которой извѣстенъ подъ именемъ Ипатьевскаго.

О высотѣ христіанской жизни на Волыни за то же время

свидѣтельствуетъ рядъ святыхъ подвижниковъ изъ князей, св тителей и иноковъ. Для примѣра укажемъ на князей: вл диміро-волынскаго Ярополка Изяславича († 1086) и луцка Святослава Давидовича, извѣстнаго подъ именемъ Николы Св тоши; на волынскихъ епископовъ—Стефана II († 1094) и А филохія († 1122) и на св. Петра, б. игумена ратненскаго († 132

Просвѣщеніе въ православной вѣрѣ и христіанской жиз сопровождалось благотворными послѣдствіями въ политическо отношеніи. Населявшія Волынь племена: древляне, волыня часть полянъ и дреговичей, объединенныя въ одно цѣлое внѣ нею силою, путемъ завоеванія, — подъ вліяніемъ духовенст церквей и училищъ объединяются внутренно, единствомъ вѣр При тогдашнихъ удѣльныхъ смутахъ стремленіе лучшихъ княз къ объединенію Руси часто истекало изъ понятій о государстве ной власти, перенесенныхъ съ православною вѣрою изъ Византі

Вслѣдствіе географическаго положенія Волыни очень ра стало проникать туда западное вліяніе. Особенно это нуж сказать о галицко-волынскихъ князьяхъ, которые нерѣдко вс пали въ родственныя связи съ западно-европейскими дв рами, а иногда получали при нихъ и образованіе, напримѣръ Польшѣ и Угріи. Но православная церковь стояла на страж чтобы вліянія Запада не коснулись существенныхъ сторо жизни. Вспомнимъ исполненный достоинства отвѣтъ кн. Рома Мстиславича посламъ папы Иннокентія III и полную неуда папы Иннокентія IV привлечь на сторону уніи «короля» Да ила Романовича.

Паства владиміро-волынскихъ епископовъ за это время во росла въ такой степени, что изъ волынской епископіи выд лились пять новыхъ самостоятельныхъ епархій, именно: въ н чалѣ XI в. туровская и холмская (временно), въ XII в. пер мышльская (въ 1120 г.) и галицкая (1557 г.), къ котор отошло и западное Понизье, затѣмъ въ XIII в. холмская (око чательно) и луцкая. Однимъ словомъ, православіе на Волын пока она находилась подъ властію русскихъ князей, сдѣлало вѣроисповѣданіемъ всѣхъ ея жителей; а какъ велика была си и стойкость ихъ православныхъ убѣжденій, это проявилось эпоху литовскаго и особенно польскаго владычества на Волынью.

III.

Православіе на Волыни во времена литовскаго владычества надъ нею (съ 1324—62 по 1569 г.) продолжало быть вѣроисповѣданіемъ всего русскаго народонаселенія, несмотря на посягательства короля Казимира Вел. (1349—70) и на правительственныя ограниченія православныхъ, начавшіяся съ 1386 года. Втеченіе всего литовскаго періода исторіи Волыни непрерывно продолжается преемственное служеніе православныхъ епископовъ во Владимірѣ-Волынскомъ и Луцкѣ, умножаются православные монастыри и церкви. Особенно много воздвигнуто ихъ первымъ княземъ изъ литовцевъ, Любартомъ Гедиминовичемъ, и князьями Острожскими, въ обширныхъ владѣніяхъ которыхъ насчитывалось въ XVI в. болѣе 600 православныхъ церквей и до 10 монастырей. Усердными создателями и благотворителями тѣхъ же учрежденій были князья Θеодоръ Чарторыйскій (XV в.), Богушъ Корецкій и В. М. Сангушко. Въ 1494 году владимірскій епископъ Вассіанъ на свои средства возобновилъ успенскій мстиславовъ соборъ и между прочимъ пожертвовалъ икону Божьей Матери греческаго письма, которая прекрасно сохранилась до нашего времени. Сохранилось на Волыни много и другихъ древнихъ иконъ, рукописныхъ евангелій, апостоловъ отъ XIV — XVI вѣковъ. Въ Дубенскомъ евангеліи 1539—68 гг. вписанъ списокъ монастырскихъ книгъ того времени, много напоминающій своимъ содержаніемъ книгохранилища нашихъ монастырей на сѣверѣ Россіи. О томъ же свидѣтельствуютъ остатки библіотекъ отъ XVI вѣка монастырей дерманскаго, мѣлецкаго, загоровскаго, тригорскаго и почаевской лавры.

Христіанская жизнь православныхъ волынянъ продолжала и въ этомъ періодѣ выражаться въ высокихъ подвигахъ благочестія. Кромѣ многихъ новыхъ обителей, о такихъ подвигахъ свидѣтельствуютъ прославленные церковью преподобный Θеодоръ, изъ князей Острожскихъ (†1430), и блаженная Іуліанія, княжна Ольшанская. О стойкости волынянъ въ православной вѣрѣ можно судить по тѣмъ неудачамъ, какія терпѣла учрежденная для Волыни съ пропагандистскими цѣлями р.-католическая епархія. Открытая въ 1364 г. во Владимірѣ-Волынскомъ, она существуетъ на этотъ разъ только до 1370 года, затѣмъ возстановляется въ

1375 году и черезъ 52 года переносится въ Луцкъ. О дѣятельности владиміро-волынскихъ бискуповъ и ихъ каѳедральнаго духовенства даже польскіе историки ограничиваются лишь фактомъ открытія доминиканскаго монастыря въ Луцкѣ (1393 г.); а объ епископахъ луцкихъ по тѣмъ же источникамъ извѣстно, что до конца XV в. появилось всего только пять костеловъ на всю обширную Волынь, и то одинъ изъ нихъ (въ Острогѣ) достовѣрности очень сомнительной. Дѣйствительныя чувства волынянъ къ р. католичеству весьма энергично проявились въ 1431 году, во время войны вел. князя Свидригайла съ королемъ Ягайломъ. Выразителемъ сознательной приверженности волынянъ къ православію былъ владимірскій епископъ Даніилъ, когда вмѣстѣ съ другими западнорусскими іерархами призналъ «легата отъ ребра апостольскаго» Исидора латинскимъ еретикомъ, а святителя Іону—единственнымъ законнымъ первосвятителемъ всей русской церкви. Что въ данномъ случаѣ единомышленниками епископа Даніила были волынскіе бояре и дворяне, это видно изъ посланія къ нимъ того же первосвятителя Іоны: «Слышаніе наше, сынове, —читаемъ въ немъ—что, по великой вашей вѣрѣ къ Богу и церкви Божіей, къ нашему смиренію имѣете великую вѣру; такожъ и о всемъ нашемъ великомъ православіи коликое попеченіе имѣете и стоите за христіанство, слышимъ». Правда, что вскорѣ послѣ этого послѣдовало отдѣленіе западнорусской митрополіи вотъ сѣеровосточной, но это было дѣломъ иновѣрнаго правительства; а всѣ попытки его ввести тогда же флорентинскую унію потерпѣли полную неудачу.

Подобными же явленіями, свидѣтельствующими о нравственной силѣ православія и слабости р. католичества на Волыни, характеризуется и XVI столѣтіе, до самой люблинской уніи. Въ луцкой р. католической епархіи прибавилось за это время всего только пять костеловъ, да и самое католичество волынское по духу еще не было польскимъ. О луцкомъ р. католическомъ епископѣ Викторѣ Вербицкомъ хорошо извѣстно, что онъ былъ русскій человѣкъ: даже письма къ королю писалъ по-русски, а не по-польски и не по-латыни. Онъ же былъ въ числѣ тѣхъ волынскихъ пословъ, которые поспѣшили выѣхать изъ Люблина, чтобы не учинить рукоприкладства на соединеніе Волыни съ Польшею, и которые потомъ отказались исполнить королевскій универсалъ 12 марта 1569 г. на томъ основаніи, что къ нему была

приложена не литовская, а польская печать. Передъ вынужденной 24 мая того же года присягой въ Люблинѣ на политическую унію съ Польшей, князь Константинъ Вишневецкій отъ имени волынянъ просилъ короля: «мы, люди греческой вѣры, просимъ, чтобы насъ не унижали и чтобы никого не принуждали къ другой вѣрѣ». Какъ много дворянъ «греческой вѣры» было въ 1569 году на Волыни, можно судить въ нѣкоторой степени по тому, что королевскіе чиновники, посланные для приведенія къ присягѣ на эту унію дворянъ и обывателей волынскихъ на мѣстахъ жительства ихъ, въ одномъ луцкомъ повѣтѣ привели къ присягѣ до 226 дворянъ и во владимірскомъ до 109 лицъ изъ высшаго же класса народонаселенія, и всѣ эти 335 человѣкъ, за немногими исключеніями, были православные. Поляки соглашались было на люблинскомъ сеймѣ оставить Кіевъ за Литвою, въ виду его отдаленности отъ собственной Польши и трудности защищать отъ татарскихъ набѣговъ и московскихъ притязаній; но волынскіе послы настояли на присоединеніи этого религіознаго центра ихъ къ Польшѣ, чтобы и впредь находиться съ нимъ въ тѣснѣйшей связи. Эта связь въ ближайшемъ же будущемъ очень понадобилась и была весьма спасительна для западной Волыни, составлявшей съ того времени волынское воеводство. Но она была не выгодна для восточной Волыни, именно для повѣтовъ житомірскаго и овручскаго, входившихъ до того времени въ составъ Кіевской земли, которой вмѣстѣ съ Кіевомъ благополучнѣе (по крайней мѣрѣ нѣкоторое время) жилось бы «за Литвою», потому что огражденныя актомъ люблинской уніи права православной вѣры и русскаго языка въ соединенныхъ съ Польшею «земляхъ» остались лишь на бумагѣ.

IV.

Не будемъ касаться страшнаго мартиролога православныхъ волынянъ въ періодъ полнаго польскаго владычества въ Волыни (съ 1569 по 1793—95 гг.). Отмѣтимъ лишь важнѣйшіе факты самозащиты и стойкости ихъ въ своей вѣрѣ, чтобы видны были нравственныя права на предстоящее юбилейное торжество, а не одни лишь хронологическія основанія для него.

Велика заслуга въ этомъ отношеніи прежде всего волынскихъ вельможъ и вообще дворянъ. Благодаря ихъ содѣйствію,

а часто и по личному начинанію, на Волыни появилось мно церквей и монастырей, такъ называемыхъ «общежительныхъ и преобразованы многія изъ прежнихъ обителей по тому : «чиноположенію св. Василія Великаго». Упомянемъ здѣсь зн менитаго наставника монашескаго общежитія на Волыни, сх монаха Іова Княгининскаго († 1621 г.) и подвижника въ этоı общежитіи преподобнаго Іова Желѣзо, мощи котораго почив ютъ съ 1659 года въ почаевской лаврѣ. Волынскіе же вельмоɜ того времени заводили школы, типографіи, издавали книı учреждали братства Особенно замѣчательна въ этомъ отнош ніи дѣятельность князя К. К. Острожскаго. Изъ дѣлъ его отм тимъ въ частности изданіе въ 1581 году «Острожской библіи а изъ другихъ дѣятелей упомянемъ имена Даніила и Христиı Малинскихъ, князей Четвертинскихъ, Семена Гулевича-Во тинскаго, Ирины Ярмолинской, Ирины Соломерецкой, Ада Киселя.

Объявленное на брестскомъ «соборѣ» 1596 года присоед неніе къ уніи епархій владиміро-волынской и луцкой было ли нымъ дѣломъ измѣнившихъ православію и своимъ паства епископовъ, Ипатія Потѣя и Кирилла Терлецкаго. Волынсı «послы» горячо ратуютъ на сеймѣ 1607 года объ уничтожен уніи, о дозволеніи избрать новыхъ іерарховъ, о возвращен православнымъ насильно отнятыхъ монастырей и церковны имѣній, объ учрежденіи семинарій для образованія правосла наго духовенства и проч. Голоса волынскаго дворянства въ з щиту православія раздаются на польскихъ сеймахъ до 16 года. Вспомнимъ въ частности сеймовую рѣчь знаменита чашника волынской земли Лаврентія Древинскаго, сказанну имъ въ 1620 году, и наказы волынскимъ «посламъ» въ 16 и 1645 годахъ.

Сначала въ подмогу, а потомъ на смѣну дворянству, ря которого во второй половинѣ XVII в. все болѣе и болѣе р дѣютъ, выступили на защиту православной вѣры церковн братства. Особенно замѣчательнымъ было луцкое крестовоздв женское братство, а послѣ него болѣе извѣстны кременецк богоявленское и владиміро-волынское. Уполномоченные луцка братства: князь Вячеславъ Четвертинскій, Даніилъ Браткс скій и Андрей Гулевичъ, прибывши на люблинскій съѣздъ 16 года, рѣшительно заявили самому королю отъ имени прав

славныхъ братствъ, что безъ сношенія съ восточными патріархами и безъ участія ихъ никакія уніонныя сдѣлки въ дѣлахъ вѣры невозможны; тогда же на собраніи всѣхъ представителей православныхъ братствъ повторено было обязательство стоять за православіе до конца.

Изъ исторіи православной волынской іерархіи того времени вспомнимъ прежде всего такъ называемое «возстановленіе» ея въ 1620 году, съ посвященіемъ въ епископы владимірскіе и брестскіе Іезекіиля Курцевича, изъ князей Коріатовичей, а на епископію луцкую и острожскую—Исаакія Борисковича. Оба они присутствовали въ 1621 году на «совѣтованіи о благочестіи» въ Кіевѣ и участвовали въ составленіи замѣчательнаго постановленія его: «не гнѣваться на младшихъ и низшихъ степенью, если бы они архіереямъ и другимъ начальникамъ что-либо напоминали или отъ чего предостерегали; напротивъ, позволить имъ это дѣлать и не считать стыдомъ слушать меньшихъ и отъ нихъ научаться; не слѣдовать безбожному папскому правилу, по которому, хотя бы папа тьму людей влекъ за собою въ адъ, никто не долженъ сказать ему: стой, что ты дѣлаешь!» Ни Курцевичъ, ни Борисковичъ не имѣли никакой возможности утвердиться на своихъ каѳедрахъ, занятыхъ уніатскими епископами... Послѣ епископа Курцевича во Владимірѣ-Волынскомъ не было болѣе православныхъ епископовъ.

Но уніатскія дѣла того времени, несмотря на все содѣйствіе польскаго правительства, были на Волыни далеко не въ блестящемъ положеніи. Въ томъ же 1621 году о состояніи обѣихъ волынскихъ уніатскихъ епархій папскій нунцій въ Польшѣ (Торресъ) писалъ, что владимірское епископство приноситъ дохода 4000 злотыхъ польскихъ и имѣетъ одинъ только монастырь, базиліанскій въ Кременцѣ, а луцкое имѣетъ дохода 8000 злотыхъ и тоже единственный монастырь, въ Жидичинѣ. «Королевскіе комиссары», производившіе (на основаніи постановленія сейма 1635 года) разверстку монастырей и церквей между православными и уніатами, въ 1636 году еле-еле набрали для уніатовъ луцкой епархіи 7 монастырей и 100 церквей. Сколько при этой разверсткѣ было несправедливости, нѣкоторымъ указаніемъ можетъ служить фактъ, что тѣ же комиссары и въ томъ же 1636 году присудили въ Кременцѣ православнымъ три церкви и одинъ монастырь и ровно столько же

уніатамъ, между тѣмъ какъ въ городѣ они не нашли почти ни одного уніата, кромѣ протопопа Ѳеодора Турскаго, а православныхъ было очень много. Малочисленные количественно, еще ничтожнѣе были уніатскіе монастыри и приходы въ нравственномъ отношеніи. «Посмотри на свою братію-уніатовъ (писалъ митрополитъ Петръ Могила отступнику Кассіану Саковичу, архимандриту дубенскаго монастыря), что они дѣлаютъ съ монастырями и церквами, которые надѣлены были имѣніями!.. Не говорю о другихъ, меньшихъ монастыряхъ, которые вашею уніею до основанія ниспровергнуты. Пойди только на Волынь: посмотри, что дѣлается въ древнемъ монастырѣ жидичинскомъ, и скажи намъ, сколько тамъ монаховъ и какой чинъ содержится? Посмотри на древній монастырь дорогобужскій! Не найдешь ли тамъ только архимандрита съ послушникомъ? Посмотри и на мірскія церкви, до чего доведены со времени управленія вашихъ уніатовъ. Но съ другой стороны, посмотри на наши убогіе православные монастыри, угнетаемые различными бѣдствіями: посмотри на общежительный монастырь тригорскій (житомірскаго уѣзда), и тамъ увидишь по крайней мѣрѣ 80 иноковъ, въ великомъ смиреніи проходящихъ тѣсный путь евангельскій. Взгляни еще на братства виленское, кіевское, луцкое и мн. др... какъ они, по благодати Божіей, процвѣтаютъ въ строгомъ благочестіи! И согласись, что какъ было во времена апостоловъ, среди бѣдствій, нуждъ и всякихъ утѣсненій, такъ и у насъ, православныхъ русскихъ, по слову Божію, сила Божія въ немощи совершается».

Послѣ возстановленія луцкой православной епархіи въ 1632 году, на основаніи «Статей для успокоенія народа русскаго», она обнимала всю Волынь, и непрерывное служеніе луцкихъ православныхъ епископовъ продолжалось до 1685 года. Изъ нихъ особенно замѣчательны Аѳанасій Пузына (съ 1633 года) и Гедеонъ Святополкъ-Четвертинскій (съ 1659 года). Первый ежегодно созывалъ епархіальное духовенство на «синоды» въ Луцкъ, увеличилъ число общежительныхъ монастырей, вообще благоустроилъ вполнѣ свою епархію; а второй стоялъ неуклонно на стражѣ православія на Волыни втеченіе цѣлыхъ 25 лѣтъ— и въ такое ужасное для православныхъ время! Послѣдними православными епископами луцкой епархіи были Діонисій Жабокрицкій (съ 1695 г.) и Кириллъ Шумлянскій (съ 1709 г.).

При избраніи того и другого въ епископы еще участвовали и православные дворяне Волыни; слѣдовательно, не все еще волынское дворянство къ тому времени окатоличилось, но это были уже «послѣдніе изъ могиканъ». Кто не знаетъ печальной судьбы епископа Жабокрицкаго, избраннаго на епископскую каѳедру за свою ревность къ православію, начитанность и ученость, потомъ (въ 1702 г.) въ страшно безвыходномъ положеніи принявшаго унію, наконецъ захваченнаго православными дворянами, въ ихъ числѣ ближайшими родственниками, и умершаго въ ссылкѣ! Не удержался на луцкой каѳедрѣ и Кириллъ Шумлянскій: среди всевозможныхъ гоненій отъ польскаго правительства, уніатскаго и римско-католическаго духовенства и ополячившихся дворянъ, онъ не выдержалъ, но уніи не принялъ, а бѣжалъ въ Кіевъ и скончался епископомъ переяславской епархіи, до самой смерти своей († 1726 г.) оказывая посильное содѣйствіе гонимымъ въ Польшѣ православнымъ.

V.

Послѣ Кирилла Шумлянскаго на Волыни не было болѣе православныхъ архіереевъ за все остальное время существованія Польши. Сверхъ того, въ началѣ XVIII в. осѣла въ Житомирѣ давно эмигрировавшая изъ Кіева римско-католическая каѳедра съ бискупомъ, капитуломъ и т. д. Православные волыняне, оставшіеся совсѣмъ безпомощными и беззащитными, были во множествѣ перетянуты въ унію: въ западной Волыни втеченіе первой половины XVIII в., а въ восточной—во второй половинѣ. Но какъ бѣлое греко-уніатское духовенство, такъ и простой народъ свято хранили православныя преданія. Достаточно было въ 1771 году, по жалобамъ православныхъ украинцевъ, засадить въ бердичевскую крѣпость нѣсколько десятковъ уніатскихъ священниковъ и польскихъ чиновниковъ, захваченныхъ русскими войсками въ западной Украйнѣ при усмиреніи гайдамацкаго возстанія, чтобы произвести между уніатами не только Украйны, но и Волыни сильнѣйшее движеніе къ православію, такъ какъ—думали они—уже насталъ конецъ и уніи, и польской власти. Къ концу этого года оказалось на Волыни 254 православныхъ церквей съ духовенствомъ и прихожанами: 55 въ протопопіи житомірской, 52 въ чудновской, 50 въ любар-

ской, 42 въ овручской и 55 въ бердичевской (тоже волынской, какъ по географическому положенію, такъ и по историческимъ основаніямъ). Вспомнимъ затѣмъ то народное движеніе въ пользу православія, которое обнаружилось на Волыни по случаю учрежденія въ 1785 году православной епархіи въ Польшѣ (переяславской и бориспольской), особенно когда епископъ Викторъ Садковскій предпринялъ въ 1788 г. объѣздъ и обозрѣніе подвѣдомственныхъ ему приходовъ. Оно охватило даже западную Волынь и потушено было страшными казнями и истязаніями въ Кременцѣ, Житомірѣ, Махновкѣ, Владимірѣ-Волынскомъ... Въ 1795 году, не взирая на самыя разнообразныя интриги польскихъ ксендзовъ, пановъ и на мятежъ 1794 года, число возсоединенныхъ приходскихъ церквей въ предѣлахъ волынской губерніи (безъ нынѣшнихъ ея уѣздовъ дубенскаго и кременецкаго) возросло до 815, да приписныхъ съ одною кадбищенскою было 32. Даже два базиліанскихъ монастыря, загаецкій и четвертинскій, стали православными. Уніатскихъ приходовъ было уже такъ мало, что въ томъ же году окончательно закрыта епархія владиміро-брестская, какъ ненужная; на Волыни оставалась до 1828 года одна луцкая епархія, съ причисленіемъ къ ней уніатовъ губерній кіевской и подольской. Насколько далеки были волынскіе уніаты начала нынѣшняго столѣтія отъ р.-католичества, это показываетъ фактъ, что на нихъ почти не отразились новыя религіозно-политическія «вѣянія» въ Россіи того времени: около 1803 года въ Бѣлоруссіи совращено въ католицизмъ 22 уніатскихъ прихода съ ихъ священниками и всего отъ 80 до 100 тысячъ уніатовъ, а въ луцкой епархіи совратилось только одно село Орденичи, кромѣ случаевъ одиночныхъ отпаденій.

Послѣдними владыками этой епархіи были Григорій Кохановичъ († 1814 г.), съ 1810 г. въ санѣ митрополита, и Іоаннъ Красовскій († 1827 г.). Первый изъ нихъ — большой ревнитель чистоты восточнаго обряда, а второй — мученикъ за стремленіе совершенно отдѣлить унію отъ р.-католичества. При Кохановичѣ къ луцкой епархіи причисленъ былъ временно принадлежавшій Россіи тернопольскій округъ, съ 328 приходскими церквами и однимъ монастыремъ, пока не отчислили его къ Австріи. Луцкая епархія въ управленіе Красовскаго состояла изъ 192 приходовъ (на три губерніи) и въ нихъ въ

1832 году числилось всего только около 120 т. душъ. Вслѣдствіе такой малочисленности она была закрыта въ 1828 году, съ распредѣленіемъ принадлежавшихъ къ ней уніатовъ между епархіями бѣлорусскою и литовскою. Наконецъ, 1839 годъ памятенъ и въ исторіи Волыни возсоединеніемъ съ православною церковью послѣднихъ волынскихъ уніатовъ.

VI.

Съ 13 апрѣля 1793 года православные приходы восточной Волыни вошли въ составъ минской епархіи, которою тогда управлялъ страдалецъ за православіе, архіепископъ Викторъ Садовскій, только что освобожденный изъ польскаго заключенія. Съ послѣдовавшимъ затѣмъ увеличеніемъ православныхъ приходовъ на Волыни, для нихъ учреждено было въ 1795 году (12 апрѣля) житомірское викаріатство, и наконецъ 16 октября 1799 года послѣдовало возстановленіе самостоятельной волынской епархіи. Въ царствованіе императора Александра I она состояла изъ 1580 приходскихъ церквей, а въ 1841 году къ ней перечислены изъ литовской епархіи всѣ волынскіе приходы, возсоединенные отъ уніи въ 1839 году.

Очень многими перемѣнами къ лучшему отмѣчено послѣднее пятидесятилѣтіе церковной жизни Волыни, особенно со второй половины 60-хъ годовъ. Духовныя учебныя заведенія, особенно мужскія, постепенно благоустроились зданіями и въ учебно-воспитательной части. Вмѣсто прежнихъ ветхихъ, нерѣдко непохожихъ на «домы Божіи» церквей, воздвигнуты изъ развалинъ или вновь сооружены многочисленные православные храмы и въ числѣ ихъ великолѣпный житомірскій каѳедральный соборъ. Освобожденное отъ крѣпостной зависимости русское населеніе Волыни просвѣщается въ народныхъ училищахъ, церковно-приходскихъ школахъ и въ школахъ грамоты. Съ каждымъ годомъ увеличивается число православныхъ братствъ и расширяется ихъ благотворная дѣятельность; изъ нихъ особеннаго упоминанія заслуживаютъ: яполотское, радивиловское александро-невское, старо-константиновское кресто-воздвиженское, дубенское преображенское, луцкое кресто-воздвиженское, житомірское, а преимущественно—владиміро-волынское съ древлехранилищемъ и библіотекой, острожское кирилло-меѳодіевское

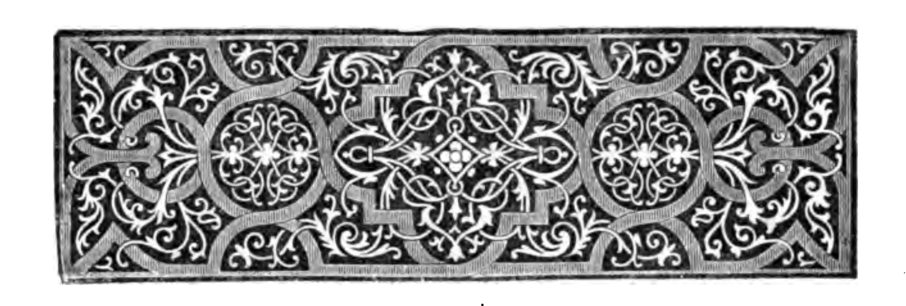
и почаевское «просвѣтительное братство». Особенно въ послѣдніе годы обращено вниманіе на приведеніе въ извѣстность, сохраненіе, поддержаніе и возстановленіе древнихъ памятниковъ православія во Владимірѣ-Волынскомъ, Луцкѣ, Острогѣ и др. Наконецъ, въ прошломъ году открыто новое викаріатство во Владимірѣ-Волынскомъ.

По статистическимъ даннымъ за 1886 годъ («Волынь», стр. 286), все народонаселеніе волынской губерніи, кромѣ войскъ, простиралось до 2.221,634 душъ обоего пола, въ томъ числѣ: православныхъ 1.622,244, старообрядцевъ 5,753, р.-католиковъ 179,446, евреевъ и караимовъ 300,862, магометанъ 448, нѣмцевъ 98,201 и чеховъ 14,680. Слѣдовательно, православные на Волыни составляютъ 73% всего ея народонаселенія. Въ волынской епархіи состоитъ въ настоящее время 11 монастырей (изъ нихъ 3 женскихъ), 1821 церковь и 183 часовни.

Въ виду этихъ историческихъ и статистическихъ данныхъ, какъ не назвать предстоящій праздникъ 900-лѣтія отъ учрежденія православной епархіи во Владимірѣ-Волынскомъ торжествомъ православія на Волыни за истекшее девятисотлѣтіе!

Александръ Будиловичъ.

Холмъ-Люблинскій
5 апр. 1892 г.



ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ

КАКЪ ХУДОЖНИКЪ И МУДРЕЦЪ *.

III.

Какихъ же тоновъ не находимъ мы въ этихъ двухъ великихъ симфоніяхъ? Смотрю, раздумываю и наконецъ прихожу къ заключенію, что нѣтъ пожалуй сатиры въ обоихъ романахъ. По крайней мѣрѣ эта струна наименѣе звучитъ въ произведеніяхъ Толстого. Собственно нѣтъ сатиры словъ, но зато есть сатира дѣлъ, великая, убійственная сатира, напримѣръ, въ третьей части «Войны и Мира», гдѣ поэтъ сорвалъ съ величія Наполеона все, что люди считаютъ великимъ, гдѣ онъ снялъ ореолъ съ героя и любимца Франціи и выставилъ его во всей человѣческой наготѣ, гдѣ и Мюратъ очень ужъ смахиваетъ на опереточнаго короля и маршала. Все обращеніе Наполеона съ Балашевымъ, его пріемы наканунѣ Бородина, его въѣздъ въ Москву, все это дышетъ сатирой,—правда, сатирой толстовской. Онъ не дѣлаетъ изъ Наполеона карикатуры, не злится на его дѣянія и пріемы; онъ лишь открываетъ то, что скрывалось за фатой обаянія, за блескомъ военныхъ успѣховъ. Изъ этого безжалостнаго раскрытія невольно выступаетъ сарказмъ дѣяній,—сарказмъ, основанный на характерѣ лицъ и ихъ поступкахъ.

Всѣ почти остальные тоны, какіе лишь могутъ возникнуть

*) Окончаніе. См. февральск. кн., стр. 188—200.

въ душѣ людей, сильно звучатъ намъ изъ обоихъ капитальныхъ произведеній художника. Великая галлерея живыхъ людей, въ самыхъ разнообразныхъ жизненныхъ положеніяхъ, отъ дѣтства до старости, въ обстоятельствахъ дурныхъ и хорошихъ, въ настроеніи страстномъ и хладнокровномъ, въ радостяхъ и страданіяхъ, въ счастіи и несчастіи, въ полной силѣ и въ обмираніи, въ надеждахъ и отчаяніи,—словомъ, во всѣхъ возможныхъ коловратностяхъ судьбы и душевнаго настроенія тянется передъ нами, и мы не замѣтимъ въ этомъ множествѣ людей ни одной ошибочной или невѣрной черты. Всѣ имѣютъ довольно простора, никто не тѣснитъ, не давитъ другого, каждый имѣетъ свое законное мѣсто. И ты, читатель, не забудешь никого изъ этихъ безчисленныхъ лицъ: каждое имѣетъ такую выразительную и врѣзывающуюся въ память физіономію, что ты его узнаешь, хотя бы забылъ имя. Да, не имена остаются у насъ въ памяти, а лица, ихъ очертанія и весь образъ. Имя является тутъ празднымъ звукомъ, при реальности и характерности фигуръ. Если эти фигуры въ родствѣ, то мы найдемъ фамильное сходство (молодой Курагинъ и Эленъ), даже и наслѣдственное сходство (гр. Безуховъ и Пьеръ). Идутъ годы, дѣвочка развивается и растетъ тѣлесно и духовно (Наташа), и мы видимъ, ясно наблюдаемъ развитіе и ростъ, пока изъ нѣжной, высоко одаренной, платонически и чувственно горячей дѣвицы выйдетъ практическая жена и мать. Но это она, та же самая; мы ее узнаемъ, какъ узнаемъ въ дѣйствительной жизни догнавшую насъ молодежь, которую мы знали еще дѣтьми.

Вотъ, думаю, дрожали русскіе литераторы за жизнь автора романа, когда онъ выходилъ въ журналѣ по частямъ, изъ опасенія, что или авторъ умретъ не окончивъ, или не выдержитъ произведенія до конца! Но оно было выдержано, нигдѣ не задремалъ bonus Homerus. Есть въ романѣ и тихія мѣста, но мелкихъ не найдется; и эти тихія мѣста имѣютъ глубину.

Поэту доступна человѣческая душа; его ведетъ къ ней легкая, удобная тропа, которая для другихъ недоступна во вѣки. Онъ проникаетъ въ сокровенные тайники, какъ искусный водолазъ, и выноситъ изъ глубины перлы, бѣлые ли, черные ли, одинаково драгоцѣнные. Ему доступна тайная красота природы; онъ рисуетъ ее передъ нами во всей правдѣ, въ блескѣ всѣхъ красокъ. Ему понятенъ инстинктъ массы, цѣлыхъ группъ, пол-

ковъ, армій, кастъ, такъ что мы въ изумленіи спрашиваемъ себя: что же недоступно этому генію? Да, все что находится въ области искусства, чѣмъ можетъ овладѣть форма и фантазія, этого всего онъ досягаетъ игриво, съ изяществомъ, которое даетъ лишь сила.

Думаю, нѣтъ надобности въ примѣрахъ; но напомню одинъ изъ мастерскихъ, волшебныхъ отрывковъ великаго искусства, который на меня вѣроятно потому такъ сильно подѣйствовалъ, что я не могу въ точности разглядѣть тѣхъ художественныхъ средствъ, при помощи которыхъ поэтъ могъ достигнуть своей цѣли. Старый графъ Безуховъ лежитъ на смертномъ одрѣ; мы не слышимъ отъ него ни слова: въ романѣ онъ является совершенно страдательнымъ лицомъ, такъ сказать вещью, предметомъ. Около него идетъ интрига, идутъ священные обряды, идетъ суетня, побочныя, мало значущія вещи, мало значущія въ отношеніи къ нему самому. Да для него и не можетъ уже быть ничего важнаго, ибо и конца своего онъ не ожидаетъ, лежа въ безпамятствѣ. При всемъ томъ онъ является великолѣпною, сильною фигурою, вызываетъ въ насъ образъ могучаго дуба старыхъ временъ, хотя авторъ ни слова не говоритъ объ его жизни и судьбѣ. Кое-что мы узнаемъ изъ вопля женщинъ, видимъ его мощную львиную голову, смѣлыя черты, и передъ нашими глазами вдругъ выступаетъ какъ наяву богатырь! Если такое, совершенно страдательное, второстепенное лицо выступаетъ столь рельефно и вѣрно, то можемъ ли удивляться, что рельефно и вѣрно изображенъ старый князь Болконскій, или его дочь Марья, нарисованная кистью нашего художника съ такою безконечною мягкостью и отчетливостью? Какъ бы потомъ не ожить передъ нами князю Андрею, который словно приросъ къ сердцу автора, либо Пьеру, на необычайную, оригинальную душу котораго онъ вылилъ всѣ краски? Что касается вѣрности и жизненной правды, то Толстой справедливъ, какъ настоящій творецъ; ни одно лицо не представляется ему настолько подчиненнымъ въ фабулѣ романа, чтобы не получило отъ него кровь, нервы, движеніе,—словомъ, тѣло и душу. Какую душу—это уже зависитъ отъ самой фигуры,—душу ли поверхностнаго, самолюбиваго Берга, или душу правдиваго Левина, или душу Эленъ, мягкую и легкую, либо глубокую, чисто женственную и специфически-русскую душу Наташи. Геній Льва Толстого равняется въ этомъ

отношеніи солнцу, которое свѣтитъ на добрыхъ и злыхъ, на главы храмовъ и крыши хижинъ. Онъ не боится коснуться всего, что представляетъ жизнь, но съ какимъ высоко-художественнымъ тактомъ, съ какой нѣжностью! Къ самымъ щекотливымъ сценамъ принадлежатъ нѣкоторыя изъ интимной семейной жизни, напримѣръ роды Кити и Анны Карениной, да и княгини Болконской въ Лысыхъ Горахъ. Въ этихъ сценахъ художникъ выступаетъ передъ нами на высоту дотолѣ никѣмъ не достигнутую; онъ умѣлъ и могъ это сдѣлать, для каждаго другого такая смѣлость оказалась бы гибельнымъ проваломъ. А чистое, художнически-дѣвственное перо его превзошло и эти сцены малымъ, слегка нарисованнымъ образомъ нравственнаго паденія Анны съ Вронскимъ. Въ художественной сдержанности онъ ограничился тѣмъ, что составляло безусловную необходимость, но это необходимое онъ выразилъ полно и прямо. Но ни слова больше! Ни тѣни разнузданности или чувственнаго щекотанія нашихъ нервовъ, наслажденія сладостями преступленія. Эта щекотливая сцена для участниковъ была грѣхомъ, для читателей же только трагикой и художественною необходимостью. Она стоитъ такъ далеко отъ соблазнительныхъ тривіальностей Золя, какъ кающаяся Марія Магдалина отъ блудницы, горящей полнымъ, необузданнымъ пыломъ и находящей въ этомъ всю сладость и задачу жизни. Долженъ ли Толстой давать нравоученія? Нѣтъ. Вотъ тебѣ дѣла, жизнь: дѣлай самъ выборъ! Наводитъ сцена на грѣхъ? Нѣтъ. Она при всей своей половой чувственности прямо страшна; она изображаетъ прелюбодѣяніе во всемъ его демоническомъ, неизгладимомъ, неисправимомъ ужасѣ! Съ этой сценою подъ Вронскимъ и Анною открылась бездна, и мы навѣрное знаемъ, что они погибли.

Но я не долженъ итти за сравненіями въ этомъ отношеніи къ французамъ, которые расплываются въ чувственной любви. Возьмемъ и столь сдержаннаго, великаго художника, какъ Гёте въ его: «Wahlverwandschaften». Главною темою тамъ служитъ прелюбодѣяніе, совершонное лишь мысленно, слѣдовательно далеко не столь щекотливое, какъ у Толстого, а какое оно производитъ дѣйствіе? Раздражаетъ, возбуждаетъ въ читателѣ чувственность мелкими пикантностями, за которыми не скрывается серьезность нравственныхъ послѣдствій, уничтожающихъ личность, душу и всю жизнь. Онъ играетъ нашей фантазіей; Тол-

стой никогда не играетъ ею. У него все имѣетъ значеніе, и уважая себя, свою дѣвственную музу, онъ уважаетъ и читателей, которые наслаждаются красотою его двухъ колоссальныхъ картинъ. Онъ всюду проникаетъ до живого, до крови, и жизнь для него не игра, а кровь—не дешевый сокъ. Онъ не морализуетъ, какъ это вообще бываетъ въ чистомъ искусствѣ, но впечатлѣніе у него всегда высоко-нравственное, возвышающее и очищающее. Въ томъ именно и заключается «гармонія контрастовъ», что явнымъ, незакрытымъ грѣхомъ и нравственнымъ паденіемъ она вызываетъ нравственное чувство. Шекспиръ въ Гамлетѣ не закрываетъ злодѣяній и кроваваго прелюбодѣянія, но при всемъ томъ извѣстно изреченіе одного великаго, правовѣрнаго, благочестиваго богослова: «во всѣхъ своихъ проповѣдяхъ я не выразилъ столь высокой нравственной идеи, какъ Шекспиръ въ Гамлетѣ».

Нѣтъ, это не преувеличеніе, если при имени Толстого я вспоминаю и Шекспира. Благоговѣніе къ старымъ классикамъ не должно насъ настолько ослѣплять, чтобы мы не видѣли, что и между нами выростаютъ духовные великаны, ни въ чемъ не уступающіе титанамъ прошлыхъ вѣковъ. Они родятся въ средѣ свѣжаго народа, не утратившаго поэтической наивности. Вершины культурнаго и поэтическаго развитія обыкновенно не совпадаютъ въ литературѣ и искусствѣ; лишь изрѣдка случается, что литература и вообще искусство достигаетъ кульминаціонной точки одновременно съ культурою и политическою мощью. Это какъ будто случилось въ Греціи, хотя и то сомнительно, былъ ли вѣкъ Перикла высшею точкою въ развитіи греческаго искусства; ни въ какомъ же случаѣ не былъ такою точкою вѣкъ александрійскій, когда греческая политика и культура дѣйствительно достигли своей вершины. Мы, славяне, несмотря на паръ и электричество, проникшіе до Ташкента, проходимъ періодъ поэтической наивности; мы еще достаточно свѣжи и непосредственны, чтобы раждать Шекспировъ, чтобы произвести конгеніальнаго ему Толстого, котораго художественныя произведенія стоятъ для насъ (а если не ошибаемся и для всего человѣчества), на одномъ уровнѣ съ Гамлетомъ, Ромео и Юліей, Лиромъ и Отелло.

Такимъ образомъ геній Толстого подарилъ славянству два первоклассныхъ произведенія, которыя по объему, величію твор-

чества, богатству фантазіи, по внутренней силѣ, по художественности композиціи, по разнообразію тоновъ и красокъ, по глубинѣ духовнаго и сердечнаго анализа, по живости, несравненной характеристикѣ, по законченности, выдержанности, наконецъ по безупречной этической чистотѣ вполнѣ соотвѣтствуютъ величію славянскаго племени и являются двумя безсмертными, самобытными по формѣ и содержанію памятниками славянскаго искусства.

Остальныя его художественныя произведенія по своимъ размѣрамъ уже далеко уступаютъ романамъ «Война и Миръ» и «Анна Каренина»; многія же, по моему мнѣнію, являются скорѣе очерками, набросками, чѣмъ обработанными произведеніями, за исключеніемъ повѣстей: «Семейное счастье», «Казаки» и «Поликушка». Но эскизность нисколько не лишаетъ эти работы поэтической силы, а скорѣе еще рельефнѣе выставляетъ величіе творчества, ибо мы видимъ, что его неистощимая сила не умѣщается въ узкихъ рамкахъ. Микель-Анджело не писалъ миніатюръ, и Толстой въ меньшихъ работахъ имѣетъ слишкомъ широкій розмахъ. Это мы видимъ напр. въ севастопольскихъ новеллахъ, въ военныхъ воспоминаніяхъ изъ Кавказа и мн. др. Все это исполинскіе зародыши, великія произведенія in nuce. Здѣсь нѣтъ той симметріи, того миніатюрнаго изящества, которое поражаетъ насъ въ Тургеневѣ, а оно-то и дѣлаетъ новеллу новеллою.

У Толстого новеллы лишь основа большихъ произведеній. Напрасно, Ильѣ Муромцу тѣсенъ нашъ фракъ, людей меньшихъ.

Но сколько высокаго наслажденія представляютъ эти малыя работы при внимательномъ ихъ чтеніи! Вездѣ мы замѣчаемъ слѣды генія, истиннаго творчества! Все носитъ печать художественнаго совершенства. Поэтъ проникаетъ въ загадочныя глубины искусства музыкальнаго, казалось бы невыразимаго словами («Альбертъ»); онъ читаетъ въ душѣ своихъ любимцевъ-воиновъ и выноситъ изъ военнаго быта всю красоту человѣческой души, не закрывая при этомъ ея слабостей и паденій; рельефно обрисовываетъ фигуру печоринскаго графа Турбина, этотъ третій послѣ Онѣгина и Печорина самобытный типъ изъ временъ русскаго «Sturm und Drang»; въ своемъ «Поликушкѣ» онъ идетъ впереди Тургенева, спеціалиста въ «крѣпостномъ» жанрѣ; забѣгаетъ въ эпоху перваго «Дѣтства»; понимаетъ мысли и чувства полудикой

Марьянки («Казаки»); природа сѣвера («Метель») столь же ясно открываетъ передъ нимъ свои пасмурныя тайны, какъ буйная, полутропическая природа на берегахъ Терека—свой прозрачный блескъ. Неисчерпаемо-разнообразный въ содержаніи, простой и совершенный въ формѣ, Толстой и здѣсь стоитъ передъ нами какъ представитель поэтической универсальности.

Взглянемъ теперь какимъ представится намъ Левъ Толстой въ своихъ художественныхъ произведеніяхъ какъ человѣкъ? Прежде всего онъ человѣкъ добрый и правдивый, простой и сильный, человѣкъ цѣльный, которому близко все, что касается и отдѣльнаго человѣка и всего общества, народа, его сословій, занятій и направленій.

Nil humani a me alienum puto. Онъ снисходителенъ и къ любви, къ пользованію тѣми дарами, которыми надѣлилъ насъ Господь! И какая духовная радость, да и менѣе духовная—супружеская, родительская, имущественная — не нашла бы мѣста въ его великихъ твореніяхъ! Какое идеальное чувство—патріотизмъ, трудъ на общую пользу, самопожертвованіе, благочестіе, упованіе на Бога, вѣрность государю и т. д.—не нашло бы носителей, образцовъ, примѣровъ въ его произведеніяхъ. Въ художественныхъ своихъ созданіяхъ Толстой является человѣкомъ гуманнымъ, христіаниномъ, патріотомъ, добродушнымъ. Да иначе и быть не можетъ, ибо третій великій аттрибутъ настоящаго искусства—правда! «Калокагаѳія», какъ выражались греки, тѣсно соединена съ художественною правдою. Добрый человѣкъ, прекрасный художникъ, истинный поэтъ, — онъ представляется въ области искусства цѣльнымъ, словно бы изъ одного куска гранита высѣченнымъ, безсмертнымъ памятникомъ духовныхъ силъ своего народа.

IV.

Изъ второй группы сочиненій Льва Толстого, въ которыхъ онъ является уже не художникомъ, а мыслителемъ или мудрецомъ, не всѣ были у меня подъ рукою; но и прочитанныя мною сочиненія этого рода: «Въ чемъ моя вѣра»? «Крейцерова соната» (съ послѣсловіемъ), «Деньги», «Что намъ дѣлать»? «Исповѣдь», «Какова моя жизнь» (первая часть), равно какъ и написанныя Толстымъ для народа брошюрки, статьи, календарь,

отчасти и смерть «Ивана Ильича», — совершенно достаточны для характеристики Толстого какъ мудреца.

Скажу искренно и откровенно: въ этихъ сочиненіяхъ я вижу огромное, послѣдовательное заблужденіе, summum jus—summam injuriam, самоубійственную логику и гордую ошибку великаго ума.

Кажется, что завистливая судьба или правящій судьбами народовъ Богъ не позволилъ славянамъ испить до дна сладкой чаши духовнаго преуспѣянія, произвести людей законченныхъ, проявившихъ всю глубину талантовъ и силы, накопленной по Его милости въ нашихъ великанахъ. Пушкина въ полномъ разгарѣ творчества убиваетъ «бѣглецъ»; Лермонтовъ падаетъ, не достигнувъ внутренняго примиренія; Грибоѣдова убиваетъ уличная чернь; десятки молодыхъ талантовъ поглощаетъ домашняя и чужая интрига; столь огромный талантъ какъ Герценъ, обманутый ложнымъ идеаломъ, скитается за границею, терзаетъ свою собственную плоть на радость врагамъ, пока наконецъ, разочарованный въ глубинѣ души, въ запоздаломъ раскаяніи и гнѣвѣ завершаетъ трудный бѣгъ жизни. И мы, западные славяне, страдаемъ отъ того же злого рока: Штуръ умеръ подстрѣленный на охотѣ, далеко не произведши того, что въ немъ скрывалось для насъ; глубокій, огненный Догнани погибъ на 26 г. жизни трагическою смертью; чехъ Маха, одинъ изъ самыхъ крупныхъ поэтическихъ талантовъ западнаго славянства, сошелъ въ могилу въ молодые годы.

Льва Толстого Господь сохранилъ намъ въ силѣ тѣлесной и духовной; но онъ выбился изъ той стихіи, которая отвѣчала его природѣ, и перешолъ въ другую, представляющую прямое отрицаніе первой. Птица оставила воздухъ и нырнула въ воду; рыба выскочила изъ воды на сучья дерева, и то дерева сухого. Выражаясь проще, Толстой оставилъ искусство, гдѣ онъ былъ царемъ, и забился въ «толкъ». Да, не въ богословіе, не въ философію, а прямо въ «толкъ», и такимъ образомъ онъ умеръ для насъ, хотя его не поразила пуля «бѣглеца», не волокла по болотистымъ улицамъ Тегерана персидская чернь, не обездолило самовольное или невольное изгнаніе.

«Толкъ» Толстого не возникъ сразу въ послѣдніе годы, а лишь овладѣлъ имъ въ это время. И въ великихъ художественныхъ его произведеніяхъ мы наблюдаемъ въ зародышѣ многое изъ его

«новаго ученія», но величіе его искусства заглушило толкъ; сила поэтической правды была столь велика, что передъ ней терялось мудрствованье. Могли ли правдивые, здоровые образы «Войны и Мира» или «Анны Карениной» быть носителями чудачествъ «Сонаты»? Въ художественномъ творчествѣ Толстого не было ни причудъ, ни фальши; воспроизводя дѣйствительныя, а не фантастическія лица, создавая людей органическихъ, живыхъ, къ тому же русскихъ и славянскихъ, поэтъ не могъ распространять черезъ нихъ фальшивыя, нечеловѣческія, нерусскія и неславянскія идеи и толки.

Въ чемъ же собственно заключается послѣдовательное заблужденіе и гордая ошибка столь великаго ума?

Еслибы Толстой былъ философомъ, какъ Кантъ, Гегель, Шопенгауеръ, и путемъ разсудка выстроилъ какую бы то ни было философскую систему, это не было бы заблужденіе и ошибка. Мало ли есть отвлеченныхъ системъ! Всѣ онѣ основываются на разсудкѣ, на созерцаніи, на эмпиризмѣ, но вовсе не на чувствѣ: онѣ могутъ заключать въ себѣ противорѣчія, но не будутъ заблужденіемъ.

Толстой избираетъ основою своего мудрствованія откровенное христіанство, ученіе Христа: «Пять лѣтъ тому назадъ, говоритъ онъ въ сочиненіи: «Въ чемъ моя вѣра», я повѣрилъ въ ученіе Христа». Но если онъ наложилъ такимъ образомъ на себя узы откровенной религіи, то слѣдовательно отрекся самъ отъ той разсудочной свободы, которою пользуется Гегель или Шопенгауеръ. И при всемъ томъ онъ разрушаетъ откровенную религію, да и вообще религію, ученіе Христа, да и вообще Христа....

Вотъ тутъ-то и заключается, по моему мнѣнію, заблужденіе и гордая ошибка, быть можетъ и болѣе того: здѣсь прямо summa injuria противъ людей, человѣчества, Бога, вообще противъ гармоніи и разумности вселенной.

А такъ какъ онъ остается при этомъ со своимъ геніемъ, остроуміемъ, искренностію, не кривитъ душою, не лукавитъ, но честно развиваетъ свои мысли, убѣжденный въ своей правотѣ, то въ этомъ заключается и грозный трагизмъ этого сильнаго человѣка. Тутъ есть нѣчто титаническое, прометеевскій вызовъ на борьбу съ высшими силами; тутъ причина и нашего глубокаго сожалѣнія надъ потерею времени столь золотого, ничѣмъ невознаградимаго, какъ время Льва Толстого....

Толстой очевидно разрушаетъ прежде всего церковь. Въ сочиненіи: «Въ чемъ моя вѣра»? онъ прямо отрицаетъ церковь какъ видимое общество, отрицаетъ христіанскаго Христа, личнаго Бога, безсмертіе души, всѣ таинства, и отрицаетъ не какъ Вольтеръ, а на основаніи будто ученія Христа... Бо́льшей фальши не было еще подъ солнцемъ! Всѣ отрицатели церкви и положительной религіи дѣйствовали на свой собственный страхъ, ссылаясь на свой разумъ; Толстой не имѣетъ такой свободы: онъ цѣпляется за слова Христа, чтобы на основаніи Его ученія изъ Богочеловѣка (какимъ Онъ открываетъ себя и какимъ признаетъ Его церковь) сдѣлать простого еврейскаго раввина.... Толстой снимаетъ съ Него ореолъ, данный тѣмъ самымъ евангеліемъ, на которое онъ ссылается....

Русскіе богословы съ успѣхомъ ратовали уже противъ Толстого съ точки зрѣнія церковной, и намъ не приходится защищать положительное христіанство отъ ожесточенныхъ его нападокъ. Но да позволено намъ будетъ присмотрѣться къ его ученію съ точки зрѣнія культурно-исторической. Мы увидимъ, куда можетъ забрести человѣкъ, если заберется началъдое ему поприще.

Не нужно быть ученымъ богословомъ, а просто смотрѣть на исторію нѣсколько съ высшей точки зрѣнія, чтобы признать, что въ Христѣ главнымъ дѣломъ было не ученіе, а Его личность. Изъ евангелія и всего дальнѣйшаго развитія христіанства ясно, что Христосъ основалъ его не какъ учитель или писатель, не какъ пророкъ, ораторъ, политикъ или философъ: во всѣхъ этихъ спеціальностяхъ были и ранѣе Его великіе люди, напр. у древнихъ евреевъ пророки, у грековъ философы, писатели, у римлянъ политики; Христосъ не дѣйствовалъ на исторію ни одной изъ упомянутыхъ добродѣтелей, талантовъ, силъ, а всетаки Онъ оставилъ безконечно болѣе глубокій слѣдъ, чѣмъ какой нибудь Александръ Великій, Платонъ, Цицеронъ или Августъ. Онъ дѣйствительно раздѣлилъ исторію человѣчества на двѣ половины: до Р. Х. и послѣ него, такъ что эти половины будутъ навѣки раздѣлены. Не нужно быть правовѣрнымъ христіаниномъ, а можно оставаться полнымъ атеистомъ, и все же признавать Христа великимъ, величайшимъ, хотябы съ одной исторической точки зрѣнія, факторомъ всемірной исторіи. Такимъ же Онъ является не по своему ученію, а по своей личности. Его ученіе служитъ лишь эмана-

ціей Его личности. Эта идея хорошо выражена Х. Е. Лудгартомъ: «Особенность евангельской исторіи, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что передъ нами всюду выступаетъ личность Христа. Мы не можемъ остановиться передъ Его ученіемъ, но во всѣхъ Его словахъ прежде всего видимъ самого Іисуса, Его образъ, Его личность, какъ средоточіе всѣхъ Его словъ, какъ содержаніе Его ученія. Онъ носитель царства Божія; все Онъ основалъ на своей личности: «это Я»,—вотъ Его великое слово». Да, это такъ, и еще болѣе: Онъ прямо говоритъ: «Я Богъ, въ Меня вѣруйте; Я и Отецъ—одно».

Да, лишь такъ могло христіанство стать универсальнымъ фактомъ въ исторіи всего человѣчества. А этотъ именно фактъ отрицаетъ Толстой, когда изъ личности Христа дѣлаетъ печальный образъ творенія, умершаго на крестѣ, притомъ вѣчною смертію, ибо, по ученію Толстого, человѣкъ бездѣтный умираетъ навсегда, а жить можетъ лишь въ плодахъ своего тѣла, словно мышь или жукъ! Великое слово Христа о «сынѣ человѣческомъ» Толстой объясняетъ животнымъ размноженіемъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Толстой говоритъ, будто Христосъ въ евангеліи не упоминаетъ нигдѣ о своемъ воскресеніи, о жизни загробной, о своемъ божествѣ и искупленіи міра! Положимъ, все это можно скрывать, но не на основѣ же евангелія! Вѣдь и малый школьникъ знаетъ слова Христа о богатомъ и о Лазарѣ, о томъ, что «Азъ есмь воскресеніе и животъ», знаетъ подробный разсказъ евангелія о воскресеніи Христа, Его явленіи ученикамъ... Какое право имѣетъ Толстой одну главу евангелія признавать, а другой не признавать? Вотъ почему я сказалъ, что онъ беретъ ученіе Христа и дѣлаетъ ссылки на евангеліе лишь для того, чтобы отрицать Христа и три четверти евангелія, и въ то же время говорить: «я увѣрилъ въ ученіе Христа».

Дѣйствительно, Христосъ у Толстого утратилъ свое божество, свою религіозную и историческо-культурную личность. Это вовсе не Онъ, а какое-то другое лицо, какой-то сухой учитель-администраторъ, хлопочущій о томъ, «какъ надо жить людямъ между собою» («Въ чемъ моя вѣра»? Стр. 54). Нужно признать, что ни Штраусъ, ни Ренанъ не унизили такъ своего Христа, какъ Толстой, не выставили Его въ такой неисторической, непоэтической, а прямо анималистической наготѣ и нищетѣ. Не говоря уже о чисто-религіозномъ, сверхъестественномъ и божественномъ, Толстой снялъ съ

личности Христа даже поэтическій ореолъ,—и это сдѣлалъ онъ, великій художникъ! Куда же дѣлся тотъ величавый образъ Христа, который съ такой искренней простотою нарисовали евангелисты? Что видимъ мы на Его мѣстѣ? Видимъ совсѣмъ другое лицо: толкователя о «сынѣ человѣческомъ», который признаетъ безсмертіе единственно въ вѣчности размноженія человѣческаго рода; видимъ строгаго законодателя, безличнаго, безпощаднаго, осуждающаго насъ строже, чѣмъ ветхозавѣтный Іегова, лишающаго насъ всякаго наслажденія и представляющаго взамѣнъ его развѣ только загробное, безмятежное, мертвое удовлетвореніе. Мы видимъ передъ собою такого же человѣка, какъ и мы сами, но только съ ученіемъ на устахъ, котораго нельзя выполнить; человѣка, котораго тоже ожидаетъ гробовой червь и духовное исчезновеніе. Воистину, какъ низко поставилъ Толстой Христа—подъ Конфуціемъ и Магометомъ!

О способѣ его толкованія евангелія уже достаточно сказано многими компетентными русскими и нерусскими учеными. Толстой всего охотнѣе останавливается на нагорной проповѣди и вырываетъ изъ нея выраженіе: «не противьтесь злу». Эта постоянная цитата становится наконецъ противна! Съ такими цитатами можно сдѣлать изъ Христа что́ кому угодно. Вырываніе отдѣльныхъ фразъ изъ св. писанія годится развѣ для безграмотныхъ сектаторовъ. Кто понимаетъ евангеліе въ цѣломъ, въ духѣ, тотъ не можетъ въ выраженіи: «не противьтесь злу» видѣть толстовскую апатію къ жизненной борьбѣ противъ кривды. Развѣ самъ Христосъ не выгонялъ изъ храма торгующихъ, притомъ бичемъ, опрокидывая столы? Развѣ Онъ «не противился злу», говоря законникамъ и фарисеямъ страшныя слова (Мѳ. 33), съ огнемъ великаго, строгаго пророка? Развѣ Онъ не осуждаетъ ихъ, фарисеевъ, слѣпцовъ, подобныхъ повапленнымъ гробамъ, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны мертвыхъ костей и всякой нечистоты? Не грозитъ ли Онъ имъ страшнымъ судомъ и казнью, называя ихъ исчадіями ехидны, достойными адскаго огня? Ужели самъ Христосъ, нашъ Учитель, такъ равнодушенъ къ злу, какъ учитъ, но конечно не исполняетъ гр. Толстой? Почему же онъ «противится» теперь голоду, засучивши рукава устраиваетъ для голодныхъ кухни, ходитъ по селамъ и старается разогнать «зло», происшедшее отъ неурожая? Ужели только одинъ голодъ зло? Не не были ли зломъ татары, мон-

голы, которымъ такъ успѣшно противились предки благороднаго графа, вслѣдствіе чего онъ смѣетъ теперь въ Ясной Полянѣ тихо совлекать со Христа божественную ризу и мощнымъ русскимъ языкомъ порицать героизмъ Донскихъ, называя каждую войну простымъ убійствомъ? Не принадлежитъ ли наоборотъ борьба со зломъ къ высочайшимъ, святѣйшимъ подвигамъ, къ какимъ только способна человѣческая душа, въ порывѣ самопожертвованія и высокаго одушевленія? Не стремится ли каждая душа къ свѣту, а если его закроетъ тьма, не защищаетъ ли душа свѣта, хотя бы цѣною жизни? Д-ръ Іосифъ Милославъ Гурбанъ, мужъ Христовъ, служившій ему даже до смерти полумученической, написалъ въ альбомъ своего младшаго сына слѣдующія строки: Kým sen nadide, vzdorúj zlému, teš sa vlnám búrnym... т.-е. «Пока не приблизится сонъ (вѣчный), противься злу, радуйся бурнымъ волнамъ». Какое высоконравственное, глубоко-трогательное слово, въ сравненіи съ квіетистическимъ, лѣниво-буддистскимъ толкомъ свѣтскаго человѣка, гр. Толстого!

Отрицая Христа, Толстой отрицаетъ и церковь, а между тѣмъ—вѣритъ въ ученіе евангелія! Ужели онъ не знаетъ того, что церковь была раньше, чѣмъ написано евангеліе? Да, это великое историческое явленіе, христіанство, уже существовало въ то время, когда евангелисты признали нужнымъ положить на бумагу дѣла Христовы, для дальнѣйшихъ христіанъ: св. Лука прямо мотивируетъ это не внутреннею, а внѣшнею необходимостью (I, 1—4). Мы не знаемъ, какъ-бы сохранилось дѣло Христа безъ письменнаго начертанія, да это и не относится къ нашей задачѣ. Христосъ ничего не написалъ, однако мы знаемъ Его слова, великія, таинственныя, которыми движутся вѣка и поколѣнія, огромныя массы людей, отъ кавказцевъ до негровъ! То же бы произошло и съ Его дѣлами. Написаніе само по себѣ еще не охраняетъ отъ ложнаго и произвольнаго толкованія, какъ въ этомъ удостовѣряютъ насъ толкователи, отъ Арія до Толстого. Не въ отдѣльныхъ выраженіяхъ лежитъ суть дѣла, но въ цѣломъ, въ личности, дѣйствіяхъ, жизни Христа, въ Его сознательной жертвѣ за людей! Но для Толстого это ничего не значитъ. Онъ не видитъ, чѣмъ дѣйствуетъ Христосъ, а замѣчаетъ лишь то, что по истеченіи почти 19 столѣтій онъ, Толстой, одинъ въ мірѣ понялъ правильно ученіе Христа, найдя и вырвавъ изъ св. Матвѣя выраженіе: «не противьтесь злу». Под-

линно, это ужъ безуміе мысли, непризнающей ни Христа, ни христіанства.

А къ какимъ жалкимъ слѣдствіямъ приходитъ Толстой на основаніи фразы, вырванной изъ евангелія! Еслибы не было другихъ доказательствъ, что Толстой, искренно ища правды, забрелъ на распутія и богомерзкую глушь, то одни ужасныя слѣдствія этого ученія служили бы достаточнымъ его опроверженіемъ. Онъ отвергаетъ народность! Конечно, ему, сыну могущественнаго народа, который, противясь ордѣ, крестоносцамъ, туркамъ, шведамъ, нѣмцамъ, франкамъ, обезопасилъ его родной языкъ, который вознесъ и Толстого, какъ поэта, къ надзвѣздной высотѣ, въ среду лишь немногихъ геніевъ, — ему уже не опасно теперь отвергать народность, которая ничего отъ этого не потеряетъ. Она все равно находится кругомъ него, надъ нимъ, въ немъ. Толстой не можетъ чувствовать ужаснаго положенія тѣхъ, отъ которыхъ насильно отнимаютъ народность, не умѣетъ понять того нравственнаго зла, съ которымъ долженъ бороться народъ подавленный. Онъ отвергаетъ родину, отечество, силу, охраняющую народъ отъ ига, отъ разгрома и порабощенія! Отвергаетъ науку и искусство! Толстой отвергаетъ искусство!! Тутъ исчезаетъ уже все, что соединяетъ практика съ теоретикомъ... Тупымъ теоретическимъ ножомъ онъ берется рѣзать и рвать свои собственныя картины, нарисованныя съ такимъ прилежаніемъ и любовью къ предмету, съ такимъ уваженіемъ къ искусству; онъ берется погасить божественную искру, вложенную въ грудь человѣка! Не знаю, можно ли еще и здѣсь говорить объ искренности и правдивости. Ужели онъ дѣйствительно могъ бы хоть разъ пожелать, чтобы изъ памяти и рукъ людей исчезли всѣ его труды, такъ чтобы міръ зналъ его только изъ книги: «Въ чемъ моя вѣра»? Могъ ли бы онъ дѣйствительно и искренно этого желать? Нѣтъ, этого не возможно себѣ представить. Скорѣе мы найдемъ психологическую разгадку самоубійства, нежели такого самоуничтоженія.

И чего еще другого не отбираетъ отъ насъ Толстой въ своихъ мудрствующихъ сочиненіяхъ? Извѣстно, съ какимъ ожесточеніемъ набросился онъ въ «Сонатѣ» на брачную жизнь, на чувства родителей, отношенія семейныя, любовь половую и платоническую. Нигдѣ онъ такъ далеко не перешелъ за предѣлы разума, чувства, человѣчности, даже прямо—обществен-

наго приличія. Кого онъ болѣе оскорбляетъ: Христа ли, благословляющаго рой малыхъ дѣтей, или нѣжную мать, въ болѣзняхъ родящую нашъ подростъ и питающую его сокомъ собственнаго тѣла, своей души, своего сердца? Ужасная, жестокая утопія! Сорвать съ человѣка все духовное, да и все человѣчески-тѣлесное, разрѣшенное моралью, освященное церковью и ея Основателемъ; отнять отъ него клочокъ яснаго, праздничнаго неба, которое представляетъ искусство; лишить его отрады личнаго существованія здѣсь, на землѣ. а потомъ и тамъ, за гробомъ; отобрать возвышенное чувство вѣры и надежды; подорвать стремленіе къ научнымъ изслѣдованіямъ; отнять и то, что Гёте называетъ «малою усладою жизни»; подавить великое чувство народнаго братства, племенного сродства, гордость подвигами предковъ, благодарное воспоминаніе о благодѣтеляхъ, защитникахъ, реформаторахъ, учителяхъ народа; отнять сознаніе сопринадлежности къ великому, славному тѣлу, котораго единство выставило величавые храмы, прекрасные дворцы, посвященные памятникамъ искусства, кладамъ народнаго ума,—брать все это и притомъ во имя ученія Христа, это ужъ слишкомъ жестоко и безразсудно! И во имя чего же? Что́ намъ даетъ Толстой взамѣнъ отнятаго? Онъ не говоритъ этого ясно, но можно догадаться: онъ предлагаетъ намъ какое-то спокойствіе, тишину внутри человѣка. Но эта тишина равняется той, какую можетъ имѣть внутренность скалы, или пустое дупло стараго дерева, въ которомъ уже и мязга не дрогнетъ весною. Это самоуспокоеніе брамина, который 20 лѣтъ. смотрѣлъ на собственный пупъ. Толстой предлагаетъ намъ какую-то Нирвану безъ фантазіи, упоеніе безъ хмеля, углубленіе въ матерію грубую, но неподвижную, въ которой не волнуется уже кровь, не бьетъ артерія... но которая, словно бальзамированный трупъ, лежитъ окоченѣлая на одномъ мѣстѣ, пустомъ и сухомъ, безчувственная и къ дуновенію вѣтра и къ прохладѣ росы..

Я не думаю, что аскетически-моральныя и мудрствующія сочиненія Толстого должны имѣть прямо вредное вліяніе на народъ. Они вызываютъ на размышленіе, а возможно, что не одному втиснули въ руки «писаніе галилейскихъ рыбарей», давно забытое ими; возможно, что кой-кого они вывели изъ религіозно-нравственной летаргіи, такъ что онъ сталъ размышлять надъ собой, своей душой и, благодаря отрицательнымъ теоріямъ Тол-

стого, пришелъ къ болѣе положительному познанію въ дѣлахъ вѣры. Но лишь въ этомъ одномъ отношеніи и могъ принести пользу Толстой какъ мудрецъ.

Такимъ образомъ, разсматривая дѣло съ общехристіанской или христіанско-культурной точки зрѣнія, мы убѣждаемся, что Толстой разрушаетъ всѣ основы, на которыхъ почиваетъ человѣчество или вѣрнѣе та лучшая, благородная часть людей, тѣ группы и индивидуумы, которые духовнымъ просвѣтленіемъ наиболѣе приблизились къ идеаламъ человѣчества. Ибо то, чему онъ учитъ, не есть уже осмѣяніе фарисеевъ и саддукеевъ, той части людей, которая грѣшитъ намѣренно; нѣтъ, это осмѣяніе каждаго чувства, помышленія, возвышающагося надъ косной матеріей и неподвижностію духовнаго забвенія. Это не есть уже сатира на промахи, сарказмъ надъ неправдами: это униженіе человѣка на степень животнаго.

Отъ Христа онъ не оставляетъ даже столько, сколько послѣдняя, самая низкая секта, даже исламъ. Въ богословской экзегезѣ онъ диллетантствуетъ съ неслыханнымъ произволомъ; въ философіи является сбивчивымъ эклектикомъ, черпая то изъ пантеизма Гегеля, то изъ пессимизма Шопенгауера, лишь бы только уничтожить личнаго Бога. Боясь тѣлесной смерти, онъ приготовляется къ ней отрицаніемъ личнаго бытія за гробомъ; онъ убиваетъ душу за то, что тѣло должно умереть!

Во всемъ этомъ нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго. Но есть у Толстого и новизна: это способъ выраженія и его особенное положеніе, какъ человѣка русскаго, славянина и православнаго.

Въ формѣ и тутъ можно узнать слѣды льва, могучіе шаги и прыжки, но только этотъ левъ не ходитъ и не скачетъ уже теперь по широкимъ и свободнымъ раздольямъ поэзіи, въ своей области, въ своей державѣ, но блуждаетъ по чужимъ огородамъ, уничтожая въ нихъ грядки, привитыя деревья и цвѣты.

Но какъ это приходитъ къ столь разрушительному мудрствованію Толстой, человѣкъ русскій и православный? Какъ онъ приходитъ именно къ разрушенію народныхъ, религіозныхъ, общественныхъ, культурныхъ и художественныхъ идеаловъ своего народа, отправляясь при этомъ отъ евангелія, отъ словъ Христа, какъ ихъ понимаетъ мало еще развитый (въ западническомъ смыслѣ), наивный, вѣрующій народъ, который далеко еще не созрѣлъ до философіи разочарованнаго Шопенгауера,—народъ,

котораго духъ и на высшей ступени развитія никогда не направится въ лабиринты нѣмецкой метафизики, ибо не имѣетъ къ тому приспособленныхъ органовъ! Какъ можетъ Толстой предлагать русскому народу какого-то отвлеченнаго «человѣческаго сына», абстрактную волю, когда этотъ народъ говоритъ, думаетъ, понимаетъ все конкретно по преимуществу? Какъ онъ можетъ налагать холодную руку дилетантскаго философствованія на все прошлое народа, на его настоящее, его будущіе идеалы? Какъ можетъ онъ молодому, могучему и жизнерадостному богатырю указывать путь въ пустыню забвенія, въ безводную степь темнаго, старческаго отчаянія! Что же сохранило, возрастило, укрѣпило этотъ народъ въ бояхъ противъ цѣлаго міра? Во имя чего побѣждали и падали его герои на тысячахъ полей? Что вызывало этотъ могущественный народъ помогать братьямъ, «служить» имъ — дѣйствительно, бескорыстно, какъ Христосъ велѣлъ? Что спасло сокровище русской народной жизни и духа передъ погромами, которые валились со всѣхъ четырехъ сторонъ свѣта? Что образовало въ цѣломъ широкомъ славянскомъ мірѣ лишь одну самостоятельную, самобытную державу, безъ которой теперь вовсе бы и не было славянскаго вопроса, ибо не было бы ни одного славянскаго народа непобѣжденнаго, неприкованнаго къ черной землѣ цѣпями духовнаго рабства? Это было православное христіанство. Это должны признать и мы, неправославные, если не желаемъ быть лжецами и негодяями; а кто изъ насъ этого не признаетъ, тотъ или глупецъ, или продажный лакей чужихъ стремленій, направленныхъ къ уничтоженію всего славянскаго подъ солнцемъ! Да, это долженъ признать каждый; лишь для безумнаго толка Толстого это не обязательно. Онъ допускаетъ лишь «людей»; другія ихъ дѣленія считаетъ зломъ, которое нужно уничтожить. Допустимъ, что толстовскій абсолютный космополитизмъ сталъ бы дѣйствительнымъ идеаломъ человѣчества. Ужели намъ, славянамъ, неготовымъ, неразвитымъ, приходится бросить всякое оружіе, духовное и матеріальное, которое защищаетъ еще нашу угрожаемую, народную индивидуальность? Ужели намъ, слабымъ культурно, но могущественнымъ по числу и матеріально, приходится откинуть это преимущество внѣшней силы и съ голыми руками итти въ борьбу съ высшими культурами, которыя ежедневно устремляются проглотить насъ и ежедневно отрываютъ отъ на-

шего берега цѣлыя скалы! У славянства каждый беретъ и никто не даетъ, беретъ съ умысломъ отбросить насъ назадъ навѣки, чтобы мы стали развѣ матеріаломъ для чужой культуры. И мы должны теперь сказать съ Толстымъ: вотъ вамъ, берите!... Почему же защищаетъ свою народность и народное достояніе англичанинъ или нѣмецъ, который поставленъ культурно въ тысячу разъ безопаснѣе, нежели кроткій славянинъ? Пусть Толстой идетъ къ нимъ глашать свое евангеліе; но между нами, выставленными на гибель, не округленными, его слова являются насмѣшкою надъ Богомъ и людьми. Еслибы принять толстовскій вѣчный миръ, «непротивленіе злу» со стороны враговъ, то черезъ сто лѣтъ напрасно сталъ бы Толстой искать своихъ мужиковъ въ тульской губерніи; великое племя стало бы самоубійцей, ибо ни нѣмецъ, ни англичанинъ, ни шведъ, ни турокъ, ни туркменъ, ни китаецъ не стѣснялся бы рвать мясо съ деморализованнаго толстовскаго сброда, не имѣющаго ни народности, ни государства, ни судовъ, ни оружія и войска, ни администраціи, ни Бога, ни Христа, ни религіи, ни супружества, ни науки, а наконецъ—нужно это сказать—ни здраваго смысла, здоровыхъ духовныхъ и тѣлесныхъ наклонностей... Бѣда ли то, если въ войнѣ падетъ нѣсколько тысячъ рѣшительныхъ, одушевленныхъ людей, въ сравненіи съ той бѣдой, которая возникла бы отъ милліоновъ толстовскихъ скопцовъ, толстовскихъ женъ-чудовищъ, еслибы, конечно, могли осуществиться дикія утопіи пошатнувшагося генія!

И кому же это толкуетъ Толстой? Русскимъ славянамъ, между которыми навѣрно найдется хоть 60 мил. такихъ, кому дорогъ личный Богъ, Христосъ, вѣра! Пусть бы еще онъ отвергалъ положительную религію на основѣ созерцанія, логики, вообще философіи, слѣдовательно для философовъ. Но на основѣ евангелія подрывать вѣру между милліонами, для которыхъ она святыня, это богохульство! А вѣдь Толстой пишетъ не какъ ученый! Въ этомъ отношеніи онъ не только «не противится злу», но прямо распространяетъ его тамъ, куда оно не могло бы проникнуть само собой. Онъ защищаетъ принципъ зла! Вотъ какъ стоитъ дѣло съ его «правдою» и съ его summum jus!

Правда, что церковь, христіанство втеченіе болѣе 19 столѣтій не сдѣлало всѣхъ исповѣдующихъ Христа людьми столь совершенными, какъ этого желаетъ Христосъ въ нагорной проповѣди;

но церковь и христіанство столь же мало въ томъ повинны, какъ не виновенъ Христосъ, если между двѣнадцатью ближайшими Его учениками, питавшимися непосредственно изъ Его устъ словами жизни, нашелся Іуда, продавшій Учителя за грязную денежную мзду! И самъ Петръ, духовный герой между учениками, въ слабую минуту отрекся отъ Христа, когда ему грозила наибольшая опасность, а Ѳома не вѣрилъ, пока не вложилъ перстовъ въ его раны! Это—огромные, таинственные контрасты человѣческо-божественной природы, тѣни въ ясномъ свѣтѣ, темныя полосы въ спектрѣ человѣческой нравственности... Да вѣдь и солнечный спектръ имѣетъ необъяснимыя темныя полосы. Но зато спектръ Христова ученія есть свѣтъ, а толстовскій брутализмъ—тьма.

Мы видимъ передъ собой удивительный, колоссальный образъ человѣка, который въ искусствѣ вознесся на вершину славянскаго, да и вообще міроваго Парнасса, обнаружилъ чистоту души, доброту сердца и богатство чувства,—человѣка, который и на дѣлѣ сталъ богатыремъ сердечной доброты, милосердія, любви къ ближнему, а въ то же время своимъ мудрствованіемъ разрушаетъ и благо, и красоту, и любовь, и вѣру, и честь народа, и религіозность, и дѣтскую надежду, и каждое человѣческое чувство! Это человѣкъ, къ которому мы всѣ стремимся съ любовью и удивленіемъ какъ художнику и человѣку, но котораго какъ мудреца хвалятъ лишь тѣ, кто радъ бы уничтожить и насъ и его, стереть съ лица земли и съ сферы человѣческой образованности *). Искренняя наша любовь къ поэту, но подозрительна похвала враговъ.

Но мы вѣримъ, что все свѣтлое, произведенное Толстымъ, останется навѣки, къ ободренію и вызвышенію великаго славянскаго племени, а темныя полосы его духовнаго спектра потеряются, когда всѣ цвѣта сольются въ бѣлый, вѣчный, солнечный свѣтъ всенародной памяти!

Светозаръ Гурбанъ-Ваянскій.

*) Neue Freie Presse напечатала недавно въ защиту Толстого панегирическую статью о немъ... Наши враги—лучшее зеркало для ошибокъ нашей мысли.

Внутреннія затрудненія Германіи. Возрожденіе бисмаркизма. Дѣла австрочешскія и угрохорватскія. Экономическое положеніе Австро-Угріи, Италіи и Румыніи. Дѣла болгарскія и турецкія. Западный анархизмъ. Еще къ юбилею Коменскаго. «Вѣстникъ Европы» и его иностранный обозрѣватель.

I

Процессъ образованія въ центрѣ Европы «Священной римской имперіи нѣмецкой націи» былъ нѣсколько задержанъ въ послѣднее время тою внутреннею заминкою, которая обусловлена министерскими и парламентарными усложненіями въ Берлинѣ, Вѣнѣ и Римѣ. Графъ Каприви не оказался на высотѣ своего положенія. На подмогу призванъ гр. Эйленбургъ, но и это не возстановило потрясеннаго въ Пруссіи, а еще болѣе въ прочихъ государствахъ Германіи, довѣрія къ твердости и послѣдовательности нынѣшняго ея управленія. Наслѣдство Бисмарка оказалось непосильною ношею для плечъ его «эпигоновъ». Вмѣстѣ съ сознаніемъ этого факта вновь возродился въ Германіи культъ Бисмарка, представляющій при нынѣшнихъ условіяхъ не малую дозу оппозиціонизма, даже прямо антидинастическихъ чувствъ. Что этотъ потокъ мыслей и чувствъ, съ особенной силой сказавшійся при всенародномъ праздновании дня рожденія этого великаго нѣмца, имѣетъ не ретроспективное лишь, историческое значеніе, но и политическое, это видимъ изъ принадлежности къ бисмаркистамъ такихъ людей «будущаго», какъ гр. Вальдерзее. Не исключена слѣд. возможность, что переживаемая нынѣ Германіею эпоха непопулярнаго «имперіализма», во вкусѣ Наполеона III и Оливье, смѣнится въ концѣ кон-

цовъ новымъ «маіордомствомъ», во вкусѣ Пипина Короткаго при Хильдерихѣ III... Правда, Бисмаркъ уже старъ, но онъ принадлежитъ къ тому поколѣнію могучихъ людей, которые крѣпнутъ съ годами, подобно Мольтке, Тьеру, а теперь Гладстону. На возможность возстановленія «желѣзнаго канцлера» въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ указываетъ и замѣтное измѣненіе тона о немъ въ «союзнической» прессѣ, особенно австро-угорской, которая еще недавно развлекалась по командѣ свыше ляганіемъ въ опальнаго льва, теперь же старательно обходитъ этотъ «камень преткновенія» въ отношеніяхъ Австро-Угріи и Германіи, особенно съ той поры, какъ Бисмаркъ во всеуслышаніе пригрозилъ Россіи и Франціи «разнести ихъ въ пухъ и прахъ», въ случаѣ нападенія на Германію. Не на то же ли указываютъ внушаемыя нынѣ изъ Фридрихсруе разоблаченія въ Hamburger Nachrichten относительно Каприви, который въ нихъ представляется чуть не кандидатомъ Бисмарка въ вицеканцлеры? Положимъ, эта кандидатура оказалась фактически не вполнѣ удачною, но вѣдь вина въ томъ можетъ падать и на счетъ имперіализма, не поддерживаемаго въ нынѣшней Германіи ни геніемъ Карла В., ни опытностью и тактомъ Вильгельма I...

Предусматриваемая многими въ Германіи возможность возвращенія Бисмарка къ власти можетъ быть ускорена не только внѣшними, но и внутренними дѣлами имперіи. Въ области первыхъ не замѣтно пока опасныхъ усложненій, благодаря крайнему миролюбію Россіи, а за нею и Франціи. Но въ дѣлахъ внутреннихъ правительства Германіи уже теперь стоятъ передъ двумя трудными проблемами: во первыхъ, какъ задобрить вельфовъ и образовать въ центральномъ парламентѣ правительственное большинство, и во вторыхъ, какъ парализовать тревожное усиленіе соціализма, который и въ Германіи начинаетъ принимать внизу анархистскую окраску? Доселѣшнія мѣры, даже столь рѣшительныя, какъ снятіе секвестра съ такъ называемаго вельфскаго фонда въ пользу наслѣдника Ганновера, а еще ранѣе — созваніе конгресса для разрѣшенія тяжбы между капитализмомъ и рабочими, не могли упрочить за нынѣшнимъ правительствомъ Германіи сочувствія и поддержки ни клерикаловъ, ни соціалистовъ. А между тѣмъ натянутыя отношенія къ католической партіи ослабляютъ авторитетъ императора въ южной Германіи, отчасти и въ Австро-Угріи, крайне затрудняя при этомъ и положеніе поляковъ, которые теперь рѣшительно перенесли свое сочувствіе отъ Франціи на Германію, но вмѣстѣ съ тѣмъ не въ силахъ отречься отъ папы и слѣдовательно отъ преданныхъ ему вельфовъ въ Германіи и Австріи. Не менѣе этой «черной оппозиціи»

затрудняетъ положеніе Германіи и оппозиція «красная», соціалистическая, которая все болѣе пропитывается интернаціональными стремленіями и слѣдовательно отчуждается отъ имперіи, отъ императора, да и вообще отъ нѣмецкой народности, германскаго патріотизма. А вдобавокъ ко всѣмъ этимъ затрудненіямъ начинаетъ и въ Германіи ощущаться недостатокъ презрѣннаго металла, даже на столь насущныя потребности, какъ развитіе флота и усиленіе боевой готовности имперіи, не говоря уже о необходимости поддержать матеріально союзниковъ, изъ которыхъ одинъ нуждается въ германскомъ золотѣ для регуляціи своей валюты, другой же—для покрытія хроническаго дефицита въ бюджетѣ.

II.

Не безъ затрудненій подвигается и процессъ перерожденія старой федеративной Австріи и новѣйшей Австро-Угріи во второе изданіе нѣмецкой марки на Дунаѣ. Въ самой Вѣнѣ это возвращеніе къ преданіямъ каролингскаго времени могло бы совершиться мало по-малу, особенно при содѣйствіи папы и современнаго израиля. Но онѣмеченіе Вѣны само по себѣ еще не было бы залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ германизма на среднемъ и нижнемъ Дунаѣ, Карпатахъ и Балканахъ, еслибы вѣнскому правительству не удалось обезпечить постепенной германизаціи двухъ основныхъ фланговъ «марки»: чехоморавскаго на сѣверѣ и словинскаго на югѣ. Вотъ тутъ-то и произошла крупная заминка въ послѣднее время. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ отказъ чешскаго сейма отъ утвержденія чехонѣмецкаго соглашенія 1890 г. или т. наз. вѣнскихъ пунктацій. Отказъ этотъ принесъ великое разочарованіе не только чехоморавскимъ нѣмцамъ, которые уже собрались было навсегда обезпечить свою гегемонію надъ большинствомъ автохтоновъ этой страны, но и центральнаго правительства, считающаго теперь партію Пленера главною своею опорою въ рейхсратѣ и залогомъ дальнѣйшихъ успѣховъ нѣмецкаго дѣла въ имперіи. При такихъ условіяхъ мы не должны удивляться, что гр. Таафе рѣшился на столь крайнюю мѣру, какъ проведеніе основныхъ цѣлей вѣнскаго соглашенія административнымъ путемъ, вопреки условіямъ этого самаго соглашенія и коореннымъ законамъ чешскаго королевства. Начало этой въ сущности революціонной политики, напоминающей времена Фердинанда II и III, положено указомъ министра юстиціи отъ 10—22 апр. объ открытіи особаго нѣмецкаго суда въ Теплицѣ или Веккельсдорфѣ, за которымъ должно послѣдовать учрежденіе подобнаго же суда въ Трутновѣ и другихъ смѣшан-

ныхъ чешскихъ округахъ, съ большинствомъ нѣмецкаго населенія, въ жертву котораго предаются этимъ актомъ меньшинства чешскія въ тѣхъ округахъ. Чехи не безъ основанія считаютъ это дѣленіе разрушеніемъ чешскаго королевства и приготовленіемъ въ его границахъ цѣлой серіи округовъ чисто-нѣмецкихъ, призванныхъ служить, смотря по обстоятельствамъ, либо головою австронѣмецкаго моста при подчиненіи Габсбургамъ Слезіи, Саксоніи, Баваріи, либо авангардомъ прусаковъ, при ихъ утвержденіи въ господствующей надъ Лейпцигомъ, Дрезденомъ, даже Берлиномъ странѣ по верхней Лабѣ и Волтавѣ. Можно представить себѣ, какое негодованіе вызвала эта мѣра въ Чехіи! Самымъ краснорѣчивымъ выразителемъ чувствъ своего народа былъ депутатъ Эдуардъ Грегръ, произнесшій 12—24 апр. въ Сланомъ, передъ 2000 собранныхъ чеховъ, рѣчь по этому поводу, гдѣ онъ прямо назвалъ эту мѣру измѣною не только Чехіи, но и Австро-Угріи, въ пользу Германіи, и противопоставилъ пангерманскимъ стремленіямъ чешскихъ нѣмцевъ, съ ихъ вѣнскими покровителями, общеславянскія стремленія чеховъ, готовыхъ отстаивать свою народность не только противъ Австріи, но и внѣ ея. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ указалъ слушателямъ на необходимость примѣненія къ борьбѣ съ Вѣною, конечно въ границахъ законности,—тѣхъ мѣръ, какими пользовались наприм. ирландцы въ борьбѣ съ англійскими угнетателями.... Уже изъ тона этой рѣчи и вызваннаго ею въ слушателяхъ одушевленія видно, что прижимая чеховъ къ стѣнѣ, правительство вызвало наконецъ въ ихъ средѣ такое сопротивленіе, которое не останавливается и передъ крайними послѣдствіями завязавшейся борьбы, напоминая въ этомъ отношеніи времена гуситовъ и таборитовъ. Особенно знаменательна сдѣланная при этомъ случаѣ Грегромъ, а потомъ (депутатами Вашатымъ и Герольдомъ въ рѣчахъ на рейхсратѣ 23 апр.) ссылка на солидарность славянъ, какъ противовѣсъ солидарности нѣмцевъ. Это новый мотивъ, новый боевой кличъ современныхъ чеховъ, который, вѣроятно, произведетъ сильное впечатлѣніе и въ Вѣнѣ, особенно если онъ постепенно войдетъ въ народное сознаніе чеховъ, возстановивъ так. обр. его связь съ временами славянскаго возрожденія въ Чехіи и еще болѣе отдаленными эпохами—Подѣбрада, Жижки, Іеронима, Гуса, св. Прокопа Сазавскаго, кн. Вячеслава, св. Людмилы, а наконецъ—вѣкомъ Кирилла и Меѳодія. Но для того, чтобы обращеніе къ славянству было дѣйственно и въ средѣ чеховъ, и въ глазахъ нѣмцевъ, поляковъ, мадьяръ, чтобы оно вызвало сочувствіе къ чешскому дѣлу во всѣхъ прочихъ вѣтвяхъ нашего великаго племени, необходимо, чтобы оно было искренно, основывалось на сознаніи и чувствѣ, а

не на политическомъ лишь или полемическомъ разсчетѣ. Будущее покажетъ, насколько эта искренность возросла въ Чехіи со временъ Ганки, Браунера и Сладковскаго, которые лично также были преданы славянской идеѣ, но втихомолку или поодиночкѣ, а не всенародно.

Столкновеніе чешсконѣмецкое является главнымъ событіемъ современной политики Цислейтаніи, что обусловлено выдающимся экономическимъ, политическимъ и культурнымъ значеніемъ Чехіи въ государствѣ Габсбурговъ. Но примѣръ чеховъ прошелъ не безслѣдно и для прочихъ цислейтанскихъ славянъ, прежде всего моравянъ и слезцевъ, а затѣмъ словинцевъ Штиріи, Хорутаніи, Крайны, Приморья. Конечно, степень народнаго и общественнаго пробужденія славянъ слезско-моравскихъ еще не представляетъ непосредственной опасности для господствующаго на ихъ исконной территоріи пришлаго германизма; но все же нравственныя пріобрѣтенія послѣдняго и здѣсь затрудняются съ каждымъ годомъ, параллельно съ выясненіемъ какъ въ Чехіи, такъ и въ Моравіи историческихъ правъ чешской короны или Тріединаго королевства чешско-моравско-слезскаго. Это довольно ясно сказалось на послѣдней сессіи сеймовъ бернскаго и опавскаго, затѣмъ на оломуцкомъ съѣздѣ моравскихъ единомышленниковъ младочешской партіи, а отчасти и въ торжественныхъ поминкахъ Коменскаго во многихъ городахъ его родной Моравіи. Этимъ же объясняется появленіе въ послѣдней такихъ пробужденныхъ органовъ, какъ «Велеградъ», который по вѣрности кирилло-мееодіевскимъ завѣтамъ не уступаетъ ни одному органу гласности въ Чехіи, не исключая и самаго передового въ этомъ отношеніи, пражскихъ «Народныхъ Листовъ».

Правое крыло австрійскаго германизма, обхватывающее земли подалпійскихъ словинцевъ, также наткнулось въ послѣднее время на довольно энергическое сопротивленіе со стороны послѣднихъ, притомъ не въ Крайнѣ лишь, но и въ болѣе близкихъ къ центру имперіи областяхъ, Штиріи и Хорутаніи. Успѣхи пангерманизма задерживаются здѣсь и близостію Италіи, слѣд. Рима, который въ областяхъ подальпійскихъ сохраняетъ свой традиціонный авторитетъ, благопріятный для германизма консервативнаго, габсбургско-католическаго, но не наступательнаго, гогенцоллернско-протестантскаго. На адріатическомъ же склонѣ Альповъ, въ Горицѣ, Тріестѣ, Истріи, германизмъ въ борьбѣ со славизмомъ долженъ прибѣгать къ содѣйствію итальянскаго языка и народности, закрывая глаза на подозрительный ирредентизмъ послѣдней. Конечно, при этомъ имѣется въ виду отдаленная надежда воспользоваться завоеваніями итальянцевъ на почвѣ славянской, путемъ позднѣйшей ихъ герма-

низаціи. Такими же собственно надеждами руководится нѣмецкая Вѣна и въ Галичинѣ, Буковинѣ, Угріи, Семиградьѣ, Тріединой кралевинѣ. Предоставляя полякамъ вытравлять червонорусовъ, мадьярамъ—словаковъ, угрорусовъ, румыновъ, сербовъ, а итальянцамъ— хорватовъ Истріи, Приморья, Далмаціи, вѣнскіе политики, въ стилѣ Шмерлинга, Ауерсперга, Гербста, даже Гогенварта и Таафе. питаются тайными мечтами впослѣдствіи все-таки воспользоваться этими поляками, мадьярами, итальянцами, какъ матеріаломъ для германизма... На это указываетъ между прочимъ смѣлое размѣщеніе его аванпостовъ на такихъ отдаленныхъ позиціяхъ, какъ напр. нѣмецкій университетъ въ Черновцахъ, чуть не на границахъ Подоліи и Молдавіи, или нѣмецкое управленіе въ Сараевѣ и Мостарѣ, самыхъ средоточіяхъ земли сербской. Эти аванпосты, выдвинутые такъ далеко за предѣлами германизованныхъ или германизуемыхъ земель Австро-Угріи, лишь тогда и получаютъ должный смыслъ и raison d'être, если мы станемъ на точку зрѣнія тѣхъ дальновидныхъ политиковъ, считающихъ возможнымъ на польскихъ и мадьярскихъ плечахъ проложить германизму доступъ въ самые центры славянства и вообще восточно. христіанской образованности.

Та же культурная и національная служба возложена Австро-Германіей на династію Гогенцоллерновъ въ Румыніи и Кобургидовъ въ Болгаріи. Конечно, программа эта замаскирована фразами о самостоятельности балканскихъ народовъ; но дѣйствительный смыслъ этой австро-балканской самостоятельности ясенъ для каждаго изъ нынѣшняго положенія «новоавстрійскихъ» областей Босніи и Герцеговины, откуда нѣмцы, мадьяре, евреи постепенно вытѣсняютъ не только православныхъ сербовъ, но и мусульманъ. Правительство покровительствуетъ здѣсь однимъ католикамъ, да и то подъ условіемъ отреченія отъ народныхъ преданій, во имя «новоавстрійской» идеи и «боснійской» или «герцеговинской» національности; ибо даже велико-хорватизмъ не пользуется теперь довѣріемъ ни мадьярскаго, ни нѣмецкаго правительствъ, какъ знамя все-таки крупной славянской, хотя и католической государственности.

Вообще, во взаимныхъ отношеніяхъ Цислейтаніи къ Тріединому королевству чешско-моравско-слезкому, а Транслейтаніи къ Тріединой кралевинѣ хорватско-славонско-далматинской нельзя не замѣтить теперь значительной аналогіи: въ обѣихъ Лейтаніяхъ завязалась и идетъ довольно энергическая борьба съ своими Тріединицами, исходъ которой долженъ опредѣлить, предстоитъ ли двуликой имперіи дальнѣйшая сегментація на народно-историческія группы, или наоборотъ—подчиненіе послѣднихъ нѣмцамъ на

сѣверѣ, а мадьярамъ на югѣ. Характеръ этихъ стремленій достаточно уже опредѣлился къ настоящему времени, равно какъ и противодѣйствіе имъ со стороны чеховъ въ Цислейтаніи и хорватовъ въ Транслейтаніи. Важнымъ знаменіемъ времени представляется въ обѣихъ группахъ пробужденіе славянскаго чувства, а слѣдов. и племенной солидарности хорватовъ съ чехами, которая нашла наконецъ выраженіе во вступленіи нѣкоторыхъ хорватскихъ депутатовъ рейхсрата въ ближайшую связь съ младочехами, напр. по дѣлу о преданіи суду министра Шенборна за указъ 10 (22) апр., а также въ интерпеляціи о лишеніи министромъ Гаучемъ учительскаго мѣста депутата хорватскаго Спинчича, за его панхорватскія стремленія. Еслибы прецедентъ этотъ нашелъ себѣ продолжателей и постепенно объединилъ славянскіе элементы рейхсрата (хотя бы безъ поляковъ), то это привело бы къ важнымъ послѣдствіямъ не въ парламентской лишь, но и вообще въ политической жизни Австро-Угріи, особенно въ случаѣ сближенія хорватовъ съ сербизмомъ, на основаніи какой нибудь общей программы дѣйствій не только въ Задрѣ и Вѣнѣ, но равнымъ образомъ въ Загребѣ и Будапештѣ.

Что такая программа не невозможна, доказываетъ самое существованіе великохорватизма съ одной стороны, а его противовѣса-великосербизма, съ другой, ибо они оба основаны на предположеніи о національномъ единствѣ и солидарности интересовъ западной и восточной половинъ сербохорватскаго племени, причемъ спорнымъ является лишь вопросъ, гдѣ долженъ быть духовный центръ этого племени: въ Хорватіи или въ Сербіи, въ Загребѣ или въ Бѣлградѣ? Конечно, при столь рѣзкой постановкѣ вопроса разрѣшеніе его отодвигается въ неопредѣленную даль. Но еслибы взамѣнъ того принятъ былъ другой принципъ соединенія, именно федеративный, при параллельномъ сохраненіи не только этихъ двухъ, но и еще нѣсколькихъ дополнительныхъ центровъ, напр. Задра, Цетинья, Сараева, Новаго Сада, то, думается, старая мечта Гая и другихъ дѣятелей «иллиризма», перекрещенная потомъ Кукулевичемъ и Штросмайеромъ въ идею «югославянства» (ср. «Общество югославянской исторіи», «Югославянская академія наукъ и искусствъ въ Загребѣ»), быть можетъ и осуществилась бы въ средѣ сербохорватской. Но слѣдуетъ признать, что въ настоящее время до такой федераціи еще очень далеко,—почти столько же, сколько отъ намѣченной Эд. Грегромъ идеи «Соединенныхъ штатовъ Дунайской державы»...

III.

Параллельно съ политическими мѣропріятіями для консолидаціи Австро-Угріи, въ смыслѣ укрѣпленія дуалистическаго ея строя и двухъ главныхъ его носителей, нѣмцевъ и мадьяръ, съ побочными ихъ подпорками въ лицѣ поляковъ и евреевъ,—идутъ въ двуликой имперіи дѣятельныя совѣщанія о финансовой ея «мобилизаціи». Они настолько уже созрѣли, что регуляція валюты поставлена на очередь обсужденія въ весенней сессіи вѣнскаго и будапештскаго парламентовъ. При этомъ выясняется однако, что даже въ случаѣ принятія ими выработаннаго министрами финансовъ законопроекта потребуется не менѣе двухъ-трехъ лѣтъ для проведенія его въ жизнь при ожидаемомъ содѣйствіи дома Ротшильдовъ, купно съ Блейхредеромъ и другими, еврейскими же главнымъ образомъ банкирами Германіи и Англіи. Так. обр. на боевыя поползновенія стратеговъ и публицистовъ обѣихъ Лейтаній налагается спасительная узда на цѣлые 2—3 года, если конечно не представятся непредвидѣнныя затрудненія—въ полученіи ли золота или въ сохраненіи его упроченіемъ благопріятнаго государственнаго и торговаго баланса Австро-Угріи. Что такія затрудненія могутъ представиться, доказываютъ протесты столь вліятельныхъ германскихъ газетъ, какъ Norddeutsche Allgemeine Zeitung противъ предстоящаго отлива въ Австро-Угрію нѣмецкаго золота, которое можетъ-де найти болѣе производительное употребленіе и въ самой Германіи. Съ другой стороны, вопросъ о «реляціи» между нынѣшнимъ бумажнымъ гульденомъ и будущимъ золотымъ также является крайне спорнымъ, при явной коллизіи въ этомъ отношеніи интересовъ должниковъ и кредиторовъ, изъ коихъ первые заинтересованы въ возможно низкой реляціи, чтобы легче уплатить старые долги, а вторые—въ возможно высокой, чтобы не только не потерять при этомъ размѣнѣ бумагъ на металлъ, но по возможности еще выиграть на операціи. А такъ какъ должниковъ всего болѣе между австро-угорскими гражданами, особенно христіанами, число же кредиторовъ гораздо больше между евреями и германскими нѣмцами, то легко предвидѣть, что вопросъ о «реляціи» можетъ еще сдѣлаться поводомъ серьезныхъ пререканій между австро-германскими союзниками.

IV.

Не менѣе затруднительно въ экономическомъ отношеніи нынѣшнее положеніе Италіи. Непосильное бремя милитаризма и вызван-

ный политическими причинами торговый разрывъ ея съ Франціей довели итальянскій народъ до такого истощенія, что онъ не въ состояніи болѣе покрывать все возрастающій дефицитъ въ государственномъ бюджетѣ. А такъ какъ этотъ дефицитъ давно уже покрывался все новыми долгами, которые возросли накопецъ до опасныхъ размѣровъ, то и государственный кредитъ Италіи палъ почти въ такой же мѣрѣ, какъ кредитъ Испаніи, Португаліи или республикъ южно-американскихъ. Пришлось так. обр. серьезно поставить вопросъ о сокращеніи расходовъ на содержаніе арміи, составляющихъ главный источникъ дефицитовъ и разоренія страны. Но вопросъ объ арміи входитъ въ условія договора между членами «мирной лиги», слѣд. не можетъ быть рѣшенъ Италіей въ одиночку, безъ согласія Германіи и Австро-Угріи. Не эти ли затрудненія заставили наконецъ короля Гумберта предпринять поѣздку въ Потсдамъ, куда прибудетъ кажется и третій контрагентъ лиги, для совмѣстнаго обсужденія столь опасныхъ послѣдствій слишкомъ уже продолжительныхъ и разорительныхъ сборовъ—къ обезпеченію «войною мира». Германіи приходится так. обр. и по отношенію къ Италіи играть роль банкира, ибо на Англію теперь расчетъ плохъ, послѣ крушенія въ ней уже нѣсколькихъ крупныхъ банковъ, именно изъ-за неумѣреннаго кредита южно-романскимъ странамъ Стараго и Новаго свѣта. Но Германія сама находится теперь уже далеко не въ столь блестящемъ экономическомъ положеніи, какъ 10—15 лѣтъ тому назадъ. Можетъ ли она вынести на своихъ плечахъ бремя военныхъ расходовъ не только на свою громадную армію, но еще на союзныя? Конечно, нѣтъ. Придется слѣд. и впредь Австро-Угріи и Италіи аппеллировать при бюджетныхъ затрудненіяхъ къ «патріотической самоотверженности» своихъ народовъ. Но при такихъ условіяхъ не сломается ли наконецъ лукъ, слишкомъ долго и сильно натянутый? Если же не сломается, то не утратитъ ли онъ своей прежней упругости, силы, вообще пригодности?

Въ нѣсколько подобныхъ экономическихъ затрудненіяхъ очутилась въ послѣднее время и другая романская страна, примыкающая къ австро-германской лигѣ, Румынія. И ей пришлось дѣлать массу непроизводительныхъ затратъ, на такія напр. предпріятія, какъ укрѣпленіе линіи Прута, фортификаціи Букурешта и т. под. затѣи, выполненныя въ интересахъ не Молдавіи или Валахіи, а Австро-Угріи и вообще лиги, въ интересахъ коей произведено и укрѣпленіе линіи Мааса и Шельды въ Бельгіи. Но Румынія, несмотря на плодородіе почвы, вовсе не накопила такихъ богатствъ, какъ Бельгія, а потому скоро почувствовала оскудѣніе народнаго

богатства, государственныхъ и частныхъ финансовъ. Условія сложились еще неблагопріятнѣе со времени заключенія торговыхъ договоровъ Австро-Угріи съ Италіей и Германіей, почти закрывшихъ румынскимъ произведеніямъ доступъ на германскіе рынки, которые имѣютъ для Румыніи первостепенное значеніе. Это обстоятельство значительно ослабило даже въ чиновной, а еще болѣе въ помѣстной и крестьянской средѣ Румыніи обаяніе германизма, а слѣд. и авторитетъ короля—Гогенцоллерна, который былъ главнымъ виновникомъ направленія румыновъ въ западную, австро-германскую колею. Теперь, когда ошибочность этого антиисторическаго направленія все болѣе выясняется въ сознаніи молдаванъ и волоховъ, отвѣтственность за него все рѣшительнѣе переносится на короля Карла, вслѣдствіе чего и возникли въ послѣднее время толки о намѣреніи его послѣдовать Милану въ отреченіи отъ трона, въ пользу своего брата Фердинанда.

V.

И смежная съ Румыніей Болгарія испытываетъ теперь на себѣ слѣдствія вышеуказанной политической заминки, обусловленной главнымъ образомъ внутренними затрудненіями Германіи, Австро-Угріи и Италіи. Грозный для софійскихъ узниковъ голосъ Стамбулова не производитъ должнаго эффекта въ «Европѣ». Его недавняя нота къ султану о выдачѣ или по крайней мѣрѣ изгнаніи изъ Турціи болгарскихъ эмигрантовъ, а заодно ужъ и объ утвержденіи въ княжескомъ званіи Фердинанда Кобурга не достигла цѣли. Нота эта была даже поводомъ распространенія изъ Вѣны слуховъ о сумасшествіи Стамбулова, вѣроятно за его строптивость въ исполненіи предписаній австроугорскаго консула Буріана. Въ самомъ дѣлѣ, Австро-Угріи теперь не до Стамбулова, когда на очереди стоитъ столь деликатный вопросъ, какъ привлеченіе въ Габсбургію золота для выкупа бумажекъ. Кто ссудитъ ей это золото, если будетъ предусматриваться вѣроятность израсходованія его на Кобурга и Стамбулова, вмѣсто «регуляціи валюты!» Лишь сумасшествіе можетъ при такихъ условіяхъ затѣвать въ Софіи крупную игру—въ революцію противъ султана и еще противъ двухъ по меньшей мѣрѣ великихъ державъ!.,.

Революція эта, по вѣрнымъ расчетамъ протекторовъ Кобургіады, произвела бы теперь тѣмъ менѣе эффекта, что рѣшавшій прежде въ совѣтахъ падишаха голосъ Германіи и ея союзниковъ въ настоящее время много потерялъ изъ своей внушительности въ Цареградѣ. Этому содѣйствовали какъ внутреннія замѣшательства въ

Германіи, такъ и нѣкоторыя нескромности Австро-Угріи, разоблачившія ея истинныя планы на Балканскомъ полуостровѣ, въ родѣ напр. включенія милиціи боснійско-герцеговинской въ составъ гарнизонныхъ войскъ Вѣны, или усиленной пропаганды австрофильства въ Македоніи. Арестъ и изгнаніе въ Малую Азію нѣкоторыхъ агентовъ этого рода, изъ Солуни и ея окрестностей, служитъ довольно энергическимъ протестомъ Порты противъ завѣтныхъ плановъ австромадьярскихъ политиковъ—сдѣлать Солунь какъ бы своимъ Бриндизи или Тарентомъ, головою торговаго пути изъ Вѣны и Будапешта на Сараево и Бѣлградъ въ Скоплье и къ портамъ Архипелага.

Еще болѣе краснорѣчивымъ доказательствомъ постепенной эманципаціи султана отъ дипломатическихъ помочей лиги и ея великобританскаго пособника можетъ служить и нынѣшнее отношеніе его къ Египту, какъ оно выразилось въ способѣ пересылки подтвердительнаго фирмана новому хедиву. Правда, англичане и итальянцы успѣли на этотъ разъ добиться хоть косвеннаго признанія своихъ правъ въ Египтѣ, на полуостровѣ Синайскомъ и въ Массовѣ. Но и этимъ успѣхомъ не мало они обязаны совѣтамъ Россіи и Франціи, которыя на этотъ разъ не имѣли расчета и повода доводить султана до серьознаго столкновенія съ флотами Англіи и Италіи, тѣмъ болѣе, что нашъ черноморскій флотъ, даже по соединеніи съ левантскою эскадрою русско-французскою, все-таки былъ бы еще слабѣе средиземноморской эскадры англо-итальянской и австрійской. Когда это отношеніе силъ измѣнится въ нашу пользу, то будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшенъ въ общихъ интересахъ и Турціи и Россіи тотъ роковой вопросъ о проливахъ, который занималъ Русь еще во дни Аскольда и Дира и который многими считается донынѣ какъ-бы пробнымъ камнемъ не только русской дипломатіи, но и мѣры расположенія къ Россіи народовъ христіанскаго Востока.

Мы съ своей стороны не придаемъ столь преувеличеннаго значенія проливамъ, въ ряду другихъ очередныхъ вопросовъ русской политики; думаемъ даже, что вопросъ напр. австро-мадьярскій въ настоящее время для насъ гораздо важнѣе турецкаго. Во всякомъ же случаѣ непростительнымъ произволомъ представляется намъ навязываніе всему русскому народу, въ его прошломъ и настоящемъ, столь матеріалистическаго взгляда на его задачи въ мірѣ грекославянскомъ, какъ личное мнѣніе г. Татищева, съ излишней категоричностію набросанное въ «Иностранномъ Обозрѣніи» Русскаго Вѣстника (апр. стр. 377). Наши старыя историческія отношенія къ народнымъ малоазійскимъ и балканскимъ вовсе не желательно изъ-за Босфора и Дарданеллъ перестраивать по типу англоиспан-

скихъ отношеній въ Гибралтарѣ или англоарабскихъ въ Аденѣ, ибо въ такомъ случаѣ наше положеніе на проливахъ опиралось бы на одной внѣшней силѣ, а не на внутренней солидарности интересовъ Одессы и Трапезунта, Керчи и Варны, Батума и Бургаса, даже Петербурга и Цареграда, Москвы и Аѳона, Кіева и Солуни. Вообще, пора бы уже нашимъ публицистамъ и политикамъ принять въ соображеніе то, что давно проповѣдуется лучшими представителями славянской науки и что единственно соотвѣтствуетъ историческимъ преданіямъ христіанскаго Востока: общность его духовныхъ и матеріальныхъ интересовъ, слѣд. необходимость какой нибудь общей организаціи, для отраженія общихъ враговъ, а именно форпостовъ Австро-Германіи съ суши и Англіи съ моря.

Что касается способовъ такой организаціи, то въ исторіи извѣстны многіе типы подходящихъ сюда федерацій, союзовъ, лигъ—то формальныхъ, то нравственныхъ. Однимъ изъ самыхъ свободныхъ, но и дѣйствительныхъ типовъ такого взаимодѣйствія большихъ и малыхъ тѣлъ нашей системы представляется напр. двухвѣковой уже союзъ Россіи съ Черногоріей, который никогда не былъ оформенъ, однако сказывался въ очень реальныхъ фактахъ при Петрѣ Вел., Екатеринѣ II, въ періодъ наполеоновскихъ войнъ и еще недавно, во время послѣдней войны русско-турецкой. Не слѣдуетъ ли предпочитать такого рода союзы захватамъ чужихъ областей, въ родѣ Гибралтара или Сараева, въ чуждой и враждебной нравственной средѣ?

Слѣдуетъ желать и надѣятся, что русско-турецкая война 1876 г. будетъ послѣднею въ длинномъ ряду войнъ Восточной имперіи христіанской съ мусульманскою, и что дальнѣйшее торжество первой надъ послѣднею будетъ обезпечено уже болѣе нравственными средствами: наукою, искусствомъ, школою, церковью, связями торгово-промышленными, а наконецъ — живой волной славянской, особенно русской колонизаціи на берегахъ морей Чернаго, Мраморнаго и Эгейскаго.

Въ противномъ случаѣ, т. е. еслибы Россія, послушавшись совѣта г. Татищева, подчинила всѣ прочія свои стремленія и интересы на Востокѣ матеріальному завладѣнію проливами, то она тѣмъ самымъ подала бы примѣръ и положила начало раздѣленія Турціи между многочисленными соискателями, причемъ львиную долю навѣрное захватили бы себѣ не славяне и не греки, а разные латыняне, подобно какъ это случилось въ XIII в., послѣ захвата въ 1204 г. Константинополя итальянскими и французскими крестоносцами.

Наконецъ при оцѣнкѣ роли нынѣшней Турціи въ развязкѣ

«восточнаго вопроса» не слѣдуетъ упускать изъ виду, что въ смыслѣ антропологическомъ въ туркахъ-османскихъ уже мало осталось крови тюркской. Вѣка совмѣстнаго сожительства съ народами арійскаго типа: персами, армянами, греками, албанцами, особенно же славянами, отразились на типѣ «османліевъ» столь же глубоко, какъ напр. помѣсь съ волохами, саксами, а еще болѣе со славянами на типѣ мадьярскомъ. Слѣдовательно процессъ сліянія османскихъ турокъ съ грекославянскими народами Анатоліи, Балкановъ, Архипелага не только давно уже начался, но и далеко подвинулся, такъ что не будь мусульманства эти турки и теперь уже могли бы считаться органическимъ членомъ нашей племенной и культурной системы, почти въ такой же мѣрѣ, какъ ихъ русскіе родичи, татарс крымскіе, казанскіе, астраханскіе. Не далеко уже время, когда скрещеніе расъ и процессъ культурной ассимиляціи пойдетъ успѣшнѣе и въ среднеазіатской родинѣ тюрковъ, которыхъ обширное племя будетъ тогда столь же всецѣло принадлежать грекославянскому міру, какъ и всѣ племена финскія.

VI.

Господствующимъ явленіемъ общественно-экономической области послѣднихъ недѣль для всей западной или собственной Европы были движенія анархизма. Сначала могло казаться, что они ограничиваются Франціей, еще частнѣе—Парижемъ, гдѣ произведенъ былъ цѣлый рядъ динамитныхъ взрывовъ и разыгрался цѣлый процессъ анархистовъ, съ Равашолемъ во главѣ. Но вскорѣ оказалось, что не въ меньшей мѣрѣ анархистами кишатъ теперь и Англія, Бельгія, Португалія, Испанія, Германія, Австро-Угрія, Италія,—словомъ, вся центральная и западная Европа, со включеніемъ и нѣкоторыхъ областей славянскихъ, особенно Чехоморавіи, Слезіи, Познани, западной Угріи, примѣрно всѣ тѣ страны, гдѣ 1-е мая празднуется по латинскому календарю... Парижъ занимаетъ въ этомъ отношеніи первое мѣсто не по числу анархистовъ, а по рѣшительности и открытости ихъ дѣйствій. Органическая болѣзнь Европы выразилась здѣсь наружнымъ нарывомъ, тогда какъ въ другихъ ея частяхъ она пока скрывается такъ сказать въ «мозгѣ костей»...

Изъ того обстоятельства, что анархизмъ въ равной мѣрѣ распространяется теперь въ странахъ и монархическихъ и республиканскихъ, и въ католическихъ и протестантскихъ, и въ романскихъ и германскихъ, видно, что возникновеніе его обусловлено не формами политической жизни, не отношеніями вѣроисповѣдными,

не племеннымъ темпераментомъ населеній, а чѣмъ-то другимъ. Чѣмъ же именно? Очевидно, чѣмъ-то общимъ всей западной Европѣ, всѣмъ ея государствамъ, вѣроисповѣданіямъ, племенамъ: это же общее можетъ лежать лишь въ условіяхъ ихъ исторической жизни, въ основахъ ихъ культурнаго развитія. Такимъ образомъ и подобнаго рода грустные факты—одичанія людей, извращенія ихъ понятій о правѣ и справедливости, отрицанія всѣхъ основъ общественности, всѣхъ стяжаній человѣческой образованности, — являются новымъ подтвержденіемъ старыхъ теорій о единствѣ основъ западноевропейской образованности, о существованіи въ ней глубокихъ внутреннихъ противорѣчій и о необходимости ея перерожденія.

Россія и другія страны христіанскаго Востока, конечно, поставлены гораздо выгоднѣе западной Европы въ борьбѣ съ интернаціональнымъ анархизмомъ, ибо Востокъ находится на болѣе патріархальной ступени развитія, слѣдовательно уже по одному этому свободенъ отъ многихъ болѣзней вырождающейся или хотя бы перерождающейся образованности Запада. Къ тому же коренное различіе культурнаго строя нашего восточно-христіанскаго міра отъ собственно европейскаго или западнаго, со включеніемъ въ послѣдній большинства его компактныхъ колоній, — гарантируетъ насъ до извѣстной степени отъ многихъ бѣдъ европеизма, въ томъ числѣ отъ западнаго соціализма и крайнихъ его побѣговъ въ анархизмѣ, особенно при умѣніи и готовности признать условія новаго времени и приноровиться къ нимъ; ибо одна сила косности тутъ не достаточна: она не можетъ поддержать сама по себѣ даже столь древніе и могущественные организмы, какъ напр. Персія, Индія, Китай. Они разлагаются на нашихъ глазахъ отъ застоя и неумѣнья или нежеланія «стать съ вѣкомъ наравнѣ».

VII.

По важности роли, которую играетъ въ «эволюціяхъ» современной жизни сила мысли и слова, въ формѣ ли то проповѣди или урока, книги или статьи, мы остановимся здѣсь еще разъ на недавнихъ празднествахъ Коменскаго. Теперь они прошли, хотя вызванное ими движеніе не улеглось и, дастъ Богъ, еще долго будетъ сказываться въ лѣтописяхъ школы. Гдѣ же нашелъ Коменскій наилучшую оцѣнку и всенародное признаніе? Въ Чехіи, Моравіи и Словачинѣ, затѣмъ въ Голландіи, даже въ Германіи и уже въ болѣе слабой степени—въ Россіи и прочихъ славянскихъ странахъ. Фактъ знаменательный не только для настоящаго, но и для

будущаго! Первенство въ этомъ отношеніи чехоморавянъ и словаковъ объясняется, конечно, принадлежностію Коменскаго къ чехословенской народности, а въ значительной мѣрѣ—и къ чехословенской литературѣ. Но это обстоятельство само по себѣ не могло бы обезпечить всенароднаго характера недавняго юбилея у чеховъ, моравянъ и словаковъ, еслибы у нихъ и теперь, какъ прежде, рѣшающій голосъ въ народныхъ дѣлахъ имѣли помѣщики, чиновники и ксендзы, ибо юбилей этотъ все же былъ крайне непріятенъ и правительству и католическому клиру, въ виду антигабсбургскаго и антипапскаго направленія славнаго чехоморавскаго «брата» и педагога. Подобно настойчивымъ заявленіямъ чеховъ о своихъ сочувствіяхъ Яну Гусу, по случаю напр. сооруженія бюстовъ славныхъ дѣятелей въ новомъ зданіи чешскаго музея, недавнія торжества въ честь Коменскаго убѣждаютъ насъ въ постепенномъ проясненіи историческаго сознанія въ массахъ чехословенскаго народа и постепенномъ ихъ освобожденіи отъ наносныхъ слоевъ реакціи побѣлогорскаго періода народной жизни.

Это же служитъ залогомъ конечнаго торжества чехоморавянъ надъ нѣмцами и словаковъ надъ мадьярами, подъ знаменемъ славянской взаимности и самобытности въ вопросахъ народной образованности. До тѣхъ поръ, пока чехоморавяне и словаки будутъ вѣрны этимъ знаменамъ, на которыхъ рядомъ съ именами свв. Кирилла и Меѳодія красуются имена Гуса и Коменскаго, торжество надъ великоморавскими нѣкогда областями потомковъ Арнульфа, Вихинга, Арпада не можетъ быть рѣшительнымъ и окончательнымъ. Правда, и германскія племена присвоили себѣ часть духовныхъ стяжаній чехословенскаго племени: и они преклонились передъ освобождающимъ геніемъ Гуса и Коменскаго, изъ которыхъ первый признается въ протестантскомъ мірѣ предтечею Лютера, а второй—Песталоцци. Но изъ идей этихъ великихъ славянскихъ реформаторовъ германцы могли уразумѣть и усвоить себѣ лишь коечто, притомъ подъ угломъ своей народности, своей государственности. Полное же пониманіе, а еще болѣе полное усвоеніе идей и св. Кирилла, и праведнаго Гуса, и великаго Коменскаго возможно лишь въ той племенной и нравственной атмосферѣ, гдѣ онѣ выросли, укоренились и выдержали напоръ вѣковъ.

Великая, славная задача принадлежитъ въ этомъ отношеніи и Россіи. Подобно тому, какъ въ усвоеніи, а затѣмъ и разработкѣ идей кирилло-меѳодіевскихъ она уже теперь занимаетъ первое мѣсто между всѣми славянами; какъ затѣмъ и въ раскрытіи истиннаго смысла гуситства русскіе ученые оказались впереди не только нѣмецкихъ, но и чешскихъ,—такъ и въ разработкѣ идей Комен-

скаго нашей наукѣ, нашей жизни предстоитъ важная роль, къ сожалѣнію не столько въ настоящемъ, сколько въ будущемъ. Въ самомъ дѣлѣ, хотя юбилей Коменскаго отпразднованъ кое-гдѣ и въ Россіи, то публичными чтеніями, то собраніями или по крайней мѣрѣ журнальными и газетными статьями, однако какъ блѣдно все это въ сравненіи съ тѣмъ народнымъ одушевленіемъ, тѣмъ общественнымъ участіемъ, тѣми наконецъ научно-литературными предпріятіями, которыя были вызваны юбилеемъ Коменскаго въ Чехіи, Моравіи, Словачинѣ, даже Германіи и Голландіи! Очевидно, не приспѣла еще пора для всесторонней и всенародной оцѣнки великаго славянскаго педагога въ Россіи. Мы не сомнѣваемся однако, что не далеко уже время, когда имя его будетъ оглашаться отъ одного края русской земли до другого и когда по идеямъ Коменскаго будетъ преобразована наша нынѣшняя, во многомъ полусхоластическая школьная система.

VIII.

Въ заключеніе этой лѣтописи да позволено будетъ намъ присоединить маленькую замѣтку pro domo sua, въ связи съ вопросомъ о нынѣшнемъ положеніи и направленіи русскославянской публицистики. Хотя «Славянское Обозрѣніе» существуетъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, однако его искреннія усилія содѣйствовать по мѣрѣ возможности и силъ разъясненію вопросовъ о современномъ положеніи народовъ христіанскаго Востока и объ отношеніяхъ этихъ народовъ какъ между собою, такъ и къ другимъ, съ ними соприкасающимся въ исторіи или дѣйствительности, не остались безплодны. Въ доказательство этого мы могли бы представить сочувственные отзывы не одной уже дюжины русскославянскихъ изданій, между которыми находятся и наиболѣе извѣстные періодическіе органы славянъ западныхъ и южныхъ. Но это было бы доказательствомъ не полнымъ: судъ друзей всегда можетъ казаться болѣе пристрастнымъ, чѣмъ судъ недруговъ. Въ настоящее время мы можемъ уже сослаться и на послѣдпій. Имѣемъ въ виду апрѣльскую книжку «Вѣстника Европы», этого завѣдомаго монитора нашихъ западниковъ. Анонимный авторъ помѣщеннаго въ этой книжкѣ «Иностраннаго обозрѣнія», разсуждая о соціализмѣ въ Германіи и стачкахъ рабочихъ въ Англіи, а затѣмъ о Болгаріи и Сербіи, о Кобургѣ и Миланѣ, счелъ нужнымъ коснуться и «Славянскаго Обозрѣнія» въ видахъ выясненія «идей гг. Будиловича и Ламанскаго», какъ сказано въ заголовкѣ. Мы очень благодарны за вниманіе обозрѣвателя и воспользуемся его замѣткою, чтобы пока-

зать, какого рода вопросы раздѣляютъ теперь наше русскославянское міросозерцаніе отъ западническаго, во имя котораго ратуетъ анонимный сотрудникъ «Вѣстника Европы». При этомъ мы не будемъ останавливаться на субъективныхъ ощущеніяхъ автора, на томъ напр. «смутномъ и отчасти (только!) тягостномъ впечатлѣніи», какое онъ вынесъ изъ ознакомленія съ первыми двумя книжками «Слав. Обозр.», такъ какъ подобнаго рода «смутныя» субъективныя настроенія часто не выносятся изъ чтенія, а вносятся въ него, слѣд. не могутъ подлежать объективной оцѣнкѣ. Не станемъ доискиваться причинъ и того, почему изложеніе «Слав. Обозр.» кажется рецензенту «тяжеловѣснымъ, темнымъ и претенціознымъ,» ибо и эти фразы, «претенціозныя» уже сами по себѣ, ничѣмъ не мотивированы. Единственнымъ указаннымъ въ рецензіи основаніемъ для упрека въ «претенціозности» является нашъ терминъ: Угрія, угорскій, вм. обычнаго: Венгрія, венгерскій. Рецензентъ очевидно не знаетъ, что слова: «Угрія, угорскій», вовсе не выдуманы нами, а искони существуютъ въ русскомъ языкѣ, еще со временъ Нестора, тогда какъ предпочитаемыя имъ формы: «Венгрія, венгерскій», наоборотъ, представляютъ неуклюжій полонизмъ (węgry, węgierski), имѣя такое же происхожденіе, какъ полонизмъ «węgiel» вм. русскаго уголь, węzeł вм. узелъ и т. п. Не будемъ однако настаивать и на этомъ, не желая съ своей стороны лишать обозрѣвателя права употреблять не только слова: венгеръ, венгерскій, но даже излюбленныя имъ, хотя вовсе необычныя, формы: соціаль-демократъ (859), націоналъ-либералъ (863) и т. п. Спѣшимъ перейти къ «идеямъ Будиловича и Ламанскаго», въ освѣщеніи обозрѣвателя.

Противъ какихъ же собственно «идей» онъ тутъ возстаетъ? На повѣрку оказывается, что такихъ идей немного, въ сущности одна: обозрѣватель возмущается критическимъ отношеніемъ «Слав. Обозр.» къ Австро-«Венгріи», къ «конституціоннымъ правамъ ея гражданъ», ея «стараніямъ подчинить государству народную школу» и «ввести повсюду государственный языкъ», «поощренію господствующей религіи въ ущербъ православію», или, какъ далѣе выражается обозрѣватель, къ желанію «Австріи дѣйствовать въ духѣ австрійскихъ интересовъ, а Венгріи—заботиться объ интересахъ венгерскихъ», къ правамъ «австрійцевъ быть австрійцами, а мадьяръ мадьярами», Изъ дальнѣйшихъ возраженій обозрѣвателя явствуетъ, что по крайней его щепетильности ко всему австровенгерскому ему грезится «Австро-Венгрія» и тамъ, гдѣ объ ней и помину нѣтъ въ «Слав. Обозр.». Такъ напр. приводя на стр. 871 цитату изъ моей статьи въ январской кн. «Слав. Обозр.» о внутреннемъ положеніи Россіи,

обозрѣватель прибавляетъ: «Отсюда дѣлается какъ будто выводъ, что мы должны водворить новые порядки въ Австро-Угріи». На дѣлѣ же въ цитуемомъ мѣстѣ «Слав. Обозр.» говорится: «Это подтверждается широкимъ и до недавняго времени безпрепятственнымъ распространеніемъ въ Россіи еврейства»... Гдѣ же тутъ «выводъ о водвореніи новыхъ порядковъ въ Австро-Угріи?!» И нѣсколько ниже, приведя изъ той же моей статьи (стр. 16) выдержку о трудности устраивать славянскіе съѣзды и т. п., обозрѣватель прибавляетъ (стр. 871): «А затѣмъ опять говорится о нехорошихъ порядкахъ въ Австро-Угріи». Между тѣмъ на дѣлѣ у меня «затѣмъ говорится» вовсе не объ Австро-Угріи, а о необходимости литературнаго обмѣна между славянами!!...

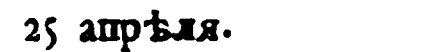
Не очевидно ли отсюда, что Австро-Венгрія снится обозрѣвателю всякій разъ, какъ онъ закроетъ глаза на русскую дѣйствительность! Интересное психическое состояніе, которое нерѣдко впрочемъ наблюдается у насъ между польскими шляхтичами, ксендзами, отчасти чиновниками, а также между «интеллигентами» еврейскаго происхожденія...

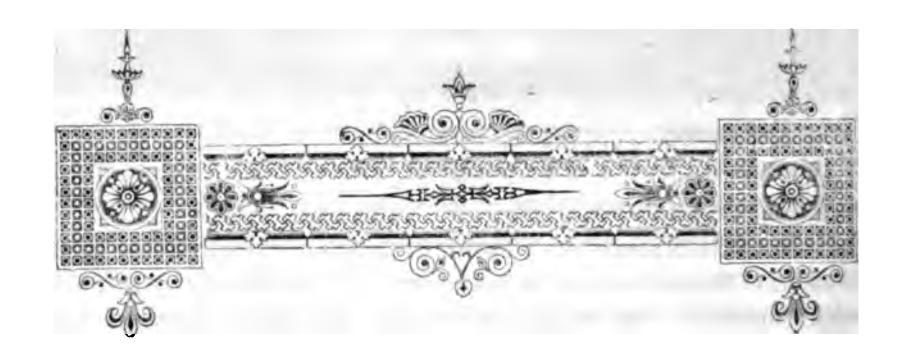
Мы вовсе не желаемъ дѣлать отсюда выводъ о польскомъ или еврейскомъ происхожденіи обозрѣвателя, которое къ тому же вовсе не касается ни насъ, ни читателя. Для насъ достаточно констатировать безспорную общность пріемовъ обозрѣвателя «Вѣстника Европы» съ безчисленными польско-еврейскими обозрѣвателями внѣшней и внутренней политики Австро-Угріи, въ ея отношеніяхъ къ Россіи и славянству! Эта чисто-австрійская точка зрѣнія обозрѣвателя отражается и въ его возраженіяхъ на «идеи г. Ламанскаго». Оспаривая напр. положеніе послѣдняго о громадной важности запредѣльныхъ славянъ для русской политики, для «блестящихъ успѣховъ Россіи надъ турками и разными европейскими державами съ начала XVIII в.», обозрѣватель говоритъ: «Войны со шведами, раздѣлъ Польши, альпійскіе походы Суворова, Священный союзъ, спасеніе Пруссіи и Австріи русскими войсками, — все это событія, для которыхъ существованіе славянскаго элемента въ Турціи и Австріи не имѣло абсолютно никакого значенія». Не станемъ останавливаться на исторической невѣрности этого положенія, очевидной для каждаго, кто знаетъ напр. исторію раздѣловъ Польши или нашей компаніи 1849 г. Мы обратимъ вниманіе читателя лишь на сдѣланную обозрѣвателемъ выборку «событій», опредѣляющихъ «блестящіе успѣхи Россіи съ начала XVIII в.». Ужели къ этимъ «событіямъ» относится «Священный союзъ» или «спасеніе Пруссіи и Австріи»! Съ русско-славянской точки зрѣнія — врядъ-ли, но съ австро-угорской—безспорно!..

Это та же точка зрѣнія, съ которой политика Стамбулова и Кобурга представляется обозрѣвателю совершенно правильною, даже патріотическою, а нынѣшняя политика сербская, т. е. Пашича и Ристича въ отношеніи къ Милану — неправильною, несогласною съ «принципами, которые усвоены всѣми существующими законодателями» (стр. 869—870)!

Мы не отрицаемъ законности и такой точки зрѣнія, только не въ Россіи, а въ Австро-Угріи, и то не во всей, а лишь для господствующихъ ея народностей: нѣмецкой, мадьярской, польской и еврейской. Только въ этой средѣ можетъ расчитывать обозрѣватель на сочувствіе своимъ взглядамъ, относительно напр. «конституціонныхъ правъ австро-венгерскихъ граждaнъ», ихъ «государственнаго языка», «господствующей религіи» и т. п. Отъ всѣхъ прочихъ народовъ этой имперіи, составляющихъ въ совокупности большинство ея жителей, онъ услышалъ бы совсѣмъ другое, а именно: что теперь нѣтъ собственно ни Австріи, ни австрійцевъ, ни австрійскаго государственнаго языка, ни господствующей религіи, ибо Австрія упразднена еще въ 1867 году договоромъ о раздѣленіи ея на два государства, Цислейтанію и Транслейтанію; что съ тѣмъ вмѣстѣ исчезли «австрійскія земли» въ прежнемъ, широкомъ значеніи, даже офиціально замѣнныя терминомъ: die im Reichsrathe vertretenen Koenigreiche und Laender, въ средѣ которыхъ собственно австрійскія или подальпійскія области занимаютъ не болѣе одной трети Цислейтаніи, остальное же принадлежитъ землямъ чешской короны, королевству галицко-владимірскому и землямъ хорватской короны; что слѣд. терминъ австріецъ внѣ подальпійскихъ земель не имѣетъ никакого реальнаго смысла: что языкъ нѣмецкій также мало можетъ быть названъ «государственнымъ» въ Чехіи, Галичинѣ, Далмаціи, какъ напр. польскій въ Вѣнѣ, а итальянскій или хорватскій въ Зальцбургѣ; что наконецъ религія еврейская съ такимъ же правомъ можетъ быть названа «господствующею» въ Цислейтаніи, какъ и католическая. Разъясненіе всѣхъ этихъ, не лишнихъ кажется для «иностраннаго обозрѣвателя» вопросовъ могъ бы онъ найти и въ первыхъ двухъ книжкахъ «Слав. Обозр.», еслибы прочиталъ ихъ не только «съ понятнымъ любопытствомъ», но и съ нѣкоторымъ вниманіемъ, а главное—сбросивъ съ носа свои австро-венгерскія очки, которыя лишаютъ его свободнаго взгляда не на австрійское лишь, но и на всякое другое славянство. «Австрійскіе» и «венгерскіе интересы» представляются ему столь священными, что критическое къ нимъ отношеніе онъ считаетъ «отсутствіемъ логики», либо «лицемѣріемъ», или наконецъ «чистѣйшимъ ребячествомъ»! Что же сказалъ

бы обозрѣватель, еслибы кто нибудь усомнился въ правѣ австровенгерскихъ періодическихъ изданій относиться критически къ славянскимъ, слѣдовательно и русскимъ дѣламъ и отношеніямъ?Конечно, онъ назвалъ бы подобныя претензіи смѣшнымъ «ребячествомъ», болѣе того, жалкимъ мальчишествомъ: «какъ-де намъ смѣть свое сужденіе имѣть»! Почему же онъ не замѣчаетъ этого молчалинства въ себѣ и своемъ органѣ? Ужъ не потому ли, что «Вѣстникъ Европы» представляется ему какъ бы голосомъ Европы къ Россіи, а не Россіи объ Европѣ? Если же нѣтъ, то было бы интересно знать, можетъ ли «иностранный обозрѣватель» указать въ настоящей европейской литературѣ, напримѣръ французской, англійской, нѣмецкой, хотя бы одинъ серьезый и самостоятельный журналъ, который обозрѣвалъ бы явленія положимъ русской или китайской жизни не со своихъ національныхъ точекъ зрѣнія, а съ чужихъ, напр. русскихъ, китайскихъ или африканскихъ? Врядъ-ли найдутся въ Европѣ подобные органы: они составляютъ, къ сожалѣнію, принадлежность лишь такихъ несамостоятельныхъ, подражательныхъ обществъ, какъ то, въ средѣ и на счетъ котораго развивается нашъ «Вѣстникъ Европы», съ его публицистическими спутниками. Но число ихъ, благодареніе Богу, все болѣе уменьшается, и самъ «Вѣстникъ Европы» устами г. Пыпина называетъ уже теперь (стр. 797) «безвкусною фразою» выраженіе: «богоподобная Европа», которое представляетъ между тѣмъ точную формулу основного догмата всѣхъ славянскихъ западниковъ...


25 апрѣля. А. Б.



ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Изъ Риги.

Успѣхи русскаго языка въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго округа.

Послѣдніе годы отмѣчены въ жизни нашего края важными измѣненіями въ управленіи административными, судебными и учебными дѣлами. Застарѣлая кора германизма постепенно сходитъ «ветхой чешуей», и на просторъ жизни выбиваются снизу мѣстныя населенія латышскаго и эстонскаго происхожденія, подъ освобождающимъ вліяніемъ русскаго элемента. Преобразованы уже управленія городскія, несмотря на ожесточенное сопротивленіе нѣмецкихъ бюргеровъ; тяжелые удары нанесены и прежнему самоуправству бароновъ; пропагандистскія поползновенія пасторовъ также встрѣтили должный отпоръ. Въ послѣднее же время болѣе серьезное вниманіе обращено и на систему учебныхъ заведеній, благодаря энергической дѣятельности нынѣшняго попечителя Дерптскаго учебнаго округа, Н. А. Лавровскаго. Въ виду особой важности учебнаго дѣла въ здѣшнемъ краѣ, въ процессѣ его перерожденія изъ окраины нѣмецкой въ русскую, я постараюсь обрисовать на этотъ разъ нынѣшнее положеніе низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ здѣшняго округа, причемъ особенное вниманіе будетъ обращено на успѣхи русскаго языка и вытѣсненіе имъ языка нѣмецкаго.

Здѣшнія народныя училища, которыхъ насчитывается до 3,500, раздѣляются на двѣ группы: волостныя и приходскія. Въ первыхъ ученіе идетъ съ 15 окт. по 15 апр., т. е. въ зимніе мѣсяцы, втеченіе трехъ лѣтъ; вторыя же, составляя продолженіе первыхъ, су-

ществуютъ въ каждомъ лютеранскомъ приходѣ. По закону 17 мая 1887 г., «преподаваніе всѣхъ предметовъ въ школахъ волостныхъ производится на русскомъ, эстонскомъ или латышскомъ языкѣ, смотря по удобству, съ тѣмъ что въ послѣдній годъ обученія на русскомъ языкѣ должно производиться преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ закона Божія и церковнаго пѣнія, кои могутъ быть преподаваемы на природномъ языкѣ учащихся, т. е. на русскомъ, латышскомъ или эстонскомъ, смотря по населенію». Что касается приходскихъ школъ, то въ нихъ, по этому же закону, «независимо отъ исповѣданія и происхожденія учащихся, преподаваніе всѣхъ предметовъ происходитъ на русскомъ языкѣ, кромѣ закона Божія и церковнаго пѣнія». То же полагается по закону Божію и въ начальныхъ городскихъ училищахъ. Насколько мнѣ приходилось наблюдать, законъ этотъ не вполнѣ примѣняется къ дѣлу по отношенію къ русскому языку. Несмотря на восемь уроковъ русскаго языка въ недѣлю, ученики эстонскихъ и латышскихъ волостныхъ школъ не успѣваютъ настолько изучить его, чтобы въ третью зиму могли понимать преподаваніе на русскомъ языкѣ. По выходѣ же изъ школъ и возвращеніи въ свои латышскія и эстонскія семьи, ученики теряютъ и ту ничтожную крупицу русскаго языка, которою запаслись въ школѣ. Происходитъ это главнымъ образомъ отъ плохого состава учителей: большинство ихъ совсѣмъ не знаетъ русскаго языка, которому должны обучать въ школѣ. Имъ приходится слѣдовательно обучать языку незнакомому, какъ бы мертвому, выкрикивая отдѣльныя буквы, слова, формы, безъ всякаго участія живой рѣчи. Этотъ плохой подборъ учителей объясняется недостаткомъ учительскихъ семинарій, которыхъ всего двѣ: дерптская и гольдингенская. Онѣ выпускаютъ въ годъ до 40 учителей, тогда какъ нужно бы до 120—150 учителей. Прежде было еще 6 малыхъ учительскихъ семинарій, такъ называемыхъ дворянскихъ, получавшихъ пособіе отъ дворянства, до 6,000 рубл. въ годъ; но онѣ самовольно закрыты дворянствомъ по обнародованіи закона о введеніи русскаго языка въ преподаваніе. Семинаріи эти доставляли до 50 учителей въ годъ, но съ очень слабымъ цензомъ и рѣзкими нѣмцофильскими тенденціями. Эти-то учителя и были главными проводниками германизма въ среду латышей и эстовъ, многіе изъ которыхъ перемѣнили даже свои фамиліи и стыдятся своего происхожденія. Нѣмцы спохватились теперь, какую крупную ошибку сдѣлали закрытіемъ этихъ очаговъ германизаціи, но возстановить ихъ врядъ ли удастся, тѣмъ болѣе что, какъ мы слышали, вскорѣ предположено открыть еще третью учительскую семинарію, съ бюджетомъ въ 21,000 руб.

Второю причиною медленныхъ успѣховъ русскаго языка въ I родныхъ училищахъ являются инспекторы этихъ училищъ, прин: лежащіе большею частью къ эстонской или латышской народнос' и подъ вліяніемъ мѣстныхъ идей не сознающіе всей пользы р пространенія въ краѣ русскаго языка, какъ противовѣса нѣмецко: Это относится впрочемъ не къ однимъ только инспекторамъ у' лищъ: эстонско-латышское образованное общество вообще сил уже онѣмечено и склонно видѣть въ языкѣ русскомъ не естеств наго союзника въ борьбѣ съ нѣмецкимъ, а какъ бы угрозу д существованія мѣстныхъ языковъ. Подобнаго рода антирусс тенденція усердно распространяется теперь мѣстными газетам обществами, по внушеніямъ изъ Дерпта, гдѣ находится центръ только нѣмецкой, но также эстонской и латышской агитаціи.

Нѣсколько лучше идутъ дѣла въ среднихъ учебныхъ заведенія: Въ августѣ 1892 г. истекаетъ назначенный закономъ срокъ д замѣны нѣмецкаго преподаванія русскимъ по всѣмъ предмета Хуже идутъ дѣла только въ содержимыхъ городами гимназіях реальныхъ училищахъ, которыхъ насчитывается по четыре. Полу' субсидіи отъ городскихъ обществъ и сословныхъ корпорацій, : гимназіи и реалки подчиняются вліянію особыхъ училищныхъ к легій, имѣющихъ даже право выбора учителей, только утверж емыхъ попечителемъ. Какъ ни симпатиченъ самъ по себѣ принци тѣсной связи школы съ обществомъ, однако мѣстныя условія дак ему у насъ одностороннее и вредное для школы примѣненіе.

Что касается женскихъ училищъ, то благихъ послѣдствій с. дуетъ ожидать отъ привлеченія въ педагогическіе совѣты эт заведеній директоровъ и инспекторовъ мужскихъ среднихъ шко въ качествѣ предсѣдателей. Вытѣсненіе нѣмецкаго языка русски въ женскихъ училищахъ, по закону 17 апр. 1889 г., назнач для школъ двухклассныхъ къ 1892 г., а для остальныхъ — 1895 г. Такимъ образомъ прекрасный полъ нашего края еще т лишніе года будетъ воспитываться въ духѣ нѣмецкомъ... И частныхъ учебныхъ заведеніяхъ по закону 23 мая 1889 г. нѣмец языкъ лишь постепенно вытѣсняется по классамъ языкомъ р скимъ.

Рижская политехника, какъ заведеніе содержимое на сборъ ученіе, при незначительномъ лишь пособіи отъ правительства (10.000 въ годъ), все еще остается на прежнемъ, нѣмецкомъ по женіи. Этого нельзя считать нормальнымъ явленіемъ, тѣмъ бо. что большинство учащихся въ политехникѣ принадлежитъ къ : родности не нѣмецкой, а латышской, эстонской, еврейской, польск русской, слѣдовательно вовсе не заинтересовано въ сохраненіи і

мецкаго преподаванія, которое служитъ для многихъ даже препятствіемъ въ занятіяхъ науками.

Что касается наконецъ дерптскаго университета, то и онъ мало по малу переходитъ на русское положеніе: уже теперь болѣе 20 преподавателей читаютъ тамъ лекціи порусски; ихъ только оклады и пенсіи уравнены съ русскими, тогда какъ читающіе понѣмецки получаютъ жалованье по штату 1865 г. (проф. орд. 2400 р., экстр. 1700 р.). Замѣщеніе новыхъ каѳедръ обусловливается обязательствомъ читать по-русски. Наложена рука на своеобразные порядки дерптскаго студенчества, въ родѣ akademische Musse, корпорацій, поединковъ, и т. д.; уничтожена специализація курсовъ и испытаній; вводятся государственные экзамены, словомъ, университетъ постепенно принимаетъ общерусскій типъ и характеръ. Съ полной руссификаціей этого заведенія падетъ послѣдній оплотъ германизма, столь вредно дѣйствовавшій на образъ мыслей не только латышей, эстовъ, но и многочисленныхъ дерптскихъ студентовъ польскаго и русскаго происхожденія.

С. Т.

Рига, апрѣль 1892 г.

Изъ Будапешта.

Нынѣшнее положеніе мадьяръ въ Угріи. Причины ихъ силы и слабости. Вѣроятный исходъ борьбы мадьяръ съ прочими народами Угріи.

У насъ скоро предстоитъ празднованіе 25-лѣтія со дня коронованія императора Франца-Іосифа въ короли Транслейтаніи или Угріи. Не неумѣстно будетъ бросить по этому поводу взглядъ на нынѣшнее положеніе господствующей угорской народности, мадьяръ, чтобы уяснить себѣ причины ихъ силы и опредѣлить степень опасности мадьяризма для прочихъ народностей королевства, особенно же славянскихъ.

Мадьяры занимаютъ теперь безспорно господствующее положеніе не только въ Угріи, но и въ цѣлой имперіи. При всемъ томъ нѣтъ, по нашему мнѣнію, въ Европѣ ни одного національно-пробужденнаго народа, котораго будущность, даже существованіе, было бы столь мало обезпечено, какъ мадьярскій. Это ясно сознаютъ не только наши угрославянскіе политики, но и болѣе дальновидные изъ мадьяръ, особенно въ провинціальныхъ городахъ, вдали отъ Пешта, въ средѣ образованныхъ помѣщиковъ и независимой отъ правительства интеллигенціи.

Конечно, такихъ людей немного. Большинство мадьярской, мадьяронской и особенно угро-еврейской интеллигенціи предается

самому безшабашному шовинизму, клянется «мадьярскимъ глобусомъ», мечтаетъ объ уничтоженіи славянства и Россіи; но все это похоже на «пиръ Сарданапала» или неистовый бредъ человѣка душевно-больного. Слѣдуетъ отмѣтить, что въ мадьярскомъ простонародьѣ вовсе не видно того самодовольства, національной гордости и презрѣнія къ другимъ, какимъ напримѣръ глубоко проникнутъ простолюдинъ нѣмецкій. Не особенно воодушевляется мадьярское простонародье и политическою независимостью Угріи, которая вслѣдствіе того не имѣетъ подъ собою прочнаго національнаго фундамента.

При такомъ легкомысліи сверху и равнодушіи снизу, мадьярское государство не можетъ не представляться зданіемъ на пескѣ, которое рухнетъ при первомъ серьезномъ испытаніи.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое мадьяры? Небольшой пришлый народецъ (до 5 мил. душъ), не имѣющій въ Европѣ близкихъ и сильныхъ родичей, довольно лѣнивый и легкомысленный, смѣшанный съ другими, чуждыми ему народами, несравненно болѣе плодовитыми, работящими и вдобавокъ опирающимися на заграничныхъ соплеменниковъ. Большой, самостоятельной образованности, которая могла бы подчинить ему сосѣдей, онъ выработать не могъ. Какая же будущность можетъ предстоять подобному народцу, какой исходъ борьбы за жизнь съ такими могущественными сосѣдями, какъ нѣмцы и славяне? Конечно, медленное сліяніе съ ними, задерживаемое развѣ взаимнымъ антагонизмомъ расъ германской и славянской. Чтобы предупредить этимъ печальный для мадьяризма исходъ многовѣковой борьбы за долину средняго Дуная, еще въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія признано было необходимымъ подкрѣпить его поглощеніемъ всѣхъ прочихъ народностей Угріи.

Разочарованія 1848—49 гг. не остановили мадьярскихъ шовинистовъ на этомъ рисковномъ пути. Со времени введенія дуализма, 25 лѣтъ тому назадъ, они съ удвоеннымъ рвеніемъ стали мадьяризовать Угрію, въ надеждѣ сдѣлать ее прочнымъ и однороднымъ національно-политическимъ организмомъ.

И дѣло какъ будто пошло на ладъ, благодаря поддержкѣ австрійскаго правительства и Германіи, а также слабости отпора со стороны славянъ. Большинство мадьярскихъ и мадьяронскихъ шовинистовъ даже не сознавало, какое чувство пробуждаютъ ихъ насилія у подчиненныхъ народностей. Гордое самообольщеніе и презрѣніе къ немадьярамъ заставляли ихъ приписывать всѣ протесты если не «московскимъ рублямъ», то непроходимой глупости порабощаемыхъ народностей; принадлежность къ мадьяризму пред-

ставлялась этимъ шовинистамъ такимъ благомъ, которое можно и насильно навязывать.

Другіе же, болѣе благоразумные мадьяры оправдывали себя и свою политику государственной необходимостью, или —точнѣе—безнадежностью своего народнаго положенія.

Немалую пищу мадьярской народной исключительности доставило и жестокое подавленіе Австріею бунта 1848—49 гг., въ соединеніи съ послѣдовавшимъ затѣмъ 16-лѣтнимъ преобладаніемъ нѣмцевъ, при поддержкѣ Россіи, отчасти и австрійскихъ славянъ.

Когда въ 1867 г. послѣ неудачной войны съ Пруссіей австрійское правительство вынуждено было опереться на мадьяръ и призвало ихъ къ власти, они могли дать волю своимъ чувствамъ, естественно перешедшимъ въ крайность. Ловкіе политики, они не пробовали сразу перевернуть установившіеся порядки, но по мѣрѣ упроченія своего положенія шли все далѣе и далѣе, такъ что и законъ 1868 года, обезпечивающій свободу народностей, превратился наконецъ въ мертвую букву.

По закону этому мадьярскій языкъ объявленъ, правда, государственнымъ въ Угріи, но вовсе не исключающимъ употребленія прочихъ мѣстныхъ языковъ въ собраніяхъ комитатовъ, въ сношеніяхъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ и лицъ съ немадьярскими лицами и учрежденіями, въ дѣловодствѣ церковныхъ общинъ, сельскихъ управленій, а наконецъ и въ правительственныхъ школахъ, не исключая университетовъ.

Въ настоящее время законъ этотъ вовсе не исполняется въ Угріи, такъ что мадьярскій языкъ совершенно почти вытѣснилъ всѣ прочіе языки страны, кромѣ хорватскаго въ такъ наз. Тріединой кралевинѣ.

Но въ этомъ забвеніи основныхъ положеній закона о народностяхъ слѣдуетъ винить не однихъ мадьяръ. Еще болѣе въ этомъ виноваты т. наз. мадьяроны, т.-е. ренегаты изъ другихъ народностей, главнымъ образомъ изъ славянъ и особенно изъ словаковъ. Многіе изъ такихъ мадьяроновъ не вполнѣ владѣютъ даже мадьярскимъ языкомъ. Чтобы засвидѣтельствовать свою принадлежность къ господствующей народности, они прямо издѣваются надъ прежними соплеменниками. Другимъ важнымъ факторомъ ультрамадьяризма, въ его борьбѣ со славянами, являются евреи, которые играютъ теперь въ Угріи столь-же важную роль, какъ и въ Галичинѣ. Главная ихъ сила—въ экономической области; но и въ политическихъ отношеніяхъ Угріи они нерѣдко имѣютъ рѣшающій голосъ, особенно при выборахъ въ сеймъ. Въ чисто мадьярскихъ округахъ евреи являются незамѣнимыми агитаторами для правительственной партіи, деморализуя народъ водкой и взятками.

Въ округахъ же, населенныхъ немадьярами, помимо этого они пользуются и другими средствами, обвиняя напр. противниковъ въ панславизмѣ, русскихъ рубляхъ и т. п. Будучи заклятыми врагами Россіи, а изъза нея и славянства, евреи пользуются каждымъ удобнымъ случаемъ разжигать и въ мадьярахъ ненависть къ москалямъ. Владѣя почти всею прессой, они могутъ свободно вліять на общественное мнѣніе Угріи, нимало не стѣсняясь при этомъ въ выборѣ средствъ къ утвержденію въ ней руссофобіи.

Подъ вліяніемъ такой прессы, Россія становится пугаломъ для мадьяръ, которые вслѣдствіе того готовы на всякое насиліе, чтобы задавить людей, сочувствующихъ ей или входящихъ въ какое бы то ни было сношеніе съ русскими. Даже славяне начинаютъ наконецъ вѣрить ежедневно повторяемымъ выдумкамъ о русскомъ варварствѣ и тѣмъ легче поддаются мадьяризаціи.

Но не въ малой мѣрѣ успѣхи мадьяризма обусловлены нравственной слабостью угорскихъ славянъ, которые во многомъ уступаютъ даже мадьярамъ.

Каковъ бы ни былъ первоначальный характеръ мадьярскаго народа, занимающаго въ этнологическомъ отношеніи середину между финнами и турками, въ настоящее время, вслѣдствіе тысячелѣтняго сожительства со славянами, мадьяры усвоили отъ нихъ много сочувственныхъ чертъ. Отсюда явное предпочтеніе, какое славянинъ оказываетъ вообще мадьяру передъ нѣмцемъ; этимъ объясняются отчасти и успѣхи Кошута въ 1848 г., до вмѣшательства русскихъ войскъ. По этой же причинѣ превращеніе славянина въ мадьяра совершается легче и быстрѣе, чѣмъ въ нѣмца или другого настоящаго европейца. Вотъ почему кромѣ мадьяроновъ изъ выгоды, изъ разсчетовъ, есть между славянами и совершенно искренно преданные мадьярамъ люди, какъ бы инстинктивно сознающіе, что все-таки мадьяры наши историческіе союзники въ борьбѣ съ нѣмцами.

Наконецъ, на многихъ мадьярство оказываетъ вліяніе и потому, что на его сторонѣ высшая аристократія, администрація, дворъ, слѣдовательно обаяніе силы и власти.

Спрашивается, возможна ли и вѣроятна ли при такихъ условіяхъ мадьяризація всѣхъ народностей Угріи?

Положительный отвѣтъ на этотъ вопросъ довольно труденъ. Мадьярскіе и мадьяронскіе шовинисты не сомнѣваются конечно, по крайности на словахъ, что черезъ 20 — 30 лѣтъ, когда выростетъ новое поколѣніе, послѣдуетъ полное сліяніе всѣхъ народностей Угріи въ общемъ мадьяризмѣ, такъ что тогда исчезнутъ-де въ Угріи и панславизмъ, и пангерманизмъ и даже романизмъ, которые могутъ уцѣлѣть развѣ за предѣлами Транслейтаніи. При

этомъ не придается значенія возможности сохраненія въ ней подчиненныхъ языковъ въ низшихъ слояхъ народа.

Но многіе серьозные мадьяры сомнѣваются въ такой быстротѣ ассимиляціи хотя бы верхнихъ лишь классовъ угорскаго населенія, въ виду того упорства, съ какимъ отстаиваютъ свою національность напр. угорскіе румыны, сербы, саксы, даже словаки. Дѣйствительно, нѣтъ никакого основанія предполагать, что это измѣнится въ будущемъ. Поглощеніе одной народности другою можетъ совершиться съ нѣкоторою вѣроятностію лишь тамъ, гдѣ есть безспорный численный или культурный перевѣсъ, чего нельзя сказать о мадьярахъ въ Угріи.

Особенно трудно это въ настоящее время, вѣкъ пробужденія народностей, тѣмъ болѣе что Угрія не расположена гдѣ нибудь на островѣ или въ пустынѣ, а окружена отовсюду оживающими вѣтвями германскаго, романскаго и славянскаго племенъ. Каждый успѣхъ запредѣльныхъ братьевъ, напр. славянъ запада или Россіи, самое существованіе послѣдней—все это поддерживаетъ немадьярскія народности Угріи. Матеріальный и нравственный гнетъ можетъ уничтожить силу сопротивленія болѣе слабыхъ населеній, но въ другихъ онъ вызоветъ протестъ и сильнѣйшую реакцію народнаго духа и стремленій. Когда обстоятельства измѣнятся, за этотъ гнетъ поплатятся сами мадьяры, причемъ можно навѣрное предсказать, что при переходѣ власти въ другія руки теперешніе союзники мадьяръ, мадьяроны и евреи, оставятъ ихъ на произволъ судьбы.

А трудно представить, чтобы нынѣшнее положеніе Угріи продолжалось вѣчно. Легко могутъ наступить обстоятельства, при которыхъ мадьяры должны будутъ отстаивать свое господство въ Угріи, передъ австрійцами напр., въ случаѣ усиленія имперіи Габсбурговъ, или передъ пруссаками, при дальнѣйшемъ расширеніи имперіи Гогенцоллерновъ, либо наконецъ передъ славянами, въ случаѣ торжества Россіи и ея союзниковъ на славянскомъ западѣ и югѣ.

Конечно, при насильственномъ преобразованіи Угріи въ пользу нѣмцевъ или славянъ слѣдовало бы ожидать энергическаго отпора со стороны мадьяръ; но мы не думаемъ, чтобы этотъ отпоръ былъ настолько силенъ, какъ напр. въ 1848—49 году, и чтобы онъ могъ поднять массу народа. Тогда была борьба за свободу, теперь за господство; тогда простой народъ шелъ за своимъ дворянствомъ, теперь его вліяніе пало; тогда мадьяры боролись за свое самоуправленіе противъ нѣмецкаго деспотизма, теперь простой народъ разочаровался въ конституціи, разорившей его въ пользу чиновниковъ и евреевъ, и не чувствуетъ довѣрія къ своимъ политическимъ

вождямъ. Если это такъ, то какое противодѣйствіе можетъ выставить мадьяризмъ Австріи, Германіи, славянству, при отмѣнѣ его нынѣшней гегемоніи?

Итакъ, по нашему мнѣнію, неизбѣжной и серьезной опасности мадьяризмъ не представляетъ. Это явленіе временное, преходящее; оно можетъ повлечь за собой частныя, правда иногда тяжелыя потери, но не можетъ сгубить славянскаго дѣла въ Угріи. Наоборотъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ мадьяры и теперь полезны славянамъ: они образуютъ плотину противъ натиска въ Угрію германизма, ослабляютъ напоръ іезуитскаго латинства, пробуждаютъ въ славянахъ сознаніе слабости отдѣльныхъ вѣтвей и необходимости собиранія силъ подъ однимъ общимъ знаменемъ, наконецъ, служатъ нагляднымъ доказательствомъ непригодности для славянъ западныхъ политическихъ учрежденій псевдо-конституціоннаго типа.

Но всѣ эти соображенія о характерѣ, значеніи и будущности мадьяризма въ Угріи не должны располагать насъ къ бездѣйствію. Въ настоящее время онъ представляетъ для угорскихъ славянъ тяжелое испытаніе, которое можетъ совершенно истощить ихъ силы при долгомъ сохраненіи нынѣшняго положенія, такъ что они не въ состояніи будутъ устоять противъ нѣмцевъ, когда они явятся въ Угріи на смѣну мадьяръ. Во всякомъ же случаѣ мадьяризмъ, питающій ренегатство, является однимъ изъ самыхъ опасныхъ источниковъ деморализаціи угорскихъ народовъ, которая можетъ отравить все ихъ будущее. **К. М.**

Будапештъ, апрѣль 1892.

Изъ Цетинья (въ Черногоріи).

Природа Черногоріи. Столкновенія съ албанцами. Женскій институтъ. Опроверженіе «Гласа Черногорца». Полемика между газетами сербскими и хорватскими.

Хотя еще мартъ на дворѣ, но дни у насъ уже теплые, какъ въ маѣ. Только вершины Ловчена, Кома и другихъ высокихъ горъ покрыты еще снѣгомъ. Равнины, даже расположенныя повыше, какъ Цетиньская, Нѣгушская, Никшицкая, Граховская—уже зеленѣютъ травой. Низменныя же равнины, напр. Цермничкая, Зетская, не только покрыты травою, но даже озимые посѣвы уже выросли на полъаршина и даютъ надежду на хорошій урожай. Въ Цермничкой, Рѣчкой, Лѣшанской, Зетской и Приморской нахіи полевыя работы уже въ полномъ разгарѣ. Обрѣзываютъ виноградники, пашутъ землю, сѣютъ яровые хлѣба. Цѣны на хлѣбъ стоятъ очень высокія.

У насъ почти никогда не обходится безъ непріятныхъ столкновеній съ албанцами, по причинѣ ихъ дикости и хищничества. Вотъ и недавно случилась кровавая расправа съ ними на рѣкѣ Тарѣ. Нѣсколько черногорцевъ были посланы туда для починки испорченнаго моста. Проходившіе мимо этого моста албанскіе сваты, изъ села Мойковца, выстрѣломъ изъ ружья убили одного изъ работавшихъ черногорцевъ. Послѣдніе разгорячившись сдѣлали залпъ по албанцамъ и убили десять изъ нихъ. По этому поводу на рѣкѣ Тарѣ назначена слѣдственная коммиссія, въ которой участвуетъ со стороны Черногоріи военный министръ, а съ турецкой стороны валія (губернаторъ) косовскій. Наканунѣ этого непріятнаго событія на р. Тарѣ, прибылъ въ Цетинье новый скутарійскій валія, Абдулъ-Керимъ паша, для посѣщенія князя Николая. 27 февраля онъ былъ принятъ Его Высочествомъ на торжественной аудіенціи, а 29 февраля возвратился въ Скутари. Это свидѣтельствуетъ о дружественныхъ отношеніяхъ между Черногоріей и Турціей, княземъ и султаномъ.

26 февраля въ здѣшнемъ женскомъ институтѣ Императрицы Маріи праздновался день рожденія Императора Александра III, но предположенный концертъ не состоялся по случаю траура по княгинѣ Даринкѣ. Институтъ этотъ поставленъ теперь очень хорошо, подъ дѣятельнымъ завѣдываніемъ начальницы, Софьи Петровной Мертваго, и благодаря удачному подбору учителей.

Стоитъ отмѣтить, что въ институтѣ этомъ преподается наряду съ сербскимъ и русскій языкъ, а также русская исторія, притомъ на русскомъ языкѣ. Ученіе въ институтѣ продолжается шесть лѣтъ, за исключеніемъ приготовительнаго класса. Курсъ раздѣленъ на три класса, а каждый классъ на три отдѣленія. Учеництъ 33.

По поводу взводимыхъ теперь нѣкоторыми клеветниками въ болгарской и сербской печати обвиненій на Николу Пашича, нынѣшняго сербскаго министра-президента, нашъ оффиціальный органъ «Гласъ Черногорца» напечаталъ (въ № 10) слѣдующее опроверженіе: «Какому-то бывшему адъютанту болгарскаго эксъ-князя захотѣлось обвинить передъ сербскимъ народомъ (въ софійской «Свободѣ») нынѣшняго президента бѣлградскаго кабинета г. Николу Пашича въ томъ, что онъ, проживая какъ эмигрантъ въ Болгаріи въ 1885 г., во время сербско-болгарской войны предлагалъ Баттенбергу организовать отрядъ изъ сербскихъ эмигрантовъ и черногорцевъ и съ ними сдѣлать нападеніе на Црноречкій округъ Сербіи. Это обвиненіе чистѣйшая клевета на черногорцевъ. Когда возгорѣлась эта несчастная война, болгарское правительство приглашало черногорцевъ, которые въ большомъ числѣ находились

въ Болгаріи, воевать противъ сербовъ. Но они не захотѣли итти противу своихъ родныхъ братьевъ. Вслѣдствіе этого черногорцамъ нельзя было долѣе оставаться въ Болгаріи. Они принуждены были выселиться изъ послѣдней, какъ ни разорительно это имъ было, и должны были искать работы въ Турціи, Сербіи и Греціи. Нѣкоторые же возвратились въ свою родину. Тогда же и воевода Пеко Павловичъ вынужденъ былъ покинуть Болгарію».

Въ послѣднее время въ хорватской печати все чаще стали появляться выходки противъ сербовъ, особенно изъ-за Босніи съ Герцеговиною и Далмаціи.

Эти враги сербизма принадлежатъ главнѣйше къ партіи «старчевичіанцевъ» или «правашей». Въ отвѣтъ имъ и въ сербскихъ газетахъ появилось много статей въ оборону своего народа. Особенное вниманіе обратила на себя пѣсня сербскаго поэта, протоіерея Іоанна Сундечича, напечатанная въ № 4 «Гласа Черногорца». Пѣсня эта написана по адресу д-ра Анта Старчевича, вожака старчевичіанской или правашской партіи. Сундечичъ съ давнихъ поръ извѣстенъ какъ проповѣдникъ мира и согласія между сербами и хорватами. Многія свои произведенія Сундечичъ печаталъ въ Загребѣ латиницей, писалъ статьи въ хорватскихъ газетахъ, велъ дружбу со многими выдающимися хорватами, въ особенности же съ извѣстнымъ хорватскимъ патріотомъ, епископомъ Штросмайеромъ, былъ даже выбранъ предсѣдателемъ хорватской читальни въ Которѣ. Все это давало многимъ сербамъ поводъ думать, что Сундечичъ настоящій хорватъ если не по рожденію, то по направленію.

Теперь мы видимъ, что онъ въ душѣ сербъ, но желаетъ тѣсной солидарности двухъ вѣтвей нашего сербо-хорватскаго племени. И этому нельзя не сочувствовать. Нелѣпо сербамъ отрицать хорватское имя, съ которымъ связано столько славныхъ историческихъ воспоминаній, начиная съ династіи Кресимировичей и кончая баномъ Елачичемъ. Но столь же нелѣпо и со стороны хорватовъ отрицать существованіе сербскаго народа, который имѣетъ не только славное прошлое, но и блестящее будущее, обезпеченное уже теперь существованіемъ Сербіи и Черногоріи. Взаимная вражда Сербовъ и Харватовъ можетъ быть на руку лишь врагамъ славянства. Враждуя между собою, они отпираютъ двери своего дома, роютъ себѣ могилу; живя же въ дружбѣ, сербо-хорваты могутъ надѣяться на счастливое будущее.

Черногорія заключила недавно торговый договоръ съ Сербіей. По этому поводу въ «Гласѣ Черногорца» (№ 4) напечатана радостная статья, гдѣ между прочимъ сказано: «Сербія и Черно-

горія, несмотря на политическую отдѣльность, имѣютъ одну задачу и должны стремиться къ одной цѣли. Вслѣдствіе этого каждое начинаніе въ одномъ или другомъ сербскомъ государствѣ, которое служитъ выраженіемъ ихъ духовнаго народнаго единства, наполняетъ радостію единокровныхъ братьевъ какъ на Дунаѣ, такъ и на Адріатическомъ морѣ».

Маркъ П. Драговичъ.

Цетинье, 21 марта, 1892.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ БОЛГАРІИ *

Болгаре стали впервые знакомиться съ русскимъ языкомъ въ XVI—XVII столѣтіяхъ, при посредствѣ доставлявшихся изъ Россіи церковно-славянскихъ книгъ русской редакціи. Свѣтская же русская литература стала проникать въ Болгарію лишь съ конца XVI столѣтія, когда первый составитель болгарской исторіи, о. Паисій, издалъ свой трудъ на славяно-русскомъ языкѣ. На томъ же языкѣ писались и печатались въ Болгаріи и въ началѣ XIX вѣка немногочисленныя книги какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго содержанія, съ примѣненіемъ сначала церковнаго, а затѣмъ и гражданскаго шрифта. Когда въ Болгаріи возникли школы, то всѣ почти учебники для нихъ были переводимы на болгарскій языкъ съ русскаго. Въ началѣ 70-хъ годовъ, съ открытіемъ Габровской гимназіи (первой въ Болгаріи), большинство учебниковъ для нея, въ особенности для старшихъ классовъ, были русскіе, равно какъ и всѣ книги училищной и ученической библіотекъ при гимназіи. Эта гимназія является такимъ образомъ первымъ разсадникомъ русскаго языка въ Болгаріи, ибо до ея основанія русскимъ языкомъ владѣли только тѣ изъ болгаръ, которые получили свое образованіе въ Россіи. Занимая большею частью учительскія мѣста въ Болгаріи, они негласно стали обучать этому языку своихъ учениковъ. Любовь же учениковъ къ русскому языку усиливалась главнымъ образомъ тѣмъ, что онъ, какъ близкій къ родному, легко усваивался. Звучность и обработка этого языка, въ сравненіи съ болгарскимъ, тоже были не безъ значенія; но болѣе всего болгаръ тянуло къ этому языку богатое содержаніе русской литературы, особенно изящной, которая стала какъ бы родною для образованныхъ болгаръ.

Но если къ началу 70-хъ годовъ русскій языкъ уже утвердился

---

* Изъ рѣчи П. Карджіева, произнесенной въ болгарскомъ студенч. кружкѣ въ СПб-ѣ по случаю 14-й годовщины освобожденія Болгаріи. Нѣкоторые пробѣлы рѣчи восполнены авторомъ.

въ средѣ болгарской интеллигенціи, то въ концѣ этого десятилѣтія онъ сталъ достояніемъ почти всего населенія Болгаріи, занятой побѣдоносной русской арміей. Русскаго солдата безусловно понималъ каждый болгарскій селякъ, который вставлялъ при этомъ въ свою рѣчь нѣсколько характерныхъ русскихъ словъ (теперь, хорошо и т. п.) и былъ тогда убѣжденъ, что говоритъ на самомъ чистомъ русскомъ языкѣ. Даже по уходѣ русскихъ войскъ изъ Болгаріи поселяне не иначе разговаривали съ чиновниками, офицерами и прочими интеллигентными классами, какъ «по-руски». Но если русскій солдатъ въ 1877 — 78 годахъ былъ учителемъ разговорнаго русскаго языка, то русскій офицеръ являлся настоящимъ учителемъ языка литературнаго. Русскіе офицеры-инструкторы, остававшіеся въ болгарскихъ войскахъ до 1885 года, не мало способствовали изученію русскаго языка и распространенію русскихъ книгъ. Военныя библіотеки составлялись исключительно изъ послѣднихъ. По-русски велось преподаваніе въ Софійскомъ военномъ училищѣ. Команда въ войскѣ и всѣ уставы были русскіе. Такъ какъ въ болгарскихъ войскахъ въ первое время и унтеръ-офицерскія должности были заняты русскими же нижними чинами, то оффиціальнымъ военнымъ языкомъ до ухода русскихъ инструкторовъ изъ Болгаріи служилъ русскій языкъ.

Но на прочныхъ научныхъ основаніяхъ изученіе русскаго языка было поставлено только по освобожденіи Болгаріи, когда въ учебныхъ заведеніяхъ, а именно въ Софійскомъ военномъ училищѣ, во всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, въ народныхъ трехклассныхъ и четырехклассныхъ школахъ, въ духовныхъ семинаріяхъ,—словомъ, во всѣхъ среднихъ заведеніяхъ русскій языкъ вошелъ въ програму преподаванія, какъ обязательный для всѣхъ учащихся. Такъ какъ въ Болгаріи нѣтъ мѣстечка съ населеніемъ до 3—4.000 жителей, гдѣ бы не существовало хоть трехклассной школы, то въ теченіе 5—6-ти лѣтъ по ея освобожденіи русскій литературный языкъ достигъ почти такого же распространенія, какъ и литературный болгарскій языкъ, не считая конечно деревень, для которыхъ оба эти языка считались одинаково мало доступными. Впрочемъ, методъ преподаванія русскаго языка въ болгарскихъ школахъ былъ далеко не удовлетворителенъ, такъ какъ печатныхъ руководствъ до прошлаго года, когда въ Пловдивѣ вышла на болгарскомъ языкѣ первая русская грамматика, вовсе не было, и каждый отдѣльный преподаватель, преимущественно изъ получившихъ въ Россіи образованіе, составлялъ свои записки, придерживаясь той или другой русской грамматики изъ принятыхъ въ Россіи учебниковъ. Понятно, что при подобныхъ условіяхъ въ 1—2 года нельзя было думать объ основательномъ ознакомленіи съ русскимъ языкомъ. Вотъ почему учащіеся повсемѣстно стали прибѣгать къ

особому средству для восполненія того, чего въ классѣ нельзя было пріобрѣсти: они усердно читали произведенія русской литературы, благодаря чему ученики послѣднихъ двухъ классовъ гимназій въ состояніи уже не только понимать русскія книги, но и правильно излагать свои мысли на русскомъ языкѣ. Много способствуютъ изученію русскаго языка и русскіе учебники въ старшихъ классахъ болгарскихъ гимназій, напр. Кирпичникова, Иловайскаго, Малинина, Давыдова, Краевича и др. Изъ вышесказаннаго видно, что какъ болгарская армія является дѣтищемъ русской арміи, такъ и болгарская школа есть точная копія съ русской школы. Так. обр. армія и школа служатъ звеномъ, соединяющимъ оба братскіе народа въ духовномъ отношеніи.

Послѣ нихъ важнѣйшимъ разсадникомъ русской литературы являются библіотеки—военныя, гимназическія, прогимназическія—и такъ называемыя городскія читальни. Военныя библіотеки учреждены русскими инструкторами при военномъ министерствѣ, военномъ училищѣ и при всѣхъ бригадахъ и полкахъ. До самаго послѣдняго времени онѣ пополнялись исключительно русскими книгами какъ по военному, такъ и по всѣмъ отдѣламъ науки и по беллетристикѣ. Библіотеки эти развиваютъ у молодыхъ офицеровъ любовь къ русской литературѣ и основательно знакомятъ ихъ съ послѣднею. Съ 1878 года онѣ стали пополняться отчасти также нѣмецкими и французскими журналами и спеціально-военными книгами, но ими мало пользуются, такъ какъ иностранные языки, въ особенности нѣмецкій, мало знакомы офицерству. На болгарскомъ же языкѣ до сихъ поръ почти совсѣмъ нѣтъ спеціально-военныхъ трудовъ. Вотъ почему со стороны болгарскаго офицерства поступаютъ чуть ли не самыя значительныя требованія на книги въ русскіе книжные магазины.

При гимназіяхъ до 1888 года существовало два вида библіотекъ: ученическія и учительскія. Тѣ и другія пополнялись почти исключительно русскими книгами. Тутъ можно было встрѣтить всѣ лучшія произведенія русской беллетристики, а также полезныя научныя сочиненія русскихъ писателей, отчасти и западныхъ, въ русскомъ переводѣ. Замѣчательно, что древніе римскіе и греческіе классики, за исключеніемъ Гомера, болгарской молодежи вовсе неизвѣстны. Училищное начальство не вездѣ сочувствовало увлеченію учениковъ русскимъ ученіемъ, находя, что это отвлекаетъ ихъ отъ прямыхъ занятій. Съ 1888 года читальни учащихся закрыты по распоряженію правительства, которое мотивировало эту свою мѣру тѣмъ, что чтеніе такихъ книгъ вызываетъ ученическіе бунты противъ начальства! Книги этихъ библіотекъ поступили въ учительскія библіотеки, въ которыхъ подборъ книгъ нѣсколько разнообразнѣе, такъ какъ въ нихъ встрѣчаются сочиненія по разнымъ спеціальностямъ. Въ Болгаріи

нѣтъ пункта, гдѣ бы не встрѣтилось хоть одного-двухъ учителей, которые пользуются русскою литературою для самообразованія.

Городскія читальни составляютъ зародышъ будущихъ городскихъ библіотекъ въ Болгаріи. Впервые онѣ были открыты почти повсемѣстно въ городахъ и мѣстечкахъ въ концѣ 60-хъ и началѣ 70-хъ годовъ, и оказали въ свое время сильное вліяніе на возрожденіе Болгаріи, такъ какъ это были центры умственнаго развитія болгарской молодежи всѣхъ классовъ. Цареградское болгарское «читалище» пользовалось такимъ вліяніемъ на болгарскій народъ, что оно забрало въ свои руки направленіе всей церковной, школьной, отчасти и политической пропаганды во всѣхъ болгарскихъ земляхъ Турціи.

Ко времени русско-турецкой войны 1877—78 гг. эти читальни были закрыты, но теперь онѣ снова начинаютъ возрождаться. Членами ихъ состоятъ преимущественно интеллигентные купцы, а затѣмъ чиновники и другіе горожане. Поддерживаются онѣ членскими взносами. Кромѣ произведеній болгарской литературы, въ нихъ встрѣчаются и произведенія русскихъ авторовъ. По недавнему признанію оффиціозной «Свободы», посѣтители читаленъ требуютъ почти исключительно русскихъ книгъ. Для примѣра названная газета приводила читальню городка Добричъ (Хаджогло-Пазарджикъ), въ которой $^{9}/_{10}$ всѣхъ прочитанныхъ книгъ оказались русскими или на русскомъ языкѣ! Въ этихъ читальняхъ прежде получались всѣ русскіе журналы и газеты, но послѣднія теперь запрещены. Въ читальняхъ собираются преимущественно въ праздничные и во всѣ воскресные дни.

Нѣкоторые изъ болгарскихъ писателей, какъ покойный Любенъ Каравеловъ, Палаузовъ, Дриновъ, а въ послѣднее время и капитанъ Бендеревъ, издали свои произведенія на русскомъ языкѣ. Правда, въ настоящее время труды Каравелова и отчасти Дринова переведены на болгарскій языкъ, но прежде съ ними можно было познакомиться не иначе, какъ на русскомъ языкѣ.

Желательно было бы подкрѣпить вышеизложенные факты и нѣкоторыми статистическими данными, но къ сожалѣнію таковыя весьма трудно теперь раздобыть. Намъ удалось однако узнать въ редакціи «Нивы», что число болгарскихъ подписчиковъ этого журнала простирается до 700—800. Неизвѣстно, на какую сумму ежегодно вывозится книгъ изъ Россіи въ Болгарію, но она должна быть довольно значительна. Такъ, недавно вышедшая книга капитана Бендерева: «Сербско-Болгарская война», впродолженіе мѣсяца по выходѣ ея изъ печати разошлась въ 1 т. экз.; изъ нихъ $^{9}/_{10}$ отправлено въ одну Болгарію. **Герис—въ.**

БИБЛІОГРАФІЯ.

Антоній, епископъ выборгскій, ректоръ спб. дух. академіи. Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и изслѣдованія. спб. 1892.

Не безъ основаній и не случайно мы обращаемъ вниманіе читателей «Слав. Обозр.» на предлагаемую книгу, заглавіе которой выписано выше. Книга и по своему серьезному содержанію, и по тщательной обработкѣ входящихъ въ составъ ея «Очерковъ и изслѣдованій», и даже по характеру происхожденія нѣкоторыхъ изъ этихъ «Очерковъ и изслѣдованій» вполнѣ заслуживаетъ того, чтобы привѣтствовать ея появленіе въ настоящемъ видѣ съ полною признательностію.

Книга, кромѣ предисловія (III—VI), состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ (1—144 стр.) напечатаны статьи изъ исторіи древней христіанской проповѣди, а именно: «Проповѣдь апостольская», «Проповѣдь мужей апостольскихъ» и «Св. Василій Великій, его жизнь и проповѣдническіе труды». Во второмъ отдѣлѣ (147—310 стр.) помѣщено изслѣдованіе изъ исторіи древне-болгарской проповѣди—о Константинѣ, епископѣ болгарскомъ, и его Учительномъ Евангеліи. Третій же отдѣлъ (313—439 стр.) состоитъ изъ слѣдующихъ статей: «Такъ называемыя поученія Θеодосія Печерскаго къ народу русскому», «Древне-русская проповѣдь и проповѣдники въ періодъ домонгольскій», «О поученіяхъ Фотія, митрополита кіевскаго и всея Руси» и «Гомилетика Іоанникія Голятовскаго, въ связи съ характеристикою южно-русской схоластической проповѣди». Правда, всѣ эти статьи и изслѣдованія были уже напечатаны авторомъ ранѣе въ разныхъ духовныхъ журналахъ (гл. обр. въ «Православномъ Собесѣдникѣ», изд. казанской дух. акад., гдѣ въ бытность свою профессоромъ авторъ и написалъ значительную часть перепечатанныхъ имъ теперь ученыхъ «Очерковъ

и изслѣдованій», и въ др.), частію отдѣльно. Но разсѣянныя въ разныхъ журналахъ и притомъ за разные годы, они естественно могли ускользать отъ вниманія читателей, которые однако не могутъ ими не интересоваться и не въ правѣ ихъ игнорировать въ виду ихъ серьезнаго назначенія, тщательной обработки и научнаго значенія въ соотвѣтствующей русской литературѣ по исторіи христіанской проповѣди, преимущественно древне-славянской и русской. Да и вообще мысль о перепечаткѣ хотя и напечатаннаго ранѣе, но разбросаннго въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ научнаго матеріала, и осуществленіе этой мысли не только не могутъ считаться лишними, но, наоборотъ, оказываются необходимостію въ виду съ одной стороны размноженія повременныхъ изданій и трудности имѣть ихъ всѣ подъ руками тому, кто интересуется только небольшою и можетъ быть иногда случайною частью ихъ содержанія, а съ другой и въ виду желательнаго научнаго свода авторскихъ воззрѣній, имѣющихъ въ наукѣ ту или другую важность. Поэтому какъ спеціалисты по тому или другому вопросу, такъ и образованные читатели интересующіеся серьезнымъ чтеніемъ, будутъ благодарны автору за его издательскій трудъ и расходы по изданію. Но этимъ не исчерпывается значеніе настоящаго изданія. Авторъ не просто перепечаталъ свои прежніе труды, уже оцѣненные въ свое время читающей публикой и отчасти спеціальными рецензентами, но перепечаталъ ихъ, по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ нихъ, съ дополненіями научнаго значенія. Такъ напр., это можно утверждать о второмъ отдѣлѣ книги. Сравнивая этотъ отдѣлъ съ первымъ его изданіемъ (въ «Прав. Соб.» за 1882—1885 гг. и отд. Казань. 1885 г.), не трудно видѣть нѣкоторыя особенности, отличающія новое изданіе отъ перваго. Оставляя безъ измѣненій свои прежніе научные выводы о Константинѣ, епископѣ болгарскомъ, и его Учительномъ Евангеліи, авторъ теперь переиздалъ оригинальный, а большею частію переводный, славянскій текстъ нѣкоторыхъ бесѣдъ Константина и параллельный къ нему греческій текстъ изъ твореній св. отцовъ съ новымъ дополнительнымъ научнымъ аппаратомъ въ видѣ поправокъ къ печатному греческому тексту у Крамера (Cat. Gr. patr. in N. T. Oxonii 1844) съ одной стороны и въ видѣ лексическихъ варіантовъ къ основному печатаемому тексту московской (синодальной библіотеки) рукописи (XIII в.) Учительнаго Евангелія Константина изъ другихъ отчасти столь же древнихъ (какъ напр. рук. XIII в. Импер. публичной библіотеки изъ собр. А. Ѳ. Гильфердинга) рукописей. Впрочемъ нужно замѣтить, что вторая половина первой бесѣды Константина и полный текстъ послѣдней, помѣщенной въ настоящемъ изданіи, бесѣды напечатаны по основ-

ному тексту петербургской рукописи съ варіантами въ первомъ случаѣ изъ московской и соловецкой библіотекъ (по рук. послѣдней XVI—XVII в. была напечатана вся первая бесѣда въ казанскомъ изданіи книги), а во второмъ только по одной московской. Предлагаемый въ книгѣ полный славянскій текстъ 19 бесѣдъ Константина напечатанъ славянскимъ шрифтомъ съ дипломатическою текстуальною (за исключеніемъ неизбѣжныхъ опущеній надстрочныхъ знаковъ) точностью, такъ что настоящее изданіе этого текста не только имѣетъ важность для историко-литературныхъ изученій древне-славянской письменности, но и для точныхъ филологическихъ наблюденій и знакомства съ языкомъ древнѣйшихъ славянскихъ памятниковъ. Нельзя поэтому не поблагодарить автора за то, что онъ обнародовалъ текстъ нѣкоторыхъ Константиновыхъ бесѣдъ не въ сокращеніяхъ описательнаго характера (какъ это уже сдѣлано въ «Описаніи» Горскаго и Невоструева московской рукописи, или въ описаніи петербургкой рукописи у Ягича въ «Starine» V кн.), а въ полномъ ихъ видѣ и содержаніи.

Что же касается самаго изслѣдованія, то научные выводы его остаются, какъ замѣчено, прежніе, т. е. извѣстные намъ изъ перваго казанскаго его изданія. Авторъ, предлагая біографическія свѣдѣнія о Константинѣ и дѣлая историко-библіографическій обзоръ литературныхъ замѣтокъ и изслѣдованій, относящихся къ его Учительному Евангелію (напр. въ «Описаніи» Горскаго и Невоструева, у Шафарика, Ундольскаго, Палаузова, Ягича, Голубинскаго и др.), приходитъ къ выводамъ, которые мотивированы у него ученою аргументаціею, детальнымъ разсмотрѣніемъ существующихъ въ литературѣ мнѣній и самостоятельнымъ критическимъ къ нимъ отношеніемъ. По изслѣдованію автора, епископъ Константинъ былъ вѣроятно однимъ изъ раннихъ учениковъ свв. славянскихъ апостоловъ—Кирилла и Меѳодія, можетъ быть былъ съ ними въ Моравіи, но вслѣдствіе воздвигнутаго тамъ послѣ кончины Меѳодія гоненія на его учениковъ со стороны латино-нѣмецкаго духовенства, перешелъ вмѣстѣ съ другими въ Болгарію, гдѣ продолжилъ и закончилъ свою духовно-просвѣтительную миссію на пользу болгарскаго народа и цѣлаго вообще славянства. Здѣсь онъ и написалъ (898 г.) между прочимъ свое Учительное Евангеліе (состоящее изъ 51 бесѣды на воскресные дни года, начиная съ недѣли Пасхи), представляющее собою почти вездѣ (за исключеніемъ 42-й бесѣды и вступленій и заключеній къ другимъ бесѣдамъ) переводъ святоотеческихъ твореній съ готовыхъ греческихъ сокращеній ихъ полнаго текста. «Но если въ бесѣдахъ его, взятыхъ самихъ въ себѣ, говоритъ авторъ, мало самостоятельнаго, авторскаго эле-

мента, за то самый составъ Учительнаго Евангелія, разсматриваемаго въ цѣломъ его видѣ, планъ его, цѣль и самая мысль для удовлетворенія существенныхъ потребностей своей паствы составить сборникъ поученій на всѣ воскресные дни года составляютъ безспорно плодъ самостоятельныхъ, личныхъ воззрѣній нашего проповѣдника на задачи и цѣли церковнаго собесѣдованія» (стр. 307), въ особенности среди «новопросвѣщеннаго болгарскаго народа, требовавшаго не ораторскихъ рѣчей, а простыхъ уроковъ и оглашеній въ истинахъ вѣры» (стр. 309). А «этой цѣли и должно было удовлетворять составленное имъ Учительное Евангеліе» (тамъ же), являющееся «естественнымъ дополненіемъ проповѣдническихъ трудовъ знаменитаго современника Константина, епископа Климента», о которыхъ разсказываетъ пространное его житіе или т. н. Болгарская легенда (въ 22 гл.). Такимъ образомъ въ изслѣдованіи автора генетически связываются духовно-просвѣтительные труды двухъ современниковъ, учениковъ св. первоучителей славянскихъ—еп. Климента и еп. Константина. Такъ было и на самомъ дѣлѣ. А потому изслѣдованіе ихъ дѣятельности должно представлять нѣчто цѣлое, задуманное нашимъ авторомъ и отчасти начатое, но прерванное имъ (смѣемъ думать—на время) вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, о которыхъ говорится въ предисловіи къ настоящей книгѣ (VI стр.). Такъ, авторъ уже успѣлъ напечатать изъ «Климента словѣньскаго» нѣсколько «неизданныхъ его проповѣдей отчасти по рукописямъ соловецкой библіотеки (теперь каз. дух. акад.), отчасти же по хранящимся въ Румянцевскомъ музеѣ бумагамъ покойнаго Ундольскаго» съ краткимъ къ нимъ собственнымъ предисловіемъ въ 3 т. «Прав. Собесѣдника» за 1881 г. Но авторъ, какъ видно изъ того же предисловія къ его книгѣ, задумывалъ сдѣлать еще больше: онъ хотѣлъ сдѣлать три выпуска по исторіи древне-болгарской проповѣднической литературы: въ первомъ обслѣдовать проповѣди Климента «словѣньскаго», во второмъ—Константина, еп. болгарскаго, и въ третьемъ—Іоанна, экзарха болгарскаго (V стр.). Конечно, мы желаемъ, чтобы намѣреніе автора осуществилось поскорѣе и продолжено было съ тою же научною основательностью, съ какою оно начато было относительно напр. Константина, еп. болгарскаго (кстати: изслѣдованіе автора о еп. Константинѣ переведено на болгарское нарѣчіе и напечатано въ лучшемъ болгарскомъ научномъ журналѣ «Периодическо Списание»).

Мы этого тѣмъ охотнѣе и искреннѣе желаемъ, что авторъ уже подготовленъ къ успѣшному осуществленію своего намѣренія, исполненіе котораго должно быть истиннымъ научнымъ пріобрѣте-

ніемъ и завершеніемъ того, что напечатано Калайдовичемъ (въ его соч. объ «Іоаннѣ, экзархѣ болгарскомъ»), подготовлялось къ печати покойнымъ Бодянскимъ и составляло предметъ горячихъ, но не приведенныхъ къ концу изысканій покойнаго Ундольскаго (о «Климентѣ, еп. словѣньскомъ»). Къ тому же онъ пришелъ къ этимъ занятіямъ не случайно, а вызванъ глубокими причинами, опредѣлившими характеръ его занятій, именно древне-славянскимъ и русскимъ проповѣдничествомъ. Къ числу этихъ причинъ относится раннее серьезное знакомство автора съ рукописнымъ содержаніемъ напр. казанской соловецкой библіотеки (результатомъ каковаго знакомства былъ его трудъ по описанію рукописей этой библіотеки, доходящій до 16 печ. листовъ въ общемъ изданіи описанія), а также и славянское возбужденіе русскаго общества предъ послѣднею русско-турецкою войною (см. предисловіе стр. IV—V). Исходъ и слѣдствія этой войны не ослабили въ немъ интереса къ славянскимъ изученіямъ, обусловленнымъ отчасти упомянутымъ возбужденіемъ (какъ это видно изъ его научныхъ работъ, написанныхъ послѣ этого), но поддерживали въ немъ прежнюю любовь къ этимъ изученіямъ, ибо сокровенный мотивъ ихъ—любовь къ исторической правдѣ, не колеблемой никакими временными славянскими недоразумѣніями, но въ свою очередь колеблющей и разсѣевающей эти послѣднія. Вотъ почему мы горячо вызсказываемъ извѣстныя свои желанія и думаемъ, что правы.

Мы остановились подробнѣе на второмъ отдѣлѣ разсматриваемой книги вслѣдствіе особаго спеціальнаго интереса этого отдѣла соотвѣтственно программѣ настоящаго періодическаго изданія, а по размѣрамъ самаго изданія не можемъ входить въ разсмотрѣніе другихъ столько же любопытныхъ, сколько и основательныхъ статей прочихъ двухъ отдѣловъ. Замѣтимъ только, что ни одна и изъ другихъ напечатанныхъ въ разсматриваемой книгѣ статей не является не только лишнею, т. е. повтореніемъ уже извѣстныхъ въ литературѣ выводовъ, но, наоборотъ, представляетъ въ этомъ отношеніи нѣчто новое и оригинальное, правда теперь уже отчасти принятое въ наукѣ или учебной литературѣ, но не безъ вліянія однако доводовъ тѣхъ или другихъ статей нашего автора. — Съ внѣшней стороны изданіе производитъ также весьма пріятное впечатлѣніе.

И. С—овъ.

Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. I. Спб., 1892.

Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду не самого Аннен-

кова, такъ какъ говорить о немъ до выхода въ свѣтъ всего изданія затруднительно, а одного изъ его друзей—В. П. Боткина, съ которымъ онъ состоялъ въ оживленной перепискѣ. Переписка эта обращаетъ на себя вниманіе тѣмъ, что въ весьма значительной степени касается зарождавшейся въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Москвѣ славянофильской школы. Авторъ писемъ—крайній западникъ, по собственнымъ его словамъ очень тяготившійся своимъ русскимъ происхожденіемъ и при встрѣчахъ съ иностранцами не разъ проклинавшій день своего рожденія среди такой дикой націи, подобной эскимосамъ и готтентотамъ (Историч. В. 1889. X. стр. 488). Понятно, какими глазами долженъ былъ смотрѣть такой человѣкъ на школу, требовавшую для столь презираемаго имъ народа такихъ же правъ на самобытное, органическое развитіе, какими давно пользуются народы Запада. Поистинѣ, такая проповѣдь для Боткина была соблазномъ и безуміемъ. И дѣйствительно, всѣ его письма переполнены самыми нелѣпыми сужденіями о «славянахъ», т.-е. славянофилахъ и ихъ убѣжденіяхъ *). Хомяковъ напр. выставляется рѣшительнымъ ненавистникомъ Запада и его гніющей цивилизаціи (авторъ-то знаменитаго изреченія: «страна святыхъ чудесъ»!), а вся славянофильская школа обвиняется въ поклоненіи невѣжественнымъ народнымъ массамъ, въ антиисторическомъ направленіи, обскурантизмѣ, губительствѣ таланта Гоголя и т. п. страшныхъ вещахъ. Благочестивые обычаи и строгое къ нимъ отношеніе въ православныхъ семьяхъ славянофиловъ истолкованы въ духѣ тогдашнихъ учено-салонныхъ сплетень. Всѣ эти и подобныя имъ мнѣнія, въ основѣ которыхъ лежало партійное ослѣпленіе, препятствовавшее вникнуть въ суть задачъ и стремленій славянофильства, соединенное съ глубокимъ презрѣніемъ къ церковнымъ и народнымъ преданіямъ Россіи и доходившимъ до смѣшного раболѣпствомъ передъ з. Европою, въ лицѣ даже парижскаго блузника,—такія мнѣнія съ выходомъ въ свѣтъ полнаго собранія сочиненій всѣхъ представителей славянофильства и съ опубликованіемъ ихъ обширной переписки между собою, казалось бы, не должны имѣть никакого значенія. Не такъ думаетъ А. Н. Пыпинъ: онъ предупредительно перепечаталъ давно заѣзженныя фразы человѣка будто бы «мало предубѣжденнаго» на страни-

---

*) Хотя Боткинъ и признаетъ заслугу славянофильства въ критикѣ космополитизма, но за то такая непонятная съ его стороны уступка сторицею вознаграждается тѣмъ, что далѣе говорится о положительной сторонѣ ихъ ученія.

цахъ «Вѣстника Европы» (мартовская кн. за текущій годъ). Жаль, что въ перепечаткѣ г. Пыпина не нашли себѣ мѣста и слѣдующія строки одного изъ писемъ Боткина: «...но полно надоѣдать вамъ (обращеніе къ Анненкову); все это вы давно знаете, и нашъ славянскій міръ также хорошо (?) вамъ знакомъ, даже лучше, чѣмъ мнѣ, потому что я едва вглядываюсь въ него» (стр. 540). Подобное признаніе Боткина очень важно: оно разомъ низводитъ къ нулю объективную цѣнность его наблюденій надъ славянофильствомъ. **А. С.**

Dr. Antoni Kalina. Studyja nad historyją języka bułgarskiego. Kraków, 1891 (Двѣ части, стр. 385+205).

Новый трудъ извѣстнаго профессора львовскаго университета А. Калины, изданный краковскою академіею наукъ, является первымъ опытомъ болѣе полнаго изложенія исторіи болгарскаго языка, собственно его звуковъ и формъ. Г. Калина запасся довольно обильнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ для этой своей работы, предпринятой главнымъ образомъ съ цѣлью выясненія отношеній болгарскаго языка къ древнему церковно-славянскому. Онъ совершилъ продолжительное путешествіе по болгарскимъ областямъ не только княжества и бывшей восточной Румеліи, но также южной Ѳракіи и Македоніи. Кромѣ непосредственнаго знакомства съ разными народными говорами и ознакомленія съ тѣмъ, что̀ было сдѣлано въ болгарской литературѣ по изученію діалектологіи и исторіи языка, это путешествіе дало ему возможность изучить и порядочное количество малоизвѣстныхъ рукописныхъ памятниковъ, хранящихся въ библіотекахъ: софійской (около 50-ти), Книжевнаго Дружества (19) и филиппопольской (около 35-ти). Авторъ воспользовался и многими находящимися внѣ Болгаріи болгарскими рукописями по изданіямъ или же по описаніямъ Востокова, Срезневскаго, Ламанскаго, еп. Амфилохія, Миклошича, Ягича, Новаковича, Шольвина и Поливки. Отъ его вниманія, къ сожалѣнію, тутъ ускользнули нѣкоторыя изданія, также содержащія любопытный матеріалъ для исторіи болг. языка, каковы: описанія рукописныхъ собраній Императорской Публичной Библіотеки и Хлудова, болгарскія грамоты, изданныя Шифарикомъ и Срезневскимъ, а также влахо-болгарскія грамоты Венелина. Послѣднія могли бы нѣсколько восполнить замѣченные и самимъ авторомъ пробѣлы въ его источникахъ для XV вѣка. Для этого вѣка г. Калина могъ бы, кажется, весьма легко воспользоваться и болгарскимъ Прологомъ, находящимся въ библіотекѣ львовскаго университета и весьма интереснымъ по языку, судя по нѣкоторымъ замѣткамъ о немъ,

которыя напечатаны Петрушевичемъ въ Науковомъ Сборникѣ. Нельзя не пожалѣть также, что автору остались неизвѣстными и наблюденія Прейса надъ нѣкоторыми малоизвѣстными болг. памятниками и что онъ очень мало, да и то лишь изъ вторыхъ рукъ могъ пользоваться изслѣдованіемъ Билярскаго о средне-болгарскомъ вокализмѣ по патріаршему списку лѣтописи Манассіи.

Съ большею сравнительно полнотою собраны г. Калиною источники и пособія по современной болгарской діалектологіи. Онъ не могъ конечно воспользоваться появившимися въ послѣднія пять-шесть лѣтъ въ большомъ количествѣ діалектологическими матеріалами, изданными въ сборникахъ Любенова, Иліева, министерства народн. просвѣщенія, Д. Маринова, Шапкарева и въ солунскихъ книжицахъ; не могъ также пользоваться и нѣкоторыми новѣйшими изслѣдованіями болгарскихъ филологовъ: Тодорова, Милетича, Матова, Цонева и др. Но изъ того, что было издано по этой части раньше, имъ извлечено, можно сказать, почти все существенное, и извлечено со знаніемъ дѣла. Попадаются, правда, въ его книгѣ невѣрно понятыя слова и формы, напримѣръ: слово млодзина, діалектическій варіантъ вм. множина или мнозина (отъ мнози, многъ), понято какъ производное отъ младъ (I, 129—130); турецко-персидкое дувар или довар принято за дверь; прилагательное сетни, послѣдніе (сравн. древнеславянск. сетьнъ), принято за числительное, отъ съто (I, 193); звукъ *о* въ словѣ сноха (снъха) принятъ за діалектическую замѣну звука *а*, и т. п. Попались намъ тутъ и кое-какія сомнительныя или и прямо-таки неточно переданныя звуковыя явленія, отвѣтственность за которыя падаетъ однако не на автора, а на издателей нѣкоторыхъ его источниковъ. Впрочемъ такихъ недосмотровъ сравнительно немного въ разсматриваемой книгѣ.

По указаннымъ діалектологическимъ и историческимъ матеріаламъ г. Калина могъ наблюдать и изслѣдовать историческое развитіе болгарскихъ звуковъ и формъ на протяженіи восьми вѣковъ съ XI включительно. Относительно болѣе древнихъ временъ, отъ которыхъ не дошли такіе памятники, онъ пользовался встрѣчающимися въ греческомъ и румынскомъ языкахъ славянскими элементами, очень давно вошедшими въ эти языки большею частію черезъ болгарскихъ славянъ.

На основаніи такого же матеріала, сохранившагося въ мадьярскомъ языкѣ и въ разныхъ латинскихъ источникахъ IX—XII вв., касающихся исторіи и топографіи южно-славянскихъ земель, а также на основаніи извѣстныхъ остатковъ языка седьмиградскихъ славянъ, авторъ старался выяснить отношенія болгарскаго

языка къ другимъ южнославянскимъ въ древнѣйшія времена, пытался проникнуть и въ тайну зарожденія всѣхъ этихъ языковъ. По этимъ вопросамъ, которымъ посвящены первыя сто страницъ разсматриваемой книги, г. Калина, пользовавшійся тутъ и изслѣдованіями нѣкоторыхъ историковъ, пришелъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Южные славяне около начала VI-го вѣка придвинулись изъ Приднѣпровья къ нижнему и среднему Дунаю, откуда вскорѣ начали переселяться и на правый берегъ этой рѣки, направляясь частію къ Константинополю и Греціи, частію къ Адріатическому морю и къ Хорутанскимъ Альпамъ. Въ VI—VIII вѣкахъ они уже занимали всѣ земли, простирающіяся отъ устья Дуная до истоковъ Савы, отъ Пелопонеса до зап. Хорутаніи, и въ этнографическомъ отношеніи составляли одно цѣлое, мало разнившееся въ своихъ частяхъ. Но затѣмъ въ этой единой по языку славянской вѣтви начинаютъ обособляться отдѣльныя нарѣчія; въ IX вѣкѣ они уже распадались на три группы: болгарскую, въ восточныхъ и среднихъ частяхъ Балканскаго полуострова до Пелопонеса и рѣки Моравы, а также въ части древней Дакіи, сербохорватскую и паннонскословенскую (I, 22, 43, 48, 81, 101). Въ языкѣ паннонскихъ славянъ, на которыхъ тутъ обращено особенное вниманіе (74—91), еще въ IX в. были уже обозначены довольно явственно тѣ черты, которыми характеризуется нынѣшняя кайковщина: юсы замѣнялись большею частію черезъ *о* и *е*; *ѣ* произносился какъ *е*, сочетаніе *тj* переходило въ *шч* или въ *ч*. Этими и нѣкоторыми другими чертами языкъ паннонскихъ славянъ еще во время славянскихъ первоучителей отличался отъ того языка, который мы находимъ въ языкѣ Зографскаго евангелія и однородныхъ съ нимъ памятникахъ, совершенно неосновательно называемыхъ паннонскими. На послѣднемъ вопросѣ г. Калина останавливается и въ другихъ частяхъ своей книги, гдѣ подходитъ къ нему и съ другихъ сторонъ; и всякій разъ все болѣе и болѣе укрѣпляется въ высказанномъ тутъ о немъ заключеніи.

Нельзя сказать, чтобы всѣ изложенныя здѣсь положенія были подтверждены авторомъ такими доводами, которые бы дѣлали ихъ незыблемыми. Нѣкоторыя изъ нихъ основаны на мало разработанномъ, плохо даже рассортированномъ по категоріямъ пространства и времени лингвистическомъ матеріалѣ, и представляются слишкомъ смѣлыми, тѣмъ болѣе, что и изслѣдованія историковъ, которыми авторъ старался подкрѣпить ихъ, не отличаются непогрѣшимостью. Несмотря на это мы очень благодарны г. Калинѣ за рѣшеніе его остановиться на затронутыхъ въ его введеніи чрез-

вычайно важныхъ и трудныхъ вопросахъ, кое-какія стороны которыхъ обслѣдованы имъ хорошо. Кромѣ того сведенный имъ тутъ лингвистическій матеріалъ, взятый не только изъ извѣстныхъ статей Миклошича, но и изъ нѣкоторыхъ другихъ сочиненій, а также первоисточниковъ IX—XII вв., значительно упрощаетъ изслѣдованіе генезиса южнославянскихъ нарѣчій и ихъ взаимныхъ отношеній въ древнѣйшія доисторическія времена.

Переходимъ къ главному содержанію разсматриваемой книги, т.-е. къ наблюденіямъ автора надъ историческимъ развитіемъ звуковъ и формъ болгарскаго языка, гдѣ онъ находился въ несравненно лучшихъ условіяхъ относительно источниковъ. Тщательно подбирая по послѣднимъ звуковыя и морфологическія черты разныхъ говоровъ нынѣшняго болгарскаго языка и отмѣчая ихъ сходства съ древнимъ церковно-славянскимъ и отличія отъ него, г. Калина особенно подробно останавливается на явленіяхъ послѣдняго порядка, и путемъ послѣдовательнаго нисхожденія сверху внизъ, отъ нашего времени къ сѣдой старинѣ, слѣдитъ за постепеннымъ развитіемъ этихъ явленій до самаго момента ихъ зарожденія.

Не мѣсто здѣсь вдаваться въ подробную оцѣнку кропотливыхъ изслѣдованій по языку, наполняющихъ около 500 страницъ. Мы ограничимся лишь самыми общими замѣчаніями о нихъ.

Выводы, къ которымъ пришелъ авторъ по главному предмету своего изслѣдованія, въ общихъ чертахъ таковы:

Современный болгарскій языкъ является прямымъ потомкомъ древняго церковно-славянскаго языка, продуктомъ вѣкового развитія и естественныхъ преобразованій послѣдняго въ самомъ себѣ. Преобразованія эти, начавшіяся въ области вокализма сближеніемъ физіологически родственныхъ, хотя первоначально и отличавшихся довольно рѣзко одинъ отъ другого звуковъ, неминуемо должны были вызывать соотвѣтственную нивеллировку и въ области морфологіи, особенно въ склоненіи. Такими чисто звуковыми процессами уничтожена постепенно значительная часть падежныхъ окончаній; другая же часть ихъ, равно какъ и нѣкоторыя глагольныя формы затерты другимъ факторомъ, именно грамматическою аналогіею. Дѣятельность этихъ двухъ факторовъ началась еще до XI-го вѣка, и, какъ свидѣтельствуютъ такъ называемые паннонскіе памятники, тогда же еще опредѣлился ея характеръ и пути, по которымъ она двигалась въ послѣдующіе вѣка. Нѣкоторыя звуковыя черты, свойственныя древнему церковно-славянскому языку и только ему, равно какъ и многія древнія формы уцѣлѣли отъ сокрушительнаго дѣйствія названныхъ двухъ факто-

ровъ, сохраняясь и доселѣ то тамъ, то сямъ въ разныхъ современныхъ говорахъ, какъ живые свидѣтели тожества древнеболгарскаго языка съ языкомъ Зографскаго евангелія и подобныхъ ему древнихъ памятниковъ.

Къ подобнымъ выводамъ приходили и другіе изслѣдователи, но никѣмъ доселѣ они не были обставляемы такимъ количествомъ фактовъ, какъ это сдѣлано въ разсматриваемой книгѣ. Въ источникахъ г. Калины, какъ было указано выше, есть пробѣлы, но мы имѣемъ основанія думать, что восполненіе ихъ могло бы только упрочить изложенные тутъ выводы. Въ подтвержденіе только что сказаннаго позволимъ себѣ привести нѣсколько примѣровъ.

Доказывая возможность существованія въ болгарскомъ языкѣ такихъ формъ повелительнаго наклоненія, какъ биятe, пишатe (II, 155, 190), которыя Миклошичъ считалъ свойственными лишь предполагаемому паннонскому, г. Калина подтвердилъ эти свои соображенія лишь немногими примѣрами, взятыми притомъ изъ такихъ болгарскихъ памятниковъ, въ которыхъ послѣдователи Миклошича могутъ заподозрить паннонское вліяніе. Мы вправѣ, кажется, думать, что для такихъ заподозрѣваній не осталось бы мѣста, еслибы авторъ подкрѣпилъ свои доводы и примѣрами изъ народнаго болгарскаго языка, какіе и дѣйствительно встрѣчаются въ нѣкоторыхъ говорахъ послѣдняго, между прочимъ и въ плевненскомъ, гдѣ я самъ слышалъ изъ устъ жителей историческаго села Богота: пиѩте, берѩте, не дѩйте и проч.

Неопредѣленное наклоненіе съ окончаніемъ тъ, которое очень часто чередуется во многихъ болгарскихъ рукописяхъ съ окончаніемъ ти и въ которомъ авторъ усматриваетъ остатокъ супина (II, 170), и до сихъ поръ бытуетъ въ нѣкоторыхъ терновскихъ говорахъ, гдѣ мнѣ неоднократно приходилось слышать эту форму; она уже и отмѣчена въ грамматикахъ Момчилова, Радулова и др.

Форму сложнаго склоненія мужскаго рода единственнаго числа на ой, довольно часто встрѣчающуюся въ такихъ древнихъ памятникахъ, каковы Маріинское евангеліе и Синайская псалтырь, авторъ могъ найти лишь въ Паремейникѣ Григоровича и въ болгарской Александреидѣ XVI в. (II, 67, 183), между тѣмъ она встрѣчается и въ другихъ памятникахъ, напримѣръ въ одной весьма любопытной грамотѣ XIII в.: Вильскоі кладезь, свѧтоі Георгие, всакоі дльгъ, и проч. Форма эта и до сихъ поръ живетъ въ нѣкоторыхъ югозападныхъ говорахъ: доброй, дебелой, богарской и т. д. Укажу еще на весьма распространенное въ западныхъ говорахъ мѣстоименіе овой.

Г. Калинѣ будетъ, думаемъ, пріятно узнать, что и отъ про-

шедшаго времени дѣйствительнаго причастія (II, 174) уцѣлѣли до сихъ поръ кое-какіе остатки, напр.: скришемъ и скришомъ, скришема и скришома (см. въ Словарѣ Дювернуа), въ которыхъ имѣемъ творительный единственнаго и двойственнаго отъ съкрывъ, скрывша (относительно выпаденія *в* сравн. стори отъ створи и т. п.).

Отъ склоненія основъ согласныхъ, кромѣ указанныхъ авторомъ формъ, сохранились еще: дъщи и дъще (Дювернуа); дванадесте, тринадесте, петнадесте (мѣстный ед. числа на *е*); мислеще, стояче, служаяче (им. мн.). Да и отъ другихъ именныхъ склоненій сохранилось гораздо больше того, что приведено въ разсматриваемой книгѣ (см. статью Милетича во 2-мъ томѣ министерскаго Сборника 1890 г.). То же самое можно сказать и о мѣстоименномъ, а также и о сложномъ склоненіи, отъ которыхъ сохранились и такія формы, какъ: светехи, или светей (дат. ед. числа); светие, небесние (въ охридскомъ говорѣ—небески). Къ этому прибавимъ еще, что высказанныя авторомъ (II, 87) недоумѣнія относительно мѣстоименной формы ними являются совершенно неумѣстными, ибо по словамъ г. Матова, уроженца Македоніи и прекраснаго знатока македонской діалектологіи, форма эта существуетъ въ охридскомъ говорѣ (Отчетъ солунской гимназіи за 1889 годъ, стр. 5).

Въ занимающихъ насъ здѣсь выводахъ г. Калины, по нашему мнѣнію, есть лишь одинъ пунктъ, требующій нѣкотораго ограниченія: разумѣемъ утвержденіе автора, что историческое развитіе болгарскаго языка шло совершенно естественнымъ путемъ, происходило подъ исключительнымъ вліяніемъ самостоятельно возникавшихъ внутри этого языка процессовъ. Это положеніе доказывается во многихъ мѣстахъ разсматриваемой книги, главнымъ образомъ на первыхъ страницахъ второй части ея, посвященныхъ разбору взгляда Миклошича на разстройство болгарскаго склоненія. Знаменитый славистъ въ 1871 г., въ предисловіи къ изданной имъ тогда болгарской повѣсти о Троянской войнѣ (Starine, III), приписываетъ это дѣло исключительно внутреннимъ фонетическимъ процессамъ, причемъ рѣзко высказывался противъ постороннихъ вліяній, особенно противъ вліянія албанцевъ. Немного позднѣе, во второмъ изданіи своей Морфологіи (1876 г.), онъ выступилъ съ совершенно другимъ взглядомъ, заявивъ, что болгарскій языкъ есть смѣсь славянскаго языка съ языкомъ родственныхъ албанцамъ ѳракс-иллирійцевъ. Противъ этого-то взгляда, котораго, нужно сказать, Миклошичъ держался до конца жизни, и ратуетъ тутъ г. Калина, находя его совершенно неосновательнымъ, въ

чемъ мы вполнѣ соглашаемся съ нимъ, тѣмъ болѣе, что къ его доводамъ могли бы прибавить еще кое-что. Но намъ кажется, что авторъ не совсѣмъ правъ, отрицая и всякія другія внѣшнія вліянія на болгарскій языкъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что когда болгарскіе славяне переселялись на Балканскій полуостровъ, послѣдній былъ сильно романизованъ и что романское населеніе въ весьма значительномъ количествѣ жило тамъ совмѣстно съ болгарами еще въ XI—XII вѣкахъ. Въ синтаксисѣ болгарскаго языка, равно какъ и въ составѣ его словъ мы находимъ довольно значительные романскіе элементы, которые отчасти извѣстны и г. Калинѣ. Позволительно думать, что эта романская стихія могла оказать нѣкоторое вліяніе также на болгарскую фонетику и на склоненіе. Далѣе, не говоря о готскихъ и нѣкоторыхъ другихъ древненѣмецкихъ колонистахъ въ прибалканскихъ областяхъ, мы укажемъ на этнографическія пертурбаціи, испытанныя болгарскими областями въ XI—XII вв., во время господства въ нихъ византійцевъ, когда области эти были сильно эллинизованы и кромѣ того должны были принять огромное количество печенѣжскихъ и половецкихъ колонистовъ. Въ это же время, по свидѣтельству современныхъ историковъ (Кинама и др.), сюда переселено было византійскимъ правительствомъ большое число обитателей посавской и сѣверной Панноніи (по всей вѣроятности славянъ), а также множество сербовъ изъ расской и сосѣднихъ съ ней областей. Сербы были переселяемы въ разныя болгарскія области и раньше: припомнимъ слова Багрянороднаго о томъ, что его современникъ. болгарскій царь Симеонъ, занявши извѣстную сербскую область, переселялъ всѣхъ ея жителей отъ мала до велика въ Болгарію. Тотъ же писатель указываетъ, что послѣ разгрома велико-моравской державы мадьярами, множество моравянъ выселилось въ Болгарію. Остановимся пока на этихъ свидѣтельствахъ. На нихъ до сихъ поръ очень мало обращали вниманія изслѣдователи судебъ болгарскаго языка; не касался ихъ и г. Калина, хотя, по нашему мнѣнію, они бы могли бросить свѣтъ на нѣкоторыя странныя явленія болгарской діалектологіи и письменныхъ памятниковъ, остающіяся загадочными и послѣ изслѣдованій нашего автора.

Подтвержденія своему, занимающему насъ здѣсь мнѣнію г. Калина ищетъ и въ извѣстныхъ памятникахъ языка исчезнувшихъ недавно семиградскихъ славянъ, которыхъ онъ считаетъ потомками древнихъ дакійскихъ болгаръ. Указывая на разительное сходство языка этихъ памятниковъ (записанныхъ въ началѣ нынѣшняго вѣка) съ новѣйшимъ языкомъ задунайскихъ болгаръ, авторъ усматриваетъ въ этомъ фактѣ важное доказательство того, что

языкъ какъ дакійскихъ, такъ и задунайскихъ болгаръ, несмотря на различную историческую судьбу тѣхъ и другихъ, подвергался однимъ и тѣмъ же видоизмѣненіямъ, зависѣвшимъ слѣдовательно не отъ какихъ нибудь внѣшнихъ вліяній, а отъ однѣхъ и тѣхъ же внутреннихъ причинъ (II, 194—197). Мы совершенно согласны съ мнѣніемъ г. Калины о томъ, что семиградскіе памятники писаны болгарскимъ языкомъ. Къ его доводамъ по сему вопросу позволимъ себѣ прибавить, что и встрѣчающееся въ этихъ памятникахъ слово юме вмѣсто име, надъ которымъ такъ задумывались нѣкоторые ученые, употребляется точно въ такомъ же видѣ въ нѣкоторыхъ прибалканскихъ говорахъ (См. въ Словарѣ Дювернуа; въ 3-мъ Отчетѣ проф. Кочубинскаго, стр. 52; въ разсматриваемой книгѣ I, 174). Прибавимъ еще, что встрѣчающіеся въ семиградскихъ памятникахъ грецизмы существуютъ и въ языкѣ задунайскихъ болгаръ. Но это-то поразительное сходство сравниваемыхъ тутъ языковъ и мѣшаетъ намъ считать семиградскихъ болгаръ прямыми потомками дакійскихъ, а заставляетъ думать, что они выселились въ Семиградье съ Балканскаго полуострова въ XII-мъ, или же въ XIII-мъ вѣкѣ (См. статью проф. Пича въ Извѣстіяхъ чешск. общ. наукъ, за 1888: Die Dacischen Slaven und Csergeder Bulgaren).

Находя неумѣстнымъ останавливаться здѣсь на другихъ, не совсѣмъ правильныхъ, по нашему мнѣнію, взглядахъ и толкованіяхъ г. Калины, замѣтимъ лишь, что они касаются частныхъ вопросовъ или разныхъ мелкихъ фактовъ, и не такого свойства, чтобы могли подорвать научное значеніе разсматриваемой книги. Книга эта по богатству собраннаго въ ней матеріала, отчасти совершенно новаго, равно какъ и по удачному освѣщенію многихъ сторонъ историческаго развитія болгарскаго языка, несомнѣнно займетъ подобающее мѣсто въ ряду капитальныхъ трудовъ по славянскому языкознанію.

М. Дриновъ.

Харьковъ.
21 марта, 1892.

Обзоръ главнѣйшихъ сочиненій и статей по западнорусской исторіи за 1891 годъ.

Въ «Журналѣ М. Н. Пр.» (май, іюнь, іюль) помѣщена статья И. А. Линниченка «Критическій обзоръ новѣйшихъ сочиненій о Галицкой Руси». Авторъ разсматриваетъ сочиненія Лонгинова, Горжицкаго и Губе, причемъ сообщаетъ нѣсколько не безъинтересныхъ замѣчаній о внутреннемъ строѣ названной земли въ XV вѣкѣ.

Въ «Кіевской Старинѣ» закончена обширная статья И. В. Теличенка: «Сословныя нужды и желанія малороссіянъ въ эпоху Екатерининской Коммиссіи» (1890, VIII—XII, 91. I — II). Наказы малороссіянъ послужили для автора главнѣйшимъ источникомъ. Онъ исчерпалъ его весьма старательно; «міросозерцаніе» той эпохи изображено ярко, обнаруживая не мало печальныхъ сторонъ особенно въ чаяніяхъ «новоизмышленнаго» малорусскаго дворянства, отчасти и духовенства. Авторъ снимаетъ съ наказовъ вину установленнаго порядка, но читатель, конечно, замѣтитъ, что Румянцевъ, вычеркивая многое изъ дворянскихъ наказовъ, въ то же время старался поднять городской классъ. Это очень важно, а врядъ-ли справедливо требовать невозможнаго по понятіямъ эпохи.

Интересное дополненіе къ названному труду представляетъ статья Александры Ефименко: «Малорусское дворянство» («Вѣстн. Евр.» 1891, VIII), очеркъ возникновенія и роста новоявленнаго класса. Въ «Кіевской Старинѣ» печатаются «Записки Михаила Чайковскаго (Садыка-паши)». Онѣ очень интересны, хотя во многихъ мѣстахъ авторъ видимо увлекается, рисуя картины врядъ-ли сообразныя съ дѣйствительностью. До глубокой старости онъ очевидно не освободился отъ иллюзій. Записки переносятъ читателя въ недавнее повидимому время, но оно кажется ему пожалуй менѣе понятнымъ, чѣмъ отдаленное. То же слѣдуетъ сказать о публичной лекціи извѣстнаго историка реформаціи Янсена: «Russland u. Polen vor hundert Jahren», читанной въ 1864 и въ минувшемъ году вновь изданной (Drei geschichtliche Vorträge. Frankf. a M.). Можно только пожалѣть, что подобная лекція связана съ столь почтеннымъ именемъ и удивляться, кому и зачѣмъ потребовалась ея перепечатка.

Интересныя статьи Г. В. Есинова «Путешествіе Имп. Екатерины II въ южную Россію» (К. С.) еще не окончены, почему мы и ограничиваемся голымъ указаніемъ на нихъ.

Пишущій эти строки помѣстилъ въ Варш. Унив. Изв., № 7, «Вопросъ о возсоединеніи з.-р. уніатовъ въ его новѣйшей постановкѣ» по поводу книги П. О. Бобровскаго: «Русская гр.-ун. церковь въ царствованіе Александра I» и въ Журн. Мин. Нар. Пр., XII: «Къ вопросу о борьбѣ Польши и Литвы-Руси 1340 — 87 гг.» дополнительныя замѣчанія къ изслѣдованію объ этомъ предметѣ (Спб. 1890). Въ «Историч. Обозр.», III, помѣщено сокращеніе реферата С. А. Бершадскаго: «Общественная организація крестьянъ въ в. кн. Литовскомъ». Мы считаемъ это пріятной вѣстью о близкомъ появленіи изслѣдованія объ этомъ интересномъ и весьма мало обработанномъ вопросѣ. Укажемъ главнѣйшее положеніе реферата: «государственному устройству в. кн. Литовскаго чужды основныя черты западно-

европейскаго феодализма: 1) Отношенія государственной власти къ подданнымъ опираются не на договорѣ, а на историческомъ правѣ Гедиминовичей на свою «отчину и дѣдину». 2) Отношеніе власти ко всѣмъ подданнымъ непосредственное. 3) Крестьяне въ огромномъ большинствѣ составляютъ непосредственныхъ подданныхъ великаго князя; они сидятъ или на помѣстныхъ земляхъ, или же на земляхъ, находящихся въ хозяйственномъ управленіи велико-княжескихъ чиновниковъ». Основные выводы такимъ образомъ вполнѣ согласуются съ фактами, указанными пр. Владимірскимъ-Будановымъ въ его «Помѣстье литовскаго государства» и названномъ выше изслѣдованіи.

Труды второго съѣзда польскихъ историковъ (Pamiętnik drugiego zjazdu historików polskich we Lwowie) изданы въ двухъ выпускахъ (Львовъ, 1890—91 гг.). Въ первомъ помѣщены рефераты, напечатанные еще до съѣзда и разосланные затѣмъ всѣмъ его участникамъ; второй заключаетъ въ себѣ стенографическую передачу обсужденія читанныхъ на съѣздѣ докладовъ и принятыхъ по нимъ рѣшеній. Оба выпуска дополняютъ другъ друга и представляютъ полную и точную картину всего происходившаго на съѣздѣ. Читатель какъ бы присутствуетъ въ собраніи, а обсужденіе вопросовъ спеціалистами или людьми близкими къ дѣлу нерѣдко весьма наглядно представляетъ объемъ сдѣланнаго по извѣстному вопросу, а еще чаще указываетъ на то, что остается сдѣлать и что составляетъ задачу будущаго. Въ этомъ отношеніи планъ изданія нельзя не назвать очень практичнымъ. Надо впрочемъ сказать, что этотъ планъ отражаетъ въ себѣ общій характеръ съѣзда, цѣль котораго заключалась въ уясненіи настоятельныхъ нуждъ науки и пріисканіи способовъ скорѣйшаго ихъ удовлетворенія: изъ 29 рефератовъ этому посвящено 18.

Пятая часть докладовъ прямо посвящена вопросамъ русской исторіи; въ другихъ случаяхъ эти вопросы выступаютъ попутно. Понятно поэтому, что львовскій съѣздъ получаетъ значеніе и для русской науки, хотя и безъ этого обстоятельства—и самъ по себѣ—онъ былъ бы не безъинтересенъ для нея: русская и польская исторіи во многихъ случаяхъ сплетаются очень тѣсно.

Здѣсь мы остановимся на вопросахъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ русской исторіи *). Галицкой Руси посвящено три реферата.

---

*) Изъ болѣе общихъ заслуживаетъ вниманія рефератъ г. Корзона: «Грѣхи нашей исторіографіи въ возсозданіи польской исторіи». Г. Корзонъ рѣзко обличаетъ грѣхи краковской исторической школы, особенно главнѣйшій: превращеніе исторіи въ мораль, отвѣчающую политическому положенію и настроенію. Мысли его не новы. Подобное высказалъ раньше Смоленскій (Szkoły historyczne

Это понятно: и мѣсто собранія, и дѣятельность главы общества, принявшаго на себя инициативу съѣзда—покойнаго Кс. Лиске, заставляла обратить вниманіе на эту древне-русскую землю. Г. Папэ формулировалъ главнѣйшіе дезидераты въ разработкѣ исторіи Галицкой Руси подъ польскимъ владычествомъ. Особенно желательной кажется ему разработка исторіи заселенія страны и составленіе регестовъ документовъ въ дополненіе къ Актамъ Гродскимъ и Земскимъ. Обѣ эти работы должны быть произведены общими силами.

Далѣе г. Папэ предлагаетъ разработку—исторіи земельнаго хозяйства по отдѣльнымъ мѣстнымъ группамъ; исторіи церкви по частнымъ вопросамъ (напр., отношеніе православныхъ и уніатскихъ епископовъ въ Перемышлѣ; Acta manualia Кишки). Мы привели главнѣйшіе дезидераты г. Папэ, потому что придаемъ чрезвычайно важное значеніе успѣшной разработкѣ галицкой исторіи. Желаемъ успѣха благимъ замысламъ. Кружокъ молодыхъ львовскихъ ученыхъ обнаруживаетъ не мало энергіи, и потому осуществленіе приведенныхъ пожеланій легко можетъ перейти въ дѣйствительность. Желательно только, чтобы въ кружкѣ оказались люди съ болѣе вѣрнымъ чувствомъ и слухомъ, чѣмъ, напр. г. Папэ, для котораго слова—Перемышль Червенъ звучатъ чисто по-лехитски *).

---

w Polsce. Ateneum, 1886), но въ ученомъ парламентѣ, состоящемъ главнымъ образомъ изъ галицiйскихъ же ученыхъ, рефератъ вызвалъ не малое замѣшательство. Оппонентомъ г. Корзона былъ назначенъ молодой и талантливый проф. львовскаго университета О. Бальцеръ (преемникъ Лиске по изданію «Квартальника»), въ спорѣ приняли участіе и другіе, между прочимъ ксендзъ Скроховскій, вооружившійся противъ референта за его видимо недостаточную католическую ревность. Къ чести собранія надо замѣтить, что филиппика ксендза Скроховскаго не осталась безъ возраженія. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, дѣло кончилось ничѣмъ. Споръ этотъ интересенъ въ двухъ отношеніяхъ: 1) Краковская школа не сочла возможнымъ открыто заявить себя, надо думать, не изъ скромности. 2) Въ отзывахъ о рефератѣ г. Корзона замѣтно различіе въ средѣ галицiйскихъ и русскихъ поляковъ (Przegląd polski, 1890, XI—XII, статья Абрагама, съ одной, и Biblioteka Warszawska, 1890, съ другой стороны. Ср. также замѣчанія пр. А. Павинскаго: Обзоръ современнаго состоянія польской исторіографіи. Ист. Обозр. № 1). Это замѣтно даже по отчету. Г. Хмелевскій (изъ Варшавы) очень ясно указалъ собранію мысль г. Корзона о различіи въ дѣятельности польскихъ ученыхъ по изданію памятниковъ и ихъ историко-конструктивными опытами, но это указаніе прошло незамѣченнымъ. Констатируемъ фактъ различнаго отношенія къ реферату г. Корзона въ средѣ самихъ же поляковъ,—отъ объясненія воздержимся.

Не можемъ не отмѣтить еще одной подробности: наши поляки отзываются неблагосклонно объ искусственности, парадности и игрѣ въ парламентаризмъ, весьма замѣтныхъ на съѣздѣ (Атен. 1890, IX). Это замѣчаніе вызвало тоже большое неудовольствіе въ Краковѣ (Przegl. P.).

*) «Czyliż nie uderzą lingwisty czisto lechickiem brzmieniem imiona Czerwen,

Оставляя въ сторонѣ рефератъ г. Семковича—«О необходимости и способѣ изданія главнѣйшихъ матеріаловъ львовскаго городскаго архива», какъ слишкомъ спеціальный и—М. Станкевича—«Къ вопросу о собираніи матерьяловъ для исторіи литовской письменности», какъ не представляющій ничего интереснаго, укажемъ на докладъ г. Чоловскаго: «О мѣстоположеніи древняго Галича». Г. Чоловскій старается доказать, что Галичъ находился на мѣстѣ нынѣшняго села Крылоса. Особенно обрушивается г. Чоловскій на предположенія А. Петрушевича, какъ совершенно-де несообразныя съ размѣрами древне-русскихъ городовъ вообще. Пр. Шараневичъ указалъ на отдаленность Крылоса отъ Днѣстра, что противорѣчитъ прямымъ указаніямъ лѣтописи *).

Особенно интереснымъ и важнымъ считаемъ мы докладъ г. Прохаски: «Объ изданіи памятниковъ русско-литовскаго лѣтописанія». Вопросъ объ изданіи з.-р. лѣтописей поднятъ былъ еще на первомъ съѣздѣ польскихъ историковъ въ 1880 г. Пр. Шараневичъ уже тогда представилъ ихъ классификацію, указалъ существующія изданія и мѣстонахожденіе неизданныхъ рукописей. Вскорѣ затѣмъ онъ помѣстилъ въ Запискахъ Крак. Акад. (т. XV, отд. ист.-филос.) обширную статью «О русскихъ лѣтописяхъ и хроникахъ XV и XVI в., преимущественно о лѣтописи в. княжества литовскаго и жомойтскаго» т. е. такъ наз. познанской рукописи). Статья эта имѣетъ въ виду болѣе подробное обоснованіе предложенной авторомъ классификаціи и указаніе взаимнаго отношенія между памятниками. Здѣсь авторъ впервые указалъ на важное значеніе мѣстныхъ, преимущественно смоленскихъ записей. Мысль эта получила блестящее развитіе въ недавнемъ трудѣ пр. Смольки: Najdawniejsze pomniki dziejopisarstwa rusko-litewskiego (Pam. wydz. hist. filoz. VIII.), который попытался опредѣлить составъ лѣтописи, изданной Даниловичемъ и Поповымъ. Онъ раздѣляетъ ее на слѣдующія части: 1) Смоленскія лѣтописи а) 1395—1418, б) 1432— 1416. 2) Повѣсть о борьбѣ Сигизмунда и Свидригайла со вступленіемъ о Витовтѣ. 3) Исторія Подолья. 4) Лѣ-

---

Primyszl, Sambor—jako doskonałe potwierdzenie tego, co Nestor o pierwotnej przynależności tych ziem do Lachów powiada».

Приводимъ эту выписку для наглядной иллюстраціи той любви къ истинѣ, о которой такъ горячо и краснорѣчиво распространялся пр. Бальцеръ, въ своихъ возраженіяхъ г. Корзону.

*) Въ «Квартальникѣ» 1891, IV, г. Чоловскій помѣстилъ историко-топографическое изслѣдованіе: Lwów za ruskich czasów. Городъ, по мнѣнію его, былъ первоначально расположенъ не на Замковой, а на Лысой горѣ, что доказывается, повидимому, вполнѣ основательно. Здѣсь же указано происхожденіе легендъ о древности доминиканъ во Львовѣ и о перенесеніи города на новое мѣсто Казиміромъ въ 1350 г.

топись о великихъ князьяхъ литовскихъ: а) исторія событій 1381—82 г., б) продолженіе до 1396 г. Соображенія пр. Смольки имѣютъ чисто-теоретическій характеръ. Они не основаны на изученіи рукописей. Вотъ почему въ его распредѣленіи матеріала возможны погрѣшности, тѣмъ болѣе что дѣло касается предмета очень мало разработаннаго. Г. Прохаска (Latopis litewski, Lw. 1890.) предлагаетъ другое распредѣленіе: 1) описательная часть событій до 1395 г.; 2) исторія Подолья; 3) похвала Витовту; 4) повѣсть о войнѣ Сигизмунда и Свидригайла и наконецъ 5) а. б. Смоленскія лѣтописныя замѣтки 1386—1449.

Какъ бы ни было, и г. Прохаска, авторитетный знатокъ источниковъ литовско-русской исторіи, не отвергаетъ основного дѣленія памятника на двѣ части, описательную и лѣтописную, какъ предлагаетъ г. Смолька. Въ окончательномъ результатѣ — значительная часть подготовительной работы для изданія памятника сдѣлана; онъ будетъ изданъ — и можно надѣяться хорошо. Гдѣ? Въ Monumenta Poloniae! (Туда же вѣроятно попадетъ и Ипатская лѣтопись). Замѣтимъ кстати, что уже въ началѣ 40-хъ годовъ на познанскую рукопись обратилъ вниманіе Бодянскій, а въ 80-хъ г., т. е. тогда, когда поляки только еще подымали вопросъ о русско-литовскихъ памятникахъ, въ Петербургскую Академію Наукъ было представлено г. Тихоміровымъ изслѣдованіе «О составѣ западно-русскихъ, такъ наз. литовскихъ лѣтописей». По замѣчанію г. Тихоміровa «весьма многіе результаты его изслѣдованія совпадаютъ съ выводами польскихъ ученыхъ» («Два польскихъ труда о з.-р. лѣтописяхъ», Ж. М. Н. Пр. 1891, II). Будь издано изслѣдованіе г. Тихоміровa своевременно, разработка вопроса была бы несомнѣнно подвинута еще далѣе, чѣмъ теперь. Западно-русская исторія представляетъ ниву, на которой работаютъ польскіе и русскіе ученые; благородное соревнованіе на этой нивѣ можетъ только содѣйствовать успѣху дѣла.

Въ Biblioteka Warsz., XII, находимъ статью извѣстнаго Антона J.: «Бакота—столица Понизья въ XIII в.». Краткій историческій очеркъ Понизья и новѣйшихъ археологическихъ изысканій въ его древней столицѣ. Въ Altpreuss. Monatschrift. (янв.—мартъ) помѣщена замѣтка г. Зембржицкаго: «Die Nord-und West-Gebiete der Jadwinger u. deren Grenzen». Главнѣйшій выводъ тотъ, что къ сѣверу отъ Олецка, въ Надравіи, ятвяги не жили никогда. Авторъ сильно полемизируетъ съ Шегреномъ, но и самъ едвали не грѣшитъ, особенно въ опредѣленіи восточной границы ятвяговъ. (О мѣстожительствѣ ятвяговъ ср. также Авенаріуса «Дрогичинъ и его древности» Спб. 1890 г.).

И. Филевичъ.

СМѢСЬ.

Чествованіе въ Кіевѣ 300 л. памяти І. А. Коменскаго. 900 л. юбилей Волыни. Археологическій съѣздъ въ Вильнѣ. Описаніе правосл. церквей и приходовъ Россіи. Населеніе с.-з. края. Палестинская выставка въ Москвѣ. 40 л. юбилеи со дня † Н. В. Гоголя и В. А. Жуковскаго. Древнее греческое евангеліе. Сборники въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. 9 вып. русск. энцикл. словаря. Богословскій Вѣстникъ. Исторія р. словесности Порфирьева. Изданіе сочиненій еп. Порфирія и прот. І. Сергіева. Макарьевская премія. † Н. А. Поповъ. † Ѳ. Г. Солнцевъ. † М. И. Семевскій. † П. Н. Батюшковъ. Статист. данныя объ епархіяхъ львовской и перемышльской. Галицко-русская библіографія. Опера А. Вахнянина «Купало». † Д. Гладыловичъ и Е. Я. Згарскій. Юбилей Малецкаго. Статистика чешск. школъ. 6 т. чешск. энциклопедіи и 7 т. «Čechy». Каталогъ чешск. книгъ за 1890. Нов. соч. Бартоша и Брандля. † Захъ. 8 вып. «Дѣинъ» Резека. Нов. соч. Зиберта, Махалы, Дени и Стина. Чешская выставка 1891. Біографія г-жи Ригеръ. Описаніе Моравіи и Силезіи. 100-л. юбилей у словаковъ. Юбилей Сасинка. Люблянская выставка. Книжка Ламурскаго. † Ф. Цегнаръ. Учебное дѣло въ Хорватіи и Славоніи. Просьба общ. «Застава» о присылкѣ русск. книгъ. Пожертвованіе Сучица. Памятникъ Гундуличу. Брошюра Шрепеля и сборн. Харамбашича. † Лорковичъ, Бlямонти и Маупасъ. Перв. ц.-сл. книга въ Сербіи. Памятникъ Даничичу. Соединеніе въ Сербіи учен. общ. «Доисторическія находки» Радимскаго. Соч. Станоевича о Бошковичѣ. Журн. «Правникъ». † Н. Груичъ и М. Петровичъ. Болгарскій бюджетъ выставка. Славистъ Облакъ. Нов. изд. «Лоза» и сборникъ. Шапкаревъ о словарѣ Дювернуа. Собраніе настоятелей р. ун. ц. въ Америкѣ. Чехи, словинскіе и сербскіе эмигранты въ Чикаго. Статья мадьяр. газ. о Крижаничѣ. О переселеніи евреевъ въ ц. Америку.

— 15 марта въ **Кіевѣ** состоялось торжественное **собраніе Славянскаго Благотворительнаго Общества** въ память 300-лѣтія со дня рожденія **Коменскаго,** въ присутствіи многочисленной публики, до 600 лицъ. На собраніи этомъ произнесены были двѣ рѣчи: 1) Ф. Л. Яреша—объ историческомъ значеніи дѣятельности Коменскаго, въ связи съ дѣятельностью «чешскихъ братьевъ», и 2) А. І. Степовича—о литературныхъ произведеніяхъ Коменскаго и его педагогической системѣ. На этомъ собраніи хоромъ Калишевскаго исполнены были между прочимъ: старочешскій гимнъ «Господине, помилуй ны» и гуситская пѣснь: «Кдо йсте Божьи боевницы». Наканунѣ этого собранія проф. кіевскаго университета **Флоринскій** прочелъ въ память того же юбилея **публичную лекцію** о жизни и дѣятельности великаго чехоморавскаго педагога и философа.

— Въ г. **Владимірѣ-Волынскомъ** дѣлаются приготовленія къ празднованію 11 мая **900-лѣтняго юбилея** учрежденія епископской каѳедры въ этомъ городѣ. Преподаватели Волынской духовной семинаріи составили по этому поводу историческій очеркъ церковной и общественной жизни Волынскаго края. Отмѣтимъ кстати, что наше сообщеніе (февр. кн. «Слав. Об.») о предположеніи Общества Качковскаго издать по этому поводу сборникъ оказалось невѣрнымъ.

— **Девятый археологическій съѣздъ** будетъ происходить въ **Вильнѣ** въ 1893 г., съ 1 по 14 **августа**. Подготовительныя работы возложены на предварительный комитетъ при московскомъ археологическомъ обществѣ и отдѣленіе этого комитета въ Вильнѣ. При съѣздѣ предположена археологическая **выставка**. Приняты мѣры для собранія матеріаловъ, особенно по археологіи Сѣверо-Западнаго края.

— По распоряженію св. синода приступлено къ историко-статистическому **описанію церквей и приходовъ**. Каждый приходскій священникъ обязанъ составить на основаніи сохранившихся въ церковныхъ архивахъ письменныхъ документовъ, исторію образованія прихода, постройки церкви, учрежденія причта, надѣла земельныхъ угодій, и т. д. Такія статистическія описанія предполагается свести потомъ въ одно общее изслѣдованіе о состояніи православныхъ церквей въ имперіи.

— Въ шести губерніяхъ **Сѣверо-Западнаго края** на пространствѣ 5172 кв. м. находится, по новѣйшимъ даннымъ, 8.602,411 душъ **населенія**. Изъ нихъ: православныхъ 4,2 мил., раскольниковъ 162,000, католиковъ 2,69 мил., протестантовъ 103,000, евреевъ 1,42 мил., магометанъ до 13,000. Так. обр. православные составляютъ половину населенія, католики $^1/_3$, а евреи $^1/_7$. Стоитъ отмѣтить, что въ Ковенской губерніи на $1^1/_2$ мил. населенія приходится всего 34,000 православныхъ. тогда какъ католиковъ числится 1.120,000, а евреевъ свыше 300,000.

— Въ Москвѣ приготовляется **палестинская выставка**, на которой будутъ выставлены изображенія палестинскихъ древностей и священныхъ городовъ, а равно различныя рукописи и памятники христіанскаго Востока.

— По случаю исполнившагося 21 февр. 92 г. **40-лѣтія** со дня смерти **Н. В. Гоголя** появилось много посвященныхъ ему статей и замѣтокъ, въ томъ числѣ и отрывки изъ его записныхъ книжекъ. Академикъ **Н. С. Тихонравовъ** оканчиваетъ образцовое изданіе **сочиненій Гоголя**. На памятникъ великаго писателя собрано уже 57,697 руб., такъ что къ пятидесятилѣтію со дня его смерти можно ожидать сооруженія въ Москвѣ достойнаго памятника.

— Напомнимъ кстати, что 12 апр. истекло **40 лѣтъ** со дня смерти другого знаменитаго поэта той же эпохи, **В. А. Жуковскаго**.

— **В. К. Саблеръ** принесъ въ даръ библіотекѣ спб. дух. академіи греческое **пергаменное евангеліе**, писанное въ 985 г. и очень хорошо сохранившееся.

— Въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая вышло два **сборника**: 1) въ **Москвѣ** подъ редакціей «Русской Мысли» и 2) въ **Одессѣ** на средства одесскаго общества «вспомоществованія литераторамъ и ученымъ». Изъ статей перваго сборника отмѣтимъ статью М. Протопопова о С. Т. Аксаковѣ. Изъ второго же статью проф. Успенскаго: «Византія и Крестоносцы». Приготовляется и третій сборникъ на голодающихъ: **«Книга о книгахъ»**, подъ ред. москов. проф. **Янжула**, библіографическаго содержанія.

— Вышелъ девятый выпускъ новаго **русскаго энциклопедическаго словаря**, подъ редакціей К. К. Арсеньева и проф. Петрушевскаго. Основной матеріалъ взятъ изъ нѣмецкой энциклопедіи Брокгауза, но многое дополнено русскими сотрудниками особенно по русской географіи, литературѣ и исторіи.

— При московской дух. академіи издается съ 1892 г. «**Богословскій Вѣстникъ**», взамѣнъ «Твореній св. Отцевъ» и «Прибавленій къ Твореніямъ св. Отцевъ». Изъ помѣщенныхъ въ январской и февральской книжкахъ статей особенно замѣчательны: проф. Горскаго-Платонова объ употребленіи печатнаго слова; покойн. проф. В. Д. Кудрявцева: Регрессивная и прогрессивная теорія происхожденія міра; проф. Е. Е. Голубинскаго: Къ нашей полемикѣ со старообрядцами; проф. В. О. Ключевскаго: Добрые люди древней Руси (публичная лекція); ректор. архим.

Антонія: **Рѣчь въ день открытія академическаго журнала и ст.:** Знаменіе времени, по поводу повѣсти Н. Лѣскова: «Полунощники» (въ Вѣстн. Евр.); А. И. Введенскаго: Западная дѣйствительность и русскіе идеалы. Во всѣхъ этихъ статьяхъ видно не только богатство моск. академіи научными силами, но и живое отношеніе ея къ вопросамъ нашего времени.

— Въ **Казани** вышло въ 1891 г. продолженіе извѣстной «**Исторіи русской словесности**» покойнаго проф. **И. Порфирьева**, обнимающее литературу въ царствованіе Александра I, отъ Карамзина до Баратынскаго включительно. Выпускъ этотъ, увы! уже посмертный, представляетъ тѣ же достоинства, которыми отличаются всѣ предшествовавшіе выпуски этого образцоваго курса исторіи русской литературы.

— Петербургская Академія Наукъ приступаетъ къ изданію **трудовъ преосвященнаго Порфирія**, относящихся къ **исторіи восточныхъ патріархій** въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи. Завѣдываніе этимъ изданіемъ возложено на г. Лопарева, подъ наблюденіемъ профессора, академика П. В. Никитина.

— О. **Іоаннъ Сергіевъ (Кронштадтскій)** предпринялъ **полное собраніе своихъ сочиненій**, преимущественно словъ и бесѣдъ. Вышло уже два тома. Сверхъ того онъ напечаталъ въ Москвѣ первый томъ **извлеченій изъ своего дневника**: «Моя жизнь во Христѣ».

— Макаріевская премія за лучшіе учебники для дух. семинарій назначена въ нынѣшнемъ году учебнымъ комитетомъ св. синода преподавателю рязанской дух. сем. **А. Доброклонскому** за рукописное сочиненіе: **Руководство по исторіи русской церкви.** Вып. 4-ый (Синодальный періодъ, съ 1700 по 1890 г.).

— 22 декабря 1891 г. скончался въ Москвѣ бывшій проф. московскаго университета и директоръ моск. архива министерства юстиціи **Нилъ Александровичъ Поповъ**. Предоставляя себѣ посвятить покойному въ послѣдствіи болѣе обстоятельную оцѣнку заслугъ его на ученомъ и общественномъ поприщѣ, мы ограничимся на этотъ разъ бѣглой замѣткой о его жизни и дѣятельности. Нилъ Александровичъ былъ воспитанникъ московскаго университета, а затѣмъ, послѣ недолгаго профессорства въ Казани, и его преподавателемъ втеченіе 28 лѣтъ, съ 1860 по 1888 годъ. Его имя тѣсно связано съ именемъ его бывшаго учителя, потомъ сослуживца и тестя Сергѣя Михайловича Соловьева. Но въ направленіи этихъ двухъ московскихъ историковъ была существенная разница. Она заключается въ относительномъ равнодушіи Соловьева къ идеѣ славянства, въ его историческихъ и современныхъ отношеніяхъ, при горячемъ участіи въ дѣлахъ славянскихъ Нила Попова. Вотъ это-то различіе и опредѣляетъ значеніе послѣдняго въ ряду не только русскихъ, но и вообще славянскихъ дѣятелей послѣдняго времени.

— Много сдѣлано Н. А. для разработки русской исторіи, особенно московскаго и петербургскаго періодовъ. Достаточно сослаться на его обширную монографію: «Татищевъ и его время» (Москва, 1861), а затѣмъ на «Акты московскаго государства», изданные подъ его редакціею, равно какъ и 4 большихъ тома «Описанія документовъ и бумагъ московскаго архива министерства юстиціи». Но большій интересъ представляютъ для насъ его работы по сербской исторіи, особенно же обширный трудъ «Россія и Сербія» (Москва, 1869 г.), гдѣ онъ изложилъ исторію сербскаго возрожденія въ XIX-мъ вѣкѣ, при содѣйствіи Россіи, вплоть до конца 50-хъ годовъ. Сочиненіе это написано по архивнымъ и другимъ, большею частью рукописнымъ матеріаламъ и является главнымъ пособіемъ при изученіи новѣйшей исторіи сербовъ отъ Карагеоргія до смерти Милоша Обреновича. Въ позднѣйшихъ дополненіяхъ къ этому сочиненію Н. А. кос-

нулся событій и послѣдующаго княженія. Руководящей мыслью автора было убѣжденіе въ органической связи исторіи сербской съ русскою, вслѣдствіе племенного и культурнаго единства русскихъ съ сербами и общности ихъ судьбы какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ. Тѣмъ же убѣжденіемъ руководился Н. А. при изданіи обширной переписки М. П. Погодина со славянскими учеными, втеченіе полувѣка ученой и общественной дѣятельности послѣдняго. Не станемъ здѣсь говорить о множествѣ отдѣльныхъ монографій, статей, замѣтокъ Н. А. по разнымъ вопросамъ славянской исторіи и жизни. Отмѣтимъ лишь его общественныя сношенія со славянами, которыя завязались въ началѣ 60-хъ годовъ, во время его путешествія по странамъ западнаго и южнаго славянства, отъ Праги до Царьграда, и которыя затѣмъ вызвали его выдающуюся дѣятельность въ Московскомъ Славянскомъ Комитетѣ, въ качествѣ секретаря этого послѣдняго втеченіе двухъ почти десятилѣтій. Его главнымъ образомъ почину обязана Московская Этнографическая Выставка 1867 года устройствомъ особаго Славянскаго Отдѣленія, а затѣмъ и Славянскаго Съѣзда въ Москвѣ по поводу означенной выставки. Трудно найти въ настоящее время имя болѣе популярное во всѣхъ славянскихъ странахъ, какъ Н. А., ибо вездѣ есть учителя, писатели, дѣятели, которые такъ или иначе обязаны были Н. А. то за содѣйствіе въ образованіи въ различныхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ, то за указанія, сообщенія, вообще нравственную поддержку, въ которой онъ не отказывалъ никакому благородному предпріятію въ славянскихъ земляхъ. Правда, дѣятельность Н. А. въ этомъ направленіи ослабѣла нѣсколько въ послѣдніе годы, послѣ закрытія Московскаго Комитета и вслѣдствіе недуговъ, посѣтившихъ его въ это время. Но и сдѣланнаго имъ раньше для установленія и развитія нравственныхъ связей Россіи съ славянствомъ достаточно, чтобы увѣковѣчить его имя наряду съ именами Погодина, Бодянскаго, Гильфердинга и др. нашихъ поборниковъ идеи русско-славянскаго единенія.

— 3 марта на 92 году жизни скончался старѣйшій изъ русскихъ художниковъ **Ѳедоръ Григорьевичъ Солнцевъ**. Онъ родился въ 1800 г., въ ярославской губ.; былъ сынъ крестьянина. Почти всю свою жизнь онъ посвятилъ изученію памятниковъ древне-русскаго искусства. По его рисункамъ возстановлены многіе памятники старины, между прочимъ и въ московскомъ Кремлѣ. Ему обязана русская наука монументальнымъ изданіемъ «Древности Россійскаго Государства», которое имѣетъ столь важное значеніе для исторіи русскаго быта и искусства.

— 10 марта умеръ въ Кронштадтѣ редакторъ «Русской Старины», **Михаилъ Ивановичъ Семевскій**. Еще въ началѣ 60-хъ годовъ онъ пріобрѣлъ извѣстность популярными очерками изъ русской исторіи XVIII в., каковы напр. «Царица Прасковья», «Слово и Дѣло», «Семейство Монсовъ» и др.

Оставивъ военную службу, М. И. съ 60-хъ годовъ служилъ въ канцеляріи Главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, а потомъ въ Государственной канцеляріи, гдѣ онъ пользовался особеннымъ вниманіемъ великаго князя Константина Николаевича. При поддержкѣ послѣдняго, М. И. предпринялъ въ 1870 г. изданіе ежемѣсячнаго историческаго журнала «Русская Старина», посвященнаго разработкѣ архивныхъ матеріаловъ для русской исторіи послѣднихъ двухъ вѣковъ. Этого изданія вышло всего 73 тома, въ 267 книгахъ. Кромѣ матеріаловъ, въ журналѣ Семевскаго помѣщено много оригинальныхъ статей, гравюръ, портретовъ русскихъ дѣятелей прошлаго и нынѣшняго вѣка. Съ 1882 г. М. И. былъ членомъ петербургской городской думы, гдѣ много потрудился въ училищной комиссіи по устройству начальныхъ училищъ. Смерть застигла М. И. въ то время, когда онъ прибылъ въ Кронштадтъ для чтенія публичныхъ лекцій съ благотворительной цѣлью.

— 20 марта умеръ въ Петербургѣ заслуженный русскій дѣятель **Помпей Николаевичъ Батюшковъ**, братъ извѣстнаго поэта. П. Н. род. 14 апр. 1811 г.; воспитывался сначала въ Москвѣ, а потомъ въ Петербургѣ, въ артиллерійскомъ училищѣ. Въ 1829 г. вступилъ въ военную службу, но скоро перешелъ въ гражданскую и занималъ послѣдовательно должности: ковенскаго вицегубернатора (въ 1850 г.), помощника попечителя виленскаго учебнаго округа (съ 1851 г), а позже вицедиректора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Въ 1858 г. онъ завѣдывалъ церковно-строительнымъ дѣломъ въ Западныхъ губерніяхъ, а 10 лѣтъ спустя, въ 1868 г., назначенъ попечителемъ виленскаго учебнаго округа. Несмотря на кратковременное управленіе этимъ округомъ, онъ оставилъ памятный слѣдъ въ лѣтописяхъ русской школы западнаго края, которую онъ старался освободить отъ остатковъ польскаго вліянія. Но такъ какъ его чисто-русская программа не соотвѣтствовала западническимъ тенденціямъ тогдашняго виленскаго генералъ-губернатора Потапова, то скоро П. Н. былъ отозванъ изъ Вильны и переѣхалъ въ Москву, гдѣ жилъ 12 лѣтъ, состоя дѣятельнымъ членомъ Московскаго Славянскаго Комитета, Миссіонерскаго Общества и Коммиссіи по сооруженію храма Спасителя. Въ 1882 г. П. Н. переѣхалъ въ Петербургъ, и въ званіи почетнаго опекуна завѣдывалъ Вдовьимъ Домомъ призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ и Смольнымъ соборомъ всѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ между прочимъ руководилъ перестройкою этого послѣдняго.

Еще болѣе памятна издательская дѣятельность покойнаго. Въ концѣ 50-хъ годовъ онъ издалъ «Атласъ народонаселенія западнорусскаго края по народностямъ»; затѣмъ слѣдовали: «Собраніе проектовъ постройки православныхъ церквей въ бѣлорусскихъ губерніяхъ»; «Памятники русской старины въ западныхъ губерніяхъ», въ 8-ми выпускахъ, изданныхъ въ 1885—1886 гг. въ видѣ альбомовъ съ рисунками и объяснительныхъ монографій по исторіи Сѣверо-западнаго края и Забужья. Кромѣ того П. Н. редактировалъ цѣлую серію отдѣльныхъ книгъ, посвященныхъ исторіи и быту западнорусскихъ областей, п. з.: «Бѣлоруссія и Литва», «Холмская Русь», «Волынь», «Подолія». Послѣдняя книга этой серіи посвящена была Бессарабіи, но осталась неоконченною: смерть застигла П. Н. за приготовительными къ ней работами. Въ исторіи русской литературы навсегда памятнымъ останется и сдѣланное покойнымъ изданіе сочиненій его брата, К. Н. Батюшкова, подъ редакціей Л. Н. Майкова въ 1887 г. (2-ое изд. 1888 г.). Въ лицѣ П. Н. русское общество и литература потеряли истиннаго патріота и благороднѣйшаго дѣятеля.

— Изъ вышедшихъ недавно **шематизмовъ львовской** и **перемышльской епархій** мы узнаемъ, что въ первой числится: 750 церквей «матернихъ» и 495 «дочернихъ», священниковъ 927, монастырей 5, съ 18 монахами, и одинъ женскій, съ 8 инокинями, всего же населенія 1.008,940 д., во второй же: церквей «матернихъ» 712, «дочернихъ» 570, монастырей 7, всего же населенія—990,098 душъ.

— Во Львовѣ вышелъ 23 выпускъ **Галицко-русской библіографіи** XIX вѣка, издаваемой И. Е. Левицкимъ. Онъ обнимаетъ публикаціи конца 1879 г. и начала 1880 г. (Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы исправить невѣрное сообщеніе въ I кн. Слав. Обозр., стр. 142, объ окончаніи этого изданія. Оно только ожидается въ близкомъ будущемъ).

— Даровитый галицко-русскій композиторъ **А. Вахнянинъ** окончилъ **опору: Купало**, надъ которой онъ работалъ больше двадцати лѣтъ, и которой отрывки уже извѣстны изъ концертовъ.

— Партія галицко-русскихъ сепаратистовъ понесла недавно тяжелую утрату

въ лицѣ **Д. Гладыловича,** который былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ этой партіи.

— Въ Вѣнѣ на 58 году жизни скончался одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ галицко-русскихъ писателей, **Евгеній Яковлевичъ Згарскій.** Онъ родился 1834 г., воспитывался въ университетахъ львовскомъ и вѣнскомъ и былъ затѣмъ учителемъ гимназіи въ Перемышлѣ, Тернополѣ, Бережанахъ и Львовѣ. Въ 1882 г. вышелъ по болѣзни въ отставку и жилъ съ тѣхъ поръ въ Вѣнѣ. Первыя свои стихотворенія въ эпическомъ и лирическомъ родѣ онъ помѣстилъ въ 1854 г. въ «Зорѣ Галицкой». Затѣмъ въ 60 годахъ онъ писалъ въ «Правдѣ» и другихъ украйнофильскихъ изданіяхъ, попозже, съ 70 годовъ, разочаровавшись въ литературномъ сепаратизмѣ, перешелъ въ сотрудники «Слова», «Пролома», «Червоной Руси» и другихъ чисто-народныхъ изданій, гдѣ писалъ въ поэтическомъ и прозаическомъ родѣ. Наиболѣе видное изъ его произведеній: «Народная русская философія», вышедшая въ 1873 году.

— Во Львовѣ праздновалось недавно **50-лѣтіе** писательской дѣятельности извѣстнаго историка польской литературы **Малецкаго.**

— Изъ **статистики чешскихъ школъ** мы узнаемъ, что изъ 582,000 чешскихъ дѣтей въ школьномъ возрастѣ больше 16.000 обучаются въ нѣмецкихъ школахъ, тогда какъ изъ 316.000 дѣтей нѣмецкихъ только 2800 посѣщаютъ школы чешскія. Изъ этого видно, что германизація быстро подвигается въ Чехіи. Интересно и то, что на обученіе одного чешскаго дитяти въ школахъ расходуется въ среднемъ 5 гульд. и 90 кр., а на одно нѣмецкое дитя—7 гульд. и 68 кр. Слѣдуетъ еще замѣтить, что многіе чехи воспитываютъ своихъ дѣтей въ еврейскихъ школахъ, тогда какъ евреи лишь въ исключительныхъ случаяхъ предпочитаютъ школы чешскія нѣмецкимъ.

— Большая чешская энциклопедія, издаваемая пражскимъ книгопродавцемъ **Отто** п. з.: Slovník Naučný доведена уже до 6-го тома, который начинается подробнымъ **описаніемъ Чехіи** въ отношеніяхъ естественномъ, этнографическомъ, промышленномъ, церковномъ, административномъ и вообще гуманитарномъ. Цѣна выпуска 36 кр. Такихъ выпусковъ уже издано 108. Энциклопедія эта значительно превосходитъ нѣмецкія полнотою свѣдѣній не только о Чехіи, но и объ остальныхъ славянскихъ странахъ. Словарь этотъ пригодится слѣд. даже тѣмъ, кто имѣетъ Брокгауза, Пирера или Мейера.

— Колективное изданіе чешскихъ писателей и художниковъ: **Čechy,** доведено подъ редакціей **Ф. Боровскаго** до 7 тома, изображающаго чешское Средогорье.

— Въ Прагѣ вышелъ недавно **каталогъ чешскихъ книгъ за 1890 г.** (Česky katalog bibliografický). Онъ составляетъ продолженіе выставочнаго каталога за 1889 г. и изданъ обществомъ чешскословенскихъ книгопродавцевъ; отличается замѣчательной полнотой, со включеніемъ даже журналовъ и музыкальныхъ произведеній. Цѣна 1½ гульдена.

— Извѣстный моравскій этнографъ **Бартошъ,** авторъ сочиненій: «Lid a narod», «Moravská dialektologie», «Národni pisni moravské» «Naše dêti», за которыя онъ получилъ между прочимъ отъ нашей Академіи Наукъ премію Котляревскаго, издалъ недавно новое сочиненіе: **«О моравской свадьбѣ»** въ пражскомъ сборникѣ: Knihovna českého lidu. Авторъ воспользовался при этомъ не только личными наблюденіями, но и прежними печатными сообщеніями. Всѣ моменты свадебнаго обряда, сопровождающія ихъ пѣсни съ напѣвами, обычаи, рѣчи—представлены здѣсь во всей точности и подробности. Если моравскому этнографу удастся столь же обстоятельно описать и другіе моменты народной жизни въ рамкахъ этнографической картины, то онъ оставитъ по себѣ памятникъ, не усту-

ающій этнографическимъ работамъ Эрбена, Караджича, Кольберга и другихъ выдающихся славянскихъ этнологовъ.

— Этого рода картина развертывается и въ изданіи Бартоша: «Moravský Lid», котораго первый вып. вышелъ недавно въ свѣтъ.

— Недавно вышло вторымъ изданіемъ на средства «Моравской Матицы» извѣстное сочиненіе бернскаго архиваріуса **В. Брандля: Kniha pro Každého Moravana**. Это лучшее энциклопедическое обозрѣніе этой австрійской провинціи.

— 14 янв. умеръ въ моравскомъ Бернѣ извѣстный славянскій герой, генералъ **Захъ**. Онъ родился 1807 г. въ Чехіи; военное образованіе получилъ во Франціи, а потомъ въ Швейцаріи. Въ 1844—1848 гг. онъ былъ переводчикомъ при французскомъ консульствѣ въ сербскомъ Бѣлградѣ; участвовалъ на славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ (1848 г.), а затѣмъ въ вооруженномъ возстаніи словаковъ противъ мадьяръ, гдѣ онъ обнаружилъ недюжинныя военныя способности и горячій славянскій патріотизмъ. Въ 1849 г. Захъ ѣздилъ въ Оломуцъ въ составѣ словенской депутаціи къ императору, которая ходатайствовала объ освобожденіи словаковъ отъ мадьярскаго господства. Въ 1850 г. Захъ, по желанію Кничанина, переѣхалъ въ Сербію, гдѣ былъ директоромъ военной академіи, а съ 1874 г. первымъ сербскимъ генераломъ и адъютантомъ князя. Въ 1876 г. онъ назначенъ былъ начальникомъ генеральнаго штаба сербской арміи въ войнѣ съ турками. Когда же главнокомандующимъ сербскихъ войскъ сталъ М. Г. Черняевъ, Захъ принужденъ былъ передать эту должность полковнику Беккеру и принять команду надъ яворскимъ корпусомъ, которому предстояло обезпечить соединеніе черезъ Сѣницу войскъ сербскихъ съ черногорскими. Но скоро рана заставила Заха передать команду Чолокантичу. Зимою 1877 — 1878 гг. Захъ сопровождалъ князя въ походѣ и немало содѣйствовалъ успѣху войны. Съ 1884 г. онъ жилъ въ отставкѣ, большею частью въ Прагѣ. Смерть его вызвала горячее сожалѣніе въ Сербіи, гдѣ почти всѣ образованные офицеры считають себя учениками Заха.

— Проф. пражскаго университета **Антонинъ Резекъ** приступилъ къ изданію общирнаго сочиненія подъ заглавіемъ: Dějiny Cech a Moravy въ XVII в. Сочиненіе это основано на архивныхъ матеріалахъ и предназначено служить какъ бы продолженіемъ чешской исторіи Палацкаго. Вышедшіе недавно восемь выпусковъ второй серіи этихъ «Дѣинъ» обнимаютъ время съ 1648—1657 гг. и являются продолженіемъ изданныхъ имъ ранѣе «Дѣинъ» за время отъ 1637—1648 г. Сочиненіе это слѣдуетъ признать самымъ крупнымъ явленіемъ чешской исторіографіи послѣдняго времени.

— Чешскій этнологъ и историкъ **Ченекъ Зибертъ** въ сочиненіи: «Kulturní historie, její vznik, rozvoj a posavadní literatura cizí i česka» (Прага, 1892), собралъ обширные матеріалы для библіографіи культурной исторіи вообще и чешской въ особенности. Тутъ разсмотрѣно до 200 сочиненій, относящихся не только къ культурной исторіи, но также и къ антропологіи, археологіи, палеонтологіи, этнографіи, фолклористикѣ. Кромѣ этой библіографіи, обнимающей исторію старыхъ культуръ Азіи и Европы, а затѣмъ средневѣковой и новой образованности, между прочимъ и всѣхъ славянскихъ народовъ, особенно чеховъ, авторъ касается также и методовъ культурной исторіи за послѣднія полтораста лѣтъ. Сочиненіе это является какъ бы предисловіемъ къ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ автора по культурной исторіи чеховъ и моравянъ.

— Въ Прагѣ вышло сочиненіе по славянской миѳологіи **Гануша Махала** (Hanuš Máchal: **Nákres slovanského bájesloví**. Сочиненіе это представляетъ переработку извѣстныхъ прежде матеріаловъ по новому, историкосравнительному методу.

—Сочиненіе французскаго слависта **А. Дени** (Denis) **о паденіи Чешскаго государства** вышло въ Прагѣ въ чешскомъ переводѣ п. з.: Konec samostatnosti české.

— Въ Прагѣ выходитъ теперь **исторія русской литературы** XIX в. **А. Г. Стина** (Stin: Historie literatury ruské). Въ третьемъ выпускѣ общій обзоръ литературныхъ направленій и русской критики доведенъ до новѣйшаго времени.

— Чешская **юбилейная** выставка 1891 г. описана съ богатыми илюстраціями въ изданіи **Е. И. Кронбауера**: Naše jubilejní vystava. Цѣна 3 гульд.

— Городская дума г. Праги пожертвовала особую сумму на изданіе **біографіи Маріи Ригеръ**, жены извѣстнаго чешскаго дѣятеля. Біографія эта составлена дочерью покойной, г-жею Червинка.

— Извѣстное монументальное вѣнское изданіе: **Das Oesterreich in Wort und Bild**, начатое покойнымъ кронпринцемъ Рудольфомъ, успѣшно продолжается на средства его вдовы, эрцгерцогини Стефаніи. Приступлено къ описанію Моравіи и Слезіи, причемъ въ сотрудники приглашены: о Моравіи 6 чешскихъ и 17 нѣмецкихъ авторовъ, о Слезіи же 3 чеха и 16 нѣмцевъ. Изъ этого видно, въ какомъ предпочтительно освѣщеніи представлены будутъ и эти провинціи въ вѣнскомъ изданіи.

— Словаки приготовляются отпраздновать **столѣтній юбилей** своего литературнаго языка, котораго первымъ установителемъ былъ **Бернолакъ** въ концѣ прошлаго вѣка.

— По случаю исполнившагося въ прошломъ году **сороколѣтія** писательской дѣятельности словенскаго историографа **Ф. Сасинка**, американскіе словаки прислали юбиляру золотое перо отъ имени «Народнаго словенскаго союза» и «Американско-словенскихъ Новинъ». Этотъ почетный даръ былъ доставленъ въ Прагу, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ отъ мадьярскаго преслѣдованія этотъ заслуженный писатель, который и теперь не перестаетъ работать надъ исторіею своего народа, печатая статьи въ разныхъ словенскихъ журналахъ, особенно въ «Поглядахъ» и въ вѣнскомъ «Парламентерѣ».

— Въ 1894 г. словинцы предполагаютъ устроить въ **Люблянѣ выставку**, подобную бывшей недавно въ Загребѣ.

— Въ Тріестѣ вышла недавно книжка, озаглавленная: **Китица Повѣстицъ** словинскаго писаталя **Матвѣя Андреевича Ламурскаго**. Она заключаетъ переводы изъ Гейне, Гёте, Платена, Зейдля, Мицкевича и Пушкина. Оригинальность этой книжки заключается въ томъ, что она напечатана **кириллицей**, въ память 400-лѣтія со времени напечатанія въ Краковѣ первой церковнославянской книги, именно «Октоиха» Швайпольта Фѣоля. Это чуть ли не первая словинская книга въ кирилловскомъ изданіи. Замѣчательно, что авторъ избралъ при этомъ не сербскую орѳографію Караджича, а болѣе близкую къ русской и церковнославянской графикѣ, со включеніемъ юсовъ, которые дѣйствительно имѣютъ важное значеніе въ строѣ словинскаго языка.

— Въ Тріестѣ умеръ 14 февр. словинскій писатель **Францъ Цегнаръ**. Онъ родился въ 1826 г., воспитывался въ Люблянскомъ лицеѣ, а затѣмъ жилъ большею частію въ Тріестѣ, гдѣ служилъ по почтово-телеграфному вѣдомству, преподавая нѣкоторое время словинскій языкъ въ мѣстной гимназіи. Цегнарь былъ дѣятельнымъ членомъ, даже предсѣдателемъ многихъ словинскихъ обществъ. Уже съ 1849 г. онъ сотрудничалъ въ «Новицахъ» и «Словеніи», потомъ въ «Люблянскомъ Листѣ», «Иллирскомъ Приморцѣ», наконецъ въ «Единости», а также въ различныхъ альманахахъ и календаряхъ. Онъ перевелъ на словинскій языкъ Марію Стюартъ, Вильгельма Теля, Валленштейна и нѣкоторыя другія драматическія и повѣствовательныя произведенія. Писалъ онъ и оригинальныя пѣсни,

которыя вошли въ школьныя хрестоматіи и принадлежатъ къ лучшимъ въ словинской литературѣ.

— Областнымъ управленіемъ Хорватіи и Славоніи изданъ недавно обширный отчетъ о состояніи въ нихъ учебнаго дѣла, п. з.: «Izvješće o stanju školstva u Hrvatskoj i Slavoniji svršetkom školske godine 1889—1890». Заимствуемъ изъ этой книги нѣкоторыя свѣдѣнія о положеніи школьнаго дѣла въ земляхъ Тріединой кралевины. Сельскихъ школъ было 1259; между ними конфессіональныхъ 39 и частныхъ 23; по народностямъ же: нѣмецкихъ 51, мадьярскихъ 15, «русинскихъ» (для угро-русскихъ колонистовъ) 2, словенскихъ 2 и хорватскихъ 1189. Дѣтей, обязанныхъ посѣщать школу, было 252,807, посѣщали же на дѣлѣ 165,263, т. е. 2/3. Высшихъ народныхъ школъ было 19, городскихъ 29, учительскихъ семинарій 4, торговыхъ школъ 2, сельско-хозяйственныхъ 2, промышленныхъ 15, морская 1, для женскихъ рукодѣлій 8, музыкальныхъ 6, гимназій классическихъ 8 гимназій реальныхъ 4, реальныхъ училищъ тоже 4, духовныхъ семинарій 3, университетъ 1 (въ Загребѣ). Въ послѣднемъ числилось 47 преподавателей и 363 слушателя. Сверхъ того въ странѣ находилось 10 гуманитарныхъ заведеній (для калѣкъ, сиротъ, бѣдныхъ) и 5 учрежденій культурныхъ, а именно: народный музей въ Загребѣ, педагогическо-книжное собраніе (тамъ же), общество св. Іеронима для изданія полезныхъ книгъ, Хорватская Матица и Юго-славянская академія наукъ и искусствъ. Если принять во вниманіе, что въ Хорватіи и Славоніи насчитывается не болѣе 2,2 мил. душъ населенія, то количество школъ представляется довольно значительнымъ.

— Студенческое общество «Застава» въ Загребѣ обратилось съ открытымъ письмомъ къ издателямъ русскихъ книгъ и періодическихъ изданій, съ просьбою присылать этому обществу русскія книги и газеты безплатно или по удешевленной цѣнѣ. Просьбу эту загребскіе студенты мотивируютъ желаніемъ познакомиться съ русскою наукою и литературою и трудностію добыть въ Загребѣ русскія книги. Адресуемыя посылки общество проситъ направлять въ книжный складъ Геруца (Спб., Невскій пр. 74), причемъ расходъ по пересылкѣ студенты во всякомъ случаѣ берутъ на себя.

— Студенты загребскаго университета предполагаютъ издавать съ нынѣшняго года особый альманахъ, подъ редакціей литературнаго комитета при студенческомъ обществѣ «Застава».

— Умершій недавно въ Загребѣ адвокатъ А. Сучичъ завѣщалъ 80,000 гульд. тремъ ближайшимъ своимъ родственникамъ, съ тѣмъ условіемъ, чтобы они и прямые ихъ потомки пользовались только доходомъ съ этого капитала, который затѣмъ долженъ быть раздѣленъ на двѣ равныя части и перейти въ распоряженіе: 40,009 его родной общины Добринь, на островѣ Коркѣ (Веглія), а 40,000 Русской Имп. Академіи Наукъ въ Петербургѣ, которая будетъ расходовать этотъ капиталъ на поддержаніе образованности, наукъ и искусствъ въ Хорватіи. Сверхъ того покойный учредилъ нѣсколько стипендій для низшихъ, среднихъ и высшихъ школъ, съ условіемъ чтобы стипендіаты знали хорватскій языкъ и учились въ хорватскихъ школахъ.

— Въ маѣ 1893 года предположено открыть въ Дубровникѣ памятникъ безсмертному поэту первой половины XVII в. Ивану Гундуличу. Сооруженіе этого памятника возложено на хорватскаго скульптора Ивана Рендича.

— Въ Загребѣ вышелъ недавно второй томъ большаго сочиненія францисканца др. Ивана Марковича п. з. Cesarizam i Bizantinstvo. Мы надѣемся поговорить о немъ подробнѣе.

— Въ Загребѣ вышла недавно брошюра Миливоя Шрепеля: O Vrazovoj kritici. Тутъ

представлена характеристика литературнаго движенія сороковыхъ годовъ, въ эпоху т. н. иллиризма, однимъ изъ корифеевъ коего былъ словенецъ Станко Вразъ.

— Даровитый хорватскій поэтъ **Августъ Харамбашичъ** издалъ недавно въ Загребѣ новый сборникъ своихъ пѣсенъ, подъ названіемъ **Незабудки** (Nevenke).

— **Янко Иблеръ** издалъ въ Загребѣ подробное описаніе выставки 1891 г. п. з. Gospodarsko-šumarska jubilarna izložba.

— Въ Загребѣ печатается переводъ романа Гончарова: **«Обломовъ»**, къ сожалѣнію, не совсѣмъ исправный, по словамъ критики.

— 5-го февраля въ Загребѣ умеръ на 52 году жизни проф. загребскаго университета и членъ Юго-славянской Академіи Наукъ др. **Блажъ Лорковичъ**. Въ молодые годы онъ написалъ цѣлый рядъ новеллъ, но затѣмъ сосредоточился на политической экономіи и правѣ; редактировалъ 18 лѣтъ юридическій журналъ Mjesečnik и былъ депутатомъ загребскаго сейма. Хорватская Матица издала его сочиненіе: Основы народнаго хозяйства. Лорковичъ принималъ дѣятельное участіе въ общественныхъ дѣлахъ, между прочимъ при устройствѣ загребской выставки, и былъ однимъ изъ видныхъ членовъ независимой оппозиціи. Изъ сочиненій его назовемъ еще монографію: Женщина въ семьѣ и обществѣ.

— Въ далматинскомъ Задрѣ скончались недавно двое видныхъ дѣятелей итальянско-клерикальной партіи: **Анте Баямонти**, бывшій вице-президентъ далматинскаго собора, и архіепископъ **П. Д. Маупасъ** (Maupas). Первому изъ нихъ задрскіе итальянцы обязаны продолжительнымъ господствомъ надъ мѣстными сербохорватами, второй же былъ самый ожесточенный врагъ славянскаго богослуженія, даже по разрѣшеннымъ папою глагольскимъ книгамъ.

— Въ 1893—1894 гг. исполнится **400 лѣтъ** со времени появленія первой **церковно-славянской книги сербскаго изданія** въ черногорскомъ городѣ Ободѣ. Существуетъ предположеніе отпраздновать этотъ знаменательный для сербовъ юбилей.

— Въ апрѣлѣ предстоитъ открытіе **памятника** на могилѣ извѣстнаго сербскаго филолога **Даничича**, по почину бѣлградскаго общества его имени, «Даничичъ».

— Сербская народная скупчина въ Бѣлградѣ приняла законъ, по которому **«Сербское ученое дружство»** соединяется съ **«Сербскою королевскою академіею»**. Восемь изъ членовъ перваго общества, по его выбору, признаются членами академіи, всѣ же корреспонденты и почетные члены дружества переходятъ съ тѣмъ же званіемъ въ Академію. Имущество обоихъ обществъ сливается въ одно цѣлое.

— Областнымъ управленіемъ Босніи и Герцеговины издано обширное сочиненіе **В. Радимскаго: Доисторическія находки** (Prehistorička nalazišta). Авторъ излагаетъ нынѣшнюю постановку доисторическихъ изслѣдованій, говоритъ о періодахъ каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ, о различеніи предметовъ доисторическаго быта, ихъ распредѣленіи и значеніи, объясняя текстъ рисунками. Цѣль изданія быть руководствомъ при изслѣдованіяхъ доисторическихъ, особенно въ Босніи и Герцеговинѣ.

— Проф. нишской гимназіи въ Сербіи **Коста Становичъ** приготовилъ къ печати сочиненіе: **Атомистика Іосифа Руджера Бошковича**, которому предпослана будетъ біографія этого знаменитаго математика, астронома и философа.

— Съ нынѣшняго года выходитъ въ Бѣлградѣ подъ редакціей М. **Веснича** новый сербскій журналъ **«Правникъ»**, посвященный юридическимъ и административнымъ наукамъ. Въ немъ отводится мѣсто и исторіи сербскаго права.

— Въ Бѣлградѣ вышелъ историческій очеркъ **Войслава Рашича** п. з.: **Клефте и Сулиоте**. Онъ посвященъ исторіи греческаго возстанія въ 20-хъ годахъ.

— Въ г. Сомборѣ ум. недавно одинъ изъ самыхъ дѣятельныхъ угросербскихъ патріотовъ **Ника Груичъ**. Онъ родился въ 1842 г., воспитывался въ Срѣмскихъ Карловцахъ и Сомборѣ, гдѣ былъ потомъ учителемъ высшаго женскаго училища, игралъ видную роль въ общественной жизни Бачкой и былъ редакторомъ газеты Бачванинъ. Писалъ много не только какъ публицистъ, но и какъ поэтъ, подъ псевдонимомъ «Огнянъ».

— Въ Сербіи умеръ натуралистъ **Мита Петровичъ**, который былъ дѣятельнымъ членомъ Сербской Матицы и напечаталъ много изслѣдованій въ ея «Лѣтописи».

— Изъ **болгарскаго бюджета** на 1892 г. узнаемъ, что общая сумма доходовъ и расходовъ достигаетъ $88^1/_4$ милліоновъ франковъ. Въ спискѣ расходовъ исчислено 1,7 мил. на князя и высшее управленіе; на уплату долговъ—13,8 мил.; на народное просвѣщеніе 6,7 мил., на войско 21,8 мил.

— На **болгарской выставкѣ** 1892 г. въ **Пловдивѣ** кромѣ отдѣловъ болгарскихъ устраиваются особые павильоны: угорскій, вѣнскій, чешскій и берлинскій.

— Вѣнскій славистъ др. **Облакъ**, изъ словинцевъ, посланный Вѣнскою академіей наукъ для изученія мѣстныхъ говоровъ Македоніи, былъ **арестованъ** турецкими властями г. **Солуня**, якобы за агитацію между мѣстными болгарами въ пользу Софіи и князя Фердинанда. Невѣроятно чтобы столь серьезный ученый сталъ служить Стамбулову и былъ его агентомъ въ Македоніи.

— Въ **Софіи** образовалось новое литературное **общество**, которое предприняло изданіе ежемѣсячнаго журнала **«Лоза»**. Статьи въ этомъ журналѣ помѣщаются и на областныхъ болгаромакедонскихъ говорахъ.

— Въ Софіи вышла шестая кн. «Сборника за народни умотворенія», издаваемаго министерствомъ просвѣщенія. Кромѣ матеріаловъ по народной словесности, тутъ находятся цѣнныя статьи по болгарской діалектологіи, литературѣ и древностямъ, между прочимъ и статья Драгоманова: о славянскихъ передѣлкахъ исторіи Эдипа.

— Въ болгарской газетѣ Новини **К. А. Шапкаревъ** печатаетъ обстоятельный **разборъ болгарскаго словаря** покойнаго московскаго проф. **Дюверну**.

— Въ г. Газельтонѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, происходило осенью 1891 г. **собраніе настоятелей русско-уніатскихъ церквей** для обсужденія церковныхъ и народныхъ дѣлъ галицкихъ и угро-руссскихъ эмигрантовъ въ Штатахъ. Собраніе это отправило между прочимъ **прошеніе** къ русскимъ епископамъ въ Галиціи и Угріи (а именно къ митр. львовскому и епископамъ перемышльскому, пряшевскому, мукачевскому), въ которомъ изображается нынѣшнее положеніе этихъ русскихъ американцевъ и ихъ затрудненія въ церковныхъ дѣлахъ. Изъ этого прошенія мы узнаемъ, что въ Штатахъ находится теперь до 100.000 русскихъ изъ Угріи и до 40.000 изъ Галичины. Собраніе постановило между прочимъ обратиться къ папѣ съ просьбою отмѣнить распоряженіе римской конгрегаціи, которымъ запрещается пребываніе въ Америкѣ женатымъ священникамъ, и по которому неженатые уніатскіе священники подчиняются юрисдикціи мѣстныхъ латинскихъ епископовъ. Сверхъ того, собраніе ходатайствуетъ о поставленіи для русскихъ въ Америкѣ особаго уніатскаго епископа или викарія, предсказывая въ противномъ случаѣ переходъ эмигрантовъ въ православіе, что и случилось-де уже въ Минеаполисѣ, гдѣ о. Алексѣй Тоутъ отступилъ отъ уніи и принялъ православіе. Собраніе проситъ галицкоугорскихъ своихъ епископовъ поддержать ихъ ходатайство, въ интересахъ уніи и папы. Прошеніе подписано девятью русско-американскими священниками, съ Обушкевичемъ во главѣ.

— Въ **Чикаго** довольно замѣтную часть населенія составляютъ **чехи**. Они имѣютъ

тамъ особую чешско-англійскую школу, «**Чешско американскій** соколъ», «Едноту», «Храмъ св. Прокопа» и даже родъ высшаго заведенія подъ названіемъ «Коллегія Святопрокопская». Интересы этихъ чеховъ представляются особою газетою: «Chikagské Listy».

— Словенскіе эмигранты основали въ **Чикаго общество** подъ названіемъ «**Павелъ Мудронь**», въ честь извѣстнаго словенскаго адвоката и дѣятеля. Общество это является отдѣленіемъ «Народнаго словенскаго союза», имѣющаго много развѣтвленій въ Американскихъ штатахъ.

— Въ Чикаго выходитъ съ нынѣшняго года газета «**Американскій Словенецъ**» подъ редакціей Буга. Она издается въ строго католическомъ духѣ и имѣетъ задачею поддерживать народный языкъ и сознаніе въ средѣ словинскихъ эмигрантовъ въ Америкѣ.

— **Сербскіе** эмигранты въ **Америкѣ** избрали въ свои священники ректора бѣлградской семинаріи **Фирмиліана**, который и отправился на мѣсто служенія.

— Въ мадьярской газетѣ **Egyetértés** (№ 87, отъ 27 марта) напечатана довольно большая статья, посвященная «**первому апостолу панславизма**», **Юрію Крижаничу**. Авторъ придаетъ особенное значеніе тому обстоятельству, что идея панславизма' т.-е. объединенія славянскихъ народовъ, зародилась не въ наше время, а очень давно, съ XII де вѣка, и не въ Россіи, а между западными славянами. Полной опредѣленности и руссофильской окраски она достигла-де уже въ XVII в., въ сочиненіяхъ хорватскаго ксендза Юрія Крижанича. Изложивъ вкратцѣ жизнь послѣдняго и направленіе его сочиненій особенно «Политики», авторъ заключаетъ: «Если бы подлинность сочиненія Крижанича исключала всякое сомнѣніе (а кто же въ этомъ сомнѣвается?! А. Б.), то мы не могли бы достаточно надивиться проницательности человѣка, который уже въ 1666 г. такъ превосходно развилъ теорію панруссизма. Его взгляды почти тожественны съ заявленіями панруссистовъ XIX в.: Коллара, Погодина, гр. Игнатьева! Его пророчество о будущемъ величіи Россіи оправдалось съ удивительной точностію»... Но что отсюда слѣдуетъ? Не то ли, что идея духовнаго единства славянскихъ народовъ или, какъ мадьяры выражаются, панславизмъ, панруссизмъ, не представляютъ искусственныхъ произведеній новѣйшей политики, не вызваны «русскими рублями», а коренятся въ природѣ славянскихъ народовъ, въ ихъ преданіяхъ, потребностяхъ, стремленіяхъ, словомъ, являются такою историческою необходимостью, бороться съ которою не только трудно, но и преступно!... **Пр. Ѳ. К—ичъ.**

— Вслѣдствіе затрудненій, встрѣченныхъ бар. Гиршемъ при устройствѣ русскихъ евреевъ-эмигрантовъ въ Аргентинѣ, а также вслѣдствіе закрытія для нихъ с.-американскихъ гаваней, лондонскій русско-еврейскій эмиграціонный комитетъ обратилъ вниманіе на возможность **выселенія евреевъ въ центральную Америку**, а именно въ провинцію **Гондурасъ** и въ республику **Мексиканскую**. Предполагаютъ, что мѣстныя правительства и общества сочувственно отнесутся къ этому проекту.

— Во главѣ **еврейской эмиграціи** въ Аргентину поставленъ теперь барономъ Гиршемъ англійскій подполковникъ **Гольдсмидъ**, вмѣсто прежняго агента Левенталя. Этотъ Іисусъ Навинъ новаго «исхода» расчитываетъ устроить въ Аргентинѣ особое еврейское государство, которое содѣйствовало бы перерожденію евреевъ въ нравственномъ отношеніи и подготовило бы впослѣдствіи возстановленіе еврейскаго царства въ Палестинѣ. Осуществленіе этихъ мечтаній немало задерживается какъ внѣшними затрудненіями при этомъ «исходѣ», такъ и внутреннею негодностью того матеріала, изъ котораго должно быть возсоздано царство Израиля.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ МАКЕДОНСКИХЪ БОЛГАРЪ *

I. КОРОЛЬ МАТЛІЯ И ЕГО СЕСТРЫ.

Пьетъ вино въ корчмѣ король Матлія,
Вмѣстѣ съ нимъ пируютъ трое турокъ.
Накажи Господь проклятыхъ турокъ!
Короля они оклеветали:
Поносилъ онъ будто Магомета,
Поносилъ и вѣру и мечети.
И пошли они къ судьѣ судиться.
На судѣ былъ присужденъ Матлія—
Или быть повѣшеннымъ тотчасъ же,
Или быть сожженнымъ, или только
Перейти сейчасъ въ магометанство.
И сказалъ тогда король Матлія:
«Объ одномъ васъ умоляю, турки!
Вы меня теперь домой пустите;
У меня есть сестры; за совѣтомъ
Только къ нимъ схожу, чтобъ сдѣлать выборъ:
Перейти ли мнѣ въ магометанство,
Или быть на висѣлицѣ, или
На кострѣ покончить жизнь за вѣру».
Короля домой пустили турки.
Онъ домой тогда приходитъ къ сестрамъ,
Говоритъ: «Возлюбленныя сестры!
Грѣхъ какой со мною приключился:
Я въ корчмѣ былъ съ турками съ троими,
А въ корчмѣ мы вмѣстѣ пили, ѣли;
Вдругъ они меня оклеветали,
Будто я позорилъ Магомета,
Поносилъ и вѣру и мечети.
Я на судъ былъ къ кадію притянутъ;

*) Изъ Сборника Болгарскихъ пѣсенъ Миладиновыхъ.

На судѣ я присужденъ былъ: вѣрѣ
Измѣнить—принять магометанство,
Или быть на висѣлицѣ, или
На кострѣ сгорѣть! Скажите, сестры,
Что теперь мнѣ дѣлать, научите!»
Изъ сестеръ старѣйшая сказала:
«Милый братъ, живи для насъ; сейчасъ же
Откажись ты отъ костра и петли,
Перейди скорѣе въ вѣру турокъ».
А сестра середняя сказала:
«Лучше ты надѣнь на шею петлю,
Чѣмъ сгорѣть, чѣмъ въ турка обратиться».
Говоритъ затѣмъ сестра меньшая:
«Не моги принять турецкой вѣры,
Не моги и висѣлицу выбрать;
Согласись сгорѣть, мой милый братецъ.
Лишь въ костеръ огня подложатъ турки,
И тебя въ костеръ горящій бросятъ,
Подойдутъ къ тебѣ въ то время сестры,
Будутъ лить потоки слезъ горючихъ,
И начнутъ Всевышнему молиться
Чтобъ настал въ тотъ мигъ могучій вѣтеръ,
Чтобъ роса съ небесъ на долъ спустилась,
Чтобъ сошелъ на землю сильный ливень,
Угасивъ—залилъ бы разомъ пламя
И тебя отъ муки бы избавилъ».
Какъ сестра меньшая говорила,
Такъ рѣшилъ и дѣйствовать Матлія;
И сказалъ онъ Анатольскимъ туркамъ:
«Не хочу я вашей вѣры, турки;
Не пойду на висѣлицу вашу,
Лучше я въ огонь пойду за вѣру».
Развели огонь ужасный турки,
Развели и короля схватили
Чтобъ его тотчасъ же бросить въ пламя.
Лишь его въ костеръ пылавшій ввергли,
Какъ пришли и три сестры Матліи,
Вознесли къ Всевышнему молитвы,
И отъ тѣхъ молитвъ, горячихъ, слезныхъ,
Сильный вѣтръ поднялся въ поднебесьи,
И роса спустилася на землю,
Полился рѣкой ужасный ливень,

И погасъ костеръ, уже пылавшій,
И король избавился отъ муки.

II. СИМОНЪ И ЕГО ЖЕНА.

Сговорилъ себѣ невѣсту Симонъ,
Сговорилъ, и быстро справилъ сватьбу;
Длился пиръ три цѣлыхъ дня, три ночи.
И потомъ когда пора настала
Молодымъ идти въ опочивальню,
Посылалъ султанъ троихъ посыльныхъ,
Говорилъ: «За Симономъ ступайте!
Пусть сейчасъ въ мои войска вступаетъ...
Въ чемъ его найдете, въ томъ берите,
Хоть бы онъ и безъ одежды вышелъ!»
Вотъ пришли посыльные, стучатся.
Стукнутъ разъ, вскричатъ два раза кряду:
«Выходи скорѣе, Симонъ! вписанъ
Ты въ войска султанскія!» А Симонъ
Спитъ себѣ и нѣжится въ постели,
Спитъ себѣ, не слышитъ, какъ въ ворота
У него посыльные стучатся.
Хоть жена красавица и слышитъ,
Да будить ей, видно, жаль юнака:
По лицу у ней струятся слезы,
На лицо юнака-мужа льются,
Обожгли лицо его тѣ слезы.
«Что съ тобой, красавица? спросилъ онъ.
Съ той поры, какъ знаемъ мы другъ друга,
Никогда я слезъ твоихъ не видѣлъ,
А теперь меня ты жжешь слезами»....
—Ахъ, юнакъ мой ненаглядный, Симонъ!
Какъ же мнѣ не плакать, не крушиться,
Какъ не лить мнѣ токи слезъ горючихъ,
Если къ намъ посыльные стучатся,
Уведутъ тебя въ войска султана?
Въ тотъ же мигъ вскочилъ съ постели Симонъ,
Отворилъ тотчасъ же обѣ двери,
Увидалъ въ дверяхъ троихъ посыльныхъ.
Крѣпыши посыльные не медля,
Въ чемъ его застали, въ томъ схватили.
И сказалъ тогда посыльнымъ Симонъ:
«Не хочу, чтобы тащили силой:

Волей я возьму коня лихого,
Поскачу сейчасъ къ войскамъ султанскимъ».
И пошелъ онъ въ темную конюшню,
Девять тамъ коней стояло добрыхъ,
Всѣхъ коней свернула разомъ немочь,
Всѣ они попадали на землю,
Лишь одинъ заговорилъ съ юнакомъ:
«Гой ты, нашъ юнакъ могучій, Симонъ!
Не боюсь я ссадинъ, поскорѣе
Надѣвай сѣдельце дорогое,
Полетимъ сейчасъ къ войскамъ султанскимъ».
Лишь коня лихого осѣдлалъ онъ,
Говоритъ ему жена: «Послушай!
Вотъ тебѣ пучокъ цвѣтовъ на память;
Знай: пока цвѣточки не завянутъ,
Значитъ—жду я твоего возврата.
А когда начнутъ цвѣточки сохнуть,
Значитъ—я сбираюсь выйти замужъ».
Поскакалъ тогда на службу Симонъ,
Поскакалъ юнакъ къ войскамъ султанскимъ;
Девять лѣтъ служилъ въ султанскомъ войскѣ,
И забылъ, о чемъ уговорился
Онъ съ своей красавицей женою;
Да ему напомнилъ конь ретивый:
«Ахъ, юнакъ ты мой могучій, Симонъ!
Посмотри: цвѣты твои ужь сохнутъ...
Знать—жена рѣшилась выйдти замужъ.
Получи ты у султана отпускъ,
Быстро мы къ женѣ твоей примчимся».
Побѣжалъ къ султану прямо Симонъ,
Слезы льетъ, ломаетъ руки въ горѣ,
Говоритъ: «Отецъ ты нашъ! Мнѣ нужно
Дома быть: жена выходитъ замужъ,
Если я не ворочусь теперь же!
Отпусти меня!».... Султанъ на это
Отвѣчалъ:—Жену имѣть желаешь,
Что же! Здѣсь найдется женщинъ вволю,
У меня есть сотни три служанокъ,
Выбирай себѣ какую хочешь!
Загрустилъ не въ шутку бѣдный Симонъ,
Загрустилъ, слезами обливался,
И пошелъ съ конемъ дѣлиться грустью.

«Ахъ, ты конь мой вѣрный, конь ретивый!
Отпустить меня султанъ не хочетъ!»
«Такъ скорѣй иди къ султаншѣ нашей;
Ужь она навѣрное отпуститъ».
И пошелъ къ султаншѣ прямо Симонъ;
Говоритъ: «Царица! умоляю,
Отпусти меня домой, царица!
У меня жена выходитъ замужъ»...
И ему султанша отвѣчала:
«Поспѣши къ своей супругѣ, Симонъ!»
Онъ къ коню идетъ, а конь ретивый
Говоритъ: «Ты завяжи мнѣ очи,
Чтобы я не примѣчалъ дороги,
Если ты поспѣть къ женѣ желаешь».
И юнакъ коня послушалъ, очи
Завязалъ ему, и конь поднялся,
Полетѣлъ стрѣлой по поднебесью,
У села родимаго спустился;
И юнакъ отца въ селѣ увидѣлъ
Какъ старикъ окапывалъ усердно
Виноградъ,—окапывалъ и плакалъ.
И юнакъ неузнанный сначала
Старикомъ сказалъ: «Любезный старецъ!
Знать, нуждой ты, старецъ, приневоленъ
Виноградъ окапывать на Пасху?»
«Проѣзжай, юнакъ нездѣшній, мимо,
Не терзай родительскаго сердца:
У моей невѣстки пиръ горою,
Въ новый бракъ, отъ мужа, нынче вступитъ;
Девять лѣтъ была женою сына.
Съ горя я убрался въ виноградникъ».
И юнакъ неузнанный доселѣ
Говоритъ: «Старинушка, нельзя ли
Проводить меня въ твой домъ печальный?»
На коня передъ собою старца
Посадилъ юнакъ оторопѣвшій,
Прискакалъ со старцемъ къ дому
И сказалъ: «Сначала ты мнѣ ужинъ
Приготовь; поѣмъ я, послѣ высплюсь,
А затѣмъ ужь ты меня разбудишь».
Принялся старикъ-отецъ за дѣло,
Смастерилъ онъ кушанье для турка,

И юнакъ, наѣвшись, отдыхаетъ.
А когда вставать настало время,
Разбудилъ его старикъ словами:
«Ну, вставай, юнакъ, вставай, ужь время!»
Всталъ юнакъ и снова проситъ старца:
«Проводи меня, старикъ, на сватьбу!»
«Какъ же мнѣ идти туда, молодчикъ?
Какъ туда мнѣ въ люди показаться?»
«Не бѣда, старикъ; скорѣе, ѣдемъ!»
На коня передъ собою старца
Посадивъ, на сватьбу ѣхалъ Симонъ.
Вотъ свирѣль заслышалась, играютъ,
Хороводъ ведутъ на сватьбѣ гости;
И старикъ тотчасъ назадъ вернулся.
Лишь жена завидѣла пришельца,
Въ тотъ же мигъ признала въ гостѣ мужа,
Въ головѣ стола его сажаетъ,
И сама прислуживаетъ, быстро
Подаетъ вино, и на колѣна
Хочетъ сѣсть къ невѣдомому гостю.
Гости всѣ смотрѣли, дивовались,
И тогда промолвилъ громко Симонъ:
«Вотъ моя единственная люба!
Что же дать мнѣ жениху въ награду?
Дамъ ему сестрицу Ангелину;
Пусть и онъ выходитъ нынѣ съ честью,
Какъ и я теперь не посрамился!»
Тутъ увелъ жену счастливый Симонъ,
Мигомъ снялъ съ нея нарядъ вѣнчальный,
Въ тотъ нарядъ одѣлъ онъ Ангелину
И привелъ свою сестру на сватьбу.
Только тутъ старикъ узналъ юнака,
Только тутъ призналъ родного сына...

III. КОРУНЪ, КОНДОФИЛА и КОСТАДИНЪ

Полюбилъ молодку Кондофилу
Молодецъ, гайдукъ турецкій, Корунъ;
Девять лѣтъ живутъ они согласно;
День и ночь все Корунъ съ Кондофилой;
Да на грѣхъ у вдовой Кондофилы
Сынъ подросъ, юнакъ удалый Костя.
Корунъ сталъ бояться Костадина,

Перестал ходить къ вдовѣ-молодкѣ.
Говоритъ молодка Кондофила:
«Побратимъ возлюбленный мой, Корунъ!
Что ко мнѣ по прежнему не ходишь?
Аль казны ужь больше не хватаетъ?
Промышлять пришлося по дорогамъ?»
Отвѣчалъ ей Корунъ: «Посестрима!
Нѣтъ, теперь совсѣмъ не въ деньгахъ дѣло;
Я боюсь не въ шутку Костадина;
Онъ меня, какъ слышно, удалѣе».
А въ отвѣтъ молодка Кондофила
Говоритъ: «Ахъ, побратимъ мой вѣрный!
Что за вздоръ подобная забота!
Притворюсь я немощной теперь же,
Пролежу въ постели хоть съ недѣлю,
Безъ воды, безъ хлѣба належусь я,
И пошлю я Костю въ лѣсъ зеленый,
Чтобы мнѣ принесъ воды цѣлебной.
За водой пойдетъ онъ безъ оружья,
Чтобъ ты могъ его подкараулить
И убить, и заживемъ, какъ прежде».
Вотъ слегла въ постель вдова-молодка
И больной прикинулась, недѣлю
Пробыла не пивши и не ѣвши.
Говоритъ ей сынъ: «Моя родная!
Ты скажи мнѣ, отчего больна ты?
Посѣтилъ-ли Богъ тебя недугомъ,
Или врагъ въ твоей болѣзни виненъ?
Не сходить ли за водой цѣлебной?
Не набрать ли травъ какихъ лѣчебныхъ?»
Говоритъ молодка Кондофила:
«Милый сынъ, сходика-ка въ лѣсъ зеленый,
Принеси ты мнѣ воды цѣлебной.
Объ одномъ молю тебя, мой милый,
Не бери отцовскаго оружья:
Вѣдь лѣкарствъ съ оружіемъ не ищутъ».
Костадинъ, услышавъ эти рѣчи,
Хочетъ въ лѣсъ пуститься безъ оружья;
Да сестра его остановила,
Говоритъ: «Куда идешь ты, братецъ?
И зачѣмъ идешь ты безоружный?
Не Господь недугомъ наказуетъ

Нашу мать; она больна притворно.
Въ лѣсъ тебя послала безъ оружья,
Чтобы тамъ тебя разбойникъ Корунъ
Подстерегъ и погубилъ! Ступай-ка
Къ намъ; я дамъ тебѣ оружье свекра».
Братъ къ сестрѣ пошелъ и взялъ оружье;
И тогда сестра ему сказала:
«Богъ тебѣ на помочь, милый братецъ!
Не ищи въ лѣсу воды цѣлебной;
Поищи ты голову злодѣя,
Принеси ее домой къ родимой».
Костадинъ пустился въ лѣсъ зеленый,
А въ лѣсу его встрѣчаетъ Корунъ,
Говоритъ юнаку-Костадину:
«Ну, добро пожаловать, здорово!
Я тебя съ огнемъ искалъ бы въ полночь,
А теперь нашелъ случайно въ полдень.
Ужъ пора помѣряться намъ силой!»
Взяло зло юнака Костадина;
Разогналъ коня онъ, вынулъ саблю,
Пополамъ перерубилъ злодѣя
Въ самый мигъ, когда разбойникъ Корунъ
На конѣ пустился на юнака.
Костадинъ сошелъ съ коня лихого,
Отрубилъ онъ голову злодѣю,
Завернулъ ее въ платочекъ бѣлый,
Привязалъ ее къ сѣдлу, и тотчасъ
Поскакалъ къ своей сестрѣ любимой.
«Ну, сестра, пойдемъ домой! Я сдѣлалъ
Все, что ты сказала! Богъ помогъ мнѣ.
Вотъ, привезъ я голову злодѣя».
Какъ пришли они къ своей родимой,
Костадинъ сказалъ: «Ну вотъ, родная,
Я принесъ тебѣ воды цѣлебной;
(Бросилъ онъ ей голову злодѣя)—
Можешь съ нимъ по прежнему любиться.
Я принесъ, чего ты такъ желала,
Я въ лѣсу бродилъ вѣдь безоружный».
Въ тотъ же мигъ онъ саблей мать покончилъ,
Не понесъ ее и на кладбище,
А спустилъ въ рѣку—въ Дунай широкій.

Казань. Перев. проф. М. П. П.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВАГО ТОМА

(ЯНВАРЬ — АПРѢЛЬ)

КЪ ЧИТАТЕЛЮ.—Редактора-издателя, проф. **А. С. Будиловича** 1

ТРИ МІРА АЗІЙСКО-ЕВРОПЕЙСКАГО МАТЕРИКА.—Проф. **В. И. Ламанскаго** . . . . 19; 145; 297 и 461

М. П. ПОГОДИНЪ (съ портретомъ).—Академика **К. Н. Бестужева-Рюмина** 42

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАСКАГО и Н. А. МИЛЮТИНА ПО ПОЛЬСКИМЪ ДѢЛАМЪ. Переустройство быта польскихъ крестьянъ русскими государственными людьми, по указаніямъ русскаго Царя, въ 1863 и началѣ 1864 годовъ.—Проф. **А. Б.** . . . . 51 и 359

ІОАННЪ АМОСЪ КОМЕНСКІЙ (съ портретомъ).—Проф. **А. Б** . . . 173

ГРАФЪ Л. Н. ТОЛСТОЙ, КАКЪ ХУДОЖНИКЪ И МУДРЕЦЪ.—**Светозара Гурбана-Ваянскаго** . . . . 188 и 525

ГОРОДЪ ЛЕДЯНЪ-ЛЕДЕНЕЦЪ ВЪ СЛАВЯНСКОЙ ПОЭЗІИ.—Проф **М. Е. Халанскаго** 201

ДИДАКТИКА І. А. КОМЕНСКАГО ВЪ ЕЯ ОТНОШЕНІЯХЪ КЪ СЛАВЯНСКОЙ ШКОЛѢ НАШЕГО ВРЕМЕНИ (съ рисункомъ).—Проф. **А. Б** 329

СРЕДНЯЯ ШКОЛА І. А. КОМЕНСКАГО И НАШИ ГИМНАЗІИ.—**А. Д.** 341

А. Х. ВОСТОКОВЪ (съ портретомъ).—Академика **Я. К. Грота** 451

900-ЛѢТІЕ ВОЛЫНСКОЙ ЕПАРХІИ.—**Александра Будиловича** 511

ЕВАНГЕЛИЧЕСКІЙ СОЮЗЪ ИМЕНИ ГУСТАВА-АДОЛЬФА.—**А. А. Папкова** 434

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА ВЪ БОЛГАРІИ.—**Горис—ва** 576

НЕКРОЛОГИ: МИХАИЛЪ ОСИПОВИЧЪ КОЯЛОВИЧЪ.—**П. Н. Жуковича** 70

АЛЕКСАНДРЪ АѲАНАСЬЕВИЧЪ ПОТЕБНЯ.—Проф. **А. Б.** . . . 80

ОСИПЪ ОСИПОВИЧЪ ПЕРВОЛЬФЪ.—Проф. **А. Б.** 89

ЛѢТОПИСЬ.

Синхронизмы въ новѣйшей исторіи славянъ. Слѣдствія кронштадтскихъ событій для Россіи, славянъ западныхъ, южныхъ и другихъ восточныхъ народовъ. Тяжесть для нихъ милитаризма. Выходъ изъ него. Подавленное положеніе большинства славянскихъ церквей и школъ. Утраты русскославянской науки въ 1891 году.—Проф. **А. Б.** 92

Затрудненія лиги. Успѣхи контрлиги. Отношенія экономическія. «Великая Вѣна», ея союзники и противники. Раздоры между югославянами. Вопросъ грекоболгарскій. Успѣхи католицизма и протестантизма. Положеніе школъ. Зависимость науки отъ политики.—Проф. **А. Б.** 209

Затрудненія Германіи. Ихъ отраженіе на Австро-Угріи и Италіи. Успѣхи виговъ въ Англіи. «Индіана» въ Либавѣ. Цислейтанскіе сеймы. Чешско-нѣмецкое соглашеніе. Прочія сеймовыя дѣла. Культурная рознь славянъ. Политическія ихъ партіи. Преобразованіе австро-угорской валюты. Голодъ. Эмиграція. Колоніи. Дѣла церковныя и школьныя. Вопросъ о фонетикѣ въ Галиціи.—Проф. **А. Б.** . . . .

Внутреннія затрудненія Германіи. Возрожденіе бисмаркизма. Дѣла австрочешскія и угрохорватскія. Экономическое положеніе Австро-Угріи, Италіи и Румыніи. Дѣла болгарскія и турецкія. Западный анархизмъ. Еще къ юбилею Коменскаго. «Вѣстникъ Европы» и его иностранный обозрѣватель.—Проф. **А. Б.** . . . .

ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Изъ Турчанскаго Святого Мартина. Нынѣшнее положеніе словаковъ. Гнетъ политическій. Затрудненія на полѣ культурномъ. Новый «Народный Домъ». Духовенство. Эмиграція. Партіи сейма. **Светозара Гурбана-Ваянскаго** . . . .

Изъ Львова. Галицкая Русь въ 1891 году.—**Червоноруса** . . . . .

Изъ Крайны. О политическихъ и общественныхъ партіяхъ между словинцами.—**П. М.** . . . .

Изъ Львова. Галицкая Русь въ 1891 году.—**Червоноруса** . . . . .

Изъ Бѣлграда. Дѣло объ изгнаніи королевы Наталіи. Пожертвованія на пострадавшихъ отъ неурожая въ Россіи. Успѣхи русскаго языка въ Сербіи.—**П. Ш.** . . . .

Изъ Львова. Стремленіе Австріи онѣмечить Галичину. Изобрѣтеніе «рутеновъ». Пропаганда между ними латинской азбуки. Вопросъ о литературномъ языкѣ. Возникновеніе партій старорусовъ и народовцевъ (украйнофиловъ). Ихъ стремленія; отношенія къ нимъ поляковъ. Новоэристы. Радикалы. Женевскія брошюры. Возможность соединенія старорусовъ съ радикалами. Львовское народное вѣче. Устойчивость галицкорусскаго крестьянства.—**Червоноруса** . . . .

Изъ моравской Валахіи. Происхожденіе моравскихъ власовъ. Близость къ словакамъ. Разложеніе народнаго быта. Тяжелыя экономическія и общественныя условія. Историческія преданія. Отношенія къ чехамъ. Общеславянскія стремленія.—**Ф. Б.** . . . .

Изъ г. Мельника (въ Чехіи). Прежняя сплоченность чеховъ. Нынѣшняя дробность политическихъ партій. Причины этого раздробленія. Къ чему оно можетъ привести. **Ф. Т.** . . . .

Изъ Любляны. Областная разрозненность словинцевъ. Ихъ положеніе въ Штиріи, Хорутаніи, Крайнѣ и Приморьѣ. Развитіе славянскаго самосознанія. **I. А.** . . . .

Изъ Риги. Успѣхи русскаго языка въ низшихъ, среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго округа.—**С. Т.** . . . .

Изъ Будапешта. Нынѣшнее положеніе мадьяръ въ Угріи. Причины ихъ силы и слабости. Вѣроятный исходъ борьбы мадьяръ съ прочими народами Угріи.—**К. М.** . . . .

Изъ Цетинья. Природа Черногоріи. Столкновенія съ албанцами. Женскій институтъ. Опроверженіе «Гласа Черногорца». Полемика между газетами сербскими и хорватскими. **М. П. Драговича** . . . .

БИБЛІОГРАФІЯ.

Вл. Соловьевъ. Національный вопросъ въ Россіи. Вып. 1 — 2. Спб. 1891.—***В. З. Завитневичъ.*** Значеніе первыхъ славянофиловъ въ дѣлѣ уясненія идей народности и самобытности. Кіевъ. 1891.—**А. Б.**—*Бендеревъ*. Сербско-болгарская война 1885 года. Спб. 1892. — **А. Б.** — Dr. Constantin Jireček. Das Fürstenthum Bulgarien, seine Bodengestaltung,

Natur, Bevölkerung, wirthschaftliche Zustände, geistige Cultur, Staatsverfassung, Staatsverwaltung u. neuere Geschichte. Wien, 1891.—**А. Б.**—**Маноiло Грбић.** Карловачко владичанство. У Карловцу. 1891.—Проф. **И. С. Пальмова.** Обзоръ чешской изящной литературы за 1891 годъ.—**Выкоукала.** О важнѣйшихъ научныхъ трудахъ по польской исторiи и литературѣ въ 1891 году.—Проф. **Альфа** . . . . 121—139

Словарь русскаго языка, составленный Вторымъ Отдѣленiемъ Императорской Академiи Наукъ. Выпускъ I. — Втас. Спб. 1891 г.—Проф. **А. Б.** *Рцы.* Листопадъ. Неповременное изданiе. Москва. 1891.—**А. А. Кирѣева.** *В. В. Умановъ-Каплуновскiй.* Славянская Муза. Спб. 1891.—Проф. **А. Б.** Русскiе труды по славяновѣдѣнiю въ 1891 г.—Проф. **К. Г—та.** Обзоръ главнѣйшихъ сочиненiй и статей по западнорусской исторiи за 1891 г.—Проф. **И. П. Филевича.** *Каптеревъ.* Сношенiя iерусалимскаго патрiарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ (1669—1707 г.). М. 1891.—Проф. **И. С. Пальмова.** О важнѣйшихъ сербскихъ сочиненiяхъ по этнографiи, исторiи и литературѣ въ 1891 г.—**П. Швабича.** Обзоръ чешской изящной литературы за 1891 годъ.—**Ф. Выкоукала.** О важнѣйшихъ научныхъ трудахъ по польской исторiи и литературѣ въ 1891 г.—Проф. **Альфа** . . 258—277

Обзоръ главнѣйшихъ сочиненiй и статей по западнорусской исторiи 1891 г. (продолженiе).—Проф. **И. П. Филевича.** *Karpeles.* Allgemeine Geschichte der Litteratur. Doppel-Abtheilung XII und XIII. Berlin, 1891.—Проф. **А. И. С—скаго.** *Wilhelm Jelski.* Łużyce. Wrażenia z podróży, poprzedzone krótkim opisem kraju i jego dziejów. W. 1892. — **В. Ф.** *А. Степовичъ.* Славянская Бесѣда. I и II. К. 1891.—**Ари А—ика.** Обзоръ чешской изящной литературы за 1891 г. (продолженiе).—**Ф. Выкоукала.** . . . . 418—432

Антонiй, еп. выборгскiй. Изъ исторiи христiанской проповѣди. Очерки и изслѣдованiя. Спб. 1892—**И. С—овъ.** Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанiя и переписка 1835—1885 годовъ. **А. С.** *Kr. Antoni Kalina.* Studyja nad historyją języka bułgarskiego. Kraków. 1891. (Двѣ части, стр. 385+205). — Проф. **М. С. Дринова.** Обзоръ главнѣйшихъ сочиненiй и статей по западнорусской исторiи за 1891 г. (окончанiе).—Проф. **И. П. Филевича** . . . . 580—598

СМѢСЬ. . . . . 142; 287; 433 и 599

О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ СЛАВЯНСКИХЪ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ . . . . 140; 278 и 433

ПРИЛОЖЕНIЕ: ВЕСЕННIЙ МОРОЗЪ. Повелла. **Светозара Гурбана-Ваянскаго.** Перевелъ со словенскаго **В. Францевъ.** ПРИШЛА БѢДА НА БѢДНЯКА и ОБѢДНЯ СВ. ВАЦЛАВА. Изъ «Малостранскихъ разсказовъ» **Яна Неруды.** Переводъ съ чешскаго **Э. П—ской.** НАРОДНЫЯ ПѢСНИ МАКЕДОНСКИХЪ БОЛГАРЪ.—Перев. проф. **М. П. П.**

Редакторъ-издатель **Антонъ Будиловичъ**

ОПЕЧАТКИ I ТОМА.

Стран.*	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
3^{12}	Метерологическими	метеорологическими
93_{14}	Drikaiserbund	Dreikaiserbund
112_{8}	Slovanské	Slovenské
115_{7}	1862 г.	1892 г
121^{11}	главнѣйшему	главнѣйше
123_{15}	батрахоміамахиды	батрахоміомахиды
123_{13}	Сербію	Софію
124^{1}	Jirecek	Jireček
124^{3}	Ceschichte	Geschichte
124_{2}	совмѣстно	вмѣстѣ
125^{8}	h	II
133_{11}	исполненное	исполненныя
139^{20}	изданъ	издалъ
142_{19}	окончилъ печатаніе	издалъ XXII и XXIII выпуски
142_{18}	вошли	войдутъ
142_{14}	томъ этотъ... 1892 г.	зачеркнуть
142_{10}	угорской	червонной
$143_{15\text{ и }20}$	въ с. Софіи	въ г. Софіи
204^{8}	авторы	авантюры
210^{8}	Ксерксѣ	Крезѣ
211_{2}	чужыя	чуждыя
234_{15}	500 правыборцевь	правыборцы каждыхъ 500 д. населенія
219^{12}	былые	было
$234_{6\text{ и }7}$	500	нѣсколько десятковъ
266_{21}	Шимачевъ	Шимачекъ
$287_{10\text{ и }11}$	Въ Галиціи... изданіе	зачеркнуть
288_{9}	Congregatid	Congregatio
292^{19}	Diagenes	Diogenes
293^{26}	odluzenie	odłuženie
293^{31}	50-ти	Въ 50-ти
293^{34}	превосходятъ	превышаютъ
294_{9}	Галаціи	Галиціи
374^{16}	Очень много писали *о немъ*	...Очень много писали *о Треповѣ*
374_{5}	З.	Ст.
377_{2}	Contre poids	Contrepoids
389^{12}	гимназиста	реалиста

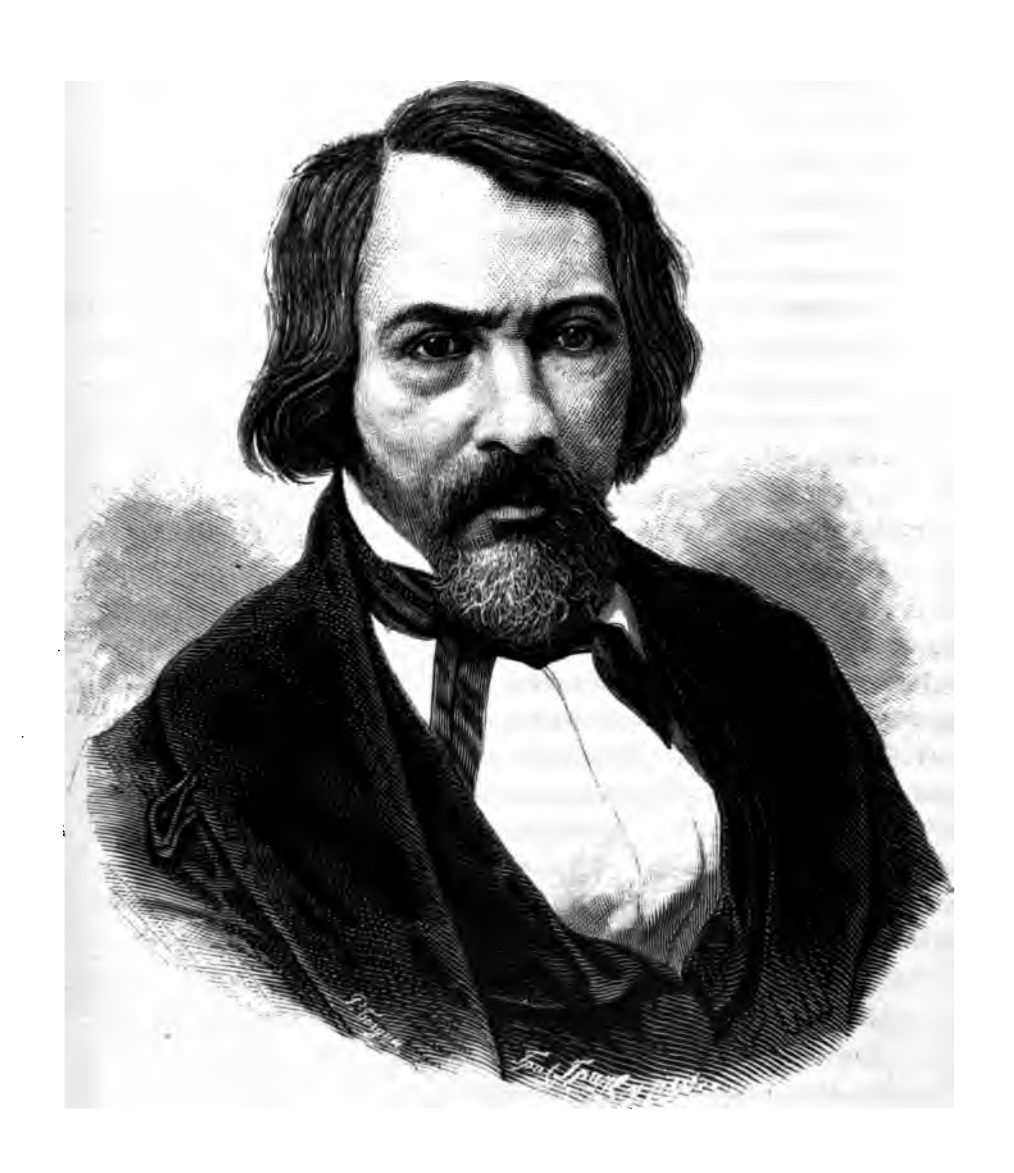
* *Примѣчаніе:* 3^{12} означ. строки сверху; 93_{14}—снизу.

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1892

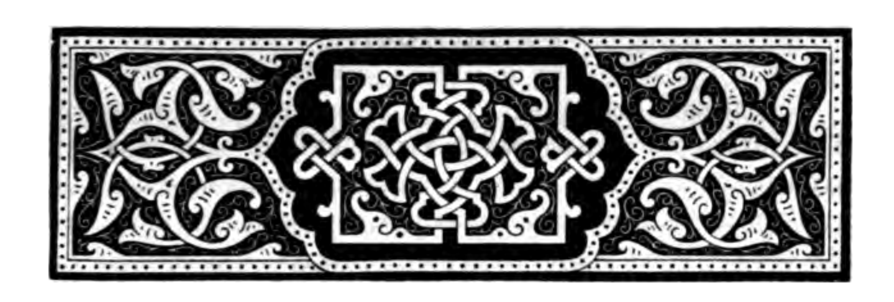
МАЙ—ІЮНЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.—ТОМЪ II.



Алексѣй Степановичъ Хомяковъ

(1804—1860)



АЛЕКСѢЙ СТЕПАНОВИЧЪ ХОМЯКОВЪ

(Съ портретомъ)

А. С. Хомяковъ принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, на которыхъ, по мѣткому выраженію М. П. Погодина, «отдыхаетъ взоръ, о которыхъ сладко бываетъ думать, которые однимъ именемъ своимъ доставляютъ утѣшеніе». Дѣйствительно, по силѣ природныхъ дарованій, по глубинѣ и всесторонности ихъ развитія, наконецъ по характеру нравственной личности, Хомяковъ представляетъ явленіе исключительное, во многихъ отношеніяхъ феноменальное.

По единогласному свидѣтельству современниковъ, Хомяковъ надѣленъ былъ отъ природы прежде всего изумительною памятью. Что разъ коснулось его сознанія, то навсегда напечатлѣвалось въ его памяти почти съ стенографическою точностью. А. И. Кошелевъ разсказываетъ, что однажды, въ богословскомъ спорѣ съ И. В. Кирѣевскимъ, Хомяковъ сослался на одно мѣсто въ твореніяхъ св. Кирилла Іерусалимскаго, которыя онъ читалъ лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ библіотекѣ Троицкой лавры и которыя только тамъ и имѣлись. Кирѣевскій усомнился въ вѣрности цитаты и сказалъ Хомякову въ шутку: «Ты любишь ссылаться на такія книги, по которымъ тебя нельзя провѣрить». Хомяковъ указалъ почти страницу, 11 или 13, и мѣсто на той страницѣ (въ серединѣ), гдѣ находился сдѣланный имъ цитатъ. По наведенной справкѣ, ссылка его оказалась совершенно вѣрною. При такой памяти Хомяковъ обладалъ способностью въ непродолжительный срокъ овладѣвать самымъ сложнымъ пред-

метомъ. Однажды онъ увидѣлъ у Кошелева на столѣ три-четыре книги, только что купленныя и взялъ ихъ на одну ночь. На слѣдующее утро книги были возвращены; и когда послѣ, мѣсяцъ спустя, «я, говоритъ Кошелевъ, ихъ прочелъ и вздумалъ экзаменовать моего скорочтеца, то убѣдился, что онъ въ одну ночь внимательнѣе ихъ прочелъ, чѣмъ я втеченіе цѣлаго мѣсяца».

У людей, владѣющихъ большою памятью, часто слабо бываетъ развита способность къ тонкостямъ апріорическаго мышленія. У Хомякова было наоборотъ: глубина анализа, высота и широта полета апріорической мысли давали себя чувствовать и въ его сочиненіяхъ и особенно въ его устныхъ разговорахъ и спорахъ, гдѣ его блестящая діалектика не встрѣчала ничего себѣ равнаго. «Для А. С. Хомякова, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ въ своихъ воспоминаніяхъ, разговаривать значило вести диспутъ. Въ этомъ дѣлѣ онъ былъ неукротимый боецъ». «Споръ, замѣчаетъ Погодинъ, — это была стихія Хомякова: въ спорѣ, чѣмъ онъ былъ смѣлѣе, опаснѣе, тѣмъ болѣе возбуждалась его творческая сила, и слѣдовать за нимъ, особенно когда онъ былъ, что называется, въ ударѣ, было высокое психологическое наслажденіе». Герценъ, самъ обладавшій блестящими діалектическими способностями, послѣ одного спора съ Хомяковымъ по философіи, занесъ въ свой дневникъ слѣдующую замѣтку: «Удивительный даръ логической фастинаціи, быстрота соображенія, память чрезвычайная, объемъ пониманія широкъ, вѣренъ себѣ, не теряетъ ни на минуту arrière pensée, къ которой идетъ. Необыкновенная способность!» Въ другомъ мѣстѣ тотъ же Герценъ, сравнивая Хомякова съ Ильей Муромцемъ, замѣчаетъ: «Боецъ безъ устали и отдыха, онъ билъ и кололъ, нападалъ и преслѣдовалъ, осыпалъ остротами и цитатами, пугалъ и заводилъ въ лѣсъ, откуда безъ молитвы выйти нельзя было,—словомъ, кого за убѣжденіе—убѣжденіе прочь, кого за логику—логика прочь». Особенно сильное впечатлѣніе производилъ Хомяковъ на слушателей, когда онъ говорилъ о предметѣ близкомъ его сердцу. «Когда, свидѣтельствуетъ Кошелевъ, онъ говорилъ о Христѣ и его ученіи, о различныхъ вѣроисповѣданіяхъ и церквахъ, и о судьбѣ христіанства въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ,— тогда въ словахъ его была какая-то сила необычайная, возбуждавшая въ слушателяхъ понятіе о дѣятельности апостольской».

Самъ Хомяковъ хорошо сознавалъ силу своего слова: «Изустное слово, замѣчаетъ онъ, плодотворнѣе писаннаго; оно живитъ слушающаго и еще болѣе говорящаго; чувствую, что въ разговорѣ съ людьми я и умнѣе, и сильнѣе, чѣмъ за столомъ и съ перомъ въ рукахъ. Слова, произнесенныя и слышанныя, коренистѣе словъ писанныхъ и читанныхъ».

Блестящія природныя дарованія, при сильно-развитой любознательности, дали возможность Хомякову достигнуть, какъ выражается Герценъ, «страшной эрудиціи». Важнымъ подспорьемъ ему въ этомъ случаѣ послужило превосходное знаніе языковъ. Онъ вполнѣ владѣлъ тремя новыми языками, причемъ по-англійски писалъ и говорилъ какъ настоящій англичанинъ; очень рано овладѣлъ классическими языками, такъ что еще будучи четырнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, перевелъ Тацитову Германію. Хомяковъ былъ также замѣчательнымъ знатокомъ санскритскаго языка, и еще въ 30-хъ годахъ, какъ самъ сознавался А. Ѳ. Гильфердингу, онъ «читалъ и свободно изъяснялъ Ригъ-Веду, одну изъ труднѣйшихъ книгъ древнихъ индусовъ». Нашъ извѣстный санскритологъ, К. А. Коссовичъ, основаніями своего ученаго образованія считалъ себя обязаннымъ Хомякову. Мало того. Хомяковъ, скажемъ словами Гильфердинга, «независимо отъ изученія санскритскаго языка и другихъ арійскихъ вѣтвей, усвоилъ себѣ главныя основанія еврейскаго; онъ изучилъ остатки финикійскаго языка; многія страницы его великаго историческаго творенія (такъ называемой «Семирамиды») свидѣтельствуютъ, что онъ старался вникнуть въ сущность даже отдаленныхъ языковъ Азіи и Африки». Результатомъ спеціально лингвистическихъ занятій Хомякова было его «Сравненіе русскихъ словъ съ санскритскими», напечатанное въ IV т. Извѣстій II Отд. Акад. Наукъ. Но это сочиненіе, по увѣренію Гильфердинга, есть лишь «малая частица того огромнаго лингвистическаго матеріала, который онъ переработалъ. Матеріалъ этотъ такъ великъ, такъ разнообразенъ, что на переработку его потребовался бы для другого человѣка усидчивый трудъ цѣлой жизни, спеціально посвященный филологическимъ изысканіямъ. У Хомякова такая работа совмѣщалась съ самою разностороннею дѣятельностью по множеству другихъ наукъ, и грузъ лингвистическаго матеріала не подавлялъ въ этомъ дивномъ человѣкѣ живости художественнаго творчества, не заглушалъ въ немъ чуткости къ

современнымъ вопросамъ общества и человѣчества... У Хомякова лингвистика была знаніемъ живымъ; онъ сознавалъ живую сторону лингвистики въ то время, когда эта наука едва начинала терять въ Европѣ характеръ пустой ученой игрушки; она тотчасъ заняла въ его созерцаніи то мѣсто, которое принадлежитъ ей въ живой связи человѣческихъ знаній; свѣтъ общей мысли животворилъ всѣ эти тысячи корней и звуковыхъ видоизмѣненій изъ всевозможныхъ языковъ, хранившіяся въ его памяти, и потому такой громадный лингвистическій матеріалъ былъ легкимъ бременемъ для его ума». Погодинъ съ восторгомъ вспоминаетъ тѣ минуты, когда Хомяковъ, одушевленный живою бесѣдою, пускался въ тонкости филологическихъ изысканій. «Слушая изслѣдованія Хомякова о происхожденіи словъ, путешествуя съ его корнями изъ глубины санскрита въ готскую Библію Ульфилы и къ славнымъ памятникамъ Кирилла и Меѳодія, преслѣдуя съ нимъ развитіе грамматическихъ формъ, перерожденіе звуковъ, по всѣмъ языкамъ индо-европейскимъ и семитическимъ, не знаешь, бывало, чему удивляться больше: проницательности ли его умственнаго взора, силѣ ли его славянской догадки, или его вдохновенному, поэтическому чутью. Онъ былъ рожденъ, казалось мнѣ тогда, замѣчаетъ Погодинъ, для филологіи, не той нищенской, что у насъ въ модѣ, а филологіи высшей, которая соприкасается съ одной стороны философіи, а съ другой—исторіи».

Благодаря такой филологической подготовкѣ, Хомяковъ имѣлъ доступъ къ плодамъ человѣческой мысли всѣхъ временъ и народовъ, а феноменальная память обусловливала легкое усвоеніе ихъ; этимъ объясняется та универсальность знаній, которую единогласно признаютъ въ немъ всѣ близко знавшіе его современники. «Хомяковъ, говоритъ Кошелевъ, интересовался всѣмъ, имѣлъ обширныя свѣдѣнія по всѣмъ частямъ человѣческаго знанія, и не было предмета, который былъ бы ему чуждъ или въ которомъ бы онъ не принималъ участія». «Во всѣхъ отрасляхъ знанія, подтверждаетъ Коссовичъ, начиная съ философіи и оканчивая механикой, въ исторіи народовъ и въ исторіи религій, въ эстетикѣ и политикѣ, въ опредѣленіи сущности христіанскихъ церквей и въ опредѣленіи сущности индо-европейскихъ языковъ, въ археологіи и юриспруденціи, во всемъ онъ совмѣщалъ полное знакомство съ выработаннымъ доселѣ мате-

ріаломъ, и въ то же время съ совершенною самобытностью взгляда». Погодинъ, указавъ на обширность познаній Хомякова въ области богословія, философіи, исторіи, филологіи, миѳологіи и другихъ отраслей знанія, продолжаетъ: «И въ тоже время Хомяковъ писалъ проэкты объ освобожденіи крестьянъ за много лѣтъ до состоявшихся рескриптовъ, предлагалъ планы земскихъ банковъ, или, по поводу газетныхъ извѣстій, на ту пору полученныхъ, распредѣлялъ границы американскихъ республикъ, указывалъ дорогу судамъ, искавшимъ Франклина, анализировалъ до малѣйшей подробности сраженія Наполеоновы, читалъ наизустъ по цѣлымъ страницамъ изъ Шекспира, Гете или Байрона, излагалъ ученіе Эдды и буддійскую космогонію. И въ то же время Хомяковъ изобрѣтаетъ какую-то машину съ двойнымъ давленіемъ, которую посылаетъ на англійскую всемірную выставку и беретъ привиллегію; сочиняетъ какое-то ружье, которое хватаетъ дальше всѣхъ, предлагаетъ новые способы винокуренія и сахароваренія, лѣчитъ гомеопатіей всѣ болѣзни на нѣсколько верстъ въ окружности, скачетъ по полямъ съ борзыми собаками зимней порошею за зайцами и описываетъ всѣ достоинства и недостатки собакъ и лошадей, какъ самый опытный охотникъ, получаетъ первый призъ въ обществѣ стрѣлянья въ цѣль, а ввечеру является къ вамъ съ сочиненными имъ тогда же анекдотами о какомъ-то дикомъ прелатѣ, пойманномъ въ костромскихъ лѣсахъ, о ревности какого-то пермскаго исправника въ распространеніи христіанской вѣры, за которое былъ онъ представленъ къ св. Владиміру, но не могъ получить его, потому что оказался мусульманиномъ. А извѣстія, слышанныя имъ у любезныхъ сосѣдей и сосѣдокъ... Явился Хомяковъ, и все собраніе заливается единодушнымъ хохотомъ, у самыхъ угрюмыхъ посѣтителей разглаживаются всѣ морщины, всѣ заботы позабываются и, съ первыхъ словъ начинается споръ, споръ горячій о предметахъ первостепенной важности, или, все равно, о предметахъ самыхъ пустыхъ и ничтожныхъ. Любопытнѣе всего то, что самъ Хомяковъ считалъ себя рожденнымъ для живописи, много работалъ въ этомъ направленіи и успѣлъ настолько, что въ Парижѣ получилъ заказъ написать икону для одной изъ католическихъ церквей. Онъ былъ также тонкимъ знатокомъ архитектурнаго искусства. Разсказываютъ, что одинъ, незнавшій Хомякова архитекторъ, послѣ случайной бесѣды съ нимъ, призналъ въ немъ

спеціалиста въ области своей профессіи. Разносторонность эрудиціи Хомякова была настолько велика, что онъ часто обнаруживалъ спеціальныя знанія въ такихъ областяхъ, которыя, какъ казалось даже близко знавшимъ его людямъ, должны были быть ему совершенно неизвѣстны. Однажды Хомяковъ приглашенъ былъ на вечеръ къ Свербеевымъ для бесѣды съ лицомъ, только что возвратившимся съ Алеутскихъ острововъ. «Ну, другъ Хомяковъ, шутилъ надъ нимъ по пути Кошелевъ, придется тебѣ нынче послушать и помолчать». Въ началѣ вечера, дѣйствительно, Хомяковъ долго слушалъ этого заѣзжаго русскаго, распрашивалъ его подробно насчетъ Алеутскихъ острововъ, но подъ конецъ высказалъ ему по этому предмету такія свѣдѣнія и соображенія, что путешественнику, по словамъ того же Кошелева, «почти приходилось обратить оглобли и ѣхать откуда пріѣхалъ, для окончательнаго ознакомленія съ мѣстами, гдѣ онъ пробылъ уже нѣсколько лѣтъ».

Люди, измѣрявшіе способности Хомякова шаблоннымъ аршиномъ, находили невозможнымъ, чтобы въ одной головѣ совмѣщалась такая универсальность научно-обоснованнаго спеціальнаго знанія и поэтому называли его диллетантомъ. Противъ такого отзыва возсталъ еще Гильфердингъ. Дѣйствительно, Хомяковъ и диллетантизмъ — понятія несовмѣстимыя. Диллетантами въ наукѣ обыкновенно называются люди, которые, не имѣя почему нибудь доступа къ первоисточникамъ, получаютъ свои свѣдѣнія изъ вторыхъ рукъ и поэтому вынуждены бываютъ принимать многое на вѣру. Ничего подобнаго нельзя сказать о Хомяковѣ. Человѣкъ, изучавшій рукописи, читавшій въ подлинникѣ Ригъ-Веду, переводившій Тацитову Германію, дѣлавшій открытія и усовершенствованія въ области физики и механики, анализировавшій до мельчайшихъ подробностей логику Гегеля и поразившій ее въ самомъ ея основаніи,—такой человѣкъ не могъ быть диллетантомъ. Диллетантизмъ просто противенъ былъ натурѣ Хомякова, глубокой, самобытно-оригинальной, все подвергавшей изслѣдованію и принимавшей лишь то, что въ состояніи было устоять противъ его всесокрушающей критики, что оправдывалось его строгой, неумолимой логикой. Требуя, чтобы всякое положеніе утверждалось на достаточномъ основаніи, Хомяковъ, во имя истины, не щадилъ ни враговъ, ни друзей, что для людей, привыкшихъ къ узкой партійности, казалось

противорѣчіемъ. Для такого рода людей было совершенно непонятно, какимъ образомъ одинъ и тотъ же человѣкъ могъ вчера поражать противниковъ извѣстнаго положенія, а сегодня съ тою же энергіей поражать его защитниковъ. Въ дѣйствительности же, поражая защитниковъ, Хомяковъ направлялъ свои удары не противъ защищаемаго ими положенія, а противъ ихъ логики, которую онъ признавалъ несостоятельною. Его чистый какъ алмазъ умъ, его честная натура, не мирились съ ложью, въ какой бы формѣ она ни проявлялась. Былъ у Хомякова одинъ діалектическій пріемъ, который озадачивалъ даже хорошо знавшихъ его людей. Когда Хомяковъ встрѣчался съ какимъ нибудь ограниченнымъ собесѣдникомъ, противъ тупости котораго оказывались безсильными всѣ обычные пріемы его діалектики, онъ вдругъ поражалъ его какимъ нибудь замысловатымъ софизмомъ или неожиданнымъ парадоксомъ, выраженнымъ обыкновенно въ формѣ лаконическаго афоризма. Ошеломленный противникъ раскрывалъ глаза, усиливалъ вниманіе, а между тѣмъ Хомяковъ, пользуясь минутой, открывалъ канонаду съ другой стороны и такъ продолжалъ до тѣхъ поръ, пока или заставлялъ своего противника согласиться съ нимъ, или приводилъ его въ полное изнеможеніе умственное и физическое. Когда однажды Кошелевъ упрекнулъ Хомякова въ томъ, что онъ прибѣгаетъ къ подобнымъ пріемамъ, Хомяковъ отвѣтилъ: «Наше общество такъ апатично, такъ сонливо и понятія его покоятся подъ такою толстою корою, что необходимо ошеломлять людей и молотомъ пробивать кору ихъ умственнаго бездѣйствія и безсмыслія».

Указанная разбросанность дѣятельности Хомякова не мѣшала ему однакожъ оказывать нѣкоторымъ наукамъ особенное вниманіе. Къ такимъ наукамъ, кромѣ филологіи, относились исторія и науки философско-богословскія.

Плодомъ его историческихъ занятій, кромѣ отдѣльныхъ статей по русской исторіи явился огромный трудъ по исторіи всеобщей, содержащій въ нынѣшнемъ изданіи свыше 1500 страницъ и обнимающій исторію съ ея древнѣйшихъ временъ до половины среднихъ вѣковъ. Любопытны условія, при которыхъ этотъ трудъ получилъ свое начало. Хомяковъ, никогда не занимавшій профессорской каѳедры, не лишенъ былъ однакожъ слушателей, которымъ позавидовалъ бы любой профессоръ: это былъ цвѣтъ тогдашней московской интеллигенціи, собиравшейся по преимуществу у него

самого, у Елагиной, Кирѣевскихъ, Свербеевыхъ, Кошелевыхъ и въ нѣкоторыхъ другихъ домахъ. Въ числѣ посѣтителей этихъ собраній было нѣсколько молодыхъ людей, которые, восторгаясь глубиною и оригинальностью взглядовъ Хомякова, постоянно преслѣдовали его просьбою записывать то, что онъ говорилъ на вечерахъ. Но Хомяковъ былъ неумолимъ, отговариваясь обыкновенно тѣмъ, что для сколько нибудь систематической работы у него не готовъ матеріалъ. Тогда эти гонители и мучители, какъ называлъ Хомяковъ своихъ почитателей, составили противъ него настоящій заговоръ, во главѣ котораго сталъ его племянникъ по женѣ, извѣстный Д. А. Валуевъ, и къ которому примкнула и сама жена Хомякова. Юный Валуевъ, несмотря на значительную разницу въ лѣтахъ, пользовался горячею привязанностью Хомякова и имѣлъ на своего старшаго друга большое вліяніе. Пользуясь этимъ вліяніемъ, Валуевъ взялъ съ него честное слово, что онъ каждый день будетъ употреблять одинъ часъ на записываніе того, что вчера говорилось имъ по исторіи или что онъ еще будетъ говорить сегодня. А чтобы положить дѣлу начало, Валуевъ приготовилъ ему тетрадь, сшилъ ее, припасъ перья и въ шутку заперъ его на ключъ въ его же собственномъ кабинетѣ на условленное время, а ключъ унесъ съ собою. Подобный пріемъ потомъ не разъ приходилось повторять Валуеву, пока наконецъ Хомяковъ не втянулся въ эту работу. Хомяковъ писалъ, но что именно онъ писалъ, это почти никому не было извѣстно. Однажды Гоголь, заставъ его за письменнымъ столомъ и заглянувъ въ тетрадку почтовой бумаги, которую другъ его покрывалъ своимъ мельчайшимъ бисернымъ почеркомъ. прочелъ тутъ имя Семирамиды. «Алексѣй Степановичъ Семирамиду пишетъ!» сказалъ онъ кому-то, и съ того времени это никому неизвѣстное сочиненіе среди друзей стало называться Семирамидой. «Семирамида» Хомякова увидѣла свѣтъ только послѣ его смерти и издана была его ученикомъ и другомъ, Гильфердингомъ, предпославшимъ самому сочиненію краткое, но цѣнное предисловіе. По своему характеру этотъ трудъ Хомякова не похожъ на тѣ исторіи, которыя обыкновенно писались раньше: это подробная схема, имѣющая цѣлью показать, «какимъ образомъ всемірная исторія должна быть написана, чтобы, во-первыхъ, жизнь всѣхъ племенъ земного шара была поставлена въ надлежащее соотношеніе; чтобы, во-вторыхъ, славянскому пле-

мени (которое до этого времени оставалось въ тѣни) возвращено было подобающее ему мѣсто, и чтобы, въ-третьихъ, видно было дѣйствіе тѣхъ внутреннихъ силъ, которыми обусловливался ходъ историческаго развитія разныхъ народовъ, и въ особенности главнѣйшей изъ этихъ силъ—религіи» (Гильфердингъ). Такимъ образомъ «Семирамида» Хомякова, не подходя подъ типъ обычныхъ сочиненій по исторіи, по всей справедливости можетъ быть названа философіей всемірной исторіи. Между оставленными Хомяковымъ сочиненіями настоящее служитъ лучшимъ показателемъ той громадной эрудиціи, которою обладалъ его авторъ. Къ сожалѣнію, «Семирамида» не снабжена авторомъ обычными учеными цитатами, что объясняется тѣмъ, что Хомяковъ, при чтеніи книгъ, никакихъ выписокъ и замѣтокъ не дѣлалъ, полагаясь единственно на свою феноменальную память, которая дѣйствительно почти никогда ни въ чемъ не измѣняла ему. При такомъ способѣ писанія, этотъ трудъ Хомякова, по совершенно вѣрному замѣчанію Гильфердинга, долженъ быть признанъ «чудомъ человѣческой памяти». Разбираемое сочиненіе не лишено многихъ недостатковъ, которые объясняются частію состояніемъ историческихъ наукъ въ то время, частію недостаточностью объективности и увлеченіемъ нѣкоторыми соблазнительными теоріями, бывшими въ ходу въ 30-ыхъ и 40-ыхъ годахъ. Эти недостатки не помѣшали однакожъ Гильфердингу произнести объ этомъ сочиненіи Хомякова слѣдующее сужденіе: «Книга эта, говоритъ онъ, не покажется безпристрастному читателю нынѣшняго времени устарѣлою при всемъ томъ, что она принадлежитъ уровню науки 30-хъ и 40-хъ годовъ; ибо въ ней онъ увидитъ нѣчто такое, что навсегда остается поучительнымъ: попытку великаго ума обнять не только внѣшній ходъ, но и внутренній смыслъ развитія всего человѣчества въ его совокупности!» Любопытны требованія, предъявляемыя Хомяковымъ по отношенію къ методу историческаго изслѣдованія. Онъ одинаково осуждаетъ и чистыхъ апріористовъ, которые, увлекаясь односторонними системами и относясь съ презрѣніемъ къ фактамъ, пытаются возсоздать весь міръ изъ логическаго развитія какой нибудь произвольной догадки,—и чистыхъ фактистовъ, которые, въ противоположность первымъ, до того боятся даже тѣни апріоризма, что едва рѣшаются сказать дважды два четыре, не повѣривъ счета своего по пальцамъ. Признавая фактъ основою

историческаго знанія, требуя отъ изслѣдователя строго-критической оцѣнки факта, Хомяковъ въ то же время отстаиваетъ права мысли на свободу творчества: историкъ, по его мнѣнію, не рудокопъ, а зодчій.

Но тѣ, въ чемъ Хомяковъ истинно великъ, это область его философско-богословскихъ изслѣдованій. Великая роль, которую взялъ на себя въ данномъ случаѣ Хомяковъ, обусловилась тѣмъ положеніемъ, въ какомъ оказалась наша старая богословская школа, въ виду требованій, предъявленныхъ новой германской философіей. Богословская наука смотрѣла на свою задачу такимъ образомъ. Истины христіанства, какъ религіи богооткровенной, даны въ божественномъ откровеніи. Выходя изъ этого положенія, богословы отдѣльныя положенія христіанскаго вѣроученія основывали на данныхъ, заимствованныхъ изъ Св. Писанія, отцовъ и учителей церкви, постановленій вселенскихъ соборовъ и церковной практики. Что же касается разума, то въ дѣлѣ рѣшенія вопросовъ вѣры онъ признавался безсильнымъ, а поэтому ему отводилось лишь третьестепенное мѣсто. Если не имѣть въ виду случаевъ полемики, то къ услугамъ разума почти исключительно обращались только для обоснованія доказательствъ бытія Божія и безсмертія души. Но такъ какъ эти доказательства, построенныя по пріемамъ средневѣковыхъ схоластиковъ, переполнены были софизмами и паралогизмами, то отсюда естественно должно было выработаться убѣжденіе, что напр. истина бытія Божія недоказуема и что вѣрующая душа должна принимать на вѣру то, что дано въ откровеніи. Сообразно съ этимъ, философіи, ставящей своею задачею рѣшеніе общихъ вопросовъ міровой жизни, отказывалось въ самостоятельномъ значеніи: она, вслѣдъ за средневѣковыми схоластиками, трактовалась какъ ancilla theologiae. Но такое положеніе дѣлъ могло казаться нормальнымъ лишь до тѣхъ поръ, пока не проникла къ намъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ новая германская философія. Заманчивыя системы славныхъ тогда нѣмецкихъ мыслителей, возникшія на расчищенной Кантомъ почвѣ, прорвались къ намъ съ такою неудержимою силою, что въ какой нибудь десятокъ лѣтъ овладѣли всѣмъ, что только было серьезно мыслящаго въ нашемъ тогдашнемъ обществѣ, серьезно готовившемся къ реформамъ Александра II. Въ системахъ Шеллинга и Гегеля было столько видимой силы и смѣлой оригинальности, что отводить имъ слу-

жебную роль въ отношенiи къ какой бы то ни было другой системѣ казалось дерзостью. Новая философiя изъ «служанки» вдругъ стала барыней и притомъ барыней прихотливой, несговорчивой: обѣ названныя системы были пантеистическiя, т. е. отрицавшiя существованiе личнаго Бога; а съ отрицанiемъ личнаго Бога неизбѣжно отрицалась и вся христiанская система. Наша богословская наука, застигнутая врасплохъ, оказалась въ крайне затруднительномъ положенiи. Чувствовалась потребность вести борьбу на почвѣ разума, а между тѣмъ бороться при помощи старыхъ схоластическихъ прiемовъ было невозможно, потому что прiемы эти погребены были вмѣстѣ съ самой схоластикой.

Вотъ въ эту-то критическую минуту на борьбу съ героями нѣмецкой мысли и выступилъ русскiй богатырь. Прiемы критики Хомякова удивительно просты и въ то же время могущественно неотразимы; они такъ не сложны, что ихъ можно изложить въ нѣсколькихъ словахъ. Кантъ, выходя изъ своего ученiя о категорiяхъ, утверждалъ, что объективный мiръ явленiй непознаваемъ для человѣка; Фихте обличилъ своего учителя въ непослѣдовательности и категорически заявилъ, что объективный мiръ явленiй не только не познаваемъ, но что онъ и не существуетъ. Ближайшимъ слѣдствiемъ этого вывода было то, что нѣмецкiе рацiоналисты область своего изслѣдованiя сократили на половину и предметомъ философскаго анализа поставили лишь субъективный мiръ явленiй, т. е. область человѣческаго духа. Но этимъ дѣло не ограничилось. Вслѣдъ за этою односторонностью допущена была другая: въ самомъ субъективномъ мiрѣ явленiй они, вопреки Канту, взяли не всю полноту силъ духа, а лишь одинъ разсудокъ; дѣятельность же разсудка состоитъ въ томъ, что онъ орудуетъ лишь логическими понятiями, которыя суть не что иное, какъ схемы предметовъ и явленiй, указывающiя законы ихъ отношенiй, а не самые предметы и явленiя. Неудивительно послѣ этого, что когда Гегель, придерживаясь этого направленiя мысли, поднялся до абсолютнаго, то это абсолютное оказалось не реально сущимъ, а лишь логическимъ понятiемъ, идеей, вывести изъ которой реальный мiръ явленiй не было никакой возможности. Указавъ ошибку нѣмецкаго рацiонализма, Хомяковъ тутъ же указываетъ путь, которымъ ошибка эта можетъ быть исправлена. Кромѣ разсудка,

человѣческому духу еще принадлежитъ воля, неоцѣненная по достоинству нѣмецкими раціоналистами. Значеніе воли, какъ познавательной способности, состоитъ между прочимъ въ слѣдующемъ. Содержаніе нашего сознанія мы обыкновенно дѣлимъ на двѣ категоріи: относительно одной изъ нихъ мы знаемъ, что она зародилась въ нашей душѣ и представляетъ не что иное, какъ различныя состоянія нашего духа; относительно другой части нашего сознанія мы знаемъ, что оно попало къ намъ извнѣ и есть не что иное, какъ отраженіе міра явленій, существующаго внѣ насъ. Воля и есть та способность духа, которая полагаетъ границу между этими двоякаго порядка явленіями, не позволяя имъ слиться въ одинъ образъ, въ одинъ фантазмъ, какъ это бываетъ у людей душевно-больныхъ. Словомъ, одну часть нашего сознанія воля опредѣляетъ какъ я и отъ меня, а другую какъ я, но не отъ меня, чѣмъ доказывается существованіе двоякаго источника, изъ котораго проистекаетъ содержаніе нашего я, или что то же—доказывается, что кромѣ субъективнаго міра явленій есть еще и міръ объективный, внѣ насъ находящійся, который имѣетъ такое же право на изслѣдованіе философствующей мысли, какъ и первый. Поставивъ такимъ образомъ философскую мысль на правильную дорогу, Хомяковъ, путемъ анализа субъективнаго и объективнаго міра явленій, поднимается до первопричины всего сущаго, которая существенно отличается отъ абсолютнаго Гегеля и которая у него называется волящій разумъ или разумная воля. Первопричину всего сущаго, какъ ее понимаетъ Хомяковъ, можно опредѣлить такимъ образомъ. Сущее есть дѣйствительное бытіе, т. е. оно не есть только отвлеченная идея, существующая въ частномъ пониманіи, какъ продуктъ его творческой дѣятельности: сущее есть такая же реальная дѣйствительность, какъ и наше личное я, какъ и объективный міръ явленій, по отношенію къ которымъ оно является первопричиною. Сущее едино. Едино оно потому, что оно все. Сущее есть воля, т. е. оно есть начало вѣчно живое, вѣчно дѣятельное, оно есть сама жизнь, сама дѣятельность. Но воля сущаго или вѣрнѣе—сущее какъ воля не есть начало темное, стихійное; его жизнь, его дѣятельность, словомъ, всѣ его малѣйшія движенія освѣщаются внутреннимъ сознаніемъ; въ этомъ смыслѣ сущее есть сознаніе. Если же сущее есть начало единое, дѣйствующее

и сознающее, то оно есть личность; но это есть личность не частная, единичная, а личность міровая, абсолютная. Сущее есть личность разумная, т. е. формы проявленія его не случайны, а носятъ на себѣ слѣды извѣстныхъ нормъ, которыя, имѣя свое основаніе въ природѣ сущаго, не могутъ стѣснять его свободы; вотъ почему сущее, будучи закономѣрно въ своихъ проявленіяхъ, въ то же время свободно.

Такъ рѣшена Хомяковымъ эта величайшая изъ философскихъ проблеммъ. Чтобы вполнѣ оцѣнить громадность заслуги Хомякова въ данномъ случаѣ, необходимо сопоставить его воззрѣніе съ аналогичными воззрѣніями нѣмецкихъ философовъ. Когда критикой выяснено было, что система Гегеля есть не что иное, какъ упражненіе въ логическомъ мышленіи, что ей не достаетъ главнаго, — реальнаго субстрата, нѣмецкая философія немедленно же пустилась разыскивать такой субстратъ. И вотъ Фейербахъ наприм. объявилъ такимъ субстратомъ матерію. Но люди съ менѣе «тучными мозгами» и съ болѣе глубокою философскою мыслію требовали субстрата, который хоть сколько нибудь удовлетворялъ бы требованіямъ строго-логической критики. Удовлетворить этому требованію взялся Шопенгауеръ, объявившій началомъ всего сущаго волю. Но изъ слѣпой, неразумной воли Шопенгауера также нельзя было вывести міръ явленій, какъ и изъ логической идеи Гегеля: если послѣдней не достаетъ реальнаго субстрата, то первой не достаетъ представленій, посредствомъ которыхъ слѣпая стихійная сила могла бы перейти въ опредѣленный міръ явленій. Чтобы помочь бѣдѣ, Шопенгауеръ выдвинулъ ученіе объ идеяхъ; но это его ученіе не вытекаетъ логически изъ понятія о слѣпой волѣ и можетъ быть разсматриваемо какъ плохая заплата къ неудачно сшитому платью. На выручку своихъ земляковъ, оказавшихся не въ состояніи справиться съ столь трудною задачей, выступилъ Гартманъ. Въ своей «Философіи безсознательнаго», которая, сказать кстати, появилась десять лѣтъ спустя послѣ смерти Хомякова, Гартманъ чисто-механически соединилъ оба предшествующіе взгляда и совершенно произвольно надѣлилъ безсознательную волю представленіями. Не трудно понять, что волю, лишенную сознанія и субъективности, мы съ такимъ же правомъ можемъ надѣлять

представленіями, съ какимъ о существѣ немыслящемъ можемъ говорить, что оно мыслитъ.

Изъ сказаннаго видно, какъ высоко стоитъ Хомяковъ надъ этими, несомнѣнно лучшими, германскими мыслителями.

Нужно замѣтить, что надѣленіе Хомяковымъ сущаго началами сознанія и субъективности — это не есть простой компромиссъ съ христіанскимъ ученіемъ о Богѣ: это его ученіе съ логическою принудительностью вытекаетъ изъ анализа міра явленій. Онъ въ этомъ случаѣ выходитъ изъ слѣдующаго совершенно вѣрнаго положенія. Въ первопричинѣ всего сущаго должно быть все то, что въ мірѣ явленій не можетъ быть разложимо анализомъ мысли. Сознаніе же и есть то именно простѣйшее начало, котораго и разложить нельзя на простѣйшіе элементы, и вывести нельзя изъ какого-нибудь другого начала, вывести конечно строго-логически, а не такъ, какъ это дѣлаютъ матеріалисты, принимающіе пустыя слова за мысль и доказывающіе свои положенія путемъ аналогій, неимѣющихъ часто въ себѣ ничего аналогичнаго. Это же слѣдуетъ сказать и о субъективномъ началѣ въ сущемъ. Нѣмцы находили невозможнымъ признать абсолютное начало личнымъ потому, что субъектъ необходимо предполагаетъ существованіе объекта; если же мы признаемъ абсолютное начало въ своей первооснове личнымъ, то необходимо будто бы должны будемъ признать и существованіе наряду съ нимъ и независимо отъ него, объекта; а это поведетъ къ дуализму. Нетрудно, однакожъ, понять, что этотъ выводъ страдаетъ недомысліемъ. Объектомъ для субъекта можетъ служить самъ же субъектъ, т. е. его внутреннее содержаніе, въ чемъ каждый изъ насъ можетъ убѣдиться изъ акта самосознанія. Самосознаніе есть первичный и изначальный актъ проявленія сущаго и въ немъ заключается внутренняя жизнь послѣдняго. Мысль эта чутьемъ угадана была еще Шеллингомъ; не даромъ же Хомяковъ относился съ благоговѣніемъ именно къ этому могучему мыслителю. Однако, у Шеллинга не хватило силы воспользоваться ею, и онъ бросился въ мистицизмъ. Но то, что оказалось не подъ силу германскому великану, съ тѣмъ справился русскій богатырь. Вотъ почему, когда наши присяжные философы предлагаютъ намъ теперь возвратиться къ Шеллингу, то невольно хочется предложить вопросъ: «почему же не къ Хомякову?»

Поднявшись путемъ анализа до первопричины всего сущаго, Хомяковъ приступилъ къ уясненію его отношенія къ міру явленій. Понимая всю важность предстоящей задачи, онъ принимался за дѣло съ большою осторожностью: «иду далѣе, — пишетъ онъ,—но иду не безъ страха, зная, какъ легко, даже при кажущейся вѣрности логической, впасть въ своего рода логическій мистицизмъ, принимающій слово за мысль»... Но лишь только онъ взялся за работу, перо выпало изъ его рукъ и безпощадная смерть прекратила эту дорогую жизнь, не позволивъ даже дописать до конца начатаго предисловія: послѣднимъ написаннымъ имъ словомъ былъ предлогъ «въ». Если принять во вниманіе, что Хомяковъ умеръ на 56-мъ году жизни, что его философская мысль находилась тогда въ апогеѣ своего разцвѣта, что Кантъ свои послѣднія философскія сочиненія выпустилъ въ свѣтъ на 69-мъ году жизни, то и безъ поясненій легко будетъ понять весь смыслъ этого печальнаго факта.

При изученіи философскихъ отрывковъ Хомякова невольно напрашивается сравненіе его мыслительнаго процесса съ такимъ же процессомъ нѣмецкихъ философовъ. Въ наукѣ вообще нѣмцы, какъ извѣстно, заявили себя способностью къ тонкой, но часто крайне узкой спеціализаціи. «Добросовѣстный юноша, иронизируетъ Хомяковъ, вступая на поприще ученаго творчества, выбираетъ или уголокъ головы человѣческой, или краюшекъ земли, или кусочекъ нарѣчія, и съ тѣхъ поръ уже читаетъ, слышитъ, видитъ только то, что прямо и непосредственно касается его предмета. Это его домашній божокъ, и бѣдный поклонникъ умираетъ, не только не понявъ человѣка, земли или языка вообще, но не понявъ и той маленькой частицы, для которой онъ пожертвовалъ всею жизнію». Нѣчто аналогичное представляютъ нѣмцы и въ области апріорическаго мышленія. Увлекшись какою-нибудь заманчивою, многообѣщающею мыслію, нѣмецъ проводитъ ее съ замѣчательною послѣдовательностью и нерѣдко доводитъ ее до поразительной глубины; но все это онъ продѣлываетъ съ удивительною односторонностію, такъ что въ концѣ концовъ онъ легко можетъ притти къ выводамъ, противорѣчащимъ самымъ элементарнымъ требованіямъ здраваго смысла. Совершенно другое явленіе представляетъ Хомяковъ. Какъ въ области науки вообще онъ не мирится съ узкою спеціализаціей, такъ и въ сферѣ апріориче-

скаго мышленія въ частности онъ свободенъ отъ узкой односторонности. Его философская мысль течетъ широкою струею. Двигаясь впередъ, онъ постоянно осматривается по сторонамъ, опасаясь, какъ бы чего нибудь не упустить изъ виду, какъ бы, выражаясь его словами, не впасть въ мистицизмъ, не принять слова за мысль. Слѣдствіемъ такой широты и осторожности является трезвость сужденій. Это качество его мышленія особенно отчетливо выступаетъ въ его сужденіяхъ о познаніи. Указывая, напримѣръ, на то, что нашему разсудку въ явленіяхъ доступны лишь ихъ законы, онъ въ то же время утверждаетъ, что и сами явленія, разсматриваемыя съ ихъ жизненной стороны, не недоступны для нашего познанія: они познаются, но только не разсудкомъ, а полнотой силъ духа, т. е. разумомъ. Для доказательства этого положенія онъ предлагаетъ наприм. сравнить то знаніе свѣта, какое существуетъ у слѣпого, съ тѣмъ знаніемъ, какое существуетъ у зрячаго: и слѣпой не лишенъ совершенно возможности заниматься изученіемъ свѣта; но въ явленіяхъ свѣта онъ, при чужой помощи, можетъ постигнуть лишь ихъ законы, тогда какъ зрячему доступно еще нѣчто другое, что недоступно для слѣпого, именно: ему доступна самая жизненная действительность свѣта.

Философская система Хомякова незамѣтно должна была перейти въ богословскую. Установивъ отношеніе сущаго къ міру явленій, Хомяковъ долженъ былъ заняться рѣшеніемъ вопроса о появленіи въ этомъ мірѣ частной воли (человѣка) и объ отношеніи ея къ волѣ абсолютной. Тутъ естественно возникалъ вопросъ о грѣхопаденіи, объ искупленіи и объ основаніи церкви, какъ учрежденія, предназначеннаго служить дѣлу воспитанія частной воли, въ духѣ единенія съ волею абсолютною. Для рѣшенія всѣхъ этихъ существенно важныхъ вопросовъ христіанской метафизики въ сочиненіяхъ Хомякова нельзя отыскать достаточнаго количества прямыхъ указаній: всѣ эти вопросы должны были получить свое рѣшеніе въ его недоконченной системѣ. Тѣмъ не менѣе, на основаніи попадающихся у него случайныхъ замѣчаній, можно получить приблизительно вѣрное представленіе о той постановкѣ, какую онъ далъ бы этимъ вопросамъ при ихъ рѣшеніи. На отношеніе Бога къ человѣку Хомяковъ смотрѣлъ какъ на тяжбу воли абсолютной съ волею частною, тяжбу, которая и составляетъ основу исторіи домо-

строительства Божія на землѣ. Фактически эта исторія дана въ откровеніи и жизни церкви; понять и уяснить ея логику—это задача философствующаго богослова. Но то, что у Хомякова получило блестящее развитіе, это его взглядъ на церковь. Движущая сила церкви—это любовь. Общеніе любви есть не только необходимое условіе нравственнаго совершенствованія, но и могущественное условіе познанія высшей истины: что недоступно для отдѣльной личности, то доступно для совокупности мышленій, соединенныхъ любовію. Общеніе любви создаетъ, такъ сказать, извѣстную нравственную атмосферу, которая поднимаетъ личность до такой высоты, до которой она, предоставленная самой себѣ, не въ состояніи подняться. Отсюда становится понятнымъ, почему базисомъ своего ученія о церкви Хомяковъ поставилъ вопросъ о ея единствѣ. Церковь едина, во первыхъ, потому, что она есть единство божественной благодати, во вторыхъ—потому, что она есть единство совѣстей, соединенныхъ любовью. Такъ какъ единство церкви покоится на основѣ чисто-нравственной, то понятно, что имъ не уничтожается свобода личности: гдѣ царитъ любовь, тамъ нѣтъ мѣста рабству, тамъ живетъ одна свобода. Отпаденіе одной или многихъ личностей отъ тѣла церкви есть дѣло произвола, свидѣтельствующаго о недостаткѣ любви. Самый крупный историческій фактъ въ этомъ родѣ есть фактъ отпаденія отъ церкви Рима. Сущность и смыслъ этого факта заключается не столько въ допущенныхъ Римомъ новшествахъ, сколько въ самой возможности ихъ появленія. Возможность появленія важнѣйшихъ изъ этихъ новшествъ показываетъ, что Римъ уже давно пересталъ жить единою жизнью съ церковью; поэтому актъ окончательнаго разрыва съ нею есть лишь внѣшнее обнаруженіе гораздо раньше совершившагося внутренняго факта. Оторванный отъ средоточія нравственной силы, т. е. отъ церкви, Римъ поспѣшилъ замѣнить эту силу авторитетомъ произвольно выдѣленной изъ церкви личности папы, которую надѣлилъ формально-юридическими прерогативами, противными смыслу и духу церкви. Такъ формально-юридическое начало стараго языческаго Рима, временно подавленное началомъ христіанскимъ, теперь опять восторжествовало надъ послѣднимъ; западная церковь, переставъ быть институтомъ нравственнымъ, организовалась на началахъ чисто-юридическихъ и вступила въ борьбу

съ государствомъ, какъ съ учрежденіемъ по духу себѣ равнымъ. Начало, выдвинутое католическою церквію, получило широкое развитіе въ протестантствѣ, гдѣ церковныя права папы перенесены на каждаго члена общины. Поставивъ произволъ личности на мѣсто церкви, протестантство авторитетъ папы замѣнило авторитетомъ буквы Свящ. Писанія. Такимъ образомъ церковное начало, или что то же—начало соборности, принципіально нарушенное въ католичествѣ, совершенно изсякло въ протестантствѣ, и послѣднее, лишившись объединяющей силы этого начала. естественно распалось на множество отдѣльныхъ сектъ. Такъ одинъ изъ крупнѣйшихъ членовъ вселенской церкви, отдѣлившись отъ нея, лишился ея животворящей силы и разложился на свои составные элементы.

Будучи вынуждены ограничиться лишь этой краткой замѣткой о богословскомъ міровоззрѣніи Хомякова, въ заключеніе оттѣнимъ слѣдующія положенія. Хомяковъ со свойственною ему глубиною мысли понялъ, какая тѣсная, неразрывная связь существуетъ между нравственнымъ и догматическимъ ученіемъ христіанской церкви; во вторыхъ, онъ съ очевидною наглядностью разъяснилъ смыслъ и значеніе соборности, какъ специфической особенности въ ученіи православія о церкви; въ третьихъ, онъ замѣчательно рельефно нарисовалъ намъ самый образъ церкви, какъ нравственно-воспитательнаго учрежденія, которое, будучи правильно понято, можетъ повести личность по пути безконечнаго нравственнаго совершенствованія; наконецъ, онъ на дѣлѣ показалъ, какимъ образомъ свобода мнѣнія въ вопросахъ вѣры можетъ быть совмѣстима съ выдвинутымъ имъ же самимъ положеніемъ: «не суди церкви, но повинуйся ей».

Есть много людей, которые, охотно предписывая правила для другихъ, считаютъ ихъ необязательными для себя. Для Хомякова повиновеніе церкви было дѣломъ всей его жизни. Вотъ что засвидѣтельствовалъ объ этомъ между прочимъ Кошелевъ. «Обряды церковные, и въ особенности посты, онъ (Хомяковъ) соблюдалъ строго, никогда притомъ не осуждая тѣхъ, которые въ этомъ отношеніи дѣйствовали иначе. Даже въ Парижѣ, гдѣ въ первый разъ Хомяковъ былъ въ ранней молодости, онъ сумѣлъ во весь великій постъ ни разу не оскоромиться. Онъ говорилъ, что содержитъ посты потому, что церковь ихъ установила, что не считаетъ себя вправѣ становиться

выше ея и что дорожитъ этою связью съ народомъ. Въ церковь онъ ходилъ очень прилежно, и хотя имѣлъ привычку вставать по утрамъ поздно, часу въ 12-мъ, однако по праздникамъ не пропускалъ обѣдни и часто ходилъ даже къ заутрени. Молился онъ много и усердно, но старался этого не показывать и даже это скрывалъ. Никто и никогда не могъ упрекнуть его въ святошествѣ. Для Хомякова вѣра Христова была не доктриною и не какимъ либо установленіемъ; для него она была жизнію, всецѣло охватывавшею все его существо».

Изъ всего сказаннаго видно, что Хомяковъ былъ мыслитель глубоко-оригинальный; эта его оригинальность обусловливалась тѣмъ, что въ рѣшеніи каждаго вопроса, подлежащаго изслѣдованію человѣческой мысли, онъ никогда ничего не хотѣлъ принимать на вѣру, а всегда и вездѣ старался докапываться до самой первоосновы знанія. Отсюда понятнымъ становится, почему Хомяковъ сталъ главою славянофильской школы: примкнуть къ направленію тогдашняго общества, раболѣпно преклонявшагося передъ аторитетомъ Запада, онъ не могъ потому, что всякое рабство противно было его свободной, самобытной натурѣ. Хомяковъ презиралъ не «Западъ и его гніющую цивилизацію», какъ это въ свое время старался доказать извѣстный Боткинъ; къ Западу Хомяковъ относился съ полнымъ уваженіемъ и отдавалъ, скажемъ его же словами, «вполнѣ справедливую дань удивленія его великимъ явленіямъ историческимъ, и художественнымъ, и научнымъ» и признавалъ за нимъ право на «слово правдиваго уваженія, непомраченнаго ни осужденіемъ, ни упрекомъ». Хомяковъ презиралъ не Западъ, а раболѣпіе предъ Западомъ, развившее легкомысліе и верхоглядство, которыя противны были его глубокой природѣ.

На вопросъ, когда Хомяковъ проникся славянофильскими убѣжденіями, приходится отвѣтить, что онъ родился славянофиломъ. Дѣйствительно, къ самой ранней порѣ его дѣтства относится нѣсколько фактовъ, служащихъ прямымъ подтвержденіемъ этого положенія. Такъ, натолкнувшись въ одной книгѣ на папскую буллу и подмѣтивъ въ ней опечатку, острый мальчикъ осаждаетъ своего учителя латинскаго языка, аббата Боавена, вопросомъ, какъ можетъ онъ признавать папу непогрѣшимымъ, когда этотъ святой отецъ дѣлаетъ ошибки правописанія. Будучи 11-ти лѣтъ, онъ скорбитъ о томъ, что не можетъ

драться съ разбитымъ при Ватерлоо Наполеономъ и утѣшаетъ себя тѣмъ, что станетъ «бунтовать славянъ». Семнадцатилѣтній Хомяковъ, воспламененный филеллинскими идеями, бѣжитъ изъ родительскаго дома съ тѣмъ, чтобы драться за грековъ и бунтовать славянъ. Возвращенный подъ родительскій кровъ, благодаря бдительности стараго дядьки, Артемія, онъ осуществляетъ эту свою мечту во время русско-турецкой войны 1828—29 гг., когда, служа въ бѣлорусскомъ гусарскомъ полку, отличается «холодною блестящею храбростью». Обнаруживая такую пылкость въ проявленіи симпатій къ угнетеннымъ единовѣрнымъ и единокровнымъ братьямъ, юный Хомяковъ совершенно иначе относится къ затѣямъ декабристовъ. Горячо доказывая, что изъ всѣхъ революцій самая несправедливая есть революція военная, онъ въ то же время приводитъ въ бѣшенство одного изъ декабристовъ, увѣряя его, что онъ (декабристъ) «вовсе не либералъ, а предпочитаетъ только единодержавію тиранство вооруженнаго меньшинства». И въ то же время Хомяковъ цѣлыя ночи проводитъ въ спорѣ по разнаго рода богословско-философскимъ вопросамъ и, побивая выводы нѣмецкой философіи, горячо отстаиваетъ христіанство въ его православной формѣ. А между тѣмъ пробуждающіяся силы начинаютъ зарождать въ немъ жажду дѣятельности, которая, сообразно съ богатствомъ природныхъ дарованій, ищетъ широкаго простора для своего проявленія:

Я не рожденъ быть утлою ладьею,
Забытой въ пристани, незнающей морей,
И праздной истлѣвать кормою,
Добычей гнили и червей.
Но я хочу летать надъ бурными волнами
Могучимъ кораблемъ съ дружиной боевой,
Подъ солнцемъ тропика, межъ сѣверными льдами,
Бороться съ бездною и дикою грозой..

Скоро эти страстные, широкіе порывы начинаютъ принимать опредѣленное направленіе и его «боевая дружина» получаетъ опредѣленное назначеніе:

Я видѣлъ сонъ, что будто я пѣвецъ,
И подъ перомъ моимъ дышали струны,
И звуки ихъ гремѣли, какъ перуны,
Стрѣлой вонзалися во глубину сердецъ.

Такъ писалъ Хомяковъ въ 1828 году; а въ началѣ 30-хъ го-

довъ, онъ, появляясь въ вышеназванныхъ кружковыхъ собраніяхъ, выступаетъ уже вдохновеннымъ проповѣдникомъ тѣхъ идей, которыя легли въ основаніе ученія славянофиловъ. «Многіе изъ насъ,—говоритъ одинъ изъ членовъ этихъ собраній,—въ началѣ были ярыми западниками, и Хомяковъ почти одинъ отстаивалъ необходимость для каждаго народа самобытнаго развитія, значеніе вѣры въ человѣческомъ душевномъ и нравственномъ быту и превосходство нашей церкви надъ ученіями католичества и протестантства». Какъ глава и организаторъ славянофильскаго кружка, Хомяковъ буквально былъ незамѣнимъ. Однихъ нужно было поддерживать въ разъ принятомъ направленіи; въ другихъ нужно было ослаблять крайности направленія; по отношенію къ третьимъ нужно было устранять возникшія недоразумѣнія и т. д. И въ то же время необходимо было «отписываться» по случаю возникавшихъ съ оффиціальными властями недоразумѣній и защищать эту «небольшую дружину» отъ злостныхъ нападковъ западниковъ, никакъ не хотѣвшихъ примириться съ тою ролью, какую взяла на себя эта небольшая горсть людей. Никто не въ состояніи былъ выполнить съ такимъ успѣхомъ эту многотрудную задачу, какъ Хомяковъ. Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ качествъ, онъ вдобавокъ отличался еще замѣчательно кроткимъ, благодушнымъ и миролюбивымъ характеромъ. «Простота его обхожденія была очаровательна. Онъ себя цѣнилъ очень невысоко, даже черезчуръ невысоко, никогда и никому не давалъ почувствовать свое надъ нимъ превосходство и ко всѣмъ относился какъ къ существамъ вполнѣ себѣ равнымъ». Когда кружку почему-нибудь приходилось особенно трудно, Хомяковъ ни самъ не унывалъ, ни друзьямъ своимъ не позволялъ приходить въ отчаяніе. Особенно замѣчательны въ этомъ отношеніи его письма къ друзьямъ. Вотъ любопытныя строки изъ его письма къ Ю. Ѳ. Самарину, писанныя послѣ публичныхъ лекцій Шевырева и Грановскаго (1844 г.): «Ряды нашихъ друзей оказались необычайно рѣдкими и дружина ничтожною. Весь университетъ или почти весь (это все равно) держится другой стороны. Публика не держится покуда никого, но колыхается и должна пристать куда-нибудь. Покуда большинство глядитъ къ Западу. Но это ничего не значитъ: правы будутъ тѣ, которые сильнѣе, прямѣе и постояннѣе

станутъ ее пробуждать отъ ея умственной апатіи. Надобно только сохранять вполнѣ нравственное достоинство и безусловную, безстрастную чистоту во всѣхъ дѣйствіяхъ, и тогда нападенія Давыдова (деканъ словеснаго отдѣленія), который теперь уже сталъ насъ называть гнусными, Новосильцева (московскій вице-губернаторъ), который объявляетъ себя другомъ просвѣщенія и порядка и врагомъ славянъ и безпорядка, и даже Краевскаго, который подводитъ насъ подъ первые два пункта, обратятся намъ же въ пользу. Мы же должны знать, что никто изъ насъ не доживетъ до жатвы, и что нашъ духовный и монашескій трудъ пашни, посѣва и полотья есть дѣло не только русское, но и всемірное. Эта мысль одна только можетъ дать силу и постоянство». Въ другомъ письмѣ къ тому же Самарину онъ пишетъ: «Мнѣ кажется, намъ всѣмъ надобно быть довольно близко другъ отъ друга. Насъ слишкомъ мало, чтобы намъ расходиться по бѣлу свѣту. Еще нуженъ намъ фокусъ, въ которомъ сосредоточивалась бы наша мысль, согрѣвая взаимно другъ друга, укрѣпляя наши личныя силы и устремляя ихъ къ одному направленію. Лучинки разрозненныя горятъ да и гаснутъ: вмѣстѣ связанныя онѣ передаютъ огонь цѣлому костру». Вообще, въ кружкѣ славянофиловъ Хомяковъ былъ, съ одной стороны, компасомъ, указывавшимъ путь этой маленькой боевой эскадрѣ, съ другой стороны—кормчимъ, спасавшимъ ее отъ бурь, скалъ и подводныхъ камней. Въ такой именно роли онъ выступаетъ какъ сотрудникъ «Русской Бесѣды», гдѣ онъ не только сотрудничалъ въ точномъ смыслѣ слова, но и отписывался за редактора въ трудныхъ и щекотливыхъ случаяхъ и «умиротворялъ возникавшія въ средѣ ея сотрудниковъ разногласія». Этою конечно видною ролью объясняется то, что стрѣлы, предназначенныя для славянофиновъ, направлялись обыкновенно по адресу Хомякова, относившагося въ большинствѣ случаевъ къ выходкамъ своихъ враговъ вполнѣ благодушно. «Глинко-коптевская фаланга, пишетъ онъ Самарину, меня такъ огласила безбожникомъ, что одна дѣвица, встрѣтившая меня случайно на вечерѣ, говорила уходя хозяйкѣ: «Но онъ не сказалъ ничего такого страшнаго!» Она воображала меня апокалиптическимъ дракономъ, разѣвающимъ пасть

только для хулы. Въ Тулѣ я прослылъ развратникомъ. Удивительное счастье на репутацію домашнюю! Зато заграницею меня утѣшаютъ лестными эпитетами, какъ напримѣръ: «жалкій и наводящій тошноту», что вмѣстѣ взятое составляетъ довольно пріятное сочетаніе разныхъ славъ». Любопытно, что въ то время какъ интеллигенція извѣстнаго направленія надѣляла Хомякова эпитетами «безбожника» и «развратника», простой народъ, слушая его бесѣды съ раскольниками, которыя онъ велъ на всякой Святой недѣлѣ на паперти Успенскаго собора, находилъ, «чтобъ этому барину архіереемъ быть». Впрочемъ, и заграницею серьезные ученые относились къ Хомякову съ уваженіемъ. Извѣстно, что когда во время своего второго заграничнаго путешествія онъ посѣтилъ Оксфордъ, тамошніе ученые сдѣлали ему торжественную встрѣчу и дали ему почетный обѣдъ. Причиною такого рѣдкаго вниманія гордыхъ сыновъ Альбіона къ Хомякову были конечно его брошюры о западныхъ исповѣданіяхъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ сказать еще нѣсколько словъ о Хомяковѣ, какъ поэтѣ. Философія и поэзія обыкновенно признаются несовмѣстимыми въ одномъ и томъ же лицѣ. Этотъ удивительный человѣкъ и въ данномъ случаѣ составляетъ счастливое исключеніе. Какъ синтезъ вѣры свободно уживался въ немъ съ анализомъ науки, такъ точно «въ немъ поэтъ не мѣшалъ философу и философъ не смущалъ поэта». И это можно сказать не въ томъ только смыслѣ, что Хомяковъ въ одно и то же время могъ и заниматься философіей и писать поэтическія произведенія; а и въ томъ, что его поэтическія произведенія, заключая въ себѣ прелесть поэзіи, въ то же время обличаютъ въ авторѣ глубокаго мыслителя. Его стихотворенія, напоминая своею силою могучій стихъ Лермонтова, а граціей — несравненную прелесть стиха Пушкина, всегда содержатъ въ себѣ какую нибудь глубокую философскую мысль. Такія напр. стихотворенія, какъ: Клинокъ, Орелъ, Ключъ, Островъ, Кіевъ, «Мы родъ избранный», «Не гордись передъ Бѣлградомъ», Россіи, Раскаявшейся Россіи и нѣкоторыя другія могутъ быть названы классическими въ своемъ родѣ. Почти всѣ его поэтическія произведенія представляютъ не что иное, какъ выраженіе въ поэтическихъ образахъ тѣхъ его завѣтныхъ думъ, которыя онъ всю жизнь свою проповѣдывалъ и въ устныхъ бесѣдахъ, и въ своихъ прозаическихъ сочиненіяхъ.

Уже изъ этого бѣглаго очерка, который не претендуетъ ни на полноту, ни на особую выпуклость характеристики, видно, какая это была оригинальная, всесторонняя, глубокая, по истинѣ великая личность. Самымъ фактомъ своего существованія Хомяковъ свидѣтельствуетъ, что народъ, способный въ важнѣйшіе моменты своего историческаго бытія выдвигать на арену жизни такихъ великановъ, хранитъ въ глубинѣ своего духа силы необъятныя и что если онъ этими силами сумѣетъ разумно воспользоваться, то смѣло можетъ расчитывать на великое будущее.

В. Завитневичъ.

РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ
и
ГРЕКО-СЛАВЯНЕ

(Политическій очеркъ)

I.

Покойный нѣмецкій императоръ Фридрихъ III, будучи еще наслѣдникомъ престола, въ одной изъ своихъ публичныхъ рѣчей высказалъ мысль, что на прусскую династію Гогенцоллерновъ перешла задача, поставленная болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ римско-нѣмецкимъ императоромъ Карломъ Великимъ. По этому взгляду нынѣшняя германская имперія является какъ бы продолженіемъ или возобновленіемъ имперіи Карла Великаго.

Заявленіе будущаго наслѣдника нѣмецкой имперіи вызвало въ свое время не мало толковъ. Многимъ оно казалось совершенно неосновательнымъ самовозвышеніемъ Гогенцоллерновъ. Указывали между прочимъ на то, что имперія Карла В. обхватывала сверхъ нынѣшней Германіи еще Францію, Бельгію, Голландію, Швейцарію, западныя области Австріи, а равно верхнюю и среднюю Италію, слѣдовательно всю среднюю Европу.

Теперь однако нельзя болѣе сомнѣваться, что задуманное династіей Гогенцоллерновъ образованіе средне-европейской имперіи, долженствующей по обширности и населенію значительно превзойти даже имперію Карла В., стоитъ на дневной очереди, принимаетъ уже опредѣленныя очертанія и передъ нашими глазами въ удивительной тишинѣ, но быстро—приближается къ своему осуществленію. Процессъ этого политическаго образованія представляетъ высокій интересъ, а потому заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія.

Уже съ наполеоновскихъ войнъ, особенно же съ 1848 г. Гоген-

цоллерны съ большимъ успѣхомъ пользовались для своихъ цѣлей одушевленнымъ стремленіемъ всѣхъ нѣмецкихъ племенъ къ соединенію въ одно могущественное государство. Правда, на этомъ пути встрѣчены были ими и нѣкоторыя неудачи, но онѣ были приписаны прежней русско-австрійской дружбѣ. Въ 1863 г. Гогенцоллерны воспользовались одушевленіемъ нѣмцевъ для войны съ Даніей, въ 1866 г. для похода на Австрію, и наконецъ четыре года спустя для разгрома Франціи.

Побѣда подъ Кралевоградцемъ (Königgrätz) въ 1866 г., доставивъ Гогенцоллернамъ столь давно желанное униженіе династіи Габсбурговъ и выдѣленіе Австріи изъ германскаго союза, привела къ гегемоніи прусаковъ въ Германіи, по крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ ея частяхъ. Съ этимъ связано было значительное расширеніе Пруссіи, благодаря присоединенію въ 1864 г. герцогствъ Лауенбурга, Голштиніи и Шлезвига, а два года спустя — еще Нассау, Кургессена, Гессенъ-Гомбурга, Франкфурта на Майнѣ, нѣкоторыхъ частей Баваріи и королевства Ганноверскаго. Сверхъ того счастливый походъ 1866 г. доставилъ Пруссіи значительное военное вознагражденіе отъ Австріи, Баваріи, Виртемберга, Бадена и Гессенъ-Дармштадта, а равно небезполезную дружбу Италіи, которая тогда же добилась присоединенія Венеціи.

Еще важнѣе пожалуй по своимъ послѣдствіямъ было униженіе Франціи, достигнутое нѣмецкимъ оружіемъ въ 1870 и 1871 гг. Оно привело къ повышенію прусской королевской династіи Гогенцоллерновъ въ нѣмецкую императорскую династію, слѣдовательно къ господству надъ всей Германіей, со включеніемъ отнятыхъ отъ Франціи провинцій, Эльзаса и Лотарингіи. Кромѣ того въ распоряженіе Гогенцоллерновъ досталось тогда громадное военное вознагражденіе, въ 5 милліардовъ франковъ. Эти неожиданные успѣхи, обусловленные національнымъ одушевленіемъ нѣмцевъ, которымъ Гогенцоллерны сумѣли воспользоваться, — не могли не возвысить обаянія новой нѣмецкой имперіи до небывалыхъ размѣровъ. Оставалось только утилизировать это обаяніе и въ дипломатической области.

Такъ какъ могущество Пруссіи казалось съ тѣхъ поръ гораздо выше, чѣмъ оно было въ дѣйствительности, то ей не трудно было направить на востокъ глаза Австріи, униженной неудачами и потерявшей подъ собой почву какъ въ Германіи, такъ и въ Италіи. Могли ли Габсбурги устоять отъ соблазнительной надежды получить при помощи Германіи на востокѣ обильное вознагражденіе за утрату господствующаго положенія на западѣ! Австрія перенесла такимъ образомъ съ 1867 г. центръ своей тяжести изъ Вѣны въ

Будапештъ, чѣмъ обусловлено было и раздѣленіе имперіи на два государства. Взаимное соперничество этихъ двухъ государствъ, а равно стремленіе къ полному преобразованію составленной изъ многихъ земель и различныхъ народностей Габсбургской монархіи, въ направленіи рѣзко федералистическомъ, вызвало ожесточенную взаимную борьбу всѣхъ этихъ народовъ, слѣдовательно ослабило внутренній строй монархіи. И эта слабость, проистекающая отъ органическихъ ея пороковъ, является теперь хроническою, трудно излѣчимою болѣзнью.

Несмотря на то, расчитывая получить вознагражденіе на востокѣ, габсбургская монархія старалась расширить сферу своего господства на смежныя балканскія земли. Поощреніемъ этихъ затѣй былъ прежде всего съѣздъ трехъ императоровъ въ 1872 г., послужившій офиціальнымъ выраженіемъ такъ называемой лиги трехъ императоровъ, а затѣмъ—берлинскій конгрессъ (въ 1878 г.) и утвержденная имъ передача Габсбургамъ временнаго управленія Босніи и Герцеговины. Въ Берлинѣ предвидѣли, что это стремленіе Габсбурговъ неизбѣжно приведетъ ихъ къ столкновенію съ примыкающею на сѣверо-востокѣ могущественною Россіею, слѣдовательно устранитъ возможность сближенія послѣдней съ Австро-Угріею, которое понятно не можетъ входить въ планы берлинской политики. Въ связи съ внутренними смутами въ имперіи Габсбурговъ, эти натянутыя отношенія во внѣшней политикѣ должны были, по расчетамъ Гогенцоллерновъ, приблизить моментъ, когда имъ удастся присоединить къ своимъ владѣніямъ принадлежавшія нѣкогда Германіи нѣмецкія провинціи Габсбурговъ.

Но неограниченное расположеніе Россіи, доставившее династіи Гогенцоллерновъ возможность не только унизить Австрію и Францію, но и подготовлять дальнѣйшія пріобрѣтенія, стало ослабѣвать еще до берлинскаго конгресса, а послѣ него измѣнилось въ натянутость, все болѣе и болѣе возрастающую. Передъ Германіей стала обрисовываться опасность возможнаго соглашенія между Австріей и Россіей, которое могло бы вновь поставить династію Габсбурговъ во главѣ неокрѣпшей еще Германіи. Вотъ почему традиціонный противникъ Австріи, унизившій ее подъ Кралевоградцемъ, а затѣмъ пошатнувшій ея внутреннее и внѣшнее положеніе, вдругъ предложилъ Габсбургамъ дружественный союзъ. Такъ какъ во главѣ внѣшней политики Австріи стоялъ тогда диллетантъ осужденный въ 1849 г. на висѣлицу за государственную измѣну, то имперія эта подалась на удочку.

Заключенный 15 окт. 1879 г. оборонительный союзъ между Германіей и Австро-Угріей сдѣлалъ для послѣдней невозможнымъ

какое бы то ни было сближеніе съ Россіей. Съ тѣмъ вмѣстѣ союзъ этотъ подзадорилъ Австрію къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ на востокѣ, что привело къ серьезнымъ замѣшательствамъ въ ея отношеніяхъ къ Россіи, слѣдовательно усилило зависимость Австріи отъ Германіи. При такихъ условіяхъ Австрія не могла и думать въ 1883 г. объ отказѣ на предложеніе Германіи продолжить этотъ оборонительный союзъ, тѣмъ болѣе, что съ этого времени къ нему примкнула и искони враждебная Габсбургамъ Италія. Возникшая такимъ образомъ тройственная лига по требованію Германіи была вновь продолжена въ 1887 и въ 1891 гг., причемъ она получила болѣе опредѣленную форму.

Съ тѣхъ поръ вліяніе могущественнаго союзника, искусно игравшаго роль руководителя и покровителя Австро-Угріи, стало рѣшающимъ факторомъ ея внѣшней и внутренней политики, особеннно же въ организаціи ея арміи и флота. Эта зависимость выражалась и въ ежегодныхъ посѣщеніяхъ австрійскимъ императоромъ маститаго Вильгельма I въ Гаштейнѣ, а равно и австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ — кн. Бисмарка. Въ этомъ смыслѣ дѣлаемы были даже публичныя заявленія въ законодательныхъ собраніяхъ Австро-Угріи. Лишь въ торговыхъ и таможенныхъ дѣлахъ сохраняла еще Габсбургская монархія самостоятельность; но въ недавнее время она поставлена была въ необходимость отказаться отъ государственной независимости и въ этой области и заключить съ Германіей торгово-таможенную конвенцію на весьма долгій срокъ, двѣнадцать лѣтъ. Не даромъ нѣмецкая печать съ такимъ торжествомъ привѣтствовала это важное по послѣдствіямъ событіе. Старая монархія Габсбурговъ безспорно втянута уже въ кругъ господства Гогенцоллерновъ!

Подобнымъ же образомъ сумѣли они приковать къ нѣмецкой имперіи и Италію. Задача была не мало облегчена здѣсь тѣмъ, что въ Италіи не чувствовалось того традиціоннаго антагонизма, который раздѣлялъ издревле династіи Габсбурговъ и Гогенцоллерновъ. Въ переговорахъ съ Италіей на первомъ планѣ стояло стараніе доказать ей, что услуги Пруссіи въ общей войнѣ противъ Австріи въ 1866 г. болѣе содѣйствовали объединенію новаго, королевства, чѣмъ помощь Франціи въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, которую потому можно-де предать забвенію. Эта цѣль могла быть достигнута тѣмъ легче, что Италія принуждена была уступить Франціи нѣкоторыя свои области и кромѣ того не могла простить ей поддержки папскаго господства въ Италіи.

Труднѣе было расположить послѣднюю къ расширенію союза и на Австрію. Но итальянцамъ разъяснили, что униженная и

ослабленная монархія Габсбурговъ уже перестала быть опасною для Италіи, которая между тѣмъ при содѣйствіи Германіи и Австріи можетъ-де возвратить себѣ отнятыя Франціею области, а вдобавокъ пріобрѣсти еще Трентино (южный Тироль) и Приморье, какъ вознагражденіе за предусматриваемое расширеніе австрійскихъ границъ на востокѣ. Эти соображенія были достаточны, чтобы втянуть честолюбивое новое королевство въ тройную лигу. Скрѣпленію этой лиги и постепенному ея расширенію не мало содѣйствовали и наступившія затѣмъ препирательства между Италіей и Франціей, особенно изъ-за французской оккупаціи Туниса, которую Италія сочла нарушеніемъ своихъ правъ. Такимъ образомъ Италія, еще не вполнѣ окрѣпшая внутри, напуганная упорнымъ стремленіемъ папъ къ возстановленію Церковной области, въ отношеніяхъ же внѣшнихъ сбиваемая съ толку Англіей и затрудненная столкновеніями съ Франціей, не могла обойтись безъ покровительства Германіи и Австріи. При такихъ условіяхъ дальнѣйшій ходъ подчиненія Италіи нѣмцамъ не могъ существенно разниться отъ намѣченнаго нами подобнаго же процесса въ Австріи. Теперь никто болѣе не сомнѣвается, что Италія входитъ уже въ кругъ господства Гогенцоллерновъ.

Этотъ кругъ пополняется на нашихъ глазахъ затѣянными торгово-таможенными договорами съ нѣкоторыми малыми государствами, которыя въ этомъ отношеніи довольно важны, хотя въ политикѣ и не играютъ большой роли. Таковы прежде всего Бельгія и Швейцарія. Очень вѣроятно, что въ близкомъ будущемъ за ними послѣдуютъ Голландія и Люксенбургъ, а быть можетъ еще три Скандинавскія королевства и Румынія. Хотя нѣкоторыя изъ этихъ государствъ не принадлежатъ къ средней Европѣ, однако это не мѣшаетъ Гогенцоллернамъ стремиться къ незамѣтному включенію ихъ въ германскую имперію, посредствомъ торгово-таможеннаго союза. Въ доказательство мы можемъ сослаться на то, что подобнымъ же образомъ постепенно подчинены были Гогенцоллернами съ 1866 г. большія и меньшія государства Германіи. Итакъ дѣло пока стало лишь за заключеніемъ подобныхъ договоровъ, въ успѣхѣ чего врядъ ли можно сомнѣваться.

Бельгія имѣетъ вѣдь уже нѣмецкаго короля изъ династіи Кобурговъ. Да и въ населеніи ея преобладаютъ фламандцы, т. е. нѣмцы, которые сильно не долюбливаютъ французовъ и тяготѣютъ къ Германіи. И Швейцарія, будучи основана нѣмцами и населенная въ большинствѣ ими, имѣетъ въ сущности нѣмецкое управленіе. Голландцы говорятъ на одномъ изъ нарѣчій нижненѣмецкаго языка, а подчиненное имъ герцогство Люксенбургъ принад-

лежало даже къ нѣмецкому союзу до его прекращенія. Земли скандинавскія также населены народомъ германскаго происхожденія, которое живо сознается; въ Швеціи же хранится еще память о военномъ братствѣ съ нѣмцами, въ періодъ тридцатилѣтней войны. Что касается Румыніи, то извѣстно, что католическая часть ея населенія находится уже подъ протекторатомъ Австріи, а протестантская—Пруссіи, и что король этой смежной съ Австро-Угріей страны происходитъ изъ католической вѣтви Гогенцоллерновъ...

При этомъ нужно имѣть въ виду, что государства эти, за исключеніемъ Бельгіи и Румыніи, связаны съ германской имперіей крѣпкими узами протестантизма, и что даже независимо отъ этого для нихъ не можетъ казаться безразличнымъ гнѣвъ могущественнаго сосѣда. Во всякомъ случаѣ, эти государства не могутъ предпочесть своей изолированности уступкамъ въ таможенномъ и торговомъ отношеніи; отъ подобныхъ же уступокъ въ пользу союзниковъ могущественная Германія конечно не откажется, такъ какъ она преслѣдуетъ при заключеніи этихъ договоровъ высшія цѣли, а именно подготовляетъ постепенное присоединеніе этихъ государствъ, которое въ концѣ концовъ сдѣлаетъ излишними всѣ торгово-таможенныя конвенціи съ ними. Онѣ должны слѣдовательно осуществиться, хотя бы при этомъ и встрѣтились нѣкоторыя препятствія. Не исключена напримѣръ возможность, что обиженная въ 1864 г. обѣими великими державами, въ особенности же Пруссіей, Данія, вспоминая утрату двухъ своихъ герцогствъ и разсчитывая на поддержку сосѣдней Россіи, окажетъ Гогенцоллернамъ сопротивленіе. Того же могутъ они ожидать и отъ родственной датчанамъ, а прежде и политически съ ними связанной Норвегіи. Но это препятствіе было бы скоро устранено Гогенцоллернами, если Россія и впредь будетъ откладывать свои мѣропріятія противъ широкихъ затѣй прусской династіи. Можно предполагать, что и Англія воспротивится включенію въ германскую имперію Голландіи, обладающей значительнымъ флотомъ и важными заокеанскими колоніями. Но она не въ состояніи будетъ съ успѣхомъ бороться противъ заключенія таможенно-торговыхъ договоровъ, а быть можетъ и другого рода союза между Голландіей и сосѣдней Германіей. А этого будетъ достаточно для послѣдней, ибо по заключеніи такихъ договоровъ Германіи не трудно будетъ постепенно ихъ закрѣпить и расширить. Безъ энергическаго вмѣшательства Россіи и Франціи противодѣйствіе Голландіи въ данномъ случаѣ было бы столь же безплодно, какъ и сопротивленіе Австріи и Италіи. Вѣрность этого заключенія можно подтвердить нижеслѣдующими соображеніями.

Каждое государство имѣетъ конечно свою ахиллесову пяту. Государственные люди Германіи усвоили себѣ отъ кн. Бисмарка искусство пользоваться подобными слабостями сосѣдей самымъ неразборчивымъ образомъ, для традиціоннаго умноженія владѣній Гогенцоллерновъ. Въ доказательство сошлюсь на тотъ напримѣръ фактъ, что Пруссія, будучи еще членомъ нѣмецкаго союза, заключила 8 апр. 1866 г. тайный наступательный союзъ противъ Австріи, а сверхъ того рѣшила воспользоваться отрядомъ мятежниковъ подъ командою недавно умершаго генерала Клапки для вызова революціи въ Угріи, чтобы такимъ образомъ осуществить давнюю мечту Гогенцоллерновъ—разгромить имперію Габсбурговъ.

Подобнаго рода противники, не щадящіе ни крови, ни желѣза и вовсе не разбирающіе средствъ для достиженія своихъ цѣлей, не могутъ не возбуждать страха даже въ великихъ государствахъ, понимающихъ свои слабости. А что же сказать о государствахъ малыхъ? Очень хорошо сознаетъ за собою подобнаго рода слабости Австрія, которая замѣчаетъ, что многія изъ нихъ вызваны именно ея послушаніемъ прусскимъ совѣтамъ. Она не можетъ не видѣть, что безъ поддержки германской имперіи ей было бы невозможно удержать за собою Боснію и Герцеговину, а вмѣстѣ и пріобрѣтенное вліяніе на Балканскомъ полуостровѣ. Слѣдовательно, въ случаѣ разлада съ имперіей Гогенцоллерновъ она была бы принуждена отказаться отъ всѣхъ надеждъ на расширеніе своей власти на востокѣ. Австрія понимаетъ также, что въ случаѣ серьезнаго столкновенія съ Германіей громадное большинство не только австрійскихъ нѣмцевъ, но и мадьяръ, слѣдовательно двухъ господствующихъ народовъ Австро-Угріи, перешло бы на сторону Германіи, ибо первые стремятся къ соединенію съ нѣмецкими братьями, вторые же въ странномъ ослѣпленіи ожидаютъ для себя, по отпаденіи отъ Габсбурговъ и непосредственномъ подчиненіи Гогенцоллернамъ, расширенія мадьярскаго господства на весь Балканскій полуостровъ. По мнѣнію мадьяръ, этимъ способомъ была бы осуществлена идея федераціи нижнедунайскихъ государствъ по рецепту, а быть можетъ подъ руководствомъ Кошута! Австрія убѣдилась и въ томъ, что лишь по командѣ изъ Берлина прежняя оппозиція нѣмцевъ и мадьяръ противъ оккупаціи Босніи и Герцеговины, да и вообще упорство этихъ двухъ народностей — вдругъ превратилось въ примѣрное послушаніе. Эта же команда послѣдовала лишь въ силу подписанія Габсбургами желаннаго для Гогенцоллерновъ союза...

Очень хорошо сознаетъ свою внутреннюю слабость и Италія, совершенно испортившая въ угоду Германіи свои дружественныя

отношенія къ сосѣдней Франціи. Особенно опаснымъ для существованія Италіи представляется хотя бы частичное лишь возстановленіе Церковной области. А между тѣмъ достаточно одного мановенія руки Гогенцоллерновъ, чтобы вызвать рѣшительныя заявленія со стороны католиковъ не одной лишь Германіи, въ пользу возстановленія Церковной области въ границахъ, опредѣленныхъ вѣнскимъ конгрессомъ въ 1815 г. Подобныя же заявленія въ частныхъ собраніяхъ и въ законодательныхъ палатахъ представили бы для Гогенцоллерновъ удобный случай возбудить римскій вопросъ. Легко предвидѣть слѣдствія такого шага протестантской Германіи, за которою не замедлили бы послѣдовать и католическія державы: Австрія, Испанія, Португалія, Бельгія и даже возмущенная итальянской неблагодарностью Франція. Это вызвало бы конечно энергическія заявленія и со стороны нѣсколько запуганнаго теперь итальянскаго духовенства, а за нимъ—и большинства итальянскаго населенія, которое потребовало бы возстановленія правъ папы. Нельзя сомнѣваться, что Германія и прибѣгла бы къ этой мѣрѣ въ случаѣ несговорчивости Италіи. Уже въ прошломъ году, когда Италія не то что отказалась отъ возобновленія союза со своимъ могущественнымъ защитникомъ и покровителемъ, а лишь замедлила отвѣтомъ на его требованія,—на конгрессахъ нѣмецкихъ католиковъ и въ законодательныхъ собраніяхъ Германіи вдругъ возбужденъ былъ вопросъ о возстановленіи Церковной области. Да и австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ высказался тогда по этому вопросу въ такомъ смыслѣ, который сразу прекратилъ проволочки Италіи въ возобновленіи союзнаго договора.

Изъ этого видно, съ какимъ искусствомъ дѣйствуютъ государственные люди Германіи въ видахъ ослабить внутри и внѣ даже т. наз. великія державы, чтобы затѣмъ втянуть ихъ въ конвенціи, благодаря которымъ онѣ попадаютъ въ затруднительное положеніе и принуждены затѣмъ подчиниться династіи Гогенцоллерновъ, потерявъ даже надежду на освобожденіе отъ этого ига собственными силами. Но если и двѣ названныя великія державы оказываются слабыми для возстановленія своей утраченной государственной самостоятельности, то что же сказать о государствахъ второстепенныхъ и третьестепенныхъ! Особенно опаснымъ представляется положеніе Голландіи, которая въ случаѣ войны съ могущественнымъ сосѣдомъ не только утратила бы свое нынѣшнее благосостояніе, но и была бы подобно Ганноверу навсегда исключена изъ ряда государствъ.

Печальные опыты доказываютъ, что ни одному государству не удалось еще освободиться отъ дружественныхъ объятій прусско-

нѣмецкой имперіи: эти объятія становятся все тѣснѣе и крѣпче, пока наконецъ схваченное длинными прусскими руками государство испускаетъ духъ своей независимости. Итакъ если Россія и Франція будутъ оставаться и впредь спокойными зрителями этого процесса, то Австрія, Италія и прочія государства, которыя уже заключили или заключатъ еще конвенціи съ Германіей, постепенно все болѣе и болѣе утратятъ свою самостоятельность и въ непродолжительномъ времени займутъ такое же отношеніе къ династіи Гогенцоллерновъ, въ какомъ находятся къ ней теперь Баварія, Саксонія, Виртембергъ, Баденъ и другіе члены германской имперіи. Легко предвидѣть, какое положеніе достанется въ концѣ концовъ всѣмъ этимъ государствамъ, подъ управленіемъ столь благополучно централизующей династіи Гогенцоллерновъ!

II.

Изъ предыдущаго явствуетъ, что процессъ образованія огромнаго царства Гогенцоллерновъ уже далеко подвинулся и въ близкомъ будущемъ можетъ втихомолку завершиться, если тому не помѣшаютъ непредвидѣнныя событія. Европа можетъ въ одинъ прекрасный день очутиться передъ фактомъ возстановленія римсконѣмецкой имперіи, который повлечетъ за собою полное измѣненіе взаимныхъ отношеній всѣхъ прочихъ государствъ. Особенная важность этого громаднаго политическаго процесса обязываетъ и насъ, австрійскихъ сербовъ, относиться къ нему съ особеннымъ вниманіемъ. Одна мысль о возможности подобной катастрофы внушаетъ невольный страхъ намъ, какъ и всѣмъ прочимъ славянамъ (за исключеніемъ выродившихся поляковъ) и румынамъ Австро-Угріи, а равно и Балканскаго полуострова. Но мы надѣемся на успѣшное противодѣйствіе этому процессу со стороны государствъ, которыя донынѣ не запряжены еще въ тріумфальную колесницу Гогенцоллерновъ.

При этомъ мы должны однако заявить, что не принадлежимъ къ тѣмъ людямъ, которые безусловно осуждаютъ успѣшное стремленіе Гогенцоллерновъ расширить власть своего дома на всю собственную Европу и такимъ образомъ возстановить въ еще болѣе широкихъ границахъ прежнюю имперію Карла Великаго. Наоборотъ, мы считаемъ стремленіе къ образованію въ Европѣ большихъ союзныхъ государствъ вполнѣ естественнымъ, особенно въ виду нынѣшняго громаднаго развитія путей сообщенія, а вмѣстѣ и вообще сношеній между отдѣльными странами. Отъ ихъ соединенія можно ожидать даже значительнаго улучшенія условій европейской жизни,

особенно же успѣховъ торговли, облегченія государственныхъ налоговъ и вообще обезпеченія благодѣяній мира. Мы раздѣляемъ въ сущности взглядъ князя Бисмарка, что всѣ мелкія государства Европы должны исчезнуть, ибо духъ времени требуетъ образованія большихъ государствъ, къ которымъ должны примкнуть однородныя съ ними малыя, но думаемъ, что специфически-нѣмецкая точка зрѣнія на этотъ процессъ страдаетъ односторонностью: она угрожаетъ самому—безспорно законному—существованію мелкихъ народовъ, хотя бы они не нарушали ничьихъ интересовъ. Притомъ же съ точки зрѣнія князя Бисмарка осуждаются на онѣмеченіе не только голландцы, фламандцы, датчане и скандинавцы, которые въ культурномъ отношеніи стоятъ довольно близко къ нѣмцамъ, но также и мадьяры, румыны, поляки и всѣ другія мелкія народности, долженствующія войти въ новую римско-нѣмецкую имперію Гогенцоллерновъ! Подобные взгляды представляются намъ грубо-пристрастными; но необходимость устраненія бѣдъ, причиняемыхъ мелкими независимыми государствами, обусловлена безспорными и серьезными потребностями новѣйшаго времени.

Мелкія государства, независимо отъ того, считаются ли они нейтральными или нѣтъ, всегда подвергаются вполнѣ естественному вліянію большихъ государствъ, въ силу ихъ сосѣдства или другихъ болѣе тѣсныхъ отношеній. Поэтому въ сущности они не бываютъ вполнѣ самостоятельными, а между тѣмъ стремятся къ полной независимости даже въ томъ случаѣ, если не имѣютъ никакихъ законныхъ правъ на то, какъ нынѣшняя Болгарія. Самымъ удобнымъ для нихъ средствомъ къ обезпеченію мнимой своей самостоятельности является возбужденіе ревности между сосѣдними великими державами. Когда подобному слабому государству удастся вызвать такую ревность посредствомъ нашептыванія то одному, то другому изъ сильныхъ сосѣдей, то этого рода мелкая дипломатическая игра, поглощая всѣ силы и искусство мѣстныхъ политиковъ, нерѣдко сопровождается вредными послѣдствіями и въ большой политикѣ: она вызываетъ раздоры между сильными сосѣдями и доводитъ въ концѣ концовъ до кровавыхъ войнъ. Ясно, что самостоятельныя или вѣрнѣе стремящіяся къ полной самостоятельности слабыя государства являются постоянною угрозою для мира,—тѣмъ болѣе, что они-то, какъ убѣждаетъ опытъ, особенно доступны интригамъ Англіи. Этимъ именно путемъ она вызываетъ обыкновенно на европейскомъ континентѣ смуты и войны, чтобы такимъ образомъ безъ выстрѣла увеличивать свои владѣнія, присоединеніемъ напримѣръ Кипра, а затѣмъ кажется и Египта. Англія разсчитываетъ безъ конца продолжать такимъ образомъ высасываніе

всего континента, а вмѣстѣ съ тѣмъ—свое возмутительное хозяйничанье въ Ирландіи и еще болѣе въ Индіи. Если прибавить къ этому, что населенія слабыхъ, но стремящихся къ полной независимости государствъ нерѣдко подвергаются нестерпимому гнету партій, случайно добившихся власти, и если вспомнить еще, что такія государства обыкновенно затрудняютъ на своихъ границахъ торговыя сношенія,—то трудно отрицать значительный вредъ, причиняемый подобными мелкими, лишь по виду независимыми государствами.

Такимъ образомъ въ принципѣ трудно возражать противъ поглощенія многихъ мелкихъ государствъ средней Европы могущественной и все возрастающей имперіей Гогенцоллерновъ. Это безспорно могло бы усилить торговыя сношенія, облегчить подати и вообще, какъ уже сказано, обезпечить европейскій миръ. Но этимъ не исчерпывались бы предусматриваемыя и нами выгоды для европейскихъ народовъ отъ возстановленія римско-нѣмецкой имперіи.

Въ интересахъ полной объективности мы отмѣтимъ еще нѣкоторыя изъ такихъ полезныхъ слѣдствій объединительной политики Гогенцоллерновъ.

Осуществленіе ихъ стремленій измѣнило бы прежде всего нынѣшнее направленіе нѣмецкой эмиграціи: вмѣсто Америки нѣмцы выселялись бы на Балканскій полуостровъ, а равно на угорскія и галицкія латифундіи, что повлекло бы за собою вытѣсненіе оттуда мадьяръ и поляковъ, которые слѣдовательно должны бы отказаться отъ всѣхъ надеждъ на независимую государственность. При такихъ условіяхъ исчезъ бы и итальянскій ирредентизмъ, а равно и надежды на полное или хоть частичное возстановленіе Церковной области, которыя возможны еще въ Италіи слабой, но были бы нелѣпы по включенію ея въ могущественную Германію. Исчезла бы тогда и въ Бельгіи ожесточенная борьба нынѣшнихъ ея партій; никто не сталъ бы тогда интересоваться вопросомъ о голландскомъ и люксенбургскомъ престолонаслѣдіи; Швейцарія перестала бы служить сборнымъ пунктомъ для разочарованныхъ революціонеровъ всѣхъ странъ Европы. Мы считаемъ возможнымъ, что Гогенцоллернамъ удалось бы тогда направить въ законную коллею и соціально-демократическое движеніе, причиняющее столько серьезнаго безпокойства всей западной Европѣ.

Откровенно говоря, тутъ предвидится очень много хорошаго; но это благополучіе досталось бы не всей Европѣ, а исключительно только возрастающей римско-нѣмецкой имперіи Гогенцоллерновъ, слѣдовательно безъ пользы или даже ко вреду всего европейскаго запада и востока. Да и на той части европейскаго материка, который вошелъ бы въ эту будущую имперію, отмѣчен-

ныя нами выгоды достались бы не всему населенію, а главнымъ образомъ одному только германскому элементу, котораго языкъ и народность была бы основою объединенной имперіи. Слѣдовательно, она не только не доставила бы европейскому востоку и западу тѣхъ гарантій порядка, спокойствія и всесторонняго развитія, которыя считаются необходимыми для средней Европы, но наоборотъ сдѣлала бы ихъ невозможными для другихъ. Въ среднеевропейскую имперію Гогенцоллерновъ пришлось бы вѣдь включить до 70 мил. негерманцевъ, между коими 25 мил. итальянцевъ должны бы тогда служить лишь къ возвышенію могущества и славы объединенныхъ въ имперіи германскихъ элементовъ, тогда какъ прочіе 40—45 мил. составленные изъ славянъ, румыновъ и мадьяръ, отчасти и грековъ съ албанцами, а также осколковъ французскаго, турецкаго и финскаго народовъ, были бы осуждены служить этнографическимъ матеріаломъ, т. е. безслѣдно исчезнуть въ германизмѣ.

Это обратная сторона медали, которая требуетъ ближайшаго разсмотрѣнія.

III.

Если Гогенцоллернамъ предназначена диктатура въ Европѣ, въ случаѣ образованія новой римско-нѣмецкой имперіи, то навѣрно можно предсказать, что французамъ не придется тогда играть на западѣ европейскаго материка ту роль, какую предназначила себѣ Пруссія въ средней Европѣ. Стоя во главѣ не только Германіи, но также Австро-Угріи и Италіи, Гогенцоллерны въ состояніи будутъ безъ особенныхъ усилій помѣшать соединенію 17-ти мил. населенія испанскаго и до 5-ти мил. португальскаго съ родственнымъ ему 38-ми-милліоннымъ населеніемъ Франціи, какъ ни желательно такое соединеніе романцевъ подъ главенствомъ Франціи, въ интересахъ всего европейскаго материка. Напрасно стали бы тогда ссылаться эти три сосѣдніе народа па свою взаимную близость по языку, религіи и національности; напрасно указывали бы на свои стародавнія политическія и церковныя связи. Уже и теперь королевскій престолъ Португаліи, которая такъ долго составляла одно цѣлое съ Испаніей въ отношеніи политическомъ и церковномъ, занятъ потомками нѣмецкаго принца, изъ дома Кобургъ-Гота. Да и въ Испаніи правитъ въ качествѣ королевы-регентши нѣмецкая эрцгерцогиня, изъ династіи Габсбурговъ.

Мы въ правѣ предполагать, что нѣмцы сумѣютъ воспользоваться этими обстоятельствами, чтобы изолировать Францію отъ сосѣднихъ

западныхъ государствъ и такимъ образомъ помѣшать опасному для нихъ усиленію ея. Къ тому же въ Берлинѣ не теряютъ изъ виду возможности въ случаѣ повторенія нѣмецко-французской войны воспользоваться и Испаніей, для вооруженной диверсіи противъ Франціи, что повлекло бы за собою раздѣленіе силъ послѣдней, а слѣдовательно перевѣсъ нѣмецко-итальянскаго оружія.

Что Гогенцоллерны, для осуществленія своихъ честолюбивыхъ замысловъ сумѣютъ помѣшать возрожденію французскаго могущества, въ этомъ врядъ-ли можно сомнѣваться, особенно если вспомнить, что въ послѣднее время они придаютъ особенный вѣсъ дружественнымъ совѣтамъ Англіи, которая не менѣе Германіи заинтересована въ ослабленіи Франціи.

Извѣстны пріемы, къ которымъ прибѣгаетъ Великобританія для пріобрѣтенія такихъ пунктовъ, откуда она въ данномъ случаѣ можетъ воспрепятствовать въ своихъ интересахъ міровымъ сообщеніямъ. Другіе народы называютъ эти пріемы простымъ грабежемъ, но англичане, въ примѣненіи къ себѣ, титулуютъ ихъ законнымъ захватомъ. Подобнаго рода захватомъ овладѣлъ въ 1704 г. англійскій адмиралъ Рукъ (Rooke) важною испанскою крѣпостью Гибралтаромъ, откуда Англія, при помощи своего флота, можетъ по собственному усмотрѣнію запирать проливъ, отдѣляющій Европу отъ Африки, а слѣдовательно прерывать сообщенія Средиземнаго моря съ Атлантическимъ океаномъ. Подобнымъ же образомъ утвердилась Англія въ Египтѣ, воспользовавшись моментомъ, когда Франція была крайне ослаблена неудачнымъ исходомъ нѣмецко-французской войны. Такой захватъ позволяетъ англичанамъ запирать въ своихъ интересахъ и Суэзскій каналъ, — это великое сооруженіе французскаго генія, — слѣдовательно прерывать прямое сообщеніе Средиземнаго моря и съ другимъ, Индійскимъ океаномъ. Кромѣ того извѣстна безцеремонность, съ которою Великобританія давитъ слабыя государства съ эксплоататорскими цѣлями. Самымъ свѣжимъ примѣромъ является Португалія, доведенная до нищеты и отчаянія англійскими вымогательствами.

Сильная Франція, на которую могли бы опереться оба смежныя королевства: Испанія и Португалія, положила бы конецъ ихъ эксплоатаціи англичанами, а слѣдовательно и ихъ вопіющей финансовой нуждѣ. Сверхъ того Франція посодѣйствовала бы испанцамъ вырвать наконецъ изъ англійскихъ рукъ беззаконно ими захваченный Гибралтаръ.

Если мы обратимся теперь къ восточной Европѣ, то и тамъ встрѣтимъ подобныя отмѣченнымъ на западѣ стремленія Гогенцоллерновъ. Какъ на западѣ Франція, такъ на востокѣ Россія въ

угоду имъ должна отказаться отъ своей естественной роли, въ средѣ родственныхъ по крови или духу народовъ, ибо въ противномъ случаѣ, т. е. при существованіи на востокѣ или западѣ материка сильной и консолидованной державы, могутъ ли Гогенцоллерны расчитывать на предположенную ими диктатуру въ Европѣ! Вотъ почему въ Берлинѣ издавна развиваютъ лихорадочную дѣятельность для возбужденія взаимныхъ антагонизмовъ и смутъ на грекославянскомъ востокѣ Европы, всегда направляя остріе этихъ антагонизмовъ противъ Россіи.

И здѣсь, какъ на западѣ, дѣятельную поддержку берлинскимъ интригамъ оказываетъ Великобританія, хитроумное правительство которой не щадитъ денегъ для противодѣйствія Россіи, въ которой оно видитъ угрозу для дальнѣйшей эксплоатаціи англичанами Турціи и восточной Индіи, а сверхъ того—естественнаго союзника не менѣе грозной Франціи. Но такъ какъ предусмотрительные государственные люди Германіи и Великобританіи не рискуютъ открыто выступить противъ Россіи, считая исходъ подобной политики не надежнымъ, то они избрали своимъ козломъ отпущенія Австро-Угрію. Въ интересахъ Гогенцоллерновъ она постепенно приведена въ открытый антагонизмъ съ могущественнымъ восточнымъ сосѣдомъ, причемъ пущены были въ ходъ задорныя рѣчи въ законодательныхъ собраніяхъ и вызывающія статьи прусофильствующей печати. Въ этой травлѣ особенно важныя услуги Гогенцоллернамъ оказала журналистика польская и мадьярская.

Неудивительно, если эта дѣятельность Гогенцоллерновъ достигла уже важныхъ, хотя—какъ мы убѣждены—эфемерныхъ успѣховъ. На румынскомъ королевскомъ престолѣ возсѣдаетъ Гогенцоллернъ, который, какъ уже упомянуто, не безъ удовольствія подѣлился съ Пруссіей и Австріей державными правами надъ своими римско-католическими и протестантскими подданными, получившими особую іерархическую организацію. Правда, въ угоду народу онъ принужденъ былъ отказаться отъ посвященнаго во всѣ его планы и податливаго Братіано, но по удаленіи послѣдняго Карлъ Гогенцоллернъ не безъ умысла вѣдь мѣнялъ почти ежегодно свои министерства. Предоставленныя берлинскимъ конгрессомъ австро-угорскому управленію такъ называемыя оккупаціонныя области, Боснія и Герцеговина, несмотря на временный характеръ этой оккупаціи впредь до возстановленія въ нихъ законнаго порядка, разсматриваются уже Австріей какъ ея собственныя колоніи, которыхъ сербское населеніе она постепенно ослабляетъ инородческими, преимущественно нѣмецкими колонистами. Если прибавить, что области эти получили уже хорошо организованную римско-католическую

іерархію, то нельзя не признать, что въ рукахъ Австріи онѣ являются какъ бы клиномъ, вбитымъ въ самое сердце сербизма, съ цѣлью на всегда парализовать политическія связи и возможную кооперацію королевства сербскаго съ княжествомъ черногорскимъ. Этимъ надолго пресѣчена возможность правильнаго развитія сербской народности.

Оккупаціонная область, по планамъ Гогенцоллерновъ, должна быть раздвинута до Солуни, въ интересахъ конечно не Австро-Угріи, а возникающей римско-нѣмецкой имперіи, которая призвана поглотить и Австрію. При этомъ дѣлаются попытки разсорить обѣ сербскія династіи, Обреновичей и Нѣгошей, посредствомъ вымышленныхъ расказовъ о тайныхъ планахъ Нѣгошей на сербскій королевскій престолъ. Столь же усердно продолжаются попытки сѣять раздоръ между Турціей и Россіей, а равно между послѣднею и освобожденными при ея помощи балканскими государствами, съ цѣлью перетянуть весь Балканскій полуостровъ въ сферу притяженія Берлина и подчинить его Гогенцоллернамъ.

Мы уже видѣли, какъ значительны ихъ успѣхи въ Румыніи. Гогенцоллерны были бы тутъ еще ближе къ цѣли, еслибы населеніе Румыніи не было возмущено надменностью мадьяръ и ихъ терроризмомъ противъ безпомощныхъ румыновъ Угріи. Съ этимъ настроеніемъ своего народа не можетъ справиться даже король Карлъ, особенно со времени паденія его любимаго министра Братіано. Такихъ колебаній не зналъ сербскій король-Миланъ, вслѣдствіе чего Сербія еще болѣе Румыніи подвергалась при немъ опасности войти въ кругъ господства Берлина и такимъ образомъ совершенно утратить свою и безъ того потрясенную государственность. Разсчитывая подъ нѣмецкомъ покровительствомъ основать на Балканскомъ полуостровѣ гегемонію Сербіи, король Миланъ сдѣлался покорнымъ орудіемъ прусофильской политики, и даже объявилъ войну единоплеменной и единовѣрной Болгаріи, которая все еще находилась подъ русскимъ протекторатомъ. Лишь неудачный исходъ этой ничѣмъ не вызванной братоубійственной войны до того усилилъ недовольство сербовъ управленіемъ Милана и его мадьярофильскихъ совѣтниковъ, что король вынужденъ былъ отказаться отъ престола въ пользу своего малолѣтняго сына и, передавъ управленіе регентству, удалиться въ частную жизнь. Съ тѣхъ поръ Сербія, несмотря на разнообразныя затрудненія, возстановила понемногу свою самостоятельность, насколько это вообще возможно для малыхъ государствъ; съ тѣмъ вмѣстѣ возвратились и традиціонныя добрыя отношенія Сербіи къ Россіи.

Наибольшихъ успѣховъ достигла нѣмецко-англійская политика

въ нынѣшней Болгаріи. Княжество это, послѣ недавней оборонительной войны съ соплеменной Сербіей, постепенно превратилось въ рѣшительнаго противника этого единовѣрнаго и родственнаго государства, а еще болѣе Россіи, которой оно обязано своимъ освобожденіемъ или даже существованіемъ. Конечно, въ населеніи Болгаріи не заглохло чувство должной благодарности къ освободителямъ; но вслѣдствіе неслыханнаго терроризма кровожадныхъ псевдоминистровъ нынѣшняго завѣдомо незаконнаго князя Фердинанда, послѣ безчисленныхъ арестовъ, пытокъ и казней, совершаемыхъ втеченіе цѣлаго ряда лѣтъ, болгарскій народъ словно онѣмѣлъ и какъ волъ согнулъ шею подъ игомъ своихъ ненасытныхъ тирановъ. Созданная Россіею и обученная русскими офицерами болгарская армія посредствомъ разныхъ террористическихъ мѣръ до того запугана и деморализована, что даже лучшіе ея элементы не смѣютъ уже сопротивляться правительственному террору. Конечно, при этомъ и рѣчи быть не можетъ о сохраненіи международныхъ договоровъ, особенно же пресловутаго берлинскаго трактата, который воочію нарушается уже однимъ существованіемъ незаконнаго князя и его псевдоминистровъ. Долго ли продержится въ Болгаріи нынѣшняя анархія, вызванная нѣмецко-англійскими вліяніями и поощряемая парламентскими рѣчами, министерскими заявленіями, а еще болѣе оффиціозною печатью средне-европейскихъ государствъ и Англіи,—мы не знаемъ, но думаемъ, что человѣческое терпѣніе имѣетъ свои границы. Во всякомъ случаѣ, шестилѣтнее уже существованіе этой анархіи доказываетъ, что вліянія нѣмецко-англійскія увѣнчались на болгарской почвѣ успѣхомъ, хотя быть можетъ и эфемернымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы отсюда усматриваемъ, что въ возникающую римско-нѣмецкую имперію Гогенцоллерновъ предположено включить сверхъ средней Европы еще Балканскій полуостровъ, вмѣстѣ съ королевствомъ греческимъ и Константинополемъ.

Если прибавить, что въ эту же имперію, по планамъ Гогенцоллерновъ, должны войти и скандинавскія королевства, то нельзя не признать, что въ такомъ случаѣ она была бы отлично округлена. Располагая теченіемъ Дуная и Рейна, она господствовала бы съ тѣмъ вмѣстѣ на всѣхъ омывающихъ Европу моряхъ, такъ что въ случаѣ надобности могла бы преградить своему западному сосѣду доступъ въ моря Балтійское, Адріатическое, Іоническое, Эгейское, особенно же Черное. Что касается восточнаго сосѣда Гогенцоллерновъ, Россіи, то ея флотъ было бы легко запереть въ Финскомъ заливѣ и Черномъ морѣ, слѣдовательно совершенно отрѣзать отъ естественныхъ морскихъ сообщеній.

Отсюда видно, что флотъ столь могущественной въ будущемъ державы Гогенцоллерновъ, обнимающей среднюю Европу, сѣверо-восточные ея полуострова и весь юго-востокъ, съ населеніемъ до 140 милл. душъ, въ недалекомъ будущемъ перещеголялъ бы даже флотъ англійскій, тогда какъ сухопутныя силы Гогенцоллерновъ навѣрное не имѣли бы уже равносильнаго соперника. Имперія эта могла бы сама производить всѣ нужные сырые продукты, въ случаѣ же недостатка ихъ—пополнять произведеніями Россіи, которая, будучи отрѣзана отъ морскихъ путей, вполнѣ зависѣла бы отъ произвола Германіи въ оцѣнкѣ произведеній русскаго народнаго труда.

Что касается сбыта своихъ фабрикатовъ, то Германія сумѣла бы проложить имъ путь въ Россію, а равно въ отброшенную за Босфоръ Турцію, отчасти же и на западъ европейскаго материка. Словомъ, осуществленіе плановъ Гогенцоллерновъ при образованіи этой имперіи будущаго вполнѣ обезпечило бы ихъ диктатуру на европейскомъ материкѣ на необозримое число лѣтъ. Въ непродолжительномъ времени подчинилась бы этой имперіи и Великобританія, исключенная уже тогда изъ числа великихъ державъ. Вѣроятность упадка Великобританіи послѣ такихъ переворотовъ въ международной области обусловлена главнѣйше тѣмъ, что Россія и Франція, утративъ господствующее положеніе въ Европѣ, были бы вынуждены перенести свою дѣятельность въ другія части свѣта. Въ основу этой дѣятельности легли бы вѣроятно союзы обоихъ этихъ государствъ съ вытѣсненною изъ Европы Турціею, а также съ Персіею, Китаемъ, вѣроятно также съ Афганистаномъ и Японіею. Но ясно, что подобнаго рода союзы привели бы Великобританію къ утратѣ ея азіатскихъ и африканскихъ владѣній, что въ свою очередь повлекло бы за собою потерю американскихъ и австралійскихъ колоній Великобританіи. Этотъ процессъ совершился бы тѣмъ легче, что былъ бы въ интересахъ римско-нѣмецкой имперіи, которая послѣ разгрома Великобританіи могла бы разсчитывать на объединеніе всѣхъ германскихъ племенъ въ Европѣ.

IV.

Разсмотрѣвъ значеніе возникающей римско-нѣмецкой имперіи Гогенцоллерновъ, мы переходимъ теперь къ обозрѣнію внутреннихъ отношеній этой имперіи, въ случаѣ захвата ею диктатуры и подчиненія нѣмцамъ многочисленныхъ, осужденныхъ на гибель народностей въ средней Европѣ.

Обращая вниманіе прежде всего на объединенное уже со временъ

Лютера по народности и языку нѣмецкое племя, призванное служить ядромъ и основою будущей имперіи Гогенцоллерновъ, мы видимъ, что несмотря на значительную эмиграцію за океанъ, племя это считаетъ въ настоящее время до 38 мил. душъ въ Германіи, до 8 мил. въ Австріи, до 2 мил. въ Угріи, Босніи и другихъ балканскихъ областяхъ и до 2 мил. въ Швейцаріи, слѣдовательно въ общемъ до 50 мил. душъ. Населеніе это лишь немногимъ меньше общаго числа единственнаго свободнаго и объединеннаго по языку славянскаго народа, русскихъ. При помощи спасительнаго гнета, искушеннымъ въ разнаго рода затѣяхъ Гогенцоллернамъ не трудно было бы усилить это національное ядро своей имперіи полною ассимиляціею семи милліоновъ родственнаго нѣмцамъ голландо-фламандскаго населенія Голландіи, Бельгіи и Люксенбурга. За ними послѣдовало бы въ этомъ отношеніи девятимилліонное, также болѣе или менѣе родственное нѣмцамъ населеніе Даніи, Норвегіи и Швеціи. Затрудненія въ этомъ процессѣ не превышали бы тѣхъ, которыя благополучно устранены при распространеніи верхне-нѣмецкаго языка на территорію нижне-нѣмецкую (plattdeutsche), составляющую мостъ къ языкамъ голландскому и англійскому, а отчасти и къ скандинавскимъ. Такимъ образомъ нѣмецкое ядро возникающей имперіи Гогенцоллерновъ въ непродолжительномъ времени получило бы приростъ въ 16 милл. душъ. Если къ этому прибавить еще три мил. говорящихъ на нѣмецкомъ жаргонѣ евреевъ Австро-Угріи и балканскихъ областей, то получимъ до 70 мил. душъ болѣе или менѣе однороднаго по языку населенія этой будущей имперіи.

Компактное 20-ти-милліонное итальянское населеніе Апеннинскаго полуострова, австрійскаго Трентино и тессинскаго кантона Швейцаріи, въ средѣ котораго немногочисленные славяне, греки и албанцы скоро бы исчезли, послужило бы существенною поддержкою господствующаго нѣмецкаго элемента во внѣшнихъ и внутреннихъ отношеніяхъ римско-нѣмецкой имперіи. Итальянцы же сербохорватскаго Приморья, нуждаясь въ поддержкѣ центральнаго правительства въ своей борьбѣ съ большинствомъ славянскаго населенія этихъ областей, послужили бы для нѣмцевъ поводомъ вмѣшательства въ этотъ старый національный споръ и такимъ образомъ къ укрѣпленію нѣмецкаго элемента на берегахъ Адріатики. На Балканскомъ полуостровѣ подобная же задача была бы возложена на албанцевъ и вообще на туркофильствующихъ магометанъ, впредь до разложенія тѣхъ и другихъ въ германизмѣ. Немаловажныя услуги оказали бы нѣмцамъ въ этомъ германизаціонномъ процессѣ разбросанные по всѣмъ этимъ областямъ евреи; наряду

съ нѣмецкими колонистами, они являются настоящими форпостами германизма на востокѣ.

Дѣятельную поддержку оказали бы задачамъ Гогенцоллерновъ мадьяры и поляки *), составляющіе въ совокупности до 10 мил. душъ (по 5 мил. каждый изъ двухъ народовъ) въ Германіи и Австро-Угріи. Будучи совершенно изолированы то территоріально (мадьяры), то духовно (поляки) отъ своихъ соплеменниковъ, тѣ и другіе послужили бы отличнымъ этнографическимъ матеріаломъ для умноженія нѣмцевъ. Та же участь предстояла бы тогда двумъ мил. грековъ и тремъ мил. французовъ въ Бельгіи и Швейцаріи. Что касается семимилліоннаго населенія румыновъ въ королевствѣ и въ Австро-Угріи, а также 23—25 мил. душъ прочихъ славянъ въ Австро-Угріи и на Балканскомъ полуостровѣ, то имъ предстояло бы испытать все возрастающее давленіе нѣмцевъ съ ихъ пособниками. Въ концѣ концовъ всѣ эти народы, подобно мадьярамъ и полякамъ, были бы осуждены на онѣмеченіе. Въ этомъ отношеніи очень поучительна судьба многочисленныхъ нѣкогда, теперь же едва прозябающихъ въ жалкихъ остаткахъ, славянъ полабскихъ и прибалтійскихъ, а равно успѣшный ходъ германизаціи Великой Польши и Слезіи. Но еще поучительнѣе такъ называемыя уступки, сдѣланныя недавно прусскимъ полякамъ правительствомъ. Хотя уступки эти не представляютъ никакихъ гарантій дальнѣйшаго развитія этихъ поляковъ, а наоборотъ, доказываютъ полнѣйшій упадокъ народа, которому могутъ предлагаться подобныя уступки, тѣмъ не менѣе правительство вынуждено было извиниться въ нихъ передъ представителями господствующаго нѣмецкаго племени. Слѣдовательно мы вправѣ заключить, что въ случаѣ образованія римско-нѣмецкой имперіи нѣмцамъ должны будутъ подчиниться до 25 мил. итальянскаго населенія, тогда какъ входящіе въ имперію албанцы, турки, греки, мадьяры, французы, поляки, румыны и всѣ западные и южные славяне, числомъ до 50 мил. душъ, были бы осуждены на постепенную германизацію.

Такимъ образомъ имперія эта въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи

---

*) Мы должны оговориться, что подъ поляками разумѣемъ здѣсь не простыхъ кашубскихъ, мазурскихъ и польскихъ поселянъ, которые чувствуютъ себя славянами, но не имѣютъ голоса въ политикѣ, а говоримъ о господствующей надъ ними кастѣ, составленной изъ шляхты и ксендзовъ, которая совершенно оторвана и отъ своего народа и отъ славянскаго племенного единства. И подъ мадьярами мы разумѣемъ лишь верхнюю, руководящую касту, а не чуждое ей и безгласное сельское населеніе. Эти же касты со временемъ увлекли бы за собою народъ.

исключила бы изъ числа независимыхъ государствъ прежде всего Австро-Угрію, Италію и европейскую Турцію, со включеніемъ Болгаріи, Босніи и Герцеговины, а затѣмъ Румынію, Сербію, Черногорію и Грецію, далѣе Данію, Швецію и Норвегію, а за ними Швейцарію, Голландію съ Люксенбургомъ и Бельгію. Что касается Испаніи и Португаліи, то вмѣсто самостоятельнаго значенія, какое бы онѣ могли имѣть въ союзѣ съ Франціею, имъ пришлось бы сдѣлаться пассивнымъ объектомъ нѣмецкой эксплоатаціи. Наконецъ мы показали, что Россіи и Франціи пришлось бы тогда не только утратить свое нынѣшнее значеніе въ Европѣ, но и быть свидѣтелями постепеннаго поглощенія объединеннымъ германизмомъ до 50 мил. населенія родственнаго отчасти Франціи, а еще болѣе Россіи.

Этотъ грандіозный процессъ привелъ бы къ радикальному измѣненію всѣхъ государственныхъ и племенныхъ отношеній Европы. Доставивъ династіи Гогенцоллерновъ диктатуру въ ней и удвоивъ почти число нѣмецкаго населенія, процессъ этотъ въ такой же мѣрѣ понизилъ бы значеніе всѣхъ прочихъ владѣтельныхъ династій, а вмѣстѣ парализовалъ бы развитіе всѣхъ негерманскихъ народовъ Европы.

Срѣмецъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

ВОПРОСЪ
ОБЪ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ
ВЪ ЗАПАДНИЧЕСКОМЪ ОСВѢЩЕНІИ

Въ апрѣльской и майской книжкахъ Вѣстника Европы напечатана обширная статья или вѣрнѣе—двѣ статьи А. Н. Пыпина подъ заглавіемъ: «Теорія общеславянскаго языка». Хотя статьи эти составляютъ собственно разборъ моего труда: «Общеславянскій языкъ, въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы» (2 т. Варш. 1892), тѣмъ не менѣе онѣ имѣютъ интересъ и сами по себѣ, какъ самоновѣйшее выраженіе взглядовъ по этому вопросу одного изъ компетентнѣйшихъ представителей отживающаго толка нашихъ западниковъ. Это обязываетъ меня съ должнымъ вниманіемъ и не въ видѣ самообороны, а въ интересахъ дѣла остановиться на статьѣ г. Пыпина.

Но прежде чѣмъ говорить объ его теоріи я позволю себѣ познакомить читателя въ возможной краткости съ характеромъ и главными положеніями разбираемой имъ книги, чтобы на этомъ фонѣ яснѣе обрисовался послѣдній фазисъ западническаго ученія объ общеславянскомъ языкѣ.

Главнымъ содержаніемъ моего сочиненія являются историческіе обзоры образованія общихъ языковъ древней и новой Европы, а именно: греческаго и латинскаго, итальянскаго, испанскаго и французскаго, англійскаго и нѣмецкаго въ первомъ томѣ, а церковнославянскаго, сербскаго,

чешскаго, польскаго и русскаго — во второмъ. Изъ 12 главъ всего сочиненія лишь одна (5-я во II т.) и два послѣсловія (въ I и II т.) имѣютъ болѣе теоретическій характеръ, да и то не вполнѣ, ибо въ первой разсматриваются—также въ историческомъ освѣщеніи—взгляды славянскихъ писателей на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ, въ послѣднихъ же дается сводъ прежнихъ историческихъ же наблюденій, причемъ лишь вкратцѣ и въ самыхъ общихъ чертахъ намѣченъ мой взглядъ на будущность общеславянскаго языка. Отсюда уже слѣдуетъ, что г. Пыпинъ выразился очень неточно, озаглавивъ свою критику: «Теорія общеславянскаго языка», если хотѣлъ охарактеризовать въ этомъ заглавіи суть моего сочиненія, а не своей статьи.

Что касается выводовъ, къ которымъ я пришелъ на основаніи историческихъ аналогій и наблюденій прошлаго славянъ, то они заключаются собственно въ слѣдующемъ. Каждый большой историческій народъ въ извѣстной періодъ своего развитія доходитъ при благопріятныхъ условіяхъ до образованія общаго языка, который является затѣмъ столь же важнымъ факторомъ его дальнѣйшаго развитія, какъ общая государственность, общая церковь, наука, литература, вообще—культура.

И славяне уже со временъ кирилло-меѳодіевскихъ стремятся къ образованію общаго языка. Отчасти они и достигали этого, на почвѣ языковъ церковнославянскаго, сербскаго, чешскаго, польскаго, русскаго; но въ полной мѣрѣ стремленія эти пока не осуществились. Они однако продолжаются, особенно въ средѣ угрожаемыхъ нѣмецкимъ языкомъ западныхъ славянъ, и не могутъ считаться невыполнимыми. Когда и какъ это осуществится, никто предсказать не можетъ, но единственною возможною формою язычнаго объединенія славянъ слѣдуетъ признать принятіе ими русскаго языка для тѣхъ отраслей науки, литературы и публичной жизни, гдѣ теперь господствуютъ у славянъ языки чужіе, особенно нѣмецкій, итальянскій, мадьярскій и турецкій.

Призваніе общаго языка славянъ—поддержать ихъ частные языки въ борьбѣ съ инородческими, а не вытѣснить эти частные языки изъ доступныхъ имъ сферъ живого и письменнаго употребленія. Русскій языкъ долженъ быть союзникомъ другихъ славянскихъ, а не ихъ противникомъ. Славяне настолько обо-

собились уже другъ отъ друга, что не могутъ расчитывать на столь тѣсныя формы язычнаго единенія, какъ господствующія нынѣ въ Италіи, Испаніи, Англіи; но съ другой стороны—они не настолько еще разошлись, чтобы ихъ языки навсегда оставались въ такомъ взаимномъ разобщеніи, какъ положимъ равносильные романскіе языки: итальянскій, испанскій и французскій, или германскіе: нѣмецкій, англійскій, шведскій. Если же славянамъ не удастся тѣснѣе примкнуть къ языку русскому, который и безъ славянъ имѣетъ уже значеніе общаго языка для всѣхъ народовъ нашей 120-милліонной имперіи, то врядъ-ли удастся имъ устоять въ борьбѣ съ языками инородческими, особенно нѣмецкимъ. Послѣдній и теперь уже имѣетъ значеніе высшаго или общаго языка для многихъ западнославянскихъ народностей, являясь въ ихъ средѣ орудіемъ и предтечею германизаціи.

Вотъ сущность того взгляда на общеславянскій языкъ, который является результатомъ историческаго изученія вопроса объ немъ, а вовсе не «идеалистическихъ желаній, своего рода вѣры», какъ голословно, со скучными повтореніями (I, 770; II, 303) утверждаетъ г. Пыпинъ.

Теперь мы перейдемъ къ его «Теоріи общеславянскаго языка», чтобы видѣть послѣднюю «эволюцію» этого вопроса въ головѣ нашихъ западниковъ. Но при передачѣ этой теоріи мы находимся въ большомъ затрудненіи. Дѣло въ томъ, что г. Пыпинъ написалъ и эту свою статью столь же сбивчиво, какъ всѣ прочія публицистическія *) свои статьи. Судя по общему плану, онъ предполагалъ, кажется, въ первой статьѣ изложить пообстоятельнѣе содержаніе моего сочиненія, а во второй—разсмотрѣть критически его основы и затѣмъ формулировать свой собственный взглядъ по этому вопросу. На дѣлѣ этотъ общій планъ вовсе не выдержанъ: и въ первой статьѣ, передавая «своими словами» суть—не всѣхъ однако, а лишь меньшей половины отдѣловъ моего сочиненія, онъ отъ времени до времени пересыпаетъ эти выдержки и выписки морализующими глоссами, но вскользь и безъ мотивировки, такъ что ихъ трудно

*) Совершенно иначе пишетъ г. Пыпинъ ученыя сочиненія, къ которымъ и мы относимся съ полнымъ уваженіемъ.

свести къ какому нибудь единству. Во второй статьѣ г. Пыпинъ начинаетъ съ установленія своего собственнаго взгляда на общеславянскій языкъ (II, 302—303); затѣмъ переходитъ къ крайне запутанной критикѣ моего «ученія» (II, 304—325); далѣе вновь излагаетъ свою теорію въ выдержкахъ изъ старой статьи 1879 г. (II, 326—328); потомъ еще разъ переходитъ къ критикѣ моихъ взглядовъ (328—337) и заключаетъ повтореніемъ своихъ прежнихъ мыслей и фразъ о славянахъ, нѣмцахъ и Европѣ. Если къ этой невыдержанности общаго плана прибавить «лирическій безпорядокъ» и отдѣльныхъ частей статьи, особенно второй ея половины, гдѣ критикъ уже не держится строгаго порядка моего изложенія, какъ въ первой части, а говоритъ отъ себя, совершая при этомъ самые странные логическіе скачки, безпрерывно забѣгая то въ сторону, то впередъ, то назадъ, и повторяя по два, по три раза сказанное уже раньше *), то легко понять, какъ трудно не только изложить, но прямо уразумѣть такую «Теорію». Прослѣдить же ее шагъ за шагомъ, какъ она изложена авторомъ, мы абсолютно не въ состояніи, ибо не привыкли плутать вокругъ да около, какъ г. Пыпинъ въ своемъ публицистическомъ жанрѣ. Приходится, значитъ, самому комбинировать тезисы «Теоріи», хотя-бы съ рискомъ упрековъ за неточность передачи.

Но главная трудность нашей задачи заключается въ томъ, что у г. Пыпина, насколько мы его понимаемъ, не одна, а двѣ теоріи общеславянскаго языка. Первая господствуетъ въ первой его статьѣ и началѣ второй, примѣрно до II, 303 стр.; вторая же—въ дальнѣйшемъ изложеніи. По первой теоріи г. Пыпинъ признаетъ общеславянскій языкъ не только возможнымъ, но и необходимымъ, притомъ не въ видѣ литературной взаимности по ученію Коллара, которое-де не выдерживаетъ критики (I, 794), и даже не въ смыслѣ образованія общеславянскаго искусственнаго языка, по мыслямъ Крижанича и его послѣдователей (I, 797—

---

*) Напримѣръ, о литургическомъ характерѣ ц. слав. языка: I, 779, 793; II, 335; оправданіе Вука Караджича: I, 790; II, 306; о моихъ мнимыхъ угрозахъ нѣмцамъ: I, 791; II, 305, 314, 319 сл.; объ ограниченной роли сербскаго, чешскаго и польскаго языковъ въ смыслѣ общихъ: I, 793; II, 335; о важности культурнаго фактора въ образованіи общихъ языковъ: II, 304, 308, 340; о преимуществахъ нѣмецкой образованности и языка: II, 305, 319—323, 324, 325, 339.

799), а въ видѣ «принятія русскаго языка въ качествѣ общеславянскаго» (II, 302). Въ этомъ отношеніи г. Пыпинъ расходится съ послѣдователями Юнгмана и Штура, а слѣдовательно и со мною, не принципіально, а лишь въ методѣ развитія этой мысли. «Для избѣжанія недоразумѣній, заявляетъ нашъ критикъ, скажемъ впередъ, что мы соглашаемся и съ необходимостію и съ возможностію литературнаго славянскаго единства, — только не думаемъ, чтобы то и другое могло быть такъ легко доказано, какъ это представляется (?) нашему автору и какъ это имъ дѣлается (?), или чтобы самый фактъ принятія русскаго языка въ качествѣ общеславянскаго могъ такъ легко (кто же и гдѣ говоритъ о легкости?) произойти» (II, 302).

Не считая этого тезиса легко доказуемымъ, г. Пыпинъ берется однако вслѣдъ затѣмъ привести «основанія», по которымъ «можно было бы (что значитъ это бы?) считать литературное единство славянскихъ племенъ необходимымъ и при нынѣшнемъ ихъ состояніи», т. е. берется доказать тезисъ. Не останавливаясь на скрывающемся здѣсь маленькомъ противорѣчіи между двумя приведенными выдержками, особенно послѣ того, какъ авторъ исчерпалъ эти «основанія» на одной страницѣ, слѣдовательно очень легко доказалъ спорное положеніе, мы отмѣтимъ, что этихъ основаній приведено собственно 4: легкость изученія славянами русскаго языка, въ сравненіи съ чужими для нихъ западными языками; богатство русской литературы, особенно по этнографіи (тутъ мы узнаемъ автора «Исторіи русской этнографіи»); политическое значеніе для славянъ Россіи, и наконецъ предположеніе (чье?) въ исторіи особаго—хотя нѣсколько-де таинственнаго—«духа славянскаго», для котораго естественно было бы (опять это бы!) создать единое, цѣльное и общее выраженіе (II, 302—303).

Чего же больше! То же говорилъ Штуръ и всѣ искренніе поборники общаго языка славянъ, съ тѣмъ различіемъ, что они развивали эти положенія обстоятельнѣе, ставили ихъ шире и глубже, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли въ виду не столько «нынѣшнее состояніе славянъ», какъ г. Пыпинъ, сколько завтрашнее, глядѣли подальше, въ будущее...

И въ дальнѣйшемъ изложеніи своей «Теоріи» г. Пыпинъ еще раза 2—3 проговаривается вскользь въ томъ же смыслѣ, хотя

уже съ меньшею опредѣлительностью. Такъ на стр. II, 331, мы читаемъ: «Можно до нѣкоторой степени представить, что русскій языкъ сдѣлается у всѣхъ славянъ языкомъ науки, —но опять, можетъ ли онъ стать, при чужомъ государственномъ языкѣ, языкомъ школы, питающей эту науку»? Значитъ—можно представить себѣ, но и нельзя въ то же время! Нѣсколько ниже: «Еслибы мы стали ограничивать эти требованія (чтобы русскій языкъ былъ знакомою рѣчью не только въ образованныхъ классахъ, но и въ массахъ народныхъ)... получалось бы нѣчто неполное, въродѣ «ученаго» или «дипломатическаго» общаго языка, который имѣлъ бы, безъ сомнѣнія, свои выгоды, но далеко не имѣлъ бы тѣхъ преимуществъ, какія принадлежатъ дѣйствительно общимъ языкамъ» (II, 332).

Но всѣ эти остатки первой «Теоріи» г. Пыпина со стр. II, 304 до конца статьи являются уже какъ rari nantes in gurgite vasto совершенно другихъ воззрѣній, другой теоріи, по которой славяне не могутъ выработать себѣ общаго языка, да не особенно въ немъ и нуждаются, имѣя подъ рукою болѣе могущественный органъ просвѣщенія, языкъ нѣмецкій!

Теорія эта, болѣе соотвѣтствующая прежнимъ воззрѣніямъ г. Пыпина, которыя одушевляли напр. его и г. Спасовича при составленіи «Исторіи славянскихъ литературъ», очевидно и теперь еще господствуетъ надъ сознаніемъ нашего автора. Добравшись до нея, онъ съ самозабвеніемъ бросается на колѣни передъ этимъ устарѣлымъ божествомъ и въ широкихъ, по сто разъ повторяемыхъ фразахъ клянется въ прежней вѣрности. Такъ-то подтвердилось и здѣсь старинное изреченіе: on revient toujours à ses premières amours!..

Приводимые г. Пыпинымъ доводы противъ возможности и необходимости общеславянскаго языка можно кажется формулировать въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) аналогія прошлаго—своего и чужого—вовсе не подтверждаетъ этой возможности или необходимости; 2) современное положеніе славянъ не только не вызываетъ ихъ на принятіе общаго языка, но и рѣшительно тому мѣшаетъ; 3) ихъ будущее также ни мало этого не требуетъ, въ виду важнымъ преимуществамъ нѣмецкаго языка и связанной съ нимъ западной образованности.

Въ подтвержденіе перваго положенія, г. Пыпинъ указываетъ

на то, что «географически славяне» издревле «были такъ раскиданы, что между ними, кромѣ ближайшаго сосѣдства, не было никакихъ (!!) сношеній».

Единственный-де (!) и до сихъ поръ не вполнѣ объясненный (съ точки зрѣнія г. Пыпина и необъяснимый!) фактъ междуплеменныхъ сношеній представляетъ распространеніе христіанства и кирилловской письменности... (II, 311). Бѣдный Первольфъ! Для кого же писалъ онъ послѣ многихъ другихъ цѣлые томы изслѣдованій о непрерывности такихъ сношеній, которыя теперь однимъ почеркомъ пера стираются г. Пыпинымъ со страницъ исторіи!..

Нѣсколько ниже оказывается однако, что нашъ авторъ еще допускаетъ нѣкоторую общность славянъ русскихъ съ балканскими, но объясняетъ ихъ чисто церковными связями, за исключеніемъ новѣйшихъ временъ, когда дѣйствовали-де и государственныя соображенія (II, 312 сл.). Значитъ и по словамъ г. Пыпина были международныя сношенія между славянами, независимо отъ распространенія христіанства и кириллицы, что онъ отрицалъ на предыдущей страницѣ.

Никакого значенія не придаетъ г. Пыпинъ и прецедентамъ общеславянскаго языка, считая напр. ц. славянскій языкъ собственно литургическимъ, по крайней мѣрѣ въ концѣ его развитія (I, 779, 793); да и съ самаго начала онъ не служилъ-де для цѣлей письменности законодательной (а Кормчая?) и дѣловой (а грамоты болгарскія, сербскія, даже молдовалашскія?), не могъ служить литературѣ національно-художественной (есть однако и стихи на этомъ языкѣ, относимые къ X в.)... слѣд. не имѣлъ шансовъ... остаться литературнымъ языкомъ въ какомъ либо одномъ племени» (II, 335). Однако онъ былъ таковымъ долгое время у славянъ южныхъ и восточныхъ, первоначально же и у западныхъ, какъ доказываютъ чехоморавскія житія свв. Вячеслава и Людмилы на ц. слав. языкѣ. Да и литургическій языкъ есть языкъ образованный, письменный, слѣдовательно можетъ составлять аналогію для другихъ формъ общихъ языковъ.

Что касается международной роли въ прежніе вѣка языковъ сербскаго, чешскаго и польскаго, то авторъ считаетъ ее явленіемъ неважнымъ, по ограниченности распространенія этихъ языковъ, его кратковременности и безслѣдности въ дальнѣйшемъ развитіи славянскихъ литературъ (II, 335). Но эти фразы

4*

не могутъ упразднить фактовъ, о которыхъ идетъ рѣчь, подобно тому какъ положимъ въ исторіи общенѣмецкаго языка нельзя опустить изъ виду предтечъ Лютера въ средневерхненѣмецкомъ и даже въ древневерхненѣмецкомъ періодахъ. Для теоритическаго же рѣшенія вопроса: могутъ ли, положимъ, сербы и болгары, чехи и поляки, поляки и русскіе имѣть общіе языки, далеко не безразлично, существовали ли уже хотя бы частные прецеденты этого рода или нѣтъ, ибо то, что совершалось въ прошломъ, уже не можетъ считаться невозможнымъ, противорѣчащимъ законамъ или условіямъ развитія языковъ и народовъ. Да откуда и выводятся эти законы, какъ не изъ опытовъ прошлаго, конечно дополняемыхъ и провѣряемыхъ наблюденіями настоящаго! Впрочемъ, я въ своемъ сочиненіи и не говорилъ о тожественности развитія общерусскаго языка съ общесербскимъ, общечешскимъ, общепольскимъ и др., а лишь объ аналогичности этихъ явленій, которой никто и не можетъ оспаривать безъ крайняго умственнаго ослѣпленія. То же относится къ сопоставленіямъ русскаго языка съ другими общими на европейскомъ югѣ и западѣ: и тамъ рѣчь можетъ быть объ аналогичности, а не о полномъ тожествѣ, что нерѣдко забываетъ г. Пыпинъ (напр. II, 310).

Вторая серія доводовъ автора противъ общеславянскаго языка слагается изъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ современной жизни славянъ. Они настолько обособлены-де своимъ прошлымъ, вѣками разрозненнаго существованія, различіемъ политическихъ, экономическихъ и религіозныхъ условій своего нынѣшняго положенія, привязанностью къ своимъ частнымъ языкамъ и народностямъ, опасеніемъ затеряться въ единомъ славянствѣ, наконецъ своею тѣсною зависимостью отъ нѣмцевъ, мадьяръ и др. инородцевъ, что не могутъ и думать о какомъ нибудь общеславянскомъ языкѣ, такъ что разсужденія о немъ смахиваютъ-де на пустую маниловщину. Если это маниловщина, то почему г. Пыпинъ, признающій кажется себя «изслѣдователемъ холоднымъ и безпристрастнымъ» (II, 304), уже не разъ избиралъ общеславянскій языкъ или, какъ онъ раньше выражался, «литературный панславизмъ» темою своихъ разсужденій? Если же нынѣшнее положеніе славянъ вовсе не вызываетъ къ обсужденію этой темы, то почему въ славянской литературѣ и жизни, особенно въ славянской публицистикѣ такъ давно и съ возро-

стающимъ интересомъ обсуждается этотъ вопросъ, долженствующій, по мнѣнію автора, занимать только «идеалистовъ книжниковъ» (II, 313), а не людей съ практическимъ міросозерцаніемъ? Но и не на словахъ лишь развивается теперь эта идея въ средѣ западныхъ и южныхъ славянъ: во многихъ ихъ городахъ возникли русскіе кружки (назовемъ пражскій, будапештскій, загребскій), русскія читальни, частное—а кое-гдѣ и публичное—преподаваніе русскаго языка, возрастаетъ спросъ на русскія книги, словомъ—e pur si muove, идетъ реальная работа, которой не задержитъ возможное ея противорѣчіе съ латинско-нѣмецкимъ бревіаромъ г. Пыпина.

Что въ его рукахъ дѣйствительно находился при установленіи второй «Теоріи» такой бревіаръ, это видно особенно изъ тѣхъ мѣстъ второй статьи, гдѣ противопоставляется нѣмецкій языкъ русскому, съ явнымъ предпочтеніемъ перваго—не только въ условіяхъ настоящаго, но и въ перспективахъ будущаго. Уже въ первой статьѣ г. Пыпинъ оказывается крайне щепетильнымъ ко всему, что можетъ показаться не по вкусу нѣмцамъ. Я выразилъ напр. мысль, что хотя положеніе сербовъ-лужичанъ и представляется почти безнадежнымъ, тѣмъ не менѣе «могутъ наступить перевороты, которые измѣнятъ естественный ходъ событій», указавъ при этомъ на извѣстное обращеніе лужичанина М. Френцеля къ Петру Великому, во имя славянскаго братства. Г. Пыпинъ называетъ это «пригрозить нѣмцамъ» и «ненужными фантазіями» (I, 791). Но что «грознаго» для нѣмцевъ можетъ представлять сохраненіе въ Лужицахъ этой крошечной славянской народности, хотя бы при духовной поддержкѣ другихъ славянскихъ народовъ, особенно русскаго? И можно ли назвать «ненужной фантазіей» то, въ чемъ выражается наше участіе въ судьбѣ братскаго народа, для котораго національное существованіе имѣетъ вѣдь такое же значеніе, какъ вопросъ о жизни для отдѣльнаго лица!

Еще большее негодованіе вызвало въ г. Пыпинѣ то мѣсто моего сочиненія (II, 309), гдѣ я возстаю противъ выраженнаго проф. Ягичемъ г. Пыпину *) совѣта «не забывать при

---

*) Въ рецензіи на его ст. о литературномъ панславизмѣ. Archiv f. Slav. Phil. IV, 544.

перечнѣ литературныхъ панславистовъ и тѣхъ, которые пишутъ по-нѣмецки, какъ напр. Добровскій, Копитаръ, Миклошичъ и самъ г. Ягичъ». Считая мысль о возможности литературнаго панславизма на нѣмецкомъ языкѣ если не нелѣпостью, то насмѣшкою надъ славянствомъ, я позволилъ себѣ прибавить къ этому слѣдующія строки: «На дѣлѣ направленіе это (очевидно рѣчь идетъ о литературномъ панславизмѣ на нѣмецкомъ языкѣ) мало разнится отъ того, для котораго нѣтъ ни славянства, ни отечества, а только богоподобная Европа, передъ идоломъ которой должны пресмыкаться въ прахѣ... и... славяне».

Г. Пыпинъ перепечаталъ это мѣсто въ значительно измѣненномъ видѣ, а именно такъ: «Относительно тѣхъ славянскихъ ученыхъ и писателей, которые также поддерживаютъ діалектизмъ, а сами пишутъ даже и по-нѣмецки, авторъ говоритъ язвительно: «На дѣлѣ направленіе это» и т. д. (I, 796). Подчеркнутыя слова вовсе не соотвѣтствуютъ ясному смыслу этого мѣста, почему и сдѣланные отсюда г. Пыпинымъ выводы, будто я заподазриваю «любовь къ отечеству» у такихъ людей, какъ Палацкій, Караджичъ, Добровскій, Копитаръ, Миклошичъ, Ягичъ и т. п. за то лишь, что они писали или пишутъ по-нѣмецки,—составляютъ «безсмыслицу» (II, 304), изобрѣтенную авторомъ «Теоріи», а не мною. Я возстаю не противъ случайнаго или обычнаго употребленія тѣмъ или другимъ славянскимъ писателемъ нѣмецкаго, итальянскаго, французскаго или мадьярскаго языка, а противъ мнѣнія, что возможенъ «литературный панславизмъ» на нѣмецкомъ языкѣ,—другими словами, что этотъ языкъ можетъ занять положеніе общаго для всего славянства, причемъ всѣ языки славянскіе или хоть нѣкоторые изъ нихъ по необходимости ниспали бы до роли частныхъ языковъ или подчиненныхъ діалектовъ нѣмецкой язычной сферы! Подобная теорія конечно представляется мнѣ язычнымъ ренегатствомъ, которое въ моихъ глазахъ ничуть ни лучше ренегатства народнаго, политическаго или церковнаго.

Но можетъ ли г. Пыпинъ доказать противное? Если можетъ, мы готовы повиниться въ промахѣ. Но въ противномъ случаѣ его упреки въ «одіозности» (I, 772), въ «духѣ вражды и нетерпимости» (II, 336), въ окрикѣ: «врагъ, врагъ»! (II, 337) и т. п.

мы будемъ считать выраженіемъ если не брюзгливости, то «маніи преслѣдованія».

Но возвратимся къ нѣмцамъ. Чѣмъ далѣе подвигаемся мы отъ начала статьи къ ея серединѣ и концу, тѣмъ ярче обрисовывается передъ нами истинное «раболѣпство» (выражаясь словомъ г. Пыпина II, 335) автора передъ этимъ идоломъ. Лишь «правовѣрные славянскіе патріоты» (слѣд. лица «одіозныхъ» для г. Пыпина воззрѣній) считаютъ-де ихъ злѣйшими врагами славянства (II, 305). А «неправовѣрные»—друзьями? По крайней мѣрѣ—учителями. Очень идиллическую картину славянско-нѣмецкихъ отношеній начертилъ г. Пыпинъ на стр. 319—322 второй статьи. Не отрицая гибели многихъ славянскихъ племенъ подъ ударами нѣмцевъ въ «исторической борьбѣ стихійныхъ (иногда вѣдь и организованныхъ?) племенныхъ силъ», онъ считаетъ виновниками этой гибели самихъ славянъ, ихъ политическую и культурную слабость, при несомнѣнномъ-де превосходствѣ (быть можетъ только хронологическомъ?) нѣмецкой образованности. Усвоеніе славянами нѣмецкаго языка до двуязычія авторъ считаетъ не плохою привычкою, какъ выразился крайне несимпатичный г. Пыпину славянскій дѣятель А. И. Добрянскій *), а «совершенной необходимостью, единственнымъ (!!) средствомъ для высшихъ ступеней образованія».

Съ конца прошлаго вѣка нѣмецкая наука и литература заняла-де такое высокое мѣсто въ Европѣ, что славянамъ оставалось лишь добровольно (!) ей подчиниться. Даже славянское возрож-

---

*) Авторъ посвятилъ ему нѣсколько страницъ во II ст. (315—319) и думаетъ, что опровергъ его «Взглядъ на вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ». Не стану смущать вѣры г. Пыпина въ себя, но все же считаю долгомъ отмѣтить, что онъ не болѣе какъ «идеалистъ книжникъ», лишь по наслышкѣ знакомый съ реальными потребностями современнаго славянства, тогда какъ А. И. Добрянскій—опытный и крупный практическій дѣятель, принимавшій самое живое и плодотворное участіе въ исторіи славянскаго возрожденія за послѣднія 50 л. При такихъ условіяхъ не слѣдовало г. Пыпину становиться на ходули и сопровождать вопросительнымъ знакомъ выдержку о компетентности г. Добрянскаго въ разъясненіи вопроса объ общеславянскомъ языкѣ. Что касается моего отношенія къ программѣ г. Добрянскаго, то оно съ достаточной ясностью изложено въ книгѣ, и г. Пыпину не слѣдовало навязывать мнѣ на этотъ счетъ своихъ мыслей или догадокъ. Я нигдѣ не сказалъ, что подписываюсь подъ программою А. И. Добрянскаго, хотя и называю ее, наряду съ штуровскою, священнымъ завѣтомъ для славянскаго будущаго.

деніе произошло-де не вопреки, а благодаря «помощи нѣмецкаго образованія!» На той же научной почвѣ основано-де нынѣ славяновѣдѣніе или, какъ любитъ выражаться г. Пыпинъ, «славянскія изученія» (Studien, что ли?), со включеніемъ моей книги объ общихъ языкахъ (II, 321). Если сопоставить съ этимъ величіемъ нѣмецкаго языка и образованія слабое содержаніе русской науки и литературы, то очевидно-де, что ихъ соперничество невозможно (!) и что русскому языку еще долго придется оставаться у славянъ «во второстепенной роли дилеттантскаго знанія» (II, 324). Да и «совмѣстная съ нѣмцами политическая жизнь славянъ будетъ-де (кто знаетъ будущее?) какъ всегда поддерживать значеніе нѣмецкаго языка», тѣмъ болѣе, что австрійскія учрежденія ставятъ-де западно-славянское общество «на болѣе высокій уровень политическихъ понятій и нравовъ (ну ужъ эти «политическіе нравы», развиваемые въ школѣ австро-мадьярской!), чѣмъ уровень русскаго общества»... (II, 325).

Такимъ образомъ до возвышенія русской литературы на одинъ уровень съ главными литературами западной Европы, усвоеніе русскаго языка другими славянами «не имѣло бы (значитъ не имѣетъ?) цѣли; славянинъ двуязычный имѣлъ бы (опять это бы!) въ литературѣ нѣмецкой такое богатое образовательное содержаніе, что для него изученіе еще русской литературы для образовательныхъ цѣлей было бы только излишнимъ бременемъ». Что касается славянъ балканскихъ, то они легко могутъ-де получать высшее образованіе въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Парижѣ (и Будапештѣ?), послѣ чего русская литература становится имъ навсегда болѣе или менѣе чуждою... «Эта перспектива конечно предстоитъ еще надолго» (такъ не навсегда?..) Литературные и научные интересы образованнаго славянства будутъ слѣдовательно раздвояться. «Съ одной стороны болѣе серьезные труды ихъ будутъ отпадать въ литературу нѣмецкую, а ближайшимъ интересамъ будетъ служить литература мѣстная; для литературы русской не будетъ оставаться мѣста иначе, какъ въ видѣ добавочнаго случайнаго знанія, и понятно, что на этомъ пути русскому языку очень трудно было бы (опять и опять бы!) пріобрѣсти то значеніе, которое сдѣлало бы его общеславянскимъ» (II, 339 сл.).

Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что г. Пыпинъ въ во-

просѣ объ общеславянскомъ языкѣ не придаетъ ни малѣйшаго значенія инстинктамъ самосохраненія славянскихъ народностей. Онъ считаетъ очевидно этотъ элементъ исторической жизни очень несущественнымъ въ сравненіи съ интересами «культурными». Между тѣмъ народы XIX в. думаютъ кажется иначе, между прочимъ и славяне, что должно быть извѣстно и нашему автору, хотя бы изъ литературы славянскаго возрожденія. Пусть въ этой литературѣ находится и кое-что археологическаго, выработаннаго не безъ содѣйствія нѣмецкой исторіографіи, отчасти и романтической школы поэтовъ. Но есть въ этомъ возрожденіи и другіе элементы, болѣе народнаго происхожденія, обусловленные великими политическими и общественными переворотами конца XVIII и начала XIX в., которые вызвали къ сознанію много заглохшихъ было народностей, а къ жизни—много новыхъ національныхъ государствъ. Движеніе это охватило сначала романскіе народы, потомъ германскіе, а наконецъ и славянскіе. На этой почвѣ стала развиваться и идея общеславянскаго языка, какъ гарантіи народнаго существованія славянъ, особенно угрожаемыхъ нѣмцами западныхъ вѣтвей. До тѣхъ поръ, пока эти гарантіи не даны, пока вопросъ о народномъ существованіи не рѣшенъ, никакіе культурные интересы не могутъ успокоить славянъ и парализовать самаго глубокаго и законнаго изъ народныхъ инстинктовъ—инстинкта самосохраненія. Напрасно станетъ г. Пыпинъ разрисовывать имъ прелести нѣмецкаго языка и науки, нѣмецкой школы и образованности! Жизнь еще важнѣе образованія!

Не каждаго такъ манитъ нѣмецкая культура, чтобы изъ-за бо́льшаго ея блеска или развитія онъ отказался въ угоду нѣмцамъ отъ своихъ собственныхъ народныхъ вѣрованій и преданій, идеаловъ и стремленій, отъ своей наконецъ особой, напр. славянской или грекославянской образованности. Правда, г. Пыпинъ ее отрицаетъ, но въ состояніи ли онъ объяснить безъ предположенія о дуализмѣ новоевропейскихъ культуръ отношенія русско-польскія, сербо-хорватскія, или даже антогонизмы нѣмецко-русскіе?

Изъ двухъ послѣднихъ страницъ статьи г. Пыпина какъ будто выходитъ, что эти антагонизмы поддерживаются «фанатическою враждою многихъ любителей славянства къ европейскому Западу и его просвѣщенію», что слѣдовательно они и пре-

кратятся въ случаѣ примиренія всѣхъ славянъ съ этимъ «Западомъ», на почвѣ его «просвѣщенія». То, что мы замѣчаемъ и теперь еще въ Галичинѣ, гдѣ вѣдь русскій народъ принялъ и политическую и церковную «унію» съ римскимъ царствомъ и церковью, доказываетъ неосновательность такихъ «маниловскихъ» мечтаній. Это еще нагляднѣе выражается въ отношеніяхъ нѣмецко-чешскихъ, нѣмецко-славянскихъ, итальянско-хорватскихъ, гдѣ культурная рознь давно вѣдь подавлена торжествомъ Запада. Почему же не наступило то идиллическое состояніе, какое рисуетъ намъ г. Пыпинъ по отношенію къ «двуязычнымъ» славянамъ нѣмецкой культурной системы?

Очевидно, источникъ вражды и фанатизма истекаетъ не на востокѣ, а на западѣ, направляясь по теченію не Двины или Западнаго Буга, а Дуная, въ видѣ исконно-наступательнаго «Drang nach Osten»... Туда слѣдовательно, къ нѣмцамъ должна быть обращена проповѣдь г. Пыпина. По отношенію къ славянамъ она является либо наивностью, либо механическимъ повтореніемъ фразъ латино-нѣмецкаго бревіара!

Что дѣйствительно подобныя фразы попадаются въ этихъ бревіарахъ, это явствуетъ между прочимъ и изъ полученнаго мною не такъ давно изъ Кракова памфлета, озаглавленнаго: Najnowsza sprawa ruska w Galicyi. List księdza ruskiego ze wschodniej Galicyi do księcia Meszczerskiego, redaktora «Graždanina» w Petersburgu. (Druki naklad A. Słomskiego w Krakowie).

По содержанію памфлетъ этотъ, представляющій быть можетъ оттискъ статьи одной изъ краковскихъ польско-іезуитскихъ газетъ, распадается на двѣ части: 1, предисловіе и 2, письмо. Въ первомъ какой-то анонимный полякъ сообщаетъ, что по случаю появленія въ «Гражданинѣ» статьи, направленной противъ Славянскаго благотворительнаго Комитета въ Спб. *), одинъ изъ галицко-русскихъ священниковъ отправилъ въ эту газету письмо, въ которомъ развиваетъ тѣ же приблизительно взгляды на православіе и «россійскій» языкъ, какіе были-де недавно формулированы на Львовскомъ сеймѣ (г. Романчукомъ и К⁰) и

*) Изъ такого анахронистическаго названія (вм. Спб. славянское бл. общество) видно, что въ Краковѣ живутъ задами по вопросамъ изъ области русской общественной жизни.

поддержаны іерархами галицко-русской церкви. Такъ какъ въ письмѣ этомъ есть любопытныя и для поляковъ мнѣнія о Россіи, то краковскій анонимъ и воспроизводитъ-де это письмо въ вѣрномъ переложеніи на польскій языкъ.

Въ письмѣ этомъ дѣйствительный или мнимый галицкій священникъ прежде всего проситъ кн. Мещерскаго разъяснить ему, почему бо́льшая часть «россійскихъ» газетъ пишетъ-де столь пристрастно и враждебно противъ неправославныхъ и не «россійскихъ» славянъ,—словно магометане о гяурахъ или евреи о гояхъ!

Затѣмъ онъ ратуетъ противъ мысли объ общеславянскомъ значеніи россійскаго языка и православія, противъ стремленій къ «объединенію и обрусенію», вообще—къ подчиненію славянъ западныхъ Россіи, которая между тѣмъ и у себя дома не можетъ-де справиться еще съ раскольниками и нигилистами. Письмо оканчивается увѣреніемъ, что эти славяне вовсе не нуждаются въ Россіи и вполнѣ счастливы въ Австріи, подъ управленіемъ Франца-Іосифа.

Не стану останавливаться на вопросахъ о происхожденіи и цѣли этого памфлета, который вовсе и не заслуживаетъ такой критики по своимъ внутреннимъ достоинствамъ. Выскажу лишь предположеніе, что документъ этотъ цѣликомъ вышелъ не изъ восточной, а изъ западной Галичины, именно изъ Кракова, гдѣ фабрикуется много подобныхъ статей въ Czas'ѣ и другихъ клерикальныхъ польскихъ газетахъ. Да это видно и изъ трижды повторенной обмолвки мнимаго русскаго священника на стр. 3 и 4: my na Zachodzie Słowianie. Какъ бы ни былъ ополяченъ русскій галичанинъ, все таки врядъ-ли онъ назвалъ бы свою страну западомъ, и себя западнымъ славяниномъ!

Но дѣло не въ этомъ. Кто бы ни писалъ этотъ памфлетъ, ополяченный ли русскій, окатоличенный ли уніатъ или чистокровный полякъ змартвыхвстанецъ, что всего вѣроятнѣе,—во всякомъ случаѣ, писалъ это навѣрное ксендзъ, черпая свою мудрость изъ старыхъ польскихъ катихизисовъ и латинскихъ бревіаровъ. Что же оказывается! Его разсужденія объ общеславянскомъ языкѣ ни дать ни взять такія же, какъ разсужденія о немъ г. Пыпина, во второй части его «Теоріи». Вотъ относящіяся сюда выдержки изъ польскоіезуитскаго памфлета, въ нѣсколько сокращенномъ изложеніи:

«Судя по толкамъ многихъ россійскихъ газетъ, мы, галицкіе русины, убѣждаемся, что въ Россіи сложилось (!) убѣжденіе, будто не только православіе, но и россійскій языкъ можетъ утвердиться у всѣхъ западныхъ славянъ. Мысль эта настолько укоренилась (!) въ Россіи, что всѣ почти газеты (!), всѣ усилія правительства (!), министровъ, губернаторовъ, жандармовъ, архіереевъ, митрополитовъ, всей полиціи направлены единственно къ тому, чтобы поскорѣе добиться означенныхъ цѣлей объединенія и обрусенія. А между тѣмъ столь обширныя цѣли могли бы быть достигнуты развѣ какими нибудь чрезвычайными, чудодѣйственными почти средствами, въ родѣ напр. того, что всѣ западнославянскія племена схватили бы какое нибудь острое орудіе и вырѣзали себѣ собственные природные языки, замѣнивъ ихъ россійскимъ.

«Ужели это было бы желательно для Россіи? Врядъ ли, ибо русскій народъ настолько уже образованъ, что стыдился бы въ XIX в. усвоить себѣ отъ газетъ подобную (!) программу объединенія или обрусенія, направленную къ образованію какого-то общаго языка, разрушеннаго вавилонскою башнею! При болѣе внимательномъ изученіи этого вопроса мы убѣждаемся, что нѣтъ (!) большой разницы между усиліями нигилистовъ разрушить русское государство и замѣнить его коммуною съ одной стороны, а заботами правительства и его органовъ разрушить дарованныя Богомъ славянскимъ народамъ духовныя силы, именно языкъ, вѣру и т. п.—съ другой.

«Правда, съ научной точки зрѣнія мысль о возведеніи какого нибудь живого языка въ общій органъ литературы и устныхъ сношеній не можетъ считаться въ Европѣ чѣмъ-то небывалымъ. Такъ напр. германскія (нѣмецкія?) племена возвели саксонскій діалектъ въ языкъ общенѣмецкій; но это произошло въ такую пору, когда одинъ (!) саксонскій діалектъ имѣлъ уже развитую литературу, а всѣ прочія германскія нарѣчія находились еще въ колыбели (!), почему и приняли первый въ общее употребленіе.

«Въ средѣ народовъ романскихъ общимъ органомъ долгое время былъ языкъ латинскій, благодаря своимъ литературнымъ богатствамъ классическаго и позднѣйшихъ періодовъ. Но это богатство не помѣшало языкамъ итальянскому, французскому,

испанскому вытѣснить латынь изъ литературнаго употребленія въ XVIII в. (!).

«Виноваты ли славяне, что россійскій языкъ принялъ характеръ образованнаго лишь въ XIX в. (!), т. е. въ такое время, когда прочіе славянскіе языки, напр. чешскій, сербскій, русинскій или малорусскій (!), польскій и т. д. были давно уже установлены и имѣли самостоятельную литературу, тогда какъ языкъ русскій все лежалъ еще въ колыбели (!).

«Такъ напр. мы, русины, имѣемъ памятники народнаго языка уже въ XVI в. (только?), притомъ не въ Статутѣ лишь и универсалахъ, но и въ церкви, въ проповѣдяхъ, въ управленіи. Наши старопечатныя книги восходятъ къ XV в., а университетъ (очевидно краковскій)—открытъ за 500 л. тому назадъ, тогда какъ въ Россіи онъ возникъ едва за 100 л. (?) до нашего времени.

«Согласятся ли славяне отдать (кто же требуетъ?) за какую бы ни было цѣну эти вѣковые труды и литературныя сокровища своихъ нарѣчій?

«Если бы мысль объ общеславянскомъ языкѣ появилась напр. въ Кіевѣ въ 9 или 10 вѣкѣ, когда всѣ славянскія нарѣчія, кромѣ церковно-славянскаго, были еще не обработаны, то она могла бы осуществиться, тѣмъ болѣе, что варягорусы, имѣя въ рукахъ власть и силу, могли требовать какихъ угодно жертвъ отъ разсѣянныхъ племенъ. Но теперь идея народности во всей Европѣ стоитъ такъ высоко, что ея нельзя (кому, нѣмцамъ?) вытравить насильственными мѣрами.

«Изъ двухъ формъ уніи: русинско-польской (15—16 вв.) и русинско-россійской (17 в. при Хмѣльницкомъ) для русиновъ была выгоднѣе первая (почему же они возстали противъ нея?), ибо вторая повлекла за собою утрату русинской іерархіи (da liegt der Hund begraben!) и языка, который былъ немедленно вытѣсненъ изъ присутствій.

«Объединеніе всѣхъ славянъ на почвѣ русскаго языка и православія противорѣчитъ даже законамъ природы, которая любитъ единство (вотъ то-то!) въ разнообразіи, какъ необходимое условіе гармоническаго развитія. Иначе пришлось бы желать, чтобы всѣ птицы пѣли какъ пѣтухъ и думали какъ индюшки (или какъ змартвыхвстанцы?).

«Правда, мы можемъ хорошо знать россійскій языкъ, даже

любить (!) его, кому вздумается, но не можемъ считать его роднымъ языкомъ у славянъ западныхъ, ибо (нѣтъ, причина не та!) его не знали, даже не слыхали наши предки, наши матери...

«Если мы, западные славяне, обязаны (?) терпѣливо съ душевною покорностію переносить пренебреженіе нашихъ славянскихъ нарѣчій прусскими (только?) нѣмцами или мадьярами, то тѣмъ прискорбнѣе намъ видѣть презрительный взглядъ (?) на нашу русинскую рѣчь со стороны нашихъ восточныхъ (не вѣрнѣе ли сѣверо-западныхъ?) братьевъ, которыхъ литература развилась уже въ XIX в. (!), слѣд. моложе всѣхъ славянскихъ (!).

«Не обидно ли намъ, старославнымъ западнымъ племенамъ, видѣть презрѣніе (?) со стороны младшихъ братьевъ, россіянъ, съ ихъ юною—не болѣе 100 л. (!)—цивилизаціею, во имя кокоторой они хотятъ (?) навязать намъ свое поверхностное православіе, свои чуждыя намъ убѣжденія, законы и управленіе!

«Скорѣе наоборотъ мы, западные славяне, въ силу своей опытности, старшаго возраста, давнихъ историческихъ правъ и образованія, можемъ называть восточныхъ россіянъ своими дѣтьми (не вѣрнѣе ли своими хлопами?),—быть можетъ дорогими, но еще не теперь!..

«Мы не нуждаемся въ заморскихъ (а только въ загорскихъ?) варягахъ для княженія надъ нашею землею... Желаемъ сохранить въ народѣ нашу святую праотеческую вѣру (папизмъ!), нашу нынѣшнюю церковь (унію), нашу родную рѣчь (не польскую ли?)... И мы вполнѣ (?) обезпечены въ ихъ сохраненіи, ибо живемъ въ Австріи и видимъ во главѣ ея славянскихъ (!) народностей нашего всемилостивѣйшаго монарха»...

Въ чемъ же заключаются воззрѣнія на общеславянскій языкъ краковскаго анонима? Безъ малаго—въ томъ же, что проповѣдуетъ во второй Теоріи и г. Пыпинъ: что славянамъ вовсе не нужно общаго языка; что для общественной роли русскаго языка нѣтъ никакихъ аналогій въ прошломъ и никакихъ потребностей въ настоящемъ; что наоборотъ распространеніе его между западными славянами было бы гибельно для ихъ нарѣчій; что русскій языкъ и образованность стоятъ гораздо ниже западнославянскихъ; что Австрія можетъ и сама обезпечить народную самостоятельность западныхъ славянъ, и что наконецъ если возможно взаимное сближеніе между ними и Россіей, то ужъ

скорѣе на почвѣ западной, а не восточной, на основахъ уніи люблинской и брестской, а не рады переяславской.

Чѣмъ объяснить такое сходство между воззрѣніями нашего публициста и краковскаго анонима? Да тѣмъ, что оба они стоятъ на одной и той же чисто западнической точкѣ зрѣнія, оба подчиняютъ основы народнаго существованія потребностямъ культурнаго ихъ развитія, причемъ подъ культурою разумѣется образованность латино-нѣмецкая, какъ синонимъ общечеловѣческой.

Есть впрочемъ и существенная разница между двумя авторами: credo краковскаго змартвыхвстанца гораздо цѣльнѣе и послѣдовательнѣе воззрѣній петербургскаго западника. Первый отлично сознаетъ, что его баринъ сидитъ въ Ватиканѣ, другой въ вѣнскомъ бургѣ, и что въ угоду имъ нужно лаять на православіе и Россію, панславистовъ и обрусителей, пугать нигилистами, ратовать за унію, какъ мостъ къ латинству, «терпѣливо, съ душевною покорностью» (cierpliwie, z pokorą w duszy) выносить всяческія униженія отъ нѣмцевъ и мадьяръ, даже быть готову съ бараньей безропотностью отдать въ ихъ руки судьбу всего западнаго славянства...

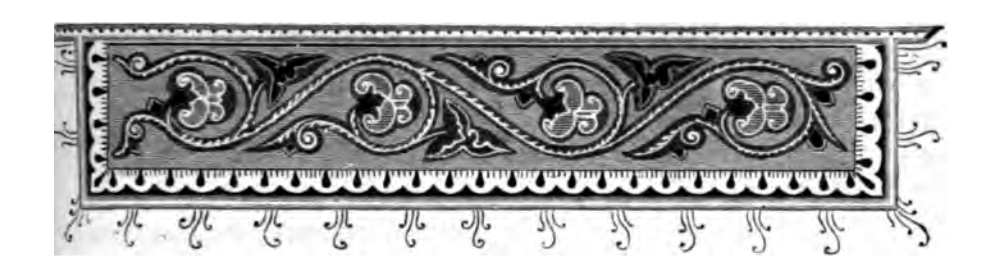
Г. Пыпинъ все еще не достигъ такой цѣльности міросозерцанія: онъ все еще не свелъ въ душѣ счетовъ относительно своей принадлежности къ востоку или западу, все еще колеблется между славянствомъ и Европою, между любовью къ русскому языку и обаяніемъ нѣмецкой образованности. Вотъ почему онъ вынужденъ былъ выставить двѣ теоріи общеславянскаго языка, настолько между собою различныя, какъ да и нѣтъ, плюсъ и минусъ, причемъ самъ авторъ искренно, кажется, убѣжденъ, что между ними нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія!

Жалкое ослѣпленіе, для насъ тѣмъ болѣе загадочное, что оно длится уже много лѣтъ, какъ это положительно утверждаетъ самъ г. Пыпинъ въ одномъ изъ отступленій своей второй статьи: «Довольно много лѣтъ тому назадъ (въ 1879 г.) мы имѣли случай останавливаться на этомъ самомъ вопросѣ и высказывать тѣ же самыя представленія объ этомъ предметѣ, какихъ держимся и теперь». Что же помѣшало автору втеченіе цѣлыхъ 13 лѣтъ переработать эти представленія въ понятія, въ идеи, въ какую нибудь однородную и цѣльную теорію! Если же онъ въ томъ не успѣлъ, то зачѣмъ было вновь вы-

ступать съ тѣми же сбивчивыми «представленіями», переряженными въ «теорію», которая — мы въ томъ убѣждены — не можетъ умѣститься въ логически построенной головѣ ни славянофила, на западника!

Объективная цѣна такой «теоріи» не превышаетъ той, какую имѣли бы для метеоролога или астронома наблюденія, произведенныя положимъ изъ Пулкова надъ — берлинскимъ небомъ или по вѣнскому меридіану... Что касается субъективной стороны подобнаго рода наблюденій и построеній, то она имѣетъ не малый психологическій, пожалуй и патологическій интересъ. Она представляетъ пригодный матеріалъ для діагноза тяжелой славянской болѣзни, именуемой западничествомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ теорія г. Пыпина обнаруживаетъ тщету высшихъ обобщеній, производимыхъ въ національно-разбитомъ и исполненномъ внутреннихъ противорѣчій сознаніи любого уніата-западника.

20 мая, 1892. **А. Будиловичъ.**



СОЦІОЛОГІЯ И ПАНСЛАВИЗМЪ

Профессоръ грацкаго университета Гумпловичъ издалъ недавно небольшую книжку о «Соціологіи и политикѣ» *, гдѣ затрогиваетъ и самые животрепещущіе вопросы современнаго международнаго положенія, именно отношенія Германіи къ Россіи, Россіи къ Турціи и т. д. Нынѣшнее состояніе Европы оцѣнивается въ этой книгѣ, по мнѣнію автора, строго научно, на основаніи непреложныхъ-де соціологическихъ законовъ, которые поэтому допускаютъ даже предсказаніе будущаго. Книжка написана живо, вѣроятно быстро распространится, по крайней мѣрѣ въ Австріи и Германіи, и—благодаря научной репутаціи автора — конечно произведетъ извѣстную долю вліянія. Интересно потому посмотрѣть, что сулитъ авторъ нашей части свѣта и насколько прочны тѣ основанія, изъ которыхъ онъ выводитъ свои предположенія. Важно и то, что авторъ, живя въ Грацѣ и чуть не ежедневно приглядываясь къ борьбѣ словенцевъ съ нѣмцами, писалъ свою работу подъ впечатлѣніемъ этой борьбы, такъ что славянскій вопросъ и его разрѣшеніе, понятно въ интересахъ Австріи, не мало его занимаетъ. Это обстоятельство повліяло пожалуй и на теоретическую сторону его труда.

Статья состоитъ изъ трехъ главъ и приложенія, заключающаго въ себѣ весьма интересный обзоръ новѣйшей соціологи-

* Sociologie und Politik v. Ludw. Gumplowitz. Leipzig. 1892.

ческой литературы во Франціи, Бельгіи, Италіи, Германіи съ Австріей и въ Америкѣ.

I.

Въ первой главѣ, посвященной вопросу о существѣ соціологіи, авторъ пытается опредѣлить содержаніе этой науки, а также ея отношенія къ другимъ наукамъ. Хотя, замѣчаетъ авторъ, уже со временъ Шлейермахера, т. е. съ начала XIX в., велась рѣчь объ обществѣ и общественныхъ наукахъ, но особая отрасль обществовѣдѣнія могла появиться только послѣ признанія въ соціальныхъ группахъ системы движеній, совершающихся по твердымъ, неизмѣннымъ законамъ (стр. 7). При разграниченіи соціологіи отъ различныхъ близко къ ней соприкасающихся сферъ вѣдѣнія, наиболѣе труднымъ представляется автору отдѣлить соціологію отъ исторіи, особенно исторіи культуры. Тутъ Гумпловичъ прибѣгаетъ даже къ натяжкамъ. Онъ высказываетъ произвольное положеніе, что дѣло исторіи—живое созерцаніе прошедшаго, художественное воспроизведеніе политической жизни; напротивъ, дѣло соціологіи—открытіе общихъ законовъ историческаго процесса (стр. 33). Кромѣ того, въ различныхъ мѣстахъ своего сочиненія онъ силится доказать произвольность установленія причинъ явленій культурною исторіею. Какъ видно изъ этого примѣра, разграниченіе соціологіи отъ смежныхъ наукъ у Гумпловича не можетъ похвалиться полною объективностью. Авторъ не прочь особенно подчеркнуть то, что можетъ пригодиться для его опредѣленія соціологіи. Во всякомъ случаѣ, онъ проявляетъ здѣсь большую начитанность въ новѣйшей литературѣ по разнообразнымъ отраслямъ обществовѣдѣнія (12—49).

Переходя къ установленію предмета соціологіи, авторъ высказываетъ положеніе, что предметомъ ея не можетъ быть человѣчество, какъ нѣчто черезъ-чуръ неопредѣленное, а только общество, какъ родовое (обобщенное), а не индивидуальное понятіе. Послѣ этого замѣчанія, авторъ не дѣлаетъ никакихъ усилій ближе опредѣлить понятіе общества, а только ограничивается словами, что наука даже не начала еще доискиваться понятія объ обществѣ путемъ анализа безконечнаго разнообразія обществъ и въ современности, и въ исторіи, а равно выдѣленія существенныхъ ихъ признаковъ. Общества представляются г. Гум-

пловичу какъ личности высшаго рода (совокупныя личности), вліяющія на ходъ событій, но дѣйствія которыхъ могутъ быть предусмотрѣны несравненно легче, чѣмъ дѣйствія людей. Въ противоположность неправильной, непонятной путаницѣ индивидуальныхъ стремленій и дѣйствій, соціальныя группы поступаютъ-де на основаніи простыхъ, ясныхъ, легко понятныхъ мотивовъ, такъ что мы можемъ подвести ихъ дѣятельность подъ извѣстныя высшія начала. Эта правильность и закономѣрность такъ велика, что мы съ большимъ правдоподобіемъ можемъ предугадать поступокъ каждой соціальной группы относительно даннаго факта. Такимъ образомъ въ соціальномъ мірѣ мы можемъ-де предсказывать будущія явленія, т. е. достигнуть высшей цѣли каждой точной естественной науки. Съ этой (соціологической) точки зрѣнія воля человѣка исчезаетъ-де и на мѣсто ея выступаютъ вѣчныя силы, приводящія въ движенія соціальныя группы и элементы. Поэтому соціологія не можетъ оцѣнивать дѣятельность людей, а можетъ говорить только о нормальномъ и анормальномъ поведеніи. Тѣмъ не менѣе и она можетъ-де выставить соціологическое мѣрило человѣческихъ поступковъ, на которомъ можетъ быть основана общественная нравственность. Эта нравственность только будетъ-де вытекать не изъ a priori установленнаго предназначенія человѣка, а просто изъ высшихъ интересовъ общественныхъ группъ, къ которымъ принадлежитъ индивидъ. При столкновеніи интересовъ различныхъ общественныхъ круговъ человѣкъ долженъ-де предпочитать интересъ самаго обширнаго и высшаго круга, а таковымъ для отдѣльнаго лица всегда будетъ государство, ибо соціологическое развитіе пользуется государствомъ для достиженія своихъ цѣлей и нѣтъ-де такихъ, даже самыхъ идеальныхъ задачъ, которыя были бы недостижимы при посредствѣ государства. Что недоступно для государства, то недоступно-де вообще, то—утопія (53—55).

Въ концѣ главы авторъ обобщаетъ предыдущее слѣдующимъ образомъ: «Соціологія не наука о человѣкѣ, но о человѣческихъ обществахъ. Она учитъ, что хотя единица обыкновенно думаетъ и дѣйствуетъ въ томъ же духѣ, какъ и цѣлое, но группа ведетъ свою особую, отъ единицы независимую жизнь. Это житье-бытье, эти стремленія и дѣятельность соціальныхъ группъ составляютъ предметъ соціологіи» (66).

Для того, чтобы опредѣлить цѣну соціологическихъ воззрѣній

г. Гумпловича, необходимо припомнить развитіе соціологіи. Основатель этой отрасли вѣдѣнія, Ог. Контъ, въ первой половинѣ нынѣшняго столѣтія приведенъ былъ періодически повторяющимися революціонными движеніями во Франціи къ мысли — утвердить общественный строй на прочныхъ, чисто-научныхъ, незыблемыхъ законахъ, равно убѣдительно говорящихъ уму самыхъ строгихъ консерваторовъ и самыхъ ярыхъ революціонеровъ. Для этого понадобилась особая наука, чистая (въ противоположность прикладной), основная, долженствующая изучать законы существованія и движенія во времени общественныхъ явленій, безъ всякой мысли о примѣненіи открываемыхъ законовъ къ дѣйствительности. По отношенію къ этой наукѣ все множество юридическихъ и политическихъ наукъ должно было низойти на степень наукъ прикладныхъ или искусствъ. Соціологія должна открывать законы въ смыслѣ наукъ естественныхъ, т. е. законы, независимые отъ человѣческаго произвола и потому допускающіе предвидѣніе. Чрезвычайная важность даже одного предположенія о возможности такой науки была очевидна для каждаго: безконечное количество вопросовъ экономическихъ, политическихъ, религіозныхъ и т. д., удручающихъ человѣчество, было бы разрѣшено этою наукой и дальнѣйшій спокойный прогрессъ человѣческихъ обществъ былъ бы вполнѣ обезпеченъ.

Высказавъ такую плодотворную мысль, Ог. Контъ назначилъ этой будущей наукѣ самое высшее мѣсто въ іерархіи наукъ, построенной имъ по степени сложности изучаемыхъ явленій. Этимъ ихъ качествомъ обусловливается-де какъ взаимная зависимость однихъ явленій отъ другихъ, такъ и большая или меньшая легкость ихъ изученія. Такъ напр. астрономія не нуждается-де въ соціологіи, а соціологъ не долженъ быть чуждъ нѣкоторыхъ астрономическихъ познаній, такъ какъ характеръ почвы, засухи и т. п. зависятъ отъ астрономическихъ феноменовъ. Но когда Конту пришлось точнѣе опредѣлить предметъ соціологіи, то здѣсь вкрались нѣкоторыя неясности, которыя оказали неблагопріятное вліяніе на дальнѣйшій ходъ соціологическаго мышленія.

Предметомъ соціологіи, по мнѣнію ея основателя, должно быть все человѣчество какъ нѣчто единое, какъ одно громадное и вѣчное соціальное цѣлое, взятое въ своемъ прошедшемъ, настоящемъ и даже будущемъ. Эта мысль, на первый взглядъ

поразительная по своей ясности, оказывается при ближайшемъ разсмотрѣніи несостоятельною, ибо дѣйствительность представляетъ намъ только отдѣльныя исторически сложившіяся общества, изъ которыхъ мы путемъ обобщенія добываемъ понятіе о человѣчествѣ. До сихъ поръ научно даже не рѣшенъ вопросъ объ единствѣ происхожденія людей (отъ одной пары или нѣтъ), и только теперь антропологія и этнологія ставятъ въ числѣ главнѣйшихъ своихъ задачъ — доказать психическую однородность человѣчества. Въ виду этихъ соображеній Шеффле и думаетъ внести существенную поправку тѣмъ, что человѣчество хотя теперь и не представляетъ единаго цѣлаго, но зато стремится къ нему и несомнѣнно въ сравнительно короткое время этого достигнетъ [1]). При всемъ томъ, мысль Конта объ единствѣ человѣческаго рода оказала громадное вліяніе на дальнѣйшую судьбу соціологіи, ибо всѣ соціологи безъ исключенія видятъ въ развитіи человѣчества извѣстную цѣлостность и совѣтуютъ провѣрять историческія обобщенія законами психологіи и этнологіи. Масса соціологовъ даже всецѣло убѣждена въ томъ, что необходимымъ условіемъ соціологіи есть идея прогресса, придающая соціологіи научное единство, что соціологія является наукою, изучающею общее развитіе человѣчества.

Кромѣ этого опредѣленія предмета у Конта встрѣчаются другія двѣ мысли, оказавшіяся тоже очень важными по послѣдствіямъ. Не разъ у него попадается выраженіе «соціальный организмъ», причемъ это слово не всегда обозначаетъ человѣчество, а иногда относится къ народамъ и различнымъ другимъ человѣческимъ обществамъ [2]). Дальнѣйшіе писатели вывели отсюда, что къ «соціальнымъ организмамъ», какъ существамъ въ извѣстной степени живымъ, могутъ быть примѣнимы чуть не всѣ біологическіе законы. И вотъ появилась цѣлая громадная литература, стремящаяся объяснить жизнь человѣческихъ обществъ посредствомъ аналогіи съ жизнію разнообразнѣйшихъ организмовъ [3]).

---

[1]) Bau u. Leben des socialen Körpers. 2 изд. Tübingen. 1881. I. 13; IV. 481.

[2]) Хотя Контъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ (напр. на стр. 262. IV. Cours de philosophie positive, 3 изд., Paris. 1869) употребляетъ выраженіе «соціальный организмъ» недостаточно опредѣленно, тѣмъ не менѣе на стр. 313 онъ протестуетъ противъ отождествленія общества съ организмомъ.

[3]) Я не знаю соціолога, который въ той или другой формѣ не пользовался бы аналогіею съ законами, проявляющимися въ царствѣ животныхъ и даже растеній.

Кромѣ того мысль, что качество явленій, именно степень ихъ сложности, можетъ быть положена въ основу іерархіи наукъ что поэтому науки должны быть изучаемы въ извѣстной послѣдовательности, привела незамѣтно къ тому, что іерархія наукъ есть не что иное, какъ отраженіе поступательнаго развитія вселенной, т. е. что ранѣе всего появляются явленія астрономическія которыя усложняясь производятъ явленія физическія, а эти въ свою очередь усложняясь производятъ явленія химическія и т. д. Такъ какъ при этомъ прежнія явленія не исчезаютъ, а только подлѣ нихъ появляются новыя явленія, вслѣдствіе присоединенія къ прежнимъ качествамъ феноменовъ новыхъ качествъ, то все человѣческое вѣдѣніе представляетъ цѣлостную систему знаній, гдѣ законы явленій наиболѣе сложныхъ не могутъ быть усвоены безъ пониманія законовъ явленій менѣе сложныхъ. Это единство допускаетъ возможность предположенія, что самая широкая аналогія можетъ быть не только средствомъ объясненія, но и средствомъ открытія законовъ. Такимъ образомъ отмѣченныя мною двѣ мысли Ог. Конта (общество есть соціальный организмъ, степень сложности явленій должна служить основою классификаціи наукъ) въ своемъ послѣдовательномъ развитіи уничтожили всякую раздѣльную черту между соціологіей и біологіей [1]) и даже между соціологіей и космологіей [2]).

Послѣ всего сказаннаго понятно, почему Гумпловичъ (69—72) съ особеннымъ стараніемъ остановился на опредѣленіи соціологіи. Онъ желалъ точно очертить кругъ соціологическихъ фактовъ и тутъ сдѣлалъ, по моему мнѣнію, существенную методологическую ошибку своимъ заявленіемъ, что человѣческое общество, какъ предметъ соціологіи, есть родовое, а не индивидуальное понятіе. Природа представляетъ намъ общества только какъ индивидуальныя понятія; родовое (обобщенное) понятіе не есть явленіе природы, а нашей мысли. Между тѣмъ естественная наука имѣетъ своею задачею изучать фактъ природы, а не наши обобщенія. Легко понять, чего мы могли бы ожидать отъ этихъ наукъ, еслибы ботаникъ началъ изслѣдовать понятіе листка или корня, анатомъ—структуру нашего представленія о человѣкѣ и

---

[1]) Напр. Espinas. Les sociètès animales. 1878. 2-е изд. 210—226.

[2]) Напр. Фулье. La science sociale cortemporaine. Paris. 1880. 127. Biologie, sociologie et cosmologie nous paraissent au fond une seule et même science.

т. д. Если же опредѣлить соціологію, какъ науку о человѣческихъ индивидуальныхъ обществахъ, то почти невозможно будетъ отдѣлить ее отъ другихъ наукъ, напр. отъ исторіи. Итакъ первая глава разбираемой книги, при всей громадной начитанности автора въ новѣйшей литературѣ общественныхъ наукъ, не подвинула впередъ вопроса объ этой новой отрасли знанія.

II.

Вторая глава, озаглавленная «исторія какъ естественный процессъ», имѣетъ своею задачею точнѣе опредѣлить основныя начала соціологіи. Послѣдняя должна-де состоять изъ двухъ частей: статики и динамики. Статика изучаетъ основы соціальной группировки, отношенія отдѣльныхъ круговъ къ своимъ членамъ, большую или меньшую зависимость индивида отъ воли цѣлаго и т. п. Динамика останавливается на законахъ движенія соціальныхъ группъ, на ихъ естественныхъ стремленіяхъ и на вытекающихъ отсюда взаимныхъ вліяніяхъ, т. е. на самомъ соціальномъ развитіи, которое никоимъ образомъ не можетъ быть отождествляемо съ прогрессомъ. Это движеніе ведетъ-де къ все большему и большему объединенію группъ посредствомъ подчиненія болѣе слабыхъ группъ болѣе сильнымъ, причемъ приспособляющіеся элементы сохраняютъ свою жизнь, а противодѣйствующіе погибаютъ. Результатъ этого процесса можетъ быть заранѣе предсказанъ болѣе или менѣе точно, ибо онъ происходитъ по извѣстнымъ естественнымъ законамъ. Существенный признакъ соціологіи и состоитъ-де въ томъ, что всѣ факты разсматриваются не какъ проявленія человѣческаго духа, а какъ необходимое слѣдствіе объединенія группъ и развитія человѣческихъ общеній (стр. 69—72).

Клѣточкою соціальнаго развитія представляется-де соціальная группа; она обусловливается и создается извѣстнымъ интересомъ и нуждается въ опредѣленной организаціи, чтобы не остаться простымъ стеченіемъ людей. Всѣ соціальныя группы распадаются на два рода, смотря по тому, состоятъ ли онѣ подъ однимъ мирнымъ и правовымъ порядкомъ, или внѣ его. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ передъ собою государства, въ первомъ — все безконечное разнообразіе другихъ обществъ. Государство выдѣляется-де изъ всѣхъ остальныхъ союзовъ чрезвычайною властію

правительства надъ гражданами. Изъ всѣхъ человѣческихъ соединеній только государство имѣетъ для своего укрѣпленія право жизни и смерти надъ своими подданными. Поэтому всѣ остальныя человѣческія общенія должны-де жить въ мирѣ съ государствомъ, что достигается всегда и вездѣ только тѣмъ, что отдѣльные союзы не противодѣйствуютъ, а напротивъ даже помогаютъ достиженію государственныхъ цѣлей. Государство можетъ быть признано высшею ступенью всѣхъ человѣческихъ общеній, ибо оно является-де единственнымъ факторомъ всемірноисторическихъ столкновеній. Но жизнь государства, какъ относительно другихъ одновременныхъ съ нимъ государствъ, такъ и относительно различныхъ входящихъ въ него соціальныхъ группъ, можетъ быть выяснена только соціологіею; она подлежитъ-де неизмѣннымъ соціологическимъ законамъ.

Принципіальнымъ различіемъ государствъ и другихъ человѣческихъ союзовъ обусловливается-де двойственность задачъ соціологіи; она должна наблюдать систему движеній государствъ и систему движеній находящихся въ государствѣ обществъ. Изученіе явленій перваго рода приведетъ къ научной теоріи внѣшней политики, изученіе же явленій второго рода—къ внутренней политикѣ. Наконецъ самые соціальные элементы государствъ, несмотря на громадное различіе послѣднихъ, находятъ себѣ соціологическое объясненіе; они опредѣляются-де организаціею труда, которая съ своей стороны обусловлена какъ тѣлесными, такъ и духовными потребностями человѣчества (правители, производители сырыхъ продуктовъ, промышленники и т. п. (стр. 72—78).

Основнымъ закономъ соціальнаго развитія является-де стремленіе человѣческихъ союзовъ къ самосохраненію, а изъ заботы объ этомъ вытекаетъ желаніе увеличить свое благосостояніе. Это снова ведетъ къ борьбѣ за власть надъ другими соціальными группами. Весь этотъ процессъ вытекаетъ-де изъ очень простого факта—«плодовитости женщинъ». Такимъ образомъ избытокъ населенія въ связи съ ограниченностію средствъ пропитанія, доставляемыхъ извѣстною территоріею, неизбѣжно влечетъ-де къ указанному основному закону. Изъ него авторъ выводитъ нѣсколько производныхъ законовъ: 1) стремленіе одного государства къ ослабленію сосѣдей, т. е. къ политическому равновѣсію; 2) желаніе континентальныхъ государствъ достигнуть моря, какъ средства для морского могущества; 3) постоянныя усилія

государствъ пріобрѣсти естественныя границы. Все это конечно не можетъ-де быть добыто безъ значительной военной силы, а эта послѣдняя невозможна безъ увеличенія благосостоянія народа, такъ что заботы о благосостояніи народа, по Гумпловичу, вызываются не чѣмъ инымъ, какъ потребностію въ возможно большей военной силѣ [1]). Вообще внѣшнія отношенія государства съ желѣзною необходимостію опредѣляютъ-де его внутреннюю жизнь; даже патріотизмъ наиболѣе развитъ въ руководящихъ слояхъ. Что же касается внутренней политики, то въ ней вышеуказанный законъ проявляется-де въ борьбѣ отдѣльныхъ соціальныхъ группъ изъ-за власти въ государствѣ. Постоянная борьба человѣческихъ союзовъ ведетъ-де къ подчиненію однѣхъ группъ другимъ, что производитъ грубую или утонченную эксплоатацію побѣжденныхъ группъ побѣдителями (стр. 78—84).

Всѣ описанныя явленія происходятъ-де съ неизмѣнною послѣдовательностію потому, что стремленія группъ независимы отъ воли индивидовъ. Это легко объяснимо тѣмъ, что мысли и дѣятельность людей управляются-де общественнымъ мнѣніемъ, опредѣляемымъ не личными соображеніями людей, а интересами общественныхъ союзовъ, хотя безспорно въ самой глубинѣ этихъ общественныхъ интересовъ лежатъ эгоистическіе индивидуальные мотивы личной выгоды, вытекающей изъ побѣды надъ врагами (стр. 85—90).

Послѣ разъясненія своихъ положеній на ходѣ всемірной исторіи, на разнообразнѣйшихъ факторахъ соціальнаго развитія (языкъ, нравы и обычаи и т. д.), указавъ и отношеніе своихъ взглядовъ къ Ог. Конту и Дарвину, Гумпловичъ высказываетъ ту мысль, что война является самымъ естественнымъ состояніемъ народовъ между собою. Война, по самой природѣ вещей, смѣняется-де только перемиріями, затѣмъ союзами для общихъ дѣйствій противъ третьихъ группъ. Это ветхозавѣтное, вообще древнее положеніе дѣйствительно есть не что иное, какъ логическій выводъ изъ всего предыдущаго, выводъ, который авторъ не убоялся открыто сдѣлать...

---

[1]) Онъ выражаетъ это съ достохвальною ясностію: «И во всѣхъ этихъ стремленіяхъ (къ увеличенію армій и необходимому для этого увеличенію благосостоянія) государство никогда не можетъ ограничиться и поставить себѣ самовольно избранную черту. Ибо во всеобщей борьбѣ нѣтъ выбора между движеніемъ впередъ или отброшеніемъ назадъ». Стр. 80.

Установляя фактъ такихъ отношеній народовъ между собою, соціологія не должна-де подобно исторіи останавливаться на самомъ ходѣ военныхъ дѣйствій, а только на цѣляхъ преслѣдуемыхъ войною. «Ибо исторія показываетъ, что войны суть только средства къ образованію болѣе и болѣе обширныхъ соціальныхъ группъ, слѣдовательно онѣ составляютъ только подчиненныя, хотя и неизбѣжныя естественныя проявленія великаго соціальнаго процесса развитія, послѣдняя цѣль котораго намъ неизвѣстна» (стр. 91—100).

Если мы пожелаемъ отдать себѣ отчетъ, насколько замѣтенъ научный прогрессъ во всѣхъ этихъ положеніяхъ, то окажется, что они не имѣютъ за собою даже интереса новизны. Еще Контъ дѣлилъ соціологію на статику и динамику и указалъ, согласно съ Гумпловичемъ, на предметы обоихъ отдѣловъ. Да и не могло быть иначе, ибо статика и динамика взяты изъ біологіи, именно ради удобства отдѣлить точку зрѣнія анатомическую (строеніе организма) отъ физіологической (отправленія, функціи организма). Замѣтимъ только, что Контъ глубже установилъ принципіальное различіе обѣихъ частей, сказавъ, что статика изучаетъ законы порядка, а динамика—законы прогресса. Что же касается т. наз. Гумпловичемъ основного закона соціальнаго развитія (самосохраненіе и отсюда вытекающая эксплоатація подчиненныхъ группъ), то онъ не что иное, какъ самое грубое примѣненіе къ обществовѣдѣнію дарвиновскаго закона борьбы за существованіе. До Гумпловича Постъ, Шеффле, Беджготъ старались сдѣлать то же самое, но только въ несравненно лучшей формѣ. Такъ напримѣръ Постъ считаетъ борьбу отдѣльныхъ группъ закономъ только между самостоятельными организмами, а въ случаѣ ихъ подчиненія отношенія ихъ какъ къ цѣлому, такъ и между собою установляются-де закономъ распредѣленія труда. И контовъ законъ о трехъ ступеняхъ развитія (теологической, метафизической и позитивной), прародитель всѣхъ другихъ искомыхъ законовъ развитія, неизмѣримо глубже закона Гумпловича. Дѣйствительно, Контъ основываетъ свой законъ на самомъ міросозерцаніи человѣка, который то смотритъ на явленія природы какъ на дѣйствія живыхъ существъ (боговъ), перенося свои личныя наблюденія на всю природу и одухотворяя ее, то объясняетъ все извѣстными отвлеченными идеями и неуловимыми силами (напримѣръ жизненною силою), присущими

вещамъ, то наконецъ изучаетъ необходимое отношеніе явленій между собою и это изученіе желаетъ поставить въ основу своей дѣятельности. Между тѣмъ Гумпловичъ строитъ все на самосохраненіи, т. е. на такомъ чувствѣ, которое допускаетъ самыя разнообразныя рѣшенія вопроса о томъ, что лучше всего ведетъ къ сохраненію и даже укрѣпленію себя.

Кромѣ отсутствія оригинальности, основной законъ развитія у Гумпловича имѣетъ и тотъ недостатокъ, что вовсе не подтверждается ни исторіей, ни наблюденіемъ современной намъ дѣйствительности. Исторія безконечное число разъ показываетъ намъ, что болѣе развитое общество претворяетъ въ себя менѣе развитое, съ которымъ оно сталкивается. Это явленіе никоимъ образомъ не можетъ быть объяснено эксплоатаціей, а просто тѣмъ, что болѣе развитое общество удовлетворяетъ въ несравненно бо́льшей степени потребностямъ индивидовъ и потому заставляетъ наиболѣе выдающихся людей стремиться къ переходу изъ менѣе развитого общества въ болѣе развитое. Но стоитъ только болѣе развитому обществу начать эксплотацію менѣе развитого, какъ это послѣднее организуется, замыкается въ себя и начинается ожесточенная борьба. Такимъ образомъ эксплоатація и политическій, а въ особенности экономическій гнетъ является лучшимъ средствомъ противъ ассимиляціи двухъ обществъ. Итакъ исторія учитъ совершенно другому, а именно что въ интересахъ самосохраненія каждая соціальная группа при столкновеніи съ другой группой должна связать возможно плотнѣе интересы членовъ послѣдней со своими собственными и тѣмъ достигнуть ассимиляціи. Напротивъ того, эксплоатація, особенно экономическая, какъ захватывающая интересы всѣхъ [1]), можетъ даже привести хорошо сплотившуюся уже соціальную группу къ распаденію, что не разъ и подтверждалось исторіей.

Современная намъ дѣйствительность также во всѣхъ сферахъ жизни проявляетъ противоположное закону Гумпловича направленіе. Посмотримъ ли мы на взаимныя отношенія государствъ или на разнообразнѣйшіе экономическіе вопросы, вездѣ мы замѣтимъ стремленіе къ упорядоченію стихійной борьбы.

---

[1]) Гнетъ политическій задѣваетъ только интересы руководящихъ классовъ, иногда интересы образованныхъ сферъ.

Какъ въ международной политикѣ война возникаетъ все рѣже и рѣже и ее силятся устранить международными конгрессами и взаимными переговорами, гдѣ каждая изъ сторонъ дѣлаетъ уступки и такимъ образомъ достигается извѣстное соглашеніе, такъ и при столкновеніяхъ рабочихъ съ капиталистами придумываются разнообразнѣйшія средства, при помощи которыхъ устраивается компромисъ. Вообще, по моему мнѣнію, одною изъ характеристическихъ чертъ конца нашего столѣтія есть все болѣе развивающееся въ европейскомъ обществѣ сознаніе, что война по своей разрушительности—явленіе въ высшей степени нежелательное, что даже полная побѣда одной изъ сторонъ не всегда окупаетъ понесенныя жертвы. Это стремленіе урегулировать стихійную борьбу общественныхъ силъ было подмѣчено оригинальнымъ американскимъ соціологомъ Уордомъ, который видитъ въ этомъ переходъ человѣчества отъ естественнаго прогресса къ прогрессу искусственному. Онъ выяснилъ также причину этого явленія: все сильнѣе и сильнѣе выступаетъ-де умъ, какъ упорядочивающій факторъ [1]). Дѣйствительно, въ томъ-то и заключается важное значеніе науки объ общественныхъ явленіяхъ что она должна совершенно измѣнить хаотическую борьбу, соціальныхъ силъ (столкновеніе различныхъ религій, національностей, сословій, общественныхъ классовъ и т. д.). А между тѣмъ Гумпловичъ вмѣстѣ съ многими другими соціологами предполагаетъ, что все развитіе человѣчества можетъ совершаться только по тому же закону, по которому оно происходило испоконъ вѣковъ! Нашъ авторъ, очевидно, никакъ не можетъ понять, что предвидѣніе извѣстныхъ послѣдствій должно вліять на рѣшенія соціальныхъ группъ.

III.

Изъ предшествовавшаго разбора двухъ первыхъ теоретическихъ частей работы Гумпловича оказывается, что она не двигаетъ впередъ соціологіи. Зато третья, практическая часть

---

[1]) L. F. Ward. Dynamic sociology, or applied social science, as based upon statical sociology and the less complex sciences. New-Jork. 1883. Сокращенное изложеніе главнѣйшихъ мыслей Уорда, сдѣланное имъ самимъ, см. Mind. XXXIV. октябрь. 1884. Mind, as a social factor. Стр. 563—573.

(политика, какъ прикладная соціологія) имѣетъ немаловажное значеніе, какъ политическій памфлетъ. Авторъ старается здѣсь придать научную основу самымъ новымъ политическимъ комбинаціямъ и теоретически оправдать тѣ цѣли, къ которымъ предположительно стремится лига мира.

Эта часть должна быть не чѣмъ инымъ, какъ примѣненіемъ теоретическихъ положеній двухъ предшествующихъ частей къ внѣшней политикѣ. Но, кажется, мнѣнія руководящихъ слоевъ Австріи и Германіи повліяли наоборотъ даже на теорію автора! Мнѣнія же эти сложились при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ средніе вѣка, несмотря на безпрерывныя войны, кровопролитія и жестокости, всецѣло царило убѣжденіе, что весь строй общественной жизни человѣчества опредѣляется самимъ Богомъ, по началамъ высшей справедливости. Когда исчезло это воззрѣніе вмѣстѣ со средними вѣками, то появилось новое гуманитарное движеніе, стремящееся къ облагороженію человѣка, къ возвышенію человѣческаго достоинства. Вмѣстѣ съ тѣмъ развилось убѣжденіе, что человѣчество, какъ одно цѣлое, должно въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ руководиться нравственностію. Отсюда необходимъ былъ выводъ, что и въ основу политики должны быть положены нравственныя начала. Еще Моль въ въ 70-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія высказывалъ въ своей энциклопедіи такія убѣжденія. Но съ этого именно момента, подъ вліяніемъ матеріалистическихъ воззрѣній, а также можетъ быть вслѣдствіе военныхъ успѣховъ, начали прокладывать себѣ путь въ нѣмецкое общество новыя воззрѣнія, что сила есть право, что ничѣмъ не сдержанная борьба за существованіе есть основной законъ общественнаго развитія, что въ международныхъ отношеніяхъ нѣтъ мѣста для нравственности, что вообще политическій бытъ долженъ быть основанъ исключительно на государственномъ интересѣ. Всѣ эти разнообразные выводы изъ отождествленія права съ силою доказывались въ нѣмецкомъ обществѣ самымъ разнообразнымъ образомъ: исторіей и психологіей (Іерингъ), біологическими и экономическими соображеніями (Лиліенфельдъ, Шеффле), космическимъ міросозерцаніемъ (Постъ). На возникновеніе такихъ взглядовъ нѣкоторую долю вліянія имѣла кажется также многовѣковая борьба нѣмцевъ со славянами. По крайней мѣрѣ небольшая, но выдающаяся статья Іеринга: «Борьба за право» возникла послѣ пребыванія

Іеринга въ Прагѣ и есть не что иное, какъ рѣчь этого профессора, сказанная имъ въ Вѣнѣ передъ нѣмецкимъ собраніемъ при оставленіи имъ вѣнскаго университета. Это было политическое завѣщаніе извѣстнаго историка-юриста нѣмцамъ—отстаивать всею силою въ Австріи свое преобладающее положеніе, казавшееся пошатнувшимся вслѣдствіе исключенія Австріи изъ Германіи. Если теперь мы припомнимъ, что Гумпловичъ занимаетъ каѳедру въ Грацѣ, то поймемъ, что ожесточенная національная борьба, происходящая на его глазахъ, должна была повліять какъ на теоретическую, такъ въ особенности на практическую часть его соціологіи.

Приводя примѣры недостаточной политической предусмотрительности, Гумпловичъ высказываетъ вскользь положеніе, что основной законъ культуры повелѣваетъ щадить жизнь, что никто не долженъ въ культурномъ государствѣ присваивать себѣ право насильственно подавлять и уничтожать живыя національности. «Это слѣдуетъ предоставить тысячелѣтнему дѣйствію общаго закона развитія: онъ поставитъ свой приговоръ по вопросу о томъ, что должно быть сохранено и что должно исчезнуть. А культурное государство должно охранять все живое и ему (т. е. живому) предоставлять не только его естественное развитіе, но и его законную борьбу за существованіе» (стр. 108—113). Такимъ образомъ соціальныя группы должны-де изживаться, а не подавляться.

Но это глубоко-гуманное начало находится въ полнѣйшемъ противорѣчіи со всѣмъ предшествующимъ; оно стоитъ совершенно особнякомъ. Авторъ принципіально отвергаетъ всякое различіе между міромъ органическимъ и неорганическимъ; для него борьба человѣческихъ обществъ есть хаотическій процессъ, результатъ котораго опредѣляется только силами борющихся. Природа, какъ Гумпловичъ самъ много разъ говоритъ, не щадитъ жизни: милліарды зародышей, даже живыхъ существъ, гибнутъ безцѣльно. Спрашивается, откуда же вдругъ явилось уваженіе къ жизни? На чемъ оно основано? Если это законъ космическій, то слѣдовало его оправдать въ первыхъ частяхъ; если же это законъ для человѣческихъ обществъ, то тогда неизвѣстно, откуда появилась черта, отграничивающая царство человѣчества отъ царства животнаго, растеній и т. д. Поэтому да проститъ намъ авторъ, если мы невольно пришли къ слѣ-

дующему предположенію. Г. Гумпловичъ говоритъ, что эксплоатація не всегда является въ формѣ насилія, но иной разъ и въ формѣ хитрости. Въ этомъ и заключается самый утонченный пріемъ, что подъ фирмою культуры, даже сохраненія жизни отдѣльныхъ соціальныхъ группъ, происходитъ самая дикая эксплоатація! Къ этой двойственности пріемовъ эксплоатаціи нашъ авторъ до того привыкъ, что и выставилъ положеніе, долженствующее усыпить бдительность группъ, предназначаемыхъ къ истребленію!..

Устанавливая основы европейской политики, авторъ приходитъ къ мысли о раздѣленіи Европы на два міра, глубоко различныхъ между собою. Западная Европа хотя и состоитъ изъ нѣсколькихъ государствъ, но представляетъ-де изъ себя извѣстное культурное цѣлое, которому противоположна Россія. Каждый изъ этихъ міровъ стремится къ увеличенію своихъ предѣловъ, такъ что можно предвидѣть столкновеніе ихъ. Такъ какъ Россія, по своимъ экономическимъ богатствамъ и объему своей территоріи, является громадною силою, которая естественнымъ путемъ будетъ все болѣе и болѣе возростать, то западная Европа должна-де воспользоваться всѣми средствами для противодѣйствія экспансивнымъ стремленіямъ Россіи. Какъ континентальное государство, Россія стремится-де къ морю, желаетъ завладѣть Константинополемъ; поэтому Европа, а въ особенности наиболѣе угрожаемыя страны, Германія и Австрія, должны-де употребить всѣ старанія, чтобы ослабить вліяніе Россіи въ Болгаріи. Отсюда ясно, говоритъ Гумпловичъ, какъ глубоко ошибался Бисмаркъ въ своихъ рѣчахъ о томъ, что въ Болгаріи совсѣмъ не затронуты интересы Германіи! Совершенно наоборотъ; крупица Болгаріи усилитъ-де Россію и ослабитъ шансы въ борьбѣ всей западной Европы. Г. Гумпловичъ до того глубоко убѣжденъ въ истинности и убѣдительности своихъ доводовъ, что даже ждетъ объединенія интересовъ Франціи и Германіи по отношенію къ Россіи, расчитывая кажется на заключеніе общаго оборонительнаго и наступательнаго союза! Какія же цѣли долженъ преслѣдовать такой западно-европейскій союзъ? Онъ долженъ-де отдѣлить себя отъ Россіи цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ государствъ, именно: Болгаріею, Румыніею, Польшею, Финляндіею. Такая цѣль опредѣляется-де всею западно-европейскою образован-

ностію, именно стремленіемъ оградить себя отъ азіатскаго варварства (?) и деспотіи (!) и обезпечить свободу, самоопредѣленіе и равенство индивидовъ (стр. 113—129).

Въ этихъ словахъ мы уже слышимъ отголосокъ, не всегда однако искренній, многочисленныхъ круговъ западно-европейскаго общества. Пожалуй, даже и у насъ найдутся такіе легковѣрные люди, которые подпишутся подъ подобными положеніями. Поэтому намъ приходится остановиться на этихъ мысляхъ.

Оставляя въ сторонѣ недостойныя научнаго труда выраженія: варварство, азіатскій деспотизмъ, мы позволяемъ себѣ выразить сожалѣніе, что авторъ не попытался точнѣе и глубже опредѣлить причины вражды обоихъ міровъ, предполагая ихъ общеизвѣстными. Въ виду такого умолчанія, мы принуждены ограничиться въ разборѣ тѣми двумя условіями, которыя мелькомъ указаны авторомъ, а именно: это—отсутствіе въ Россіи такъ называемаго народнаго представительства и господство въ ней православія. Разсмотримъ каждый изъ этихъ признаковъ отдѣльно.

Прежде всего замѣтимъ, что даже въ западно-европейской исторіи мы видимъ чрезвычайныя колебанія въ объемѣ участія народа въ законодательствѣ и управленіи. Были періоды, притомъ довольно продолжительные, когда это участіе совершенно прекращалось. Кромѣ того, характеръ его чрезвычайно видоизмѣнялся; на государственную дѣятельность оказывало вліяніе то войско, то аристократія, то отдѣльныя сословія, теперь же политическія партіи, которыя нерѣдко эксплоатируютъ народъ, образуя искусственное большинство его представителей. А при этомъ такъ называемый парламентаризмъ не имѣетъ даже никакой почвы въ континентальной Европѣ и цѣликомъ заимствованъ ею изъ Англіи въ концѣ прошлаго и въ нынѣшнемъ столѣтіяхъ. Спрашивается, возможно ли изъ такого количественно и качественно измѣнчиваго явленія дѣлать извѣстный научный признакъ, отличающій будто-бы одну образованность отъ другой и объясняющій ихъ взаимную вражду? Мало того, волненіе умовъ, вызванное въ ученой Германіи нѣкоторыми изреченіями нынѣшняго германскаго императора (suprema lex regis voluntas), ясно показываетъ, что даже и теперь народное представительство не вошло еще въ кровь и плоть германскихъ народныхъ массъ.

Что же касается Россіи, то нельзя сказать, чтобы и въ ней на протяженіи ея продолжительнаго историческаго существова-

нія въ извѣстные періоды не было народнаго участія въ законодательствѣ и управленіи. Втеченіе почти восьмисотъ лѣтъ (862—1653 г.) * народъ оказывалъ и здѣсь то бóльшее, то меньшее вліяніе на государственную дѣятельность, а первоначально и даже въ періодъ колебанія государственнныхъ устоевъ опредѣлялъ самую форму государственной власти, что напр. ясно выразилось въ мирномъ призваніи или принятіи князей и въ фактѣ возстановленія русской государственности послѣ смутнаго времени. Отсюда между прочимъ ясно и то, что отношенія между народомъ и государственною властью были у насъ другія, чѣмъ на Западѣ, ибо у насъ они основаны не на завоеваніи, не на борьбѣ сословій, не на договорныхъ хартіяхъ и проч., а на нравственномъ союзѣ верховной власти (въ лицѣ князя и потомъ царя) съ народомъ, который въ концѣ концовъ добровольно ввѣрилъ свои права свободно избранному царю. Правда, западно-европейское вліяніе, особенно проникшее въ Россію со времени Петра В., пыталось привнести къ намъ другія понятія объ этихъ отношеніяхъ между народомъ и государственною властью, понятія или идеи такъ называемаго «просвѣщеннаго абсолютизма», господствовавшія въ Европѣ и столь ненавистныя, повидимому, нашему автору. Но дѣло въ томъ, что эти идеи, достояніе «просвѣщеннаго Запада», и доселѣ еще тамъ господствуютъ, выражаясь только въ иной формѣ, напр. въ борьбѣ политическихъ партій и при этомъ въ подавленіи нерѣдко народнаго меньшинства искусственнымъ большинствомъ, пріобрѣтаемымъ цѣною подкуповъ, агитацій и т. д. Россія же не пошла по этому западно-европейскому, несвойственному ей пути, остановилась на самобытномъ пути политическаго развитія, который непонятенъ Европѣ, но который—смѣемъ сказать автору—не грозитъ опасностями для мира и спокойствія Европы, для ея «свободы и самоопредѣленія». Поэтому можно ли серьезно и научно противополагать русскую форму правленія западнымъ и видѣть въ ней источникъ опасностей для Европы?

Нисколько не тверже, при ближайшемъ разсмотрѣніи, оказы-

* Годъ послѣдняго земскаго собора; соборъ 1682 г. и Екатерининскую законодательную комиссію мы исключаемъ, дабы не заподозрили насъ въ желаніи доказать предвзятую мысль.

вается и другое возраженіе, что православіе будто бы отчуждаетъ Россію отъ Европы. Правда, русскій народъ, подобно грекамъ, румынамъ и юго-славянамъ, крѣпко держится этого вѣроисповѣданія, унаслѣдованнаго изъ Византіи. Но никто изъ русскихъ не считаетъ православія монополіею своей или любой другой народности, а наоборотъ, вѣритъ въ его общечеловѣческое призваніе. Это выражается и въ живыхъ сношеніяхъ русской церкви со старокатоликами, столь близкими уже по догматамъ къ православію, хотя они и составляютъ продуктъ западно-европейской религіозной жизни. Чтó же столь чуждаго и враждебнаго можетъ представлять Западу русское православіе, вовсе не раздѣляющее ни воинственныхъ наклонностей римской церкви, ни миссіонерской навязчивости церквей протестантскихъ?

Такимъ образомъ, не форма правленія и не народное вѣроисповѣданіе Россіи вызываютъ ненависть къ ней западныхъ писателей и дѣятелей такого закала, какъ г. Гумпловичъ, а что-то другое, и врядъ ли прежде всего не могущество русскаго государства, обширность и малонаселенность его територій. Это обиліе земли и скудость людей наложили рѣзкій отпечатокъ на характеръ русскаго человѣка, его образъ жизни, понятія и стремленія. Они опредѣлили между прочимъ и широкое русское гостепріимство, открывшее Россію настежь нѣмцамъ и такимъ образомъ подзадорившее нѣмецкій аппетитъ. Съ другой стороны, русскій просторъ пріучилъ западныхъ сосѣдей, особенно нѣмцевъ, видѣть въ Россіи какъ бы свою Америку, предметъ своей эксплоатаціи, своего господства, слѣдовательно объектъ того Drang nach Osten, который получилъ наконецъ и своихъ теоретиковъ, въ средѣ нѣмецкихъ экономистовъ и политиковъ близкаго съ Гумпловичемъ направленія.

Послѣднія страницы своей книжки авторъ посвящаетъ научному анализу отношеній Австріи и Германіи къ славянамъ въ ихъ внутренней политикѣ. Выходя изъ предположенія, что Россія угрожаетъ западной Европѣ, г. Гумпловичъ говоритъ, что Австрія и Германія должны въ славянахъ поддерживать индивидуализмъ отдѣльныхъ народовъ, а потому не притѣснять славянъ. Славянофильство есть-де явленіе весьма симпатичное, политически невинное, состоящее въ поддержкѣ взаимной симпатіи славянъ. Но отъ славянолюбія необходимо-де отличать панславизмъ, который стремится къ поглощенію всѣхъ славянъ Россіей,

къ ихъ обрусенію. Противъ панславизма слѣдуетъ-де принимать самыя энергическія мѣры, не забывая, что онъ можетъ развиваться только у недостаточно выработавшихся славянскихъ племенъ. Тамъ, гдѣ народность уже опредѣлилась, она будетъ-де всегда крайне враждебна панславизму, какъ видно изъ отношенія къ Россіи Польши, а въ новѣйшее время и Болгаріи, ибо соціальныя группы добровольно не умираютъ; самоубійства совершаютъ только люди, не народы. Поддержка славянъ, оживленіе славянскихъ національностей въ Германіи и Австріи является-де самымъ рѣшительнымъ средствомъ противъ панславизма. При этомъ нѣтъ-де основаній опасаться умаленія границъ нѣмецкой національности; европейскія національности сложились втеченіе болѣе тысячелѣтія; онѣ замкнуты и пріобрѣсти многаго одна отъ другой не могутъ. Наконецъ, если и ославянится какой-либо малый нѣмецкій городишко, окруженный славянскими селами, бѣда не велика. Зато большіе нѣмецкіе города будутъ-де въ свою очередь претворять въ нѣмцевъ пришлые славянскіе элементы (129—134).

Такая программа, начертанная для германскаго и австрійскаго правительствъ страхомъ передъ Россіей, совершенно расходится съ предшествующимъ изложеніемъ. Ради самосохраненія каждая соціальная группа стремится вѣдь, по его словамъ, ассимилировать подчиненныя группы; такая же ассимиляція происходитъ путемъ эксплоатаціи; это кажется автору до того несомнѣннымъ, что онъ не сожалѣетъ о паденіи Турціи, ибо послѣдняя нарушила-де основной соціологическій законъ и не стремилась претворить въ себя болгаръ, сербовъ, грековъ, румынъ. И вдругъ тотъ же авторъ выступаетъ съ совѣтомъ Германіи и Австріи воскрешать польскую, чешскую, хорватскую національности! Онъ порицаетъ даже нѣмецкихъ либераловъ въ Австріи за стремленіе придать австрійскому государству внутреннее единство! Очевидно, или авторъ не послѣдователенъ, не продумалъ хорошо свои положенія, или онъ желаетъ только морочить своихъ читателей. Сверхъ того, какъ представляетъ себѣ г. Гумпловичъ примѣненіе своей программы? Вѣдь она ведетъ прямо къ раздробленію Австріи на отдѣльныя государства, отъ Германіи же требуетъ распространенія польскаго элемента чуть не подъ самый Берлинъ!

Не менѣе бездоказательно предположеніе о тождествѣ пан-

славизма съ обрусеніемъ. У какого русскаго панслависта нашелъ г. Гумпловичъ это требованіе? Извѣстное сочиненіе покойнаго Данилевскаго «Европа и Россія», представляющее наиболѣе глубокую форму политическаго панславизма и имѣвшее громадное вліяніе на славянскихъ читателей, прямо говоритъ о королевствахъ: польскомъ, чешскомъ, сербскомъ и т. д. Если упоминается о русскомъ языкѣ, то предполагается, что онъ займетъ у славянъ мѣсто нѣмецкаго, т. е. сдѣлается органомъ взаимныхъ сношеній между различными славянами. Многочисленныя указанія исторіи, отношеніе Россіи къ Сербіи, Черногоріи, въ новѣйшее время къ Болгаріи, также не свидѣтельствуютъ о желаніи Россіи превратить славянскія земли въ губерніи. Но отношенія русско-польскія? Они дѣйствительно запутаны теперь въ довольно сложный узелъ, общій характеръ котораго мы постараемся здѣсь отмѣтить, придерживаясь реалистической почвы, на которой стоитъ Гумпловичъ.

Разнообразныя славянскія племена, живущія въ порѣчьѣ Вислы, постепенно соединяются въ одно государство, а затѣмъ и одну національность; исчезаютъ различія между куявянами, слезянами, ленчицанами; только велико- и малополяне остаются чѣмъ-то отдѣльнымъ почти до самого паденія. Сильная государственная власть начинаетъ затѣмъ постепенно ослабѣвать подъ западноевропейскимъ вліяніемъ; духовенство, раздѣляя взглядъ на свѣтскую власть папъ Григорія VII и Иннокентія III, при помощи аристократовъ и удѣльныхъ князей умаляетъ значеніе великаго князя; епископы въ первой половинѣ XIII в. добываютъ чрезвычайно важныя привиллегіи, которыя дѣлаются образцами для привиллегій аристократовъ. Въ половинѣ XIII в. слагается рыцарство, какъ особое сословіе съ извѣстными правами и обязанностями; по мѣрѣ сближенія съ Западомъ, въ это рыцарство начинаютъ проникать западноевропейскіе рыцарскіе идеалы, т. е. оно превращается изъ служилаго воинства въ извѣстное сословіе, со своимъ особымъ рыцарскимъ міросозерцаніемъ (возвышенное понятіе о чести, культъ женщины, глубокая религіозность и т. д.). Уже въ началѣ XIII в. лѣтописецъ Кадлубекъ въ лѣтописи расхваливаетъ избирательную монархію; называетъ аристократовъ свѣтилами, освѣщающими государства. Высшіе слои польскаго общества, воспитанные въ монастырскихъ школахъ, являлись наиболѣе пригодными для

духовенства. Вѣкъ Казиміра Великаго (1333—1370) былъ вѣкомъ чрезвычайно сильнаго вліянія западноевропейскихъ, преимущественно романскихъ элементовъ (духовенство, католическое и римское право). Римъ, преслѣдуя съ неумолимою послѣдовательностію свою цѣль—соединеніе всѣхъ христіанъ въ одну церковь, обращалъ на Польшу издавна чрезвычайное вниманіе, такъ какъ эта страна сосѣдила съ православнымъ міромъ. Въ восьмидесятыхъ годахъ XIV в., при посредствѣ малопольскихъ пановъ, онъ сдѣлалъ громадный шагъ впередъ—свадьбою Ядвиги и Ягелло. Цѣлая Литва, дотолѣ подлежавшая вліянію восточноевропейской образованности, открывается для католической пропаганды. Для Польши, казалось, это было тоже чрезвычайнымъ пріобрѣтеніемъ; мирно присоединялась громадная и богатая страна, интересы которой, по крайней мѣрѣ по отношенію къ ордену крестоносцевъ, были тождественны съ интересами Польши. Это объединеніе двухъ соціальныхъ группъ опредѣлило собою весь ходъ дальнѣйшей польской исторіи и послужило завязкою послѣдующей исторической драмы.

Будущее зависѣло отъ возможности примирить противорѣчія; это и составляло задачу Польши. Но самый характеръ попытокъ къ объединенію не могъ быть совершенно свободенъ; онъ былъ предрѣшенъ предшествующимъ развитіемъ обоихъ государствъ, причемъ на долю Польши выпадала активная роль, ибо черезъ посредство ея дѣйствовалъ Римъ. Строй средневѣковой Европы опирался на католицизмѣ и аристократіи, такъ какъ средневѣковая образованность только медленно проникала въ села и деревни, жители которыхъ коснѣли въ грубомъ невѣжествѣ, даже почти въ язычествѣ. Итакъ приходилось пересаживать въ Литву католицизмъ и тѣ привиллегіи, которыя пріобрѣли аристократія и рыцарство. Такимъ образомъ можно было надѣяться, что если не въ цѣломъ литовско-русскомъ народѣ, то по крайней мѣрѣ въ католическомъ литовскомъ духовенствѣ и въ руководящихъ литовскихъ слояхъ найдется поддержка объединенію Польши и Литвы въ одно государство. Вотъ почему помимо привиллегій католическому духовенству, и вообще католикамъ, тутъ принимаются мѣры противъ гуситовъ и затѣмъ протестантовъ, затѣваются уніи православныхъ съ католиками, утверждаются іезуиты: все это были неизбѣжныя, съ исторической точки зрѣнія необходимыя средства дойти

до созданія, путемъ религіи, извѣстной психической связи Литвы съ Польшею, необходимой для того, чтобы одно политическое цѣлое не распалось. Однако этого было мало; необходима была болѣе реальная, политическая и экономическая связь. И вотъ въ Литву переносится сеймъ, сеймики, т. е. чрезвычайно широкое мѣстное самоуправленіе, нѣмецкое городское право, наконецъ избраніе королей, а также усиливается крѣпостное право. Результатомъ всего этого было выдѣленіе изъ цѣлаго литовско-русскаго общества сравнительно небольшого количества людей, большею частью зажиточныхъ, которыхъ связываютъ съ Польшею католицизмъ и дворянскія привиллегіи. Польша и Литва были, по географическимъ условіямъ, государствами земледѣльческими; торговля и промышленность находилась въ рукахъ элемента пришлаго или иностраннаго, нѣмцевъ и евреевъ; поэтому интересы землесобственниковъ были поставлены выше всего; земледѣльцы при помощи сейма и сеймиковъ, эксплоатировали все остальное населеніе. И дѣйствительно, тутъ выработалось государственное устройство и управленіе, вполнѣ соотвѣтствовавшее желаніямъ поземельныхъ собственниковъ. Мы убѣждены, что еслибы можно было выдѣлить изъ какого бы то ни было общества фабрикантовъ и купцовъ и предоставить имъ верховную власть, то они придали бы своему государству форму венеціанской республики; а если бы можно то же самое продѣлать съ поземельными собственниками, то мы получили бы государственный строй Рѣчи-посполитой, съ ея выборными королями, дворянскимъ сеймомъ и такими же сеймиками, которые занимались мѣстными дѣлами и смотрѣли на весь остальной міръ съ точки зрѣнія мѣстныхъ дворянскихъ интересовъ. Неудивительно поэтому, что нѣмецкое поземельное дворянство во владѣніяхъ ордена крестоносцевъ и Курляндіи быстро ополячивалось; что многіе русскіе бояре мечтали о соединеніи московскаго государства съ Польшею; что даже при Екатеринѣ II слово дворянство замѣнялось словомъ шляхетство, вельможи охотно роднились съ польско-литовскими панами, а государственный строй Польши не одному русскому дворянину представлялся верхомъ политической мудрости, послѣднимъ словомъ образованной и прогрессивной Европы.

Изъ начертанной нами картины оказывается, что объединеніе Польши и Литвы совершилось, при данныхъ условіяхъ,

единственно возможнымъ образомъ. Поэтому всѣ возгласы и сожалѣнія о паденіи реформаціи, о притѣсненіяхъ крестьянъ, о казацкихъ бунтахъ, о введеніи іезуитовъ, неумѣстны; дѣятельность какъ выдающихся королей, въ родѣ Стефана Баторія, такъ и глубокихъ мыслителей, въ родѣ Фрича Модржевскаго, приноситъ при такихъ условіяхъ только весьма слабую пользу и не можетъ надолго задержать ходъ всемірной исторіи, тѣмъ менѣе измѣнить его. Въ этомъ отношеніи мы совершенно согласны съ Гумпловичемъ. Указанная нами и также вполнѣ естественная съ точки зрѣнія реалистической политики эксплоатація польско-литовскими землесобственниками всего остального населенія нуждалась однако въ извѣстномъ нравственномъ оправданіи. Оно было найдено отчасти Римомъ, отчасти западною Европою, и состояло въ томъ, что Польшу чуть не съ XIII в. увѣряли, что она передовой постъ христіанства (antemurale christianitatis), а впослѣдствіи, когда протестантизмъ поколебалъ вѣру въ истинность католицизма, что она оплотъ настоящей, западноевропейской образованности. Послѣдняя для своего процвѣтанія нуждается-де въ зажиточномъ, хорошо обезпеченномъ обществѣ, имѣющемъ извѣстный досугъ для занятія науками, искусствами и разнообразными политическими вопросами. Поэтому крѣпостное право и различныя притѣсненія горожанъ, переносившія капиталъ изъ кармановъ мѣщанъ въ карманы дворянства, казались необходимыми ради высшихъ культурныхъ цѣлей. Вѣдь крестьяне представляютъ-де изъ себя грубую рабочую силу, можетъ быть даже неспособную воспринять высшее просвѣщеніе; во всякомъ случаѣ они могутъ-де быть культивированы только заботами руководящихъ общественныхъ классовъ. Крестьяне и мѣщане—это своего рода домашнія животныя (bydło), которыя усовершенствуются-де неусыпными заботами своихъ пастырей; слѣдовательно обезпеченіе всѣмъ нужнымъ и пріятнымъ пастырей находится-де даже въ интересахъ этихъ стадъ.

Всестороннее развитіе такого общественнаго строя, гдѣ всѣ мірскія блага сосредоточиваются въ рукахъ одной небольшой части общества, оказалось однако пагубнымъ для государства! Польша была раздѣлена между Пруссіею, Австріею и Россіею. Отношеніе каждаго изъ этихъ государствъ къ бывшей польской территоріи опредѣлялось также извѣстными историческими условіями, дѣйствовавшими со стихійною силою. Пруссія, полу-

чившая черезъ польскія земли непосредственную связь съ западною Пруссіею, пріобрѣвшая сравнительно довольно значительное количество чисто польскаго населенія, оканчивающагося не такъ-то далеко отъ Берлина, должна была всѣми силами стремиться къ его онѣмеченію. Путь къ тому былъ указанъ предшествовавшею исторіей. Города были въ Польшѣ чуть не цѣликомъ нѣмецкими; слѣдовательно, нужно было опереться на городахъ. Но процессъ этотъ шелъ сравнительно медленно. Послѣ 70-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія возможно было ожидать союза Россіи съ Франціей. При такихъ обстоятельствахъ даже малая поддержка казалась желанною, и вотъ Бисмаркъ начинаетъ энергически колонизовать бывшія польскія земли, ибо только при полномъ онѣмеченіи и слѣд. очевидной безцѣльности польскихъ притязаній на Познань можно было съ нѣкоторымъ успѣхомъ убѣждать поляковъ въ томъ, что интересы Германіи и Польши тождественны, что Польша должна быть возстановлена—конечно безъ онѣмеченной Познани, Слезіи и Пруссіи—германскимъ оружіемъ. Итакъ колонизаціонная политика Бисмарка не ошибка, какъ думаетъ Гумпловичъ, а необходимый логическій выводъ изъ данныхъ условій. Не повѣрятъ поляки въ искренность прусской поддержки, пока Познань, Силезія и Пруссія не окончательно онѣмечены, ибо оживленіе польскаго элемента при образованіи польскаго государства угрожаетъ самому существованію Пруссіи! Австрія, страна полунѣмецкая и полуславянская, послѣ многолѣтнихъ, неудачныхъ попытокъ онѣмечить Галицію, самою силою вещей (отсутствіемъ надежнаго нѣмецкаго элемента) принуждена была оставить свои начинанія и стараться сдѣлать изъ поляковъ по крайней мѣрѣ охранный валъ противъ Россіи. Для этого слѣдовало только далѣе развивать тѣ начала, которыя привели Рѣчь-посполитую къ паденію. И вотъ тутъ оказывается самая сильная поддержка католицизму, проповѣдуется, что Польша—оплотъ настоящаго христіанства и истинной цивилизиціи, что во главѣ общества должны стоять руководящіе классы, которыхъ остальное населеніе должно слушаться, такъ какъ шляхетскія права и преимущества все-таки уже отжили свой вѣкъ. Дабы придать научную подкладку подобнымъ ученіямъ, высказывается предположеніе, что великорусы не славяне, а ославяненные монголы, что въ ихъ природѣ лежитъ поэтому азіатскій деспотизмъ, который еще уси-

ливается ересью (православіе—цареславіе) и угрожаетъ всему образованному міру. Такимъ-то образомъ дрессируются въ Галичинѣ новые янычары, которые въ данный моментъ должны, нафанатизированные и до-нельзя разъяренные, быть выпущены въ защиту совершенно чуждыхъ имъ интересовъ. Чѣмъ болѣе ихъ при этомъ погибнетъ, тѣмъ лучше, тѣмъ выгоднѣе для германской народности, за которую они пойдутъ на бой, ибо тѣмъ менѣе они будутъ имѣть силы по окончаніи борьбы поддержать свои требованія самостоятельнаго національнаго существованія, тѣмъ болѣе освободится въ Польшѣ земель для нѣмецкой колонизаціи, отнятыхъ отъ этого въ культурномъ отношеніи неизмѣримо-де ниже нѣмцевъ стоящаго народа. Печальная, постыдная для побѣдителей подъ Грюнвальдомъ будущность!

Отношеніе Россіи къ присоединеннымъ отъ Рѣчи-посполитой землямъ точно также всецѣло зависѣло отъ историческихъ условій. Уже одинъ бѣглый взглядъ на карту объясняетъ намъ многое. Мы видимъ, что Царство Польское клиномъ врѣзывается въ западную Европу, что польская народность значительно удалена отъ Петербурга и Москвы, но что черезъ Литву проходитъ желѣзно-дорожный путь, наиудобнѣе связывающій Черное море съ Балтійскимъ. Итакъ для Россіи имѣетъ громадное значеніе Литва и весьма слабое Польша. Но Литва, даже по мнѣнію самыхъ тенденціозныхъ и враждебныхъ Россіи польскихъ писателей, заселена литвинами, бѣлорусами и малорусами; польская національность здѣсь составляетъ элементъ пришлый. Умышленно, ради большей убѣдительности для гг. Гумпловичей, я не ссылаюсь на то, что бѣло- и малорусы тоже русскіе, не упоминаю о томъ, что уже древнѣйшіе и надежнѣйшіе лѣтописцы отдѣляютъ ляшскія племена отъ племенъ, населяющихъ Русь, что одна династія Рюриковичей княжила въ ней повсюду, что втеченіе вѣковъ было одно церковное устройство, что филологія и этнографія безспорно доказываютъ единство русскаго народа; я только отмѣчаю тотъ несомнѣнный фактъ, что мѣры къ оживленію русскаго и литовскаго элементовъ на Литвѣ и къ ихъ освобожденію отъ подавляющаго вліянія польской національности никоимъ образомъ не могутъ быть направлены противъ поляковъ, ибо вовсе не касаются этнографической Польши. Понятно, что въ Литвѣ самая постановка вопроса должна быть иная, чѣмъ въ Польшѣ. Искусственно, какъ мы ви-

дѣли, развивался католицизмъ въ Литвѣ, искусственно пересаживались туда разнообразныя шляхетскія права и преимущества, которыя и привели за тѣмъ Рѣчь-посполитую къ паденію. Новое правительство очевидно должно всѣми силами стремиться къ искорененію такихъ воззрѣній, которыя оказались гибельными для общества, какъ врачъ долженъ всемѣрно уничтожить завѣдомо болѣзнетворные элементы. Итакъ дѣло идетъ объ оздоровленіи Литвы, ибо шляхетскія привиллегіи, преимущества и все, что съ ними связано, не соотвѣтствуютъ не только интересамъ русскаго государства, но и образованности XIX столѣтія.

Что же касается самой польской народности, то ей тремя русскими императорами (Александромъ I, Николаемъ I и Александромъ II) предоставлялась самая широкая автономія, вначалѣ даже съ самостоятельною арміею и сеймомъ. Польское самоуправленіе, дѣйствительно, не противорѣчитъ при нормальныхъ условіяхъ интересамъ Россіи. Болѣе или менѣе самостоятельная Польша крайне опасна для Пруссіи, ибо оживленіемъ польскаго элемента въ Познани и Силезіи вбивается славянскій клинъ между Германіей и онѣмеченными окрестностями Кенигсберга; она не менѣе опасна и Австріи, ибо права, предоставленныя Галиціи, будутъ непремѣнно потребованы для себя чехами и моравянами, хорватами и далматинцами; наконецъ усиленіе славянскаго элемента въ Австріи немыслимо и вслѣдствіе мадьярско-нѣмецкаго вліянія. Что же касается Россіи, то она могла бы бояться развѣ только усиленія польской національности въ Литвѣ; но и это представляется трудно устранимымъ только съ перваго взгляда. Вѣдь если предоставить большія права полякамъ въ Польшѣ и возможно ограничить ихъ въ Литвѣ, то результатъ будетъ состоять въ добровольномъ выселеніи поляковъ изъ Литвы въ Польшу, т. е. въ достиженіи именно того, къ чему стремится и притомъ вполнѣ раціонально Россія. Вотъ чѣмъ объясняемъ мы себѣ и мысли Данилевскаго о польскомъ королевствѣ. Итакъ только одна Россія можетъ обезпечить польскому населенію національное развитіе; Германія и Австрія этого фактически сдѣлать не могутъ, ибо возстановленіе Польши грозило бы имъ уничтоженіемъ. Если при всемъ томъ даже не замѣтны предвѣстники русско-польскаго сближенія, то причина этого лежитъ только въ полякахъ. Никакое государство не можетъ предоставить добровольно авто-

номію населенію, которое употребитъ всѣ свои силы и всѣ предоставленныя права противъ этого самого государства. Для каждаго ясно, что самоуправленіе можетъ быть дано только такой мѣстности и такому элементу, который не будетъ направлять его во зло цѣлому. Между тѣмъ литература, особенно закордонная, ясно свидѣтельствуетъ, что польское населеніе предпочитаетъ быть орудіемъ враждебныхъ Россіи силъ. Государство своими репрессивными мѣрами такъ сказать внушаетъ полякамъ: переродитесь психически, перестаньте быть только средствомъ для достиженія чужихъ цѣлей, враждебныхъ и намъ, и вамъ. А поляки на это какъ-бы отвѣчаютъ: мы хотимъ быть поборниками чужихъ выгодъ; мы освобождали Вѣну отъ турокъ ради Австріи, которая еще съ Иваномъ Грознымъ сносилась о нашемъ уничтоженіи; мы дрались при Наполеонѣ за Францію; мы и теперь готовы кинуться въ бой по первому мановенію Германіи и Австріи ради германскихъ интересовъ; наша историческая миссія состоитъ въ томъ, чтобы отстаивать нашихъ господъ, отъ которыхъ мы получили и христіанство, и образованность...

V.

Покончивъ съ русско-польскими отношеніями, мы переходимъ къ послѣднему вопросу, панславизму. Если Европа, въ частности же Германіи и Австріи дѣйствительно такъ враждебны славянамъ, какъ г. Гумпловичъ, то конечно панславизмъ, какъ оборонительный союзъ всѣхъ славянъ въ борьбѣ за существованіе, безусловно необходимъ. Это для славянъ вопросъ жизни и смерти. Дѣйствительно, вслѣдствіе «плодовитости женщинъ» западная Европа обладаетъ чрезвычайнымъ обиліемъ рабочихъ рукъ. Для этого избытка заводятся колоніи, главнымъ образомъ въ Америкѣ. Насколько удобнѣе и выгоднѣе было бы, еслибы онъ направлялся въ славянскія земли! Вѣдь эти колонисты обогащали бы славянскія страны. Но съ другой стороны такое переполненіе славянскихъ земель несомнѣнно привело бы ихъ къ онѣмеченію; славяне, вслѣдствіе меньшей выдержанности и предпріимчивости, уступали бы выгодныя мѣста нѣмцамъ, итальянцамъ, англичанамъ, а сами нисходили бы въ разрядъ простыхъ рабочихъ. Съ точки зрѣнія Гумпловича такое явленіе вполнѣ

законно; славяне, за исключеніемъ Россіи, входятъ вѣдь въ составъ одной общей западно-европейской соціальной группы; по отношенію къ этой группѣ различныя славянскія національныя группы занимаютъ-де подчиненное положеніе. Теоретически, по Гумпловичу, отношеніе высшей группы къ низшимъ опредѣляется закономъ аггломераціи, т. е. стремленіемъ претворять низшія группы въ высшую, и закономъ эксплоатаціи низшихъ группъ высшею. Слѣдовательно, западная Европа по основному соціологическому закону неизбѣжно ассимилируетъ-де славянъ и притомъ эксплоатируя ихъ. Такимъ образомъ Гумпловичъ не только описалъ процессъ изчезновенія славянъ въ западно-европейскомъ единствѣ, но и нашелъ якобы научную формулу такого процесса!

Противъ такихъ выводовъ возможно бы сдѣлать одно возраженіе: славяне со временемъ образуютъ вполнѣ самостоятельныя государства, которыя въ правѣ и въ силахъ воспротивиться такой эксплоатаціи. Но это возраженіе не выдерживаетъ критики, ибо возможно-ли будетъ сопротивленіе слабыхъ, малыхъ и раздробленныхъ славянскихъ государствъ солидарному воздѣйствію всей западной Европы, ищущей сбыта для своихъ мануфактурныхъ произведеній, а потому стремящейся подавить въ самомъ зародышѣ возникновеніе славянскихъ фабрикъ и заводовъ, а вмѣстѣ желающей направить избытокъ своихъ рабочихъ рукъ въ благословенныя и малозаселенныя славянскія земли? Самъ Гумпловичъ этому не вѣритъ. Вѣдь заключенные нынѣ среднеевропейскіе торговые трактаты не безопасны даже такой громадной силѣ, какъ соединенныя Франція и Россія. Спрашивается, что можетъ сдѣлать слабая Польша, Чехія, Болгарія противъ такой дилеммы: откройте для нашихъ товаровъ и нашихъ колонистовъ ваши страны или мы герметически замкнемъ наши границы относительно васъ! Замѣтимъ при этомъ, что отвлеченныя начала международнаго права будутъ стоять на сторонѣ западной Европы. Она скажетъ: основное положеніе современнаго общественнаго быта — равноправность; мы даемъ вамъ полнѣйшую возможность переселяться хотя бы цѣлымъ народомъ въ Англію, Францію, Германію; мы даемъ вамъ право посылать ваши мануфактурныя произведенія безпошлинно на какіе угодно наши рынки; мы вполнѣ обезпечиваемъ вамъ обладаніе на правѣ собственности домовъ и хотя бы громадныхъ земельныхъ про-

странствъ въ Англіи, Франціи, Германіи и т. д.; за все это мы требуемъ только равноправности. Противъ такихъ и гуманныхъ, и научныхъ положеній отказа быть не можетъ! А согласіе будетъ означать переведеніе чуть не всей поземельной собственности въ руки западно-европейскихъ капиталистовъ и превращеніе славянскаго населенія въ общественныхъ паріевъ... Итакъ для славянства возникаетъ во всей грозной силѣ соціальный вопросъ и громовымъ голосомъ говоритъ ему: для обезпеченія куска хлѣба своихъ дѣтей и внуковъ ищите поддержки себѣ въ такой силѣ, съ которою въ бой не пустится съ легкимъ сердцемъ даже цѣлая западная Европа; иначе васъ ждетъ нищета, умственное и физическое вырожденіе, медленная смерть. Вѣдь съ 48 г. лозунгомъ борьбы являются не политическія права, а соціальное положеніе; экономическая обезпеченность безцѣнна; безъ нея нѣтъ политической свободы, говоря вообще нѣтъ даже нравственности.

Итакъ съ точки зрѣнія соціологіи панславизмъ, въ видѣ круговой поруки между славянами, несомнѣнно является дѣломъ будущаго. Однако, не одному славянину невольно могутъ притти при этомъ въ голову слѣдующія мысли: «Ради огражденія себя въ неравной борьбѣ за существованіе мы войдемъ въ союзъ, во главѣ котораго будетъ стоять, положимъ, Россія. Но послѣдняя уже теперь, по мнѣнію компетентныхъ европейскихъ писателей, представляется огромною силою, съ которой считается вся западная Европа; при нашемъ содѣйствіи Россія еще болѣе увеличила бы свое обаяніе. Кромѣ того, Россія состоитъ изъ одного государства, между тѣмъ Западъ имѣетъ ихъ нѣсколько. Если Россія задумала бы впослѣдствіи притѣснять насъ, то спасенія для насъ нигдѣ бы не было; даже сами славяне стали бы служить ей къ нашему взаимному порабощенію; вѣдь чешскіе чиновники были нѣкогда пособниками австрійскаго правительства противъ поляковъ и русскихъ въ Галиціи, поляки противъ чеховъ и сербовъ и т. д. На Западѣ напротивъ того можно надѣяться на нѣкоторую поддержку. Если будутъ давить большія государства, то можно соединиться съ Швейцаріей, Даніей, Бельгіей и т. д. и составить внушительную силу. Притомъ Россія, по общепризнанному мнѣнію, стоитъ по образованію ниже Запада. Поэтому, если, чего Боже упаси, мы обрусѣемъ, то культурно понизимся; если же онѣмечимся,

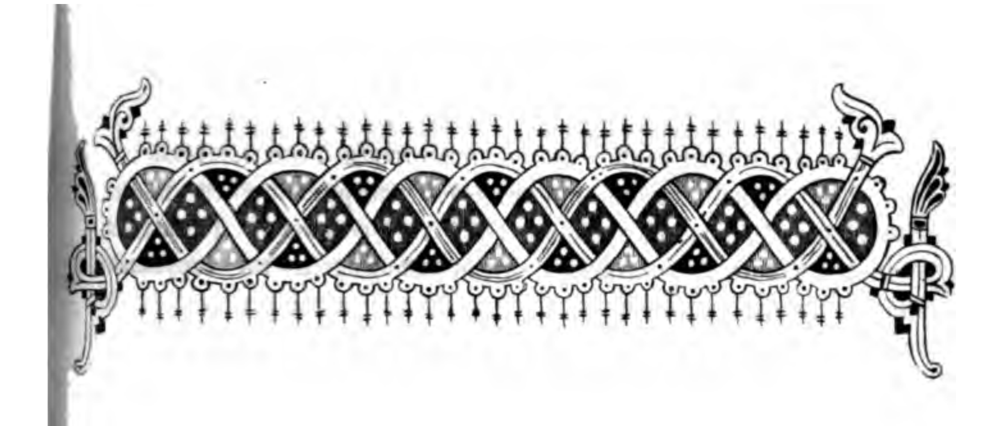
то по крайней мѣрѣ будемъ имѣть утѣшеніе принадлежать къ болѣе развитой національности». Подобныя мысли очень сильно распространены теперь среди славянскаго образованнаго общества; поэтому намъ необходимо на нихъ остановиться.

Прежде всего замѣтимъ, что ни одинъ обширный политическій союзъ не станетъ притѣснять малыя политическія единицы, вошедшія въ его составъ ради своего собственнаго самосохраненія. Если репрессивныя мѣры и бываютъ, то онѣ вызываются лишь такимъ состояніемъ умовъ въ союзномъ государствѣ, которое стремится къ разрушенію политическаго единства. Кромѣ того извѣстно, что, политическій гнетъ не такъ-то легко уничтожитъ пробужденную національность; наоборотъ, иной разъ онъ оказывается наилучшимъ средствомъ оживленія даже угасающаго народа. Далѣе, по отношенію къ славянству даже самыя малыя европейскія государства имѣютъ тѣ же интересы, какъ и большія; напр. Бельгія болѣе всякой другой страны изобилуетъ рабочими силами и капиталами. Слѣдовательно славянамъ не найти поддержки въ западной Европѣ для обезпеченія себя отъ иностранныхъ рабочихъ и капиталовъ. Для любой народности опаснѣе всего мирное завоеваніе посредствомъ иностраннаго капитала и труда. Приливъ поселенцевъ, занимающихся разнообразнѣйшими отраслями промышленности и торговли и удовлетворяющихъ потребителей неизмѣримо лучше туземцевъ, составляетъ дѣйствительную опасность, ибо здѣсь зажиточные круги туземнаго общества сами въ своихъ собственныхъ интересахъ поддерживаютъ иностранцевъ. Но въ этомъ отношеніи славяне могутъ быть спокойны относительно Россіи; у ней нѣтъ накопленныхъ богатствъ; она сама нуждается въ способныхъ работникахъ на всѣхъ поприщахъ. Только при помощи искусственныхъ тарифовъ и то съ трудомъ она охраняетъ себя отъ польскихъ фабрикъ. Совершенно наоборотъ, она могла бы сослужить громадную службу славянству. Тѣмъ, у кого уже есть избытокъ, напр. въ Чехіи, она предоставила бы возможность сбыта; напротивъ тамъ, гдѣ промышленность еще не появилась, напр. въ Галиціи, Сербіи, Болгаріи, она могла бы не только ввести, но и отстоять передъ Европой чуть не запретительный тарифъ, насколько онъ способствовалъ бы возникновенію фабрикъ и заводовъ.

Намъ остается оговорить послѣднее и самое важное возраженіе—о некультурности Россіи. По мнѣнію даже самыхъ враждебныхъ Россіи писателей, она сдѣлала въ послѣднее пятидесятилѣтіе громадные успѣхи. Дѣйствительно, если мы сравнимъ Россію временъ Алексѣя Михайловича съ Франціей и Англіей того времени, то разница оказывается большая; если же сопоставимъ наше отечество теперь съ тѣми же самыми странами, то различіе значительно уменьшилось. Спрашивается, отчего это происходитъ? Для всякаго соціолога, а поэтому и для г. Гумпловича причина совершенно ясная. Каждый соціологъ придаетъ громадное значеніе условіямъ, въ которыхъ живутъ индивиды, сравнительно съ качествами самихъ индивидовъ. Соціологъ склоненъ даже разсматривать способности индивидовъ какъ слѣдствія этихъ условій. Если мы теперь посмотримъ на Россію со стороны такихъ условій, то окажется, что по общему мнѣнію она поставлена необыкновенно выгодно. Вѣдь и г. Гумпловичъ говоритъ о ней: «Частію на счетъ Турціи, частію вслѣдствіе благопріятныхъ политическихъ отношеній и географическаго положенія, Россія пріобрѣла такой громадный территоріальный объемъ, что легко заранѣе опредѣлить моментъ, въ который Россія могла бы получить подавляющій перевѣсъ надъ Европой, а именно когда ея народонаселеніе и народное хозяйство разовьется вровень съ ея территоріальнымъ величіемъ» (115). Изъ этого положенія съ полною ясностію вытекаетъ для каждаго непредубѣжденнаго соціолога тотъ неотразимый выводъ, что населеніе столь богатой страны будетъ не только многочисленно, но и образованно. Вѣдь образованіе всегда шло рука объ руку съ матеріальнымъ обезпеченіемъ! Къ этому присоединяются еще и недостаточно подмѣченныя выгоды самого отсутствія образованія. При современномъ, еще далеко не совершенномъ состояніи наукъ проникаетъ въ общество вмѣстѣ съ ними множество положеній научно непровѣренныхъ, которыя однако особенно легко усваиваются обществомъ, потому что они состоятъ обыкновенно въ цѣломъ міросозерцаніи, тогда какъ научныя истины чаще представляются въ отрывочныхъ положеніяхъ. Достаточно припомнить, какъ задерживался ростъ германской мысли гегеліанствомъ, а затѣмъ матеріализмомъ. Только въ самое новѣйшее время постепенно начинаютъ понимать, что синтетическія философскія системы обыкновенно сходятъ со

сцены вмѣстѣ съ ихъ основателями, и только научныя истины составляютъ пріобрѣтеніе вѣковъ. Понятно, что общество, которое наименѣе проникнуто чужимъ, съ вѣтру усвоеннымъ и лишь по виду научнымъ міросозерцаніемъ наиболѣе доступно научному прогрессу. По ограниченности его научныхъ свѣдѣній ему нечего забывать; его умъ свѣжъ и потому воспріимчивъ. Прибавимъ къ этому, что въ менѣе культурныхъ странахъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ гигіеническихъ условій остаются жить только самыя крѣпкія особи, а еще древніе римляне подмѣтили, что въ здоровомъ тѣлѣ здоровая душа. Противъ стихійнаго дѣйствія указанныхъ нами естественныхъ силъ, ведущихъ къ всестороннему прогрессу, вліянія человѣческой воли ничтожны; они могутъ пожалуй задержать ходъ исторіи на какой-нибудь десятокъ лѣтъ, но не болѣе. Итакъ неумѣстною оказывается боязнь славянъ передъ ославленной русской «необразованностью и дикостью»: она и теперь принадлежитъ къ преданіямъ прошлаго. Сама Россія можетъ конечно еще болѣе ускорить этотъ процессъ, чѣмъ она сдѣлала бы громадную услугу славянству. Необходимо направить все вниманіе общества на пріобрѣтеніе знаній и ихъ примѣненіе къ непочатымъ почти еще естественнымъ богатствамъ Россіи. Знаніе, по мнѣнію одного американскаго мыслителя, и есть не что иное, какъ умѣнье пользоваться силами природы ко благу человѣка. Такое опредѣленіе не только вѣрно, но и выгодно для государства; чѣмъ богаче народъ, тѣмъ богаче государство, тѣмъ оно сильнѣе, тѣмъ его обаяніе больше. Но да спасетъ судьба Россію отъ яко-бы научныхъ положеній Гумпловича, что народное благосостояніе необходимо для увеличенія армій, арміи для завоеванія, а завоеванія для эксплоатаціи побѣжденныхъ! По нашему глубокому убѣжденію, только возвышеніе побѣжденныхъ, улучшеніе ихъ матеріальнаго быта, развитіе человѣческаго достоинства въ народныхъ массахъ заставляетъ побѣжденныхъ позабыть пролитые потоки крови, полюбить новое политическое цѣлое и привязаться къ нему. И самая мысль о всеславянскомъ союзѣ, по моему мнѣнію, есть не что иное, какъ частичка процесса всемірной исторіи, ведущаго все человѣчество къ объединенію на началахъ взаимнаго уваженія, любви и вѣчной справедливости.

Варшава, 21 мая, 1892. **Ѳ. Зигель**



АРХИМАНДРИТЪ ЛЕОНИДЪ (КАВЕЛИНЪ)

22-го октября прошлаго года скончался на 70-мъ году жизни намѣстникъ Троицко-Сергіевской лавры, архимандритъ Леонидъ, археографъ или какъ онъ самъ называлъ себя «ветхословецъ», болѣе 50-ти лѣтъ ревностно подвизавшійся на учено-литературномъ поприщѣ, усердный вкладчикъ въ спеціальныя изданія различныхъ ученыхъ обществъ, въ которыхъ онъ состоялъ или почетнымъ, или дѣйствительнымъ членомъ, или членомъ корреспондентомъ.

Архимандритъ Леонидъ, въ мірѣ Левъ Александровичъ Кавелинъ, происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода, давшаго нѣсколько выдающихся дѣятелей, въ томъ числѣ извѣстнаго писателя и публициста Константина Дмитріевича Кавелина, приходившагося почившему двоюроднымъ братомъ. Родился онъ 22-го февраля 1822 года, въ калужскомъ имѣніи своего отца, штабъ-ротмистра Александра Александровича Кавелина (мать его была урожденная Нахимова, двоюродная сестра знаменитаго героя Синопа и Севастополя, адмирала П. С. Нахимова). Воспитывался въ 1-мъ Московскомъ кадетскомъ корпусѣ (1835—1840). Окончивъ здѣсь курсъ съ отличіемъ, Левъ Александровичъ поступилъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи волынскій полкъ, въ которомъ служилъ двѣнадцать лѣтъ до 1852 года, когда онъ имѣлъ уже чинъ капитана гвардіи. Но въ этомъ 1852 году блестящій гвардейскій офицеръ удаляется въ Оптину пустынь, втеченіе пяти лѣтъ подъ руководствомъ благочестивыхъ оптинскихъ старцевъ: Макарія, Леонида и Амвросія го-

товится къ поступленію въ монашество и 7 сент. 1857 г. на 36 году своей жизни принимаетъ постриженіе съ именемъ Леонида. Въ ноябрѣ того же 1857 г. іероманахъ Леонидъ назначенъ членомъ россійской духовной миссіи въ Іерусалимѣ, начальникомъ которой былъ опредѣленъ епископъ мелитопольскій Кириллъ. Въ Іерусалимѣ іеромонахъ Леонидъ (Кавелинъ) пробылъ всего около двухъ лѣтъ. Уволенный по болѣзни, согласно прошенію, онъ въ 1859 г. снова поселился въ Оптиной пустыни. Въ концѣ 1863 г. возведенный въ санъ архимандрита, о. Леонидъ снова отправился въ Іерусалимъ начальникомъ россійской духовной миссіи. Въ 1865 г. назначенъ настоятелемъ русской посольской церкви въ Константинополѣ, гдѣ и оставался четыре года. Съ 1869 по 1877 г. онъ занималъ должность настоятеля ставропигіальнаго Воскресенскаго (Новый Іерусалимъ именуемаго) монастыря, а съ 1877 г. до своей кончины состоялъ намѣстникомъ Троицко-Сергіевой лавры.

Внѣшніе факты жизни архим. Леонида — передвиженія его изъ Оптиной пустыни въ Іерусалимъ, Константинополь, Новый Іерусалимъ и Сергіеву лавру—важны для насъ въ томъ отношеніи, что объясняютъ происхожденіе огромной массы его учено-литературныхъ трудовъ. Склонность къ литературнымъ занятіемъ — это основная и можно сказать наслѣдственная черта душевнаго склада о. Леонида. Но при этомъ онъ былъ чрезвычайно отзывчивый человѣкъ. Кадетскій корпусъ, Оптина пустынь и всѣ мѣста его служебной дѣятельности отмѣчены цѣлымъ рядомъ его литературныхъ и ученыхъ трудовъ [1]).

Но и независимо отъ внѣшнихъ возбужденій, архим. Леонидъ, движимый любовію къ церковно-археологическимъ и историческимъ изслѣдованіямъ, за свыше 50-лѣтній періодъ своей литературной дѣятельности оставилъ огромное количество сочиненій. Проф. Д. А. Корсаковъ указалъ до 180 №№, проф. И. Н. Корсунскій до 300 №№, М. И. Семевскій, редакторъ «Русской Старины», еще въ 1889 г. предполагалъ ихъ до 700 №№. Но если бы оказалось ихъ и на цѣлую половину меньше, всетаки 350 №№ слишкомъ много для одного. Здѣсь и самостоятельныя

---

[1]) См. перечень сочиненій о. Леонида въ некрологѣ, помѣщенномъ Д. А. Корсаковымъ въ Журн. М. Н. Пр. 1891, декабрь.

историческія, археологическія и историко-литературныя изслѣдованія, и сочиненія духовно-нравственнаго, аскетическаго направленія, палеографическія и библіографическія описанія и разысканія, изданія памятниковъ древней русской и юго-славянской письменности, различныя сообщенія, замѣтки, переводы, наконецъ произведенія беллетристическія и стихотворенія (послѣднія относятся къ первому періоду его жизни, до поступленія въ монашество).

Многочисленные труды архим. Леонида обличаютъ въ немъ и сильныя природныя дарованія, и горячую любовь къ литературнымъ занятіямъ, и неутомимое трудолюбіе, и крайнее его безкорыстіе, такъ какъ обыкновенно онъ не получалъ за нихъ денежнаго вознагражденія. Труды о. Леонида имѣютъ и научную цѣнность. Относительно историческихъ сочиненій его мы имѣемъ отзывъ спеціалиста-профессора. «Самостоятельныя историческія изслѣдованія архим. Леонида — по отзыву Д. А. Корсакова — весьма важны въ научнемъ отношеніи, или сообщая новые, малоизвѣстные факты, или же комбинируя при новомъ научномъ освѣщеніи данныя, извѣстныя прежде. Во многихъ случаяхъ это цѣлыя книги, отъ ста до восьмисотъ страницъ» [1]). Прибавимъ къ этому, что церковно-историческія описанія монастырей и другія историческія изысканія составлялись о. Леонидомъ по архивнымъ документамъ и актамъ, часто имъ же самимъ собраннымъ и впервые обнародованнымъ.

Для славянской науки имѣютъ значеніе многочисленные труды архим. Леонида по описанію книгохранилищъ какъ русскихъ, такъ и нѣкоторыхъ юго-славянскихъ, и статьи его по исторіи болгарской и сербской церквей. Изъ русскихъ книгохранищъ имъ описаны: 1) библіотеки монастырскихъ, городскихъ и сельскихъ церквей калужской епархіи, 2) библіотека воскресенскаго ново-іерусалимскаго монастыря, 3) рукописи, хранящіяся въ ризницѣ троицко-сергіевой лавры, 4) рукописи (числомъ 236) фундаментальной библіотеки московской духовной академіи, 5) рукописи сербскаго письма XIII — XVIII в., находящіяся въ библіотекахъ московской губерніи и 6) руко-

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1891, дек. стр. 134. Въ перечнѣ сочиненій о. Леонида такихъ самостоятельныхъ работъ показано г. Корсаковымъ 23 №№, которыя отмѣчены звѣздочкой.

писи собранія гр. А. С. Уварова. Описаніе рукописей гр. Уварова, общее количество коихъ простирается до 2250 №№, доведено архим. Леонидомъ до конца и должно состоять изъ четырехъ частей: напечатаны часть 1-я (М. 1891. въ большю 4-ку, XVI+694 стр.) и ч. 2-ая (М. 1892. 577 стр.). Кромѣ того, при его содѣйствіи напечатаны: 7) описаніе рукописей библіотеки Троицко-Сергіевой лавры, составленное лаврскими библіотекарями, іеромонахами Иларіемъ и Арсеніемъ (М. 1878 — 1879), и 8) Евангельскіе мужи: описаніе рукописей монастырей волоколамскаго, новоіерусалимскаго, саввина-старожевскаго и пафнутіева-боровскаго, составленное еще въ 20-хъ годахъ П. М. Строевымъ (Спб. 1891).

Ко времени пребыванія архим. Леонида въ Іерусалимѣ и Константинополѣ относятся капитальные труды его по изученію достопамятностей Аѳонской горы. Во время троекратнаго посѣщенія Аѳона—въ 1859, 1866 и 1868 гг.—о. Леонидъ остановился съ особеннымъ вниманіемъ на славянскихъ монастыряхъ: Хиландарѣ, Св.-Павловскомъ, Зографѣ и Руссикѣ. Замѣчательные труды его: «Историческое описаніе сербской царской лавры Хиландара и ея отношеній къ царствамъ сербскому и русскому» (Чтен. Общ. ист. и древн. росс. 1867, IV), «Историческое обозрѣніе аѳонскихъ славянскихъ обителей— Зографа и Руссика» (въ «Прибавленіяхъ» къ Херс. Епарх. Вѣд. за 1867 г.) и «Славяносербскія книгохранилища на св. Аѳонской горѣ въ монастыряхъ Хиландарѣ и св. Павлѣ (Чтенія Общ. ист. и древн. росс. 1875, I) занимаютъ важное мѣсто въ литературѣ описанія аѳонскихъ достопамятностей. Въ первыхъ двухъ сочиненіяхъ авторъ, излагая исторію славянскихъ монастырей на Аѳонѣ, указываетъ и на акты, изъ многихъ приводитъ извлеченія и многіе издаетъ въ полномъ видѣ, по лично имъ самимъ сдѣланнымъ снимкамъ. Въ изданіи самыхъ документовъ заключается главное значеніе этихъ трудовъ архим. Леонида. Преимущественное вниманіе здѣсь обращено на славянскія грамоты: сербскія, русскія и валашскихъ господарей. Обширный трудъ архим. Леонида: «Славяно-сербскія книгохранилища на св. Аѳонской горѣ» (стр. 1—80) посвященъ Михаилу, митрополиту сербскому. Обозрѣнію книгохранилищъ Хиландара и св. Павловскаго монастыря предпосланъ историческій очеркъ этихъ обителей. Въ систематическомъ порядкѣ

описаны рукописи, пергаминныя и бумажныя, и старопечатныя книги. Кромѣ этихъ двухъ аѳонскихъ книгохранилищъ, здѣсь же описано книгохранилище болгарскаго зографскаго монастыря, а изъ пергаминной Служебной Минеи сего монастыря (рукоп. XIII—XIV в.) сполна приведенъ мѣсяцесловъ вмѣстѣ съ службами, положенными свв. Кириллу и Меѳодію, Петру царю болгарскому (сыну Симеона) и преп. Іоанну Рыльскому.

Посѣщая изъ Константинополя неоднократно Аѳонскую гору и балканскія государства, имѣя общеніе съ учеными болгарами и сербами, архим. Леонидъ изучилъ болгарскій и сербскій языки [1]) и тогда же, еще въ бытность въ Константинополѣ, написалъ нѣсколько болѣе или менѣе капитальныхъ статей по исторіи православныхъ славянскихъ церквей болгарской и сербской. Таковы: 1) «Архіепископія первой Юстиніяны охридская и ея просвѣтительное вліяніе на южныхъ славянъ, болгаръ и сербовъ (Чтен. Общ. ист. и древн. 1866 г. IV, стр. 1—75). Этотъ обширный и серьезный трудъ посвященъ О. М. Бодянскому. Здѣсь представленъ очеркъ церковной и государственной исторіи болгаръ, частію и сербовъ, а также исторія сношеній съ Россіею архипастырей первой Юстиніяны охридскихъ въ XVI и XVII вв. 2) «Сочиненія блаженнаго Ѳеофилакта болгарскаго, архіепископа первой Юстиніяны» (Чтен. Общ. ист. и древн. росс. 1870, IV). Авторъ задался цѣлію рѣшить вопросъ: въ какомъ столѣтіи жилъ и писалъ блаженный Ѳеофилактъ? и, пришелъ къ убѣжденію, что Ѳеофилактъ, сочинитель богословскихъ и историческихъ сочиненій, жилъ въ X ст., въ царствованіе болгарскаго царя Петра и его супруги, царицы Маріи, которымъ и посвятилъ нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій. 3) «Послѣдній патріархъ болгарскаго царства, блаженный Евѳимій и его сочиненія» (тамъ же, 1870, IV). Здѣсь предложено нѣсколько новыхъ данныхъ для исторіи жизни и литературной

---

[1]) Архим. Леонидъ отлично зналъ также польскій языкъ, которому научился еще въ кадетскомъ корпусѣ. Плодомъ чтенія классическихъ польскихъ писателей было нѣсколько переводовъ его съ польскаго, относящихся еще къ первому періоду его литературной дѣятельности, до поступленія въ монашество. Это а) «Взглядъ на древнюю Польшу, съ замѣчаніями о Литвѣ и о Россіи»,—напечат. въ журн. «Маякъ» 1844, т. XV, и б) стихотвореніе «Вилія» (изъ Мицкевича), напечат. въ «Иллюстраціи» Башуцкаго, также въ сороковыхъ годахъ (перепеч. въ Русск. Старинѣ, 1889, т. 62, стр. 500—501).

дѣятельности патр. Евѳимія, извлеченныхъ изъ сборника «Панегирикъ», единственный экземпляръ котораго находится въ болгарскомъ рыльскомъ монастырѣ, и изъ двухъ сборниковъ хиландарскаго монастыря. 4) «Кипріанъ до восшествія на московскую митрополію (тамъ же, 1867, II). На основаніи свидѣтельства болгарина Григорія Цамблака, современника и родственника Кипріану, архим. Леонидъ рѣшительно высказывается за болгарское происхожденіе Кипріана (вопреки установившемуся мнѣнію, считающему Кипріана сербомъ). Въ разсматриваемой статьѣ отмѣчаются книжныя занятія Кипріана на Аѳонѣ и позднѣе въ Константинополѣ; приводится впервые значительное извлеченіе изъ «Посланія Евѳимія, патріарха Терновскаго къ Кипріану, монаху св. Аѳонскія горы»; раскрывается посредничество Кипріана въ примиреніи константинопольской церкви при патр. Филоѳеѣ (близкомъ къ Кипріану еще по Аѳонской горѣ) съ церквами сербскою и болгарскою и участіе его въ дѣлахъ русской церкви. Словомъ, статья архим. Леонида проливаетъ новый свѣтъ на первый малоизвѣстный и недостаточно обслѣдованный періодъ жизни и дѣятельности Кипріана, до восшествія его на московскую митрополію. 5) «Сербская иноческая община въ Палестинѣ» (тамъ же, 1867, III). Послѣ очерка паломничества сербовъ въ св. землю, начиная съ XIII в., излагается исторія сербской лавры св. Саввы освященнаго, существовавшей въ Палестинѣ болѣе 300 лѣтъ (1303—1663), и подробно раскрываются сношенія этой обители съ Россіею, посылавшей туда обильную и богатую милостыню. Не лишне замѣтить, что лучшія и древнѣйшія славянскія рукописи изъ этой сербской лавры пріобрѣтены были въ 1835 г. нашимъ извѣстнымъ паломникомъ А. С. Норовымъ.

Изучая исторію славянскихъ народностей, не разъ можетъ быть задумываясь надъ судьбами славянства, о. Леонидъ не оставался только холоднымъ изслѣдователемъ прошедшихъ судебъ единокровныхъ и единовѣрныхъ намъ славянскихъ народовъ, но и выработалъ себѣ опредѣленный народнославянскій идеалъ. Въ прошедшихъ судьбахъ славянства онъ ищетъ и указываетъ уроки для будущаго, или же длинныя историческія изысканія заключаетъ своими «чаяніями» и пожеланіями. «Мы надѣемся—такъ заключаетъ онъ изслѣдованіе объ «Архіепископіи первой Юстиніаны»—что охридскіе болгары, храня у себя

драгоцѣнный залогъ прошлаго, мощи св. Климента, помятью его трудовъ на пользу духовнаго просвѣщенія и письменности славянской не перестанутъ оживлять свой духъ къ изученію родного славянскаго слова, на которомъ, благодаря св. седмичисленникамъ, уже второе тысящелѣтіе славится слово Божіе многомилліонною семьею православныхъ славянъ, пророча имъ великое будущее, если до конца будутъ хранить между собою «единеніе духа въ союзѣ мира» [1]). И донынѣ — говоритъ о. Леонидъ въ заключеніи статьи: «О соединеніи подъ общимъ управленіемъ болгарскаго рыльскаго и русскаго аѳонскаго монастырей—память ихъ двукратнаго соединенія означается сохраненіемъ духовнаго и дружелюбнаго общенія между братствомъ обоихъ монастырей, образуя одну изъ тѣхъ малоприметныхъ, но тѣмъ не менѣе крѣпкихъ нитей, которыми черезъ цѣлые вѣка поддерживается взаимный духовный союзъ родственныхъ единовѣрныхъ племенъ, въ терпѣливомъ ожиданіи того вожделѣннаго для всѣхъ славянъ дня, когда, не опасаясь болѣе ничьего предательства и не боясь ничьего преслѣдованія, они будутъ въ состояніи откровеннымъ лицомъ взглянуть другъ на друга и, ясно сознавая свое духовное и племенное родство, братски протянуть другъ другу руку на вѣчный союзъ для общаго блага, какъ своего, такъ и своихъ нынѣшнихъ насильниковъ» [2]). Свое изслѣдованіе о сербской иноческой общинѣ въ Палестинѣ о. Леонидъ заключаетъ такимъ пожеланіемъ: «Если суждено когда-либо образоваться въ Палестинѣ русской православной иноческой обители, то да послужитъ ей добрымъ урокомъ исторія сербской общины!» [3]). Упомянувъ о томъ, что плодами побѣды русскаго князя Святослава въ Болгаріи воспользовался не онъ, а хитрый Цимисхій, о. Леонидъ прибавляетъ: «хорошій урокъ для будущаго» [4]). Говоря о ссылкѣ въ заточеніе послѣдняго болгарскаго патріарха Евѳимія, о. Леонидъ прибавляетъ: «Не трудно догадаться, что чувствовалъ архипастырь родолюбецъ... видя мерзость запустѣнія, стоящую на мѣстѣ святѣ до дня избавленія, чаяніе котораго есть глав-

---

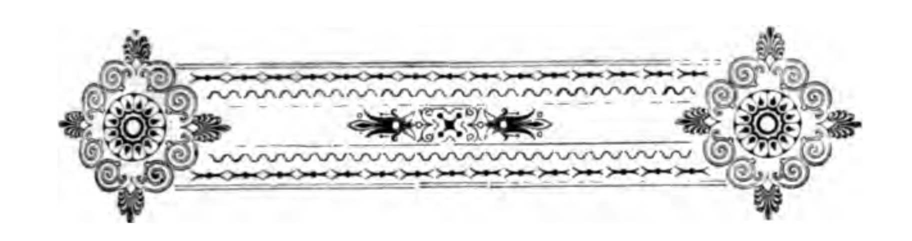
[1]) Чтен. Общ. ист. и древн. росс. 1866, IV, стр. 74—75.
[2]) Тамъ же, 1869, III, стр. 4.
[3]) Тамъ же, 1867, III, стр. 65.
[4]) Тамъ же, 1870, IV, стр. 11.

нѣйшая опора многострадальнаго болгарскаго народа» [1]). Статью о Кипріанѣ о. Леонидъ заключаетъ такъ: «Образъ дѣйствій патр. Филоѳея и его миролюбиваго пособника Кипріана указываетъ церкви константинопольской на кратчайшій путь къ справедливому разрѣшенію греко-болгарской церковной расприи» [2]). Такія же «чаянія» выражаетъ архим. Леонидъ и въ предсмертномъ трудѣ своемъ «О родинѣ и происхожденіи глаголицы и объ ея отношеніи къ кириллицѣ» (Спб. 1891). Резюмируя замѣтки свои объ отношеніи глаголическаго извода евангелія къ кирилловскому, о. Леонидъ говоритъ: «Глаголица осталась памятникомъ стараго хорватскаго нарѣчія, а кириллица—памятникомъ древняго церковнославянскаго языка. Кириллица есть знаменіе церковнаго единенія съ Византіей, а глаголица есть знаменіе разъединенія съ Византіей... Древнѣйшій памятникъ кириллицы, Остромірово евангеліе, остается тѣмъ же, чѣмъ былъ его прототипъ кирилло-меѳодіевскаго перевода,—знаменемъ православныхъ славянъ, порученнымъ Промысломъ Божіимъ храненію русскаго народа. Вѣрность этому знамени служить символомъ святаго чаянія, что грядетъ часъ, когда и всѣ остальные славяне, убѣдясь, что наступило и для нихъ время духовнаго единства, свободно и радостно соберутся подъ это общеславянское знамя, и вмѣстѣ съ его хранителями воспоютъ едиными усты и единымъ сердцемъ знаменательную пѣснь, твореніе царственнаго пѣснотворца X вѣка, царя Льва Премудраго, которая нѣкогда оглашала своды цареградской Софіи: «Пріидите людіе, Тріvпостасному Божеству поклонимся» (34—35).

Г. Воскресенскій

[1]) Тамъ же, стр. 18.

[2]) Тамъ же, 1867, II, стр. 32.



СЛАВЯНСКІЯ ОСНОВЫ ИДЕЙ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
І. А. КОМЕНСКАГО

Весь образованный міръ стараго и новаго свѣта чествовалъ недавно память геніальнаго родоначальника новѣйшей педагогіи и великаго, симпатичнѣйшаго гуманиста XVII в., славянскаго ученаго и писателя Іоанна Амоса Коменскаго.

Коменскій принадлежитъ къ числу тѣхъ великановъ творческаго духа и мысли, которые въ своихъ понятіяхъ, идеяхъ и духовныхъ стремленіяхъ настолько опережаютъ свой вѣкъ и не только современныя, но и слѣдующія за ними поколѣнія, что ихъ заслуги и значеніе находятъ себѣ настоящее, полное признаніе и оцѣнку лишь у отдаленнаго потомства. Только нынѣ, спустя слишкомъ два вѣка по смерти Коменскаго, его великое дѣло и роль въ исторіи культуры оцѣниваются и опредѣляются въ болѣе полной мѣрѣ, хотя все еще не всегда исчерпывающимъ образомъ, неговоря уже о томъ, что до болѣе или менѣе совершеннаго осуществленія на практикѣ его идей и великихъ воспитательныхъ завѣтовъ еще далеко...

Истины, впервые высказанныя и формулированныя имъ въ дѣлѣ воспитанія и обученія, послужившія основой всей его системы, всѣхъ его пріемовъ и нововведеній, имѣютъ вѣчный смыслъ и цѣну, и чѣмъ далѣе, тѣмъ будутъ яснѣе и полнѣе познаваться. Всѣ коренные принципы и существенные вопросы современной намъ педагогіи были имъ не только правильно поставлены и разрѣшены, до подробности разработаны, но и въ возможной тогда мѣрѣ приведены и примѣнены на практикѣ. А вѣдь то былъ XVII вѣкъ!... Могучій полетъ мысли и глубокая проница-

тельностъ умственнаго взора Коменскаго были невольно ограничены состояніемъ и сферой тогдашней науки, прежде всего естествознанія и психологіи. Разумѣется, только геніальность могла при всемъ этомъ создать то, что создалъ великій чешскій мыслитель.

Нынѣшнее чествованіе Коменскаго показало, что его огромныя, неизмѣримыя заслуги и великая историческая роль признаются не только на его родинѣ, у его соплеменниковъ, и въ тѣхъ странахъ, съ которыми болѣе или менѣе связана его ученообразовательная дѣятельность, но и во всемъ просвѣщенномъ мірѣ, что онъ высоко цѣнится и пользуется чрезвычайной популярностью не только у нѣмцевъ (у которыхъ существуетъ весьма значительная литература о немъ), англичанъ, шведовъ, голландцевъ, но и вообще у всѣхъ культурныхъ народовъ міра.

Но чѣмъ болѣе явныхъ свидѣтельствъ этого почитанія и преклоненія передъ геніальнымъ славяниномъ видишь на романо-германскомъ Западѣ, тѣмъ неотвязчивѣе напрашивается самый существенный вопросъ, воздало ли должное по заслугамъ одному изъ величайшихъ сыновъ своихъ, познало ли въ надлежащей мѣрѣ его самого, его безсмертныя творенія, наконецъ усвоило ли себѣ, своему просвѣщенію и жизни драгоцѣнное духовное наслѣдіе Коменскаго само славянство (неговоря тутъ о чехахъ, относительно которыхъ это внѣ сомнѣнія), и прежде всего мы, русскіе, великій славянскій народъ, которому самой судьбой назначена руководящая, культурно-объединительная роль на грекославянскомъ Востокѣ?

Къ сожалѣнію и къ стыду приходится отвѣтить: нѣтъ, мы еще не оцѣнили великаго соплеменника, мы еще не познали его и его историческаго подвига, мы не усвоили его наслѣдія и завѣтовъ, мы не воздали его памяти подобающей хвалы и чести!

Болѣе чѣмъ скромное, чисто-кружковое чествованіе памяти его нѣсколькими представителями нашей педагогіи и науки въ столицѣ и нѣкоторыхъ университетскихъ центрахъ, нѣсколько посвященныхъ ему статеекъ въ періодической печати служатъ тому краснорѣчивымъ доказательствомъ.

Мы не станемъ здѣсь разбирать и вникать въ причины этого безъ сомнѣнія прискорбнаго факта. Всякому должно быть понятно, что онѣ кроются въ особенностяхъ самого процесса на-

шего культурнаго развитія, въ характерѣ нашей образованности, въ безспорной отсталости нашего національнаго самосознанія. Отношеніе наше къ Коменскому—это только частная, но бьющая въ глаза черта въ общемъ складѣ нашего просвѣщенія, это только характерный примѣръ изъ цѣлаго ряда крупныхъ его пробѣловъ и недочетовъ...

Мы хотѣли бы только обратить здѣсь вниманіе на то, въ чемъ именно, по нашему разумѣнію, заключается особенное значеніе Коменскаго для славянскаго міра, независимо отъ его общечеловѣческой роли, точнѣе—выдвинуть живую, внутреннюю, такъ сказать логическую связь его, какъ исторической личности и культурнаго явленія, со славянской и въ частности съ чешской исторической жизнью.

Германскій міръ, восхищаясь Коменскимъ, какъ извѣстно, старается присвоить его себѣ, объявить его нѣмцемъ по воспитанію и духу, основываясь на довершеніи имъ образованія въ высшихъ нѣмецкихъ школахъ (Герборнѣ и Гейдельбергѣ) и на тѣсныхъ связяхъ его съ представителями германской науки и просвѣщенія. Это стремленіе нѣмцевъ отнять Коменскаго у славянства хотя бы въ культурномъ смыслѣ столь же понятно, сколь очевидны натяжка и фальшь въ этомъ онѣмеченіи славянскаго мыслителя. Но справедливость требуетъ сказать, что сами славяне отчасти способствовали развитію такой нѣмецкой тенденціи своимъ равнодушіемъ къ памяти Коменскаго, беззаботностью въ оцѣнкѣ и изслѣдованіи его твореній и популяризаціи его идей, уступкою первенства во всемъ этомъ—нѣмцамъ, что́ до нѣкоторой степени касается даже самихъ чеховъ, сравнительно лишь недавно серьезно принявшихся за изученіе науки и трудовъ своего великаго земляка.

Отвѣчать на нѣмецкія притязанія ссылкою на чисто-чешское происхожденіе и горячій чешскій патріотизмъ Коменскаго—вполнѣ естественно, но едва-ли достаточно. Надо глубже, съ существенной, внутренней стороны доказать и выяснить не только кровный и сердечный, но и такъ сказать—историческій «славизмъ» Коменскаго, а для этого раскрыть по возможности его, если можно такъ выразиться, «духовную генеалогію».

До сихъ поръ при изученіи Коменскаго какъ-то мало задавались и вопросомъ о томъ, какъ, откуда, на какой почвѣ выросъ этотъ Колумбъ или Коперникъ педагогіи, какъ любятъ теперь вели-

Чехія, чешскій народъ, ихъ спасеніе и возрожденіе—вотъ главный объектъ, прямая цѣль всѣхъ стремленій, трудовъ и чаяній великаго педагога-патріота. Первыя свои дидактическія работы онъ пишетъ на родномъ языкѣ, для своихъ чеховъ, имѣя въ виду возможность скораго примѣненія своей системы къ школьному дѣлу въ Чехіи, для чего составляетъ «Краткое начертаніе объ обновленіи школъ въ чешскомъ королевствѣ». Съ этой идеей, съ этой поставленной себѣ практической задачей, бывшей впрочемъ по своему возникновенію и развитію не личнымъ его только, но общимъ «братскимъ» дѣломъ, Коменскій оставилъ родину, поселился въ Лѣшнѣ и работалъ тамъ; она, эта задача, не оставляла его и позже, когда кругъ его дѣятельности, предпріятій и интересовъ самъ собой расширился и увлекъ его въ новыя страны, на новыя поприща. Онъ открыто признавался позже, что никогда ранѣе и въ мысляхъ не имѣлъ писать по-латыни и издавать латинскія сочиненія. Лишь обстоятельства и условія, въ какихъ онъ очутился на чужбинѣ, принудили его къ тому. Какъ безотрадно и грустно звучитъ въ достопамятныхъ словахъ Коменскаго о предпринятомъ имъ и «братьями» трудахъ къ будущему обновленію чешскихъ школъ извѣстная фраза: «И принявшись ревностно за это дѣло, мы сдѣлали что были въ состояніи, еще скрываясь въ предѣлахъ родины,—хотя потомъ это послужило на благо не родинѣ, а чужбинѣ!» Не разъ Коменскій въ своей перепискѣ (особенно болѣе ранней) подчеркиваетъ свои заботы о чешскомъ народѣ, о снабженіи его усовершенствованными средствами въ учебновоспитательномъ дѣлѣ.

Но политическій горизонтъ для Чехіи не прояснялся; надежды экзулантовъ на измѣненіе обстоятельствъ, на благопріятный для нихъ политическій оборотъ дѣлъ и возвращеніе на родину все болѣе утрачивались. Для патріотическихъ помысловъ и мечтаній великаго педагога оставалась лишь влачившая свое ничѣмъ не обезпеченное существованіе бѣдная «братская» община, на дѣлахъ и интересахъ которой они и сосредоточились. Благополучіе и возрожденіе отечества онъ ставилъ въ связь съ судьбой своей общины... Эти же патріотическія побужденія характеризуютъ сношенія и связи Коменскаго съ Швеціей и съ другими вліятельными правительствами, вообще съ тогдашними «сильными міра». Оттуда великое разочарованіе и безу-

Гуса и Іеронима Пр., Таборитовъ и Хельчицкаго, словомъ великій и характерный славянскій дѣятель, жизнь и творенія котораго неразрывно связаны съ жизнью, судьбой и историческимъ развитіемъ его родины и его народа, а тѣмъ самымъ и всего славянскаго міра.

Чтобы вполнѣ выяснить и оправдать это положеніе, достаточно, думается намъ, указать на отношеніе литературной и ученой дѣятельности Коменскаго и всей его педагогической реформы къ его родинѣ, на его исходныя задачи и цѣли, вникнуть въ тѣ условія и элементы, которые опредѣлили направленіе и поприще его дѣятельности и воспитали его, раскрыть и установить неразрывную связь Коменскаго, его личности и жизни, а главное его принциповъ, идей и стремленій съ жизнью и дѣлами той замѣчательной группы людей-соплеменниковъ, къ которой онъ принадлежалъ, т. е. общиной «чешскихъ братьевъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтить основныя чисто-славянскія черты его духа, ума и характера и въ концѣ концовъ разъяснить этимъ путемъ генетическую связь этого чешскаго великана съ судьбой и историческимъ развитіемъ чешскаго народа, обнаружить въ немъ естественный продуктъ всего предшествующаго мощнаго развитія чешскаго народнаго духа, чешской мысли, религіозныхъ и нравственныхъ стремленій.

Цѣль настоящей замѣтки лишь въ главныхъ чертахъ выдвинуть занимающій насъ вопросъ, который разумѣется въ немногихъ строкахъ не можетъ быть разобранъ, тѣмъ менѣе исчерпанъ, но смѣемъ думать, что онъ заслуживалъ бы обстоятельной научной разработки; между тѣмъ какъ донынѣ онъ какъ-то не привлекалъ къ себѣ должнаго вниманія.

Прежде всего должны быть выдвинуты на первый планъ ближайшія цѣли Коменскаго, завѣтная мысль и задушевныя побужденія его въ предпринятомъ главномъ трудѣ его жизни, непрестанно одушевлявшія его и освѣщающія всю его дѣятельность. Это были не какія-нибудь отвлеченныя, космополитическія стремленія и мечты осчастливить и облагодѣтельствовать все человѣчество... Изъ первыхъ дидактическихъ работъ Коменскаго, изъ его собственныхъ многократныхъ заявленій и въ сочиненіяхъ и письмахъ мы знаемъ, какъ реальны и жизнены были его стремленія и задачи, к а к ъ онъ къ нимъ пришелъ и ч е г о онъ ожидалъ отъ ихъ осуществленія. Горячо, страстно любимая родина,

ница завѣтовъ и идеаловъ гуситства, если не религіозныхъ въ полной мѣрѣ (вслѣдствіе ея космополитическихъ увлеченій и сближенія съ протестантствомъ), то нравственныхъ и народно-культурныхъ, втеченіе вѣковъ стояла уже по самому характеру и направленію своего ученія въ сторонѣ отъ государственной и политической жизни своего отечества, такъ сказать ушедши въ себя, въ свой внутренній міръ и поставивъ своимъ главнымъ идеаломъ—трудовую, благочестивую общинную жизнь и личное самоусовершенствованіе. Понятно, что въ ея средѣ особое вниманіе было всегда удѣляемо дѣлу воспитанія и школѣ. Внимательно и критически наблюдая со стороны различныя явленія и особенности общественной и государственной жизни, «чешскіе братья» могли раньше и вѣрнѣе оцѣнить значеніе и роль школы въ народной жизни, признать въ ней главный корень всей дѣятельности и успѣховъ человѣческихъ, основаніе нормальнаго, здороваго общественнаго развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ благоденствія народа и государства. Положеніе тогдашняго школьнаго и воспитательнаго дѣла съ его старыми, мертвящими, схоластическими пріемами и подъ нравственно-разрушительнымъ, тлетворнымъ вліяніемъ іезуитовъ, ихъ принциповъ и дисциплины, и очевидныя послѣдствія всего этого въ судьбахъ народа и государства естественно приводили членовъ общины къ исканію и признанію совершенно иныхъ основаній и методовъ воспитательно-образовательныхъ, что и заставляло ихъ стремиться—на этомъ практическомъ пути поработать на благо родины.

Въ эпоху бѣдствій, постигшихъ Чехію въ началѣ 17 в., и гоненій, обрушившихся на нихъ самихъ, они живѣе чѣмъ когда-либо чувствовали то зло, которое происходитъ отъ превратной и пагубной постановки школьнаго дѣла, и глубоко сознавали всю необходимость созданія новыхъ, надлежащихъ условій для подготовки новаго, свѣжаго и нравственно-чистаго поколѣнія чеховъ, способныхъ вывести отечество изъ страшныхъ бѣдствій политическаго и духовнаго порабощенія. Коменскій самъ свидѣтельствуетъ, какъ онъ съ товарищами-братьями до окончательнаго изгнанія, еще на родной почвѣ, скрываясь отъ гонителей своихъ, обсуждали животрепещущій вопросъ воспитанія чешскаго юношества и рѣшились взять на себя высокую задачу приготовить матеріалъ, выработать основы къ преобразованію педагогической системы. Тутъ было положено и начало Вели-

кой дидактикѣ Коменскаго. Итакъ Коменскій, какъ педагогъ, былъ воплотителемъ стремленія и задачи солидарной съ нимъ общины чешскихъ братьевъ; но какъ личность необыкновенная, умъ въ высшей мѣрѣ самостоятельный и геніальный, онъ выполнилъ эту задачу такъ широко и съ такимъ совершенствомъ, что дѣло его по замыслу собственно народное и патріотическое обратилось въ общечеловѣческій и общекультурный историческій подвигъ.

Какими же именно личными данными обладалъ Коменскій для совершенія столь высокаго подвига? Если мы вникнемъ въ личныя свойства, особенности его ума и характера, руководящія убѣжденія, его отличавшія, то легко замѣтимъ и здѣсь тѣснѣйшую связь его съ той почвой, изъ которой онъ произошелъ, какъ типическій сынъ своего народа и знаменательное явленіе его исторіи. Мы найдемъ въ немъ рядомъ съ щедро отмѣренными ему природой блестящими качествами его племенного типа (т.-е. славянской расы) такія возвышенныя и идеальныя черты характера и душевнаго строя, которыя становятся намъ вполнѣ понятны лишь какъ выработанные вѣками продукты своеобразной и многострадальной исторической жизни того искушеннаго во всяческой борьбѣ народа, изъ котораго онъ вышелъ. И тутъ невольно выдвигается впередъ со своими идеалами и принципами та среда, къ которой онъ непосредственно принадлежалъ душой и тѣломъ съ рожденія и втеченіе всей жизни, т. е. чешское братство, этотъ характерный результатъ духовнаго саморазвитія чешскаго народа. Какъ не видѣть явственнаго отраженія народно-историческихъ пріобрѣтеній чешскаго духа въ величавомъ образѣ Коменскаго, съ его непоколебимыми нравственными началами, глубоко-развитымъ національнымъ чувствомъ и патріотизмомъ, замѣчательной энергіей и силой духа, терпѣніемъ и выдержкой, изумительнымъ самоотреченіемъ и покорностью судьбѣ? А съ другой стороны—этотъ глубокій и свѣтлый, многообъемлющій умъ, этотъ трезвый и широкій взглядъ на вещи, съ характеромъ реалистическимъ и практическимъ, эта всегдашняя терпимость, мягкость и благодушіе—не представляетъ ли все это характеристическихъ признаковъ и лучшихъ украшеній славянскаго народнаго типа?

Если такимъ образомъ трудъ жизни и педагогическія задачи Коменскаго были связаны своими ближайшими цѣлями и самимъ

возникновеніемъ своимъ съ его родиной и ея насущными потребностями; если, далѣе, всѣми своими идеалами и принципами своей жизни, дѣятельности и твореній Коменскій неразрывно связанъ съ «чешскимъ братствомъ», этимъ характернѣйшимъ явленіемъ чешской культурной исторіи; если наконецъ нашъ геніальный педагогъ, какъ личность, всѣми свойствами своего ума и души является типическимъ представителемъ славянскаго племени, а силою духа, складомъ характера и нравственными устоями олицетворяетъ въ себѣ все то лучшее, что выработалъ чешскій народъ въ своемъ духовномъ строѣ втеченіе своей многовѣковой упорной борьбы за духовную, религіозную и политическую самостоятельность; если однимъ словомъ Коменскій самъ, какъ человѣкъ, мыслитель и педагогъ типическій чехъ и славянинъ, историческое явленіе чешской жизни, не только физически, но и духовно—кость отъ костей и плоть отъ плоти своего народа: то что же неизбѣжно должно вытекать изъ всего этого?

Не то ли, что и самое дѣло Коменскаго, его трудъ, его новое слово педагогіи и дидактики, все его грандіозное наслѣдіе есть прямой духовный продуктъ славянскаго духа, славянской и въ частности чешской исторіи?

Въ самомъ дѣлѣ, вникнувъ внимательно и объективно въ сущность этого вопроса, именно внутреннюю логическую связь реформаторскаго дѣла Коменскаго съ чешской исторической жизнью, едва ли кто станетъ оспаривать справедливость этого положенія.

Всматриваясь въ процессъ историческаго развитія и духовнаго роста вынужденнаго непрестанно бороться за свои права чешскаго народа, мы видимъ нѣсколько главныхъ сторонъ этого роста, сообразно различнымъ сферамъ этой вѣковой борьбы, нашедшей себѣ блестящее и самое мощное выраженіе въ гуситскомъ движеніи и во всѣхъ его культурныхъ, духовныхъ и нравственныхъ послѣдствіяхъ. То были исконныя, непреоборимыя стремленія къ эманципаціи въ области религіозной отъ деспотизма папства и римской церкви, въ области умственной и нравственной—отъ связаннаго съ западной католической культурой всяческаго духовнаго гнета, отъ латинской науки и мертвой схоластики, отъ всякаго насилія въ области мысли и нравственнаго чувства, позже наконецъ отъ владыче-

ства іезуитизма и его растлѣвающихъ началъ, въ области наконецъ національной—отъ чуждаго, инородческаго гнета во всѣхъ сферахъ жизни, начиная съ политическаго и общественнаго быта и кончая языкомъ. Изъ ряда энергическихъ борцовъ за свободу и самобытность въ этихъ различныхъ направленіяхъ достаточно назвать: въ первомъ хотя бы Матвѣя Яновскаго, Я. Гуса, Іеронима Пражскаго и многихъ ихъ послѣдователей, во второмъ—Яна Милича, Ѳому Штитнаго, того же Гуса, столь громко провозгласившаго и запечатлѣвшаго своею мученическою смертью принципъ высокой честности и свободы мысли, Петра Хельчицаго и другихъ напр. въ средѣ «братства», въ третьемъ—кромѣ всѣхъ поименованныхъ учителей-свѣточей чешскаго народа—такихъ дѣятелей, какъ Я. Жижка, Прокопъ, король Юрій Подѣбрадъ и цѣлый рядъ другихъ выдающихся дѣятелей за народное начало во всѣхъ сферахъ исторической жизни. А вѣдь этими именами дѣйствительно характеризуется вся сущность и направленіе духовнаго роста чешскаго народа!

Взглянемъ теперь съ этой точки зрѣнія на дѣло Амоса Коменскаго, на основы его міровоззрѣнія и всѣхъ его педагогическихъ преобразованій. Не найдемъ ли мы и здѣсь чего либо подобнаго, роднящаго его съ великими двигателями предшествующихъ періодовъ чешской исторіи и духовнаго прогресса?

И дѣйствительно, въ стремленіяхъ и руководящихъ идеяхъ и принципахъ славнаго чешскаго педагога-реформатора не трудно отличить тѣ же основные моменты.

Ставя въ основу воспитанія—развитіе религіознаго чувства, духъ христіанской любви и нравственныя начала и будучи убѣжденнымъ «чешскимъ братомъ», преемникомъ (если и не прямымъ) Гуса и гуситовъ, Коменскій былъ живой протестъ противъ гнетущаго авторитета и всяческой лжи папства и католицизма. Обладая широкою вѣротерпимостью, осуждая секты, религіозные споры и препирательства, мечтая о соединеніи всѣхъ церквей, Коменскій не могъ все-таки иногда не выступать съ большою рѣзкостью противъ католической неправды, причинившей столько бѣдъ его родинѣ.

Далѣе, не является ли вся педагогическая реформа Коменскаго въ своей ближайшей цѣли и сущности протестомъ противъ умственнаго и нравственнаго гнёта и связанныхъ съ нимъ ложныхъ пріемовъ, господствовавшихъ въ

ческой школѣ, въ системѣ воспитанія, а слѣдовательно и въ общественности, со времени безраздѣльнаго вліянія овладѣвшихъ ими іезуитовъ? Свобода мысли и критики, борьба съ тупыми схоластическими пріёмами и рутиной, торжество здраваго, практическаго разума и естественности (ведшихъ къ реалистическому и практическому направленію въ обученіи), наконецъ высоконравственная подкладка въ дѣлѣ воспитанія и гуманность въ высшей мѣрѣ—вотъ существенные принципы дидактическихъ нововведеній Коменскаго. Наконецъ, важное значеніе начала народности является особенно ярко и полно выраженнымъ въ его системѣ. Уже главный принципъ ея—согласованіе обученія и воспитанія съ природой ученика—ведетъ къ утвержденію народнаго начала въ этомъ дѣлѣ. На первомъ мѣстѣ здѣсь предоставленіе родному, материнскому языку подобающей ему роли въ школѣ (въ народной, «общинной» школѣ) вмѣсто мертвой латыни. Коменскій подробно и логически обосновываетъ свой взглядъ на необходимости сохраненія и развитія индивидуальности въ человѣкѣ, т. е. всего того, что ему дано Богомъ и природой, и прежде всего народнаго типа, а этимъ обусловливается и роль народнаго языка. Вообще Коменскій не разъ высказывался по вопросу о важности народныхъ языковъ и необходимости ихъ обработки. Такъ напр. въ одномъ изъ своихъ сочиненій («Methodus linguarum novissima») онъ усердно рекомендуетъ ученымъ всѣхъ народовъ оставить вѣчныя попеченія о мертвой латыни съ ея устарѣлыми красотами и обратить свое рвеніе къ обработкѣ своихъ народныхъ языковъ, а черезъ это и къ образованію народныхъ массъ въ каждой странѣ,—взглядъ въ то время новый и необычный. Коменскій вездѣ оставался вѣренъ этому взгляду. Извѣстно напр., что мадьяры обязаны ему же (въ эпоху его дѣятельности въ Угріи) въ первыхъ шагахъ литературнаго употребленія своего языка, до тѣхъ поръ совершенно въ этомъ смыслѣ заброшеннаго *).

Итакъ, однимъ изъ главныхъ основаній нормальнаго воспитанія и образованія юношества признается Коменскимъ сохра-

---

*) Онъ же первый указалъ на родственную близость мадьярскаго языка съ финскимъ (чудскимъ).

неніе и развитіе индивидуальности и народности, т.-е. тѣхъ элементовъ, что̀ играли опредѣляющую, первенствующую роль и въ чешской исторической жизни, какъ высшія ея сокровища, за которыя шла вѣковая борьба съ врагами славянства.

Не правы ли мы послѣ того, утверждая, что какъ самъ Коменскій въ своей личности, стремленіяхъ и идеалахъ является продуктомъ чешско̀й народной жизни и родной исторической почвы, такъ и великій культурный его подвигъ логически вытекаетъ изъ всего предшествующаго историческаго процесса духовнаго развитія, пройденнаго чешскимъ народомъ?

Въ эпоху гуситскую и послѣгуситскую сила чешскаго народнаго духа, высшія религіозныя его стремленія, умственное и нравственное развитіе дошли до своего апогея, достигли крупныхъ культурныхъ результатовъ, дали роскошные ростки въ области богословской и философской мысли, образованности и науки, литературы и развитія народнаго языка (особенно въ средѣ общины чешскихъ братьевъ). Но въ концѣ концовъ борьба съ исконнимъ врагомъ оказалась чешскому народу не подъ силу, тѣмъ болѣе, что лучшіе люди (составлявшіе «общину») уединились и замкнулись въ своихъ особыхъ интересахъ и задачахъ. Цѣлый рядъ внутреннихъ и внѣшнихъ бѣдствій обрушился на чешскую землю и привелъ къ Бѣлогорской катастрофѣ, къ политическому паденію и къ полному духовному упадку. Началась жестокая католическая реакція, преслѣдованія и изгнанія за вѣру, униженіе всего національнаго, искорененіе старыхъ преданій и всего, носившаго печать самобытности или гуситства, полное торжество новыхъ дѣятелей, іезуитовъ, духовнаго гнёта и обскурантизма.

Но прежній духъ чешскаго народа со всѣми своими вѣковыми пріобрѣтеніями и плодами самостоятельнаго развитія не умеръ!.. Онъ, правда, былъ сдавленъ натискомъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ и тяжелыми обстоятельствами, частью изгнанъ изъ отечества въ лицѣ многочисленной чешской эмиграціи и прежде всего чешскихъ братьевъ, его главныхъ, самыхъ вѣрныхъ носителей...

Но вотъ мощный духъ этотъ воспрянулъ и на чужбинѣ, воплотившись всецѣло въ лицѣ одного изъ экзулантовъ, геніальнаго Коменскаго—въ той области, въ которой ему проявиться было такъ естественно и своевременно, въ которой онъ могъ

принести наибольшую пользу не только своей родинѣ, но и человѣчеству, и нашъ великій педагогъ, это блестящее воплощеніе чешскаго народнаго духа, разнесъ и распространилъ по всей Европѣ, а затѣмъ и по всему міру его сокровища, его пріобрѣтенія, плоды вѣкового, тяжелаго жизненнаго опыта...

Дѣйствительно, исключительно тяжелую, разнообразную, исполненную всевозможныхъ превратностей и борьбы за существованіе школу жизни прошелъ чешскій народъ, народъ во многихъ отношеніяхъ передовой въ Европѣ, и конечно—не простая случайность, что просвѣтителемъ Европы и человѣчества въ XVII в., въ смыслѣ указанія и проложенія новыхъ путей и методовъ въ дѣлѣ воспитанія и образованія, сталъ именно его вѣрный сынъ и благороднѣйшій представитель!

Если вообще призваніе геніевъ во всякой области духовной дѣятельности—возвышать и претворять народное въ общечеловѣческое и міровое, быть орудіями въ процессѣ перехода лучшихъ духовныхъ пріобрѣтеній и достоянія отдѣльныхъ народовъ въ общечеловѣческую сокровищницу, то Коменскій въ особенности является однимъ изъ самыхъ яркихъ и крупныхъ звеньевъ между славянской и въ частности чешской культурной и европейской (т.-е. романо-германской), да и всемірной цивилизаціей.

Собственно въ славянской исторіи онъ служитъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ того поучительнаго наблюденія, что всѣ замѣчательнѣйшія и плодотворнѣйшія явленія и личности западнославянской исторіи выростали всегда лишь на народной самобытной почвѣ, представляя собой отрицаніе чуждыхъ, навязываемыхъ народу началъ или протестъ противъ духовнаго и всяческаго гнёта со стороны иноземныхъ и иноплеменныхъ элементовъ. Таковы и всѣ прочія выдающіяся явленія чешской исторической жизни, бывшія результатомъ того, что славянская стихія въ борьбѣ съ окружавшими враждебными теченіями успѣвала вырываться изъ сковывавшихъ ее путъ и вліяній такихъ аггресивныхъ стихій, какъ римская церковь и латинство, германизмъ, западноевропейскій соціальный строй, и проч.

На такой-то самобытной почвѣ выросъ и Коменскій со своимъ просвѣтительнымъ дѣломъ.

Вотъ, слѣдовательно, каковою въ общихъ чертахъ представляется намъ роль I. А. Коменскаго въ славянской и чеш-

ской исторіи, и съ какой стороны, думается намъ, культурный подвигъ его еще требуетъ болѣе подробнаго и внимательнаго обслѣдованія именно въ славянской наукѣ.

Славянской же школѣ прежде всего и по преимуществу должно крѣпко усвоить себѣ идеи и принципы, завѣщанные великимъ чехомъ своему народу и всему славянству и стремиться къ осуществленію согласнаго съ ними высокаго идеала школы, въ общемъ уже достаточно понятнаго изъ всего вышесказаннаго.

К. Гротъ

Воспоминанія объ Александрѣ Аѳанасьевичѣ Потебнѣ

Мои воспоминанія, какъ бывшаго ученика А. А. Потебни, обнимаютъ лишь небольшой уголокъ его профессорской дѣятельности, съ 1887-го по 1890-й годъ, когда я слушалъ у него лекціи по русскому языку.

Въ 1887-8 уч. г. мнѣ пришлось слушать два его курса: 1) по русскому синтаксису и 2) чтеніе старинныхъ памятниковъ русскаго языка и письма.

Не знаю, какъ Потебня открывалъ свои курсы въ прежнее время; въ тѣхъ, которые онъ читалъ въ послѣдніе годы, вовсе не было общихъ введеній, составляющихъ обыкновенную принадлежность университетскихъ чтеній, хотя бы посвященныхъ и частнымъ вопросамъ. Профессоръ, какъ будто избѣгая траты времени, спѣшилъ ввести своихъ слушателей въ кругъ намѣченныхъ имъ для предстоящаго курса вопросовъ, и этотъ курсъ, какъ эпическая пѣсня, начинался не ab ovo, не съ сухихъ генеалогическихъ подробностей, а прямо съ середины.

«Что такое русскій языкъ? Какое обыкновенно даютъ ему опредѣленіе?» спрашивалъ Александръ Аѳанасьевичъ, голосомъ, тономъ рѣчи, всей своей фигурой давая чувствовать, что бесѣда будетъ о чемъ-то важномъ, серьезномъ. Этотъ типическій способъ начинать лекціи простымъ вопросомъ объ извѣстномъ всякому предметѣ напоминаетъ и его печатные труды: достаточно указать на «Записки по русской грамматикѣ», которыя также начинаются вопросомъ: «Что такое слово?»—«Часто встрѣчаемыя выраженія: это по-русски, это не по-русски, предполагаютъ-де пониманіе русскаго языка въ слишкомъ узкомъ смыслѣ; ими обыкновенно хотятъ сказать не то, что это молъ по-французски или по-нѣмецки, а то,

что кому думается о словѣ или фразѣ съ точки зрѣнія узкаго провинціальнаго развитія, т.-е. принимается часть за цѣлое». Далѣе выяснялась историческая и психологическая необходимость столь узкаго пониманія термина «русскій». Приведя взгляды на русскій языкъ Нестора, Ломоносова и др., А. А. выставилъ свое положеніе, что нормальное состояніе языка есть дробленіе на говоры, что слѣдовательно исторія русскаго языка есть исторія совокупности говоровъ. Въ этой совокупности русскихъ говоровъ каждый имѣетъ-де право на существованіе и научную разработку. Послѣ обзора площади русскаго языка слѣдовало разъясненіе положенія объ естественномъ движеніи языка, которое далеко не исчерпывается его литературными формами, а обнимаетъ также составъ и строй живыхъ говоровъ.

Далѣе рѣчь пошла о грамматикѣ, сначала школьной, преслѣдующей практическія цѣли, а затѣмъ научной, теоретической. Профессоръ разъяснилъ намъ, что вопросъ о пользѣ грамматики сводится къ вопросу о пользѣ исторіи, высшимъ положеніемъ которой онъ считалъ мысль о братствѣ народовъ, объ единствѣ человѣчества. Цѣль теоретическаго знанія языка вообще и грамматики въ частности профессоръ полагалъ въ томъ, чтобы довести до сознанія цѣли, преслѣдуемыя языкомъ, и средства, при помощи которыхъ достигаются эти цѣли. Разъяснивъ далѣе слушателямъ, что языкъ есть не фактъ, а дѣятельность, направленная къ претворенію матеріи звуковъ для цѣлей мысли и что въ разныхъ языкахъ цѣли эти достигаются различными путями, опредѣляя національный ихъ характеръ, профессоръ вывелъ отсюда положеніе, что языкознаніе націоналистично, и что нашею цѣлью должно быть изученіе особенностей уложенія мыслей въ русскомъ языкѣ.

Выставляя общія положенія въ началѣ курса, А. А. не предрѣшалъ никакихъ общихъ или спеціальныхъ вопросовъ русскаго языкознанія, но настраивалъ только слушателей на извѣстный ладъ и возбуждалъ высокій интересъ къ своему предмету. Перспектива будущаго курса смутно рисовалась въ нашемъ воображеніи, и благодаря отсутствію апріорнаго распредѣленія была въ высшей степени заманчива. Намъ давались въ руки какъ бы нити, которыя должны были войти въ основу развертываемой ткани.

А. А. собственно не читалъ лекцій, а бесѣдовалъ. Какъ-то разъ въ началѣ курса по теоріи поэзіи А. А. высказалъ свой взглядъ на то, какъ слѣдовало бы собственно читать лекціи. По его мнѣнію, лучшій способъ преподаванія—бесѣда, и онъ былъ противъ монологическаго чтенія съ каѳедры, какъ чего-то искус-

ственнаго, неестественнаго, несоотвѣтствующаго самой сущност: дѣла. Но собесѣдованіе возможно лишь при умѣньи ставить во просы и давать на нихъ отвѣты, не уклоняясь отъ предмета курса Любимой манерой изложенія А. А. и былъ діалогъ, вся рѣчь ег состояла изъ чередующихся вопросовъ и отвѣтовъ. Нерѣдко от естественнаго въ своей рѣчи діалога онъ переходилъ къ настояще бесѣдѣ и предлагалъ вопросы слушателямъ, что дѣлалось въ тѣх случаяхъ, когда они изъ запаса предыдущихъ чтеній или на осно ваніи только что сдѣланнаго анализа факта могли уже дать тре буемый отвѣтъ. Такіе вопросы дѣлались иногда и съ очевидно: цѣлью провѣрить пониманіе слушателей. Потебня былъ глубокі психологъ, а потому и замѣчательный учитель. Ему были х рошо извѣстны и слабости ученической души и законы чело вѣческаго пониманія. Наблюденія надъ языкомъ выработали в немъ убѣжденіе, что передать свою мысль не только трудно, н положительно невозможно, что объективируя свою мысль въ словѣ можно лишь возбуждать въ другомъ рядъ его собственныхъ мыслей, онъ нерѣдко говаривалъ, что «всякое пониманіе есть въ то же врем и непониманіе», т.-е. пониманіе по своему. Потебня не упускал изъ виду измѣнчивости человѣческой мысли, и всѣ силы свои, к залось намъ, напрягалъ не на переворотъ въ нашемъ сознаніи, н на внесеніе чего-то новаго, а на измѣненіе лишь точки зрѣнія н вещи. И онъ достигалъ своихъ цѣлей. Мы навсегда разстались с прежними наивными понятіями о русской грамматикѣ; межд нашими воззрѣніями въ началѣ курса и въ концѣ его лежала у цѣлая пропасть.

Не скажу, чтобы мы все понимали хорошо и безъ труда; мн гое мы разбирали съ большими усиліями; но эти усилія не ост вались такъ безплодны, какъ во время перваго чтенія печатны «Записокъ по русской грамматикѣ».

Обобщенія, которыя давалъ профессоръ въ своихъ лекціях можно раздѣлить на два разряда. Одни изъ нихъ предпосылали рассматриваемымъ явленіямъ языка и составляли какъ бы лѣ для дальнѣйшей постройки. О точности такихъ обобщеній Потебн не заботился, тѣмъ болѣе что они отпадали потомъ, когда анали фактовъ выдвигалъ рядъ новыхъ опредѣленій. Къ другому разря обобщеній можно отнести тѣ итоги, которые подводились заранѣ къ каждой группѣ фактовъ и только усиливали внутреннее их значеніе, философское, культурное и нравственное.

Когда дѣло шло объ особенностяхъ какого-нибудь факта, отл чающихъ его отъ другихъ однородныхъ съ нимъ, професcор всегда заботливо указывалъ ихъ, не упуская ни малѣйшаго оттѣн

чуть-чуть уловимаго. Съ каждымъ частнымъ фактомъ связывалось небольшое обобщеніе, какъ необходимая его оправа; это была такъ сказать надпись, указывающая мѣсто даннаго факта въ ряду предыдущихъ и послѣдующихъ. Иногда обобщеніе давалось широкое, но оно находилось въ такой тѣсной связи съ примѣромъ, что его нельзя было оторвать отъ послѣдняго, не лишивъ настоящаго его смысла. Такія обобщенія, связанныя съ представленіемъ частнаго, отличались нерѣдко замѣчательною поэтическою прелестью: это были настоящіе образы. Обобщенія Потебни нельзя повѣсить на любую вѣшалку: такъ крѣпка и очевидна была связь ихъ съ конкретнымъ содержаніемъ; она не доказывалась логическимъ умозаключеніемъ, не нуждалась въ немъ; усилій мысли никакихъ не требовалось, ибо конкретное давалось обыкновенно впередъ и намозоливало, по его выраженію, нашъ мозгъ. Эта связь являлась психической необходимостью, была естественнымъ результатомъ ритмическаго процесса мысли и строилась на аксіомѣ недоказуемой, аксіомѣ внутренней правды человѣческой.

Приводя цѣлыя груды примѣровъ, объединенныхъ общими положеніями или типичными образцами, по методу санскритскихъ грамматиковъ (этотъ пріемъ онъ высоко ставилъ), Потебня всегда занималъ по отношенію къ нимъ положеніе посторонняго наблюдателя. Примѣры объяснялись примѣрами же. Въ тѣхъ случаяхъ, когда недоставало соотвѣтствующей иллюстраціи изъ памятниковъ и приходилось высказывать свою догадку или рѣшать спорный въ какомъ бы то ни было отношеніи вопросъ, онъ любилъ оговариваться, что можетъ быть и его мнѣніе ошибочно, что лѣса, которыми онъ окружилъ себя, не позволяютъ ему видѣть вещи въ ихъ настоящемъ свѣтѣ, не допускаютъ другого пониманія. «У каждаго человѣка на носу свои очки, говорилъ нерѣдко покойный; у однихъ они лучше, у другихъ—хуже»... Онъ держался всегда на высотѣ объективнаго отношенія къ изслѣдуемымъ явленіямъ, не считалъ себя непогрѣшимымъ и вообще «смотрѣлъ, по Гетевскому выраженію, въ вѣка».

Увлекаясь анализомъ типичнаго заблужденія или какого нибудь характернаго оборота рѣчи, въ его отношеніи къ мысли, профессоръ нерѣдко прерывалъ чтеніе лекцій рядомъ общихъ замѣчаній, выясняющихъ важное значеніе разсмотрѣнныхъ явленій. Эти перерывы мы называли про себя «лирическими отступленіями». Въ нихъ всего ярче выражалось міросозерцаніе профессора, причемъ онъ доходилъ до высшихъ философскихъ обобщеній. Приведу примѣръ. Читая отдѣлы изъ того третьяго тома своихъ «Записокъ», который теперь готовится къ печати, послѣ длиннаго перечня фактовъ,

указывающихъ на увеличеніе противоположности между глаголомъ и именемъ, на усиленіе именного характера языка по направленію къ прошедшему и глагольнаго по направленію къ настоящему, на торжество глагольной отвлеченности надъ именною конкретностью, на постепенное вытѣсненіе т. наз. мнимыхъ субстанцій изъ рѣчи и изъ мысли, Потебня подробно остановился на парныхъ именныхъ сочетаніяхъ и на безсубъектныхъ выраженіяхъ. Примѣры сыпались за примѣрами, другъ друга поясняющими. И вотъ тутъ-то среди сухого анализа фактовъ появлялись общія замѣчанія, освѣщавшія длинную ихъ вереницу.

«Знанія имѣютъ-де формы, которыя зависятъ отъ формъ языка, образующихъ и образуемыхъ; таковы слово, предложеніе, часть рѣчи... Съ измѣненіемъ грамматическихъ разрядовъ измѣняются-де и разряды мысли. Возьмемъ самыя широкія обобщенія, какъ сила, вещь, субстанція, составляющія все содержаніе наукъ. Вещь—это совокупность (complexus) признаковъ, которую мы принуждены по необходимости разсматривать отдѣльно отъ другихъ вещей. Чувство единства объединяетъ эту множественность признаковъ, связь между которыми въ силу этого именно чувства—больше, чѣмъ съ другими комплексами признаковъ. Силою мы называемъ свойство вещи, которое познаемъ по отраженію его на другихъ предметахъ или то, въ чемъ сказывается связь между данною вещью и другими вещами. Частное обнаруженіе силы есть дѣйствіе, страданіе или сила въ собственномъ смыслѣ; свойство же вещи, независимо отъ вліянія на другіе предметы, есть состояніе. Субстанціей вещи мы называемъ то въ ней, что далѣе неразложимо на силы, безусловно или временно, и что мы представляемъ себѣ первичнымъ носителемъ этихъ силъ. Такъ какъ всякое познаніе есть анализъ, разложеніе, то слѣдовательно познаваемы только силы, разложимое; но мы принуждены эти силы относить къ субстанціи; физики и химики—къ атомамъ, собирательное имя которыхъ—вещество, матерія. Если же такою дробностью мысль не удовлетворяется, если совокупность силъ разсматривается какъ единица, міръ, и если мысль эту единицу, состоящую изъ силъ, относитъ къ одной верховной субстанціи, дальше которой она не идетъ, то эту верховную субстанцію мы называемъ Богомъ; ибо нѣтъ силы безъ субстанціи, и наоборотъ. Субстанція и явленіе, вещество и сила, Богъ и міръ—все это такія же пары, какъ подлежащее и сказуемое, опредѣляемое и аттрибутъ. Выраженія: «Богъ создалъ міръ», «вещество источаетъ силу», и цѣлый рядъ подобныхъ имъ представляютъ точную копію выраженія—«я и мое дѣйствіе». Сама верховная субстанція на языкѣ человѣче-

своимъ иначе не познается, какъ по образцу этого я. Антропоморфизмъ не есть первая преходящая ступень человѣческой мысли: онъ остается и на вершинахъ отвлеченія, отражаясь и въ высочайшихъ явленіяхъ духа. Другими словами, въ своемъ стремленіи познавать человѣкъ не можетъ иначе думать, чѣмъ по-человѣчески».

«Какъ себя мы познаемъ по своимъ дѣйствіямъ, такъ подлежащія: Богъ, вещество, субстанція познаваемы лишь настолько, насколько они замѣщаются своими сказуемыми—міръ, сила, явленія. Сами по себѣ эти подлежащія стоятъ за предѣлами незнанія, трансцедентальны... Достойна умиленія наивность нѣкоторыхъ ученыхъ, утверждающихъ, что объектъ ихъ изслѣдованія—матерія, субстанція, сущность, которую они берутъ голыми руками. Это наивность дикаря! Никто не можетъ отказаться отъ своей природы, отъ формъ мысли, воспринятыхъ по традиціи. Мы не можемъ поэтому думать безъ субъекта и предиката, хотя такая человѣкообразность мысли подлежитъ измѣненію... Надъ этимъ измѣненіемъ работаютъ не только записные мыслители, но и безыменная масса народная, которую можно представить себѣ въ видѣ философа, работающаго тысячелѣтія.

«Ходъ человѣческой мысли состоитъ изъ парныхъ толчковъ, подобныхъ парнымъ ударамъ маятника; въ ея движеніи—постоянное чередованіе объясняемаго и объясняющаго, вопроса и отвѣта, подлежащаго и сказуемаго, по образу и подобію которыхъ созданы и такія пары отвлеченій, какъ субстанція и сила. Наша мысль движется вѣчно въ категоріяхъ психологическаго подлежащаго и сказуемаго, и въ этомъ ритмическомъ міровомъ процессѣ ея развитія постоянно измѣняются грамматическіе разряды, рядомъ съ философскими категоріями»...

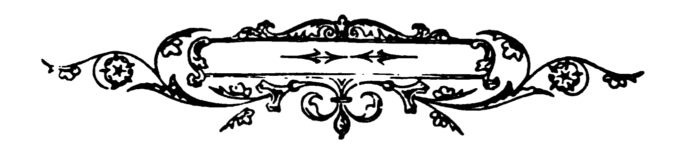
Такія лекціи были для насъ глубоко обдуманнною проповѣдью о томъ, откуда и куда мы идемъ, какъ однажды замѣтилъ самъ Потебня въ концѣ одного изъ своихъ курсовъ. Отъ парныхъ аттрибутивныхъ сочетаній мы переходили къ синтезу и анализу, поэзіи и наукѣ, и во всемъ намъ чудилось это грандіозное, волнообразное теченіе мысли человѣческой, во всемъ мы видѣли ритмъ, этотъ міровой, всеобщій элементъ. Научныя классификаціи, стройныя системы—все указывало на неизбѣжное присутствіе ритмической закономѣрности, которая отмѣчена Потебнею и въ процессѣ образованія понятій. Самъ Потебня никогда не высказывался опредѣленно о явленіяхъ психическаго ритма, но его лекціи давали прямое указаніе на нихъ. Намъ казалось, что вопросы о чистотѣ языка, о національности, обусловливающей стройное гармоническое развитіе мысли, замѣчанія его о вредномъ вліяніи изученія

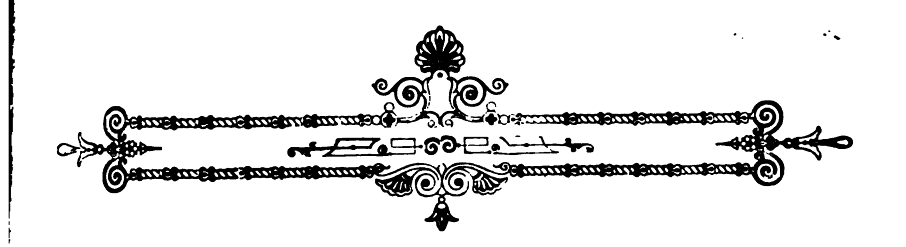
нѣсколькихъ языковъ за-разъ въ дѣтствѣ, находились въ тѣсной связи съ указаннымъ широкимъ обобщеніемъ.

Въ матеріалахъ, оставшихся послѣ покойнаго, найдется несомнѣнно много такихъ драгоцѣнныхъ замѣтокъ, хотя напередъ можно сказать, что многое изъ того, что онъ говорилъ и думалъ, не заносилось имъ самимъ на бумагу. На лекціяхъ, въ домашнихъ бесѣдахъ на вечерахъ онъ высказывалъ часто замѣчательныя истины. Еслибы возможно было собрать всѣ эти разговоры, то получилось бы нѣчто въ родѣ «Разговоровъ Гёте», записанныхъ Эккерманомъ, съ тою только разницей, что мысли Потебни объ искусствѣ, поэзіи, народности, нравственныхъ принципахъ были точнѣе, опредѣленнѣе, научнѣе гётевскихъ.

Харьковъ **В. Харціевъ**

(Окончаніе слѣдуетъ)





КЪ ВОПРОСУ
О ВСЕСЛАВЯНСКОЙ СИСТЕМѢ СТЕНОГРАФІИ

Въ 1891 г. состоялся въ Прагѣ IV съѣздъ чешскихъ стенографовъ, съ которымъ былъ соединенъ и съѣздъ славянскихъ стенографовъ, привлекшій представителей всѣхъ славянскихъ народностей, за исключеніемъ русскихъ. Постановленія этого съѣзда, равно какъ и постановленія III-го чешскаго съѣзда (въ моравскомъ г. Бернѣ [Brno] 1888 г.), по значенію своему, далеко выступая изъ границъ спеціальныхъ сферъ, заслуживаютъ вниманія болѣе широкихъ общественныхъ круговъ, а потому да будетъ намъ позволено распространиться о нихъ здѣсь нѣсколько подробнѣе.

Извѣстно, какой ложный взглядъ на стенографію, ея сущность и ея задачи въ культурной жизни народовъ господствуетъ еще въ большей части нашего общества. По этому взгляду стенографія служитъ исключительно для цѣлей скорописанія, а потому имѣетъ-де значеніе только для парламентовъ, судовъ и публичныхъ собраній, такъ что стенографовъ можно-де поставить на одну доску съ канцелярскими писцами. Въ доказательство распространенности такого взгляда мы можемъ сослаться на изреченія извѣстнѣйшихъ современныхъ политиковъ, писателей и ученыхъ о стенографіи, обнародованныя недавно въ одномъ вѣнскомъ стенографическомъ журналѣ. Такъ напр. Жюль Симонъ говоритъ о ней слѣдующее: «Стенографія должна быть весьма труднымъ искусствомъ: съ помощью сокращеній скоро писать не трудно, но прочитать то, что такимъ образомъ написано, вновь построить фразу, привести ее въ логическій порядокъ, выбрать между двумя синонимами, означенными тѣмъ же знакомъ, тотъ, который вѣрнѣе передаетъ мысль оратора, это—искусство и притомъ великое!» Вотъ классическое опредѣленіе того, что не есть современная стенографія.

Никакая стенографія не состоитъ изъ особыхъ знаковъ для каждаго слова, подобно китайскому письму. Каждая изъ современныхъ ея системъ построена на тѣхъ же основаніяхъ, что и обыкновен-

ное письмо: она состоитъ изъ буквъ, соединяющихся между собой въ слоги и слова. Вообще не существуетъ единой стенографіи, а есть множество разныхъ системъ, и эта разность проявляется не только въ азбукѣ, но и въ правилахъ о соединеніи знаковъ между собой, о способахъ сокращенія и т. п. А стремленія современныхъ спеціалистовъ клонятся къ тому, чтобы этихъ правилъ было какъ можно менѣе, чтобы система была въ своемъ строеніи какъ можно проще, легко бы усваивалась: короче, это — стремленіе къ «популяризаціи» стенографіи. Правда, иные энтузіасты идутъ ужъ слишкомъ далеко въ этомъ стремленіи, провозглашая стенографію «письмомъ будущаго», призваннымъ совсѣмъ вытѣснить обычное письмо изъ общаго употребленія. Но это другая крайность, противоположная взгляду Жюля Симона. Истина и здѣсь, какъ всюду, посерединѣ.

Стоитъ привести примѣры изъ другихъ областей человѣческаго прогресса. Старѣйшее искусственное средство сообщенія—повозка—не устранило употребленія естественнаго орудія, ногъ человѣка и животныхъ; желѣзная дорога не устранила экипажа. Писаніе писемъ не сдѣлало излишнею человѣческую рѣчь и устное объясненіе; мы пишемъ письма и вмѣстѣ съ тѣмъ посылаемъ устныя распоряженія. Почта не уничтожила экстренныхъ посыльныхъ, телеграфъ не уничтожилъ почты, но дополнилъ ее. Все тутъ имѣетъ опредѣленныя границы, въ предѣлахъ которыхъ выполняетъ свою роль, все взаимно другъ друга дополняетъ.

Такъ и со стенографіей. Это лишь быстрѣйшій способъ письма, какъ желѣзная дорога—болѣе быстрое средство сообщенія, чѣмъ повозка, а телеграфъ—болѣе быстрое средство сношеній, чѣмъ почта. И стенографія не устраняетъ обыкновеннаго письма, но дополняетъ его повсюду тамъ, гдѣ есть потребность въ болѣе скоромъ и краткомъ письмѣ; кто такой потребности не будетъ имѣть, останется при обычномъ письмѣ. Если же стенографія не устраняетъ этого послѣдняго, то съ другой стороны не можетъ быть и рѣчи о томъ, чтобы она сама могла быть когда либо устранена эдиссоновымъ фонографомъ, или безчисленными пишущими приборами, распространенными нынѣ особенно въ Америкѣ. И эти аппараты будутъ исполнять свою дѣйствительно отличную службу рядомъ со стенографіей, какъ эта послѣдняя—наряду съ обычнымъ письмомъ, ибо никто не можетъ носить въ карманѣ такихъ приборовъ, подобно своему карандашу и записной книжкѣ. А всетаки и это предсказаніе объ опасномъ соперничествѣ подобныхъ машинъ для стенографіи серьезно повторяется, какъ доказываютъ изреченія Ив. Чепеллини (изъ Болоньи) и Л. Пальміери (изъ Неаполя) въ вышеназванномъ сборникѣ.

Итакъ мы видимъ, что стенографія не должна быть исключительнымъ достояніемъ парламентскихъ и судебныхъ стенографовъ; она должна быть доступна каждому, кто нуждается въ такомъ быстрѣйшемъ и сокращенномъ письмѣ. Эти стремленія къ популяризаціи стенографіи нынѣ обнаруживаются все болѣе и болѣе въ западной Европѣ и ведутъ за собой изобрѣтеніе и построеніе все новыхъ стенографическихъ системъ, изъ которыхъ каждая желаетъ быть лучше и проще другихъ, а также способнѣе «стать духовнымъ достояніемъ всего народа».

И у славянскихъ стенографовъ замѣтно нынѣ сильное движеніе въ этомъ направленіи. Оно получило опредѣленное выраженіе именно на обоихъ съѣздахъ, о которыхъ была рѣчь выше. Но кромѣ того здѣсь играетъ роль еще другая идея, высшаго порядка,—идея единаго письма всеславянскаго. Чешскіе стенографы высказали убѣжденіе, что вопросъ объ единомъ славянскомъ письмѣ можетъ быть разрѣшенъ только путемъ стенографіи, а на послѣднемъ пражскомъ съѣздѣ къ этому мнѣнію присоединились и представители прочихъ славянскихъ народностей.

Для выясненія того, какъ представляютъ себѣ осуществленіе этой мысли чешскіе стенографы, всего лучше привести относящіяся сюда мѣста изъ ихъ статей и рѣчей.

Предсѣдатель IV-го съѣзда чешскихъ стенографовъ и I-го съѣзда славянскихъ ст. Іосифъ Дюрихъ говоритъ слѣдующее въ своемъ рефератѣ по вопросу: «Какъ поощрять взаимныя сношенія между славянскими стенографами?» «Идея славянской взаимности, которая несомнѣнно въ сильной мѣрѣ способствовала возрожденію чешскаго народа, обнаруживалась въ разные періоды нашего общественнаго бытія несъ одинаковымъ напряженіемъ,—то выплывая на поверхность умственной жизни, то снова пропадая подъ нею. И если пожалуй самыми могущественными ея проявленіями (по крайней мѣрѣ у насъ въ Чехіи) были «Дочь Славы» Коллара — въ литературной области, славянскій же съѣздъ въ Прагѣ въ 1848 г.—въ политической, то можно отмѣтить періоды, когда, казалось, она значительно отступала на задній планъ, даже какъ-бы совсѣмъ исчезала.

«Такъ почти было съ этой идеей и въ нашемъ узкомъ кругу, въ средѣ чешско-славянскихъ стенографовъ, хотя все же слѣдуетъ признать, что здѣсь эта идея никогда вполнѣ не угасала и что она дѣйствовала, когда о ней и не говорили, часто невольно, стихійною силой, и что она въ концѣ концовъ нашла себѣ самое рѣшительное выраженіе на бернскомъ стенографическомъ съѣздѣ.

«Изъ исторіи стенографіи въ Чехіи достаточно извѣстно, что

въ эпоху Гегра (Heger) столь живой интересъ къ ней возбудила вовсе не настоятельная потребность, какъ это было у другихъ народовъ, а единственно идея славянской взаимности, сплотившая вокругъ этого «апостола стенографіи» цвѣтъ нашего тогдашняго патріотическаго общества. Едва лишь первыя свѣдѣнія о стенографіи стали проникать въ славянскіе круги, а Гегеръ началъ въ 1845 г. свое преподаваніе ея перевода, какъ Ф. Шумовскій уже успѣлъ дать выраженіе этой идеѣ памятными словами: «Это письмо соединитъ когда нибудь насъ, славянъ». Эта мысль была основной идеей перваго труда Гегра, первой практической попыткой осуществленія выраженной Шумовскимъ надежды, и съ той поры болѣе или менѣе опредѣленно высказывалась и считалась неоспоримой.

«Однако дѣйствительность не оправдала этой надежды. Это была именно та почва, изъ которой у другихъ народовъ возникаютъ хорошія стенографическія системы, намъ же, славянамъ, она мало послужила въ смыслѣ единства письма. На Западѣ быстрое развитіе парламентаризма, а въ Россіи при имп. Александрѣ II почти одновременное и быстрое введеніе судебной реформы съ характеромъ гласности требовало неотложнаго удовлетворенія настоятельной нужды, т. е. введенія какой бы то ни было системы, лишь бы она удовлетворяла условіямъ скорописи. Это было причиной, что стремленіе къ единому общему письму до сихъ поръ не осуществилось и что славяне въ этомъ отношеніи нынѣ гораздо болѣе разрознены, чѣмъ въ обыкновенномъ письмѣ. Каждая славянская народность старалась лишь о томъ, чтобы удовлетворить минутной настоятельной потребности въ стенографическомъ письмѣ и пріобрѣсти себѣ возможно скорѣе подходящую систему стенографіи, имѣя въ виду лишь эту парламентскую потребность и исключительно примѣняя ее къ своему языку.

«Если же, несмотря на все то, что до сихъ поръ говорилось и писалось въ средѣ стенографовъ (по крайней мѣрѣ у насъ, въ Чехіи) о необходимости единаго стенографическаго письма для всѣхъ славянъ, мы въ этомъ дѣлѣ не сдѣлали ни шагу впередъ, то это только слѣдствіе закона косности матеріальной и духовной!»...

Неоспоримою заслугой бернскаго съѣзда является то, что на немъ не только выражено желаніе, но и указаны пути, какими можно бы достигнуть единаго всеславянскаго письма, что наконецъ отъ идеаловъ и пожеланій мы перешли къ рѣшительнымъ и конкретнымъ попыткамъ разрѣшенія вопроса.

Въ дополненіе къ сказанному приведемъ еще выдержку изъ ст.

того же Дюрнха, помѣщенной въ Календарѣ чешскихъ стенографовъ на 1889 г.» (стр. 9) подъ заглавіемъ: Задачи славянской стенографіи: «Послѣднимъ съѣздомъ чешскихъ стенографовъ въ Бернѣ намѣчена была новая задача стенографіи, — задача, еще во времена Гегра предносившаяся мысленно его ученикамъ, на которую указывали также переводчики «Чешской стенографіи» въ началѣ 60-хъ годовъ, но къ осуществленію которой не было однако до сихъ поръ сдѣлано столь серьезныхъ и рѣшительныхъ шаговъ, какъ на бернскомъ съѣздѣ.

«Усердные и одушевленные приверженцы нѣмецкихъ школъ почитали своею первѣйшею обязанностью способствовать распространенію труда того или другого нѣмецкаго автора переводомъ его системы на тотъ или другой славянскій языкъ—какъ можно ближе къ подлиннику, чтобы такимъ образомъ догматъ объ универсальности нѣмецкой стенографіи нашелъ себѣ убѣдительное подтвержденіе. Очевидно, что при этомъ страдала славянская идея, и само собой разумѣется, что ничего подобнаго не можетъ быть задачей славянской стенографіи. Вполнѣ опредѣленное и ясное убѣжденіе въ томъ выражено было III-мъ съѣздомъ чешскихъ стенографовъ. Тому, кто сколько нибудь знакомъ со славянскими нарѣчіями, совершенно ясно, что стенографическая система, которая во всемъ соотвѣтствовала бы звуковымъ требованіямъ какого бы то ни было славянскаго языка, въ основѣ своей была бы славянскою, и что немного потребовалось бы измѣненій и поправокъ, чтобы составить хорошіе переводы съ нея на другіе славянскіе языки.

«Но бернскій съѣздъ пошелъ въ этомъ отношеніи далѣе, высказавъ принципъ, что первоначально слѣдуетъ имѣть въ виду не одно какое-либо славянское нарѣчіе, напр. чешское, а въ одинаковой мѣрѣ всѣ славянскія нарѣчія, такъ чтобы вообще не было никакихъ переводовъ, но чтобы будущая наша система была столько же чешскою, сколько польскою, русскою, сербскою etc., однимъ словомъ была бы системой всеславянскою.

«Вотъ слѣдовательно новая задача, намѣченная бернскимъ съѣздомъ стенографовъ для славянъ: задача письменнаго объединенія всего славянства при помощи стенографіи. Придя далѣе къ убѣжденію, что единичныя чужія, именно нѣмецкія системы сами по себѣ не представляютъ достаточной основы для такого построенія, съѣздъ провозгласилъ принципъ, что такая всеславянская система должна быть системою оригинальною. Тутъ слѣдуетъ поставить вопросъ: въ чемъ заключается идеалъ всеславянской стенографіи?

«Какъ сказано, въ принципѣ на это уже отвѣчало II-е постановленіе бернскаго съѣзда, требущее, чтобы всеславянская стенографія строго удовлетворяла во всемъ звуковымъ требованіямъ славянскихъ языковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ стирала бы разности отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій.

«Первое условіе само собой понятно и естественнымъ путемъ приводитъ ко второму. Общеславянское письмо должно быть стенографическимъ, ибо имъ только и можетъ быть. Реформа обыкновеннаго письма въ этомъ объединительномъ смыслѣ врядъ-ли возможна, вслѣдствіе распространенности различныхъ правописаній. Пришлось бы преобразовать всю народную школу, какъ скоро мы захотѣли бы сдвинуть единую букву, единый камушекъ въ старомъ зданіи исторической азбуки...

«Иначе обстоитъ дѣло со стенографическимъ письмомъ. Стенографія находится до сихъ поръ въ эпохѣ своего дѣтства даже у народовъ далеко ушедшихъ въ этомъ дѣлѣ, у которыхъ господствуетъ и нынѣ общее стремленіе къ ея популяризаціи; у насъ же, славянъ, она еще совершенно въ пеленкахъ, хотя мать ея — парламентская практика—вскармливаетъ ее уже цѣлую четверть вѣка. Реформѣ, притомъ обдуманной и постепенной, тутъ ничто не препятствуетъ».

На поставленный на бернскомъ съѣздѣ 1888 г. вопросъ: «Годятся ли вообще для славянскихъ языковъ чужія стенографическія системы и какимъ путемъ можно бы создать оригинальную славянскую систему?» тотъ же чешскій спеціалистъ г. Дюрихъ далъ отрицательный отвѣтъ, причемъ онъ закончилъ свою рѣчь такими словами, встрѣченными общимъ сочувствіемъ: «Мы пришли къ выводу, что нѣмецкія стенографическія системы не представляютъ такого матеріала, на основаніи котораго можно было бы построить систему, отвѣчающую всѣмъ звуковымъ требованіямъ славянскихъ нарѣчій вообще и чешскаго въ особенности, и что необходимо въ этомъ отношеніи стать на совершенно самостоятельную почву. Однакожъ эта самостоятельная система не можетъ отрѣшиться отъ результатовъ, достигнутыхъ донынѣ трудами въ области стенографіи у нѣмцевъ и другихъ народовъ втеченіе послѣднихъ лѣтъ. Существуетъ большая разница между простымъ переводомъ (примѣненіемъ) какой либо системы и научною переработкою результатовъ труда различныхъ иностранныхъ авторовъ для нашей спеціальной цѣли...

«То, что установлено самой природой, какъ языкъ и литера-

тура, не можетъ быть измѣнено искусственно. Слѣд. если мы желаемъ духовнаго объединенія славянъ, то должны работать въ томъ направленіи, въ которомъ можно чего-либо достигнуть искусственнымъ путемъ и гдѣ такой путь возможенъ. А возможенъ онъ именно въ нашей области, стенографіи. Стенографія не есть явленіе, создавшееся само собой. Она есть искусство, которое возникло въ геніальной головѣ изобрѣтателя. Въ этомъ—главная, характерная черта ея сущности, и я полагаю, что мы должны продолжать итти въ томъ же направленіи и что этимъ путемъ собственнаго творчества мы можемъ и должны создать единое славянское письмо для разныхъ славянскихъ народовъ».

Въ томъ же смыслѣ высказался на бернскомъ съѣздѣ и другой референтъ, проф. Ант. Крондль. Ихъ выводы были единогласно приняты и съѣздъ одобрилъ резолюціи, представленныя обоими референтами, гдѣ между прочимъ сказано:

«Съѣздъ считаетъ всѣ извѣстные до сихъ поръ переводы чужихъ системъ на славянскія нарѣчія—лишь палліативными средствами къ достиженію цѣли скорописанія и признаетъ потребность въ оригинальной славянской системѣ, которая:

а) опираясь на пріобрѣтенномъ опытѣ въ дѣлѣ стенографіи у всѣхъ образованныхъ народовъ, не зависѣла бы рабски отъ построеній того или другого автора;

б) соотвѣтствуя всѣмъ строго-фонетическимъ потребностямъ славянскихъ языковъ, вытекала бы изъ ихъ духа, и

в) стирая въ то же время различія отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій, разрѣшила бы вопросъ объ единомъ славянскомъ письмѣ или хотя бы существенно содѣйствовала его разрѣшенію.

«Самымъ удобнымъ путемъ для выработки оригинальной славянской системы, съѣздъ признаетъ въ настоящее время слѣдующее:

а) должна быть допущена свобода разработки и попытокъ составленія самостоятельной общеславянской стенографіи;

б) стенографическимъ журналамъ рекомендуется не закрывать своихъ страницъ для такихъ теоретическихъ и практическихъ студій, но охотно давать имъ у себя мѣсто, насколько такія работы будутъ заслуживать какого-либо вниманія;

в) рекомендуется вообще дѣлать приготовленія къ тому, чтобы слѣдующій съѣздъ чешскихъ стенографовъ могъ сдѣлать болѣе конкретные шаги къ осуществленію этой идеи.

Результатъ этихъ постановленій обнаружился въ стенографической журналистикѣ, занимавшейся съ тѣхъ поръ постоянно этимъ вопросомъ. Проф. Крондль обнародовалъ въ бернскомъ журналѣ «Těsnop. Věstnik» свою работу о новой чешской системѣ; проф. Го-

ласъ (Holas) напечаталъ такую же работу; кромѣ того приготовлены въ рукописи еще подобные же труды для слѣдующаго съѣзда.

Этотъ, уже 4-й чешскій съѣздъ происходилъ въ Прагѣ 15 и 16 августа 1891 года. Съ нимъ былъ соединенъ, согласно общему направленію бернскихъ постановленій и желанію, выраженному болгарскими стенографами, первый съѣздъ славянскихъ стенографовъ. На этомъ съѣздѣ присутствовали представители всѣхъ славянскихъ народностей, кромѣ русскихъ. Главные пункты, которыхъ касались занятія съѣзда, заключались въ проведеніи бернскихъ постановленій, единогласно принятыхъ и прочими славянскими стенографами, которые держались до сихъ поръ нѣмецкой системы, въ лицѣ проф. Безеншека изъ Пловдива, Дико Іовева и Константинова изъ Софіи и проч. Позднѣе къ этому примкнулъ проф. Магдичъ изъ Загреба.

Этотъ поворотъ въ настроеніи славянскихъ стенографовъ представляетъ и еще одну интересную сторону. Приверженцы той или другой стенографической системы, особенно въ Германіи *, держатся ея съ фанатическою почти страстью и съ такимъ же фанатизмомъ ненавидятъ всякую другую систему, образуя такимъ образомъ какъ бы особыя стенографическія исповѣданія. Тотъ, кто переходитъ изъ одного лагеря въ другой, провозглашается еретикомъ. Долго было такъ и у славянъ. Если же теперь насталъ столь радикальный поворотъ, то конечно онъ имѣетъ свою причину и корень въ твердомъ убѣжденіи. Глубина его опредѣляется тѣмъ, что этотъ поворотъ произошелъ въ умахъ не новичковъ въ стенографіи, а старыхъ, опытныхъ, долголѣтнихъ практиковъ, педагоговъ, теоретиковъ, которые втеченіе многихъ лѣтъ были преданы и до-нынѣ всей душой любятъ свое искусство, но въ которыхъ нынѣ одержала верхъ любовь къ идеѣ славянской взаимности!

Постановленія этого перваго съѣзда сводятся къ слѣдующему:

1) Избранъ особый научно-стенографическій комитетъ («vědecký sbor těsnopisný»), которому поручено разобрать всѣ новыя стенографическія системы и составить о томъ докладъ къ слѣдующему съѣзду. На первый случай ему были рекомендованы труды Габы, Холаса, Крондля, Плихала (словинскій трудъ), Полинскаго (галицко-русскій), Рудановскаго изъ Кіева (русскій), Сухецкаго (польскій), проф. Шерцля изъ Одессы (русскій) и Зупана (словинскій); однакожъ комитетъ долженъ разсмотрѣть и другія работы, каковыя быть можетъ будутъ представлены ему позднѣе.

* См. объ этомъ Hermann Schmitt, Das kaufmannische Fortbil dungschulwesen Deutschlands.

Въ этотъ комитетъ избраны: Іос. Дюрихъ, окружный староста и бывшій депутатъ въ рейхсратѣ, проф. д-ръ Героутъ (Herout), проф. Ноль, директоръ педагогическаго института Ант. Кройдль, стенографъ-практикъ Іос. Крондль, проф. І. От. Пражакъ, проф. Вяч. Старый и проф. Ѳома Шилепый. Комитетъ отъ себя привлекъ еще въ свой составъ: гг. Безеншека изъ Пловдива, стенографа-практика Іос. Полинскаго изъ Львова, проф. Фр. Магдича изъ Загреба, инженера Миросл. Сухецкаго изъ Вѣны и проф. Шерцля изъ Одессы. Предсѣдателемъ комитета избранъ проф. Пражакъ, его замѣстителемъ директоръ Кондль, секретаремъ Іос. Кондль.

2) Съѣздъ выразилъ желаніе, чтобы славянскіе стенографы поддерживали между собой письменныя сношенія, и чтобы съ тою же цѣлью издавался журналъ, который печаталъ бы статьи на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, на какихъ онѣ будутъ присылаться въ редакцію, а современемъ чтобы издавался статистическій ежегодникъ славянскихъ стенографовъ.

Итакъ результаты этихъ двухъ съѣздовъ въ смыслѣ практическаго осуществленія славянской взаимности весьма важны, ибо имѣютъ въ виду созданіе всеславянскаго письма путемъ составленія славянской стенографіи. Мы еще не можемъ конечно сказать, какова будетъ эта ожидаемая всеславянская стенографія. Быть можетъ «научно-стенографическій комитетъ» выберетъ какую-либо изъ представленныхъ работъ и рекомендуетъ ее для общаго признанія будущему общеславянскому съѣзду, или онъ будетъ уполномоченъ самъ составить систему, на основаніи представленныхъ опытовъ, воспользовавшись ихъ лучшими идеями, систему, которая затѣмъ была бы признана всеславянскою, подобно тому какъ это было сдѣлано въ Прагѣ въ 1862 г., когда конкурсъ на лучшій переводъ какой-либо нѣмецкой системы остался безъ результата, особая же комисія выработала сама такой переводъ, который до-нынѣ употребляется въ Чехіи.

Но какъ бы это дѣло ни рѣшилось, мы съ точки зрѣнія практической взаимности славянской самымъ горячимъ образомъ привѣтствуемъ постановленіе съѣзда.

Для Россіи же онъ нынѣ имѣетъ особенную важность еще потому, что теперь въ ней поставленъ на очереди вопросъ о преподаваніи стенографіи въ среднихъ школахъ. При выборѣ системы этого преподаванія желательно бы подождать до той поры, когда славянскіе стенографы опредѣленно рѣшатъ вопросъ объ общеславянской стенографіи.

Д.

Политическія стремленія нѣмцевъ. Противодѣйствіе со стороны народностей, особенно славянскихъ, отчасти и романскихъ. Двадцатипятилѣтіе мадьяризма; его отношеніе къ германизму. Отношенія русsконѣмецкія и русскофранцузскія. Съѣзды соколовъ въ Нанси и Львовѣ. Регуляція валюты. Прибрамская катастрофа Безпорядки въ Лодзи. Волынскій юбилей. Армянскій католикосъ. Общество Коменскаго. Реформа галицкорусскаго правописанія.

I

Не одинъ разъ приходилось уже намъ указывать, что осью политическихъ событій современной Европы служитъ стремленіе Германіи къ гегемоніи. Стремленіе это вызвано отчасти дѣйствительнымъ величіемъ стяжаній нѣмецкаго генія, во всѣхъ областяхъ культурной жизни, отчасти же—хищническими инстинктами, которые издавна лежатъ въ природѣ нѣмца и не одинъ уже разъ проявлялись во всемірной исторіи, начиная съ разгрома Римской имперіи и кончая памятными еще современному поколѣнію захватами чужихъ земель отъ датчанъ и французовъ. Произведя такихъ великихъ людей, какъ Лессингъ и Винкельманъ, Шиллеръ и Гете, Кантъ и Шопенгауеръ, Гумбольдтъ и Гриммы, Нибуръ и Ранке, Гельмгольцъ и Вирховъ, Штейнъ и Бисмаркъ и мн. др., нѣмцы возмнили себя духовными вождями всего человѣчества, забывая, что и другіе народы современной Европы могутъ указать равносильныхъ названнымъ героевъ мысли и дѣла.

Въ этомъ самовозвышеніи нѣмцевъ не было бы еще впрочемъ большой бѣды, особенно для тѣхъ, кто считалъ бы себя въ правѣ отнестись критически и къ Канту, и къ Нибуру, и къ Бисмарку. Но

къ этому присоединилось другое самообольщеніе нѣмцевъ: они признали себя и въ физическомъ отношеніи наиболѣе сильнымъ, благодаря военной организаціи, народомъ Европы. Отсюда выведено было заключеніе, что имъ, нѣмцамъ, принадлежитъ не умственное лишь, но и политическое въ ней господство. Событія 1864, 1866, 1870 гг. настолько утвердили нѣмцевъ въ этомъ предположеніи, что они начали смотрѣть свысока на всѣхъ своихъ сосѣдей и соперниковъ, не исключая ни Англіи, ни Россіи.

Нашлись, конечно, въ Европѣ люди, даже цѣлыя государства и народы, которые и въ этомъ политическомъ отношеніи признали надъ собою главенство нѣмцевъ. Но еще болѣе оказалось тѣхъ, кто не чувствовалъ особеннаго расположенія — служить пьедесталомъ германизма, которому притомъ не удалось въ должной мѣрѣ замаскировать свои корыстныя, эксплоататорскія цѣли.

Даже въ Германіи, изъ среды самихъ нѣмцевъ выступили ученые и политики (напр. Вирховъ, Виндгорстъ, Рихтеръ и др.), которые считали безплодною, даже опасною роль «Weltbeglücker'овъ, начертанную на знамени новѣйшихъ пангерманистовъ. Германія прежняя, децентрализованная, федералистическая представляется имъ болѣе органическимъ произведеніемъ нѣмецкаго генія, болѣе удобною политическою формою для его развитія въ области науки и искусства, въ сферѣ общественной и личной жизни, чѣмъ Германія новая, искусственно централизованная въ Берлинѣ, затянутая въ прусскій мундиръ и покрытая прусской каской. Могущество династіи Гогенцоллерновъ, ея обаяніе въ средней или и въ цѣлой Европѣ не кажется этимъ ученымъ и политикамъ достаточнымъ эквивалентомъ за утрату прежней свободы, прежняго простора для богатаго развитія личности.

Въ самомъ дѣлѣ, имперіализмъ не въ духѣ нѣмцевъ. Они готовы еще принять его какъ фикцію, возвышающую ихъ роль въ Европѣ, но съ тѣмъ, чтобы по возможности не приносить ему никакихъ реальныхъ, а даже и идеальныхъ жертвъ.

Нѣмцы любятъ монархію, но областного объема и характера. Настоящій нѣмецъ вовсе не удовлетворяется холоднымъ величіемъ далекаго, большого монарха: онъ предпочитаетъ имѣть монарха малаго, но зато своего, для ежедневнаго такъ сказать созерцанія этой своей собственности... Вотъ почему до сихъ поръ еще такъ популярны въ Германіи маленькіе владѣтельные дома разныхъ герцоговъ, маркграфовъ, принцевъ, даже въ ихъ изгнаніи. Если каждый нѣмецъ желаетъ имѣть своего особаго сюзерена или суверена, то удовлетворится ли онъ величіемъ одного императора! Къ тому же для германцевъ центра и юга, которые сидятъ въ старыхъ гнѣз-

дахъ германизма и до сихъ поръ въ наибольшей чистотѣ сохраняютъ древненѣмецкій бытъ и характеръ,—пруссаки не симпатичны, какъ помѣсь со славянами и литовцами, во всякомъ же случаѣ какъ народъ сбродный, своего рода янки, глубоко отличные отъ настоящихъ нѣмцевъ и крайне имъ несимпатичные. Даже по языку пруссаки—какъ нижненѣмцы (plattdeutsch)—ближе пожалуй къ голландцамъ и фламандцамъ, чѣмъ къ кореннымъ южнымъ нѣмцамъ. И протестантизмъ прусаковъ, съ ихъ владѣтельнымъ домомъ во главѣ, крайне антипатиченъ нѣмцамъ-католикамъ, чѣмъ и поддерживаются южногерманскій и ганноверскій, а еще болѣе австрійскій вельфизмъ, въ антагонизмѣ съ прусскимъ гибеллинствомъ. Наконецъ, нѣмецкіе рабочіе, отчасти и городской пролетаріатъ, въ борьбѣ съ нуждой, которая немало усиливается расходами на высокую политику,— все болѣе охладѣваютъ къ имперіи, не дающей имъ «ни зрѣлищъ, ни хлѣба».

II.

Но самымъ энергическимъ противникомъ германской гегемоніи являются ненѣмецкія народности средней Европы, отстаивающія свое національное существованіе. Только поляки—притомъ всѣхъ трехъ государствъ, гдѣ они живутъ—не замѣчаютъ угрожающей имъ опасности. Эта національная слѣпота тѣмъ замѣчательнѣе, что цѣлая почти треть польскихъ по народности земель принадлежитъ уже болѣе ста лѣтъ Пруссіи, слѣдовательно поляки имѣли полную возможность самолично убѣдиться въ прелестяхъ польско-нѣмецкаго союза. Даже существованіе особой колонизаціонной комиссіи, образованной по мысли Бисмарка для вытравленія поляковъ изъ Познани, Пруссъ и Слезіи, не ослабило вѣры поляковъ въ нѣмцевъ и надежды на «одбудованіе» при ихъ помощи «ойчизны». Не слѣдуетъ ли отсюда, что полякъ и по «шкодѣ» не становится «мудрымъ», вопреки извѣстной поговоркѣ! Не отзывается ли глубокой ироніей исторіи положимъ такой фактъ, какъ забота пана Косцельскаго о прусскомъ флотѣ, предназначенномъ къ утвержденію германизма въ ляшскихъ нѣкогда гаваняхъ: Колобрегѣ (Kolberg), Гданскѣ (Danzig), Королевцѣ (Königsberg), т. е. въ томъ поморьѣ, которое разумѣется въ польской историко-политической программѣ: «od morza (Балтійскаго) do morza» (Чернаго)! И эта политика находитъ себѣ поддержку не только въ прусскопольскихъ, но и въ австропольскихъ, даже въ въ русскопольскихъ газетахъ, съ петербургскимъ «Kraj'емъ» во главѣ!

И въ Вѣнѣ представители поляковъ поддакиваютъ теперь нѣм-

цамъ, являясь главною опорою, такъ сказать мамелюками нынѣшняго цислейтанскаго правительства, руководимаго Тафе, Гогенвартомъ, Пленеромъ и другими то консервативными, то либеральными нѣмцами. Конечно, въ награду за подобныя услуги поляки имѣютъ теперь удовольствіе видѣть своего Смолку во главѣ рейхсрата, а Билинскаго — даже шефомъ желѣзнодорожнаго управленія въ Цислейтаніи. Сверхъ того полякамъ отдана въ управленіе вся Галичина, обѣщана кажется и Буковина. Но все это врядъ ли можетъ вознаградить за полное отчужденіе ихъ между славянами, слѣдовательно полную зависимость отъ капризовъ нѣмцевъ, отъ кармановъ еврейскихъ.

Зато прочіе австроугорскіе славяне съ каждымъ днемъ все лучше постигаютъ тайныя цѣли нѣмцевъ, все яснѣе сознаютъ недостаточность своихъ отдѣльныхъ силъ и необходимость совмѣстной обороны противъ наступательнаго германизма. Во главѣ австроугорскихъ славянъ стоятъ въ этомъ отношеніи чехи, перенесшіе изъ Праги въ Вѣну, изъ сейма въ рейхсратъ свою главную квартиру. Очень важнымъ и утѣшительнымъ признакомъ въ этой борьбѣ чеховъ съ нѣмцами представляется обрисовывающееся все яснѣе и ближе объединеніе чешскихъ народныхъ силъ подъ общимъ знаменемъ, девизомъ котораго служитъ въ настоящее время: возстановленіе чешскаго государственнаго права въ земляхъ чешской короны и равноправность живущихъ на этихъ земляхъ народностей. За исключеніемъ немногихъ онѣмеченныхъ феодаловъ, всѣ видные представители чешской аристократіи, духовенства, свѣтской интеллигенціи и простонародья сходятся уже теперь въ этихъ общихъ основахъ чешской политической программы. Въ ясныхъ словахъ высказался недавно въ пользу ея и Ригеръ, къ великому разочарованію и неудовольствію своихъ прежнихъ союзниковъ между нѣмцами. Это внушаетъ намъ надежду на скорое объединеніе чешскихъ партій, необходимость котораго признана и «союзомъ чешскихъ поселянъ», на недавнемъ ихъ вѣчѣ въ Прагѣ.

Не менѣе отрадно возростающее пробужденіе національнаго сознанія и въ средѣ славянъ слезско-моравскихъ, которые въ этомъ отношеніи нѣсколько поотстали отъ чеховъ, но теперь стараются ихъ нагнать, вопреки затрудненіямъ со стороны бюрократіи и высшаго духовенства. Если и въ Моравіи, какъ въ Чехіи, восторжествуютъ идеи народной независимости отъ нѣмцевъ, то и парламентская тактика моравянъ должна будетъ подвергнуться столь же радикальному измѣненію, какъ чешская, со времени упадка въ народѣ прежней партіи, феодально-клерикально-оппортунистской.

Открытая и гласная оппозиція чеховъ въ рейхсратѣ, хотя пови-

димому потерпѣвшая пораженіе въ голосованіи по дѣлу министра юстиціи гр. Шенборна,—послужила опорною точкою и для другихъ славянскихъ народностей, особенно далматинцевъ, истрійцевъ и словинцевъ. Нѣкоторая часть ихъ вѣнскихъ депутатовъ уже теперь выступила изъ клуба Гогенварта и образовала особый южно-славянскій клубъ, въ основныхъ стремленіяхъ согласный съ младочешскимъ. Даже часть депутатовъ загребскаго сейма, слѣдовательно хорватовъ транслейтанскихъ, высказала на недавнемъ съѣздѣ въ г. Рѣкѣ (Fiume) принципіальное согласіе съ радикальною программою младочеховъ. Изъ газетъ червонорусскихъ и словенскихъ мы знаемъ, что программа эта болѣе другихъ политическихъ программъ Австро-Угріи соотвѣтствуетъ и стремленіямъ русскихъ галичанъ, буковинцевъ, угрорусовъ, словаковъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ младочехи развернули надъ собой знамя славянизма, въ противоположность общегерманскому знамени своихъ противниковъ. И австроугорскіе сербы не скрываютъ своей симпатіи къ нынѣшней программѣ младочеховъ, которые настолько эманципировались уже отъ своихъ клерикаловъ, что не боятся открыто выражать сочувствіе къ славянской церкви.

Такимъ образомъ, теперь въ Австро-Угріи подготовляется фактъ большой важности: парламентарная лига и вообще политическая солидарность всѣхъ австроугорскихъ славянъ, за изъятіемъ поляковъ.

Если прибавить, что и румыны Австро-Угріи крайне недовольны своимъ нынѣшнимъ порабощеніемъ—въ Буковинѣ нѣмцами, въ Угріи же мадьярами—и даже представили на-дняхъ императору особой депутаціей жалобу на нынѣшнее невыносимое свое положеніе, особенно въ Семиградьѣ, причемъ обнаружилась солидарность этихъ румыновъ съ основными требованіями австрославянской программы, то нельзя не придавать важности этому настроенію большинства австроугорскихъ народовъ.

Конечно, въ мирное время, имѣя въ своихъ рукахъ армію, управленіе, парламенты, продажные органы печати, можно и не придавать большой важности этому оппозиціонному настроенію цислейтанскихъ и транслейтанскихъ славянъ съ румынами. Чего нельзя достигнуть административнымъ распоряженіемъ, то можно поддержать штыками; чего нельзя оправдать прежними законами, то можно оформить новыми, что вовсе не трудно при существованіи покорнаго министрамъ большинства въ парламентахъ. Для Европы же любое беззаконіе можно обѣлить безчисленными оффиціозными газетами, выходящими на всевозможныхъ языкахъ.

Такимъ образомъ достигается и внѣшняя легальность, и види-

кое спокойствіе. Но что будетъ въ случаѣ политическаго кризиса, когда австрогерманское государство вынуждено будетъ, напримѣръ, апеллировать къ патріотизму своихъ славянскихъ и румынскихъ подданныхъ? Можетъ ли, имѣетъ ли оно право разсчитывать на такой патріотизмъ? That is the question!

III.

Но если гегемонія нѣмцевъ не только въ Германіи, но и въ Австро-Угріи составляетъ суть политическихъ и національныхъ стремленій нѣмецкихъ культуртрегеровъ, то спрашивается, почему же Германія оказала въ 1867 г. столь дѣятельную и искреннюю поддержку мадьяризму, который легъ вслѣдствіе того въ основу новаго періода австроугорской исторіи и теперь празднуетъ въ Будапештѣ первое свое двадцатипятилѣтіе? Почему нѣмцы — германскіе и австрійскіе—безъ особеннаго сожалѣнія предали въ жертву мадьяризаціи не только милліоны словенскаго, угрорусскаго, сербохорватскаго, румынскаго и еврейскаго населенія, но вдобавокъ и нѣмцевъ верхней и нижней Угріи, а равно саксовъ Семиградья?

Такая жертва хорошо и вѣрно расчитана Бисмаркомъ и его пособниками въ Австро-Угріи: это была мефистофелевская услуга, оказанная нѣмцами мадьярамъ подъ росписку—искупить ее со временемъ своею собственной мадьярскою душою...

Цѣлое двадцатипятилѣтіе прошло со времени заключенія этого договора. Мадьяры имѣли достаточно наслажденій, не столь поэтическаго рода, какъ Фавстъ, но зато болѣе осязательныхъ и положительныхъ. Они могли вдоволь насладиться властью, силою, синекурами, воскуреніемъ ѳиміама мадьяризму, подавленіемъ такъ называемыхъ негосударственныхъ народностей. Въ представленномъ недавно семиградскими румынами императору меморандумѣ понадобилось исписать сто страницъ для краткаго перечня мадьярскихъ несправедливостей и беззаконій въ отношеніи къ румынамъ! Еще болѣе длинную записку могли бы написать о томъ словаки, которые подавлены несравненно тяжелѣе румыновъ. Эта записка еще не составлена, но есть маленькая выдержка изъ «юбилейной» статьи по случаю означеннаго 25-лѣтія со дня коронаціи императора (8 іюня н. ст. 1867 г.) въ словенской газетѣ «Narodnie Nowiny» (№ 65).

«Закрытіе правительствомъ трехъ словенскихъ частныхъ гимназій и одной препарандіи (словенской учительской семинаріи); упраздненіе Словенской Матицы, конфискація ея капиталовъ и зданія; изгнаніе молодежи изъ школъ за народность; преданіе суду и заключеніе патріотовъ за оборону словенской народности; исклю-

ченіе изъ семинаріи клериковъ за народность; вытѣсненіе словенскаго языка, книгъ и журналовъ изъ семинарій; насилія при выборахъ; удаленіе учителей за литературную дѣятельность на словенскомъ языкѣ; лишеніе приходовъ за мнимый панславизмъ; оффиціальныя помѣхи распространенію словенскихъ журналовъ и книгъ; навязываніе мадьярскаго языка въ богослуженіе чисто-словенскихъ общинъ; омадьяренье искони-словенскихъ мѣстныхъ именъ; награжденіе ренегатовъ должностями и званіями; устраненіе отъ должностей вѣрныхъ словаковъ; уничтоженіе всѣхъ словенскихъ надписей на публичныхъ зданіяхъ и по дорогамъ; насильственное омадьяренье частныхъ фирмъ; учрежденіе такъ называемыхъ культурныхъ обществъ и дѣтскихъ пріютовъ для истребленія словенской народности и мадьяризаціи жителей; изгнаніе словенскаго языка изъ всѣхъ судебныхъ и административныхъ мѣстъ и публичныхъ школъ; помѣхи всѣмъ денежнымъ и промышленнымъ предпріятіямъ словаковъ; навязываніе обществамъ администраціею старшинъ и нотаріусовъ, вопреки единогласнымъ выборамъ: вотъ что принесло словакамъ 25-лѣтіе мадьярскаго управленія! Къ этому слѣдуетъ еще прибавить презрительное отношеніе мадьяръ ко всему словенскому, подозрѣнія, доносы, подавленіе даже послѣдней надежды на улучшеніе въ будущемъ!»...

Если принять въ соображеніе, что и всѣ прочія угорскія народности, кромѣ развѣ солидарныхъ съ мадьярами евреевъ, могли бы представить не менѣе длинный помянникъ поглощаемыхъ мадьяризмомъ жертвъ, то легко видѣть полное нравственное его банкротство и опасность его внутренняго положенія. Это обстоятельство заставляетъ мадьяръ крѣпко держаться нѣмцевъ, какъ единственной своей опоры, отъ которой они теперь зависятъ фактически гораздо больше, чѣмъ при Бахѣ и Шмерлингѣ.

Кто знаетъ, не была ли недавняя антимадьярская демонстрація румыновъ въ Вѣнѣ, за недѣлю до будапештскихъ празднествъ, инсценирована нарочно для того, чтобы привести мадьяръ къ сознанію ихъ полной изолированности въ Угріи и слѣдовательно необходимости держаться союза съ нѣмцами, каковы бы ни были условія послѣднихъ!

Конечно, недопущеніе румынскихъ депутатовъ къ авдіенціи можетъ нанести тяжелый ударъ монархическимъ чувствамъ румыновъ; но со временемъ для нихъ найдется какая нибудь подачка, которая въ состояніи будетъ удовлетворить эту «неисторическую», да еще вдобавокъ схизматическую народность, особенно въ такое время, когда и румынское королевство плетется слѣдомъ за нѣмцами, по крайней мѣрѣ въ верхнихъ сферахъ управленія.

IV.

Но не въ одной Австро-Угріи наталкиваются нѣмцы на столь серьезное сопротивленіе со стороны ненѣмецкихъ народностей. Оно составляетъ главную причину изгнанія сербами изъ Шумадіи экс-короля Милана и его швабофильскихъ совѣтниковъ изъ партіи Гарашанина. Тѣмъ же обусловлено было удаленіе изъ Болгаріи Баттенберга и крайняя непопулярность Фердинанда Кобурга, какъ орудія наступательнаго германизма подъ Балканами. Реакціей народностей—славянской, латышской, эстской и др. — объясняется не въ малой мѣрѣ и постепенное ослабленіе нѣмецкаго элемента въ Россіи, которое отразилось какъ во внутреннихъ, такъ и во внѣшнихъ ея отношеніяхъ. И это слѣдуетъ считать самымъ важнымъ изъ результатовъ Бисмарковской политики. Не только Эльзасъ-и Лотарингія, но даже вся Австро-Угрія, со включеніемъ еще пожалуй Балканскаго и Апеннинскаго полуостровов, не могутъ вознаградить Пруссію и вообще нѣмцевъ за утрату ими—Россіи. Со временъ Петра Великаго они вѣдь привыкли смотрѣть на нее какъ на свою Америку или Индію, благодарную область своей эмиграціи, своей эксплоатаціи, неисчерпаемый кладязь нѣмецкихъ богатствъ, безпредѣльный просторъ для нѣмецкой образованности. И давно ли было время, когда Россія и во внутренней, и во внѣшней политикѣ то и дѣло насаждала да утверждала различныхъ нѣмцевъ, спасая ихъ то отъ Наполеона, то отъ революцій, то отъ неурядицъ династическихъ и международныхъ! Теперь все это—или почти все—отошло и отходитъ въ область преданій, такъ что лишь горсть остзейскихъ бароновъ, польскихъ шляхтичей да вымирающее поколѣніе нашихъ западниковъ могутъ еще серьезно думать о возрожденіи русскаго нѣмцофильства. И германскіе нѣмцы не предаются болѣе на этотъ счетъ иллюзіямъ, такъ что если отъ времени до времени и заговариваетъ еще о возстановленіи прежней «thurmhohen» русско-нѣмецкой дружбы опальный князь Бисмаркъ, то въ этомъ слѣдуетъ видѣть не столько надежду на ея возстановленіе, сколько сожалѣніе о «потерянномъ раѣ» русско-прусской солидарности или вѣрнѣе—русской службы pour le roi de Prusse. Даже такія событія, какъ Кильское свиданіе Русскаго императора съ Германскимъ, не внушаютъ уже теперь нѣмцамъ большихъ надеждъ на политическую или экономическую поживу въ Россіи. Данные ей уроки, какъ напр. берлинскій конгрессъ и секретное отъ русскаго союзника заключеніе австро-германской лиги, направленной противъ Россіи, а затѣмъ расширеніе этой лиги на Италію и попытки вовлечь въ нее чуть не всю центральную Европу,

со включеніемъ Великобританіи, — подобные уроки не забываются такъ скоро, какъ бы хотѣлось политическимъ Reineke-Fuchs'амъ Германіи. Къ тому же измѣна Пруссіи заставила Россію окончательно склониться на сторону Франціи и заключить съ нею — если не формальный союзъ, то по крайней мѣрѣ предварительное соглашеніе, которое можетъ и должно послужить основою такого союза. Опытъ, хотя и кратковременный еще, показалъ, что это соглашеніе несравненно болѣе соотвѣтствуетъ какъ дѣйствительнымъ интересамъ Россіи и Франціи, такъ и чувствамъ ихъ населеній, чѣмъ прежній— лишь для однихъ нѣмцевъ выгодный, для русскихъ же вредный и крайне антипатичный—союзъ то двухъ, то трехъ императоровъ. Даже въ славянскомъ мірѣ, со времени сближенія съ Франціей и слѣдовательно окончательнаго освобожденія отъ нѣмцевъ, нравственное положеніе Россіи стало гораздо выше и вліятельнѣе, ибо прежде Россія въ союзѣ съ Германіей и Австро-Угріей считалась до извѣстной степени отвѣтственною за притѣсненіе «союзниками», т. е. нѣмцами и ихъ пособниками мадьярами и поляками, нашихъ славянскихъ братьевъ, особенно же ближайшихъ къ намъ, русскихъ галичанъ и угрорусовъ. Вообще въ Австро-Угріи сдѣлано наблюденіе, что интересы мѣстныхъ славянъ болѣе оберегаются правительствомъ при натянутыхъ отношеніяхъ къ Россіи и менѣе–при дружественныхъ. Въ первомъ случаѣ нѣмцы, поляки, мадьяры боятся раздражить своихъ чеховъ, русскихъ, словаковъ и т. д., чтобы они не тяготѣли къ Россіи; во второмъ же случаѣ—такія опасенія не имѣютъ уже мѣста, ибо опасность разрыва съ Россіей не принимается тогда въ расчетъ.

V.

Къ числу благопріятныхъ для европейскаго мира условій слѣдуетъ отнести два министерскіе кризиса въ Италіи, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ и не законченные до настоящаго времени. Хотя формальнымъ поводомъ этихъ кризисовъ былъ бюджетный дефицитъ изъ-за вооруженій, но самъ по себѣ онъ не поставилъ бы короля Гумберта и его министровъ въ столь трудное положеніе, еслибы подъ этимъ кризисомъ не скрывалось и другого, болѣе важнаго теченія: возрожденія въ итальянскомъ народѣ антипатіи къ нѣмцамъ и усиленія панроманскихъ стремленій. Не лишено при этомъ значенія и явное расположеніе къ французамъ папы Льва XIII, выразившееся въ цѣломъ рядѣ его заявленій и посланій, направленныхъ къ подавленію роялистской оппозиціи и къ утвержденію республики. Эта тактика Льва XIII столь же популярна въ Италіи и Франціи, особенно между мѣстными республиканцами, сколько

непріятна для партизановъ тройной лиги. Для будущности савойскаго дома политика Льва XIII можетъ быть гораздо фатальнѣе маццинизма, ибо она подготовляетъ апеннинскую республику, подъ главенствомъ папы, и конечно въ союзѣ съ республикою французскою. Это вывело бы Италію какъ изъ нынѣшняго экономическаго кризиса, вызваннаго милитаризмомъ и торговымъ разрывомъ съ Франціею, такъ и изъ безвыходныхъ противорѣчій римскаго вопроса, смущающаго совѣсть всѣхъ католиковъ. Во всякомъ же случаѣ, союзъ съ Франціей гораздо больше соотвѣтствовалъ бы и чувствамъ и потребностямъ итальянцевъ, которые должны нынѣ унижаться въ Вѣнѣ и Берлинѣ, даже въ Лондонѣ, чтобы обезпечить мнимое равновѣсіе силъ на Средиземномъ морѣ.

Въ международныхъ отношеніяхъ Италіи къ лигѣ и Франціи не останется безъ послѣдствій подготовляемый нынѣ парламентскій, слѣдовательно и правительственный переворотъ въ Англіи. Если въ близкихъ уже выборахъ восторжествуютъ—какъ это многими предполагается—виги, то съ этимъ связано будетъ радикальное измѣненіе ея отношеній къ Франціи и Германіи. Сосредоточившись на рѣшеніи жгучихъ вопросовъ внутренней политики, особенно ирландскаго, который оказался не подъ силу торіямъ, Гладстонъ не имѣлъ бы ни времени, ни охоты науськивать Италію на Францію, а Германію, Австрію и Турцію на Россію, чѣмъ съ такой энергіей занимался и до сихъ поръ занимается кабинетъ Салисбери. Тогда окончательно разсѣялись бы и фантазіи нѣмцевъ, поляковъ, мадьяръ о перевѣсѣ силъ лиги надъ контрлигою. А вѣдь эти фантазіи и поддерживаютъ задоръ германско-еврейскихъ публицистовъ, революціонныя шалости польскаго «моральнаго ржонда», терроризмъ потисскихъ финновъ и нѣмецко-мадьярскіе эксперименты Каллаевцевъ въ Босніи, а Кобургистовъ въ Болгаріи. Европейскій миръ, если онъ дѣйствительно нуженъ еще человѣчеству, найдетъ тогда гарантіи гораздо болѣе дѣйствительныя, чѣмъ измѣнчивая воля государей и министровъ тройной лиги.

Это обнаружилось уже теперь, по случаю 18-го съѣзда французскихъ и дружественныхъ съ ними «соколовъ» или гимнастическихъ обществъ въ Нанси. Забывшись на время и предположивъ, что Европа все еще управляется изъ Берлина и что французы должны оттуда получать разрѣшеніе на устройство національныхъ и иныхъ празднествъ, нѣмцы въ числѣ своихъ многочисленныхъ «лейтартикелистовъ» забили трезвонъ и стали грозить чуть не войною. Но тутъ-то и обнаружилось, что нѣмца не считаютъ болѣе въ Европѣ бариномъ, который можетъ всюду совать свой носъ! Съѣздъ въ Нанси состоялся, при участіи гимнастовъ бельгійскихъ, отчасти и эльзасъ-лотрингскихъ, а между прочимъ и 80 соколовъ чешскихъ.

которые такимъ образомъ недвусмысленно выразили, что симпатіи чешскаго народа на сторонѣ не нѣмцевъ, а французовъ, что онъ солидаренъ въ этомъ отношеніи съ русскими своими соплеменниками, какъ это прямо заявлено было въ Нанси предводителемъ чешскихъ соколовъ, докторомъ Подлипнымъ. Пріѣздъ въ Нанси в. кн. Константина Константиновича и вызванный имъ новый взрывъ русско-французскихъ симпатій придаетъ еще большую важность Нансійскимъ торжествамъ. Если знать организацію чешскихъ «соколовъ» и ихъ важную роль въ чешскомъ обществѣ, гдѣ они составляютъ какъ бы кадры будущей народной арміи, то нельзя не придать особаго значенія этой экскурсіи чеховъ во Францію и открытому выраженію сочувствія къ союзу русско-французскому. Отмѣтимъ здѣсь кстати, что этимъ антинѣмецкимъ настроеніемъ чешскихъ соколовъ объясняется и отказъ гр. Тафе на ходатайство польскаго клуба въ рейхсратѣ о выдачѣ имъ льготныхъ билетовъ на проѣздъ во Львовъ, для участія въ съѣздѣ польско-галицкихъ соколовъ. Министръ, очевидно, не желалъ въ этомъ случаѣ посодѣйствовать съ своей стороны зараженію и польскихъ гимнастовъ чешскославянскими идеями и русскофранцузскими сочувствіями!

VI.

Въ преніяхъ вѣнскаго рейхсрата и его коммиссіи по вопросу о регуляціи валюты уже теперь съ достаточной ясностью обнаружилось, что для правительства вопросъ этотъ имѣетъ значеніе болѣе политическое, чѣмъ экономическое, а именно представляетъ подготовку къ «денежной мобилизаціи», образованіе золотого фонда на случай войны. Потому то такъ одушевляются этимъ проектомъ депутаты польскіе, которые въ своей мономаніи сводятъ всѣ вопросы и политическіе, и экономическіе, и народные къ одной цѣли: разгромить москалей и возстановить Польшу. Вотъ причина избранія пана Яворскаго въ предсѣдатели валютной коммиссіи! Имѣются, конечно, въ средѣ членовъ послѣдней и такіе финансисты, которые заинтересованы—лично или по представительству—въ реформѣ валюты по банкирскимъ соображеніямъ. Иные стоятъ за золото по требованію теоріи, особенно англійской. Но въ душѣ у большинства депутатовъ, а еще болѣе въ обществѣ чувствуется тревожное опасеніе насчетъ того, въ состояніи ли Австро-Угрія провести теперь столь трудную реформу, при своемъ крайнемъ финансовомъ разстройствѣ, истощеніи всѣхъ слоевъ населенія (кромѣ немногихъ банкировъ и крупнопромышленниковъ), при весьма ненадежномъ торговомъ балансѣ и въ виду возможности нарушенія мира какимъ нибудь сумасброднымъ Стамбуловымъ. Неудача же столь крупной операціи

могла бы окончательно разстроить государственные финансы и разорить народъ. Вотъ почему прежняя самоувѣренность цислейтанскихъ финансистовъ постепенно смѣнилась болѣе скептическимъ настроеніемъ, которое отразилось уже и на министерскомъ проектѣ реформы. Съ болѣе легкимъ сердцемъ разсуждаютъ о золотѣ, серебрѣ и бумагѣ мадьярскіе «отцы отечества», быть можетъ потому, что имъ собственно нечего терять, при скудности денегъ въ Угріи. Кромѣ того Транслейтанія участвуетъ въ операціи лишь на 30%, сообразно старому ключу общеимперскихъ расходовъ Цислейтаніи (70%) и Транслейтаніи (30%), утвержденному соглашеніемъ 1867 г.

Всего труднѣе въ этомъ случаѣ положеніе чехоморавянъ, которые составляютъ наиболѣе крупную финансовую силу Австро-Угріи и слѣдовательно всего болѣе потеряютъ при неудачѣ операціи. Не имѣя довѣрія къ нынѣшнему правительству, младочешскій клубъ рейхсрата занялъ оппозиціонное положеніе по вопросу о валютѣ, тѣмъ болѣе, что законопроектъ этотъ нарушаетъ права чешскаго сейма, а равно и права чешскаго языка, чешскаго народа, исключивъ всякое упоминаніе о немъ на будущихъ латинскихъ кронахъ Цислейтаніи и мадьярскихъ Транслейтаніи! Но протесты чеховъ и на этотъ разъ ни къ чему не приведутъ, ибо имъ предоставлено лишь копать для Авство-Угріи золото и серебро, съ такимъ трудомъ и опасностями, какія сдѣлались теперь извѣстны міру по поводу страшной катастрофы въ рудникахъ Прибрамскихъ,—но вовсе не дозволено имѣть фактическое вліяніе на расходованіе сотенъ милліоновъ чешскаго серебра въ бюджетахъ цислейтанскомъ и общеимперскомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, нынѣшнее положеніе чешскаго, да и другихъ австроугорскихъ народовъ, заваленныхъ сверху толстыми слоями «господствующихъ» народностей, нѣмецкой, мадьярской, польской, итальянской, особенно же еврейской, лишенныхъ и свѣта и воздуха и возможности выхода на просторъ свободной народной жизни,—не похоже ли оно на трагическую участь этихъ 350 рудокоповъ, которые злодѣйскою рукою отрѣзаны были огнемъ и дымомъ отъ выхода на свѣтъ Божій и какъ бы заживо замурованы въ подземныхъ штольнахъ, на глубинѣ до 1000 метровъ подъ родными полями и лѣсами! И умирая цѣлыми сотнями въ этихъ темныхъ, хотя и посеребренныхъ гробахъ, бѣдные мученики не имѣли даже утѣшенія—жертвовать жизнью за друзей, за какую нибудь великую идею, во имя чьей нибудь лучшей будущности! Не такова же ли судьба славянскихъ народностей, погибающихъ изъ-за германизма, мядьяризма, іюдаизма!...

Въ катастрофѣ Прибрамской мы видимъ впрочемъ и одно отрадное явленіе: спокойный героизмъ тѣхъ рудокоповъ, которые добровольно спускались въ дымныя и смрадныя шахты для спасенія—увы! лишь

въ одиночныхъ случаяхъ—товарищей или даже для извлеченія изъ пропасти ихъ труповъ.

Этотъ героизмъ вызванъ вовсе не похвальбою или надеждою награды, вотированный господами въ рейхсратѣ, а единственно чувствомъ долга и любви къ ближнему. По этой чертѣ мы узнаемъ въ Прибрамскихъ рудокопахъ прямыхъ потомковъ самоотверженныхъ гуситовъ стараго времени, которые всю среднюю Европу наполнили нѣкогда грозою своею имени и подвиговъ, совершенныхъ подъ знаменемъ чаши.

Но что сказать о тѣхъ выродкахъ человѣчества, которые—если вѣрно распространенное въ Чехіи предположеніе—произвели поджогъ въ рудникѣ? Нравственная способность подобнаго злодѣянія не исключена «духомъ» нашего времени: вспомнимъ романъ Зола «Germinal», гдѣ описывается злостное затопленіе рудника какимъ то—кажется русскимъ—нигилистомъ. Да и Равашольскіе подвиги въ Парижѣ и другихъ городахъ Франціи указываютъ на возможность подобнаго рода дикой «мести» буржуазному обществу или государству въ лицѣ сотенъ невинныхъ жертвъ. И кто знаетъ, быть можетъ подобное «подвиги» международнаго анархизма и необходимы для того, чтобы радикально вылѣчить современное общество отъ сочувствія или по крайней мѣрѣ трусливой потачки нравственнымъ уродамъ, именующимъ себя международными анархистами!

Рука такихъ анархистовъ прикосновенна вѣроятно и недавнимъ безпорядкамъ въ г. Лодзи, этой эксплоататорской колоніи германизма, разросшейся до громаднаго промышленнаго города, подъ охраною цѣлаго поколѣнія русконѣмецкихъ администраторовъ. Если этотъ городъ не освободится понемногу отъ избытка своего еврейско-нѣмецкаго населенія, то онъ сдѣлается на всю Россію разсадникомъ нѣмецкаго соціализма и его крайнихъ исчадій—интернаціональныхъ анархистовъ. Прусская Слезія является въ этомъ отношеніи мостомъ между промышленными центрами Германіи и ея колоніями въ земляхъ польскихъ. Въ Краковѣ и другихъ городахъ Галиціи было уже немало процессовъ соціалистическаго характера. Черезъ Сосновицы, Домброво, Лодзь соціализмъ нѣмецкаго типа пересаживается и въ русскую Польшу, гдѣ онъ находитъ обильную пищу въ антисимитскомъ настроеніи мазуровъ, одолѣваемыхъ евреями.

Впрочемъ и продолжающаяся эмиграція мазуровъ въ южную Америку вызвана не одними подговорами агентовъ Ллойда и бразильскихъ крѣпостниковъ. Дѣйствуютъ здѣсь очевидно и болѣе глубокіе общественно-экономическіе факторы, отрывающіе народъ отъ насиженныхъ гнѣздъ и заставляющіе искать счастья за океаномъ. Между этими факторами едва ли не главнымъ слѣдуетъ признать возростающій наплывъ на польскія области нѣмцевъ и евреевъ, ко-

торые тяжелымъ слоемъ ложатся на коренное ихъ населеніе и вытравляютъ его, словно разъѣдающими кислотами. Такимъ образомъ въ губерніяхъ: ломжинской, плоцкой, калишской, петроковской и др. пограничныхъ совершается въ сущности тотъ же процессъ вытѣсненія славянъ нѣмцами, который въ болѣе грандіозныхъ размѣрахъ наблюдается въ Пруссахъ, Познани, Слезіи, Лужицахъ, отчасти и въ Чехоморавіи, Штиріи, Хорутаніи, Крайнѣ и Приморьѣ, а до недавняго времени и въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ, «Ковенландѣ», Волыни и даже въ лѣвобережной Украйнѣ... Понятно, что при такихъ условіяхъ могла наконецъ возникнуть въ нѣмецкой головѣ мысль о перенесеніи пограничныхъ столбовъ Германіи и Австро-Угріи на берега западной Двины и Днѣпра, т. е. до границъ такъ называемой исторической Польши! Лишь тогда было бы вполнѣ изолировано отъ Россіи западное и южное славянство, которое и послужило бы затѣмъ подножіемъ для великаго «фатерланда», подобно вымершимъ вѣтвямъ прибалтійскаго славянства Цѣлой половинѣ нашего племени пришлось бы тогда походить на описанныхъ и въ нашей начальной лѣтописи «нечистыхъ людей», которые гдѣ-то въ предѣлахъ югорскихъ или угорскихъ «заклепаны въ горѣ Александромъ Македонскимъ» и «сѣкутъ гору, хотяще высѣчися»... точь въ точь какъ нынѣшніе словаки или—злополучные прибрамскіе рудокопы...

Но страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ! Славяне не слабѣе нѣмцевъ, а могутъ быть и много сильнѣе ихъ, если сумѣютъ сплотиться подъ однимъ общимъ, кирилло-меѳодіевскимъ знаменемъ.

VII.

Но для этого требуется прежде всего возстановленіе исторической памяти славянъ, а затѣмъ обновленіе ихъ духовной жизни какъ въ отдѣльныхъ вѣтвяхъ племени, такъ и въ общемъ ихъ стволѣ.

На пути къ этой высокой цѣли важное значеніе имѣютъ такія торжества, какъ отпразднованное 11 мая 900-лѣтіе волынской эпархіи. Правда, это не былъ собственно юбилей введенія на Волыни христіанства, что совершилось еще вѣкомъ раньше, въ эпоху кирилло-меѳодіевскую или непосредственно за ней слѣдовавшую. Но и организація уже существующей церкви имѣетъ важное значеніе для судебъ народа, особенно если дѣло идетъ о церкви, столь тѣсно связанной съ народнымъ языкомъ, письменностію, вообще образованностію, какъ церковь славянская. Волынь же, съ примыкающею къ ней Холмщиною и Галичиною, вообще Русью Червонною, была втеченіе многихъ вѣковъ передовымъ такъ сказать стягомъ русской земли, ея охраннымъ валомъ отъ полонизма и вообще вліяній За-

пада. Благодатныя поля Волыни и Подолья издревле, чуть не съ Болеслава Храбраго манили къ себѣ западныхъ государей и колонистовъ. Если тѣмъ не менѣе русская народность устояла здѣсь и въ татарское, и въ литовское, и въ польское, и въ недавнее русско-нѣмецкое время, то заслуга въ томъ принадлежитъ не одному консерватизму массъ, не сознательной охранѣ ихъ свѣтскою интеллигенціею, которая измѣнила наконецъ народу послѣ вѣковой борьбы, а въ весьма значительной степени—славянской церкви. Какъ велика охранительная для народности сила этой церкви, это съ наибольшей ясностью можно видѣть въ нынѣшней Галичинѣ и въ угорской Руси, гдѣ и государство, и образованное общество и школа, и литература—все отвернулось отъ русскаго населенія, все работаетъ надъ его превращеніемъ въ поляковъ и мадьяръ; но этотъ процессъ встрѣчаетъ неодолимое сопротивленіе въ народной организаціи кирилло-меѳодіевской церкви. Положимъ, въ организаціи этой епископатъ не имѣетъ столь монопольнаго положенія, какъ въ церкви латинской, ибо церковь грекославянская имѣетъ болѣе демократическій, всенародный характеръ. Но если мы говоримъ о 900-лѣтіи волынскаго епископства, то подъ этимъ разумѣемъ всю совокупность высшихъ, среднихъ и низшихъ органовъ епархіальнаго управленія,—словомъ, полную іерархическую организацію церкви, обнимающую всѣ классы общества и дающую имъ высшее нравственное единство.

Сообразно съ этимъ всенароднымъ духомъ славянской церкви и юбилейныя ея празднества не могутъ имѣть кастальнаго характера, какъ это случается на Западѣ, а наоборотъ, являются выраженіемъ всенароднаго чувства, всенародной мысли и воли.

Бываютъ конечно случаи, что и у насъ воспитанные въ западныхъ идеяхъ или проникнутые своимъ бюрократическимъ величіемъ дѣятели игнорируютъ этотъ всенародный характеръ славянской церкви и обращаютъ соборы въ замкнутыя помѣщенія, для выставки орденовъ, мундировъ и шлейфовъ, оставляя народъ на площадяхъ и папертяхъ; но и этого рода аристократничанье не можетъ измѣнить всенароднаго строя славянской церкви, который коренится въ вѣковыхъ ея преданіяхъ и въ живомъ сознаніи массъ.

Этимъ всенароднымъ характеромъ церковныхъ торжествъ славянской церкви объясняется и то ревнивое оберегаціе польско-галицкими властями своихъ «хлоповъ» отъ хожденія въ Почаевъ или Владиміръ Волынскій, при охотномъ разрѣшеніи, даже поощреніи паломническихъ поѣздокъ въ Ченстоховъ. Казалось бы, это странная непослѣдовательность! Вѣдь въ обоихъ случаяхъ народъ стремится въ ту же Россію, съ аналогической цѣлью, для поклоненія и въ

Почаевѣ и въ Ченстоховѣ греческимъ иконамъ Богоматери, весьма похожаго типа! Но очевидно, что дѣло тутъ не въ иконахъ, даже не въ Россіи, а въ опасномъ оживленіи народнаго духа торжествами церкви славянской, которая составляетъ въ этомъ отношеніи противоположный полюсъ «интернаціональнаго» строя церкви латинской. Положимъ, и эта послѣдняя считается какъ бы народною у поляковъ, но это имѣетъ нѣкоторый смыслъ лишь по отношенію къ церкви русско-православной и нѣмецко-протестантской. Но этотъ якобы національный характеръ церкви польско-латинской сразу оказывается однимъ недоразумѣніемъ, если мы сравнимъ ее съ церквами южнонѣмецкою, итальянскою, испанскою, французскою и т. п., тогда какъ церковь славянская вовсе не утратитъ національнаго характера при сопоставленіи съ церквами греческою, румынскою, арабскою, армянскою, абиссинскою и другими восточными.

Къ важнымъ событіямъ современной жизни послѣднихъ слѣдуетъ отнести избраніе новаго армянскаго католикоса или патріарха Эчміадзинскаго, въ лицѣ бывшаго армянско-цареградскаго патріарха, извѣстнаго въ Арменіи писателя и дѣятеля Айрика (отца) Мыгырдича-Хрыміана. Избраніе это тѣмъ замѣчательнѣе, что произведено единогласно всѣми депутатами армяно-григоріанскихъ церквей въ Россіи, Турціи, Персіи и другихъ странахъ. Нельзя сомнѣваться въ утвержденіи его и свѣтскою властью. Новый католикосъ, бывшій между прочимъ депутатомъ отъ армянъ въ Берлинѣ во время засѣданій пресловутаго конгресса, можетъ по личнымъ воспоминаніямъ убѣдиться, какъ фиктивно покровительство, оказываемое его землякамъ Европою, которая ограничилась включеніемъ въ протоколы конгресса простого обѣщанія Порты улучшить положеніе малоазійскихъ армянъ. Не на подобныхъ бумажныхъ актахъ, хотя бы и гарантированныхъ всѣми великими державами, основывается будущность армянской народности, а на тѣсныхъ ея связяхъ съ прочими восточно-христіанскими народами, съ русскимъ во главѣ.

VIII.

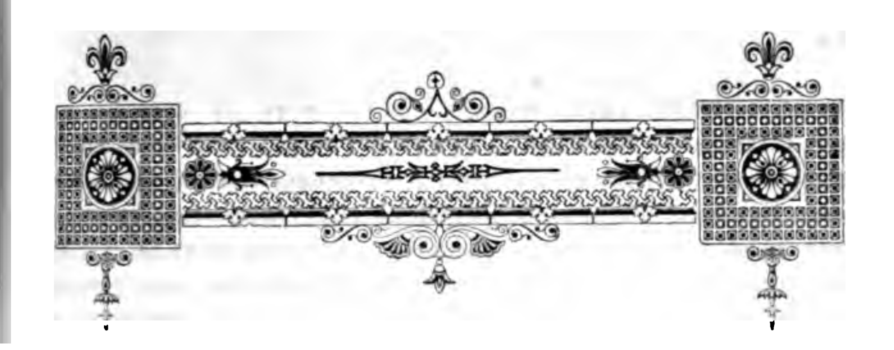
Изъ области научно-литературныхъ вопросовъ дня мы остановимся прежде всего на возникшемъ проектѣ образовать въ С.-Петербургѣ при педагогическомъ музеѣ (если не ошибаемся) особый кружокъ или общество Коменскаго, для изданія, изслѣдованія и популяризаціи его сочиненій. Нельзя не порадоваться столь благому рѣшенію петербургскихъ педагоговъ, осуществленіе котораго хоть отчасти приблизило бы насъ къ учрежденію самостоятельнаго общества имени Коменскаго, съ общеславянскимъ характеромъ и задачами. Учрежденіе же подобнаго общества тѣмъ необходимѣе, что

нѣмецкій Schulverein съ каждымъ днемъ все шире развиваетъ свою германизаторскую дѣятельность между славянами, особенно въ Чехіи, Моравіи, Слезіи, Штиріи, Хорутаніи, а съ недавняго времени и въ Болгаріи. Антипедагогическія тенденціи этого кружка еще недавно во всеуслышаніе разоблачены были бернскимъ епископомъ Бауеромъ, по случаю ревизіи одной изъ шульферейнскихъ школъ въ его епархіи. Это не мѣшаетъ однако шульферейну пользоваться гласною поддержкою верховодящихъ круговъ Германіи и Австро-Угріи, которые вовсе не брезгаютъ этимъ видомъ душехватства между славянами. Чешскій школьный союзъ не въ силахъ бороться съ богатымъ шульферейномъ, который имѣетъ общенѣмецкій характеръ, слѣдовательно можетъ быть уравновѣшенъ лишь общеславянскимъ же школьнымъ союзомъ, всего бы лучше—имени Коменскаго.

Въ одной изъ прежнихъ лѣтописей намъ приходилось уже касаться вопроса о введеніи въ галицкорусскія школы фонетическаго правописанія. Въ настоящее время вопросъ этотъ вступаетъ въ новую фазу: онъ разсмотрѣнъ въ особой комиссіи избранныхъ правительствомъ экспертовъ, почти исключительно изъ зависимыхъ отъ него лицъ или завѣдомыхъ сепаратистовъ, которые конечно одобрили ими же сочиненный проектъ орѳографической реформы и внесли его въ министерство на утвержденіе. Суть проекта характеризуется тѣмъ, что изъ традиціонной русской графики выбрасывается три столь важныхъ въ исторіи славянской письменности начертанія, какъ Ъ, Ы, Ѣ, а взамѣнъ ихъ вводятся ап, строфы, буква ї (въ отличіе отъ и, і) и є (вм. іе). Іотованныя гласныя (я, ю) удержаны, притомъ не только въ началѣ словъ и слоговъ, но и послѣ согласныхъ въ такихъ напр. написаніяхъ, какъ вю (вм. вью), лю (вм. лью), и т. п. Уже изъ этого видно, что придуманная «новоэристами» графика не есть ни фонетическая, ни этимологическая, ни историческая, а совершенно произвольная смѣсь ихъ всѣхъ, не имѣющая ни научныхъ основъ, ни практической пригодности.

Мы понимаемъ потому крайнее огорченіе, вызванное этимъ проектомъ во всей Галичинѣ, которая вовсе не желаетъ отказываться отъ своей традиціонной графики, выросшей въ союзѣ школы съ церковью. Можно думать, что и этотъ злополучный экспериментъ окажется столь же эфемернымъ, какъ нѣкогда болѣе радикальный латинизаторскій проектъ гр. Голуховскаго. Но что «новоэристамъ», или вѣрнѣе направляющимъ ихъ движенія полякамъ удастся еще болѣе раздражить народъ, уронить галицко-русскую школу и слѣдовательно увеличить число русскихъ аналфабетовъ,—въ этомъ врядъ ли можно сомнѣваться.

1 іюня. **А. Б.**



ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ

Изъ Кіева.

По поводу чешскихъ дѣлъ

Не соглашаясь съ основными положеніями напечатанныхъ въ мартовской книжкѣ «Слав. Обозрѣнія» корреспонденцій изъ моравскаго Валашска и изъ Мельника, я позволяю себѣ высказать по этому поводу нѣсколько замѣчаній.

Чешскій корреспондентъ изъ Мельника принадлежитъ, кажется, къ партіи старыхъ, а поэтому жалуется на несуществующую теперь въ чешскомъ народѣ разрозненность. Конечно, до вѣнскихъ пунктацій г. Ригеръ считался вождемъ чешскаго народа, но на самомъ дѣлѣ онъ имъ пересталъ быть давно, съ тѣхъ поръ какъ склонилъ свою шею подъ ярмо феодально-ультрамонтанской партіи богемскихъ дворянъ (римско-католическаго убѣжденія и нѣмецкаго главнѣйше языка) и такимъ образомъ отдалъ судьбы чешскаго народа въ руки богемскаго, но не чешскаго (такимъ оно само себя не признаетъ!) дворянства! Чешскій народъ слушался г. Ригера до тѣхъ поръ, пока онъ вѣрно держался направленія, указаннаго нѣкогда Палацкимъ, Гавличкомъ и другими, сошедшими уже въ могилу патріотами 1848 года, и пока народъ видѣлъ въ немъ поборника славянской идеи. Но когда г. Ригеръ сталъ преданнымъ слугою Кламъ-Мартиница, т. е. рабомъ цислейтанскаго конституціонализма и ультрамонтанства, чехи прозрѣли и стали относиться къ его политикѣ съ глубокимъ недовѣріемъ, открыто его заявляя не только въ публицистикѣ, но и на дѣлѣ. По волѣ народа, въ чешскій сеймъ и вѣнскій рейхсратъ стали попадать люди какъ будто новаго направленія и закала, на

самомъ же дѣлѣ люди, идущіе все по тому же старому пути отца Палацкаго, Браунера, прежняго Ригера, какъ поборниковъ чешскаго государственнаго права и автономіи земель чешской короны. Когда же Ригеръ съ Матушемъ и другими единомышленниками вошелъ безъ вѣдома и полномочія отъ народа въ злосчастную сдѣлку съ гр. Таафе и нѣмцами,—онъ погубилъ себя окончательно. Его престижъ палъ и самъ онъ виноватъ, если большинство народа отвернулось отъ него. Въ настоящее время прояснился горизонтъ надъ чехами; ихъ путеводною звѣздою вновь является идея возрожденія чешской государственной самостоятельности, включая сюда Мораву и Слезію, подъ единою короною св. Вячеслава. Лишь этимъ путемъ могутъ обезпечить себѣ чехи не только политическую, но и экономическую независимость и спасти свою національность отъ шовинистическихъ поползновеній на нее нѣмцевъ, въ союзѣ съ мадьярами и поляками.

Чешскій народъ въ настоящее время на столько политически развитъ, что взялъ веденіе своихъ дѣлъ въ собственныя руки и не нуждается въ командѣ изъ Праги, какъ это велось раньше, когда Ригеръ et consortes назначали избирательнымъ округамъ кандидатовъ въ парламентскую депутацію и никто не смѣлъ прекословить. Теперь избиратели сами намѣчаютъ себѣ будущихъ сеймовыхъ представителей. Чехи живутъ и думаютъ теперь какъ политически взрослый народъ, а ребенкомъ, ходящимъ на помочахъ г. Ригера (recte Лобковица, Шварценберга и друг.), онъ уже пересталъ быть. Съ этимъ явленіемъ должно считаться тѣмъ паче, что г. Ригеръ замѣнилъ Москву Римомъ, чешское государственное право — декабрьскою конституціею и вѣнскими пунктаціями.

Пишущему эти строки послѣ 20 л. пребыванія въ Россіи одинаково чужды партійные интересы какъ старо, такъ и младо-чеховъ. Но я никакъ не могу согласиться съ тѣмъ пессимизмомъ, какимъ проникнута корреспонденція г. Ф. Т.

Не далѣе какъ минувшимъ лѣтомъ, во время выставки въ Прагѣ, я побывалъ на родинѣ и убѣдился воочію не только въ Прагѣ, но и въ провинціи, какая бодрость и увѣренность охватила моихъ соотечественниковъ,—совсѣмъ не то, что я встрѣчалъ какія нибудь 10—11 лѣтъ тому назадъ. Есть, конечно, въ чехахъ еще много недостатковъ; но самый крупный изъ нихъ — это уныніе такихъ несомнѣнныхъ патріотовъ, каковъ самъ г. Ф. Т.

Что же касается корреспонденціи изъ Валашска, то намъ не вполнѣ понятны и сѣтованія г. Ф. Б.! Неужели, напр., населеніе какой-нибудь—скажемъ вологодской или костромской—губерніи бу-

детъ вправѣ требовать отъ всего русскаго народа введенія у себя литературнаго костромскаго говора лишь потому, что русская литература, писанная московскимъ говоромъ, хотя на общихъ началахъ всего русскаго языка (какъ чешскій языкъ есть говоръ пражскаго округа, развитый на общихъ чешско-моравско-словенскихъ основаніяхъ), имъ костромичамъ или вологжанамъ почему то не понутру! А вѣдь все Валашско не больше какой-нибудь волости въ той же вологодской или костромской губерніи! *

Что же касается его политическаго положенія, то оно зависитъ отъ австрійскаго режима, который одолѣть не удалось чехамъ даже у себя дома, не говоря о Моравѣ. Сидя сами въ крѣпкой колодѣ нѣмецкой могутъ ли чехи помочь теперь моравянамъ, когда представители послѣднихъ въ бернскомъ сеймѣ заботятся менѣе всего о благѣ валаховъ и вообще моравянъ, а скорѣе о своемъ личномъ благѣ или о благополучіи нѣмецкаго меньшинства населенія. За такое свое поведеніе моравскіе депутаты не встрѣчаютъ у большинства парламентскихъ своихъ коллегъ, принадлежащихъ чешскому сейму,— сочувствія или одобренія. Вспоминать же чиновниковъ-чеховъ временъ Баха теперь является, по меньшей мѣрѣ, анахронизмомъ!

Австрійскій бюрократизмъ выхолощенъ, лишенъ національнаго «я» и претитъ одинаково всѣмъ австрійцамъ, въ своихъ калейдоскопическихъ разновидностяхъ.

Кіевъ, 10 апр. 1892. **Ѳедоръ Ярешъ**

Примѣчаніе редактора.

Съ удовольствіемъ помѣстивъ возраженія г. Яреша на корреспонденціи изъ Моравіи и Чехіи, мы должны однако оговориться, что не во всемъ согласны съ уважаемымъ кіевскимъ педагогомъ. Врядъ ли можно утверждать, что теперь нѣтъ никакой разрозненности въ чешскомъ народѣ. Вѣдь въ понятіе «народа» входитъ и его интеллигенція, а въ средѣ послѣдней—согласны ли теперь съ младочешскими идеями помѣщики, ксендзы и большинство чиновниковъ, слѣд. большинство образованныхъ сословій? Конечно, нѣтъ, слѣд.

* Сѣтованія г. Ф. Б. намъ тѣмъ страннѣе, что въ чешской литературѣ проявляется большой интересъ къ Валашску (наприм. сочиненія Габріелы Прейссовой); чехи посѣщаютъ Валашско чаще, чѣмъ другіе края своей родины; мало того, Рожновъ сталъ курортомъ довольно извѣстнымъ, благодаря, главнымъ образомъ, чехамъ. На сценѣ пражскаго народнаго театра давалась въ прошломъ году драма Прейссовой «Ея пасторкиня» (ея падчерица), взятая изъ быта валаховъ и написанная отчасти валашскимъ говоромъ, въ точно-воспроизведенной бытовой обстановкѣ и костюмахъ.

рознь здѣсь, въ средѣ образованной, безспорна. Но и въ низшихъ слояхъ населенія вліяніе этой розни не можетъ не отражаться, въ силу и экономической и нравственной ихъ зависимости отъ помѣщика, ксендза, чиновника, учителя. Ссылаться на выборы депутатовъ тутъ недостаточно, ибо въ нихъ всегда много случайнаго и измѣнчиваго. Народъ, который вчера выбиралъ однихъ почти старочеховъ, а сегодня однихъ почти младочеховъ, завтра можетъ вновь оставить знамена послѣднихъ и перейти къ первымъ. Затѣмъ, сколько уже въ Чехіи соціалистовъ, притомъ различныхъ толковъ: національныхъ, интернаціональныхъ, умѣренныхъ, радикальныхъ и т. п.! Нашъ мельницкій корреспондентъ имѣлъ слѣд. полное право указать на общественную рознь въ средѣ чеховъ, которая лишаетъ ихъ теперь желанія и возможности оставаться подъ однимъ знаменемъ, однимъ общимъ вождемъ, въ родѣ «отца Палацкаго» въ прежніе годы, а отчасти и его «зятя-Ригера».

Не вполнѣ согласны мы и съ оптимистическимъ убѣжденіемъ г. Яреша, будто «въ настоящее время прояснился горизонтъ надъ чехами». Вѣдь онъ самъ ниже говоритъ, что чехи сидятъ теперь «въ крѣпкой колодѣ нѣмецкой». Какое же тутъ проясненіе? Не вѣрнѣе ли въ такомъ случаѣ пессимистическій взглядъ г. Ф. Т.? Уныніе, конечно, вредно въ политической борьбѣ, но не вреднѣе ли еще обманчивое самоуспокоеніе?

Моравскаго корреспондента г. Ярешъ напрасно упрекаетъ въ пристрастіи къ областному говору и желаніи замѣнить имъ чешскій литературный языкъ. Наоборотъ, онъ признаетъ права послѣдняго, но съ тѣмъ, чтобы «господствующій въ Моравіи чешскій литературный языкъ... открылъ въ свою среду приливъ моравскихъ говоровъ, особенно столь архаичныхъ, какъ валашскій и славянскій» (стр. I, 411). Это вѣдь совсѣмъ не то, что возвышеніе костромскаго говора въ литературные языки! У насъ никто не отрицаетъ за этимъ говоромъ права обогащать своимъ приливомъ общерусскій языкъ. Никто не навязываетъ костромичу имени москвича, продолжая сравненіе г. Яреша. Не считаемъ мы «анахронизмомъ» и словъ г. Ф. Б., что «валашскій народъ мало знаетъ чеховъ, судя о нихъ преимущественно по несимпатичнымъ типамъ чешскихъ чиновниковъ временъ Баха и другихъ германизаторовъ». Если валашское простонародье дѣйствительно такъ думаетъ и теперь, то констатируя это корреспондентъ вовсе не впадаетъ въ анахронизмъ, тѣмъ болѣе, что онъ заявляетъ это какъ наблюдаемый имъ фактъ, а не его собственный взглядъ или убѣжденіе.

А. Б.

Изъ Львова.

Результаты послѣдняго сейма. Упадокъ польскаго землевладѣнія. Ожидовленье городовъ. Неохота къ промышленности. Новое направленіе въ средѣ молодежи Развитіе соціализма. Положеніе сельскихъ учителей.

Засѣданія львовскаго сейма, происходившія отъ 22 февраля до 28 марта, представляли болѣе отрадную картину, чѣмъ въ прежніе годы: на этотъ разъ обошлось безъ обычной распри между поляками и русскими. Это составляетъ заслугу намѣстника гр. Каз. Бадени и сеймоваго маршала кн. Евстахія Сангушко, сумѣвшихъ по внушеніямъ изъ Вѣны расположить польское большинство въ пользу требованій русскихъ пословъ. Сеймъ согласился на учрежденіе русской гимназіи въ Коломыѣ и дополнительныхъ русскихъ классовъ при учительскихъ семинаріяхъ въ Тарнополѣ, Станиславовѣ и Перемышлѣ. Это хоть отчасти удовлетворило русскихъ, несмотря на то, что болѣе важныя ихъ предложенія: о введеніи непосредственныхъ выборовъ въ сеймъ и объ устраненіи церковнаго патроната (права помѣщиковъ назначать приходскихъ священниковъ), были отклонены.

Экономическое положеніе Галичины, а въ зависимости отъ него и имущественныя отношенія здѣшнихъ поляковъ до того разстроены, что послѣдніе едва-ли могутъ думать о дальнѣйшемъ давленіи русской стихіи. Въ продолженіи 18 лѣтъ, начиная съ 1873 г., сеймъ принужденъ былъ вслѣдствіе хроническихъ дефицитовъ въ земскомъ бюджетѣ дѣлать все новые и новые займы, которые теперь составляютъ уже громадную для Галичины сумму 7.650,100 гульд.! Да и въ нынѣшнемъ году для областного обихода придется вновь призанять до 1.600,000 гульд., несмотря на то, что для покрытія издержекъ мѣстнаго управленія прибавки къ государстеннымъ податямъ будутъ повышены съ 36% на 39%!

Полонизмъ опирается въ Галичинѣ на польскихъ помѣщикахъ. Но эта опора мало-по-малу слабѣетъ. Площадь Галичины обнимаетъ 13.640,646 морговъ, оффиціально распредѣленныхъ на мелкое (крестьянское) и табулярное (помѣщичье) землевладѣніе. Послѣднее составляетъ теперь 5.362,245 морговъ, т. е. 39,31% всей площади. Но если изъ него вычесть имѣнія государственныя (384,000 морг.), церковныя (218,000 морг.), общинъ, благотворительныхъ заведеній, банковъ и пр. то во владѣніи помѣщиковъ остается лишь 4.461,314 морг. Но не всѣ эти помѣстья находятся теперь въ польскихъ рукахъ. Такъ напр. во владѣніи эрцгерцога Альбрехта находится до 80,000 морг., у эрцгерцога Райнера 50,000 м., бар. Либига 113,000 м., Гродо-За-

дика 68,000 м., Пойнера 58,000 м., у 630 евреевъ - помѣ
591,693 м. Кромѣ того есть немалое число мелкопомѣстны
ственниковъ-нѣмцевъ. Слѣдовательно для польской шляхты
тичемъ считается теперь каждый помѣщикъ, хотя бы он
имѣлъ герба) останется не болѣе, какъ 3.500,000 морг., т. е. око
площади края. Большинство этихъ имѣній не управляется со
никами, но отдается въ аренду евреямъ, которые пользуются
чительно еврейскою прислугою, отчего польскіе экономы и р
(управители) исподоволь исчезаютъ. Кромѣ того польскія по
обременены долгами, приблизительно до 200 милл. гульд.
Такимъ образомъ главная опора полонизма оказывается въ э
ческомъ отношеніи очень шаткою.

Не лучше поставленъ полонизмъ въ городахъ. Нѣтъ ст
ческихъ данныхъ о вѣроисповѣданіи и народности городских
владѣльцевъ, содержателей фабричныхъ заводовъ, промыш
ковъ, купцовъ и ремесленниковъ. Но каждаго пріѣзжаго въ г
городъ удивитъ безконечное число еврейскихъ купеческихъ
между которыми христіанскія представляются настоящими о
Да и дома въ городахъ быстро переходятъ въ руки евреевъ,
уже теперь составляютъ въ нихъ, за изъятіемъ Львова и К
руководящую стихію. Для поддержанія торговли и ремеслъ
ствуютъ ссудно-сберегательныя общества, основанныя на к
порукѣ членовъ. Такихъ кассъ въ 1890 г. было 272 съ 153.0
нами и до 20 милл. гульд. капитала. Между ними чисто-евр
обществъ было 77; прочія имѣютъ христіанскій характер
между членами и тутъ не мало евреевъ. Изъ большого чис
стіанскихъ кассъ нельзя однако заключать объ экономическ
ревѣсѣ христіанъ, ибо евреи для торговыхъ и промышленны
образуютъ частныя артели, не отмѣченныя статистикой, хр
же вписываются въ члены кассъ либо для полученія займ
для помѣщенія на проценты капитала. Торговое и промыш
движеніе почти исключительно въ рукахъ евреевъ. Значені
ревѣсъ евреевъ еще усилится, когда разовьетъ свою дѣяте
учрежденіе бар. Гирша, пожертвовавшаго для поддержанія евр
элемента въ Галичинѣ и Буковинѣ до семи милл. гульд.
центы отъ этой суммы устроено уже десять еврейскихъ
главнымъ образомъ промышленнаго характера; вслѣдъ за ним
положены дальнѣйшія учрежденія, для распространенія ме
реями знаній по промышленности, сельскому хозяйству и рем

Для противодѣйствія экономическому перевѣсу евреевъ
старается возбудить въ христіанскомъ населеніи охоту къ п
ленности. А такъ какъ здѣсь нѣтъ благопріятствующихъ

для фабричныхъ заводовъ по причинѣ сильной конкуренціи Запада, недостатка капиталовъ, скудости желѣзной руды и каменнаго угля, то сеймъ пытается поднять по крайней мѣрѣ кустарный промыслъ. Но и въ этомъ не видимъ успѣха, ибо фабричныя издѣлія запада, заливаютъ край и убиваютъ мѣстную предпріимчивость. Жалкое экономическое состояніе края констатировано и маршаломъ сейма кн. Евст. Сангушко, въ рѣчи при открытіи послѣдняго сейма: «Не вижу, сказалъ онъ, среди нашего общества достаточнаго числа людей со смѣлымъ и твердо обдуманнымъ починомъ, съ энергіею и рѣшимостью. Въ молодежи нашей, выходящей изъ школъ, преобладаетъ погоня за государственными и областными должностями; охоты же къ самостоятельному продуктивному труду не замѣчается»!

Характеристика эта вѣрна. Помѣщикъ, мѣщанинъ, крестьянинъ отдаетъ своихъ сыновей въ школу лишь для того, чтобы они были впослѣдствіи чиновниками, священниками, адвокатами и т. п.; экономическое же поприще предоставляется евреямъ и иностранцамъ.

Вотъ почему у насъ съ каждымъ годомъ слабѣютъ и польская, и русская стихіи, которыя къ тому же разоряютъ другъ друга взаимною борьбою. При такомъ положеніи дѣлъ стоитъ только назначить какого нибудь Гайнаў намѣстникомъ Галичины и дать ему въ распоряженіе нѣсколько сотъ чиновниковъ-нѣмцевъ, чтобы опять начать даже при конституціонномъ образѣ правленія германизацію этой области!

Руководящею стихіею среди галицкихъ поляковъ являются такъ называемые «станчики», къ которымъ примыкаетъ шляхта и католическое духовенство. Суть ихъ стремленій составляютъ: католицизмъ, преобладаніе шляхты въ народныхъ дѣлахъ, консерватизмъ, подъемъ политической силы польскаго народа дипломатическимъ путемъ, при помощи общеевропейскихъ усложненій и наконецъ вѣрность западной образованности. Касательно послѣдней замѣчу мимоходомъ, что она для поляковъ очень разорительна, ибо главнымъ ея знаменемъ является роскошь и чувственныя удовольствія, которыя съ одной стороны располагаютъ польскихъ помѣщиковъ проматывать свои имѣнія, съ другой же—вызываютъ явленія соціализма и анархизма.

Соціальное движеніе все сильнѣе охватываетъ галицкихъ поляковъ. Особенно усилилось оно съ 1890 г. Въ 1891 г. основано во Львовѣ соціалистическое общество «Сила», насчитывающее теперь болѣе 1,000 членовъ. Соціалистическіе кружки существуютъ въ Краковѣ (900 членовъ), Подгуржѣ (150 чл.), Станиславовѣ (200 чл.), Коломыѣ, Тарновѣ, Новомъ Сончѣ, Бѣлой и др. городахъ. Еще важнѣе то, что молодое поколѣніе, получающее образованіе въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, исподоволь

отступаетъ отъ старопольскихъ идеаловъ, въ пользу новыхъ началъ. Половина членовъ краковскаго студенческаго общества «Czytelnia akademicka» подняла надъ собою знамя, идущее въ разрѣзъ съ католицизмомъ и шляхетствомъ. Она одушевляется естественнымъ міросозерцаніемъ, съ пренебреженіемъ богословскихъ и метафизическихъ пріемовъ, принципомъ справедливости для единицъ, массъ и народовъ, эманципаціею четвертаго сословія (котораго въ Галичинѣ нѣтъ) и женщинъ. Такими же приблизительно стремленіями проникнуты вѣнское студенческое общество «Ognisko» и студенческіе кружки польской молодежи въ Швейцаріи. По вопросу о политической и общественной эманципаціи женщинъ состоялось недавно (10 наст. апрѣля) во Львовѣ вѣче, въ которомъ участвовали женщины различныхъ народностей.

Руководящіе польскіе кружки опасаются, чтобы соціализмъ не охватилъ сельскихъ учителей, отъ которыхъ очень легко онъ могъ бы проникнуть въ народныя массы. Это опасеніе не лишено основаній, ибо такіе учителя, получая не болѣе 300 гульд. жалованья и не будучи въ состояніи пропитать семью при огромной дороговизнѣ въ Галичинѣ, составляютъ своего рода образованный пролетаріатъ, враждебно относящійся къ нынѣшнему общественному строю. Былъ проектъ, чтобы народные учителя наряжались въ крестьянское платье и вели крестьянскій образъ жизни; но учителя, усвоившіе себѣ полушляхетское образованіе и связанные съ нимъ предразсудки, съ негодованіемъ это отклонили. Кончилось тѣмъ, что сеймъ повысилъ имъ немножко жалованіе, опредѣливъ на этотъ предметъ для всей Галичины 200,000 гульд.

Удивительно ли, если при такихъ условіяхъ польская литература не можетъ процвѣтать въ Галичинѣ, если польскія книги не находятъ здѣсь покупателей, а польскія газеты держатся единственно при помощи различныхъ субвенцій! Только наука находитъ еще теперь хорошихъ, хотя не всегда безпристрастныхъ дѣятелей среди профессоровъ обоихъ университетовъ, а отчасти преподавателей среднихъ учебныхъ заведеній Галичины.

5—17 мая 1892. **Червоноруcъ**

Изъ Кошицъ (Угрія)

Угрорусское простонародье. Его экономическое положеніе. Народныя школы. Церковь. Національное сознаніе. Угрорусская интеллигенція. Ея постепенное омадьяренье. Высшее и низшее духовенство. Трудность нынѣшняго положенія угрорусовъ.

Нѣтъ въ Угріи народа, который находился бы теперь въ столь угнетенномъ положеніи, какъ полумилліонный народецъ угрорусскій.

Его существованію грозитъ серьезная опасность, притомъ не образованному лишь классу, но и значительной части простонародья. Это тѣмъ грустнѣе, что угрорусская интеллигенція до недавняго времени отличалась истинно-народнымъ духомъ, была свободна отъ увлеченій западомъ и чувствовала свою принадлежность къ великому славянскому міру, вовсе не раздѣляя украйнофильскихъ предубѣжденій противъ Россіи. И простонародье вѣрно хранило въ своихъ горныхъ убѣжищахъ вѣру отцовъ, русское имя и сознаніе племенного единства. Теперь многое уже измѣнилось, но не къ лучшему, и печальная будущность все яснѣе обрисовывается теперь передъ нами, если не послѣдуетъ неожиданнаго переворота.

Русское населеніе Угріи состоитъ собственно изъ двухъ сословій крестьянства и духовенства. Немногочисленное и прежде русское дворянство либо давно уже омадьярилось, либо должно поневолѣ скрывать свое русское происхожденіе, если желаетъ получить какую либо должность правительственную или по выборамъ. Промышленнаго и торговаго русскаго сословія здѣсь не могло развиться, ибо все захвачено въ руки евреями. Угрорусскіе чиновники, учителя и т. п., вполнѣ завися отъ мадьяръ, обыкновенно боятся и заикнуться порусски, почему и дѣтей своихъ съ малолѣтства обучаютъ мадьярскому языку. Да и такихъ, выхолощенныхъ уже въ національномъ смыслѣ русскихъ чиновниковъ все-таки не назначаютъ на мѣста въ русскихъ мѣстностяхъ, а гдѣ нибудь подальше, среди словаковъ или мадьяръ.

Остаются слѣдовательно русскими и въ Угріи—какъ встарь во всей западной Руси—лишь «хлопъ да попъ».

Экономическое положеніе русскаго крестьянства въ Угріи вообще довольно печально. Большинство его живетъ въ горныхъ трущобахъ и долинахъ, въ суровомъ климатѣ, съ тощей почвой. Только выходящія на угорскую низменность русскія поселенія находятся въ лучшихъ экономическихъ условіяхъ.

Но кромѣ скудной природы есть много и другихъ причинъ бѣдности угрорусскаго населенія.

Освобожденіе крестьянъ въ 1848 году и несправедливо произведенная «коммассація» (размежеваніе) крестьянскихъ угодій въ послѣднія десятилѣтія оставили за крестьянами только небольшую часть той земли, которою они владѣли при крѣпостномъ правѣ. Лучшія земли, особенно же горные лѣса и полонины, необходимыя для пастбищъ, остались или за казною или въ рукахъ крупныхъ землевладѣльцевъ, налагающихъ на крестьянъ произвольную плату за пользованіе ими, да еще вдобавокъ при посредствѣ евреевъ-арендаторовъ.

Общая экономическая политика Угріи направлена не на поддержаніе простого народа, а на образованіе крупныхъ капиталовъ, на развитіе промышленности и торговли, съ которыхъ государство имѣетъ больше дохода. Великомадьярская идея, двѣ арміи, дорого стоящая система представительства, стремленіе играть роль въ общеевропейской политикѣ, виды на Балканскій полуостровъ, наконецъ тщеславное желаніе похвастаться предъ Европой роскошно обстроенными Пештомъ, Сегединомъ, Дебрециномъ, — все это требуетъ большихъ денегъ, добываемыхъ высокими прямыми и косвенными налогами, введеніемъ государственной монополіи на табакъ, на соль и т. п. Свѣдующіе люди утверждаютъ, что и при распредѣленіи податей мадьяры нерѣдко руководятся національнымъ шовинизмомъ: на «дольней землѣ», въ мѣстностяхъ съ богатѣйшей почвой, заселенныхъ кровными мадьярами, подати пропорціонально доходности земли—значительно меньше взимаемыхъ на русской «верховинѣ».

Особенно же тяжело приходится русскимъ отъ евреевъ, въ громадномъ числѣ населяющихъ не только города, но и русскія села, гдѣ они захватили уже значительную часть крестьянскихъ усадебъ и участковъ. При продажности и развращенности мадьярской администраціи, евреямъ очень легко обирать крестьянъ.

Если прибавить еще невѣжество угрорусскаго крестьянства, скудость хорошихъ школъ, которыя бы давали реальныя знанія, а не одинъ навязанный мадьярскій языкъ, отсутствіе читаленъ, которыя считаются опасными притонами панславизма, наконецъ неразлучное съ бѣдностью пьянство (общество трезвости—тоже панславизмъ и москалефильство), то легко понять быстрый упадокъ этого забытаго и забитаго населенія. Вотъ почему выселеніе угрорусскихъ крестьянъ въ Америку идетъ все сильнѣе, несмотря на противодѣйствіе правительства. Зарабатывая тамъ много денегъ, русскіе высылаютъ ихъ на родину, возвращаются и сами домой, но рѣдко кто выкупаетъ заложенную у евреевъ землю и остается здѣсь хозяйничать. Къ тому же, привыкнувъ къ иной жизни, къ иному труду, они уже неохотно принимаются за крестьянскія работы, неохотно подчиняются мадьярскому игу. Черезъ нѣсколько времени они опять уѣзжаютъ въ Америку, а наконецъ выписываютъ туда и свои семьи. Теперь въ Америкѣ до 9 угрорусскихъ приходовъ, со священниками изъ Пряшевской и Мукачевской епархіи, и до 100,000 угрорусскаго населенія. Изъ этихъ путешествій угрорусы выносятъ и распространяютъ между своими земляками убѣжденіе, что мадьярскій языкъ никуда ненуженъ, что съ нимъ дальше Угріи не уйдешь.

Въ національномъ отношеніи угрорусскій народъ мало пробуж-

денъ. Онъ инстинктивно привязанъ къ своему языку, но если представится случай, охотно и легко учится мадьярскому и любому другому языку и не думаетъ о какой либо своей особности. Главное, что поддерживаетъ его духовную самобытность—это его «русская» вѣра. Мадьяръ—это кальвинъ, онъ же руснякъ. Замѣчательно, что не только русскій крестьянинъ, но и словакъ, даже мадьяръ называетъ свою вѣру, церковь, священника и себя руснякомъ, orosz, если онъ уніатъ. И эти русскіе словаки, русскіе мадьяры крѣпко привязаны къ своему обряду, къ своему церковно-славянскому, или—какъ они думаютъ—«русскому» языку. Правда въ нѣкоторыхъ чисто мадьярскихъ уніатскихъ приходахъ болѣе ревностные священники - мадьяры ввели вполнѣ или отчасти богослуженіе мадьярское. Однако несмотря на все содѣйствіе правительства дѣло не обошлось тутъ безъ неудовольствія со стороны прихожанъ-мадьяръ. Еще и теперь во многихъ мадьярскихъ приходахъ богослуженіе совершается по-русски. Введенію мадьярскаго языка въ богослуженіе по легко понятнымъ причинамъ противится и папа. При такихъ условіяхъ правительство не можетъ рѣшиться на введеніе мадьярскаго языка въ богослуженіе въ чисто русскихъ приходахъ. А пока держится «русскій» или вѣрнѣе церковно-славянскій языкъ въ церкви, онъ не можетъ быть изгнанъ изъ приходской школы, слѣдов. останется и впредь для угрорусскаго народа связующимъ звеномъ съ его прошлымъ и съ остальными частями русскаго племени.

Нельзя сказать, чтобы у мадьяръ не было желанія и попытокъ мадьяризовать простой угрорусскій народъ. Предположено было основать цѣлый рядъ государственныхъ народныхъ школъ, съ мадьярскимъ преподавательнымъ языкомъ и замѣнить ими существующія до сихъ поръ школы приходскія. Недостатокъ средствъ помѣшалъ выполненію этого плана. До сихъ поръ основано не болѣе сотни правительственныхъ школъ въ болѣе богатыхъ русскихъ селахъ, да и то нѣкоторыя изъ нихъ по недостатку средствъ опять переданы приходу, ибо приходскія школы, въ которыхъ обучаютъ мѣстные дьячки (пѣвцо-учители), обходятся значительно дешевле. Теперь правительство заводитъ т. наз. ясли или сельскіе пріюты, куда будутъ брать дѣтей отъ 3—6 лѣтъ на время дневныхъ работъ. Дѣти находятся въ ясляхъ подъ присмотромъ надзирательницы-мадьярки, играютъ, понемногу учатся и все конечно должно итти тутъ по-мадьярски. Содержаніе ихъ возлагается на села, которыя однако крайне враждебно относятся къ этимъ новымъ очагамъ мадьяризаціи.

Такимъ образомъ, дѣти русскихъ крестьянъ до сихъ поръ получаютъ (или вѣрнѣе должны получать) образованіе главнымъ образомъ въ приходскихъ школахъ. Лѣтъ 10—15 тому назадъ все пре-

подаваніе велось въ нихъ по-русски, но съ каждымъ годомъ обращалось все большее вниманіе на изученіе мадьярскаго языка, на которомъ стали наконецъ преподавать часть предметовъ. Окружные инспекторы, назначаемые правительствомъ, заботятся только о мадьярскомъ языкѣ; на остальные предметы они не обращаютъ никакого вниманія. Выборный отъ духовенства—обыкновенно кто нибудь изъ канониковъ—долженъ слѣдить за преподаваніемъ русскихъ предметовъ и особенно закона Божія. Но по вліянію мадьяръ на эти посты избираются такіе каноники, которые тоже гораздо болѣе озабочены успѣхами мадьярщины.

До сихъ поръ однако результаты ничтожны. Дѣти учатся помадьярски лишь на показъ и вовсе не успѣваютъ прочно усвоить себѣ этотъ трудный финскій языкъ. Дальнія разстоянія, суровыя зимы, бѣдность населенія, нуждающагося въ работѣ дѣтей, наконецъ отсутствіе сознанія пользы школъ—все это мѣшаетъ правильному посѣщенію ихъ, несмотря на налагаемые за то штрафы, которыхъ нѣтъ возможности взыскивать, по бѣдности крестьянъ. Такимъ образомъ школа не можетъ имѣть глубокаго вліянія на народъ, тѣмъ болѣе что и устроены приходскія школы довольно плохо. Пѣвцо-учители подготовляются въ особыхъ учительскихъ семинаріяхъ (препарандіяхъ), гдѣ все сосредоточено на изученіи мадьярщины. За очень скудное вознагражденіе долженъ такой пѣвцо-учитель и дѣтей учить, и въ церкви пѣть, и требы отправлять, да къ тому же обработывать свою землю. Все его отвлекаетъ отъ школы и онъ очевидно не можетъ вести преподаваніе какъ слѣдуетъ. Довольно апатично относятся и угрорусскіе священники къ дѣлу народнаго образованія. Въ большинствѣ случаевъ они мало обращаютъ вниманія на ознакомленіе дѣтей въ народныхъ школахъ съ церковнымъ языкомъ, съ церковнымъ пѣніемъ и даже съ закономъ Божіимъ, предоставляя все это мало свѣдущимъ дьячкамъ. Между тѣмъ народъ чрезвычайно любитъ церковную азбуку, церковную службу, пѣніе, молитвы и сравнительно охотно слушаетъ и читаетъ книги духовнаго содержанія. Понятно, что въ такой школѣ ничему не научатъ толкомъ, тѣмъ менѣе—мадьярщинѣ. Окруженныя сплошнымъ русскимъ населеніемъ, дѣти скоро забываютъ скудный запасъ заученныхъ мадьярскихъ словъ и фразъ, тѣмъ болѣе что у нихъ вовсе нѣтъ охоты читать, да и книгъ нѣтъ. Мадьяры мало обращаютъ вниманія на изданіе книгъ для простонародья.

Представители администраціи и суда принуждены объясняться съ народомъ на его языкѣ, хотя вся переписка ведется по-мадьярски. Безграмотность многихъ и почти общее незнаніе мадьярщины облегчаютъ сельскимъ писарямъ и евреямъ эксплоатацію угрорусскаго простонародья. Больше чѣмъ въ школахъ знакомится оно

съ мадьярскимъ языкомъ во время полевыхъ работъ на «дольней землѣ», особенно же во время военной службы въ мадьярскихъ полкахъ. Въ 3 — 4 года угрорусскій солдатъ овладѣваетъ мадьярскимъ языкомъ и воротясь домой не забываетъ его такъ скоро; разговорнымъ языкомъ его всетаки остается языкъ русскій.

Гораздо успѣшнѣе подвигается мадьяризація русскихъ городовъ и селеній, расположенныхъ въ угорской равнинѣ. Тамъ и почва богаче, и школы—именно государственныя—лучше, крестьяне развитѣе, охотнѣе посылаютъ своихъ дѣтей учиться, а что̀ всего важнѣе— есть прямое вліяніе мадьярскаго элемента изъ селъ вполнѣ мадьярскихъ или хоть наполовину омадьяренныхъ. Въ городахъ на народъ вліяетъ примѣръ интеллигенціи и евреевъ. Въ такихъ мѣстностяхъ усилія правительства не безплодны: граница мадьярско-русская—правда медленно, но постоянно—передвигается съ юга и запада на сѣверъ и востокъ, къ подножіямъ горъ. Но здѣсь она должна остановиться и много времени понадобится, чтобы мадьяризмъ проникъ въ глубь Бескидовъ, если это вообще возможно.

Какъ относится угро-русское простонародье къ мадьярамъ? Ненависти къ нимъ, какъ къ мадьярамъ, нѣтъ повидимому совсѣмъ. Зато есть ненависть къ панамъ, главнымъ образомъ къ чиновникамъ, а особенно къ евреямъ, вообще къ нынѣшнему порядку вещей. Въ то же время есть смутная надежда на избавленіе съ сѣвера, гдѣ живетъ-де русскій Царь, который усмирилъ уже разъ мадьярскаго короля, Кошута...

Ничего не зная объ угорскомъ королевствѣ и королѣ, угрорусскіе крестьяне вообще твердо преданы своему царю, котораго только все обманываютъ-де паны. О покойномъ же эрцгерцогѣ Рудольфѣ сложилась на угорской Руси легенда, что онъ живъ и скоро вернется, чтобы отомстить панамъ и особенно жидамъ.

Перейдемъ теперь къ угро-русской интеллигенціи, которая состоитъ главнымъ образомъ изъ духовенства. На эту часть угро-русскаго народа направлены были главные удары мадьяръ и они достигли здѣсь значительныхъ успѣховъ, вѣроятно бо̀льшихъ, чѣмъ могли сами ожидать. Тактика мадьяръ заключалась въ слѣдующемъ. Прежде всего они дѣйствовали противъ духовенства и немногочисленныхъ, независимо поставленныхъ свѣтскихъ дѣятелей газетными доносами, обвиняя ихъ въ панславизмѣ, москалефильствѣ и др. «государственныхъ преступленіяхъ». По этимъ доносамъ производились слѣдствія, процессы—правда часто безрезультатные, но которые могли въ концѣ концовъ измучить людей нравственно. *

* Какъ примѣръ подобной тактики мы приведемъ здѣсь выдержку изъ

Затѣмъ представители администраціи, люди высшаго общества, мадьяры, мадьяроны, евреи при всякомъ удобномъ случаѣ проявляли свою ненависть и презрѣніе къ русскимъ людямъ, преслѣдуя ихъ сплетнями, грубыми намеками, бранью, скандалами въ присутственныхъ мѣстахъ, на улицахъ, въ вагонахъ, ресторанахъ. Дѣти русскихъ патріотовъ получали въ училищахъ худшіе баллы, лишались наградъ, стипендій, встрѣчали затрудненія при поступленіи на службу и т. п. Противъ болѣе твердыхъ людей употреблялись прямо насильственныя дѣйствія: вспомнимъ проектированнное нападеніе гонведовъ на Адольфа Ивановича Добрянскаго, вмѣсто котораго они по ошибкѣ изранили его сына, Мирослава Адольфовича!

Вся эта травля велась систематически изо дня въ день. Надо было имѣть очень твердыя убѣжденія и очень сильный характеръ, чтобы устоять. Многіе поддались гнету, или совсѣмъ перейдя къ мадьяронамъ, или замолкнувъ въ своихъ деревенскихъ приходахъ.

Одновременно шло гоненіе на все, приходившее изъ Россіи и даже изъ Галичины Конфисковались на почтѣ тайно и открыто русскія книги, газеты, письма. Всякое сношеніе съ Россіей, не говоря уже о полученіи оттуда денегъ (хотя бы въ видѣ подписки на какое нибудь угро-русское изданіе), знакомство, принятіе къ себѣ въ домъ русскаго—влекли за собою непріятности и преслѣдованіе.

Правительство съ своей стороны понемногу вытѣсняло русскій языкъ и русскихъ людей изъ администраціи, судовъ и школъ.

Кромѣ того мадьяры нашли возможность дѣйствовать еще прямѣе и непосредственнѣе на духовенство.

Русское духовенство обѣихъ уніатскихъ епархій Угріи, Пряшев-

№ 6 Угро-русскаго «Листка» за 1892 годъ. Эта выдержка можетъ быть также любопытна какъ образчикъ языка, употребляемаго угрорусами въ литературѣ. «Нетерпимость. Въ день трехъ Святителей, какъ въ праздникъ покровителей домовой церкви ужгородской греко-католической семинаріи, самообразовательный кругъ нашихъ семинаристовъ, съ дозволенія своихъ настоятелей, устроилъ музыко-декламаторскій вечеръ. На семъ вечерѣ, въ присутствіи многочисленной публики, между прочими и двухъ нашихъ епископовъ, семинаристы удачно съиграли нѣсколько музыкальныхъ пьесъ и сдекламировали нѣсколько стихотвореній. Между ними и одно единственное русское стихотвореніе: «Насъ семеро». (Всѣхъ пьесъ и декламацій вмѣстѣ было 12).—Нѣкто господинъ R. S. въ 8-мъ №-рѣ газеты «Ung» негодуетъ, что греко-католическіе семинаристы, большая часть которыхъ первый разъ русское прорекла слово, и которые—почти всѣ желаютъ сдѣлатися душпастырями угро-русскаго народа, осмѣлилися сдекламировати и одно (!) коротенькое русское стихотвореніе, и изъявляетъ желаніе, чтобы въ будущемъ русскихъ декламацій ни въ нашей семинаріи, ни въ нашемъ дѣвичьемъ пансіонѣ не было».

ской и Мукачевской, пользуется значительной долей независимости отъ свѣтскаго правительства, не подчинено ему непосредственно, назначается на мѣста епископомъ *, но и имъ не можетъ быть лишено прихода безъ каноническаго проступка, получаетъ опредѣленное закономъ жалованье или «конгрую», которой никто не можетъ отнять, пользуясь также доходами съ церковной земли и отъ прихожанъ. Духовенство управляетъ приходскими школами; для его дѣтей есть особыя семинаріи въ Пряшевѣ и Мукачевѣ; ему же принадлежитъ руководство преподаваніемъ закона Божія въ свѣтскихъ государственныхъ школахъ, гдѣ есть угро-русская молодежь.

Чтобы окончательно подавить духовенство, нужно было заручиться не только согласіемъ, но и содѣйствіемъ епископовъ. Епископъ, имѣющій свои—правда небольшія (12000—14000 флр.), но независимыя отъ правительства—средства, не подчиненный по дѣламъ церковнаго управленія свѣтскому суду, пользующійся уваженіемъ въ народѣ, держащій въ своихъ рукахъ все духовенство,—могъ доставить много затрудненій правительству и даже парализовать его мадьяризаторскую дѣятельность. Но обстоятельства сложились такъ, что мадьяры легко обратили епископа въ свое послушное орудіе.

Послѣдній выбранный клиромъ епископъ былъ Андрей Бачинскій († 1809 г.). Послѣ него всѣ епископы стали назначаться императоромъ и—со времени дуализма—по представленію угорскаго министра исповѣданій. Такимъ образомъ мадьяры всегда могли провести угоднаго имъ кандидата. Еслибы назначенный епископъ оказался впослѣдствіи невполнѣ податливымъ, у мадьяръ были всегда средства держать его въ рукахъ. Можно было привлекать его вниманіемъ двора, министровъ, аристократіи, награжденіемъ орденами и чинами; можно было дѣйствовать и деньгами, а наконецъ—страхомъ.

Всѣми этими средствами мадьяры съумѣли воспользоваться особенно въ Мукачевской епархіи. Оба предыдущіе ея епископа, Стефанъ Панковичъ (1866—1874) и Іоаннъ Пастельи (съ 1874—1891 г.), хотя русскіе родомъ, были вѣрными пособниками мадьяръ. Впрочемъ, Панковичъ не былъ такъ опасенъ для угро-руссовъ, какъ говорили. Сынъ священника, онъ попалъ въ воспитатели одной знатной мадьярской фамиліи, долго вращался въ высшемъ кругу и, благодаря протекціи магнатовъ, прямо изъ свѣтскаго званія былъ возведенъ въ епископы. Обладая представительной наружностью, изящными манерами, онъ научился бѣгло говорить по-французски, заучилъ и нѣ-

---

* Впрочемъ, во многихъ приходахъ помѣщики имѣютъ право выбирать кандидатовъ, какъ патроны мѣстныхъ церквей.

сколько англійскихъ фразъ, но былъ въ сущности человѣкомъ необразованнымъ и легкомысленнымъ. На епископскомъ престолѣ онъ оставался свѣтскимъ кавалеромъ. Общество аристократіи, особенно дамъ, охота, пиры—вотъ что преимущественно его занимало. Поэтому онъ вѣчно нуждался въ деньгахъ, и чтобы получить ихъ отъ правительства постоянно твердилъ мадьярамъ, что духовенство его епархіи—москали, измѣнники отечества, что онъ надѣется однако вывести этотъ опасный духъ, если ему будутъ даны достаточныя матеріальныя средства. И мадьяры не щадили на это денегъ, такъ что Панковичъ получалъ особыхъ субсидій до 15,000 фл. въ годъ. Онъ и старался исполнить то, что обѣщалъ. Его брань, открытое преслѣдованіе всего русскаго—во имя мадьяризма—сначала ошеломило русскихъ людей; но скоро они поняли его пустоту (прямое нападеніе даже подняло ихъ энергію) и одушевились къ мужественному отпору. Къ тому же Панковичъ не имѣлъ опредѣленнаго плана дѣйствій: самъ заранѣе пробалтывался о своихъ намѣреніяхъ, можетъ быть даже радовался противодѣйствію лучшей части духовенства. оно давало ему основаніе требовать у мадьяръ еще и еще денегъ.

Хотя его дѣятельность и не принесла такимъ образомъ особенно серьезнаго вреда, она все-таки не осталась и безъ дурныхъ послѣдствій, внесши разладъ въ духовенство, запугавъ болѣе робкихъ и выдвинувъ на первый планъ людей, готовыхъ за почетъ, деньги или изъ страха измѣнить народному дѣлу.

Преемникъ Панковича Іоаннъ Пастельи, не отличаясь также ни умомъ, ни образованіемъ, обладалъ бо́льшею практическою сноровкою. Не выступая явно противъ русскихъ интересовъ, онъ готовъ былъ сдѣлать для мадьяръ все, лишь бы они ему платили. Угодливость его дошла до того, что при опредѣленіи на мѣста—отъ канониковъ до простого капеллана—онъ требовалъ отъ кандидатовъ рекомендаціи со стороны мадьярскихъ чиновниковъ! Кромѣ того онъ практиковалъ въ широкой степени непотизмъ и протекцію, измѣняя ради этого своимъ собственнымъ обѣщаніямъ, а наконецъ былъ крайне скупъ на благотворительныя цѣли. Благодаря всему этому Іоаннъ Пастельи не пользовался доброй славой въ своей епархіи.

Каковъ будетъ новый мукачевскій епископъ, Юлій Фирцакъ, пока конечно ничего нельзя сказать.

Гораздо благопріятнѣе была поставлена въ этомъ отношеніи епархія пряшевская, гдѣ не только еп. Гаганецъ, но даже еп. Товтъ и нынѣшній Н. Вальи вовсе не дѣйствовали во вредъ своей церкви и паствѣ, какъ это дѣлалъ Панковичъ, отчасти и Пастельи. Но съ другой стороны и пряшевскіе епископы не могли въ послѣднія

20—25 л. открыто выступать въ оборонѣ русскаго дѣла, изъ опасенія потерять мѣсто.

Какъ бы то ни было, въ настоящее время угрорусскіе епископы и окружающіе ихъ каноники говорятъ почти исключительно по-мадьярски, и это даетъ тонъ всему духовенству. Въ епископской канцеляріи, въ консисторіи, въ епархіальныхъ указахъ употребляется почти исключительно языкъ мадьярскій. Донесенія священниковъ, ихъ отчеты, переписка—все идетъ по-мадьярски. Мадьярскій языкъ сталъ оффиціальнымъ во всѣхъ отрасляхъ церковнаго управленія. Общества св. Василія въ Унгварѣ и Іон. Предтечи въ Пряшевѣ если и не закрыты оффиціально, то находятся въ полной агоніи. Русскія газеты Свѣтъ, Новый Свѣтъ, Сова— одна за другой были прекращены. Карпатъ выходилъ уже въ полумадьярскомъ духѣ и тоже кончилъ свое существованіе. Даже сдержанный, чуждый всякой политики «Листокъ» подвергается многимъ преслѣдованіямъ и выписывается лишь немногими священниками.

Въ правительственныхъ и епархіальныхъ школахъ, гдѣ обучаются дѣти священниковъ, русскій языкъ если и не вытѣсненъ окончательно, то поставленъ въ такія условія, что изучается лишь немногими и въ слабой мѣрѣ, мадьярскій же усваивается ими съ дѣтства, ибо и въ русскихъ священническихъ семьяхъ наполовину уже говорятъ по-мадьярски.

Русскихъ гимназій въ Угріи никогда не было. Но въ прежнее время въ нашихъ правительственныхъ гимназіяхъ все-таки кое-что преподавалось по-русски, именно, русскій и церковнославянскій языки и законъ Божій. Съ 1879 года русскій языкъ сдѣлался необязательнымъ, всѣ же остальные предметы преподаются по-мадьярски, и кромѣ закона Божія, который въ 4 низшихъ классахъ гимназіи долженъ преподаваться по-мадьярски, въ 4 же высшихъ можетъ быть обучаемъ и по-русски. Эти уступки въ пользу русскаго языка—при теперешнемъ положеніи угроруссовъ—похожи скорѣе на насмѣшки!

Изъ гимназій сыновья священниковъ, если хотятъ итти по свѣтской карьерѣ, поступаютъ или прямо на службу, или въ мадьярскіе университеты. Въ обоихъ случаяхъ они почти всегда теряются для русской народности. Нѣсколько лучше въ народномъ смыслѣ положеніе тѣхъ, кто поступаетъ въ духовныя семинаріи, ужгородскую и пряшевскую. Въ нихъ кое-что преподается по-русски, а именно: пастырское и нравственное богословіе, церковный уставъ и церковнославянскій языкъ; остальные предметы читаются по-мадьярски или по-латыни. Если принять во вниманіе слабую подготовку семина-

ристовъ въ русскомъ и церковнославянскомъ языкѣ, общій мадьярскій духъ, господствующій въ обществѣ, а слѣдовательно и въ семинаріи, то легко понять, почему и эти заведенія мало способствуютъ развитію въ молодежи національнаго сознанія. Теперешніе наши семинаристы, кончая курсъ, почти не знаютъ вовсе литературнаго языка, плохо понимаютъ и языкъ церковныхъ книгъ. Даже въ народномъ діалектѣ многіе не особенно сильны, такъ что принуждены коверкать его въ своихъ проповѣдяхъ, особенно въ первые годы священства. Богословское ихъ образованіе очень неполно и одностороннe; оно почерпается главнымъ образомъ изъ католическихъ источниковъ, такъ что встрѣчаются между семинаристами и завзятые ультрамонтане. Но всего чаще они совершенно равнодушны къ богословскимъ вопросамъ.

Каждый годъ уменьшается пріемъ студентовъ въ семинарію, такъ какъ свободныхъ приходовъ нѣтъ. И то ужъ не одинъ десятокъ молодыхъ священниковъ не имѣетъ мѣстъ; они живутъ въ домахъ своихъ отцовъ и тестей или состоятъ на частной службѣ.

Дочери священниковъ учатся или въ общественныхъ, иногда и монастырскихъ школахъ, или въ ужгородскомъ институтѣ, основанномъ въ 1875 г. для священническихъ сиротъ. Но и въ институтѣ этомъ всѣ предметы, не исключая и закона Божія, преподаются по-мадьярски! Русскій языкъ по уставу тутъ не обязателенъ.

Вотъ почему у насъ дочери священниковъ еще менѣе своихъ братьевъ знакомы съ общерусскимъ литературнымъ языкомъ и только по-мадьярски свободно говорятъ и читаютъ. Если же знаютъ и народное нарѣчіе, то стыдятся говорить на немъ въ обществѣ.

При такихъ обстоятельствахъ быстро подвигается національное паденіе угрорусскаго общества. Мадьярскій языкъ сталъ не только оффиціальнымъ органомъ во всѣхъ отрасляхъ церковнаго и гражданскаго управленія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и языкомъ общества, гостиной, дружеской переписки, семьи. Даже дѣти во многихъ русскихъ семьяхъ учатся лепетать всего ранѣе по-мадьярски. Почти всѣ читаютъ только мадьярскія книги и газеты. Изъ русскихъ вышло не мало мадьярскихъ публицистовъ, даже поэтовъ. Въ комъ же не заглохло народное чувство, у тѣхъ замѣчается—за малыми исключеніями—полная апатія. Старшее поколѣніе, помнящее время русскаго возрожденія въ Угріи, сознаетъ еще свою народность и любитъ ее: но оно не имѣетъ рѣшимости высказываться, а тѣмъ менѣе—дѣйствовать. Въ обществѣ, на улицѣ боятся заговорить по-русски, боятся каждаго письма, книги, газеты изъ Россіи или изъ Галичины, боятся выписывать свой угрорусскій «Листокъ», боятся покупать

даже русско-мадьярскій словарь Митрака,—ибо правительство считаетъ его языкъ не русскимъ, а «московскимъ».

Въ младшемъ поколѣніи еще сильнѣе мадьярскій духъ, еще менѣе чувствуется потребности въ русскомъ языкѣ, въ развитіи своей литературы, въ поддержаніи своей національности. О знаніи общерусскаго языка уже и говорить нечего. Но и церковнославянскій языкъ, необходимый при богослуженіи, мало кому знакомъ въ должной мѣрѣ. Угрорусскій же литературный діалектъ представляетъ въ устахъ нашей интеллигенціи жалкую смѣсь русскихъ говоровъ съ польскими, словенскими, особенно же съ мадьярщиною. Если и далѣе дѣла пойдутъ въ томъ же направленіи, то нашей народной интеллигенціи угрожаетъ полная мадьяризація. Людей твердыхъ и сознательныхъ можно сосчитать по пальцамъ.

Дѣятельность ихъ совершенно парализована правительственнымъ и общественнымъ терроризмомъ, который находитъ себѣ пищу и въ крайней уступчивости большинства нашихъ вліятельныхъ лицъ, даже болѣе того—въ ихъ безхарактерности и прямо трусости. Она доходитъ до того, что они боятся своего русскаго имени, своей русской книги, своей церкви, своего народнаго языка; они идутъ въ своей угодливости мадьярамъ гораздо дальше, чѣмъ любая другая угорская народность, не исключая ни словаковъ, ни сербохорватовъ, ни нѣмцевъ и румыновъ.

Въ свое оправданіе они ссылаются обыкновенно на свою бѣдность и матеріальную зависимость отъ мадьяръ; но въ дѣйствительности здѣшнее духовенство, особенно въ дольнихъ краяхъ, поставлено недурно въ матеріальномъ отношеніи. Многіе же изъ священниковъ живутъ даже богато, особенно въ сравненіи съ обстановкою своихъ прихожанъ.

И здѣшніе монастыри хотя не велики, но достаточно обезпечены для небольшого числа угрорусскихъ монаховъ. А между тѣмъ лишь въ Марія-Повчи есть монастырская народная школа и нѣчто въ родѣ частной духовной семинаріи; остальные монахи почти ничего не дѣлаютъ для народа и для литературы.

Будучи вполнѣ независимы отъ мадьяръ, и наши монахи настолько поддаются ихъ вліянію, что уже теперь большею частію говорятъ между собою по-мадьярски! Исключенія есть, но они лишь подтверждаютъ правило.

Такимъ образомъ безпристрастному наблюдателю нынѣшнее положеніе угорской Руси не можетъ не представляться крайне труднымъ и опаснымъ для ея церкви и народности. Можно смѣло утверждать, что въ послѣднее тысячелѣтіе она никогда еще не переживала болѣе тяжелыхъ дней. Въ національномъ отношеніи она истекаетъ

кровью и не можетъ уже подняться на ноги безъ посторонней помощи. Наступитъ ли наконенъ день ея избавленія? Мы вѣримъ и надѣемся. Одна эта вѣра и поддерживаетъ еще насъ въ неравной борьбѣ за жизнь.

Кошицы. Май, 1892. Ж. З. И.

Изъ Кракова.

Посѣщеніе чехами юбилейныхъ празднествъ польскаго «сокола» во Львовѣ и воззрѣніе «Часа» по поводу ихъ.

Политическій горизонтъ чистъ и ясенъ: свиданіе императоровъ въ Килѣ произошло, празднества въ Нанси прошли благополучно. Что затѣмъ будетъ тревожить спокойствіе дипломатовъ — увидимъ впослѣдствіи. Оставимъ впрочемъ большую политику, поговоримъ о маленькомъ обстоятельствѣ, не лишенномъ повидимому нѣкоторыхъ признаковъ будущаго значенія. Имѣю въ виду посѣщеніе чехами праздника 25-лѣтія польскаго «сокола» во Львовѣ. Празднованіе это происходило 24 — 25 мая; на немъ присутствовали представители всѣхъ сокольскихъ дружинъ Галиціи и отчасти прусской Польши; изъ Варшавы получены были письма. Съѣздъ такимъ образомъ обѣщалъ пройти вполнѣ благополучно. И онъ оставилъ въ участникахъ пріятное воспоминаніе возбужденнаго утомленія, а въ польскихъ читателяхъ отчетовъ не менѣе пріятное сознаніе исполненнаго патріотическаго долга. Вѣдь «соколы» — это одно изъ средствъ народнаго возрожденія. Ихъ важное общественное значеніе доказали нѣмецкіе Thurnverein'ы, а въ послѣднее время особенно чешское сокольство, воспитанное и направленное такими дѣятелями, какъ Г. Фигнеръ и М. Тиршъ. Дружины чешскихъ соколовъ послужили весьма важнымъ орудіемъ крѣпкаго сплоченія чешскаго общества, пробужденія и выработки въ немъ энергіи, самодѣятельности и живого національнаго чувства. По слѣдамъ чеховъ пошли поляки, и вотъ теперь они праздновали 25-лѣтіе своей новой общественной организаціи. Кто знаетъ характеръ польскихъ общественныхъ празднествъ — а всѣ они на одинъ ладъ—тому нечего разъяснять, что поляки ждали отъ своей Олимпіады во 1-хъ большого удовольствія, во 2-хъ конечно живительнаго бальзама для своихъ «ранъ». По первымъ газетнымъ отчетамъ казалось, что ожиданія эти дѣйствительно оправдались. Торжественныя рѣчи, стихи — то и другое съ цѣлой гаммой ораторскихъ интонацій по поводу общественнаго благоденствія и процвѣтанія въ «польскомъ Пьемонтѣ» а также по поводу «ужасовъ въ странѣ угнетенія», шумъ и оживленіе громаднаго собранія людей цвѣтущаго

возраста и здоровья, собранія,—украшеннаго при томъ «прекрасными» дамами—чтó, кажется, могло быть пріятнѣе, возбудительнѣе, прекраснѣе! И тѣмъ не менѣе празднество оказалось омраченнымъ. Чѣмъ?—трудно повѣрить. Пріѣздомъ чешскихъ гостей! Объ этомъ омраченіи глухо поговаривали здѣсь по возвращеніи «соколовъ» изъ Львова, но до времени соблюдалось приличіе. Желчи однако набралось такъ много, что поляки оказались не въ силахъ подавить ее; она вылилась въ сегодняшней передовой статьѣ органа здѣшней руководящей партіи — «Часа» (11 іюня н. ст.). Эхо львовскихъ празднествъ, опомнился «Часъ», прогремѣло; гости, можно надѣяться, уѣхали съ пріятными воспоминаніями; теперь можно сказать правду. Это долгъ общественный, — онъ не наложитъ пятна на старопольское гостепріимство.

Новый курсъ чеховъ давно обнаруживаетъ тревожные признаки. Теперь все больше и больше данныхъ, что enfant terrible благонамѣренныхъ австрійцевъ — Вашатый—не исключеніе среди чеховъ. О, да! Они послали телеграмму гр. Игнатьеву, съ выраженіемъ желаній, чтобы «славянство скорѣе просвѣтилось свѣтомъ истинной вѣры»; чехъ говорилъ рѣчь на волынскихъ торжествахъ; чехи поѣхали въ Нанси, и г. Подлипный «обнаружилъ такъ мало ума и политическаго такта», что прислалъ въ Львовъ поздравительную телеграмму, писанную подъ звуки русскаго гимна; мало этого — во Львовѣ, какъ сообщаетъ «Дѣло» (бѣдное «Дѣло»: теперь навѣрно—прощай польская субсидія!), г. Шиппихъ, староста чешскихъ гостей, извинялся въ русской уніатской семинаріи, что назвалъ Львовъ польской землей, отвѣчая на вокзалѣ на привѣтствіе поляковъ, а г. Червеный выразилъ русскимъ галичанамъ сожалѣніе объ ихъ горькой участи... «Что все это значитъ, спрашиваетъ «Часъ»? Ужасный политическій сумбуръ, хаосъ безъ направленія и цѣли—это бы еще съ полугоря—или же... нѣчто иное?» Вѣдь здѣсь въ Краковѣ, въ польскомъ Римѣ, чехъ позволилъ себѣ сопоставить Костюшку съ еретикомъ Жижкой!.. «Мы не считаемъ, заключаетъ «Часъ», гимнастовъ представителями народа и потому не дѣлаемъ изъ всего этого общихъ заключеній. Но на одно желаемъ обратить вниманіе: чехи упрекаютъ поляковъ въ неславянской политикѣ, но развѣ сами они не дѣлаютъ теперь невозможныхъ затрудненій? Это лучше высказать теперь, когда трудности лишь начинаются, а не потомъ, когда могутъ возникнуть вредныя для всѣхъ (?!) послѣдствія». Такую лекцію пришлось выслушать чехамъ изъ Кракова. Правда, логика «Часа» нѣсколько своеобразна: если «чешскіе гимнасты» (такъ деликатно называетъ «Часъ» чешскихъ «соколовъ»; въ частныхъ разговорахъ ихъ называли просто «подмастерьями», czeladnicy) не представители

чешскаго народа, то зачѣмъ бить тревогу, давиться желчью и главное—зачѣмъ тревожить оффиціальныхъ представителей—чешскихъ пословъ, ничѣмъ неповинныхъ въ словахъ и поступкахъ «гимнастовъ?» Но именно эта своеобразность логики и характерна. «Часъ» упрекаетъ поляковъ въ отсутствіи ума и политическаго такта, потому что въ Нанси они слушаютъ русскій гимнъ, а не затыкаютъ ушей, какъ это дѣлали поляки на пражской выставкѣ; потому что во Львовѣ они говорятъ съ русскими, какъ съ русскими, и не смотрятъ на нихъ, какъ на безличныхъ gente Ruthenos, natione Polonos.

Но почему же чехи обязаны смотрѣть на исторію польско-русскихъ отношеній глазами галиційскихъ возстановителей или безличныхъ рутеновъ и унижать народъ, даже поляками оффиціально признаваемый равноправнымъ! Развѣ одновременное разогнаніе народныхъ русскихъ собраній въ Черновцахъ и даже въ Станиславовѣ не подтверждаетъ мнѣнія чеховъ о положеніи русскихъ? Съ другой стороны, кто болѣе чеховъ способенъ и имѣетъ право вѣрить въ силу національнаго возрожденія и слѣдовательно не отчаиваться даже въ здѣшнихъ рутенахъ? Очевидно, желчь дѣйствуетъ и на мозгъ руководителей польскаго общественнаго мнѣнія въ Галиціи. Какой-то туманъ застилаетъ ихъ глаза, они не видятъ жизни, неспособны вразумиться дѣйствительностью. Künstliches Traumleben, какъ мѣтко охарактеризовалъ Бисмаркъ польскую общественную жизнь, очевидно все еще продолжается. И конца этому не видно. Не въ этомъ впрочемъ дѣло. До сихъ поръ чехи, во имя славянской взаимности, всегда посѣщали польскія празднества. На праздникъ польскихъ соколовъ чехи не могли не пріѣхать: львовскій соколъ есть дѣтище пражскаго. У чешскихъ соколовъ поляки взяли уставъ, организацію, даже костюмъ. Со времени основанія въ 1867 г. по 1873 г. львовскій соколъ влачилъ самое жалкое существованіе. Только когда пражане послали во Львовъ Гофмана, только тогда дѣло коекакъ наладилось. Какъ же было не пріѣхать чехамъ? Изъ излишней любезности чехи назвали Львовъ польскимъ городомъ, слѣдовательно щадили даже ложныя чувства поляковъ, слѣдовательно принимали во вниманіе и свое положеніе гостей, и права хозяевъ, тѣмъ не менѣе «Часъ» упрекаетъ ихъ въ отсутствіи такта и деликатности, и это какъ разъ тогда, когда нѣмцы въ Вѣнѣ восторгаются чешской труппой, несмотря на гораздо болѣе острыя политическія отношенія,— тѣ самые нѣмцы, которые не кричатъ о своей галантности; не говоримъ уже о пріемѣ въ Нанси. Энергичный и полный жизни чешскій народъ не можетъ жить искусственно, дышать гнилымъ воздухомъ запертаго археологическаго музея; онъ требуетъ воли и про-

стора для проснувшагося славянскаго чувства и духа. Товарищи ли ему на этомъ пути гальванизованные трупы?

30 мая. **К—отъ.**

Изъ Горицы (Приморье)

Въ началѣ 70-хъ годовъ у словинцевъ существовали двѣ политическія партіи: народная, или славянская, и либеральная, или нѣмцофильская. Такъ какъ всѣ австрійскія министерства до той поры выходили изъ нѣмецко-либеральной партіи (эфемерныхъ министерствъ Бельскреди и Гогенварта нельзя брать въ расчетъ), то понятно, что и въ Крайнѣ партія нѣмецкая была всегда правительственною, а народная всегда находилась въ оппозиціи. Въ большинствѣ однако «либеральная»—lucus a non lucendo—нѣмецкая партія въ Крайнѣ на сеймахъ никогда не бывала, несмотря на сильное административное давленіе при выборахъ въ представительныя собранія.

На сторонѣ народа стояло прежде всего духовенство, именно низшее, котораго патріотическій голосъ имѣлъ рѣшающее значеніе и при выборахъ. Вслѣдствіе того девизомъ народной партіи было: «все за вѣру, царя и отечество!» Политическимъ идеаломъ словинцевъ служила тогда «соединенная Словѣнія», т.-е. включеніе въ одну область всѣхъ цислейтанскихъ словинцевъ, числомъ до полутора милліона душъ; затѣмъ они домогались полной автономіи, съ употребленіемъ словинскаго языка въ школахъ, въ церкви и при сношеніяхъ съ правительственными мѣстами.

Въ ту пору словинцы имѣли еще опытныхъ, талантливыхъ, самоотверженныхъ вождей, которые на всенародныхъ вѣчахъ или таборахъ, передъ тысячами слушателей объясняли народу его права и воодушевляли за «соединенную Словѣнію». То же дѣлало духовенство въ бесѣдахъ съ простымъ народомъ и даже въ церковныхъ проповѣдяхъ.

Иначе направились дѣла съ начала 70-хъ годовъ. Нѣкоторые изъ болѣе молодыхъ патріотовъ, не сочувствуя вліянію на народъ духовенства, задумали отдѣлаться отъ его опеки. Это имъ казалось тѣмъ болѣе своевременнымъ, что новый школьный законъ, изданный либеральнымъ правительствомъ, уже ограничилъ тогда вліяніе духовенства, ослабленное и отмѣною конкордата съ папскимъ престоломъ. Духовенство не могло сочувствовать этому теченію, противъ котораго высказались и старые вожди словинцевъ.

Такимъ образомъ словинская національная партія распалась на двѣ фракціи: старословинскую и младословинскую.

Программа «молодыхъ» выражалась въ словахъ: «все за народъ

и свободу». Новая партія признала нелѣпостью пассивную оппозицію, которой въ то время придерживались чехи и словинцы, и ратовала за отсылку словинскихъ депутатовъ въ вѣнскій рейхсратъ. Въ органѣ новой партіи, «Словѣнскомъ Народѣ», воздвигнуто было гоненіе на ксендзовъ и вообще клерикаловъ, во имя либеральныхъ идей нѣмецкаго происхожденія.

Это была съ стороны «молодыхъ» большая ошибка, которая лишила ихъ даже права называться партіею народною, ибо словинскій народъ отличается глубокой религіозностію, слѣпо вѣритъ ксендзамъ, безусловно преданъ католицизму, хотя уважаетъ унію и православіе, гдѣ съ ними сталкивается, какъ напримѣръ въ нижней Крайнѣ; но понятіе о нѣмцѣ у него всегда соединяется съ понятіемъ кривовѣрія, «безбожія».

Нѣмецкія періодическія изданія съ самаго начала кокетничали съ младословенцами, находя между ними и собою все же кое-какія точки соприкосновенія, что не могло не повредить еще болѣе послѣднимъ въ глазахъ народа. Борьба между обѣими партіями была отчаянная. «Старые», опасаясь что народъ при содѣйствіи правительства можетъ ускользнуть изъ ихъ рукъ, основали тогда особую газету, «Словѣнецъ», которая и донынѣ служитъ главнымъ органомъ этой партіи.

Относительно славянскаго вопроса обѣ партіи стояли за солидарность всѣхъ славянскихъ племенъ. Когда возгорѣлась сербско-турецкая и потомъ русско-турецкая война, то и «Словѣнецъ» и «Словѣнскій Народъ» одинаково восхищались успѣхами славянскаго оружія, не раздумывая о томъ, что и сербы и русскіе не католики. Я знаю словинскихъ священниковъ, праздновавшихъ переходъ русскихъ черезъ Дунай благодарственнымъ молебствіемъ, при звонѣ колоколовъ и пальбѣ изъ мортиръ.

Впослѣдствіи задорный тонъ между обѣими партіями немного утихъ и дѣло пошло на компромиссъ. «Старые» убѣдились, что «молодые» не такъ опасны, какъ имъ казалось, а молодые въ свою очередь увидали, что безъ благословенія «старыхъ» имъ прямо таки повернуться нельзя; обоимъ стало ясно, что все же народные противники лучше нѣмца, покровительствуемаго ненавистнымъ вѣнскимъ правительствомъ.

Таково было положеніе дѣлъ у словинцевъ, когда бразды правленія въ Цислейтаніи принялъ въ свои руки графъ Таафе.

Зная, что нѣмецкая партія въ Крайнѣ полнѣйшій абсурдъ и что она даже при самомъ сильномъ давленіи никогда не можетъ достигнуть большинства на выборахъ въ областной сеймъ и въ вѣнскій рейхсратъ, онъ далъ на первыхъ же выборахъ словин-

цамъ въ Крайнѣ полнѣйшую свободу. Такимъ образомъ нѣмецкая партія въ Крайнѣ почти совершенно исчезла съ перваго же разу. Ея органъ изъ ежедневнаго превратился въ еженедѣльный, переселился въ Штирійскій Градецъ и скончался тамъ послѣ непродолжительной агоніи.

Уже первые выборы доказали гр. Таафе, что изъ двухъ оставшихся національныхъ партій въ выгодные союзники младословинцы не годятся, и поэтому онъ приголубилъ «старыхъ». Къ этому времени талантливыхъ и самоотверженныхъ вождей старой партіи въ живыхъ уже не было: умеръ докторъ Иванъ Блейвейсъ, этотъ словинскій Палацкій; умеръ и вѣрный его помощникъ докторъ Коста. Самыми вліятельными лицами этой партіи остались каноникъ Клюнъ да докторъ Поклюкаръ: первый — эпикуреецъ, второй — довольно безталанная личность. Съ той поры постепенно поблекъ славянскій оттѣнокъ старой партіи и уступилъ мѣсто узко-словинскому патріотизму, а этотъ послѣдній въ концѣ концовъ — напускному фанатизму латинизаторскому. Лучшіе люди стали тогда отворачиваться отъ этой партіи, и «молодые» безъ сомнѣнія взяли бы верхъ, тѣмъ болѣе что къ нимъ пристали въ громадномъ количествѣ священники. Но ихъ славянскія стремленія не могли нравиться новому правительству, которое назвало себя «правительствомъ примиренія народовъ». Оно рѣшило во что бы ни стало поддержать и укрѣпить партію уже не «старыхъ», а латинизаторовъ, партію съ іезуитскими тенденціями и понятіями, партію священниковъ-жуировъ, утверждающихъ, что единственный путь въ царство небесное ведетъ черезъ Римъ. Въ руководители этой ультрамантанской партіи поставленъ графомъ Таафе бывшій секретарь градецкаго архіепископа, Миссія, изъ штирійскихъ словинцевъ, успѣвшій пропитаться чистѣйшимъ іезуитскимъ духомъ подъ руководствомъ чистокровнаго іезуита-начальника. По назначеніи его на люблянскую епископскую каѳедру, быстро стала подвигаться деморализація духовенства, а черезъ него—и простого народа. Органъ старословинской партіи, «Словѣнецъ», сдѣлался оффиціознымъ органомъ епископа и проповѣдникомъ узкаго ультрамантанства. Священникамъ, приставшимъ къ партіи латинизаторовъ, давались самые удобные и доходные приходы, на молодыхъ же воздвигнуто гоненіе, какъ руссофиловъ, а слѣдовательно людей неблагонамѣренныхъ. Въ резиденціи словинскаго митрополита, въ г. Горицѣ, созванъ былъ затѣмъ въ 1887 г. соборъ словинскихъ епископовъ (изъ которыхъ двое ни единаго слова по-словински не знаютъ), отъ имени котораго оглашено было коллективное пастырское посланіе, предавшее анаѳемѣ стремленія къ кирилломеѳодіевской церкви и къ

русскому языку, какъ общеславянскому. Любовь же къ отечеству была тутъ осуждена какъ идея языческая, противохристіанская и антидинастическая. Духовенству запрещается всякое общеніе съ младословенцами, подъ угрозой каноническаго наказанія.

Всѣ нѣмецко-еврейскія газеты перепечатали въ свое время этотъ послѣдній документъ, съ одобрительными къ нему комментаріями, а прокуроры и полиція получили строгій приказъ не допускать критики упомянутаго посланія и конфисковать всякую словинскую газету, которая дерзнетъ впредь ратовать за кирилломеѳодіевскую церковь и за изученіе русскаго языка.

Такимъ образомъ въ Крайнѣ при помощи правительства взяла верхъ партія латинизаторская, признавшая язычествомъ любовь къ своему словинскому языку и отечеству.

Въ этой партіи правительство создало себѣ помощницу, которой прежняя нѣмецкая партія въ подметки не годится. Оно запугало одну часть духовенства, обрекло на индифферентизмъ другую, деморализовало третью, и такимъ образомъ прибрало къ своимъ рукамъ простой народъ.

При такихъ обстоятельствахъ паденіе системы графа Таафе не имѣло бы больше значенія для словинскаго народа и его будущности. Народъ уже деморализованъ, а это куда какъ облегчитъ будущимъ правителямъ германизацію словинцевъ.

Либеральная партія вслѣдствіе безпрестанныхъ пораженій и подъ беззастѣнчивымъ терроромъ правительства растерялась до такой степени, что сочла въ прошломъ году цѣлесообразнымъ отказаться отъ названія «либеральной» и перекрестилась въ «народно-напредную». Но кромѣ названія въ ней ничего не измѣнилось. Цѣлью ея было констатировать, что партія эта къ «вѣрѣ» не относится враждебно, хотя и намѣрена поддерживать духовную связь съ прочими славянскими народами. Что же касается русскаго языка и кирилломеѳодіевской церкви, то о значеніи ихъ для словинцевъ вождь этой партіи, докторъ Товчаръ, на «учредительномъ» собраніи не проронилъ ни одного слова. Стало быть, народно-напредная партія близко придвинулась къ латинизаторской, дабы смягчить и ее и правительство, но и это не помогло. Дѣло тутъ не въ «вѣрѣ», а въ служеніи цѣлямъ центральнаго правительства!

Существуетъ между словинцами еще третья партія, но только теоретически. Она также имѣетъ свой органъ: «Slovanşki Svet», но на депутатскія кресла не претендуетъ. Основныя положенія ея программы слѣдующія: національная автономія, введеніе кирилломеѳодіевской церкви, дружба съ Россіей, изученіе русскаго языка

и осуществленіе всѣхъ правъ словинскаго народа, гарантированныхъ конституціей. Въ рядахъ этой партіи мы видимъ всѣхъ независимыхъ и искренно преданныхъ своему угнетенному народу лицъ свѣтскаго и духовнаго званія. Это партія дѣйствительно національная, собравшая подъ славянскимъ знаменемъ уцѣлѣвшіе остатки національной партіи «таборскихъ» временъ. Понятно, что къ этой партіи и консерваторы и народно-напредняки относятся одинаково враждебно, какъ бы предчувствуя, что именно ей принадлежитъ будущее.

Май, 1892. М. Х.

Изъ Дубровника

Экономическое положеніе далматинцевъ. Торговля виномъ. Пути сообщенія. Отношенія вѣроисповѣдныя. Народное образованіе. Политическія партіи.

I.

Стоитъ взглянуть на карту австро-угорской монархіи, чтобы убѣдиться въ громадной важности для нея Далмаціи. Правда, въ смыслѣ географическомъ и политическомъ она принадлежитъ къ числу второстепенныхъ областей имперіи, но омывающее далматинскіе берега море является необходимымъ условіемъ великодержавнаго положенія Австро-Угріи.

Въ матеріальномъ отношеніи Далмація довольно бѣдна. Конечно, она имѣетъ многія условія экономическаго развитія: доступное море, прекрасный климатъ, трудолюбивое населеніе; но ей недостаетъ самаго главнаго—почвы. Далмація столь камениста, что иностранные путешественники не могутъ надивиться, какъ въ этихъ скалахъ можетъ жить и кормиться народъ. Есть и поля, но ихъ слишкомъ мало въ сравненіи съ множествомъ голыхъ утесовъ, на которыхъ лишь съ трудомъ держится маслина, смоковница или виноградникъ. Главными произведеніями являются оливковое масло и вино, особенно послѣднее. При среднемъ урожаѣ получается до 2 мил. гектолитровъ отличнаго вина. Оно вывозится главнымъ образомъ во Францію, гдѣ къ нему подмѣшиваются мѣстныя вина, послѣ чего оно расходится по всей Европѣ. По берегамъ и на островахъ съ успѣхомъ занимаются рыболовствомъ, въ мѣстностяхъ же горныхъ—разведеніемъ овецъ и козъ. Но главнымъ продуктомъ Далмаціи остается вино; оттого она такъ чувствительна ко всѣмъ измѣненіямъ въ торговлѣ виномъ.

Вотъ почему наша область уже теперь оплакиваетъ послѣдствія

тройственнаго союза, особенно же торговаго договора, заключеннаго недавно между Германіей, Австро-Угріей и Италіей. Въ этомъ договорѣ имѣется условіе, пользуясь которымъ Италія можетъ заплавить Далмацію своими винами и вытѣснить далматинскія изъ Австро-Угріи и Германіи. Италія несомнѣнно воспользуется этимъ условіемъ, такъ какъ изъ-за тройной лиги она потеряла уже французскіе рынки, между прочимъ и на вина. Сверхъ того Италія имѣетъ въ этомъ отношеніи опаснаго соперника въ греческихъ винахъ. Такимъ образомъ и Далмаціи предстоитъ изъ-за лиги терять ежегодно отъ 6—7 мил. флор. на однихъ винахъ, что совершенно разоритъ край.

Торговля встрѣчаетъ у насъ помѣху и въ недостаткѣ путей сообщенія. По своему положенію Далмація тѣсно связана съ Хорватіей, Босніей и Герцеговиной и могла бы служить посредникомъ въ ихъ торговомъ оборотѣ. Но этому мѣшаетъ отсутствіе желѣзнодорожныхъ сообщеній съ остальной Европой. Сколько разъ уже настаивали наши депутаты на соединеніи Далмаціи съ Хорватіей черезъ Велебитскія горы! Изъ ихъ усилій ничего не вышло, ибо это противорѣчитъ экономическимъ и политическимъ интересамъ мадьяръ, которые боятся конкуренціи торговаго порта Сплѣтскаго съ присвоенною себѣ мадьярами Рѣкою.

По аналогичной причинѣ мѣшали мадьяры до сихъ поръ желѣзнодорожному сообщенію Босніи съ далматинскими портами, такъ что и теперь оно все еще носится въ однихъ проектахъ. А между тѣмъ для Босніи желѣзная дорога къ морю гораздо важнѣе, чѣмъ въ Будапештъ или Вѣну, по отношенію къ ввозу и вывозу товаровъ.

Недостатокъ сухопутныхъ сообщеній вознаграждается до нѣкоторой степени морскими, ибо далматинскій берегъ изрѣзанъ заливами и сопровождается безчисленными островами, такъ что по своей расчлененности онъ не уступаетъ почти ни одному берегу въ Европѣ. Вдоль нашихъ береговъ снуютъ корабли и пароходы, отчасти далматинскіе, отчасти же чужіе. Особенно живыя сношенія поддерживаются съ Тріестомъ, Рѣкою и Франціей. Далмація имѣетъ уже нѣсколько пароходныхъ обществъ, которыя замѣнили исчезнувшія общества паруснаго судоходства. Вообще наша морская торговля довольно оживлена. Но какъ бы она поднялась, еслибы наши прекрасные порты были соединены желѣзными дорогами съ материкомъ, особенно черезъ Хорватію и Боснію! Но этого придется еще долго ждать, ибо правительство побаивается усиленія духовныхъ связей нашего Приморья съ соплеменными странами за Динарскими альпами.

II.

Далматинцы раздѣлены по вѣроисповѣданію на католиковъ и православныхъ: первые составляютъ около $^5/_6$, а вторые $^1/_6$ населенія. Православные занимаютъ главнымъ образомъ Боку Которскую и часть горной Далмаціи. Они подчинены двумъ епископамъ, которые, по странному капризу австрійской политики, со временъ дуализма входятъ въ составъ не сербскаго патріархата въ Карловцахъ, а русско-румынской митрополіи въ Черновцахъ. Изъ православныхъ далматинскихъ монастырей заслуживаютъ упоминанія два: Архангеловъ на рѣкѣ Коркѣ и Савина въ Бокѣ. Католики же имѣютъ въ Далмаціи восемь епископовъ и архіепископа. Изъ ихъ монастырей самыми богатыми считаются: Высовецъ (у Скрадина), Синь и Заострогъ. Раздѣленный на два вѣроисповѣданія народъ вовсе не проникнутъ тою взаимною враждою, которая замѣчается въ части нашей интеллигенціи; наоборотъ, православные и католическіе поселяне нерѣдко вмѣстѣ справляютъ свои праздники, взаимно дѣля радость и горе.

Значительная часть далматинскихъ католиковъ сохранила съ древнихъ кирилло-меѳодіевскихъ временъ употребленіе народнаго языка въ богослуженіи. Чрезвычайное упорство, съ которымъ хорваты отстаивали свой литургическій языкъ, вынудило курію разрѣшить его не въ примѣръ другимъ, съ условіемъ только употребленія не кирилловскихъ, а глагольскихъ письменъ. Нашимъ итальянцамъ и вообще высшему латинскому духовенству крайне не нравится эта хорватская литургія, почему они и теперь ведутъ противъ нея ожесточенную борьбу. Во главѣ ихъ стоялъ до недавняго времени покойный далматинскій архіепископъ Маупасъ. Будучи итальянцемъ душой и тѣломъ, оне не терпѣлъ ни славянской народности, ни славянской литургіи. При помощи іезуитовъ онъ преобразовалъ въ итальянскомъ духѣ задрскую семинарію, вопреки волѣ основателей этого заведенія. Іезуиты подняли крикъ и противъ глаголицы, считая ее знаменемъ панславизма и ереси. Съ римскимъ органомъ іезуитовъ «Civiltà Cattolica» много пришлось полемизировать далматинскимъ газетамъ.

И сплетскій епископъ Накичъ, наряду съ нѣкоторыми итальянскими ксендзами въ Приморьѣ и Хорватіи, возсталъ противъ глаголицы въ своей епархіи. Священниковъ-глаголяшей онъ замѣнялъ латинниками, но вызвалъ сильный протестъ въ средѣ простонародья, священниковъ и со стороны печати. Народъ до того былъ раздра-

женъ, что во многихъ мѣстностяхъ со смѣшаннымъ вѣроисповѣданіемъ грозилъ ходить въ православныя церкви, если въ католическихъ будутъ служить по-латыни. Вслѣдствіе того пока оставлены прежніе порядки.

Что касается народнаго образованія, то Далмація порядочно отстала въ этомъ отношеніи. Въ среднихъ школахъ обучаютъ по-хорватски, кромѣ задрскихъ, гдѣ учатъ по-итальянски. Народныхъ школъ до 300, все хорватскія, кромѣ двухъ, трехъ. Православные имѣютъ большею частью особыя конфессіональныя школы. Народъ понемногу привыкаетъ къ книгѣ, но все-таки Далмація и теперь еще занимаетъ въ Австріи чуть ли не послѣднее мѣсто по грамотности населенія; лишь Буковина стоитъ еще ниже. Причиною того слѣдуетъ считать крайнюю запущенность далматинскаго управленія какъ въ венеціанское, такъ и въ австрійское время.

Литература далеко не процвѣтаетъ въ Далмаціи такъ, какъ въ прежніе вѣка, когда отсталый теперь Дубровникъ считался юго-славянскими Аѳинами.

Старые далматскіе классики и теперь служатъ основою развитія новохорватской образованности, но центръ ея перенесся изъ Далмаціи въ Хорватію, именно въ Загребъ, который является культурнымъ средоточіемъ всѣхъ хорватовъ. Мнѣ кажется, что причиною умственнаго упадка Далмаціи нужно считать аналогическій упадокъ Италіи, ибо хотя Далмація теперь не подчинена итальянскому управленію, все же мы еще пропитаны итальянскимъ языкомъ, литературою и вообще культурою. Нѣмецкая образованность вовсе не имѣетъ для насъ такого обаянія, да объ этомъ не стоитъ и сожалѣть; молодое поколѣніе настолько уже окрѣпло въ народномъ духѣ, что итальянская литература для него не опасна, а даже полезна, доколѣ мы не будемъ имѣть подъ рукою другой, болѣе сильной и родственной литературы.

III.

Теперь, когда борьба между родственными племенами хорватскимъ и сербскимъ достигла въ интеллигенціи высокаго напряженія, трудно говорить съ полною объективностью объ ихъ отношеніяхъ, особенно же о народности тѣхъ земель, гдѣ они живутъ. Я, какъ далматинскій хорватъ, отстаиваю такую точку зрѣнія: Далмація есть страна хорватская, ибо населена въ громадномъ большинствѣ хорватами; если же часть ея населенія называетъ себя сербами, то этого недостаточно для признанія всей страны сербскою.

Но лучше оставимъ эти споры объ именахъ и посмотримъ на

дѣйствительныя отношенія политическихъ партій Далмаціи. Онѣ дѣлятся на три группы: хорватскую, сербскую и итальянскую. Прежде, пока итальянщина еше господствовала въ странѣ и когда славянская рѣчь считалась признакомъ необразованности, хорваты и сербы заодно боролись противъ общаго непріятеля. Одолѣвъ же его, они раздѣлились и стали воевать другъ съ другомъ, что продолжается и теперь.

Итальянская партія въ свою очередь дѣлится на двѣ части: настоящихъ итальянцевъ, которые, считая себя таковыми, стремятся явно или тайно къ соединенію съ Италіей, и старыхъ автономистовъ, которые признаютъ себя славянами, но не сербами и не хорватами и противятся соединенію съ Хорватіей. Они также сочувствуютъ расширенію итальянскаго языка въ Далмаціи, хотя бы и насчетъ хорватскаго. Всемогущая нѣкогда въ Далмаціи итальянская партія совсѣмъ провалилась и держится единственно союзомъ съ сербами. Да это и понятно, ибо изъ 520,000 далматинцевъ лишь 20,000 признаютъ себя итальянцами, да и то они разбросаны по всей Далмаціи. Всего болѣе ихъ въ Задрѣ. Изъ 82 далматинскихъ общинъ лишь двѣ находятся еще всецѣло въ рукахъ итальянцевъ.

Сербская партія обхватываетъ православныхъ далматинцевъ, которыхъ насчитываютъ до 70,000, хотя между ними есть и такіе, которые зовутъ себя хорватами, какъ и наоборотъ, встрѣчаются иногда католики, причисляющіе себя къ сербамъ. Число чисто сербскихъ общинъ не велико, до 7—8. Программа этой партіи, насколько намъ извѣстно, состоитъ въ расширеніи сербскаго имени и знамени и въ противодѣйствіи соединенію Далмаціи съ Хорватіей, за каковое эта партія ратовала до 1879 г.

Эти два элемента, сербскій и итальянскій, находятся теперь въ союзѣ противъ хорватскаго. Благодаря этому союзу они добыли еще 2—3 общины, пару депутатовъ на далматинскомъ сеймѣ и двухъ депутатовъ (1 серб. и 1 итал.) въ вѣнскомъ рейхсратѣ, изъ общаго числа 9 далматинскихъ депутатовъ. Этотъ союзъ служитъ главною причиною ожесточенной борьбы между хорватами и сербами, о которой я не буду болѣе распространяться.

Хорваты составляютъ самый сильный элементъ въ Далмаціи, имѣя въ своихъ рукахъ 70 далматинскихъ общинъ, большинство депутатовъ сейма и 7 изъ 9 депутатовъ рейхсрата. Главнымъ параграфомъ ихъ программы служитъ соединеніе Далмаціи съ Хорватіей, на основѣ хорватскаго государственнаго права. Право это никогда не прерывалось; оно подтверждено королемъ во время коронаціи, такъ что Далмація лишь временно подчинена Австріи, составляя по закону необходимую часть королевства хор-

		на 1 жителя приходится:
Въ Румыніи . .	61.441,318 фр.	13 фр. 21 сант.
» Греціи . . .	36.288,586 »	16 » 59 »
» Сербіи . . .	19.900,880 »	9 » 20 »
» Болгаріи . .	9.015,098 »	2 » 85 »

Такимъ образомъ оказывается, что Греція болѣе всѣхъ обременена государственнымъ долгомъ; она расходуетъ на уплату процентовъ и на погашеніе до 37% всѣхъ доходовъ. Затѣмъ слѣдуютъ Румынія, которая расходуетъ на этотъ предметъ 32% своего бюджета, и Сербія—около 35%. Въ Болгаріи же приходится на этотъ предметъ всего 11% бюджета. Но къ этому слѣдуетъ прибавить еще 3.000,000 фр. румелійской дани, ежегодно уплачиваемой Портѣ, или еще 3,7% бюджета, что съ предыдущими составитъ около 15%.

Государственный долгъ Болгаріи слагается изъ:

1) оккупаціоннаго долга Россіи (по конвенціи отъ 16 іюня 1883 г.), который въ то время былъ исчисленъ въ 26.120,896 фр. (10.618.250 руб. 48 к.) и въ счетъ котораго къ 1 іюля 1891 г. было уплачено 13.776,000 фр.; слѣдовательно неуплаченныхъ остается 12.344,896 фр.;

2) стараго румелійскаго долга (въ 1885 г. было 4.024,541 фр.) около 2.000,000 фр.;

3) облигаціоннаго 6% займа 1888 г. для выкупа русчукско-варненской желѣзной дороги, въ 46.777,500 фр. Ежегодный расходъ на % по этому займу достигаетъ 2.700,000 фр. (въ этомъ году — 2 724,030 фр.). Погашено же 1.512,500 фр., такъ что остается долгу — 45.250,000 фр.;

4) ипотечнаго займа въ вѣнскомъ лендербанкѣ (6% отъ 1889 г.), подъ залогъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ Царибродъ-Вакарель и Ямболь-Бургасъ, въ 30.000,000 фр., изъ которыхъ погашено только 725,000 фр. Расходы по этому займу въ текущемъ году опредѣлены въ 1.757,400 фр.

Всего къ 1892 г. государственныхъ долговъ въ Болгаріи было 94.268,792 фр.

Обращаясь къ внѣшней торговлѣ балканскихъ государствъ, мы найдемъ, что въ 1890 году вывезено:

		на душу приходится:
Изъ Румыніи на . . .	275.958,415 фр.	59 фр. 30 с.
» Греціи » . . .	95.792,000 »	43 » 80 »
» Болгаріи » . . .	71.051,000 »	22 » 50 »
» Сербіи » . . .	45.841,000 »	21 » 20 »

Въ томъ же году ввезено было:

Въ Румынію на . . .	362.791,054 фр.	78 фр. — с.
» Грецію » . . .	120.786,000 »	58 » 20 »
» Болгарію » . . .	84.530,000 »	26 » 80 »
» Сербію » . . .	38.045,000 »	17 » 60 »

Изъ вышеприведенныхъ данныхъ видно, что по оборотамъ внѣшней торговли Румынія занимаетъ первое мѣсто среди балканскихъ государствъ. Въ ней на каждаго жителя въ годъ приходится оборотовъ (ввозъ и вывозъ) на сумму 137 фр., тогда какъ въ Греціи приходится 99 фр., въ Болгаріи 49 фр. 30 с. и въ Сербіи 38 фр. 80 с. Но несмотря на самое слабое разьитіе торговли Сербіи торговый балансъ ея оказывается самымъ выгоднымъ, такъ какъ это единственное изъ балканскихъ государствъ, которое не только ничего не приплачиваетъ европейцамъ, но ежегодно получаетъ съ нихъ до 8.000,000 фр. остающихся въ странѣ. Вотъ почему ежегодные огромные расходы Сербіи по государственному долгу (около 20 милл.) на самомъ дѣлѣ не такъ страшны, какъ они кажутся. Гораздо въ худшихъ условіяхъ находятся: Румынія, которая ежегодно приплачиваетъ около 87.000,000 фр., Греція, приплачивающая 25.000,000 фр. и Болгарія, съ торговымъ дефицитомъ въ 12.000,000 фр.

Немаловажный интересъ представляютъ свѣдѣнія о торговлѣ Болгаріи съ отдѣльными державами. Въ нашемъ распоряженіи имѣются слѣдующія оффиціальныя данныя, за періодъ съ 1888 по 1890 годъ:

	Ввозъ въ 1,000 фр.			Вывозъ въ 1,000 фр.		
	1888 г.	1889 г.	1890 г.	1888 г.	1889 г.	1890 г.
1. Англія . . .	19,519	21,362	20,020	10,276	12,696	14,937
2. Австро-Угрія .	18,187	22,672	33,006	2,629	3,586	5,751
3. Турція . . .	9,871	9,856	10,393	27,748	30,799	21,928
4. Франція . . .	3,897	3,475	3,460	13,883	18,537	19,496
5. Россія. . . .	3,008	4,569	5,202	31	86	55
6. Германія. . .	4,390	3,941	3.865	265	1,249	496
7. Италія . . .	1,017	1.094	1,319	1,020	1,661	1,547
8. Румынія . . .	2,204	2,356	2,184	2,376	1,601	484
9. Разныя . . .	4,276	4,122	5,081	6,781	11,274	6,357
Всего . .	66,364	73,447	84,530	65,009	81,489	71,051

Въ рубрику «разныя» входятъ: Бельгія, которая ввозитъ въ Болгарію товаровъ на сумму до 2-хъ милл. фр., Швейцарія — на сумму до $1^1/_2$ милл., Сербія—на 1 милл., Голландія, Америка, Греція и проч.

Болгарія—страна преимущественно землѣдельческая. Главную статью ея вывоза составляетъ хлѣбъ. Въ 1889 году она отпустила хлѣба на $63^{1}/_{2}$ милл. фр., что составитъ 78,8% всего отпуска; животныхъ продуктовъ почти на 6 милл. (5.931,000); живого скота на 2 милл. (2.182,000); шкуръ и мѣховъ на 1.522,000, что вмѣстѣ составитъ $12^{1}/_{2}$ %; затѣмъ, рапсоваго масла на 1.569,000; тканей на 1.522,000 и галуновъ для турецкихъ костюмовъ на 873,000 фр.

Въ общемъ вывозъ страны распадается на —

а) произведенія земли	82,4%	стоимости
б) » скотоводства.	12,5 »	»
в) » промышленности . . .	5,1 »	»

Главнѣйшія же статьи ввоза слѣдующія:

а) произведенія земли	18,7%	стоимости
б) » скотоводства.	2,4 »	»
в) лѣсныхъ матеріаловъ	3 »	»
г) рудъ.	7,2 »	»
д) индустріальныя и фабричн. произв. .	68,7 »	»

Индустріальная и фабричная промышленность Болгаріи находится въ зародышѣ. Предметами этой промышленности снабжаетъ ее преимущественно Австрія, которая своими гнилыми, но дешевыми товарами парализуетъ всѣ мѣры къ поднятію этой промышленности въ Болгаріи. Изъ приведенныхъ нами данныхъ о торговлѣ Болгаріи съ разными государствами видно, что около 60% всего ввоза приходится на Англію и Австро-Угрію, съ тою только разницею, что англійскій ввозъ остается почти на одномъ уровнѣ, тогда какъ австрійскій впродолженіе какихъ нибудь трехъ лѣтъ—съ 1888 г. по 1890 г. почти удвоился.

До 1888 года съ незапамятныхъ временъ Англія занимала первое мѣсто по ввозу въ Болгарію, но съ 1890 г. она отодвинута Австріей на второй планъ. Послѣдняя настолько опередила свою соперницу, что ухитрилась сразу поставить свои дѣла внѣ всякой конкуренціи. Теперь она ввозитъ въ Болгарію товаровъ на сумму въ $1^{1}/_{2}$ раза больше въ сравненіи со стоимостью англійскихъ товаровъ. Правда, въ число товаровъ, ввезенныхъ Австріей въ 1890 г. въ Болгарію, входятъ экстраординарныя статьи: ружей и патроновъ—на 3.100,000 фр. и локомотивовъ и прочаго желѣзнодорожнаго матеріала—на 1.000,000 фр.; но если вычесть даже эти 4 милл. изъ 33.000,000, то и при этомъ получимъ разницу въ пользу Австріи на цѣлыхъ 9 милл. Отсюда видно, что недалеко то время, когда Болгарія окончательно будетъ опутана въ экономическихъ сѣтяхъ Австро-Угріи. При правительствѣ Стамбулова-Кобурга повторяется точь-въ-точь исторія

Сербіи Милана-Гарашанина. Въ силу чисто-предательской торговой конвенціи 1889-го г. узурпаторовъ съ Австріей, изъ-за ожидаемыхъ отъ нея великихъ земныхъ благъ (конечно, личныхъ), теперь въ Болгаріи немыслимо развитіе какой бы то ни было отрасли фабричной промышленности. Она, какъ и Сербія, обязана брать все изъ Австріи, съ тою только разницею, что сербы все-таки ничего или сравнительно мало приплачиваютъ австрійцамъ, тогда какъ болгаре ежегодно отдаютъ имъ безвозвратно 27.000,000 франковъ!

Убытки, которые Болгарія несетъ отъ торговли съ австрійцами, до нѣкоторой степени возмѣщаются торговлею съ Турціею и ненавистною узурпаторамъ Франціею. За вышеприведенный трехлѣтній періодъ Турція переплатила Болгаріи около 50.000,000, а Франція—40.000,000 фр. При всемъ томъ торговый балансъ Болгаріи далеко не изъ благопріятствующихъ ея экономическому развитію; она все-таки ежегодно должна приплачивать около 12.000,000 фр. Вотъ какую дань наложилъ на свое отечество Стамбуловъ изъ-за фиктивнаго покровительства австрійцами ему лично и его шайкѣ!

Для насъ наибольшій интересъ представляетъ русско-болгарская торговля. Свою внѣшнюю торговлю Болгарія ведетъ черезъ 37 пограничныхъ таможенныхъ пунктовъ, изъ которыхъ 4 находятся на берегу Чернаго моря и 8 на Дунаѣ. Около 50% торговаго обмѣна совершается водянымъ путемъ. Главнѣйшіе черноморскіе порты—Варна и Бургасъ, Дунайскіе же—Систовъ и Рущукъ. Въ Варну въ 1889 г. ввезено товаровъ на 16 милл. фр., а вывезено изъ порта—на 12 милл.; въ Систовъ ввезено на 10.400,000 фр., а вывезено на 6.500,000; въ Рущукъ ввезено на 8.900,000, а вывезено на 3.600,000; въ Бургасъ ввозъ достигаетъ стоимости 5.400,000, вывозъ 5.700,000.

Благодаря русскимъ пароходнымъ обществамъ, черноморскому и дунайскому (кн. Гагарина), Россія имѣетъ полную возможность завязать самыя тѣсныя коммерческія сношенія съ Болгаріею водянымъ путемъ и безъ всякаго посредничества другихъ державъ. Но по причинѣ всевозможныхъ затрудненій, которыя узурпаторское правительство причиняетъ русской торговлѣ, Россія занимаетъ только пятое мѣсто среди державъ, торгующихъ съ Болгаріею. Тѣмъ не менѣе развитіе русскаго судоходства по Дунаю не могло не отразиться на ростѣ русскаго ввоза въ Болгарію. До 1885 г. торговыя сношенія съ Болгаріей были ничтожны и носили случайный характеръ. Но съ 1888 г., когда черноморско-дунайское пароходное общество открыло правильные рейсы между Одессою и болгарскими придунайскими портами, торговые обороты сдѣлались постоянны. Мало того, они медленно, но вѣрно развиваются съ каждымъ го-

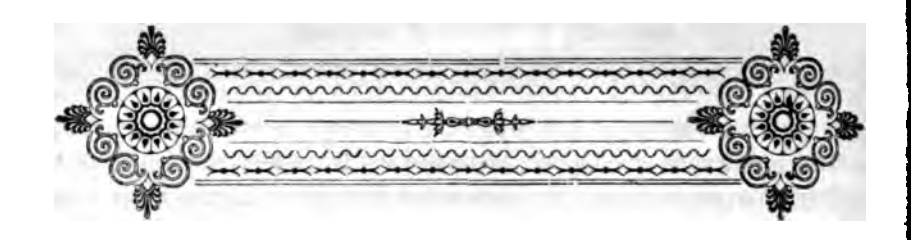
домъ и изъ трехъ милліоновъ въ 1888 г., они расширились до 5.200,000 въ 1890 г. Чернымъ моремъ въ Бургасъ и Варну ежегодно ввозится русскихъ товаровъ на 1.600,000 (по 800,000 въ каждый портъ). Остальные же 3.600,000 фр. приходятся на придунайскіе порты Болгаріи, откуда и видны заслуги общества кн. Гагарина. Россія ввозитъ одного керосина на 1.800,000 фр.; затѣмъ слѣдуютъ: спиртъ, рыба, сахаръ, невыдѣланная кожа, книги и проч. При нѣкоторой предпріимчивости русскаго купечества, оно могло бы смѣло конкурировать съ австрійцами въ торговлѣ ситцемъ, выдѣланной кожей, полотнами, сукнами и проч., не говоря о всѣхъ предметахъ обмундированія, снаряженія и вооруженія болгарской арміи, ежегодно достигающихъ суммы 4—5.000,000 фр. Въ этомъ отношеніи практикою доказано, что австрійскіе коммерсанты и промышленники не могутъ конкурировать съ русскими. Для примѣра мы укажемъ на дѣятельность предпріимчиваго московскаго купца С. М. Эфроса, этого дѣйствительнаго піонера русской торговли въ Болгаріи. Съ 1884—1890 г. онъ поставилъ болгарской арміи 112,000 метровъ сѣрошинельнаго сукна, 30,000 метр. темнозеленаго сукна, 30,000 паръ сапогъ, 10,000 шинелей, 70,000 патронныхъ сумокъ, 25,000 полотнищъ для палатокъ, 15,000 ранцевъ, массу аммуниціи, предметовъ снаряженія, холста и проч. Кромѣ того на значительную сумму онъ продалъ частнымъ лицамъ кожевеннаго товара и холста. Общая сумма введенныхъ Эфросомъ товаровъ достигла въ 1884 году 660,000 фр. въ 1885 г.—840,000, въ 1886 г.—660,000, въ 1887 г.—312,000, въ 1888 г.—1.420,000, въ 1889 г.—240,000 и въ 1890 г. 412.000 фр.; всего однимъ лицомъ ввезено въ Болгарію русскихъ товаровъ на 4.500,000 фр.

По своему географическому положенію и матеріальнымъ средствамъ, Болгарія представляетъ довольно значительный и удобный рынокъ для сбыта произведеній русской промышленности. Русскіе ситцы, полотняные и кожевенные товары и теперь цѣнятся тамъ высоко; русскій сахаръ въ большомъ уваженіи и употребленіи; русскіе—рыба, керосинъ, канаты почти незамѣнимы. Литературныя произведенія, церковная утварь, образа и проч. знакомы каждому болгарину. Въ обмѣнъ на эти товары Болгарія можетъ отпускать свои вина, фрукты, розовое масло, которое русскими покупается у французовъ. Еслибы правительство русское оказало, хотя бы на первое время, покровительство русской торговлѣ съ Болгаріей, въ родѣ субсидіи, перевозки товаровъ по уменьшенному тарифу и проч., то Россія могла бы въ самый короткій срокъ вытѣснить значительнѣйшую часть гнилыхъ австрійскихъ товаровъ изъ Болгаріи и занять одно изъ первыхъ мѣстъ по ввозу въ это государство.

Надо только имѣть въ виду, что конкуренція русскихъ съ иностранцами въ значительной мѣрѣ затруднена открытіемъ прямого желѣзнодорожнаго сообщенія Болгаріи съ Буда-Пештомъ и Вѣною.

Развитію экономическихъ сношеній Россіи съ балканскими государствами мы придаемъ большое значеніе. Они всегда отражаются и на политическихъ отношеніяхъ. Когда государства, кромѣ духовныхъ узъ, связаны и матеріальными, обыденными интересами, союзъ ихъ всегда бываетъ прочнѣе. Примѣры не за горами. Передъ политическимъ объединеніемъ своимъ Германія была связана таможеннымъ союзомъ; теперь она подкрѣпила тройственный союзъ торговыми договорами. Австрія и понынѣ имѣетъ большое вліяніе въ Сербіи, неговоря про Болгарію, правительство которой добровольно даетъ себя закабалить въ австрійскихъ гешефтахъ.

Герис—въ.



БИБЛІОГРАФІЯ

Bibliographische Uebersicht über die slavische Philologie. 1876—1891. Verfasst von Dr. *Fr. Pastrnek.* Berlin, 1892 (Archiv für slavische Philologie. Supplement-Band. 1892).

Г. Пастрнекъ, приватъ-доцентъ вѣнскаго университета, взялъ на себя трудъ составить библіографическій обзоръ по славянской филологіи, понимая послѣднее слово въ самомъ широкомъ смыслѣ, т.-е. включая въ филологію и исторію церкви, и исторію новой литературы, и исторію права и этнографію. И вотъ передъ нами огромная книга, въ 400 слишкомъ страницъ мелкой печати, долженствующая служить продолженіемъ того краткаго библіографическаго обзора, который, будучи доведенъ до 1876 года, изданъ проф. Ягичемъ въ I томѣ своего «Архива».

Мы ограничились бы самыми искренними похвалами трудолюбію и добросовѣстности г. Пастрнка, еслибы онъ далъ своей работѣ болѣе скромное названіе, хотя бы «Библіографическіе матеріалы по славянской филологіи». Но его работа претендуетъ на полноту... Мы должны заявить, что она отъ полноты очень далека.

Цѣлый рядъ извѣстныхъ русскихъ журналовъ (о мало извѣстныхъ мы уже и не говоримъ): «Извѣстія С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества», «Христіанское Чтеніе» и всѣ вообще журналы нашихъ духовныхъ академій, «Историческій Вѣстникъ», «Кіевская Старина», «Этнографическое Обозрѣніе», «Русская Мысль», «Русскій Вѣстникъ» «Сѣверный Вѣстникъ», «Библіографъ» отпущены г. Пастрнкомъ (за ничтожными исключеніями); то же можно сказать о журналахъ польскихъ (между прочимъ, названа «Biblioteka Warszawska») и—по всей вѣроятности—о жур-

налахъ сербскихъ и болгарскихъ. Такимъ образомъ цѣлый рядъ журнальныхъ статей, имѣющихъ большій или меньшій интересъ не для однихъ славянъ, не вошелъ въ «Библіографическій обзоръ»; напримѣръ, статьи Драганова о македонскихъ славянахъ («Извѣстія» 1887—1888 гг.), статьи Венгерова о гуситскомъ движеніи («Р. Мысль» 1881 — 1882 гг.), статьи Ровинскаго о Черногоріи («Р. Мысль» 1880, 1881 и 1883 гг.), статьи о соч. «Кириллъ и Меѳодій» проф. Малышевскаго и проф. Пальмова («Хр. Чт.» 1888 г.), статья Чечулина о древне-русскихъ личныхъ собственныхъ именахъ («Библіографъ» 1890 г.), статья Ивановича о борцахъ и мученикахъ за свободу Болгаріи (въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ» 1887 г.), книги: Ровинскаго «Петръ II Нѣгошъ», 1889, Любовича «Исторія реформаціи въ Польшѣ», 1883, Стороженка «Кленовичъ и латинская его поэма Роксоланія», 1881, и п. др.

Этого мало. Одинъ рядъ русскихъ и польскихъ книгъ видимо извѣстенъ г. Пастрнку только по критическимъ и библіографическимъ статьямъ «Журн. Мин. Н. Пр.», «Р. Филологич. Вѣстника», «Вѣстника Европы», «Живой Старины», «Prac Filologicznych», «Archiv'a für slavische Philologie» (отчего иногда забавныя ошибки), а другой рядъ остался совсѣмъ неизвѣстенъ. Такъ, напримѣръ, не вошли въ трудъ г. Пастрнка ни «Исторія русской церкви» м. Макарія, ни «Церковный уставъ, его образованіе и судьба въ греческой и русской церкви» Мансветова, ни «Зарожденіе литературы у словинцевъ» Арк. Соколова, и мн. др. соч. Вѣроятно, то же можно сказать о книгахъ сербскихъ и болгарскихъ; во всякомъ случаѣ мы не нашли у г. Пастрнка указаній ни на изданіе «Османа» Гундулича, сдѣланное Брозомъ въ 1887 г., ни на изданіе «Дубравки», того же автора, сдѣланное Фр. Марковичемъ въ 1888 г.

Наконецъ, г. Пастрнекъ оставилъ почти безъ вниманія то, что издано въ Германіи и Франціи по славянской филологіи, между прочимъ статьи спеціальныхъ лингвистическихъ журналовъ Куна-Шмидта и Бецценбергера. Конечно, несмотря на множество пробѣловъ, книга г. Пастрнка имѣетъ большую цѣну, какъ трудъ въ своемъ родѣ единственный. Скажемъ болѣе: она для всякаго слависта не только полезна, но даже необходима.

А. С—скій.

М. И. Сухомлиновъ. Сочиненія М. В. Ломоносова, съ объяснительными примѣчаніями. Изданіе Императорской Академіи Наукъ. Томъ I (съ портретомъ). Спб. 1891. Стр. XX+320+503.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія одно изъ первыхъ мѣстъ безспорно принадлежитъ Ломоносову. Уже современники считали его

великимъ ученымъ и писателемъ. Потомство не только не развѣнчало славнаго холмогорца, но еще возвысило оцѣнку его заслугъ. Пушкинъ сравнивалъ его съ Петромъ В. Теперь, когда величіе подвиговъ мысли сознается яснѣе прежняго, никто не сочтетъ взгляда Пушкина писательскимъ самомнѣніемъ. Ломоносовъ такой же богатырь мысли, какъ Петръ В. богатырь дѣла. Они органически восполняютъ другъ друга, и каждый изъ нихъ въ равной мѣрѣ можетъ быть названъ главою новой эпохи въ жизни Россіи, а слѣдовательно и славянства, всего христіанскаго Востока. Не случайнымъ представляется поэтому приблизительное совпаденіе по времени начала двухъ равно монументальныхъ изданій: 1) Письма и бумаги Петра В. и 2) Сочиненія М. В. Ломоносова, изъ коихъ первое ведется особой коммиссіей, подъ редакціей акад. А. Ѳ. Бычкова, а второе—Академіей Наукъ подъ редакціей акад. М. И. Сухомлинова.

Приступивъ къ изданію сочиненій Ломоносова, Академія воздала должное не только великому русскому писателю, но и самому славному изъ своихъ бывшихъ сочленовъ, котораго не даромъ называли «первою россійскою академіею». И трудно было найти для подобнаго изданія болѣе подготовленнаго и компетентнаго руководителя, какъ М. И. Сухомлиновъ, который вотъ уже 40 лѣтъ съ такимъ успѣхомъ работаетъ надъ исторіей русской литературы и по справедливости можетъ быть названъ исторіографомъ нашей Академіи Наукъ.

Перелистывая I т. этого изданія мы видимъ, что Академія Наукъ не жалѣла средствъ, а редакторъ — труда для сооруженія достойнаго памятника Ломоносову. Уже внѣшній видъ книги, напоминающій академическое изданіе Державина, производитъ пріятное впечатлѣніе. Отчетливость типографской работы видна и изъ того, что на 800 стр. текста въ ней не оказалось и 20 опечатокъ. М. И. Сухомлиновъ не щадилъ трудовъ для установленія возможно точнаго текста вошедшихъ въ I т. стихотвореній. Для этого онъ воспользовался не только первыми изданіями каждаго изъ нихъ, но и многими рукописями Ломоносова, отысканными главнымъ образомъ въ архивѣ Академіи Наукъ. Такимъ образомъ напечатанный въ I т. текстъ 71 стихотвореній разнаго наименованія, написанныхъ Ломоносовымъ въ 1738—51 гг. и изданныхъ нынѣ въ хронологическомъ порядкѣ, можетъ считаться вполнѣ точнымъ воспроизведеніемъ первоначальнаго вида этихъ стихотвореній.

Но М. И. Сухомлиновъ не ограничился этою кропотливою редакторскою работою. Во второй части тома, имѣющей особую нумерацію, онъ представляетъ обширныя «Объяснительныя примѣчанія, варіанты и приложенія», гдѣ обстоятельно описаны первоисточ-

ники издателя, подведены варіанты для текста изъ Ломоносовскихъ рукописей и изданій, а наконецъ собраны и изданы богатые матеріалы для историко-литературной оцѣнки изданныхъ произведеній, въ особенности первыхъ отъ Ломоносова. Все это значительно подвинуло впередъ не только исторію текста Ломоносовскихъ стихотвореній перваго періода (до 1751 г.), но также литературную ихъ оцѣнку.

Для практическихъ цѣлей было бы, кажется, удобнѣе помѣщать варіанты къ тексту въ подстрочныхъ къ нему примѣчаніяхъ, какъ это обыкновенно дѣлается въ изданіяхъ древнихъ классиковъ; но издатель избѣгалъ, очевидно, пестроты въ воспроизведеніи текста. Съ другой стороны перенесеніе варіантовъ изъ приложеній въ подстрочныя примѣчанія можетъ быть сдѣлано при 2-мъ изд. книги, которое конечно не заставитъ себя ждать.

При строгой провѣркѣ собраннаго издателемъ объяснительнаго матеріала можно бы отмѣтить такія подробности, которыя не имѣютъ собственно отношенія къ изданію сочиненій Ломоносова, какъ напр. выдержки изъ критическихъ статей старыхъ и новыхъ писателей, отъ Тредьяковскаго и Сумарокова до Пекарскаго и Куника включительно. Болѣе подходящее мѣсто для подобныхъ выдержекъ—въ особомъ біографическомъ томѣ, который предполагается полнотою изданія, какъ это видимъ и въ академическомъ изданіи Державина. Тамъ же, въ біографіи могли бы пригодиться и разныя историческія мелочи, въ родѣ напр. правительственныхъ указовъ, коронаціонныхъ диспозицій, описаній фейерверковъ, и т. п. Что касается многочисленныхъ выписокъ изъ риторики, съ параллелями для нея въ одахъ и др. стихотвореніяхъ, то эти параллели служатъ скорѣе для объясненія риторики, чѣмъ одъ, слѣдовательно были бы умѣстнѣе въ примѣчаніяхъ къ первой, чѣмъ къ послѣднимъ.

Но это мелочи, которыя вовсе не ослабляютъ монументальнаго значенія труда М. И. Сухомлинова. Онѣ и объясняются главнымъ образомъ его теплымъ, даже благоговѣйнымъ отношеніемъ къ каждой мысли Ломоносова, каждому его слову. Насколько выше въ этомъ отношеніи нынѣшній академическій издатель—прежняго академическаго же біографа, Билярскаго, который былъ озабоченъ не столько выясненіемъ дѣятельности Ломоносова, сколько обѣленіемъ его «недоброхотовъ»: Шумахера, Тауберта, Теплова, Миллера, Шлёцера и другихъ корифеевъ тогдашней нѣмецкой партіи!

Чисто-народный русскій взглядъ на Ломоносова, одушевляющій новое академическое изданіе его сочиненій, служитъ отраднымъ доказательствомъ постепеннаго перерожденія нашей Академіи Наукъ

въ національное русское учрежденіе, какимъ желалъ видѣть его Ломоносовъ и всѣ «вѣрные сыны Россіи».

А. Б.

КРАТКІЙ ОБЗОРЪ ВЫШЕДШИХЪ ВЪ РОССІИ ВЪ 1891 Г. СОЧИНЕНІЙ НА МАЛОРУССКОМЪ НАРѢЧІИ.

Обозрѣвателю литературныхъ явленій на малорусскомъ нарѣчіи едва ли представляется необходимость распространяться о толкахъ за и противъ правъ на существованіе отдѣльной украинской литературы и разбирать снова вопросъ о такъ называемомъ украйнофильствѣ и малороссійскомъ сепаратизмѣ. Серьезный наблюдатель нашей жизни не видитъ никакой опасности или ущерба для общерусской литературы въ существованіи рядомъ съ нею и областной украинской литературы. Значеніе же послѣдней наиболѣе ясно и опредѣленно, безъ всякихъ предвзятыхъ мыслей, охарактеризовалъ Н. П. Дашкевичъ: «Развитіе украинской литературы въ настоящемъ столѣтіи, говоритъ онъ, нисколько не ослабило общерусской литературы... Украинская литература не осталась безъ вліянія на общерусскую, и въ настоящемъ столѣтіи продолжалось взаимодѣйствіе обѣихъ русскихъ народностей, начавшееся съ XVII в. Такъ, украинскій юморъ далъ русской литературѣ и развилъ талантъ Гоголя, составившій весьма цѣнное пріобрѣтеніе русской литературы. Украинское народничество выдвинуло рядъ повѣстей изъ народнаго быта, какихъ немного было въ то время въ русской литературѣ и другихъ. Поэзія Шевченка не прошла безслѣдно и для общерусской литературы... Съ другой стороны, украинская литература, помимо произведеній болѣе крупныхъ, выдвинула рядъ мелкихъ произведеній, которыя, отличаясь художественными достоинствами, изображаютъ со всею правдивостью край и народъ, не привлекающіе и не могущіе привлекать полнаго вниманія общерусской поэзіи. Так. обр. согласуется съ интересами цѣлой русской литературы развитіе украинской отрасли ея, подъ условіемъ памятованія о единствѣ въ разнообразіи. Въ украинской литературѣ находила и находитъ полное и оригинальное художественное выраженіе даровитая народная индивидуальность, которая заявила себя втеченіи многихъ вѣковъ стойкою защитою своихъ правъ на существованіе, находясь среди самыхъ тяжелыхъ обстоятельствъ подъ владычествомъ иноземцевъ... Теченіе исторіи и тяжкія невзгоды обособили сѣверную и южно-русскую вѣтви русскаго народа въ своеобразные типы, но разумный ходъ исторіи началъ приводить обѣ народности къ тѣснѣйшему сближенію и единенію. По мѣрѣ неизбѣжнаго сглаживанія рѣзкихъ отличій въ характерѣ обѣихъ русскихъ народно-

стей, по мѣрѣ сближенія нхъ въ общемъ національномъ образованіи и житейскомъ общеніи, значеніе украинской литературы будетъ становиться все меньше и меньше. Но пока южно-русская народность будетъ существовать какъ обособленный типъ не только въ крестьянствѣ, но и въ среднихъ слояхъ общества, пока будетъ жива богатая мѣстная народная поэзія, пока будетъ существовать южно-русскій говоръ въ рѣзкой обособленности, до той поры можетъ внушать интересъ и находить общественную поддержку и литература на малорусскомъ нарѣчіи; до той же поры она будетъ имѣть и смыслъ».

Давая отчетъ о литературныхъ явленіяхъ только за 1891 годъ, мы не можемъ останавливаться на предшествовавшемъ времени и отсылаемъ читателей къ главнѣйшимъ пособіямъ по украинской литературѣ *.

Въ прошломъ году переиздана поэма Т. Г. Шевченка «Тополя» и явилось нѣсколько новыхъ матеріаловъ для біографіи поэта «Наталка Полтавка» И. П. Котляревскаго вышла тремя изданіями (2-е изд. въ «Дешев. Библіотекѣ» Суворина: Наталка Полтавка, украин. опера. М. 1891; Наталка Полтавка, малорос. опера въ 2-хъ дѣйств. Спб. 1991). «Енеида» вышла вторымъ изданіемъ въ «Дешев. библіотекѣ». Медленно подвигающееся изданіе сочиненій І. Ѳ. Квитки, подъ ред. † проф. А. А. Потебни, доведено въ концѣ 1890 г. до IV т. (въ первыхъ двухъ томахъ помѣщены малороссійскія повѣсти, въ двухъ слѣдующихъ на общерусскомъ языкѣ). Въ журналѣ «Артистъ» напечатана комедія М. Л. Кропивницкаго «По ревизіи».

Не будемъ останавливаться на новыхъ произведеніяхъ и изданіяхъ И. Левицкаго и М. Старицкаго, вышедшихъ во Львовѣ.

Что касается малорусской литературы прежняго времени, то о ней мы имѣемъ нѣсколько статей въ «Кіевской Старинѣ». Г. Миронъ сообщилъ «Мистерію страстей Христовыхъ», одинъ изъ древнѣй-

---

* Пыпинъ: Исторія слав. лит. т. I. Спб. 1879, стр. 304—447; Пыпинъ: Исторія русск. этнографіи. Т. III. Спб. 1891. Особ. гл. VI, VII, VIII, X—XII; Петровъ: Очерки исторіи украинской литер. XIX ст. Кіевъ. 1884; Дашкевичъ: Отзывъ о сочиненіи П. Н. Петрова въ «Отчетѣ о 29 присужденіи наградъ гр. Уварова». Спб. 1888 (стр. 37—301); Огоновскій: Исторія литературы русской. Львовъ. 1884—1891; М. Комаровъ: Покажчикъ нової україньскої литературы. Кіевъ. 1883; И. Левицкій: Галицкорусская библіографія XIX ст. съ увзглядненьемъ изданій, появившихся въ Угорщинѣ и Буковинѣ (1801—1886); И. Е. Левицкій: Галицко-русская библіогр. за 1887, 1888, 1889 (отдѣльныя книжки—оттиски изъ «Литературн. Сборн.»).

шихъ памятниковъ драматической южнорусской литературы чисто церковнаго содержанія, сохранившійся вполнѣ до нашихъ дней. Мистерія найдена среди непризнаннаго достойнымъ вниманія «хлама», въ присланной на библіографическую выставку Ставропигійскаго института (1888 г.) рукописи: «Начало церковнаго пѣснопѣнія» (конца XVII в.). Имъ же въ статьѣ: «Къ исторіи апокрифическихъ сказаній» (№ 12) сообщено сказаніе объ Адамѣ и Евѣ изъ Дрогобычскаго сборника XVIII в. Г. Мирономъ найдены въ рукописи XVIII в. и червонорусскіе вирши, неизвѣстные доселѣ въ печати, большею частью духовнаго и апокрифическаго содержанія (№ 9). Ему же принадлежитъ обстоятельная статья объ Іосифѣ Шумлянскомъ, еп. львовскомъ, и его «Метрикѣ» (№ 6 и 7). Н. В. подробно описалъ «Героични стихи о славнихъ военнихъ дѣйствіахъ войскъ запорожскихъ» (по рукописи 1784 г. А. М. Лазаревскаго; № 1). Любопытна и «Полѣтика свѣцкя, отъ иностранныхъ авторовъ вкратцѣ собранная», перепечатанная въ «К. Ст.» (№ 2) изъ рѣдчайшей книги: «Букварь языка словенскаго» (Львовъ, 1690 г.).

Наиболѣе плодовитымъ изъ новѣйшихъ украинскихъ писателей является Василь Чайченко. Въ прошломъ году въ галицкой «Зорѣ» Ч. помѣстилъ большую повѣсть: «Сонишній проминь». Онъ же выпустилъ во Львовѣ этюдъ объ Ив. Котляревскомъ (Просвита, 132). Въ Россіи имъ напечатаны повѣсти: «Середь Крыжанаго поля», «Каторжна», «Нелюбъ» и «Робинзонъ, оповидания про те, якъ одинъ чоловикъ по чужихъ краяхъ мандрувавъ»... Всѣ эти повѣсти, не отличаясь глубиною замысла, даютъ намъ простое, но живое описаніе доступной наблюденіямъ автора жизни. Хорошъ и языкъ, безъ особыхъ придуманныхъ словъ. Разсказанная такимъ языкомъ извѣстная исторія о Робинзонѣ можетъ составить интересное чтеніе для простого народа. Три юмористическихъ «Казки» В. Чайченка (Чья работа важна? Кузьмына. Три бадрака) не что иное, какъ простой пересказъ извѣстныхъ народныхъ сказокъ о спорѣ мужа съ женою, о набитомъ дуракѣ и суетности нашихъ желаній (Сравн. рец. въ № 12 «Р. Мысли»).

«Оповиданя» Грыцьки Чулая свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ талантѣ писателя. Два первыхъ небольшихъ разсказа: «Якъ шершнивъ зъ грушы выкурювавъ» и «Якъ я рои выгонявъ», воспоминанія (згадки) дѣтства, написаны съ такимъ жизнерадостнымъ юморомъ, съ такимъ теплымъ чувствомъ къ прошлому счастливому, беззаботному времени, что передъ вами какъ живые проносятся типы крестьянскихъ дѣтей, съ ихъ малыми интересами, шалостями. «О бо дай васъ Богъ любыть, маленьки дыты»—невольно

хочется повторить за авторомъ. Третій разсказъ «Божій попустъ», болѣе слабый, рисуетъ идиллію и горе крестьянской жизни. Другого сборника «Оповиданнь» Чулая мы не имѣли въ рукахъ.

Изъ произведеній, написанныхъ стихами, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сборникъ Вл. Самійленка: «Зъ поэзій. Частынь перша». Въ немъ помѣщено двѣ поэмы: «Геростратъ» и «Грѣшныця». Любопытна особенно первая, въ которой поэтъ пытается проанализировать чувства Герострата передъ совершеніемъ имъ святотатственнаго и варварскаго дѣянія. Особенно хороши мелкія стихотворенія, элегіи (напримѣръ «Писня»). Полны юмора «Горе поэта» и «Патріота Иванъ». Написанная (прозою) на неновую тему новелла: «Казка про смутного чоловика» отличается изяществомъ слога, сжатымъ и хорошимъ языкомъ.

Не въ мѣру растянутая «ливобережна поэма» Ив. Тарасенка: «Ганнуся», замѣчательна безыдейностью содержанія, страннымъ и даже непонятнымъ сплетеніемъ обстоятельствъ, отсутствіемъ какой либо характеристики героевъ. На стихъ и отчасти на содержаніе «Ганнуси» сильно повліяли поэмы Шевченка, которыя однако никто не можетъ упрекнуть въ растянутости, блѣдности, неестественности изображенія дѣйствующихъ лицъ. Г. Тарасенко заимствовалъ безъ всякаго разбора и нужды для свой поэмы положенія у Шевченка: онъ напр., очевидно подражая «Катеринѣ», ввелъ странствованіе героини. Хорошее вліяніе великій малорусскій поэтъ оказалъ на стихъ этой поэмы, въ большинствѣ случаевъ выдержанный и художественный, и на художественное изображеніе картинъ природы. Образъ героини и ея судьба очерчены блѣдно, и въ общемъ остается непонятно, почему «Ганнуся» названа «ливобережной поэмой». Авторъ обѣщаетъ въ скоромъ времени выпустить «правобережну поэму: «Дидъ Оверко» и «Свитову поэму Кирыло».

Двѣнадцать стихотвореній, вошедшихъ въ «Першій снипъ, збирнычокъ творивъ» М. Кондратченка, не выдаются ничѣмъ. Лучше другихъ стихотворенія «Петру Ш—ко», «Майска ничь», «Н. П. Кондратченко» (посвящ.). Языкъ не отличается чистотой. Въ сборникѣ: «Колоски, збирныкъ казокъ та оповиданнивъ» находимъ нѣсколько сказокъ; однѣ изъ нихъ записаны прямо изъ устъ народа (въ губ. Екатериносл., Полтав., Харьков.), другія подверглись, кажется, сильной литературной обработкѣ. Любопытнѣе другихъ сказка: «Иванъ Вылоповоинъ», гдѣ являются богатыри Палій и Рубай (Сравни ст. В. Каллаша «Палій и Мазепа въ народной поэзіи» въ «Этн. Обозр.» 1889, кн. II). «Княгыня кобзарь» (записан. въ Харьк. губ.) представляетъ пересказъ извѣстнаго мотива (вошедшаго и въ былину о Василисѣ Микулишнѣ) на исторической

подкладкѣ: героиня идетъ освобождать мужа изъ турецкой неволи.

Кромѣ названныхъ, въ 1891 г. вышли слѣдующія книги на малорусскомъ нарѣчіи, съ которыми мы не имѣли возможности ознакомиться: Калениченко, «Хутиръ Малороссійскій, литературный збирныкъ на 1890 рикъ»; Кобеляки Кернеренко, Щетынныкъ (зъ народнаго жыття) Харьковъ;—«Панъ Щипавка, коли не брехня, то правда». М.; «У наймы, образокъ зъ життя Днипровскаго повиту». Спб.; Шестаковскій, «Несчастлива доля». Орелъ.

Съ развитіемъ малороссійскаго театра явилось нѣсколько хорошихъ драматическихъ произведеній; но ихъ немного, какъ немного и талантливыхъ писателей. Рядомъ съ ними, къ сожалѣнію, выпускаетъ свои «жарты», «кумедіи» полнѣйшая бездарность. Большинство новыхъ пьесъ является вовсе не новыми. Содержаніе ихъ шаблонно. Почти всегда вся пьеса состоитъ въ томъ, что отецъ или мать желаютъ отдать дочь за нелюбимаго человѣка, обыкновенно писаря, считающаго себя выше простого крестьянина. На счастье дѣвушки ея покровителемъ оказывается какой нибудь пьяный кумъ, слабая копія выборнаго Макогоненка въ «Наталкѣ Полтавкѣ», или москаль, давно играющій въ малороссійской драматической поэзіи роль deus ex machina. Судьба дѣвушки устраивается по ея завѣтному желанію, и она выходитъ за любимаго ею бѣднаго, но честнаго крестьянина. Конечно, иногда бываютъ нѣкоторыя варіаціи на эту тему. Таковы пьесы: Ф. Костенка, «Помылылись» и «Закохани» (водевили съ пѣснями); «Черноморецъ» Череватенка; «Москаль захоче, тай чорта обмороче» Ѳ. У. (кажется Ѳ. М. Устенка-Гармаша, автора нѣсколькихъ повѣстей и комедіи «Майска ничь»); «Кыевскій ярмарокъ» К. И. Мирославскаго-Винникова. «Пустой жартъ» Л. И. Глибова: «До мироваго», имѣющій претензію на юморъ, едва заслуживаетъ упоминанія. Успѣхъ на сценѣ можетъ имѣть оперетка В. М. Викторова Пархомовича: «Чумакъ, або сироту и осенне сонечко пригріе», нѣсколько однако растянутая. Оперетка эта впрочемъ неновая: еще въ 1875 г. дозволена она къ представленію (подъ заглавіемъ «Черноморецъ Семенъ Коропецъ»).

Кромѣ драматическихъ произведеній, напечатанныхъ въ 1891 г., упомянемъ нѣкоторыя, дозволенныя за это же время къ представленію: М. Л. Кропивницкаго «Олеся», драма; Мирославскаго К. И. «Козаче сердце» въ 3-хъ д., съ пѣніемъ, хорами, танцами (сюжетъ заимствованъ; напечат. (?) въ Самарѣ 1890); Райскаго, «Добылысь до краю», драма; Райскаго (Ступницкій), «Хытросци москаля» (сюжетъ заимствованъ); Садовскаго, «Енеида», оперетка

(по Котляревскому); Е. П. Боярскаго, «Кира Бара», драма; О. З. Сусловой (Сусловъ Рѣзниковъ), «Галя Русына», драматычны картыны; Синельникова, «Водогрій», драма; Ашкаренка, «Старовына», драма (сюжетъ заимствованъ) и друг. Разрѣшенъ также къ представленію переводъ комедіи Т. Г. Шевченко: «Назаръ Стодоля», сдѣланный В. Базаровымъ и озаглавленный «Ночь на Рождество». (Переводъ этотъ, кажется, былъ напечатанъ въ «Колосьяхъ» 1887 г.). Что касается изданій на бѣлорусскомъ поднарѣчіи, то единственная, кажется, книжка, вышедшая въ прошломъ году на этомъ поднарѣчіи, представляетъ переводъ повѣсти Гаршина: «Сыгналъ, альбо разсказъ о томъ, якъ добро перемагло зло у чаловѣка» (М. 1891). Выборъ перевода и самый переводъ нельзя не признать вполнѣ удачнымъ.

Арк. Лин—ко

ОБЗОРЪ СЛОВИНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1891 ГОДЪ.

Литературная дѣятельность словенцевъ въ прошломъ 1891 году проявилась въ очень скромныхъ размѣрахъ, сравнительно съ предшествовавшими годами. Но и то немногое, что̀ появилось въ прошломъ году, имѣетъ для насъ большую цѣнность, если обратить вниманіе на тѣ скудныя средства, какими обладаетъ нашъ народъ, и на тѣ жертвы, при какихъ только и возможны становятся многія изданія.

Первое мѣсто по издательской дѣятельности мы должны отвести «Словенской Матицѣ» въ Люблянѣ, одному изъ наиболѣе дѣятельныхъ по распространенію произведеній изящной литературы словинскихъ обществъ, издавшему, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, и въ отчетномъ году свой «Letopis» за 1891 г. Къ выдающимся беллетристическимъ произведеніямъ, изданнымъ «Матицей», относится новый историческій романъ проф. Детеля (Pr. Detela), подъ заглавіемъ: «Pegam in Lambergar». Авторъ этого романа извѣстенъ уже въ словинской литературѣ своими прежними историческими романами, изъ коихъ лучшимъ считается «Malo življenje» (Малая жизнь). Содержаніе послѣдняго романа Детеля «Pegam in Lambergar» относится къ эпохѣ борьбы словенцевъ съ турками. По общему мнѣнію словинскихъ литературныхъ критиковъ, этотъ романъ стоитъ выше всего, что до сихъ поръ появлялось у насъ въ области историческаго романа. Отъ души желаемъ «Матицѣ» и впредь дарить своихъ членовъ такими высокохудожественными произведеніями, которыя, несомнѣнно, будутъ привлекать все болѣе и болѣе членовъ въ это общество.

Съ большимъ сочувствіемъ встрѣчено было образованнымъ словинскимъ обществомъ изданіе полнаго собранія сочиненій извѣстнаго

писателя-беллетриста и поэта, Франца Левстика. Вышло пока только два томика, заключающихъ въ себѣ произведенія стихотворныя (Levstik, Zbrani spisi. I—II svezek. Poezije. Ljubljana). Всего предполагается издать 5 томиковъ, цѣною по 2 гульд. каждый.

Небольшой его разсказъ «Мартинъ Керпанъ»—одно изъ популярнѣйшихъ произведеній словинской литературы, вошедшій даже въ школьныя хрестоматіи, извѣстенъ и русской публикѣ въ переводѣ М. Хостника, помѣщенномъ въ «Пантеонѣ Литерат.» за 1888 годъ.

Недалеко еще ушли мы отъ того времени, когда объ изданіи такихъ произведеній, какъ стихотворенія Левстика и Стритаря, у словенцевъ невозможно было и думать. Появленіе въ печати перваго небольшого сборника стихотвореній Левстика было для него роковымъ событіемъ. Онъ былъ немедленно исключенъ изъ семинаріи и нигдѣ на словинской землѣ онъ не могъ найти себѣ пріюта. Цѣлый рядъ горькихъ испытаній принудилъ его оставить свою родину и отправиться въ Моравію, гдѣ онъ поступилъ въ орденъ редемптористовъ въ Бернѣ. Но интриги директора люблянской гимназіи преслѣдовали его и здѣсь. Левстикъ принужденъ былъ выйти изъ этого ордена; ученіе его опять прервалось, и на этотъ разъ окончательно. Онъ очутился въ самомъ безвыходномъ положеніи, и только благодаря Миклошичу, всегда уважавшему Левстика, ему удалось получить мѣсто въ вѣнской придворной библіотекѣ, откуда впослѣдствіи онъ переселился въ Люблjану, гдѣ и скончался въ 1887 г. Причиною этихъ преслѣдованій было какъ свободолюбіе Левстика, сильно отражавшееся на всѣхъ его произведеніяхъ, такъ и особенныя черты его характера, чрезвычайная искренность и прямота во всѣхъ поступкахъ и рѣчахъ. Въ настоящее время, когда вліяніе словинскаго духовенства ослабѣло въ значительной степени, издатели произведеній Левстика смѣло могутъ надѣяться на успѣхъ изданія, осуществившагося благодаря предпріимчивости нѣмецкой фирмы Клейнмаиръ и Бамбергъ въ Люблянѣ. Этой же фирмою изданы были нѣсколько лѣтъ тому назадъ сочиненія извѣстнаго словинскаго писателя Іос. Стритаря, автора вышедшаго недавно въ Вѣнѣ небольшого сборника стихотвореній, подъ заглавіемъ: «Drobiž» (Мелочь) подъ псевдонимомъ Петра Пустынника (Petar Samotar). Сборникъ заключаетъ въ себѣ 136 мелкихъ стихотвореній, обнимающихъ своимъ содержаніемъ премущественно черты общественной жизни словенцевъ. Съ особеннымъ сожалѣніемъ говоритъ поэтъ о постоянныхъ среди словенцевъ несогласіяхъ и раздорахъ. «У словенцевъ, говоритъ онъ, въ настоящее время замѣчается удивительное явленіе: 5 головъ имѣетъ 6 умовъ, вслѣдствіе чего никто не знаетъ: куда дѣвать одинъ лишній умъ». Кто наблюдаетъ въ настоящее время за теченіемъ общественной жизни у словенцевъ, тотъ несомнѣнно со-

гласится, что поэтъ нашъ правъ, слова его должны служить постояннымъ укоромъ виновникамъ этихъ смутъ и раздоровъ. Замѣчательна глубокая вѣра поэта въ высокое призваніе всего славянства, которое одно только можетъ-де спасти и словинскій народъ.

Изъ другихъ сборниковъ поэтическихъ произведеній, появившихся втеченіе 1891 г., отмѣтимъ: «Pomladini glasi» (Весенніе голоса), составленный и изданный студентами люблянской семинаріи. Небольшой по объему (всего 120 стр.), этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ произведенія истинно художественныя, проникнутыя искреннимъ чувствомъ и свѣжестью мысли. Такъ какъ всѣ участники этого коллективнаго изданія люди несомнѣнно еще молодые, то мы надѣемся, что современемъ многіе изъ нихъ съ честью потрудятся на пользу и славу словинской письменности. Общество св. Кирилла и Меѳодія въ Люблянѣ выпустило въ 1891 году 6-ой выпускъ своего изданія для молодежи, содержащій избранныя стихотворенія Валентина Водника (Pesni Val. Vodnika, uredil Fr. Wiesthaler. Ljubljana. 1891). Изъ изданій, вышедшихъ въ провинціи, отмѣтимъ сборникъ беллетристическихъ произведеній, подъ заглавіемъ: «Нашъ домъ» (Naš Dom), изданный книгопродавцемъ Крижаномъ въ Цельѣ (Cilli). Изданіе это было несочувственно встрѣчено словинской критикой и попытка Крижана положить основаніе новой словинской «библіотекѣ» вышла неудача; на первомъ же томѣ изданіе пріостановилось.

Въ г. Птуѣ (Pettau) А. Коси выпустилъ въ свѣтъ третій выпускъ собранныхъ имъ народныхъ словинскихъ легендъ (Narodne legende, izdaja A. Kosi). Словинская критика весьма сочувственно отнеслась къ этому изданію, которое, однако, оказалось въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ не вполнѣ удовлетворительно.

Общество св. Гермагора издало втеченіе 1891 г. по обыкновенію шесть томиковъ различнаго содержанія, въ количествѣ 52 т. экземпляровъ. Изъ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія «Календарь» (Kaledar družbe sv. Mohorja za 1892) и «Словен. вечерницы» (Slovenske Večernice, Celovac), содержащія оргинальныя статьи и небольшіе разсказы, ежегодно собираемые обществомъ путемъ конкурса. Замѣтимъ кстати, что только Матица Словинская и общество св. Гермагора даютъ за печатаемыя ими произведенія извѣстный гонораръ авторамъ, въ большинствѣ же изданій писатели печатаютъ свои произведенія безвозмездно, что служитъ не малымъ тормазомъ въ дѣлѣ успѣшнаго развитія словинской письменности.

Къ историческимъ монографіямъ, имѣющимъ впрочемъ мѣстный интересъ, относится изданная Словинскою Матицею—«Исторія Новаго Мѣста» (Zgodovina Novega Mesta), словинскаго города въ Нижней Крайнѣ, составленная извѣстнымъ историкомъ Иваномъ Верхов-

цемъ (I. Verhovec), авторомъ обширной исторіи гор. Любляны. Исторія Новаго Мѣста (Rudolfswerth) интересна особенно потому, что ему много приходилось бороться съ турками, постоянно на него нападавшими.

Весьма полезенъ и заслуживаетъ полнаго вниманія и сочувствія всѣхъ интересующихся словинской литературой трудъ проф. I. Марна: (Jezičnik ali pomenki v slovenskom pisanji. Ljubljana), который продолжалъ выходить и въ истекшемъ году. Къ настоящему времени вышло уже 18 выпусковъ этого изданія. Послѣдній выпускъ, несмотря на незначительность его объема, заключаетъ въ себѣ весьма много новыхъ и неизвѣстныхъ еще матеріаловъ, собранныхъ проф. Марномъ съ большою тщательностью. Этотъ выпускъ даетъ жизнеописанія многихъ выдающихся словинскихъ дѣятелей, между прочимъ вождя хорутанскихъ словенцевъ Ондрія Айншпилера, филолога-слависта Матіи Маяра, ученаго Даворина Терстеняка, лексикографа Цигаля, филолога и поэта Левстика и другихъ. Не заключая въ себѣ обстоятельнаго очерка и оцѣнки литературной дѣятельности того или другого писателя, «Язычникъ» даетъ зато большое количество отрывковъ изъ лучшихъ произведеній словинскихъ писателей, такъ что читатель легко можетъ составить себѣ надлежащее понятіе о характерѣ литературной дѣятельности каждаго изъ нихъ. Вообще, для будущаго историка словинской литературы трудъ профессора Марна принесетъ огромную пользу и въ настоящее время является положительно необходимымъ для всякаго занимающагося словинской литературой.

Въ области историческаго романа слѣдуетъ отмѣтить также новый большой романъ А. Бенедека подъ заглавіемъ: «Od pluga do krone», представляющій жизнеописаніе знаменитаго ученаго Юрія Вега, проведшаго послѣдніе годы своей жизни при вѣнскомъ дворѣ. Критика отзывается объ этомъ произведеніи Беденека съ большою похвалою, хотя содержаніе этого романа въ значительной части не имѣетъ реальной подкладки.

Изъ политическихъ брошюръ, вышедшихъ въ прошломъ году, отмѣтимъ «Obrambeni govori» проф. Фр. Лампе (Lampe, Ljubljana), изданные въ видѣ приложенія къ газетѣ: Duhovni Pastir. Цѣль этой апологіи—оправдать старословенцевъ отъ обвиненій со стороны младословенцевъ. Едва ли она достигнетъ своей цѣли, по слабости доводовъ консервативнаго автора въ пользу своихъ партизановъ.

П. М.

ПЕРЕПИСКА ЯНА АМОСА КОМЕНСКАГО.

Jana Amosa Komenského Korrespondence. Sebral a k tisku připravil A. Patera, v Praze, 1892 (Rozpravy České Akademie císaře Františka Josefa. Ročn. 1, čislo 2).

Самымъ крупнымъ вкладомъ въ научную литературу объ А. Коменскомъ, вызванную чествованіемъ 300-лѣтняго его юбилея, является несомнѣнно изданіе его писемъ или вѣрнѣе переписки, заглавіе котораго нами здѣсь выписано. Изданіе принадлежитъ Чешской Академіи Наукъ. Съ внѣшней стороны оно не оставляетъ желать ничего лучшаго, даже раскошно и снабжено всѣми необходимыми аксессуарами (подробнымъ оглавленіемъ, указателемъ, прекраснымъ автографомъ Коменскаго, etc.). Самый трудъ по собиранію и приготовленію писемъ къ печати, вообще редакціонная работа принадлежитъ извѣстному знатоку чешской литературы и неутомимому издателю ея памятниковъ А. О. Патерѣ, имя котораго уже служитъ ручательствомъ совершенной научности и надежности, образцовой тщательности и точности изданія. Напечатано 243 номера писемъ главнымъ образомъ самого Коменскаго, но также писанныхъ къ нему (23 п.) и писемъ постороннихъ лицъ (другъ къ другу), такъ или иначе касающихся Коменскаго, его личности, жизни и трудовъ (46 п.). Въ приложеніяхъ помѣщено еще нѣсколько документовъ, въ томъ числѣ нѣсколько сомнительныхъ (нѣмецк.) писемъ, приписываемыхъ великому педагогу. Изданію предпослано обстоятельное предисловіе, изъ котораго узнаемъ о судьбѣ главнаго собранія печатаемыхъ здѣсь писемъ Коменскаго, хранящагося въ Чешскомъ Музеѣ и пріобрѣтеннаго не безъ большихъ затрудненій стараніями Палацкаго и проф. Пуркини въ 1850 году въ Лѣшнѣ. Г. Патера называетъ свой трудъ первымъ опытомъ изданія чрезвычайно обширной и повсюду разбросанной корреспонденціи Коменскаго. На первый разъ издается коллекція, имѣющаяся въ Музеѣ, а къ ней присоединены письма, которыя удалось собрать съ разныхъ сторонъ, благодаря содѣйствію многихъ лицъ, между прочимъ изъ Стокгольма и нѣкоторыхъ другихъ заграничныхъ библіотекъ, а также извлечь изъ кое-какихъ иностранныхъ сочиненій и изданій. По всему видно, что издателемъ были употреблены всѣ мѣры къ пополненію коллекціи изъ всѣхъ доступныхъ источниковъ; но тѣмъ не менѣе онъ считаетъ вполнѣ вѣроятнымъ, что собрано далеко еще не все, что многое еще быть можетъ скрывается въ разныхъ книгохранилищахъ Европы, вслѣдствіе чего онъ предвидитъ возможность скорыхъ дополненій. Есть наконецъ матеріалъ, который ему не удалось добыть, а именно:

въ письмахъ Коменскаго, хранящихся въ Амстердамѣ, ему было отказано, такъ какъ ихъ предполагаетъ издать вмѣстѣ съ другими памятниками мѣстная «Comenius-Commission». Что касается вида, въ какомъ уцѣлѣли письма самого Коменскаго, то оказывается, что огромное большинство ихъ сохранилось въ спискахъ его времени, и лишь очень немного дошло собственноручныхъ писемъ (8 или 9) или набросковъ—«концептовъ» (23) *. Въ виду неразборчивости многихъ, особенно списковъ, а отчасти и неисправности ихъ, г. Патера долженъ былъ, какъ видно, положить много кропотливаго труда для приготовленія къ печати такого огромнаго матеріала, для чего требовались разумѣется и тщательное его изученіе и приведеніе въ строгій порядокъ. Письма напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ, подъ который подведены и письма другихъ лицъ къ Коменскому и переписка ихъ между собой. Эта система облегчаетъ конечно пользованіе изданіемъ—съ какою бы ни было цѣлью: біографическою или научно-критическою (изученіе его трудовъ).

Вообще трудъ г. Патеры, какъ и самое предпріятіе Чешской Академіи заслуживаютъ великой благодарности со стороны славянской, да и вообще европейской науки и ея представителей. Не требуется, кажется, и разъяснять, какое высокое значеніе и цѣну имѣетъ переписка (главнымъ образомъ по предмету спеціальности) такого человѣка и дѣятеля, какимъ былъ I. А. Коменскій, и не только для разъясненія его жизни, отношеній и роли, его личности и характера его трудовъ и ихъ метода, идей и міровоззрѣнія, но и въ болѣе общемъ, научномъ и культурно-историческомъ отношеніи. Да и въ собственно-историческомъ смыслѣ эта переписка представляетъ выдающійся интересъ. Здѣсь рисуется въ живыхъ краскахъ цѣлая эпоха европейской исторіи, жизни религіозной, культурной, политической, и притомъ эпоха интереснѣйшая во всѣхъ отношеніяхъ, съ 20-хъ до 70-хъ годовъ XVII вѣка. Имена многихъ на разныхъ поприщахъ громкихъ и славныхъ корреспондентовъ Коменскаго, тоже естественно характеризуемыхъ въ ихъ перепискѣ съ нимъ, конечно еще увеличиваютъ научную цѣну и можно сказать захватывающій интересъ этого изданія.

Такъ можно было бы судить уже a priori, не разсматривая книги подробнѣе. Ближайшее же ознакомленіе съ ея внутреннимъ содержаніемъ убѣждаетъ вполнѣ въ справедливости такого сужденія, въ

* Письма Коменскаго, за очень немногими исключеніями, писаны по-латыни; нѣкоторыя письма другихъ лицъ, вошедшія въ собраніе, писаны также на языкахъ: чешскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, англійскомъ, шведскомъ, мадьярскомъ

томъ, что оно нисколько не преувеличено. То, что многія письма Коменскаго были уже извѣстны и кое-гдѣ напечатаны въ разное время *, а многими пользовались спеціалисты-ученые въ рукописяхъ (Музея), нисколько не умаляетъ, понятно, цѣны изданія.

Переписка Коменскаго, весьма разнообразная, дѣловая и научная, всегда содержательная и серьезная, обдуманная и литературно-выдержанная (тогда и смотрѣли на переписку иначе), со многими лицами весьма постоянная и правильная, поражаетъ своею обширностью: въ настоящей коллекціи имѣются письма Коменскаго къ свыше 60 лицамъ. Удивляешься, какъ успѣвалъ Коменскій при всѣхъ своихъ усидчивыхъ кабинетныхъ трудахъ, при своей научной производительности, при всѣхъ своихъ обязанностяхъ, вести еще такую огромную и разнообразную корреспонденцію со столькими лицами въ разныхъ концахъ Европы! Отчасти онъ былъ конечно вызываемъ къ тому другими, обращавшимися къ нему съ вопросами и просьбами, за совѣтами, разъясненіями, указаніями, и т. д., а онъ добросовѣстно отвѣчалъ и старался всѣхъ удовлетворить. Но и самъ онъ завязывалъ письменныя сношенія со многими ради своихъ научныхъ интересовъ, задачъ, предпріятій, а также дѣлъ своей бѣдной «общины чешскихъ братьевъ», о которой заботился съ чисто-отеческою ревностью. Что иногда въ разгаръ работъ надъ спеціальными своими трудами эта обширная переписка, занимавшая пропасть времени, становилась ему въ тягость, видно изъ его писемъ конца 1642 г. и начала 1643 (изъ Эльбинга), въ которыхъ (см. №№ 57 и 58) онъ высказываетъ друзьямъ свое рѣшеніе на одинъ годъ прервать всю переписку, предупреждая, что онъ самъ не будетъ писать и прося не утруждать и его письмами и запросами о ходѣ его работъ (см. стр. 66), чѣмъ ему очевидно также часто надоѣдали.

Изданная переписка Коменскаго можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько отдѣловъ соотвѣтственно главнымъ періодамъ скитальческой жизни Коменскаго, и каждый такой отдѣлъ, при ихъ взаимномъ сличеніи, окажется съ своими отличительными чертами и въ содержаніи и настроеніи и духѣ писемъ, характеризуясь особымъ преобладающимъ интересомъ, поглащавшимъ ихъ автора въ данный моментъ,—не говоря уже о смѣнѣ самихъ корреспондентовъ Коменскаго въ эти главныя эпохи его долгой жизни (умеръ 78 лѣтъ).

Первый отдѣлъ обнимаетъ письма Коменскаго 30-хъ годовъ (изъ болѣе раннихъ вошло сюда лишь письмо его къ женѣ 1622 г.) изъ Лѣшна до 1641 г., т. е. до поѣздки въ Англію. Ихъ 31 п.; это—

* При каждомъ такомъ письмѣ есть точное указаніе о томъ, гдѣ оно ранѣе было напечатано.

преимущественно письма къ ученымъ, особенно нѣмецкимъ, съ которыми Коменскій сносился по поводу своихъ педагогическихъ работъ, между прочимъ и къ бывшему своему учителю (въ Герборнѣ) Альштеду въ Трансильваніи. Здѣсь находимъ имена С. Эвеніуса, Авр. Менцеля, Паліура, Джонстона, Я. Мохингера, Я. Доцемія, Ю. Винклера, М. Мозера, Никлассія, наконецъ С. Гартлиба, съ которымъ Коменскій былъ особенно близокъ, и позже, еще—Я. Бала, Х. Панделія, и др. Здѣсь же есть письма къ палатину Бельзскому и неизвѣстному лицу, называемому то меценатомъ (п. 26), то патрономъ (п. 30 и 31), въ которомъ издатель предполагаетъ Богусл. Лѣщинскаго. Любопытны въ этихъ письмахъ между прочимъ сообщенія Коменскаго объ его отношеніяхъ къ Ратихію, съ которымъ онъ тщетно пытался завязать болѣе близкія связи и на необщительность и скрытность котораго онъ жалуется въ нѣкоторыхъ письмахъ, равно какъ на медлительность его въ обнародованіи результатовъ своихъ трудовъ.

Второй отдѣлъ писемъ, самый большой, относится къ эпохѣ пребыванія Коменскаго на сѣверѣ, въ Англіи, Швеціи и Пруссіи (Эльблонгѣ-Эльбингѣ), т.-е. до 1648 года, бывшаго не только поворотнымъ и рѣшительнымъ въ жизни Коменскаго, но и роковымъ въ судьбѣ братской общины («чешскіе братья» были забыты шведами при заключеніи вестфальскаго мира!). Сюда относятся письма до № 116. Это было самое живое, полное начинаній, плановъ и надеждъ время жизни нашего геніальнаго педагога и мыслителя; пребываніе же въ Эльблонгѣ ознаменовалось самой напряженной и усидчивой работой Коменскаго надъ цѣлымъ рядомъ важныхъ дидактическихъ пособій (особенно Methodus lingvarum novissima, Vestibulum rerum et lingvarugm, и пр.), причемъ (конечно болѣе въ механическомъ трудѣ) ему помогало лишь нѣсколько молодыхъ сотрудниковъ. Так. обр. переписка этой эпохи носитъ характеръ почти исключительно дѣловой или спеціально-ученый, и значительное въ ней мѣсто занимаютъ письма къ главному покровителю, «патрону» Коменскаго, негоціанту Людов. Гееру, ко всегдашнему дѣловому посреднику между ними Бог. Хоттону, къ домашнему другу Геера—Вольцогену и къ шведскимъ офиціальнымъ представителямъ: канцлеру Акселю Оксенштерну, доктору богословія и потомъ епископу Яну Матіэ и канцлеру упсальск. универс. Іог. Скитте. Изъ другихъ корреспондентовъ Коменскаго за это время назовемъ: Тов. Андреэ (проф. въ Гронингѣ), Сбигн. Горая (кастеляна холмск.), С. Хартлиба, Ю. Ричеля, Эд. бар. Герберта, etc. Переписка этого времени касается и такихъ интересныхъ фактовъ жизни и дѣятельности Коменскаго, какъ приглашенія его (для организаціи школь-

наго дѣла) въ другія страны, именно исходившія отъ семиградскаго князя Юрія Ракоци и литовскаго Радзивилла, какъ вообще сношенія его съ славянскимъ Востокомъ (Литвой, Польшей, западной Русью), и затѣмъ путешествія его въ качествѣ представителя «общины братьевъ» на—впрочемъ непроизводительные—съѣзды католиковъ и евангеликовъ въ Литвѣ (1644) и потомъ Торунѣ (1645); религіозныя дѣла, связанныя со многими заботами и непріятностями для Коменскаго, сильно отвлекали его отъ спеціальныхъ работъ, отчасти даже тяготили его, а главное возбуждали въ его шведскихъ покровителяхъ неудовольствія и нареканія на него за медлительность и отвлеченіе посторонними дѣлами.

Третій періодъ переписки обнимаетъ время пребыванія Коменскаго въ Лѣшнѣ, Угріи и снова въ Лѣшнѣ, съ 1648 по 1656 г., т.-е. до роковой Лѣшненской катастрофы, разрушенія этого города поляками, гибели большей части годами накопленныхъ и обработанныхъ Коменскимъ матеріаловъ и трудовъ, и переселенія его снова на сѣверъ, въ гостепріимную Голландію. Относящіяся сюда письма съ № 116 до 162 составляютъ главнымъ образомъ переписку съ разными лицами въ Угріи, куда былъ призванъ и гдѣ (въ Шаришскомъ Потокѣ) пробылъ Коменскій съ 1650 г. до начала 1654 г., затѣмъ съ нѣкоторыми «братьями», а отчасти еще со шведскими его друзьями. Изъ первыхъ назовемъ: князя Юрія Ракоци, княжескаго главнаго совѣтника префекта Шар.-Потокскаго Андрея Клобусицкаго, завѣдывавшаго школами и воспитателя князей Яна Толная и др., изъ среды же «общины» (тоже въ Угріи)—Петра Секурія, Яна Маріаша, Я. Эфрона, Я. Сапора, Ходниція. Переписка съ «братьями» носитъ свой особый интимный отпечатокъ, характеризуя отношенія пастыря къ своему стаду и вообще братскія отношенія. Письма Коменскаго 1655 года къ вышеупомянутому Андрею Клобусицкому заключаютъ въ себѣ много извѣстій о живо интересовавшей тогда Коменскаго шведско-польской войнѣ и любопытны въ историческомъ отношеніи. Впрочемъ они уже ранѣе были напечатаны въ мадьярскихъ историческихъ изданіяхъ.

Наконецъ четвертый и послѣдній отдѣлъ переписки соотвѣтствуетъ послѣднему амстердамскому періоду жизни Коменскаго (съ 1656 по † 1670 г.), обнимая въ себѣ письма (Коменскаго, къ нему и его друзей между собой) отъ № 162 до конца. Здѣсь въ числѣ корреспондентовъ Коменскаго, кромѣ многихъ прежнихъ, находимъ: Яна Битнера, епископа польскихъ братьевъ, бар. Юрія Садовскаго, I. Гарсдёрфера, М. Гессенталера, типографа амстердам. Петра Монтана (v. d. Berge), короля англійскаго Карла II, чешскаго эмигранта Арн. Максимиліана изъ Лукавицъ, чеш. студента Сам.

Войта, пасторовъ Гертихія и Шметтау, проф. Валькеніера, Ромберга и другихъ. Въ этомъ отдѣлѣ особенно много помѣщено писемъ къ Коменскому и писемъ его друзей и корреспондентовъ между собой, касающихся главнымъ образомъ толковъ и споровъ по поводу омрачившаго этотъ послѣдній періодъ жизни Коменскаго мистическаго его увлеченія, выразившагося изданіемъ извѣстной книги Lux in tenebris (и позже Lux e tenebris, 1665) и вооружившаго противъ Коменскаго многихъ ученыхъ того времени. Этотъ предметъ послужилъ темой многихъ писемъ и самого Коменскаго. Послѣднее цитованное письмо Коменскаго къ Гессенталеру помѣчено 31 авг. 1668 г., а за нимъ слѣдуетъ еще одно безъ даты къ Я. Битнеру (№ 238).

Помѣщенныя въ настоящемъ собраніи письма къ Коменскому разныхъ лицъ и письма ихъ же и еще многихъ другихъ между собой о Коменскомъ, его дѣлахъ и трудахъ—служатъ чрезвычайно цѣннымъ дополненіемъ къ собственнымъ его письмамъ, разъясняя и освѣщая многое.

Распространяться болѣе о значеніи послѣднихъ для оцѣнки симпатичнѣйшей личности, разносторонней дѣятельности и умственныхъ подвиговъ ихъ автора не позволяютъ рамки нашей краткой замѣтки.

К. Гротъ

СМѢСЬ

Движеніе въ Россіи населенія. Международн. конгрессъ археологіи и антропологіи въ Москвѣ. Проектъ соединенія морей Каспійскаго и Чернаго. Казанское общество археологіи, исторіи и этнографіи. Черниговскій 900 л. юбилей. Братство св Гурія. Плоцкая выставка. И. Палестинское Общество. Одесское Славянское Общество въ 1891. 25 л. Виленской Публ. Библіотеки. Преміи м. Макарія. Соч. М. Нѣмечка. Населеніе Галиціи. 25 л. львовскаго «сокола». Археологическій музей въ Коломыѣ. † Р. Мохъ. «Звуки изъ Наднѣстровья» Гушалевича. «Вопросъ о фонетикѣ» П. П—го. 2-й т. «Архива Сапѣговъ». Сельскія школы въ Угріи. Пропаганда уніатства въ Австріи. Краковская Академія Наукъ. Преміи Линде. Премир. соч. Муки. Чехи на вѣнской музык. выставкѣ. † В. Зеленый. Пражская этнограф. выставка 1893. Отчетъ о чешск. выставкѣ 1891. Изданіе «Лабиринта» Коменскаго. С. М. Дакснеръ. Соч. Сасинка. Слов. «Календарь для учителей». Сборн. Фунтека. Нов. юморист. ж. Pavliga. «Словинская стенографія» Зупана † И. Берличъ. Загребскій соборъ. Изданія Хорватской матицы. Сочиненія К. Войновича, П. Каера и Живковича. Фонетическое правописаніе въ хорватскихъ школахъ Памятникъ В. Караджичу. Соч. М. Миличевича. Бѣлградское Литер. Худ. Общество. Рѣчь Ристича. Сербск. кн. задруга. † Арсеній Стойковичъ. Государств. устройство Черногоріи. Сборникъ Шапкарева. Населеніе Болгаріи. † А. Г. Скрибанъ. Русско-франц. отношенія въ ром. Ж. Верна. Кн. о франц. выставкѣ въ Москвѣ. Лекціи въ Лондонѣ о русск. языкѣ. Брошюра «Призваніе Австріи на Востокѣ». Нов. генералъ орд. іезуитовъ. Катол. епископатъ въ Америкѣ. † І. Буденцъ, Карпъ Келети и Ю. Клапка.

— По официальнымъ свѣдѣніямъ въ **Россіи** (безъ Финляндіи) прибыло въ 1889 г. полтора милліона душъ **населенія**, такъ что къ 1890 г. оно достигло 114.378,520. Число рожденій превышало 5,1 мил., число же умершихъ достигло почти 3,6 мил. Наибольшій приростъ замѣчается въ землѣ Донского войска (21, 6%), а наименьшій въ Прибалтійскомъ краѣ (5, 7%).

— Въ **Москвѣ** дѣятельно подвигаются работы по устройству предстоящаго (1—8 авг.) **«Международнаго конгресса доисторической археологіи и антропологіи»**. Обѣщано участіе на немъ многихъ представителей этихъ наукъ въ западной Европѣ, между которыми находятся и ученые славянскіе: проф. Брусина (Загребъ), д-ръ Нидерле (Прага), проф. Вейдовскій (тоже). Изъ нѣмецкихъ ученыхъ назовемъ: Вирхова, изъ австрійскихъ Гегера, изъ мадьярскихъ Тѐрека; изъ французскихъ же: д'Аси, де-Бай, Говеляка, Мартины, Топинара, і принца Роланда Бонапартъ, маркиза Надальяка; изъ итальянцевъ Гильоли; изъ шведовъ Монтеліуса. На очередь поставлены очень важные вопросы, методологическаго и историческаго рода. При съѣздѣ устраивается археологическая

выставка. Можно ожидать, что по научному своему значенію съѣздъ московскій не уступитъ прежнимъ съѣздамъ, поочередно собиравшимся съ 1865 г. во Франціи, Италіи, Португаліи, Швейцаріи, Австро-Угріи, Англіи, Даніи, Швеціи. Порукою можетъ служить то, что во главѣ организаціоннаго комитета стоятъ наряду съ гр. Уваровой профессоры Богдановъ и Анучинъ.

— Въ числѣ проектовъ общественныхъ работъ въ Россіи, разработывается вопросъ о **соединеніи Каспійскаго и Чернаго морей**, при участіи французскихъ инженеровъ изъ компаніи Суезскаго канала.

— Изъ «**Отчета общества археологіи, исторіи и этнографіи** при Имп. Казанскомъ университетѣ за 1890—1892 гг. (Казань. 1892 г.) мы узнаемъ, что Общество это состояло къ 19 марта 1892 г. изъ 16 почетныхъ членовъ, 4 членовъ соревнователей, 90 дѣйствительныхъ чл. и 71 чл. сотрудниковъ. Предсѣдательствуетъ проф. Ѳирсовъ. За время съ 27 апрѣля 1890 по 12 марта 1892 г. было 13 засѣданій совѣта и 15 общихъ собраній. Изъ сдѣланныхъ сообщеній отмѣтимъ: проф. Александрова о «Внѣшнемъ бытѣ сербовъ», и Н. З. Тихова о «Болгарскомъ домѣ и относящихся къ нему постройкахъ». При Обществѣ состоятъ музей и библіотека. На приходѣ за отчетное время было 2,172 р. Въ изданныхъ съ 1890 г. Обществомъ VIII, IX и X томахъ «Извѣстій» есть очень важныя изслѣдованія, особенно покойнаго финнолога М. П. Веске: «Славяно-финскія культурныя отношенія, по даннымъ языка» (1890 г.) и И. П. Смирнова: Историко-этнографическіе очерки о черемисахъ (1889 г.), вотякахъ (1890 г.), пермякахъ (1891 г. и мордвѣ (1892 г.).

— Въ **Черниговѣ** предстоитъ въ близкомъ будущемъ празднованіе **900-лѣтія** существованія епископской каѳедры, одной изъ древнѣйшихъ въ Россіи.

— Изъ «**Отчета переводческой комиссіи православнаго миссіонерскаго общества, учрежденной при братствѣ св. Гурія въ г. Казани**» (Казань, 1892 г.) извлекаемъ нѣсколько свѣдѣній объ изданіяхъ народнообразовательныхъ, религіознонравственныхъ и богослужебныхъ книгъ на инородческихъ языкахъ восточной Россіи и Сибири за послѣднія 30 лѣтъ. Главнымъ иниціаторомъ и организаторомъ этой миссіонерско-просвѣтительной дѣятельности былъ умершій недавно директоръ казанской учительской семинаріи Николай Ивановичъ Ильминскій, соорудившій себѣ этими трудами вѣковѣчный памятникъ въ исторіи русскихъ инородцевъ. Значительную поддержку оказалъ этому дѣлу и б. москов. митрополитъ Иннокентій и состоявшее подъ его предсѣдательствомъ Правосл. миссіонерское общество, а затѣмъ Казанское братство св. Гурія и образованная при немъ въ 1869 г. Переводческая комиссія, работавшая подъ предсѣдательствомъ Н. И. Ильминскаго, а теперь проф. Машанова.

Трудами Ильминскаго и комиссіи изданы въ послѣднія 30 л.:

На	татарскомъ	языкѣ:	50	названій;
»	чувашскомъ	»	39	»
»	черемисскомъ	»	25	»
»	вотскомъ	»	15	»
»	мордовскомъ	»	11	»
»	киргизскомъ	»	7	»
»	алтайскомъ	»	10	»
»	бурятскомъ	»	6	»
»	тунгузскомъ	»	2	»
»	гольдскомъ	»	7	»

» якутскомъ » 6 »
» остяц.-самоѣд. » 4 »

Всего 182 названія на 12 инородческихъ языкахъ. Между изданными книгами есть буквари, катихизисы, молитвенники, книги библейскія, особенно псалтыри и евангелія, служебники, требники, житія святыхъ, священно-историческія брошюры, поученія, даже (изрѣдка) произведенія народной словесности. О распространенности этихъ изданій можно судить по числу экземпляровъ. Оно восходитъ: на татарскомъ языкѣ до 5,000 экз. на изданіе, причемъ нѣкоторыя книжки переиздаются черезъ годъ — два; на чувашскомъ — до 3,000 экз.; на черемисскомъ—до 3,000 экз.; на вотскомъ—до 1,000 экз.; на мордовскомъ—до 2,000 экз.; на киргизскомъ—до 1,200 экв.; на алтайскомъ до 2,000 экз.; на бурятскомъ—до 1,200 экз.; на тунгузскомъ -- до 600 экз.; на гольдскомъ—до 800 экз.; на якутскомъ—до 1,000 экз.; на остяцко-самоѣдскомъ—до 600 экз. Общее число экземпляровъ за послѣднія 15 л. свыше 500,000. Литература эта, связанная съ организаціей школъ съ инородческими языками и богослуженія на нихъ (вполнѣ или въ соединеніи съ церковнославянскимъ), при употребленіи кирилловской графики, имѣетъ важное значеніе не только образовательное, но и народное, ибо лишь этимъ путемъ могутъ русская церковь и русское общество парализовать распространеніе между инородцами мусульманства и татарской народности, которая до сихъ поръ является опаснымъ соперникомъ русской въ странахъ волжско-уральскихъ.

— Въ г. **Плоцкѣ** устроена была въ апрѣлѣ мѣсяцѣ археологическая, этнографическая и художественная **выставка**, въ пользу Краснаго креста. Тутъ собрано было мѣстными любителями не мало предметовъ каменнаго, бронзоваго и желѣзнаго періодовъ, главнымъ образомъ плоцкой губерніи, а также художественные предметы мѣстныхъ костеловъ и нѣкоторыя коллекціи турецкихъ и восточно-азіатскихъ рѣдкостей.

— Изъ изданнаго въ приложеніи къ «Русскому Паломнику» (апр. 1892 г.) **«Сообщенія Имп. Православнаго Палестинскаго общества»** мы узнаемъ, что его доходы и расходы простираются приблизительно до 165 т. р. Доходы слагаются: изъ членскихъ взносовъ (9,5 т. р.), пожертвованій (116 т. р.), % бумагъ (9 т. р.), за изданія (1,2 т.), отъ поклонниковъ (7,5 т. р.) и имущества (1,2 т. р.); расходуется же: на поддержаніе православія (34,5 т. р.), пособія паломникамъ (50 т. р.), изданія и изслѣдованія (12,5 т.), сборъ пожертвованій (6 т.) и общіе расходы (62,2 т.).

Къ 1-му февр. 1892 г. состояло въ Палестинѣ 10 и въ Сиріи 3 содержимыхъ этимъ Обществомъ учебныхъ заведеній (изъ нихъ 6 школъ съ русскими учителями и 5 съ арабскими), въ которыхъ обучалось до 1070 дѣтей обоего пола. Сверхъ того Общество оказывало поддержку 3 мѣстнымъ школамъ, гдѣ обучалось до 230 дѣтей.

Число больныхъ, посѣщающихъ назаретскую амбулаторію Общества, дошло въ 1891—92 г. до 35.363 ч., т. е. по 120 въ день. Сверхъ того при іерусалимской больницѣ приходящихъ больныхъ за годъ (по 1 марта 1892 г.) было 5.420, т. е. по 18 въ день. Въ скоромъ времени будетъ открыта еще бейть-джальская амбулаторія, расчитанная на 200 больныхъ въ день.

Въ ученомъ отношеніи сдѣлано очень много: издано 6 выпусковъ Сборника (30—36-й), заключающихъ: одного древняго паломника, Ѳеодосія, VI в.; двухъ русскихъ (Вас. Гагару 1634—37 гг. и Игнатія 1766 -- 76 гг.); греческое описаніе Синая (Паисіемъ Агіапостолитомъ 1577 — 1592 г.), и греч. житіе св.

Θеогнія (VI в.). Но наибольшій научный интересъ представляетъ I-ый т. «Описанія рукописей іерусалимской патріаршей библіотеки», составленный на новогреческомъ языкѣ ученымъ филологомъ и богословомъ, о. Аѳанасіемъ Пападопуломъ-Керамевсомъ, п. з: Ἱεροσολυμιτικὴ Βιβλιοθήκη, ὑπὸ Α. Παπαδοπούλου-Κεραμέως (Спб. 1891 г. X 632). Въ вышедшемъ томѣ этого каталога описано 645 греческихъ рукописей іерусалимской патріаршей или святогробской библіотеки, изъ коихъ древнѣйшія восходятъ къ V—VII вв., но огромное большинство принадлежитъ XVII—XVIII вв. Многія изъ этихъ рукописей очень важны для изученія средней и новогреческой литературы—агіографической, каноничеcкой, литургической, вообще богословской. Не мало есть интересныхъ и по свѣтской, особенно философской литературѣ, отчасти грамматической, лексической и исторической. Во многихъ имѣются прекрасныя миніатюры, представленныя въ фотографическомъ воспроизведеніи. Другія рукописи важны для исторіи сношеній восточныхъ церквей съ русскою, особенно въ XVII в.

Въ особомъ приложеніи къ этому изданію п. з.: Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς σταχυολογίας (Спб. 1891 г.) представлены выдержки изъ болѣе интересныхъ рукописей этого важнаго древлехранилища.

Не малый научный интересъ возбуждаетъ и первая научная экспедиція, снаряженная И. П. П. О-омъ въ 1891 г. для изслѣдованія христіанскихъ памятниковъ Сиріи, Палестины, Гаурана и Заіорданья. Изъ представленнаго проф. Н. П. Кандаковымъ 13 марта 1892 г. доклада объ этой экспедиціи мы узнаемъ, что она обозрѣла прежде всего нѣкоторые памятники древнехрист. искусства въ Константинополѣ, Аѳинахъ и Смирнѣ, а затѣмъ направилась въ Сирію, изъ Бейрута къ Дамаску на Баальбекъ, глѣ оказался значительный матеріалъ для исторіи художественнаго стиля Сиріи во II в. по Р. Х. Изъ Дамаска экспедиція направилась по Гаурану, гдѣ богатые остатки языческаго и христіанскаго искусства оказались во многихъ селеніяхъ и городахъ, особенно Эзрѣ, Шухбѣ, Кенаватѣ, Сіахѣ, Босрѣ. Менѣе цѣннаго матеріала найдено въ Заіорданьѣ, особенно Джерашѣ, Амманѣ и Аракъ-эл-Эмирѣ. Изъ Аммана экспедиція вынуждена была направиться не въ Машиту, какъ предполагалось, а въ Іерихонъ и Іерусалимъ, гдѣ особенно изучаемы были остатки храма Гроба Господня, въ связи съ прочими древнесирійскими памятниками. Главный выводъ экспедиціи, по словамъ проф. Кандакова, тотъ, что отъ Бейрута и Дамаска до Іерусалима константированъ одинъ архитектурный стиль, сложившійся въ сѣв. Сиріи еще въ языческую эпоху на почвѣ сирійской культуры, подъ сильнымъ вліяніемъ персидской и затѣмъ греческой.

Изъ сообщеній И. П. П. Общества мы убѣждаемся, что его дѣятельность развивается очень успѣшно и что несмотря на относительную ограниченность своихъ средствъ, въ сравненіи съ палестинскими обществами католиковъ и протестантовъ *), оно уже теперь занимаетъ въ ихъ средѣ очень почетное мѣсто. Такимъ образомъ понемногу совершается нравственное завоеваніе русскою наукою христіанскаго Востока. **А. Б.**

— **Изъ отчета правленія Одесскаго Славянскаго Общества имени св. Кирилла и Меѳодія** за 1891 г. (Одесса, 1892 г.) мы узнаемъ, что Общество это состоитъ въ настоящее время изъ 33 почетныхъ членовъ (между ними экскороль Миланъ!)

---

*) По имѣющимся даннымъ на протестантскія миссіи въ Европѣ и Америкѣ расходуется до 40 мил. р. въ годъ! (стр. 216).

и до 250 дѣйств. членовъ. Сумма членскихъ взносовъ 1,038 р., всѣхъ же поступленій 11,371 р.; въ расходѣ же было 11,249 р., изъ коихъ 6,175 на содержаніе славянскаго питомника. Въ послѣднемъ было къ 1 янв. 1892 г. 16 учениць: 9 болгарокъ, 2 сербки и 5 русскихъ. Дѣятельность общества сосредоточена была главнымъ образомъ на народныхъ чтеніяхъ, которыхъ въ 1891 г. было произнесено въ 2 аудиторіяхъ 70, въ присутствіи до 25 т. общаго числа слушателей. Для обезпеченія въ будущемъ этихъ чтеній общество пріобрѣло, при помощи ссудъ отъ 9 членовъ, особый домъ, стоимостью въ 2,466 р. Чтенія устраивались на началахъ закона 24 дек. 1876 г. и имѣли своимъ предметомъ темы главнымъ образомъ изъ русской исторіи и словесности, отчасти также изъ географіи и естествовѣдѣнія. Изъ славянской исторіи взята лишь одна собственно тема, о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, что представляется нѣсколько страннымъ въ аудиторіяхъ Славянскаго общества.

Сверхъ того общество устраивало литературно-музыкальные вечера, числомъ 10, изъ коихъ въ отчетѣ особое значеніе придается 4: въ память Лермонтова, Гончарова, Моцарта и въ пользу голодающихъ.

Очень успѣшно развивалась дѣятельность кирилло-меѳодіевскаго книжнаго склада: имъ продано въ 1891 г. 113,830 экз. книгъ, на 4,553 р. с., а съ 1889 г. всего болѣе полумилліона, преимущественно дешевыхъ брошюръ.

Издательская дѣятельность общества выразилась въ изданіи сочиненій Лермонтова для школъ и народа, которое почти все уже распродано. Приступлено уже къ изданію ст. Кольцова, къ 50-лѣтію его смерти. Выборъ авторовъ представляется намъ нѣсколько случайнымъ, съ точки зрѣнія славянскихъ отношеній.

Во главѣ Одесскаго Славянскаго Общества стоятъ: С. И. Знаменскій и А. И. Кирпичниковъ; казначеемъ К. О. Рандичъ, секретаремъ С. В. Чаушанскій.

— 26 мая въ Вильнѣ отпраздновано **25-ти-лѣтіе со времени открытія Виленской публичной библіотеки**, состоявшагося по почину тогдашняго попечителя Ивана Петровича Корнилова. Библіотека эта принадлежитъ теперь къ самымъ богатымъ въ Россіи, особенно по части рукописей, старопечатныхъ книгъ и пособій для изученія сѣверозападнаго края. Изъ этихъ рукописей уже описано до 10,000; а книгъ каталогизовано до 125,000, съ дублетами же до 150,000. Сверхъ того напечатаны: описаніе славянорусскихъ рукописей этой библіотеки и 1-й вып. перечневой описи рукописнаго отдѣленія, два тома каталоговъ русскаго отдѣленія и приготовляется третій томъ. Составленъ алфавитный каталогъ всей библіотеки и оканчивается систематическій каталогъ. Въ библіотекѣ имѣется до 120 альдовъ и эльзевировъ и до 300 инкунабулъ. Число читателей доходитъ до 20,000 въ годъ.

— **Преміи митрополита Макарія** присуждены 1 апр. св. Синодомъ:

1. Н. Глубоковскому за соч.: Блаженный Ѳеодоритъ, еп. Кипрскій. Спб. 1890 г.
2. П. Цвѣткову за соч.: Аврелій Пруденцій Клементъ. М. 1890 г.
3. П. Липницкому за соч.: Идеализмъ и реализмъ. Историко-критическое обозрѣніе. Харьковъ. 1888 г.
4. А. Розову за соч.: Христіанская Нубія. Ч. I. Кіевъ. 1890 г.
5. А. Олесницкому за соч.: Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ. Спб. 1889.
6. Н. Полетаеву за соч.: Труды м. кіевскаго Евгенія (Болховитинова) по исторіи русской церкви. Казань. 1889 г.

Первому изъ поименованныхъ авторовъ присуждена полная премія (1,500 р.), остальнымъ—неполныя (по 1,000 р.).

— Чешскій православный миссіонеръ о. **Мануилъ Нѣмечекъ** издалъ въ Житомірѣ на русскомъ и чешскомъ языкахъ соч. п. з.: «Нѣсколько праздничныхъ словъ, рѣчей и разсужденій. Ко дню 900-лѣтней памяти учрежденія волынской епископской каѳедры». Сочиненіе это предназначено главнымъ образомъ для чеховъ, желающихъ познакомиться съ православіемъ.

— По даннымъ, опубликованнымъ въ австрійскомъ журналѣ «Statistische Monatsschrift», оказывается, что **населеніе Галиціи** въ десятилѣтіе отъ 31 дек. 1880 г. по 31 дек. 1890 г. возросло съ 5.958,907 душъ до 6.607,816 д., т. е. на 648,909 д. слѣдовательно почти на 11%. При сравненіи съ прежнимъ десятилѣтіемъ видно, что приростъ населенія идетъ теперь быстрѣе, благодаря тому, что смертность уменьшилась съ 36 на 1000 душъ до 29 на 1000 душъ. Этотъ приростъ былъ бы еще значительнѣе, еслибы эмиграція изъ Галиціи не была столь значительна. Все же и теперешнее населеніе Галиціи составляетъ уже 84 жителя на 1 кв. кил., т. е. болѣе чѣмъ во Франціи (71 ж. на 1 кв. кил.) и почти столько же, какъ въ Пруссіи (89 ж. на 1 кв. кил.). Изъ отдѣльныхъ городовъ всего быстрѣе растетъ населеніе Перемышля (на 59,7% въ десять лѣтъ) и Ярославля (45,4%). Затѣмъ идутъ Коломыя, Стрый, Золочевъ и Станиславовъ; убыло же населеніе въ Дрогобычѣ и Бродахъ.

— На Троицынъ день во Львовѣ праздновалось **25-лѣтіе львовскаго «сокола»**, т. е. польскаго гимнастическаго общества, организованнаго въ 1867 г. по образцу «соколовъ» чешскихъ. Въ празднествѣ приняли участіе представители болѣе 30 польскихъ «соколовъ» въ Галичинѣ и Познани, а также цѣлый отрядъ соколовъ чешскихъ. Празднества имѣли, судя по газетамъ, демократическій характеръ.

— **Графъ Эдмундъ Старженскій** учреждаетъ въ г. **Коломыѣ археологическій музей**, для котораго онъ пожертвовалъ свою библіотеку (3.500 томовъ) и коллекцію древнихъ польскихъ, литовскихъ и русскихъ монетъ, документовъ, рукописей и другихъ рѣдкостей.

— 11-23 февр. с. г. умеръ въ Куриловѣ, близъ г. Галича, **Рудольфъ Мохъ**, галицко-русскій писатель, принимавшій дѣятельное участіе въ народномъ возрожденіи Галицкой Руси.

— Галицко-русскій поэтъ **О. І. Гушалевичъ** издалъ недавно во Львовѣ небольшой сборникъ стихотвореній, п. з.: **«Звуки изъ Наддѣстровья»**.

— Галицко-русская Матица издала недавно во Львовѣ брошюру **П. П—скаго** п. з.: **«Вопросъ о фонетикѣ»**. Авторъ обсуждаетъ проектъ реформы галицко-русскаго правописанія и доказываетъ непримѣнимость къ нему фонетической системы.

— **Archivum domu Sapiehów**. Подъ такимъ заглавіемъ вышелъ недавно во Львовѣ 2-ой томъ этого сочиненія, обнимающій переписку Сапѣговъ съ королемъ, сенаторами, Яномъ Замойскимъ, Криштофомъ Радивиломъ, нунціемъ Рангони, Еремією Могилою, въ 1575—1606 гг. Изданіе это важно для исторіи Литвы, войны съ шведами и самозванческихъ смутъ.

— По офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ **Угріи** считалось къ концу 1891 г. до 14.000 **сельскихъ школъ**, между которыми было: мадьярскихъ 8,994, румынскихъ 2,587, словенскихъ 1,115, нѣмецкихъ 674, сербскихъ 312, русскихъ 211 и хорватско-словинскихъ 39. Число мадьярскихъ школъ въ послѣднее 30-лѣтіе увеличилось на 146%, сербскихъ же на 50%, а число остальныхъ уменьшилось. Изъ общаго числа 24,908 сельскихъ учителей болѣе 22,000 уже теперь владѣютъ мадьярскимъ языкомъ. На содержаніе всѣхъ этихъ школъ было расходуемо до 15,5 мил. гульд., такъ что въ среднемъ приходится на каждаго учителя 388 гульд., а на ученика 7 гульд. въ годъ. Насколько различно жалованье

учителей, видно изъ того, что въ Пештѣ они получаютъ болѣе 1000 гульд., а напримѣръ въ турчанской жупаніи—48 гульд.

— **Къ характеристикѣ пропаганды уніатства въ Австріи.** Извѣстно, что къ концу XVII в. (1697) относится введеніе церковной уніи съ Римомъ у румынъ въ Трансильваніи. Однакожъ явныя стремленія ея учредителей создать изъ нея лишь этапъ въ обращеніи схизматиковъ въ католицизмъ, а равно и обманутыя надежды румынъ улучшить переходомъ въ унію свое положеніе въ національномъ и политическомъ отношеніи заставили очень скоро большинство примкнувшихъ къ уніи вернуться въ лоно православія и долго рѣшительно не давали ей пустить корни въ Трансильваніи, несмотря на всѣ старанія и насильственныя мѣры австрійскаго правительства и римской куріи. Церковная смута и религіозныя волненія среди трансильванскихъ румынъ продолжались почти до конца XVIII в. Православные, не желавшіе примкнуть къ уніи, подвергались преслѣдованіямъ, оставлялись безъ священниковъ и безъ всякой церковной организаціи. Доходило наконецъ до явныхъ насилій надъ упорствовавшими (огромнымъ большинствомъ, ибо такихъ православныхъ румынскихъ семействъ насчитывалось въ Трансильваніи до 124,000). о чемъ свидѣтельствуетъ напримѣръ прошеніе, представленное въ 1763 г. (слѣд. имп. Маріи Терезіи) православными румынами Быстрицкаго округа будинскому прав. епископу Діонисію Новаковичу, въ которомъ они разсказываютъ о насиліяхъ, творимыхъ уніатскимъ духовенствомъ съ помощью католическихъ солдатъ въ румынскихъ деревняхъ для совращенія въ унію и умоляютъ дать имъ православнаго священника, заявляя, что они скорѣе погибнутъ, чѣмъ примутъ унію. Для иллюстраціи этой уніатской пропаганды среди румынъ въ эту же самую эпоху можетъ служить одинъ довольно любопытный документъ, найденный нами въ одной рукописи прошлаго вѣка въ Пештскомъ національномъ музеѣ и представляющій живой образчикъ такой недостойной пропаганды и обычныхъ пріемовъ душехватства... Нѣмецкій языкъ документа заставляетъ предположить нѣмецкое происхожденіе совратителя, свидѣтельствующаго въ немъ о своемъ подвигѣ.

Въ отдѣлѣ «церковно-славянскихъ» рукописей названнаго музея есть одна (№ 1), означенная такъ въ каталогѣ: «Lectiones CLXXI De peccato originali Adami cum Institutionibus moralibus. Jllyrice et valachice». Озаглавлена она: «Obucsenija», писана скорописью 18 вѣка въ два столбца: съ одной стороны—текстъ славянскій, съ другой—румынскій (кириллицей). Рукопись эта принадлежала вѣроятно какому нибудь католическому [1]) священнику (нѣмцу ?), который заносилъ въ нее (въ неисписанную часть тетрадки) свои замѣтки. На л. 103 (передъ нимъ вырѣзано 5 листовъ, можетъ быть тоже съ подобными замѣтками) сохранилась одна запись, въ которой авторъ, очевидно усердный пропагандистъ католичества, а также уніи (неизвѣстно именно гдѣ) съ видимымъ самоудовольствомъ разсказываетъ объ одномъ изъ своихъ подвиговъ обращенія въ унію, а именно, какъ ему удалось въ 1766 г. обратить въ нее одного православнаго валаха (26 лѣтъ) изъ Трансильваніи, бывшаго въ услуженіи (гусаромъ) у нѣкоего графа, воспользовавшись его болѣзнью. Приводимъ эту характерную запись въ оригиналѣ и переводѣ:

«1766 d. 19 Maij habe ich einen Wallachen ex Shismatho ad sacram unionem herübergebracht. Ihm zuvor in seiner wallachischen Muttersprache den Unter-

---

[1]) Онъ говоритъ: «unsere heilige Römisch-Katholische und apostol.sche Kirche».

schied zwischen der nicht unirten griechischen und unserer heiligen Römisch-Katholischen und apostolischen Kirche expliciret. Nemlich de processione Spiritus sancti, de Purgatorio et summo Pontifice und andere Glaubensartikeln auch Satzungen der Kirche. Auch ihn in der heiligen Union und Glauben breviter unterrichtet. Welcher von freyen Trieb und aus Liebe zu Gott die heilige Union angenomen auch bekennet dass dies der wahre alleinseeligmachende Glaube seye, und versprochen alle Lehre welche die heilige allgemeine Röhmisch-katholische Apostolische Kirche lehret für eine Lehre zu halten und deren Dogmata auch secti zu observiren und in diesem wahren Glauben zu leben und zu sterben versprochen: auch in gegenwarth zweyen zeigen als den Iosephum Blasij Secretar: und Iosephum Srölösi des grafen Pauli Haller Excellenz bedienten—ein jurament abgeleget. Diesem nach habe ich ihm gebeicht und absolviret. Er heisset mit Nahmen Ssarban (?) Csuley. Ephebus Excell. Comitis Pauli Haller, ex Principatu Transilvania: Comitatu Albensi Pagus Fejeregyhaza oriundus: ist in Dienst als hussar bey obbemeldtem Grafen in Margarethen Hof im 2-ten Stock als kranker gelegen. Hat Vater und Mutter in Transilvanien. Alt 26 Iahr, unverheyrathet. Da er bey dem nicht unirten Glaube war, ist er in seinem Leben nur zweymahl gebeicht aber keinmahl eomunicirt worden.

«1766 г. 19 мая я обратилъ одного валаха изъ схизмы въ святую унію, предварительно объяснивъ ему на его родномъ румынскомъ языкѣ разницу между православной греческой и нашей святой римско-католической и апостольской церковью, а именно объ исхожденіи Св. Духа, о чистилищѣ, о папѣ и о другихъ членахъ св. вѣры и церковныхъ установленіяхъ. Въ то же время я вкратцѣ наставилъ его въ святой уніи и вѣрѣ. Онъ же принявши унію по собственному желанію (!) и изъ любви къ Богу и признавъ, что это—истинная единоспасительная вѣра, обѣщалъ почитать единымъ вѣроученіемъ все то ученіе, что преподаетъ святая вселенская римско-католическая апостольская церковь, блюсти ея догматы и установленія и въ этой истинной вѣрѣ жить и умереть, а также принесъ (въ томъ) клятву въ присутствіи двухъ свидѣтелей: Іос. В. секретаря и Іос. С. служителя графа Павла Галлера. Вслѣдствіе того я его исповѣдалъ и отпустилъ ему грѣхи. Его зовутъ по имени Чулей, «эфебъ» превосходительнаго графа Павла Галлера, родомъ изъ Трансильваніи, комитата Альбскаго, села Feyeregyhaza (Weiskirchen): состоя въ услуженіи гусаромъ у названнаго графа, лежитъ больной въ Margarethen Hof, во 2-мъ эт., 26 лѣтъ, не женатъ. Такъ какъ онъ былъ православнаго исповѣданія, то во всю жизнь свою всего два раза былъ у исповѣди и ни разу не пріобщался Св. Тайнъ.»

Такъ-то всегда умѣло католическое духовенство пользоваться всякимъ подходящимъ случаемъ для своей пропаганды. **К. Г.**

— 21 мая н. ст. въ **Краковѣ** происходило годичное **торжественное засѣданіе Академіи наукъ**. Вице-протекторъ ея (sic!) **др. Ю. Дунаевскій** отмѣтилъ во вступительной рѣчи фактъ состоявшагося въ прошломъ году перехода въ управленіе Академіи коллекцій, библіотеки и капиталовъ **парижскаго «Towarzystwa historyczno-literackiego»**, съ обязательствомъ поддерживать въ Парижѣ библіотеку этого общества и научную польскую станцію, возникшую 50 лѣтъ тому назадъ, при участіи кн. Ад. Чарторыскаго и между прочимъ Ад. Мицкевича. Президентъ А. Н. **гр. Тарновскій** сказалъ и съ своей стороны нѣсколько словъ на ту же тему. Секретарь Академіи **Ст. Смолька** прочелъ отчетъ объ ея дѣятельности, а проф. **М. Бобржинскій**—статью: Изъ исторіи польскихъ крестьянъ, въ XVI—XVIII вв. Авторъ изложилъ тутъ исторію постепеннаго ихъ закрѣпощенія, въ связи съ вопросомъ о польской колонизаціи и казачествѣ. Наконецъ А. Н. **видоизмѣнила** условія **конкурса** на **премію О. Августиновича: «Объ освобожденіи польскихъ крестьянъ»,**

разбивъ ее на 5 частей: 1) Исторія польскаго крестьянства въ древней пястовской Польшѣ, т. е. Великой и Малой Польшѣ, Мазовіи, Куявіи и Слезіи (премія 1000 гульд.); 2) Исторія крестьянъ на Руси и Литвѣ (1000 гульд.); 3) Исторія освобожденія крестьянъ въ присоединенныхъ къ Россіи частяхъ Рѣчипосполитой, со включеніемъ Лифляндіи и Курляндіи (1600 гульд.); 4) Исторія освобожденія крестьянъ въ Пруссахъ, Познанскомъ и прусск. Слезіи (1200 гульд.); 5) Тоже—въ Галичинѣ и австр. Слезіи (1400 гульд.)

— Краковская Академія наукъ въ засѣданіи 5 мая н. ст. увѣнчала преміями имени Линде слѣд. сочиненія: 1. Николая Боровскаго: Słovnik Staropolski (въ рукописи); 2. Леона Бискупскаго: Słovnik kaszubski porownawczy (напеч. въ Варшавскомъ журналѣ: Prace Filologiczne); 3. Ал. Брикнера (Brükner): Kazania Swiętokrzyskie, памятникъ начала XIV в. (тамъ же); 4. Раффаеля Любича (Lubicz): Przyczynki do słownika języka polskiego (тамъ же), по матеріаламъ, собраннымъ въ привислинскихъ губерніяхъ.

— Лейпцигское **общество** имени князя **Яблоновскаго** увѣнчало преміей въ 1891 г. и издало сочиненіе Ернста Муки (E. Mucke), п. з.: Laut-und-Formenlehre der Niedersorbischen sprache. Сочиненіе это по научнымъ своимъ достоинствамъ заслуживаетъ вниманія славянскихъ филологовъ.

— **Чехи на вѣнской музыкально-театральной выставкѣ**. **Чешская музыка въ Вѣнѣ** производитъ теперь фуроръ. Уже давно было признано, что чехи народъ музыкальный, но композиторы чешскіе мало были извѣстны до сихъ поръ въ Европѣ, хотя между ними были и звѣзды большой величины. Первое мѣсто въ числѣ ихъ принадлежитъ умершему чешскому композитору Сметанѣ, который создалъ нѣсколько замѣчательныхъ произведеній, въ духѣ народной поэзіи, съ глубиною и отдѣлкой Вагнера. Его опера «Проданная невѣста» имѣетъ теперь въ Вѣнѣ громадный успѣхъ. Она поразила всѣхъ своей славянской свѣжестью. Но еще выше въ музыкальномъ отношеніи его опера «Далиборъ». Что же касается его прелестной симфонической поэмы «Vlast», то она одна прославила бы автора, еслибы принадлежала перу нѣмца или француза. Не менѣе Сметаны нравится публикѣ на Вѣнской музыкальной выставкѣ Дворжакъ и его опера «Димитрій» (сюжетъ взятъ изъ исторіи Росссіи). Композиторъ этотъ довольно извѣстенъ въ европейскомъ музыкальномъ мірѣ своими симфоніями, ораторіями, славянскими рапсодіями и другими оркестральными произведеніями, которыя исполнялись въ Англіи, въ Россіи и др. странахъ во время его путешествій съ музыкальною цѣлью. Дворжакъ замѣчательно талантливъ, но уступаетъ Сметанѣ въ отдѣлкѣ своихъ произведеній и не всегда относится къ нимъ критически. Лучшими его произведеніями слѣдуетъ признать его симфоніи, славянскія рапсодіи и танцы. Не лишнее прибавить, что вышеозначенныя оперы были исполнены въ Вѣнѣ на чешскомъ языкѣ. Говоря вообще о музыкальныхъ дарованіяхъ Чехіи, нельзя не упомянуть о знаменитомъ скрипачѣ Ондржичкѣ, который считается однимъ изъ первыхъ скрипачей Европы. Въ Вѣнѣ и въ Парижѣ онъ давно извѣстенъ какъ первокласный виртуозъ, а эту зиму въ Римѣ и во всѣхъ главныхъ городахъ Италіи признанъ королемъ скрипки.

Прага. 23—V, 1892. **Людмила Срезневская.**

— Въ Прагѣ умеръ недавно молодой чешскій писатель **Вячеславъ Зеленый**. Онъ родился въ 1858 г., воспитывался въ Прагѣ и въ Вѣнѣ, гдѣ получилъ въ 1886 г. степень доктора правъ. Соединяя образованіе литературное съ музыкальнымъ, онъ сотрудничалъ въ разныхъ пражскихъ газетахъ по художественной критикѣ. Изъ болѣе крупныхъ его монографій назовемъ: Жизнеописаніе Антонина Рыбички (Osveta 1882 г.); Boleslav Iablonski (тамъ же); Pešina iz Čechoroda (Mu-

... Последніе годы своей жизни Зеленый занимался біографі... къ сожалѣнію неоконченною. Ему же принадле... концертовъ въ Прагѣ. Передовыя статьи его въ «Гла... по стилю и логичности выдавались между всѣми, на... его идеала, Карла Гавличка.

... комитетъ предстоящей въ 1893 г. въ **Прагѣ этнографической вы...** ...мму своего отдѣла, который будетъ слагаться изъ четы... ...ской литературы вообще, 2) чешскаго языка, 3) чешской ... литературы и 4) нравовъ и обычаевъ. На выставкѣ предполо... изображающія развитіе чешскаго книгопечатанія, причемъ ... какъ количество, такъ и качество литературной производи... ...собыхъ діаграммахъ и картахъ показаны будутъ границы чеш... языка и его нарѣчій въ разныя эпохи. Составлена будетъ особая ... литературѣ простонародной. Предположены и новые сборники ... преданій и простонародной литературы. На основаніи этого мате... составленъ особый сборникъ чешскихъ преданій, говоровъ, нра... обычаевъ и полная чешская библіографія. Во время выставки предпо... ...ладнества, на основѣ народныхъ обычаевъ, а также съѣзды писате... ...новѣдовъ, этнографовъ и т. п.

Изъ окончательнаго **отчета** комитета **чешской земской выставки 1891 г.** ... что площадь этой выставки занимала 297.800 квадр. метровъ, изъ коихъ ... кв. м. были заняты отчасти зданіями и павильонами, отчасти другими ...местами. Расходъ строительный простирался до 895.743 гульд., администра...ный же—106.917 гульд. Число экспонентовъ постоянныхъ было 5.377, вре...менныхъ же—3.694, вмѣстѣ—9.071. Общее число посѣтителей было 2.433.000, ко...торые внесли 727.437 гульд. 51 кр. Весь денежный оборотъ достигъ 3.213.044 гульд. ...тый доходъ еще не опредѣленъ, но онъ весьма значителенъ. Изъ него раз...рѣшено уже 10.000 гульд. на изданіе сочиненія: «Sto let práce» (столѣтніе труды). Кромѣ того земскому выбору подарены зданія на 600.000 гульд.

— Чешская «Matice Lidu» издала въ своемъ ежегодникѣ самое популярное изъ сочиненій **Ам. Коменскаго**: «Labyrint světa a ráj srdce».

— 29 марта (11-го апрѣля) умеръ въ Тисовцѣ одинъ изъ самыхъ крупныхъ словенскихъ дѣятелей, **Стефанъ Марикъ Даксперъ**. Онъ родился 10—22 дек. 1823 г. въ гемерскомъ комитатѣ верхней Угріи; воспитывался въ Новой Веси, Рожнявѣ и Пресбургѣ, гдѣ былъ ученикомъ школы Людевита Штура. Окончивъ въ Пряшевѣ юридическій лицей, онъ занимался затѣмъ въ адвокатской канцеляріи Верховскаго и былъ «нотаріемъ» евангелической словенской церкви въ Будапештѣ, при извѣстномъ поэтѣ Янѣ Колларѣ. Въ 1846 г. Даксперъ открылъ въ родномъ Тисовцѣ адвокатскую канцелярію. Но скоро наступило возстаніе 1848 г. и Даксперъ, какъ капитанъ милиціи, сталъ въ ряды словенскаго ополченія, гдѣ игралъ очень видную роль, наряду съ Гурбаномъ, Штуромъ, Францисци. Бакутини. Взятый мадьярами въ плѣнъ, онъ былъ осужденъ на смерть, но его хладнокровіе поразило даже кровожадныхъ солдатъ Гергея и Клапки. Послѣ революціи Даксперъ служилъ прокуроромъ въ гемерской жупаніи, а потомъ поджупаномъ въ ней же (отъ 1861—1865). Но не въ служебной карьерѣ, а въ общественной дѣятельности заключаются права Даксперъ на память въ потомствѣ. Между прочимъ онъ написалъ извѣстный Меморандумъ о правахъ и требованіяхъ словаковъ, поданный имъ императору, во главѣ словенской депутаціи. Со времени дуализма Даксперъ жилъ частнымъ человѣкомъ въ Тисовцѣ, но принималъ самое дѣятельное участіе во всѣхъ патріотическихъ дѣлахъ

и учрежденіяхъ, ведя неутомимо и неустрашимо борьбу съ шайкою ренегатовъ. Эта борьба распространялась и на церковную область, гдѣ Даксперъ состоялъ однимъ изъ инспекторовъ лютеранской церкви. Какъ человѣкъ рѣдкаго ума, Даксперъ принималъ участіе и въ литературѣ. Его публицистическія статьи стали основою народной борьбы словаковъ противъ мадьяризма въ послѣднія десятилѣтія. И въ беллетристикѣ онъ оставилъ памятный слѣдъ въ маленькой, но образцовой идилліи: «Statočný valach». Но вообще Даксперъ былъ герой дѣла, а не слова, какъ это поэтически выражено въ посвященной ему эпитафіи Гурбана-Ваянскаго. Такими людьми, какъ Гурбанъ, Штуръ, Даксперъ и поддерживается нравственная сила словаковъ, въ ихъ тяжелой борьбѣ съ врагами славянства.

— Въ городѣ Питцбургѣ (Pittsburg) въ Америкѣ издано иждивеніемъ Американско-словенскихъ Новинъ сочиненіе **Фр. Сасинка** п. з.: «Jako povstala slovanská bohoslužba», въ память 40-лѣтія писательской дѣятельности этого словенскаго историка и патріота.

— Въ г. Цельѣ (Zilli) въ нижней Штиріи изданъ редакціей педагогическаго словинскаго журнала «Popotnik» **Календарь для учителей (Popotnikov Koledar za slovenske učitelje 1892)**. Въ календарѣ этомъ собрано много матеріаловъ о нынѣшнемъ положеніи народнаго образованія у словинцевъ, съ приложеніемъ между прочимъ портрета І. А. Коменскаго. Цѣна 1 гульд. 35 кр.

— **А. Фунтекъ** (Funtek) издалъ въ Цельѣ сборникъ своихъ стихотвореній: Luči (Лучи). Часть этихъ стихотвореній была уже ранѣе напечатана въ «Люблянскомъ Звонѣ», другія же появляются впервые. Цѣна 1 гульд. 20 кр.

— Въ Тріестѣ выходитъ съ 1892 г. словинскій юмористическій журналъ: **Pavliha** (шутъ), подъ редакціею С. Якл. Цѣна 4 гульд въ годъ.

— Въ № 6 хорватскаго журнала «Stenograf» за 1891 г. напечатана статья **А. Зупана: «Словинская стенографія»**, гдѣ авторъ предлагаетъ особую систему, примѣненную къ звуковымъ условіямъ словинскаго, слѣд. и хорватскаго, да и вообще славянскаго языка.

— Въ славонскомъ Бродѣ на р. Савѣ умеръ 11 апрѣля одинъ изъ заслуженныхъ хорватскихъ дѣятелей, **Игнатій Берличъ**. Онъ родился въ 1834 г. въ Бродѣ на Савѣ, получилъ хорошее юридическое образованіе, былъ профессоромъ права въ загребской юридической академіи и членомъ хорватскаго сейма въ 1867 г., а затѣмъ вновь съ 1887 г. Берличъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ т. наз. регниколярной депутаціи, на которую возложена была въ 1867 г. выработка государственнаго договора между Хорватіей и Угріей, какъ двумя королевствами, вошедшими въ составъ Транслейтаніи. Въ этой депутаціи Берличъ энергически отстаивалъ историческія права Хорватіи, но остался въ меньшинствѣ. И впослѣдствіи онъ не переставалъ ратовать противъ мадьярскихъ притязаній, за что потерялъ мѣсто при загребскомъ высшемъ судѣ и принужденъ былъ жить на средства, добываемыя частною адвокатурою. Въ нынѣшней Хорватіи, гдѣ характеры большинства мѣстныхъ дѣятелей надломлены правительственнымъ гнетомъ и соблазнами оппортунизма, такіе типы, какъ покойный Берличъ, очень рѣдки. Тѣмъ большей заслуживаетъ онъ памяти въ потомствѣ.

— На послѣднихъ выборахъ въ **Загребскій соборъ**, вслѣдствіе сильнаго давленія правительства и отказа отъ участія въ выборахъ партій хорватско-независимой или Штросмайера, оппозиція провела не болѣе 10 депутатовъ (7 правашей или радикаловъ партіи Старчевича, 2 серба-радикала и 1 дикій), а правительство — 77 депутатовъ. По вѣроисповѣданіямъ насчитывается: 58 католиковъ, 27 православныхъ и 1 еврей; по званіямъ же: 1 министръ, 12 духовныхъ

лицъ, 8 чиновниковъ, 5 университетскихъ профессоровъ, 18 адвокатовъ, 22 помѣщика, 2 пенсіонованные офицера, 2 жупана, 2 врача, 2 инженера, 4 офицера, по одному аптекарю, лѣсничему, купцу и фабриканту.

— **Хорватская Матица** въ Загребѣ издала до 12 книжекъ, большею частью беллетрическаго, отчасти и историческаго содержанія, изъ которыхъ мы отмѣтимъ: Лепушича «Очерки изъ Босніи»; К. Шандора «Изъ вармеджійскихъ дней»; поэму «Гробничкое поле»; Шрепеля и Адамовича «О выдающихся міровыхъ поэтахъ первой половины XIX в.». Число экземпляровъ—8,000. Цѣна за годъ 3 гульд. (для членовъ Матицы).

— Проф. **Коста Войновичъ** издалъ въ Загребѣ отдѣльными книгами два сочиненія, напечатанныя первоначально въ Rad'ѣ югославянской академіи: 1) Sudbeno ustrojstvo republike dubrovačke (1891 г.) и 2) Sudbeni ustroj republike dubrovačke (продолженіе 1892). Сочиненіе это написано по первымъ источникамъ и важно для исторіи Дубровника.

— Въ Сплѣтѣ вышло сочиненіе **Петра Каера** (pop Pétar Kaer): Dvije Opatije: Sv. Petra Gumanjskoga i Sv. Stjepana de Pinis, u staroj spljetskoj nadbiskupiji za doba narodne hrvatske dinastije. 1892.

— Въ Загребѣ вышла интересная политическая брошюра виднаго мѣстнаго дѣятела **Іована Живковича**, п. з.: «Какъ возникло хорватско-угорское соглашеніе» (Kako je postala hrvatsko-ugarska nagodba). Авторъ не принадлежитъ къ поклонникамъ этого соглашенія.

— Въ хорватскія школы по рѣшенію правительства вводится **фонетическое правописаніе**, примѣнительно къ сербской системѣ Вука. Надзоръ возложенъ на проф. А. Павича.

— Въ селѣ Тершичѣ въ Сербіи, гдѣ родился **Вукъ Караджичъ**, предполагаютъ соорудить памятникъ этому знаменитому этнографу, а именно устроить школу его имени, въ которой будетъ помѣщенъ бюстъ его.

— Въ Бѣлграда вышло въ 1891 г. сочиненіе **Милана Милачевича**: Іован Ђак, гдѣ въ формѣ художественнаго разсказа авторъ вспоминаетъ свое дѣтство и рисуетъ портретъ своего отца (Іован Ђак) и матери (Митра), жившихъ въ простой сельской средѣ и обстановкѣ. Этотъ очеркъ имѣетъ не только біографическій, но и культурно-историческій интересъ.

— Въ **Бѣлградѣ** возникло недавно **литературно-художественное общество** (Књижевничко-умјетничка заједница), для взаимнаго сближенія писателей и художниковъ, обмѣна мыслями, чтенія новыхъ произведеній по изящной литературѣ и т п. Предсѣдателемъ избранъ Миланъ Миличевичъ, секретаремъ же Андрей Гавриловичъ.

— Въ 31-мъ выпускѣ «Гласа» сербской королевской академіи напечатана вступительная **рѣчь** члена этой академіи регента **Іована Ристича**, подъ заглавіемъ: «Леопольдъ Ранке и освобожденіе Сербіи».

— Въ Бѣлградѣ образовалось недавно (16 апр.) особое общество: **«Српска књижевна задруга»**, напоминающая западно-славянскія матицы и имѣющая цѣлью развитіе народной литературы и просвѣщенія, путемъ изданія образцовыхъ сербскихъ писателей стараго и новаго времени и распространенія ихъ между членами «Задруги». Она будетъ ежегодно издавать не менѣе 6 книгъ и 60 печ. листовъ, для разсылки членамъ—благотворителямъ (единовременный вкладъ 150 франковъ), учредителямъ (по 10 фр. въ годъ) и вкладчикамъ (по 6 фр.). Общество будетъ имѣть въ разныхъ городахъ своихъ уполномоченныхъ, для сбора вкладовъ и распространенія книгъ. Учредители общества (17 чел.) избрали въ его предсѣдатели Стояна Новаковича, въ его помощники Змая Іовановича и

въ секретари Любомира Іовановича. Изъ воззванія этого временнаго комитета мы узнаемъ, что Задруга ставитъ себѣ задачей образовать постепенно цѣлую библіотеку сербскихъ популярныхъ книгъ, куда войдутъ и старые далматинскіе классики, и писатели эпохи Раича и Обрадовича, Караджича и Милутиновича, и новѣйшіе сербскіе прозаики и поэты. Нельзя не пожелать самаго широкаго развитія этому симпатичному обществу, на пользу сербовъ и всего славянства.

— † 29 марта умеръ на 88 г. жизни въ Св. Андреѣ близъ Будапешта сербскій епископъ **Арсеній Стойковичъ**. Это послѣдній крупный представитель того поколѣнія 40-хъ годовъ, которое дало патріарха Раячича, епископа Сергія Качанскаго и другихъ крупныхъ людей угорской Сербіи. Арсеній Стойковичъ род. въ 1804 г. въ Банатѣ, воспитывался въ Темешварѣ, а потомъ въ Вершцѣ, Сегединѣ и Пештѣ, и окончилъ сверхъ богословія и философіи еще курсъ наукъ юридическихъ. Въ 1829 г. онъ поступилъ въ монахи и былъ назначенъ учителемъ богословія въ Карловцахъ. Съ 1839 г. состоялъ архимандритомъ на Фружской горѣ, а затѣмъ съ 1843 г. викаріемъ и администраторомъ бачской епархіи. Въ 1852 г. Стойковичъ былъ избранъ синодомъ въ епископы будинской епархіи, гдѣ оставался 40 лѣтъ, до смерти. Два раза онъ былъ избираемъ въ сербскіе патріархи, но мадьярское правительство, зная его непреклонный характеръ и патріотизмъ, не пожелало его утвердить, предпочитая ему такихъ людей, какъ покойный Ангеличъ и нынѣшній патріархъ Георгій Бранковичъ...

О нынѣшнемъ государственномъ строѣ Черногоріи и числѣ ея школъ. Во главѣ государственнаго управленія Черногоріи стоитъ съ 1889 г. государственный совѣтъ, составленный изъ четырехъ членовъ и президента, каковымъ нынѣ воевода Божо Петровичъ-Нѣгошъ. Высшей администраціей завѣдываютъ министры: внутреннихъ дѣлъ, военный, иностранныхъ дѣлъ и финансовъ. Наряду съ ними стоитъ президентъ великаго суда, который подобно четыремъ министрамъ входитъ въ составъ государственнаго совѣта, соотвѣтствующаго русскому комитету министровъ. Черногорское войско состоитъ изъ 8 бригадъ или 45 баталіоновъ перваго класса (отъ 17 до 40 л.) и одной артиллерійской бригады; во второмъ классѣ считаются всѣ черногорцы за 40 л.; изъ нихъ можно бы набрать до 10 баталіоновъ. Въ гражданскомъ отношеніи вся Черногорія раздѣлена на десять нахій: катунскую, рѣчкую, цермничкую, приморскую, зетскую, бердскую, морачскую, васоевичкую, никшицкую и лѣшинскую. Каждая нахія подраздѣляется на племена. Каждое племя имѣетъ своего капитана, которому подвѣдомственны всѣ судебныя дѣла его племени (всѣхъ капитановъ 76). Органами финансоваго управленія являются финансовые капитаны, числомъ 19. При содѣйствіи «племенскихъ» капитановъ, они собираютъ подати и налоги. До 1869 г. Черногорія не имѣла ни одного средняго учебнаго заведенія. Теперь ихъ два: духовная семинарія и женскій институтъ въ Цетиньѣ. Оба открыты при содѣйствіи Россіи, которая назначила на содержаніе первой 8000 р., а второго 5,500 р. въ годъ. Цетинская семинарія учреждена для приготовленія молодыхъ людей Черногоріи и окрестныхъ странъ къ священническому и учительскому званію. Курсъ ея продолжается три года. На счетъ казны содержится 30 учениковъ; число своекоштныхъ учениковъ не ограничено. Въ семинаріи всего четыре учителя. Высшій надзоръ надъ ней порученъ черногорскому митрополиту. Женскій институтъ носитъ названіе: «Дѣвоячки Институтъ Царице Марије на Цетињу». Институтъ этотъ состоитъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Всероссійской Императрицы, а подъ непосредственнымъ наблюденіемъ княгини Черногорской. Начальница его избирается Государынею Императрицею, двѣ же учительницы утверждаются княгинею Черногорскою. 20 учениць принимаются на казенный счетъ, а 10 своекошт-

ныхъ, съ платою по 200 гульд. въ годъ. Начальницами института назначаются русскія. До сихъ поръ въ такой должности были: Н. П. Пацевичъ, Н. Месарошъ, Ю. А. Лопухина и нынѣшняя С. П. Мертваго, которая состоитъ начальницей съ 1888 года. Кромѣ того въ Цетиньѣ теперь существуютъ еще классическая полугимназія и нормальная школа—особая для мальчиковъ и особая для дѣвочекъ. Въ другихъ мѣстностяхъ Черногоріи имѣется 52 нормальныя школы, изъ коихъ 3 для дѣвочекъ. Что касается министерства иностранныхъ дѣлъ, то слѣдуетъ отмѣтить, что Черногорія не имѣетъ своихъ представителей при иностранныхъ дворахъ, за исключеніемъ одного въ Константинополѣ. Своихъ представителей держатъ въ Черногоріи слѣдующія государства: Россія, Турція, Австро-Угрія, Франція, Италія, Англія. Кромѣ того, въ Антивари находится турецкій консулъ, а въ Подгорицѣ турецкій вице-консулъ. Въ церковномъ отношеніи вся Черногорія раздѣляется на двѣ епархіи: собственно черногорскую, которая находится подъ непосредственнымъ управленіемъ черногорскаго митрополита, и захолмско-рашскую, дѣлами которой теперь тоже завѣдываетъ митрополитъ черногорскій, живущій въ Цетиньѣ. Обѣ епархіи подраздѣляются на протопресвитерства, числомъ 15, и приходы, которыхъ насчитывается 138. Приходское духовенство не получаетъ отъ государства никакого жалованья: пользуется лишь тѣмъ, что собираетъ отъ своего прихода за совершеніе требъ и живетъ вообще бѣдно. Гораздо лучше обезпечено въ матеріальномъ отношеніи монашествующее духовенство, ибо монастыри, которыхъ насчитывается 11, владѣютъ поземельными участками и получаютъ пособіе отъ государства. Извѣстно, что со времени послѣдней войны Черногорія пріобрѣла небольшой кусокъ адріатическаго Приморья, съ тремя портами: Баръ, Оцинъ и св. Николай. Жители Бара и Оцина имѣютъ порядочное число парусныхъ судовъ. На Скадрскомъ озерѣ уже нѣсколько лѣтъ плаваютъ два небольшіе черногорскіе парохода. Въ прошломъ году Россія подарила Черногоріи большой пароходъ «Ярославъ», который совершаетъ рейсы въ болѣе отдаленные порты Средиземнаго моря. Врачей на Черной горѣ насчитывается уже до 10, большею частью изъ воспитанниковъ русскихъ высшихъ медицинскихъ заведеній. Почтовыхъ станцій теперь числится 9, телеграфныхъ же—11.

Цетинье. Апрѣль, 1892. **М. Драговичъ.**

— Дѣятельный болгарскій этнографъ К. А. Шапкаревъ издалъ обширный трудъ подъ заглавіемъ: **«Сборникъ отъ болгарски народни умотворени»**. Въ него вошли народныя пѣсни и гаданія, загадки, поговорки, пословицы, игры, обычаи и суевѣрія, народные костюмы, медицина, термины зоологическіе и ботаническіе, списки македонскихъ городовъ, селъ, рѣкъ, свѣдѣнія о болгарскихъ говорахъ Македоніи и лексикальныхъ особенностяхъ этихъ говоровъ.

— Въ **Болгаріи съ Румеліей** насчитывается теперь болѣе **трехъ милліоновъ жителей**, изъ коихъ 2, 3 милл. или 75% болгаръ, 607,000 или 20% турокъ; 58,000 или 2% грековъ, а остальные сербы, волохи, цыгане. Изъ городовъ Пловдивъ имѣетъ 35,000 жителей, Софія 30,000, а Русчукъ, Варна, Шуменъ и Сливенъ отъ 20—30,000.

— 13-25 янв. 1892 г. умеръ въ Яссахъ (Молдавія) на 60-мъ г. жизни преподаватель ясской семинаріи **Августъ Гавріиловичъ Скрибанъ**. Онъ род. въ 1832 г. въ посадѣ Бурдужанахъ, батошанскаго уѣзда, близъ границы Бессарабіи. Происходилъ онъ изъ извѣстной въ лѣтописяхъ румынской церкви семьи, которая дала между прочимъ одесскаго епископа Неофита Скрибана († 1884 г.), ставропольскаго еп. Филарета Скрибана († 1873 г.) и др. Первоначальное образованіе А. Г. получилъ въ бурдужанскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ, гдѣ отецъ его, протоіерей Гавріилъ Скрибанъ, состоялъ учителемъ пѣнія. По

окончаніи бурдужанскаго 4-хъ-класснаго начальнаго училища А. Г. поступилъ въ ясскую духовную семинарію, гдѣ тогда учительствовали между прочимъ его дядья (потомъ епископы) Неофитъ и Филаретъ Скрибаны, извѣстный румынскій ученый и іерархъ Мельхиседекъ (недавно скончавшійся въ званіи епископа романскаго), Ив. Маіореску, бывшій позже министромъ нар. просвѣщенія, и др. лица. Осенью 1851 г. Авг. Гавр., вмѣстѣ съ даровитымъ товарищемъ своимъ Ив. Конст. Мандинеску, отправленъ въ С.-Петербургъ, гдѣ 6 лѣтъ учился въ университетѣ по юридическому факультету. Въ іюнѣ 1858 г. онъ выпущенъ со степенью кандидата камеральныхъ наукъ и совершилъ затѣмъ поѣздку по Россіи, отъ Вологды до Одессы. По возвращеніи на родину А. Г. назначенъ учителемъ ясской семинаріи, гдѣ втеченіе 33 лѣтъ преподавалъ чуть не всѣ науки: философію, румынскій языкъ и литературу, математику, физику, естествовѣдѣніе, богословіе, литургику, церковный уставъ. Кромѣ преподаванія А. Г. усердно занимался и литературою, о чемъ свидѣтельствуетъ длинный рядъ напечатанныхъ имъ статей и сочиненій по философіи, естествовѣдѣнію, исторіи, богословію (главнымъ образомъ въ журналахъ: Biserica orthodoxa romana, Revista theologica, Recreatii scientifice). Съ русскаго онъ перевелъ между прочимъ Пржевальскаго—«Путешествіе по Манджуріи, Монголіи и Тибету», П. Солярскаго—«Правосл. нравственное богословіе» и мн. др. Въ рукописяхъ оставлено имъ еще много сочиненій, которыя, какъ слышно, будутъ изданы.

Это былъ человѣкъ высокой нравственности, истинный другъ Россіи и православія. Миръ его праху!

Букарештъ. Май, 1892 **Георгій Самурянъ.**

— Извѣстный французскій писатель **Жюль Вернъ** приготовляетъ новый **романъ**, сюжетъ котораго взятъ изъ исторіи **русско-французскихъ отношеній** 1891 г. Герой романа участвуетъ въ плаваніи французской броненосной эскадры въ Кронштадтъ и послѣ различныхъ фантастическихъ приключеній въ Россіи, возвратившись во Францію, разсказываетъ о явленіяхъ русской жизни.

Въ Парижѣ вышло сочиненіе La France à Moscou, подъ редакціею Леона Пларра, въ память недавней французской выставки въ Москвѣ. Кромѣ богатыхъ иллюстрацій французскихъ художниковъ, мы находимъ въ этомъ изданіи сборникъ пѣсенъ, прозаическихъ статей и замѣтокъ многихъ выдающихся французскихъ писателей, каковы: Clovis Hugues, F. Champsaur, G. Boyer, Sully Prud'homme, L. Plarr, Melchior de Vogüe, Pasteur, Jules Claretie, Edouard Pailleron, Emil Zola. Особыя статьи посвящены: русскому желѣзному производству (Геннеберга), русской промышленности (Виккерсгеймера), русской арміи (генерала Toumas), вопросу объ отношеніяхъ между Франціей и Россіей (б. министра Flourens) и объ ихъ будущности (A. Denis).

— Въ лондонскомъ королевскомъ военномъ институтѣ (United Service Institution) были прочитаны **Е. А. Казалетомъ** двѣ **лекціи о русскомъ языкѣ и литературѣ.** Онъ отмѣтилъ между прочимъ замѣчательное сходство въ конструкціи русскаго и англійскаго языковъ. Съ особенной подробностью онъ остановился на новой русской литературѣ, особенно Тургеневѣ, Л. Толстомъ, Мельниковѣ и Гончаровѣ. При этомъ возбуждена была мысль объ основаніи въ Лондонѣ **русскаго литературнаго клуба,** особенно въ интересѣ англійскихъ офицеровъ, которымъ изученіе русскаго языка очень важно, въ виду возможныхъ столкновеній въ Европѣ и Азіи.

— По случаю предстоящаго выбора **новаго генерала ордена іезуитовъ** итальянскія газеты сообщаютъ **статистическія свѣдѣнія** объ этомъ орденѣ. Оказывается, что онъ раздѣляется на пять собраній (assistances): итальянское 1.764 лица; французское 2.863 лица; германское (со включеніемъ Австро-Угріи, Голландіи и

Бельгіи) 2.470; испанское (со включеніемъ Португаліи и Южной Америки) 2.570 лицъ, и англійское съ колоніями 2.307 лицъ; всего же 11.974 лицъ. Наиболѣе шансовъ на предстоящихъ выборахъ имѣетъ по слухамъ, кандидатъ Франціи, Грандидье, если выбору его не помѣшаютъ кандидаты тройственной лиги.

— Въ Берлинѣ вышла недавно брошюра п. з.: **«Призваніе Австріи на Востокѣ»**, подписанная бар. Ледерштегеромъ (не псевдонимъ ли?). Авторъ выхваляетъ гр. Таафе и пророчитъ скорое **возстановленіе Польши**, со включеніемъ въ нее: Конгрессовки, Галичины и Познанщины, причемъ королевство это образуетъ-де секундогенитуру габсбургской династіи. За уступку Познани Германія будетъ-де вознаграждена остзейскими губерніями, Австрія-же за Галичину получитъ протекторатъ надъ балканскими государствами. Сверхъ того Швеціи авторъ присуждаетъ Финляндію, Бельгіи—Бургундію, а Италіи — Ниццу и Савоію. Что касается Константинополя, то онъ будетъ-де объявленъ вольнымъ городомъ, а турки взамѣнъ своихъ европейскихъ владѣній получатъ русскую Арменію. Такимъ образомъ львиная часть при этомъ раздѣлѣ достанется Австріи, которая простиралась бы тогда вмѣстѣ съ польскою секундогенитурою отъ прусскихъ озеръ (б. м. даже Гданска?) до Босфора и отъ З. Буга (не Днѣпра-ли?) до Боденскаго озера. Германія была бы вынуждена довольствоваться Ригою и Дерптомъ, изъ-за которыхъ пришлось бы возобновить ливонскія и шведскія войны съ Россіей. Третій же союзникъ, Италія, получилъ бы аналогичное призваніе - бороться цѣлые вѣка съ Франціей, чтобы парализовать взаимно свои силы. Вѣроятно и «вольный городъ» на Босфорѣ составляетъ иносказаніе вмѣсто «австроугорскаго порта». Бѣдному же султану пришлось бы довольствоваться Эчміадзиномъ и воевать изъ-за него цѣлые вѣка съ Россіей. Понятно что гегемонія въ Европѣ принадлежала бы тогда вовсе не Германіи или Великобританіи, а Австро-Поллоно-Угріи!... Къ счастію, русскій медвѣдь, котораго шкуру такъ смѣло дѣлитъ польско-нѣмецкій баронъ, еще живъ, и сумѣетъ постоять за себя въ борьбѣ съ подобными барону волками и лисицами.

— Для характеристики взглядовъ и настроенія болѣе образованныхъ представителей **католическаго епископата въ Америкѣ** интересныя данныя представляетъ **рѣчь епископа Ирeланда** (Ireland) изъ С. Павла (въ Миннесотѣ), произнесенная на синодѣ Сѣверо-американскихъ епископовъ и изданная въ особой брошюрѣ, которую авторъ лично вручилъ папѣ на аудіенціи. Тутъ мы читаемъ между прочимъ: «Цѣли и стремленія нашего вѣка могутъ обезпокоить развѣ нищихъ духомъ; на дѣлѣ же они являются знаменіемъ Провидѣнія, которое указываетъ путь къ славной побѣдѣ. Пій IX говорилъ, что церковь никогда не примирится съ новѣйшими идеями, и однако въ нихъ заключается много хорошаго и великаго.. Реакція есть сонъ тѣхъ, которые ничего не видятъ и слышатъ, которые плачутъ надъ могилами, на вѣки уже закрытыми... Еслибы я былъ папою, я вовсе не тужилъ бы о потерѣ свѣтской власти, не погружался бы въ философію Ѳомы Аквината и не разжигалъ бы фанатизма людей, вѣрящихъ въ индульгенціи. Церковь должна служить единственно и исключительно человѣчеству. На сценѣ жизни духовенство и міряне должны вмѣстѣ доискиваться причинъ общественнаго зла и стремиться къ его устраненію»...

— **Іосифъ Буденцъ († 3 апр. 1892).** Мадьярская филологическая наука въ сравнительно короткое время понесла двѣ огромныя потери. Въ концѣ прошлаго года умеръ, правда въ очень преклонныхъ уже годахъ, знаменитый мадьярскій языковѣдъ, этнографъ и историкъ Павелъ Гунфальви (род. 1816 г.), а недавно пришла печальная вѣсть о внезапной кончинѣ отъ удара мадьярскаго лингвиста, неутомимаго изслѣдователя и знатока угро-финскихъ языковъ І. Буденца. Онъ

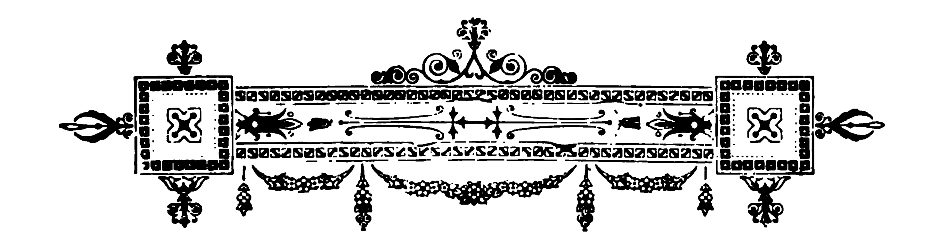
умеръ на 56 г. жизни, еще въ расцвѣтѣ силъ, среди страстно любимыхъ спеціальныхъ занятій, почти съ перомъ въ рукахъ, трудясь надъ «Морфологіей финско-угорскихъ языковъ», и между прочимъ въ моментъ катастрофы подготовляя академическую рѣчь въ честь—своего нѣкогда руководителя—Гунфальви и недавно умершаго русскаго дѣятеля, директора казанской инородческой семинаріи, Н. И. Ильминскаго. Огромныя заслуги I. Буденца въ области финно-угорскаго сравнительнаго языкознанія признаны и по достоинству оцѣнены во всемъ ученомъ мірѣ, повсюду гдѣ только интересуются лингвистикой и данной ея вѣтвью. Его имя давно пользуется широкой и прочной ученой репутаціей. Онъ былъ дѣйствительно украшеніемъ будапештской академіи и университета, какъ это признаютъ единогласно его соотечественники. Онъ создалъ у мадьяръ и поднялъ на значительную высоту свою спеціальную науку и изъ многихъ учениковъ своихъ образовалъ цѣлую школу молодыхъ лингвистовъ. Дѣло въ томъ, что онъ былъ не только образцовый ученый, но и образцовый профессоръ и наставникъ, умѣлый руководитель университетской молодежи, шедшей въ его школу, находившей въ немъ заботливаго отца и друга, а потому горячо и беззавѣтно его любившей, что ярко сказалось у его гроба. Въ рядахъ своихъ мадьярскихъ товарищей по профессіи онъ былъ довольно исключительнымъ явленіемъ. Онъ обладалъ въ высокой мѣрѣ научной основательностью, строгостью критическихъ пріемовъ совершенною трезвостью мысли и объективностью, т. е. тѣми свойствами истинной учености, какими къ сожалѣнію вообще не можетъ похвалиться мадьярская наука. Но Буденцъ и родомъ не былъ мадьяринъ. Онъ былъ нѣмцемъ, нашедшимъ себѣ въ Угріи второе отечество, и остался нѣмцемъ въ своей ученой дѣятельности, утративъ лишь въ характерѣ многія черты нѣмецкаго типа и усвоивъ себѣ болѣе симпатичныя черты мадьярской, а въ корнѣ собственно славянской, широкой, открытой, благодушной и привѣтливой натуры. Буденцъ, правда, называлъ себя мадьяромъ, любилъ искренно пріютившую его страну и народъ, самоотверженно трудился на пользу и честь отечества, но въ немъ не было и тѣни мадьярскаго шовинизма и исключительности, національной нетерпимости и задора. Онъ не относился враждебно къ славянству и всему славянскому (какъ это принято у мадьяръ), не чуждался послѣдняго, а Россіи и русскимъ всегда видимо симпатизировалъ, высоко чтилъ русскую науку, ожидалъ отъ нея многаго, преклонялся передъ просвѣтительнымъ призваніемъ Россіи на Востокѣ и среди ея инородцевъ... Всякій русскій путешественникъ, а тѣмъ болѣе ученый могъ найти въ немъ услужливаго руководителя и помощника, радушнаго и гостепріимнаго хозяина, добраго и сердечнаго товарища, милаго и веселаго собесѣдника *). Его любили и почитали не одни только ученики, сослуживцы и близкіе ему. Всѣ навѣрное, кто когда-либо съ нимъ сходился и вступалъ въ сношенія, сохранятъ о немъ самое свѣтлое воспоминаніе. Іосифъ Вальтазаровичъ (какъ его звали русскіе) Буденцъ родился въ 1836 г. въ Расдорфѣ ок. Фульды, учился въ Марбургѣ и Геттингенѣ, гдѣ изучалъ индогерманское языкознаніе подъ вліяніемъ Бенфея. Случайно заинтересовавшись мадьярскимъ языкомъ, а черезъ него и всею финно-угорскою группою языковъ, онъ 22-хъ лѣтъ (1858) отправился въ Угрію для изученія привлекшаго его предмета на мѣстѣ и, быстро усвоивъ себѣ мадьярскій языкъ, поселился здѣсь навсегда. Большія лингвистическія

*) Отмѣтимъ, что онъ былъ душою «русскаго кружка», втеченіе многихъ лѣтъ соединявшаго маленькую группу мадьяръ—любителей русскаго языка и интересовавшихся всѣмъ русскимъ.

дарованія и чисто-нѣмецкое прилежаніе и выдержка помогли ему въ самое короткое время въ совершенствѣ овладѣть предметомъ своей спеціальности. Пробывъ въ 1858—60 гг. учителемъ въ Стольн. Бѣлградѣ (Stuhlweissenburg), онъ уже въ 1862 г. сталъ членомъ-корреспондентомъ и помощникомъ библіотекаря академіи наукъ; въ 1868 г. онъ приглашенъ приватъ-доцентомъ въ пештскій университетъ по угро-мадьярскому сравнительному языкознанію, а съ 1872 г. состоялъ въ немъ профессоромъ. Уже съ 1871 г. онъ былъ и ординарнымъ членомъ мадьярской академіи наукъ. Многія иностранныя ученыя учрежденія и общества, цѣня его заслуги, выражали свое уваженіе къ нему избраніемъ въ свои члены. Такъ между прочимъ онъ былъ членомъ-корреспондентомъ нашей академіи наукъ, финскаго и эстонскаго литературныхъ обществъ и проч. Главными, капитальнѣйшими его трудами, которые упрочиваютъ за нимъ выдающееся мѣсто въ наукѣ языкознанія, являются его Мадьяро-угорскій сравнительный словарь (Budapest. 1873—81) и его Сравнительная морфологія угорскихъ языковъ (1886), надъ которой онъ до конца не переставалъ работать. Кромѣ того ему принадлежитъ масса большихъ и малыхъ изслѣдованій и статей, напр. «Угорскія лингв. студіи» (Пештъ, 1870) «Мадьярскія и тюркско-татарскія словосоотношенія», «Финская грамматика» (1873), «Мокса- и эрзамордвинская грамматика» (1876), «О развѣтвленіи угорскихъ языковъ» (нѣм., Геттинг. 1879) и проч. Въ мартѣ 1884 г. по поводу 25-лѣтія ученой дѣятельности ученики и почитатели Буденца устроили ему праздникъ причемъ ему поднесенъ былъ сборникъ (или альбомъ) съ научными статьями его друзей. **К. Г.**

— Въ Будапештѣ умеръ 11 (23) мая мадьярскій статистикъ **Карпъ Келети**. Онъ род. въ Пресбургѣ въ 1833 г., участвовалъ въ возстаніи 1848—49 гг., былъ затѣмъ агрономомъ, публицистомъ, а затѣмъ со времени дуализма—шефомъ статистическаго бюро Угріи и съ 1868 г. членомъ Академіи Наукъ. Келети завѣдывалъ народными переписями 1870, 1880, 1890 гг. и былъ представителемъ Угріи на нѣсколькихъ статистическихъ конгрессахъ. За сочиненіе «Статистика питанія въ Угріи, на основахъ физіологіи» Келети получилъ премію отъ угорской Академіи Наукъ.

— Въ Будапештѣ умеръ недавно извѣстный мадьярскій генералъ **Юрій Клапка**. Онъ род. въ 1820 г. въ Темешварѣ; происходилъ по матери отъ нѣмцевъ, а по отцу изъ моравянъ. До 11-го г. жизни онъ вовсе не говорилъ по-мадьярски и лишь позже, въ Кечкеметѣ, обучился этому языку. Въ 1838 г. поступилъ въ артиллерію, а позже перешелъ въ 12-й граничарскій полкъ. Во время революціи Клапка воевалъ сначала въ Банатѣ противъ сербскихъ ополченцевъ, а позже на верхней Тисѣ. Но особенно отличился онъ при оборонѣ крѣпости Коморна. По окончаніи революціи онъ переселился въ Лондонъ, а затѣмъ въ Парижъ, гдѣ женился и жилъ нѣкоторое время. Натянутыя отношенія къ Наполеону III заставили его перебраться въ Швейцарію, откуда онъ наѣзжалъ въ Турцію и между прочемъ велъ переговоры съ Бисмаркомъ объ организаціи мадьярскаго бунта противъ Габсбурговъ, съ цѣлью нанести имъ, какъ выражался желѣзный канцлеръ, einen Stoss ins Herz». Это не помѣшало однако Клапкѣ признать потомъ дуализмъ и прожить послѣдніе годы жизни въ Будапештѣ, гдѣ онъ похороненъ на государственный счетъ, при участіи министровъ и многотысячной толпы горожанъ.



ОДИНЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ БОЛГАРСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

ПОРТРЕТЪ

Разсказъ Ивана Вазова

Съ болгарскаго

Когда Курудимовъ дочиталъ свой романъ, онъ пришелъ въ сильное волненіе. Кровь бросилась ему въ голову и лицо сильно покраснѣло; въ глазахъ блестѣлъ безпокойный, лихорадочный огонь; шелковистыя кудри его русыхъ волосъ безпорядочно падали ему на блѣдный лобъ, нахмуренный отъ кипящей творческой мысли.

— Хорошо, произнесъ слушавшій его товарищъ, юноша, какъ и Курудимовъ, но съ тихимъ, флегматическимъ лицомъ.

— И это вовсе не вымыселъ, батенька мой, и не какое нибудь подражаніе. Это изъ дѣйствительной жизни — плодъ моихъ личныхъ наблюденій. Я знакомъ съ героями. А? прекрасно! И вдобавокъ это мой первый трудъ... И названіе какъ подходитъ: «Обрывъ или несчастныя жертвы любви». А?—И Курудимовъ съ вдохновеннымъ видомъ смотрѣлъ на товарища.

— Да, хорошо! сухо повторилъ Спасовъ, взявъ въ руки толстую рукопись. Какъ? Да ты измѣнилъ свою фамилію?

— Да—нѣсколько—Гороломовъ: Курудимовъ какъ-то деревенщиной пахнетъ; а вѣдь имя имѣетъ значеніе... Да и Вольтеръ вѣдь сперва назывался Аруэ... Понимаешь? Я ужъ такъ и буду подписываться.

Спасовъ улыбнулся.

— Послушай, Спасовъ, ты бы тоже попробовалъ, а?

— Чего?

— Вотъ, какъ я: будь писателемъ!

Спасовъ разсмѣялся.

— Писателемъ? Ну, братъ, это мнѣ не по плечу.

— Къ чему такая скромность! Попытай счастья и ты! Ты хочешь быть учителемъ, чтобъ отупѣть за глупыми уроками, сдѣлаться машиной, которая двадцать лѣтъ будетъ болтать одно и то же, пока не выйдетъ пенсія, а тамъ. . чтобы заплѣснѣть и одурѣть, какъ нашъ учитель математики? Придетъ же охота!

— Послушай, Панайотъ, я серьезно смотрю на учительское званіе. Правда, для честолюбиваго человѣка оно не представляетъ широкаго простора... но я не жажду славы... По моему, задача...

Гороломовъ (мы ужъ такъ и будемъ называть его) перебилъ Спасова.

— Знаю, знаю, что ты хочешь мнѣ сказать! Но увѣряю тебя, дружище, съ такими смиренными мыслями ты далеко не уйдешь... Кто стыдится стать выше, тотъ желаетъ быть вѣчно нулемъ. Въ Болгаріи и безъ тебя тысячи учителей, но она не имѣетъ хорошихъ писателей. А мало ли способныхъ натуръ тянутъ лямку въ потѣ лица или прячутся въ норахъ. Да вотъ и я чуть было не сдѣлалъ непростительной глупости, поступивъ въ дѣтствѣ въ земледѣльческое училище! Я собирался всю жизнь держаться за плугъ, когда мое призваніе было совсѣмъ другое—перо! Какъ бы это было позорно, неправда ли?

— Почему же? Вѣдь и плугъ—честный трудъ. Съ плугомъ—ты знаешь навѣрное—приносишь пользу.

— Черный трудъ, батенька мой, для простого народа, какъ и учительство—для заурядныхъ людишекъ. У меня выше, благороднѣе задача и цѣль въ жизни, понимаешь? Попытай счастья, совѣтую тебѣ, бери примѣръ съ меня.

— Нѣтъ у меня охоты стать великимъ человѣкомъ: мнѣ ничего не надо больше, какъ быть хорошимъ учителемъ, отвѣтилъ Спасовъ.

— Бѣдный ты идеалистъ, жаль мнѣ тебя. Да ты посмотри на меня—думалъ ли ты когда нибудь, что эта голова способна создать подобную вещь? сказалъ Гороломовъ, размахивая горделиво своей тетрадью.

— Когда же ты пошлешь свой романъ? спросилъ Спасовъ, уклоняясь отъ отвѣта.

— Да вотъ сейчасъ! и Гороломовъ принялся укладывать рукопись въ пакетъ. Затѣмъ онъ надписалъ адресъ редакціи одного періодическаго журнала.

— —

Эти два молодыхъ человѣка были товарищи, ученики 7-го класса

гимназіи. Они кончали курсъ въ этомъ же году. Но, какъ видно изъ ихъ предыдущаго разговора, по душевнымъ качествамъ и характерамъ они составляли двѣ противоположности. Гороломовъ — натура горячая, смѣлая и самоувѣренная, съ пылкимъ воображеніемъ, съ живымъ, хотя и неглубокимъ умомъ, рѣзко отличался отъ своего товарища — тихаго, скромнаго, съ ранней серьезностью, отпечатлѣвавшеюся на лицѣ. Гороломовъ поступилъ сначала въ земледѣльческое училище въ Садовѣ по желанію отца; но вскорѣ однако его безпокойный духъ нашелъ очень сухою эту хозяйственную науку. Онъ сталъ жалѣть, что поступилъ въ такую школу, взбунтовалъ противъ начальства заведенія товарищей, оскорбилъ дѣйствіемъ учителя, за что и былъ изгнанъ изъ садовскаго училища. Послѣ этого онъ поступилъ въ гимназію, но и тутъ не угомонился. Онъ нашелъ, что въ ней система преподаванія отвратительная, порядки—варварскіе, учителя — идіоты. Плохо готовя уроки, за которые получалъ скверные балы, онъ все больше озлоблялся противъ учителей и сталъ сочинять на нихъ грубые пасквили, которые нравились его товарищамъ, и онъ вскорѣ прослылъ между ними «литераторомъ». Такой успѣхъ заронилъ въ его душу первый зародышъ жажды писательской славы... Она казалась ему теперь весьма доступной. Этотъ романъ могъ дать ему эту славу. И онъ не замедлилъ заранѣе сдѣлать звучнѣе и значительнѣе свою фамилію.

Страстное чтеніе біографій великихъ писателей и одностороннее ихъ пониманіе пробудили въ его душѣ непреодолимое желаніе стать великимъ писателемъ. Они оказали на него до нѣкоторой степени почти такое же дѣйствіе, какъ рыцарскіе романы на Донъ-Кихота. Постоянно имѣя въ головѣ только громкія имена великихъ литераторовъ, Гороломовъ не на шутку мнилъ собя однимъ изъ нихъ. Онъ переживалъ періодъ юношескаго страстнаго увлеченія... Ихъ слабости, недостатки, даже пороки онъ считалъ главными элементами ихъ генія и, воображая, что одаренъ этимъ геніемъ, онъ старался подражать ихъ отрицательнымъ качествамъ. Такъ какъ большею частью многіе писатели не были прилежными учениками, онъ пренебрегалъ уроками. Что писалъ Мюссе — онъ не зналъ, но помнилъ то, что стихъ Мюссе былъ небрежный, а самъ онъ пьяница, Шекспиръ — циникъ. Онъ также зналъ, что Байронъ велъ сумасбродную жизнь, что Дюма жилъ безъ расчета, Мольеръ обкрадывалъ авторовъ, а Руссо—чужіе карманы, что Марло былъ развратникъ, а Вольтеръ—спекуляторъ и т. д. Съ такимъ запасомъ знаній и вдобавокъ съ раздраженнымъ тщеславіемъ, вмѣсто истиннаго таланта, Гороломовъ выступилъ на литературное поприще.

Но не случайно грандоманія Гороломова выбрала литературную

арену;—всякое другое занятіе требуетъ серьезныхъ знаній, усидчиваго и упорнаго труда и, чтобы пожинать лавры — несокрушимой воли и большихъ заслугъ. Писательство сулило ему эту славу безъ такихъ трудностей... Poeta nascitur!

Еслибы онъ тогда былъ прозорливѣе, онъ непремѣнно взялся бы за политику.

Романъ его содержалъ исторію одной дѣвушки, обольщенной и брошенной своимъ возлюбленнымъ. Въ отчаяніи она бросается со скалы въ пропасть въ то время, когда ея раскаявшійся другъ спѣшитъ спасать ее и предложить ей свою руку и сердце... Но онъ опаздываетъ. Тогда и онъ въ великомъ своемъ горѣ бросается съ обрыва въ пропасть и гибнетъ вмѣстѣ съ нею...

Подража́я Байрону, Гороломовъ въ своемъ героѣ изобразилъ самого себя, а въ героинѣ — дѣвушку, имъ обманутую и брошенную. Обманъ состоялъ въ томъ, что на тайномъ свиданіи Гороломовъ усыпилъ ее хлороформомъ съ преступной цѣлью, такъ что романъ его былъ дѣйствительно взятъ изъ жизни. Лишь трагическая развязка была плодомъ его фантазіи. Марія Недѣлкова еще не убивалась, а самъ герой здравствовалъ и мечталъ стать великимъ человѣкомъ.

Романъ его былъ фальшиво задуманъ и нелѣпо написанъ. Отправивъ рукопись въ редакцію, Гороломовъ нѣсколько ночей не смыкалъ глазъ. А отвѣта все не было. Онъ сталъ мучительно безпокоиться. То онъ злился на себя за то, что унизился просить вниманія у какихъ-то завистливыхъ идіотовъ (такъ называлъ онъ редакцію), то ему мерещилось, что видитъ свой романъ въ журналѣ, на первомъ мѣстѣ, съ громкимъ его именемъ и лестнымъ отзывомъ отъ редакціи. Сердце его сильно билось отъ гордости: онъ видѣлъ, что слава отворяетъ ему свои двери настежь, и имя Гороломова окружено лучезарнымъ ореоломъ... Три недѣли прошло въ такомъ лихорадочномъ ожиданіи. Наконецъ Спасовъ принесъ новую книжку журнала.

— Есть? крикнулъ, или скорѣе, проревѣлъ Гороломовъ.

— Да, есть что-то.

Дрожащими руками и задыхаясь, Гороломовъ перелисталъ всю книжку, но ничего не нашелъ. Только на послѣдней страницѣ красной обложки онъ съ ужасомъ прочелъ слѣдующія слова отъ редакціи: «Г-ну Г.......ву, въ П. Вашъ романъ (?) не можетъ быть напечатанъ. Все въ немъ нелѣпость, даже и самое имя автора. Не торопитесь, сначала побольше поучитесь».

— Мерзавцы! Подлецы!... Идіоты! кричалъ въ изступленіи Горомовъ. Я глупъ былъ, что обратился къ этимъ пустоголовымъ честолюбцамъ. Да мнѣ и не слѣдовало ожидать другого отвѣта. Впрочемъ, всѣмъ геніальнымъ писателямъ вначалѣ приходилось бороться съ такими обскурантами... Шиллеръ былъ принужденъ долго стучаться въ двери многихъ редакцій, пока напечатали его «Разбойниковъ» на простой оберточной бумагѣ... А лордъ Байронъ? Какъ подобные завистники встрѣтили его первый трудъ? Не насмѣхались ли они даже и надъ его именемъ? Ну и что же?—все-таки они не убили его духъ, но еще сильнѣе расшевелили его геній... И онъ ихъ уничтожилъ своей сатирой! Да! И я не оставлю безнаказанными своихъ гонителей! Да! Гороломовъ имъ на зло Гороломовымъ и останется! Я покажу имъ! Я отомщу за эту глупую насмѣшку надъ моимъ романомъ, весь недостатокъ котораго состоитъ лишь въ томъ, что онъ не вышелъ изъ-подъ ихъ бездарнаго пера! Нѣтъ, голубчики, погодите...

Онъ сѣлъ и написалъ въ редакцію слѣдующее письмо:

«Господа длинноухіе мудрецы! Я хотѣлъ знать, до какой степени вы—низкія твари и теперь убѣдился... Неужели вы думаете, что геній гнѣздится и живетъ только въ вашихъ головахъ, потому что онѣ съ бородами?... Или вы берете мой возрастъ за мѣрило таланта? Знайте, господа невѣжды, что Шиллеръ былъ тремя годами моложе меня, когда написалъ лучшее свое произведеніе. И тогда явились подобные вамъ ослы, но они провалились въ бездну своего ничтожества... Или вы думаете, что одно образованіе создаетъ талантливыхъ писателей? Между тѣмъ большинство ихъ не окончило курса! Или божественный Омиръ имѣлъ дипломъ? Дипломъ нуженъ только такимъ идіотамъ, какъ вы! Но глупы же вы, господа, если думаете, что задушите и убьете мой талантъ! Слава Богу, много типографій въ Болгаріи, и не одинъ только вашъ пустой журналъ. Я однако въ восторгѣ, что вы оказались такими безсодержательными. Вашъ отказъ для меня—слава. Это первый вѣнокъ, который вы возлагаете на мою голову, сами не желая того. Какъ же глубоко я васъ презираю!...

Гороломовъ».

Эти строки, помимо ругательствъ и дѣтскаго самохвальства, были написаны съ вдохновеніемъ. Уязвленное самолюбіе бываетъ часто краснорѣчиво въ своемъ негодованіи. Самъ Спасовъ невольно рукоплескалъ ему въ восторгѣ.

— Я тебѣ совѣтую, Панайотъ, включи и это письмо въ романъ, когда будешь его печатать... Можешь быть увѣренъ, что его всякій прочтетъ; оно вполнѣ обезпечитъ успѣхъ романа, произнесъ Спасовъ съ живостью, не догадываясь, что двусмысленная его фраза и

ласкала и язвила самолюбіе Гороломова, которому Спасовъ весь сочувствовалъ, искренно вѣря въ его талантъ.

Съ того дня Гороломовъ объявилъ войну редакціи и, надо при знать, повелъ ее успѣшно. Какой-то юмористическій листокъ съ уд вольствіемъ принялъ и напечаталъ его грубые нападки на журнал и его редакторовъ. Это пришлось по вкусу многимъ, которые был недовольны журналомъ. «Критики» Гороломова были написаны х рошо, и одинъ изъ его учителей (они уже боялись его) подоб страстно назвалъ его «болгарскимъ Бѣлинскимъ». Отъ такого успѣ въ весьма короткій срокъ у Гороломова голова закружилась; он становился критическимъ авторитетомъ и вмѣстѣ знаменитостью! все это благодаря лишь нѣсколькимъ статейкамъ! Что же будет когда выйдетъ въ свѣтъ его романъ? Какое свѣтлое будущее!

Но случилось одно событіе, которое прекратило его блестящ успѣхи въ литературѣ и совсѣмъ измѣнило его судьбу. Несмотря то, что Гороломовъ въ своемъ романѣ бросилъ Марійку Недѣлко въ пропасть и почти совершенно забылъ объ ея существованіи, М рійка всетаки жила и подъ сердцемъ носила плодъ его обман Когда бѣдная дѣвушка почувствовала свое положеніе, она тайно с общила Гороломову, котораго продолжала любить, что если онъ поспѣшитъ на ней жениться, то она, будучи опозорена имъ на в жизнь, покончитъ самоубійствомъ—отравится. Это письмо непріят поразило Гороломова, но съ другой стороны нѣсколько успокоил такъ какъ съ возможнымъ самоубійствомъ Марійки—вопросъ рѣшал самъ собою. Это извѣстіе даже льстило его тщеславію: дѣвуш убиваетъ себя изъ-за любви къ нему! Что-то подобное сдѣла итальянка изъ-за Байрона въ Венеціи... Онъ не отвѣтилъ Марійк конечно,чтобы больше измучить ее и усилить въ ней ея отчаянн рѣшеніе... Но второе письмо разбило его надежды. Марійка об явила ему, что если онъ не отвѣтитъ ей сейчасъ же, то она откроет все отцу. Если не судомъ, то кровью отецъ ея смылъ бы позоръ лица дочери. Гороломовъ это зналъ. Онъ безъ всякаго сомнѣнія п палъ въ ловушку, но съ присущей ему хитростью не замедли выйти изъ нея: онъ тотчасъ отвѣтилъ Марійкѣ весьма милымъ пис момъ. въ которомъ увѣрялъ ее, что не перестаетъ безумно люби ее, но что теперь занятъ экзаменами; необходимо выждать ихъ око чанія, что очень важно для ихъ обоюднаго счастья, и въ кон клялся ей въ томъ, что послѣ экзаменовъ явится къ ея отцу пр сить ея руки. Обнадеженная дѣвушка нѣсколько успокоилась и нетерпѣніемъ ждала конца экзаменовъ.

Но экзамены окончились, а о Гороломовѣ не было ни слуху, н духу. Тогда Марійка снова написала ему, чтобы напомнить о себ

но письмо не застало его: въ это время онъ уже катилъ на всѣхъ парахъ въ Россію.

Внезапный отъѣздъ Гороломова сейчасъ послѣ экзаменовъ очень походилъ на бѣгство. Теперь ловушка была снята и онъ былъ свободенъ! Воспользовавшись отсрочкой, выпрошенною у Марійки, онъ бросился къ ногамъ отца и упросилъ его отправить его въ Россію какъ можно скорѣе, такъ какъ нужно воспользоваться каникулами для подготовки въ университетъ. Получить высшее образованіе было-де его всегдашней мечтой. Ошеломленный отецъ недоумѣвалъ; незная настоящей причины отъѣзда сына, онъ досталъ денегъ ему на дорогу и отпустилъ его въ Россію учиться. Не будучи достаточно богатъ, чтобы содержать его, онъ обратился съ горячей просьбой къ правительству о поддержкѣ сына. Къ его счастью просьба была принята и стипендія отпущена—единственная, оставшаяся стипендія по медицинѣ.

Когда Гороломова извѣстили о назначеніи ему стипендіи, заставлявшей его поступить на медицинскій факультетъ, онъ остался крайне недоволенъ.

— Я вовсе не гожусь въ доктора, я не могу быть мясникомъ. Мое истинное призваніе—литература, но... все равно, этотъ факультетъ не свернетъ меня съ настоящаго пути. Мало ли великихъ писателей, которые ошибались въ выборѣ карьеры! Вѣдь Гёте тоже, сначала поступилъ на юридическій факультетъ въ Лейпцигѣ, слушалъ медицину въ Страсбургѣ, а обезсмертилъ свое имя въ поэзіи также и Шиллеръ, котораго прогнали...

Итакъ, Гороломовъ вопреки своему желанію поступилъ на медицинскій факультетъ. Медицина внушала ему отвращеніе, такъ какъ ни по уму, ни по характеру онъ не годился для такихъ серьезныхъ занятій. Онъ и не показывался на лекціи, а заперся дома и началъ сочинять стихи, драмы и повѣсти. Товарищи его, болгаре, часто навѣщали его и всегда заставали погруженнаго въ литературныя занятія, среди кипъ тетрадей и рукописей. На ихъ удивленіе онъ высокомѣрно отвѣчалъ:

— Не могу же я итти противъ своей натуры.

— Но отчего же въ такомъ случаѣ ты не поступилъ на филологическій факультетъ?

— Ошибся! Я теперь ясно вижу, что какъ докторъ я буду нулемъ, а какъ литераторъ можетъ быть пойду далеко.

— Да пусть пишетъ, замѣтилъ какъ-то Китеровъ, юристъ послѣдняго курса, невелика бѣда, если въ Болгаріи однимъ плохимъ

врачемъ будетъ меньше. Вѣдь у каждаго изъ насъ, пожалуй, найдется по небольшой рукописи, спрятанной въ какомъ нибудь тайничкѣ... но Гороломовъ (онъ съ этой фамиліей и записался въ университетѣ) не скрываетъ своихъ наклонностей и увѣренъ въ себѣ. Это хорошо. Можетъ быть дѣйствительно у него талантъ.

Гороломовъ продолжалъ писать неустанно и съ неохладѣвавшимъ оживленіемъ. Ничто не смущало его. Онъ почти совсѣмъ распростился съ медициной и она съ нимъ. Онъ только разъ написалъ отцу. Отвѣтъ пришелъ скорѣе, чѣмъ онъ надѣялся. Отецъ его сильно негодовалъ на сына за его новую фамилію, которую присвоилъ себѣ, точно онъ Богъ вѣсть какой важный баринъ. Это крайне раздражило Гороломова и онъ изорвалъ письмо, проворчавъ: «Увидишь, кто я таковъ!».

У него явилось сильное желаніе удивить товарищей своимъ талантомъ. Ихъ симпатіи уже были на его сторонѣ. Въ одинъ изъ зимнихъ вечеровъ онъ пригласилъ кое-кого изъ нихъ, чтобы прочесть имъ романъ «Обрывъ или несчастныя жертвы любви», о которомъ онъ часто съ восторгомъ говорилъ имъ. Предварительно онъ съ жаромъ разсказалъ имъ о возмутильномъ отказѣ редакціи, которую опять осыпалъ тутъ ругательствами. Чтеніе романа началось среди полной тишины. Сначала студенты слушали съ напряженнымъ вниманіемъ, потомъ съ недоумѣніемъ начали глазѣть по сторонамъ, наконецъ большинство стало исподтишка позѣвывать. Около полуночи Гороломовъ окончилъ чтеніе и съ сіяющимъ лицомъ вопросительно и гордо обвелъ глазами слушателей.

Общее молчаніе нарушили лишь нѣсколько подавленныхъ «да, да». Нѣкоторые только кашлянули.

— Да, хорошо, хорошо! прибавили остальные, чтобы сказать что нибудь. Но Китеровъ высказался прямо и смѣло.

— Господинъ Гороломовъ, сказалъ онъ, вы меня пожалуйста извините, если я выскажу безпристрастно свое мнѣніе. Романъ вашъ неудаченъ: нѣтъ въ немъ ни жизненной правды, ни тѣни художественности. Выходитъ, что редакція своимъ отказомъ сдѣлала вамъ большую услугу...

Гороломовъ испуганно смотрѣлъ на него.

— Бай Китеровъ *), извините, но вы невѣрно поняли. Это дѣйствительное событіе... перебилъ его глухимъ, дрожащимъ голосомъ Гороломовъ. Въ горлѣ у него точно пересохло или будто кто его душилъ. На лбу выступилъ обильный потъ.

---

*) Бай, бае, байно, баё, баю—въ близкихъ отношеніяхъ замѣняетъ обращеніе «господинъ». *Перев.*

Китеровъ сталъ говорить еще рѣзче.

— Каково событіе, это не важно, но романъ построенъ съ начала и до конца на одной фальши... Въ дѣйствіяхъ, которыя вы развиваете, нѣтъ никакой логики, въ характерахъ—никакой правды, а душевныя проявленія героевъ противорѣчатъ всѣмъ законамъ психологіи... Скажу вотъ о Герольдевѣ, вашемъ героѣ,—что это такое? Это не живое человѣческое существо, а какая-то путаница, какой-то безличный уродъ... Вы напрасно выставляете его симпатичнымъ, съ какими-то рыцарскими наклонностями. За сто шаговъ отъ него несетъ мошенникомъ... и хотя вы увѣряете, что это истинное происшествіе, но вамъ никто не повѣритъ, будто онъ бросился съ обрыва. Невозможенъ такой нравственный поступокъ, который вы ничѣмъ не оправдываете, при такой шарлатанской душѣ. Не бываетъ въ жизни такихъ безсмысленныхъ мелодрамъ... Что касается формальной стороны сочиненія, то она изобличаетъ большую неопытность и стоитъ ниже всякой критики. Объ остальномъ и не говорю... Не торопитесь, господинъ Гороломовъ! Познакомтесь поближе съ русскими классическими писателями. Въ нихъ вы найдете сокровища, образцы изящества и художественнаго совершенства.. Это послужитъ къ развитію вашего литературнаго вкуса... У современныхъ литературныхъ корифеевъ вы найдете прекрасное руководство для строгаго реальнаго изображенія жизненныхъ явленій... Вы извините меня за эти замѣчанія, которыя я дѣлаю изъ одного сочувствія къ вашимъ благороднымъ стремленіямъ.

Когда Китеровъ окончилъ, товарищи взглядами выразили ему полное одобреніе: онъ оказался краснорѣчивымъ толкователемъ ихъ мыслей. Наступило молчаніе.

Гороломовъ былъ уничтоженъ. Его поразили жестокія истины, высказанныя такъ авторитетно. Онъ не могъ ни думать, ни возражать. Этотъ Китеровъ положительно испугалъ его; когда онъ говорилъ о героѣ романа, Гороломовъ старался избѣгать проницательнаго взгляда своего критика, боясь, чтобъ онъ не проникъ до дна его гнусной душенки. Онъ блѣднѣлъ и нѣмѣлъ при мысли, что его критикъ открылъ его тайну и каждый отзывъ объ его героѣ казался ему оплеухой...

Проводивъ гостей, Гороломовъ бросился въ отчаяніи на измятый диванъ. Откровенное, хотя и деликатно высказанное мнѣніе относительно его романа, на который онъ возлагалъ такія надежды, нанесло смертельный ударъ его самообольщенію. Оно выражало, говоря простыми словами, слѣдующее: «Гороломовъ, босой ты, братъ, выступилъ на литературное поприще, погибнешь; брось ты эту затѣю, пока еще время». Этотъ страшный приговоръ онъ не могъ считать пристрастнымъ: онъ зналъ, какъ Китеровъ сочувствовалъ ему, да и

впечатлѣніе другихъ студентовъ недопускало такого подозрѣнія. Но ужаснѣе всего было то, что и у него самого спала завѣса съ глазъ.

Въ эту ночь его мечты о писательскомъ величіи исчезли. На слѣдующее утро онъ съ ужасомъ швырнулъ свои рукописи подъ кровать. Ворота писательскаго поприща захлопнулись за нимъ.

Вскорѣ знакомство со студентомъ изъ евреевъ доставило новую работу головѣ Гороломова и новую пищу его честолюбивымъ мечтамъ. Онъ съ жадностью кинулся поглощать анархическія книги, которыя доставлялъ ему новый пріятель. Въ короткій срокъ Гороломовъ прочелъ сочиненія Бакунина, Герцена, прокламаціи князя Крапоткина и разныя женевскія изданія, изъ коихъ нѣкоторыя онъ даже перевелъ на болгарскій языкъ. Они потрясли его больной мозгъ и помрачили его. Онъ сразу порѣшилъ стать борцомъ за человѣческую свободу. При помощи еврея вступилъ въ сношенія съ тайными нигилистическими обществами и сталъ думать о томъ, какъ бы впослѣдствіи перенести свою новую религію въ Болгарію. Мысль сдѣлаться болгарскимъ Бакунинымъ или Крапоткинымъ прельщала его. Новыя крылья выростали въ его тщеславной душѣ. Онъ переродился въ новой атмосферѣ отрицанія, въ которое погрузился цѣликомъ. Писаревъ легко утѣшилъ его въ писательскомъ его кораблекрушеніи. Теперь въ его глазахъ всѣ Байроны, Пушкины, Шиллеры не стоили одной брошюрки, отпечатанной въ какой нибудь тайной литографіи. Одинъ только нигилизмъ составлялъ для него дѣло, все же остальное было глупость и подлость... Своими затѣями и широкими планами онъ приводилъ въ изумленіе товарищей.

— Да вѣдь Болгарія не представляетъ почвы, на которой могло бы приняться это ученіе, возражали они ему.

— Вы ошибаетесь, господа! Пока въ Болгаріи существуютъ церкви, духовенство, власть и Богъ, пока существуютъ у насъ богатые и бѣдные, вѣковые предразсудки—топоръ нигилизма найдетъ тамъ себѣ работу!

— Но вѣдь ты проповѣдуешь разрушеніе!

— Нигилизмъ есть разрушеніе, господа, но изъ развалинъ, которыя онъ произведетъ, возникнетъ идеальная правда, новый міръ!

Гороломовъ говорилъ обо всемъ этомъ съ пламеннымъ воодушевленіемъ. Хотя соотечественники и не сочувствовали его крайнимъ воззрѣніямъ, но громкія, туманныя фразы всетаки плѣняли ихъ. Въ ихъ глазахъ онъ былъ цѣлой головой выше ихъ, становился героемъ... Энтузіазмъ плѣняетъ и въ театральномъ злодѣѣ.

Но онъ думалъ, что для того, чтобы исполнить великую свою

миссію въ отечествѣ, надо остаться ему невредимымъ и чистымъ, а для этого нужно было избѣгать всякаго подозрѣнія. Онъ заслужилъ благоволеніе начальства и скоро успѣлъ сдѣлаться любимцемъ ректора посредствомъ невинныхъ доносовъ на товарищей, которые не скрывали отъ него свободолюбивыхъ своихъ взглядовъ. Впрочемъ, серьезно пострадалъ отъ него одинъ только Китеровъ. Великая цѣль оправдывала такія мелкія низости. Онъ даже находилъ такія низости въ жизни нѣкоторыхъ великихъ людей. Между тѣмъ покровительство ректора избавляло его отъ обязанности посѣщать лекціи по медицинѣ, которая съ каждымъ днемъ становилась для него болѣе темнымъ іероглифомъ.

Но новый случай повернулъ его планъ въ другую сторону. Онъ былъ случайно представленъ одному аристократическому семейству и получилъ доступъ въ домъ. Его живой умъ, пламенность и идеализмъ обратили на него вниманіе дочери хозяина, дѣвушки восторженной и съ романтически-настроеннымъ умомъ. Она вообразила, что въ Гороломовѣ видитъ второго Инсарова. Чтобы подняться еще выше въ ея глазахъ, Гороломовъ выдалъ себя за члена богатаго аристократическаго семейства въ Болгаріи, ведущаго родъ отъ болгарскихъ царей. Этотъ невинный обманъ прошелъ удачно, и онъ долженъ былъ продолжать свою новую роль. Онъ старался доказать ей свое высокое происхожденіе, очаровать ее великолѣпнымъ сюрпризомъ. Въ день ея имeнинъ онъ поднесъ ей бриліантовое перо, украшенное сапфирами и крупными топазами. Дѣвушка была въ восторгѣ, и онъ вернулся отъ нея очарованный. Свѣтлые планы будущаго зароились въ его головѣ. Онъ даже думалъ написать отцу о большихъ надеждахъ, какія лелѣялъ въ душѣ, но воздержался. Онъ ограничился лишь тѣмъ, что намекнулъ нѣкоторымъ товарищамъ о своихъ отношеніяхъ съ благородной дѣвушкой. Онъ не могъ не подѣлиться съ кѣмъ нибудь радостными чувствами, наполнявшими его душу. Разумѣется онъ промолчалъ о царскомъ своемъ происхожденіи, которымъ больше всего и заинтересовалась дѣвушка. Товарищи не знали чѣмъ и объяснить происшедшую перемѣну въ его образѣ жизни и въ самыхъ понятіяхъ. Изъ мрачнаго скептика и неряхи онъ превратился въ свѣтскаго франта. Никто уже не слышалъ отъ него прежнихъ разговоровъ о принципахъ, о человѣческой свободѣ, о борьбѣ, объ идеяхъ и т. п. Однажды его видѣли даже въ театрѣ въ ложѣ знакомаго ему аристократическаго семейства съ щегольскимъ биноклемъ въ рукахъ. На привѣтствія товарищей изъ партера онъ ничего не отвѣтилъ, притворился, будто не видитъ ихъ.

Естественно, что эта новая страсть—плодъ его грандоманіи—

охолодила его восторгъ къ нигилизму и заставила почти окончательно прекратить посѣщеніе лекцій. Однажды, когда онъ для профорМы пошелъ на лекцію, его вызвали къ ректору въ кабинетъ... Тамъ сидѣлъ еще какой-то господинъ—купецъ, который при входѣ Гороломова сказалъ шопотомъ:—это онъ.

Въ ректорскомъ кабинетѣ Панайотъ Гороломовъ сознался въ кражѣ. Извѣстное бриліантовое перо онъ укралъ изъ магазина этого купца въ то время, когда ему выложили нѣсколько вещей для выбора. Перо было вытребовано вѣжливымъ образомъ, но дѣвушку и ея родителей эта исторія поразила какъ громомъ. Университетское начальство изъ снисхожденія къ его народности и щадя честь заведенія, замяло это дѣло. Гороломовъ отдѣлался небольшимъ арестомъ и изгнаніемъ изъ университета за границу.

Очутившись въ Молдавіи, онъ вздохнулъ свободнѣе, но долго думалъ, въ какую сторону направить путь. Дѣло съ Марійкой Недѣлковой какъ злой Церберъ стояло у входа въ Болгарію. Онъ поѣхалъ въ Швейцарію.

Цюрихъ расположенъ въ роскошной швейцарской долинѣ. Живописно и стройно бѣлѣетъ она на берегу кристальныхъ водъ своего озера. Гигантскія горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, упираются своими подошвами въ этотъ очаровательный уголокъ альпійской природы. Въ лѣтнее время Цюрихъ съ своею роскошною зеленью, своею прохладой, тишиной и величественной красотой привлекаетъ гостей со всѣхъ концовъ Европы. Но Цюрихъ городъ свободной республики, даетъ убѣжище и другимъ болѣе постояннымъ гостямъ: иноземнымъ студентамъ, политическимъ бѣглецамъ, бездомнымъ скитальцамъ и обломкамъ революціонныхъ и иныхъ житейскихъ кораблекрушеній. Къ послѣднимъ принадлежалъ и нашъ Гороломовъ.

Уже годъ какъ онъ живетъ въ Цюрихѣ. Онъ былъ встрѣченъ съ большимъ участіемъ русскими эмигрантами, какъ мученикъ своихъ великихъ идей, какъ новая жертва русскаго тиранства. Всѣ знали, что онъ былъ схваченъ въ русской деревнѣ, гдѣ онъ проповѣдывалъ ученье нигилизма, что бѣжалъ изъ тюрьмы и спасся точно чудомъ въ то время, когда готовились послать его въ каторгу на Сахалинъ. Анархическая печать прогремѣла новую филиппику противъ русскаго варварства и провознесла до небесъ самоотверженіе Гороломова. Онъ получилъ много сочувственныхъ писемъ отъ новыхъ товарищей по идеѣ и участи. Этотъ дешевый ѳиміамъ окончательно вскружилъ Гороломову голову. Онъ впервые видѣлъ себя предметомъ общаго вниманія. Мысль сдѣлаться главнымъ апостоломъ ни-

гилизма въ Болгаріи--съ новой силой охватила всю его душу. Ему казалось, что онъ теперь напалъ на истинный свой путь, который приведетъ его къ величію... И тутъ онъ весьма рѣдко посѣщалъ лекціи права: все время его поглащало изученіе соціалистической литературы. Небольшая его комната, наполненная табачнымъ дымомъ, была буквально завалена кучами анархическихъ газетъ и журналовъ, всякими запрещенными сочиненіями, революціонными брошюрами, письмами и рукописями такого же свойства, и всю эту злокачественную манну онъ глоталъ съ жадностью. Его библіотека росла съ каждымъ днемъ. Стѣны были увѣшаны портретами его новыхъ божествъ—анархистовъ и нигилистовъ разныхъ ранговъ и національностей...

Гороломовъ теперь жилъ на средства отца: онъ не посмѣлъ обратиться къ Болгарскому правительству съ просьбой выдавать ему стипендію попрежнему. Это бы повело къ раскрытію подвига съ бриліантовымъ перомъ. Так. обр. эта стипендія его пропала, какъ и другая отъ Славянскаго Благотворительнаго Общества, которую онъ добылъ хитростью. Не богатъ былъ его отецъ, можно сказать почти бѣдный, но человѣкъ серьезный и развитой. Сына онъ взялся поддерживать по своимъ силамъ. Письма съ просьбой денегъ стали учащаться: сынъ тратилъ пропасть денегъ на покупку всевозможныхъ соціалистическихъ книгъ, на разъѣзды по разнымъ собраніямъ въ Швейцаріи, а главное, бросалъ деньги зря, какъ можетъ тратить ихъ человѣкъ съ туго-набитыми карманами... Скоро рессурсы отца истощились, но счастіе сына было для него дороже всего, тѣмъ болѣе что онъ составлялъ надежду своихъ родителей на старости лѣтъ... Онъ началъ дѣлать долги, закладывать и продавать свое скудное имущество, лишь бы покрыть увеличивающіеся расходы Панайота. На жалобы отца, что онъ разорился весь, и на просьбы жить аккуратнѣе, Гороломовъ отвѣчалъ новыми, еще болѣе настойчивыми просьбами о присылкѣ денегъ, похожими скорѣе на приказанія... А для большаго убѣжденія онъ гордо прикладывалъ къ письмамъ вырѣзки изъ газетъ съ своею подписью. Жалобы и просьбы отца не трогали его: такія мелочныя волненія не находили мѣста въ его умѣ, занятомъ широкими, общечеловѣческими планами. Онъ даже злился на отца за его мелочность и скряжничество, какъ препятствіе на пути къ его великой цѣли.

— Рѣшительно этотъ человѣкъ желаетъ вѣчно оставаться Курудимовымъ и ничѣмъ больше!.. бормоталъ Гороломовъ со злобой.

Въ одинъ прекрасный день отецъ его нежданно-негаданно пожаловалъ въ его нигилистическое логовище. Это походило на появленіе командора.

Героломовъ долго не могъ притти въ себя отъ удивленія.

— Сынокъ! началъ старикъ, дрожа отъ внутренняго волненія и гнѣва,—ты пишешь въ газетахъ и хочешь освобождать народы отъ тираннiи... Избавь сначала меня отъ своей тираннiи!.. Ты жалѣешь человѣчество... пожалѣй сперва своего отца!.. Вѣдь ты меня разорилъ и пустишь по міру на старости лѣтъ... Не грѣшно ли тебѣ? Зачѣмъ ты покинулъ Россію! Гнали тебя оттуда, что ли?

Гороломовъ, который сначала очень испугался, подумавъ, что отецъ его знаетъ все о причинахъ переѣзда его въ Швейцарію, при послѣднихъ вопросахъ отца, подбодрился и отвѣтилъ:

— Да я же писалъ тебѣ объ этомъ! Медицина не по моему характеру... Поэтому я переѣхалъ сюда изучать право... Юриспруденція вѣрнѣе обезпечитъ меня

— Развѣ ты этого не могъ раньше предвидѣть? Къ чему были тѣ твои слезы, суматоха? Почему же ты не обратился къ правительству за поддержкой?

— Я никогда не позволю себѣ попрошайничать у этихъ ословъ.

Отецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него.

— По крайней мѣрѣ остался бы въ Россіи изучать право... тамъ бы ты могъ выхлопотать себѣ пособіе отъ славянскаго комитета...

— Оставь, я терпѣть не могу этихъ варваровъ! Тамъ деспотизмъ душилъ меня, сердито возразилъ Гороломовъ.

— Какъ, русскіе варвары?! гнѣвно крикнулъ на него отецъ. Съ какихъ это поръ мы такъ честимъ русскихъ?... Они хороши были, когда освобождали насъ, а теперь—варвары! и душатъ тебя! и не можешь ихъ терпѣть! Ты-то собственно съ чего такъ возгордился? Одни—варвары, другіе—ослы!... Да, ты-то что совершилъ? Только одно: отрекся отъ имени своего отца и разоряешь его на старости лѣтъ!

— Отецъ, оставь меня! вскакивая крикнулъ Гороломовъ, ничего мнѣ больше не посылай... Не нужна мнѣ твоя нищенская милостыня!

— Нищенская милостыня?.. Хорошо! Тогда тебѣ больше нечего здѣсь дѣлать, вернись въ Болгарію...

— Не вернусь я въ твою Болгарію.

— А какъ же?

— Куда глаза глядятъ пойду! Подальше отъ тебя!

— Куда?

— Поѣду въ Тонкинъ! Поступлю во французскіе добровольцы: пускай убьютъ меня тамъ!

Несмотря на свой гнѣвъ, отецъ всетаки безумно любилъ Панайота. Это отчаянное рѣшеніе сына смягчило его гнѣвъ и онъ былъ уже готовъ помириться съ нимъ. Вдругъ дверь сосѣдней комнаты

распахнулась, и къ Гороломову свободно вошла какая-то дѣвица. Она была небрежно одѣта, въ очкахъ и съ обстриженными волосами. Лицо ея имѣло живое и умное выраженіе, движенія были непринужденныя. Нисколько не смущаясь присутствіемъ незнакомаго лица, она обратилась съ веселой улыбкой къ Панайоту:

— Панайотъ Петровичъ, здравствуйте, дайте мнѣ, голубчикъ, апрѣльскую книжку «Колокола».

— Зинаида Матвѣевна, позвольте представить вамъ моего отца, смущенно произнесъ Гороломовъ.

Дѣвица слегка поклонилась, немного покраснѣла и исчезла въ свою комнату.

— Кто эта стриженная женщина? спросилъ удивленный старикъ.

— Мадмуазель Берендѣева, русская, курсистка...

— Какъ же она такъ запросто къ тебѣ входитъ?

Тутъ только отецъ его замѣтилъ громадныя кучи книгъ, разбросанныхъ въ страшномъ безпорядкѣ по комнатѣ, портреты на стѣнахъ и какую-то принадлежность женскаго туалета, висящую рядомъ.

— На что тебѣ столько книгъ?... Кто это?... Кто эта дѣвушка? повторилъ онъ свой вопросъ, останавливая пронзительный взглядъ на смущенномъ и раскраснѣвшемся лицѣ сына.

— Она моя сосѣдка и даетъ мнѣ уроки англійскаго языка...

— Да ужъ скажи прямо, что вы вмѣстѣ живете, сказалъ отецъ, глядя въ полуоткрытую дверь, за которою скрылась курсистка. Затѣмъ онъ прибавилъ, покачавъ грустно головою:

— Теперь я отлично понимаю, отчего ты чуть не ежедневно приставалъ ко мнѣ за деньгами... Мы съ матерью каждый кусокъ считали, лишь бы тебѣ доставить нужное; а ты вотъ какъ бросаешь деньги-то!... Вотъ какъ ты учишься...

— Батюшка, Зинаида Матвѣевна — благородная дѣвица! крикнулъ горячо Гороломовъ.

Отецъ всталъ.

— Прощай, дѣлай какъ знаешь... Полушки больше отъ меня не получишь... Поѣзжай не то что въ Тонкинъ, а хоть въ Индію!

Гороломовъ поблѣднѣлъ и, немного подумавъ, какъ будто принимая какое-то крайнее рѣшеніе, злобно спросилъ:

— Такъ ты мнѣ не будешь уже присылать денегъ?

— Ни гроша! и отецъ направился къ двери.

— Вотъ какъ! Не думай однако, что твой сынъ умретъ съ голоду! воскликнулъ онъ. Схвативъ со стола револьверъ, Панайотъ направилъ его въ грудь и выстрѣлилъ прежде, чѣмъ отецъ успѣлъ обернуться къ нему.

. . . . Когда дымъ разсѣялся, Гороломовъ стоялъ,

отворотившись къ стѣнѣ, неподвижно какъ статуя. Зинаида Матвѣевна взвизгнула отъ испуга въ своей комнатѣ, отецъ кинулся къ нему.

— Сынъ! что ты сдѣлалъ, сынокъ?

И отецъ вырвалъ изъ рукъ его револьверъ.

Пуля пролетѣла у него подъ мышкой и засѣла въ стѣнѣ.

— Здоровъ ли ты? съ смертельнымъ безпокойствомъ въ лицѣ спросилъ отецъ.

— Не нужна мнѣ такая жизнь!

Горячія слезы потекли по щекамъ старика. Онъ обнялъ сына. Родительское его сердце таяло отъ жалости... Черезъ полчаса Панайотъ проводилъ отца до улицы.

Онъ съ хохотомъ кинулся къ курсисткѣ. Она смотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Ты испугалась, Зинаида Матвѣевна? и онъ опять началъ хохотать до упаду. Это былъ святотатственный хохотъ Мольеровскаго Донъ-Жуана за спиной отца.

— Не поняла комедіи? Что же мнѣ оставалось дѣлать? Нужно же было хоть немного напугать этого копѣечника. Бѣдняга, онъ подумалъ, что я въ самомъ дѣлѣ покусился на самоубійство. Но вѣдь люди моего полета умираютъ только за идеалы! А теперь мы зато обезпечены, Зинаида Матвѣевна, будемъ получать по четыреста франковъ въ мѣсяцъ, своевременно и безъ всякихъ писемъ... Въ противномъ случаѣ—револьверъ... и онъ цинически опять захохоталъ.

Дѣвушка укоризненно глядѣла на него.

— Это вовсе не было благородно съ твоей стороны, Панайотъ Петровичъ!

— По дѣломъ ему! По Сенькѣ и шапка!

— Все равно онъ твой отецъ.

— Для меня не существуютъ уже такіе предразсудки, Зинаида Матвѣевна! Для меня все человѣчество равно: нѣтъ ни рода, ни пола, ни возраста... Я удивляюсь, какъ мы сохраняемъ еще нѣкоторыя отжившія воззрѣнія.

— Если не какъ къ отцу, то какъ къ человѣку ты обязанъ относиться къ нему съ уваженіемъ... Онъ вскормилъ и вспоилъ тебя... сказала строго дѣвушка.

— Браво, браво, Зинаида Матвѣевна! Ты мнѣ мораль читаешь!... Merci, не ожидалъ... Ты знаешь мой принципъ: я преклоняюсь только предъ идеей и не признаю никакихъ сантиментальностей... Это не достойно серьознаго ума... Голосъ чувства, да и сама нравственность—вещь условная—должны замолкнуть, когда дѣло касается торжества

нашихъ святыхъ принциповъ. А вѣдь, согласись, своимъ отказомъ поддерживать меня отецъ становился мнѣ поперекъ дороги въ этомъ отношеніи... Я бы не имѣлъ возможности исполнить мою миссію въ Болгаріи, потому что не вполнѣ былъ бы къ ней подготовленъ.

— Да ты, однако, совсѣмъ — безцеремонная тварь, шутливо, съ веселой улыбкой сказала курсистка.

— Мое сердце принадлежитъ только тебѣ, моя Зиночка, нѣжно произнесъ онъ. Ты—неразлучная спутница моей жизни, мой ангелъ-покровитель... А знаешь, ты произвела очень хорошее впечатлѣніе на отца.

— Неужели? быстро и краснѣя, воскликнула дѣвушка.

— Я даже хотѣлъ просить его благословенія, но эти дрянныя деньги помѣшали...

— Ради Бога, ничего не говори... Когда поѣдемъ въ Болгарію, тогда...

— Покоряюсь, Зинаида Матвѣевна!

Гороломовъ лгалъ, и ложь не вызывала ни малѣйшей краски на его лицѣ. Онъ лгалъ съ такою же легкостью, съ какою забывалъ цѣлую вереницу своихъ грязныхъ и низкихъ поступковъ. Для него совѣсти не существовало. Всякія благородныя чувства, свойственныя молодости, были чужды его душѣ. Бѣсъ честолюбія всесильно царилъ въ ней. Его сердце, испорченное въ ранней молодости, не было способно ни къ какому доброму порыву, помимо его суетности. Природа его жестоко наказала, лишивъ его святого чувства любви, способнаго возродить и облагородить духъ. Но самое возмутительное въ немъ было то, что онъ творилъ всякія подлости, съ большою увѣренностію въ своей правотѣ и съ полнымъ сознаніемъ собственнаго достоинства. Онъ былъ способенъ напускать на себя величественное негодованіе оскорбленной невинности послѣдней блудницы и принимать гордый видъ невиннаго мошенника. Эта маска очень шла къ нему, и онъ зналъ ей цѣну.

Зинаида Матвѣевна знала его только по этой маскѣ и восхищалась имъ. Въ ея глазахъ онъ былъ страдалецъ за свободу. Онъ описалъ ей самыми трогательными красками два года своей мученической жизни въ тюрьмѣ... Онъ пламенно говорилъ ей о той великой идеѣ, которой посвятилъ будто бы всю свою жизнь... Глаза его блестѣли огнемъ вдохновенія... Она видѣла въ немъ свой идеалъ и попалась въ его западню, какъ и та первая благородная дѣвушка. Зинаида Матвѣевна согласилась на его предложеніе, и уже около года они жили вмѣстѣ. Она вѣрила его честному слову, что онъ поѣдетъ съ нею въ Болгарію какъ съ законной женой, хотя и безъ вѣнчанія, и что они будутъ издавать тамъ соціалистическій жур-

налъ: «Ураганъ», около котораго сгруппируются всѣ молодыя силы страны. Она была обморочена. Даже сегодняшняя возмутительная комедія съ отцомъ возвышала Гороломова въ ея глазахъ. Тѣ софизмы, которыми Гороломовъ оправдывалъ свою безсердечность, она бы сочла софизмами у всякого другого, но у него они казались ей правдивѣйшимъ выраженіемъ восторженной идеальной души.

— Папаша, говорила она восторженно,—я люблю твои крайности, которыя ставятъ тебя выше уровня толпы. Съ твоими рѣзкими, очаровательными чертами будь ты злодѣй и все-таки ты былъ бы интересенъ, негодный!.. восторженно говорила она, нѣжно трепля его по щекѣ.

— Прежде всего, идеалы, Зинаида Матвѣевна!

— А развѣ у васъ тоже народъ угнетенъ?

— Да, ужасный деспотизмъ...

— А скажи, пожалуйста, у васъ существуетъ ли аграрное движеніе, рабочій вопросъ? спрашивала курсистка.

— Не существуютъ, но ихъ надо вызвать... Народъ нашъ рабъ чокоя (помѣщика), попа, жандарма...

— А что, Панайотъ Петровичъ, когда мы поѣдемъ въ Болгарію, если тебѣ предложатъ службу, ты какъ поступишь? прервала его курсистка.

Гороломовъ посмотрѣлъ на нее съ укоромъ.

— Какъ ты себѣ позволяешь, Зина, задавать подобные вопросы? Могу ли я сдѣлаться паразитомъ своего народа? Я не подлецъ. чтобъ поѣхать въ Болгарію искать службы и наживы! Я возвышу голосъ за права порабощеннаго народа, я разбужу его силу и энергію и произведу новую великую революцію, которая принесетъ ему истинное освобожденіе. Лгутъ вѣдь тѣ, которые говорятъ, что онъ освобожденъ:—онъ рабъ по прежнему и я воскрешу его для новой жизни! То, что вашъ Александръ II сдѣлалъ милльономъ своихъ штыковъ,—Гороломовъ сдѣлаетъ силою свободнаго слова, неотразимымъ обаяніемъ своего «Урагана»!

При этихъ словахъ, въ которыхъ Гороломовъ гордо сопоставилъ свое имя съ именемъ Царя-Освободителя, лицо фантазера отъ высокихъ волненій просвѣтлѣло и онъ сталъ красивѣе и привлекательнѣе для упоенной имъ Зинаиды Матвѣевны. Онъ стоялъ передъ нею, выпрямившись, съ хмурымъ, но величественнымъ взглядомъ, въ его позѣ было что-то напоминающее Наполеона I.

Разразилось 6-е сентября *.

Многимъ это событіе показалось динамитною бомбой, брошенною въ будущее Болгаріи.

Но провозглашеніе болгарскаго соединенія повсюду было принято съ восторгомъ. Гороломовъ же встрѣтилъ его съ ужасомъ. Онъ не предвидѣлъ этой революціи, а она бы сразу могла поднять его очень высоко въ глазахъ свѣта... Онъ съ завистью прочелъ имена тѣхъ людей, которые стали героями этого знаменитаго дня!.. И они даже не извѣстили его!—Подлецы! Монополіей сдѣлали революцію!

Онъ не могъ больше оставаться въ Цюрихѣ. Не изъ любви къ родинѣ, а изъ зависти и честолюбія онъ рѣшилъ ѣхать скорѣе туда, гдѣ событія могли доставить и ему извѣстность. Но... одно обстоятельство удерживало его: страхъ передъ ополченцемъ Недѣлковымъ, отцомъ Марійки. Къ его счастію, газеты приносили ему пріятныя извѣстія. Революція была произведена оппозиціей; бывшая же во власти партія была почти окончательно подавлена и уничтожена. Къ послѣдней принадлежалъ и его отецъ, и Недѣлковъ, да и самъ онъ до отказа редакціи. Итакъ онъ рѣшилъ ѣхать немедленно. Некогда было мѣшкать. Онъ отправилъ свою фотографическую карточку въ какой-то иллюстрированный журналъ, рекомендуясь членомъ филиппопольскаго революціоннаго комитета; потомъ собрался на скорую руку, распростился съ очарованною Зинаидой Матвѣевной и, захвативъ съ собою исторію французской революціи,полетѣлъ въ Болгарію.

Преступленіе закрыло ему доступъ туда, а революція открыла.

Въ Пловдивѣ ** въ первые дни революціи Гороломовъ нашелъ положеніе дѣлъ лучшее, какого только могъ желать—полную анархію. Правительственныя мѣста закрыты, тюрьмы открыты, восторжествовавшая партія—на верху силы и славы, павшая—распята на крестѣ. Не стало «соединителей» и «соединистовъ». ***

Явились побѣдители и побѣжденные. Въ головѣ Гороломова оживала французская революція съ ея героями. По его мнѣнію Пловдивская революція могла очень легко принять характеръ французской и прославиться болгарскими Робеспьерами и Дантонами.

---

* День, въ который Вост. Румелія соединилась съ сѣверной Болгаріей, чтó и вызвало войну съ Сербіей 1885 года.

** Пловдивъ — офиціальное болгарское названіе Филиппополя, въ противность турецкому и греческому названію—Филибé. *Перев.*

*** «Соединистами» называлась партія, бывшая во власти въ моментъ соединенія Восточной Румеліи съ сѣв. Болгаріей. Она тоже мечтала объ осуществленіи этого соединенія, но только инымъ путемъ: «соединители» ее предупредили. *Перев.*

Гороломовъ присталъ къ разношерстной «патріотической» толпѣ, реорганизовалъ ее и назвалъ «якобинскимъ легіономъ». Этотъ легіонъ состоялъ изъ героевъ кабаковъ и тюремъ, колодниковъ, бродягъ и праздношатающейся братіи, Богъ вѣсть откуда явившихся, словомъ подонковъ общества. Тутъ были и выгнанные гимназисты, и бездѣльники по профессіи. Но было и нѣсколько идеалистовъ. Вся эта пестрая толпа превратилась въ спасителей отечества, одѣлась въ красныя рубахи, привѣсила шашки и нахлобучила огромныя шапки съ красной тульей и жирнымъ львомъ спереди. * Были и такіе, которые напялили на себя какіе-то театральные костюмы, а другіе для отличія вооружились «сопами». ** Самъ же Гороломовъ, предводитель этого легіона, отличался большимъ бѣлымъ перомъ, надѣтымъ на его высокой барашковой папахѣ.

«Якобинскій легіонъ» въ подражаніе французскимъ якобинцамъ поставилъ цѣлью своихъ дѣйствій не защиту родины отъ внѣшнихъ непріятелей, а истребленіе внутреннихъ враговъ; за отсутствіемъ же таковыхъ мѣсто роялистовъ и жирондистовъ заняла павшая партія, хотя она приняла соединеніе безпрекословно. Клубомъ «якобинскаго легіона» стала македонская крычма «Марково-Колѣно» близъ городского сада. Тамъ происходили шумныя совѣщанія «якобинцевъ», произносились пламенныя рѣчи противъ «предателей». «Марково-Колѣно» сдѣлалось въ нѣкоторомъ родѣ «Comité de salut publique», гдѣ рѣшали, чью лавку въ предстоящую ночь разнести, а кому и кости поломать. Разумѣется первое наказаніе соотвѣтствовало конфискаціи французской революціи или, пожалуй, являлось примѣненіемъ коммунизма, а второе—гильотинѣ.

Существованіе «якобинскаго легіона»—историческій фактъ, какъ и нижеслѣдующія событія. Но исторія не напишетъ ни слова о нихъ на своихъ скрыжаляхъ, какъ не записываетъ она ни діаріевъ, появляющихся въ арміи на походѣ, ни вороновъ, слетающихся на трупы полей битвъ. Въ революціи, подобной филиппопольской, такія явленія какъ «якобинскій легіонъ»—вполнѣ естественны. Революціи похожи на море, выбрасывающее на берегъ и жемчужины, и гнилые остатки разбитыхъ кораблей, и со дна тину... Онѣ выводятъ на свѣтъ и на воду всякое нравственное безобразіе, скрывающееся въ обществѣ. Всякій нравственный банкротъ укрывается подъ сѣнью какого-нибудь благороднаго знамени, подъ которымъ стоитъ и честный человѣкъ, и становится равенъ ему... Отчаянный злодѣй, позорно

---

* Коронованный левъ—болгарскій государственный гербъ.

** Сопа—дубинка, палка, откуда и беретъ начало теперешняя команда «сопаджіевъ», т. е. палочниковъ. *Перев.*

заклейменный рукою закона, предпріимчивый шарлатанъ, отъ котораго съ презрѣніемъ отвернулось общество, надѣваетъ на себя тогу какого-нибудь національнаго идеала, смѣло и нахально выступаетъ впередъ, безцеремонно становится на чужія плечи, карабкается все выше всѣхъ и ставитъ ногу на высшую ступень общественной лѣстницы, среди безумныхъ рукоплесканій толпы, всегда склонной поклоняться кумирамъ, сдѣланнымъ изъ грязи, въ которой сама она валяется. Въ такихъ мрачныхъ переворотахъ, въ которыхъ гибнутъ цѣлыя общества, разрушаются государства, на первый планъ выдвигаются тѣ, кому нечего терять, и завладѣваютъ имъ; употребивъ самые грязные способы, они быстро овладѣваютъ поприщемъ власти. Такимъ образомъ быстро составляются крупныя состоянія и появляются тѣ громкія имена, которыхъ сегодняшній день вѣнчаетъ лаврами, завтрашній—встрѣчаетъ пинками, а слѣдующій предаетъ полному забвенію... Исторія полна подобныхъ нравственныхъ уроковъ.

Однажды, вечеромъ, въ послѣднихъ числахъ сентября «якобинцы» держали весьма важное засѣданіе въ «Марковомъ-Колѣнѣ». Шинокъ, тускло освѣщавшійся грязной лампой, биткомъ набитъ народомъ. Лица присутствовавшихъ съ трудомъ можно было разглядѣть въ удушливой атмосферѣ, пропитанной табачнымъ дымомъ, винными парами и подобными ароматами. По лавкамъ, у стѣнъ, вплотную сидѣли красныя рубахи; между ними можно было замѣтить нѣсколько поселянъ въ народномъ костюмѣ при оружіи. Картину пестрой толпы дополняли двѣ сильно сжатыя въ кучкѣ мужчинъ дѣвушки, изъ которыхъ одна деревенская, и молодой священникъ, съ шашкой на бѣломъ ремнѣ черезъ плечо и съ полнымъ патронташемъ на поясѣ. Въ глубинѣ, близъ прилавка, Гороломовъ въ позѣ Дантона, безъ шапки, растегнутый, говорилъ какую-то рѣчь. Онъ часто посматривалъ направо въ сторону печки, около которой стояли отдѣльно два иностранца, поляки, корреспонденты европейскихъ газетъ. Повидимому одинъ изъ нихъ писалъ для иллюстраціи, потому что онъ на скорую руку рисовалъ въ своемъ портфелѣ воодушевленную фигуру оратора. Такъ какъ Гороломовъ попалъ въ свою стихію, то онъ въ короткое время сталъ знаменитостью: его имя внушало ужасъ!

Гороломовъ окончилъ свою рѣчь и сѣлъ. Это было сигналомъ ужасной суматохи и дикаго гомона, поднятаго собравшейся толпой человѣкъ въ триста. Рѣчь Гороломова, какъ видно, подлила масла въ патріотическій огонь... Дѣвушки вскочили на диванъ, спасаясь отъ давки.

— Согласны! Урра! Долой! Браво! загремѣли кругомъ.

— Позвольте мнѣ говорить! Прошу слова! Хочу говорить! орали другіе.

— Нѣтъ! Я же требую слова, дуракъ ты этакій, куда лѣзешь? заревѣлъ молодой попъ, махая обнаженной шашкой надъ головами толпы. Эти внушительныя движенія обратили общее вниманіе на него.

— Почтенные мои! Я вижу здѣсь скандалъ! Кто стерпитъ его? И онъ указалъ на два висящихъ на стѣнѣ портрета коронованныхъ особъ.

— Долой варваровъ! заорало нѣсколько голосовъ.

— Изорвемъ въ куски!

— Нѣтъ! бросай въ огонь! Пусть будетъ ауто-да-фе! кричалъ гимназистъ.

Гороломовъ надѣлъ шапку и всталъ.

— Граждане! Я надѣлъ шапку, потому что буду говорить о коронованныхъ особахъ, чтобы кто не подумалъ, что я имъ дѣлаю честь. Граждане! Я врагъ монарховъ и тирановъ! Монархи—враги человѣчества, а потому все человѣчество противъ нихъ! «Тамъ, гдѣ падаютъ короны, подымаются народы», сказалъ великій Дантонъ. Очень жаль, что французская революція отрубила голову только одному Людовику XVI, а не уничтожила всѣхъ европейскихъ тирановъ! Долой коронованныхъ!

Шумныя рукоплесканія. Въ мигъ одинъ портретъ былъ поворочевъ внизъ головою, затѣмъ изорванъ въ мелкіе куски, съ другимъ ограничились тѣмъ, что выкололи глаза.

Лишь только окончилась эта экзекуція, какъ гимназистъ предложилъ другую — уничтожить штамбу, * висѣвшую въ углу, но тутъ хозяинъ вступился за свою святыню. Гороломовъ взмахнулъ рукой и точно жезломъ водворилъ молчаніе.

— Граждане! нѣтъ нужды рвать штамбу и этимъ оскорблять почтеннаго нашего хозяина ея. Ихній Христосъ давно изгнанъ изъ нашей души. Мы не поклоняемся богамъ, которымъ кланяются цари и эта сволочь... Наше божество иное...

— Да, да! Я признаю только Господа Саваоѳа! воскликнулъ попъ.

— Молчи, болванъ, ты ничего не понимаешь! замѣтилъ ему кто-то.

— Граждане, продолжалъ Гороломовъ, великая французская революція ниспровергла алтари и идоловъ, а на ихъ мѣсто Робеспьеръ

---

* Штамбой въ Болгаріи называется большая картина, или икона, на которой изображена земная жизнь Іисуса Христа, Его проповѣди народу, адъ и событія изъ жизни святыхъ. Эти иконы приготовляются въ Іерусалимѣ, и каждый хаджія — богомолецъ, побывавъ въ Святыхъ Мѣстахъ, считаетъ долгомъ привезти съ собою на родину штамбу. *Перев.*

посадилъ прекрасную женщину, которая представляла собою богиню разума, и первый поклонился ей... Нашъ богъ—свобода! Я поклоняюсь ей въ лицѣ этой славной героини...

И, оставивъ шапку на прилавкѣ, Гороломовъ подошелъ къ дѣвушкѣ въ лиловомъ платьѣ и опустился передъ нею на колѣна.

Дѣвица оставалась все время неподвижной и нагло спокойной. Она была упоена своей исторической ролью и нисколько не удивлялась тому, что ей отдаютъ божескую честь. Гороломовъ всталъ. Всѣ пришли въ сильное возбужденіе и стали громко рукоплескать, хотя большинство не понимало значенія этой церемоніи.

Но въ этотъ моментъ звонко раздался особенный какой-то звукъ, весьма похожій на ударъ пощечины. Высокая шапка попа полетѣла съ головы на полъ. Онъ стоялъ смущенный. Другая дѣвушка, крестьянка, съ раскраснѣвшимся лицомъ, грозно смотрѣла на него.

Гороломовъ какъ будто понялъ причину негодованія деревенской дѣвушки и обратился къ ней:

— Гражданка! негодованіе твое справедливо; его священство долженъ былъ самъ снять камилавку, когда воздавали честь богинѣ свободы.

Но эта «гражданка» не поняла смысла Гороломовыхъ словъ и подумала, что онъ ее журитъ, а потому поспѣшила объяснить, что на такой поступокъ она была вызвана неприличнымъ дѣйствіемъ попа, который злоупотребилъ близостью съ нею.

Всеобщій, громкій хохотъ оглушилъ «Марково-Колѣно». Посыпались острыя шутки на счетъ растерявшагося попа и похвалы храброй «гражданкѣ».

— Граждане! довольно смѣху, отечество въ опасности! заоралъ Гороломовъ. Онъ что-то еще хотѣлъ добавить, но въ это время подошелъ къ нему жандармъ и, держа руку подъ козырекъ, доложилъ ему о чемъ-то. Гороломовъ, слушая, радостно улыбался и лицо его просіяло. Затѣмъ онъ сказалъ солдату что-то шепотомъ.

— Слушаю-съ! отвѣтилъ жандармъ и вышелъ.

Новый шумъ привлекъ общее вниманіе.

Два якобинца уже держали другъ друга за горло и ругались такими площадными словами, какихъ ни въ одномъ словарѣ въ мірѣ не сыщешь. Гороломовъ кинулся впередъ и повелительно рознялъ ихъ. Они оба держали какую-то золотую цѣпочку.

— Аннибалъ у воротъ, а вы поднимаете междоусобіе! Чья эта вещь? спросилъ онъ, вырывая цѣпочку у нихъ изъ рукъ.

— Моя — я снялъ ее у одной «черной души»... *

* Черная душа, или иначе, рубладжіи, предатели—оппозиція и до сихъ поръ носитъ это прозвище. *Перев.*

— Нѣтъ, врешь, подлецъ, это я ее снялъ, перебилъ его другой.

— Ты врешь, какъ цыганъ, а не я! отвѣчалъ ему первый.

— Ну, хорошю, Лѣпавчевъ! Ты отнялъ цѣпочку, а зачѣмъ же часы оставилъ? спросилъ Гороломовъ.

Лѣпавчевъ сконфузился и что-то пробормоталъ.

— Ты не оказался на своей высотѣ... И эта цѣпочка никому не будетъ принадлежать. Она пойдетъ на образованіе капитала нашей коммуны.

— Какой такой коммуны? послышалось нѣсколько голосовъ. — мы чуть съ голоду не помираемъ, а тутъ еще...

— Кто же вамъ, дуракамъ, велитъ голодать? Развѣ мало кухмистерскихъ и трактировъ?

— Сначала намъ, вѣрно, давали, а теперь и знать насъ не хотятъ, просто гонятъ.

— Какъ они смѣютъ гнать патріотовъ? Если они такъ не отпускаютъ, такъ вы имъ давайте росписки.

— Никакихъ квитанцій и росписокъ они не принимаютъ!

— Городской Совѣтъ не признаетъ нашихъ росписокъ.

— Какъ? Городской Совѣтъ обязанъ выдавать средства на пропитаніе патріотовъ. Если только онъ посмѣетъ упрямиться, даю слово, соберу весь народъ и разрушу его до основанія, какъ Бастилію!

— Да! да! Такъ имъ слѣдуетъ!

— А если какой нибудь шинкарь или трактирщикъ, осмѣлится въ будущемъ не принимать вашихъ квитанцій, то онъ, значитъ, — предатель, шпіонъ, дуйте его, пока не околѣетъ. Пусть идетъ жаловаться хоть къ самому черту, да вѣдь и тотъ теперь съ нами!

— Это правда! Истинная правда! послышались голоса. Какъ же такъ? Одни будутъ жертвовать жизнью за отечество, а другіе — жирѣть на народный счетъ! Долой ихъ!

— Купцы — воры, мошенники!

— Отнять у нихъ имущество и раздать прочимъ, чтобы было что-нибудь у всякаго!

— Ужели вамъ, дуракамъ, я каждый день долженъ повторять это, съ барабаннымъ боемъ объявлять, что-ли?

— Къ дьяволу обскурантовъ, долой ихъ!

— Да здравствуютъ обездоленные!

И всѣ разомъ запѣли «молитву Ботева». * Когда дошли до ку-

* Эта пѣсня, называемая «молитвой» Ботева, содержитъ отрицаніе Бога и поклоненіе разуму.

плета: «Не ты, которому молятся патріархи и монахи...» запрещенный попъ бросилъ свою камилавку на земь и сказалъ, что не признаетъ уже и Саваоѳа. Далеко разносились пьяные и дикіе голоса якобинцевъ. Горяломовъ потребовалъ вина. Застучали стаканы. Начались здравицы. Крики, смѣхъ и ругань сливались въ общій гамъ. Наступила «патріотическая оргія»... Вдругъ, толпа случайно на минуту приумолкла и въ шинокъ проникли гармоническіе звуки военной музыки. Звуки неслись съ противоположнаго конца сада, изъ зданія Городского Совѣта, гдѣ въ этотъ вечеръ давался балъ, въ честь князя Александра Баттенберга.

— Пошлемъ депутацію отъ народа къ его высочеству, сказалъ кто-то.

— Урра! согласилась толпа.

Предложеніе сейчасъ же было принято единогласно. Горяломовъ былъ выбранъ въ депутаты и на рукахъ вынесенъ изъ шинка, какъ побѣдитель. Къ нему присоединили еще двухъ якобинцевъ. Депутація оставила компанію и направилась къ городской Думѣ. Дорóгой Горяломовъ сочинялъ рѣчь, которую ему предстояло сказать. Пройдя шаговъ двѣсти, они замѣтили человѣка въ красной рубахѣ, который держалъ рѣчь, сильно размахивая руками.

— Это Кардашевъ, замѣтилъ одинъ изъ депутатовъ, собралъ митингъ въ саду... Ораторскій зудъ у него никогда не проходитъ.

Въ саду было темно и безмолвно. Только у самого буфета горѣлъ на столбѣ фонарь. Съ этимъ фонаремъ ораторъ и велъ бесѣду за недостаткомъ какой бы то ни было публики. Одинъ только грекъ-буфетчикъ, остановясь въ дверяхъ заведенія, съ лукавою улыбкой посматривалъ на оратора.

— Эй, товарищъ, Богъ въ помощь! Что же никто не рукоплещетъ тебѣ? крикнулъ Лѣпавчевъ, одинъ изъ депутатовъ. Кардашевъ знáкомъ приказалъ ему замолчать и продолжалъ свою бесѣду съ фонаремъ. Въ это время изъ буфета направились два якобинца съ шампанскимъ и бордо. Бывшій въ депутаціи попъ при видѣ вина не выдержалъ и сказалъ: «Эй, вы, дьяволы нечестивые, дайте и попу, чтобы онъ благословилъ соединеніе». Затѣмъ, вдоволь посмѣявшись надъ ораторомъ, депутація пошла далѣе, затянувъ новую патріотическую пѣсню:

Мы же летимъ въ Румелію,
Чтобъ ей помощь дать
И отъ тяжкой тираніи
Бѣдну оторвать.

———

При входѣ въ Думу караульные почтительно посторонились передъ красными рубахами. Въ бальномъ, ярко освѣщенномъ залѣ дамы и кавалеры танцовали вальсъ. Гороломовъ быстрымъ взглядомъ окинулъ залу, ища князя.

— Здравствуй, Гороломовъ, окликнулъ его офицеръ въ блестящемъ мундирѣ и дружески пожалъ ему руку. Кого ты ищешь?

— Его высочество, я съ депутаціей.

Офицеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на депутатовъ, которые имѣли крайне неприличный видъ. На рубахѣ Гороломова были замѣтны слѣды вина, которое капало у него и съ бороды. Его высокая, грязная папаха была помята и надѣта криво, такъ что левъ приходился надъ самымъ его ухомъ. Бѣлое перо его нахально торчало, касаясь люстры. Попъ и Лѣпавчевъ были не лучше его. Отъ депутатовъ несло водкой, какъ отъ горькихъ пьяницъ. Водка заражала воздухъ въ бальномъ залѣ, заглушая тонкій запахъ дамскихъ духовъ. Не успѣлъ офицеръ замѣтить имъ на счетъ костюма и прочаго, какъ его потребовали по какому-то дѣлу. Тогда Гороломовъ направился съ товарищами въ буфетную комнату, гдѣ, какъ ему сказали, находился князь. Они вломились туда въ папахахъ и со своимъ кабацкимъ запахомъ.

Князь зашелъ въ буфетную освѣжиться бокаломъ шампанскаго. Онъ былъ очень оживленъ и веселъ. Его высокая фигура гордо выдѣлялась между блестящими мундирами. Увидя Гороломова, онъ съ отвращеніемъ отвернулся въ сторону и спросилъ шепотомъ адъютанта:

— Qui me l'a fait entrer, cette canaille-lá? Но въ немъ возмутился только аристократъ, а не правитель. Онъ быстро преодолѣлъ свое отвращеніе, принялъ любезный видъ и крѣпко пожалъ руку Гороломову.

Гороломовъ снялъ папаху и произнесъ горячую рѣчь, начинающуюся словами, бывшими тогда въ модѣ: «Аннибалъ у воротъ»... (въ подражаніе французской революціи); рѣчь оканчивалась пародіей на припѣвъ: «Маршъ» изъ «Шуми Марица»: Маршъ-маршъ—Царьградъ нашъ!

Князь Александръ, какъ неглупый человѣкъ, только засмѣялся себѣ въ усъ, можетъ быть потому, что по роковой необходимости, вмѣсто того чтобы распространить болгарскую границу до Царьграда, онъ расчитывалъ приблизить турецкую къ Пловдиву.

Ночь была звѣздная и тихая. Улицы совершенно пусты. Торжествующія пьяныя толпы разошлись. Изрѣдка доносились веселые отдаленные звуки бальной музыки. Гороломовъ исчезъ въ темнотѣ

ночной. Спустя нѣкоторое время, онъ постучался въ ворота какого-то дома. Это былъ третій полицейскій участокъ, котораго пловдивчане никогда не забудутъ.

— Ну что, бережете его? спросилъ онъ какую-то темную фигуру, отворившую ему ворота.

— Онъ въ отдѣльномъ карцерѣ, отвѣтила темная фигура.

— А тѣ «предатели»?

— Да и ихъ сюда доставили.

Эти «предатели» были члены редакціи, отказавшейся когда-то напечатать его романъ.

Гороломовъ вошелъ въ одно изъ тюремныхъ отдѣленій. Ночникъ тускло освѣщалъ фигуру привязаннаго къ столбу человѣка. Это былъ ополченецъ Недѣлковъ.

Гороломовъ невольно вздрогнулъ, какъ бы потерявъ храбрость передъ страшнымъ своимъ обличителемъ. Онъ дѣйствительно боялся ополченца. Съ пріѣзда въ Филиппополь Гороломовъ постоянно ходилъ вооруженный, въ сопровожденіи нѣсколькихъ членовъ «Маркова-Колѣна»; несмотря на увеличивающуюся популярность, ему не давалъ покоя мстительный образъ Недѣлкова и смущалъ его торжество. Сегодня онъ велѣлъ полиціи арестовать его подъ какимъ-бы то ни было предлогомъ.

Увидѣвъ и узнавъ Гороломова, онъ не могъ сдержать своего гнѣва:

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда, проклятый сынъ!

Гороломовъ почти оправился. Онъ остановился въ почтительномъ разстояніи отъ арестанта и сказалъ:

— Недѣлковъ! давай помиримся, забудемъ все прошлое.

— Съ тобою мириться? Такъ ты для этого привлекъ меня и бросилъ сюда? Голосъ его дрожалъ.

— Опомнись, братецъ, что ты говоришь! Ты отлично знаешь, кто теперь Гороломовъ. И этотъ Гороломовъ проситъ у тебя прощенія, а ты отказываешь ему! И онъ сталъ подходить къ арестанту.

— Не подходи, мерзавецъ, прочь съ глазъ моихъ.

— Смотри, я сейчасъ освобожу тебя, но съ однимъ условіемъ: дай мнѣ сейчасъ удостовѣреніе въ томъ, что не имѣешь никакихъ претензій и жалобъ на меня по дѣлу Марійки. Я бы женился на ней, но, самъ видишь, революція связала мнѣ руки. Я уже не принадлежу самому себѣ... А теперь давай поцѣлуемся по-братски.

Въ отвѣтъ на это Недѣлковъ плюнулъ ему въ лицо.

Гороломовъ молча обтерся и выбѣжалъ изъ камеры.

На дворѣ стояло четверо мужчинъ съ намазанными сажей лицами, въ длинныхъ, на подобіе поповскихъ, кафтанахъ. Они держали въ рукахъ большія сопы (палки).

— Ну что? Сознался этотъ предатель? тихо спросили якобинцы.

— Нѣтъ, продолжаетъ ругать его высочество...

— А на счетъ рублей?

— Онъ и меня пытался подкупить ими, чтобы я его выпустилъ... Ну, входите, отдалъ имъ приказъ Гороломовъ; а послѣ ступайте опять къ тѣмъ... И понизивъ голосъ, онъ прибавилъ:—да больше въ грудь наровите, понимаете?...

Дойдя до воротъ, онъ сталъ прислушиваться. Вскорѣ раздался какой-то подавленный, человѣческій ревъ... Тогда Гороломовъ направился домой. На дворѣ стояла темная ночь; до его слуха долетѣли послѣдніе звуки изъ шинка «Марково-Колѣно»: «Мы уже летимъ въ Румелію».

Но прежде чѣмъ лечь въ постель, онъ написалъ и послалъ слѣдующую телеграмму въ одну европейскую газету:

«Сегодня князь принялъ весьма любезно народную депутацію, во главѣ которой находился знаменитый революціонеръ Гороломовъ. Князь обмѣнялся съ нимъ политическими тостами. Всеобщее воодушевленіе. Въ странѣ полное спокойствіе».

Депеши Гороломова телеграфъ принималъ безплатно.

На слѣдующій день, утромъ, на зарѣ, когда городъ еще спалъ, тюремная телѣга выѣхала изъ воротъ третьяго участка и направилась къ кладбищу. Въ ней лежало тѣло; оно еще дышало. Это былъ ополченецъ Недѣлковъ.

Гороломовъ вздохнулъ свободно.

Сербская война была уже объявлена. Безумная и проклятая война!

Гроза неожиданно разразилась на другомъ концѣ Болгаріи. Сербская война явилась громоотводомъ для Румеліи и въ частности для Пловдива: изъ него вызвали легіонъ. Онъ долженъ былъ, хотя бы для виду, показать свою храбрость въ борьбѣ не только съ безоружными гражданами, но и съ внѣшнимъ врагомъ. Вотъ тутъ-то единодушіе якобинцевъ не устояло; легіонъ разсыпался: одни зачислились въ войсковые писаря; другіе составили добровольческую дружину, которая очень шумно и торжественно выступила изъ Пловдива, но по дорогѣ къ Сливницѣ совсѣмъ улетучилась; большинство же осталось въ Софіи, въ качествѣ политикановъ и сплетниковъ. Гороломовъ записался добровольцемъ въ одинъ летучій кавалерійскій отрядъ, гдѣ оказалось нѣсколько его товарищей по гимназіи. Между ними былъ и Спасовъ, занимавшій уже должность учителя. Летучій отрядъ этотъ находился на сербской границѣ, гдѣ-то близь рѣки Тимока. Назначеніемъ его было безпрерывно безпокоить Лѣшанина

и отвлекать часть его силъ; но серьезной встрѣчи съ непріятелемъ этотъ отрядъ еще не имѣлъ.

Произведенный уже въ офицеры въ награду за политическія услуги, Гороломовъ роптал на судьбу:

— Положительно намъ не везетъ! Война почти кончается и мы будемъ принуждены позорно разбрестись по домамъ, не обмѣнявшись хотя бы одной пулей съ сербами... Всего же досаднѣе это мнѣ, который очертя голову примчался сюда изъ Цюриха... Развѣ это война? Чистѣйшій скандалъ!

— Скандалъ состоитъ не въ этомъ, Гороломовъ,—замѣтилъ ему Спасовъ, поравнявшись съ его лошадью,—а въ самомъ фактѣ войны между двумя братскими народами. Вотъ о чемъ я жалѣю.

Гороломовъ надменно-презрительно посмотрѣлъ на него.

— Эти евангельскія разсужденія нѣсколько отзываются трусостью, улыбаясь замѣтилъ онъ.

— Это вовсе не трусость: какъ человѣкъ, я скорблю о безполезномъ кровопролитіи, но какъ вѣрный сынъ своего отечества, я обязанъ исполнить долгъ патріота въ защитѣ родины. Еслибы сербы добровольно ушли съ нашей земли, я былъ бы весьма радъ тому, что они не дали мнѣ случая опорожнить ни одного патрона; но если я встрѣчусь съ ними, то буду бить ихъ, какъ моихъ враговъ.

— Это однѣ фразы... Скажи лучше правду: не хочется умирать, тогда и поймемъ другъ друга, сказалъ Гороломовъ.

Спасовъ обидѣлся.—Будь это такъ, я не шелъ бы теперь съ тобою рядомъ, Гороломовъ... Впрочемъ, и я могу вѣдь сказать, что твоя воинственность довольно...

— Ну, пожалуйста, безъ обидчивости... дѣла сами покажутъ... Ты не знаешь еще видно меня и моего характера... Я говорю à la guerre comme à la guerre... Кто идетъ на войну и думаетъ о мирѣ, тотъ не солдатъ. Я жажду крови. Жужжаніе и свистъ пуль для меня сладостнѣе музыки Бетховена...

Къ вечеру отрядъ прибылъ къ подошвѣ одного скалистаго холма. Мѣсто было дикое,—кругомъ пустошь. Притомъ не было и никакихъ признаковъ близости непріятеля.

— Ну развѣ это война? Прогулка да и только! Скандалъ! громко охвалялся Гороломовъ.

Начальникъ летучаго отряда отдалъ приказъ переночевать въ той мѣстности, въ ближнемъ запустѣломъ постояломъ дворѣ или ханѣ. Разсѣдлали лошадей, привязали ихъ, поставили сторожевые посты и собрались отдыхать въ ханѣ.

Гороломовъ имѣлъ видъ отчаяннаго храбреца: его жажда борь-

бы и опасностей невольно внушала къ нему уваженіе товарищей и ободряла ихъ.

Вдругъ прискакалъ начальникъ отряда, который разставлялъ посты и осматривалъ мѣстность, и объявилъ, что по полученнымъ отъ поселянъ свѣдѣніямъ, небольшой пѣшій сербскій отрядъ вступилъ для ночлега въ ближайшее село, по ту сторону холма.

— Братцы, продолжалъ онъ, вотъ вамъ случай докаать свою храбрость... отдохнемъ тутъ до полночи, а тамъ и нагрянемъ на село.

Кавалеристы заволновались и словно ожили. Одинъ Гороломовъ поблѣднѣлъ и зашатался, какъ ошеломленный. Извѣстіе о близкомъ сраженіи чрезвычайно смутило его. Онъ отыскалъ начальника и подошелъ къ нему.

— Ну что, Гороломовъ? фамильярно спросилъ его начальникъ, человѣкъ энергичный, но благоволившій къ нему.

— Господинъ Радиновъ, вы серьезно рѣшили аттаковать ночью деревню?

— Неужто не слышалъ, голубчикъ? А ты сдѣлалъ свои распоряженія?

— Но вѣдь это очень опасно для отряда...

Капитанъ безпокойно посмотрѣлъ на него.

— Господинъ Радиновъ, отрядъ вашъ состоитъ большею частію изъ гимназистовъ и то добровольцевъ... Я думаю, мы не должны такъ рисковать ими.

— Да что ты мнѣ напѣваешь, Гороломовъ?

— Они вѣдь не простые солдаты...

— А у простыхъ солдатъ развѣ по двѣ души?

— Но это интеллигенція Болгаріи!

— Тѣмъ лучше! Интеллигенція будетъ сражаться съ бо̀льшимъ энтузіазмомъ. Для этого мы и пришли сюда.

— Но интеллигенція... началъ Гороломовъ упорнѣе.

— Г. поручикъ! Здѣсь не мѣсто разсуждать, а надо исполнять приказанія. Интеллигенція, да интеллигенція!.. Да это еще вопросъ, дѣйствительно ли вы составляете интеллигенцію Болгаріи! Въ рядахъ нашей арміи есть еще тысячи интеллигентныхъ людей, къ которымъ нужно прибавить и около сотни офицеровъ съ высшимъ образованіемъ. Всѣ они идутъ въ бой безъ ропота. Стыдно, сударь, стыдно! Одинъ позоръ!

— Радиновъ! подумай, какую тяжелую отвѣтственность берешь на себя!.. угрожающе произнесъ Гороломовъ.

— Г. поручикъ! Я приказываю вамъ исполнять ваши обязанно-

сти или прикажу разстрѣлять васъ, если будете деморализировать солдатъ! крикнулъ офицеръ и удалился.

Гороломовъ остался какъ вкопаный.

Передъ разсвѣтомъ отрядъ въ глубокой тишинѣ выступилъ съ бивуака. Безъ шуму онъ проѣхалъ уже ущелье, обогнулъ съ запада холмъ и выѣхалъ на равнину, пересѣченную рытвинами и оврагами... На востокѣ чуть занималась заря, но земля еще покоилась въ густомъ мракѣ. Всадники двигались какъ тѣни, въ глубокомъ молчаніи. Лишь конскій топотъ по размокшей грязи чуть слышно нарушалъ окружавшую тишину.

Намѣченная для нападенія деревня была уже очень близко. Начинало свѣтать. Туманъ быстро рѣдѣлъ. Сердце замирало у Гороломова. Еще нѣсколько минутъ, думалъ онъ себѣ, и я свалюсь съ коня, пораженный непріятельской пулей... Каждый шагъ впередъ казался ему шагомъ къ явной смерти... Онъ чувствовалъ, что лицо его мертвецки-блѣдно, что онъ скоро совсѣмъ перестанетъ владѣть собою и что врядъ-ли сумѣетъ скрыть свой страхъ, а еще того хуже—врядъ-ли сможетъ спасти себя!.. Бѣжать уже было почти невозможно. Каждая минута была для него дорогá и невозвратна. Отрядъ уже вступалъ въ новое ущелье, за которымъ лежалъ объектъ нападенія. Ущелье было еще покрыто густымъ туманомъ. Гороломовъ больше не думалъ: онъ остановилъ коня, выждалъ пока отрядъ не скрылся за холмомъ и во весь духъ пустился обратно по ущелью. Онъ дезертировалъ!

Гороломовъ походилъ на человѣка, который движется куда-то во снѣ, ничего не видя и не сознавая. Въ такомъ состояніи скакалъ онъ долго, не зная куда и зачѣмъ. Небо постепенно прояснялось; верхушки кустарниковъ и молодыхъ деревьевъ по скатамъ холмовъ становились все виднѣе. Гороломову казалось, что онъ падаетъ въ бездну: онъ удалялся отъ товарищей, не зная, что встрѣтитъ впереди. Наступало утро. Передъ бѣглецомъ чернѣла гора. Онъ направился къ ней. Скрывшись наконецъ въ гущѣ кустарниковъ, онъ вздохнулъ свободнѣе, слѣзъ съ коня, привязалъ его, сѣлъ и началъ думать о своемъ будущемъ, которое представлялось ему въ черныхъ краскахъ. Какъ онъ сожалѣлъ о «Марковомъ-Колѣнѣ»!.. Но оно далеко, очень далеко!.. Тутъ только онъ понялъ, какъ глупо поступилъ, рискуя жизнью... Отдаленные ружейные залпы послышались въ воздухѣ... Вѣроятно отрядъ нападалъ. Завязывался бой. Гороломовъ еле дышалъ. Перестрѣлка то усиливалась, то ослабѣвала. Такъ тянулось около получаса и наконецъ все стихло. На душѣ у него отлегло

Онъ чувствовалъ сладость безопасности отъ предстоявшаго боя Никакое другое чувство не волновало его въ это время. Свѣтъ скоро разлился между кустарниками горы. Гороломовъ безпокойно озирался. Но вездѣ было тихо. Онъ пронолзъ впередъ, оглядываясь по сторонамъ между стволами безлистыхъ деревьевъ и замѣтилъ, что внизу начинается равнина, въ концѣ которой виднѣлись очертанія деревни. Онъ долго не могъ додуматься, на что теперь рѣшиться. Оставаться въ этой глуши было немыслимо:—не сегодня, такъ завтра нужно же ее покинуть! Къ тому же и голодъ—не тетка: сталъ очень заявлять о себѣ. Направиться къ болгарской границѣ было рисковано. Хорошо, если благополучно доберешься до Болгаріи. Тамъ, онъ вѣрилъ, все для него пройдетъ безнаказанно, но что, если по пути встрѣтиться съ какимъ нибудь сербскимъ отрядомъ?! А это было всего вѣроятнѣе! Онъ зналъ, что если попадется въ руки сербамъ, то его навѣрное разстрѣляютъ, какъ шпіона, ибо они не признавали нашихъ добровольцевъ настоящими солдатами. Но вдругъ его лицо просіяло: ему пришла мысль добровольно сдаться сербскому начальнику виднѣвшейся деревни. Въ качествѣ военноплѣннаго онъ могъ спасти не только жизнь, но и честь передъ Болгаріей. Онъ ужъ сумѣетъ объяснить, какъ среди боя попалъ въ плѣнъ. Поспѣшно онъ посрывалъ съ себя всѣ внѣшнія примѣты кавалериста-добровольца, бросилъ оружіе и, перекрестившись (онъ теперь вѣрилъ въ Бога), вылѣзъ изъ своей засады. Равнина была безлюдна. Онъ смѣло направился къ деревнѣ, держа въ рукѣ бѣлый платокъ.

Война прекратилась Пиротскимъ перемиріемъ.

Побѣдоносное наше войско возвращалось въ разукрашенную столицу съ пѣснями и ликованіями.

Но воинственнѣе всѣхъ былъ капитанъ Гороломовъ. Когда онъ проѣхалъ на парадѣ мимо дворца на ворономъ конѣ, въ блестящемъ мундирѣ, украшенномъ орденами и золотыми эполетами, съ надменнымъ лицомъ и гордой улыбкой тріумфатора, всѣ взгляды были устремлены на него. Князь благосклонно кивнулъ ему головой.

А что же случилось съ бѣглецомъ? Вотъ что:

Когда онъ вошелъ въ сербскую деревню «Живановацъ», съ высокоподнятымъ бѣлымъ платкомъ, то засталъ тамъ сильное смятеніе: слухъ о приближеніи какого-то болгарскаго отряда вызвалъ въ деревнѣ панику. Подъ вліяніемъ ея три сербскіе солдата, вышедшіе изъ шинка, сдались Гороломову съ своими ружьями, думая, что непріятель уже въ деревнѣ. У Гороломова душа было въ пятки ушла! Но вскорѣ онъ понялъ въ чемъ дѣло... Быстро прискакавъ къ своему

отряду, онъ извѣстилъ, что самъ захватилъ деревню, съ солдатами и оружіемъ. Вскорѣ затѣмъ добровольцы заняли Живановацъ. Товарищи осыпали Гороломова поздравленіями и похвалами. Онъ разсказывалъ имъ съ чувствомъ, какъ заблудился въ ущельи, какъ долго и напрасно искалъ отрядъ, какъ въ отчаяніи думалъ, что его сочтутъ за дезертира и какъ онъ, рѣшившись умереть геройскою смертью, съ обнаженной шашкой бросился въ деревню, навелъ на всѣхъ паническій страхъ и взялъ въ плѣнъ солдатъ. И вотъ посыпались на него повышенія, награды, слава... Такимъ образомъ на этотъ разъ простая случайность, въ соединеніи съ ловкимъ нахальствомъ, превратила его позорное бѣгство въ побѣдоносный тріумфъ.

Но въ это же время на Сливницкихъ высотахъ чернѣлись свѣжія еще могилы другихъ героевъ, которые шли на врага не съ бѣлыми платками въ рукахъ, а со штыками и съ «ура». Честь и слава имъ, хотя они не сражались для славы, а лишь исполнили свой долгъ передъ отечествомъ. Сознаніе этого высокаго чувства—единственный свѣтлый и благородный лучъ войны, которая иначе были бы отвратительною бойнею, позорнымъ результатомъ людского честолюбія, безумія и эксплоататорства.

. . . .
. . . .

Непрерывныя ура ликующаго народа оглашали воздухъ.

Но въ то же время въ разныхъ мѣстахъ столицы раздавались вздохи и тяжкіе стоны. Больницы будто отвѣчали ликующимъ улицамъ: это походило на протестъ!

Спасовъ лежалъ въ больницѣ, устроенной въ зданіи Народнаго Собранія. Вокругъ него съ полусотни коекъ доносились стоны раненыхъ солдатъ. Воздухъ былъ насыщенъ іодоформомъ и запахомъ другихъ сильныхъ лѣкарствъ. Острые крики боли и неодолимыхъ страданій раненыхъ нарушали мертвенную тишину. Вереница докторовъ, фельдшеровъ и сестеръ милосердія, молча подходили къ страдальцамъ для перевязки ихъ ранъ. Ничего тріумфальнаго не замѣчалось въ этой обители смерти, гдѣ безмолвно исполнялись высокія человѣческія обязанности, гдѣ геройски переносились мучительныя боли, гдѣ закалялись души въ горнилѣ страданій и... гдѣ кровавый потъ капалъ съ чела Болгаріи, будто бы увѣнчанной лаврами побѣды.

Спасовъ былъ раненъ пулей на вылетъ въ лѣвую руку, въ схваткѣ съ непріятелемъ, гдѣ обнаружилъ изумительное хладнокровіе и блестящую храбрость. Уже два раза ковыряли инструментами въ его ранѣ, чтобы не допустить ее до опаснаго воспаленія: оба раза онъ не издалъ ни одного стона. Его какъ-то позабыли; лежалъ онъ безъ всякаго вниманія, правительственнаго ободренія и нравственной поддержки, хотя

вполнѣ заслужилъ ихъ своею боевою доблестью. Награды и милости партiйный вѣтеръ направлялъ въ другую сторону... Спасовъ однако не жаловался на это. Да оно всегда такъ и бываетъ: истинный героизмъ не напрашивается на награду.

Въ одинъ изъ скучныхъ больничныхъ дней Спасовъ вдругъ видитъ Гороломова, идущаго къ нему съ сiяющимъ лицомъ и грудью. Этотъ «герой» пришелъ навѣстить товарища съ цѣлью не столько выразить ему соболѣзнованiе—сердце Гороломова не было способно къ такимъ простымъ человѣческимъ чувствамъ—сколько похвастать своимъ наглымъ обманомъ е. т. успѣхомъ на военномъ поприщѣ. Спасовъ невольно нахмурилъ брови. Тутъ въ больницѣ онъ узналъ объ убiйствѣ ополченца Недѣлкова... Гороломовъ внушалъ ему теперь неодолимое отвращенiе.

— Здравствуй, батенька мой, здравствуй! тономъ фамильярнаго благоволенiя и самодовольства произнесъ Гороломовъ, издали протягивая ему руку.

— Прости, не могу шевелиться.

— Ахъ, пардонъ, я забылъ... Ну, какъ дѣла идутъ? Слава Богу? Хорошо?

Спасовъ только головой кивнулъ ему въ отвѣтъ.

Сильно занятый собой, Гороломовъ и не замѣтилъ холоднаго выраженiя на лицѣ Спасова. Онъ продолжалъ, усаживаясь возлѣ его постели:

— Какъ бы то ни было, Спасовъ, а мы ожили. Это главное. А сколько чудесъ за такой короткiй срокъ совершилось! Война, батенька мой, ничего не подѣлаешь!... Да ну, поздравь же меня, сказалъ наконецъ онъ, улыбаясь и выпучивая грудь колесомъ!

— Поздравляю... тихо, скорѣе простоналъ, чѣмъ сказалъ раненый, бросивъ бѣглый взглядъ на эмалевый крестъ гостя.

Удивленный такою невозмутимостью Спасова, Гороломовъ серьезно всмотрѣлся въ него.

— Ты должно быть еще сильно страдаешь... Ахъ, дорогой товарищъ, я былъ бы доволенъ половиною своего успѣха, лишь бы ты былъ здоровъ.

Отъ сильнаго негодованiя Спасовъ даже покраснѣлъ, но Гороломовъ вовсе не догадывался о томъ. Больной поднялъ нѣсколько голову вверхъ, чтобы вздохнуть свободнѣе, и нервно произнесъ:

— Спасибо, Гороломовъ, за такое великодушiе.

— Да, продолжалъ Гороломовъ, представь себѣ, какое разочарованiе приходится испытывать! Перемирiе! Только что началась настоящая война,—явился этотъ мерзавецъ Кёвенгюлеръ, а князь, какъ баба, подписалъ перемирiе!... Я ему лично высказалъ свое негодованiе и довелъ до того, что онъ самъ признаетъ свою ошибку... Это просто по-

зоръ!... Мы должны были продиктовать Милану миръ въ самомъ Бѣлградѣ... Да, да, нашъ походъ окончился позорно и скандально! Но это еще не бѣда! А то плохо, что послѣ всего этого и я остановился на полу-дорогѣ: «ни рыба—ни мясо», какъ говорятъ русскіе. Капитанъ и баста! И находятся еще люди, которые завидуютъ мнѣ! Да, есть чему завидовать! Однимъ словомъ, меня просто судьба преслѣдуетъ. Да, ей Богу!... И на что это похоже? Я только теперь уразумѣлъ свое истинное призваніе, только теперь ощупалъ свой пульсъ! А какъ славно было въ Живановацѣ! Враги бѣгутъ передъ тобою, какъ испуганное стадо: подходятъ какіе-то три паршивые серба и со слезами говорятъ тебѣ: «предамо се, брачо!» Ха, ха, ха, да еще и «брачо»! Вотъ, подлецы!... И нѣсколько ружей съ тесаками... Просто, не стоило и труда съ ними связываться... Герой, кричатъ всѣ, герой! Да, пожалуй скажешь: «на безрыбьѣ и ракъ — рыба»... Оно-то такъ. Но согласись, какія великія военныя дарованія зарыты вмѣстѣ съ этимъ глупымъ миромъ!... Да, громадная потеря, батенька мой, Спасовъ!

Спасовъ скрѣпя сердце слушалъ это бездушное бахвальство и наглое фанфаронство. Онъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ времени, когда фельдшеръ придетъ уменьшить его нравственную боль.

Гороломовъ продолжалъ:

— Спасовъ! Ты не видѣлъ моего изображенія въ иллюстраціи? Хочешь, я принесу тебѣ посмотрѣть?

— Не безпокойтесь, тихо процѣдилъ Спасовъ.

— И какіе нахалы! Представь себѣ, подписали внизу такъ: «Гороломовъ. Герой сербской войны».

— Радуюсь этому, ибо иначе я бы понялъ, что ты герой только пловдивскихъ полицейскихъ участковъ, сказалъ Спасовъ, пронизывая его своимъ воспаленнымъ, гнѣвнымъ взглядомъ.

Гороломовъ удивленно посмотрѣлъ на него.

— Спасовъ, я тебя не понимаю.

— Зато я тебя очень хорошо понимаю.

— Т. е. что ты этимъ хочешь сказать? дрожащимъ голосомъ произнесъ Гороломовъ и всталъ.

У Спасова кровь бросилась въ голову и онъ, сдерживаясь, ничего не отвѣтилъ. Злоба душила его. Тутъ и рана сильно забилась. Онъ закрылъ глаза. Его блѣдное лицо было болѣзненно нахмурено.

Оцѣпенѣвшій Гороломовъ ждалъ, когда Спасовъ откроетъ глаза, чтобы ударомъ же отразить его ударъ. Но внутри онъ сознавалъ себя осужденнымъ. Этотъ блѣдный страдалецъ былъ его строгимъ судьею! Въ это время къ его постели подошла сестра милосердія. Гороломовъ посторонился, чтобы дать ей дорогу.

— Спасовъ, вы спите? тихо и ласково спросила она.

дущему человѣчеству! Да ты опять въ чудачество! сказала изумленная курсистка.

— Оставьте, ради Бога, это человѣчество, эти громкія фразы... Я изъ личныхъ опытовъ вынесъ твердое убѣжденіе, что всѣ наши принципы и идеалы—нечто иное, какъ мыльные пузыри... Жизнь—это азартная игра. У кого лобъ крѣпкій, тотъ и стѣну прошибетъ... Счастливый—всегда счастливъ, а несчастный—ну его къ черту; нечего его спасать—онъ все равно долженъ погибнуть.

Зинаида Матвѣевна какъ пораженная смотрѣла на него.

— Панайотъ Петровичъ! что это у тебя за рѣчи? Съ какихъ это поръ? Опять крайности, опять чудачества.

Затѣмъ она добродушно прибавила:

— Интересно бы знать, вернешься ли теперь въ Цюрихъ продолжать ученье, вкусивъ эти прелести (тутъ она дотронулась его эмалеваго креста).

— Немыслимо теперь возвращаться, Зинаида Матвѣевна... Отечество... Зинаида Матвѣевна!.. Великій моментъ... Нужны силы...

— Значитъ ты предпочитаешь военную карьеру?

— О нѣтъ, еслибы война продолжалась, тогда другое дѣло: предстояла бы великая карьера... Но что же дѣлать, когда навязываютъ намъ чуть ли не на силу этотъ проклятый миръ! Приходится избрать гражданскую службу и кажется блестяшую.

— Уже не въ министры ли?

Гороломовъ только кивнулъ головой и улыбнулся.

Дѣвица на минуту призадумалась.

— А наши высокія мечты? А «Ураганъ»? Ты значитъ все это бросаешь? сказала она въ изумленіи.

— «Ураганъ»? Ахъ, Зинаида Матвѣевна, вы бы лучше сказали: «наши дѣтскія глупости». Я выросъ уже изъ того опьяняющаго смѣшного гуманизма и всякихъ ураганoвъ. Свѣтъ такимъ останется, какимъ онъ есть... его никто не исправитъ... Самое умное—пользоваться обстоятельствами. Смѣшно же гнаться за недостижимымъ, когда возможное подъ самымъ носомъ!

— Странно, однако... Давно ли было то время, когда ты возмущался народными паразитами и вѣрилъ въ добро, въ прогрессъ? Какой ужасный переломъ произошелъ въ тебѣ, Панайотъ Петровичъ, просто стыдно!

— Да, давно, очень давно было то время, когда Господь Богъ по землѣ ходилъ... Но я уже выросъ! Теперь я признаю лишь одного бога, лишь одинъ прогрессъ: это личное счастіе и баста!

Гороломовъ произнесъ послѣднее циничное признанье раздраженнымъ голосомъ, ибо чувствовалъ, что разговоръ клонился къ весьма

непріятной для него темѣ. Его все давило обѣщаніе жениться на ней. И Зинаида Матвѣевна очень помнила это обѣщаніе, пожалуй лучше его, о чемъ и напоминала ему своимъ присутствіемъ. Она навязывалась теперь ему на шею, теперь, когда онъ всего болѣе и нуждался въ полной свободѣ. Но онъ рѣшилъ скорѣе и разъ навсегда отдѣлаться отъ нея. Его натура была богата безконечными средствами и жестокими и низкими; онъ выбралъ послѣднія, такъ какъ они болѣе подходили къ его характеру. Онъ принялъ печальный видъ и вздохнулъ.

— О чемъ вздыхаешь, Панайотъ Петровичъ? Напрасно! Ты долженъ быть доволенъ, если не чѣмъ инымъ, то по крайней мѣрѣ тѣмъ, что видишь передъ собою свою Зину, которая любитъ тебя, какъ и прежде... и она нѣжно поглядѣла на него.

— Ахъ, потому-то и скорблю, дорогая Зина!

Лицо Зинаиды Матвѣевны сразу поблѣднѣло. Она быстро спросила:

— Что такое случилось, Панайотъ Петровичъ?

— Зинаида Матвѣевна! Я большой преступникъ передъ вами. Я жертва своей судьбы и самый несчастный человѣкъ на свѣтѣ, трагично проговорилъ онъ.

— Что такое? Говори же, ради Бога!

— Гороломовъ поднялъ голову, взялъ ее за руку и промолвилъ

— Выслушай исповѣдь мою, какъ честнаго человѣка! Дрожащимъ голосомъ разсказалъ онъ ей всю исторію съ Марійкой Недѣлковой Сказалъ и о клятвѣ, данной ей, о несчастныхъ послѣдствіяхъ для нея любви ихъ, которыя онъ не предотвратилъ по своей непростительной вѣтренности, о своихъ страданіяхъ подъ бременемъ тяжелаго грѣха въ отношеніи къ любящей дѣвушкѣ. Затѣмъ онъ разсказалъ и о своемъ безумномъ увлеченіи Зинаидой Матвѣевной, которое не пракратилось и донынѣ, вопреки святымъ обязанностямъ его къ Марійкѣ Недѣлковой. Въ заключеніе онъ добавилъ о бывшей недавней встрѣчѣ съ нею, объ отчаянной борьбѣ между нравственнымъ долгомъ и слабостями сердечными,—борьбѣ, потрясающей-де все его существо, и наконецъ попросилъ у Зинаиды Матвѣевны помощи и совѣта какъ выйти съ честью изъ этой борьбы.

Лицо курсистки омрачилось. Эта горькая исповѣдь, нанесшая смертельный ударъ ея надеждамъ, пронзила ея сердце.

— Панайотъ Петровичъ! сказала она, ты поступаешь какъ благородный человѣкъ... Я добровольно отказываюсь отъ своего счастія. Отдай это счастіе дѣвушкѣ, которая имѣетъ болѣе правъ на твою привязанность!

Съ еле-скрываемымъ чувствомъ удовольствія и радости, Гороломовъ поднесъ ея руку къ своимъ губамъ.

Но послѣ этихъ словъ страданіе одолѣло твердость молодой дѣвушки. Слезы хлынули у нея изъ глазъ... Торопливо она надѣла пальто и направилась къ двери; но прежде чѣмъ дойти до ней, остановившись, она сказала Гороломову:

— Будьте увѣрены, Гороломовъ, что я на васъ не сержусь. Голосъ бѣдной дѣвушки ослабѣлъ и задрожалъ.

Въ это время вдругъ распахнулась дверь и въ комнату вошелъ Спасовъ. Онъ былъ одѣтъ въ партикулярномъ платьѣ. Лѣвая рука его висѣла на перевязи. Онъ былъ весь блѣдный.

— Здравствуй, Спасовъ! сказалъ неохотно Гороломовъ.

— Курудимовъ! Ты безчестный человѣкъ! крикнулъ гость, пронизывая его огненнымъ взглядомъ.

— Какъ вы смѣете, сударь?

— Я говорю тебѣ, что ты безчестный человѣкъ! грозно повторилъ Спасовъ. Недостаточно было тебѣ опозорить и убить Марійку; недостаточно было тебѣ звѣрски убить въ тюрьмѣ ея отца, но ты еще и теперь осмѣливаешься заигрывать со своей жертвой! Этакой подлецъ!

— Я не понимаю тебя!

— Не понимаешь? заревѣлъ внѣ себя Спасовъ. Ты вчера ходилъ къ Марійкѣ и нанесъ ей гнусныя оскорбленія, предлагая ей мерзости, на какія лишь ты одинъ способенъ... У тебя нѣтъ и капли человѣчности!

— Это мое дѣло... Кто тебѣ Марійка, что ты такъ безпокоишься о ней?!

— Марія — моя невѣста! знай это обманный герой! И смѣлымъ движеніемъ сорвавъ съ Гороломова эполетъ, Спасовъ замахнулся ими въ лицо негодяя.

Гороломовъ въ ужасѣ отшатнулся въ сторону, закричавъ къ русской дѣвушкѣ:

— Сумасшедшій! Сумасшедшій!

Спасовъ презрительно посмотрѣлъ на него и медленно вышелъ

Курсистка молча присутствовала при этой сценѣ. Она почти все поняла. Ея женская догадливость подсказала ей, что между ними вопросъ шелъ о той же самой Марійкѣ, о которой давеча Гороломовъ говорилъ ей такъ трогательно. По растерянному его лицу она догадалась, что всѣ обвиненія Спасова были правдивы и что ея измѣнникъ все лгалъ ей. По позорному же и безотвѣтному принятію даже такихъ оскорбленій, какъ срываніе эполета,—она убѣдилась что видитъ передъ собою подлеца.

Она смѣрила его презрительнымъ взглядомъ и быстро выскочила изъ комнаты.

Гороломовъ долго не трогался съ мѣста, словно остолбенѣлый. Онъ до того растерялся, что не сразу могъ прочесть поданыя ему карточки двухъ иностранныхъ корреспондентовъ, дожидавшихся его въ передней.

. . . .

Миръ былъ давно заключенъ, но Господь не далъ Болгаріи мира. Все новые и новые перевороты потрясали ее основанія. Черныя тучи сгустились надъ Болгаріей и заслонили отъ нея солнце правды и милосердія... Гороломовъ лѣзъ все въ гору не по днямъ, а по часамъ. И въ литературѣ, и въ наукѣ, и въ идеалогіи, арміи, наконецъ даже изъ области человѣчества онъ вышелъ полнымъ банкротомъ. Оставалось открытымъ еще одно поприще—политика. Теперь онъ купался въ грязныхъ волнахъ этой стихіи. Сталъ публицистомъ и вызывалъ къ жизни самые звѣрскіе инстинкты. Писалъ кровавыя статьи, посыпанныя порохомъ и керосиномъ; эти статьи разносили по воздуху трескъ человѣческихъ костей и смрадный запахъ скотобойни... А слава его имени все росла!

* * *

Съ тѣхъ поръ прошло еще нѣкоторое время.

Въ собраніи у одного министра шла рѣчь о замѣщеніи весьма важнаго вакантнаго государственнаго поста. Тутъ случайно находился и Китеровъ, недавно передъ тѣмъ вернувшійся изъ Россіи. Фамилія Гороломова была произнесена всѣми.

— Да знаете ли вы, кто такой этотъ Гороломовъ? спросилъ удивленный Китеровъ;—вѣдь онъ былъ выгнанъ очень позорно изъ университета!

— Да! изъ-за своихъ убѣжденій, возразилъ министръ.

— Изъ-за убѣжденій? Ничуть не бывало; онъ просто укралъ въ одномъ магазинѣ бриліантовую брошку, за что и былъ исключенъ.

Всѣ крайне удивились и недовѣрчиво смотрѣли на Китерова.

— Я не говорю уже вамъ и о здѣшней его репутаціи...

Члены собранія съ минуту перешептывались.

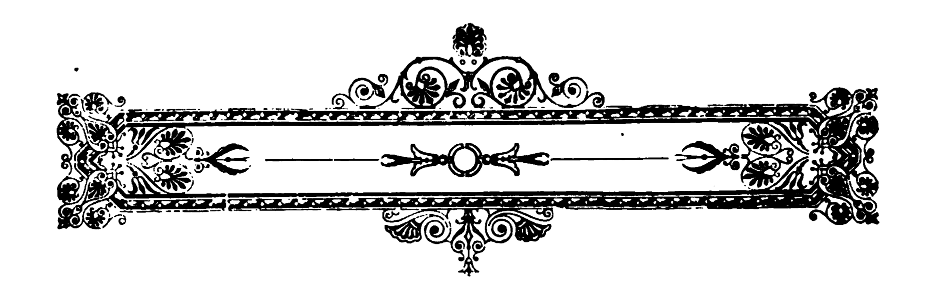
— Гороломовъ это сила, господа! внушительно сказалъ одинъ министръ.

— Вѣрно! Онъ—сила! подтвердилъ другой министръ.

— Сила, сила! подхватили прочіе.

Разговоръ перешелъ на другой предметъ...

Перев. *В. В—кова.*



ИНУЛЬТУСЪ

Пражская легенда Ю. Зейера *

Съ чешскаго

Это случилось лѣтъ двадцать спустя послѣ Бѣлогорской битвы. Былъ чудный вечеръ. Солнце заходило за горой Петриномъ. Градчаны сіяли въ розоватомъ освѣщеніи. Волтава была словно янтарная. Вѣковой старинный мостъ наполненъ былъ массой народа, экипажей, лошадей. Прекрасная картина!

Сколько тутъ ѣхало роскошно разодѣтаго дворянства и надменныхъ, блестящихъ чужеземцевъ, захватившихъ мѣсто и права захудалыхъ туземныхъ дворянскихъ родовъ! Сколько тутъ ѣхало и другихъ, вѣроломныхъ измѣнниковъ чешской крови, отъ которой они отреклись и продали себя за іюдинъ сребренникъ! Роскошная была картина!

Въ раззолоченныхъ каретахъ разъѣзжали блестящіе прелаты, привратники которыхъ не пустили бы Спасителя на порогъ, еслибъ онъ—бѣдный и босой постучался въ ихъ двери. Разъѣзжали тамъ прекрасныя, гордыя дамы, всѣ въ шелку и золотѣ, въ пустыхъ душахъ которыхъ не было ни одного истиннаго женскаго чувства.

Между экипажами проталкивались толстые горожане, вѣчно довольные, если только карманы ихъ исправно были набиты и если они могли вдоволь наѣсться. Прекрасно дополняли эти самодовольные граждане блестящую картину, въ которой было лишь одно темное пятно.

Пятномъ этимъ была толпа оборванныхъ, несчастныхъ бѣдняковъ, стоявшихъ возлѣ башни стараго моста. Они остались вѣрны чешской землѣ; въ то время они были ея символомъ. Они остались

---

* Чешск. журн. «Lumír», янв. кн., 1892.

вѣрны ей, какъ бѣдность, слезы и страданья, которыя не хотѣли оставить чешскихъ предѣловъ.

Ни прекрасныя дамы, ни гордое дворянство, ни жирные горожане не обращали вниманія на эти худыя, изнуренныя лица, а если ихъ глаза случайно встрѣчались съ послѣдними, то быстро отворачивались отъ такого непріятнаго зрѣлища. Лишь изрѣдка бѣднякамъ подавала милостыню которая нибудь изъ шедшихъ пѣшкомъ, одѣтыхъ въ черное женщинъ. Нищіе эти сидѣли на панели, ютясь одинъ къ другому, — старые, слѣпые, слабосильные, въ лохмотьяхъ, какъ будто бы одна семья: общею ихъ матерью была безконечная нужда и бѣдность. Не вдалекѣ отъ нихъ остановился молодой человѣкъ. Платье на немъ было не лучше, чѣмъ у прочихъ: оно было лишь опрятнѣе. Онъ былъ также бѣденъ и изнуренъ, но лицо его было необыкновенно привлекательно и прекрасно. Длинные волосы и шелковистая, мягкая борода его напоминали цвѣтомъ своимъ матовое золото. Глаза его глубокіе, задумчивые, какъ будто подернутые слезой, были полны очарованья и въ нихъ таилась загадочная грусть. На губахъ играла горькая улыбка.

Незнакомецъ остановилъ свой взглядъ на бѣднякахъ, сталъ шарить въ пустомъ своемъ карманѣ, отыскалъ небольшую монетку и положилъ ее въ руку слѣпца. Опустивъ голову, онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, облокотился на перила стараго моста и засмотрѣлся на Градчаны, которые уже начинали покрываться фіолетовой дымкой ночи. Розовое освѣщеніе пропадало. Легкій румянецъ показался на щекахъ молодого человѣка и губы что-то зашептали. Онъ сѣлъ возлѣ бѣдняковъ и закрылъ лицо руками.

Солнце уже давно исчезло, настала тьма; кареты перестали ѣздить, конскій топотъ затихъ, мостъ опустѣлъ. Понемногу стали расходиться нищіе, не имѣя уже надежды получить милостыню. Незнакомецъ все еще сидѣлъ неподвижно. Когда же наконецъ онъ всталъ и оглянулся, — было совсѣмъ темно и на небѣ горѣли звѣзды. Рѣка шумѣла. Онъ опять подошелъ къ периламъ и долго смотрѣлъ на темныя волны.

— Отчего бы не броситься туда, гдѣ я нашелъ бы спокойствіе и миръ, гдѣ гаснетъ ненависть, гдѣ прекращается несправедливость, стыдъ, насиліе?... сказалъ онъ про себя.

Внизу мелькали въ волнахъ отраженья звѣздъ. Онъ поднялъ глаза кверху, къ этимъ звѣздамъ, которыя свѣтили такъ ясно и чисто. Ихъ нѣмая рѣчь была словно какимъ-то обѣщаніемъ, которое сулило благо неопредѣленное, но безконечное.

— Быть счастливымъ! Что это за чувство? шепталъ онъ про себя. У кого спросить? Кто могъ бы объяснить мнѣ?

Незнакомецъ помечталъ еще съ минуту и механически пошелъ назадъ. Въ это мгновенье онъ невольно загородилъ дорогу двумъ медленно шедшимъ людямъ. Это были женщина и мужчина: онъ сгорбленный и старый, а она стройная и молодая. Старикъ поднялъ свой фонарь, который несъ зажженнымъ, и свѣтъ упалъ на мечтательное, блѣдное, красивое лицо задумчиваго молодого человѣка.

Молодая женщина вскрикнула отъ удивленія. Она быстро произнесла нѣсколько словъ по-итальянски, и протянула руку съ щедрою милостыней.

— Я не попрошайничаю, отвѣтилъ ей молодой мечтатель, выпрямляясь и съ упрекомъ глядя на нее.

Блѣдное лицо молодой женщины было изящно и спокойно, словно выточенное изъ мрамора.

Она окинула глазами его бѣдную одежду и взглядъ ея снова остановился на благородномъ выраженіи его лица.

— Извините... сказала она, спустя немного, и ея голосъ, пріятный и глубокій, зазвучалъ какъ музыка среди ночи. — Извините; я не хотѣла обидѣть васъ. На этомъ мѣстѣ всегда сидятъ нищіе. Въ потьмахъ я не могла различить. Чѣмъ могла бы я загладить мою ошибку?

Она подала ему руку. Рука была холодная какъ камень, тяжелая и твердая.

— Вы уже загладили, сказалъ онъ, вздрагивая отъ прикосновенія къ рукѣ, похожей на мертвую.

— Не призракъ ли передо мною? спросилъ онъ себя и сталъ внимательнѣе въ нее вглядываться.

Она была очень хороша собою. Подобной красоты онъ никогда не видѣлъ, но въ ней было что-то каменное, какъ и въ прикосновеніи ея руки.

— Докажите мнѣ, что вы дѣйствительно уже не сердитесь на меня, сказала она, удерживая его руку. Будьте такъ любезны, проводите насъ домой и поужинайте съ нами. Я васъ приглашаю.

Молодой человѣкъ весь вспыхнулъ и быстро высвободилъ руку. Свѣтъ фонаря продолжалъ падать на его лицо и красавица прочла на немъ презрѣніе. Она улыбнулась гордо и спокойно.

— Я донна Флавія Сантини, изъ Милана, сказала она просто. Домъ мой ничѣмъ не запятнанъ. Вы моего имени не слыхали? Многіе изъ первыхъ людей этого города сочли бы за честь это приглашеніе, отъ котораго такъ оскорбительно вы теперь отказываетесь.

Она сдѣлала ему знакъ рукой и обращаясь къ своему провожатому, сказала: Пойдемъ, свѣти мнѣ.

— Простите! сконфузившись и растерявшись, воскликнулъ юноша. Я оскорбилъ васъ? Мнѣ больно это... вы такъ добры...

Онъ пошелъ съ нею рядомъ. Лицо ея оставалось невозмутимымъ. Донна продолжала быть мраморной, спокойной, чудно прекрасной, горделивой и холодной. Она сказала незнакомцу нѣсколько словъ. Затѣмъ опять спросила его, слыхалъ ли онъ когда нибудь ея имя.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ несмѣло. Не принадлежите ли вы къ одному изъ иностранныхъ родовъ, овладѣвшихъ этою несчастною землею?

— Я иностранка здѣсь, отвѣтила она, но мой родъ не овладѣлъ ничѣмъ ни въ этой землѣ, ни въ какой другой. Случайность привела меня сюда. Я принадлежу къ мѣщанскому роду, но тѣмъ не менѣе рука моя держитъ скипетръ... тотъ скипетръ, который даетъ искусство.

— Ахъ, воскликнулъ юноша, поднимая глаза къ небу, быть артистомъ! Создавать! Творить! Онъ поникъ головой.

— А вы, что вы такое? спросила красавица.

— Я поэтъ, прошепталъ онъ такъ тихо, что слова его почти слились съ дуновеніемъ ночного вѣтра. На душѣ у него стало тяжело и грустно. Онъ подумалъ о тѣхъ пѣсняхъ, которыя рождались въ его сердцѣ и которыя какъ птицы въ клѣткахъ горестно молчали, потому что у нихъ не хватало силы вырваться изъ стѣсненной его груди, на которой, какъ и на всей его землѣ, тяготѣлъ камень тяжелаго несчастья и проклятья. Въ немъ зарождались пѣсни ненависти, вопли и рыданья надъ несчастіемъ земли, надъ гибелью родныхъ; но они оставались безъ звука и выраженья, потому что въ агоніи отечества онѣмѣлъ и геній поэта. Каждый чехъ былъ охваченъ въ эти времена мракомъ и холодомъ, какъ и вся чешская земля.

Донна Флавія услыхала этотъ шепотъ, несмотря на то, что онъ былъ такъ тихъ, и сказала:

— Вы поэтъ? Тѣмъ лучше, потому что вы легче поймете меня. То, о чемъ я хочу переговорить съ вами, очень важно.

Поэтъ почувствовалъ себя свободно. Онъ шелъ возлѣ красавицы такъ, какъ еслибъ шелъ съ товарищемъ. Мысль о грязномъ похожденіи, которая при нежданномъ приглашеніи донны Флавіи невольно мелькнула въ его чистой душѣ и на минуту возмутила ее,—исчезла безъ слѣда. Они шли молча дальше въ гору, по крутой и пустой улицѣ, надъ крышами которой рисовались силуэты градчанскихъ церквей, дворцовъ и монастырей, а наконецъ остановились передъ небольшимъ домомъ.

Старикъ, несшій фонарь, вынулъ изъ кармана ключъ, отворилъ дверь и они вошли Деревянная лѣстница съ рѣзными роскошными перилами вела наверхъ. Тамъ отворились темныя, красиво окованныя

двери и изъ нихъ вышла старушка съ серьезнымъ лицемъ, въ черномъ платьѣ, съ длинными четками, висѣвшими отъ пояса до самой земли. Ея свѣтло-каріе глаза, круглые какъ у ночной птицы, казалось смотрѣли куда-то въ даль и видѣли то, что для другихъ не было видимо. Въ рукахъ она держала бронзовый подсвѣчникъ съ тремя восковыми свѣчами. Она молча привѣтствовала Флавію.

— Плацидія, сказала ей красавица. Я веду гостя. Дай намъ поужинать.

Они вошли въ большую комнату, увѣшанную франдрскими коврами. Тяжелый, большой дубовой столъ съ рѣзьбой стоялъ посреди комнаты. Никакой мебели тамъ не было, кромѣ нѣсколькихъ массивныхъ стульевъ и большого буфета между окнами, наполненнаго старинными серебряными и бронзовыми вазами и блюдами. Поэту, жившему въ убогой комнатѣ, въ отдаленной части города, недалеко отъ новыхъ укрѣпленій, жилище незнакомки показалось королевскими хоромами. Но онъ не обнаружилъ своего удивленія, опуская глаза на коверъ, покрывавшій большую часть кирпичнаго пола. Пригласивши поэта сѣсть, Донна Флавія ушла въ другую комнату. Плацидія молча накрыла столъ, двигаясь какъ-бы во снѣ, а сопровождавшій Флавію старикъ, очевидно бывшій слугою въ домѣ, пододвинулъ стулья и зажегъ еще три восковыя свѣчи, стоявшія въ другомъ подсвѣчникѣ.

Донна Флавія скоро возвратилась. Она сняла лишь верхній плащъ. На ней было надѣто темно-желтое шелковое платье, украшенное серебромъ на воротѣ и на рукавахъ; каштановые волосы, мягкіе и роскошные, лежали просто и красиво надъ гордымъ ея лбомъ. Большіе каріе глаза были замѣчательно красивы, но взглядъ ихъ ледяной.

— Сядемъ за столъ, сказала она садясь.

Поэтъ сѣлъ напротивъ Флавіи. Старикъ, который не выходилъ изъ комнаты, также сѣлъ за столъ.

— Квидонъ, сказала Флавія, знаетъ меня съ самаго дѣтства, а равно и Плацидія. Онъ служилъ у моихъ родителей и мнѣ онъ другъ.

Старикъ спокойно улыбнулся.

— Онъ нѣмой, сказала тихо Флавія.

Настала минута молчанія. Затѣмъ Флавія заговорила снова.

— Такъ вы никогда не слыхали моего имени? А между тѣмъ я живу въ Прагѣ уже нѣсколько лѣтъ, и говорятъ, что я знаменита. Но можетъ быть вы не слыхали никогда даже имени Проперціи де'Росси? Не слыхали! Ну, это можетъ служить утѣшеніемъ моему самолюбію. Проперція де'Росси изъ Болоньи была самою извѣстною женщиной-скульпторомъ въ Италіи. Ея произведенія силь-

ны и прекрасны. Будучи еще ребенкомъ, я видала ихъ въ Италіи и тогда уже они меня вдохновили. Они дали мнѣ направленіе на всю жизнь. Я сдѣлалась скульпторомъ какъ Проперція.

Флавія задумалась и сказала какъ будто про себя:

— Но достигну ль я когда нибудь ея высоты?

Затѣмъ она обратилась къ молодому человѣку и спросила: какъ ваше имя?

Лобъ его наморщился, въ глазахъ выразилась скорбь. Онъ отвѣчалъ не тотчасъ:

— Называйте меня Inultus.

— Inultus! Вотъ странное имя, сказала Флавія. Inultus значитъ неотмщенный или ненаказанный? Я думаю, что кромѣ васъ никто не носитъ такого имени.

— А между тѣмъ, отвѣтилъ ей Инультъ, каждый могъ бы такъ называться въ этой несчастной странѣ....

— А, вы принадлежите къ числу недовольныхъ! сказала Флавія. Тѣмъ лучше! Я покажу вамъ мои работы и разскажу, что внушило мнѣ мысль позвать васъ къ себѣ. Пойдемъ.

Свѣтъ трехъ лампъ проникъ въ глубокую тьму громадной залы, куда вошли Флавія съ Инультомъ. Рельефъ изъ бѣлаго мрамора, представлявшій жену Пентефрія въ ту мунуту, когда она срываетъ плащъ съ Іосифа, сверкнулъ своею бѣлизною и чудной, чистой красотою передъ молодымъ поэтомъ. Въ этомъ произведеніи было столько силы, страсти и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣжности, что Инультъ пораженный воскликнулъ:

— Это работа вашихъ рукъ, мадонна? Сколько у васъ силы, величія!

— Нѣтъ, отвѣтила она. Это произведеніе Проперціи де'Росси. Въ этомъ я ей только подражала. Во мнѣ нѣтъ такого величія, такой мощи, силы духа; но знайте, что цѣль, къ которой я стремлюсь, еще возвышеннѣе, и вы можете помочь мнѣ достигнуть ея.

— Я? Я? съ удивленіемъ сказалъ Инультъ. Что-жъ я могу сдѣлать?

— Я сейчасъ вамъ все объясню, сказала она. Проперція де'Росси была несчастлива въ любви и умерла, какъ говорятъ, отъ этой страсти. Въ этой фигурѣ жены Пентефрія она воплотила всю свою страсть и все свое отчаяніе. Любя смертнаго человѣка, Проперція осталась прикована судьбой къ землѣ. Я же, не испытавъ любви къ мужчинѣ и не желая никогда знать этого чувства, смѣло поднимаю глаза свои къ звѣздамъ, гдѣ находится привлекательное видѣніе безсмертной славы. Слава и искусство—вотъ единственная мнѣ доступная любовь, вотъ мое божество!

Она подошла къ бѣлому покрывалу, отдернула его и Инультъ

увидѣлъ высокій деревянный крестъ съ распятымъ Спасителемъ; фигура была въ естественную величину, вылѣплена изъ глины, почти окончена. Но ликъ Распятаго было обозначено лишь главными чертами

— Вотъ высшая цѣль моего честолюбія и вмѣстѣ съ тѣмъ предметъ отчаянія, сказала Флавія. Изобразить умирающаго въ страданіи Христа такъ, чтобъ вздрогнуло каждое сердце, не удавалось до сихъ поръ ни одной женской рукѣ. Воплотить въ мраморѣ великую трагедію Голгоѳы съ жизненною правдою, съ содраганьемъ ужаса, во всемъ сіяньи идеальной красоты—вотъ смѣлая мечта всей моей жизни! Осуществленія этой мечты я добиваюсь уже два года. Двадцать разъ измѣняла я лицо Христа и двадцать разъ была горько разочарована. Я не вѣрю во Христа и потому образъ его не можетъ явиться моей душѣ, не можетъ отразиться въ моемъ сердцѣ! Этого блага вѣрующихъ у меня нѣтъ, и я съ трудомъ должна въ своемъ воображеніи отыскать его, постичь, создать!

Инультъ весь задрожалъ.

— Не вѣрить во Христа? сказалъ онъ, и слезы наполнили его глаза.

Ему казалось, что Спаситель отъ этого богохульнаго слова долженъ былъ испытывать новую лишнюю рану, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ глубокое состраданье къ этой красивой, каменно-холодной женщинѣ, съ такою темною, невѣрующей и неживущей слѣдовательно душой.

Глаза ея блеснули, когда она замѣтила, что онъ былъ такъ сильно взволнованъ.

— О, вы похожи теперь на Христа, какъ говоритъ о немъ легенда и какъ искусство его изображаетъ! воскликнула она почти съ восторгомъ. Знайте же, что я давно, но напрасно ищу между людьми подобія Того, чья душа не можетъ явиться мнѣ. На мосту увидѣвъ васъ, я вскрикнула отъ удивленья, потому что въ васъ я нашла черты моего Христа! Теперь я вижу еще яснѣе, какъ счастлива эта находка. Инультъ, я вылѣплю Его по вашему образу! Будете ли вы мнѣ моделью для умирающаго царя Іудеевъ?

— Никогда! воскликнулъ Инультъ со смиреніемъ. — Я недостоинъ этого! Какъ можете вы требовать отъ меня чего нибудь подобнаго, мадонна!

Она разсмѣялась и сказала: — Вы дитя, мой другъ!

Спустя минуту она подвела его за руку къ растворенному настежь огромному окну. Указавъ ему рукою кресло, сама она сѣла на подоконникъ, на которомъ былъ разостланъ большой коверъ, ниспадавшій однимъ краемъ на дворъ, а другимъ въ комнату. Ночь была тихая и звѣздная. Черезъ крыши Малой Стороны былъ виденъ го-

родъ, а за нимъ далеко темные силуэты возвышенностей, между которыми сверкая текла Волтава. Шумъ рѣки грустнымъ ритмомъ доносился до мастерской и казалось, будто это рыданія Праги, лежавшей у ногъ сумрачной горы, точно въ неволѣ скованная царица.

Молодой поэтъ, взглянувъ на растилавшійся передъ нимъ городъ, живѣе почувствовалъ великое несчастіе земли, имя которой было вычеркнуто изъ книги живущихъ, звѣзда которой зашла во мглу смерти и мрака. Онъ тяжело вздохнулъ и закрылъ лицо руками.

— Мой другъ, сказала Флавія, я знаю, что происходитъ въ васъ. Хотя я иностранка, но понимаю васъ. Знайте, что тому краю, надъ которымъ въ нѣмомъ страданіи вы плачете теперь, что тому народу, отъ котораго вы происходите, вы можете оказать большую службу, если исполните мое желаніе.

Взволнованный Инультъ вопросительно раскрылъ глаза.

— Да, продолжала Флавія. Это именно такъ, какъ я вамъ говорю. Я все объясню вамъ сейчасъ. Одинъ изъ сильныхъ міра, въ рукахъ которыхъ находится судьба этой земли,—назовемъ его хотя-бы дономъ Балтазаромъ, потому что онъ испанецъ,—бываетъ у меня. Мои родные давно были обязаны его роду и изъ-за него отецъ мой пріѣхалъ сюда въ Чехію. Донъ Балтазаръ бываетъ въ моемъ домѣ. Для меня это большая честь, хотя небольшая радость, потому что его дьявольскіе, темные глаза возбуждаютъ во мнѣ какой-то неопредѣленный страхъ. Однажды въ его присутствіи я говорила, какъ понимаю я умирающаго Христа, хотя я была осторожна и не призналась ему какъ вамъ, что въ божество Его не вѣрю. На слѣдующій день донъ Балтазаръ позвалъ меня къ себѣ во дворецъ, въ роскошныхъ мраморныхъ залахъ котораго господствуетъ царственная роскошь. Онъ повелъ меня въ свою сіяющую золотомъ молельню, гдѣ до сихъ поръ стоитъ пустой алтарь, и сказалъ: «Моя душа утомлена страстями, отягощена отреченіемъ отъ вѣры, отупѣла отъ борьбы, которую надобно вести въ этой спорной, языческой, проклятой землѣ: я уже не умѣю истинно молиться. Поставьте мнѣ на пустой алтарь этой часовни Христа такого, о какомъ вчера вы говорили, — такого, котораго агонія растрогала бы меня, нѣмой возгласъ котораго пробудилъ бы дремлющую мою душу,—и я озолочу васъ, я вознесу ко звѣздамъ ваше имя». Такъ вотъ, мой другъ, что говорилъ донъ Балтазаръ,—и съ этихъ поръ я какъ въ горячкѣ... Инультъ, мы вылѣпимъ Христа по вашей модели, мы изобразимъ его со всѣми безконечными страданіями, которыми такъ переполнена ваша грудь! Нѣмой возгласъ вашего смертельно-грустнаго лица быть можетъ возбудитъ человѣческое чувство въ мрачной, дьявольски-гордой душѣ этого испанца и растрогаетъ его мо-

жетъ быть до слезъ! Это будетъ такъ, какъ если бы весь несчастный вашъ край вашими устами вопросилъ Бога: Зачѣмъ, Господь, Ты оставилъ меня? А какое облегченіе могло бы произойти для всей Чехіи отъ такого дѣйствія! Слышите ли вы, Инультъ, стоны той рѣки? Взгляните, съ какимъ отчаяніемъ вся Прага воздымаетъ руки свои къ небеснымъ звѣздамъ!

Она замокла. Глаза ея горѣли и съ мольбою смотрѣли на него. Инультъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, взялъ ее за обѣ руки.

— Я исполню то, чего вы желаете. Привяжите меня ко кресту. Вложите всѣ страданія моей родины, какъ видѣли вы ихъ на моемъ лицѣ, въ черты умирающаго вашего Христа, и можетъ быть этимъ взглядомъ будетъ тронуто каменное сердце! А въ вашей собственной душѣ быть можетъ отзовется во время вашей работы тихій голосъ, который подскажетъ вамъ, что Христосъ былъ дѣйствительно, и что Онъ —Богъ!

Флавія подала ему руку, говоря:—Быть можетъ такъ будетъ, — но отвела глаза, чтобъ онъ не могъ прочесть въ нихъ ея невѣріе. Затѣмъ она прибавила:

— Теперь, мой другъ, идите, а завтра утромъ приходите снова. Кошелекъ мой къ вашимъ услугамъ, а сердце полно признательности.

Онъ знакомъ просилъ ее не упоминать объ этомъ.

— Спокойной ночи! сказала она и позвала Квидона, который проводилъ Инульта и заперъ за нимъ дверь.

Флавія, задумавшись, стояла у раствореннаго окна, когда къ ней подошла Плацидія.

— Взгляни, сказала ей старушка, показывая ей стекляные осколки.

— Ну, что же? спросила Флавія.

— Венеціанскій бокалъ, изъ котораго пилъ твой гость, лопнулъ прежде, чѣмъ я до него дотронулась. Этотъ человѣкъ принесетъ тебѣ несчастье.

Флавія разсмѣялась.

— Ты знаешь, сказала она, что я не суевѣрна.

— Когда онъ вошелъ въ домъ и я свѣтила вамъ, продолжала Плацидія мрачно, я видѣла самое себя. будто я стою внизу на лѣстницѣ; я видѣла, что вы открыли запертыя двери подземнаго склепа. Затѣмъ мнѣ показалось, будто я этого гостя, всего въ крови бросаю въ тотъ склепъ....

— Иди спать, Плацидія, спокойно сказала Флавія. Ты спала уже въ ту минуту, когда свѣтила намъ, а сны твои всегда бываютъ тяжелы и страшны.

— Часто бываютъ они пророческими, прибавила Плацидія. Онѣ молча разошлись.

Инультъ пошелъ бродить по спящей Прагѣ какъ въ бреду, восторженно любуясь звѣздами, темной рѣкой, простирая руки къ огромнымъ тѣнямъ и страстно взывая къ Богу, чтобы осуществились мечты его и Флавіи.

На другой день утромъ блѣдный, измученный до смерти, онъ постучался у запертыхъ дверей итальянской художницы.

Нѣмой слуга впустилъ его, учтиво улыбаясь, и провелъ прямо въ мастерскую. Донны Флавіи тамъ еще не было, но взошла Плацидія и сказала Квидону: — Госпожа велитъ тебѣ сдѣлать все такъ, какъ вчера она тебѣ приказала.

Послѣ ея ухода, Квидонъ обратился къ молодому человѣку и началъ быстро его раздѣвать. Къ своему большому удивленію Инультъ очутился черезъ мгновеніе нагимъ по поясъ. Квидонъ снялъ также съ него обувь, а затѣмъ повелъ его къ лѣсамъ, которыхъ поэтъ вчера не замѣтилъ и которые образовали большой пустой деревянный крестъ, стоящій на эстрадѣ. Квидонъ поднялъ Инульта какъ ребенка на высокую подставку подъ крестомъ, взялъ веревки, привязалъ крѣпко ко кресту его ноги и руки, а затѣмъ оттащилъ подставку. Такимъ образомъ Инультъ очутился висящимъ на крестѣ. какъ самъ Спаситель. Флавія пришла. Въ темной, свободной одеждѣ, опоясанная кушакомъ, она была еще прекраснѣе, чѣмъ наканунѣ, но еще холоднѣе. Выраженіе ея лица было серьезное и строгое. Она взглянула на Инульта какъ на предметъ неодушевленный, а не какъ на человѣка, и не говоря ни слова, принялась работать.

Черезъ часъ Инультъ потерялъ сознаніе. Когда же онъ очнулся, Флавіи уже не было въ мастерской. Квидонъ съ Плацидіей развязывали ему веревки. Они помогли ему одѣться и принесли пищу и вино. Ѣсть онъ почти не могъ, но напился съ большою жадностью и долго пролежалъ на коврѣ, который былъ разостланъ на полу, и на подушкѣ, принесенной ему Квидономъ. Когда же онъ могъ подняться на ноги, нѣмой помогъ ему сойти съ лѣстницы и проводилъ до самаго моста.

Такъ оно пошло и далѣе. Инультъ по истинѣ былъ мученикомъ. Почти нагой, привязанный толстыми веревками, которыя до крови раздирали онѣмѣвшіе его члены, висѣлъ онъ по нѣскольку часовъ въ день на крестѣ, голодный, потому что отъ утомленія и боли не въ состояніи бывалъ ни пить, ни ѣсть, въ горячечномъ восторгѣ размышляя о мукахъ Христовыхъ, которыя самъ переносилъ теперь тѣломъ и душою. Сумасшествіе мало по малу стало овладѣвать имъ. Его пылкое воображеніе внушило ему мысль, что Богъ послалъ его въ несчастный чешскій край для спасенія его своей мукой на крестѣ. Ему чудилось, что духъ Искупителя вселялся въ

его тѣло, когда онъ висѣлъ на крестѣ, что божественная искра освѣщала смертныя черты его лица, чтобы посредствомъ ихъ проникъ свѣтъ въ ту мрачную душу, о которой разсказывала ему Флавія,—въ душу того испанца, который якобы держалъ въ своихъ рукахъ судьбы чешской земли. Онъ замиралъ отъ счастья при мысли, что смерть его доставитъ спасеніе его родной землѣ. Онъ сознавалъ, что жизнью долженъ будетъ заплатить за такое великое счастье.

Инультъ былъ счастливъ, но Флавія становилась все мрачнѣе. Пока она работала, ей казалось, что дѣло идетъ на ладъ; но когда уходилъ Инультъ и художница оставалась одна, она испытывала всю горечь разочарованія.

— Это все еще не то, чего я ищу! страстно восклицала она. Это измученное, изнеможенное, жалкое тѣло возбуждаетъ состраданіе и ужасъ. Я имъ довольна,—но лицо! Оно грустно и прекрасно какъ лицо Инульта. Оно печально, цѣломудренно, возвышенно, все это правда! Но это еще не все! Я не вижу агоніи въ этомъ изнеможеніи, въ этомъ обморокѣ! Гдѣ найти таинственное выраженіе, которое является у человѣка при разлукѣ души съ тѣломъ? Въ порывѣ отчаянія она взяла кинжалъ и поразила имъ прекрасное, восторженное, чистое, грустное лицо своего Христа. Затѣмъ сѣла подъ крестомъ и стала плакать. Но плакать она не умѣла; слезы причиняли ей боль, а не облегченіе. Она почувствовала, что будто кого-то убила. Плацидія вошла въ мастерскую, взглянула на плачущую Флавію, на уничтоженную ея работу и, подходя къ ней, съ удивленіемъ сказала:

— Ты по немъ плачешь? Несчастная!..

— По комъ? блѣднѣя спросила Флавія.

— По Инультѣ! смѣло произнесла старуха.

Флавію какъ громомъ поразили эти слова. Сердце ея такъ сильно забилось, что она сама слышала, какъ оно колотилось въ груди. Ею овладѣло бѣшенство и съ кинжаломъ бросилась она къ Плацидіи.

— Ты лжешь! вскричала она.

— Тѣмъ лучше! отвѣтила Плацидія, спокойно сторонясь.

Флавія разомъ успокоилась. Повелительнымъ жестомъ она подняла руку, говоря:

— Иди! я его ненавижу.

Плацидія ушла. Флавія упрямо встряхнула головою и начала поправлять поврежденное лицо своего Христа.

На слѣдующій день, когда Инультъ пришелъ, она терпѣливо, какъ ни въ чемъ не бывало, снова принялась за работу.

Поэта она дѣйствительно возненавидѣла—за минутную слабость, которую невольно почувствовала къ нему и которую замѣтила Плацидія своими совиными глазами. Она возненавидѣла Инульта и тѣмъ

сильнѣе полюбила опять свой трудъ, который теперь все больше ей удавался. И это не удивительно: если Флавія искала тѣни смерти на человѣческомъ лицѣ, она находила ее съ каждымъ днемъ опредѣленнѣе на лицѣ несчастнаго Инульта, который чувствовалъ дѣйствительно, что умиралъ, и упивался этой мыслью, какъ иные упиваются виномъ или любовью.

Въ томъ аду, въ которомъ жилъ онъ, потомокъ нѣкогда славнаго, но захудалаго рода,—поэтъ, который не находилъ словъ, чтобы выразить, что въ немъ кипѣло,—чехъ, который видѣлъ свое отечество совсѣмъ пораженнымъ, затоптаннымъ въ кровавую грязь,—въ этомъ аду жизнь не представляла для него радостей и счастья, а смерть, сулившая искупленіе не только ему самому, но всей его землѣ, быть можетъ всему его народу, казалась ему самымъ прекраснымъ, возвышеннымъ удѣломъ для человѣка въ этой юдоли слезъ и тяжелаго труда.

А какъ близко сіяло уже его спасенье, какъ ясно видѣлъ онъ его передъ собой! Флавія могла быть довольна, потому что приближеніе этой смерти не было обыкновенно: она видѣлась въ ореолѣ избранниковъ.

Однажды утромъ онъ пришелъ весь сіяющій отъ счастья. Какой-то тайный голосъ шепталъ ему: сегодня ты достигнешь того, чего такъ жаждашь! Донна Флавія вошла, когда онъ уже былъ распятъ на крестѣ. Онъ весь почти былъ нагъ и отъ его тѣла исходило точно какое-то сіяніе.

Она взглянула не безъ удивленія на его лицо и, видя на немъ выраженіе безпредѣльнаго счастья, которое изгладило въ эту минуту всѣ слѣды долгихъ страданій, разгнѣвалась.

Это было не то выраженіе, которое могло быть у Христа въ минуту смерти. Такое блаженство Инульта портило все ея дѣло.

— Не улыбайтесь такъ сладко, грубо замѣтила она ему. Это сіяніе счастья въ вашихъ глазахъ совсѣмъ не согласуется съ онѣмѣвшими вашими членами, опухшими и окровавленными.

Затѣмъ она прибавила уже нѣсколько мягче:—Я право удивляюсь вамъ, какъ вы можете еще тащиться сюда по улицѣ! Отчего вы не потребовали, чтобы я послала за вами носилки или экипажъ? Я объ этомъ совсѣмъ забыла.

Инультъ поднялъ глаза къ небу и улыбка его стала еще блаженнѣе. Ему уже не надо будетъ кареты, не надо будетъ съ трудомъ таскаться по землѣ. Онъ улыбнулся еще счастливѣе, но не отвѣчалъ ни слова.

Донна Флавія вскипѣла злобой.

— Онъ это дѣлаетъ наперекоръ мнѣ! подумала она и позвала Овидона.—Затяни веревки покрѣпче, жестоко сказала она. Не видишь развѣ, что онѣ ослабли.

Квидонъ повиновался.

— Крѣпче! Еще крѣпче! закричала Флавія въ горячности, замѣчая выраженіе тѣлесной боли на лицѣ Инульта, у котораго кровь стала струиться изъ ногъ и рукъ. При видѣ его крови, глаза ея сверкнули жестокостью, какъ у тигра. Она кивнула головой Квидону, чтобы онъ вышелъ, взяла большой терновый вѣнокъ и положила его на голову Инульта, поднявшись на лѣса къ нему. Она тяжело дышала, а когда этотъ невольный мученикъ взглянулъ на нее съ нѣмымъ упрекомъ, она почувствовала, что словно пламя охватило ея сердце. Въ глазахъ у нея на минуту потемнѣло, но она встряхнула головою, перемогла себя силой нечеловѣческой и безжалостно прижала терніи вѣнца ко лбу его. Онъ вздрогнулъ отъ боли всѣмъ тѣломъ, слабый крикъ вырвался изъ его груди и струи крови потекли по его лицу на обнаженную, высохшую грудь. Онъ былъ смертельно блѣденъ.

— Такимъ ты мнѣ нравишься! сказала донна Флавія въ какомъ-то нечеловѣческомъ упоеньи ненависти и любви, гнѣва и наслажденія, и поспѣшно принялась опять за работу.

Инультъ потерялъ сознаніе, голова его поникла, глаза потонули во мракѣ между жизнью и смертью. Наконецъ это была агонія! Дикій восторгъ овладѣлъ Флавіей, сердце ея билось, но руки не дрожали. Она принялась работать и ей казалось, что изъ-подъ ея пальцевъ выходило чудо искусства. Въ мастерской было тихо какъ въ могилѣ, только сильное дыханіе художницы и слабые вздохи Инульта нарушали глубокую тишину. Онъ пришелъ въ себя, открылъ глаза и снова ожилъ.

— Боже! произнесъ онъ. Что это со мною дѣлается?

Донна Флавія воскликнула съ испугомъ.—Еще только полчаса и мы достигли цѣли! Зачѣмъ вы проснулись? Она оттолкнула свой станокъ.

— Мадонна! простоналъ Инультъ, кажется я умираю.

Она вскочила, схвативъ кинжалъ.

Первая мысль у ней была человѣческая: она хотѣла броситься перерѣзать веревки и освободить его. Съ этимъ намѣреніемъ она взбѣжала на лѣса. Но мысли страдальца помутились отъ приближающейся смерти; онъ не понялъ Флавіи и подумалъ, что она хочетъ его убить.

— Да, сказалъ онъ глухо. Вы правы. Что значитъ моя жизнь! Если вы меня поразите въ сердце, то увидите то истинное, такъ давно желаемое выраженіе лица, и жертва моя будетъ этимъ довершена.

Онъ смотрѣлъ восторженно.

Ей казалось, будто лава текла по ея жиламъ; въ ушахъ ея гу-

дѣло какъ будто отъ тысячи колоколовъ: кровь билась въ головѣ, словно кто по ней ударялъ молотомъ.

Кровожадное безуміе, похожее на дикую страсть, овладѣло художницею. Она въ воздухѣ намѣтила кинжаломъ его сердце.

— За тебя, народъ мой, произнесъ Инультъ еще слабѣе, я проливаю свою кровь! Боже, прими ее какъ искупленіе!

— Что ты меня искушаешь? мрачно сказала Флавія, и чудовищные глаза ея впились въ его блѣдное лицо, изъ котораго, казалось, исходило сіяніе.

Она отступила на шагъ, подняла кинжалъ и вонзила его въ грудь жертвы. Инультъ затрепеталъ и съ удивленіемъ взглянулъ на Флавію. Онъ проснулся вдругъ отъ своихъ мечтаній, что-то ударило его по головѣ, что-то сжало его сердце. Это было сожалѣніе о жизни, которою онъ не пользовался и которая отлетала теперь отъ него,— сожалѣніе о молодости, прелести которой онъ не испыталъ и которая теперь угасала,—сожалѣніе надъ потерей слова, которое будучи не выражено, умирало, становилось нѣмымъ на вѣки. Крупная слеза потекла по его лицу. Потомъ онъ поднялъ взглядъ на Флавію и улыбнулся.

— Боже, прости ей! прошепталъ онъ. Тѣнь пролетѣла по его лицу. Онъ склонилъ голову и тихо испустилъ послѣдній вздохъ. Кровь изъ груди его капала тяжелыми каплями и этотъ мрачный, странный звукъ, мѣрный какъ удары маятника, пробудилъ Флавію отъ ужаса ее окаменившаго. Она медленно сошла съ лѣсовъ, какъ бы во снѣ прошла по мастерской, какъ сомнамбула приступила къ дѣлу и начала работать. Часы проходили за часами, а Флавія все работала. Когда заходящее солнце своимъ кровавымъ свѣтомъ озарило мастерскую, Флавія окончила Распятіе. Она отошла отъ него на шагъ. Невыразимое блаженство сіяло въ ея глазахъ. Она подняла руки кверху и воскликнула:—Я увѣрена, что безсмертное произведеніе вышло изъ моихъ рукъ! Я достигла той высоты, о какой мечтала!

Затѣмъ она оборотилась къ кровавой своей модели и вдругъ все ея восхищеніе, все счастіе разомъ исчезло. Флавія съ ужасомъ поняла, что совершила убійство. Она упала на полъ почти безъ сознанія. Было уже совсѣмъ темно, когда она опять поднялась на ноги.

Она взглянула на Инульта. Ей почудилось, что онъ простиралъ руки, чтобы ее обнять. Волосы ея стали дыбомъ. Ей показалось, что онъ хочетъ, чтобы она поцѣловала его блѣдныя губы.

— Невѣста мертвеца! прошептала она и на колѣняхъ поползла къ измученному Инульту. Лбомъ дотронулась она до его ногъ. Мраморный ихъ холодъ возвратилъ ей самообладаніе. Она встала, зажгла лампу, отворила дверь и стала звать.

Плацидія и Квидонъ поспѣшно прибѣжали. Они уже давно удив-

лялись, что она такъ долго работала и теперь ихъ встревожилъ ея голосъ, звучавшій какъ-то глухо.

Они съ ужасомъ взглянули на нее. Точно привидѣніе стояла она въ темномъ углу, прислонясь къ стѣнѣ, съ кровавымъ пятномъ на лбу, которое на ней отпечатлѣлось, когда она коснулась головой еще неостывшихъ, окровавленныхъ ногъ этой жертвы искусства. Они оглянулись на крестъ и увидѣли мертваго Инульта, съ кровавой раною въ груди. Безъ движенія, безъ звука остановились они какъ вкопанные.

Она наконецъ заговорила, указывая пальцемъ на Инульта.

— Унесите его! сказала она мрачно.

— Ты его убила? спрасила Плацидія. Флавія утвердительно кивнула головой.

— Да проститъ мнѣ Богъ! прибавила она черезъ минуту.

— Ты говоришь о Богѣ? съ удивленіемъ воскликнула Плацидія. Начинаешь въ Него вѣрить?

— Я не могла окончить трудъ свой безъ этого убійства! уклончиво сказала Флавія. Потомъ черезъ минуту прибавила: — Онъ умеръ съ радостью.

Она закрыла свое лицо руками.

— Что же теперь? спросила ее старуха.

— Не знаю, отвѣчала Флавія.

— Я знала, что раньше или позже сброшу его въ тотъ склепъ,— съ грустной улыбкой сказала себѣ Плацидія; затѣмъ оборотившисъ къ плачущему Квидону, она прибавила:—Отнесемъ его пока еще время и пока никто ничего не подозрѣваетъ. Мадонна, посвѣтите намъ!

Они вынесли мертваго Инульта и окровавленный его крестъ, и начали спускаться съ лѣстницы. Флавія, поставивъ внизу лампу, подняла тяжелыя двери склепа, который какъ остатокъ какого-то стариннаго строенія былъ похожъ на вытесанное въ скалѣ бездонное пространство, куда вела скользкая, крутая, полуразрушенная лѣстница. Спускаться по ней было опасно. Квидонъ и Плацидія подняли трупъ къ отверстію, подержали его съ секунду надъ этой пропастью и затѣмъ выпустили его изъ рукъ. Когда онъ упалъ туда, изъ глубокой тьмы раздался такой страшный гулъ, что Флавія, Плацидія, Квидонъ, окаменѣлые отъ ужаса, долго стояли въ какомъ-то забытьи безъ движенія, а когда наконецъ оглянулись одинъ на другого, каждый увидѣлъ столько страха въ поблѣднѣвшемъ лицѣ другого, что они бросились бѣжать, воображая, что видятъ привидѣніе.

Никто не сталъ разыскивать Инульта, никто не спрашивалъ о немъ. Донна Флавія могла спать спокойно. Плацидія задумалась, когда на другой день увидѣла ее какъ всегда спокойную, безъ признаковъ жалости, съ улыбкой на губахъ.—Горе ей! сказала она Квидону.—Не вѣрю я этому спокойствію. Увидишь, она погибнетъ съ отчаянія!

Донна Флавія велѣла сдѣлать свое распятіе изъ мрамора и надъ лицомъ Христа сама работала усердно. Когда произведеніе было окончено, она отправила свое произведеніе въ богатый дворецъ того аристократа, который его заказалъ. Слава донны Флавіи прогремѣла по всей Прагѣ. Донъ Балтазаръ назначилъ блестящій праздникъ въ своемъ домѣ и доннѣ Флавіи былъ поданъ золотой вѣнокъ. Она держала его въ рукахъ, не спуская глазъ съ лица мраморнаго Спасителя, созданнаго ея руками и двѣ тяжелыя слезы покатились по ея щекамъ.

Грустная и блѣдная возвратилась она домой и прошла прямо въ мастерскую. Она сѣла недалеко отъ рельефа Проперціи де'Росси и тяжко задумалась. Когда пришла къ ней Плацидія, она сказала старушкѣ:

— Еслибъ ты знала, какъ мало утоляетъ жажду души—слава! Еслибъ ты знала, какъ мало насыщаетъ голодъ души—успѣхъ!

Плацидія взяла изъ рукъ ея вѣнокъ и положила ей на голову.

— Ты больше и славнѣе Проперціи де'Росси, сказала она. Ты превзошла ее!

— Проперція де'Росси! со страстью воскликнула Флавія. Она была счастлива, а я несчастна! Она закрыла лицо руками, а потомъ взглянувъ на Плацидію прибавила:

— Ее убила любовь, а я свою любовь убила!

Грудь ея поднялась отъ рыданій, но въ глазахъ слезъ уже не было·

— Молчи! сказала ей строго Плацидія и закрыла ротъ ея рукой.

— Молчи! Забудь!

Флавія, казалось, стала опять спокойною. Она сняла съ головы золотой вѣнецъ и подала его Плацидіи.

— Иди, сказала она, и брось этотъ вѣнокъ въ тотъ склепъ за нимъ..·

— Ты сходишь съ ума! воскликнула старуха.

— Иди и слушайся! повторила Флавія такъ твердо и съ такой силой, что старушка должна была повиноваться.

Когда она возвратилась въ мастерскую, рельефъ Проперціи де'Росси лежалъ на полу разбитый, а на большомъ крюкѣ, который поддерживалъ его, повисла донна Флавія, повѣсившаяся на кушакѣ своемъ.

Въ ту же ночь исчезло Распятіе работы Флавіи изъ молельни испанскаго вельможи, темную душу котораго этотъ мраморный Христосъ также не могъ тронуть, какъ не тронулъ бы его и Самъ Спаситель міра! Поэтому прекрасное Распятіе исчезло изъ дома гордыни и грѣха и чудеснымъ образомъ явилось въ церкви, посѣщаемой преимущественно пражскими бѣдняками.

Молва объ этомъ чудѣ разошлась по всей странѣ. Въ связи съ этимъ много говорили о непонятномъ самоубійствѣ донны Флавіи. Плацидія разъяснила загадку. Она разсказала все какъ было и отво-

рила двери склепа. Квидонъ съ помощью другихъ спустился внизъ и вынесъ останки несчастнаго Инульта и золотой брошенный за нимъ вѣнокъ.

Во время похоронъ Инульта, котораго провожало множество нищихъ и бѣднаго народа, случилось нѣчто удивительное. По всей дорогѣ становились на колѣни бѣдные и убогіе, и всѣ они кланялись въ землю усопшему, къ большому удивленію блестящихъ баръ въ золотыхъ каретахъ, которые, видя это, напрасно искали причины такого восторженнаго уваженія и поклоненія.

Надменный итальянскій кардиналъ, проживавшій тогда въ Прагѣ, очень разсердился, потому что роскошная его карета была задержана толпой стоявшаго на колѣняхъ народа. Онъ хотѣлъ выразить неудовольствіе свое словами.

Въ это время выходилъ изъ низенькаго дома старый, благочестивый священникъ, бѣдный и простой, несшій въ убогій домикъ утѣшеніе и помощь. Какъ только онъ увидѣлъ гробъ Инульта, простеръ къ нему руки, весь просіялъ, упалъ на колѣни и склонилъ голову.

Нетерпѣливый кардиналъ выскочилъ изъ своей кареты, подошелъ къ священнику и дотронулся до его плеча.

— Зачѣмъ вы на колѣняхъ и что значитъ этотъ почетъ? спросилъ онъ строго.

Священникъ взглянулъ на него, блестѣвшаго въ шелку и золотѣ.

— Развѣ вы не видите? съ удивленіемъ спросилъ онъ, отвернувшись отъ богатаго рубиноваго креста, сіявшаго на груди кардинала, и снова въ святомъ смиреніи послѣдовалъ глазами за гробомъ.

— Ничего не вижу кромѣ похоронъ какого-то нищаго! Кто онъ былъ? спросилъ кардиналъ.

— Не знаю, отвѣчалъ священникъ, но этотъ человѣкъ долженъ быть избранникомъ Божіимъ! Развѣ вы не видите, что передъ его гробомъ идетъ царь Давидъ съ арфою въ рукѣ, а за нимъ самъ Спаситель— босой, въ терновомъ вѣнцѣ?И священникъ поклонился въ землю....

И могли ли все это видѣть надменные, исполненные тщеславія и ослѣпленные праздною славою люди! Не для нихъ, но для несчастныхъ и отверженныхъ, для угнетенныхъ и скорбящихъ, для бѣдныхъ и простыхъ - пришелъ Христосъ, чтобы основать царство, не имѣющее ничего общаго съ тѣмъ, что называется силой и властностью въ этомъ мірѣ!

Господь не знаетъ тѣхъ, которые слывутъ первыми между людьми. Спаситель являетъ изрѣдка измученное, ясное свое лицо въ утѣшеніе лишь тѣмъ, которые считаются послѣдними.

Перев. *С. Срезневская.*

ИЗВѢЩЕНІЯ.

ОТЪ СОВѢТА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА.

Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта.

Торжественное общее собраніе гг. членовъ С.-Петербургскаго Славянскаго Благотворительнаго Общества 11 мая 1892 г. въ память свв. славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія и 900-лѣтія православія на Волыни.

11 мая, въ 8 ч. вечера, состоялось торжественное общее собраніе гг. членовъ Славянскаго Общества, подъ предсѣдательствомъ графа Н. П. Игнатьева.

Собраніе это почтили своимъ присутствіемъ преосвященный Антоній, епископъ Выборгскій, ректоръ с.-петербургской духовной академіи, преосвященный Никандръ, епископъ Нарвскій, о. прот. Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ,—представители столичнаго духовенства, не мало высокопоставленныхъ лицъ, члены Славянскаго Общества и до 700 постороннихъ посѣтителей.

Послѣ обычныхъ молитвъ, исполненныхъ хоромъ А. А. Архангельскаго, гр. Н. П. Игнатьевъ предложилъ почетное предсѣдательство преосвященному Антонію, на что его преосвященство и изъявилъ свое согласіе, осѣнивъ присутствующихъ своимъ благословеніемъ.

Затѣмъ гр. Н. П. обратился къ собранію съ слѣдующими словами:

«Милостивѣйшіе архипастыри и отцы, милостивыя государыни и государи.

Съ благословенія Его Преосвященства, объявляю засѣданіе открытымъ.

Сегодня на всей святой Руси и въ нашемъ Славянскомъ Обществѣ сугубый праздникъ: прославленіе памяти свв. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянскихъ, и чествованіе 900-лѣтія учрежденія епископской каѳедры на Волыни.

Вѣрные завѣтамъ нашихъ предшественниковъ, сегодня утромъ собирались мы для общей молитвы свв. первоучителямъ славянскимъ въ Исаакіевскомъ соборѣ. Божественную литургію совершалъ Высокопреосвященный Ѳеогностъ, архіепископъ Владимірскій въ сослуженіи съ о. о. архимандритами: Арсеніемъ и Варсонофіемъ и мѣстнымъ духовенствомъ; слово было произнесено о. пр. А. Соколовымъ. Молебенъ свв. Кириллу и Меѳодію служило высшее духовенство съ Высокопреосвященнѣйшимъ Сергіемъ, архіеп. Херсонскимъ во главѣ.

Вечеръ мы посвятимъ главнымъ образомъ чествованію 900-лѣтія со времени утвержденія православной епископской каѳедры при св. равноапостольномъ князѣ Владимірѣ на Волыни.

Впродолженіе этихъ девяти вѣковъ Волынская область, этотъ древле-русскій и древле-православный край, пережившій тяжкую борьбу съ инородческими нашествіями и порабощеніемъ, іезуитизмомъ и поль-

щизной, прославленный духовными подвигами и гражданскими доблестями свв. Θеодора и Константина—князей Острожскихъ, испытала на себѣ много чудныхъ дѣйствій Божественнаго Промысла и нынѣ, послѣ долгихъ лѣтъ испытанія, по милости Божіей, вмѣстѣ съ Холмщиной и Подоліей торжественно празднуетъ воспоминаемое нынѣ событіе.

По случаю совершившагося 900-лѣтія существованія православія въ области Волынской Совѣтъ Славянскаго Общества послалъ отъ имени Общества слѣдующія двѣ телеграммы: 1) Во Владимірѣ-Волынскій—Преосвященному Модесту: «Съ чувствомъ благоговѣнія и обще-русской радости переносясь мысленно на мѣсто сегодняшняго торжества, вспоминаемъ прошлыя историческія судьбы многострадальной православной Волыни. Да укрѣпляется здѣсь святая Русь и да разливается свѣтъ православія въ родственныхъ предѣлахъ». 2) Въ Кіевъ—въ Кіевское Славянское Общество: «Пославъ привѣтствіе съ сегодняшнимъ торжествомъ на Волынь, Славянское Общество шлетъ свой поклонъ матери городовъ русскихъ Кіеву, откуда при св. Владимірѣ возсіялъ свѣтъ православія по всей русской землѣ, озаривъ и Волынь и Галичъ».

Сегодня получены нами слѣдующія телеграммы и привѣтствія:

1) Изъ Кіева—отъ Кіевскаго Славянскаго Общества: «Общее собраніе Кіевскаго Славянскаго Общества, празднуя память свв. Кирилла и Меθодія, привѣтствуетъ Петербургское Славянское Общество, желаетъ полнаго успѣха общему единенію славянъ».

2) Изъ Бѣлграда—отъ Высокопреосвященнѣйшаго Михаила, митрополита сербскаго: «Поздравляю Славянское Общество съ 900-лѣтіемъ торжествующаго православія, которое любовію объединило народъ, возвышая дорогую Россію».

3) Изъ Цетинья—отъ Высокопреосвященнѣйшаго Митрофана, митрополита Черногорскаго: «Изъ глубины души сожалѣя, что не могу быть счастливъ, чтобы принять лично участіе въ великомъ религіозномъ торжествѣ празднованія, осмѣливаюсь выразить славному Собранію членовъ Славянскаго Благотворительнаго Общества мое самое горячее соучастіе, какъ къ самому торжеству, такъ и къ цѣлой святой Россіи. Изъ отдаленныхъ краевъ Адріатики приношу Славянскому Обществу и въ лицѣ его цѣлому братскому намъ русскому народу мое самое искреннее поздравленіе съ праздникомъ славянскихъ апостоловъ и многознаменательнаго торжества на Волыни, отъ всей души моля Преблагого Господа, да ниспошлетъ свою благодать православной русской церкви и благословитъ православнаго русскаго Государя, а нашего мощнаго Покровителя, Императора Александра III съ Его Свѣтлымъ Домомъ и вѣрнымъ Ему народомъ. Дай, Боже, чтобы подъ щитомъ и покровительствомъ русскаго Царя раздѣленное до сихъ поръ славянство побѣдило всѣхъ своихъ видимыхъ и невидимыхъ враговъ на прославленіе и возвеличеніе святой православной церкви, да постигнетъ она въ этомъ духовномъ союзѣ свою высокую и Богомъ предопредѣленную ей цѣль».

4) Изъ Бѣлграда—отъ Н. П. Пашича: «Привѣтствую съ торжествомъ православія, которое искони служило и вѣчно будетъ служить щитомъ славянской самобытности; сорадуюсь братьямъ русскимъ,

празднующимъ нынѣ знаменитый день 900-лѣтія утвержденія среди ихъ православія. Вѣчная слава и хвала св. равноапостольнымъ братьямъ — просвѣтителямъ славянства».

5) Изъ Лондона. Отъ протоіерея Лондонской православной церкви Евгенія Соловьева. «Уже самъ по себѣ славный и великопраздничный для каждаго славянина, а православнаго въ особенности, день 11 мая ознаменуется нынѣ еще и чрезвычайнымъ торжествомъ,—въ память девятисотлѣтія утвержденія Христовой вѣры, проповѣданной св. братьями — апостолами славянъ и дарованной русскому народу славнодержавнымъ, равноапостольнымъ Владиміромъ, — утвержденія ея въ Волынской землѣ чрезъ учрежденіе тамъ собственной еп. каѳедры. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что всегда и неизмѣнно столь доблестно отзывчивое на все въ славянствѣ—елика суть истинна, елика честна, елика праведна, елика прелюбезна, елика доброхвальна,—Славянское Благотворительное Общество сѣверной столицы русскаго царства не преминетъ достойно отпраздновать столь знаменательную и достославную годовщину.

Въ предощущеніи того священнаго трепета и умиленія, которыми предстоящая торжественная служба церковная не можетъ не переполнить русскую душу, гдѣ бы ни привелось ей справлять этотъ день, прошу позволенія почтительнѣйше принести высокочтимому Славянскому Обществу и мой усердно-поздравительный привѣтъ.»

Въ нашемъ сегодняшнемъ собраніи совершившемуся 900-лѣтію православія на Волыни будетъ посвящена статья, написанная по этому поводу для журнала «Славянское Обозрѣніе» Александромъ Семеновичемъ Будиловичемъ *. Ее прочитаетъ уважаемый сочленъ нашъ протоіерей А. А. Лебедевъ.

Считаю не лишнимъ напомнить Вамъ еще объ одномъ предстоящемъ торжествѣ.

Въ будущемъ сентябрѣ православная церковь готовится торжественно чествовать память великаго подвижника земли русской, преподобнаго Сергія, чудотворца Радонежскаго. Троицко-Сергіевская Лавра вмѣстѣ съ московскою духовною академіею, по мысли высокопреосвященнѣйшаго Леонтія, митрополита московскаго и коломенскаго, приняли на себя трудъ издать къ 25 сентября подробное жизнеописаніе преподобнаго Сергія, при участіи ректора духовной академіи архим. Антонія и проф. той же академіи Е. Е. Голубинскаго, для раздачи же народу—краткое жизнеописаніе Радонежскаго чудотворца подъ заглавіемъ: «Преподобный Сергій Радонежскій, его ученики и собесѣдники».

Наше Общество чествованію 500 лѣтія со дня кончины св. Сергія предполагаетъ посвятить первое торжественное осеннее собраніе.

Ваше сегодняшнее праздничное настроеніе я, къ моему прискорбію, вынужденъ омрачить печалію. Въ мартѣ текущаго года мы понесли новыя невознаградимыя потери. Скончались: 9 марта—Михаилъ Ивановичъ Семевскій и 20-го марта — Помпей Николаевичъ Батюшковъ. Оба почившіе сочлены наши были истинно русскіе люди!

Михаилъ Ивановичъ еще юношей отличался своими сочиненіями

* «Слав. Обозр.», апр. стр. 511—524.

по исторіи русской литературы и статистикѣ настолько успѣшно, чт обратилъ на себя вниманіе Я. И. Ростовцова, который и не преми нулъ рекомендовать его извѣстному литератору и знатоку русско: исторіи Галахову, а этотъ послѣдній ввелъ М. И. въ московскій ли тературный кружокъ и въ среду московскихъ профессоровъ. Въ Пе тербургѣ съ 1870 года М. И. началъ издавать всѣмъ вамъ извѣст ный журналъ «Русская Старина». Журналъ этотъ несомнѣнно спо собствовалъ возбужденію въ русскомъ обществѣ интереса къ недав нему прошлому нашего великаго отечества· Немало времени посвя тилъ М. И: и общественной дѣятельности: онъ служилъ по выборам мировымъ судьею, гласнымъ петербургской городской Думы, товари щемъ с.-петербургскаго головы и членомъ училищной думской ком миссіи· Заслуги его по достоинству были оцѣнены городскою Думок Въ дѣятельности нашего Славянскаго Общества, М. И., особенно в послѣднее время, принималъ живѣйшее участіе и немало помогал Совѣту Общества своими опытными совѣтами и указаніями въ дѣл изданія «Славянскихъ Извѣстій» и «Календарей».

Помпей Николаевичъ оставилъ по себѣ память и какъ ковенскі вице-губернаторъ и потомъ какъ попечитель виленскаго учебнаг округа. Всюду, стойко отстаивая интересы русской народности и ру(скаго образованія, П. Н. положилъ основаніе образцовому высшем женскому институту въ Вильнѣ. По переселеніи въ Москву, П. Н принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ дѣлахъ бывшаго Московска Славянскаго Комитета, особенно въ должности его вице президент Въ то же время онъ занимался изданіями: «Атласа народонаселені западно-русскаго края по исповѣданіямъ», «Памятниковъ русск старины въ западныхъ губерніяхъ», а съ переходомъ на службу в Петербургъ издалъ: «Холмскую Русь», «Волынь», «Бѣлоруссію Литву», «Подолію» и подготовлялъ къ печати, но не успѣлъ изда «Бессарабію». Всѣ эти почтенные и патріотическіе труды П. Н. с ставляютъ цѣнный вкладъ въ русскую историческую литератур неоцѣнимую заслугу передъ отечествомъ.

Миръ праху почившихъ рабовъ Божіихъ Михаила и Помпея!

Приглашаю почтить ихъ память общимъ вставаніемъ.

Кромѣ объявленнаго вамъ мною чтенія о 900-л. православія в Волыни, въ сегодняшнемъ собраніи будутъ прочитаны слѣд. стать и письма:

1. Письмо свящ. Товта изъ Менсаполиса. «О современномъ состояні православной церкви въ Америкѣ»,—прочитаетъ А. В. Васильевъ.

2. Статья «Воинствующій германизмъ,—прочитаетъ авторъ А. Д Папковъ.

3. Статья «Объ иновѣрной пропагандѣ въ Болгаріи»,—прочитает авторъ А. К. Людскановъ.

4. Статья «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ», написанная для на печатанія въ «Славянскомъ Обозрѣніи» доцентомъ Кіевской духо ной академіи В. З. Завитневичемъ,—прочитаетъ Ѳ. М. Истоминъ и если позволитъ время,—некрологъ незабвеннаго сочлена нашего П. Н Батюшкова; прочитаетъ составитель некролога М. И. Городецкій *).

*) Статьи эти будутъ напечатаны въ «Слав. Обозрѣніи».

Въ заключеніе моего вступленія, позвольте просить васъ принять въ вашу среду слѣдующихъ, предлагаемыхъ Совѣтомъ къ избранію въ члены Общества, кандидатовъ: Андреева, Семена Ивановича, Аничкова, Юрія Сергѣевича, Антонія, архимандрита, ректора московской духовной академіи, Анучина, Дмитрія Николаевича, Вишнякова, Владиміра Сумеоновича, Гольмана, Владиміра Владиміровича, Желобовскаго, протопресвитера Александра Алексѣевича, Лучича-Далматова, Василія Пантелеймоновича, Одинцова, Ивана Стефановича Пальчикова, Николая Васильевича, Перетерскаго, свящ. Василія Ивановича, Приселкова, прот. Дмитрія Александровича, Рукавишникова, Константина Васильевича и Эвальда, Николая Константиновича.

Всѣ названныя лица общимъ собраніемъ были единогласно избраны въ дѣйствит. члены С.-Пет. Слав. Общества. Гр. Н. П. Игнатьевъ, поздравляя новоизбранныхъ членовъ, просилъ ихъ помогать усердно въ общемъ дѣлѣ. Заключилъ свою рѣчь словами: и да поможетъ всѣмъ намъ Богъ!

Хоръ г. Архангельскаго исполнилъ послѣ того концертъ «Съ нами Богъ!»

Вступительная рѣчь гр. Н. П. Игнатьева и прочитанныя прот. А. А. Лебедевымъ, А. В. Васильевымъ, А. А. Папковымъ и Ѳ. М. Истоминымъ статьи были выслушаны съ необыкновеннымъ вниманіемъ и покрыты рукоплесканіями. Между чтеніями были исполнены хоромъ г. Архангельскаго нѣсколько пѣснопѣній. Чтеніе некролога П. Н. Батюшкова за позднимъ временемъ было отложено до перваго осенняго собранія. Собраніе было закончено величаніемъ свв. Кирилла и Меѳодія, исполненнымъ хоромъ г. Архангельскаго, и закрыто въ 11 1/4 вечера.

Въ засѣданіи Совѣта Славянскаго Общества, состоявшемся 25 марта, между прочимъ, постановлено: а) торжественное общее собраніе, назначенное на 6 апрѣля отмѣнить; б) память свв. славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія 11 мая чествовать по обычаю, утромъ—божественною литургіею и молебномъ въ Исаакіевскомъ соборѣ, а вечеромъ — торжественнымъ общимъ собраніемъ въ залѣ кредитнаго общества; в) чествовать 500-лѣтіе со дня кончины св. Сергія, Радонежскаго чудотворца, въ ноябрьскомъ торжественномъ общемъ собраніи; г) выдать въ единовременныя пособія: 19 добровольцамъ 145 р., 2 болгарамъ 50 р., 1 галичанину 10 р., 1 сербу 10 р. и 1 словаку 25 р.; д) принять 1 серба, поступающаго студентомъ въ с.-петербургскій университетъ, въ число стипендіатовъ Славянскаго Общества и выдавать ему съ 1 апрѣля въ ежемѣсячное пособіе по 20 р.; е) выдавать 1 сербу, студенту военно-медицинской академіи, въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ въ пособіе по 25 р. въ мѣсяцъ; ж) продолжить 1 сербу, студенту лѣснаго института, выдачу ежемѣсячныхъ пособій по 25 р. въ мѣсяцъ, еще на 6 мѣсяцевъ: мартъ — августъ; и з) утвердить расходы, произведенные съ 27 февраля по 25 марта, на 694 р. 40 к.

Въ засѣданіяхъ Совѣта Славянскаго Общества, состоявшихся 23 апрѣля и 17 мая между прочимъ постановлено,—въ первомъ: а) выдать единовременныя пособія 8 добровольцамъ и 1 вдовѣ добровольца 156 р., 1 чеху—10 р., 3 сербамъ—42 р. и 1 болгарину—12 р.; б) просьбу 1 чеха о предоставленіи ему въ Россіи мѣста конторщика препроводить въ чешское вспомогательное общество, по принадлежности, на зависящее распоряженіе; в) выдавать 1 болгаркѣ въ пособіе втеченіе 3 мѣсяцевъ, по 16 р. въ мѣсяцъ, для уплати за ея содержаніе въ пріютѣ св. Ксеніи: г) прошенія 1 мѣщанки и 1 дворянина о выдачѣ имъ какихъ либо денежныхъ пособій отклонить, какъ не входящія въ кругъ дѣятельности Славянскаго Общества и д) утвердить расходы, произведенные съ 25 марта по 23 апрѣля, на 581 р. 90,—и во второмъ: а) прошеніе 1 черногорца и 1 галичанина, о выдачѣ имъ какихъ либо денежныхъ пособій, отклонить; б) послать на географическую выставку въ Москву изданія Славянскаго Общества; в) выдать единовременныя пособія:—2 болгарамъ—75 р., 1 черногорцу 15 р. и 7 добровольцамъ 94 р. и 2 стипендіатамъ Общества впередъ стипендіи за іюнь, іюль и августъ 120 р. и г) утвердить расходы, произведенные съ 23 апрѣля по 17 мая, на 761 р. 29 к.

КЪ I тому «СЛАВЯНСКАГО ОБОЗРѢНІЯ».

Страп.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать:
53_{12}	14 февр.	19 февр.
54^{12}	1864 г.	1863 г.
69^{3}	14 февр.	19 февр.
371_{14}	на Суворова	кн. Суворова
372_{7}	Шудерскій	Шуберскій
373^{4}	Епифановскій	Епифанскій
374^{25}	Анна	Лина
377^{13}	pauvre	pauvre mère
568^{3}	Сарданапала	Валтасара
570_{2}	даже романизмъ	дакороманизмъ

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ЖУРНАЛЪ

1892

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

ТОМЪ II

МАЙ—АВГУСТЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОГО ТОМА

(МАЙ—АВГУСТЪ)

Стран.

А. С. ХОМЯКОВЪ (съ портретомъ).—Проф. **В. З. Завитневича.** . . 1

РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ.—**Срѣмца.** 25 и 265

ВОПРОСЪ ОБЪ ОБЩЕСЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ ВЪ ЗАПАДНИЧЕСКОМЪ ОСВѢЩЕНІИ.—Проф. **А. С. Будиловича** 45

СОЦІОЛОГІЯ И ПАНСЛАВИЗМЪ.—Проф. **Ѳ. Ѳ. Зигеля** 65

АРХИМАНДРИТЪ ЛЕОНИДЪ (КАВЕЛИНЪ).—Проф. **Г. А. Воскресенскаго** 97

СЛАВЯНСКІЯ ОСНОВЫ ИДЕЙ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ І. А. КОМЕНСКАГО.—Проф. **К. Я. Грота** 105

ВОСПОМИНАНІЯ ОБЪ А. А. ПОТЕБНѢ.—**В. И. Харціева** . . . 120 и 364

КЪ ВОПРОСУ О ВСЕСЛАВЯНСКОЙ СИСТЕМѢ СТЕНОГРАФІИ.—**Д.** 127

БЮДЖЕТЪ БОЛГАРІИ И ЕЯ ВНѢШНЯЯ ТОРГОВЛЯ, ВЪ СРАВНЕНІИ СЪ ДР. БАЛКАНСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ.—**Герис—ва.** . . 185

ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ ВЪ КАЗАНИ (съ портретомъ).—**М. П—скаго** 229

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ КН. В. А. ЧЕРКАСКАГО И Н. А. МИЛЮТИНА. Реформа учебной части въ Царствѣ Польскомъ.—**А. Б.** 295

ИЗЪ ИСТОРІИ СЛАВЯНСКАГО ОБЩЕНІЯ (П. І. Шафарикъ и О. М. Бодянскій).—**Н. Ѳ. Сумцова** 336

ЧЕХЪ О СЛАВЯНСКОМЪ ВОПРОСѢ.—**Т. Д. Флоринскаго** 346

ІОАННЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ НАУМОВИЧЪ.—**Червонорусса** 377

ГАЛИЦКО-РУССКАЯ ПОЛИТИКА ПОСЛѢДНИХЪ ЛѢТЪ . . . 416

ОБЩЕ-НѢМЕЦКІЙ ШКОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ.—**А. А. Папкова** 428

ЛѢТОПИСЬ.

Политическія стремленія нѣмцевъ. Противодѣйствіе со стороны народностей, особенно славянскихъ, отчасти и романскихъ. Двадцатилѣтіе мадьяризма; его отношеніе къ германизму. Отношенія русско-нѣмецкія и русско-французскія. Съѣзды «соколовъ» въ Нанси и Львовѣ. Регуляція валюты. Прибрамская катастрофа. Безпорядки въ Лодзи. Волынскій юбилей. Армянскій католикосъ. Общество Коменскаго. Реформа галицко-русскаго правописанія.

Значеніе для греко-славянъ послѣднихъ событій въ Англіи и Германіи. Новые моменты въ борьбѣ съ германизмомъ чеховъ и словенцевъ. Поляки и Россія. Вопросъ румынскій. Софійскія казни.—**А. Б.** . . . 136 и 385

ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ.

Изъ Кіева. По поводу чешскихъ дѣлъ.—**Ѳ. Л. Яроша** 153

Изъ Львова. Результаты сейма. Упадокъ польскаго землевладѣнія. Ожидовленіе городовъ. Неохота къ промышленности. Новое направленіе въ средѣ молодежи. Развитіе соціализма. Положеніе учителей.—**Черноморусъ** 157

Изъ Кошицъ (Угрія). Угрорусское простонародье. Его экономическое положеніе. Школы. Церковь. Національное сознаніе. Угрорусская интеллигенція. Ея постепенное омадьяренье. Высшее и низшее духовенство. Трудность нынѣшняго положенія угроруссовъ.—**Ж. З. И.** . . 160

Изъ Кракова. Посѣщеніе чехами юбилейныхъ празднествъ польскаго «сокола» во Львовѣ и воззрѣніе «Часа» по поводу ихъ.—**К—отъ.** . 172

Изъ Горицы (Приморье). Мѣстныя политическія партіи.—**М. Х.** 175

Изъ Дубровника. Экономическое положеніе далматинцевъ. Торговля виномъ. Пути сообщенія. Отношенія вѣроисповѣдныя. Народное образованіе. Политическія партіи.—**С.** 179

Изъ Турчанскаго Св. Мартина. Два слова о мадьярской статистикѣ.—**Св. Гурбана-Ваянскаго.** 405

Изъ Тріеста. Борьба языковъ итальянскаго, нѣмецкаго и славянскаго. Необходимость поддержки изъ центра. Усиленіе интереса къ русскому языку и литературѣ.—**Словенца** 410

Изъ Цвтинья. Внутренняя жизнь въ Черногоріи. Внѣшнія отношенія. Сербо-хорватскій вопросъ.—**М. П. Драговича** 412

БИБЛІОГРАФІЯ.

Bibliographische Uebersicht über die slavische Philologie. 1876—1891. Verfasst von Dr. *Fr. Pastrnek*. Berlin. 1892. Проф. **А. С—кій.** *М. И. Сухомлиновъ.* Сочиненія М. В. Ломоносова, съ объяснительными примѣчаніями. Изд. Имп. Академіи Наукъ. Т. I. Спб. 1891. — Проф. **А. Б.** Краткій обзоръ вышедшихъ въ Россіи сочиненій на малорусскомъ нарѣчіи.—**Арк. Лин—ко.** Переписка Коменскаго. Jana Amosa Komenského Korrespondence. Sebral a k. tisku připravil A. Patera, v Praze, 1892.—Проф. **К. Гротъ.** Обзоръ словинской литературы за 1891.—**П М.**

И. М. Собѣстіанскій. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. 1892. — **А. С. Вязигина.** Историческіе матеріалы изъ архива министерства государственныхъ имуществъ. Вып. I. 1891. **З.** *П. Д. Брянцевъ.* Польскій мятежъ 1863 г. В. 1892. **І. Живозноновъ.** Бібліографическій обзоръ серболужицкой литературы въ 1890—91 годы.—**Мильчанина.** Обзоръ по чешской литературѣ, языкознанію и исторіи за 1891—92 годы.—**Р. Р. Chrudimensis.** . . . . 192 и 437

СМѢСЬ . . . . 211 и 474

ПРИЛОЖЕНІЕ. ОДИНЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ БОЛГАРСКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ. ПОРТРЕТЪ. Разсказъ **И Вазова.** Съ болгарскаго. Перев. *В. Г. В—кова.* ИНУЛЬТУСЪ Пражская легенда. **Ю. Зейера.** Съ чешскаго. Перев. *Л. Срезневская.* ИРОДЪ. Поэма **С. Гурбана-Ваянскаго.** Съ словенскаго. Перевелъ *В. И. Кривошъ.* ПАНЪ РИШАНЕКЪ И ПАНЪ ШЛЕГЛЬ. Изъ «Малостранскихъ разсказовъ». **Я. Неруды.** Съ чешскаго. Перев. *Э. П—ская.* . . . .

ИЗВѢЩЕНІЯ. Отъ Совѣта Славянскаго Благотворительнаго Общества.

Редакторъ-Издатель **Антонъ Будиловичъ.**

СЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1892

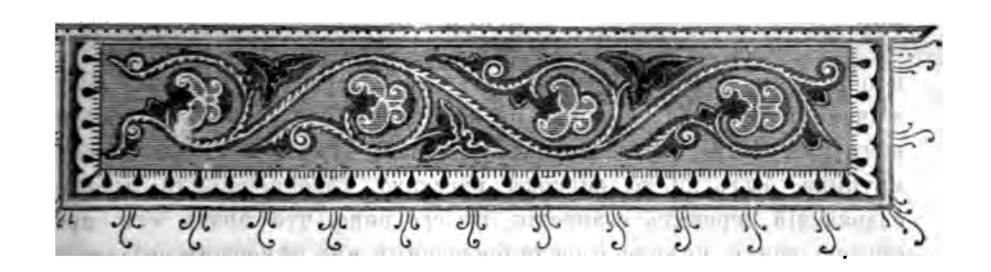
ІЮЛЬ—АВГУСТЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.—ТОМЪ II

Викторъ Ивановичъ Григоровичъ

Род. 30 апр. 1815, † 19 дек. 1876

Приложеніе къ «Слав. Обозрѣнію» 1892



ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ

ВЪ КАЗАНИ

(Библіографическій очеркъ)

Въ тысячелѣтней жизни Руси историческая наука находитъ нѣсколько эпохъ, въ которыхъ ярче отразилось то или другое направленіе, характеризующее жизнь народа впродолженіе цѣлыхъ столѣтій. Тамъ встрѣчаемся мы съ эпохою удѣльно-вѣчевою, съ эпохою усиленія Москвы, съ ростомъ Петербурга. Тамъ говорятъ намъ о періодахъ норманскомъ, монгольскомъ, литовскомъ, западно-европейскомъ. Не встрѣчаемъ мы въ этихъ рубрикахъ только одного періода: славянскаго. На первый взглядъ такое замѣчаніе можетъ показаться по меньшей мѣрѣ страннымъ, такъ какъ и вся тысячелѣтняя исторія Руси должна считаться исторіей славянскаго государства. Но всматриваясь ближе въ строго-ученые или художественные разсказы о русской жизни, мы невольно придемъ къ мысли, высказанной ранѣе. Съ той поры какъ лѣтопись русская переступила рамки византійскаго хронографа, она съ намѣреніемъ, усиленно желала видѣть въ русскомъ государствѣ не славянскій край съ его рѣзкими характеристическими отличіями, а государство, устраиваемое по образу и подобію западно-европейскихъ, неславянскихъ государствъ. Уже съ половины XVI вѣка замѣчается стремленіе смотрѣть на Русь не какъ на виднаго члена славянской семьи, а какъ на безличнаго недоросля, не получившаго чина европейца. XVII вѣкъ, сближавшій Русь съ сосѣдними западными стихіями, завершился такъ называемою реформою Петра В., въ которой о славянствѣ Руси уже не могло быть и рѣчи, несмотря на то, что геніальному императору далеко не чужды были идеи славянства. Борьба доблестныхъ черногорцевъ

и обращеніе ихъ къ Петру, привѣтствія хорвата Витезовича и лужичанина Бранцля не могли не пробудить сочувствія въ пытливомъ умѣ Петра, и въ Европѣ умѣвшаго отмѣтить славянскіе памятники, былъ ли то списокъ русскаго лѣтописца или древнеславянскій переводъ евангелія. Не его вина, что жизнь его пресѣклась ранѣе, нежели взошли брошенныя имъ сѣмена просвѣщенія. Его ближайшіе потомки, увлекшись одною внѣшностью его начинаній, не поддержали его дѣла, и государство, стремившееся на взглядъ по пути прогресса, на самомъ дѣлѣ праздновало только разрывъ съ основами своей народности и все болѣе и болѣе забывало о своемъ славянскомъ происхожденіи. Оффиціальная, дѣятельная Русь, не отрекшись отъ славянскихъ основъ, лежащихъ въ ней, не чувствовала въ себѣ этихъ основъ и дошла въ своей центробѣжной погонѣ за европеизмомъ до забвенія даже тѣхъ началъ своего просвѣщенія, которыя завѣщаны ей были славянствомъ въ переводѣ св. писанія. Воспоминаніе о славянскихъ первоучителяхъ сгладилось въ ней, за исключеніемъ той непрогрессивной среды, гдѣ можетъ быть и неумѣло, но все-таки праздновалась ихъ память. Изъ всего простора славянской земли Русь обладала наибольшими сокровищами древне-славянской литературы, но еще долго приходилось имъ лежать никѣмъ и ничѣмъ не тронутыми, кромѣ плѣсени. Интеллигентная среда русскаго общества, отвернувшаяся отъ низшаго грамотнаго класса народонаселенія, не хотѣла знать, чѣмъ питались чаянія русскихъ людей, забытыхъ новою исторіей. И за возрожденіе мысли о славянствѣ представители образованнаго сословія поставили себя въ необходимость благодарить Западъ, — но не тотъ Западъ, съ которымъ боролись мы, а тотъ ближайшій къ намъ и по мѣстности и по крови Западъ, на которомъ совершалось обновленіе его жизни наукой и идеей славянства. Въ концѣ XVIII и начала XIX столѣтій у чеховъ, моравянъ и словаковъ усиливается стремленіе поддержать свое славянское существованіе, которому грозила повидимому неизбѣжная гибель. Германія, какимъ бы частнымъ именемъ ни звалась она, уже поглотила въ своемъ государственномъ организмѣ юго-западныя и сѣверо-западныя славянскія земли и, въ силу послѣдовательности своихъ начинаній, стремилась къ обезличенію тѣхъ членовъ своей территоріи, которые еще носили славянскій обликъ и не забыли славянской рѣчи. Насилія правительственной системы въ Австріи пробудили въ славянскомъ обществѣ сознаніе о грозящей бѣдѣ и въ то же время успѣхи филологическихъ наукъ въ Германіи предлагали переимчивымъ славянамъ готовыя программы для ихъ ученой дѣятельности. И политическая необходимость и ученый при-

мѣръ дали толчекъ всему живому въ той части Славянскаго міра, которая недаромъ называетъ себя теперь послѣднимъ оплотомъ славянской стихіи на славянскомъ сѣверо-западѣ. Чехи и моравяне одновременно возстали на защиту славянства, хотя и не всѣ вѣрили въ возможность отстоять свои права. Нѣкоторые изъ нихъ, напр. Добровскій, относились къ славянству какъ археологи. Добровскій ясно понималъ жизненный строй славянскихъ народовъ, выражающійся въ ихъ литературѣ, и потому не могъ ограничиться интересами одной своей народности, чувствуя общность и политическихъ и литературныхъ судебъ славянства. Наряду съ изученіемъ современной ему учено-литературной дѣятельности славянъ, онъ занимался изслѣдованіями о прошломъ славянства, въ чемъ бы оно ни выражалось. Не было славянскаго племени, которое казалось бы Добровскому незначительнымъ, которое своимъ языкомъ и письменностью не служило бы свѣтомъ или тѣнью въ общей картинѣ славянства. Вмѣстѣ съ многостороннимъ изученіемъ памятниковъ чешской науки и литературы, Добровскій невольно былъ увлеченъ въ отдаленную эпоху того славянскаго просвѣщенія, которое было завѣщано его родинѣ Кирилломъ и Меѳодіемъ. Очевидно, онъ долженъ былъ заняться вопросомъ о первоначальномъ народномъ просвѣщеніи славянъ вообще, а стало быть долженъ былъ уяснить себѣ особенности того языка, на которомъ впервые всѣмъ славянамъ предлагалась просвѣтительная проповѣдь. Много вопросовъ для обсужденія предстояло геніальному ученому. Онъ долженъ былъ начать пересмотръ ихъ съ азбуки, въ буквальномъ значеніи этого слова. Онъ принужденъ былъ вновь провѣрить все предложенное наукой до него по этому темному вопросу, и на основаніи всесторонняго обслѣдованія принять то или другое рѣшеніе въ вопросѣ о томъ, какая изъ двухъ славянскихъ азбукъ, такъ называемая кирилловская или такъ называемая глаголическая, была въ употребленіи у славянъ на разсвѣтѣ ихъ исторіи. По тѣмъ даннымъ, которыя въ эпоху Добровскаго были доступны наукѣ, онъ принялъ сторону кириллицы, не предполагая конечно, что нѣкогда въ Казани появится трудъ, имѣющій пошатнуть прочное повидимому рѣшеніе вопроса. Затѣмъ, взявшись за разработку основъ церковно-славянскаго языка, на основаніи не однихъ старопечатныхъ церковныхъ книгъ, но и рукописей, Добровскій долженъ былъ рѣшить вопросъ о томъ, какому славянскому племени именно принадлежалъ тотъ славянскій языкъ, на который было впервые переведено св. писаніе. Но и для рѣшенія этого вопроса въ его время еще чувствовался недостатокъ предварительныхъ работъ; да и племя болгаръ, среди которыхъ появился

переводъ св. писанія, было извѣстно Европѣ только по имени, а дѣятельность Кирилла и Меѳодія пріурочивалась, не безъ основаній, Моравіи въ широкомъ смыслѣ этого слова. Во всякомъ случаѣ Добровскій своими многочисленными трудами затронулъ, можно сказать, всѣ вопросы славянскаго языкознанія и подалъ примѣръ послѣдующимъ ученымъ, какъ подходить къ пересмотру всѣхъ данныхъ науки и на ихъ основаніи дѣлать серьезные выводы. Еще при жизни Добровскаго начали оправдываться чаянія его сподвижниковъ о значеніи славянскаго слова въ древности. Въ первой четверти текущаго столѣтія въ Чехіи издаются Ганкой «древнѣйшіе», какъ тогда вѣрили, памятники чешской литературы, извѣстные подъ именемъ Краледворской и Зеленогорской рукописей. Эти остатки чешской поэзіи, записанные въ Чехіи будто бы не позже XIII вѣка, разомъ подняли значеніе чешской литературы въ глазахъ всей образованной Европы. Какъ возникшіе, по общему тогдашнему убѣжденію, частью въ эпоху языческую, частью же въ періодъ распространенія христіанства на славянскомъ Западѣ, эти памятники живо указали Европѣ, не желавшей знать славянъ, какія сокровища мысли и слова могло въ старину давать забытое въ ту пору славянское племя. Ганка, обнародовавшій «Краледворскую рукопись», нашелъ въ Добровскомъ ученаго руководителя своей славянской пытливости, работалъ для него по его указаніямъ [1] и могъ уразумѣть великія начинанія своего учителя. Уже поэтому только онъ не могъ ограничиться областью одной своей рѣчи. Къ тому же еще ранѣе онъ имѣлъ возможность познакомиться съ сербами и руссами, квартировавшими на его родинѣ во время борьбы съ Наполеономъ. «Я полюбилъ русскихъ и за ихъ доброту, и за то, что легко могъ понимать ихъ, не такъ какъ солдатъ нѣмецкихъ—говорилъ Ганка. Но въ то же время не въ одномъ мнѣ зародилось какое-то чувство зависти къ русскимъ, которое послѣ, въ Прагѣ, еще болѣе развилось. Вотъ русскіе, думали себѣ мы, юноши, слыша объ ихъ успѣхахъ въ войнѣ съ Наполеономъ,—стоятъ сами за себя, заставляютъ себя уважать и бояться, а насъ, чеховъ, будто и на свѣтѣ нѣтъ. У нихъ, русскихъ, все свое, а у насъ когда-то все было, и давно уже нѣтъ. Почему же нѣтъ, когда было? Почему не быть какъ было [2]!» Тогда же у сербовъ, начавшихъ борьбу за политическое существованіе, является Караджичъ, вынесшій на свѣтъ Божій всю прелесть сербской народной пѣсни,

---

[1] Воспоминаніе о В. В. Ганкѣ. И. Срезневскаго. Спб. 1861, стр. 11.
[2] Ibid.

удивившей красотой своей даже такихъ людей, какъ Гете, Яковъ Гриммъ или Северинъ Фатеръ.

Между тѣмъ и на Руси, сближавшейся съ неславянскимъ Западомъ, были немногія отдѣльныя личности, инстинктивно чувствовавшія неполноту своего просвѣщенія безъ участія славянства, понимавшія, что въ могучей представительницѣ славянскаго элемента Европы—недостаетъ славянскаго сознанія, что побѣдительница Запада не чувствуетъ своего духовнаго плѣна, въ которомъ она нежданно-негаданно очутилась послѣ своей побѣды. То, что замѣчалось еще въ XVIII столѣтіи немногими, въ началѣ XIX стало сознаваться при помощи науки бо̀льшимъ сравнительно числомъ лицъ. Какъ у западныхъ славянъ проснулось сознаніе, вызатое правительственнымъ гнетомъ и подсказанное наукой, также и у русскихъ людей, при содѣйствіи западно-славянской науки, усилилось сознаніе своего добровольнаго порабощенія, и почти одновременно начинаютъ раздаваться голоса за славянскія стихіи, живущія въ русской націи, хоть и подавляемыя западнымъ просвѣщеніемъ. Шишковъ, осмѣянный непонимавшими его современниками и забытый легкомысленнымъ потомствомъ, Каченовскій, сомнѣвавшійся во всемъ томъ, чему вѣрили его сверстники и не сомнѣвавшійся только въ важности славянской стихіи въ жизни и словѣ русскаго народа,—были первыми глашатаями славянскихъ интересовъ на Руси. Къ этимъ именамъ вскорѣ присоединились имена послѣдующихъ ученыхъ, уразумѣвшихъ все значеніе славянства и его первоначальной просвѣтительной литературы. Это были: Калайдовичъ, Востоковъ, Кеппенъ. Шишковъ, знакомый съ старо- печатной литературой Руси, отстаивалъ значеніе церковнаго языка въ образованіи русскаго литературнаго стиля и занимался корнесловіемъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ слѣдилъ и за успѣхами славянства внѣ Руси. Вслѣдъ за обнародованіемъ Краледворской рукописи, онъ представилъ посильный переводъ и объясненіе ея. Онъ же сравнивалъ звуковыя особенности краинскаго нарѣчія параллельно съ русскимъ, въ языкѣ же церковно-славянскомъ видѣлъ совокупность всѣхъ славянскихъ нарѣчій, въ чемъ отступалъ отъ Добро̀вскаго. Наконецъ его литературныя сношенія съ Ганкой повліяли впослѣдствіи на открытіе каѳедръ славянской филологіи въ русскихъ университетахъ. Каченовскій въ вопросѣ о народности церковно-славянскаго языка держался довольно шаткой мысли Добровскаго, утверждавшаго сначала, что языкомъ перевода св. писанія былъ древне-сербскій [3],

---

[3] Slavin. 1806. № 20.

а затѣмъ, что это было древнее, еще не смѣшанное сербско-болгарско-македонское нарѣчіе [4]; но въ то же время чувствовалъ необходимость изученія славянскихъ нарѣчій для успѣховъ науки о русскомъ словѣ. Еще въ 1817 году онъ доказалъ всю важность филологическаго изученія языка въ своемъ «Историческомъ взглядѣ на грамматику славянскихъ нарѣчій [5], написанномъ подъ вліяніемъ Добровскаго. Въ то время какъ Добровскій печаталъ свой классическій трудъ, посвященный церковно-славянскому языку: Institutiones linguae slavicae, на Руси уже всѣ, заинтересованные судьбою древне-славянскаго просвѣщенія, читали знаменитое «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ, служащее введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ» [6]. Сочинитель этого разсужденія, Востоковъ, основываясь на текстѣ Остромирова евангелія, приготовляемаго имъ къ изданію, разъяснилъ значеніе такъ называемыхъ полугласныхъ буквъ въ древне-славянскомъ алфавитѣ и открылъ носовое произношеніе юсовъ, которые предшественниками его считались излишними знаками въ славянскомъ алфавитѣ. Это весьма важное открытіе въ мірѣ славянской филологіи, вмѣсто уясненія особенностей церковно-славянскаго языка, какъ древне-болгарскаго, могло въ ту пору незнакомства съ живымъ болгарскимъ нарѣчіемъ устранить неокрѣпшую мысль о болгарскомъ происхожденіи славянскаго перевода св. писанія,—мысль высказанную еще Іорданомъ [7] въ первой половинѣ прошлаго столѣтія и повторенную Шлецеромъ [8]. Носовыхъ звуковъ не замѣчали у болгаръ; и самъ Востоковъ думалъ, что они находятся только у поляковъ и у люнебургскихъ славянъ, слѣдуя указанію Добровскаго [9]. И это важное для филолога открытіе носовыхъ звуковъ у болгаръ впервые было сдѣлано, какъ увидимъ, тоже казанскимъ ученымъ. Востоковъ между прочимъ замѣтилъ въ своемъ разсужденіи, что «древне-славянскій языкъ заключается въ письменныхъ памятникахъ IX — XIII ст., затѣмъ средній, а съ XVI столѣтія—новый». Говорятъ, что Добровскій, узнавшій о разсужденіи Востокова только при выпускѣ въ свѣтъ своей церковно-славянской грамматики, такъ былъ пораженъ наблюденіями рус-

---

[4] Cyrill und Method. 133.

[5] Труды Общества любителей россійской словесности, при московск. университетѣ. Ч. IX.

[6] Ibid., ч. XVII. Нѣсколько ранѣе В. упомянулъ о томъ же въ Вѣстникѣ Европы.

[7] De originibus Slavicis. IV. 126.

[8] Nestor. I. § 18.

[9] Slovanka. I. 12—26; II. 220—228.

скаго ученаго, что едва не уничтожилъ всего изданія своей грамматики. Впослѣдствіи въ 1843 г. Востоковъ издалъ текстъ Остромирова евангелія съ примѣчаніями, въ которыхъ привелъ въ стройную систему свои открытія въ области церковно-славянской грамматики. Но этому классическому труду предшествовали другіе, разъяснявшіе судьбы древне-славянской письменности. Уже въ 1824 г. онъ началъ свое ученое палеографическое описаніе рукописей гр. Румянцева, которое было издано въ 1842 г., и изучалъ въ числѣ другихъ памятниковъ извѣстный Святославовскій или вѣрнѣе Симеоновскій сборникъ 1073 г. Въ томъ же 1824 г. Калайдовичъ издалъ любопытное «Изслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX и X-го столѣтій», подъ названіемъ: «Іоаннъ экзархъ Болгарскій». Въ этомъ изслѣдованіи о дѣятельности современника Кирилла и Меѳодія Калайдовичъ доказывалъ, что основой церковно-славянскаго языка былъ языкъ моравскій, общій для болгаръ, сербовъ и русскихъ [10]. Въ слѣдующемъ 1825 г. Калайдовичъ и Строевъ издали описаніе славянскихъ рукописей гр. Толстого.

Такимъ образомъ понемногу раскрывались матеріалы древнеславянской письменности, и въ томъ же 1825 г. ученый Кеппенъ могъ уже задумать библіографическій журналъ, посвященный главнѣйшимъ образомъ славяновѣдѣнію. Въ Востоковѣ Кеппенъ нашелъ дѣятельнаго сотрудника, помѣстившаго тамъ описаніе двухъ рукописей XI в.: твореній Григорія Богослова [11] и такъ называемой Супрасльской рукописи [12].

Во время путешествія своего по славянской Европѣ, Кеппенъ старательно собиралъ свѣдѣнія о древнихъ славянскихъ памятникахъ и снимки съ нихъ, между которыми были и извѣстныя Фрейзингенскія статьи, памятникъ можетъ быть X в., съ особенностями словинскаго нарѣчія. И въ изданіи «Собранія словенскихъ памятниковъ, находящихся внѣ Россіи», вышедшемъ въ свѣтъ въ началѣ 1827 г., Востоковъ помѣстилъ свои «Грамматическія объясненія на три статьи Фрейзингенской рукописи». Въ объясненіяхъ своихъ Востоковъ сказался въ пользу болгарскаго нарѣчія, какъ церковно-славянскаго.

Одновременно съ этими явленіями на Руси, у славянъ высказывается стремленіе комбинировать литературныя явленія всего славянскаго міра, стремленіе видѣть во всемъ политически разъединенномъ славянствѣ одну семью. Самымъ

---

[10] Іоаннъ экзархъ болгарскій. Стр. 7—8.
[11] Библіографическіе листы, № 7.
[12] Библіографическіе листы, № 14.

крупнымъ по мысли вкладомъ въ славянскую науку того времени слѣдуетъ считать трудъ Шафарика: «Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten», вышедшій въ 1826 г Это сочиненіе должно считаться краеугольнымъ камнемъ, положеннымъ въ основаніе славяновѣдѣнія вообще. Въ немъ впервые были собраны воедино всѣ открытія въ мірѣ славянскаго слова, въ немъ выразилась глубокая мысль, что судьбы славянскаго слова могутъ быть разсматриваемы только въ совокупности явленій. Шафарикъ, чуждый политической пропаганды, выставилъ на видъ Европы значеніе многочисленнаго племени, раздробленнаго, но живущаго одной жизнью. Въ 1831 г. Шафарикъ издалъ важный по времени «Обзоръ главнѣйшихъ древнихъ рукописныхъ сербскихъ и другихъ южнославянскихъ памятниковъ» [13]. Въ 1833 г. тотъ же ученый издалъ трудъ о сербскомъ нарѣчіи, которое, по словамъ автора, въ древнѣйшую уже эпоху отличалось отъ древне-славянскаго. Этимъ трудомъ окончательно опровергалась мысль о сербскомъ происхожденіи перевода св. писанія [14]. Въ 1837 г. Шафарикъ издалъ новый классическій трудъ о древнѣйшей исторіи всѣхъ славянъ до принятія ими христіанства. Въ немъ онъ уже путемъ историческихъ соображеній пришелъ къ положительному выводу, что церковно-славянскій языкъ былъ происхожденія болгарскаго, что славянская литургія естественнымъ образомъ шла не изъ Моравіи въ Болгарію, но наоборотъ [15].

Между тѣмъ, за годъ до того, ученый словинецъ Копитаръ, издавшій древніе глаголическіе отрывки церковнославянскихъ поученій, выступилъ съ новымъ взглядомъ на исторію славянскаго алфавита и происхожденіе церковно-славянскаго языка. Рукопись, на основаніи которой Копитаръ возсталъ противъ мнѣнія Добровскаго, по особенностямъ языка и письма не походила на тѣ далматскія рукописи XIII — XIV в., на основаніи которыхъ Добровскій приписывалъ происхожденіе глаголическаго алфавита XIII вѣку. Копитаръ въ своемъ изслѣдованіи о глаголической рукописи Клоца приходилъ къ заключенію, что не только и кирилловскій и глаголическій алфавиты съ древнѣйшихъ поръ были въ ходу у славянъ, но что глаголическій оригинальный славянскій алфавитъ былъ старше кирилловскаго, заим-

---

[13] Uebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bei den Serben und anderen Südslawen. Wiener Jahrbücher der Literatur. T. 53.

[14] Serbische Lesekörner, oder historisch-kritische Beleichtung der Serbischen Mundart. Pesth. 1833, стр. 116.

[15] Slowanské starožitnosti. W Praze. 1837, стр. 818.

ствованнаго у грековъ. Относительно церковно-славянскаго языка Копитаръ высказалъ мысль объ его паннонскомъ происхожденіи [16]. Тогда же появляются труды польскихъ ученыхъ, напр. Мацѣевскаго, издавшаго «Исторію славянскихъ законодательствъ» и писавшаго объ исторіи и литературѣ славянъ [17], затѣмъ труды Вишневскаго, начавшаго изданіе своего замѣчательнаго сочиненія по исторіи польской литературы [18], и замѣчательный по мысли и выполненію обзоръ древней русской литературы Максимовича, взглянувшаго на русское слово съ славянской точки зрѣнія [19]. Я опускаю здѣсь перечень изданій многихъ памятниковъ по русской и славянской старинѣ, сдѣланныхъ до 40 годовъ,—изданій, выпущенныхъ въ свѣтъ съ цѣлью чисто практическою, безъ надлежащей провѣрки текста, безъ соблюденія палеографическихъ особенностей. Памятники эти хотя и знакомили съ самымъ матеріаломъ, но были чужды научныхъ пріемовъ изданія и, удовлетворяя первымъ потребностямъ историка, поражали филолога небрежностью исполненія.

Въ настоящемъ перечнѣ указаны только главнѣйшіе труды по славянской филологіи, которые или положительно могли считаться откровеніями въ наукѣ или по крайней мѣрѣ предлагали выработанный методъ для послѣдующихъ изслѣдователей. Каждый изъ этихъ трудовъ дѣлался распространителемъ новыхъ идей въ области науки, хотя и не рѣшалъ окончательно многихъ и существенныхъ ея вопросовъ. Самый матеріалъ древне-славянской литературы, начиная съ церковно-славянской, былъ не только не обслѣдованъ, но даже и не приведенъ еще въ извѣстность. Памятники, находящіеся на Руси, были извѣстны сравнительно болѣе, нежели хранящіеся въ монастырскихъ и церковныхъ библіотекахъ славянскаго юга; нарѣчіе болгаръ, изучаемое по незначительнымъ и по количеству и по качеству пособіямъ, нуждалось въ изслѣдованіи своихъ особенностей для фундаментальнаго разъясненія вопроса о языкѣ первоначальнаго перевода св. писанія, вопроса весьма различно рѣшаемаго такими учеными, какъ Добровскій, Копитаръ, Востоковъ и Шафарикъ. То же слѣдуетъ сказать и объ алфавитѣ, съ которымъ связывался важный вопросъ о томъ, кому славяне обязаны за первоначальное просвѣщеніе—Западу или Востоку, откуда конечно

---

[16] Glagolita Clozianus. IX.

[17] Pamiętniki o dziejach pismiennictwie i prawodawstwie Słowian. 1839.

[18] Historya literatury Polskiej. T. I и II. 1840.

[19] Исторія древней русской словесности. Соч. М. Максимовича. Кн. I. Кіевъ. 1839.

вытекалъ результатъ: чтó исторія завѣщала славянамъ—быть их духовными чадами Рима или Византіи? Несомнѣнно—ученые труды Копитара, касавшіеся начала славянской письменности, по мнѣнію нѣкоторыхъ, имѣли иную подкладку. «Все что онъ писалъ—говорить Гильфердингъ—имѣло цѣлью унизить значеніе кириллицы священнаго письма православныхъ славянъ, доказательствами въ пользу старшинства глагольской азбуки (пользовавшейся, какъ извѣстно, покровительствомъ Рима), которой Кириллъ и Меѳодій были, по его словамъ, только подражателями, и въ пользу того мнѣнія, будто славянскіе просвѣтители перевели св. писаніе не на языкъ племени, принадлежащаго къ восточной церкви, на древній языкъ болгаръ..., а на языкъ иллирійскихъ словенцевъ, находившихся всегда подъ властью Рима»[20].

Для новаго изслѣдованія этихъ вопросовъ нужны были и новые матеріалы. И русскому изслѣдователю предстоялъ трудъ не только усвоить себѣ все ранѣе выработанное наукой, но и пуститься на поиски за новыми данными. Между тѣмъ благодаря сношеніямъ Ганки съ Шишковымъ и у русскаго правительства возникла мысль о необходимости ввести Славянскій міръ въ область обученія; и уже въ университетскомъ уставѣ 1835 г. въ число предметовъ преподаванія внесена «исторія и литература славянскихъ нарѣчій». Русскіе университеты должны были позаботиться о замѣщеніи вновь открытой каѳедры, а между тѣмъ не было, да и не могло быть на Руси ученыхъ, близко знакомыхъ съ Славянскимъ міромъ. Наконецъ въ 1840 г. петербургскій, московскій и харьковскій университеты отправили въ славянскія земли молодыхъ ученыхъ, имѣвшихъ впослѣдствіи занять каѳедры славянской филологіи. То были: Прейсъ, Бодянскій и Срезневскій. Въ то же время и казанскій университетъ намѣтилъ себѣ преподавателя славянской науки въ лицѣ молодого Григоровича.

Григоровичъ, южно-руссъ по отцѣ[21], усвоившій себѣ еще въ

[20] Русская Бесѣда. 1858 г. Обозр. 31 и Les Slaves occidentaux. Paris. 1858, pp. 49—50.

[21] Въ виду разногласныхъ показаній о мѣстѣ рожденія В. И. Григоровича здѣсь сообщается копія съ метрическаго свидѣтельства:

«По указу Е. И. В. Подольской губ., изъ Балтскаго Духовнаго Правленія, служившему Балтскимъ повѣтовымъ стряпчимъ титулярному совѣтнику Ивану Иванову сыну Григоровичу въ томъ, что рожденіе и крещеніе сына его Виктора, въ хранящихся въ архивѣ сего правленія за 1816 годъ города Балты соборной Рождествобогородичной церкви метрическихъ книгъ

дѣтствѣ польскій языкъ отъ матери, первоначальное воспитаніе получилъ въ уманской школѣ базиліановъ, гдѣ могъ овладѣть языкомъ латинскимъ, продолжалъ свое образованіе въ харьковскомъ университетѣ, откуда съ дипломомъ дѣйствительнаго студента въ 1833 г. [22] онъ и поступилъ на службу въ Петербургъ. Но уже въ январѣ 1834 г., какъ видно изъ актовъ, онъ является вновь студентомъ дерптскаго университета, гдѣ посвящаетъ себя классической филологіи. Любознательный юноша (ему не было еще и двадцати лѣтъ) не ограничивается впрочемъ факультетскими предметами, но занимается, какъ видно изъ актовъ, и славянщиной. Можетъ быть знакомство съ Прейсомъ, бывшимъ въ то время въ Дерптѣ, поддержало славянскіе инстинкты Григоровича, а сношенія съ Горловымъ, предназначавшимся на университетскую каѳедру въ Казани, познакомили администрацію казанскаго округа съ личностью будущаго слависта. Попечитель округа Мусинъ-Пушкинъ, всегда ревностный къ успѣхамъ науки и въ университетѣ и въ округѣ, вошелъ въ сношенія съ Григоровичемъ о занятіи каѳедры славянской филологіи, и министерство нар. просвѣщ. прикомандировало Григоровича къ казанскому университету уже въ исходѣ 1838 г., съ намѣреніемъ отправить его въ путешествіе по славянскимъ землямъ, если онъ своими трудами и кандидатскимъ экзаменомъ докажетъ, что

гахъ, подъ № 50 отъ слова до слова состоитъ записано тако: 1815 года у Господина Балтскаго Повѣтоваго стряпчаго Титулярнаго Совѣтника Ивана Иванова сына Григоровича, Грекороссійскаго исповѣданія, и жены его Викторіи Антоновой рымско-католическаго обряда законновѣнчанныхъ, родился сынъ Викторъ, котораго тогожъ года города Балты Соборный Священникъ Василій Мойдичевскій Апреля 30-го молитвовалъ, а настоятель Балтскаго собора Протоіерей Петръ Товетицкій 1816 годовъ октября 24-го числъ мѵропомазывалъ; воспріемникомъ былъ Балтскій Уѣздный Казначей Титулярный совѣтникъ Данило Кондратьевъ сынъ Масловъ, въ удостовѣреніе чего и сіе ему Григоровичу изъ предпомянутаго Духовнаго правленія, за надлежащимъ подписомъ, а приложеніемъ казенной печати въ Уѣздномъ городѣ Балтѣ данно. Ноября 22 дня 1818 года. Присудствующій Іерей Іоаннъ Боратинскій. Письмоводитель 14 класса Крышталовичъ Копіистъ Мойдичевскій».

NB. Мать В. И. Григоровича была польскаго рода Шелеховскихъ. Одна вѣтвь ихъ, переѣхавшая въ Россію, извѣстна подъ именемъ Шелеховыхъ. См. біографію Григоровича въ 1-мъ томѣ Біогр. словаря профессоровъ московскаго университета. Т. I, стр. 271.

[22] Изъ аттестата, даннаго правленіемъ харьковскаго университета, видно, что Григоровичъ, поступившій въ этико-филологическое отдѣленіе философскаго факультета 1830 года, сентября 4 дня, находился студентомъ по іюль мѣсяцъ 1833 года. Аттестатъ подписанъ ректоромъ Иваномъ Кронебергомъ и деканами факультетовъ.

можетъ быть полезнымъ университету. 27 апрѣля 1839 г. Григоровичъ прибылъ въ Казань и обязывался, приготовляясь къ кандидатскому экзамену, черезъ каждые четыре мѣсяца, доносить о своихъ занятіяхъ попечителю и факультету. Три отчета представлены были имъ до весны 1840 г. Первый заключался въ изложеніи «хода его занятій языками въ отношеніи къ церковному и постепеннаго знакомства съ сочиненіями лучшихъ славянскихъ филологовъ». Уже въ 1-мъ отчетѣ Григоровичъ высказалъ солидарность свою съ Капитаромъ по вопросу, «къ какому племени должно отнести языкъ нынѣ называемый церковно-славянскимъ». Въ 2-мъ отчетѣ Григоровичъ говорилъ «о задачахъ, въ рѣшеніи которыхъ состояла сущность его занятій, о томъ, какія нарѣчія должны быть предметомъ изученія въ литературномъ отношеніи и чѣмъ руководствовался онъ, желая достигнуть общихъ началъ, заключающихъ основаніе этихъ нарѣчій въ совокупности и какимъ образомъ приступалъ къ изученію литературъ, выраженныхъ этими нарѣчіями». Въ 3-мъ отчетѣ въ обозрѣніи исторіи славянскихъ литературъ, Григоровичъ высказываетъ свой взглядъ на ходъ и направленіе просвѣщенія у славянъ. Въ іюнѣ 1839 г. Григоровичъ уже сдалъ кандидатскій экзаменъ, а въ мартѣ слѣдующаго года представилъ и кандидатскую диссертацію: «Изслѣдованія о церковно-славянскомъ нарѣчіи, основанныя на изученіи его въ древнѣйшихъ памятникахъ, на историческихъ свидѣтельствахъ и отношеніи его къ новѣйшимъ нарѣчіямъ». Рукопись изслѣдованія, которое предназначалось факультетомъ къ печати, не отыскана въ актахъ университета, но изъ донесенія Григоровича факультету, отъ 31 мая 1840 г., видно, какую мысль положилъ авторъ въ основаніе своего труда. «Я довелъ—говоритъ онъ—до свѣдѣнія е. пр. (попечителя) о предметѣ моей диссертаціи, долженствующей быть однимъ изъ результатовъ указанныхъ мною занятій; представилъ важность его, различныя мнѣнія о немъ, и сочиненія, служившія матеріаломъ для самой диссертаціи. Ознакамливаясь съ языками, я остановился на вопросѣ, много занимавшемъ ученыхъ, старавшихся рѣшеніемъ его пояснить не только темные пункты славянскаго языкознанія, но и доказать важнѣйшій въ исторіи славянъ фактъ, у какого племени созрѣло христіанское просвѣщеніе до потребности проявить его въ переводѣ св. писанія. Естественно, что поясненіе этого важнаго предмета должно проложить путь къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ въ цѣломъ объемѣ языковъ и литературъ славянскихъ и вмѣстѣ послужить къ вѣрнѣйшимъ заключеніямъ о ходѣ просвѣщенія и его направленія у славянъ. Въ отчетѣ я представилъ, что склоняюсь къ догадкѣ Копитара въ отношеніи вопроса, къ ка-

кому племени должно отнести языкъ нынѣ называемый церковно-славянскимъ, въ диссертаціи на степень изложилъ тому доказательства. Долгомъ почитаю донести 1-му отдѣленію философскаго факультета, что въ рѣшеніи моей задачи не могъ исчерпать этотъ предметъ и разсмотрѣть по общимъ началамъ лингвистики, теперь только что возникающей и по всѣмъ историческимъ свидѣтельствамъ, собраніе которыхъ требовало и полнѣйшихъ матеріаловъ и исключительнаго посвященія трудовъ, къ которымъ конечно, при другихъ занятіяхъ по предмету славянщины, не могла меня вызвать кандидатская степень. Поэтому я отвергъ всѣ догадки, какъ бы онѣ ни казались вѣроятными и даже несомнѣнными, въ полномъ увѣреніи, что отъ искателя упомянутой степени будутъ требовать не домысловъ и вѣроятностей, а положительнаго знакомства съ предметами, составляющими содержаніе моей диссертаціи, въ которой мнѣ предстояло доказать, вполнѣ ли я постигаю требованія, дѣлаемыя славянскому филологу. Вотъ почему я отступилъ отъ мнѣній Копитара тамъ, гдѣ они ему собственно принадлежатъ, и согласился съ тѣми, которыя не противорѣча подлиннымъ свидѣтельствамъ исторіи, доставили ему такъ какъ и прочимъ ученымъ, Шлецеру, Добровскому и проч., доказательства въ рѣшаемомъ вопросѣ. Извѣстно, что Копитаръ упомянутый вопросъ поставилъ въ зависимость отъ другаго, бывшаго предметомъ постоянныхъ опроверженій Добровскаго, съ которымъ согласились послѣдующіе ученые; говорю здѣсь о глаголитѣ, изобрѣтеніе которой Добровскій относилъ къ XII или XIII столѣтіямъ, Гриммъ и Копитаръ напротивъ, почитая ее древнѣйшею азбукою, къ временамъ предшествовавшимъ кириллицѣ. И такъ какъ глаголитская азбука господствовала и господствуетъ у славянъ, обитающихъ у сѣверныхъ береговъ Адріатическаго моря, близь Изонцо, дальше на Савѣ и Дравѣ, слѣдственно не у сербовъ восточнаго исповѣданія и не у болгаръ, то достаточно будетъ доказать древность этой азбуки, дабы убѣдиться въ возможности употребленія письменности независимо отъ изобрѣтенія Кириллицы. Это предпринялъ Копитаръ издавая рукопись Клоца и силясь описаніемъ ея доказать, что она принадлежала виндо-словенамъ. Сверхъ того, дабы пояснить, что языкъ этихъ славянъ былъ текстомъ священнаго писанія, переведеннаго Меѳодіемъ, онъ приводитъ слова вышне-нѣмецкаго языка (das Hochdeutsche) и сличаетъ западный календарь съ синаксаромъ Остромірова Евангелія. Какъ матеріалы Копитаръ присовокупилъ Зальцбургскую лѣтопись, упоминаемую Шлецеромъ, перепечаталъ Фрейзингенскіе памятники, изданные Кеппеномъ, прибавивъ вмѣстѣ съ хронологической таблицей ихъ исторіи образчики

языковъ подунайскихъ славянъ и краткую грамматику вмѣстѣ съ словаремъ церковно-славянскаго языка. Поставивъ себѣ въ обязанность въ изслѣдованіи моемъ держаться положительныхъ свѣдѣній касательно моего предмета, я не придерживался главнѣйшихъ мнѣній Копитара, но искалъ доказательствъ въ Несторѣ и показавъ невѣрность и противорѣчіе легендъ, старался во всемъ слѣдовать древнѣйшимъ свидѣтельствамъ о славянахъ. Въ отношеніи сравненія нарѣчій, филологически сличилъ языкъ памятниковъ, сохраненныхъ у русскихъ славянъ съ языкомъ памятниковъ, признаваемыхъ виндо-словенскими и старался, показавъ древность различій нарѣчій славянскихъ, указать на отношеніе сербскаго, болгарскаго и виндо-словенскаго къ церковно-славянскому. Такимъ образомъ независимо отъ доказательствъ Копитара, я основалъ рѣшеніе вопроса мною на вѣрнѣйшихъ и положительныхъ доводахъ, приведши вездѣ источники, откуда почерпалъ матеріалъ для моихъ соображеній».

Эта длинная выписка изъ оффиціальнаго доклада уясняетъ намъ до извѣстной степени и значеніе утраченнаго перваго ученаго труда Григоровича и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ какъ бы программой всей его ученой дѣятельности, посвященной изслѣдованію такихъ первостепенныхъ вопросовъ въ славянскомъ языкознаніи, какъ вопросъ ѳ языкѣ перевода св. писанія и видѣ древнѣйшаго славянскаго алфавита. Правда, Григоровичъ началъ въ печати свою дѣятельность трудами общаго характера, но затѣмъ перешелъ къ частностямъ, изслѣдованіе которыхъ и сдѣлало имя его извѣстнымъ всему славянскому міру.

30-го мая 1840 года первое отдѣленіе философскаго факультета казанскаго университета разсматривало кандидатскую диссертацію Григоровича, и рецензентъ ея, проф. Фойгтъ, донесъ отдѣленію, что «диссертація Григоровича, заключая въ себѣ развитіе мысли Копитара о переводѣ книгъ св. писанія, и доказательства уважительныя, самому сочинителю принадлежащія, удовлетворяетъ, по его мнѣнію, вполнѣ условіямъ кандидатской степени; но языкъ и слогъ требуютъ многихъ исправленій, а цитаты большей точности. Впрочемъ г. Фойгтъ полагаетъ, что, по сдѣланіи сихъ исправленій, диссертація Григоровича можетъ быть помѣщена въ Ученыхъ Запискахъ казанскаго университета». Мнѣніе проф. Фойгта встрѣтило оппозицію со стороны проф. русской исторіи Н. А. Иванова, который «находилъ, что разсужденіе дѣйствительнаго студента Григоровича представляетъ неудачную попытку сдѣлать вѣроятнымъ извѣстное мнѣніе Копитара; особенно слабою почиталъ (Ивановъ) историче-

скую часть разсужденія, въ которой доказательства основаны на догадкахъ, а не на положительныхъ источникахъ; что же касается языка, то г. Ивановъ признаетъ, что диссертація Григоровича, по значительнымъ грамматическимъ ошибкамъ, чрезвычайно неудовлетворительна для предоставленія ему кандидатской степени. Прочіе члены, соглашаясь съ мнѣніемъ г. Фойгта, полагали, что Григоровичъ достоинъ искомой имъ степени. Отдѣленіе, основываясь на большинствѣ голосовъ, опредѣлило: представить о семъ на утвержденіе совѣта»... Совѣтъ, конечно, согласился съ большинствомъ факультета, сдѣлавъ въ своемъ опредѣленіи слѣдующее прибавленіе: «Что же касается до недостатковъ въ слогѣ и въ языкѣ написанной диссертаціи, то не можетъ это почитаться препятствіемъ, какъ и самое отдѣленіе обращаетъ на это вниманіе только съ тою цѣлію, чтобы диссертація могла быть напечатана въ Ученыхъ Запискахъ».

Первымъ по времени печатнымъ трудомъ Григоровича было: «Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ», вошедшее въ первую книжку Уч. Записокъ казанск. университета. стр. 93—153, за 1841 г. [23].

Это самое «Обозрѣніе» представлено было въ факультетъ еще 26-го мая 1840 года въ качествѣ 3-го отчета о занятіяхъ. Уже на первой страницѣ этого прекраснаго труда авторъ опредѣлилъ весь характеръ просвѣщенія славянъ противоположностью просвѣтительныхъ началъ, вошедшихъ въ славянство. «Восточное и западное исповѣданіе, греки и германцы, вотъ что опредѣляетъ въ началѣ весь характеръ просвѣщенія славянъ», говорилъ Григоровичъ. Славяне на югъ отъ Дуная и на востокъ отъ карпатскихъ горъ, принявъ вмѣстѣ съ восточнымъ исповѣданіемъ переводъ Библіи на языкъ виндо-словеновъ, дали ему съ урономъ собственныхъ нарѣчій, литературное значеніе. Исключительно богословское образованіе было причиной, что свѣтская литература у болгаръ, русскихъ и сербовъ должна была уступить богословской и надолго оставалась въ совершенномъ пренебреженіи. Зато религіозное образованіе, сосредоточивъ въ себѣ всю дѣятельность ученыхъ, обогатило этихъ славянъ всѣми сокровищами, важными и для догматики восточной церкви и для упроченія христіанскаго просвѣщенія. Два главные признака, языкъ и направленіе, долго остаются одними въ литературахъ сихъ трехъ народовъ, слѣд. онѣ и нераздѣльны, онѣ составляютъ одно цѣлое. Доколѣ народные языки восточныхъ славянъ

---

[23] Отд. оттиски: Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ. Виктора Григоровича. Казань, въ университетской типографіи. 1841. 63 стр.

не получили перевѣса, духъ и форма ихъ письменности одна и та же. Потому—заканчиваетъ авторъ—думаю, что литературы этихъ славянъ отъ начала христіанства до половины XVIII ст., если имѣть въ виду главные ихъ памятники, должно обозрѣвать въ совокупности, какъ одно нераздѣльное цѣлое».

Нельзя было въ немногихъ словахъ сказать болѣе: они вѣрны до осязательности, и дальнѣйшая разработка историко-литературныхъ вопросовъ въ славянствѣ только подтверждала ихъ прочность. Въ живой картинѣ, яркой и вполнѣ оригинальной, авторъ представилъ судьбы славянской литературы, эпохи ея процвѣтанія и времена ея упадка у различныхъ народностей, и заключилъ мыслью о взаимности иногда раціональной, иногда случайной между славянскими явленіями въ мірѣ слова. «Славяне — говоритъ Григоровичъ, хоть и разрозненные, имѣютъ много общаго; они имѣютъ какое-то сочувствіе въ великихъ и благотворныхъ начинаніяхъ и не разъ движутся однимъ и тѣмъ же восторгомъ, одною и тою же идеей». Въ трудѣ Григоровича это были не фразы. а логическій выводъ изъ его историческаго разсказа. По глубинѣ и широтѣ взгляда статья эта не только имѣла, но и должна имѣть несокрушимое значеніе. Принимая филологическій выводъ Копитара касательно паннонскаго происхожденія церк.-славянскаго языка, Григоровичъ оставался вѣренъ мысли, что Западъ для славянства былъ губительнѣе Византіи, не посягавшей по крайней мѣрѣ на народный языкъ. Близкое знакомство Григоровича съ языкомъ Византіи, передававшей плоды своей богословской дѣятельности славянамъ, все болѣе и болѣе заставляло его углубляться въ связь литературныхъ явленій Византіи и южнаго православнаго славянства и послужило — какъ увидимъ ниже— къ замѣчательнѣйшимъ открытіямъ въ сферѣ славянской науки.

Григоровичъ, приглашенный къ занятію славянской каѳедры, между тѣмъ читалъ греческій языкъ студентамъ всѣхъ курсовъ [24], и готовился къ магистерскому экзамену. Въ маѣ 1841 г. Григоровичъ окончилъ свой магистерскій экзаменъ, на которомъ онъ пред-

---

[24] Хотя и поручалось Григоровичу преподаваніе греческаго языка въ 3-мъ и 4-мъ курсахъ филологическаго факультета, какъ видно изъ дѣлъ университета, на что указано и Мурзакевичемъ въ некрологѣ Григоровича (Зап. Од. Общ. Ист. и Др., томъ XI), но въ Отчетѣ и. казанскаго ун—та и уч. округа за 17 лѣтъ, изданномъ К. К. Фойгтомъ въ 1844 г. въ Казани, читаемъ: «Въ 1839 г., съ увольненіемъ профессора Мистаки, преподаваніе поручено было кандидату Григоровичу, который изъяснялъ студентамъ 1 и 2 курсовъ, три часа въ недѣлю, отрывки изъ Эліана, Плутарха и греческой антологіи; а студентамъ 3 и 4 курсовъ, три часа въ недѣлю.—Ксенофонта и Ѳукидида» (стр. 37).

ставилъ и четыре письменныхъ отвѣта. Два изъ нихъ посвящены славянщинѣ; одинъ: «О драматической поэзіи славянъ въ ея развитіи»; другой: «Объ эпическомъ элементѣ поэзіи всѣхъ славянъ, какъ по дошедшимъ поэтическимъ памятникамъ, такъ и по указаніямъ лѣтописцевъ». Въ первомъ онъ, не довольствуясь общими взглядами на драматическое искусство у различныхъ славянскихъ племенъ, опредѣлилъ и тѣ условія, при которыхъ оно развивалось и не забылъ охарактеризовать главнѣйшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ и замѣчательнѣйшія ихъ произведенія. Второй вопросъ, выражаясь словами проф. рецензента, «Григоровичъ рѣшилъ весьма подробно, отчетливо и съ глубокой проницательностью. Общая характеристика эпическаго элемента поэзіи всѣхъ славянъ опредѣлена во всѣхъ отношеніяхъ вѣрно, съ философскимъ воззрѣніемъ на предметъ и энтузіазмомъ славянина. Раздѣленіе славянскихъ пѣсенъ на былевыя и бытовыя и подраздѣленіе первыхъ по различнымъ цикламъ, подобно народнымъ эпическимъ преданіямъ европейскихъ народовъ,— весьма удачно. Частныя подробности и отдѣльныя явленія въ эпической поэзіи главнѣйшихъ племенъ древнихъ славянъ приведены во множествѣ, весьма любопытны и доказываютъ въ магистрантѣ какъ обширную его начитанность, такъ и совершенное усвоеніе имъ сего труднаго и многосложнаго вопроса».

Въ этомъ тепломъ отзывѣ о трудахъ Григоровича пріятно видѣть сочувствіе, въ которомъ такъ нуждался одинокій ученый, обладающій тайнами науки, тогда еще недоступной даже въ ея конечныхъ выводахъ большинству ученой корпораціи. Съ тѣмъ вмѣстѣ выраженіе рецензента: «подобно народнымъ эпическимъ преданіямъ европейскихъ народовъ», ясно доказываетъ, что даже у истинно-образованныхъ людей того времени европейское какъ бы противополагалось славянскому, и противополагалось едвали въ пользу славянъ. Такъ трудна была та первоначальная пора разсвѣта славянскаго образованія на Руси вообще, а не въ одной Казани.

Вслѣдъ за окончаніемъ экзамена Григоровичъ представилъ на утвержденіе факультета и тему для магистерской диссертаціи. Въ прошеніи объ этомъ, поданномъ 17 мая 1841 г., Григоровичъ высказалъ и ту мысль, которая всегда руководила его при взглядѣ на судьбы славянской литературы: «Слѣдуя указанной мнѣ цѣли на новомъ поприщѣ учености, говорилъ Григоровичъ, въ изученіи славянскихъ литературъ всегда стремился я обнимать ихъ въ совокупной связи и находить близкія или отдаленныя отношенія славянъ въ высшей сферѣ человѣчества — духовной, обнаруженной словомъ. Если не въ самомъ процессѣ развитія литературы, то по крайней мѣрѣ на извѣстныхъ его степеняхъ можно удобнѣе созерцать общ-

ность, видѣть въ этой цѣлости и зародышъ дальнѣйшаго развитія. Думая, что, познакомившись съ литературой на степеняхъ усиленной нравственной дѣятельности, выиграю многое для объясненія частныхъ явленій и самаго процесса развитія, устремлялъ я усилія мои на главныя точки ея совершенствованія и теперь желаю обнаружить мои понятія въ отдѣльномъ разсужденіи, которое назвалъ бы: литература славянъ въ ея замѣчательнѣйшихъ эпохахъ».

Проф. Фойгтъ снова весьма лестно отозвался о новомъ трудѣ Григоровича, и Григоровичъ 11 октября 1842 г. публично защитилъ свою диссертацію, носящую скромное названіе «Опыта изложенія литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ» [25].

---

[25] Помѣщено въ III (стр. 105—216) и IV (стр. 3—58) книжкахъ Учен. Записокъ казанскаго ун-та за 1842 г., изданныхъ въ 1843 г., и отдѣльно, съ прибавленіемъ на титулѣ словъ: Часть I. 1 и 2 эпохи. Казань. 1843. 1—120 стр.+1 стр. опечатокъ. Книга печаталась въ отсутствіе автора и преисполнена всевозможныхъ и невозможныхъ опечатокъ. Послѣ обозначенія главнѣйшихъ опечатокъ корректоръ прибавилъ: «Текстовъ на разныхъ нарѣчіяхъ славянскихъ, за неимѣніемъ шрифтовъ, нельзя исправить».—Вотъ «Положенія для диспута на полученіе степени магистра, кандидата Григоровича», не вошедшія въ экземпляры диссертаціи.

1) Философія заключаетъ результаты извѣстной степени развитія человѣческой духовной природы. Литература выражаетъ самое движеніе духовной природы человѣка, результатомъ котораго есть самосознаніе.

2) Эпохи литературы можно только обозначить отношеніями, изъ которыхъ развивается новое начало, новая потребность опредѣлить себя.

3) Литература словенъ начинается въ періодѣ ихъ перехода отъ природности (натурализма) къ христіанству.

4) Всеобщность словенскаго богослуженія была главнымъ направленіемъ развитія словенъ въ 1-й эпохѣ ихъ литературы.

5) Всѣ явленія 2-й эпохи литературы словенъ развились изъ этнографическихъ отношеній племенъ словенскихъ въ отдѣльности къ Византіи и германцамъ и общихъ всѣхъ словенъ къ нехристіанскому Востоку.

6) По отношенію къ Востоку словене, проникнутые христіанствомъ, глубже сознавали свое значеніе въ человѣчествѣ и потому поэзія, какъ выраженіе ихъ міросозерцанія, въ этомъ отношеніи получаетъ самый возвышенный характеръ.

7) Значеніе Гусса и его непосредственныхъ послѣдователей имѣетъ двѣ стороны, равно важныя въ исторіи народовъ: борьба съ папизмомъ и самобытность просвѣщенія западныхъ словенъ.

8) Такъ называемая Іоакимова лѣтопись въ исторіи Татищева есть сочиненіе второй половины XVII столѣтія и составлена съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы служить основаніемъ чьей-либо родословной.

9) Разнородность стихій въ Русской Правдѣ еще не уничтожена; еще не видно въ ней цѣлости. Раскрытіе этихъ стихій, дѣлаемое учеными толкователями ея, вовсе неудовлетворительно».

Мысль о новизнѣ Іоакимовской лѣтописи Григоровичъ разъяснилъ въ од-

Въ трудѣ этомъ, обнимающемъ литературныя явленія у славянъ съ IX в. до начала XV-го, Григоровичъ далъ образецъ того, какъ слѣдуетъ излагать судьбы литературы при той взаимности между ними, которая громко говоритъ о солидарности духовныхъ интересовъ всего славянскаго племени. «Слѣдуя за явленіями въ литературѣ словенъ, выражавшей постепенное развитіе ихъ сознанія», Григоровичъ «обозначилъ главнѣйшія эпохи ея, начиная отъ первой зари христіанскаго просвѣщенія до сознанія идеи въ цѣлостномъ ея опредѣленіи, до примиренія ея съ дѣйствительностью, до первыхъ моментовъ народности словенской литературы».

Всю исторію литературы словенъ Григоровичъ дѣлитъ на шесть эпохъ:

I-я эпоха отъ IX стол., т. е. отъ введенія христіанства и распространенія словенскаго богослуженія до конца X ст., и даже до половины XI, когда словене раздѣлились на словенъ западнаго и словенъ восточнаго исповѣданій.

II-я эпоха отъ половины XI ст. до начала XV, т. е. до появленія Гусса у западныхъ словенъ и первыхъ споровъ католицизма съ православіемъ, выраженнымъ въ литературѣ.

III-я—отъ начала XV ст. до 1620 г. у западныхъ словенъ, т. е. до возобладанія іезуитисма и до 1634 г., т. е. до основанія академіи кіевской, съ которой началась у восточныхъ словенъ ученость схоластическая, имѣвшая вліяніе не только на русскихъ, но и на сербовъ.

IV-я эпоха съ 1634 г. до половины XVIII ст., т. е. до появленія Ломоносова, Конарскаго, Япеля, Крамеріуса, Обрадовича и прочихъ.

V-я—отъ появленія великихъ двигателей словенскаго слова до появленія романтисма.

VI-я эпоха намъ современная.

Въ первой эпохѣ перехода отъ натурализма къ христіанству Григоровичъ пришелъ къ слѣд. выводамъ: а) Раздробленные словене на многія отдѣльныя племена—съ христіанствомъ получили значеніе болѣе индивидуальное. б) Возможность христіанства лежала глу-

---

номъ изъ своихъ послѣднихъ трудовъ, а именно, на стр. 24—26 «Записки антикварa о поѣздкѣ его на Калку и Кальміусъ, въ Корсунскую землю и на южныя побережья Днѣпра и Днѣстра». Одесса 1874.

По словамъ очевидца А. И. С—ова («Древняя и Новая Россія», за 1877, № 5, стр. 75—76), «диспутъ кончился полнымъ торжествомъ Григоровича и рѣшительнымъ пораженіемъ (его оппонента) проф. Иванова. На всѣ замѣчанія и саркастическія выходки оппонента Григоровичъ возражалъ (хотя путаясь и заикаясь) съ такимъ знаніемъ дѣла, что вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы и сразу завоевалъ себѣ уваженіе и симпатію студентовъ».

боко въ самомъ характерѣ словенъ, исполненіе ея облегчено вліяніемъ грековъ. в) Первымъ необходимымъ явленіемъ сознанія идеи христіанства было словенское богослуженіе, и слѣдственно г) съ словенскимъ богослуженіемъ начинается литература какъ потребность уяснить себѣ идею, въ непосредственномъ ея памятникѣ, Откровеніи. д) Это словенское богослуженіе обнимало всѣхъ христіанскихъ словенъ. е) Только тамъ, гдѣ не было добровольнаго принятія христіанства, тамъ язычество поставило себя враждебнымъ ему. ж) Притязанія германскаго императора заставили словенъ—однихъ упорствовать въ язычествѣ, другихъ мало-по-малу оставить словенское богослуженіе [26].

Характеризуя вторую эпоху, Григоровичъ находилъ, что всѣ памятники ея носятъ яркій характеръ сознаваемыхъ въ ней задачъ просвѣщенія, что оно а) поставило словенъ въ противоположность съ Востокомъ, что б) развиваясь въ двухъ религіозныхъ сферахъ, оно состояло въ постепенномъ сознаваніи задачъ каждой изъ нихъ въ данныхъ отношеніяхъ; что в) у восточныхъ словенъ оно было развитіемъ сознанія въ сферѣ православія подъ вліяніемъ—не безпосредственнымъ однакожъ—Византіи; что г) у западныхъ словенъ оно состояло въ безусловномъ подчиненіи себя всѣмъ требованіямъ католицизма и германизма: внѣшнія условія католицизма и жизни католическихъ народовъ были мало-по-малу сознаваемы и выражались въ соотвѣтственныхъ сему памятникахъ; что д) отличительнымъ признакомъ просвѣщенія словенъ восточнаго исповѣданія было безпосредственное знакомство съ источникомъ вѣры, св. писаніемъ, и вслѣдствіе сего свободное развитіе литературы, остановленное бѣдствіями, постигшими ихъ общественную жизнь. Развиваясь свободно, литература обогатилась замѣчательными памятниками въ области прозы; что е) отличительный признакъ просвѣщенія словенъ западнаго исповѣданія въ первой половинѣ этой эпохи есть почти совершенная скудость народныхъ памятниковъ, происшедшая отъ продолжительнаго подавленія сознанія чуждыми вліяніями, и усиленная дѣятельность чеховъ, во второй половинѣ эпохи, во всѣхъ областяхъ литературы, — дѣятельность, сообщившаяся полякамъ и пріуготовившая первыхъ къ важнымъ подвигамъ на поприщѣ исторіи и литературы въ слѣдующей эпохѣ [27].

Григоровичъ въ изложеніи литературныхъ фактовъ исходилъ изъ той мысли, что «всякое предыдущее явленіе славянской жизни пред-

[26] Опытъ, стр. 63—64.
[27] Опытъ, стр. 118—120.

опредѣляло послѣдующее, что ни одинъ изъ всѣхъ моментовъ нравственной дѣятельности не потерянъ для настоящаго, что они были доказательствомъ общаго призванія славянъ, для котораго работало и работаетъ каждое племя и, слѣдственно, сама литература словенъ не есть сборъ фактовъ, списокъ разнообразныхъ предметовъ, а скрижаль развивающагося въ необходимой постепенности общаго сознанія—откровеніе съ каждымъ моментомъ болѣе и болѣе уясняющагося призванія цѣлаго нашего рода» [28]. Григоровичъ твердо вѣровалъ, что «keine grosse Völkergruppe, kein wichtiges Stadium der Geschichte ohne den zu Grunde liegenden Gedanken ist»; что «alle Uebergänge und Entwickelungen aus den vorhergehenden sich nachweisen lassen»: эти слова одного изъ критиковъ Гегеля [29]) Григоровичъ и поставилъ эпиграфомъ своей исторіи славянской культуры.

Въ вопросѣ о происхожденіи церковно-славянскаго языка Григоровичъ только представилъ доводы своихъ ученыхъ предшественниковъ и въ пользу болгаръ, и въ пользу словенцевъ. Какъ немногочисленны были пособія у автора, видно изъ перечисленія ихъ въ началѣ книги [30] и изъ ссылокъ въ текстѣ. Впрочемъ изъ нихъ приходится заключать, что подъ руками автора не было даже классическаго труда Шафарика: Geschichte der slavischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten (Ofen. 1826), какъ замѣтилъ уже и Срезневскій [31], хоть это и трудно допустить въ столь зоркомъ ученомъ, какъ Григоровичъ. Неудивительно, что авторъ не былъ знакомъ или не цитировалъ трудовъ Талви (v. Jakob) [32] и Олберга [33], стремившихся итти по слѣдамъ геніальнаго Шафарика въ обзорѣ судебъ славянскаго языка и литературы, но рѣшительно отказываемся допустить незнакомство съ трудомъ Шафарика, или игнорированіе его книги. Такъ и кажется, что Григоровичъ, рѣшившійся писать исторію славянской литературы по лично имъ зрѣло обдуманному плану, не считалъ нужнымъ безъ очевидной потребности цитировать сочиненіе, хотя и проникнутое тѣмъ же духомъ славянскаго единства, но въ иномъ порядкѣ излагающее вопросъ. Въ трудѣ Шафарика, какъ въ одномъ фокусѣ, собраны были всѣ лучи идеи пан-

---

[28] Ibid., стр. 7.

[29] Въ текстѣ, по ошибкѣ, подъ этимъ эпиграфомъ подписано Hegel.

[30] Опытъ, стр. 28—29.

[31] На память о Бодянскомъ, Григоровичѣ и Прейсѣ, стр. 17.

[32] Historical view of the Slavic language in its various dialect. Andover. 1834.

[33] Geschichtliche Uebersicht der Slavischen Sprache in ihren verschiedenen Mundarten und der Slavischen Literatur... Von E. v. O. Leipzig, 1837.

славизма въ его благороднѣйшемъ смыслѣ, и безъ знакомства съ этимъ трудомъ, на нашъ взглядъ, невозможно было бы даже придти къ мысли о созданіи новой исторіи славянской культуры. При такомъ смѣломъ шагѣ немного помогли бы и труды достойнѣйшаго изъ польскихъ ученыхъ той поры, Мацѣевскаго, мысли котораго о планѣ славянской литературы цитировалъ Григоровичъ въ началѣ своей диссертаціи. «Желая составить исторію словенскихъ литературъ — по мнѣнію Мацѣевскаго—надобно ее обобщить, одними обозначить періодами, надобно представить ходъ ея въ такомъ видѣ, чтобы, всматриваясь въ него, можно было обозрѣть весь объемъ цѣлаго и въ общихъ и частныхъ чертахъ, не затрудняясь усмотрѣть, до какой степени просвѣщенія словене достигали и къ чему должны стремиться»[34].

Трудъ Григоровича при жизни его прошелъ незамѣченнымъ въ ученой литературѣ. Его ставили даже на одну доску съ жалкой компиляціей Талви. Напечатанный въ отсутствіе автора въ типографіи, богатой восточными шрифтами и неимѣвшей славянскихъ знаковъ, онъ испещренъ опечатками и вѣроятно поэтому нелюбимъ былъ самимъ авторомъ. Но по смерти его нашелся же наконецъ безпристрастный ученый, сказавшій, что «матеріалъ для подобнаго труда въ то время былъ еще очень малъ: трудности были почти неодолимыя; но не по отношенію къ выполненію задачи онъ замѣчателенъ, а по мысли необыкновенно смѣлой, можно сказать, творческой для того времени, живой и плодотворной и въ настоящую минуту; онъ предположилъ разсмотрѣть литературу славянскихъ народовъ, какъ организмъ, какъ одно стройное цѣлое, т. е. такъ сказать, панславистскимъ образомъ, о чемъ мечталъ знаменитый Павелъ Шафарикъ. Объ «Опытѣ» Григоровича можно поэтому сказать, что это было первое ученое сочиненіе въ Россіи о славянской литературѣ съ точки зрѣнія славянской взаимности. Скуденъ и незначителенъ по матеріалу покажется этотъ «Опытъ» теперь, но мысль и задача его доселѣ остается мыслью живою, задачею достойною науки, потому что если только возможна наука исторіи славянскихъ литературъ, какъ одного цѣлаго — она возможна только по той программѣ и въ томъ образѣ, который былъ начертанъ Григоровичемъ»[35].

---

[34] Historya prawodawstw słowianskich. Изд. 1835. Т. III, стр. 448.

[35] В. И. Григоровичъ. Рѣчь проф. А. А. Котляревскаго въ засѣданіи кіевскаго отдѣла Славянскаго Комитета 23 декабря 1876. См. Слав. Ежегодникъ, 1877. Стр. 309—310.

Тотъ же конечно взглядъ и планъ исторіи литературы славянъ принятъ былъ Григоровичемъ и въ первоначальномъ университетскомъ преподаваніи славянской филологіи, которое онъ въ своей программѣ, напечатанной въ «Начальственныхъ распоряженіяхъ по казанскому округу» за 1842 г., назвалъ «энциклопедическимъ обзоромъ исторіи языковъ и литературы словенъ въ ея главнѣйшихъ эпохахъ» [36]. Преподаваніе славянской филологіи было ему поручено факультетомъ 1 ноября 1842 г., по утвержденіи представленной имъ программы науки, впервые вводимой въ казанскій университетъ. На предстоящее зимнее вакаціонное время Григоровичъ отправился въ Москву для осмотра разныхъ замѣчательныхъ рукописей, хранящихся въ библіотекахъ синодальной и духовной академіи, а также дабы войти въ ученыя сношенія съ профессоромъ славянскихъ нарѣчій Бодянскимъ и въ совѣщаніе о планѣ ученаго путешествія по землямъ славянскимъ.

Въ апрѣлѣ 1843 г. Григоровичъ представилъ «планъ путешествія», въ которомъ приняты были въ соображеніе, по словамъ автора, замѣчанія профессоровъ Погодина и Бодянскаго. Григоровичъ при замѣчательномъ знакомствѣ со всѣми данными науки, обнародованными до той поры, чувствовалъ недостаточность ихъ и надѣялся запастись на пути новыми данными. «Желаю — говорилъ онъ—при занятіяхъ языками обращать особенное вниманіе на языки самыхъ южныхъ Словенъ и преимущественно Булгаръ; при занятіяхъ литературой—усиливаться ознакомиться съ главнѣйшими произведеніями каждой эпохи и при этомъ не упускать изъ виду знакомства съ историческими событіями въ жизни народовъ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи обращая всегда вниманіе на религіозное развитіе Словенъ, какъ условіе развитія ихъ литературы, я желалъ бы ознакомиться съ такими памятниками, которые при всей важности своей не изданы или по рѣдкости непріобрѣтимы» [37].

Чрезъ Одессу, гдѣ Григоровичъ разсчитывалъ встрѣтить образованныхъ болгаръ и заняться новогреческимъ и румынскимъ язы-

---

[36] Начальственныя распоряженія по казанскому учебному округу Т. V, гд. III, 39—42. Въ книгѣ «Двадцатипятилѣтіе имп. новороссійскаго университета» (Одесса. 1890.) ошибочно указано помѣщеніе программы—въ Уч. Запискахъ казанск. ун—та. Въ числѣ пособій по исторіи литературы въ программѣ изъ трудовъ Шафарика указанъ только одинъ: Üebersicht der vorzüglichsten schriftlichen Denkmäler älterer Zeiten bey den Serben und anderen Südslawen, помѣщенный въ 53 томѣ Jahrbücher der Literatur, за 1831 г. Anz. I. № 133.

[37] Р. Филол. Вѣстникъ, 1883, № 3. Стр. 38—39.

ками, онъ намѣревался отправиться въ Трансильванію, чтобы напасть на слѣды, оставшіеся здѣсь отъ существованія славянъ и ихъ образованія, такъ какъ до исхода XII в. населеніе Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи состояло изъ славянъ, соплеменныхъ настоящимъ булгарамъ и употребленіе славянскаго языка въ богослуженіи продолжалось повсемѣстно до половины XVII вѣка. «Исторія этихъ странъ—говорилъ Григоровичъ — можетъ почесться продолженіемъ булгарской, а языкъ представляетъ своимъ образованіемъ чрезвычайно любопытное сближеніе съ булгарскимъ». Затѣмъ чрезъ Военную австрійскую Границу онъ намѣревался посѣтить Загребъ, Пештъ, Пресбургъ и Прагу. Въ Прагѣ онъ расчитывалъ воспользоваться совѣтами «славянскаго корифея», Шафарика, «относительно южныхъ словенскихъ языковъ и преимущественно булгарскаго, къ изданію памятниковъ котораго Шафарикъ готовился тогда». Изъ Праги онъ намѣревался спуститься на славянскій югъ чрезъ Вѣну и Градъ, въ земли словинцевъ, посѣтить Цѣловецъ и Любляну; затѣмъ чрезъ Тріестъ и Венецію онъ намѣревался посѣтить славянское Приморье и Далмацію. Изъ Дубровника хотѣлъ перебраться на Аѳонъ, чрезъ Скадръ, Дечаны, Призренъ, Скопію, Солунь. «Страны, лежащія по указанному направленію, невыразимо любопытны для изучающаго славянщину, говорилъ Григоровичъ. Путешественникъ отъ Призрена до Солуня будетъ проходить мѣста, заселенныя болгарами... языкъ, преданія и самая мѣстность представятъ здѣсь много новыхъ и важныхъ пріобрѣтеній для науки»... «Монастыри Аѳонскіе—продолжаетъ Григоровичъ—бывъ нѣкогда убѣжищемъ просвѣщенныхъ монаховъ, не только греческихъ, но и славянскихъ, обѣщаютъ и теперь еще много пріобрѣтеній». Съ Аѳона чрезъ Македонію, Ѳракію, Болгарію и Валахію Григоровичъ намѣревался двинуться въ Венгрію. «По этому пути — замѣчаетъ онъ — путешественникъ можетъ ознакомиться со всѣми нарѣчіями болгарскаго языка и повѣрять предположенія о его отношеніи къ церковно-славянскому». Затѣмъ чрезъ Львовъ, Краковъ, Оломудъ, Прагу, Берлинъ и Лейпцигъ Григоровичъ намѣревался посѣтить лужицкія земли и Познань, «послѣднюю грань путешествія». Самый планъ въ развитіи частностей, которыя здѣсь опущены, доказывалъ, что Григоровичъ, не выѣзжая изъ Казани, уже владѣлъ всѣмъ достояніемъ славянской науки и стремился въ тѣ края, которые могли дать ему новый матеріалъ. Между тѣмъ какъ предшественники Григоровича, такъ сказать открывавшіе земли славянъ для русскаго общества, стремились сначала въ главные пункты славянскаго просвѣщенія на Западѣ, этотъ молодой ученый прямо направился на югъ, вполнѣ вознаградившій его ученую прозорливость и пытливость.

Въ августѣ 1844 г. изъ Одессы онъ отправился въ Константинополь и вскорѣ затѣмъ чрезъ Солунь на Аѳонъ. Но уже первые плодотворные шаги и открытія Григоровича на славянскомъ югѣ, о которыхъ онъ сообщалъ въ своихъ первыхъ любопытныхъ отчетахъ, не избѣжали нареканій его казанскаго антагониста, проф. Иванова. Этотъ послѣдній въ своемъ широковѣщательномъ докладѣ факультету заявлялъ, что Григоровичъ «уклоняется отъ главной цѣли миссіи— приготовленія себя къ званію университетскаго наставника, думая, что онъ отправленъ путешествовать для обогащенія науки новыми открытіями, а не для собственнаго наученія, чтобы по возвращеніи быть въ состояніи учить другихъ». Передавая содержаніе отчетовъ, проф. Ивановъ, предубѣжденно смотрѣвшій на Григоровича, обмолвился слѣдующей тирадою: «Стремясь на Аѳонскую гору, нашъ молодой путешественникъ предложилъ себѣ вотъ какую задачу: «Свѣдѣнія о (тамошнихъ) славянскихъ рукописяхъ, сколько мнѣ извѣстно, не были сообщены, и потому, при обозрѣніи монастырей аѳонскихъ, обращу особенное на нихъ вниманіе». Очевидно, что г. Григоровичъ былъ подстрекаемъ надеждою новыхъ открытій. Не стану повторять здѣсь то, что я сказалъ уже выше о цѣли его путешествія; но не хочу умолчать, что эта задушевная надежда слишкомъ прискорбно обманула его. Когда же подумаю, что сей невѣрной надеждѣ онъ принесъ въ жертву почти четыре съ половиною мѣсяца, то невольно приходитъ на мысль, чесо ради гибель сія бысть. Изъ этихъ драгоцѣнныхъ четырехъ съ половиною мѣсяцевъ проживи г. Григоровичъ между учеными болгарами, сербами и чехами хотя три мѣсяца, результаты его трудовъ были бы несравненно существеннѣе для его будущаго назначенія». Послѣ изложенія содержанія отчетовъ, профессоръ Ивановъ просилъ факультетъ навести справку въ дѣлахъ, наблюдаетъ ли Григоровичъ сроки, назначенные ему въ планѣ путешествія. Впрочемъ, въ концѣ рецензіи онъ признавалъ его «разностороннія дѣльныя свѣдѣнія, похвальную любознательность и новыя утѣшительныя доказательства его неутомимой ревности къ своему предмету», хотя и не забылъ упомянуть о небрежности слога [38]. Въ дѣйствительности же, кромѣ тщательнѣйшихъ этнографическихъ и историческихъ наблюденій въ области неизслѣдованнаго до той поры славянскаго юга, Григоровичъ обозрѣлъ только на Аѳонѣ

---

[38] Изъ моей замѣтки о путешествіи Григоровича, въ «Вѣстн. Евр.», 1878. Кн. 2, стр. 896—906.

2800 греческихъ и 455 славянскихъ рукописей; въ Солунѣ до 150 греческихъ и славянскихъ рукописей. Изъ громаднаго количества грамотъ, хранящихся въ Аѳонскихъ монастыряхъ, время и обстоятельства дозволили ему снять копіи со 120 грамотъ. Разумѣется, онъ списывалъ тѣ грамоты, которыя, по его собственнымъ словамъ—имѣли особенную важность по отношенію къ географіи и этнографіи среднихъ вѣковъ [39]. Чрезъ Македонію и часть Албаніи Григоровичъ посѣтилъ Ѳракію и собственную Болгарію. На этомъ пути онъ изучилъ особенности болгарскаго нарѣчія, мало извѣстнаго въ ту пору славянскимъ ученымъ, подмѣтилъ впервые тѣ носовые звуки, существованіе которыхъ отрицалось наукой, и уже этимъ однимъ сдѣлалъ дорогой вкладъ въ науку при обсужденіи вопроса о болгарскомъ языкѣ перевода священ. писанія. Григоровичъ, изучившій вполнѣ ново-болгарскую рѣчь, представилъ въ своемъ отчетѣ важные результаты своихъ наблюденій, а сборникъ народныхъ болгарскихъ пѣсенъ, составленный имъ на пути, вскорѣ сообщилъ для изданія Станко Вразу, извѣстному хорватскому литератору, помѣстившему ихъ въ двухъ книжкахъ своего журнала «Kolo» [40]. Затѣмъ въ разныхъ пунктахъ Григоровичъ разсмотрѣлъ до 470 греческихъ и славянскихъ рукописей. Въ послѣднихъ онъ открылъ слѣды распространенія глагольскаго письма. Мы уже знаемъ, что еще Копитаръ отстаивалъ древность глаголицы, но двухъ памятниковъ нехорватской глаголицы было недостаточно для принятія мысли о распространеніи глаголицы внѣ Далматіи и Хорватіи. И Григоровичъ. воспринявшій мысль Копитара, всюду искалъ слѣдовъ глаголицы у болгаръ. Его поиски увѣнчались полнѣйшимъ успѣхомъ. Еще на Аѳонѣ онъ изучилъ третій важный памятникъ болгарской глаголицы—Евангеліе Зографское, разсмотрѣнное ранѣе Михановичемъ, и открылъ въ скитѣ Богородицы четвертый кодексъ «Четвероевангелія», который до смерти своей приготовлялъ къ изданію [41].

---

[39] Краткая записка о путешествіи магистра казанскаго университета Григоровича. Ж. М. Н Пр. LIV, отд. IV.

[40] Kolo. 1847. Кн. IV, стр. 37—56. Кн. V, стр. 24—57.

[41] По составу и языку этотъ кодексъ приближается къ Зографскому Евангелію. Григоровичъ описалъ эту рукопись во II т. Извѣстій А. Наукъ по II отдѣленію (столб. 241—247), со включеніемъ XV главы отъ Луки и XI главы отъ Іоанна. Отрывки изъ этого кодекса были сообщены ранѣе въ 1 т. Миклошичевой Slavische Bibliothek (изъ XIX гл. отъ Іоанна) и въ изданіи Шафарика: Památky hlaholského písemnictví (IV гл. отъ Марка, въ отрывкѣ, XI и XIX главы отъ Іоанна). Позднѣе Срезневскій въ «Древнихъ глаголическихъ памятникахъ» помѣстилъ XVII и XVIII главы отъ Іоанна, XX отъ Матѳея, IV отъ Марка, XV отъ Луки и XI и XIX отъ Іоанна (стр. 94—113

Въ Зографѣ же Григоровичъ въ болгарской рукописи XIII в. открылъ «Службы св. Кириллу и Меѳодію» [42], а въ Хиландарѣ замѣчательнѣйшіе по древности кирилловскіе отрывки поученій Кирилла іерусалимскаго. Затѣмъ въ Солунѣ у Михановича онъ изучилъ глагольскій отрывокъ апостольскихъ посланій, изъ Скопія. Въ Охридѣ нашелъ рукопись Апостольскихъ дѣяній, въ которой среди кирилловскаго текста находилось два мѣста, писанныхъ сплошной глаголицей, а также и отдѣльныя глаголическія буквы; въ монастырѣ св. Іоанна Рыльскаго нашелъ листокъ Евангелія и отрывки поученія. Эти «слѣды памятниковъ глаголицы на мѣстахъ, достопамятныхъ въ исторіи просвѣщенія славянъ, приводили его къ заключенію какъ о широкомъ распространеніи глаголицы, такъ и о связи ея съ этими мѣстами» [43]. Вообще же относительно славянскихъ рукописей онъ пришелъ къ мысли, что лучшія изъ нихъ состоятъ въ связи съ архіепископатомъ болгарскимъ въ Охридѣ и патріархатомъ сербскимъ въ Ипекѣ. Большинство памятниковъ оказалось сербскаго письма. Къ числу ихъ относится и впервые открытый ученому міру «Номоканонъ» XIII в., который былъ изслѣдованъ славянскими учеными только въ послѣднее время, и списокъ царей и патріарховъ болгарскихъ. Тамъ же нашъ ученый желалъ открыть слѣды почитанія первыхъ славянскихъ просвѣтителей. Въ охридской метрополіи онъ подмѣтилъ у простыхъ поселянъ почитаніе памяти св. Климента, преемника просвѣтительной дѣятельности Кирилла и Меѳодія. Въ Битолѣ нашелъ въ храмѣ

отдѣльнаго оттиска изъ третьяго—пятаго томовъ «Извѣстій археологическаго общества»). Затѣмъ профессоръ Ягичъ напечаталъ отрывки изъ Евангелія отъ Марка XV гл., отъ Луки I и VI гл. въ изданіи Quatuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus (стр. XXXVIII—XLV). Ранѣе VI гл. отъ Матѳея, IV отъ Марка и XV отъ Луки были перепечатаны Берчичемъ въ его Chrestomathia linguae vetero-slovenicae charactere glagolitico (стр. 66—69). Въ LIX и LXXIX выпускахъ памятниковъ, издаваемыхъ Общ. любителей древней письменности (Спб. 1880—1881 гг.) въ фотолитографическомъ снимкѣ издано было Евангеліе отъ Луки. Наконецъ проф. Ягичъ въ 1883 г. съ примѣчаніями и приложеніями издалъ вполнѣ этотъ григоровичевскій Codex Marianus, или «Маріинское четвероевангеліе».

[42] Древне-словянскій памятникъ, дополняющій житіе славянскихъ апостоловъ св. Кирилла и Меѳодія. Казань. 1862. Оттискъ изъ I книги Ученыхъ Записокъ казанскаго ун—та по отд. историко-фил. и пол. юрид. наукъ за 1862 г. Въ 1865 г. это изданіе перепечатано въ «Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ», изд. Погодинымъ (стр. 235—271), съ сравненіемъ григоровичевскаго списка съ синодальнымъ (стр. 297—308).

[43] Статьи, касающіяся древне-словянскаго языка. Казань. 1852. 62 — 63; также Ж. М. Н. Пр. 1852, № 3.

иконы св. Климента и Наума, въ монастыряхъ Слѣпче и Калиште—изображеніе всѣхъ «седмичисленниковъ»; въ Ринѣ и Стругѣ открылъ рукопись службъ имъ; въ Охридѣ, кромѣ изображеній Наума и Климента, онъ видѣлъ и надгробный камень послѣднему съ древней надписью, обнародованной тоже только впослѣдствіи [44]. Между прочимъ въ Охридѣ же онъ въ сотнѣ просмотрѣнныхъ имъ греческихъ и славянскихъ рукописей X—XVI ст. нашелъ два греческихъ житія св. Климента, изъ которыхъ одно, сокращенной редакціи, XIII в., представляло варіанты съ печатнымъ текстомъ Мосхопольскаго изданія «Послѣдованій св. седмичисленникамъ». Въ этомъ краткомъ житіи говорилось между прочимъ, что Климентъ «изобрѣлъ также знаки, другія письмена, для большей ясности отличныя отъ тѣхъ, которыя изобрѣлъ мудрый Кириллъ [45]». Это древнее преданіе объ изобрѣтеніи св. Климентомъ письменъ яснѣйшихъ, нежели кирилловскія, не рѣшая еще вопроса о глаголицѣ или кириллицѣ, важно было какъ первое письменное свидѣтельство о существованіи у южныхъ славянъ двухъ азбукъ.

Мысль о древности глагольскаго алфавита, сравнительно съ кирилловскимъ, поддержанная открытіемъ глаголическихъ памятниковъ на юго-западѣ Болгаріи, все болѣе и болѣе пріобрѣтала вѣроятія у Григоровича; но несмотря на свои открытія и находки, доказывавшія правдоподобность сказанія о двухъ алфавитахъ,—находки вполнѣ уже опровергавшія мысль Добровскаго и его послѣдователей о позднѣйшемъ изобрѣтеніи глаголицы, нашъ ученый еще не рѣшился тогда высказать мысль свою о древности глаголицы

---

[44] Съ карандашнаго снимка, сдѣланнаго Гильфердингомъ, эта надпись «перекопированная» преосвященнымъ Амфилохіемъ, издана въ ряду «снимковъ съ греческихъ и славянскихъ рукописей и надгробныхъ памятниковъ». М. 1869.

[45] Изысканія о славянскихъ апостолахъ, произведенныя въ странахъ европейской Турціи. LIII, отд. II, стр. 22. На стр. 14—24 Григоровичъ предложилъ въ оригиналѣ и переводѣ это житіе св. Климента. Ранѣе еще, 26 ноября 1846 г. рефератъ или та же статья была прочитана въ собраніи филологической секціи Пражскаго Общества Наукъ (v «České Společnosti nauk») и напечатана въ Čas. Českého Museum, roč. XXI. Sw. 6, подъ названіемъ Swědectwí o slowanských apoštolích w Ochridě. Отд. оттискъ изданъ w Praze, 1847 (16 стр.). Миклошичъ, которому Григоровичъ сообщилъ свою находку, приводилъ извлеченія изъ списка Григоровича уже въ 1847, г. въ своемъ изданіи. Vita S. Clementis episcopi Bulgarorum. Vindobonae. 1847 стр., XXII. Извѣстный уч. Курціусъ, по просьбѣ Шафарика, просмотрѣлъ и сличилъ новый текстъ съ прежними печатными изданіями житія св. Климента и перевелъ его на латинскій языкъ. См. Památky hlaholského písemnictví. Vyd. P. J. Šafařík. V Praze, MDCCCLIII, стр. LVII—LIX.

сравнительно съ кириллицею. «Старшинство изобрѣтенія, судьбы глагольской азбуки, причины ея выселенія къ берегамъ Адріатическаго моря, зависятъ еще отъ ученыхъ соображеній и предположеній», замѣчалъ Григоровичъ.

Изъ предѣловъ болгарскихъ Григоровичъ перебрался въ земли, населенныя румынами, въ чаяніи найти тамъ слѣды славянства. Обозрѣвши «всѣ мѣста, знаменитыя въ гражданской и церковной исторіи румуновъ», онъ дѣйствительно открылъ тутъ множество памятниковъ болгарскаго и сербскаго письма, въ томъ числѣ и остатки болгарской исторіографіи, которыхъ онъ такъ долго искалъ. О томъ, что у болгаръ существовали самостоятельныя лѣтописи, онъ могъ и догадываться, и даже въ томъ увѣриться уже по одной замѣткѣ въ рукописи Номоканона, открытой имъ въ Бухарештѣ. И дѣйствительно, въ Валахіи въ монастырѣ Быстрицкомъ онъ нашелъ румынскій переводъ лѣтописи Манассіи, сдѣланный со славянскаго текста, съ прибавленіями изъ славянскихъ рукописей. Лѣтопись эта издана Григоровичемъ въ 1859 г. въ прибавленіи къ его рѣчи: «О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV столѣтіяхъ» [46].

Изъ Румыніи чрезъ Пештъ, гдѣ познакомился съ извѣстнымъ проповѣдникомъ «литературной взаимности славянъ»—Колларомъ, Григоровичъ прибылъ въ Вѣну. Въ ней «пребываніе славянъ разныхъ племенъ облегчило — по словамъ его — ознакомленіе съ нарѣчіями хорутанскимъ и сербскимъ». Между прочимъ онъ близко познакомился въ Вѣнѣ съ Вукомъ Караджичемъ, представителемъ и двигателемъ литературнаго возрожденія православныхъ сербовъ. «Но съ занятіями, непосредственно ведущими къ будущему назначенію, внутренняя потребность — по собственному выраженію Григоровича— заставляла соединять частныя, отвѣчающія задуманнымъ прежде цѣлямъ» [47]. Особенно интересовали Григоровича отношенія Византіи къ славянамъ. Въ имп. библіотекѣ въ Вѣнѣ Григоровичъ ознакомился не только съ славянскими рукописями, изъ которыхъ нѣкоторыя были очень важны, но и съ греческими. Несмотря на то, что эти рукописи были уже въ виду у западныхъ ученыхъ, Григоровичъ не забывалъ, что «интересъ западныхъ ученыхъ не исключалъ невниманія къ тому, что могло казаться особенно важнымъ восточному изыскателю» [48]. Разумѣется, онъ не обманулся въ своихъ

---

[46] См. Прибавленіе, стр. 1—2. Тамъ же (стр. 47—59) издана «Лѣтопись срьбскыхъ Господь и Царь», открытая имъ близъ Филиппополя.

[47] См. Краткая записка, стр. 32.

[48] Ibid. 33.

ожиданіяхъ, просматривая въ Вѣнѣ протоколы Константинопольскаго патріархата XIV в. Изъ числа 676 документовъ патріархата онъ изслѣдовалъ болѣе 80, касающихся русской, болгарской, сербской и валашской церквей и составляющихъ существенное пріобрѣтеніе исторіи. Разнообразно было содержаніе этихъ актовъ XIV в., такъ какъ «среди бѣдствій, ужасавшихъ уже тогда престольный городъ, вселенская церковь дѣйствовала въ цѣломъ объемѣ своей области еще съ полной властью, хотя не всегда съ одинаковымъ постоянствомъ. Кругъ ея дѣйствій простирался отъ Аланіи, Сугдаи, Кіева, Владиміра, Галича, Херсона и Валахіи до Эфеса, Солуня, Охриды, сербскаго и болгарскаго патріархатовъ» [49]. Въ 1847 году Григоровичъ напечаталъ свой любопытный рефератъ объ этихъ актахъ, и только съ 1860 года вѣнскіе ученые начали издавать ихъ [50]. Изъ Вѣны Григоровичъ отправился въ земли словинцевъ и сербохорватовъ. Въ Люблянѣ онъ изучалъ на-

---

[49] Протоколы Константинопольскаго патріархата XIX в. Ж. М. Н. Пр. LIV, отд. II.

[50] Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana. Ed—nt Fr. Miklosich et Jos. Müller. Vol. I. Vindobonae. 1860 и въ слѣд. годахъ.—Григоровичъ въ статьѣ своей привелъ въ оригиналѣ и переводѣ два документа.

1) Письмо Казиміра къ патріарху константинопольскому о рукоположеніи въ санъ митрополита галицкаго, еп. Антонія, «дабы законъ руссовъ не погибъ.. такъ какъ нѣтъ митрополита въ Россіи, а земля не можетъ быть безъ закона» (стр. 145—147; въ Acta et dipl. graeca: Litterae Casimiri regis Lachiae ad Patriarcham de metropolita Galitzae. Стр. 577—578).

2) Письмо Ольгерда къ вселенскому патріарху, въ которомъ жалуется на митрополита, «снимающаго крестное цѣлованіе» (стр. 148—152; въ Acta et diplomata: Algerdus, rex Lituanorum, litteris ad patriarcham datis repellit accusationes metropolitae Kioviae. Стр. 580—581).

Впослѣдствіи, въ 1859 г. Григоровичъ въ приложеніяхъ къ своей рѣчи «О Сербіи въ ея отношеніяхъ къ сосѣднимъ державамъ, преимущественно въ XIV и XV ст. Казань. 1859» (стр. 60+90+1) издалъ (стр. 76—79):

3) Письмо патріарха Филоѳея къ Александру ц. болгарскому, о соблюденіи мира съ императоромъ. (Въ acta et diplomata: Patriarcha Bulgariae regem monet, ut maneat in pacto cum Imperatore facto. Стр. 453—454).

4) Посланіе п. Филоѳея къ архіепископу первой Юстиніаны и всей Болгаріи, 1369 года, съ приглашеніемъ его со всѣми ему подчиненными архіереями прибыть къ собору для соглашенія съ западнымъ архіереемъ—папою (стр. 80—85; въ Acta et dipl.: Patriarcha episcopum Iustinianae primae et totius Bulgariae vocat ad Synodum oecumenicam deliberaturam de unione ecclesiae orientalis cum occidentali. Стр. 491—493).

5) Порученіе, данное въ 1394 г. патр. Антоніемъ митрополиту Мавровлахіи—Петру, по догадкѣ Григоровича (стр. 86—87; въ Acta et diplomata, vol. II стр. 223. Patriarcha concedit Metropolitae Maurobiachiae, ut jura episcopalia exerceat in Trinova).

рѣчіе словинское [51]) и библіотеку не задолго предъ тѣмъ скончавшагося Копитара, ученымъ изысканіямъ котораго такъ сочувствовалъ Григоровичъ, до самостоятельнаго изученія живого болгарскаго нарѣчія. Только въ Люблянѣ Григоровичъ могъ познакомиться съ знаменитой «Супрасльской рукописью», извѣстною до той поры лишь по незначительнымъ отрывкамъ [52]) и считавшейся, вмѣстѣ съ Остромировымъ Евангеліемъ, однимъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ церковно-славянской литературы. Въ Венеціи, въ архивѣ, онъ списалъ нѣсколько грамотъ, касавшихся южнаго славянства и извѣстныхъ только въ извлеченіи, по изданію Муратори. Далѣе, чрезъ Венецію онъ прибылъ въ Дубровникъ (Ragusa), гдѣ занимался изученіемъ далматской литературы, процвѣтавшей съ конца XV по XVIII ст. въ связи и подъ вліяніемъ итальянской литературы. Литература далматскихъ сербохорватовъ, возникшая изъ переводовъ и подражаній, съ половины XVI до половины XVIII вѣка превосходила литературную дѣятельность остальныхъ славянскихъ племенъ и народностью языка, и выработкою поэтическаго стиля, и разнообразіемъ формъ. Тамъ Григоровичъ пріобрѣлъ рѣдчайшія изданія далматскихъ классиковъ XVI — XVII вв. и списки нѣкоторыхъ неизданныхъ ихъ произведеній. Изъ числа ихъ, два драматическихъ труда Ветранича, поэта XVI в., были изданы, подъ редакціею В. Бабукича и А. Мажуранича, въ Загребѣ въ 1852 г. по рукописи (1757 г.), радушно сообщенной Григоровичемъ [53]. Изъ Дубровника Григоровичъ посѣтилъ Черногорье и затѣмъ уже далматинскіе города Сплитъ, Шибеникъ и Задръ, знакомясь съ книжными пособіями, населеніемъ и учеными. Затѣмъ чрезъ хорватскую Военную Границу онъ при-

---

6) Письмо патр. Антонія къ воеводѣ Угровлахійскому Мирчѣ, 1394 г. (стр. 83—89).

7) Наконецъ въ 1861 г. въ «Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній» Григоровичъ издалъ только въ переводѣ грамоту 1589 г. о низложеніи митрополита Пимена и возстановленіи съ Кипріаномъ единства митрополіи Все-Россійской, подъ заглавіемъ: «Сvнодальное дѣяніе 1389 г. о духовномъ единствѣ Россіи» (Арх. кн. III, отд. II, стр. 1—20; въ Acta et diplomata, vol. II, стр. 116—129: Synodus confirmat excommunicationem Pimenis, Metropolitae Russiae, et electionem Cypriani in Metropolitam totius Russiae, statuens ecclesias Russiae iterum esse uniendas).

[51] «Istom se bio iz Ljubljane povratio, prebudši tamo neko vremence. Učio se slovenski. Uže mi kazival, kako su mu Slovenci ugoděli, i kako mu je omilio njihov jezik» — говоритъ Курелацъ, въ своей книжкѣ Recimo, etc. стр. 2.

[52] Библіографическіе листы, за 1825 годъ, изд. Кеппеномъ. №№ 14 и 36. Впервые издана только Миклошичемъ: Monumenta linguae palaeoslovenicae e codice Suprasliensi. Vindobonae, 1851.

[53] Mavra Vetraniča Hekuba i Posvetilište Abramovo. Zahreb. 1857. VIII+179.

былъ въ Загребъ, гдѣ тогда были сосредоточены всѣ представители хорватскаго возрожденія, собравшіеся подъ знаменемъ Гая, провозгласившаго идею иллиризма. Такимъ образомъ Григоровичъ имѣлъ возможность сойтись съ самимъ Гаемъ, Станкомъ Вразомъ, Кукульевичемъ-Сакцинскимъ, Бабукичемъ, Мажураничами, отстаивавшими сербскую рѣчь вмѣсто провинціальной кроатской «кайкавщины», которой уже и въ ту пору грозило полное исчезновеніе. Только на мѣстѣ возможно было изученіе этого исчезающаго нарѣчія, что́ и было сдѣлано нашимъ ученымъ. Изъ Загреба чрезъ Бѣлградъ Григоровичъ поднялся въ Сербскую Воеводину и обозрѣлъ библіотеки фрушко-горскихъ монастырей, гдѣ впрочемъ не нашелъ желанныхъ для него свѣдѣній о сербскомъ патріархатѣ въ его отношеніяхъ къ охридскому. Затѣмъ чрезъ Пресбургъ, средоточіе литературной дѣятельности словаковъ той поры, Григоровичъ прибылъ вторично въ Вѣну, и недолго пробылъ въ ней только затѣмъ, чтобы сосредоточить собранныя на пути свѣдѣнія. Все, что было славянскаго въ Вѣнѣ, уже было извѣстно Григоровичу, да и его знали славяне за «человѣка съ ангельскимъ характеромъ, тихаго и кроткаго какъ агнца, но преисполненнаго духомъ», какъ выражался о немъ въ одномъ изъ своихъ произведеній современный ему хорватскій ученый Курелацъ, встрѣчавшійся съ нимъ въ Вѣнѣ. «Не трудно было—говоритъ Курелацъ—вступить въ бесѣду съ путешественникомъ, который не только издалека прибылъ, но еще прошелъ Турцію, Святую Гору, видѣлъ Охриду съ ея озеромъ и мѣста, освященныя дѣятельностью св. Климента. Оттуда онъ вернулся увѣнчаннымъ ученымъ, потому что нашелъ тамъ и греческія и древнеславянскія рукописи, писанныя и глаголицей и кириллицей (климентицей), и слава ихъ разносилась между славянъ и въ книгахъ, и въ газетахъ, и въ обществахъ. Былъ ли въ ту пору человѣкъ счастливѣе его?» [54]. Изъ Вѣны чрезъ Моравію Григоровичъ прибылъ наконецъ въ Прагу, которая предлагала молодому ученому радушный пріемъ въ лицѣ свѣтила славянской науки—Шафарика. Къ той порѣ Шафарикъ издалъ нѣсколько новыхъ трудовъ, касающихся общесравнительной славянской грамматики. «Пользуясь методомъ германскихъ филологовъ, Шафарикъ пояснилъ различныя видоизмѣненія въ корняхъ словъ, переходъ твердыхъ звуковъ, древнѣйшія формы флексій, и въ исторической грамматикѣ чешскаго языка представилъ образецъ послѣдовательнаго ученія о другихъ нарѣчіяхъ».

Такіе труды конечно должны были сдѣлаться предметомъ бли-

---

[54] Recimo koju progovorio F. Kurelac, Karlovac, 1860. стр. 1.

жайшихъ занятій Григоровича. Изъ всѣхъ частей будущаго преподаванія Григоровичъ считалъ славянское языкознаніе существеннѣйшею частью. Оно, успѣшно разрабатываемое по частнымъ нарѣчіямъ, всегда предполагало общую теорію. Необходимость такой теоріи ясно оказывалась изъ успѣховъ языкознанія у западныхъ народовъ. «Менѣе богатые памятниками, позже начавъ вникать въ составъ живыхъ нарѣчій, мы, славяне, отстали отъ прочихъ—говорилъ Григоровичъ—и не можемъ еще съ вѣрностью указывать на законы, по которымъ наши нарѣчія разсматривались бы въ общемъ генетическомъ или параллельномъ развитіи. И этотъ недостатокъ значительно восполнялся тѣмъ ученымъ, который первый постоянно стремился придать разнообразному сбору свѣдѣній въ духовной жизни славянъ высокое значеніе науки» [55]. Вмѣстѣ съ этимъ ученымъ, готовившимъ изданіе нѣсколькихъ трудовъ по древне-славянской письменности, вмѣстѣ съ Шафарикомъ, въ трудахъ котораго сходились всѣ лучи свѣта славянской науки, Григоровичъ проштудировалъ всѣ свои рукописныя драгоцѣнности, вывезенныя имъ изъ-за Дуная [56]. Въ послѣдующихъ трудахъ своихъ Шафарикъ уже не могъ обойтись безъ открытій Григоровича. Занимаясь чешскою литературою Григоровичъ долженъ былъ сближаться и съ другими дѣятелями на этомъ поприщѣ, напр. съ Ганкой, соединявшимъ съ должностью библіотекаря Музея и званіе протектора лужицкой пражской семинаріи, которую посѣщалъ Григоровичъ съ цѣлью усвоенія себѣ лужицкихъ нарѣчій. Въ бытность свою въ Прагѣ онъ прочиталъ въ ученомъ Чешскомъ Обществѣ о своихъ открытіяхъ за Дунаемъ слѣдовъ славянскихъ апостоловъ и помѣстилъ въ одномъ изъ чешских журналовъ еще статью свою: «О народныхъ школахъ у болгаръ» [57]. Одинъ изъ недавно скончавшихся чешскихъ литераторовъ, бывшій тогда наставникомъ Григоровича въ чешской разговорной рѣчи, издалъ въ 1872 г. свои «Воспоминанія», въ которыхъ, хотя и вскользь, но чрезвычайно сочувственно отзывается о нашемъ ученомъ, сдѣлавшемся «для него незабвеннымъ по своей рѣдкой, всесторонней образованности и благодушію» [58].

Итакъ обозрѣвъ всѣ края славянъ, Григоровичъ видѣлъ и племена возникающія изъ забвенія, и племена уже окрѣпшія въ борьбѣ за свою духовную независимость; встрѣчался съ даровитѣйшими борцами на аренѣ слова во имя идеи славянства, и былъ од-

---

[55] Записка, стр. 38.
[56] Světozor. 1877. Příloha k čislu 3, стр. 33.
[57] Въ «Květech». См. Světozor. Ibid.
[58] Zpominky a uváhy starého vlastence. Sepsal J. Malý. Praha. 1872, стр. 100.

нимъ изъ тѣхъ немногихъ русскихъ людей, по которымъ приходилось судить нашимъ единоплеменникамъ о великой русской націи. Но въ немъ представитель каждаго отдѣльнаго славянскаго племени въ то же время видѣлъ и своего высоко-ученаго единоплеменника, благодаря его изумительному таланту быстро усваивать себѣ чужую рѣчь. Отъ души дѣлился онъ со всѣми славянскими учеными и своими научными открытіями, и своими счастливыми находками, ведущими къ этимъ открытіямъ. Нельзя не повторить здѣсь словъ кн. Вяземскаго о Карамзинѣ, по поводу его путешествія, столь примѣнимыхъ къ Григоровичу въ его личныхъ спошеніяхъ съ корифеями тогдашняго славянскаго міра: «Онъ является предъ ними выборнымъ человѣкомъ возникающаго русскаго просвѣщенія и въ этомъ званіи оцѣнивается ими, возбуждаетъ все ихъ сочувствіе, всю ихъ любовь и въ лицѣ его сочувствіе и любовь къ Россіи. Заслуга неоцѣненная, которою можемъ мы гордиться и которую не слѣдовало бы намъ забывать... Онъ указалъ намъ дорогу, по которой всѣ мы идемъ, съ меньшимъ или большимъ успѣхомъ, онъ... не только на родной почвѣ высоко поднялъ хоругвь русскаго просвѣщенія, но съ честью явилъ его и глазамъ образованнѣйшихъ мужей того времени; обратилъ ихъ сочувственное вниманіе къ новымъ, имъ дотолѣ неизвѣстнымъ союзникамъ, къ новымъ сподвижникамъ на стезѣ образованности и въ трудахъ умственнаго и духовнаго преуспѣянія»[59].

На дальнѣйшемъ пути своемъ на Русь чрезъ Саксонію и Пруссію, въ бесѣдахъ своихъ съ германскими учеными, Гауптомъ, Поттомъ, Перцомъ, В. Гриммомъ и Боппомъ, Григоровичъ былъ уже во всеоружіи филологической науки, и для него даже въ занятіяхъ литовскимъ языкомъ, новымъ для него, не трудно было подмѣтить научныя увлеченія нѣкоторыхъ изъ нихъ, не согласныя съ истиною.

По возвращеніи на Русь, Григоровичъ просилъ въ Петербургѣ дозволенія обозрѣть Публичную библіотеку, Софійскую—въ Новгородѣ и Синодальную въ Москвѣ, съ тѣмъ чтобы прибыть въ Казань не позже 1 іюля 1847 г. Министерство нар. пр. дало на это соизволеніе, но «имъ—по словамъ оффиціальнаго доклада—Григоровичъ могъ воспользоваться только въ такой мѣрѣ, въ какой нашелъ содѣйствіе лицъ, завѣдующихъ тѣми библіотеками». Дѣйствительно, въ Публ. Библіотекѣ онъ познакомился съ славянскими кодексами, находящимися въ ней, и преимущественно съ рукописью XI в., заключающею въ себѣ слова Григорія Богослова, въ которой онъ успѣлъ подмѣтить немногіе глаголическіе знаки. Въ Софійской библіо-

[59] Полн. собр. соч. кн. П. А. Вяземскаго, т. X, стр. 179.

текѣ онъ ознакомился между прочимъ съ кодексами Великихъ Четій Миней митр. Макарія, въ которыхъ нашелъ сочиненія св. Климента болгарскаго и незамѣченную другими изслѣдователями «бесѣду о грамотѣ ї ея строенїи прѣпростаго Евдокима», въ которой ясно говорилось о носовомъ произношеніи въ древности загадочнаго знака ѫ [60]. Еще болѣе Григоровичъ разсчитывалъ на московскую Синодальную библіотеку, въ которой онъ могъ изучить важнѣйшія греческія и славянскія рукописи. Но желаніе его не было исполнено, потому что не было получено дозволенія на это отъ оберъ-прокурора св. синода. На вторичную просьбу свою въ департаментъ мин. нар. пр. о сношеніи со св. синодомъ и продолженіи срока отпуска по 20 іюля, онъ не получилъ отвѣта и, прождавъ напрасно 12 дней, отправился въ Казань, куда и прибылъ 19 іюля.

Изъ отчетовъ, представляемыхъ университету, Григоровичъ сдѣлалъ выборъ и многія дополненія, и напечаталъ въ слѣдующемъ 1848 г. только «Очеркъ путешествія по европейской Турціи» [61]. Это сочиненіе, переполненное библіографическими данными о неизвѣстныхъ ученому міру греческихъ и славянскихъ рукописяхъ, безслѣдно прошедшее въ публикѣ, было по достоинству оцѣнено въ ученомъ мірѣ, и за границей—ранѣе и сочувственнѣе, нежели на Руси. Оно, безъ преувеличенія можно сказать, открыло новый материкъ съ его невѣдомыми дотолѣ обитателями. Вся исторія древне-славянской письменности, всѣ изслѣдованія объ языкѣ восточной половины Балканскаго полуострова должны были принять новый видъ; постройка ихъ должна была производиться изъ того вновь открытаго матеріала, который лежалъ въ забросѣ до прибытія туда нашего ученаго славянина. Наука не могла уже обойтись безъ книги Григоровича, воскресившей память о первыхъ просвѣтителяхъ славянъ и многочисленныхъ безымянныхъ продолжателяхъ ихъ дѣла. Книга Григоровича дала новую работу

---

[60] Статьи, касающіяся др. словянскаго языка. Казань, 1852 г., стр. 29—30, и «Старинное разсужденіе о буквахъ сирѣчь о словехъ», Пам. Др. Письменности Спб. 1888, № LXXIII, стр. III и слѣд.

[61] Первоначально помѣщенный въ Учен. Зап. к. ун—та. 1848 г., кн. III, 214+3 стр. Въ отдѣльномъ оттискѣ: 2+1+214+2 стр. Въ 1877 г. вышло второе небрежное изданіе: 4+181 стр. Григоровичу, еще въ бытность его въ Казани, Кожанчиковъ предлагалъ свою готовность издать въ дополненномъ видѣ его «Путешествіе», но Григоровичъ не согласился на это. Впрочемъ, въ его библіотекѣ находился экземпляръ «Путешествія», съ его значительными дополненіями и поправками, но при пріемѣ библ—ки Григоровича въ Музей, въ авг. 1877 г. изъ елисаветградскаго реальн. училища, этого экземпляра на лицо не оказалось, и онъ исчезъ безслѣдно. См. Викторовъ: Собраніе рукописей В. И. Григоровича. М. 1879, стр. 51.

всѣмъ адептамъ славянской науки, и во главѣ ихъ былъ Шафарикъ, торжественно привѣтствовавшій вскорѣ затѣмъ труды Григоровича, подъятые на разработку собраннаго и описаннаго имъ матеріала. Если и до поѣздки въ славянскія земли Григоровичъ живымъ отношеніемъ къ славянскому дѣлу, увлекательнымъ изложеніемъ результатовъ науки еще столь новой, съумѣлъ возбудить въ немногочисленныхъ своихъ слушателяхъ любовь къ славянскому дѣлу, [61] то теперь, когда предъ нимъ вполнѣ раскрылся кругозоръ славянской науки, слушатели его и сослуживцы увидѣли въ немъ уже не начинающаго ученаго, а вполнѣ авторитетнаго представителя новой науки.

М. П—ій.

(*Окончаніе слѣдуетъ*)

[61] Уже въ 1845 и 1846 гг. въ Учен. Запискахъ к. ун—та было напечатано изслѣдованіе А. И. Соколова, прослушавшаго курсъ Григоровича за 1843—1844 акад. годъ: «Краледворская рукопись и судъ Любуши». Въ отд. оттискѣ, вышедшемъ въ 1846 г., это изслѣдованіе занимаетъ 224+2 стр.

РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ

и

ГРЕКО-СЛАВЯНЕ

(политическій очеркъ)

VI *

БЛИЗОСТЬ грядущихъ событій, обусловленныхъ вѣроятнымъ столкновеніемъ громадныхъ силъ Германіи и ея союзниковъ съ неменьшими силами Россіи и Франціи, должна бы жется побудить народы, которыхъ судьба при этомъ рѣшается, взаимному соглашенію и солидарности. Къ сожалѣнію, мы вовсе ого не замѣчаемъ.

На пути къ этой солидарности означенные народы натыкаются многочисленныя препятствія, которыя нагромождены втече вѣковъ противниками славянъ, румыновъ и грековъ. Такимъ разомъ положеніе представляется очень печальнымъ. Люди не тятъ пользоваться тѣмъ, что обезпечило бы такую солидарность, наоборотъ прибѣгаютъ къ мѣрамъ, которыя ей мѣшаютъ. И это замѣчаемъ не только въ Австро-Угріи, но равнымъ образомъ на Балканскомъ полуостровѣ.

Сколько разъ былъ уже возбуждаемъ и обсуждаемъ спаситель- й проектъ федераціи балканскихъ государствъ! Изъ него ничего вышло, вѣроятно потому, что онъ натолкнулся на понятное противодѣйствіе Карла Гогенцоллерна въ Румыніи и незаконнаго князя ь династіи Кобурговъ въ Болгаріи. Но это противодѣйствіе не лжно бы, по нашему убѣжденію, мѣшать заключенію союза по айней мѣрѣ между Сербіей, Черногоріей и Греціей.

---

* Продолженіе. См. книжку за май—іюнь.

Мы читали какъ-то въ газетахъ, что одинъ греческій государственный человѣкъ (кажется нынѣшній министръ-призидентъ Трикуписъ) нарочно посѣтилъ Бѣлградъ для обсужденія вопроса о союзѣ сербско-греческомъ. Союзъ этомъ, къ которому охотно примкнула бы и Черногорія, не принадлежитъ слѣдовательно къ невозможностямъ. Отъ Сербіи зависѣло бы затѣмъ пропагандировать въ пользу этого союза въ средѣ населенія и депутатовъ законодательнаго собранія Румыніи. Замѣчаемое теперь сближеніе румынской учащейся молодежи съ сербско-хорватскою указываетъ на такое настроеніе въ средѣ румыновъ, которое не исключаетъ возможности ихъ присоединенія къ балканской федераціи.

Между тѣмъ мы узнаемъ, что сербы не отвѣтили даже на визитъ упомянутаго государственнаго человѣка Греціи; проектированный союзъ между Сербіей, Черногоріей и Греціей не осуществился, а слѣдовательно невозможны были никакія мѣропріятія въ пользу союза въ Румыніи, хотя въ этомъ королевствѣ, несмотря на противодѣйствіе короля Карла, замѣчались стремленія къ сближенію съ Сербіей, въ видахъ охраненія своей независимости. Такимъ образомъ пропущенъ удобный моментъ, чѣмъ не преминули воспользоваться въ Берлинѣ. И вотъ въ Румыніи повѣяло совершенно инымъ, специально берлинскимъ духомъ, который не развѣянъ даже недавними торговыми недоразумѣніями съ Германіей и ея союзниками.

Это обнаружилось между прочимъ въ зимнихъ преніяхъ австрійскаго рейхсрата. Когда противники заключенныхъ недавно торговыхъ договоровъ съ Германіей указывали на ихъ вредъ для Австро-Угріи, то въ отвѣтъ имъ было сказано, что договоры эти будутъ содѣйствовать укрѣпленію политическихъ союзовъ, и что съ другой стороны матеріальныя жертвы Австро-Угріи въ пользу союзниковъ будутъ съ излишкомъ покрыты вполнѣ обезпеченнымъ торговымъ договоромъ съ Румыніей. Отсюда видно, что въ Берлинѣ ни мало не сомнѣваются въ принадлежности Румыніи къ нѣмецкой державной сферѣ, чему не помѣшаетъ уже и самая сильная оппозиція румыновъ, еслибы она обнаружилась. Столь важная по своему положенію Румынія потеряна уже слѣдовательно для балканской федераціи. Въ непродолжительномъ времени румыны очутятся въ еще большей зависимости отъ Берлина, чѣмъ подъ управленіемъ Братіано, который въ угоду нѣмцамъ не усомнился расточать матеріальныя силы страны на игрушечныя укрѣпленія Букареста.

Что касается нынѣшней Болгаріи, въ ея напускной самостоятельности, то объ этомъ княжествѣ нечего и думать друзьямъ балканской федераціи до тѣхъ поръ, пока тамъ господствуетъ анар-

хія, съ незаконнымъ княземъ и незаконнымъ министерствомъ во главѣ. При нынѣшнемъ безпримѣрномъ терроризмѣ болгарскій народъ лишенъ не только свободы дѣйствій, но и свободнаго выраженія своихъ дѣйствительныхъ стремленій. За исключеніемъ небольшой горсти проходимцевъ, которые ловко пользуются нынѣшней анархіей, чтобы разжиться на счетъ бѣднѣющей страны, все остальное населеніе Болгаріи безправно и безгласно, такъ что теперь невозможно даже приблизительно опредѣлить моментъ прекращенія этой анархіи, обусловленной политическими отношеніями Европы. При такихъ условіяхъ трудно винить болгарскій народъ въ томъ, что происходитъ нынѣ подъ управленіемъ террористовъ Стамбулова и компаніи. Но неблагоразумно поступаютъ, бѣжавшіе отъ этого терроризма эмигранты, когда они въ интересахъ стамбуловскаго режима возбуждаютъ разнаго рода мелочные или нерѣшенные вопросы и споры съ сосѣдями, вмѣсто того чтобы дѣйствовать съ ними солидарно, въ общихъ интересахъ православія и народовъ Балканскаго полуострова Мы разумѣемъ здѣсь назначеніе болгарскихъ епископовъ въ тѣхъ епархіяхъ, которыя издревле были управляемы епископами греческими, а съ другой стороны возбужденіе вопроса о принадлежности сербамъ или болгарамъ славянскаго населенія нѣкоторыхъ турецкихъ областей, смотря по діалектическимъ особенностямъ мѣстныхъ говоровъ.

Кто въ этомъ случаѣ правъ—болгаре ли, греки, либо сербы, это не имѣетъ въ настоящее критическое время такой важности, какъ вопросъ о томъ, будутъ ли дѣйствовать солидарно въ общихъ интересахъ столь родственные народы, какъ славяне и греки или болгаре и сербы, которые издревле раздѣляли общую судьбу и которые связаны узами общей православной церкви, этого палладіума ихъ національнаго существованія. Изъ взаимныхъ раздоровъ южныхъ славянъ съ румынами и греками мы убѣждаемся, что и на европейскомъ югѣ съ большимъ успѣхомъ дѣйствовали нѣмцы, которые, оцѣнивъ уже со временъ Карла Великаго важность своей племенной солидарности, не переставали однако поощрять мѣстные сепаратизмы въ средѣ народовъ ненавистнаго для нѣмцевъ, а вмѣстѣ и желаннаго для нихъ Востока.

VII.

Какъ ни трудно однако нынѣшнее положеніе дѣлъ на Балканскомъ полуостровѣ, все же оно не такъ плохо какъ въ Австро-Угріи, со включеніемъ оккупаціонной области. Тамъ мы всетаки видимъ единомышленныхъ съ народомъ государей въ Черногоріи,

Сербіи и Греціи; можемъ расчитывать также на улучшеніе отношеній къ своимъ народамъ государей Румыніи и Болгаріи, особенно въ случаѣ предусматриваемой войны. Другое дѣло въ Австро-Угріи. Хотя славяне и румыны составляютъ въ ней значительное большинство, но подъ давленіемъ сосѣдней римско-нѣмецкой имперіи это большинство не находитъ себѣ нигдѣ признанія, благодаря отчасти искусной системѣ выборовъ въ представительныя собранія, отчасти же грубой силѣ и другимъ незаконнымъ средствамъ господствующихъ по милости Германіи народностей. Жалобы славянъ и румыновъ на невыносимый гнетъ этихъ привиллегированныхъ народностей достаточно извѣстны, ибо онѣ не разъ уже раздавались въ парламентахъ угорскомъ и австрійскомъ и не сходятъ со страницъ австро-угорской періодической печати, а недавно выражены были въ особомъ Меморандумѣ, представленномъ императору Францу Іосифу депутаціею семиградскихъ румыновъ. Конечно, обыкновенно отъ этихъ жалобъ отдѣлываются фразами, что онѣ-де не основательны или преувеличены, чему охотно вѣрятъ люди, которые не могутъ или не хотятъ вникнуть въ систему австро-угорскихъ выборовъ и въ значеніе безчисленныхъ происковъ и насилій, сопровождающихъ эти выборы. Но мы не будемъ останавливаться на этихъ жалобахъ, какъ ни основательны онѣ сами по себѣ, а ограничимся лишь приведеніемъ безспорныхъ статистическихъ данныхъ о нынѣшнемъ представительствѣ отдѣльныхъ народовъ въ парламентахъ Цислейтаніи и Транслейтаніи, чтобы оправдать положеніе— о подавленіи въ нихъ большинства меньшинствомъ.

Объ угорскомъ сеймѣ намъ не придется много распространяться, такъ какъ и наши противники не отрицаютъ, что сеймъ этотъ составленъ, за изъятіемъ нѣсколькихъ румынскихъ и саксонскихъ депутатовъ Семиградья, исключительно изъ служащихъ нѣмецкимъ интересамъ мадьяръ да немногихъ хорватовъ. И послѣдніе, будучи избираемы мадьяронскимъ большинствомъ загребскаго сейма, представляютъ собственно этихъ мадьяроновъ, а не хорватскую народность: имъ приходится отстаивать интересы своихъ опекуновъ и покровителей мадьяръ, а не своего народа. Сверхъ того незначительное число этихъ хорватскихъ депутатовъ лишаетъ ихъ возможности играть въ угорскомъ сеймѣ сколько нибудь самостоятельную роль. Прочіе славяне (словаки, сербы и русскіе), а равно румыны, хотя и составляютъ большинство населенія Угріи, однако имѣютъ не болѣе двухъ-трехъ депутатовъ въ сеймѣ, которые къ тому же должны соотвѣтствовать вкусамъ мадьяръ. Такимъ образомъ палата депутатовъ, которая должна бы равномѣрно представлять интересы всѣхъ народовъ Угріи, т. е. быть угорскою, ниспала до

роли палаты мадьярской, хотя въ этой восточной половинѣ габсбургской монархіи на 18 мил. населенія приходится даже по мадьярской офиціальной статистикѣ всего $6^1/_2$ мил. мадьяръ, на дѣлѣ же число ихъ не превышаетъ 4—5 мил. душъ.

Мы охотно признаемъ, что гораздо лучше идутъ дѣла въ Австріи, т. е. въ другой половинѣ габсбургской монархіи, вслѣдствіе чего противники славянъ легче могутъ отражать здѣсь ихъ жалобы, чѣмъ въ Угріи. Но изъ точныхъ статистическихъ данныхъ, которыя мы ниже приведемъ, читатель убѣдится, что жалобы славянъ на угнетеніе ихъ въ Австріи также вполнѣ основательны, ибо и въ цислейтанскомъ парламентѣ они вовсе не имѣютъ такого представительства, а слѣдовательно и вліянія, которое соотвѣтствовало бы ихъ многочисленности.

Такъ какъ въ Австріи насчитывается по послѣднимъ статистическимъ даннымъ 23.477,068 душъ населенія, а палата депутатовъ рейхсрата состоитъ изъ 353 членовъ, то на каждаго изъ нихъ приходится 66,507 душъ населенія. По этому расчету должно бы быть слѣдующее число депутатовъ славянскаго и румынскаго происхожденія:

на	5.473,578	душъ	чехоморавянъ . .	82	депутатовъ
»	3.101,497	»	русскихъ . . .	47	»
»	1.176,535	»	словинцевъ. . .	18	»
»	644,769	»	сербохорватовъ .	10	»
»	209,026	»	румыновъ . . .	3	»
Всего же на	10.605,405	»	населенія . . .	160	»

На дѣлѣ же теперь насчитывается:

чехословенскихъ депутатовъ	. . . . .	68
русскихъ »	. . . . .	0
словинскихъ »	. . . . .	14
сербохорватскихъ »	. . . . .	9
румынскихъ »	. . . . .	3
Всего же	. . . . .	94 депутата,

мѣсто ожидаемыхъ 160, т. е. на 66 депутатовъ менѣе должнаго.

Этотъ недочетъ объясняется соотвѣтственнымъ увеличеніемъ числа депутатовъ нѣмецкой, польской и итальянской народностей, именно:

на	8.361,997	дш.	нѣмецк. насел.	имѣется	178	дпт.	вмѣсто	127
»	3.726,827	»	польскаго »	»	66	»	»	56
»	674,701	»	итальянск. »	»	15	»	»	10
Всего на	12.763,525	»	этихъ населеній	»	259	»	»	193,

т. е. на 66 чел. болѣе должнаго.

Такая неравномѣрность представительства привиллегированныхъ и преслѣдуемыхъ народностей Австро-Угріи не можетъ быть оправдываема и суммами взимаемыхъ съ тѣхъ и съ другихъ налоговъ, ибо мадьяры въ Транслейтаніи, а нѣмцы, поляки и итальянцы въ Цислейтаніи вовсе не принадлежатъ къ числу самыхъ сильныхъ плательщиковъ имперіи, каковыми должны считаться собственно чехоморавяне, а въ Угріи румыны и славяне.

Мы не должны впрочемъ удивляться безспорному предпочтенію нѣмцевъ въ Цислейтаніи. Вѣдь Австрія всегда считала себя нѣмецкою державою и долго носилась съ надеждою образовать нѣмецкую 70-милліонную имперію. Въ то время, когда опредѣляемъ былъ составъ австрійской палаты депутатовъ, Австрія считалась даже главою нѣмецкаго союза и собиралась напасть на Данію за непослушаніе этому союзу. Вполнѣ понятно также и безспорное пристрастіе къ итальянцамъ при образованіи означенной палаты, ибо въ тотъ моментъ, когда народамъ навязана была конституція, венеціанское королевство принадлежало еще къ Австріи и нѣмцы могли предаваться хотя и несбывшейся надеждѣ воспользоваться услугами итальянцевъ въ рейхсратѣ, въ возмездіе за покровительство, оказанное имъ насчетъ словинцевъ и хорватовъ Приморья. При этомъ имѣлось еще въ виду предупредить грозившее присоединеніе Венеціи къ Италіи.

Не удивляетъ насъ и предпочтеніе, оказанное при образованіи рейхсрата мятежнымъ и столько разъ возстававшимъ противъ Австріи на ряду съ мадьярами полякамъ Галиціи, тѣмъ болѣе, что это предпочтеніе сдѣлано насчетъ галицкихъ русскихъ, которые за свою вѣрность престолу и государству называются «тирольцами востока». По нѣмецкимъ взглядамъ мелкія, а потому лишенныя будущности славянскія племена лишь потому возстаютъ противъ предлагаемой имъ благодати исчезнуть въ германизмѣ, что они заражены столь грознымъ для нѣмцевъ панславизмомъ или — какъ теперь выражаются—панруссизмомъ, а вслѣдствіе того стремятся къ образованію могущественной всеславянской имперіи, которая могла бы положить конецъ давленію германизма на востокъ и подготовляемой диктатурѣ нѣмцевъ въ Европѣ. На первомъ планѣ стоятъ конечно между зараженными панславизмомъ народами чер-

вонорусы, которые, утративъ подъ вѣковымъ гнетомъ свою помѣстную знать, а большею частью и мѣщанство важнѣйшихъ городовъ, являются теперь отъявленными врагами римско-нѣмецкаго феодализма и нѣмецко-еврейской крупной промышленности. Отказываясь отъ принятія предложеннаго имъ новаго языка и крѣпко отстаивая свою славянскую письменность и славянское богослуженіе, народъ этотъ безспорно проникнутъ-де до мозга костей панславизмомъ, который тѣмъ опаснѣе-де, что въ лонѣ славянской церкви червонорусы дѣйствительно находятъ убѣжище, недоступное для германизаціи.

Все это понятно, но зато удивителенъ пріемъ, при помощи котораго поляки, какъ отъявленные враги славянъ, а слѣдовательно пригодное орудіе нѣмцевъ, получили въ вѣнскомъ рейхсратѣ далеко превышающее ихъ права представительство, хотя общее, слишкомъ малое число депутатовъ изъ Галиціи оставлено безъ измѣненія. Удивительнымъ мы называемъ этотъ пріемъ потому, что онъ представляетъ нарушеніе основныхъ государственныхъ законовъ, слѣдовательно влечетъ за собою анархію, которой избѣгаютъ даже въ азіатскихъ благоустроенныхъ государствахъ. Виновниками примѣненія такихъ пріемовъ Австріею послѣ ея разгрома прусаками были стоявшіе тогда во главѣ министерства бездарные государственные люди, но зато ловкіе интриганы Бейстъ и Андраши. Какъ бы то ни было, въ Угріи и Галиціи еще гораздо раньше чѣмъ въ Болгаріи съ успѣхомъ примѣнили поистинѣ стамбуловскій пріемъ для подавленія непріязненныхъ нѣмцамъ населеній, а именно: государство передало свою власть въ руки—тамъ мадьярскихъ, а здѣсь польскихъ своихъ любимцевъ! Служа цѣлямъ тевтонизма и подъ его охраною, они для сохраненія своей власти не боятся попирать ногами законъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ въ угоду нѣмцамъ, при каждомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, лаять на Россію или для разнообразія—на панславистовъ и дако-румановъ.

Терроризмъ, посредствомъ котораго славяне и румыны въ Угріи и Галиціи не только устранены отъ какого бы то ни было вліянія на общественныя дѣла и выданы въ жертву своимъ противникамъ, но и вынуждены теперь массами выселяться въ Америку, гдѣ могутъ развиваться на свободѣ, ни мало не уступаетъ пресловутому болгарскому терроризму. Правда, въ Угріи и Галиціи дѣло не дошло еще до пытокъ и казней; но онѣ въ обиліи замѣняются частыми арестами, всевозможными преслѣдованіями и шпіонствомъ, которое отравляетъ даже семейную жизнь, распространяясь между прочимъ и на всѣхъ путешественниковъ, говорящихъ по-славянски

или по-румынски. Не могутъ болгаре сравниться съ нѣмцами, мадьярами, поляками и по злоупотребленіямъ присяжными судами.

Нѣсколько лучше поставлены, хотя и угнетаемые итальянцами, славяне австрійскаго Приморья, словинцы и сербохорваты, особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣ покушенія—къ счастью неудачнаго—Австрія пришла къ убѣжденію, что итальянскій элементъ этой важной пріадріатической области почти всецѣло охваченъ ирредентизмомъ, который портитъ отношенія Италіи и Германіи и вовсе не лежитъ въ интересахъ германизма, а наоборотъ еще опаснѣе для нихъ, чѣмъ оторванная отъ прочаго славянства горсть словинцевъ и хорватовъ Приморья.

Еще нѣсколько лучше поставлены славяне Чехіи, Моравіи и Слезіи, именно въ томъ отношеніи, что имъ приходится вести борьбу съ отпрыскомъ великаго и образованнаго нѣмецкаго народа, а не съ лишенными всякой будущности, грубыми наемниками изъ среды мадьярскаго и польскаго шляхетства, которые подобно болгарскимъ террористамъ, не безпокоясь о слѣдствіяхъ своей разрушительной дѣятельности, озабочены лишь тѣмъ, какъ бы подольше высасывать свою жертву.

Сверхъ того чехоморавяне, какъ народъ главнымъ образомъ католическій и лишь въ маломъ числѣ протестантскій, не сохранившій въ своей средѣ ни одного грекославянскаго прихода, по нѣмецкимъ взглядамъ—очень ужъ близки къ германизму, отличаясь отъ нѣмцевъ не столько по своему быту или понятіямъ, сколько по языку. Къ тому же чехоморавяне, занимая довольно значительную площадь компактнаго и высоко-развитаго 5-милліоннаго населенія требовали со стороны правительства особой осторожности. Вотъ почему Австрія отказалась отъ прежняго террористическаго управленія Чехіей, связаннаго съ именемъ бывшаго намѣстника Коллера, и возвратилась къ испытанной уже ранѣе системѣ покровительства чешскому сепаратизму, въ убѣжденіи, что этимъ путемъ можно постепенно и незамѣтно въ два-три поколѣнія добиться германизаціи чеховъ. Если принять во вниманіе географическое положеніе нынѣшней Чехіи, населенной правда въ большинствѣ славянами, но въ смѣшеніи съ значительнымъ и компактнымъ населеніемъ нѣмецкимъ, причемъ область эта лишь на востокѣ, черезъ Моравію, соприкасается съ прочимъ славянствомъ; если вспомнить далѣе нынѣшнее широкое распространеніе нѣмецкаго языка въ средѣ чехоморавянъ, которые и въ бытовомъ отношеніи уже сильно пропитаны германизмомъ; если прибавить затѣмъ могущественное воздѣйствіе правительства, которому помогаютъ въ этомъ случаѣ епископы да и вообще церковь, а также вліятельная и большей частью нѣмец-

кая уже знать этихъ областей; а наконецъ, если принять въ соображеніе вызванное нѣмцами распаденіе чеховъ на многочисленныя и взаимно враждебныя партіи,—то придется признать правильность нѣмецкихъ надеждъ на германизацію этихъ областей. Врядъ ли окажетъ существенную поддержку славянскому дѣлу въ Чехіи и Моравіи существующій нынѣ въ Прагѣ чешскій университетъ и чешская академія наукъ, если они будутъ дѣйствовать въ узкочешскомъ, а не въ широкомъ общеславянскомъ направленіи.

Изъ сказаннаго явствуетъ, что болѣе гуманное по виду обращеніе съ славянами Приморья и земель чешской короны должно всетаки втихомолку привести къ тѣмъ же результатамъ, какіе достигаются по отношенію къ славянамъ и румынамъ Угріи и Галиціи путемъ терроризма. Какъ здѣсь, такъ и тамъ конечною цѣлью служитъ германизація славянъ и румыновъ; различіе заключается лишь въ пріемахъ, и трудно сказать, который изъ нихъ опаснѣе. Австрійскіе славяне, за исключеніемъ развѣ русскихъ въ Галиціи, не страдаютъ пока отъ терроризма; но все же вліяніе, которое имъ предоставлено, не даетъ имъ важныхъ преимуществъ передъ славянами и румынами Угріи въ дѣлѣ охраненія своей національности. Словомъ, до тѣхъ поръ пока не наступятъ серьезныя международныя усложненія, австроугорскіе славяне и румыны столь же неспособны въ самостоятельной дѣятельности, какъ и населеніе Болгаріи.

То же слѣдуетъ конечно сказать и о сербахъ австрійской оккупаціонной области, т. е. Босніи и Герцеговины. Поставленныя внѣ конституціи, области эти управляются генераломъ, который командуетъ мѣстными войсками, подъ высшимъ руководствомъ австроугорскаго министра общихъ финансовъ, мадьяра Каллая. Выше уже замѣчено, что Боснія и Герцоговина быстро покрываются нѣмецкими колоніями и получили широкую римско-католическую іерархическую организацію. Неудивительно, что при подобномъ управленіи охотно прибѣгаютъ къ запугиванію недовольнаго оккупаціей сербскаго населенія; но чтобы запрещать ему называть свой языкъ сербскимъ, а не боснійскимъ, до этого могло дойти правительство лишь въ Австро-Угріи, которая и тутъ слѣдуетъ предательскимъ совѣтамъ мадьяръ и поляковъ, при молчаливомъ согласіи недостаточно знакомаго съ нашими дѣлами берлинскаго правительства. Одного этого факта достаточно, чтобы раскрыть бѣдственное положеніе сербовъ въ оккупаціонной области. Счастье еще, что до сихъ поръ не нашлось ренегата, который сочинилъ бы для этихъ сербовъ особый боснійскій языкъ, съ цѣлью оторвать ихъ отъ прочихъ сербовъ и подготовить къ германизаціи! Въ противномъ случаѣ бо-

сняки и герцеговинцы, подобно русскимъ въ Галиціи и Буковинѣ, уже наслаждались бы подобнымъ офиціознымъ языкомъ, подъ руководствомъ своихъ польскихъ и мадьяронскихъ цивилизаторовъ.

Такимъ образомъ положеніе славянъ въ оккупаціонной области ничуть не лучше положенія славянъ и румыновъ въ Угріи. Что же касается прочихъ цислейтанскихъ областей, то населяющіе ихъ славяне хотя и управляются нѣсколько гуманнѣе, однако тоже лишены всякаго вліянія на общественныя дѣла. Трудность этого положенія австрійскихъ славянъ и небольшого числа цислейтанскихъ румыновъ еще усиливается тѣмъ, что общее ихъ число по офиціальной статистикѣ не превышаетъ $10^2/_3$ милл. душъ, тогда какъ нѣмцы, составляющіе $8^1/_3$ милл. душъ, по присоединеніи къ нимъ раболѣпствующихъ поляковъ, въ числѣ $3^3/_4$ милл. душъ, а также $^2/_3$ милл. душъ итальянцевъ, составляютъ въ совокупности $12^3/_4$ милл. душъ, т. е. большинство населенія *... Хотя это большинство польско-нѣмецкаго элемента въ Цислейтаніи и не особенно значительно, да къ тому же основывается на статистической фикціи, тѣмъ не менѣе духовный перевѣсъ австрійскихъ нѣмцевъ, уже со временъ Лютера объединенныхъ по языку и скрѣпленныхъ школою, представляется безспорнымъ и вполнѣ понятнымъ при нынѣшней разрозненности славянъ. Объединенные сами духовно, нѣмцы сумѣли однако внушить славянскимъ народностямъ мелкій приходскій патріотизмъ.

* Конечно, это большинство существуетъ лишь на бумагѣ, ибо при составленіи офиціальныхъ переписей многіе славяне выдаютъ себя за нѣмцевъ, поляковъ, или итальянцевъ то изъ страха, то изъ ложнаго стыда, то изъ желанія пріобщиться къ господствующимъ народностямъ. Есть однако возможность до нѣкоторой степени возстановить дѣйствительныя статистическія отношенія народностей: это провѣрка стастистики гражданской военною. По первой считается, напримѣръ, въ Австро-Угріи поляковъ 3,7 милл. д., а русскихъ 3,5 милл. д., т. е. на 200,000 менѣе, чѣмъ поляковъ; между тѣмъ самаго поверхностнаго знакомства съ національными контингентами нашей арміи достаточно, чтобы утверждать, что въ ней русскихъ больше, чѣмъ поляковъ, такъ что по настоящему слѣдовало бы число поляковъ въ имперіи понизить до 3 милл. д., а число русскихъ повысить по меньшей мѣрѣ до 4 милл. д. Въ подобной же пропорціи слѣдовало бы увеличить число словинцевъ и сербохорватовъ, которыхъ статистика скрываетъ во множествѣ подъ именемъ нѣмцевъ и итальянцевъ. Но много ли пользы принесетъ славянамъ и численный перевѣсъ въ Цислейтаніи, если болѣе чѣмъ трехъ-милліонное населеніе русскихъ галичанъ не имѣетъ теперь въ австрійскомъ рейхсратѣ ни одного настоящаго депутата,—ибо нынѣшніе восемь мнимыхъ представителей этого населенія въ сущности являются слугами польской и центральной администраціи, и только для виду избраны въ парламентъ для представительства русскаго населенія, почему и называются Parade-Ruthenen! Съ подобною же цѣлью одинъ польскій депутатъ записалъ себя армяниномъ.

Раздѣливъ такимъ образомъ славянъ, они успѣли поглотить сначала славянъ полабскихъ и прибалтійскихъ, а теперь добрались уже до Балканскаго полуострова, въ такой мѣрѣ подчинивъ своимъ цѣлямъ славянъ Австріи и Угріи, что они неспособны уже къ совмѣстному отраженію угрожающей опасности.

Въ ревнивомъ охраненіи не только своихъ отдѣльныхъ литературъ, но также отдѣльныхъ буквъ и правописанія, славянскія народности до того разошлись между собою и настолько удалились отъ прежнихъ общихъ стремленій и чувствъ, что по справедливости могутъ быть названы «memra dirsjecta» разсѣченнаго организма. И каждый изъ этихъ осколковъ разбитаго славянства задается широкими политическими цѣлями, преувеличиваетъ свои племенныя особенности, ищетъ противоположностей съ другими, а вдобавокъ еще раздѣленъ на множество враждебныхъ партій! Искреннему славянину больно и подумать объ этомъ жалкомъ состояніи его братьевъ. Но убѣдившись изъ опыта, что молчаніе еще болѣе ухудшаетъ это грустное положеніе, я считаю патріотическимъ долгомъ вникнуть ближе во взаимныя отношенія Австро-Угорскихъ славянъ, въ дополненіе къ сказанному до сихъ поръ.

VIII.

Извѣстные теперь подъ офиціальнымъ названіемъ сербохорватовъ ближайшіе мои родичи распадаются на двѣ части: хорватовъ и сербовъ. Со временъ Людевита Гая, который думалъ объединить въ такъ назыв. иллиризмѣ всѣхъ южныхъ славянъ, хорваты и сербы имѣютъ общій литературный языкъ; но во многихъ другихъ отношеніяхъ они распадаются на два различныхъ, отчасти даже противоположныхъ типа, сліяніе которыхъ мало вѣроятно, ибо національная жизнь хорватовъ опирается на воззрѣнія и учрежденія римско-католической церкви, а жизнь сербовъ—на начала церкви православной или греко-славянской. На этой сербохорватской почвѣ съ наибольшей очевидностью подтверждается положеніе, что національность обусловлена не языкомъ только, но еще болѣе народными воззрѣніями, нравами, обычаями и принадлежностью къ той или другой церкви, которая вообще имѣетъ могущественное вліяніе на бытъ народовъ. Возможно конечно, что приверженцы нѣсколькихъ, отчасти различныхъ по догматамъ восточныхъ церквей въ силу общаго происхожденія или языка соединятся искренно въ одну народность, какъ это встрѣчается напр. въ Россіи. Такъ и въ западной Европѣ приверженцы различныхъ исповѣданій западной церкви безъ особенныхъ трудностей объединяются въ національномъ отно-

шеніи, напримѣръ въ Германіи и другихъ западныхъ государствахъ. Подобныя явленія объясняются общностью греко-славянскаго типа всѣхъ восточныхъ церквей съ одной стороны, а романо-германскаго типа всѣхъ западныхъ христіанскихъ церквей—съ другой. Къ тому же догматическія различія въ средѣ каждаго изъ этихъ типовъ не вносятъ въ нихъ существенныхъ измѣненій.

Другое дѣло, когда встрѣтятся взаимно приверженцы одной изъ восточныхъ церквей съ западными: какъ ни близки были бы ихъ языки другъ другу, всетаки подобныя народности никогда не сольются въ одну, даже въ томъ случаѣ, если устранятся догматическія различія между ихъ исповѣданіями. Нагляднымъ доказательствомъ того могутъ служить нынѣшнія отношенія въ Галиціи. Пятивѣковой польскій гнетъ успѣлъ къ началу XVIII вѣка устранить и въ Галиціи догматическія различія между церквами обоихъ славянскихъ народовъ этой области. Однако это не привело къ конечной цѣли польскихъ стремленій, сліянію обѣихъ этихъ народностей въ одну націю. Да и въ будущемъ такое сліяніе невозможно, несмотря на возрастающій перевѣсъ поляковъ, доколѣ одна часть галицкаго населенія будетъ держаться славянскаго церковнаго обряда, а другая—римско-нѣмецкаго.

Народныя массы легче мирятся съ незамѣтнымъ измѣненіемъ мало имъ доступныхъ догматическихъ основъ церкви, чѣмъ обрядовыхъ ея учрежденій, которыя, при соотвѣтствіи народнымъ взглядамъ и обычаямъ, опредѣляютъ весь народный бытъ. Такъ напримѣръ, многіе милліоны западно-русскаго населенія приняли было догматическую унію съ Римомъ; но когда поляки не переставали нарушать ихъ церковную обрядность, народъ отказался отъ уніи и предпочелъ догматическое возсоединеніе съ православіемъ.

Подобныя причины вызвали въ новѣйшее время въ коренномъ населеніи Галиціи нерасположеніе къ догматической уніи съ Римомъ. Если поляки будутъ такъ продолжать свою нынѣшнюю политику, при содѣйствіи зависящихъ отъ нихъ епископовъ, то несмотря на всѣ репрессивныя мѣры унія потеряетъ подъ собою почву въ этой странѣ. Во всякомъ случаѣ, догматическая унія не только не сблизила двухъ издревле враждующихъ между собою народовъ Галиціи, но еще болѣе увеличила ихъ рознь, укрѣпивъ привязанность русскихъ къ своему вытѣсняемому греко-славянскому обряду.

Совершенно то же видимъ мы и въ средѣ сербохорватской. Извѣстно, что сербы всѣмъ своимъ національнымъ существованіемъ, спасеніемъ въ многовѣковой періодъ рабства и постепеннымъ отъ него освобожденіемъ обязаны своей греко-славянской церкви. Понятно, что считая ее твердынею своей народности, они никогда не

согласятся на униженіе ея. Эта именно церковь опредѣлила единство національнаго типа раздѣленныхъ политически сербовъ; она же охранила ихъ отъ гибельнаго вліянія римско-нѣмецкой культуры, которая все болѣе охватываетъ нашихъ хорватскихъ братьевъ, подготовляя для нихъ судьбу давно заглохшихъ славянскихъ народностей балтійскаго поморья и нѣкоторыхъ другихъ западныхъ областей.

Вотъ тутъ-то и лежитъ непроходимая пропасть, раздѣляющая сербовъ отъ хорватовъ. Различіе азбуки имѣетъ при этомъ лишь второстепенное значеніе, хотя конечно мы высоко цѣнимъ свою уцѣлѣвшую кириллицу и ни за что не промѣняемъ ее на принятую уже хорватами и искаженную различными крючками римско-нѣмецкую абецеду. А между тѣмъ хорваты считаютъ большимъ преимуществомъ то, что они отреклись отъ своей древней, священной и донынѣ сохранившейся у большинства славянъ азбуки, въ пользу графики чужой и совершенно недостаточной для передачи славянскихъ звуковъ. Они продолжаютъ и теперь все болѣе удаляться отъ общихъ съ сербами нравовъ и обычаевъ, не замѣчая зіяющей пропасти, къ которой стремятся. Отсюда видно, что хорваты стоятъ на покатости, которая должна довести ихъ, какъ и мадьяръ, къ полному сліянію съ латино-нѣмецкимъ Западомъ, тогда какъ сербы, опираясь на свое духовенство, крѣпко держатся греко-славянскихъ основъ образованности. Это принципіальное различіе въ положеніи обѣихъ народностей естественно привело хорватовъ, по наущенію мадьяръ, къ опасному стремленію поглотить родственныхъ имъ сербовъ или—какъ они по примѣру латинскаго духовенства въ Хорватіи обыкновенно насъ называютъ—влаховъ. Это же поглощеніе могло бы удаться хорватамъ, какъ нѣкогда римско-нѣмецкимъ императорамъ, лишь по предварительномъ устраненіи національной кирилло-меѳодіевской церкви. Вотъ почему угорскій сеймъ еще въ прошломъ вѣкѣ нѣсколько разъ объявлялъ недѣйствительными всѣ привиллегіи, охранявшія права такъ называемыхъ влаховъ въ Хорватіи и Славоніи, и вообще воздвигъ гоненіе на народную церковь сербовъ. Подъ этимъ гнетомъ значительная ихъ часть перешла въ католицизмъ, слѣдовательно охорватилась. Вѣроятно то же предстояло бы и другимъ сербамъ Хорватіи и Славоніи, а равно южно-угорскихъ жупаній, еслибы не началось тогда выселеніе сербовъ массами въ Россію, гдѣ они образовали въ екатеринославской губерніи особый округъ, «Новосербію». Озабоченное этимъ успѣхомъ и опасаясь по выселеніи воинственныхъ сербовъ обнажить свои границы для набѣговъ турецкихъ, габсбургское правительство принуждено было смягчить мѣропріятія противъ сербовъ.

Однако нападки хорватовъ на нашу народную церковь не прекращались. Нападки эти слышатся и теперь, хотя и въ менѣе рѣзкой формѣ. Даже прославленный хорватскій патріотъ епископъ Штросмайеръ не только не скрываетъ своихъ антипатій къ нашей церкви, но даже открыто разсылаетъ пастырскія посланія, проповѣдующія догматическую унію сербской православной церкви съ римскою. А между тѣмъ унія поставила бы ее въ полную зависимость отъ измѣнчиваго настроенія римскихъ прелатовъ, которые вовсе не считаютъ себя связанными обоюднымъ соглашеніемъ при заключеніи уніи. Вмѣстѣ съ отчужденіемъ епископовъ отъ паствы, унія водворила бы и у сербовъ тѣ возмутительные порядки, которые наблюдаются во всѣхъ уніатскихъ церквахъ Востока, особенно же въ Галиціи. Наша церковь была бы тогда вынуждена либо вновь сбросить съ себя римское иго, либо по примѣру многихъ прежнихъ восточныхъ церквей, со включеніемъ и хорватской, испустить духъ въ объятіяхъ Рима, увлекая за собой въ гибель и сербскую національность своей паствы.

Вотъ какимъ представляется, при свѣтѣ исторіи, отношеніе къ сербамъ высоко-заслуженнаго хорватскаго патріота Штросмайера. А между тѣмъ, наше правительство подозрѣваетъ его въ славянскихъ тенденціяхъ, и по этой именно причинѣ не возвело его въ хорватскіе архіепископы, несмотря на его всестороннее образованіе, примѣрную жизнь, преклонный возрастъ, широкую благотворительность и небывалую популярность. Чего же мы можемъ ожидать отъ прочихъ хорватскихъ епископовъ, которые нѣкогда тоже довольствовались, подобно Штросмайеру, догматической уніей хорватской церкви съ римскою и ратовали за неприкосновенность греко-славянскаго обряда, а теперь стремятся стереть въ этой церкви, уже сильно олатыненной по своему обряду, всякій слѣдъ славянскаго языка, который еще хранился въ ней по требованію низшаго духовенства и народа! Не уничтожаютъ ли эти латинизаторы послѣдніе жалкіе остатки дѣятельности славянскихъ апостоловъ между хорватами? Можемъ ли мы примириться и съ безспорными фактами, указывающими на стремленія хорватовъ образовать въ ущербъ сербамъ великохорватское королевство на территоріи древнихъ иллировъ, далеко превышающей племенную площадь хорватовъ? Не въ правѣ ли мы возмущаться, что хорватскіе наши братья, заодно съ мадьярами, пытаются изгладить и воспоминаніе о прежней сербской Воеводинѣ, стоившей намъ столькихъ усилій и жертвъ? Мы, сербы, не желаемъ вступить вслѣдъ за хорватами на опасную покатость, по которой они давно стремятся къ Западу; мы не можемъ слѣдовательно удовлетвориться увѣреніями,

что хорваты не будутъ болѣе унижать нашей церкви и письменности; мы хотимъ сохранить наши нравы и обычаи, наше сербское имя, которое намъ столь же дорого, какъ и хорватамъ дорого все то, что они считаютъ своимъ національнымъ достояніемъ.

Было бы нелѣпо съ нашей стороны придавать какое нибудь значеніе хорватскимъ увѣреніямъ и обѣщаніямъ, если имъ противорѣчатъ всѣ указанные факты прошлаго и настоящаго. Конечно, между хорватами есть не мало настоящихъ славянскихъ патріотовъ, которые, отличаясь высокимъ образованіемъ, твердостью и самоотверженіемъ, вполнѣ понимаютъ историческую важность нынѣшняго критическаго момента, а потому и призваны быть вождями своего народа, когда наступятъ великія событія. Мы съ полной готовностью поддержали бы ихъ безкорыстныя стремленія къ постепенному слiянiю двухъ сосѣднихъ, тѣсно родственныхъ и связанныхъ общимъ литературнымъ языкомъ славянскихъ народностей. Но мы замѣчаемъ, что эти патріоты еще далеко не согласились между собою относительно пріемовъ этого слiянiя, да и не располагаютъ достаточными силами для выполненія своей программы. Мы даже думаемъ, что еслибы къ этимъ патріотамъ примкнули всѣ наши сербы и большинство мадьяронствующей теперь хорватской интеллигенціи, то и тогда ихъ программа не могла бы быть выполнена при нынѣшнихъ отношеніяхъ, и данныя сербамъ обѣщанія остались бы безъ послѣдствій.

До половины 60-тыхъ годовъ хорватамъ открывалась возможность присоединить къ Хорватіи и Славоніи не только Рѣку (Fiume) и Межимурье, но также Далмацію и Истрію, слѣдовательно обезпечить за собою вліятельное положеніе въ габсбургской монархіи и затѣмъ поддержать въ ней прочихъ славянъ и румыновъ. Но хорваты, ослѣпленные мадьярскими обѣщаніями, пропустили чрезвычайно благопріятный для нихъ моментъ, наступившій послѣ появленія въ рейхсратѣ семиградскихъ депутатовъ, и затѣмъ совершенно закабалили себя мадьярскому правительству, слѣдовательно косвеннымъ образомъ подчинились своекорыстной политикѣ Берлина. Они принуждены были затѣмъ равнодушно взирать на занятіе мадьярами Рѣки, съ ея важною въ торговомъ отношеніи гаванью, быть свидѣтелями упраздненія въ этомъ городѣ славянскаго богослуженія, за которымъ не замедлятъ послѣдовать закрытіе хорватской гимназіи и другія мѣры, направленныя къ мадьяризаціи и итальянизаціи столицы хорватскаго Приморья. Съ неменьшимъ успѣхомъ мадьяризуется хорватское Межимурье; въ Славоніи также учреждаются мадьярскія колоніи; подготовляется подчиненіе мадьярамъ и Далмаціи; пресловутое угорско-хорватское

соглашеніе постоянно нарушается въ мадьярскихъ интересахъ; терроризуется загребская городская дума; да жевъ загребскомъ сеймѣ хорватскимъ патріотамъ приходится вести геройскую, но едва ли не безплодную борьбу съ подавляющимъ большинствомъ мадьяроновъ. И это большинство высылаетъ изъ своей среды десятка два депутатовъ въ будапештскій сеймъ съ тѣмъ, чтобы увеличить тамъ собою толпу правительственныхъ мамелюковъ, а затѣмъ въ делегаціяхъ, которыя завѣдуютъ внѣшними и военными дѣлами имперіи, со включеніемъ оккупаціонной области, поддакивать заодно съ поляками мадьярско-нѣмецкой политикѣ, а такимъ образомъ принять на себя долю отвѣтственности за истребленіе славянъ и румыновъ.

Между тѣмъ извѣстно, что населеніе Хорватіи, состоящее на $^{2}/_{3}$ изъ хорватовъ и на $^{1}/_{3}$ изъ сербовъ, вовсе не проникнуто такимъ равнодушіемъ къ славянству, какъ поляки. Наоборотъ, оно чувствуетъ себя славянскимъ, такъ что трудно бы понять, какъ могло успѣть мадьярское правительство въ водвореніи столь прискорбныхъ порядковъ въ средѣ чисто-славянскаго населенія, еслибы не имѣть правильнаго понятія о характерѣ западныхъ конституцій вообще и австро-угорскихъ въ частности. Для насъ успѣхи мадьярскаго правительства въ Хорватіи и Славоніи не составляютъ загадки; мы даже убѣждены, что если не помѣшаютъ возможныя въ близкомъ будущемъ усложненія, то хорватско-славонскій сеймъ можетъ быть доведенъ до полнаго отреченія, подобно какъ это уже случилось въ Семиградьѣ. Лишь близость Сербіи, которую все еще надѣются втянуть въ сферу нѣмецкой власти, а еще болѣе угрожающее положеніе Россіи принуждаютъ пока берлинскихъ верховодовъ къ осторожности, что въ свою очередь налагаетъ узду на дѣйствія мадьярскаго правительства. Конечно, оно не опасается серьезнаго сопротивленія со стороны хорватовъ, ибо знаетъ безпомощное ихъ положеніе, знаетъ, что можетъ по произволу эксплоатировать ихъ, въ силу конституціи, благопріятной лишь для господствующаго меньшинства населенія. Подъ давленіемъ правительства хорватско-славонскій сеймъ всегда готовъ принять какіе угодно законопроекты и даже предупреждать въ этомъ отношеніи его желанія. Въ этомъ насъ убѣждаетъ ежедневный опытъ. Сила мадьярскаго правительства, отвѣтственнаго единственно передъ большинствомъ угорскаго сейма, т. е. своей собственной партіей, настолько велика, что для него не существуетъ никакихъ законовъ, тѣмъ болѣе, что значительная часть хорватской интеллигенціи, именно всѣ государственные чиновники, начиная отъ бана и кончая послѣднимъ писцомъ, являются покорными орудіями мадьяр-

скихъ министровъ. Такимъ образомъ все населеніе Хорватіи и Славоніи настраивается въ духѣ получаемыхъ изъ Будапешта правительственныхъ инструкцій. Это вліяніе поддерживается хорватскою знатью, большинство которой охраняетъ скорѣе свои сословные, чѣмъ народные интересы,—тѣмъ болѣе, что знать и по принципу всегда бываетъ склонна поддерживать виды существующаго правительства, каково бы оно ни было. При такихъ условіяхъ противъ незаконныхъ стремленій нынѣшняго мадьярскаго правительства хорваты могли бы бороться съ успѣхомъ лишь въ томъ случаѣ, если бы за народные интересы ополчилось не одно городское, но и сельское населеніе; но правительство, сознавая грозящую отсюда опасность, сумѣло ее устранить, какъ это доказываетъ нынѣшній составъ загребскаго сейма.

На настроеніе хорватскихъ поселянъ могло бы еще, наряду съ правительствомъ и знатью, дѣйствовать римско-католическое духовенство; но оно предано исключительно своимъ сословнымъ интересамъ да римской куріи, о народѣ же думаетъ лишь настолько, насколько это угодно правительству, отъ котораго оно всецѣло зависитъ. Латинскіе епископы, получающіе въ Хорватіи большіе, нерѣдко громадные доходы, избираются не народомъ, какъ епископы сербскіе, а правительствомъ и утверждаются королемъ. Точно такъ и хорватскіе каноники, составляющіе совѣтъ епископа и получающіе значительные доходы, назначаются правительствомъ, которое вовсе не заботится о народности кандидатовъ и раздаетъ самые жирные приходы и теплыя мѣста нерѣдко мадьярамъ, нѣмцамъ, итальянцамъ, притомъ часто отъявленнымъ врагамъ хорватовъ. Въ доказательство сошлюсь на умершихъ недавно архіепископовъ: Михайловича загребскаго и Маупаса задрскаго. Къ тому же извѣстно, какъ падки латинскіе епископы на ордена, а еще болѣе на званіе тайнаго совѣтника, доставляющее титулъ Excellenz, и съ какимъ томленіемъ ждутъ обыкновенно каноники богатой епископской каѳедры. При такихъ условіяхъ не удивительно раболѣпіе хорватскаго духовенства передъ правительствомъ.

Высшее же духовенство имѣетъ громадное вліяніе на воспитаніе кандидатовъ священства. Изъ хорватской газеты «Il Diritto Croato», которая выходитъ въ Полѣ, каждый можетъ почерпнуть документальныя свидѣтельства о тѣхъ отвратительныхъ средствахъ, при помощи коихъ обезнароживается хорватская молодежь въ католическихъ духовныхъ семинаріяхъ. Вообще нужно замѣтить, что національное направленіе духовенства допускается въ нашей монархіи лишь для нѣмцевъ, мадьяръ и поляковъ, до нѣкоторой же степени еще итальянцевъ; по отношенію же къ другимъ народно-

стямъ оно считается филетизмомъ, т. е. голымъ язычествомъ. Если тѣмъ не менѣе изъ подобныхъ семинарій выходятъ еще духовныя лица съ національнымъ образомъ мыслей и чувствъ, то встрѣчая на каждомъ шагу препятствія, они скоро впадаютъ въ апатію или по крайней мѣрѣ на время устраняются отъ народныхъ дѣлъ.

Низшее латинское духовенство не можетъ свободно дѣйствовать и потому еще, что надъ нимъ тяготѣетъ патронатъ, въ лицѣ отчасти городскихъ управъ, а всего чаще правительственныхъ учрежденій и слѣпо идущей за правительствомъ знати. Лишь немногіе приходы имѣютъ своими патронами высшихъ духовныхъ лицъ; но и въ такомъ случаѣ рѣшающее значеніе имѣютъ желанія правительства, которому не смѣютъ сопротивляться ни епископы, ни каноники. Въ противномъ случаѣ они подвергаются различнымъ преслѣдованіямъ, если даже занимаютъ въ хорватскомъ обществѣ столь выдающееся положеніе, какъ знаменитый епископъ Штроссмайеръ и ученый загребскій каноникъ Рачкій.

Во всякомъ случаѣ, правительство вполнѣ располагаетъ теперь содѣйствіемъ хорватскаго духовенства. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда правительство не желаетъ взять на себя «odium» какого нибудь ненавистнаго для народа мѣропріятія, къ его услугамъ всегда готова и римская курія. При нынѣшнемъ критическомъ своемъ положеніи, она никакъ не можетъ рѣшиться на отказъ Австро-Угорскому правительству, а потому либо объявляетъ такую ненавистную мѣру лежащею въ интересахъ церкви и рѣшаетъ ее папскимъ декретомъ, какъ это случилось при передачѣ болѣе богатыхъ русскихъ монастырей въ Галиціи іезуитамъ, либо предоставляетъ вѣнскому нунцію подѣйствовать на епископовъ въ нужномъ для правительства направленіи, какъ это было при рѣшеніи вопроса объ устраненіи церковно-славянскаго языка изъ богослуженія хорватской церкви. Въ случаѣ неудачи правительству и куріи ничего не стоитъ свалить отвѣтственность на нунція.

Немногимъ хорватскимъ патріотамъ, которые желали бы дѣйствовать солидарно съ нами и другими славянами и также съ румынами, приходится слѣдовательно бороться не только съ могущественнымъ и безпардоннымъ правительствомъ и услужливою ему знатью, но—что особенно важно—и съ церковью, слѣдовательно со всѣми важнѣйшими факторами, опредѣляющими дѣйствія хорватскаго народа. Правда, сербы также имѣютъ противъ себя правительство, но зато ихъ церковь, управляемая національною сербскою іерархіею и сербскимъ народнымъ конгрессомъ, все еще остается союзникомъ народа, въ его борьбѣ за существованіе. А это

отражается и на настроеніи—конечно, менѣе значительной, чѣмъ хорватская—сербской знати, чему немало содѣйствуютъ собранія церковнаго конгреса и его комиссій. Мы не отрицаемъ, что и между сербами есть приверженцы мадьярско-нѣмецкихъ стремленій, но они лишь робко могутъ выступать со своими взглядами, ибо являются не болѣе какъ исключеніями, тогда какъ у хорватовъ исключеніе образуютъ патріоты славянскаго направленія.

Это огромное различіе между направленіями національной жизни австро-угорскихъ сербовъ съ одной стороны, а хорватовъ съ другой, доказываетъ, что первые хотя и болѣе подавлены государствомъ, однако въ общественномъ смыслѣ поставлены гораздо лучше вторыхъ. Государственныя учрежденія хорватовъ: сеймъ, банское управленіе, областная автономія нисколько не увеличиваютъ гарантій народнаго существованія, а скорѣе служатъ ему угрозою, ибо въ рукахъ враговъ они употребляются для чуждыхъ цѣлей.

Такимъ образомъ сербы не могутъ стремиться къ сліянію съ хорватами въ одинъ народъ, ибо, несмотря на поддержку горсти хорватскихъ патріотовъ, сербы не могли бы тогда съ успѣхомъ противодѣйствовать могущественному аппарату недруговъ, а потому по необходимости вступили бы вслѣдъ за хорватами на ту покатость, по которой они уже неудержимо катятся въ пропасть германизма.

Думаютъ ли наши хорватскіе братья, что мы должны пожертвовать собою лишь для того, чтобы хорваты погибали «на миру», въ духѣ латинскаго изреченія: «Solatium est miseris socios habuisse dolorum», подобно какъ это случилось съ многочисленными вѣтвями славянъ полабскихъ и прибалтійскихъ! Врядъ-ли они этого желаютъ, тѣмъ болѣе, что нынѣшнее грустное, но всетаки не безвыходное положеніе хорватовъ произошло собственно оттого, что, подчиняясь нашептываньямъ враговъ, они наряду со своими соперниками-мадьярами считаютъ себя призванными пересаживать на Балканскій полуостровъ римско-нѣмецкую образованность. Хорваты забываютъ, что она-то именно и сдѣлала ихъ, подобно мадьярамъ, безпомощными противъ наступательнаго тевтонизма, и что недаромъ балканскіе народы такъ боятся этой чуждой образованности. Хорваты и мадьяры повторяютъ въ этомъ случаѣ ту же роковую ошибку, которую уже ранѣе сдѣлали на сѣверѣ заѣденные римско-нѣмецкою культурою поляки: извѣстно, что они принесли ей въ жертву и свое независимое нѣкогда государство.

Исторія прежней Польши вообще очень поучительна, ибо она и погибла изъ-за желанія распространять на востокѣ римско-

нѣмецкую образованность, особенно же латинскую церковь. Между тѣмъ церковь эта и возникла по политическимъ видамъ римско-нѣмецкихъ императоровъ, содѣйствовавшихъ отторженію церкви западной отъ вселенской и постепенному преобразованію первой въ духѣ римско-нѣмецкомъ. Но еще ранѣе поляковъ по той же причинѣ утратило свою самостоятельность и чешское королевство, которое прежде всего подчинилось римско-нѣмецкой церкви, затѣмъ римско-нѣмецкой имперіи, и наконецъ сдѣлалось простой провинціей габсбургской монархіи. Чехи и поляки не хотѣли поучаться судьбою поглощенныхъ нѣмцами славянъ запада, а также многихъ словинцевъ, хорватовъ и гибнущихъ на нашихъ глазахъ сербо-лужичанъ; въ противномъ случаѣ они не открыли бы настежь своихъ воротъ для римско-нѣмецкой культуры. Римско-нѣмецкое престолонаслѣдство по маіорату понравилось славянскимъ государямъ, ибо традиціонный славянскій сеніоратъ нерѣдко исключалъ сыновей отъ наслѣдства; западный же феодализмъ пришелся по вкусу высшимъ боярскимъ родамъ, которые вслѣдствіе того стремились къ блеску и вліянію знати нѣмецкой. Вотъ почему вожди славянскихъ народовъ охотно пересаживали на родную почву западныя учрежденія, не предусматривая, что скоро славянскіе престолы будутъ заняты нѣмцами, которые окружатъ себя затѣмъ нѣмецкою феодальною знатью. Только народныя массы оказали сопротивленіе римско-нѣмецкой культурѣ, но оно легко было сломлено при помощи нѣмецкихъ вспомогательныхъ войскъ, за которыми слѣдовала обыкновенно опытная рать римско-нѣмецкаго духовенства. Будучи зависимо отъ императора и ища его поддержки, духовенство это парализовало всѣ движенія народныхъ массъ; вмѣстѣ съ тѣмъ оно устраивало браки славянскихъ государей съ нѣмками и старалось развить провинціальные сепаратизмы въ средѣ славянъ, чтобы оторвать ихъ отъ сосѣдей и закрѣпить въ столь безпомощномъ положеніи.

Такимъ образомъ многія славянскія государства утратили свою самостоятельность. Да и вообще исторія доказываетъ, что зависимость отъ нѣмецкой имперіи и упадокъ этихъ государствъ всегда шли параллельно съ расширеніемъ и укрѣпленіемъ въ нихъ римсконѣмецкой церкви. Въ самомъ дѣлѣ, мы не можемъ назвать ни одного самостоятельнаго славянскаго государства въ средѣ народностей, утратившихъ свою національную грекославянскую церковь и примкнувшихъ къ латинской. Да и въ будущемъ трудно представить себѣ что нибудь подобное. Это обстоятельство, а равно и то, что мелкія славянскія племена, включенныя въ не-славянскіе государственные организмы, быстро теряютъ свою народность,—долж-

ны взвѣсить наши хорватскіе братья. Тогда они навѣрное откажутся отъ странныхъ претензій играть на Балканскомъ полуостровѣ роль цивилизаторовъ и вождей. Въ этомъ освѣщеніи иначе представится имъ и отношеніе сербовъ къ подобнымъ притязаніямъ хорватовъ. Хорватскіе патріоты сумѣютъ понять тогда и поведеніе сербскихъ депутатовъ загребскаго сейма: роль эта навязана имъ событіями и вовсе не соотвѣтствуетъ ихъ внутреннимъ стремленіямъ. Хорватамъ не безызвѣстно, что балканскіе народы боятся пуще смерти римско-нѣмецкой образованности, ибо она противорѣчитъ ихъ воззрѣніямъ, нравамъ и обычаямъ, а кромѣ того угрожаетъ этимъ народамъ игомъ тевтонизма и совершеннымъ уничтоженіемъ. Если несмотря на все это встрѣчаются хорваты, считающіе благодѣяніемъ для балканскихъ народовъ распространеніе западной образованности, которая вноситъ въ народную среду такіе недуги, какъ соціальная демократія и анархизмъ, то пусть они держатся при этомъ по крайней мѣрѣ извѣстнаго юридическаго положенія, что даже благодѣянія не могутъ быть навязываемы: invito beneficium obtrudi non potest. Вдумавшись въ это положеніе, хорваты навѣрное придутъ къ убѣжденію, что балканскіе народы увидѣли бы въ подобныхъ цивилизаторахъ не друзей, а враговъ, такъ что хорватамъ предстояла бы тамъ братоубійственная борьба, которая была бы имъ вовсе не по силамъ даже въ томъ случаѣ, еслибы она происходила въ рамкахъ независимой Великохорватіи. Конечно, она ослабила бы и другіе балканскіе народы, но желательно ли это хорватамъ?

Впрочемъ мы уже замѣтили выше, что образованіе самостоятельной Великохорватіи должно встрѣтить на своемъ пути неодолимыя препятствія, такъ что хорватское культуртрегерство на Балканскомъ полуостровѣ могло бы съ успѣхомъ развиваться лишь послѣ рѣшительной побѣды нѣмецко - итальянской лиги надъ русско-французскими полками. Но эта побѣда повлекла бы за собою прежде всего онѣмеченіе мадьяръ, румыновъ и австроугорскихъ славянъ, слѣдовательно и хорватовъ, послѣ чего слѣдовало бы уничтоженіе славянскихъ, румынскихъ и греческихъ народовъ Балканскаго полуострова. Роль культуртрегеровъ досталась бы тогда нѣмецкимъ колонистамъ; еслибы имъ понадобились помощники, то они взяты были бы вовсе не изъ хорватской среды, ибо нѣмцы, евреи и другіе ихъ союзники уже намѣтили для себя Боснію и Герцеговину. И теперь въ этихъ провинціяхъ генералы и штатскіе чиновники, съ обще-имперскимъ министромъ финансовъ Каллаемъ во главѣ, очень успѣшно распространяютъ нѣмецкую обра-

зованность, при содѣйствіи чиновниковъ—не хорватскихъ, а скорѣе польскихъ и мадьярскихъ.

Въ нынѣшнее критическое время, когда дѣло идетъ о существованіи славянъ, румыновъ и грековъ на Балканскомъ полуостровѣ и въ Австро-Угріи, всѣ эти угрожаемые народы должны остерегаться опасныхъ иллюзій, особенно когда онѣ распространяются ихъ недругами. Эти иллюзіи туманятъ глаза, а вмѣстѣ съ тѣмъ приводятъ мелкіе народы къ опасному соперничеству въ оборонѣ своихъ мелкихъ, эгоистическихъ интересовъ, вмѣсто того чтобы общими силами отражать притязанія нѣмцевъ и итальянцевъ, охраняя прежде всего свое племенное существованіе. Слѣдовательно сербы дѣйствуютъ не въ собственныхъ лишь, но и въ хорватскихъ, да и вообще въ греко-румыно-славянскихъ интересахъ, когда они противодѣйствуютъ опаснымъ иллюзіямъ и грубому племенному эгоизму своихъ хорватскихъ братьевъ.

Вотъ по какимъ соображеніямъ я рѣшился вникнуть подробнѣе въ сербо-хорватскія отношенія, чтобы доказать, что возникающая нынѣ римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ, угрожая существованію многихъ народностей, въ томъ числѣ и сербской,—еще опаснѣе для народности хорватской, которая чрезвычайно ослаблена уже римско-нѣмецкою образованностью и лишена такого твердаго оплота, какой находитъ народность сербская въ греко-славянской церкви. Спасеніе сербской народности для славянства по указанной причинѣ, а также въ виду его географическаго положенія, не исключено даже въ томъ случаѣ, если хорватская утонетъ въ нѣмецкомъ морѣ; между тѣмъ спасеніе хорватовъ, въ случаѣ поглощенія сербовъ нѣмцами, просто немыслимо. Отсюда слѣдуетъ, что ослабленіе сербской народности путемъ поглощенія части ея хорватами вовсе не лежитъ въ интересахъ этихъ народностей, а наоборотъ повредило бы обѣимъ.

Къ сказанному о взаимныхъ отношеніяхъ сербовъ къ хорватамъ остается прибавить лишь немногое, чтобы окончательно выяснить положеніе обѣихъ народностей.

Составляя въ австро-угорской имперіи до двухъ милліоновъ населенія, хорваты занимаютъ въ значительномъ большинствѣ не только Хорватію и Славонію, но также Далмацію и Истрію, тогда какъ въ Босніи и Герцеговинѣ они уже въ меньшинствѣ. Центромъ хорватскаго племени служитъ Хорватія и Славонія. Здѣсь они имѣютъ собственную—правда римскую, слѣдовательно не національную—іерархію, съ загребскимъ архіепископомъ во главѣ. Но и тутъ гнетъ мадьярскаго управленія столь силенъ, что самые выдающіеся хорватскіе патріоты не могутъ попасть въ законодательное собра-

ніе какъ Цислейтаніи, такъ и Транслейтаніи, или осуждены играть тамъ роль безучастныхъ зрителей нѣмецко-польскаго и мадьярскаго управленія. Даже въ загребскомъ сеймѣ безусловно господствуютъ мадьяры и мадьяроны, такъ что патріоты составляютъ тутъ ничтожную оппозицію, не имѣющую вліянія на дѣла. Въ послѣднее время одна изъ двухъ оппозиціонныхъ партій загребскаго сейма и притомъ болѣе независимая и вліятельная, во главѣ которой стоитъ славный хорватскій епископъ Штросмайеръ, предпочла даже пассивную оппозицію активной, такъ что послѣдняя ограничивается теперь десяткомъ приверженцевъ д-ра Антона Старчевича.

Славяне Далмаціи и Истріи, входящіе въ составъ Цислейтаніи, имѣютъ теперь въ рейхсратѣ не болѣе восьми хорватскихъ депутатовъ, да одного сербскаго. Одни изъ нихъ входятъ въ клубъ Гогенварта, гдѣ ихъ голоса пропадаютъ, подавляемые большинствомъ подальпійскихъ нѣмцевъ, другіе же составляютъ крошечный южно-славянскій клубъ изъ шести членовъ, примыкающій по принципамъ и радикальной оппозиціи къ клубу младочешскому. Слѣдовательно ни тѣ ни другіе не могутъ имѣть дѣйствительнаго вліянія на ходъ дѣлъ. Да и дóма силы хорватовъ далматинскихъ парализуются итальянскимъ направленіемъ архіепископа задрскаго, и нѣмецкимъ — архіепископа горицкаго. Такимъ образомъ семисотъ-тысячное хорватское населеніе Австріи разбито на куски какъ въ церковномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи, ибо хорваты далматинскіе имѣютъ своего особаго намѣстника и сеймъ въ Задрѣ, хорваты же Истріи особый сеймъ въ Ровиньѣ.

Что касается положенія немногочисленныхъ хорватовъ Босніи, то они отдѣлены отъ соплеменниковъ не только въ политическомъ, но и въ церковномъ отношеніи, подчиняясь латинскому архіепископу сараевскому.

Понятно, что хорваты, хотя и занимаютъ сплошную область, но раздѣленные въ церковномъ и политическомъ отношеніи на четыре части, не могутъ играть сколько нибудь самостоятельной роли ни въ одной изъ двухъ половинъ габсбургской монархіи, тѣмъ болѣе, что хорватская знать и духовенство за немногими исключеніями не особенно одушевляются народными интересами. Вліяніе духовенства тѣмъ вреднѣе, что оно старается разжечь вражду хорватовъ къ сербскому населенію Хорватіи, Славоніи и Далмаціи; оно же отчасти поддерживаетъ борьбу хорватскихъ партій, крайне вредную, даже гибельную въ такое время, когда рѣшается вопросъ о самомъ существованіи не только хорватовъ, но и многихъ другихъ народностей.

IX.

Что касается сербской половины сербо-хорватскаго племени въ предѣлахъ Австро-Угріи, то хотя она насчитываетъ до 2 милліоновъ душъ, однако на государственныя дѣла имѣетъ пожалуй еще меньшее вліяніе, чѣмъ хорваты. Въ австрійскомъ рейхсратѣ сербы имѣютъ всего одного депутата; да и въ угорскомъ сеймѣ они почти лишены представителей, такъ что вовсе не участвуютъ въ делегаціяхъ. Вообще между сеймами Габсбургской монархіи нѣтъ ни одного сербскаго, хотя бы по большинству депутатовъ.

Впрочемъ это безпардонное притѣсненіе въ нашей конституціонной монархіи тяготѣетъ не на однихъ сербахъ, но въ равной мѣрѣ и на еще болѣе многочисленныхъ въ имперіи русскихъ и румынахъ. Они, какъ уже упомянуто, тоже не имѣютъ представителей въ законодательныхъ собраніяхъ, и это обусловлено не тѣмъ, что они принадлежатъ къ православію (ибо половина румыновъ и $^{9}/_{10}$ русскихъ находятся въ догматической уніи съ католической церковью), а тѣмъ, что они привязаны къ своему національному восточному церковному обряду, который нѣмцы, а за ними поляки и мадьяры считаютъ главнымъ препятствіемъ къ обезнароживанію славянъ. Къ своему утѣшенію мы можемъ сослаться на то, что населяющіе Галицію, Угрію и Буковину въ довольно компактной массѣ русскіе непосредственно примыкаютъ къ Волыни и Подолью, а румыны — къ румынамъ Буковины, Семиградья и Угріи, эти же послѣдніе — къ сербамъ Угріи, Славоніи, Хорватіи, Далмаціи и оккупаціонной области. Составляя въ совокупности до 9 милл. душъ и занимая обширную компактную территорію, эти три народа въ случаѣ серьезныхъ замѣшательствъ могутъ опереться еще на соплеменниковъ въ сосѣднихъ съ ними областяхъ Россіи, Румыніи, Сербіи и Черногоріи.

Но и независимо отъ международныхъ усложненій, трудно предполагать, чтобы это 9-ти-милліонное населеніе, принесшее столько жертвъ престолу и государству, навсегда было осуждено служить предметомъ инородческой эксплоатаціи, единственно за то, что упорно охраняетъ свою народность. Такимъ образомъ, если сверхъ чаянія наступитъ продолжительный періодъ мира, то и тогда часъ освобожденія сербовъ, наряду съ румынами и русскими, долженъ наступить уже скоро.

Во всякомъ случаѣ, сербы утѣшаются хоть тѣмъ, что они сохранили національную церковь,—этотъ твердый оплотъ ихъ національности, о который еще долго будетъ разбиваться натискъ враговъ.

Ниже будутъ разсмотрѣны мѣры, принятыя врагами славянъ для подчиненія себѣ русской и румынской церкви; здѣсь мы остановимся вкратцѣ на попыткахъ ослабить національную церковь сербовъ.

Уже выше упомянуто, что въ прошломъ вѣкѣ сдѣланъ былъ опытъ подчиненія австрійскихъ сербовъ римской іерархіи, но это повлекло за собою выселеніе громаднаго числа сербовъ въ Россію и принудило правительство къ болѣе мягкимъ пріемамъ. Дѣло на этотъ разъ ограничилось образованіемъ небольшой уніатской епархіи въ хорватскомъ Крижевцѣ. Латинскіе епископы не замедлили перевести сербскихъ уніатовъ къ римскому обряду и такимъ образомъ превратить ихъ въ хорватовъ. Бѣдный по своей дотаціи уніатскій епископъ, подчиненный еще вдобавокъ латинскому архіепископу, вскорѣ увидѣлъ себя почти безъ паствы, такъ что въ настоящее время уніаты крижевацкой епархіи состоятъ главнымъ образомъ изъ позднѣйшихъ русскихъ колонистовъ верхне-угорскаго происхожденія. Еще менѣе успѣха имѣлъ подобный же опытъ въ Далмаціи, хотя тутъ содѣйствовалъ одинъ сербскій епископъ и нѣсколько галицкихъ уніатовъ, назначенныхъ профессорами задрской семинаріи. Эта попытка вызвала глубокое броженіе въ сербскомъ населеніи; одинъ изъ уніатскихъ священниковъ былъ убитъ на глазахъ своего епископа, съ которымъ онъ ѣхалъ; епископъ этотъ принужденъ былъ спасать свою жизнь бѣгствомъ въ Венецію; за нимъ послѣдовали прочіе уніатскіе священники, такъ что въ Далмаціи все осталось по старому.

Въ недавнее время еще былъ сдѣланъ подобный опытъ, направленный противъ всего сербскаго населенія Габсбургской монархіи; но несмотря на всю осторожность латинизаторовъ и эта попытка не привела къ цѣли. Прежде всего произведено было церковное отдѣленіе сербовъ отъ румыновъ, имѣвшее цѣлью ослабить ихъ солидарность и такимъ образомъ подготовить постепенно къ догматической уніи. Затѣмъ правительство прибѣгло къ двумъ, совершенно незаконнымъ мѣрамъ, а именно, удалило на покой заслуженнаго, но неподатливаго сербскаго патріарха Прокопія Ивачковича и въ преемники его назначило не будимскаго епископа Арсенія Стойковича, который былъ единогласно избранъ соборомъ, а новосадскаго епископа Анджелича, получившаго при выборахъ всего нѣсколько голосовъ, но угоднаго правительству за свой сервилизмъ.

Вотъ въ этомъ Анджеличѣ и нашло правительство покорное орудіе для своихъ цѣлей. Лишь немногіе изъ сербскаго духовенства, да покойный епископъ Груичъ примкнули къ мадьяронской партіи Анджелича Моментъ этотъ былъ тѣмъ опаснѣе для сер-

бовъ, что тогда именно начались непрерывныя хожденія католическихъ славянъ въ Римъ, гдѣ точно передъ тѣмъ появилась знаменитая папская энциклика «Grande munus», имѣвшая цѣлью соединеніе всѣхъ славянъ въ одно цѣлое, яко-бы во имя славянскихъ первоучителей Кирилла и Меѳодія; въ то же время въ Босніи и Герцеговинѣ какъ свѣтская администрація, такъ и новоорганизованная римско-нѣмецкая іерархія ревностно работали въ пользу уніи съ Римомъ; и хорватскіе епископы усердно хлопотали въ пользу затѣй Рима или вѣрнѣе австро-угорскаго правительства. Въ своихъ пастырскихъ посланіяхъ эти епископы старались внушить намъ, сербамъ, что дѣло идетъ только о признаніи папскаго примата, такъ какъ во всѣхъ прочихъ догматическихъ вопросахъ обѣ церкви всегда-де были согласны; что же касается церковныхъ обрядовъ и дисциплины, то въ этой области вовсе не предполагается-де никакихъ измѣненій. Между этими посланіями особенно выдѣлялись составленныя знаменитымъ хорватскимъ епископомъ Штросмайеромъ, который, посѣтивъ однажды Карловцы, по распоряженію патріарха Анджелича былъ торжественно встрѣченъ сербскимъ духовенствомъ въ патріаршеской церкви, въ церковныхъ облаченіяхъ. Даже въ сосѣдней Сербіи пытался Штросмайеръ пропагандировать идею уніи.

Но всѣ эти сладкія рѣчи стояли въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ общеизвѣстными фактами. Сербы знали, что въ соединенныхъ съ Римомъ патріархатахъ мелхитовъ, халдеевъ, сирійцевъ, маронитовъ и армянъ въ Турціи навязанъ былъ противорѣчащій восточному обряду, да и ошибочный по своей сущности новый или григоріанскій календарь; что и вообще церковный обрядъ искаженъ въ этихъ патріархатахъ; что вліяніе низшаго духовенства и народа на церковныя дѣла тамъ весьма ограничено; что самые эти патріархи, несмотря на свои пышные титулы, не имѣютъ даже правъ митрополита, а подчиняются надзору и руководству закоренѣлыхъ враговъ восточной церкви—іезуитовъ и лазаристовъ. Мы знали также, что и греческіе уніаты въ Италіи, давно уже подчиненные итальянскимъ епископамъ, принуждены теперь употреблять опрѣсноки вмѣсто обыкновеннаго хлѣба; что въ Болгаріи церковная унія распространяется польскими миссіонерами, отъявленными врагами всего славянства; что обрядъ русскихъ уніатовъ въ самой Россіи подъ польскимъ управленіемъ былъ до того искаженъ невѣжественнымъ духовенствомъ, что народъ могъ избѣжать угрожавшей ему гибели лишь путемъ возсоединенія съ православною церковью; что наконецъ въ предѣлахъ австро-угорской монархіи унія разсматривается теперь какъ мостъ для незамѣтнаго

перехода отъ церкви восточной къ западной. Наконецъ мы знали, что поляки и мадьяры также были нѣкогда членами православной церкви, потомъ стали уніатами, а наконецъ—передовыми борцами римско-католической церкви, отчасти даже поборниками протестантизма; знали, что тѣмъ же путемъ совращены въ латинство всѣ племена ляшскія, затѣмъ словенцы и хорваты, а съ теченіемъ времени принуждены будутъ послѣдовать за ними армяне, румыны и австрійская Русь. Уже теперь въ галицко-русскихъ монастыряхъ утвердились іезуиты. На нашихъ глазахъ уніатско-румынскій митрополитъ подчиненъ латинскому примасу Угріи. Изъ многихъ тысячъ армянскаго населенія Галичины теперь не осталось болѣе 3000 душъ, хотя они имѣютъ особаго архіепископа. Въ Семиградьѣ, гдѣ было множество армянъ, ихъ епископія упразднена, оставлено всего нѣсколько армянскихъ священниковъ, подчиненныхъ латинскимъ епископамъ. Въ прочихъ же частяхъ Угріи нѣтъ уже теперь ни армянскихъ священниковъ, ни церквей, такъ что у австро-угорскихъ армянъ-уніатовъ постепенно выработался особый церковный обрядъ, болѣе близкій къ латинскому, чѣмъ къ армянскому, о которомъ даже духовенство не имѣетъ уже теперь понятія.

Неудивительно, что въ виду такихъ фактовъ весь сербскій народъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь 50 ренегатовъ, возсталъ какъ одинъ человѣкъ противъ патріарха Анджелича. Такимъ образомъ его вредная дѣятельность была парализована. Тѣмъ менѣе успѣха могли имѣть папская энциклика и посланія хорватскихъ епископовъ. Грозившая опасность была отвращена. Все-таки церковная жизнь сербовъ не мало ослаблена тѣмъ, что сербскому патріарху въ Карловцахъ подчинены только епископы Угріи, Славоніи и Хорватіи, между тѣмъ какъ два епископа сербовъ далматинскихъ подлежатъ юрисдикціи автокефальнаго русско-румынскаго митрополита въ Черновцахъ, епископы же Босніи и Герцеговины подчинены патріарху константинопольскому. Какъ ни прискорбно все это, тѣмъ не менѣе нужно признать, что сербскіе епископы поставлены, согласно каноническимъ правиламъ, довольно самостоятельно; они поддерживаются живымъ участіемъ въ церковномъ управленіи низшаго клира и представителей народа; да и общій духъ греко-славянской церкви настолько сплачиваетъ всѣ части сербской народности, что она является нравственнымъ цѣлымъ.

Благодаря относительной независимости сербской церкви отъ государственнаго вмѣшательства, мы считаемъ свое народное существованіе вполнѣ обезпеченнымъ, надѣемся отразить и въ будущемъ возможныя посягательства на нашу народную святыню. Національная организація церкви обезпечиваетъ за сербами гораздо

болѣе здоровое развитіе народной жизни, даже безъ политической автономіи, чѣмъ какое предстоитъ хорватамъ и другимъ славянскимъ племенамъ, утратившимъ народную церковь, хотя и имѣющимъ взамѣнъ ея призрачную государственную автономію. Такимъ образомъ мы, сербы, не обмѣняли бы своего народнаго положенія на хорватское и можемъ съ большимъ спокойствіемъ ожидать событій, которыя опредѣлятъ нашу будущность. Хорваты могутъ расчитывать при этомъ на наше содѣйствіе въ общей борьбѣ за существованіе, причемъ конечно не останутся безучастными зрителями и запредѣльные наши соплеменники, какъ это было и въ памятные 1848 и 1849 годы.

X.

Непосредственно къ хорватамъ примыкаютъ словенцы, которыхъ насчитывается милліонъ съ четвертью. По языку они очень близки къ хорватскимъ кайкавцамъ. Хотя словинская территорія представляетъ довольно самостоятельное цѣлое, но населеніе ея искусственно раздѣлено на много областей, притомъ такъ, что по большей части словинцы образуютъ дѣйствительное или мнимое меньшинство. Въ Угріи, гдѣ словенцы живутъ на границахъ Штиріи въ смѣшеніи съ мадьярами и массою нѣмецкихъ колонистовъ, не можетъ быть и рѣчи о національной жизни словенцевъ, которые быстро мадьяризуются и вѣроятно скоро исчезнутъ. Смежное съ Угріей герцогство Штирія населено на западѣ компактной массой нѣмецкихъ колонистовъ, которые составляютъ уже теперь большинство населенія этой области. Въ такомъ же приблизительно отношеніи находятся пришлые нѣмцы къ автохтоннымъ словенцамъ въ Хорутаніи или Каринтіи. Въ графствѣ Горицкомъ словенцы въ сеймѣ искусственно подавлены большинствомъ итальянскихъ или вѣрнѣе фріульскихъ депутатовъ. Въ городѣ Тріестѣ и его области автохтонные словенцы также подчинены въ общинномъ представительствѣ пришлымъ итальянцамъ. Въ сосѣднемъ съ Тріестомъ маркграфствѣ Истріи словенцы составляютъ незначительное меньшинство населенія и могутъ лишь въ слабой мѣрѣ помогать хорватамъ въ борьбѣ съ искусственнымъ итальянскимъ большинствомъ сейма. Только въ герцогствѣ Крайнѣ, въ полумилліонномъ населеніи котораго словенцы составляютъ до 94%, могли они послѣ продолжительныхъ усилій добиться большинства въ сеймѣ.

При такомъ положеніи словенцы, давно уже утративъ кирилломееодіевскую церковь и представляя теперь не болѣе, какъ жалкій остатокъ могущественнаго нѣкогда племени, по планамъ нѣмцевъ,

должны въ непродолжительномъ времени погибнуть въ населенныхъ ими областяхъ, подобно какъ они уже погибли въ Тиролѣ и въ другихъ смежныхъ краяхъ, слившись тамъ съ населеніемъ нѣмецкимъ и итальянскимъ. Чтобы предотвратить эту опасность, словинскіе патріоты энергически стремятся теперь къ соединенію разбитыхъ административно словинскихъ областей въ одну провинцію, средоточіемъ которой была бы Крайна. Еслибы эта цѣль была достигнута, то словинцы, опираясь на сосѣднюю Хорватію, Истрію, Далмацію, вообще на племя сербо-хорватское, не только могли бы обезпечить свое національное существованіе, но и послужили бы важнымъ оплотомъ славянскаго юга въ борьбѣ съ племенами итальянскимъ и нѣмецкимъ.

Такова нынѣшняя программа словинскихъ патріотовъ. Нельзя ей не сочувствовать съ точки зрѣнія не только словинской, но и вообще славянской, ибо въ словинскомъ народѣ кирилло-мееодіевскія * преданія хранятся еще тверже, чѣмъ въ хорватскомъ, такъ что сближеніе этихъ двухъ народностей подняло бы славянское ихъ сознаніе и обезпечило бы въ большей мѣрѣ ихъ общую будущность.

Но и словинскіе патріоты принуждены бороться съ тѣми же препятствіями, какъ хорватскіе. Положеніе первыхъ тѣмъ труднѣе, что они не имѣютъ своего Штросмайера, вообще ни одного настоящаго словенца между епископами: всѣ они нѣмцы, либо итальянцы и мадьяроны, очень пренебрежительно относящіеся къ народу,—тѣмъ болѣе, что по сосѣдству съ словенцами нѣтъ схизматиковъ, которыхъ можно было бы заманить къ уніи и латинству болѣе свободнымъ управленіемъ, какъ это дѣлается въ Хорватіи изъ-за схизматиковъ сербскихъ.

Въ средѣ низшаго словинскаго духовенства находится относительно болѣе дальновидныхъ и самоотверженныхъ славянскихъ патріотовъ, чѣмъ въ Хорватіи; но эти скромные патріоты немного могутъ сдѣлать подъ гнетомъ такихъ германизаторовъ, какъ пре-

* Извѣстно, что въ недавнее время одна римско-католическая сельская община въ Крайнѣ единогласно постановила перейти въ православіе, о чемъ она и сообщила властямъ, а также православному епископу сосѣдней Далмаціи. Всѣ усилія чиновниковъ и латинскаго духовенства запугать этихъ поселянъ не имѣли успѣха. Лишь медлительность православнаго епископа охладила ихъ рвеніе. Къ этому присоединились еще нѣкоторыя выгодныя предложенія со стороны органовъ правительства, вслѣдствіе чего дѣло было замято.

И кириллица гораздо болѣе имѣетъ между словенцами приверженцевъ, чѣмъ между хорватами. Превосходно издаваемый тріестскій журналъ «Славянскій Свѣтъ» довольно часто употребляетъ славянскую азбуку; вышло и нѣсколько книжекъ словинскихъ въ кирилловской транскрипціи.

словутый люблянскій архіепископъ Миссія. Да и другіе словинскіе епископы озабочены болѣе ультрамонтанствомъ, чѣмъ народными дѣлами. На этой почвѣ и подъ покровительствомъ подобныхъ епископовъ могла развиться латинизаторская дѣятельность такого невѣжественнаго, а вмѣстѣ злостнаго богослова, какимъ является достаточно извѣстный читателямъ «Славянскаго Свѣта» патеръ Махничъ въ Горицѣ.

Удивительно ли, что выборы въ словинскіе сеймы и въ вѣнскій рейхсратъ происходятъ въ духѣ не словинскихъ, а нѣмецкихъ и итальянскихъ интересовъ! Даже между словинскими депутатами рейхсрата немало такихъ, которые являются покорными или запуганными мамелюками правительства. Подъ ихъ давленіемъ и болѣе мужественные словинскіе патріоты не рѣшаются занять въ немъ болѣе опредѣленное положеніе, которое одно могло бы обезпечить интересы народа, особенно въ случаѣ образованія общаго клуба всѣхъ славянскихъ и румынскихъ депутатовъ рейхсрата.

Патріотическія словинскія газеты усердно хлопочутъ о выходѣ народа изъ нынѣшнихъ затрудненій; но подвергаясь частымъ конфискаціямъ, онѣ не могутъ открыто разъяснить причину бѣдъ, тѣмъ болѣе, что и читатели терроризуются епископами и властями, которые наоборотъ покровительствуютъ и читателямъ и издателямъ газетъ антиславянскихъ. Все-таки нельзя не замѣтить постепеннаго роста патріотической печати словенцевъ, а въ зависимости отъ того—подъема ихъ народнаго сознанія.

Печать поддерживаютъ въ этихъ стремленіяхъ словинскія общества, которыя получили въ послѣднее время широкое развитіе. Правда, и они встрѣчаютъ въ своей дѣятельности противодѣйствіе епископовъ и правительства; тѣмъ не менѣе при осторожности и энергіи руководителей эти патріотическія общества привлекаютъ все болѣе членовъ. Такимъ образомъ народное сознаніе словенцевъ мало по малу проясняется. По своей даровитости, цѣльности и энергіи словенцы принадлежатъ къ тѣмъ славянскимъ народамъ, отъ которыхъ и наука, и искусство, и жизнь могутъ еще многаго ожидать.

Іюнь 189?. **Срѣмецъ.**

(Окончаніе слѣдуетъ)

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ
КНЯЗЯ В. А. ЧЕРКАСКАГО И Н. А. МИЛЮТИНА

Реформа учебной части въ Царствѣ Польскомъ

III *

Извѣстно, что главною причиною историческихъ невзгодъ польскаго народа, его тяжелыхъ утратъ на западѣ и горькихъ разочарованій на востокѣ—были недостатки польской школы. Съ самыхъ древнихъ временъ она получила характеръ инородческій, подобно польской церкви и во взаимодѣйствіи съ послѣднею. Можно конечно предполагать, что первоначальныя основы польской школы въ IX—X вв. не отличались существенно отъ кирилло-меѳодіевскаго строя школы моравской, чешской, словенской и другихъ западно-славянскихъ того времени. Но отъ этой древней польско-славянской школы не осталось не только живыхъ слѣдовъ, но и сколько-нибудь точныхъ историческихъ преданій. Уже съ XI в. польское общество, подобно другимъ западно-славянскимъ, вступаетъ въ инородную для него школу латинскую, монашескаго духа и схоластическаго направленія. Нѣкоторое отрезвленіе наступило въ этой области лишь въ XV — XVI вв., подъ вліяніемъ сначала гуситства и чешско-моравскаго братства, а затѣмъ протестантства. На этой-то, хоть на половину народной почвѣ, въ Польшѣ

* См. Слав. Обозр., т. I, стр. 51 и 359.

*

гуситско-протестантской, усиленной еще Литвою и юго-западною Русью, развивалась блестящая польская образованность вѣка Сигизмундовъ, не уступавшая ни чешской, ни далматинской и превосходившая образованность юго-восточнаго славянства въ ту эпоху, особенно въ области литературной.

Но и польская школа XVI в. не сдѣлалась чисто-народною, а тѣмъ менѣе обще-народною. Это была школа все-таки западническая и сословная, шляхетско-бюргерская. Она не имѣла глубокихъ корней въ народныхъ преданіяхъ, потребностяхъ и чувствахъ, почему безъ особенныхъ усилій и очень быстро была съ конца XVI в. сметена школою реакціонною, іезуитскою, которая и утвердилась затѣмъ въ Польшѣ на полтораста лѣтъ. Глубоки были нравственные перевороты, произведенные ею въ сознаніи польскаго образованнаго общества. Лишь Испанія Филипповъ да отчасти Австрія Фердинандовъ и Леопольда можетъ представить аналогію для объiезуиченной Польши XVII в. Іезуиты должны считаться гробовщиками Польши: ихъ проповѣдь, ихъ школа, ихъ политическая дѣятельность подрыла историческіе устои Рѣчи-посполитой, внесла въ сознаніе фанатизмъ и слѣпоту, поработила государство, общество, весь народъ совершенно чуждымъ ему цѣлямъ римской куріи и западной, особенно габсбургской политики, углубила пропасть между польско-латинскимъ и «русско-схизматическимъ» населеніемъ государства и такимъ образомъ подготовила польскіе раздѣлы... Правда, они совершились послѣ временнаго упраздненія іезуитскаго ордена, въ періодъ піарскихъ школъ, но и онѣ не могли уже освободиться отъ традицій іезуитскихъ, которыя и до сихъ поръ тяготѣютъ надъ сознаніемъ большинства польской интеллигенціи.

Когда Литва и Украйна возсоединились съ Москвой, а затѣмъ и такъ называемая «Конгресувка» или Царство Польское перешло къ Россіи, нашему правительству предстояло опредѣлить и строй русско-польской школы. Оно могло бы руководиться при этомъ примѣромъ просвѣщеннаго «Запада», т. е. пруссаковъ и австрійцевъ, которые просто-на-просто онѣмечили польскую школу въ Пруссахъ, Познани, Слезіи и Галичинѣ. Но подобнаго рода «западничество» претило славянскому чувству русскихъ, вслѣдствіе чего польская школа оставлена были безъ существенныхъ измѣненій не только въ Польшѣ, но даже въ

Литвѣ и Украйнѣ, какъ это доказываютъ преданія виленскаго университета и кременчугскаго лицея. Такъ слабы еще были у насъ въ то время свѣдѣнія объ этнографическомъ размежеваніи народовъ русскаго и польскаго, а слѣдовательно и о законныхъ границахъ школъ русской и польской, которыя не могутъ вѣдь пролегать по Западной Двинѣ и Днѣпру, даже въ случаѣ дарованія полякамъ полной автономіи на ихъ племенной территоріи!

Нужно было произойти возстанію 1830 года, чтобы отрезвить въ этомъ отношеніи нашихъ государственныхъ людей. Въ слѣдующее за этимъ возстаніемъ 30-лѣтіе кое-что и сдѣлано было нашимъ правительствомъ, по мысли князя Паскевича и графа Уварова, для преобразованія польской школы въ видахъ политическаго перевоспитанія молодежи. Но пріемы, примѣненные при этомъ къ дѣлу, были слишкомъ неумѣлые, механическіе, почему эта русско-польская школа и не могла парализовать дѣйствія ни старыхъ преданій, ни противогосударственныхъ вліяній духовнаго и свѣтскаго общества, эмигрантовъ и подпольной литературы. Изъ этой якобы русской школы вышло поколѣніе новыхъ польскихъ дѣятелей, произведшихъ кровавую смуту 1863 года. Напрасно правительство думало предупредить ее уступками, между прочимъ и въ учебномъ дѣлѣ, какъ это выразилось въ школьномъ уставѣ 1862 года. Уставъ этотъ, выработанный подъ руководствомъ маркиза Велепольскаго, представляетъ какъ-бы реставрацію школьной системы князя Чарторыжскаго. Уставъ этотъ воскрешаетъ старопольскую школу со всѣми ея клерикальными, сословными и вообще противогосударственными вліяніями,—правда, въ границахъ Царства Польскаго, слѣдовательно безъ Литвы и Украйны, но все же съ подчиненіемъ этой тенденціозно-польской школѣ болѣе милліона непольскихъ жителей края, а въ числѣ ихъ—четверти милліона русскихъ Холмщины и Подляшья.

Къ счастью, система эта не могла пустить корней и скоро сметена была съ Польши событіями 1863 г., которыя еще разъ доказали необходимость иной, болѣе органической системы польскаго управленія, между прочимъ, и въ учебномъ дѣлѣ.

Вотъ при какихъ условіяхъ всего два года послѣ школьнаго устава Велепольскаго появился новый школьный уставъ, который можно назвать милютинскимъ, хотя при выработкѣ его

принимали близкое участіе и князь Черкаскій, а также извѣстный нашъ славяновѣдъ А. Ѳ. Гильфердингъ.

Основныя положенія Милютинскаго устава заключаются въ слѣдующемъ: школы должны руководиться требованіями педагогіи, а не политики; языкъ преподаванія долженъ соотвѣтствовать материнскому языку учениковъ, слѣдовательно быть польскимъ для поляковъ, нѣмецкимъ для нѣмцевъ, литовскимъ для литовцевъ, русскимъ для русскихъ, особенно въ школахъ народныхъ и учительскихъ семинаріяхъ; въ школахъ смѣшаннаго состава преподаваніе ведется на языкѣ государственномъ, который долженъ быть основательно изучаемъ и во всѣхъ прочихъ мѣстныхъ школахъ; школы должны имѣть всенародный, а не сословный характеръ, и подчиняться контролю государственному, а не ксендзовскому или помѣстному; образованіе не должно имѣть узко-прикладного характера, а отвѣчать всѣмъ разумнымъ потребностямъ народа и всѣмъ ступенямъ развитія. Историческіе мотивы этой реформы подробно изложены въ обширной запискѣ Н. А. Милютина, которая воспроизведена ниже цѣликомъ, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ документовъ въ исторіи русско-польской школы XIX в. Значеніе его тѣмъ больше, что онъ не остался бумажною программою, а наоборотъ, легъ въ основу цѣлой серіи законоположеній, измѣнившихъ въ корнѣ постановку учебнаго дѣла въ Царствѣ Польскомъ. Въ силу этихъ законовъ школы вырваны изъ рукъ ксендзовъ и шляхты, перестали быть въ польскихъ рукахъ орудіемъ религіозной и политической пропаганды и сообразованы съ потребностями всѣхъ народностей края, въ томъ числѣ и русской.

При устройствѣ русскихъ школъ Холмщины и Подляшья дѣятельное участіе принималъ и князь Черкаскій, въ чемъ можно убѣдиться изъ прилагаемой его записки по этому предмету. Ему же принадлежитъ первая мысль о постепенномъ преобразованіи главной школы въ императорскій варшавскій университетъ, формулированная въ особомъ по сему предмету мнѣніи въ октябрѣ 1866 г., которое также прилагается. Еще живѣе выражаются заботы князя о школахъ въ прилагаемыхъ выдержкахъ изъ Дневника его супруги.

Учебная реформа Милютина была задумана широко и глубоко. Никто ни тогда, ни теперь не могъ бы ничего возразить противъ теоретическихъ ея основъ, съ точки зрѣнія педагогіи

и справедливости. Однако на практикѣ, въ подробностяхъ она представляла нѣкоторыя неудобства: можно ли напримѣръ считать здѣшнихъ нѣмецкихъ колонистовъ, отчасти даже прусскихъ и австрійскихъ подданныхъ, кореннымъ населеніемъ края, имѣющимъ право не только на частныя, но и государственныя школы съ нѣмецкимъ преподавательнымъ языкомъ? Слѣдуетъ ли увѣковѣчить язычную отдѣльность евреевъ, говорящихъ то на русскомъ, то на польскомъ, а всего чаще—на нѣмецкомъ языкѣ или жаргонѣ? Можно ли провести послѣдовательно принципъ литовскихъ школъ, при отсутствіи на этомъ языкѣ не только научной, но и школьной литературы, по крайней мѣрѣ средняго уровня? Можно ли обезпечить интересы русскаго языка, при третьестепенномъ его положеніи въ системѣ инородческихъ школъ? А наконецъ—и это самое главное—можно ли достигнуть духовнаго перевоспитанія польскаго народа и сближенія его съ русскимъ на почвѣ общихъ племенныхъ задачъ, если преподаваніе въ мѣстныхъ школахъ по прежнему останется въ рукахъ польскихъ дѣятелей 1830 и 1863 гг.?

Вотъ причины, по которымъ уже съ 1867 г. система милютинская подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, соотвѣтственно возникшимъ въ мин—во графа Толстого новымъ воззрѣніемъ на мѣстныя школы. Такъ измѣненія выразились напр. въ переименованіи школъ польскихъ, нѣмецкихъ, литовскихъ въ школы русскія, по языку преподаванія. Нѣкоторыя данныя объ этихъ измѣненіяхъ приводятся ниже.

Впрочемъ мы не намѣрены защищать здѣсь всѣ положенія гр. Толстого. Наоборотъ, мы склонны думать, что положенные въ основу его реформы принципы значительно ниже Милютинскихъ, по крайней мѣрѣ въ теоретическомъ отношеніи. Мы не согласны, напримѣръ, съ мнѣніемъ покойнаго графа о томъ, будто задача русской школы и вообще русскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ заключается въ постепенномъ обрусеніи мѣстныхъ населеній, особенно поляковъ. Нѣтъ, дѣло тутъ не въ обрусеніи, а въ ославяненіи послѣднихъ, въ воскрешеніи ихъ племенного славянскаго сознанія, слѣдовательно и добровольной готовности содѣйствовать братьямъ въ борьбѣ за существованіе, въ исполненіи общаго историческаго призванія.

Но даже не соглашаясь съ основнымъ принципомъ графа Толстого, не считая его школы окончательною нормою рус-

ско-польской, да и вообще русско-славянской школы, мы все-таки должны признать, что эти послѣднія измѣненія были вызваны самою жизнію, тѣми особыми затрудненіями, какія встрѣчаютъ русское государство, русское общество и народъ въ закоренѣлыхъ предразсудкахъ польскаго общества и его донкихотскомъ служеніи всему западному. Въ доказательство сошлемся на нынѣшнюю Галичину, гдѣ не только польскія, но и русскія школы организованы польскими политиками, ксендзами и педагогами. Что же мы тамъ видимъ? Какую-то помѣсь іезуитства съ соціализмомъ, латинства съ нѣмечиной, полонизма съ іудействомъ, барства съ холопствомъ; главнымъ же догматомъ этой школы служитъ поистинѣ іезуитская вражда ко всему русскому, да и всему славянскому.

При сопоставленіи съ этой параллелью школа Толстого является необходимостью переходнаго времени, котораго сокращеніе зависитъ не столько отъ русскаго правительства или общества, сколько отъ грядущихъ «эволюцій» общества польскаго, ибо по-истинѣ безумно было бы отдавать польскую молодежь въ безусловное распоряженіе лицъ, которыя озабочены лишь интересами Рима, Австріи, Германіи, а не Польши, Россіи, славянства.

15 іюня, 1892. А. Б.

ОБЩАЯ ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

объ устройствѣ учебной части въ Царствѣ Польскомъ (лѣто 1864 г.).

Общественное воспитаніе въ прежней Польской республикѣ находилось въ рукахъ духовенства и преимущественно іезуитовъ. Въ царствованіе послѣдняго короля Станислава-Августа нѣкоторые изъ патріотовъ, видя паденіе своего отечества, поняли, что оно можетъ быть спасено только коренными внутренними обновленіемъ, и потому общественное воспитаніе сдѣлалось тогда одною изъ первенствующихъ заботъ польскихъ мыслителей и политическихъ дѣятелей. Но было уже слишкомъ поздно. Только подъ прусскою властью и затѣмъ французскимъ управленіемъ стали учреждаться въ Польшѣ свѣтскія учебныя заведенія, хотя въ весьма недостаточномъ числѣ. Въ 1815 г. блаженныя памяти Императоръ Александръ I нашелъ въ Польшѣ начало организаціи элементарныхъ школъ, нѣсколько среднихъ учебныхъ заведеній, содержимыхъ орденомъ піаровъ, и спеціальныя школы юридическихъ и административныхъ наукъ и

медицинскую, основанныя подъ французскимъ вліяніемъ. Въ великодушной заботливости о благѣ Польши, Императоръ Александръ I тотчасъ обратилъ вниманіе на развитіе въ ней просвѣщенія, и уже въ 1816 г. основалъ въ Варшавѣ университетъ, состоявшій изъ 5 факультетовъ, въ томъ числѣ и богословскаго. Кромѣ того, въ періодъ съ 1815 по 1830 г. значительно умножились какъ низшія, такъ и среднія училища. Среднія училища (т. н. воеводскія школы) оставлены были по прежнему подъ особеннымъ вліяніемъ ордена піаровъ; низшія—въ завѣдываніи учрежденныхъ въ 1808 г. мѣстныхъ комитетовъ (дозоровъ), состоявшихъ изъ приходскаго священника, помѣщика, войта или бургомистра и двухъ или трехъ мѣстныхъ жителей. Русское правительство, въ этотъ періодъ нашего владычества въ Польшѣ, не поставляло себѣ въ учебномъ дѣлѣ никакой особой политической цѣли, руководствуясь единственно безкорыстнымъ желаніемъ общаго блага. Оно очевидно думало только о просвѣщеніи для просвѣщенія; но какъ исполненіе мыслей правительства было поручено исключительно полякамъ, безъ всякаго дѣйствительнаго съ нашей стороны контроля, то они сдѣлали народное образованіе политическимъ для себя средствомъ и обратили его въ орудіе противъ насъ. Извѣстно участіе учебныхъ заведеній въ подготовленіи и поддержкѣ революціи 1830—1831 годовъ.

Когда мятежъ былъ подавленъ, правительство, понявъ, какую важную политическую силу враждебныя намъ партіи нашли для себя въ школахъ, рѣшилось взять это орудіе въ свои руки и воспользоваться общественнымъ образованіемъ, какъ средствомъ для упроченія въ Царствѣ законной власти и для возможнаго сліянія двухъ народностей, русской и польской. Так. обр. въ принятой тогда системѣ самое просвѣщеніе сдѣлалось какъ бы предметомъ второстепеннымъ, а на первый планъ вступила цѣль политическая. Въ настоящее время можно уже судить объ этой системѣ, какъ объ историческомъ явленіи прошлаго, и отдать себѣ безпристрастный отчетъ въ ея результатахъ.

Сущность тогдашней системы правительства заключалась въ слѣдующемъ.

Распространеніе и развитіе высшаго образованія въ предѣлахъ Царства признавалось дѣломъ небезопаснымъ, ибо при мѣстномъ составѣ и настроеніи общества открывало бы доступъ революціоннымъ идеямъ, враждебнымъ монархическому порядку.

Вслѣдствіе этихъ опасеній правительство, послѣ закрытія варшавскаго университета въ 1831 г., въ продолженіе 25 л. не допускало въ Царствѣ Польскомъ ни одного высшаго учебнаго заведенія, ни общеобразовательнаго, ни спеціальнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ

постепенно уменьшалось и число среднихъ образовательныхъ заведеній.

Въ 1830 г. было въ Царствѣ 15 гимназій (т. н. воеводскихъ школъ); послѣ преобразованія училищной части въ 1833 г. сохранено 11, а въ исходѣ 40-хъ годовъ осталось всего 7, со включеніемъ въ то число варшавскаго благороднаго института. Въ 1845 г. право поступать въ гимназіи было предоставлено единственно дѣтямъ дворянъ и чиновниковъ.

Въ первоначальномъ образованіи также не обнаружилось достаточно развитія. Это доказывается между прочимъ тѣмъ, что въ теченіе 32 л., съ 1828 по 1860 г., элементарныхъ школъ въ Царствѣ прибавилось только 359, въ томъ числѣ 250 евангелическихъ (для нѣмцевъ). Въ 1828 г. считалось въ Польшѣ казенныхъ элементарныхъ училищъ 714, въ 1860 г. — 1074. Нельзя притомъ не замѣтить, что половина этихъ школъ принадлежитъ городамъ. Сельскихъ училищъ было въ 1828 г. только 340, въ 1860 г.—557.

Учебнымъ заведеніямъ придавался преимущественно спеціальный утилитарный характеръ. Направляя юношей съ самыхъ раннихъ лѣтъ къ какому либо ремеслу или спеціальному занятію, правительство надѣялось отвратить ихъ отъ политическихъ замысловъ. Этотъ взглядъ сталъ преобладать въ особенности съ 1845 г. Значительная часть уѣздныхъ училищъ изъ общеобразовательныхъ, классическихъ или, какъ они назывались въ Польшѣ, филологическихъ, обращены тогда въ реальныя, причемъ одни изъ нихъ получили коммерческую, другія техническую, третьи агрономическую спеціальность. Въ филологическія школы было дозволено поступать только дѣтямъ высшихъ сословій, и плата въ нихъ значительно повышена противъ реальныхъ училищъ. Гимназіямъ придано также спеціальное направленіе, такъ что въ нихъ курсы въ высшихъ классахъ дѣлились на отдѣленія историко-филологическое и физико-математическое, причемъ нѣкоторыя гимназіи еще спеціально предназначены для образованія чиновниковъ и юристовъ, другія—для образованія техниковъ, третьи—спеціалистовъ по горной части и т. д.

Надѣясь устраненіемъ высшаго преподаванія наукъ и поощреніемъ спеціальнаго техническаго знанія вмѣсто общаго образованія ослабить въ мѣстномъ юношествѣ господство политическихъ утопій и идеальныхъ стремленій, правительство въ то же время старалось посредствомъ учебныхъ заведеній утвердить русское вліяніе. Мы не пошли такъ далеко, какъ прусское правительство, которое прямо и открыто дало исключительный германскій характеръ всѣмъ школамъ въ Познанскомъ герцогствѣ и только послѣ потрясеній 1848 г. дозволило возстановить въ немногихъ изъ нихъ преподаваніе на поль-

скомъ языкѣ. Не отрицая правъ польской національности, не изгоняя польскаго языка изъ школъ, мы желали только посредствомъ училищъ «сблизить поляковъ съ русскою стихіею, внушить имъ сознаніе первенства Россіи между славянскими народами и искоренить въ нихъ, незамѣтнымъ образомъ, старыя ихъ понятія и предубѣжденія» *. Подчинивъ въ 1839 г. учебную часть въ Царствѣ министерству народнаго просвѣщенія имперіи, правительство стало направлять въ русскіе университеты молодыхъ поляковъ, желавшихъ получить высшее образованіе, и установило для нихъ нѣсколько стипендій. Русскому языку было дано значительнѣйшее мѣсто между предметами преподаванія въ Царствѣ; усилены занятія русскою исторіею и преподаваніе исторіи вообще поручено русскимъ; приняты разныя мѣры, чтобы польское юношество выносило изъ среднихъ училищъ не только теоретическое, но и практическое знаніе русскаго языка.

Результаты всей этой тридцатилѣтней системы, по общему сознанію, не оправдали ожиданій.

Уровень образованія въ Польшѣ значительно упалъ; поколѣніе, воспитанное послѣ 1830 г., по несомнѣнному свидѣтельству всѣхъ знающихъ край, невѣжественнѣе прежняго поколѣнія, и въ то же время гораздо хуже его въ политическомъ отношеніи, гораздо намъ враждебнѣе.

Нельзя не сознаться, что въ самомъ основаніи принятой системы общественнаго воспитанія въ Царствѣ лежала ошибка. Затрудняя полякамъ доступъ къ высшему образованію и распространяя поверхностное матеріальное знаніе въ ущербъ серьезной наукѣ, мы тѣмъ самымъ открывали просторъ революціонной пропагандѣ, которая всего успѣшнѣе дѣйствуетъ на людей полуобразованныхъ. Въ полякахъ вообще всего болѣе не достаетъ критическаго ума и той самостоятельности мысли, которая необходима, чтобы противостоять фантастическимъ увлеченіямъ и одностороннему вліянію общественной среды. А тогдашняя система воспитанія отстраняла именно все то, что способно направить молодого человѣка къ критическому анализу и пріучить его къ логической повѣркѣ своихъ мыслей.

Так. обр. приготовилась почва, на которой всякая ложь могла привиться къ обществу, по своей природѣ легковѣрному, и гдѣ крайній матеріализмъ такъ безобразно сочетался съ подчиненіемъ фанатическому духовенству.

---

* Такъ опредѣлялъ систему общественнаго образованія въ Царствѣ Польскомъ бывшій м-ръ нар. пр., гр. Уваровъ, во всеподданнѣйшей запискѣ, представленной имъ въ 1843 году.

Съ другой стороны, явное предпочтеніе, которое оказывалось русскому языку предъ польскимъ во всѣхъ училищахъ, имѣло послѣдствіемъ, что мы раздражали поляковъ, не достигая никакихъ существенныхъ результатовъ: мѣры, которыя принимались въ Царствѣ, не могли быть доведены до того, чтобы въ учащейся молодежи изглаживалась польская народность, подобно тому какъ это дѣлалось въ прусскихъ школахъ: мы не обрусили ни одного поляка, а въ то же время являлись какъ бы посягающими на польскую національность. При этомъ мѣры, которыя принимались, имѣли въ виду исключительно высшія сословія польской націи: дворянство, чиновничество и горожанъ. Всѣ усилія были устремлены на то, чтобы въ этихъ слояхъ молодыя поколѣнія испытали на себѣ нравственное вліяніе русской стихіи, сблизились или слились съ Россіею; тотъ же слой народа, который мы дѣйствительно могли подчинить своему вліянію, а въ нѣкоторыхъ краяхъ Польши (напр. въ Люблинской губ.) даже совершенно обрусить, былъ оставленъ на произволъ самыхъ враждебныхъ намъ элементовъ. Въ этотъ періодъ времени не было обращено почти никакого вниманія на простонародныя школы.

Закрывъ въ 1833 г. прежніе мѣстные комитеты или дозоры, завѣдывавшіе элементарными училищами, правительство постановило, чтобы каждое изъ такихъ училищъ имѣло своего особаго опекуна и чтобы такимъ опекуномъ училища назначался преимущественно мѣстный приходскій священникъ или викарій. Въ основѣ этого распоряженія лежала мысль, безъ сомнѣнія справедливая, что первоначальное обученіе должно быть въ тѣсной связи съ религіей и церковью; но при исключительномъ направленіи духовенства въ Царствѣ Польскомъ, примѣненіе здѣсь этого общаго начала вело очевидно къ результатамъ прямо противоположнымъ предстоявшей задачѣ. Послѣдствія, дѣйствительно, показали, что въ 25-лѣтіе послѣ 1830 г. польская національность значительно усилилась, даже въ ущербъ тому русскому элементу, который сохранился отъ прежняго времени, несмотря на вѣковыя притѣсненія, и что власть католическаго духовенства пустила еще болѣе глубокіе корни въ странѣ *.

* Так. обр., несмотря на принятыя правительствомъ мѣры, народный элементъ постоянно былъ подавляемъ въ греко-уніатскихъ первоначальныхъ училищахъ совокупными усиліями помѣщиковъ и той части уніатскаго духовенства, которая, изъ честолюбія или другихъ видовъ, подчинялась вполнѣ вліянію латинства. Любопытныя въ этомъ отношеніи указанія заключаются въ отношеніи намѣстника кн. Варшавскаго, отъ 25 января (6 февраля) 1849 г., № 47. Хотя затѣмъ приступлено было къ постепенному открытію отдѣльныхъ

Нельзя не замѣтить также нашего совершеннаго невниманія къ женскому воспитанію въ Польшѣ. До 1857 г. существовало на все Царство одно казенное учебное заведеніе для дѣвицъ, и то закрытое, съ ограниченнымъ пріемомъ. Вслѣдствіе этого женское воспитаніе сосредоточивалось въ Польшѣ по старому преимущественно въ монастырскихъ пансіонахъ.

Послѣ 1856 г. приняты были мѣры, которыя при дальнѣйшемъ своемъ развитіи должны были устранить постепенно недостатки прежней системы. Доступъ въ общеобразовательныя или филологическія училища былъ открытъ всѣмъ сословіямъ. Учрежденіемъ въ Варшавѣ медико-хирургической академіи положено начало возстановленію въ Польшѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Открыты женскія училища въ Варшавѣ и другихъ важнѣйшихъ городахъ. Обнаружилось несомнѣнное стремленіе правительства улучшить систему общественнаго воспитанія въ Царствѣ и поднять въ немъ уровень преподаванія.

Къ несчастію, исполненіе этой реформы не было совершаемо мѣстными дѣятелями въ духѣ прямой, безкорыстной заботливости о просвѣщеніи. Въ преобразованіи учебной части въ Польшѣ, предпринятомъ по мысли и подъ вѣдѣніемъ бывшаго главнаго директора духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, маркиза Велепольскаго, просвѣщеніе само по себѣ сдѣлалось, какъ и за 30 л. назадъ, предметомъ второстепеннымъ, а на первый планъ выдвинута политическая цѣль. Только цѣль была взята прямо противоположная той, какая лежала въ основаніи системы 30-хъ годовъ. Въ то время общественное образованіе служило средствомъ утвердить русское господство въ Польшѣ. Маркизъ Велепольскій, пользуясь тѣмъ же орудіемъ, направилъ общественное образованіе къ тому, чтобы устранить всякое вліяніе Россіи надъ Польшею.

Вся организація учебной части, введенная въ 1862 г., имѣетъ этотъ характеръ. Не входя здѣсь въ частности, достаточно указать на тѣ существенныя основанія новаго устава, которыя отличаютъ его отъ прежняго устройства учебной части и придаютъ ему значеніе непріязненной политической мѣры.

Въ прежней системѣ управленіе училищами было сильно централизовано посредствомъ директоровъ губернскихъ гимназій, которымъ непосредственно подчинены были всѣ училища въ губерніи, и инспекторовъ, состоявшихъ при каждой гимназіи и каждомъ уѣзд-

---

уніатскихъ училищъ, но число ихъ къ 1860 г. едва доходило до 52 и притомъ характеръ преподаванія въ нихъ оставался большею частію прежній, т. е. непріязненный народному русскому элементу.

номъ училищѣ. Въ новомъ уставѣ, напротивъ того, децентрализація доведена до крайности, невиданной ни въ какомъ государствѣ, гдѣ народное образованіе находится въ завѣдываніи правительства. Прежнія должности инспекторовъ уничтожены; не только каждая гимназія, но каждое уѣздное училище составляетъ самостоятельное учрежденіе, подъ управленіемъ ректора, назначаемаго изъ учителей, съ обязанностію продолжать преподаваніе своего предмета. Его обязанности въ сущности ограничиваются частью хозяйственною. Часть дисциплинарная въ гимназіяхъ поручена почти исключительно католическимъ законоучителямъ, съ титуломъ префекта.

Преподаваніе поставлено внѣ всякаго правительственнаго контроля, ибо визитаторы училищъ, коихъ полагается только двое на все Царство Польское, оба имѣющіе постоянное мѣстопребываніе въ Варшавѣ, не могутъ дѣйствительно слѣдить за ходомъ ученія, тѣмъ болѣе что по ст. 65 учрежденія Коммиссіи духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія эти два визитатора обязаны разсматривать и обработывать дѣла для Совѣта народнаго просвѣщенія, и въ сущности эта только обязанность ими исполняется.

При господствующемъ въ полякахъ настроеніи можно понять все политическое значеніе такой системы. Чтобы она могла скорѣе получить свое дѣйствіе, Правительственная Коммиссія духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ 1862 г. уволила 49 учителей и рѣшилась перемѣстить всѣхъ остальныхъ, дабы порвать прежнія ихъ связи и привычки, какъ объяснено въ отчетѣ Коммиссіи за тотъ же годъ. Это было очевидно вѣрнѣйшимъ средствомъ сдѣлать учителей послушными орудіями той общественной среды, въ которую они попадали, и однимъ разомъ уничтожить преданія, установившіяся въ школахъ въ продолженіе прежнихъ 30 лѣтъ. Несмотря на значительныя издержки, потребовавшіяся для этого общаго передвиженія учителей, означенная мѣра, какъ видно изъ того же отчета, была примѣнена во всей строгости. При этомъ перемѣщеніи многіе изъ русскихъ учителей лишились своихъ мѣстъ, а другимъ поручено преподаваніе предметовъ, совершенно имъ чуждыхъ; так. обр. есть примѣры училищъ, гдѣ на человѣка, преподававшаго всю свою жизнь русскій языкъ, теперь возложены уроки латинскаго языка, а русскій языкъ не преподается, подъ предлогомъ неимѣнія учителя.

Вмѣстѣ съ этимъ всеобщимъ передвиженіемъ учителей предпринято было въ огромныхъ размѣрахъ перемѣщеніе училищъ, несмотря на явныя неудобства и значительныя издержки, съ тою лишь цѣлію, чтобы прервать всякую связь съ понятіями и преданіями прежняго времени. Такъ между прочимъ уставъ 1862 г. постановилъ закрыть варшавскій благородный институтъ, изъ котораго, по мнѣнію, рас-

пространенному въ польскомъ обществѣ, выносили направленіе, мало благопріятствовавшее польскимъ тенденціямъ, и основать новый институтъ въ Люблинѣ подъ именемъ лицея. Въ зданіе варшавскаго благороднаго института перемѣщенъ изъ Новой Александріи существовавшій тамъ дѣвичій институтъ, который соединенъ съ варшавскимъ маріинскимъ пансіономъ, а на мѣсто дѣвичьяго института переведенъ въ Новую Александрію (Пулавы) изъ Маримонта, что подъ Варшавой, земледѣльческій институтъ въ соединеніи съ варшавскою реальною гимназіею, причемъ эти два учебныя заведенія возведены на степень высшей спеціальной школы, подъ названіемъ политехническаго и земледѣльческо-лѣсного института. Въ зданіи варшавской реальной гимназіи опредѣлено учредить новое училище каменьщичьихъ и плотничьихъ мастеровъ. Однимъ словомъ, въ размѣщеніи училищъ произведена огромная ломка, для которой трудно найти другую причину, какъ только вышеупомянутое желаніе уничтожить однимъ разомъ связь съ прошлымъ. Между прочимъ, особенно неудобнымъ кажется учрежденіе въ Новой Александріи политехническаго института и соединеніе его съ иститутомъ земледѣльческимъ. Так. обр. будущіе техники, машинисты и инженеры получали бы образованіе въ глуши, отдаленной отъ желѣзныхъ дорогъ, фабрикъ и какихъ бы то ни было промышленныхъ заведеній. Въ то же время нельзя не признать вреднымъ, при современномъ положеніи края, соединенія въ одномъ закрытомъ училищѣ людей, готовящихся къ земледѣльческимъ занятіямъ, съ молодыми ремесленниками, фабричными и др.

При децентрализаціи въ учебномъ управленіи, столь невыгодной для правительства при существующихъ въ Польшѣ отношеніяхъ, введенная въ 1862 г. система, съ другой стороны, совершенно противорѣчитъ этому принципу и впадаетъ въ противоположную крайность, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы распространить господство польской національности. Главная цѣль каждаго училища въ Царствѣ — образовать хорошаго, достойнаго польскаго «обывателя» *. Такъ объяснялась мысль законодателя въ статьяхъ, которыя печатались во «Всеобщемъ Дневникѣ» во время приготовленія училищной реформы 1862 г. Въ одной изъ этихъ статей прежнее постановленіе нашего правительства, дозволявшее нѣмецкимъ обществамъ въ Царствѣ содержать свои особыя нѣмецкія училища, представлено

* Т. е. гражданина, citoyen; въ Польшѣ это званіе придается только шляхтичу или человѣку, который примыкаетъ къ шляхетству (духовному, купцу, вообще горожанину); крестьянинъ же не признается «обывателемъ».

какъ особенно вредное злоухищреніе *. Выходя изъ принципа, что всѣ жители Царства должны быть или сдѣлаться польскими гражданами, законодательство 1862 г. однимъ почеркомъ пера уничтожило все то, чѣмъ мы въ прежнее время старались удовлетворить правамъ прочихъ племенъ въ Польшѣ и ослабить въ самихъ полякахъ ихъ національную исключительность. Въ прежней системѣ въ элементарныхъ школахъ учили дѣтей ихъ природному языку; по уставу 1862 г. польскій языкъ признанъ исключительнымъ языкомъ преподаванія во всѣхъ первоначальныхъ училищахъ Царства. Чтобы ускорить чрезъ это полонизацію нѣмцевъ, русскихъ и другихъ иноплеменныхъ жителей края, въ составленномъ проектѣ предположено было сдѣлать посѣщеніе элементарныхъ школъ обязательнымъ, подъ опасеніемъ денежнаго штрафа и полицейскаго ареста для родителей. Это единственное изъ существенныхъ предположеній польскаго законодателя, которое было отвергнуто при окончательномъ разсмотрѣніи проекта. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ прежняя система для противодѣйствія національной исключительности поляковъ и сближенія ихъ съ нами соединяла преподаваніе исторіи Польши съ русской исторіей и дѣлала русскій языкъ, въ совокупности съ языкомъ церковно-славянскимъ, однимъ изъ главныхъ предметовъ каждаго курса. По уставу 1862 г., исторія Польши преподается какъ отдѣльный предметъ, а русская исторія излагается въ общемъ курсѣ всемірной исторіи, гдѣ она, по польскимъ учебникамъ, занимаетъ, конечно, весьма невидное и незавидное мѣсто **. Русскій языкъ поставленъ наравнѣ съ языками иностранными (французскимъ и нѣ-

---

* Евангелическихъ нѣмецкихъ школъ считалось какъ въ городахъ, такъ и въ селахъ 564.

** По программѣ гимназическихъ курсовъ, изготовленной въ 1862 г. и сохраняемой понынѣ, польская исторія преподается съ IV класса по VII включительно; а исторія Россіи, въ совокупности съ всеобщею исторіею, только въ VI и VII классахъ, причемъ излагается съ нѣкоторою подробностью собственно только эпоха со вступленія на престолъ Петра В. до нашего времени. Одна изъ самыхъ настоятельныхъ потребностей учебнаго дѣла въ Царствѣ состоитъ въ устройствѣ правильнаго преподаванія историческихъ наукъ. Преподаваніе это, какъ оно производится въ настоящее время, всего болѣе искажаетъ понятія польской учащейся молодежи. Для того, чтобы возстановить историческія событія Польши въ ихъ истинномъ значеніи, казалось бы наиболѣе полезнымъ соединить исторію Польши съ русскою въ одинъ общій курсъ исторіи славянскихъ народовъ (въ который включать и свѣдѣнія о Чехіи, Болгаріи и всѣхъ другихъ прежде бывшихъ славянскихъ государствахъ) и преподавать этотъ курсъ отдѣльно отъ всемірной исторіи и съ достаточною подробностью. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ нѣтъ никакого учебника, который могъ бы удовлетворить этой потребности.

мецкимъ) если не въ самомъ уставѣ, то въ практическомъ его примѣненіи Прав. Коммиссіею, а церковно-славянскій языкъ вовсе исключенъ.

Законъ Божій для воспитанниковъ прав. исповѣданія причисленъ Коммиссіею къ предметамъ сверхштатнымъ, съ назначеніемъ на этотъ предметъ всего 2 час. въ недѣлю, тогда какъ на уроки католическаго законоучителя отведено отъ 6 до 8 часовъ; въ училищахъ, гдѣ число прав. мальчиковъ менѣе 10, вовсе не положено преподавать имъ Закона Божія. Для всѣхъ казенныхъ училищъ въ Варшавѣ, вмѣстѣ взятыхъ, назначено содержать одного законоучителя прав. исповѣданія.

Замѣчательно, что даже въ мелкихъ внѣшнихъ подробностяхъ приняты были мѣры, чтобы изгладить въ польскихъ училищахъ слѣды русскаго вліянія и возобновить воспоминаніе объ устройствѣ школъ, бывшемъ во время Варшавскаго Герцогства и владычества ордена піаровъ надъ учебною частью. Начальники училищъ изъ деректоровъ переименованы въ ректоровъ, ибо таковъ былъ въ то время ихъ титулъ; училищные аттестаты и выпускные экзамены названы свидѣтельствами зрѣлости (maturitatis) и экзаменами зрѣлости, по образцу училищнаго устава Варшавскаго Герцогства. Созданный въ Варшавѣ университетъ названъ главною школою, по примѣру гл. школы, существовавшей въ Краковѣ и преобразованной въ духѣ національной исключительности распоряженіемъ кн. Іосифа Понятовскаго въ 1810 году. Вакаціи вмѣсто лѣтнихъ мѣсяцевъ назначены въ осенніе (вторая половина августа и сентябрь), несмотря на крайнее неудобство ученія въ каникулярное время. Осенніе мѣсяцы составляютъ вакаціонное время и въ нѣкоторыхъ странахъ зап. Европы, по старинному обычаю, восходящему къ эпохѣ господства католической церкви надъ училищами. Возстановленіе осеннихъ вакацій въ Польшѣ объясняется желаніемъ возвратиться къ преданіямъ польской старины, когда учебною частію тамъ завѣдывали іезуиты и піары, считавшіе нужнымъ держать учениковъ въ сборѣ во время каникулъ для участія въ процессіяхъ и другихъ торжествахъ по случаю праздниковъ Божьяго тѣла (Fête Dieu) и основателей означенныхъ орденовъ (Игнатія Лойолы и Іосифа Каласаизи),—праздниковъ, имѣющихъ мѣсто въ срединѣ лѣта. Но всего яснѣе обличается политическая тенденція устава 1862 г. въ закрытіи женскихъ гимназій и въ устройствѣ дозоровъ для управленія народными школами.

Женское воспитаніе въ Польшѣ, какъ упомянуто выше, въ прежнее время мало обращало на себя вниманіе правительства. Только въ настоящее царствованіе оно сдѣлалось предметомъ его заботы.

Необыкновенный успѣхъ учрежденнаго въ 1858 г. казеннаго училища для приходящихъ дѣвицъ въ Варшавѣ, которое въ первый же годъ своего существованія не могло помѣстить всѣхъ устремившихся туда учениць, побудилъ бывшаго намѣстника, кн. Горчакова, ходатайствовать объ открытіи въ Варшавѣ другаго отдѣленія этой школы и объ устройствѣ такихъ же училищъ въ Калишѣ, Плоцкѣ, Радомѣ, Люблинѣ и Сувалкахъ. Мысль эта была утверждена Высочайшимъ указомъ 3 мая 1860 г. По свидѣтельству чиновника, которому было поручено открытіе означенныхъ училищъ и который печатно изложилъ результаты своихъ дѣйствій во «Всеобщемъ Дневникѣ», вездѣ женскія гимназіи привѣтствовались жителями какъ истинное благодѣяніе, и уже при самомъ началѣ въ гимназіи эти записалось болѣе 1000 воспитанницъ.

Между тѣмъ уставъ 1862 г. черезъ годъ или два закрываетъ всѣ эти заведенія, не замѣняя ихъ ничѣмъ другимъ. Можно бы было затрудниться въ пріисканіи разумной причины такого распоряженія, если бы она не была выражена съ необычайною откровенностью въ печатной статьѣ, помѣщенной во «Всеобщемъ Дневникѣ» въ видѣ поясненія къ проекту училищнаго устава, который, какъ извѣстно, былъ доведенъ, безъ вѣдома высшаго правительства, до всеобщаго свѣдѣнія прежде представленія на разсмотрѣніе законодательной власти. Въ этой статьѣ сказано о женскихъ гимназіяхъ, открытыхъ въ 1860 г.: «Дешевизна училищной платы, болѣе пространный объемъ преподаванія и возможность имѣть дочь въ своемъ семействѣ большую половину дня, наконецъ возникновеніе частныхъ квартиръ, гдѣ загородныя дѣвицы принимались на жительство гораздо дешевле, чѣмъ могли это сдѣлать существовавшіе доселѣ пансіоны, притягивали всю учащуюся женскую молодежь въ казенныя училища, и пансіоны почти всѣ, съ немногими исключеніями, должны были пасть. А какъ училищное начальство считаетъ частные женскіе пансіоны, какъ свѣтскіе, такъ и монастырскіе, необходимыми и болѣе соотвѣтствующими домашне-общественному воспитанію женскаго пола, то статьею 160 * проекта предположено закрыть всѣ казенныя женскія училища, кромѣ одного существующаго въ Варшавѣ **. Итакъ польскій законодатель признавалъ за казенными женскими гимназіями преимущества дешевизны, болѣе обширнаго образованія и большаго удобства для семействъ, но ему для цѣлей, очевидно постороннихъ дѣлу просвѣ-

* Въ утвержденномъ уставѣ, ст. 158.

** Dziennik Powszechny, 1861, № 28.

щенія, нужно было, чтобы воспитаніе польской женщины находилось въ частныхъ рукахъ и въ особенности въ рукахъ монашескихъ орденовъ.

Покровительствуя во всемъ вліянію духовенства на образованіе, передавая ему дисциплинарную власть въ гимназіяхъ, уставъ 1862 г. въ одномъ только случаѣ менѣе благопріятенъ ему, нежели прежняя наша система, а именно: въ отношеніи къ управленію первоначальными сельскими училищами.

Управленіе это, какъ уже замѣчено, было съ 1833 г. поручено опекунамъ, при чемъ въ должность опекуна училища назначался преимущественно мѣстный приходской священникъ или викарій. Уставъ 1862 г. возстановлялъ существовавшіе прежде, на основаніи постановленій 1808 г., мѣстные училищные дозоры, составленные изъ помѣщика или заступающаго его мѣсто приходскаго священника и двухъ членовъ по выбору отъ владѣльцевъ недвижимыхъ имуществъ. Разница та, что по учрежденію 1808 г. вездѣ, гдѣ имѣлся евангелическій пасторъ, онъ былъ, какъ и католическій приходской священникъ, непремѣннымъ членомъ училищнаго дозора; а въ уставѣ 1862 г. нѣтъ этого постановленія въ пользу протестанскаго духовенства. Замѣна единоличнаго надзора ксендза надъ мѣстною школою особымъ коллегіальнымъ учрежденіемъ объясняется, въ мысли законодателя, политическимъ соображеніемъ, изложеннымъ печатно въ статьѣ бывшаго варшавскаго гражданскаго губернатора Лацинскаго, который, подъ руководствомъ м. Велепольскаго, проектировалъ отдѣлъ устава, относящійся къ элементарному образованію. Уничтоженіе въ 1833 г. училищныхъ дозоровъ имѣло прямымъ послѣдствіемъ, что назначеніе учителей стало производиться независимо отъ помѣщиковъ и безъ ихъ вѣдома. При такомъ порядкѣ вещей, говоритъ г. Лацинскій, «учители эти, желая для собственныхъ своихъ выгодъ пріобрѣсти расположеніе крестьянъ, не ограничивались исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, но старались улучшить свое положеніе тѣмъ, что давали поселянамъ совѣты въ разныхъ дѣлахъ, писали имъ жалобы на помѣщиковъ, распространяя так. обр. несогласіе и нерасположеніе между дворомъ и деревнею. Въ такомъ положеніи дѣла, продолжаетъ г. Лацинскій, помѣщики, видя въ сельскихъ учителяхъ главный источникъ столь пагубно распространеннаго въ настоящее время тайнаго подстрекательства, не колебались изъ личныхъ видовъ употреблять всѣ средства для закрытія училищъ».

Изъ этого любопытнаго показанія видно, до какой степени, при преобразованіи управленія элементарными школами, принимались въ расчетъ цѣли политическія и между прочимъ цѣль усилить вліяніе помѣстной шляхты надъ простымъ народомъ.

*

Эта цѣль обличается также въ статьяхъ устава, касающихся земледѣльческихъ училищъ. Изъ 5 существовавшихъ въ Царствѣ учебныхъ заведеній сего рода, сохранены только три, съ передачею ихъ, подъ наименованіемъ школъ низшихъ сельскихъ оффиціалистовъ, въ завѣдываніе мѣстныхъ помѣщиковъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ разрѣшено открывать вновь училища сельскихъ оффиціалистовъ, коль скоро помѣщикъ представитъ въ пользу такой школы помѣщеніе съ отопленіемъ и 4 морга земли. Въ случаяхъ подобной жертвы со стороны помѣщика, прочія издержки учреждаемой школы принимаетъ на себя казна. Ученики не платятъ за ученіе, но обязаны въ опредѣленное время производить работы въ училищномъ саду и на фольваркѣ помѣщика, который платитъ за эту работу, производимую урочно, $^1/_2$ или $^3/_4$ поденной платы, по мѣстнымъ цѣнамъ. Так. обр. училища сельскихъ оффиціалистовъ, предположенныя уставомъ 1862 г., могли сдѣлаться не только орудіемъ къ распространенію вліянія помѣстнаго сословія на народъ, но и выгоднымъ для помѣщиковъ средствомъ пріобрѣтать за уменьшенную цѣну рабочія силы на своихъ фольваркахъ.

Было бы излишне доказывать необходимость коренного измѣненія всѣхъ основъ устава 1862 г. Законъ, по которому образованіе поселянъ отдается во власть помѣщиковъ, а образованіе женщинъ предоставляется монастырямъ; законъ, дѣлающій изъ казенныхъ училищъ орудіе къ распространенію политической исключительности и вліянія фанатическаго духовенства и лишающій правительство всякаго надзора и контроля за преподаваніемъ,—такой законъ очевидно несовмѣстенъ съ потребностями государственнаго порядка и общественнаго спокойствія самой Польши.

При настоящихъ обстоятельствахъ было бы неудобно отмѣнить цѣлый уставъ 1862 г., такъ какъ это дало бы, конечно, поводъ къ враждебнымъ правительству толкамъ. Остается лишь устранить въ означенномъ уставѣ тѣ начала, которыя отличаются самымъ непріязненнымъ политическимъ направленіемъ.

Въ этихъ видахъ нельзя не указать на слѣд. главнѣйшія мѣры:

1) Преобразованіе устройства начальныхъ (элементарныхъ) училищъ на началахъ гминнаго самоуправленія, установленнаго указомъ 19-го февраля, и равноправности всѣхъ народностей въ Царствѣ;

2) Подчиненіе учебныхъ заведеній дѣйствительному надзору и контролю правительства учрежденіемъ учебныхъ дирекцій;

3) Возстановленіе женскихъ гимназій;

4) Перенесеніе въ Варшаву политехническаго института, съ отдѣленіемъ его отъ земледѣльческаго (что въ Новой-Александріи), и

преобразованіе устройства и управленія низшихъ земледѣльческихъ школъ;

5) Учрежденіе педагогическихъ школъ, между прочими — одной русско-уніатской. другой литовской и третьей нѣмецкой, съ тѣмъ, чтобы сія послѣдняя была вмѣстѣ съ тѣмъ обще-образовательнымъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ, по образцу петропавловской нѣмецкой школы въ С.-Петербургѣ; и

6) преобразованіе главной школы въ александровскій университетъ, съ присоединеніемъ къ нему богословскаго факультета взамѣнъ существующей, отдѣльно и закрыто, духовной римско-католической академіи.

Независимо отъ всего этого, ст. 385 устава 1862 г. даетъ возможность устранить административнымъ путемъ всѣ частности, въ коихъ оказывается враждебная намъ мысль, какъ въ распредѣленіи предметовъ преподаванія, такъ и въ учебныхъ программахъ и т. под.

Но приступая къ этимъ мѣрамъ, совокупность которыхъ произведетъ совершенный переворотъ въ нынѣшнемъ устройствѣ и направленіи учебной части въ Царствѣ Польскомъ, надлежитъ заранѣе опредѣлить и установить положительно общія коренныя начала той системы, которая принимается на будущее время.

1. Прежде всего требуетъ категорическаго разрѣшенія самый существенный вопросъ, состоящій въ томъ: должно ли, и въ какой мѣрѣ, русское правительство употреблять общественное образованіе въ Ц. П. какъ политическое орудіе?

Общественное образованіе было политическимъ орудіемъ въ рукахъ нашихъ съ 1831 по 1861 годъ; въ 1861 г. оно обратилось какъ политическое же орудіе противъ насъ. Можемъ ли и должны ли мы оставаться на этой же почвѣ? Надобно сказать себѣ рѣшительно, что нѣтъ.

Было бы излишнимъ распространяться здѣсь о нравственной сторонѣ вопроса. Достаточно сказать, что всѣ усилія наши въ этомъ смыслѣ были бы безполезны. Мы никогда не успѣемъ посредствомъ обученія привязать къ себѣ поляковъ, слить ихъ съ Россіей, перемѣнить направленіе ихъ мыслей и политическихъ стремленій. Опытъ доказалъ это. 30 л. мы въ Польшѣ учили цѣлыя поколѣнія по-русски, знакомили ихъ съ силою и славою нашего отечества, съ историческими недугами Польши, сдѣлавшими невозможнымъ ея независимое существованіе. Однако ученіе наше не передѣлало ни одного изъ нихъ, ибо характеръ и образъ мыслей слагаются подъ вліяніемъ религіи, семьи и общества, а не подъ однимъ дѣйствіемъ внѣшняго знанія, пріобрѣтаемаго уроками и являющагося на экза-

менахъ. А мы только располагаемъ уроками и экзаменами; и чѣмъ болѣе будетъ ощутительна посторонняя цѣль въ преподаваніи, нами установленномъ, тѣмъ болѣе оно будетъ внушать недовѣріе, тѣмъ менѣе способно будетъ дѣйствовать на умы.

Итакъ, отказываясь отъ мысли приспособить преподаваніе наукъ въ Польшѣ къ какимъ либо положительнымъ политическимъ цѣлямъ и поставляя цѣлію общественнаго образованія въ этой странѣ прямое дѣло просвѣщенія, мы съ тѣмъ вмѣстѣ не только имѣемъ право, но и обязаны строго наблюдать, чтобы никто другой не нарушалъ этого принципа; чтобы преподаваніе никѣмъ другимъ не было обращаемо въ средство политической или религіозной пропаганды; чтобы элементы слабѣйшіе не дѣлались жертвою сильнѣйшаго. Нѣтъ, какъ извѣстно, національности болѣе исключительной, чѣмъ польская (разумѣя тутъ собственно шляхту), такъ какъ въ ней народная гордость, врожденная или воспитанная историческимъ прошлымъ, сочеталась съ религіозною нетерпимостью. Так. обр. въ Ц. П., несмотря на внѣшнее господство Россіи, польская стихія подчиняетъ себѣ, частію насильственно, частію нравственнымъ вліяніемъ, всѣ другіе мѣстные элементы, русскій, нѣмецкій, литовскій и ту часть евреевъ, которые стараются выйдти изъ своей замкнутости и сдѣлаться людьми образованными. Эта полонизація совершается болѣе всего именно въ училищахъ. и не только искусственными мѣрами, придуманными въ уставѣ 1862 г., но еще болѣе нравственными путями, вліяніемъ товарищей поляковъ, ихъ убѣжденіями, ихъ насмѣшками. Старожилы края замѣчаютъ, что так. обр. дѣти русскихъ, нѣмцевъ, евреевъ, поступающія въ училища Царства, выходятъ изъ нихъ поляками, и даже самыми ярыми, стыдящимися національности своихъ родителей. Само собою разумѣется, что мы обязаны немедленно устранить изъ дѣйствующихъ правилъ по учебной части всѣ тѣ постановленія, которыя расчитаны для искусственной полонизаціи, и принять за основной принципъ нашъ въ этомъ отношеніи полную равноправность всѣхъ племенъ и нарѣчій въ Царствѣ. Но этого мало: чтобы признаваемая нами равноправность не была только мнимою, чтобы полонизація не продолжалась въ дѣйствительности, благодаря нравственному давленію польскаго большинства въ училищахъ, необходимо поощрять, насколько возможно, учрежденіе отдѣльныхъ училищъ для непольскихъ жителей края. Это будетъ самымъ вѣрнымъ и едва ли не единственнымъ средствомъ оградить отъ польской пропаганды всѣ инородные элементы, сохраненіе которыхъ въ Польшѣ столь важно для насъ. Русское общество поняло настоятельную необходимость такого дѣла для защиты дѣтей русскихъ, живущихъ въ Царствѣ, отъ быстраго ополяченія: частная

иниціатива создала въ Варшавѣ русскую школу. Желательно, при первой возможности и сколько можно скорѣе, дать этой русской школѣ средства развиться въ русскую гимназію и, держась того же начала въ отношеніи къ другимъ національностямъ, поспѣшить учрежденіемъ на первый разъ еще нѣмецкой школы въ Варшавѣ, по образцу существующаго въ С.-Петербургѣ петропавловскаго училища.

Но еще несравненно важнѣе для насъ предохранить элементарное образованіе, особенно въ сельскихъ школахъ, отъ дѣйствія враждебной намъ политической пропаганды. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что крестьяне Ц. П., получивъ нынѣ свободу, самоуправленіе и матеріальное улучшеніе быта, устремятся къ просвѣщенію, подобно тому какъ это представилось въ Россіи послѣ уничтоженія крѣпостного права. Въ Польшѣ этотъ первый шагъ крестьянства къ просвѣщенію будетъ имѣть огромную политическую важность; отъ него можетъ зависѣть все будущее направленіе польской націи. До сихъ поръ грамотность составляла рѣзкую грань, раздѣлявшую крестьянство, съ его консервативнымъ характеромъ, отъ людей, примыкающихъ къ шляхетскому элементу и воодушевленныхъ преданіями и стремленіями польской политической исключительности. Грамотный крестьянинъ былъ уже, большею частію, человѣкъ потерянный для крестьянства; онъ приближался къ рядамъ партіи, во главѣ которой стоятъ дворяне, чиновники и ксендзы и масса которой заключается въ оффиціалистахъ, мѣщанахъ и мелкой шляхтѣ. Вотъ причина, почему во всѣхъ распоряженіяхъ послѣдняго времени, внушенныхъ мыслію объ отдѣленіи Польши отъ Россіи, грамотность нарочно поставлялась существеннымъ условіемъ допущенія къ выборамъ и другимъ политическимъ правамъ, не взирая но то, что даже въ самыхъ образованныхъ странахъ Европы знаніе грамоты не признается необходимымъ для того, чтобы человѣкъ могъ участвовать въ первоначальныхъ выборахъ (élections primaires). Если образованіе должно и впередъ отрывать крестьянина отъ народа и вводить его въ кругъ шляхетскихъ стремленій, то чрезъ два или три поколѣнія вся польская нація придетъ въ то безобразное нравственное состояніе, какое представляютъ теперь ея высшіе слои, и правительство въ этой странѣ лишится единственной точки опоры. Въ то же время, русское правительство не можетъ принять на себя неблаговидную задачу—препятствовать народу въ его стремленіи къ ученію. Этимъ мы дали бы оружіе противъ себя и не только не достигли бы цѣли, но поощрили бы въ деревняхъ распространеніе тайнаго и прямо враждебнаго намъ обученія. Лучшее, чтó можно и слѣдуетъ сдѣлать, состоитъ въ томъ, чтобы предоста-

вить первоначальное образованіе, особенно въ селахъ, наибольшему, по возможности, вліянію самихъ обществъ, устранивъ въ этомъ дѣлѣ всякое искусственное поощреніе или препятствіе, и затѣмъ позаботиться, чтобы первоначальныя сельскія училища и преподаваніе въ нихъ было ограждено отъ вліянія шляхты и ксендзовъ. Въ настоящее время сельскою школою управляетъ приходскій священникъ или помѣщикъ; отъ учителя требуются такія условія (квалификаціи), вслѣдствіе которыхъ ни одинъ человѣкъ, принадлежащій самъ къ простому народу, не можетъ сдѣлаться наставникомъ въ селѣ. Все это необходимо устранить, чтобы крестьянскій мальчикъ, вступившій въ школу, находилъ въ ней духъ крестьянства и не переставалъ принадлежать къ той общественной средѣ, въ которой призванъ жить.

Вотъ главныя мысли, руководившія при составленіи предлагаемаго проекта новаго устава начальныхъ училищъ въ Ц. П.

II. Но надлежитъ еще обезпечить приведеніе въ дѣйствіе новаго устава, дать соотвѣтственное направленіе сельскимъ училищамъ, получающимъ теперь столь важное значеніе въ Польшѣ, и вообще устроить дѣйствительный надзоръ за преподаваніемъ во всѣхъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя законоположеніемъ 1862 года, какъ замѣчено выше, поставлены внѣ всякаго правительственнаго контроля.

Для достиженія этихъ цѣлей необходимо учрежденіе въ Польшѣ учебныхъ дирекцій. Разумѣется, для того чтобы такое учрежденіе могло получить дѣйствительное значеніе и принести пользу, директоры училищъ должны быть обезпечены въ матеріальномъ отношеніи и получить достаточную власть; да сверхъ того существенно необходимо, чтобы правительство поставило себѣ неизмѣннымъ правиломъ (не заявляя этого гласно) назначать въ должность директоровъ только русскихъ или особенно благонадежныхъ нѣмцевъ. Такихъ директоровъ казалось бы нужнымъ имѣть до десяти и кромѣ того особаго инспектора частныхъ учебныхъ заведеній собственно для Варшавы. Чтобы придать большую дѣйствительность учрежденію учебныхъ дирекцій и тѣснѣе связать его съ училищнымъ управленіемъ, проектировано также, взамѣнъ префектовъ, которые по уставу 1862 г. должны быть назначаемы преимущественно изъ ксендзовъ, для наблюденія за порядкомъ въ гимназіяхъ, возстановить въ сихъ учебныхъ заведеніяхъ прежнюю должность инспекторовъ и сдѣлать этихъ послѣднихъ ближайшими помощниками начальниковъ учебныхъ дирекцій. Въ практическомъ исполненіи этой мѣры окажется, вѣроятно, возможнымъ поручать должность инспекторовъ гимназій благонадежнѣйшимъ изъ учителей русскаго или нѣмецкаго происхожденія.

III. Остается затѣмъ рѣшить еще слѣдующіе три основные вопроса, возбуждаемые всею прежнею исторіею учебной части въ Ц. П.: желательно ли для правительства развитіе въ Польшѣ высшаго образованія или нужно возвратиться къ прежней системѣ, стѣснявшей это развитіе? Слѣдуетъ ли сохранить введенную въ 1862 г. систему общаго классическаго образованія или нужно возвратиться къ прежней системѣ, поощрявшей въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ техническую специализацію преподаванія? Наконецъ, какія права должны принадлежать русскому языку въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ?

Въ отношеніи къ первымъ двумъ вопросамъ предстоитъ, какъ кажется, отказаться безусловно отъ старой системы 30-хъ и 40-хъ годовъ и, принявъ за исходную точку уставъ 1862 года, приводить въ исполненіе и по возможности развивать далѣе всѣ тѣ его постановленія, которыя клонятся къ тому, чтобы поднять уровень образованія въ Польшѣ. Уже выше было замѣчено, что полупросвѣщеніе, которое водворялось въ Польшѣ при прежней системѣ, недопускавшей высшаго преподаванія наукъ и дававшей ученію съ IV-го или V-го кл. гимназіи одностороннее техническое направленіе, что это полупросвѣщеніе составляетъ самую воспріимчивую почву для революціонныхъ стремленій и всякихъ ложныхъ увлеченій. 30-лѣтній опытъ въ этомъ отношеніи привелъ къ самымъ печальнымъ результатамъ. Развитію фантастическихъ польскихъ идей въ новыхъ поколѣніяхъ можно противодѣйствовать единственно распространеніемъ серьезнаго образованія, поощреніемъ къ мысленному труду. Отказавшись отъ непримѣнимой на практикѣ мысли, что казенное ученіе можетъ быть сдѣлано въ Польшѣ проводникомъ политическихъ убѣжденій, правительству остается всемѣрно заботиться о преуспѣяніи варшавскаго университета и другихъ училищъ края, и должно надѣяться, что такое безкорыстное содѣйствіе развитію науки въ Польшѣ будетъ въ то же время выгоднѣйшею системою въ политическихъ интересахъ Россіи.

Нельзя въ этомъ отношеніи не обратить вниманія на главную школу (варшавскій университетъ). Несмотря на то, что она открыта была въ самое бурное время, въ 1862 г., и что въ ней не могли еще установиться тѣ преданія, которыя служатъ противодѣйствіемъ увлеченіямъ молодежи, изъ числа студентовъ этой школы, которыхъ записалось на 1862—3 гг. 728, не болѣе 13-ти въ самомъ началѣ возстанія ушли въ банды; а на 1863—4 г. изъ общаго числа 649 студентовъ 72 ч. оказались по какимъ бы то ни было причинамъ прикосновенными къ политическимъ дѣламъ или вообще выбыли изъ школы съ 1-го янв. по конецъ апр. 1864 г. Эти цифры, извлеченныя изъ именныхъ списковъ, доставленныхъ управленіемъ генералъ-поли-

ціймейстера въ Ц-ѣ, должны быть признаны довольно благопріятными при общемъ состояніи края, и свидѣтельствуютъ о томъ, въ какой мѣрѣ, даже во время разгара революціоннаго движенія, занятія наукою могутъ отвлечь большинство польскихъ юношей отъ политическихъ предпріятій. Во всякомъ случаѣ, сколько бы воспитанниковъ ни было замѣшано въ безпорядкахъ или преступныхъ замыслахъ, должно, подвергая виновныхъ заслуженной карѣ, хотя бы даже, если нужно, и съ крайнею строгостью, всячески избѣгать закрытія самаго училища, такъ какъ этимъ мы же сами, прерывая занятія всѣхъ остальныхъ учащихся въ школѣ, предоставляли бы ихъ въ жертву революціонной пропаганды. Существованіе въ Варшавѣ высшаго учебнаго заведенія, которое предлагало бы польской молодежи университетское образованіе, принесетъ несомнѣнную пользу и тѣмъ, что оно неминуемо отвлечетъ изъ русскихъ университетовъ значительную часть польской молодежи, нынѣ туда стекающейся. Въ прежнее время, правительство считало нужнымъ направлять молодыхъ поляковъ въ наши университеты, въ надеждѣ, что они тамъ будутъ освобождаться отъ своей чрезмѣрной національной исключительности. На дѣлѣ, однако, ожиданія эти не только не оправдались, а напротивъ того, оказались результаты, имъ прямо противоположные. Студенты изъ поляковъ, живя постоянно въ замкнутыхъ кружкахъ, нисколько не выходили изъ своей національной исключительности, а скорѣе въ ней утверждались еще болѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли большею частію вредное вліяніе на своихъ русскихъ товарищей. Посему должно, кажется, признать болѣе желательнымъ, чтобы поляки учились въ польскихъ учебныхъ заведеніяхъ, нежели чтобы они наполняли собою русскія.

Что касается наконецъ до вопроса о русскомъ языкѣ, то очевидная необходимость заставляетъ рѣшительно отказаться отъ мысли обрусить поляковъ въ Ц-ѣ искусственными мѣрами. Для этого у насъ нѣтъ достаточнаго средства. Притомъ опытъ показалъ, что за превосходнѣйшимъ знаніемъ русскаго языка и даже полнымъ наружнымъ обрусѣніемъ весьма часто скрывается непримиримая вражда къ Россіи. Надобно повторить: никакое внѣшнее знаніе, искусственно прививаемое, не сблизитъ съ Россіею поляковъ высшихъ сословій, ибо они могутъ сблизиться съ нею только тогда, когда при значительномъ ослабленіи польскаго элемента въ нашихъ западныхъ губерніяхъ нельзя будетъ мечтать о возстановленіи Польши въ ея прежнемъ значеніи и когда съ уничтоженіемъ, или по крайней мѣрѣ съ закрытіемъ вреднѣйшихъ католическихъ монастырей, какъ мужскихъ, такъ и женскихъ, изсякнетъ главный источникъ религіознаго фанатизма и ослабѣетъ нить, управляющая польскими умами изъ Рима.

Какъ бы то ни было, но для устройства учебной части въ Ц—ѣ необходимо самыми рѣшительными мѣрами оградить въ немъ училища отъ религіозной пропаганды и монашескихъ орденовъ. Нынѣ уже замѣчается, что члены ордена миссіонеровъ и общины фелиціанокъ стали съ особенною ревностію заниматься обученіемъ дѣтей въ деревняхъ. Даже въ уніатскихъ селеніяхъ холмской епархіи фелиціанки обучаютъ грамотѣ крестьянскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ. Впрочемъ, вопросъ этотъ, выходя изъ предѣловъ настоящей записки, составляетъ, по самой важности своей, предметъ особыхъ изслѣдованій.

Что же касается до спеціальнаго вопроса о русскомъ языкѣ, то безполезно бы было водворять его въ польскихъ училищахъ, собственно съ цѣлію развить въ нихъ русскій духъ. Достаточно, если поляки будутъ учиться русскому языку, какъ одному изъ необходимыхъ для нихъ предметовъ общаго образованія. Въ этомъ смыслѣ уставъ 1862 г. даетъ русскому языку должное значеніе; но къ сожалѣнію, въ примѣненіи на практикѣ Правительственная Коммисія низвела русскій языкъ на самое послѣднее мѣсто и дозволила училищнымъ начальствамъ и ученикамъ выказывать къ нему такое оскорбительное пренебреженіе, что почти всѣ русскіе учителя принуждены были оставить свою должность. Необходимо въ этомъ дѣлѣ взяться за строгое, буквальное исполненіе постановленій устава 1862 г. и въ такомъ случаѣ, при вліяніи новаго учрежденія учебныхъ дирекцій языкъ нашъ выведенъ будетъ изъ унизительнаго положенія, въ какое онъ теперь поставленъ по злоупотребленію мѣстныхъ властей.

Повторяя въ заключеніе всего изложеннаго выше, можно сказать, что основныя начала системы общественнаго образованія, которыя казалось бы всего полезнѣе принять въ Ц. П., должны состоять въ слѣдующемъ:

1) Не примѣшивать къ преподаванію въ школахъ никакихъ политическихъ цѣлей.

2) Принять начало полной равноправности всѣхъ племенъ и нарѣчій въ Ц—ѣ, и для сохраненія иноплеменныхъ стихій отъ польской пропаганды покровительствовать учрежденію отдѣльныхъ училищъ: русскихъ, нѣмецкихъ, литовскихъ и еврейскихъ.

3) Обратить особенное вниманіе на сельскія и вообще начальныя (элементарныя) училища, оградивъ ихъ, по возможности, отъ вліянія ксендзовъ, монаховъ и шляхты, и представивъ, взамѣнъ того, опредѣленное участіе въ этомъ дѣлѣ общественнымъ сходамъ и ихъ выборнымъ.

4) Возстановить закрытыя въ 1862 г. женскія училища и по возможности развивать ихъ и умножать ихъ число.

5) Имѣть за всѣми учебными заведеніями дѣйствительный и постоянный надзоръ посредствомъ твердо организованной дирекціи училищъ, порученной преимущественно русскимъ или особенно благонадежнымъ нѣмцамъ.

6) Покровительствовать всѣми мѣрами развитію высшаго научнаго образованія и вообще серьезному знанію, и для этого удержать, между прочимъ данное уставомъ 1862 г. классическое направленіе среднимъ учебнымъ заведеніямъ и, насколько возможно, содѣйствовать преуспѣянію варшавскаго университета.

7) Дать русскому языку почетное мѣсто между предметами преподаванія, устраняя однако мысль объ усиленномъ обрусѣніи польскаго юношества.

На этихъ началахъ составлены и при семъ представляются проэкты указовъ:

I. О начальныхъ училищахъ въ Царствѣ Польскомъ.

II. О женскихъ училищахъ.

III. О нѣмецкомъ училищѣ въ Варшавѣ.

IV. Объ учебныхъ дирекціяхъ.

Кромѣ того, въ особомъ приложеніи къ сей запискѣ, заключаются матеріалы, необходимые для обсужденія настоящаго дѣла.

Засимъ, если изложенныя выше соображенія удостоятся Высочайшаго одобренія, и Его Императорское Величество соизволитъ утвердить проекты означенныхъ указовъ, то необходимо будетъ, одновременно со введеніемъ оныхъ въ дѣйствіе, приступить къ составленію проектовъ:

1) объ учрежденіи въ Варшавѣ русской гимназіи, въ связи съ существующею тамъ русскою школою;

2) о преобразованіи на изложенныхъ выше основаніяхъ, управленія земледѣльческими училищами;

3) объ учрежденіи педагогическихъ школъ русско-уніатской и литовской.

4) о преобразованіи главной школы въ варшавскій университетъ, съ возстановленіемъ въ немъ богословскаго факультета римско-католическаго, а равно о нѣкоторыхъ необходимыхъ улучшеніяхъ въ устройствѣ среднихъ учебныхъ заведеній.

Отзывъ кн. В. А. Черкаскаго на имя гл. директора народнаго просвѣщенія (Ѳ. Ѳ. Витте), отъ 1 января 1865 года.

Въ Высочайшемъ рескриптѣ отъ 30 августа, намѣстнику Ц. П. изображено: «Каждое изъ племенъ и вѣроисповѣданій должно быть

ограждено отъ всякаго насильственнаго посягательства, и въ этихъ видахъ необходимо, между прочимъ, озаботиться объ образованіи отдѣльныхъ для каждой народности училищъ». Средства къ образованію, предоставлявшіяся до сихъ поръ русской народности, къ которой принадлежатъ въ особенности многочисленные греко-уніаты Царства, ограничивались лишь весьма немногими и крайне несовершенными народными училищами, отчего русская народность поставлена была въ гораздо болѣе невыгодныя для своего развитія условія, чѣмъ всѣ другія въ Ц. П. племена. Въ то время, когда въ пользу польской народности представлено 37 среднихъ учебныхъ заведеній, независимо отъ нѣсколькихъ высшихъ, когда для огражденія нѣмецкой народности учреждается главное евангелическое училище, греко-уніаты «русины», за исключеніемъ холмской духовной семинаріи, не имѣютъ ни одного средняго учебнаго заведенія, въ которомъ они могли бы получать соотвѣтственное своимъ насущнымъ потребностямъ образованіе.

Такой порядокъ вещей влечетъ за собою самыя грустныя послѣдствія. Извѣстно, что высшее дворянское сословіе русскаго въ Ц. П. края уже давно измѣнило своей вѣрѣ и своему племени. Изъ среды низшихъ сословій могли бы конечно, при благопріятныхъ условіяхъ, явиться образованные люди, способные поддержать и укрѣпить свою падающую народность; но, къ крайнему прискорбію, при отсутствіи русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, желающимъ предстоитъ возможность получить образованіе въ одномъ лишь польскомъ духѣ, что неизбѣжно влечетъ за собою постепенное, но вѣрное ополяченіе всего русскаго племени. Даже греко-уніатское духовенство, единственное нынѣ образованное сословіе русскаго или русинскаго въ Ц. П. народа и послѣдній оплотъ его самобытнаго развитія, вынуждено необходимостью получать образованіе въ польскихъ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ. Извѣстно, что сыновья греко-уніатскихъ священниковъ, даже для поступленія въ холмскую духовную семинарію, должны первоначально обучаться въ свѣтскихъ училищахъ и гимназіяхъ польскихъ, безъ чего они, на основаніи ст. 17 и 19 ст. устава холмской семинаріи, не могутъ въ оную поступить; другіе же предпочитаютъ окончить полный курсъ ученія въ тѣхъ же гимназіяхъ, послѣ чего нѣкоторые поступаютъ въ варшавскую главную школу. Во всѣхъ этихъ польскихъ уѣздныхъ училищахъ и гимназіяхъ русскій языкъ преподается лишь самымъ поверхностнымъ образомъ, а греко-уніатскій законъ и обрядъ даже вовсе не преподаются греко-уніатскимъ воспитанникамъ. Послѣ этого удивительно ли, что польскій языкъ и обычаи успѣли даже въ средѣ греко-уніатскаго духовенства пустить, въ

ущербъ русской народности и языку, такіе глубокіе корни, что даже въ семейномъ быту, въ проповѣдяхъ, уніатскимъ духовенствомъ употребляется нынѣ одинъ польскій языкъ.

Вникая постепенно въ эти глубокія язвы греко-уніатскаго въ Ц. П. быта, я счелъ долгомъ обратиться къ холмскому епископу, отъ 30 сентября, съ запросомъ о томъ, сколько именно и въ какихъ училищахъ обучается священническихъ сыновей уніатскихъ. Епископъ, при отзывѣ своемъ, отъ 10 декабря, за № 2454, представилъ мнѣ списокъ, копія котораго при семъ прилагается, 88-ми священническихъ сыновей, обучающихся въ польскихъ училищахъ. Здѣсь будущіе пастыри и учители русскаго народа отвыкаютъ отъ русскаго и славянскаго языковъ и сродняются съ польскимъ; они обучаются вѣроученію у латинскаго ксендза, усвояютъ себѣ духъ католицизма и взгляды латинскаго духовенства, проникаются польскими идеями и стремленіями и, къ сожалѣнію, обращаются часто въ непримиримыхъ враговъ своей родной русской народности. Немногіе, рѣшающіеся поступить въ холмскую семинарію, входятъ туда уже на половину ополяченные и внутренно если не совращенные, то по крайней мѣрѣ уже подготовленные къ совращенію въ католицизмъ. Понятно, что при такихъ условіяхъ учрежденіе самой холмской семинаріи не могло принести и не принесетъ всѣхъ тѣхъ благихъ послѣдствій, которыхъ отъ него слѣдовало бы ожидать на пользу русскаго народа.

Единственнымъ средствомъ, способнымъ оградить русско-уніатскій край отъ посягательства на него полонизма и католицизма, я поэтому считаю учрежденіе русскихъ среднихъ учебныхъ заведеній для греко-уніатскаго населенія, дабы населеніе это воспользовалось наконецъ одинаковыми въ этомъ отношеніи правами съ населеніемъ польскимъ.

На основаніи начала полной равноправности народностей, справедливо было бы желать, чтобы не всѣ нынѣ существующія въ Царствѣ 37 среднихъ учебныхъ заведеній были предоставлены польскому элементу и чтобы греко-уніаты имѣли бы также соотвѣтственное цифрѣ своего населенія число такихъ заведеній. При пропорціональномъ раздѣленіи послѣднихъ между католиками и греко-уніатами, соотвѣтственно численности тѣхъ и другихъ (3.550,000 поляковъ-католиковъ и 225,000 уніатовъ), русскіе греко-уніаты должны имѣть отъ двухъ до трехъ среднихъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній изъ числа 37, предоставленныхъ теперь исключительно въ пользу польской народности.

Мнѣніе кн. Черкаскаго о преобразованіи варшавской главной школы въ университетъ, высказанное въ Совѣтѣ управленія Царства Польскаго 14 октября 1866 года.

Полное и немедленное уравненіе главной школы съ русскими университетами еще невозможно. Если къ этой цѣли, уже предвозвѣщенной указами 30 августа 1864 г., и слѣдуетъ стремиться неуклонно, но тѣмъ не менѣе она можетъ быть достигнута лишь путемъ правильнаго и постепеннаго осуществленія, по мѣрѣ того, какъ будутъ развиваться въ Варшавѣ самые практическіе задатки для осуществленія сей задачи. Основаніе нынѣ въ Варшавѣ польскаго университета внесло бы въ мѣстную общественную и политическую жизнь новый элементъ обособленія; оно послужило бы лишь къ усиленію сепарастическихъ тенденцій польскаго общества и, съ теченіемъ времеми, неизбѣжно привело бы къ тѣмъ же самымъ политическимъ результатамъ, какіе нѣкогда породило существованіе высшаго польскаго учебнаго заведенія въ Вильнѣ. Въ Варшавѣ можетъ съ пользою и для Россіи, и для Привислинскаго края существовать лишь университетъ русскій, основанный на широкихъ началахъ, въ коемъ былъ бы въ системѣ обученія отведенъ достаточный просторъ для общеславянскихъ и чисто-польскихъ отраслей знанія. Такой университетъ могъ бы на берегахъ Вислы имѣть самостоятельное научное значеніе. При настоящемъ же положеніи дѣлъ, едва ли еще возможно помышлять нынѣ объ учрежденіи новаго русскаго университета и о снабженіи его достаточнымъ составомъ профессоровъ, особенно въ столь отдаленномъ краѣ Россіи. Затѣмъ остается лишь прибѣгнуть къ переходнымъ формамъ, которыя подготовили бы возможность въ будущемъ полнаго осуществленія сказанной мысли. Удобнѣйшею формою представляется дарованіе главной школѣ права предоставлять званіе дѣйствительнаго студента и степень кандидата со всѣми служебными правами, присвоенными онымъ въ университетахъ имперіи, постановивъ правиломъ, что высшія ученыя степени магистра и доктора могутъ, до дальнѣйшаго постановленія, быть пріобрѣтаемы уроженцами Царства только въ университетахъ имперіи, по выдержаніи ими въ оныхъ надлежащихъ экзаменовъ. Мѣра эта не можетъ быть почитаема нарушеніемъ правъ, дарованныхъ главной школѣ, но была бы лишь полезнымъ ихъ видоизмѣненіемъ и преобразованіемъ. Главная школа, вмѣсто нынѣшняго права на раздачу высшихъ ученыхъ степеней, не признаваемыхъ въ Россіи, пріобрѣла бы право на раздачу ученой степени кандидата, со всѣми связанными съ этою

степенью важными служебными правами. Между тѣмъ, сами собою устранились бы тѣ слишкомъ невыгодныя недоразумѣнія, которыя неизбѣжно связаны съ раздачею главною школою высшихъ ученыхъ степеней крайне незрѣлымъ юношамъ, въ ущербъ должнаго уваженія къ симъ ученымъ степенямъ и въ предосудительное сравненіе съ обычаемъ русскихъ университетовъ. Эта мѣра не осталась бы безъ весьма желательныхъ и важныхъ послѣдствій. Предоставляя раздачу высшихъ ученыхъ степеней однимъ русскимъ университетамъ, она поставила бы лицъ, желающихъ удостоиться оныхъ, а равно всѣхъ ищущихъ званія профессора главной школы, т. е. лучшихъ людей сей школы, въ необходимость изучать основательно русскій языкъ и словесность, русскую исторію и вообще русскую науку, и притомъ въ возрастѣ, когда молодые люди наиболѣе воспріимчивы, и когда, привлеченные въ Россію потребностію серьезнаго дѣла, они, предаваясь ему всецѣло, были бы менѣе подвержены искушеніямъ цѣлей постороннихъ. Съ другой стороны, мѣра эта безъ сомнѣнія возвысила бы уровень варшавскихъ каѳедръ, дозволила бы русской наукѣ и русскимъ воззрѣніямъ постепенно занять въ главной школѣ подобающее имъ мѣсто, вліяніе и, уже предварительно основанія русскаго университета въ Варшавѣ, содѣйствовала бы созданію нѣкоторой связи между русскими университетами и варшавскою главною школою, между русскимъ образованіемъ и наукою и мѣстнымъ образованіемъ.

Изъ Дневника княгини Е. А. Черкаской.

Іюль 1864 года.

По отдѣлу просвѣщенія уволенъ Дембовскій и назначенъ Витте. Объ удаленіи Дембовскаго было уже давно говорено. Милютинъ и мой мужъ мечтали объ Юріѣ Ѳедоровичѣ, а когда онъ рѣшительно отказался, тогда подумали о Гильфердингѣ, который казался особенно способнымъ къ этому дѣлу по своему образованію, уму, знакомству съ Польшею, относительному знанію польскаго языка и литературы. Для этого Гильфердингъ былъ привлеченъ въ Варшаву ему было поручено составленіе проектовъ о преобразованіи университета; ожидали благопріятнаго времени. Но, увы! Бергъ успѣлъ забѣжать впередъ и рекомендовать человѣка, дружнаго съ Треповымъ и на поддержку котораго они оба расчитывали. Это былъ Витте бывшій кіевскій попечитель. Бергъ воспользовался свиданіемъ с Государемъ на желѣзной дорогѣ, чтобы выпросить назначеніе Витт и подать Государю адресъ отъ польскаго духовенства. Князь

Милютинъ считали принятіе второго и назначеніе перваго большими ошибками. Бергъ и Треповъ очень радовались пріѣзду Витте.

22 декабря (3 янв.), 1864—5 г.

Обѣдаютъ у насъ докторъ Орловъ и офицеръ Нащокинъ. Послѣднему поручены передѣлки въ монастырѣ миссіонеровъ (подъ гимназію) и онъ тамъ живетъ. Разсуждаютъ о будущей гимназіи русской, о томъ, когда ее открыть. Роворятъ, что польская молодежь ропщетъ на то, что зданіе у Коперника отдается подъ русскую гимназію. Семинарія, которая была у миссіонеровъ, соединяется съ епархіальной и переводится къ кармелитамъ. Князь напоминаетъ Орлову о томъ, какъ возникала прошлаго года мысль о русской школѣ. Ее открыли, при содѣйствіи Милютина, князя и Юрія Ѳедоровича. Орловъ и нѣкоторые офицеры изъ генеральнаго штаба. Русскіе старожилы объявляли тогда, что это дѣло невозможно, что поляки этого не допустятъ, что это не согласно съ обѣщанной имъ автономіей.

Январь 1865 г.

Обѣдали у насъ Витте, Кулишъ, Бѣлозерскій и пріѣзжіе изъ Кіева, вызванные служить здѣсь. Между ними выдаются особенно Крыжановскій и Лебединцевъ изъ кіевской духовной академіи; оба назначены директорами учебныхъ дирекцій въ уніатскія мѣстности.

Май 1865 г.

Сюда (въ Варшаву) съѣхались директоры учебныхъ дирекцій; идутъ толки объ учрежденіи русской уніатской гимназіи. Князь споритъ, ораторствуетъ, очень одушевленъ и озабоченъ этимъ. По случаю сбора директоровъ у насъ былъ малорусскій обѣдъ. Много было споровъ и толковъ объ языкѣ, выговорѣ и пр. Мнѣ пришлось спорить съ Кулишемъ за Галагана. Причина неудовольствія, кажется мнѣ, заключается въ томъ, что Кулишъ надѣялся совершенно подчинить своей волѣ Галагана, въ чемъ ошибся. Князь много говорилъ и спорилъ о Малороссіи. Читали уставъ уніатскихъ школъ; много спорили и разсуждали.

21 августа, 1865 г.

...Ѣздила на выставку картинъ, потомъ въ книжную лавку Кожанчикова, гдѣ видѣла, какъ польскія дѣвицы и гимназисты то и дѣло входили и требовали русскіе учебники Паульсона, Галахова, Иловайскаго; весь запасъ уже вышелъ.

31 августа, 1865 г.

...Былъ у насъ Орловъ (устроитель перваго русскаго училища въ Варшавѣ, съ 1865 года директоръ русской варшавской гимназіи) съ новыми планами или лучше мечтами объ устройствѣ новой русской прогимназіи на Налевкахъ, преимущественно для жидовъ, которые просятся все болѣе и болѣе въ русскую гимназію; бранитъ ужасно нѣмецкую гимназію и покровительство, оказываемое ей Витте'мъ.

1 (13) октября, 1865 г.

...Витте въ восторгѣ отъ того, что русская гимназія открыта и что 130 учениковъ уже записались, несмотря на предсказанія А., что учениковъ не будетъ. Надняхъ Витте ѣдетъ открывать холмскую гимназію.

19 ноября, 1865 г.

Вчера была въ женской прогимназіи; уроки идутъ кажется недурно, но не совсѣмъ соотвѣтствуютъ степени пониманія ученицъ.

12 января, 1866 г.

Обѣдъ московскихъ студентовъ, татьянинъ день. Бергъ читалъ стихи, Драшусовъ рѣчь, пили за здоровье новобрачныхъ Аксаковыхъ, которыхъ свадьба совершалась въ тотъ же день. Утромъ я была на молебнѣ въ гимназіи. Множество дѣтей, никакихъ посѣтителей, кромѣ архіерея, Витте и учителей; угощеніе для дѣтей произвело хорошее впечатлѣніе.

Мартъ 1866 г.

Воскресеніе. Освященіе домовой церкви въ гимназіи.

17 апрѣля, 1866 г.

Князь былъ на открытіи нѣмецкой гимназіи.

Іюнь 1866 г.

Въ среду была на экзаменѣ въ женской прогимназіи; жарко и скучно; дѣти отвѣчали недурно.

Отъ 30 августа, 1866 г.

Помѣщено въ Дневникѣ княгини письмо Каширина (чиновника при князѣ).

Здѣсь (въ Варшавѣ) гоститъ Вел. Князь Николай Николаевичъ... Былъ актъ открытія русской гимназіи, удостоенный присутствіемъ Великаго князя и Великой Княгини, которые обласкали дѣтей, раздавали награды и были со всѣми весьма любезны.

Княгиня Черкаская, въ бытность свою въ Петербургѣ въ сентябрѣ 1866 г., была принята Государынею и записала въ своемъ Дневникѣ, отъ 6 сентября 1866 г., между прочимъ слѣдующее: «Государыня говорила, что Вел. Кн. Александра Петровна пріѣхала изъ Варшавы съ пріятными впечатлѣніями, что она присутствовала при открытіи русской гимназіи».

Учебное дѣло въ Царствѣ Польскомъ въ 1868 году.

Послѣ усмиренія мятежа въ 1831 году населеніе края пользовалось менѣе широкими средствами просвѣщенія: было значительно сокращено число среднихъ учебныхъ заведеній, а высшихъ вовсе не было, и поляки вынуждены были учиться въ русскихъ университетахъ. Но новый мятежъ все-таки вспыхнулъ въ 1863 году. Маркизъ Велепольскій (управлявшій и учебною частью), съ 1862 г. стремился къ полной автономіи Привислинскаго края и отдѣленію его отъ имперіи. Эта система естественно не могла удержаться, когда подавленная крамола побуждала къ радикальному преобразованію Царства П., къ сліянію его съ имперіей. Такимъ образомъ возникалъ вопросъ объ установленіи совершенно новой учебной системы, такъ какъ всѣ предшествовавшія оказались несостоятельными.

Составители новыхъ уставовъ 1864 г. руководствовались тою главною мыслью, что при устройствѣ училищъ необходимо утвердить государственное просвѣщеніе въ наибольшихъ размѣрахъ, способное постепенно сблизить польское населеніе съ Россіею,—притомъ образованіе основательное классическое (а не поверхностное, какъ прежде) и что серьезно-образованные молодые люди сами сознаютъ всю суетность политическихъ мечтаній. Въ этихъ видахъ поляки были лишены возможности пользоваться народнымъ образованіемъ, какъ политическимъ орудіемъ для полонизаціи другихъ, находящихся въ краѣ и не враждебныхъ намъ, народностей не-польскаго происхожденія, и потому, по мысли Н. А. Милютина, были учреждены отдѣльныя училища для русскихъ, литовцевъ и нѣмцевъ. Литовское племя заслуживало вниманія еще и потому, что оно не имѣетъ своей литературы; создавать же ее искус-

ственно было, конечно, не въ интересахъ Россіи. Когда учебная часть въ Ц. П. въ началѣ м-ва гр. Толстого перешла въ вѣдѣніе мин-ва нар. просв., преобразованіе ея стало настолько безотложнымъ, что удержаніе прежней системы грозило, по его мнѣнію, разстройствомъ нѣкоторыхъ учебн. заведеній въ самой имперіи. Извѣстно, напр., что безпорядки, происшедшіе въ 1861 г. въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ университетовъ, были произведены студентами поляками, уже тогда подготовлявшими свою революцію. Они начали съ того, что пытались возбудить русскую молодежь противъ правительства, принудить его принять крутыя мѣры и затѣмъ выставить ихъ какъ варварство передъ Европой. Эта польская агитація вызвала затѣмъ исключительную мѣру—ограниченіе во всѣхъ русскихъ университетахъ числа студентовъ изъ поляковъ 10%. Съ тѣмъ вмѣстѣ сознана была тогда мысль создать для поляковъ возможность получать высшее образованіе у себя на мѣстѣ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи вопроса о преобразованіи уч. заведеній Ц. П. было признано, что раздѣленіе училищъ въ Царствѣ по національностямъ не можетъ болѣе имѣть мѣста.

Въ самомъ дѣлѣ, всѣ непольскія народности не составляли тамъ и $^1/_3$ всего народонаселенія, а если исключить изъ этого числа евреевъ, составлявшихъ $^1/_2$ этой группы, и для русскаго образованія которыхъ рѣшительно еще ничего не было тогда сдѣлано, то оказывалось, что непольской народности въ краѣ было меньше $^1/_6$, а польскаго народонаселенія болѣе $^2/_3$. Такъ какъ для этой послѣдней части все преподаваніе, за исключеніемъ исторіи и географіи Россіи, предполагалось (1862) польскими реформаторами вести на польскомъ языкѣ, то становилось очевиднымъ, что огромное большинство здѣшнихъ учебныхъ заведеній не сближало бы молодое поколѣніе съ Россіей, а только отчуждало бы его отъ нея. Притомъ, если уже основываться на численности народностей, то главная школа логически должна была бы быть преобразована въ чисто-польскій университетъ, а земледѣльческій институтъ въ Новой Александріи въ польскую агрономическую академію.

Повидимому, несообразность дѣленія на національности въ учебномъ дѣлѣ оказалась при самомъ введеніи въ дѣйствіе гимназическихъ уставовъ въ 1866 году. Собственно говоря, на этихъ основаніяхъ, возможно было открыть литовскую гимназію въ Маріамполѣ (Сувалкской губерніи), русскую въ Холмѣ для уніатовъ, въ Варшавѣ для дѣтей служащихъ тамъ русскихъ и нѣмецкую въ Лодзи, гдѣ фабричное нѣмецкое населеніе. Затѣмъ, всѣ остальныя гимназіи (а ихъ считалось весьма большое число), должны бы были оставаться чисто-польскими.

Это не могло не повести къ практическимъ неудобствамъ, почему

тогда прибѣгли къ созданію новаго рода гимназій, названныхъ смѣшанными, гдѣ преподаваніе всѣхъ предметовъ происходило на русскомъ языкѣ.

Видимымъ поводомъ для открытія смѣшанныхъ гимназій выставлено было тогда то обстоятельство, что для евреевъ не было учреждено особыхъ средне-учебныхъ заведеній, что не было основанія полячить ихъ въ польскихъ гимназіяхъ, а потому слѣдовало въ главныхъ пунктахъ еврейскаго народонаселенія устроить такія смѣшанныя гимназіи съ русскимъ преподаваніемъ.

Но это былъ только поводъ къ исправленію т. ск. системы, а вовсе не дѣйствительная причина. Это явствуетъ изъ слѣд. данныхъ: въ люблинской смѣшанной гимназіи, учрежденной м. проч. и для еврейскаго населенія, числилось только 28 евреевъ на 513 ученик., а въ ломжинской смѣшанной гимназіи на 312 учениковъ всего три еврея. Точно такія же данныя получались и относительно гимназій другихъ народностей; такъ напр., въ гимназіяхъ для уніатскаго населенія: въ холмской 74 уніата, а римско-католиковъ 77, въ бѣльской изъ 180 учениковъ только 56 уніатовъ; въ сѣдлецкой на 273 ученика всего 17 уніатовъ; при этомъ нужно замѣтить, что нѣсколько уніатовъ были переведены въ эту гимназію изъ бѣльской; иначе сѣдлецкая уніатская гимназія могла бы остаться и вовсе безъ уніатовъ, точно такъ какъ, напр., въ люблинскомъ уніатскомъ первоначальномъ училищѣ не было ни одного уніата.

Точно тоже слѣдуетъ сказать и о гимназіяхъ для литовскаго населенія: именно въ сувалкской литовской гимназіи литовцевъ училось 40, а поляковъ 192.

Так. обр. получался выводъ, что учебную часть не должно было основывать здѣсь на различіи народностей, и что общественное воспитаніе можетъ имѣть въ краѣ только два характера: или польскій, при автономіи Царства, или же русскій, при сліяніи его съ имперіею. Такъ какъ именно это послѣднее направленіе было принято правительствомъ во всѣхъ коренныхъ преобразованіяхъ, совершенныхъ въ прошлое царствованіе въ этомъ краѣ, то, въ виду повсемѣстнаго введенія русскаго языка какъ языка преподаванія, рѣшено было ввести въ привислинскихъ гимназіяхъ преподаваніе сначала нѣсколькихъ предметовъ на русскомъ языкѣ.

Еще въ апрѣлѣ 1867 г. въ одномъ изъ засѣданій Польскаго Комитета нѣкоторые члены его обратили вниманіе на странность названія смѣшанныхъ гимназій, такъ какъ незнакомымъ спеціально съ этимъ дѣломъ приходилось всякій разъ объяснять, что смѣшанными гимназіями назывались такія, въ которыхъ все преподаваніе происходило на русскомъ языкѣ, что однако вовсе не

видно изъ самаго наименованія. Вообще же этотъ Комитетъ находилъ несообразнымъ раздѣленіе учебныхъ заведеній по народностямъ.

Естественно возникала необходимость пересмотра установленнаго въ Ц. П. раздѣленія среднихъ учебныхъ заведеній на категоріи: польскихъ, русскихъ, смѣшанныхъ и нѣмецкихъ, въ тѣхъ видахъ, не представится ли возможнымъ постепенно уравнить ихъ посредствомъ усиленія вообще преподаванія на русскомъ языкѣ въ тамошнихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ. Но такъ какъ большая часть предметовъ тогда уже и начали преподавать въ нихъ на русскомъ языкѣ, то и не замедлило послѣдовать разрѣшеніе на введеніе преподаванія и всѣхъ остальныхъ наукъ по-русски, именно съ начала 1889 уч. года, а это въ свою очередь облегчило возможность осуществленія предположенія П. Комитета. Такимъ образомъ было уничтожено подраздѣленіе учебныхъ заведеній по народности, и они были названы просто гимназіями классическими и реальными, смотря по курсу, какъ въ имперіи.

Вотъ каково было состояніе учебныхъ заведеній Ц. П., осмотрѣнныхъ министромъ н. пр. въ 1868 г. Во всѣхъ 22 мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіи съ конца 1868 г. начали преподавать историческіе и математическіе предметы по-русски. Дѣти сразу стали отвѣчать по-русски съ охотою, сами вызывались къ отвѣтамъ и старались поправлять товарищей, когда они дѣлали ошибки. Въ столь короткое время сдѣланные успѣхи поистинѣ замѣчательны; несмотря на частыя ошибки было видно, что ученики не встрѣчали никакого серьезнаго затрудненія выражать свои мысли на русскомъ языкѣ. Ошибки въ отвѣтахъ происходили единственно отъ разности въ удареніяхъ въ обоихъ языкахъ. По большей части успѣхи въ русскомъ языкѣ были значительнѣе въ низшихъ классахъ, чѣмъ въ высшихъ, оттого что дѣти легче усваиваютъ незнакомый имъ языкъ, чѣмъ юноши, а также и потому, что они уже учились по-русски въ первоначальныхъ школахъ. Еще болѣе успѣха было обнаружено въ тѣхъ гимназіяхъ, гдѣ уже два года учили по-русски, именно: въ ломжинской смѣшанной гимназіи, въ маріампольской и сувалкской для литовскаго населенія и въ холмской для греко-уніатовъ. Въ этихъ четырехъ гимназіяхъ неправильности въ удареніяхъ замѣчалось уже гораздо менѣе, а въ Холмской трудно было отличить поляковъ отъ русскихъ.

Иная картина представлялась наблюдателю за рубежомъ русской Польши. Нельзя было сравнивать Привислинскій край съ польскими провинціями, принадлежащими Пруссіи: тамъ нѣмецкій языкъ былъ введенъ въ школахъ съ самаго присоединенія этой страны, нѣмецкіе ремесленники и торговцы разселились въ бывшихъ польскихъ городахъ, нѣмецкіе

помѣщики скупили значительную часть земли и жили въ нихъ постоянно; тамъ ученикъ слышитъ нѣмецкую рѣчь не въ одной школѣ, но и на улицѣ, и въ лавкѣ, и въ обществѣ, выѣдетъ ли изъ города — услышитъ ее и въ деревнѣ. Всего этого у насъ не было и надолго быть не можетъ; потому училищному вѣдомству въ Ц. П. предстояло несравненно болѣе труда, чѣмъ соотвѣтствующему управленію въ восточной Пруссіи.

Съ 1869 г. древніе языки и законъ Божій стали преподаваться въ гимназіяхъ по-русски, и было рѣшено ввести въ варшавской нѣмецкой гимназіи преподаваніе всѣхъ предметовъ на русскомъ языкѣ съ 1871 года; слѣд. нѣмецкіе учителя могли имѣть $2^1/_2$ года для приготовленія себя въ русскомъ языкѣ.

Наконецъ въ видахъ усиленія русскаго языка, тогда же было предложено попечителю при открытіи учительскихъ вакансій стараться по возможности замѣщать ихъ русскими педагогами.

Что касается мѣропріятій по женскому образованію, то существенная заслуга учебнаго преобразованія 1864 г. заключалась въ учрежденіи женскихъ гимназій. До тѣхъ поръ образованіе польской женщины было въ рукахъ монахинь или же учредительницъ частныхъ пансіоновъ, весьма неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи. Плоды этого образованія всѣмъ извѣстны: нельзя найти фанатичнѣе женщины, какъ полька, и это столько же въ смыслѣ религіозномъ, сколько политическомъ. Необходимо упомянуть, что преобразованіе женскаго воспитанія вызвало сильную оппозицію со стороны польскихъ дворянъ и въ особенности ксендзовъ, главныхъ его руководителей. Отсюда происходило то, что въ началѣ въ женскихъ гимназіяхъ число учащихся являлось несравненно менѣе, чѣмъ въ мужскихъ. Съ конца 70-хъ годовъ было принято за правило, что на должности начальницъ и классныхъ дамъ въ женскихъ гимназіяхъ должны опредѣляться только русскія или нѣмки, вполнѣ владѣющія русскимъ языкомъ.

Одновременно и частныя учебныя заведенія были обязаны начать преподаваніе всѣхъ безъ исключенія предметовъ на русскомъ языкѣ, о чемъ и было объявлено содержателямъ ихъ заблаговременно. Мѣстная учебная администрація находила примѣненіе этой мѣры къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ необходимымъ какъ для соблюденія единства въ преподаваніи наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ одного и того же округа, такъ и въ видахъ пользы для такихъ же частныхъ заведеній. Заведенія эти, какъ исключительно 4-класснаго состава, служили только приготовительными училищами для казенныхъ среднихъ учебныхъ заведеній, и оставшись съ преподаваніемъ всѣхъ предметовъ по прежнему на польскомъ языкѣ, лишились бы возможности удовлетворять своему назначенію.

Раздѣленіе на народности, на которомъ устроены были въ 1864 г. среднія учебныя заведенія, принято было также за основаніе при учрежденіи сельскихъ школъ: польскій языкъ сдѣлался языкомъ преподаванія въ значительно большей ихъ части, русскій же былъ допущенъ по желанію сельскихъ обществъ; мелкіе польскіе шляхтичи и мѣщане явились учителями въ этихъ школахъ.

Зная фанатическую ненависть къ Россіи ксендзовъ и польскихъ помѣщиковъ, правительство старалось удалить ихъ отъ всякаго вліянія на школу, отдавъ ее въ полное распоряженіе гмины, до такой степени, что она сама выбирала и назначала учителей. Устраненіе отъ народнаго образованія людей явно враждебныхъ и покровительство многочисленному сословію, наименѣе намъ непріязненному, было, конечно, совершенно правильно.

Дѣйствительно, польскіе крестьяне обязаны своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ попеченіямъ о нихъ русскаго правительства. Но чувство благодарности не есть качество массъ, и въ политическомъ отношеніи на него разсчитывать нельзя, потому что оно проходитъ и забывается; нужны органическія учрежденія, которыя, развиваясь постепенно, въ противоположность временному народному чувству, не слабѣютъ, но укрѣпляются временемъ. Между тѣмъ, такъ какъ матеріальные интересы суть главнѣйшіе и почти единственные двигатели народныхъ массъ, то они и имѣютъ на нихъ преимущественное вліяніе. Начиная съ 60 гг. польскій крестьянинъ получилъ отъ правительства все, что онъ могъ разумно ожидать, и вмѣстѣ съ тѣмъ освободился отъ зависимости помѣщика, часто весьма для него тяжкой. Причины неудовольствія между двумя сословіями, происходившія отъ столкновенія матеріальныхъ расчетовъ, исчезли, но это именно могло послужить и къ постепенному ихъ сближенію: рознь имущественная прекратилась, а связь духовная, обусловливаемая единствомъ происхожденія, языка, вѣры, осталась. Да и хозяйственные расчеты заставляютъ крестьянина искать сближенія съ помѣщикомъ, потому что онъ находится съ нимъ въ ежедневныхъ сношеніяхъ и можетъ ожидать отъ него разныхъ выгодъ. Вліяніе духовенства на народъ неуловимо, ибо проникаетъ путями убѣжденія и совѣта, недоступными контролирующей власти. Было впрочемъ замѣчено, что помѣщики и ксендзы наставляютъ гмины выбирать такихъ учителей, которые, по причинѣ ихъ неблагонадежности, не могутъ быть утверждены училищнымъ начальствомъ. Тоже самое сообщалось и о выборѣ гминныхъ писарей, этихъ главныхъ дѣятелей въ крестьянскомъ управленіи. Такіе выбранные крестьянами учителя, часто полуграмотные, а по-русски едва умѣвшіе читать, съ неправильнымъ произношеніемъ, и были тогда единственные распространители про-

свѣщенія между народомъ. Чуждые Россіи по своему происхожденію и языку, и не знающіе нашего, они еще болѣе сближались посредствомъ языка преподаванія съ польскими помѣщиками и ксендзами, т. е. именно съ тѣми сословіями, которыя совершенно основательно предполагалось вовсе удалить отъ народной школы.

Поэтому главными предметами заботливости министерства н. пр. въ этомъ столь важномъ по своимъ послѣдствіямъ дѣлѣ стало съ 1868 г. приготовленіе учителей и возвышеніе русскаго языка — единственной моральной связи польскаго края съ Россіею на подобающее положеніе. Само собою разумѣется, что польскій языкъ не изгонялся и не долженъ быть изгнанъ изъ школы; напротивъ того, онъ долженъ постоянно употребляться какъ педагогическое средство; на немъ же необходимо учить читать дѣтей, такъ какъ безъ этого языка они не могли бы понимать своихъ богослужебныхъ книгъ. Но и русскій языкъ не долженъ былъ оставаться въ томъ безобразномъ положеніи, въ которомъ онъ находился тогда въ краѣ. Въ гминныхъ управленіяхъ начиналось вводиться дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ; начальныя школы повсемѣстно и ежегодно поставляли нѣсколькихъ изъ своихъ учениковъ въ гимназіи, гдѣ преподаваніе происходило по-русски. Значитъ уже по этому самому, по необходимой связи низшихъ училищъ съ средними, нужно было дать иное положеніе русскому языку въ начальныхъ училищахъ. И здѣсь, какъ въ гимназіяхъ, и, современемъ, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ этого края— убѣждены были тогда русскіе люди—государственный языкъ долженъ былъ сдѣлаться языкомъ преподаванія, по мѣрѣ подготовленія соотвѣтствующихъ своему назначенію учителей. И преобразованіе это совершилось незамѣтнымъ образомъ, и не только безъ всякаго сопротивленія, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и съ сочувствіемъ.

Въ Ц. П. до перехода уч. части въ м-о н. пр. существовало семь педагогическихъ курсовъ: три для польскаго населенія, два для русскаго, одинъ для литовскаго и одинъ для нѣмецкаго. Кромѣ такихъ курсовъ въ Бѣлой и Холмѣ для грекоуніатовъ, гдѣ преподаваніе происходило на русскомъ языкѣ, въ остальныхъ учили по-польски, нѣмецки и даже по-литовски, смотря по національностямъ. Но такое различіе въ языкахъ преподаванія не всегда соотвѣтствовало дѣйствительности: такъ напр. польскіе нѣмцы по большей части давно ополячились, не исключая и ихъ пасторовъ; возрождая ихъ вновь въ чистыхъ нѣмцевъ, мы конечно стали бы работать гораздо болѣе въ пользу сосѣдней Пруссіи, чѣмъ Россіи. Точно также создавая литовскую національность, не имѣвшую доселѣ своей литературы, мы искусственно упрочивали бы отдѣльность такого племени, которое по отсутствію въ немъ всякихъ историческихъ задатковъ, съ теченіемъ времени должно

поглотиться національностью русскою. Что касается до польскихъ педагогическихъ курсовъ, то само собою разумѣется, что, при польскомъ преподаваніи или при дурномъ русскомъ, выходящіе изъ нихъ учителя были не въ состояніи учить удовлетворительно по-русски.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ и даннымъ, педагогическіе курсы въ 1868 г. рѣшено было устроить совершенно иначе, именно: 1) на должности инспекторовъ и учителей этихъ курсовъ стали назначаться только природные русскіе; 2) по примѣру Пруссіи, всѣ предметы велѣно было преподавать на русскомъ языкѣ; 3) устроены общежитія, 4) въ каждомъ изъ педагогическихъ курсовъ открыты по 10 стипендій для русскихъ западнаго края. Предполагалось, что совмѣстное сожительство ихъ съ поляками можетъ научить этихъ послѣднихъ разговорному русскому языку, а ихъ самихъ польскому. Лишь достаточно приготовленные учителя получали школы; въ нихъ языкомъ преподаванія сталъ русскій языкъ, а мѣстное нарѣчіе, изучаемое въ чтеніи,—служило какъ педагогическое средство для объясненія непонятнаго въ русскомъ преподаваніи.

Все преподаваніе въ еврейскихъ школахъ также было введено на русскомъ языкѣ, кромѣ предметовъ вѣры, которые остались на попеченіи родителей. За непосѣщеніе школы предполагалось налагать денежный штрафъ.

Что касается возникавшаго тогда же вопроса объ обязательности обученія, то она нисколько не показалась бы странною для нѣмцевъ, выходцевъ изъ Пруссіи, гдѣ она существуетъ со временъ Фридриха В., а литовцы и русскіе приняли бы ее съ охотою, ибо и тогда они отличались рвеніемъ къ образованію. Но этотъ вопросъ было предположено развѣ имѣть въ виду въ будущемъ...

Слѣдуя системѣ національностей, необходимо было бы устроить въ 60—70-хъ годахъ чисто-польскій университетъ; но опытъ виленскаго университета уже достаточно показалъ, что сосредоточеніе молодыхъ людей въ высшемъ польскомъ учебномъ заведеніи небезопасно для спокойствія края, и польскій университетъ въ Варшавѣ легко могъ бы сдѣлаться революціоннымъ гнѣздомъ. Поэтому университетъ не могъ быть открытъ втеченіе 30 л. послѣ перваго мятежа. Это препятствіе устранилось съ тѣхъ поръ, какъ постепенно было введено преподаваніе на русскомъ языкѣ во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ края.

Введенное преподаваніе на русскомъ языкѣ имѣло и то важное послѣдствіе, что доставило министерству н. пр. возможность назначать въ варшавскій университетъ русскихъ преподавателей.

Образованіе есть единственное моральное средство, которымъ можетъ располагать наше правительство въ Привислинскомъ краѣ.

Силъ общественныхъ, какъ въ Пруссіи, въ 70-хъ гг. мы еще не имѣли достаточно, чтобы устремить ихъ въ эту провинцію, потому русское владычество опиралось здѣсь большею частію на силы матеріальныя: администрацію и войско. Между сплошнымъ польскимъ населеніемъ почти вовсе не было ни русскихъ ремесленниковъ, ни русскихъ торговцевъ, ни русскихъ земледѣльцевъ (владѣтели майоратовъ не живутъ въ нихъ). Безъ сомнѣнія, одно образованіе, основанное на русскихъ началахъ, при постоянномъ преслѣдованіи одной и той же системы, можетъ вести къ сближенію этой окраины съ имперіею.

По этимъ соображеніямъ оправдывается вполнѣ относительная многочисленность учебныхъ заведеній въ варшавскомъ округѣ: школа есть здѣсь единственно надежный каналъ, чрезъ который могутъ проходить русскія начала и русское вліяніе. Разумно направленное образованіе можетъ болѣе всего содѣйствовать сближенію жителей Привислинскаго края съ населеніемъ имперіи, изгладить предубѣжденія и отрезвить умы.

Русское преподаваніе сдѣлалось съ теченіемъ времени общимъ для всѣхъ учебныхъ заведеній этого округа, начиная съ начальной школы и кончая университетомъ, и это совершилось постепенно, безъ всякаго принужденія и насилій.

Свыкаясь съ дѣтства съ нашимъ языкомъ, получая на немъ неизгладимыя впечатлѣнія первоначальнаго умственнаго развитія, дѣти, сдѣлавшись юношами и взрослыми, не станутъ считать себя совершенно чуждыми Россіи, не будутъ смотрѣть на нее какъ на иностранную державу, о которой имъ ранѣе давали самыя искаженныя понятія изъ подчасъ невѣрныхъ иностранныхъ учебниковъ. И самая личность русскихъ учителей въ большей части случаевъ была способна привязывать къ себѣ ученика: они добрѣе и снисходительнѣе польскихъ учителей, употреблявшихъ еще недавно въ начальныхъ школахъ линейку и плетку.

Остается упомянуть о томъ, что польская эмиграція въ Парижѣ и искусственное возбужденіе польскаго элемента въ Галиціи австрійскимъ правительствомъ нерѣдко волновали молодые умы и мѣшали правильному развитію въ краѣ учебнаго дѣла.

ИЗЪ ИСТОРІИ СЛАВЯНСКАГО ОБЩЕНІЯ.

(П. І ШАФАРИКЪ и О. М. БОДЯНСКІЙ) *

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ между глубокими изслѣдователями славянской старины Шафарикомъ и Бодянскимъ завязалась тѣсная дружба, имѣвшая важное значеніе для развитія славяновѣдѣнія въ Россіи. Въ основу дружбы легли общіе научные интересы, а скрѣпой послужило сходство въ нравственныхъ убѣжденіяхъ. Шафарикъ и Бодянскій одинаково дорожили общими и мѣстными славянскими интересами, одинаково заботились о сохраненіи историческихъ преданій, о собираніи и популяризаціи лучшихъ произведеній народной словесности.

Въ концѣ тридцатыхъ годовъ, Павелъ Іосифъ Шафарикъ по лѣтамъ (род. въ 1795 г.) и научнымъ заслугамъ (издалъ въ 1837 г. «Славянскія древности») вполнѣ уже могъ занять мѣсто главнаго руководителя въ славяноизученіи. Правда, его научная извѣстность въ это время не стояла еще на той высотѣ въ Россіи, какая позднѣе выпала на его долю, благодаря главнымъ

---

* Въ основу статьи легли: письма Бодянскаго къ Погодину въ I кн. «Чтеній» 1879 г.; письма Шафарика къ Погодину въ IV кн. «Чтеній» 1879 г. и примѣчанія Н. А. Попова къ этимъ письмамъ; письма Гавличка въ Славянск. Ежегодникѣ Задерацкаго, 1877 г. Кромѣ того приняты во вниманіе: статья о Шафарикѣ въ «Ист. слав. литер.» Пыпина и Спасовича, статьи о Бодянскомъ Котляревскаго, Срезневскаго, Первольфа и Кочубинскаго («Дневникъ» Бодянскаго) и «Указатель» къ «Чтеніямъ» Бѣлокурова.

образомъ пропагандѣ его научныхъ заслугъ со стороны Бодянскаго. Но уже въ двадцатыхъ годахъ Шафарикъ былъ замѣченъ и оцѣненъ въ Россіи Кеппеномъ, немного позднѣе Погодинымъ; въ 1841 г. даже нѣмцы признали его высокія научныя заслуги и предлагали ему профессорскую каѳедру въ берлинскомъ университетѣ.

Осипъ Максимовичъ Бодянскій въ концѣ тридцатыхъ годовъ былъ молодой, начинающій ученый (род. въ 1808 г.). Онъ только что сошелъ съ университетской скамьи и съ страстнымъ увлеченіемъ новичка углубился въ изученіе славянской народной поэзіи. Онъ шелъ тѣмъ же путемъ народоизученія, которымъ немного ранѣе его шелъ и Шафарикъ; жизнь и развитіе этихъ дѣятелей славяновѣдѣнія представляютъ много параллелей. Тотъ и другой происходили изъ духовнаго званія, первоначально прошли духовную школу, въ молодыхъ лѣтахъ полюбили родной языкъ и стали сторонниками движенія въ пользу духовнаго возрожденія мѣстныхъ славянскихъ литературъ. Первымъ трудомъ Шафарика въ этомъ направленіи былъ сборникъ стихотвореній «Tatranská Musa», 1814 г.; первымъ трудомъ Бодянскаго «Наськи украински казки», 1835 г. Для того и другого университетъ оказался exilium corporis, paradisus animae. Въ 1837 г. Шафарикъ издалъ «Славянскія древности»; въ томъ же году Бодянскій защитилъ свою магистерскую диссертацію «О народной поэзіи славянскихъ племенъ». Молодой русскій ученый шелъ по стопамъ своего славнаго, старшаго современника, и нѣтъ ничего удивительнаго, что между ними установились въ высшей степени дружескія отношенія, когда благосклонная къ нимъ судьба свела ихъ для личнаго знакомства. Дружба Шафарика и Бодянскаго—прекрасный образчикъ славянскаго общенія. Въ этой дружбѣ есть много поучительнаго, и въ особенности поучительно то уваженіе къ наукѣ, къ личности и къ народности, на которомъ построена вся эта дружба.

Въ 1832 г. Шафарикъ оставилъ службу въ новосадской гимназіи и благодаря матеріальной поддержкѣ своихъ друзей, ревнителей чешскаго возрожденія—Юнгмана, Палацкаго и др. (кружка изъ 9 лицъ), поселился въ Прагѣ. По фигуральному выраженію Юнгмана, Шафарикъ «пересадилъ корень своей благотворной дѣятельности», и эта пересадка оказалась весьма важной въ научномъ отношеніи. Въ положеніи свободнаго уче-

наго и литератора, Шафарикъ первые два года по пріѣздѣ въ Прагу посвятилъ обработкѣ громадныхъ матеріаловъ для «Славянскихъ древностей». Сочиненіе это по выходѣ въ свѣтъ въ 1837 г. было сразу замѣчено и оцѣнено въ Германіи и въ славянскихъ странахъ. Въ непродолжительномъ времени послѣдовали переводы его на языки: нѣмецкій, русскій и польскій. «Что эта за книга, пойметъ всякій, кто съ нею познакомится хотя сколько нибудь, писалъ И. И. Срезневскій о «Славянскихъ древностяхъ» Шафарика. Ее можно сократить, перевести, передѣлать, но не замѣнить. Каждый фактъ повѣренъ въ ней по нѣскольку разъ; каждый выводъ требовалъ перебора и сравненій множества свидѣтельствъ. И всему этому множеству надобно было дать малый объемъ, все надобно было сжать, чтобы сколько можно болѣе облегчить средства печатанія. Поневолѣ книгу тяжело читать. Зато какъ утѣшительно перечитывать, какъ легко трудиться, имѣя ее подъ руками. Кто скажетъ, что въ ней нѣтъ ошибокъ или кое-гдѣ пристрастія къ принятому мнѣнію? Но что значатъ всѣ эти недостатки въ сравненіи съ ученостью, которая поражаетъ читателя на каждой страницѣ,— съ отчетливостью въ разборѣ даже мелочей, — съ богатствомъ новыхъ фактовъ, въ первый разъ употребляемыхъ тутъ въ дѣло,— со всеобъемлемостію взгляда, —умѣньемъ пользоваться всѣмъ, чѣмъ могла сочинителю помочь современная наука,—съ умѣньемъ побѣдить тысячу трудностей, сообразить несчетное множество извѣстій и распорядиться имъ». Въ книгѣ громадный ученый трудъ соединенъ былъ съ теплою сердечною любовью къ самому предмету изслѣдованія. Эта характеристическая черта въ сочиненіи Шафарика была позднѣе подмѣчена и вѣрно обрисована однимъ нѣмецкимъ ученымъ К. Ф. Нейманомъ, который въ 1867 году сказалъ о ней: «Какъ высоко стоятъ въ этомъ отношеніи «Славянскія древности» надъ всѣми сочиненіями въ нашей литературѣ, разсуждающими о подобныхъ предметахъ! У славянина любовь до такой степени торжествуетъ надъ обратившеюся въ прахъ древностью, что совершенно оживляетъ ее и облекаетъ въ органическую форму».

Знакомство Бодянскаго съ сочиненіями Шафарика началось еще до поѣздки его заграницу, подъ вліяніемъ Погодина. Впервые Погодинъ приступилъ къ ознакомленію русскаго общества съ Шафарикомъ. Въ 1837 г. подъ редакціей нашего историка

выходилъ Русскій Историческій Сборникъ, изданіе московскаго Общества исторіи и древностей, перешедшее въ 1845 г. въ «Чтенія». Въ I кн. Сборника Погодинъ перевелъ статью Шафарика о статуѣ Чернобога, а въ IV кн. того же Сборника находится сдѣланный Бодянскимъ переводъ другой статьи Шафарика: «Славянскія письмена въ нынѣшней Россіи». Погодинъ направилъ Бодянскаго не только къ сочиненіямъ Шафарика, но и къ самому автору въ Прагу, съ передачей ему кое-какихъ подарковъ изъ Россіи.

Перваго декабря 1837 года, въ 6 часовъ вечера, Бодянскій прибылъ въ Прагу и остановился въ гостинницѣ «Австрійскаго Императора» на Порѣчьѣ. Ни мало не медля, черезъ полчаса онъ уже на фіакрѣ разыскивалъ № дома, гдѣ жилъ Шафарикъ, по полученному адресу отъ Погодина. Адресъ оказался ошибочный: № не 16, а 646. Шафарикъ принялъ Бодянскаго, какъ стараго знакомаго. «Первыя слова его были тѣ, писалъ Бодянскій Погодину, что онъ извинялся въ невозможности для него объясняться по-русски, хотя, какъ извѣстно—продолжаетъ Бодянскій—онъ весьма хорошо разумѣетъ русскій языкъ; но я началъ говорить съ нимъ по-чешски, и такимъ образомъ это дѣло было улажено». Это замѣчаніе Бодянскаго нельзя понимать въ томъ смыслѣ, что Шафарикъ разумѣлъ русскій языкъ, но не хотѣлъ говорить на немъ. Онъ разумѣлъ книжный русскій языкъ; но не могъ свободно объясняться по-русски и не могъ писать на немъ. Всѣ его письма къ Погодину (145 №№) написаны по-нѣмецки. Въ 1836 г., на призывъ переселиться въ Россію, Шафарикъ писалъ Погодину: «Meine Muttesprache ist das Böhmische; was ich hier und da *theoretisch* aus anderen Mundarten erlernt habe, reicht nicht hin, um in Moskau praktisch wirken zu können».

Первая встрѣча Бодянскаго съ Шафарикомъ прошла въ оживленной бесѣдѣ о Россіи, Москвѣ, Погодинѣ и путешествіи Бодянскаго. На другой день рано утромъ Шафарикъ побывалъ у Бодянскаго, и съ тѣхъ поръ не проходило дня, чтобы они не видѣлись. Чтобы быть поближе къ Шафарику, по его совѣту Бодянскій переѣхалъ въ гостинницу «Высокій Домъ» на Конскомъ торгу, какъ разъ противъ статуи св. Вацлава, а вскорѣ при содѣйствіи Шафарика подыскалъ поблизости подходящую квартиру. «Шафарикъ такъ добръ, такъ внимателенъ ко мнѣ,

писалъ Бодянскій Погодину въ 1838 г., что, право, я часто внутренно краснѣю самъ за себя, видя, какъ онъ хлопочетъ и заботится о малѣйшей мелочи, относящейся ко мнѣ». Нужно замѣтить, что Шафарикъ былъ бѣднякъ. Онъ могъ помогать Бодянскому своими знаніями, доброжелательствомъ, трудомъ, и самъ часто нуждался въ матеріальной помощи со стороны своихъ друзей. М. П. Погодинъ въ 1835 году такъ описываетъ домашнюю обстановку чешскаго ученаго: «Тѣсная рабочая комната установлена полками съ книгами; посрединѣ столъ, покрытый бумагами; подлѣ двѣ еще меньшія комнатки для семейства, которое составляютъ жена—словенка, родомъ изъ Венгріи, теща и четверо дѣтей». Т. Н. Грановскій, посѣтившій Шафарика въ Прагѣ въ 1838 году, писалъ: «Я не знаю, чему болѣе удивляться въ Шафарикѣ, его великой учености или его великому характеру. Онъ не просто бѣдный человѣкъ, а буквально не знаетъ сегодня, что завтра будетъ ѣсть. Мы удивляемся самоотверженію, съ какимъ нѣмцы отдаются наукѣ, но у Шафарика это еще удивительнѣе, потому что его, кромѣ бѣдности, давятъ тысячи другихъ обстоятельствъ, которыхъ въ Германіи нѣтъ. И при всемъ томъ онъ спокоенъ и твердъ». Подъ «тысячами обстоятельствъ» нужно разумѣть главнымъ образомъ полицейско-политическое преслѣдованіе всякаго національнаго и общественнаго развитія въ чешскихъ земляхъ, особенно сильное въ 50-хъ годахъ во времена Баха, когда за Шафарикомъ учреждено было строгое шпіонство.

Шафарикъ помогалъ молодому русскому ученому чѣмъ могъ и какъ могъ, помогалъ драгоцѣннѣйшимъ своимъ достояніемъ—обширной научной начитанностью. Изъ писемъ Бодянскаго къ Погодину узнаемъ, что въ 1838 году они вмѣстѣ работали надъ составленіемъ географическихъ картъ, перечитывали бѣлорусскія пѣсни, составили реестръ славянскихъ книгъ для московскаго университета, читали древнія сербскія и болгарскія сочиненія. Подъ руководствомъ Шафарика Бодянскій отлично усвоилъ чешскій и словацкій языки и свободно говорилъ на первомъ. «Шафарикъ для меня—цѣлая академія, писалъ Бодянскій Погодину 20 февраля 1838 года; ему я болѣе всѣхъ обязанъ, и сомнѣваюсь, чтобы кто нибудь могъ мнѣ такъ пригодиться, какъ онъ. Конечно, есть здѣсь и другіе умные, ученые и заслуженные чехи; но они большею частью занимаются одной какой нибудь отраслью;

напротивъ, Шафарикъ равно силенъ и какъ дома во всѣхъ частяхъ славянщины: эта цѣлая библіотека, живая энциклопедія всѣхъ свѣдѣній о славянахъ. Это каждый день имѣю я случай замѣчать, и когда помыслю—чего это стоило ему при такихъ крутыхъ обстоятельствахъ, недостаткахъ и препятствіяхъ, невольно изумляюсь. Такой дѣятельности, неутомимости, твердости и любви къ своему предмету, такого терпѣнія я еще нигдѣ не встрѣчалъ. Страдая ужаснѣйшимъ ревматизмомъ, гибельно дѣйствовавшимъ на него въ нынѣшнюю (1838 г.) необыкновенно холодную въ здѣшнихъ краяхъ зиму, онъ ни на часъ не покидалъ пера, и только за письменнымъ столомъ забывалъ свои тѣлесныя мученія. Прибавьте къ этому почти всегда хворыхъ жену, тещу и двухъ сыновей,—его недостатокъ въ нужнѣйшихъ житейскихъ потребностяхъ и несмотря на все это постоянную, неизмѣнную, сердечную готовность служить каждому, чѣмъ только можетъ, ни на волосъ гордости, спѣси или себялюбія, и всякій изъ насъ поневолѣ станетъ удивляться этому мужу».

Въ Шафарикѣ привлекала Бодянскаго еще одна черта—его безконечная преданность родному языку. Въ письмѣ къ Погодину 24 апрѣля 1841 года Бодянскій по поводу отказа Шафарика отъ каѳедры славянскихъ нарѣчій въ Берлинскомъ ун-ѣ писалъ: «Вотъ уже въ третій разъ онъ отклоняетъ отъ себя самыя блистательныя и питательныя для него предложенія, а все изъ чистаго и безпримѣрнаго народолюбія, соглашается скорѣе терпѣть возможнаго роду лишенія и недостатки, чѣмъ оставить свою родину и выѣхать, хотя бы то было даже и къ своимъ соплеменникамъ, гдѣ разумѣется долженъ былъ бы отказаться отъ своего языка, объясняться на языкѣ другомъ, что въ глазахъ его и въ глазахъ каждаго умнаго, разсудительнаго патріота составляетъ преступленіе, входящее въ одинъ разрядъ съ отцеубійствомъ».

Эта черта въ нравственныхъ убѣжденіяхъ Шафарика бросалась въ глаза и была замѣчена между прочимъ Погодинымъ, мало расположеннымъ къ ея воспріятію и надлежащей оцѣнкѣ. Вообще, Шафарикъ на всѣхъ русскихъ ученыхъ, встрѣчавшихся съ нимъ, производилъ чарующее впечатлѣніе своей просвѣщенной и гуманной личностью, своей преданностью родному языку, необыкновенною заботливостью о своей семьѣ и своемъ народѣ. Погодинъ,

познакомившійся съ Шафарикомъ незадолго до поѣздки заграницу Бодянскаго, такъ описывалъ свои разговоры съ нимъ во время уединенныхъ прогулокъ: «Сохранить языкъ въ устахъ народа—вотъ наше предназначеніе и—больше ничего. Ни о чемъ другомъ мы не должны заботиться. Это не наше дѣло. Да будетъ угодно Богу»,—сказалъ Шафарикъ, и началъ развивать передо мною исторію судебъ славянскихъ, прошедшихъ и настоящихъ; рѣчь его текла спокойной, величественной струей. Сознаніе достоинствъ своего народа, горячая любовь къ нему, убѣжденіе въ великомъ предназначеніи, какое-то священное терпѣніе, не позволяющее ни жалобы, ни ропота, вѣра въ Провидѣніе,—вотъ чѣмъ было проникнуто всякое его слово. Я увидѣлъ ясно различіе между пылкимъ, стремительнымъ юношей, который думаетъ только о завтрашнемъ днѣ, и опытнымъ мужемъ, считающимъ вѣками; я увидѣлъ ясное различіе между постояннымъ убѣжденіемъ, зрѣлымъ плодомъ долговременнаго размышленія, и мгновеннымъ порывомъ; я понялъ, что значитъ зависѣть отъ минуты и господствовать надъ временемъ. Какая высокая рѣчь! Ни одного имени, ни одного лица не упомянулъ Шафарикъ: только племена, народы занимали его».

Бодянскій преисполненъ былъ чувствомъ благодарности и всячески изыскивалъ способы для ея реализаціи. Заботливостью о Шафарикѣ проникнуты почти всѣ письма Бодянскаго къ Погодину отъ 1838 по 1841 г. «Здоровье его незавидное, а обстоятельства и подавно. Жена и теща почти постоянно больны. Нуждается чрезвычайно во всемъ», писалъ Бодянскій въ началѣ 1838 г., и почти черезъ три года, въ 1841 г., не получая долго писемъ отъ Шафарика, Бодянскій писалъ Погодину: «Богъ его знаетъ—что-то замолчалъ! ужъ не боленъ ли? Сохрани его Спаситель, Царь небесный!» Это характерное религіозное восклицаніе показываетъ, какъ Бодянскій дорожилъ Шафарикомъ, какъ любилъ его. Попытки Бодянскаго улучшить положеніе Шафарика пробиваются во многихъ мѣстахъ его писемъ къ Погодину. Бодянскій заботился объ оказаніи Шафарику медицинской помощи, о снабженіи его русскими книгами, о денежной поддержкѣ, причемъ, не ограничиваясь приглашеніемъ своихъ московскихъ знакомыхъ къ денежнымъ жертвамъ, пробовалъ привлечь къ этому дѣлу и правительство. Заботливость о здоровьѣ Шафарика ярко выразилась въ поѣздкѣ Бодянскаго съ Шафарикомъ въ Теплицы.

«Я хотѣлъ бы въ этомъ случаѣ пригодиться ему, т. е. взять его на свой счетъ. Это хоть не такъ много будетъ для меня стоить, зато для него больше чѣмъ много. По крайней мѣрѣ на первый разъ я хоть этимъ немногимъ поблагодарилъ бы его за тѣ услуги, которыя онъ оказалъ, оказываетъ и готовъ оказывать мнѣ въ моихъ занятіяхъ». Шафарикъ сначала отказывался отъ этой любезности Бодянскаго; но потомъ поѣхалъ съ нимъ въ Карлсбадъ и Теплицы. Минеральныя воды произвели совершенно различное дѣйствіе на Бодянскаго и Шафарика: первый окрѣпъ и поправился отъ своего ревматизма, а послѣдній еще болѣе разболѣлся, прекратилъ вскорѣ питье и купанье и возвратился домой. Книжное пособіе выразилось въ томъ, что Бодянскій выписывалъ изъ Россіи для Шафарика и его жены сочиненія Гоголя и Марлинскаго, дѣлалъ выписки изъ бѣлорусскихъ пѣсенъ и проч. Многократно Бодянскій хлопоталъ о сборѣ въ Россіи денежныхъ пожертвованій въ пользу Шафарика и затѣмъ склонялъ Шафарика принять ихъ. «Что бы еще эта свѣтлая, строгая, ученая голова сдѣлала при немного лучшихъ житейскихъ условіяхъ!»... пишетъ Бодянскій Погодину и прибавляетъ, что нѣсколько разъ предлагалъ ему кой-что изъ червонцевъ отъ имени Погодина, но не могъ склонить его на то, чтобы онъ взялъ ихъ. Немного позднѣе Бодянскій писалъ Погодину, что ссудилъ Шафарику въ займы 12 червонцевъ. «Шафарикъ чрезвычайно благодаренъ вамъ за вексель, писалъ далѣе Бодянскій Погодину; безъ его я не знаю, что бы онъ дѣлалъ въ своемъ теперешнемъ слишкомъ критическомъ положеніи». Однажды Бодянскій, отдавъ всѣ свои наличныя деньги въ займы Шафарику, самъ долженъ былъ призанять у Юнгмана. Денежныя субсидіи Шафарику изъ Россіи навлекли однажды на Шафарика большую непріятность. Погодинъ какъ-то разболталъ о нихъ въ печати, въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Книжка дошла до Шафарика и страшно его смутила. Онъ писалъ и Погодину и Бодянскому, отказывался впредь отъ всякихъ пособій. Бодянскій вынужденъ былъ оправдывать Погодина, увѣрять Шафарика, что Погодинъ огорчилъ его по неосторожности, торопливости, невѣдѣнію обстоятельствъ. Бодянскій въ своемъ донесеніи министру нар. просв., отъ 23 марта 1838 г. говоритъ: «Въ теперешнихъ моихъ занятіяхъ я болѣе всего обязанъ моею благодарностью г. Шафарику, первому современному славянскому филологу и знатоку во всемъ,

что только относится къ познанію славянъ, съ рѣдкимъ радушіемъ и готовностью предложившему мнѣ свои безмездныя услуги. Считаю для себя священнымъ долгомъ свидѣтельствовать объ этомъ предъ особой вашего высокопревосходительства. Въ немъ нашелъ я больше, нежели надѣялся, нежели воображалъ себѣ. Онъ былъ для меня живою славянскою энциклопедіею». Цѣль этого донесенія самъ Бодянскій разъяснилъ въ письмѣ къ Погодину. «О вознагражденіи Шафарика за его занятія со мной я уже намекнулъ въ первыхъ отчетахъ министру, попечителю и совѣту; на первый разъ мнѣ нельзя было писать болѣе; но во второмъ отчетѣ, переговоривъ съ вами (т. е. Погодинымъ), я распространюсь болѣе и откровеннѣе. Тогда именно это будетъ кстати, а напередъ нехудо немножко предувѣдомить о томъ имѣющихъ власть рѣшити и вязати». Вознагражденіе разумѣется денежное. Титулы и ордена для Шафарика не имѣли значенія. Еще въ 1835 г. Шафарикъ писалъ Погодину: «Mit Ehren und Titeln, Orden und Diplomen möge man mich ja stets verschonen: diese kindischen Possen überlasse ich gern meinem Freunde Hanka, dessen Herz mit lächerlicher Freude daran hängt und darnach lechzt... von persönlicher Ehr- und Ruhmsucht bin ich Gottlob so ziemlich frei... Sendungen von russischen Büchern, behufs meiner Studien und Arbeiten, die ich hier zu kaufen nicht im Stande bin, werden mir stets sehr willkommen sein»...

Бодянскій, можно сказать, ввелъ Шафарика въ Россію. Онъ перевелъ большую часть лучшихъ его историческихъ сочиненій. Послѣ перевода статьи о статуѣ Чернобога, Бодянскій принялся за переводъ самаго крупнаго сочиненія Шафарика «Древностей». Въ 1838 г. часть перевода была уже напечатана въ Москвѣ Погодинымъ, но плохо, и черезъ 10 лѣтъ (въ 1848 г.) Бодянскій издалъ полный переводъ «Славянскихъ древностей» Шафарика. Въ «Чтеніяхъ моск. общ. ист. и древ.» Бодянскій помѣстилъ въ переводѣ слѣдующія статьи Шафарика: «О Сварогѣ» (1845 — 1846. I, 30 — 34), «Объ имени и положеніи Винеты» (1846 — 1847. VII, 1—20), «Расцвѣтъ славянской письменности въ Болгаріи» (1847—1848. VII, 37—59), «О происхожденіи и родинѣ глаголитизма» (1860. IV, 1—66), «Образованіе словъ удвоеніемъ корня» (1863. I, 1—113), «О кирилловскихъ типографіяхъ въ югославянскихъ земляхъ въ XV, XVI и XVII в.» (1845—1846. III, 17—27). Кромѣ того, Бодянскій въ «Москви-

тянинѣ» 1843 г. напечаталъ переводъ «Славянскаго народописанія» Шафарика (были и оттиски).

На лекціяхъ въ московскомъ университетѣ Бодянскій слѣдовалъ Шафарику. Въ письмѣ извѣстнаго чешскаго писателя Гавличка изъ Москвы, отъ 3 мая 1843 г., находятся слѣдующія любопытныя строки: «Бодянскій преподаетъ въ нынѣшнемъ году «Славянскія Древности» и «Народописаніе» по Шафарику, и чешскій языкъ. Итакъ Москва была первымъ городомъ въ мірѣ, гдѣ «Славянская карта» ex officio висѣла на доскѣ и гдѣ ex officio студенты учились по трудамъ Шафарика. Неисповѣдимы судьбы Божіи! Шафарика въ Москвѣ знаютъ лучше, чѣмъ въ Прагѣ; онъ самъ конечно и не думалъ о томъ, что его книга, едва извѣстная въ Прагѣ, за 250 миль отъ Праги сдѣлается учебникомъ. На экзаменѣ каждый студентъ долженъ отвѣчать на одинъ вопросъ изъ «Древностей», на одинъ изъ «Народописанія», и кромѣ того читать, переводить и дѣлать грамматическія объясненія странички какой-нибудь чешской книги. Сегодня 3 мая я былъ приглашенъ Бодянскимъ на экзаменъ. Это было для меня такимъ наслажденіемъ, какого я давно не испытывалъ (далѣе слѣдуетъ описаніе университета и экзаменаціонной обстановки)... Студенты словно колбасу крошили Шафариковскія «Древности» и «Народописаніе». Бодянскій безпрестанно повторялъ: «Прекрасно»! «Превосходно»!..

Руководящимъ началомъ дѣятельности Шафарика была мысль, высказанная имъ еще въ 1821 г. въ письмѣ къ Палацкому: «Мнѣ рѣшительно все равно быть нижнимъ или верхнимъ камнемъ въ томъ зданіи, которое народъ мой ставитъ на память о себѣ; лишь бы оно строилось и было достроено». Эта мысль дала окраску всѣмъ его отношеніямъ къ русскимъ ученымъ. Погодинъ называлъ свою дружбу съ Шафарикомъ «радостью жизни». Для Бодянскаго дружба съ Шафарикомъ имѣла такое же значеніе «радости жизни». Въ этой «радости» любовь къ наукѣ, къ народному языку и народной поэзіи занимала первостепенное мѣсто.

Н. Сумцовъ.

Чехъ о славянскомъ вопросѣ *

Въ прошломъ году въ Прагѣ явилась на чешскомъ языкѣ весьма любопытная книга о славянскомъ вопросѣ, вызвавшая не мало толковъ въ западно-славянской печати и почти совсѣмъ не замѣченная нашею журнальной литературой. Книга эта во многихъ отношеніяхъ заслуживаетъ вниманія. Она затрогиваетъ вѣчно-юный, животрепещущій вопросъ о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ народовъ и содержитъ въ себѣ такія разъясненія по этому вопросу, которыя представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики новаго, нарождающагося среди чеховъ и другихъ славянъ политическаго движенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ разъясненія эти весьма поучительны для многихъ нашихъ журналистовъ и публицистовъ, которые все еще не перестаютъ глумиться надъ славянофильствомъ и такъ называемой славянской идеей и нерѣдко бросаютъ нашимъ славянистамъ упрекъ въ навязываніи западнымъ славянамъ взглядовъ, стремленій и программъ, какимъ послѣдніе въ своихъ лучшихъ представителяхъ и не хотятъ, да и не могутъ сочувствовать. Объ общемъ характерѣ и направленіи данной книги, имѣющей весьма скромное и неопредѣленное названіе «Русско-чешскихъ главъ», даетъ понятіе постигшая ее печальная участь: на другой же день послѣ появленія въ свѣтъ она была конфискована, запрещена въ предѣлахъ Австріи и лишь въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ проникла за-границу. Очевидно, авторъ

---

* Ruskočeské Kapitoly. Napsal Josef Holeček. V Praze. 1891.

книги заговорилъ о славянствѣ и славянскихъ дѣлахъ какъ настоящій славянинъ, съ такой точки зрѣнія, которая не могла понравиться нѣмецкимъ опекунамъ славянскихъ народовъ Габсбургской монархіи.

Авторъ книги, г. Іосифъ Голечекъ, пользуется достаточною извѣстностью въ славянской литературѣ. Въ качествѣ опытнаго чешскаго публициста онъ обладаетъ хорошими свѣдѣніями о положеніи славянскихъ народовъ Австро-Венгріи. Сверхъ того онъ не мало путешествовалъ по южно-славянскимъ землямъ и особенно хорошо изучилъ Черногорію. Ему принадлежитъ прекрасная книга объ этой странѣ. Въ 1887 г. онъ совершилъ любопытное путешествіе въ Россію, которымъ воспользовался, чтобы провѣрить и пополнить личными наблюденіями свѣдѣнія, раньше пріобрѣтенныя изъ книгъ. Наконецъ г. Голечекъ уже много лѣтъ состоитъ постояннымъ сотрудникомъ лучшей и самой распространенной чешской газеты «Národní Listy», въ которой ведетъ русскій и южно-славянскій отдѣлы. Все это указываетъ, что новая книга, вышедшая изъ подъ пера чешскаго публициста, имѣетъ полное право на вниманіе всѣхъ интересующихся славянскимъ вопросомъ. Это не какой-либо памфлетъ, написанный на скорую руку, на основаніи теоретическихъ соображеній, а продуманный трудъ публициста, давно занимающагося славянскими дѣлами и имѣвшаго возможность изучать ихъ непосредственно на мѣстѣ. Трудъ этотъ тѣмъ болѣе важенъ, что представляетъ собою отголосокъ новыхъ взглядовъ на междуславянскія отношенія, все болѣе распространяющихся въ передовыхъ кружкахъ западно-славянской интеллигенціи.

Книга состоитъ изъ трехъ отдѣловъ. Въ первомъ, приведены общія замѣчанія о недостаткѣ взаимнаго знакомства славянъ между собой, въ частности русскихъ и чеховъ. «Мы, славяне, говоритъ авторъ, всѣ безъ исключенія повинны въ одномъ тяжкомъ грѣхѣ: за послѣднія десятилѣтія мы почти не заботились о томъ, чтобы ближе познакомиться другъ съ другомъ, научиться смотрѣть другъ на друга собственными глазами, имѣть другъ о другѣ свои, самостоятельныя сужденія, а не взятыя изчужа. Нелѣпые разсказы и предразсудки о Россіи и русскомъ народѣ, распространенные на Западѣ, находятъ доступъ и къ чехамъ. Чехъ любитъ русскаго; съ этою любовью онъ и родился, но не имѣя случая и возможности познакомиться

съ братомъ русомъ непосредственно, онъ привыкаетъ думать, что разсказываемые о немъ ужасы и нелѣпости хоть на половину должны быть вѣрны». Равнымъ образомъ и на Руси слишкомъ мало-де знаютъ западныхъ славянъ вообще и чеховъ въ частности. Эту мысль авторъ иллюстрируетъ разными примѣрами, при чемъ старается разъяснить своимъ землякамъ, что русскій народъ совсѣмъ не таковъ, какимъ изображаютъ его нѣмецкіе сатирическіе листки, и въ свою очередь принимаетъ подъ свою защиту чеховъ отъ преувеличенныхъ и неточныхъ характеристикъ, какія пришлось ему слышать во время путешествія по Россіи.

Нельзя не признать, что всѣ эти замѣчанія г. Голечка вполнѣ справедливы. Едвали можетъ быть какое-либо сомнѣніе относительно того, что западные славяне еще очень мало знаютъ Россію и нерѣдко составляютъ свои понятія о русскомъ народѣ, о государственномъ, общественномъ и экономическомъ строѣ Россіи, о русской культурѣ и проч. со словъ иностранной, преимущественно нѣмецкой печати, притомъ на основаніи не серьезныхъ большихъ сочиненій, а ходячихъ газетныхъ лисковъ. Замѣчаемое въ послѣднее время въ разныхъ сѣверо-и-юго-западныхъ славянскихъ земляхъ стремленіе къ изученію русскаго языка, спросъ на русскія книги, интересъ къ русской періодической печати, болѣе частыя путешествія западныхъ славянъ въ Россію съ цѣлями научными, торговыми—все это, правда, представляетъ весьма отрадное явленіе, свидѣтельствующее о томъ, что старый славянскій «грѣхъ» и опознанъ и принимаются мѣры для излѣченія его; но, какъ извѣстно, до сколько-нибудь полнаго и яснаго пониманія Россіи нашимъ братьямъ еще очень далеко. Для достиженія этой цѣли вся главная работа съ ихъ и нашей стороны еще впереди. Еще болѣе справедливо, что и въ Россіи очень мало знаютъ славянъ. Невѣжество нашего т. н. образованнаго общества по части славянства слишкомъ хорошо извѣстно, чтобы нужно было о немъ распространяться. Среди нашей интеллигенціи не составляютъ рѣдкаго исключенія люди, получившіе прекрасное образованіе, кончившіе университетъ или другія высшія школы, побывавшіе за-границей, занимающіе высшія должности и однако не имѣющіе самыхъ элементарныхъ свѣдѣній по географіи и исторіи славянъ, не умѣющіе сосчитать и переименовать представителей славянской

семьи народовъ, смѣшивающіе одни славянскіе народы съ другими. Для распространенія славяновѣдѣнія на Руси, правда кое-что дѣлается, но всетаки очень мало. Мы все еще очень не богаты людьми, подготовленными для занятій славянствомъ и для пропаганды свѣдѣній о славянахъ. Славяновѣдѣніе у насъ все еще не входитъ въ учебные планы и программы средней школы. Книгъ по славяновѣдѣнію выходитъ очень мало. Газеты и журналы пробавляются, за немногими исключеніями, случайными свѣдѣніями о славянствѣ и даже большія столичныя газеты не имѣютъ постоянныхъ корреспондентовъ изъ важнѣйшихъ центровъ славянскихъ земель. Проэкты научныхъ экспедицій въ славянскія земли и планы большихъ издательскихъ предпріятій по славяновѣдѣнію у насъ также не осуществляются главнѣйше по недостатку денегъ и отсутствію людей, которые могли бы оказать поддержку такому важному дѣлу. Впрочемъ, по отношенію къ чехамъ отвѣтственность за наше невѣжество отчасти падаетъ на ихъ земляковъ, живущихъ въ Россіи. Число послѣднихъ, какъ извѣстно, весьма значительно. Тѣ изъ нихъ, что занимаютъ должности профессоровъ, учителей, техниковъ или ведутъ обширныя коммерческія и промышленныя предпріятія, конечно могли бы что-нибудь сдѣлать для пропаганды свѣдѣній о Чехіи и чешскомъ народѣ, въ пріютившей ихъ родственной странѣ. Къ сожалѣнію, здѣсь мы встрѣчаемся—за немногими отрадными исключеніями—съ тою же пассивностью, вслѣдствіе которой русскіе чехи ничего не дѣлаютъ и для ознакомленія своей родины съ хорошо извѣстной имъ Россіей.

Второй отдѣлъ книги, озаглавленный: «Россія и Европа», представляетъ сжатое изложеніе содержанія извѣстнаго сочиненія (подъ тѣмъ же заглавіемъ) Н. Я. Данилевскаго. Г. Голечекъ относится къ этому сочиненію и вообще къ ученію славянофиловъ съ глубокимъ уваженіемъ и искренними симпатіями. Въ развитіи народно-славянской идеи въ Чехіи онъ видитъ большой недостатокъ въ томъ, что чешское общество не успѣло во время и послѣдовательно познакомиться съ ученіемъ русскихъ славянофиловъ, разъяснившихъ различіе между славянскимъ православнымъ Востокомъ и латинской западной Европой. За послѣднее время у чеховъ явилась потребность узнать ближе это ученіе. Еще недавно проф. Массарикъ, также посѣтившій Россію, написалъ весьма любопытный эпизодъ о Кирѣевскомъ (Ateneum,

1890 и отд). Теперь г. Голечекъ задается цѣлью познакомить своихъ земляковъ съ воззрѣніями Н. Я. Данилевскаго. Свой взглядъ на знаменитый трудъ великаго русскаго мыслителя, натуралиста и историка онъ выражаетъ въ слѣдующихъ словахъ: «Въ сочиненіи «Россія и Европа» дано всестороннее, глубокое, вѣрное изложеніе взглядовъ русскаго человѣка на культурныя и политическія отношенія славянскаго міра къ романогерманскому; въ основаніи его лежитъ глубокое русско-славянское сознаніе, обстоятельное знаніе исторіи и вѣрное пониманіе современныхъ политическихъ отношеній. Книга Данилевскаго стала на Руси народнымъ евангеліемъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова; поэтому знакомство съ ней обязательно для всякаго, кто хочетъ говорить о русскихъ, ихъ стремленіяхъ, политикѣ, отношеніяхъ къ европейскому Западу и остальному славянству. Но книга эта не есть политическое сочиненіе, написанное съ цѣлью извѣстной агитаціи. Появленіе ея на свѣтъ было довольно трудное; русское общество обратилось къ ней добровольно и постепенно. Данилевскій самъ ничего не выдумываетъ, не фантазируетъ, но передаетъ въ стройномъ цѣломъ то, что думаетъ и чувствуетъ каждый (истинно) русскій человѣкъ, что онъ продумалъ и прочувствовалъ за тысячу лѣтъ, что таитъ онъ въ глубинѣ своего духа, хотя быть можетъ и безсознательно. На такомъ-то матеріалѣ онъ воздвигъ свое прочное и величественное зданіе. Поговорите съ любымъ русскимъ, у каждаго встрѣтитесь со славянофильскими взглядами. Найдете ихъ и у человѣка неученаго. И это великая заслуга славянофильскихъ писателей, что они поняли духъ и характеръ своего народа и изъ его глубины почерпнули свое ученіе. Заслуга же Данилевскаго состоитъ въ томъ, что ученіе славянофиловъ у него вылилось въ самую чистую, совершенную форму».

Тутъ же авторъ касается вопроса о высокомѣрномъ взглядѣ западныхъ, католическихъ славянъ на культуру восточнаго славянства, сложившемся опять подъ вліяніемъ міра романо-германскаго, и понятно осуждаетъ это неумѣстное высокомѣріе. «Славяне нерусскіе, особенно католики, говоритъ г. Голечекъ, вращаясь въ кругу западной культуры, воспитанные въ предубѣжденіяхъ Запада и слѣпой вѣрѣ въ вѣчность его цивилизаціи, до сихъ поръ живутъ въ большомъ недоразумѣніи съ русскими и вообще православными славянами. Славяне католическіе во-

ображаютъ, что имъ предназначена великая культурная миссія у православныхъ соплеменниковъ. По ихъ мнѣнію, Россія представляетъ огромную физическую силу, но сила эта еще не облагорожена: они-де могутъ дать Россіи образованность, а Россія имъ—свою физическую силу, и посредствомъ такой взаимности славянское племя успѣетъ-де достигнуть славнаго и передового значенія въ человѣчествѣ. Католическіе славяне простодушно вѣрятъ, что духовное преимущество на ихъ сторонѣ, что русскіе всему должны учиться у нихъ, а имъ у русскихъ нечему». Широкое распространеніе такихъ взглядовъ среди западныхъ славянъ, по справедливому замѣчанію г. Голечека, вызвало на много лѣтъ заминку въ успѣшномъ развитіи славянскаго дѣла. Искорененію столь нелѣпыхъ воззрѣній на взаимныя отношенія славянъ западныхъ и восточныхъ, по мнѣнію нашего автора, прекрасно можетъ содѣйствовать болѣе близкое знакомство съ книгой Н. Я. Данилевскаго. Представивъ сжатое, но ясное изложеніе основныхъ положеній, развитыхъ въ этой книгѣ, и выразивъ полное согласіе съ ними, онъ еще разъ высказываетъ горькое сожалѣніе, что чешское общество не ознакомилось съ ней уже въ первомъ изданіи.

Третій отдѣлъ, самый большой (75—289) и наиболѣе любопытный, озаглавленъ «Россія и славянство». Здѣсь авторъ ставитъ передъ собой задачу—выяснить отношенія Россіи къ меньшимъ славянскимъ народамъ, какъ они представляются въ настоящее время и какъ слѣдовало бы ихъ уладить въ будущемъ, чтобы обезпечить благополучіе всему славянству. Свои мысли по этому вопросу г. Голечекъ излагаетъ въ пяти главахъ, изъ которыхъ каждая представляетъ свое самостоятельное цѣлое. Въ мысляхъ этихъ оказывается не малое сходство съ тѣмъ, что уже не разъ было высказано и развито лучшими представителями русскаго славянофильства, которыхъ нерѣдко и цитуетъ авторъ; но изложены онѣ съ неподдѣльно-искреннимъ и глубокимъ убѣжденіемъ и выражены въ весьма характерной формѣ.

Авторъ отправляется отъ вопроса о чешскомъ государственномъ правѣ или точнѣе—отъ идеи историческаго права короны св. Вячеслава. Какъ извѣстно, вожди чешскаго народа ведутъ борьбу именно за эту идею. Она лежитъ въ основѣ программы всѣхъ безъ исключенія чешскихъ партій. Нѣтъ чеха, который бы не мечталъ о возстановленіи стараго національнаго государства.

Г. Голечекъ не отрицаетъ важности этой идеи, но сопоставляетъ съ ней другую—идею славянскую, о которой къ сожалѣнію забываютъ нѣкоторые близорукіе чешскіе политики. Эта послѣдняя имѣла важное значеніе въ прошлой исторіи народа и будущее его зависитъ отъ развитія и осуществленія именно этой идеи. Своимъ возрожденіемъ въ нынѣшнемъ столѣтіи чешскій народъ обязанъ славянской идеѣ. «Благотворное вліяніе ея на народъ, говоритъ авторъ, сказалось раньше, нежели вліяніе идеи историческаго права короны св. Вячеслава, опредѣлившейся только благодаря Палацкому. Государственно-правовая идея возникла у насъ только на почвѣ, которую приготовила идея славянская, правда смутная и неясная, но широкая и величественная. Славянская идея оживила въ нашемъ народѣ угаснувшее чувство народности, и великіе будители этого чувства, впадая въ сомнѣнія относительно будущности маленькаго, незначительнаго чешскаго народа, утѣшали и ободряли себя мечтой, что родной ихъ народъ сливается въ одно съ обширнымъ, необъятнымъ славянствомъ. Славянская идея глубоко коренится въ душѣ каждаго чеха, хотя онъ и не имѣетъ о ней яснаго представленія. Чешскій народъ, чешскій поселянинъ, со времени битвы у Липанъ не принимавшій активнаго участія въ судьбахъ своего отечества, предоставленный самому себѣ, не видя ни откуда помощи, уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія, съ первыхъ моментовъ своего возрожденія, создалъ пророчество о томъ, что чешскому народу только тогда станетъ хорошо, когда казацкій конь напьется воды изъ Велтовы (Že českému národu teprve potom bude dobře, až Kozácký kůń nápije se vody z Vltavy), но при этомъ чехъ не имѣетъ опредѣленнаго представленія о томъ, какимъ образомъ онъ можетъ получить такое благополучіе. Патріоты чешскіе, вышедшіе изъ народа, также понимали славянскую идею мистически, неясно, какъ и самъ народъ. Они гордились ею, приходили отъ нея въ восторгъ и, распространяя этотъ восторгъ среди другихъ, проповѣдывали необходимость любить и изучать славянство, предписывали ближе знакомиться со славянскими братьями, усваивать ихъ языки, но опредѣленной программы, какъ осуществить это сближеніе со славянствомъ, не выработали. Такъ случилось, что славянская идея оставалась у насъ, какъ и у другихъ меньшихъ вѣтвей славянскихъ, всегда только идеей, никогда не

приближающейся къ своему осуществленію. Отсюда должна была наступить пора скептицизма, когда каждый, желавшій называться «практическимъ политикомъ», сталъ смотрѣть на славянскую идею какъ на нѣчто несостоятельное и безсодержательное, хотя публично никто отъ нея не отрекался, не смѣя затрогивать одно изъ дорогихъ чувствъ народа. Правда, вождь старочеховъ Ригеръ въ 1890 г., на юбилейномъ съѣздѣ центральной школьной матицы, открыто высказалъ мысль, что роль чеховъ въ славянствѣ заключается въ распространеніи на славянскомъ Востокѣ нѣмецкой культуры. Но подобные взгляды, по словамъ г. Голечка, не находятъ сочувствія въ народѣ, въ средѣ котораго ростъ національнаго самосознанія сопровождается укрѣпленіемъ славянскаго чувства. Печальныя для народа послѣдствія политики главы старочеховъ свидѣтельствуютъ, что отреченіе отъ славянской идеи приводитъ къ униженію государственно-правовой программы. Отсюда слѣдуетъ, что безнаказанно нельзя отрывать чеховъ отъ славянства. Идея обособленія чеховъ знаменуетъ упадокъ національнаго чувства и заключаетъ въ себѣ начало гибели народа. Вопросъ чешскій тѣсно связанъ съ вопросомъ славянскимъ и не можетъ быть рѣшенъ самъ по себѣ, помимо остальнаго славянства. Рѣшеніе чешскаго вопроса предполагаетъ установленіе нормальныхъ отношеній чешскаго народа не только къ коронѣ, къ имперіи, къ нѣмцамъ Австріи, но и ко всѣмъ славянскимъ народамъ». Во всѣхъ этихъ сужденіяхъ не трудно узнать мысли близко сходныя съ тѣми, какія были высказаны нѣсколько лѣтъ назадъ (въ «Изв. Слав. Общ.») въ замѣчательныхъ статьяхъ проф. В. И. Ламанскаго, вызвавшихъ въ свое время столько оживленныхъ споровъ въ чешской печати. Взглядъ г. Голечка на идею историческаго чешскаго права и отношенія ея къ славянской идеѣ въ настоящее время все болѣе пріобрѣтаетъ сочувствіе въ наиболѣе развитыхъ и преданныхъ національной идеѣ кругахъ чешскаго общества и съ горячностью пропагандируется нѣкоторою частью чешской печати.

Въ рамкахъ славянской идеи отдѣльнымъ славянскимъ народамъ, по мнѣнію г. Голечка, открывается широкая самодѣятельность. Развитію и доказательству этого положенія авторъ посвящаетъ вторую главу. Каждый народъ, по его словамъ, имѣетъ право на самостоятельное существованіе, развитіе и

свободу. Но отъ права на бумагѣ еще далеко до осуществленія его въ дѣйствительности. О проведеніи своего права въ жизнь каждый прежде всего самъ долженъ заботиться, иначе право останется мертвою буквою и наконецъ будетъ забыто. У кого есть право, тотъ долженъ знать и способы, какъ добиться его осуществленія, разыскать эти способы, вести за нихъ борьбу и купить ихъ жертвами. Народъ не только долженъ желать свободы и самостоятельности всѣми силами души, но и обязанъ видѣть въ своей свободѣ драгоцѣннѣйшее сокровище, для пріобрѣтенія котораго ему не приходится останавливаться ни передъ какими жертвами. Свобода, полученная въ даръ, не послужитъ въ пользу народу, получившему ее. Прекрасный примѣръ того представляютъ болгаре. Какіе же существуютъ пути къ достиженію нами свободы? спрашиваетъ далѣе авторъ и отвѣчаетъ на этотъ вопросъ такимъ образомъ: «Да именно тѣ, которые привели насъ къ народному самопознанію. Самопознаніе это въ узкомъ смыслѣ слова чешское, въ болѣе широкомъ — славянское. Чешское сознаніе заключается въ славянскомъ, какъ малый кругъ въ большомъ. Послѣдній открываетъ свободное поле для нашихъ плановъ и стремленій будущаго; малый кругъ— есть почва для нашей дѣятельности въ настоящемъ. Въ маломъ кругѣ мы стоимъ ногами, большой—созерцаемъ глазами. Дѣйствовать мы можемъ только тамъ, гдѣ можемъ опереться на ноги. Если мы выполнимъ свою задачу какъ чехи, мы тѣмъ самымъ осуществимъ свое призваніе какъ славяне. Но для того, чтобы мы могли выполнить свою чешскую задачу, мы должны памятовать, что составляемъ часть славянскаго цѣлаго, изъ котораго не захотимъ и не посмѣемъ себя исключить, если не пожелаемъ впасть въ свои старыя историческія ошибки. Если исторія есть наставница жизни, намъ не слѣдуетъ скрывать отъ себя, что вся прошедшая и настоящая жизнь славянскихъ народовъ представляетъ грустную картину несогласій и раздоровъ. Славянскіе народы (кромѣ русскихъ) не достигли свободы потому, что между ними не было взаимности, что они не признавали своихъ общихъ интересовъ, что дѣлились и дробились безъ конца, что каждый всегда былъ готовъ по приглашенію чужеземцевъ извлечь мечъ на своего брата. Славянское національное самосознаніе должно привести славянскіе народы къ тому, чтобы подобныя печальныя событія въ будущемъ не по-

вторялись. Въ этомъ главное дѣло, главная цѣль славянской идеи и взаимности. Если каждый славянскій народъ уладитъ свои отношенія къ славянской семьѣ вообще и къ каждому ея члену въ частности указаннымъ способомъ, то безцѣльно будетъ требовать отъ него, чтобы ради пользы славянскаго цѣлаго онъ отказывался отъ своей личности, своей исторической индивидуальности». Народности, не имѣвшія доселѣ исторіи, сами по себѣ, безъ насилія, добровольно сливаются съ народностями историческими, болѣе сильными, имѣющими на нихъ политическое и культурное вліяніе, и въ то же время болѣе близкими къ нимъ въ этнографическомъ отношеніи. Чехи, конечно, не подходятъ въ эту категорію. «Мы, чехи, справедливо говоритъ г. Голечекъ, историческая народность, и какъ историческая народность мы и должны вести себя при опредѣленіи своихъ отношеній къ славянскому міру, при рѣшеніи вопроса чешскаго и славянскаго. Никто не смѣетъ требовать отъ чешскаго народа, чтобы онъ отказался отъ своей исторіи, не смѣетъ даже во имя славянской идеи. Славянская идея должна показать, что она несетъ за собой жизнь, а не смерть. Славянская идея не можетъ предписать ни одному славянскому народу, чтобы онъ убилъ въ себѣ духъ свой, ибо тогда онъ превратился бы въ трупъ, который не воскресила бы и славянская идея».

По мнѣнію автора, которое мы вполнѣ раздѣляемъ, «нельзя предполагать возможности образованія даже въ отдаленномъ будущемъ одного славянскаго народа и государства. Если и допустить, что когда-либо русское государство будетъ заключать въ себѣ всѣ славянскія народности, можно съ увѣренностію сказать, что никогда не осуществится фантастическая мечта о томъ, чтобы изъ славянскихъ народностей образовалась какая-то средняя народность: «вшекменовецъ славянскій» или «вшеславъ», о которомъ фантазировалъ Михаилъ Ходжа. Какъ нельзя смолоть въ муку нѣсколько человѣкъ и сдѣлать изъ нея одного новаго человѣка, такъ невозможно, чтобы изъ народовъ славянскихъ, которые болѣе тысячи лѣтъ жили особою историческою жизнью, создался нынѣ единый народъ славянскій, въ которомъ изгладились бы всѣ различія его составныхъ частей. Да и нѣтъ надобности въ такомъ среднемъ славянскомъ народѣ. Зато вполнѣ возможна организація, устройство славянскаго міра на основѣ осуществимыхъ, общихъ и уже обозначившихся потребностей.

Такая организація не только возможна, но и необходима. Для осуществленія ея нужно только заботиться о томъ, чтобы мы стояли на реальной почвѣ, брались за проекты выполнимые и взаимно-полезные, къ избранной цѣли шли путемъ кратчайшимъ, опредѣленнымъ, широкимъ, съ яснымъ сознаніемъ того, что не блуждаемъ въ области утопіи, а принимаемся за дѣло благое какъ для всѣхъ, такъ для каждаго въ частности».

Въ виду несомнѣнной вѣрности высказаннаго положенія, авторъ энергично предостерегаетъ западныхъ славянъ отъ недовѣрія къ Россіи и горячо опровергаетъ распространенное среди нихъ врагами славянства нелѣпое мнѣніе о томъ, будто бы русскіе понимаютъ славянскую идею иначе, чѣмъ другіе меньшіе славяне, что они отождествляютъ панславизмъ съ панруссизмомъ. «Объ обрусеніи славянъ не можетъ быть и рѣчи, говоритъ Голечекъ. Всякія подобныя опасенія и страхи не основательны, хотя едвали было бы несчастіемъ для славянскихъ народовъ, еслибъ въ одно прекрасное утро они проснулись съ русскимъ самосознаніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можетъ обрусѣть чехъ, словинецъ, хорватъ или сербъ, отдѣленные отъ Россіи столь высокими и непреодолимыми преградами? Еслибъ мы, чехи, хотѣли перейти въ другую народность («se přenárodniti»), мы имѣли бы для выбора только народность нѣмецкую, которая какъ плѣсень проникаетъ весь нашъ организмъ. Онѣмечиться мы можемъ, но обрусѣть—никогда. Если мы не хотимъ сдѣлаться нѣмцами, намъ предстоитъ остаться чехами. То же самое съ другими славянскими народностями. Россія, созидающая самостоятельный государственный бытъ сербамъ и болгарамъ, славянскимъ народностямъ, наиболѣе близкимъ къ ней въ географическомъ и духовномъ отношеніи, не можетъ и помышлять объ обрусеніи чеховъ или хорватовъ. Дѣйствительно, въ Россіи никто и не задается подобными планами, хотя тамъ и съ полнымъ правомъ желаютъ, чтобы славяне ознакомились съ русскимъ языкомъ. Планами обрусенія не занимается ни русское правительство, ни русскій народъ, ни славянофилы, которыхъ вообще заподозриваютъ въ обрусительныхъ тенденціяхъ». Доказательству послѣдняго положенія авторъ посвящаетъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ своего труда (94—110). Онъ указываетъ, что уничтоженіе народностей въ томъ смыслѣ, какъ производятъ его нѣмцы, не согласуется съ тактикой русскаго правительства. Этому воззрѣ-

нію не противорѣчатъ тѣ случаи, когда одна народность исчезаетъ въ другой безъ насилія, а только вслѣдствіе непреодолимаго вліянія народности высшей, съ болѣе сильной культурой, какъ это видимъ по отношенію къ десяткамъ уральскихъ и азіатскихъ народовъ. Противъ такой этнографической ассимиляціи ничего нельзя возражать, такъ какъ она совершается вполнѣ естественнымъ путемъ. Не имѣютъ значенія и ссылки на русскую Польшу. Причины ненормальныхъ отношеній между русскими и поляками заключаются въ послѣднихъ, въ ихъ исторической враждѣ къ Россіи, въ ихъ никогда не прекращающихся мечтахъ объ отомщеніи и возобновленіи стараго соперничества съ Россіей. «Пока поляки, говоритъ г. Голечекъ, искренно не примирятся съ Русью, не сознаются въ своихъ ошибкахъ и слабостяхъ и не откажутся отъ своихъ намѣреній всячески вредить Руси, до тѣхъ поръ русскіе имѣютъ полное право относиться съ недовѣріемъ къ полякамъ и принимать мѣры для защиты своихъ національныхъ и государственныхъ интересовъ». Относительно русскаго народа чешскій публицистъ утверждаетъ какъ общеизвѣстный фактъ, что ничто ему такъ не чуждо, какъ навязываніе своего языка другому народу. Истинные взгляды славянофиловъ на взаимныя отношенія славянскихъ народовъ онъ характеризуетъ выдержками изъ извѣстныхъ рѣчей и статей И. С. Аксакова о братствѣ и равноправности славянъ и подробнымъ изложеніемъ проекта Н. Я. Данилевскаго о всеславянской федераціи. Наконецъ, приводится рядъ историческихъ справокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько благодѣтельное вліяніе имѣла Россія на историческую жизнь славянъ со времени Петра Великаго.

Весьма любопытны выводы, къ которымъ приходитъ г. Голечекъ по вопросу объ отношеніяхъ западныхъ славянъ къ Россіи въ будущемъ. «Меньшіе славянскіе народы получаютъ великую, непреодолимую нравственную силу изъ того обстоятельства, что Русь могущественна, сильна, свободна въ своихъ дѣйствіяхъ, служитъ грозой для нашихъ враговъ уже въ силу своего существованія, непрерывно ростетъ и не допускаетъ соперничества ни съ чьей стороны. Сила Руси есть сила славянъ, русская слава—слава славянъ. Хорошій славянинъ не можетъ завидовать Россіи. Своимъ могуществомъ Россія обязана кромѣ другихъ причинъ и особому счастью, которымъ не пользовались въ такой мѣрѣ дру-

гіе славяне. Изъ народовъ славянскихъ только русскіе могутъ похвалиться тѣмъ, что счастье ихъ не оставляло втеченіе цѣлыхъ трехъ вѣковъ. Славяне должны желать Россіи счастья какъ вѣрные братья и сердечно радоваться каждому ея успѣху. Въ счастьѣ Россіи славяне должны видѣть перстъ Провидѣнія, которое не даромъ такъ возвысило одинъ изъ славянскихъ народовъ надъ всѣми остальными, что между ними не можетъ быть спора о томъ, кому быть главой славянской семьи, кому имѣть первенство и руководительство. Но съ другой стороны ни одно славянское племя не должно видѣть въ могуществѣ и силѣ Россіи основанія къ собственной безпечности и бездѣятельности. Еслибъ Россія была еще въ десять разъ сильнѣе, изъ того еще не слѣдовало бы, что остальные славяне должны прозябать въ лѣности. Могущество Россіи побуждаетъ славянъ къ самодѣятельности, которая должна развиваться параллельно съ ростомъ могущества Россіи. Россія живетъ сама по себѣ, ей довольно самой себя, она сама себѣ служитъ свѣтомъ. Этого не можетъ сказать о себѣ никакое другое государство. Но именно потому Россія, оставаясь такой, какъ она есть, никогда не будетъ въ состояніи понять повседневныхъ трудовъ и потребностей меньшихъ славянъ. «Сытый голоднаго не разумѣетъ», съ горечью восклицаютъ меньшіе славяне, убѣждаясь, что «русскій стрицъ» не вникаетъ хорошо въ ихъ бѣды и нужды. Отъ такой дѣйствительности намъ не слѣдуетъ закрывать глаза. Итакъ славянинъ, восклицаетъ въ заключеніе г. Голечекъ, будь живъ какъ чехъ, хорватъ, сербъ, полякъ, но останься вѣренъ славянской идеѣ, славянской взаимности, славянской семьѣ».

Въ третьей главѣ авторъ представляетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній объ общности политическихъ интересовъ славянъ какъ такой чертѣ, которая соединяетъ разрозненныхъ представителей одного цѣлаго и въ исторической жизни славянскихъ народовъ даетъ перевѣсъ силѣ центростремительной надъ силой центробѣжной. Онъ не слѣдитъ за историческими судьбами славянства и его отношеніями къ міру романо-германскому въ отдаленномъ прошломъ, а останавливается на событіяхъ болѣе или менѣе близкихъ къ нашему времени. Онъ разбираетъ факты и явленія, имѣвшія мѣсто въ Россіи и у западныхъ славянъ послѣ Берлинскаго конгресса и вѣрно устанавливаетъ между ними тѣсную внутреннюю связь. Дипломатическое пораженіе Россіи

у зеленаго стола въ Берлинѣ сдѣлалось источникомъ величайшихъ несчастій для всего славянства. Оно повлекло за собой всеобщее разочарованіе въ славянскомъ дѣлѣ, упадокъ славянской идеи, отреченіе отъ нея. Реакція быстро охватила всѣ славянскіе народы. Въ Россіи начались извѣстныя внутреннія нестроенія, съ которыми совпало полное охлажденіе къ славянамъ и славянскому вопросу. У западныхъ славянъ возникаетъ австрійскій панславизмъ, усиливается пропаганда католицизма, начинается обычная рознь, приводящая къ братоубійственной сербо-болгарской войнѣ. Поворотъ къ лучшему начинается со вступленія на престолъ Государя Императора Александра III. Его мудрая и твердая внѣшняя и внутренняя политика опять подняла духъ въ славянствѣ. Вѣра въ Россію снова начала крѣпнуть у западныхъ славянъ. Идея славянская также ожила и со времени кирилло-меѳодіевскаго праздника въ 1885 г. все болѣе пріобрѣтаетъ для себя твердую почву въ разныхъ частяхъ славянскаго міра. Славянскіе народы все глубже проникаются сознаніемъ, что всѣмъ имъ угрожаетъ одинъ непріятель: Drang nach Osten, и всѣхъ ихъ соединяетъ одинъ общій интересъ: отразить этотъ Drang nach Osten.

Вмѣстѣ съ оживленіемъ славянскаго чувства почти у всѣхъ славянскихъ народовъ сказывается горячее стремленіе къ взаимному сближенію. Съ 1885 г. опять начинаютъ раздаваться настойчивые голоса о необходимости и своевременности перенесенія славянской идеи изъ области археологіи и философіи или поэтическихъ мечтаній на болѣе реальную почву. Въ разысканіи средствъ, какъ легче и лучше достигнуть такой реализаціи славянской идеи, всего чаще указываютъ на культурное сближеніе славянъ на почвѣ одного общаго языка и одной вѣры. Разъясненію этихъ важныхъ сторонъ славянскаго вопроса г. Голечекъ посвѣщаетъ двѣ послѣднія главы своего труда. Изложеніе вопроса объ общемъ славянскомъ языкѣ и письмѣ составляетъ у него цѣлый трактатъ (стр. 136—204), который долженъ занять видное мѣсто въ довольно значительной литературѣ предмета. Онъ состоитъ изъ историческаго очерка попытокъ теоретическаго рѣшенія вопроса и изложенія точки зрѣнія самого автора—чеха. Здѣсь насъ болѣе занимаетъ вторая часть главы, такъ какъ сюжетъ первой ея части хорошо извѣстенъ русскимъ читателямъ въ болѣе полной и обстоятельной обработкѣ, сдѣланной проф.

А. С. Будиловичемъ въ его трудѣ «Общеславянскій языкъ въ ряду другихъ общихъ языковъ древней и новой Европы» (В. 1891. Два тома). Относительно установленія у славянъ однообразнаго письма г. Голечекъ является горячимъ сторонникомъ кириллицы и искренно желалъ бы введенія ея въ чешскую письменность вмѣсто латинницы, при томъ съ этимологическимъ правописаніемъ, но признаетъ, что въ настоящее время это дѣло трудно осуществимо, вслѣдствіе тяжелыхъ политическихъ условій, въ какихъ находится чешскій народъ, да и другіе славяне, пользующіеся латиницей. Зато въ вопросѣ объ общеславянскомъ языкѣ онъ рѣшительно и энергично ратуетъ за русскій языкъ, какъ таковой, который можетъ соединить въ культурномъ отношеніи всѣ славянскіе народы и изученіе котораго обязательно для всякаго образованнаго славянина. Свои воззрѣнія на возможную роль русскаго языка въ славянскомъ мірѣ и отношенія къ нему, какъ языку общеславянскому, мѣстныхъ славянскихъ языковъ авторъ передаетъ въ слѣдующихъ положеніяхъ, прекрасно развитыхъ и мотивированныхъ имъ въ самомъ изложеніи предмета: 1) въ настоящее время славяне уже твердо убѣждены въ томъ, что только русская литература можетъ имѣть значеніе всеславянской; 2) теорія Коллара о четырехъ главныхъ и равноправныхъ языкахъ славянскихъ, изученіе которыхъ обязательно для всякаго славянскаго патріота, признана неудобной для проведенія на практикѣ; славяне должны согласиться въ томъ, что только одинъ изъ нихъ можетъ быть старшимъ, только одна литература главной и общеславянской; 3) славяне признаютъ русскій народъ старшимъ въ средѣ братьевъ, а его языкъ—первымъ въ ряду прочихъ, съ которымъ они не могутъ соперничать; 4) каждый образованный славянинъ обязанъ усвоить себѣ русскій языкъ, разговорный и литературный, и признать его міровое значеніе; 5) такое требованіе не можетъ, однако, быть предъявлено къ народнымъ массамъ, которыя пользуются преимущественно мѣстными родными языками и литературами; 6) для славянской интеллигенціи русскій языкъ долженъ быть языкомъ общественнымъ, международнымъ, вмѣсто языковъ чужихъ, особенно нѣмецкаго; 7) славянскіе ученые должны писать и издавать на русскомъ языкѣ сочиненія, которыя обыкновенно предполагаются для иностранныхъ литературъ; 8) языкъ русскій не долженъ быть помѣхой языкамъ и

литературамъ славянскимъ на ихъ естественной почвѣ; 9) вопросъ объ общеславянскомъ литературномъ языкѣ имѣетъ значеніе не только культурное, но и политическое; 10) понимая это, славяне отказываются отъ всякихъ теорій и ученій, которыя могли бы побудить ихъ на какое-либо соперничество съ Россіей; 11) взамѣнъ того славяне ожидаютъ отъ Россіи, что она будетъ поддерживать ихъ политическія стремленія и посильно содѣйствовать ихъ освобожденію въ границахъ, указываемыхъ славянскою идеей.

Относительно этихъ положеній можно ограничиться лишь однимъ замѣчаніемъ. Въ нихъ дано разрѣшеніе всѣхъ недоумѣній *) по вопросу о роли и значеніи русскаго языка какъ общеславянскаго, на которыя указываетъ А. Н. Пыпинъ въ своей рецензіи на упомянутое сочиненіе проф. А. С. Будиловича. Очевидно, въ средѣ западныхъ славянъ все болѣе назрѣваетъ мысль о важности усвоенія русскаго языка прежде всего какъ языка высшей образованности, науки, литературы, международныхъ сношеній, при сохраненіи мѣстныхъ языковъ и литературъ, какъ необходимыхъ образовательныхъ средствъ народовъ и оригинальнаго выраженія ихъ національнаго духа. И такой взглядъ на дѣло намъ представляется наиболѣе подходящимъ къ современному положенію вопроса объ общеславянскомъ языкѣ. Остается выяснить только, какъ легче и удобнѣе содѣйствовать практическому осуществленію этой потребности западныхъ славянъ путемъ усиленія книжныхъ и литературныхъ сношеній, заведеніемъ школъ и курсовъ русскаго языка въ славянскихъ земляхъ, основаніемъ русскихъ журналовъ и учрежденіемъ русскихъ библіотекъ въ главнѣйшихъ центрахъ славянства и проч.

Не меньше заняла вниманіе автора религіозная сторона славянскаго вопроса (204—284). Культурное сближеніе славянъ на почвѣ вѣроисповѣдной представляется г. Голечку дѣломъ болѣе труднымъ, чѣмъ усвоеніе одного общаго языка. Главная причина трудности заключается въ воинствующемъ характерѣ римскаго католицизма, который, не ограничиваясь уже сдѣланными завоеваніями въ славянскомъ мірѣ, постоянно стремится къ по-

---

*) Ср. объ этомъ ст. «Вопросъ объ общеславянскомъ языкѣ» въ V—VI кн. «Слав. Обозрѣнія». *Прим. Ред.*

вымъ пріобрѣтеніямъ въ средѣ православнаго славянства и тѣмъ устраняетъ для себя возможность какого-либо примиренія или соглашенія съ восточной православной церковью. Раскрытіемъ этой самой больной стороны славянскаго религіознаго вопроса и занята послѣдняя глава книги. Здѣсь приведены обстоятельныя историческія справки объ утвержденіи католицизма въ славянскихъ земляхъ, о возникновеніи и распространеніи такъ называемой уніи и о новѣйшей латинской пропагандѣ въ средѣ православныхъ славянъ. Относясь съ искренними, нескрываемыми симпатіями къ православію, авторъ отмѣчаетъ темныя стороны католическаго вліянія на славянство и живо изображаетъ бѣдствія, какія принесъ съ собой католицизмъ многимъ славянскимъ народамъ, особенно чехамъ. Болѣе всего его тревожитъ и озабочиваетъ новѣйшая латинская пропаганда, широко раскинувшая свои сѣти между православными славянами Балканскаго полуострова и Австро-Угорской имперіи. Въ ней онъ видитъ опасную помѣху развитію славянской идеи. Представляемая ею опасность для общеславянскаго дѣла увеличивается тѣмъ обстоятельствомъ, что пропаганда эта ведется очень искусно подъ славянскимъ знаменемъ. Римскій католицизмъ въ лицѣ папы и ближайшихъ его помощниковъ обѣщаетъ отступникамъ отъ православія соединеніе всѣхъ славянъ въ одной вѣрѣ, а католическимъ славянамъ, мечтающимъ о народной церкви, разрѣшеніе славянскаго языка въ богослуженіи. Но первое обѣщаніе конечно не осуществимо, а второе врядъ-ли когда либо будетъ исполнено; по крайней мѣрѣ ни хорваты, ни чехи не дождались еще славянскаго богослуженія въ своихъ церквахъ, и печальная исторія со славянской миссой въ юбилейный праздникъ св. Меѳодія во очію показала, насколько можно довѣряться обѣщаніямъ, идущимъ изъ Рима. Въ средѣ нѣкоторыхъ западно-славянскихъ вѣтвей, особенно у чеховъ и моравянъ, въ послѣднее время наблюдается весьма значительное религіозное движеніе (охватившее и часть духовенства), имѣющее цѣлью возстановленіе народной церкви на началахъ кирилло-меѳодіевской традиціи. Вожди этого движенія настаиваютъ главнымъ образомъ на введеніи богослуженія на славянскомъ языкѣ. Г. Голечекъ справедливо замѣчаетъ, что одинъ славянскій языкъ еще не создаетъ народной церкви. Понятіе народной церкви предполагаетъ автокефальность или самостоятельность управле-

нія церкви, слѣд. отрѣшеніе отъ Рима. Иначе получается унія, особый компромиссъ съ папствомъ, какъ извѣстно, уже принесшій не мало бѣдъ славянству. Учрежденіе народныхъ славянскихъ церквей у славянъ-католиковъ было бы лучшимъ средствомъ къ религіозному сближенію всѣхъ славянскихъ народовъ. Но для того, чтобы могло осуществиться это важное дѣло, необходимо прежде всего парализовать латинскую пропаганду, которая, прикрываясь идеальными цѣлями, отнимаетъ свободу исповѣданія у православныхъ славянъ. Нашъ авторъ полагаетъ, что обязанность западныхъ славянъ-католиковъ всячески противодѣйствовать этому дѣлу. Починъ въ такомъ протестѣ, говоритъ онъ, главнѣйше принадлежитъ намъ, чехамъ, которыхъ сближаютъ съ русскими традиціи кирилло-меѳодіевскія и гуситскія.

Таково въ главныхъ чертахъ содержаніе прекрасной книги г. Голечка. Мы не можемъ входить здѣсь въ болѣе подробный разборъ ея. Онъ вывелъ бы насъ далеко за намѣченныя рамки настоящей статьи, такъ какъ по каждому изъ затрогиваемыхъ авторомъ жизненныхъ для славянства вопросовъ можно было бы сдѣлать тѣ или другія замѣчанія. Мы ограничимся здѣсь только однимъ общимъ сужденіемъ. Высказанныя г. Голечкомъ общія воззрѣнія по славянскому вопросу проникнуты теплою, горячею любовью къ славянству, отличаются такою искренностью и правдивостью, такъ близко согласуются съ мнѣніями замѣчательнѣйшихъ представителей русскаго славянофильства, что нельзя имъ не сочувствовать, не раздѣлять ихъ. Намъ остается только пожалѣть, что эта книга, отличающаяся и высокими литературными достоинствами, по винѣ австрійской свободы печати, такъ восхваляемой нѣкоторыми органами нашей прессы, не проникла въ массу чешской читающей публики, и высказать горячее пожеланіе, чтобы она возможно скорѣе была переведена на русскій языкъ и получила широкое распространеніе въ Россіи.

Кіевъ. 15 іюня 1892 г. **Т. Флоринскій.**

Воспоминанія объ Александрѣ Аѳанасьевичѣ Потебнѣ *

(Окончаніе)

Потебня не любилъ читать общихъ курсовъ и при своемъ оставленіи на первое пятилѣтіе выговорилъ себѣ условіе читать предметы по своему выбору. Чтеніе общихъ курсовъ противорѣчило его взглядамъ на задачи университетскаго преподаванія, которое должно имѣть пропедевтическое значеніе. Не знаю, какъ онъ читалъ раньше, но въ послѣднее время всѣ курсы его имѣли спеціальный характеръ; содержаніемъ ихъ служилъ тотъ или другой отдѣлъ «новыхъ записокъ» по русской грамматикѣ. Тому, кто отъ его лекцій ждалъ матеріала для экзаменовъ или желалъ найти въ нихъ школьную науку и укрѣпиться въ знаніяхъ, необходимыхъ для будущаго элементарнаго преподаванія русскаго языка въ школѣ, курсы Потебни не могли нравиться. Приходившіе съ такими требованіями въ его аудиторію мало выносили изъ нея, не понимая, что профессоръ имѣлъ въ виду и эту цѣль, но избралъ для ея достиженія не то средство, какое обыкновенно употребляютъ.

Науку можно изучать лишь по частямъ, говаривалъ профессоръ, я же на одной изъ такихъ частей покажу пріемы, методъ, который можно приложить къ изученію цѣлаго. О методѣ А. А. никогда не разсуждалъ отдѣльно отъ изложенія, а показывалъ его примѣненіе на дѣлѣ, формулируя двумя-тремя словами и предупреждая о возможности ошибокъ. Не любилъ онъ и такъ называемыхъ «новыхъ» методовъ, не находя смысла въ названіяхъ: методъ сравнительный, историческій, сравнительно-историческій, научный и т. п. въ ихъ обыденномъ пониманіи. Методы изслѣдованія — это-де пріемы по-

---

* См. Слав. Обозрѣніе, кн. май—іюнь, стр. 120—126.

знанія, которые въ сущности извѣчны. Всякое познаніе предполагаетъ сравненіе, всякая наука—историческая, ибо основою познанія служитъ генезисъ предмета или явленія, выясненіе его причинъ и слѣдствій. Потебня сурово казнилъ высокомѣрное отношеніе къ прошлому науки, называя эту гордость «школы» холопскою.

Курсы Потебни имѣли важное пропедевтическое значеніе, причемъ эта пропедевтика относилась не только къ его предмету, но обнимала всю область искусства и науки, ибо чтенія профессора не стѣснялись опредѣленными рамками, а захватывали на своемъ пути все, что важно. Это, пожалуй, нарушало цѣльность содержанія курсовъ, систематичность ихъ, но зато расширяло умственный горизонтъ слушателей, углубляло ихъ міровоззрѣніе.

Я мало знаю о содержаніи и общемъ характерѣ курсовъ грамматики, читанныхъ Потебней въ предыдущіе годы, но въ послѣднее время эти курсы имѣли своимъ предметомъ исторію русской народной мысли, изучаемой на общеславянской и даже общеарійской основѣ. Девизомъ всѣхъ этихъ курсовъ можно поставить изученіе жизни русскаго слова въ его значеніяхъ. Языкознаніе онъ понималъ въ высшемъ, философскомъ смыслѣ, въ духѣ воззрѣній Вильгельма Гумбольдта.

Нѣкоторыхъ отдѣловъ русской грамматики, напр. фонетики, діалектологіи, морфологіи Потебня не читалъ въ послѣднее время, кажется потому, что считалъ эти отдѣлы второстепенными въ языкознаніи. Но онъ съ любовью давалъ объясненія по вопросамъ изъ этихъ служебныхъ отдѣловъ языкознанія въ тѣхъ случаяхъ, когда, по его выраженію, необходимо было построить лѣса для пониманія внутренней жизни слова или выраженія. Это чаще всего случалось при чтеніи старинныхъ памятниковъ или когда студенты интересовались сами такими вопросами. Такъ однажды передъ экзаменомъ студенты обратились къ нему за совѣтомъ и указаніями, гдѣ можно найти необходимыя свѣдѣнія по русской діалектологіи. Гурьбой отправились они къ нему на квартиру и встрѣтили его выходящимъ изъ дому, вѣроятно, для прогулки. Профессоръ воротился въ кабинетъ и часа два бесѣдовалъ съ ними, стараясь познакомить ихъ съ общимъ ходомъ развитія русскихъ говоровъ. И такъ наглядно, такъ осязательно выступали передъ нами одна за другою особенности нарѣчій великорусскаго, малорусскаго и бѣлорусскаго, съ ихъ развѣтвленіями, что мы какъ будто слышали говоръ многомилліонной массы, отъ береговъ Чернаго моря до Ледовитаго океана. Двумя рѣзкими чертами: усиленіемъ лабіализма по направленію къ сѣверу и гортанности—къ югу, повидимому исчер-

пывалась вся характеристика русскихъ говоровъ. Но сколько жизни было въ этомъ изображеніи!

Другою причиною того, почему Потебня не читалъ курсовъ по звуковой исторіи русскаго языка, было его воззрѣніе на обязанности учителя и задачи преподаванія. Настоящій учитель долженъ учить тому, чѣмъ онъ самъ занимается, что онъ самъ считаетъ важнымъ. Потебня приходилъ въ аудиторію не для того, чтобы читать лекціи о томъ, чему онъ не придавалъ особаго значенія или что уже давно перестало его интересовать, но чтобы продолжать ту работу мысли, которою онъ былъ занятъ и въ своемъ кабинетѣ. А центръ тяжести занятій Потебни въ послѣднее время лежалъ въ наблюденіяхъ надъ процессомъ измѣненія значеній слова и смѣной грамматическихъ категорій или, что то же, категорій мысли. Даже въ такихъ, повидимому, спеціальныхъ курсахъ, какъ ученье о глаголѣ, о видахъ и временахъ, А. А. находилъ случаи касаться вопросовъ историко-культурнаго характера, напр. о національныхъ особенностяхъ русской мысли. Замѣчанія его были такъ характерны, что я не могу не привести ихъ здѣсь въ сжатомъ видѣ, по воспоминаніямъ.

Говоря о глубокой разницѣ между стилями глагольныхъ образованій новыхъ и древнихъ языковъ, Потебня замѣтилъ, что переводъ невозможенъ безъ измѣненія смысла, ибо мысль, духъ сами по себѣ не передаваемы. Слово одного языка не тожественно-де слову другого языка, хотя бы они относились къ одному и тому же предмету или явленію. Языкъ, орудіе мысли, имѣетъ національный характеръ и безъ него немыслимъ. Этого рода національзмъ не заслуживаетъ-де осужденія. Онъ существуетъ въ поэзіи, философіи, въ наукѣ, хотя опредѣленіе его иногда весьма трудно, даже невозможно. Онъ не исключаетъ терпимости, а наоборотъ, предполагаетъ ее, ибо признаніе своей національности есть признаніе и національности другихъ народовъ. Въ этомъ отношеніи національзмъ согласенъ-де съ евангельскимъ ученіемъ о любви къ ближнему. Евангеліе переведено-де на всѣ языки, но для каждаго народа, для каждаго лица оно по оттѣнкамъ выраженія разное. Это различіе не противорѣчитъ однако духу евангелія. Божественныя истины не страдаютъ отъ переводовъ на разные языки, даже жаргоны. Кто возстаетъ противъ такихъ переводовъ, тотъ забываетъ, что самъ Христосъ проповѣдовалъ на жаргонѣ. Общечеловѣческой истины нѣтъ. Если же мы иной разъ выдаемъ по ошибкѣ свою, добытую національнымъ путемъ истину за общечеловѣческую, то это лишь значитъ, что мы выдаемъ желаніе за фактъ. Чѣмъ культурнѣе общество, тѣмъ сознательнѣе оно относится къ національному. Денаціонализація образованнаго человѣка — не возможна,

необразованнаго—легче. Всякая попытка денаціонализаціи языка, въ родѣ напримѣръ воланюка, представляетъ абсурдъ. Философы становятся-де на дыбы изъ-за общечеловѣческой истины, называя извергами противниковъ общечеловѣческихъ идеаловъ; но если подъ идеаломъ понимать нѣчто хорошее, желанное, то идеалы—національны. Національзмъ исключаетъ народную гордость или такое настроеніе, въ силу котораго евреи напр. увѣровали, что они призваны править міромъ. Націонализмъ, проповѣдуемый языкознаніемъ, не похожъ на націонализмъ насильственный, государственный. Языкознаніе учитъ: мысль прежде всего индивидуальна, затѣмъ она національна, поскольку мыслящій принадлежитъ къ той или другой націи и находится подъ воздѣйствіемъ сложившихся исторически условій. Бороться съ исторіей, во имя личнаго усмотрѣнія—безплодно: конкурентъ слишкомъ силенъ!

Въ своихъ изслѣдованіяхъ по синтаксису Потебня являлся высокимъ художникомъ-мыслителемъ, умѣвшимъ въ своемъ анализѣ русскаго слова глубоко проникать въ духовную жизнь русскаго народа и черпать оттуда самое интересное, самое важное. Вотъ почему мы не имѣемъ цѣльнаго синтаксиса Потебни, въ родѣ Миклошича, а цѣлый рядъ этюдовъ: о составномъ сказуемомъ, о замѣнахъ существительнаго, о грамматическомъ родѣ, о безсубъектныхъ предложеніяхъ и т. п. На этихъ явленіяхъ зиждется и его теорія націонализма, которая такъ однако волновала его мысль, неполучивъ однако истиннаго и детальнаго выраженія въ его печатныхъ трудахъ. Ясной формулы своихъ взглядовъ по этому вопросу онъ не давалъ, быть можетъ считая ее преждевременною, но, угадывая будущіе успѣхи языкознанія, онъ говаривалъ образами: «Отъ качества струга зависитъ форма стружекъ, отъ устройства машинки для приготовленія макароновъ зависитъ форма приготовляемыхъ продуктовъ». Такъ и знанія, и мысли имѣютъ національныя формы, и чѣмъ лучше, самобытнѣе послѣднія, тѣмъ крѣпче мысль, тѣмъ прочнѣе успѣхи ея развитія. Чтеніе старинныхъ памятниковъ было прямымъ дополненіемъ теоретическихъ курсовъ, съ которыми оно находилось въ тѣсной связи. Но объясняя тексты, профессоръ никогда не останавливался на однихъ только строго-грамматическихъ объясненіяхъ. Удачная фраза, мѣткій образъ, да наконецъ просто ошибка въ правописаніи вызывали у него иногда цѣлый рядъ глубокомысленныхъ соображеній. Такъ напр. по поводу формъ: идти вмѣсто ити и т. п. онъ распространился какъ то о засореніи нашего литературнаго языка, который имѣетъ-де въ своей фразеологіи много странныхъ или прямо невѣжественныхъ заимствованій то изъ французскаго, то изъ нѣмецкаго и другихъ языковъ,

въ родѣ напр. такихъ выраженій, какъ «имѣть мѣсто» (statshaben), «не въ своей тарелкѣ» (съ франц. dans son assiette) и т. п. Такъ какъ засореніе нашего литературнаго языка приняло большіе размѣры, то необходима-де радикальная чистка его, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Нужно круто повести это дѣло, ибо и прежніе новаторы дѣйствовали энергично. Полезно бы собрать въ особой, небольшой книжкѣ всѣ эти перлы quasi-ученыхъ выраженій и представить ихъ въ наготѣ, освѣтивъ настоящимъ образомъ. Образцы подобныхъ сочиненій существуютъ во всѣхъ почти западныхъ литературахъ, напр. въ Германіи, Франціи (впрочемъ съ крайнимъ направленіемъ). У чеховъ есть подобное сочиненіе (Brus) Гаттазы, у поляковъ Валицкаго (Błędy, et c). Мы походимъ-де въ этомъ отношеніи на общество, гдѣ невѣжда, взявъ палку, начинаетъ всѣми командовать. Индиферентизмъ въ этомъ случаѣ не простителенъ.

Сравнительный элементъ игралъ вообще видную роль въ комментаріяхъ Потебни, и это вело къ выясненію особенностей другихъ языковъ. Переводный характеръ древней литературы требовалъ еще болѣе пояснительныхъ замѣчаній такого рода. Потебня въ послѣднее время занимался повидимому больше чѣмъ когдалибо трудами Іоанна, экзарха болгарскаго, которые онъ высоко цѣнилъ. Замѣчанія этого древняго писателя о переводѣ книгъ повели профессора къ объясненіямъ о переводѣ съ другихъ языковъ, объ ихъ изученіи и т. п. Изученіе заразъ нѣсколькихъ языковъ, которое считается обязательнымъ для дѣтей въ высшихъ слояхъ общества, Потебня находилъ положительно вреднымъ. Это ненужное переодѣваніе изъ одной сорочки въ другую мѣшаетъ-де полнотѣ развитія мысли, которая можетъ совершенствоваться только на одномъ какомъ-нибудь языкѣ. Знаніе иностранныхъ языковъ необходимо-де для того, чтобы сдѣлать себѣ доступнымъ чужое. Усвоеніе же чужого ради усвоенія не имѣетъ никакого смысла, кромѣ удовлетворенія холопскому высокомѣрію, которое выражается между прочимъ въ томъ, что русская барыня, проходя въ толпѣ, обращается къ своей дочери по-французски или по-англійски, думая этимъ возвыситься надъ окружающими.

Что касается лекцій А. А. по теоріи словесности, то мнѣ пришлось прослушать два курса по этому предмету; первый посвященъ былъ вопросу объ отношеніи поэтическаго произведенія къ слову, второй—ученію о видахъ поэтической иносказательности, въ частности о тропахъ и фигурахъ.

Въ началѣ курса слушатели прежде всего узнали, что въ обычномъ опредѣленіи поэзіи, какъ искусства, представляющаго сущность идей не отвлеченно, а конкретно, въ образахъ, кромѣ логи-

ческой неправильности заключается и миоический элементъ, унаслѣдованный отъ Платона и Аристотеля, такъ какъ противоположеніе идеи и формы предполагаетъ пару: «я и мое тѣло» и т. п. Указавъ мимоходомъ на пособія, профессоръ опредѣлилъ поэзію какъ особаго рода теоретическую дѣятельность, направленную на самоусовершенствованіе, указалъ на отношеніе поэзіи къ прочимъ искусствамъ, въ особенности къ живописи, и остановился на свойствахъ слова, съ яснымъ и неяснымъ этимологически значеніемъ. Отсюда—двѣ категоріи словъ: безобразныхъ и образныхъ, образцами которыхъ могутъ служить: береза и мать-и-мачиха (растеніе). Въ первомъ не ясно, почему такъ названа береза, неизвѣстно для обыкновеннаго сознанія—какъ; во второмъ это какъ—ясно: растеніе имѣетъ листья съ одной стороны глянцевитые, холодные, съ другой шероховатые, теплые, какъ символъ нелюбви и любви. Въ образномъ словѣ поэтому—три элемента: образъ, значеніе и представленіе. Пріемы этимологіи, въ смыслѣ отысканія предыдущаго значенія, профессоръ примѣнилъ дальше и къ сложнымъ произведеніямъ слова, а дѣленіе словъ на образныя и безобразныя и переходъ отъ одного типа словъ къ другому привели его къ заключенію о постоянной смѣнѣ двухъ пріемовъ мышленія, поэзіи и прозы. Чередованіе пріемовъ поэтической и прозаической мысли въ этомъ освѣщеніи являлось средствомъ не только созданія языка, но и созданія всей человѣческой мысли, ибо смѣна поэзіи и прозы также необходима-де, какъ вдыханіе и выдыханіе. Говорить поэтому объ уменьшеніи поэзіи нѣтъ смысла, что доказывается и возникновеніемъ все новыхъ пословицъ, поговорокъ и т. п. Составныя части слова при его возникновеніи, когда оно является актомъ познанія съ одной стороны, а поэтическаго произведенія—съ другой, частью аналогичны, частью тождественны. Слово можетъ быть разсматриваемо какъ элементарная форма поэтическаго произведенія. Лишь въ болѣе сложныхъ поэтическихъ произведеніяхъ это сходство менѣе очевидно.

Исходя изъ положенія, что міръ въ человѣческомъ сознаніи принимаетъ субъективный характеръ, профессоръ указалъ на постоянное стремленіе человѣка разграничить свое *я* отъ всего прочаго,—другими словами, познать міръ путемъ выдѣленія своего *я*. Это своего рода самопознаніе, которое въ то же время является и познаніемъ міра. Совершается оно не путемъ самосозерцанія, что невозможно, а посредствомъ изученія своего прошлаго, такъ какъ наше *я* безпрерывно измѣняется, а остановить это измѣненіе нельзя. Поэтому на мѣсто непосредственнаго внутренняго само-

созерцанія слѣдуетъ-де выставить положеніе: «дѣйствуй и въ дѣлахъ своихъ познай себя».

Первообразное и притомъ невольное дѣйствіе, предполагаемое такимъ самопознаніемъ, заключается въ томъ, что состояніе нашего *я*, безпрерывно утекающее, отъ времени до времени оставляетъ ощутимые слѣды въ членораздѣльномъ звукѣ. Въ этомъ смыслѣ слово объективируетъ мысль, дѣлаетъ ее предметомъ, тѣмъ дѣломъ или дѣйствіемъ, безъ котораго невозможно самопознаніе. Вмѣстѣ съ этимъ происходитъ другой процессъ: самъ человѣкъ, говоря, разсуждая, измѣняется, совершенствуется. Слово является слѣд. и орудіемъ преобразованія мысли, дѣломъ души человѣка. Языкъ даетъ общія категоріи, по которымъ распредѣляется мыслимое. Но содержаніе этихъ категорій у разныхъ народовъ различно; оно различно даже у лицъ, принадлежащихъ къ одному и тому же племени. Отсюда индивидуальныя и народныя особенности рѣчи.

Выяснивъ широкій потокъ творчества, совершаемый въ языкѣ по традиціоннымъ путямъ, унаслѣдованнымъ отъ прошлаго, и устранивъ кажущееся противорѣчіе между утвержденіемъ, что языкъ есть средство сообщать другимъ свои мысли и въ то время средство созданія, преобразованія ихъ для самого себя, профессоръ подробнѣе остановился на вопросѣ: въ чемъ же состоитъ преобразованіе мысли? Такимъ преобразованіемъ является-де созданіе отвлеченій и процессъ этотъ наблюдается только въ словѣ.

Переходя затѣмъ отъ свойствъ слова къ свойствамъ сложнаго поэтическаго произведенія, мы легко можемъ-де убѣдиться, что послѣднее также является средствомъ объективироватъ свою мысль, преобразовывать ее. И потому оно необходимо прежде всего для самого автора. Поэтическое произведеніе создается прежде всего для внутреннихъ цѣлей, а потомъ для другихъ людей или внѣшнихъ цѣлей автора, каковы деньги, слава, служеніе обществу, народу, человѣчеству. Такимъ образомъ старая формула: «искусство для искусства», получала новое освѣщеніе. Поэзія тутъ являлась дѣломъ души человѣка, чѣмъ обусловлены и свобода творчества, и благородный эгоизмъ его, и стыдливость поэтическихъ признаній, прикрывающаяся плащемъ иносказательности.

Для устраненія противорѣчія между процессомъ созданія и продуктомъ его (поэтическимъ произведеніемъ), противорѣчія не логическаго, а происходящаго отъ разновременности этихъ двухъ явленій, профессоръ кромѣ своихъ соображеній привелъ цѣлый рядъ поэтическихъ признаній изъ Тургенева, Пушкина, Гоголя, Гёте и другихъ. Вопросъ объ «искусствѣ для искусства» устранялся дѣленіемъ занятій человѣческихъ на питательныя и воспи-

тательныя. Такъ постепенно подготовлялось рѣшеніе вопроса объ отношеніи автора къ критикѣ, къ публикѣ, наконецъ къ толпѣ черни, съ которою неоднократно вступалъ въ идеальную бесѣду Пушкинъ. Взявъ лучшихъ дѣятелей на поприщѣ поэзіи, Гёте, Пушкина, Тургенева и др., профессоръ въ цѣломъ рядѣ лекцій нарисовалъ борьбу новой, нарождающейся мысли съ отживающими предразсудками, искреннихъ признаній съ затаенною ложью.

Противоположность той свободы, которой ищетъ поэтъ, и стѣсненій, налагаемыхъ средою, обществомъ, критикой, есть только частный случай столкновенія лица со средою, —случай, наиболѣе ясный, характерный. Поэтъ можетъ-де настаивать на своемъ требованіи свободы, потому что цѣль его дѣятельности не можетъ быть заранѣе опредѣлена ни имъ самимъ, ни обществомъ.

Такимъ образомъ свобода творчества есть-де одинъ изъ видовъ свободы совѣсти; а свобода дѣятельности есть право, налагающее соотвѣтственныя обязанности.

Что касается отношеній произведенія къ поэту, то по мнѣнію А. А., чѣмъ выше произведеніе, тѣмъ оно автобіографичнѣе. Если поэтъ настроенъ эпически, онъ рѣшаетъ историческую задачу сквозь призму своего личнаго пониманія. Если онъ лирикъ, онъ пишетъ исторію своей души, а косвенно и исторію своего времени, и это служитъ для него средствомъ саморазвитія. Такіе акты саморазвитія происходятъ и въ заурядныхъ лицахъ. Работа поэта надъ собой есть въ то же время и работа общества. Писать исторію своей души—значитъ сваливать съ плечъ своихъ тяжесть, очищать свою душу признаніемъ.

Біографичность надо понимать въ смыслѣ тѣсной связи сочиненій писателя съ его жизнью, т. е. тѣмъ рядомъ впечатлѣній, которые проходили чрезъ его голову. Такого рода біографичность отражается и въ самихъ событіяхъ, которыя онъ изображаетъ, и въ манерѣ писать, въ слогѣ. Такъ напр. основными чертами гоголевскаго слога были гипербола и литотесъ; это его болѣзнь, отъ которой онъ не могъ отдѣлаться. Отнять это свойство физіологическое—значило бы лишить его возможности писать. При наклонности къ такому настроенію, человѣкъ раздуваетъ свое *я*, которое въ такомъ раздутомъ состояніи легче подвергается оскорбленію. Отсюда колебанія между самовозвышеніемъ и самоуничиженіемъ, между гиперболой и литотесомъ.

Одна крайность рождаетъ другую. Это колебаніе характерно и для русскаго общества. Мы знаемъ, говорилъ профессоръ, народы, гдѣ этихъ колебаній нѣтъ, гдѣ гипербола является постоянной, какъ напр. чувство самовозвышенія у мадьяръ. Но такія колебанія

пожалуй даже утѣшительны. Что бы вышло, если бы похмѣлье продолжалось постоянно!

Посвятивъ далѣе одну лекцію положенію, что языкъ есть созданіе общества, А. А. перешелъ къ вопросу о значеніи слова и поэтическаго произведенія для слушающаго, т. е. къ вопросу о пониманіи. Суть этихъ лекцій состояла въ блестящемъ развитіи законовъ такъ называемой въ психологіи апперцепціи, въ примѣненіи къ теоріи словесности, въ частности — критики. Исходной точкой служило слѣдующее положеніе: когда поэтическій образъ созданъ, то будетъ ли имъ пользоваться самъ создавшій (художникъ), или кто либо другой,—во всякомъ случаѣ это пользованіе будетъ состоять въ подведеніи къ общему (заключенному въ образѣ) разныхъ частныхъ случаевъ. И эти случаи будутъ каждый разъ различны, какъ въ самомъ создавшемъ, такъ и въ понимающемъ. Критика является слѣд. особымъ видомъ творчества, ибо примѣненіе образа, дѣлаемое критикомъ, есть въ то же время и созданіе новаго образа, подобно примѣненію слова къ разнымъ предметамъ. Живучесть поэтическаго образа объясняется не неопредѣленностью его значенія или идеи, а способностью такого образа служить сказуемымъ все новыхъ и новыхъ подлежащихъ, появляющихся въ читателѣ и слушателѣ, при пониманіи или воспріятіи. Въ этой безконечности примѣненій, о которыхъ авторъ никогда и не думалъ, образъ остается относительно неподвижнымъ.

Утвержденіе, что художественное произведеніе характеризуется якобы соотвѣтствіемъ образа и идеи, по мнѣнію Потебни,—миѳъ унаслѣдованный отъ Платона. Требованіе критиковъ, чтобы художественное произведеніе было именно тѣмъ, что имъ нравится,—дико. Когда критикъ объявляетъ войну художнику и налагаетъ цѣпи своего, слѣд. чуждаго личности поэта пониманія, то здѣсь повторяется положеніе Крыловской «Свиньи подъ дубомъ».

Поэзію А. А. опредѣлялъ какъ такой способъ мышленія и выраженія, при которомъ сужденіе происходитъ при помощи образа, имѣющаго непремѣнно иносказательное значеніе. Иносказательность эта истолковывалась профессоромъ въ обширномъ смыслѣ, и подраздѣлялась на два главныхъ вида: метафоричность образа и типичность его.

Освѣщая общія положенія примѣрами, А. А. пользовался исключительно признаніями поэтовъ и законами языка. Заканчивался этотъ первый курсъ теоріи словесности нѣсколькими лекціями объ отношеніи поэзіи (искусства) къ прозѣ (наукѣ). Искусство, опредѣляемое не красотою, не единствомъ въ разнообразіи, не художественной правдой и т. п., являлось здѣсь, въ новомъ освѣщеніи,

незамѣнимымъ средствомъ познанія природы, такъ какъ результаты научнаго анализа, еслибы они были даже адэкватны художественнымъ произведеніемъ по задачамъ, не произвели бы такого впечатлѣнія, какъ послѣднія, которыя легче охватить умомъ. Кромѣ того искусство вообще, а поэзія въ частности въ своихъ наблюденіяхъ всегда идетъ впереди науки. Это доказываетъ исторія искусствъ. Они ставятъ наукѣ задачи, разрѣшеніе которыхъ слѣдуетъ гораздо позже, а нѣкоторыя остаются и вовсе безъ разрѣшенія. Поэзія—прямой путь познанія; убить ее—значитъ уничтожить полноту человѣческой природы. Если слѣдовательно извѣстный народъ имѣетъ счастье обладать этимъ средствомъ познанія, то онъ долженъ дорожить этимъ даромъ, чтобы не утратить его, ибо бываютъ времена, когда люди лишаются этого счастья.

Кромѣ этого общаго значенія искусства, А. А. обращалъ вниманіе и на воспитательную его роль. Оставивъ въ сторонѣ вопросъ о нравственномъ элементѣ въ поэзіи, онъ подчеркнулъ одну характерную черту поэтическихъ образовъ: способность дѣйствовать на волю, возбуждать напр. героизмъ, готовность жертвовать собою цѣлямъ общеполезнымъ. Если желательно, чтобы литература такъ дѣйствовала, то вмѣстѣ съ тѣмъ желательно, чтобы подобнаго рода образы существовали въ поэзіи. Есть литературы, гдѣ они отсутствуютъ... И счастливы тѣ, которыя обладаютъ такими поэтическими образами, дающими настроеніе героическое! Потребность въ созданіи положительныхъ типовъ давно сознавали русскіе писатели. Гоголь глубоко чувствовалъ эту потребность, но въ томъ-то и заключался трагизмъ его положенія, что положительные типы не выдумываются. Такихъ людей поэтъ долженъ наблюдать въ дѣйствительности.

Пессимизмъ въ литературѣ или въ жизни есть направленіе гибельное: онъ разрушаетъ и нравственность и жизнь. Пессимизмъ ведетъ къ тому, что если окружающіе — подлецы, то не слѣдуетъ дѣлать ничего въ ихъ пользу, слѣд. можно жить или умирать для себя и за себя. Дорожа здоровымъ воспитаніемъ дѣтей, должно устранять все ноющее, хныкающее. Но если приступить къ такой очисткѣ, то останется очень мало произведеній, такъ какъ нытьемъ заражена добрая половина нашей литературы. Надо искать положительнаго. Если его нѣтъ въ отдѣльныхъ лицахъ, въ исторіи, то можно изображать героическія взаимодѣйствія, событія. Пусть люди не велики: великъ міръ, велико человѣчество. Вся сила изображенія въ точкѣ зрѣнія, въ любви къ изображаемому. Ею можетъ быть проникнута даже сатира. Смѣхъ долженъ быть въ ней благороднымъ лицомъ, которое царитъ надъ произведеніемъ.

Второй курсъ А. А. носилъ болѣе спеціальный характеръ: онъ былъ посвященъ ученію о тропахъ и фигурахъ, въ древности и въ настоящее время. Избѣгая туманнаго разграниченія троповъ и фигуръ, А. А. принималъ три основныхъ вида троповъ: метафору, метонимію и синекдоху. Параллельно съ этимъ, онъ выяснилъ два пріема мышленія: поэтическій и миѳическій, какъ въ предыдущемъ курсѣ—поэтическій и научный (прозаическій). Миѳическая окраска мысли сгущается по направленію къ прошедшему и рѣдѣетъ съ ростомъ духовнаго просвѣщенія человѣчества, съ развитіемъ критики, тогда какъ возможность къ поэтическому мышленію, наоборотъ, усиливается по направленію къ настоящему. При миѳическомъ мышленіи, при томъ состояніи, когда текущія впечатлѣнія заполняютъ все сознаніе, мысль ползетъ черепашьимъ шагомъ и на простомъ сравненіи строитъ умозаключеніе (солнце—колесо, отсюда колесница etc.); при поэтическомъ же, когда мысль держится на вѣсу между образомъ и значеніемъ, между прежде познаннымъ и познаваемымъ, она движется громадными, захватывающими скачками. Миѳъ и поэзія въ формальномъ отношеніи—родственныя категоріи; исключеніе миѳа изъ теоріи словесности безосновательно. Миѳъ это временная, обусловленная извѣстнымъ психическимъ состояніемъ форма поэзіи. Послѣдняя отличается отъ него строгимъ различіемъ двухъ областей: познаваемаго и того, что служитъ орудіемъ познанія. Держась на высотѣ синтеза, поэзія идетъ впереди науки, такъ какъ ея обобщенія шире обобщеній научныхъ, выведенныхъ путемъ анализа; она прокладываетъ пути наукѣ.

Вслѣдъ за разборомъ элементовъ поэзіи, троповъ, А. А. всегда переходилъ къ сложнымъ формамъ поэтическихъ произведеній, представляющихъ тѣ же метафоры, синекдохи. Анализъ простыхъ и сложныхъ троповъ, въ ихъ прохожденіи сквозь призму поэтическаго, миѳическаго и научнаго мышленія, приводилъ прямо къ теоріи познанія, когда дѣло шло объ умозаключеніи въ области метафоры, метониміи и пр.

Явленія поэзіи, какъ и явленія языка вообще ставились на міровую сцену и открывали въ освѣщеніи А. А. широкій горизонтъ мысли, упорно бьющейся въ оковахъ слова, которое измѣняется безъ устали съ теченіемъ народной жизни и мысли. Строго объективный методъ профессора производилъ такое впечатлѣніе, какъ будто слушатель присутствовалъ въ этой мастерской человѣческаго духа, чудеснымъ образомъ перенесенной въ скромную филологическую аудиторію. И мы видѣли, какъ могущественна сила слова, сила преданія, какое важное значеніе имѣетъ эта живая связь людей и поколѣній.

Да, великое дѣло языкъ и литература, думалось каждому изъ насъ. Мы знали теперь, что преданія, живущія въ словѣ, связываютъ людей въ общества гораздо крѣпче, сильнѣе, чѣмъ единство религіи, единство политическое, экономическое и т. п.

Если собрать воедино то, что давали уроки А. А. въ нравственномъ отношеніи, то въ сердцахъ бывшихъ его слушателей прежде всего выдѣлялись двѣ большія человѣческія заповѣди: объ отношеніи къ прошлому и къ настоящему. Первое должно быть построено по формулѣ: «отцы и дѣти». Нагота отца не должна приводить насъ къ поступку Хама... А съ другой стороны строгообъективное изученіе прошлаго въ области языка и мысли вело слушателя къ убѣжденію, что все идетъ впередъ, развивается, крѣпнетъ; что смутное прежде угадываніе законовъ проясняется новыми усиліями мысли; что даромъ ничто не дается: ни миѳъ, ни пѣсня, ни образцовое художественное произведеніе; что предразсудокъ и научное положеніе суть равно законные и неизбѣжные шаги мысли; что заблужденія отдѣльныхъ лицъ выравниваются въ общей работѣ мысли; что если плохи люди, велико человѣчество... Такъ безъ этическихъ поученій въ лекціяхъ А. А. Потебни всегда било свѣтлою струею жизненное начало и это-то составляло главную заслугу дорогого учителя.

Оканчивая свои воспоминанія, я невольно опять возвращаюсь къ тѣмъ тяжелымъ минутамъ, когда впервые раздалась роковая вѣсть: Потебня умеръ! Грустно, невыносимо тяжело было мириться съ мыслью, что навсегда погибла великая духовная сила, живымъ олицетвореніемъ которой былъ покойный, сила съ такимъ громаднымъ запасомъ строго систематизованныхъ знаній, обвѣянныхъ тонкимъ эфиромъ благородной, возвышенной мысли. что навсегда угасло сердце съ такою горячею любовью къ истинѣ и человѣчеству, какая рѣдко встрѣчается и въ наше просвѣщенное время.

Хотя всѣ знали о тяжкой роковой болѣзни покойнаго, хотя всѣмъ извѣстно было безнадежное его положеніе (послѣдніе его ученики видѣли, какъ таялъ, угасалъ ихъ дорогой учитель), но никто не хотѣлъ вѣрить въ такую быструю развязку... Казалось наступалъ только благодатный моментъ. когда должны были появиться новые, глубокопродуманные его труды. Многаго еще могла ожидать отъ него наука! Ученики. не покидавшіе надежды еще услышать живое наставническое слово, чаяли его выздоровленія. Но случилось иначе... Въ сѣрый осенній день, съ уныло свѣтящимъ сквозь набѣгавшія тучи солнцемъ, безжизненные лучи котораго печально освѣщали могильные кресты, ученикамъ А. А. пришлось еще разъ собраться—не въ завѣтной аудиторіи, не въ его кабинетѣ, гдѣ онъ

*

читалъ имъ въ послѣднее время лекціи, а у свѣже-вырытой могилы, чтобъ навсегда проститься съ незабвеннымъ учителемъ. Теперь намъ вспоминалось, какъ однажды покойный, выясняя суть поэтическаго мышленія, остановился на сербской пословицѣ: «свака тица од свог клуна гине». * Приведя ее, онъ задумался. Его серьезное, вдумчивое лицо сдѣлалось еще строже и вмѣстѣ съ тѣмъ еще величественнѣе. Глубокимъ, ровнымъ голосомъ, которымъ обыкновенно онъ читалъ творенія Пушкина, Тютчева, Гёте, онъ произнесъ: «Да, такъ... Чѣмъ работаешь, отъ того и умрешь: у всякой птицы есть свой клювъ. Постоянная, напряженная умственная дѣятельность, истощая силы, губитъ человѣка»... Кто слушалъ Потебню, тотъ знаетъ, что лекція стоили ему пота и крови, ибо мысль и слово у него никогда не расходились. Легко читать онъ не могъ и не умѣлъ... Болѣзнь его, если она не была простою случайностью, во всякомъ случаѣ нельзя считать исключительной причиной рокового конца, который совпадаетъ съ крайнимъ напряженіемъ его духа. Это послѣднее и было главной виною того, что онъ оставилъ міръ въ самую серединную пору своей дѣятельности.

Для счастья русскаго общества, для блага родной земли надо желать, чтобъ такіе люди какъ Потебня не умирали, но жили—въ духовномъ наслѣдіи потомства, какъ положительные типы, завѣщанные русскою жизнью.

Харьковъ. Іюнь 1892. **В. Харціевъ.**

* Всякая птица гибнетъ отъ своего клюва.

ІОАННЪ ГРИГОРЬЕВИЧЪ НАУМОВИЧЪ

Почившій въ минувшемъ году о. Іоаннъ Наумовичъ долголѣтними трудами пріобрѣлъ себѣ славу просвѣтителя галицкой Руси. Никто изъ прежнихъ галицкихъ писателей не умѣлъ столь вразумительно и привлекательно говорить къ простому народу; никто не доставилъ этому народу столько разнородныхъ свѣдѣній, какъ о. Іоаннъ. Онъ былъ для нашего народа ходячей энциклопедіей, былъ для него поэтомъ, богословомъ, учителемъ, историкомъ, политикомъ, лѣкаремъ, агрономомъ и техникомъ. Такая разнородная и многосторонняя дѣятельность одного лица обусловливалась нынѣшнимъ состояніемъ галицко-русскаго народа, крайне запущеннаго во всѣхъ отношеніяхъ, почти лишеннаго высшихъ образованныхъ сословій и не располагающаго дѣятелями по отдѣльнымъ спеціальностямъ.

І. Г. родился 14 (26) января 1826 г. въ селѣ Козловѣ, Каменецко-струмиловскаго уѣзда, въ домѣ своего дѣда по матери, мѣстнаго приходского священника о. Николая Дроздовскаго. Отецъ его, Григорій, былъ народнымъ учителемъ въ сосѣднемъ посадѣ Бужскѣ. Получивъ первоначальное образованіе подъ руководствомъ своего отца, І. Г. поступилъ въ гимназію во Львовѣ. Здѣсь же кончилъ онъ затѣмъ курсъ наукъ философскихъ и богословскихъ.

Юность І. Г. совпала съ временемъ, когда польская эмиграція послѣ событій 1831 г., учредивъ въ Поатье демократическое товарищество, подъ названіемъ «Централизація», наводняла Галичину своими тайными агентами, которые захватывали въ свои сѣти не только польскую, но и русскую молодежь. Цѣлью этой пропаганды было подстрекать польское населеніе въ предѣлахъ бывшей Рѣчи-посполитой къ мятежу, который, по разсчетамъ эмиграціи, долженъ былъ вспыхнуть въ 1846 г. одновременно во всѣхъ польскихъ земляхъ. Въ этихъ видахъ въ Галичинѣ были организованы, по об-

разцу виленскихъ дипломатовъ, тайныя общества подъ различными названіями, напр. «Общество польскаго народа», «Сыны отечества», «Молодая Сарматія», «Косиньеры» и т. п. Хотя ловкая австрійская полиція всегда узнавала объ ихъ существованіи и многіе изъ заговорщиковъ поплатились тюремнымъ заключеніемъ въ Шпильбергѣ и Куфштейнѣ, однако это не отпугивало пылкой молодежи отъ основанія все новыхъ тайныхъ обществъ. Эмиграція задумала было привлечь къ мятежу 1846 г. и галицкихъ крестьянъ, какъ польскаго, такъ и русскаго происхожденія, и въ этомъ направленіи давала своимъ агентамъ наставленія. Нѣкто Ценглевичъ, составивъ на малорусскомъ языкѣ революціонныя пѣсни, отправился въ 1838 г. въ ближайшую родину I. Г-ча для пропаганды мятежа между крестьянами. До какой степени революціонная пропаганда дѣйствовала на русскіе умы, можно заключать изъ того, что настоятель львовской русской духовной семинаріи, свящ. Николай Городинскій, состоялъ членомъ совѣта одного изъ тайныхъ обществъ, нѣкоторые же воспитанники этой семинаріи принадлежали къ террористическому обществу «Союзъ свободныхъ галичанъ», поставившему себѣ цѣлью избіеніе шляхты и водвореніе коммунизма. * Неудивительно, если и I. Г., какъ неопытный юноша, попавъ въ сѣти иностранной пропаганды, поступилъ въ члены тайнаго союза «Братья» и, сочувствуя идеѣ возстановленія новой республиканской Польши, принялъ на себя обязанность возмущать русскихъ крестьянъ и пріобрѣтать ихъ для цѣлей мятежа.

Между тѣмъ его отца перевели изъ Бужска въ городъ Залѣщики при Днѣстрѣ. Прибывъ сюда лѣтомъ 1838 г., ополяченный юноша немедленно началъ пропаганду между народомъ.

Однажды возлѣ моста, соединяющаго оба берега Днѣстра, стеклось множество народа. Пылкій юноша воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ воспламенить толпу для польской идеи. Ставъ на мосту, онъ началъ краснорѣчивую проповѣдь о свободѣ, братствѣ и равенствѣ, имѣющихъ осуществиться въ новой независимой Польшѣ... Общій смѣхъ сопровождалъ его рѣчь. Онъ говоритъ дальше... Толпа начинаетъ волноваться: слышенъ грозный ропотъ. Тогда выступаетъ староста изъ сосѣдняго села Крещатина, срываетъ съ головы юноши конфедератку (рогатую шапку) и бросаетъ ее въ Днѣстръ со словами: вотъ тамъ твоя Польша...

Это происшествіе поразило юношу и оставило въ немъ неизгладимый слѣдъ. Онъ убѣдился, что среди русскихъ крестьянъ нѣтъ

---

* Эмиграція, узнавъ объ этомъ обществѣ, испугалась и поручила своимъ агентамъ во что бы то ни стало разбить его, что и удалось.

почвы для Польши. Призадумавшись надъ событіемъ и настроеніемъ народа, онъ сталъ проникаться иными мыслями. Самъ о. Іоаннъ сознавался впослѣдствіи, что сцена при Днѣстрѣ повернула его на иной путь. Отчего у галичанъ возникла потомъ поговорка: Залѣщицкій мостъ далъ апостола галицкой Руси.

Но были и другія обстоятельства, которыя содѣйствовали его духовному отрезвленію. Въ домѣ его отца въ Залѣщикахъ жилъ на квартирѣ сынъ православнаго священника изъ Буковины, о. Алексевича. Этотъ послѣдній пригласилъ однажды молодого Наумовича въ свой домъ, гдѣ онъ познакомился и съ другими православными священниками, которые выяснили ему суть православія и отличіе его отъ римскаго католицизма. Убѣдившись въ превосходствѣ православія, Наумовичъ по возвращеніи въ Залѣщики сталъ прилежно посѣщать православную церковь въ близкомъ селѣ Звинячкѣ и прислушиваться къ проповѣдямъ тамошняго настоятеля о. Зуркановича.

Подъ этими вліяніями молодой Наумовичъ рѣшился перейти въ православіе и поступить въ православную духовную семинарію въ Черновцахъ. Съ этою цѣлью онъ отправился въ Черновцы, къ митрополиту Евгенію Гакману.

— «Чего желаете?» спросилъ митрополитъ юношу.—«Желаю перейти изъ уніи въ православіе и поступить въ духовную семинарію», отвѣчалъ Наумовичъ.

— «Перейти?..» немножко подумавъ, сказалъ Гакманъ; «нѣтъ, вы не хотите перейти, ибо переходятъ лишь въ чужую вѣру; но вы хотите возвратиться къ вѣрѣ вашихъ отцовъ. Есть у васъ прошеніе? Если нѣтъ, такъ напишите».

Наумовичъ возвратился въ Залѣщики, чтобы написать прошеніе и прибавить къ нему нужныя свидѣтельства, какъ вдругъ заболѣлъ и умеръ отъ свирѣпствовавшей тамъ холеры его отецъ. Вдова съ сиротами осталась безъ всякихъ средствъ къ жизни. Единственный родственникъ, братъ его матери, жившій въ западной Галичинѣ, въ Кентахъ, прислалъ 50 гульд. и велѣлъ племяннику привезти къ себѣ въ Кенты мать и сестру. Наумовичъ исполнилъ его волю и, возвращаясь опять въ восточную Галичину, очутился во Львовѣ безъ средствъ къ жизни.

Не зная, что дѣлать, юноша обратился за совѣтомъ къ знакомому канонику, Якову Геровскому. Этотъ послѣдній уговорилъ его поступить въ уніатскую духовную семинарію во Львовѣ.

Это случилось въ 1848 г., когда броженіе умовъ въ Австріи было въ полномъ разгарѣ и правительство выдвинуло русскихъ галичанъ противъ польскихъ затѣй. Необыкновенныя дарованія Наумовича обратили на него вниманіе передовыхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ

національнаго движенія галицкой Руси. Они пригласили въ 1849 г. даровитаго воспитанника семинаріи къ сотрудничеству въ «Зорѣ Галицкой», литературномъ еженедѣльникѣ, котораго первый номеръ появился 15 мая 1848 г. Наумовичъ часто заходилъ въ редакцію, а такъ какъ въ нее присылались славянскіе журналы и книги, то онъ впервые познакомился здѣсь со славянскимъ движеніемъ, сдѣлавшимъ на него сильное впечатлѣніе. Наибольшее вліяніе, какъ позже онъ самъ сознавался, имѣли на него Шафарикъ и Колларъ. Славянское сознаніе изгладило въ немъ послѣдніе слѣды революціонно-польскихъ идей.

Съ тѣхъ поръ І. Гр. принимаетъ дѣятельное участіе въ литературномъ возрожденіи галицкой Руси. Статьи его печатались съ 1849 г. въ упомянутой «Зорѣ Галицкой», выходившей съ 1848 до 1857 гг., затѣмъ въ литературномъ журналѣ «Пчела», существовавшемъ въ 1849 г., въ правительственномъ «Вѣстникѣ» и въ приложеніи къ послѣднему, «Отечественномъ Сборникѣ».

Женившись въ 1851 г. на дочери священника Василія Гавришкевича, Ѳеодорѣ, и ставши священникомъ, Іоаннъ Григорьевичъ, настоятельствуя поочередно въ четырехъ приходахъ, имѣлъ полную возможность изучить бытъ и настроеніе галицкаго крестьянства, узнать его потребности и стремленія и усвоить себѣ неподражаемое искусство прививать въ душѣ простолюдина любовь къ просвѣщенію и благороднымъ дѣйствіямъ. Втеченіе двадцатилѣтней благотворной дѣятельности среди сельскаго народа онъ обдумалъ широкій планъ для подъема умственнаго уровня и экономическаго состоянія простонародья австро-угорской Руси. Планъ этотъ окончательно созрѣлъ въ головѣ о. Іоанна къ 1870 г., когда онъ, находясь въ Стрѣльчѣ близъ Коломыи, вошелъ въ тѣснѣйшія сношенія съ равнымъ ему по стремленіямъ народолюбцемъ Ѳеодоромъ Бѣлоусомъ.

Но выполненіе этого плана въ Галичинѣ, по исключительности ея положенія, представляло большія трудности.

Галицко-русскій крестьянинъ не лишенъ охоты къ ученію и дарованій. Но неблагопріятныя обстоятельства задержали его умственное развитіе. При существованіи Рѣчи-посполитой, съ ея крѣпостнымъ правомъ и шляхетской анархіей, о просвѣщеніи народа не могло быть и рѣчи. Даже по занятіи Червонной Руси Австріей, въ гуманное управленіе Маріи Терезіи и Іосифа II, которые упразднили личное рабство, замѣнивъ его болѣе умѣренною формою барщины, областное управленіе Галичины встрѣтило сильное противодѣйствіе открытію церковно-приходскихъ училищъ—со стороны польской и ополяченной шляхты. Взглядъ этой отсталой шляхты очень рельефно выразился въ представленіи, сдѣланномъ ею вѣнскому прави-

тельству по вопросу о сельскихъ школахъ. Въ случаѣ сравненія всѣхъ сословій, разсуждала она, «получивъ образованіе и доступъ ко всѣмъ должностямъ, дѣти крестьянь забудутъ, что они рождены для сохи и станутъ думать о вліятельныхъ мѣстахъ, а не о земледѣліи. Такимъ образомъ допущеніе простонародья къ преимуществамъ привиллегированныхъ сословій уменьшитъ число земледѣльцевъ и усилитъ контингентъ недовольныхъ. Монархія, въ которой каждый образованный человѣкъ убѣжденъ, что по природѣ всѣ люди равны, распадется. Революція во Франціи должна служить предостереженіемъ». * Подобные взгляды галицкой шляхты, а равно латинскаго духовенства определяли дѣйствія австрійской администраціи и парализовали развитіе народа. Лишь съ 1848 г., послѣ прекращенія барщины, обстоятельства измѣнились къ лучшему. Къ сожалѣнію, тогда въ Галичинѣ не было подготовленныхъ дѣятелей, не было и соотвѣтствующей народной литературы; великорусской же словесностію галичане пользоваться не могли по рѣшительному противодѣйствію правительства.

Вотъ тутъ-то и выступилъ Наумовичъ. На его долю выпало возбудить въ народѣ охоту къ просвѣщенію и положить начало простонародной литературы. За выполненіе этой задачи І. Г. принялся около 1870 г., когда онъ сблизился съ Ѳеодоромъ Бѣлоусомъ и воспользовался его типографіею въ Коломыѣ. Здѣсь же основалъ о. Іоаннъ въ 1873 г. общество имени Качковскаго, съ широкой программой, обнимающей все, что можетъ содѣйствовать народному просвѣщенію и подъему благосостоянія. Въ многочисленныхъ статьяхъ и сочиненіяхъ онъ старался вызвать духовенство и свѣтскую интеллигенцію къ дѣятельности въ пользу народа, а этотъ послѣдній расположить къ просвѣщенію, трудолюбію, трезвости. Этого рода сочиненія выходили отчасти отдѣльными книжками и брошюрами, особенно въ изданіяхъ названнаго общества и въ журналѣ «Наука», который печатался съ 1872 по 1875 г. въ Коломыѣ, съ 1876 г. во Львовѣ, а позже въ Вѣнѣ.

О. Іоаннъ предложилъ галицкому народу избрать девизомъ своей дѣятельности слова: «молися, трудися, учися, трезвися»... По его мнѣнію, народное просвѣщеніе должно быть основано на началахъ народной церкви, ибо только религіозность можетъ служить прочною основою нравственности и практической жизни. Потому-то духовенство и призвано-де стоять во главѣ народнаго образованія. Всестороннее развитіе дарованнаго Богомъ разума составляетъ общую по-

---

* Magna Charta v. Galizien od. Untersuchung der Beschwerden des galizischen Adels der polnischen Nation. Iassy. 1790. Ст. 333—335.

требность и нравственный долгъ каждаго. Лишь путемъ образованія можетъ-де человѣкъ уразумѣть свои обязанности къ Богу, себѣ, семьѣ, народу, государству и человѣчеству. Человѣкъ созданъ для общества и потому долженъ развить въ себѣ гражданскія чувства. Первымъ ихъ проявленіемъ служитъ-де народное сознаніе, которое соединяетъ всѣ классы населенія въ одно цѣлое и предупреждаетъ сословную ненависть, неизбѣжный спутникъ космополитизма. Русская національность тѣсно связана съ русско-славянскою церковью, ибо развилась на почвѣ послѣдней и потому связана съ ея ученіемъ и обрядностью. Русское духовенство не должно-де слѣдовательно обособляться отъ народа и его жизни, но стоять заодно съ нимъ. Хорошій священникъ долженъ не только проповѣдывать въ церкви, но и умѣть помогать своимъ прихожанамъ совѣтомъ въ ихъ домашней жизни, въ болѣзни, хозяйствѣ и общественныхъ дѣлахъ. Онъ долженъ-де служить имъ образцомъ, какъ человѣкъ, семьянинъ и хозяинъ. Типъ образцоваго священника вывелъ онъ въ разсказѣ «Креслаты тополи». Далѣе о. Іоаннъ внушаетъ любовь къ труду, тѣлесному и духовному, какъ вѣрному средству обезпечить свое благосостояніе, развиться въ отношеніяхъ ўмственномъ и нравственномъ.

Для подъема простонародья о. Іоаннъ рекомендовалъ: 1) народную школу, которая должна-де находиться въ каждой деревнѣ, тѣсно примыкая къ церкви; 2) общедоступную простонародную литературу, состоящую изъ брошюръ, книжекъ и журналовъ, и 3) всесословныя общества съ просвѣтительными и экономическими цѣлями. По указанію о. Наумовича учреждены были подобныя общества: «Просвѣта» и «Общество им. Качковскаго», изъ коихъ первое насчитываетъ теперь свыше 2000, второе свыше 4000 членовъ. Они издали болѣе 300 книжечекъ для народа. Для того же, чтобы отвлечь народъ отъ кабаковъ и пьянства, необходимо-де въ селахъ и посадахъ учреждать читальни, въ коихъ по воскресеніямъ и праздникамъ и вообще въ свободное отъ занятій время крестьяне и мѣщане могли бы собираться для чтенія книгъ и журналовъ, развлеченія и совѣщанія объ общихъ дѣлахъ. Такихъ читаленъ основано въ Галичинѣ до 300. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ устраиваются даже публичныя чтенія, музыкальныя и театральныя представленія, разумѣется, самими крестьянами и мѣщанами.

Особую важность придавалъ о. Наумовичъ точному, правильному и торжественному отправленію церковнаго богослуженія. По его мнѣнію всѣ должны пѣть въ церкви; но сверхъ такого пѣнія всенароднаго онъ признаетъ пользу и нотнаго пѣнія, для возвышенія торжественности славянскаго богослуженія. Въ этомъ отношеніи отличнымъ сподвижникомъ Наумовича былъ покойный Горецкій, всецѣло посвятившій себя по окончаніи богословскаго курса обученію

крестьянъ и мѣщанъ нотному пѣнію. Втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ устроилъ до 30 хоровъ; но непосильный трудъ сократилъ его жизнь: онъ умеръ отъ чахотки. Однако положенное имъ начало дало уже хорошіе плоды. Со времени его смерти число сельскихъ и посадскихъ хоровъ умножилось вчетверо. Нѣкоторые изъ нихъ (особенно денисовскій, изъ окрестности Тарнополя) такъ хороши, что приглашаются въ города на концерты.

Вотъ основные взгляды, которые развивалъ о. Наумовичъ въ публичныхъ рѣчахъ, частныхъ разговорахъ и въ сочиненіяхъ. Гдѣ его совѣты были примѣнены къ дѣлу, тамъ народъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ замѣтно измѣнился къ лучшему: исчезло пьянство, быстро распространилась грамотность, крестьяне обстроились, стали употреблять лучшія земледѣльческія орудія, разводить неизвѣстныя имъ до того растенія и лучшія породы скота.

Такіе успѣхи дѣятельности о. Наумовича и подъемъ русско-народнаго сознанія въ средѣ крестьянъ и мѣщанъ стали наконецъ озабочивать польскихъ шовинистовъ, а также евреевъ, которые не могли долѣе эксплоатировать отрезвленный народъ. Это была одна изъ причинъ политическаго процесса 1882 года, который имѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ и религіозный характеръ.

Извѣстно, что унія славянской церкви съ римской заключена на опредѣленныхъ условіяхъ, обязательныхъ для обѣихъ сторонъ. Между этими условіями главнымъ является тó, что унія распространяется лишь на догматическую, а не обрядовую сторону церковной жизни и что она не подрываетъ автономіи славянскихъ церквей, въ ихъ внутренней организаціи и отношеніяхъ къ народности. Между тѣмъ въ послѣднія десятилѣтія въ Галичинѣ обнаружилось стремленіе польскихъ миссіонеровъ, особенно іезуитовъ, подрыть эту автономію, уничтожить традиціонный строй славянской церкви и незамѣтно слить ее съ латинскою. Противъ этого стремленія энергически выступили всѣ галицко-русскіе патріоты, а между ними въ числѣ первыхъ и о. Наумовичъ. Въ началѣ 80-хъ годовъ это оборонительное движеніе стало обхватывать и народныя массы. Самымъ энергическимъ его выраженіемъ была попытка крестьянъ с. Гнилицъ (близъ Збаража) принять православіе, что вовсе не воспрещено австроугорскими законами.

Крайнее смущеніе охватило тогда польскихъ политиковъ и іезуитовъ. Да и австрійское правительство серьезно обезпокоилось, опасаясь, чтобы православное движеніе галичанъ не повредило интересамъ государства. По требованію галицкоподольской шляхты и іезуитовъ приняты были самыя строгія мѣры для подавленія начавшагося движенія. Въ концѣ января 1882 года арестовано было до 20 лицъ не только изъ гнилицкихъ крестьянъ, но также проживавшій тогда во

Львовѣ гофратъ Адольфъ Ивановичъ Добрянскій съ дочерью Ольгою Грабаръ, редакторы: Венедиктъ Площанскій, Осипъ Марковъ, Николай Огоновскій, Исидоръ Трембицкій и Аполлонъ Ничай, нѣсколько крестьянъ, а наконецъ о. Іоаннъ Наумовичъ и его два сына. Львовская прокуратура усматривала въ гнилицкомъ дѣлѣ панславистическую пропаганду, опасную для государства. Изъ арестованныхъ нѣкоторые были отпущены на свободу, прочіе же одиннадцать обвинены прокуратурою въ государственной измѣнѣ.

Судебное разбирательство, на которомъ пространно обсуждаемы были и разные научные вопросы, въ родѣ напр. туранскаго происхожденія «москалей», уніи, православія и т. п., не представило никакихъ уликъ въ государственной измѣнѣ. Судъ призналъ лишь фактъ нарушенія общественнаго спокойствія въ дѣйствіяхъ о. Іоанна Наумовича, Венедикта Площанскаго, крестьянина Ивана Шпундера и мѣщанина Олексѣя Залускаго. О. Іоаннъ былъ осужденъ вслѣдствіе того на восьмимѣсячное тюремное заключеніе.

За гнилицкое дѣло епархіальная власть львовской грекокатолической митрополіи обвинила о. Наумовича въ схизмѣ и подвергла его за это, на основаніи § 1 буллы «Coenae», великому отлученію. Ему было запрещено богослуженіе; его лишили и прихода. Апелляція къ папѣ не имѣла успѣха.

Не имѣя средствъ къ содержанію въ Галичинѣ, о. Іоаннъ принялъ тогда православіе и переселился въ 1886 году въ Россію. И здѣсь не переставалъ онъ трудиться на поприщѣ еще болѣе широкомъ. Въ Россіи написалъ онъ: «Четыре путеводителя доброй жизни», Москва, 1888; «Псалтырникъ, повѣсть изъ галицко-русской народной жизни», Москва, 1888; «Отецъ Θеодоръ», «Завѣтные тополи»; «Степанъ Сторазумовъ»; «Какъ въ простотѣ люди живутъ»; «Христіанскія добродѣтели»; «Календари» на 1890—1891 гг.; «Книгу для чтенія о сельскомъ хозяйствѣ» и мн. др.

Не переставая думать о помощи своимъ землякамъ, отправился онъ въ началѣ лѣта 1891 г. на Кавказъ, гдѣ предполагалъ устроить поселеніе для безземельныхъ галицкихъ крестьянъ, чтобы ихъ отвлечь отъ выселенія въ Америку. Но трудное путешествіе по морю и горамъ было не подъ силу 65-лѣтнему старику. На обратномъ пути онъ остановился въ городѣ Новороссійскѣ и тутъ скончался 4 (16) августа.

О. Наумовичъ нѣсколько разъ былъ избираемъ въ депутаты львовскаго сейма и въ вѣнскую державную думу. Но политика не была его призваніемъ. Зато какъ простонародный писатель христіанско-дидактическаго направленія, онъ соорудилъ себѣ памятникъ навѣки незабвенный.

Червонорусъ.

Значеніе для греко-славянъ послѣднихъ событій въ Англіи и Германіи. Новые моменты въ борьбѣ съ германизмомъ чеховъ и словенцевъ. Поляки и Россія. Вопросъ румынскій. Софійскія козни.

I

Послѣдній мѣсяцъ въ международной области принадлежитъ безраздѣльно двумъ лицамъ: Гладстону и Бисмарку. Какъ ни различны эти два великана новѣйшей Европы по своему характеру, стремленіямъ и дѣятельности, все же есть и нѣкоторое сходство въ ихъ нынѣшнихъ отношеніяхъ къ вопросамъ большой политики, въ частности же къ Россіи и къ дѣламъ грекославянскимъ. Это обстоятельство заставляетъ и насъ остановиться на явленіяхъ поучительной борьбы Гладстона и Бисмарка съ Салисбери и Каприви, на фонѣ событій западно-европейской жизни.

Историческій слѣдъ дѣятельности Бисмарка, какъ творца объединенной Германіи или имперіи Гогенцоллерновъ, быть можетъ окажется глубже и долговѣчнѣе, чѣмъ реформаціонная дѣятельность Гладстона, которому не пришлось произвести подобнаго рода переворотовъ въ международной области; однако врядъ-ли кто рѣшится теперь оспаривать, что личный характеръ «великаго вига», содержаніе и значеніе одушевляющихъ его идей и переворотовъ, произведенныхъ имъ въ сознаніи англичанъ,—несравненно выше и плодотворнѣе съ точки зрѣнія и этической, и политической, чѣмъ типъ и дѣятельность прусскаго Ришелье.

Не только по любимымъ своимъ занятіямъ Гомеромъ, но и по общему складу мысли и характера, Гладстонъ является какъ бы воскресшимъ и перенесеннымъ въ новоевропейскую обстановку аѳи-

нянином, любителем поэзіи и философіи, свободнаго слова и свободнаго дѣла, яснаго міросозерцанія,—словомъ, живымъ воплощеніемъ того, что древніе греки называли «калокагаѳіей». Бисмаркъ, наоборотъ, кажется воскресшимъ спартанцемъ, человѣкомъ воли твердой, но односторонней, съ міросозерцаніемъ сухимъ и практическимъ, съ нескрываемымъ презрѣніемъ къ свободѣ мысли и слова, къ произведеніямъ науки и искусства, съ преувеличеннымъ культомъ—не міра, не общества, а—государства, понимаемаго въ узкомъ бюрократическомъ смыслѣ, если не съ двумя царями, какъ въ Спартѣ, то съ двумя управителями: императоромъ и канцлеромъ...

При такомъ различіи характеровъ, неудивительно, что и послѣднія дѣйствія этихъ двухъ великихъ государственныхъ мужей, послѣднія сцены ихъ жизненной драмы представляютъ глубокіе контрасты, примиряемые лишь высшимъ смысломъ исторіи, насколько могутъ судить о томъ современники.

Оба они выступаютъ теперь какъ вожди оппозиціи. Но какое различіе въ пріемахъ и цѣляхъ, въ характерѣ и видимыхъ результатахъ!

Несмотря на свои 83 года Гладстонъ и теперь, какъ прежде, идетъ впереди своего общества; родившись въ самомъ началѣ XIX в., онъ является въ средѣ своихъ внуковъ какъ бы глашатаемъ будущаго, зарею вѣка XX-го.

Совершенно иначе говоритъ и дѣйствуетъ Бисмаркъ. Онъ смотритъ не впередъ, а назадъ, притомъ не столько для открытія тамъ новыхъ истинъ или новыхъ уроковъ, сколько для возвышенія своихъ заслугъ, для доказательства своей мнимой политической непогрѣшимости. Мы можемъ понять, а пожалуй и оправдать подобныя слабости въ опальномъ вельможѣ; но гораздо болѣе сочувствія и даже удивленія вызываетъ въ насъ образъ престарѣлаго вига, который представляетъ какъ бы олицетвореніе вѣчной юности—народнаго духа, смѣлаго порыва впередъ, въ царство свободы и справедливости.

Оба и теперь еще говорятъ длинныя и безконечныя рѣчи. Но какая разница въ мягкомъ и свѣтломъ ихъ колоритѣ у Гладстона, рѣзкомъ и сумрачномъ у Бисмарка!

Но главное различіе между ними заключается не въ этомъ, а въ содержаніи этихъ рѣчей, въ ихъ идеальныхъ задачахъ и цѣляхъ. Бисмаркъ считалъ бы достаточнымъ для счастья не только нѣмцевъ, но и всего человѣчества увѣковѣчить «старый курсъ» нѣмецкаго государственнаго корабля, основанный на традиціяхъ вѣковой гогенцоллернской политики, которой суть заключалась въ томъ, чтобы держаться на буксирѣ Россіи или, вѣрнѣе, пользоваться ея парами и парусами для своихъ, нѣмецкихъ цѣлей.

Иначе говоритъ и думаетъ Гладстонъ; въ другомъ, болѣе прямомъ и благородномъ направленіи желалъ бы онъ направить державный корабль Великобританіи: англичане должны наконецъ отказаться отъ мысли, что міръ существуетъ для ихъ только пользы и удовольствія; должны примириться съ мыслію, что ирландцы напр. имѣютъ такое же право на Ирландію, а шотландцы на Шотландію, канадцы на Канаду и т. д., какъ англичане на Англію; должны согласиться, что народныя массы заслуживаютъ такого же или и большаго вниманія со стороны государства, чѣмъ привиллегированныя меньшинства населенія; что и простой рабочій долженъ получить возможность не только трудиться, но равномѣрно съ другими классами населенія и пользоваться плодами рукъ своихъ, чтобы получить возможность не животнаго лишь прозябанія, но человѣческаго развитія; что государство, которое столько вѣковъ служило интересамъ олигархіи, должно наконецъ стать органомъ всенародной мысли и воли, слугою общихъ, а не кастальныхъ пользъ и нуждъ, что наконецъ—и это самое главное—политика Великобританіи, какъ и прочихъ нормально-развивающихся государствъ, должна быть основана не на шаткой почвѣ оппортунизма, а на незыблемыхъ устояхъ христіанской нравственности, чтобы примирить въ высшемъ единствѣ интересы отдѣльныхъ лицъ и разнообразныхъ общественныхъ группъ.

Насколько такая политика выше олицетвореннаго Бисмаркомъ культа «реальной политики», орудующей «огнемъ и желѣзомъ», опирающейся на милитаризмъ и принципіально отрицающей права личности, общества, народности! Да, и народности, ибо Бисмаркъ лишь по началу своей дѣятельности былъ пангерманистомъ; съ 1870-хъ же лѣтъ онъ совершенно измѣнилъ этому принципу, замѣнивъ идею племенного и культурнаго единства нѣмцевъ идеею искусственной лиги нѣсколькихъ народностей и нѣмецкаго, и славянскаго, и романскаго, и даже финскаго происхожденія, причемъ имѣлась, правда, надежда на постепенное претвореніе ихъ всѣхъ въ нѣмцевъ, но лишь въ отдаленной перспективѣ. Если мы видимъ поэтому въ Германіи какъ бы новый взрывъ бисмаркіанства, то въ явленіи этомъ нужно видѣть искусственный продуктъ и политическихъ тенденцій новонѣмецкой школы, и продолжительнаго вліянія на умы бисмарковской печати, и даже оффиціальной исторіографіи, и пріятнаго щекотанія нѣмецкихъ нервовъ шовинистическими рѣчами экссканцлера, отчасти же и антиправительственнаго настроенія многихъ нѣмцевъ, особенно въ южной Германіи.

Другое дѣло Гладстонъ. Онъ никогда не игралъ на низшихъ инстинктахъ народной души, слѣд. если вызвалъ въ ней сочувственный откликъ для своихъ идей, то лишь въ силу ихъ внутрен-

няго обаянія. Такого рода побѣда имѣетъ совершенно иную нравственную цѣну, чѣмъ замѣчаемое нынѣ въ общественномъ настроеніи нѣмцевъ торжество «стараго курса» надъ «новымъ».

А Гладстонъ достигъ этой побѣды при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, вопреки усиліямъ и правительства, и большинства аристократіи—родовой и денежной—и наконецъ представителей оффиціальной церкви. Но самымъ нагляднымъ доказательствомъ того, что Гладстонъ дѣйствительно идетъ и теперь далеко впереди самыхъ передовыхъ колоннъ своего общества, представляется намъ торизмъ или—какъ теперь предпочитаютъ выражаться въ Англіи—уніонизмъ всѣхъ шести великобританскихъ университетовъ, не исключая ни эдинбургскаго, ни дублинскаго. Пріобрѣтенное Гладстономъ при такихъ исключительныхъ условіяхъ парламентское большинство въ 42 голоса представляется фактомъ громадной важности не для англійской, но и вообще для европейской будущности.

Прежде всего онъ доказываетъ существованіе въ англійскомъ народѣ здороваго зерна, которое можетъ послужить основою для возрожденія погрязшаго въ меркантильности и утилитаризмѣ общества Великобританіи. Если такой неисправимый идеалистъ и упрямый филантропъ, какъ Гладстонъ, могъ пріобрѣсти для своихъ идей большинство въ великобританскомъ парламентѣ, то изъ этого явствуетъ, что парламентъ этотъ и въ будущемъ можетъ еще быть при хорошемъ руководителѣ полезнымъ дѣятелемъ не только англійской, но и міровой образованности. Это сознаніе въ высшей степени отрадно и для народовъ грекославянскихъ, коихъ интересы въ столькихъ пунктахъ соприкасаются съ великобританскими, слѣдов. не совсѣмъ еще отрѣзаны отъ нравственной возможности полюбовнаго размежеванія съ этими послѣдними.

Но есть еще одна причина радоваться торжеству Гладстона. Какъ бы высоко мы ни ставили значеніе его личнаго почина, все же никто не станетъ отрицать, что сила этого почина врядъ ли обезпечила бы сама по себѣ торжество идей Гладстона, еслибы поднятое имъ надъ страною знамя не имѣло бы въ себѣ вдохновляющей силы и высокаго обаянія. Гладстонъ является не только глашатаемъ, но и орудіемъ великихъ идей, уже ранѣе и отчасти независимо отъ неба выработавшихся въ англійскомъ обществѣ и теперь ставшихъ основою его политической программы.

Самое серединное положеніе въ ряду этихъ идей занимаетъ, какъ извѣстно, ирландскій home-rule, т. е. принципъ областной автономіи, федеративнаго строя историко-національныхъ индивидуальностей Великобританіи. Второе мѣсто въ этой программѣ занимаетъ «великій вопросъ о

трудѣ» (the great question of labour), въ его многоразличныхъ развѣтвленіяхъ. Вотъ эти двѣ идеи, которымъ такъ или иначе подчиняются всѣ прочіе пункты гладстоновской программы, напр. о преобразованіи выборовъ по принципу: «одинъ человѣкъ — одинъ голосъ» (one man—on vote), усиленіе мелкихъ автономныхъ единицъ, даровое обученіе, реформа аграрная, вопросъ о 8-часовомъ трудѣ и т. д. служатъ для насъ не только разгадкою нынѣшнихъ успѣховъ гладстонизма, но и залогомъ его прочной и далекой будущности.

Въ самомъ дѣлѣ, федеративный строй государствъ, организованныхъ въ рамкахъ то историко-политическихъ индивидуальностей, то этнологическихъ группъ, представляетъ господствующее стремленіе нашего вѣка, все болѣе возрастающее къ концу его, слѣд. обращенное лицомъ не къ прошедшему, а къ будущему. Были конечно и въ старое, даже въ древнее время федераціи, напр. въ политическомъ строѣ античной Греціи, въ республикѣ, а затѣмъ имперіи римской, съ ея двумя продолженіями на западѣ и востокѣ, даже въ іерархическомъ строѣ христіанскихъ церквей и въ исторической жизни всѣхъ древнеславянскихъ племенъ; но не изъ этихъ древнихъ ключей вышли федеративныя теченія XIX в. Они коренятся въ идеѣ народностей, которая въ свою очередь представляетъ естественное слѣдствіе освободительныхъ движеній новаго времени, основанныхъ на самоопредѣленіи личности, въ рамкахъ общества и государства.

Вопросъ ирландскій имѣетъ, какъ извѣстно, уже вѣковую давность, но особую силу онъ получилъ со второй половины нашего вѣка, и получилъ потому, что совпалъ съ подобнымъ стремленіемъ многихъ другихъ народностей и областей Стараго и Новаго свѣта. Особенно дѣятельная поддержка была при этомъ оказана ирландцамъ гражданами Сѣверо-американскихъ штатовъ, которые за 100 л. передъ симъ возникли въ силу подобнаго феніянскому движенія противъ англійскаго централизма, во имя областной автономіи. Но и безъ этой могущественной поддержки ирландцы, хотя нѣсколько позже, добились бы цѣли своихъ вѣковыхъ усилій и стремленій, подобно тому, какъ уже раньше добились ихъ: Сербія, Греція, Румынія, затѣмъ Ломбардія, Венеція, позже и въ сильно извращенномъ видѣ, Мадьярія и Болгарія и н. др. Аналогичные процессы и теперь еще совершаются въ Норвегіи, многихъ австроугорскихъ великобританскихъ и другихъ областяхъ.

Гладстоновскій home-rule является слѣдов. частью громаднаго народно-политическаго процесса, охватившаго теперь всѣ старыя государства Запада и призваннаго ихъ перестроить на новыхъ началахъ. Въ Великобританіи этотъ процессъ получилъ большую важность и гласность лишь потому, что имперія эта, связанная ты-

сячами нитей со всѣми материками и океанами, представляетъ наибольшій просторъ для развитія любого народно-политическаго движенія, слѣдов. и народно-федеративнаго. Вѣдь если по принципу home rule будутъ преобразованы взаимныя отношенія сначала Англіи и Ирландіи, затѣмъ Англіи и Шотландіи, Англіи и Вельса, Канады, Капштадта, Австраліи, В.-Индіи и т. д., то подобный переворотъ неизбѣжно отразится на отношеніяхъ не только этихъ странъ, но и примыкающихъ къ нимъ такъ или иначе во всѣхъ частяхъ свѣта.

А къ этому и направляется теперь дѣло, какъ это прямо высказалъ въ одной изъ своихъ мидлосіанскихъ рѣчей глава великобританскихъ федералистовъ, Гладстонъ. Не безъ причины слѣдов. органы торизма взвалили на Гладстона и его единомышленниковъ отвѣтственность за очевидную неудачу проектированныхъ было лордомъ Салисбери новыхъ политическихъ захватовъ въ Авганистанѣ и въ Марокко, гдѣ сэръ Еванъ Смитъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ изъ Феца за дерзкую попытку навязать марокскому султану сдѣлку, аналогичную биконсфильдовской сдѣлкѣ съ султаномъ—о захватѣ англичанами о. Кипра. И эмиръ Абдуррахманъ заговорилъ теперь съ индійскимъ вицекоролемъ нѣсколько инымъ тономъ, чѣмъ прежде.

При такой громадной важности совершеннаго Гладстономъ переворота, понятны привѣтственные ему адресы и поздравительныя телеграммы отъ всѣхъ истинныхъ приверженцевъ идей федерализма въ Европѣ, напр. отъ младочешскихъ депутатовъ вѣнскаго рейхсрата, патріотовъ хорватскихъ въ Загребѣ, сербскихъ въ Бѣлградѣ, румынскихъ въ Бухарестѣ, греческихъ въ Аѳинахъ и т. д.

Если же, несмотря на видимый федерализмъ нынѣшней Австро-Угріи и Германіи, скрежещутъ теперь зубами по поводу торжества Гладстона нѣмцы, мадьяры и поляки, то это объясняется особенностями федерализмовъ нѣмецкаго, мадьярскаго, польскаго: ихъ вѣрнѣе бы назвать системами государственной монополіи трехъ означенныхъ народностей, съ полнымъ порабощеніемъ всѣхъ прочихъ народностей Австро-Германіи, Мадьяріи, Полоно-Галиціи. Приблизившаяся развязка вопроса англоирландскаго внушаетъ этимъ монополистамъ страхъ за сохраненіе и въ будущемъ нынѣшняго своего привиллегированнаго положенія на народной территоріи чехоморавянъ, червонорусовъ, словаковъ, сербохорватовъ, словинцевъ, румыновъ и т. д.

Съ другой стороны, поставленный Гладстономъ на очередь—правда, вторую, а не первую—«великій вопросъ о трудѣ» также обращаетъ на Англію надежды всѣхъ «труждающихся и обремененныхъ», не

столько по личной винѣ, сколько отъ экономическихъ слѣдствій стараго феодально-олигархическаго строя западной Европы. Конечно, нельзя надѣяться, что старику вигу съ единомышленниками удастся въ немногіе годы разрѣшить этотъ громадный и трудный вопросъ. Онъ встрѣтитъ со стороны капиталистовъ и латифундистовъ еще болѣе ожесточенный отпоръ, чѣмъ вопросъ ирландскій. Но для современниковъ и потомства будетъ важно, если столь великій, опытный и одушевленный государственный дѣятель намѣтитъ хотя общія основы разрѣшенія роковой соціально-экономической проблемы нынѣшняго Запада.

Неудачный исходъ попытокъ государственнаго соціализма въ Германіи заставляетъ и континентальныя державы томиться надъ пріисканіемъ выхода изъ лабиринтовъ рабочаго вопроса. Если Гладстону удастся отыскать путь къ его разрѣшенію въ Англіи, то онъ окажетъ всѣмъ народамъ запада услугу не менѣе важную, чѣмъ ирландскимъ home rule'мъ.

Наконецъ, есть еще третье обстоятельство, заставляющее не только всѣхъ грекославянъ, но и всѣхъ истинныхъ филантроповъ сочувствовать успѣхамъ Гладстона въ Великобританіи: это его предполагаемое отношеніе къ тройной лигѣ и русско-французскому союзу.

Въ англійской крови издревле замѣчается какъ бы дуализмъ вошедшихъ въ нее стихій германской и романской, при существованіи общей для обѣихъ подпочвы въ кельтизмѣ. Можно поэтому согласиться до нѣкоторой степени съ извѣстнымъ положеніемъ, что англійскій народъ имѣетъ германскаго отца, но романскую мать. Въ этого отца пошли особенно англійскіе тори, а въ мать—виги: въ первыхъ все еще какъ будто отражаются, послѣ столькихъ метаморфозъ, традиціи и инстинкты англосаксонскіе, во вторыхъ же—скорѣе французско-нормандскіе. Тори всего чаще держались союзовъ съ народами германскими, а виги—съ романскими, хотя конечно въ общенародныхъ интересахъ и столкновеніяхъ народъ выступалъ противъ тѣхъ или другихъ какъ одно нравственное цѣлое. Когда въ Европѣ образовалась подъ главенствомъ Германіи тройная лига, англійскіе тори, съ Биконсфильдомъ, а потомъ Салисбери во главѣ, отнеслись къ ней съ явнымъ пристрастіемъ, такъ что молодой нѣмецкій императоръ уже лелѣялъ мысль расширенія лиги тройной въ четверную, включеніемъ въ нее Великобританіи. Это не могло однако осуществиться по многимъ причинамъ, между которыми одною изъ самыхъ важныхъ было нерасположеніе къ такой комбинаціи со стороны виговъ. Они никогда не скрывали своихъ симпатій къ Франціи, Италіи, Португаліи, вообще къ странамъ романскимъ. Глад-

стонъ же въ вопросахъ боснійско-герцеговинскомъ и болгарскомъ возвысился даже до чувства справедливости къ славянамъ своими статьями: «о турецкихъ звѣрствахъ въ Болгаріи» и знаменитымъ возгласомъ по адресу Австро-Угріи: «руки прочь (tands off)!» Все это даетъ основаніе надѣяться, что при Гладстонѣ и вигахъ прежняя интимность Великобританіи съ тройной лигой смѣнится болѣе равномѣрною нейтральностью къ обѣимъ группамъ, опредѣляющимъ нынѣшнее политическое равновѣсіе континентальной Европы.

Не этого ли рода вѣроятностями объясняется крайнее недовольство упадкомъ великобританскаго торизма во всѣхъ оффиціозахъ Германіи, Австро-Угріи, Италіи, особенно же въ распущенныхъ газетахъ мадьярскихъ и польскихъ! Пока эти оффиціозы утѣшаются еще надеждою, что авось большинство Гладстона распадется на свои разнообразныя стихіи. Но ужели однороднѣе этого большинства было то, которымъ руководилъ послѣдніе годы Салисбери и которое представляло смѣсь двухъ столь противоположныхъ группъ, какъ исконные тори и отколовшіеся отъ Гладстона по ирландскому вопросу виги-уніонисты? Во всякомъ случаѣ, теперь уже невозможно сколько-нибудь свободное и твердое управленіе тори, такъ что даже при сохраненіи на время министерства Салисбери Великобританія не могла бы болѣе продолжать своей явно нѣмецко-фильской и австро-фильской политики на европейскомъ юговостокѣ. Врядъ ли можетъ измѣнить это положеніе великобританскихъ дѣлъ и новая поѣздка императора Вильгельма въ Англію.

II.

Не совсѣмъ безотрадныя перспективы открываются намъ теперь и въ Германіи, благодаря новѣйшей вспышкѣ ожесточенной борьбы между Бисмаркомъ и нынѣшними правителями Германіи, особенно же Пруссіи. Словоохотливый и раздраженный эксканцлеръ въ многочисленныхъ рѣчахъ, сказанныхъ то депутаціямъ, то частнымъ лицамъ, а также во внушенныхъ имъ статьяхъ нѣмецкихъ газетъ, особенно же въ Hamburger Nachrichten, на чистоту открылъ теперь міру свои политическія карты. Оказалось, что главнымъ козыремъ въ нихъ всегда была—Россія! Бисмаркъ теперь доподлинно разъяснилъ нѣмцамъ, что Германія никогда не достигла бы нынѣшняго своего значенія безъ вѣковой и болѣе чѣмъ безкорыстной помощи Гогенцоллернамъ со стороны Россіи. Болѣе того, онъ доказалъ, что и теперь еще эта помощь крайне нужна Германіи, что утрата прусскими государственными людьми прежняго довѣрія въ Россіи создала для нѣмцевъ очень трудное, даже опасное положеніе, за ко-

торое Бисмаркъ никакъ не желаетъ взять на себя отвѣтственности, сваливая ее на гр. Каприви, по русской поговоркѣ: «съ больной головы да на здоровую»!..

Все это намъ очень полезно знать, чтобы, не преувеличивая своихъ силъ, въ то же время и не стушевываться передъ нѣмецкими гегемонами, не уступать имъ добровольно нашихъ стародавнихъ историческихъ позицій, какъ это случилось напр. при кн. Бисмаркѣ, злоупотребившемъ русскимъ къ нему «довѣріемъ».

Кромѣ того нельзя не замѣтить, что завязавшаяся со времени «вѣнской свадьбы» газетная полемика о «старомъ» и «новомъ» курсахъ не могла поднять обаянія и авторитета нынѣшней Германіи ни дома, ни въ сферѣ международной. Наоборотъ, она ослабила Германію, раздѣливъ ее на два враждебныхъ лагеря, изъ коихъ правительственный чуть ли не слабѣе уже теперь оппозиціоннаго, бисмарковскаго. Послѣдній особенно укрѣпился въ южной Германіи, гдѣ кажется не безъ злорадства прислушиваются къ филиппикамъ экспанцлера противъ нынѣшняго прусскаго правительства. Воодушевляясь по прежнему единствомъ Германіи, онъ не придаетъ уже теперь въ своихъ рѣчахъ и статьяхъ особенной важности прусскому ея средоточію. Толки о предстоящемъ водвореніи стараго Бисмарка въ Баваріи, на берегахъ Кремскаго озера, а молодого въ Штиріи, близъ Градца, наводятъ на предположеніе, что Берлинъ не имѣетъ уже теперь въ глазахъ экспанцлера особеннаго преимущества передъ Вѣною и Мюнхеномъ. Не этотъ ли смыслъ имѣетъ и сорвавшаяся съ устъ его въ одной изъ киссингенскихъ рѣчей фраза, что цѣлью возсозданія Германской имперіи было его желаніе поставить Пруссію на службу этой имперіи? Если это такъ, то для южныхъ нѣмцевъ открываются совершенно новыя точки зрѣнія на роль Пруссіи въ Германіи, тѣмъ болѣе заманчивыя, что ихъ развиваетъ главный виновникъ Гогенцоллернской имперіи. Конечно, такого рода нравственное колебаніе государственнаго центра Германіи не представляетъ теперь для Берлина непосредственной опасности, но все же оно нѣсколько расшатываетъ политическое зданіе, не вполнѣ еще скрѣпленное привычками и чувствами населеній. А это въ свою очередь не можетъ не отразиться на прочности лиги, которая между тѣмъ очень нуждается въ твердомъ и устойчивомъ средоточіи для объединенія столь разнообразныхъ по происхожденію, преданіямъ, чувствамъ и стремленіямъ членовъ тріединой лиги.

III.

Въ сравненiи съ этими важными и для грекославянскихъ народовъ событiями въ Великобританiи и Германiи лишь второстепенное значенiе имѣютъ новѣйшiе факты въ политической и общественной жизни Австрiи, Угрiи и другихъ смежныхъ странъ. Все же нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ занесенiя въ славянскую лѣтопись.

Приливъ нѣмецкихъ чувствъ къ южной Германiи, при одновременномъ отливѣ изъ Берлина, вслѣдствiе возрастающаго охлажденiя къ нему Бисмарка, не могъ не отразиться и въ Вѣнѣ, которая во всякомъ случаѣ должна быть признана главнымъ городомъ южной Германiи, какъ Берлинъ—сѣверной. Правда, Вѣна является при этомъ еще административнымъ, отчасти экономическимъ и даже образовательнымъ центромъ для многихъ вѣтвей западнаго, особенно же цислейтанскаго славянства. Въ своихъ стѣнахъ она вѣдь скрываетъ теперь болѣе 200,000 одного чешскаго населенiя. Но все это не помѣшало бы Вѣнѣ служить аванпостомъ германизма и вмѣстѣ столичнымъ городомъ южной Германiи, еслибы удалось возстановить въ нынѣшней Цислейтанiи, особенно въ областяхъ чехоморавскихъ и хорутанословинскихъ, прежнее гегемоническое положенiе нѣмецкаго языка и народности. Мы не должны слѣдовательно удивляться тому, что вѣнское правительство стремится къ германизацiи Цислейтанiи, за изъятiемъ пока Галичины и адрiатическаго Приморья. Въ послѣднiя недѣли стремленiе это выразилось напр. въ продолжающемся образованiи въ Чехiи такъ наз. замкнутыхъ (для чешскаго языка) судебныхъ округовъ, въ отмѣнѣ министерствомъ распоряженiя пражской думы о признанiи чешскаго языка своимъ оффицiальнымъ органомъ въ сношенiяхъ съ другими чешскими учрежденiями, въ запрещенiи люблянской городской управѣ замѣнить нѣмецкiя названiя площадей и улицъ словинскими, въ удаленiи изъ чешскаго университета четырехъ студентовъ за участiе въ вѣнскомъ съѣздѣ славянской прогрессивной молодежи; въ отсрочкѣ обѣщаннаго введенiя славянскаго языка въ преподаванiи 2—3 предметовъ градецкаго университета; въ оффицiальной поддержкѣ нѣмцофильскихъ шульферейновъ и др. подобныхъ германизаторскихъ обществъ; въ удаленiи чешскихъ знаменъ и гербовъ съ публичныхъ зданiй г. Берна во время проѣзда императора и т. п.

Но всѣ эти усилiя нѣмцевъ не убѣждаютъ австрiйскихъ славянъ въ необходимости—выражая словами древняго нѣмецкаго хрониста—Francorum principibus sua colla submittere... Особенно упорно отстаиваютъ свои историческiя и естественныя права чехи. Идея

возстановленія чешскаго государственнаго права, какъ оплота чешской народности противъ нѣмцевъ, въ короткое время сдѣлала такія завоеванія въ Чехіи, Моравіи, Слезіи, что сдѣлалась знаменемъ всенароднымъ, подобно home rule въ Ирландіи. Идея эта проповѣдуется и съ парламентской трибуны (напр. въ рѣчи деп. Айма по валютному вопросу), и на безчисленныхъ народныхъ вѣчахъ Чехо-Моравіи, и на страницахъ всѣхъ почти чехоморавскихъ газетъ и журналовъ, и даже въ частной бесѣдѣ поселянъ. Самъ императоръ убѣдился въ этомъ въ Бернѣ во время пріема депутацій, причемъ одинъ моравскій крестьянинъ прямо заявилъ о желаніи народа, чтобы императоръ короновался вѣнцомъ св. Вячеслава. Заявленіе это вызвало массу сочувственныхъ писемъ и телеграммъ смѣлому поселянину, который такимъ образомъ довелъ до высочайшаго свѣдѣнія нынѣшнюю завѣтную думу всѣхъ чехоморавянъ.

Особенно важно въ этомъ случаѣ согласіе на програму чешско-моравскаго «home rule» всѣхъ чехоморавскихъ сословій и партій. Можно желать и надѣяться, что на этой почвѣ вновь будетъ возстановлено если не единство, то по крайней мѣрѣ патріотическое взаимодѣйствіе старочеховъ съ младочехами, клерикаловъ съ реалистами, феодаловъ съ соціалъ-демократами и т. д. Общимъ ихъ знаменемъ должно быть отраженіе германизма, сохраненіе своей славянской народности, огражденіе ея гарантіями чешскаго государственнаго права.

Что въ этомъ оборонительномъ движеніи чехоморавскаго народа и мѣстное духовенство въ громадномъ большинствѣ стоитъ за права своей народности, это воочію доказалъ бернскій епископъ Бауеръ въ энергической рѣчи противъ отупленія моравскихъ дѣтей обученіемъ на непонятномъ имъ нѣмецкомъ языкѣ въ такъ наз. шульферейнскихъ школахъ. Этимъ своимъ заявленіемъ мужественный епископъ вызвалъ вражду нѣмцевъ, но поднялъ себя въ глазахъ народа на такую высоту, на какой стоятъ въ Хорватіи еп. Штросмайеръ, а въ Сербіи митрополитъ Михаилъ.

Епископъ Бауеръ не стоитъ въ Моравіи одиноко; тамъ не мало и другихъ такихъ патріотовъ въ средѣ духовенства. Тѣмъ желательнѣе сближеніе съ нимъ политическихъ вождей, призванныхъ собирать, а не раздѣлять народныя силы.

Въ земляхъ подальпійскихъ словенцевъ нѣмцы не встрѣчаютъ столь сильнаго отпора въ своихъ попыткахъ германизовать прежде всего южную Штирію и Хорутанію, при помощи то шульферейна, то Südmark'a, то даже нѣмецкихъ колонистовъ изъ нашей «остзейщины»; но все же и тамъ народно-славянское сознаніе понемногу пробуждается, особенно въ Крайнѣ, затѣмъ въ Штиріи и отчасти

даже въ Хорутаніи или Каринтіи. Къ сожалѣнію, между словенцами, какъ и вообще въ земляхъ подальпійскихъ, ультрамонтанство все еще удерживаетъ власть надъ умами народныхъ массъ, парализуя въ нихъ народное самосознаніе и инстинкты жизни. Къ тому же взгляды этого ультрамонтанства опредѣляются теперь не столько Римомъ, сколько Зальцбургомъ, Инсбрукомъ, Вѣною, т. е. клерикализмомъ специфически нѣмецкимъ, затхлымъ, фанатическимъ, антиславянскимъ. При такомъ настроеніи значительной части словинскаго духовенства, особенно высшаго, не можетъ найти въ немъ существенной поддержки народное дѣло. Предстоящій словинцамъ въ августѣ католическій съѣздъ въ Любльнѣ не сулитъ имъ особенныхъ благъ. Усилія этого съѣзда будутъ обращены скорѣе на подавленіе славянскаго сознанія въ народѣ, чѣмъ на пробужденіе и развитіе такого сознанія. Въ этомъ особенно убѣждаетъ насъ рѣзко-руссофобское направленіе главнаго органа словинскихъ клерикаловъ «Словѣнца» (Slovenec), который напр. кормитъ своихъ читателей сфабрикованными въ Краковѣ письмами подуральскихъ выселенцевъ изъ упорствующихъ уніатовъ Холмщины и усердно поддерживаетъ стамбуловщину въ Болгаріи!....

IV.

Печальную, недостойную славянства роль приходится попрежнему играть полякамъ и въ Германіи, и въ Цислейтаніи. Въ Познани, Софіи и Пруссахъ ихъ дѣятельность выражается главнымъ образомъ въ ухаживаніи за министрами, составленіи для нихъ петицій, докладныхъ записокъ и т. п., а затѣмъ въ услуживаніи центру рейхстага, въ оборонѣ гр. Каприви отъ нападокъ кн. Бисмарка и наконецъ въ хлопотахъ объ усиленіи прусскаго флота! Даже нашъ петербургскій «Kraj» махнулъ наконецъ на этихъ поляковъ рукою, признавъ всю ихъ политику «сооруженіемъ замковъ на льду» (№ 25). На дѣлѣ это еще хуже испанскихъ замковъ: это просто вымираніе польской народности, перерожденіе славянъ въ ультрамонтанскихъ нѣмцевъ!

Но еще позорнѣе политическая дѣятельность поляковъ галицкихъ. Они скальпируютъ въ національномъ смыслѣ не только свой собственный народъ, но и брошенныхъ имъ на съѣденіе червонорусовъ, помогая нѣмцамъ въ Цислейтаніи, а мадьярамъ въ Транслейтаніи уничтожать остатки западнаго и южнаго славянства. Всего прискорбнѣе, что за подобною работою видишь не однихъ безмозглыхъ шляхтичей, въ родѣ пана Поповскаго (очевидно, потомка поповъ!), который публично въ рейхсратѣ призналъ славянство не

стоющимъ щепоти табаку, но нерѣдко и людей серьезныхъ, образованныхъ, добросовѣстныхъ, какимъ напр. мы считали до сихъ поръ галицкаго экономиста Щепановскаго. Въ своихъ сочиненіяхъ, особенно въ книжкѣ: Nędza w Galicyi (Нищета въ Галиціи) онъ нарисовалъ въ столь сумрачныхъ, но къ сожалѣнію вѣрныхъ краскахъ картину экономическаго упадка и народнаго вырожденія Галиціи, какъ результатъ 25-лѣтняго управленія ея польскими автономными учрежденіями, что мы никакъ не ожидали встрѣтить потомъ его въ Вѣнѣ въ роли самаго обыденнаго министерскаго мамелюка и польскаго шовиниста. А такимъ именно и выступилъ панъ Щепановскій въ дебатахъ рейхсрата по валютному вопросу. Мы не станемъ здѣсь вдаваться въ обсужденіе вопроса о пригодности для Австро-Угріи вообще, а Галичины въ частности золотой валюты.

Замѣтимъ вскользь, что доводы противъ нея, высказанные проф. Суессомъ и чешскими депутатами—Айшомъ, Кайзлемъ, Крамаржемъ и др. показались намъ болѣе убѣдительными, чѣмъ рѣчи адвокатовъ правительства. Золотая валюта, когда она станетъ наконецъ фактомъ, будетъ безспорно полезна людямъ денежнымъ, особенно еврейскимъ банкирамъ, но тяжела для людей бѣдныхъ, для рабочихъ, которые принуждены будутъ платить золотомъ, а получать никкелемъ, какъ выразился одинъ изъ депутатовъ, кажется кн. Лихтенштейнъ.

Но насъ занимаетъ здѣсь не столько экономическая, сколько политическая сторона валютныхъ преній. Въ нихъ еще разъ и съ полной очевидностью обнаружилось, что польскій клубъ въ Вѣнѣ— это настоящіе янычары цислейтанскаго правительства, готовые рубить направо и налѣво, не разбирая своихъ и чужихъ, если только имъ нарисовать на стѣнѣ русскаго «черта» или хотя бы только медвѣдя. На этотъ разъ умозаключенія «кола» вращались въ слѣдующихъ посылкахъ: «чтобы отбудовать ойчизну, необходимо побить москаля; чтобы побить москаля, нужно имѣть деньги; чтобы имѣть деньги, нужно располагать кредитомъ; чтобы имѣть кредитъ, нужно платить за золото золотомъ; слѣд. чтобы отбудовать ойчизну— нужно ввести золотую валюту».

Конечно, вѣнскіе поляки не столь ужъ просты, чтобы выдавать секреты «кола», особенно послѣ биржевой паники, вызванной прошлою осенью нескромнымъ оглашеніемъ императорскихъ сообщеній на аудіенціи Яворскому—о возможности войны съ Россіей. Вотъ почему теперь, въ валютныхъ преніяхъ, польскіе депутаты, съ паномъ Яворскимъ во главѣ, не упоминали о необходимости разгромить при помощи золота Россію, а просто ссылались на высшіе государственные интересы Австро-Угріи. Но чешскому депутату Ва-

шатому какъ-то пришлось упомянуть въ своей рѣчи Москву. Вотъ тутъ-то и обнаружилось, что для поляковъ весь смыслъ, вся цѣль валютной реформы и заключается въ денежной мобилизаціи на москаля. Несмотря на всю свою сдержанность и тактъ, самъ панъ Щепановскій не выдержалъ роли хладнокровнаго докладчика коммиссіи и выдалъ секретъ польскаго клуба: онъ подтвердилъ, что дѣйствительно ненавидитъ москалей, считаетъ эту ненависть оправданною и даже обязательною для каждаго австроугорскаго гражданина, понимающаго суть полонизма и панрусизма. Не въ этихъ словахъ, но въ такомъ именно смыслѣ отвѣтилъ Щепановскій Вашатому. А давно ли авторъ книжки: Nędza w Galicyi такъ убѣдительно, языкомъ цыфръ, доказалъ, что нигдѣ въ Европѣ народъ такъ не бѣдствуетъ, какъ въ Галичинѣ, что польское управленіе отдало его въ жертву евреямъ и другимъ эксплоататорамъ, что это грозитъ вырожденіемъ всему христіанскому населенію польской Палестины, что наконецъ экономическое положеніе поляковъ въ Германіи и Россіи гораздо благопріятнѣе, чѣмъ въ Галиціи! Что же это означаетъ? Не новое ли и очевидное банкротство польской политики, совершившееся на нашихъ глазахъ и доказывающее полную неспособность нынѣшняго поколѣнія поляковъ къ автономному управленію? Какой же истинный патріотъ будетъ настолько безуменъ или безсердеченъ, чтобы желать подобной «nędzy» и въ прочихъ частяхъ бывшей Польши, со включеніемъ областей литовскихъ и западнорусскихъ? Ужели польскій народъ долженъ пропасть подъ гнетомъ евреевъ лишь для того, чтобы польскіе шляхтичи и другіе польскіе интеллигенты могли еще 10—20 лѣтъ поуправлять этимъ народомъ? Ужели интересы польской делегаціи въ Вѣнѣ и польскихъ членовъ львовскаго сейма, польской бюрократіи, феодаловъ, шляхты, монашества и ксендзовства или даже—допустимъ—всей польской интеллигенціи важнѣе интересовъ народныхъ массъ? Еслибы панъ Щепановскій вдумался въ этотъ вопросъ и не соблазнялся ни посулами министровъ, ни стѣснялся дисциплиною «кола», то врядъ ли онъ сказалъ бы въ рейхсратѣ, будто поляки возставали противъ Россіи въ 1812, 1830 и 1863 гг., дѣйствуя по наущенію ея враговъ—въ интересахъ польскаго народа, во имя народности! Нѣтъ, это были возстанія не за польскую народность, а за польскую государственность, которая вѣдь имѣла не народный, а сословный, феодально-клерикальный характеръ. Даже языкъ этой государственности втеченіе многихъ вѣковъ былъ не польскій, а латинскій, или вѣрнѣе безобразная смѣсь польсколатинскихъ словъ и оборотовъ. И церковь Рѣчи Посполитой была, какъ извѣстно, вовсе не польская, а чисто латинская или романо-германская. Тоже и школы. И старопольскіе города

имѣли населеніе главнымъ образомъ еврейское, отчасти и нѣмецкое, а управленіе полукагальное, полумагдебургское. Наконецъ это была и не монархія, и не республика, а какой-то политическій гермафродитъ, государственность, основанная на рабствѣ снизу и анархіи вверху. Ужели такая «народность» должна еще разъ воскреснуть на площади od morza do morza, въ угоду польской делегаціи, шляхетства и іезуитовъ-змартвыхвстанцевъ.

Большое значеніе придаютъ нѣмцы, поляки и мадьяры тому обстоятельству, что русофобскія заявленія въ рейхсратѣ пана Щепановскаго были поддержаны и однимъ изъ галицкорусскихъ депутатовъ, г. Барвинскимъ. Но дѣло въ томъ, что теперь нѣтъ въ составѣ вѣнскаго рейхсрата ни одного народно-русскаго депутата, какіе тамъ бывали прежде. Подъ давленіемъ польской бюрократіи, шляхетства и ксендзовства въ нынѣшнюю «новую эру» забаллотированы были при выборахъ всѣ независимые русскіе кандидаты, а избрано только полдюжины такъ наз. Paraderuthen'овъ, т. е. мамелюковъ польскаго правительства и клуба. Самымъ завзятымъ изъ этихъ мамелюковъ является именно г. Барвинскій, учитель—кажется—препарандіи и издатель полякующей газетки. Повинуясь волѣ своихъ хлѣбодателей, онъ принужденъ былъ тоже «полаять на луну», отъ имени червонорусскаго населенія, протестуя противъ преслѣдованія въ Россіи малорусскаго «языка» и народности. Лучшія галицкорусскія газеты уже признали ссылку на червонорусовъ совершенно незаконною, такъ какъ они вовсе не считаютъ Барвинскаго своимъ народнымъ депутатомъ. Что же касается мнимаго преслѣдованія въ Россіи малорусскаго нарѣчія, то оно опровергается уже однимъ фактомъ изданій то въ Кіевѣ, то въ Харьковѣ, Одессѣ, даже Москвѣ и Петербургѣ множества малорусскихъ книжекъ и брошюръ, въ чемъ можно убѣдиться и изъ «Славянскаго Обозрѣнія» (кн. V—VI), гдѣ напечатанъ обзоръ такихъ изданій за 1891 г. Еслибы дѣло шло о научномъ обсужденіи вопроса объ отношеніяхъ малорусскаго діалекта къ общерусскому языку съ одной стороны, а къ польскому съ другой, то мы подробнѣе остановились бы на діалектической, національной и культурной сторонахъ этого вопроса; но голословный протестъ г. Барвинскаго не представляется достаточно серьезнымъ поводомъ для такого обсужденія, почему мы и откладываемъ его до другого раза.

Въ заключеніе этихъ замѣтокъ о полякахъ отмѣтимъ еще прискорбный случай съ польскими гимнастами или соколами, которые были избиты румынскою молодежью во время своей поѣздки въ Черновцы. Какъ бы строго ни осуждали мы это негостепріимное отношеніе буковинскихъ румыновъ къ пріѣзжимъ полякамъ и поль-

камъ, все же нельзя отрицать, что поляки не неповинны во враждебныхъ къ нимъ чувствахъ и даже дѣйствіяхъ румыновъ. Послѣднимъ не можетъ конечно нравиться все чаще и энергичнѣе заявляемыя галицкими поляками претензіи на Буковину, въ которой они видятъ какъ бы свою Семиградію и ближайшій шагъ къ «отбудованію ойчизны» отъ моря Балтійскаго до Чернаго. Къ тому же горсть черновецкихъ поляковъ при послѣднихъ выборахъ, соединившись съ нѣмцами, захватила нѣсколько депутатскихъ полномочій въ буковинскій сеймъ, къ явному ущербу румынско-русскаго населенія Буковины. Наконецъ, румыны видятъ въ полякахъ завѣдомыхъ союзниковъ мадьярства, слѣдов. отвѣтственныхъ отчасти за угнетеніе румыновъ въ Семиградіи и другихъ частяхъ угорской Дакіи.

V.

Что касается этого угнетенія, то документальный очеркъ его мы находимъ въ «Меморандумѣ», представленномъ недавно въ вѣнскую императорскую канцелярію особою депутаціею семиградскихъ румыновъ, подъ предводительствомъ адвоката Раціу. Въ этомъ «Меморандумѣ», который напечатанъ въ вѣнской «Rumunische Revue» и многихъ другихъ австро-угорскихъ журналахъ и газетахъ, подробно и фактически доказано, что со времени установленія съ 1868 г. австро-угорскаго дуализма румынскій народъ въ Семиградіи потерялъ всѣ свои вѣковыя права и законныя преимущества, не исключая и тѣхъ, какія обусловлены законами 1868 г. о правахъ народностей въ земляхъ угорской короны; что вмѣсто обезпеченной законами равноправности всѣхъ народовъ полиглотной Угріи румыны преданы теперь въ жертву терроризму мадьяръ; что законъ о выборахъ въ угорскій сеймъ составленъ столь тенденціозно, что полутора-милліонное населеніе румыновъ въ Семиградіи не можетъ провести туда и одной дюжины депутатовъ, будучи совершенно подавлены 200,000-ымъ только населеніемъ семиградскихъ мадьяръ; что такимъ же грубымъ безправіемъ маіоризованы румыны мадьярами въ организаціи комитатскихъ и уѣздныхъ муниципій, связанной съ системою выборовъ въ сеймъ; что законъ 1868 г. о равноправности языковъ въ школѣ ежедневно нарушается навязываньемъ румынамъ школъ мадьярскихъ, причемъ имъ не разрѣшается учреждать даже частныхъ румынскихъ гимназій; что въ судахъ и въ администраціи румынскій языкъ также совершенно задавленъ мадьярскимъ; что и законъ о печати изданъ для румыновъ особо, съ явнымъ подчиненіемъ ихъ публикацій приговорамъ не румынскихъ, а мадьяр-

скихъ присяжныхъ, которые всегда готовы убить румынскій журналъ или автора; что и аграрная политика мадьярскаго правительства также направлена противъ румынскаго крестьянства, въ пользу мадьярской знати и государственныхъ имуществъ, вслѣдствіе чего въ южныхъ мѣстахъ Семиградіи, особенно въ западной верховинѣ, народъ раззоренъ и принужденъ выселяться; что правительство явно заводитъ «мадьярскія культурныя общества» и даже обязательные сельскіе мадьярскіе «пріюты» для уничтоженія румынской народности, начиная съ дѣтей и съ массъ сельскаго населенія, притомъ на средства и этого послѣдняго; что этотъ 25 лѣтній уже терроризмъ мадьярскаго меньшинства противъ всѣхъ прочихъ народностей полиглитной Угріи доводитъ ихъ до отчаянія и заставляетъ просить императора о возстановленіи освященныхъ вѣками правъ румынской народности. Извѣстно, что императоръ, по настоянію мадьярскаго правительства, не принялъ ни депутацій, ни Меморандума, который теперь возвращенъ вождю депутаціи др. Раціу. Но все таки намѣченная ею цѣль хоть отчасти достигнута. Угрорумынскій вопросъ поставленъ на очередь дня и настойчиво домогается разрѣшенія. Напрасно мадьярское правительство и общество пытались подавить это движеніе разгромомъ домовъ адвоката Раціу и другихъ вождей депутаціи. Дикія безчинства мадьярской и мадьяронской черни, совершенныя на глазахъ, даже при косвенномъ соучастіи властей (напр. въ Тордѣ), вызвали взрывъ негодованія не только во всей Семиградіи, но и въ Молдо-Валахіи. Послѣдовали шумные митинги въ Букарештѣ, Яссахъ, Галацѣ и другихъ городахъ Румыніи, для выраженія протеста противъ мадьярскихъ звѣрствъ, съ требованіемъ дипломатическаго вмѣшательства въ пользу Rumunia irredenta. Предполагается издать манифестъ ко всѣмъ европейскимъ народамъ противъ новогуннскаго вандализма въ Семиградіи и другихъ частяхъ Угріи.

Не трудно видѣть, что движеніе это крайне непріятно державамъ тройной лиги, которыя давно уже намѣтили себѣ Румынію въ союзницы, а короля Карла Гогенцоллерна въ караульнаго нижнедунайской Германіи. Положеніе послѣдняго очень усложняется этимъ взрывомъ румынскаго ирредентизма, который можетъ либо вознести его на высоту le roi des roumains, какъ теперь уже величаютъ его букарестскіе студенты, либо подготовить для него участь кн. Кузы и принца Баттенберга.

Вотъ причина, по которой австроугорскіе оффиціозы, въ родѣ напр. Presse, Pester Lloyd и н. др. стали писать о необходимости компромисса, т. е. собственно уступокъ со стороны мадьяръ для успокоенія румыновъ. Правда, въ посвященныхъ этому вопросу

статьяхъ австроугорское правительство настаиваетъ еще на признаніи румынами угорскаго государства мадьярскимъ, слѣд. всѣхъ прочихъ языковъ и народностей Угріи — негосударственными; но вѣроятно и въ этомъ отношеніи была бы сдѣлана временно уступка румынамъ, еслибы можно было вопросъ угрорумынскій вполнѣ изолировать отъ угрословацкаго, угросербскаго, угрохорватскаго, угрорусскаго, вообще—угрославянскаго. Но это врядъ ли возможно, ибо всѣ подавленные мадьярами народы Угріи считаютъ себя солидарными—если не въ политической дѣятельности, то по крайней мѣрѣ въ общественныхъ заявленіяхъ. Нужно предвидѣть, что за «Меморандумомъ» румынскимъ явятся въ непродолжительномъ времени меморандумы словаковъ, сербовъ, хорватовъ, и т. д. Правительство старается предотвратить эту опасность контрдемонстраціями, въ родѣ бывшихъ недавно между «умѣренными» т. е. мадьяронствующими румынами въ Семиградіи и сербами въ Срѣмѣ (Митровица). Но малое число участниковъ такихъ quasi-народныхъ собраній и вѣчъ служитъ доказательствомъ крайней ихъ непопулярности въ средѣ подавленныхъ народностей Угріи. Правительственная программа: gente rumunus—natione magyarus столь же противорѣчитъ здравому смыслу этихъ народностей, какъ въ Галиціи аналогичная формула: gente ruthenus—natione polonus! Въ настоящее время подобное гермафродитство тѣмъ менѣе может удовлетворить неполитическія народности въ Австро-Угріи, что въ гладстоновскомъ home rule данъ другой, болѣе симпатичный имъ лозунгъ, который вскорѣ можетъ сдѣлаться общимъ ихъ знаменемъ.

VI.

Исторія австромадьярскаго управленія въ Болгаріи обогатилась еще одною позорною страницею: она занята такъ наз. процессомъ Бельчева, который завершился пока казнью четырехъ злополучныхъ болгаръ, по приговору военнаго суда, конфирмованному отъ имени отсутствовавшаго Кобурга его замѣстителемъ, кровожаднымъ палачемъ новой Болгаріи Стамбуловымъ. По сознанію не только русскихъ, французскихъ и всѣхъ почти славянскихъ (кромѣ польскихъ) юристовъ это была настоящая пародія на судъ. Даже присяжный корреспондентъ еврейско-нѣмецкой Neue Fr. Presse не могъ удержаться въ одной изъ своихъ телеграммъ объ этомъ процессѣ отъ слѣд. замѣчанія: «При чтеніи этихъ писемъ (въ концѣ судебнаго разбирательства) невольно навязывалась мысль, что Поповъ выдумалъ заговоръ лишь для того, чтобы получить денегъ; Миларовъ—чтобы порисоваться и убѣдить самого себя, что онъ человѣкъ не-

обыкновенный, Васильевъ же—потому что онъ такъ много наслушался о заговорахъ. Серьезно кажется, никто изъ нихъ не думалъ (о заговорѣ), несмотря на клятву и рыцарское слово. Въ случаяхъ (исполнить его) у нихъ вѣдь не было недостатка» (10 іюля 1892 г.). За недостаткомъ уголовнаго матеріала къ судебному разбирательству были присоединены разнаго рода ложныя письма и прямые фальсификаты, якобы обличающіе прикосновенность къ болгарскимъ убійствамъ то членовъ славянскаго «комитета» (между ними проф. Соловьевъ!), то русскихъ дипломатовъ и правительственныхъ учрежденій. Когда Journal de S.-Petersbourg заявилъ о подложности всѣхъ этихъ документовъ, которые между тѣмъ имѣли не послѣднее значеніе между судебными доказательствами, г. Стамбуловъ въ доказательство ихъ подлинности ссылается на то, что у него есть русская ихъ копія, подписанная анонимомъ «русскій»!? И вотъ на основаніи такихъ-то анонимныхъ копій, которыхъ подлинность удостовѣряется только подписью «русскій», кобургское правительство повѣсило четырехъ «заговорщиковъ», которые не только никого не убили, но даже не сдѣлали фактическаго покушенія на чью-нибудь жизнь!

Но самая грустная сторона этого позорнаго процесса заключается не въ томъ, что въ нынѣшней Болгаріи возможенъ теперь такой судъ, такія конфирмаціи казни, а въ томъ, что ихъ считаютъ вполнѣ законными, оправданными, даже необходимыми всѣ почти органы гласности пресловутой тройной лиги, съ придачей большинства торійскихъ газетъ Великобританіи!!! Это значитъ принять на себя нравственную отвѣтственность за подобныя «юридическія убійства», а вмѣстѣ и ободрить г. Стамбулова къ дальнѣйшему ихъ продолженію...

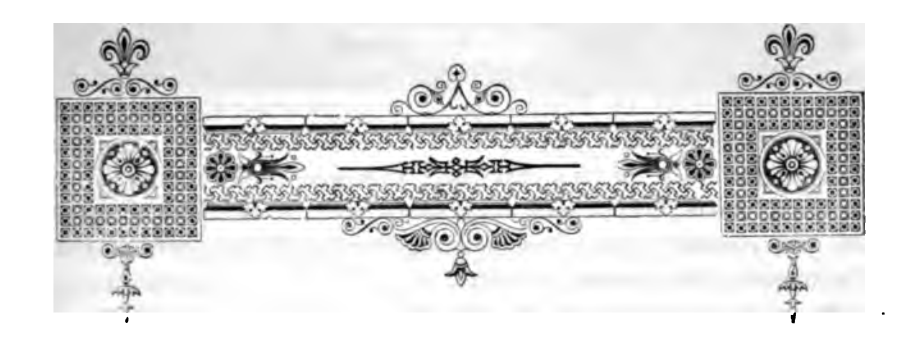
Даже такія далекія отъ кобурговской клики газеты, какъ берлинская Post или National Zeitung (23 іюля), считаютъ приговоръ софійскаго судилища «строгимъ, но оправданнымъ обстоятельствами». Австрійскій же оффиціозъ «Presse» 28 іюля дерзнулъ, въ отвѣтъ на разоблаченіе Journal de S. P. B. о софійскихъ поддѣлкахъ, выразить мнѣніе, что «эти документы болѣе соотвѣтствуютъ усиліямъ русской политики, чѣмъ нынѣшнее ихъ опроверженіе въ J. de S. P. B.». Подобная дерзость лишь немногимъ уступаетъ той, которую позволяетъ себѣ напр. Pester Lloyd, въ одномъ изъ недавнихъ своихъ передовиковъ предлагающій воспользоваться нынѣшнимъ ослабленіемъ Россіи голодомъ и холерою и потребовать отъ нея немедленнаго перемѣщенія войскъ изъ западныхъ окраинъ во внутреннія губерніи, для безопасности тройной лиги!.. Въ отвѣтъ на такое нахальство какъ не сказать под. мадьярамъ: «приди и возьми»!

Одна французская газета, кажется Justice, обсуждая извѣстіе о повѣшеніи четырехъ болгаръ по процессу Бельчева, довольно мѣтко, хотя и рѣзко охарактеризовала положеніе словами: «нѣмцы считаютъ нынѣшнее болгарское правительство своею сторожевою собакою на востокѣ: теперь оказалось, что это собака—бѣшенная»... Но кто заразилъ ее? Не болѣе ли старые нѣмецкіе сторожевые псы на Дунаѣ?

Во всякомъ случаѣ, приспѣла крайняя пора озаботиться, чтобы эта кобурговская зараза не распространялась далѣе на балканскія земли. Для будущности восточныхъ народовъ она гораздо опаснѣе, чѣмъ индійская холера, надѣлавшая столько бѣдъ Россіи и тревогъ Европѣ. Даже дикое буйство астраханской и саратовской черни, разгромившей свои больницы и избившей своихъ врачей, въ смыслѣ нравственномъ представляется намъ не столь возмутительнымъ, какъ одобреніе и подзадориваніе многими органами тройственной прессы столь грустныхъ событій, какъ недавнія казни въ Софіи. Тамъ можно бы еще признать смягчающимъ обстоятельствомъ глубокое невѣжество массъ и ихъ податливость стороннимъ вліяніямъ; но здѣсь мы видимъ цвѣтъ среднеевропейскаго общества, въ лицѣ своихъ авгуровъ рукоплещущаго не то что бою гладіаторовъ, быковъ или пѣтуховъ, а просто—терроризму новоявленныхъ коммунаровъ, во имя интересовъ тройственной лиги! Какъ не сказать при этомъ: Quousque tandem!..

Берлинъ.
22 іюля, 1892 г.

А. Б.



ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ

Изъ Турчанскаго Св. Мартина (Угрія)

Два слова о мадьярской статистикѣ

Извѣстно, что статистика, зародившаяся еще въ XV вѣкѣ во Флоренціи, получила въ наше время значеніе точной науки, такъ сказать общественной математики, на выводахъ которой можетъ, какъ на прочномъ фундаментѣ, строить свои теоріи соціологъ и свои системы политикъ. Во всѣхъ благоустроенныхъ государствахъ организованы особыя статистическія бюро для собиранія и обработки относящихся сюда данныхъ. Есть такое бюро и у насъ, въ Угріи. Во главѣ его до недавняго времени стоялъ омадьяренный швабъ Келети (Klette), изъ Пресбурга. Подъ его руководствомъ велась и послѣдняя народная перепись 1890—1891 года.

Но напрасно кто-нибудь думалъ бы, что собранныя и обработанныя при этомъ цифры соотвѣтствуютъ живой дѣйствительности, представляютъ надежный матеріалъ для цѣлей научныхъ и практическихъ. Наоборотъ, я берусь доказать въ этомъ письмѣ, что статистика эта основана не на математикѣ, а на политикѣ, построена не на фактахъ, а на фантазіяхъ самаго тенденціознаго характера.

Для примѣра и провѣрки я остановлюсь на добытыхъ этою мадьярскою статистикою цифрахъ, опредѣляющихъ народности Угріи. Предупреждаю, что читатель услышитъ при этомъ вещи неслыханныя, даже невѣроятныя для того, кто незнакомъ съ нашими нынѣшними отношеніями.

Дѣло въ томъ, что у насъ и статистика имѣетъ главною своею задачею оправдать не то что гегемонію, а исключительное право

мадьяръ на жизнь въ Угріи, оправдать насильственное омадьяреніе всѣхъ немадьярскихъ народностей Угріи и Семиградья. Въ этомъ заключается цѣль, центръ, аксіома, универсальная истина, это — божество, идолъ, итогъ всей государственной, политической, народной, религіозной, культурной и цивилизаторской мудрости мадьяра и мадьярона. Это—альфа и омега.

Конечно, численный и матеріальный перевѣсъ элемента, желающаго поглотить остальные, является первымъ условіемъ ассимиляціи послѣднихъ первымъ; притомъ перевѣсъ этотъ долженъ быть очень великъ, ибо въ противномъ случаѣ меньшинство можетъ цѣлые вѣка отражать напоръ большинства. Вторымъ условіемъ ассимиляціи служитъ перевѣсъ культурный, который по крайней мѣрѣ въ образованныхъ слояхъ населенія обезпечитъ гегемонію народности болѣе образованной, богатой, даровитой. Но всетаки въ наше время, при всеобщемъ уравненіи народовъ въ культурномъ отношеніи, перевѣсъ численный стоитъ на первомъ планѣ. Категорическое раздѣленіе людей на эллиновъ и варваровъ или скиѳовъ—прекратилось; контрасты между народами образованными и необразованными стушевались.

Вотъ почему мадьярамъ во что бы ни стало нужно было блеснуть своимъ числомъ, хотя бы въ одной только статистикѣ. Имъ нужно было доказать, что мадьярство имѣетъ безспорное и значительное большинство въ сравненіи съ любымъ другимъ народомъ Угріи. О большинствѣ абсолютномъ они уже не хотѣли думать, ибо знали, что въ этомъ уже никто бы имъ не повѣрилъ. Народъ политическій не можетъ завраться вдругъ, а лишь понемногу, послѣдовательно, приблизительно.

И въ смыслѣ психологическомъ такое стремленіе нельзя считать неоправданнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, еслибы мадьяры открыли Европѣ всю свою правду, то не сказали-ль бы имъ по крайней мѣрѣ мыслящіе люди: «Ну что же это? Развѣ это Римъ или Спарта? Или это племенная олигархія? Или Индія? Мыслимо ли, чтобы 4-милліонное меньшинство господствовало безраздѣльно надъ 13-милліоннымъ большинствомъ? Ужъ не племя ли это гигантовъ, которое въ XIX в. сумѣло наложить ярмо илотскаго послушанія на цѣлое море народностей, притомъ племя неарійское—на 13 милл. арійцевъ?» Любопытство заставило бы людей присмотрѣться къ дѣйствительности... А это крайне нежелательно! Вотъ для чего пришлось дать официальное оправданіе мадьярской гегемоніи при помощи статистической подтасовки цифръ.

По переписи 31 декабря 1890 г. въ Угріи (съ Семиградьемъ, Хорватіей и Рѣкой) насчитано 17.349,398 душъ. Эта цифра соот-

вѣтствуетъ дѣйствительности. Еслибы статистикъ вздумалъ увеличить ее изъ Grössenwahn—что ли, то потомъ ему еще труднѣе было бы доказать относительный перевѣсъ мадьярскаго населенія.

Въ числѣ 17,3 милл. населенія Угріи по Келети находится: 7.426,730 мадьяръ, 2.591,905 румыновъ, 383,392 русскихъ, 2.604,260 сербохорватовъ, 94,679 вендовъ, 230,576 иныхъ народностей. Что касается насъ, словаковъ, то еще въ 1842 г. Шафарикъ въ своемъ «Славянскомъ Народописѣ» насчиталъ насъ 2.753,000; въ 60-хъ годахъ нѣмецъ Фиккеръ (Ficker) все еще считалъ насъ болѣе 2 мил. Въ мадьярской же статистикѣ 1890 г. насъ оказывается всего 1.910,279! Еще 2—3 мадьярскія статистическія олимпіады и словаки исчезнутъ съ лица земли, словно запахъ, роса или дымъ, развѣянный вѣтрами!

Но какъ же это? Нашъ народъ даже и по даннымъ Келети считается плодовитымъ, съ семьями въ 6—8 и до 12 дѣтей; всѣ знаютъ, что наши парни здоровы, какъ дубы, дѣвицы—кровь съ молокомъ; число рожденій (по той же статистикѣ) значительно превышаетъ у насъ число умершихъ; войнъ мы не ведемъ, эпидемій не бывало, а если и были, то въ нашемъ чистомъ, горномъ воздухѣ онѣ взяли менѣе жертвъ, чѣмъ индѣ: эмиграція началась лишь недавно и на числахъ не могла сильно отразиться, тѣмъ болѣе что $^{3}/_{4}$ выселившихся возвращается домой!

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ намъ методъ собиранія офиціальныхъ данныхъ мадьярскаго статистическаго бюро.

Начну съ ближайшаго. Я родился въ с. Глубокомъ (Hlboké), нитранскаго комитата, селѣ чисто словенскомъ, удаленномъ на 3 дня пути отъ ближайшаго мадьярскаго села, расположенномъ въ области чисто-словенской, гдѣ нѣтъ никакихъ инородческихъ примѣсей, кромѣ евреевъ. Тамъ я выросъ до 12 л., а такъ какъ отецъ мой, др. Іос. Гурбанъ, былъ тамъ пасторомъ болѣе 40 л. (тутъ онъ и умеръ, тутъ сооружаетъ ему словенскій народъ прекрасный памятникъ на кладбищѣ), то я оставался въ непрерывныхъ сношеніяхъ съ роднымъ селомъ, знаю тамъ всѣхъ поголовно не только по имени, но и семейныя преданія каждаго дома. Мои земляки, глубочане, отличаются гордой исключительностью, женятся лишь между собою, такъ что дѣвицу, вышедшую замужъ въ сосѣднее село—что случается разъ въ 10 л.—оплакиваютъ, словно она уходитъ за море. Парень, который въ Глубокомъ приженится изъ сосѣдней волости, лѣтъ 20—30 считается чужимъ, какъ бы бродягой, хотя бы онъ былъ богатъ, какъ Крезъ. Выйти замужъ за инородца является для глубочанки физической и нравственной невозможностью: во 1-хъ, такихъ инородцевъ нѣтъ на 100 квадр. миль кругомъ;

*

во 2-хъ, такое замужество въ глазахъ этого исключительнаго, чисто аграрнаго населенія было бы просто безнравственностью, содоміей. Глубочане, владѣя роскошными полями и лугами, никуда не ходятъ, развѣ въ ближайшій (5 километровъ) посадъ Сѣницу, чтобы продать свою пшеницу, или нандалѣе въ Тернаву — за кукурузой и свиньями. Но все это словенскіе края. Понятно, что глубочанинъ говоритъ лишь на своемъ словенскомъ языкѣ, не имѣя ни надобности, ни возможности изучить другой языкъ.

Теперешній пасторъ въ Глубокомъ—чистый словакъ, патріотъ; тоже и учитель, который даже пострадалъ за народныя убѣжденія. Въ селѣ этомъ нѣтъ ни помѣщика, ни вообще интеллигента, кромѣ двухъ названныхъ словаковъ, да еще волостного писаря (натара), тоже словака изъ Соботинста. Народъ весь грамотенъ, не исключая и женщинъ: да это не диво, когда онъ 40 л. имѣлъ такого геніальнаго, одушевленнаго учителя и пастыря, какимъ былъ Гурбанъ, прозванный «отцомъ народа». Вслѣдствіе того глубочане народъ пробужденный, патріотически-словенскій. Уже въ 1848 г. они выслали 60 человѣкъ въ бой противъ мятежныхъ мадьяръ, за что и поплатились потомъ тюрьмами и побоями отъ побѣжденныхъ въ началѣ революціонеровъ. Словомъ, я доподлинно знаю это село, знаю, что въ этомъ моемъ родномъ гнѣздѣ никогда не было и нѣтъ ни одной мадьярской души.

И что же? Открываю мадьярскую офиціальную статистику Келети и читаю: «Глубокое, душъ 1052. Мадьяръ 12. Нѣмцевъ 29. Словаковъ 996. Людей, говорящихъ на иныхъ языкахъ (т. е. не по-словенски, не по-нѣмецки, не по-мадьярски, не по-румынски, не по-русски или «рутенски», не по-хорватски, не по-вендски, ибо для всѣхъ этихъ языковъ имѣются особыя графы)—15!

Я остолбенѣлъ! Никогда еще не вступала въ Глубокое, да и не вступитъ такъ скоро мадьярская нога, развѣ какой-нибудь случайный нищій или бродяга! Никогда тамъ не было нѣмцевъ: развѣ евреи выдали себя за нѣмцевъ, но ихъ всего 26 душъ, откуда же еще 3? «Narodnie Noviny» заявили, что даютъ червонецъ за каждаго мадьяра въ с. Глубокомъ. Почему же никто изъ этихъ 12 мадьяръ не явился за деньгами? И что это за люди 15, которые въ Глубокомъ говорятъ «на иныхъ языкахъ»? Англичане, китайцы — что ли? Клянусь честью, что такихъ людей въ Глубокомъ нѣтъ. Вообще эта рубрика «иныхъ языковъ» имѣетъ лишь ту цѣль, чтобы отобрать отъ словаковъ еще нѣсколько душъ, которыхъ уже нельзя втиснуть въ рубрику «мадьяръ». Такимъ образомъ изъ 1052 душъ въ с. Глубокомъ мадьярская статистика отняла у словаковъ 30 душъ

(12+15+3), а изъ 26 евреевъ сдѣлала нѣмцевъ: ну и пусть ихъ будутъ нѣмцами!...

Читатель подумаетъ, что это мелочи и что не стоитъ плакать надъ бумажнымъ похищеніемъ 30 душъ въ одномъ словенскомъ селѣ. Нѣтъ, для насъ это не мелочи. Это вѣрный, подлинный масштабъ для измѣренія колоссальной фальсификаціи правительствомъ нашихъ отношеній. Если въ столь трудной обстановкѣ оно сумѣло пріобрѣсти для мадьяризма 12 душъ, то что сказать о мадьярской офиціальной статистикѣ тѣхъ мѣстностей, гдѣ народности дѣйствительно перемѣшаны, гдѣ есть ренегаты, помѣщики, чиновники, давленіе властей, народъ менѣе пробужденный, чѣмъ 40-лѣтніе ученики Гурбана!

Въ самомъ дѣлѣ, Глубокое не можетъ еще считаться мѣриломъ мадьярской статистической фальсификаціи. Уже въ посадѣ Сѣницѣ (5 килом. отъ Глубокаго) изъ 2922 душъ населенія по той же статистикѣ Келети оказывается 380 мадьяръ, тогда какъ на дѣлѣ ихъ не болѣе 2 — 3 чел. (именно высланные министерствомъ нар. пр. учителя народныхъ школъ, но это жители временные). Даже мѣстные чиновники, хотя величаютъ себя мадьярами, на дѣлѣ однако происхожденія словенскаго: иначе они не могли бы объясняться съ народомъ, который говоритъ лишь по-словенски. Извѣстно же, что чистый мадьяринъ—въ средѣ интеллигентной—ни за что не станетъ изучать презрѣннаго словенскаго языка. Въ Вербовцахъ (Vrbovcy), посадѣ на границѣ угорско-моравской, статистики нашли 18 мадьяръ и 198 нѣмцевъ, тогда какъ тамъ никогда не было ни одного мадьяра, а за нѣмцевъ выдали себя евреи.

Положимъ, все это мелкія цифры; но если онѣ повторяются въ каждомъ селѣ, въ каждомъ посадѣ, то итогъ получится внушительный.

Но вотъ еще образчикъ изъ статистики городскихъ населеній. Въ бекетскомъ комитатѣ есть словенская колонія Чаба, съ 40,000 душъ населенія. Въ его составѣ найдется 100—150 мадьяръ интеллигентовъ и чиновниковъ. По мадьярской статистикѣ ихъ значится 7728! Еще возмутительнѣе статистическое душехватство въ словенской же колоніи Нирѣдьгазѣ, въ сабольчскомъ комитатѣ: тутъ насчитано 22,576 мадьяръ и только 4,184 словаковъ, тогда какъ однихъ словенскихъ лютеранъ тамъ числится 13,637 душъ!

Очевидно, что мадьярская офиціальная статистика народностей Угріи въ 1890 — 1891 г. представляетъ сплошной фальсификатъ, сдѣланный умышленно для того, чтобы доказать Европѣ величіе мадьярства и слѣдовательно его права на безраздѣльное господство надъ всѣми прочими народами Угріи.

Вотъ вамъ образчикъ мадьярской науки, мадьярской администраціи, мадьярскаго мотовства трудовыхъ народныхъ денегъ, единственно въ видахъ пустить пыль въ глаза себѣ и другимъ!

Эта офиціальная фальсификація народной статистики можетъ служить вполнѣ надежнымъ мѣриломъ для оцѣнки всѣхъ государственныхъ, административныхъ, учебныхъ, юридическихъ отношеній нынѣшней Угріи. Какъ мадьярскіе статистики обращаются съ цифрами на бумагѣ, такъ политики—съ душами и тѣлами народовъ, особенно словенскаго, въ жизни.

Турчанскій Св. Мартинъ. **Светозаръ Гурбанъ-Ваянскій.**
10/VII 1892.

Изъ Тріеста

Борьба языковъ итальянскаго, нѣмецкаго и славянскаго. Необходимость поддержки изъ центра. Усиленіе интереса къ русскому языку и литературѣ.

Въ нашей области, составляющей какъ бы confinium triplex, гдѣ соприкасаются три главныя народности Европы: романская, германская и славянская, вопросъ объ языкѣ общества, науки и литературы имѣетъ особенную важность, такъ какъ торжествомъ одного изъ названныхъ языковъ опредѣляются и судьбы ратоборствующихъ здѣсь народностей европейскаго Запада и Востока. Если въ стѣнахъ нашего города восторжествуетъ въ концѣ концовъ языкъ итальянскій, то иллирское Приморье съ роскошной Истріей и примыкающими къ ней архипелагами Хорватіи и Далмаціи должны будутъ войти въ составъ итальянскаго королевства и итальянской народности. Въ случаѣ же торжества въ Люблянѣ, Горицѣ, Тріестѣ языка нѣмецкаго, всѣ эти области осуждены будутъ на постепенную германизацію. А между тѣмъ не только инстинктъ самосохраненія, но и очень существенные интересы южнаго славянства требуютъ сохраненія за нимъ береговъ Адріатики, вплоть до Тріеста и устья рѣки Сочи (Isonzo), которая составляетъ этнографическую границу міра славянскаго и романскаго. Но очевидно, что борьба съ такими сильными языками, какъ итальянскій и нѣмецкій, не по силамъ крошечной словинской народности и малому, хотя и изящному словинскому діалекту. Торжество славянства на этихъ передовыхъ его постахъ можетъ быть обезпечено лишь непрерывною поддержкою изъ центровъ славянскаго міра, притомъ не въ видѣ случайныхъ военныхъ отрядовъ или заѣзжихъ кораблей одесскихъ коммерсантовъ, а путемъ живого обмѣна идей, выражаемыхъ въ формѣ славянскаго слова, славянской науки и литературы. Русскіе писатели призваны

быть и у насъ передовыми піонерами славянскаго слова и мысли. Они одни могутъ уравнять наши шансы въ неравной борьбѣ съ наукою и литературою европейскаго Запада.

Сознаніе этой необходимости съ каждымъ годомъ все живѣе сказывается и въ нашемъ словинскомъ обществѣ. Несмотря на всѣ затрудненія, обусловленныя и старыми преданіями, и вліяніемъ нѣмецкой администраціи, латинскаго клира, жидовствующихъ газетъ, антиславянскихъ школъ, у насъ все чаще появляются признаки литературнаго сближенія съ далекою и великою Русью. И эти стремленія тѣмъ замѣчательнѣе и отраднѣе, что носителями ихъ являются не отдѣльные выдающіеся писатели и ученые, какими были напр. въ прежнее время М.Валенчакъ, Даворинъ Терстеньякъ, Божидаръ Раичъ, а наоборотъ множество совершенно безызвѣстныхъ людей, разбросанныхъ по всей странѣ и во всѣхъ сферахъ общества, особенно же средняго и низшаго. Въ доказательство сошлюсь на появленіе въ послѣдніе годы цѣлой серіи переводовъ съ русскаго языка на словинскій, особенно изъ области беллетристики. Наиболѣе дѣятельнымъ на этомъ поприщѣ лицомъ является Лавославъ Горенецъ Подгоричанинъ, священникъ, издавшій цѣлый рядъ переводовъ изъ русскихъ авторовъ. Прежде всего имъ былъ обнародованъ «Тарасъ Бульба»—Гоголя, напечатанный въ «Лѣтописѣ» Матицы словинской (1872—1873 гг.); затѣмъ слѣдовалъ его же переводъ разсказа Кулиша «Михаилъ Чернышъ», изданный также въ «Лѣтописѣ». Въ 1882 г. та же Матица издала «Мертвыя души»—Гоголя, а Люблянское театральное общество — «Ревизора», въ переводѣ того же Горенца.

Цѣлый рядъ переводовъ изданъ затѣмъ словинскимъ лѣкаремъ Максомъ Самцомъ (Samec), а именно: Тургенева «Дымъ», его же «Вешнія воды», напечатанныя въ фельетонѣ газеты «Slovenski Narod» и нѣк. др. Въ этой же газетѣ обнародованы затѣмъ: «Князь Серебряный» — Толстого, «Дубровскій» и «Капитанская Дочка» — Пушкина, «Герой нашего времени»—Лермонтова, «Отцы и Дѣти»—Тургенева, его же «Новь» и нѣк. др. Насчетъ Матицы изданы кромѣ того въ Люблянѣ «Записки охотника», а въ «Народной Библіотекѣ» Крайца разсказъ «Несчастная» — Тургенева и его же «Пѣсни въ прозѣ». Вскорѣ начали выходить переводы изъ Льва Толстого: сначала разсказъ «Семейное счастіе», а затѣмъ и нѣкоторые другіе. Теперь приготовляется къ изданію «Война и Миръ» и народные разсказы Толстого. Что касается «Крейцеровой Сонаты», то хотя она не появилась въ словинскомъ переводѣ, однако была предметомъ обсужденія въ нашихъ газетахъ по переводамъ нѣмецкимъ. При этомъ оказалось, что клерикальныя газеты отнеслись не безъ сочувствія

къ его проповѣди противъ половой любви, найдя въ ней сходство съ тѣмъ, что давно уже проповѣдуетъ у насъ извѣстный латинизаторъ, поклонникъ целибата и другихъ западныхъ безобразій—докторъ Махничъ. Это совпаденіе едва-ли дѣлаетъ впрочемъ большую честь графу Толстому. Большинство нашихъ людей думаетъ, что съ подобною проповѣдью было бы сообразнѣе выступить на языкѣ словинскомъ, чѣмъ на русскомъ, ибо въ случаѣ успѣха этой целибатной проповѣди міръ менѣе потерялъ бы въ прекращеніи поколѣній малаго словинскаго народца, чѣмъ великаго — не только по числу и пространству, но и по историческому своему призванію—народа русскаго...

Тріестъ. Іюнь 1892. **Словенецъ**

Изъ Цетинья (въ Черногоріи)

Внутренняя жизнь въ Черногоріи. Внѣшнія отношенія. Сербо-хорватскій вопросъ.

Черногорія какъ извѣстно государство по преимуществу военное; но когда нѣтъ войны, то въ ней царствуетъ такая тишина, что путешественникъ поневолѣ призналъ бы тогда черногорцевъ самымъ мирнымъ народомъ въ свѣтѣ.

Преобладающими занятіями черногорцевъ въ мирное время служатъ хлѣбопашество и скотоводство; лишь немногіе занимаются ремеслами и торговлей, вслѣдствіе чего у насъ почти всѣ ремесленники иностранцы: изъ Боки Которской, Далмаціи и Италіи, а также и изъ Албаніи (портные). Торговлю же ведутъ большею частію албанцы, а отчасти и герцеговинцы.

Черногорецъ мало занимается и политикой, благодаря чему у насъ еще нѣтъ политическихъ партій. Съ полнымъ довѣріемъ относясь къ стремленіямъ и дѣйствіямъ своего князя, каждый черногорецъ считаетъ основнымъ догматомъ черногорской политики: жить въ дружбѣ съ Россіей и ея друзьями.

Вотъ почему у насъ такъ любятъ теперь французовъ, какъ друзей и союзниковъ Россіи, хотя народъ помнитъ еще времена Наполеона I, когда Черногоріи пришлось въ Бокѣ Которской вести заодно съ русскими матросами тяжелую войну съ французами.

Естественно, что и торговыя сношенія Черногоріи съ Франціей все учащаются. Марсель сталъ главнымъ пунктомъ для вывоза черногорскихъ продуктовъ, особенно рогатаго скота, который продается по хорошимъ цѣнамъ.

Хотя на нашей границѣ нерѣдко случаются кровопролитныя столкновенія съ албанцами, все же между Черногоріей и Турціей

теперь установились очень дружественныя отношенія, какъ бы въ соотвѣтствіе замѣчаемому сближенію Порты съ Россіей и Франціей.

Черногорское правительство старается жить въ мирѣ и съ Австро-Угріей. Но народъ не особенно сочувствуетъ этой своей сосѣдкѣ. Главною причиною этого нерасположенія служитъ занятіе Австріею двухъ сербскихъ областей, которыя искони принадлежатъ сербамъ. Сколько крови пролила Черногорія въ вѣковыхъ войнахъ для освобожденія своихъ братьевъ! Отъ Клобука, Требинья, Билеча, Гацка, Пивы и почти до Мостаря нѣтъ въ Герцеговинѣ клочка земли, на которомъ не лежали бы черногорскія кости. И въ награду за эти безчисленныя жертвы берлинскій конгрессъ уступилъ намъ въ Герцеговинѣ едва клочекъ земли; все же остальное отдалъ совершенно непричастной къ войнѣ съ турками за Боснію и Герцеговину—Австріи.

Но есть еще другая причина нерасположенія нашего народа къ Австріи. Это нынѣшнее рабское положеніе босняковъ и герцеговинцевъ подъ швабско-мадьярскимъ управленіемъ.

Со времени оккупаціи Боснія и Герцеговина наполнились нѣмцами, мадьярами, евреями и другими пришлецами, которые составляютъ какъ бы высшій, привиллегированный слой населенія, покрывшій и полонившій массу сербскихъ автохтоновъ этихъ областей. Не только мѣстные католики, но даже мусульмане пользуются большимъ расположеніемъ Каллаевскаго правительства, чѣмъ православные сербы, которые не имѣютъ права даже называться этимъ именемъ, а должны превратиться если не въ хорватовъ, то въ босняковъ, герцеговинцевъ и т. п. Православная церковь также подвергается преслѣдованію со стороны непрошенныхъ гостей-администраторовъ.

Въ доказательство приведу здѣсь нѣсколько не безъинтересныхъ строкъ изъ недавно напечатанной въ газетѣ «Велика Србија» (№ 6) корреспонденціи изъ Требинья (въ Герцеговинѣ): «Дорогой пріятель! Думаю, что васъ нисколько не удивитъ, если вы услышите, что изъ Босніи и Герцеговины изгнанъ тотъ или другой сербскій митрополитъ, что приговоренъ къ каторгѣ тотъ или другой архимандритъ, закованъ въ цѣпи какой нибудь протопресвитеръ, томится въ тюрьмѣ тотъ или другой изъ передовыхъ людей нашего народа. Говорю, что это васъ не удивитъ, ибо въ теченіи 14 лѣтъ австрійской оккупаціи вы много разъ получали такія извѣстія. Въ доказательство напомню вамъ: изгнаніе изъ Босніи митрополитовъ Саввы Косановича и Діонисія Илича; арестъ архимандрита Моштаницкаго монастыря Кирилла Аджича, который и теперь томится въ центральной тюрьмѣ г. Сѣницы. Теперь подобная участь постигла и нашего многоуважаемаго протопресвитера требиньскаго, Савву Пѣшчича. Въ воскресенье, 8 марта, онъ говорилъ въ церкви

проповѣдь, въ которой между прочимъ сказалъ: «Благочестивые христіане! Воспитывайте вашихъ дѣтей въ тѣхъ школахъ, въ которыхъ преподается кромѣ другихъ наукъ и православная вѣра и исторія нашего сербскаго народа. Это можетъ спасти насъ и въ будущемъ отъ затопленія чужою вѣрою и чужимъ народомъ». Два дня спустя окружный капитанъ, баронъ Рукавина, пригласилъ прот. Пѣшчича къ себѣ и сказалъ ему, что онъ бунтовщикъ, раздражающій въ проповѣдяхъ народъ противъ правительства. Напрасно о. Пѣшчичъ оправдывался передъ этимъ австроугорскимъ пашою: онъ приказалъ заключить протоіерея въ такую тюрьму, куда сажаютъ лишь самыхъ преступныхъ злодѣевъ».

Можетъ ли подобное управленіе поднять мѣстное населеніе матеріально и нравственно? И могутъ ли смотрѣть равнодушно на эти истязанія босняковъ и герцеговинцевъ ихъ братья въ Черногоріи и Сербіи?

Къ великому счастію для сербовъ теперь установились очень дружественныя отношенія между Бѣлградомъ и Цетиньемъ, что составляетъ заслугу нынѣшняго радикальнаго правительства Сербіи. Соединенными силами имъ приходится отстаивать не только свое существованіе, но и будущность братьевъ, подавленныхъ то албанцами, то нѣмцами и мадьярами.

И мы добьемся цѣли, если будемъ дѣйствовать соединенными силами, опираясь при этомъ не на Австрію или другую западную державу, а прежде всего на Россію, союзъ съ которою имѣетъ для насъ, черногорцевъ, уже двухвѣковую традицію и нерасторжимую силу.

Я отъ души радовался, когда прочиталъ въ газетахъ о радушномъ пріемѣ нишскими сербами русскаго посла въ Константинополѣ, г. Нелидова.

Дай Богъ, чтобы Сербія всегда слѣдовала по этой дорогѣ. Тогда ей не придется быть, какъ при Миланѣ и Гарашанинѣ, игрушкою въ рукахъ недруговъ.

Теперь еще нѣсколько словъ о сербо-хорватскомъ вопросѣ.

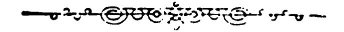
Въ засѣданіяхъ далматинскаго сейма (въ мартѣ) нѣкоторые хорватскіе депутаты, съ ксендзомъ Бьянкини во главѣ, возстали противъ сербскаго имени въ Далмаціи и предлагали исключить его изъ учебниковъ по отечествовѣдѣнію, такъ какъ въ Далмаціи нѣтъ-де такого народа, а живутъ одни хорваты. Однако большинство не только сербскихъ, но также хорватскихъ и даже итальянскихъ депутатовъ высказалось противъ этого шовинистическаго предложенія, вслѣдствіе чего г. Бьянкини съ 5 товарищами вышли изъ хорватскаго народнаго клуба и составили отдѣльный «хорватскій клубъ»,

ъ цѣлью пропагандировать столь исключительный и нетерпимый хорватизмъ.

Никто не можетъ однако отрицать того статистическаго факта, что въ Далмаціи насчитывается до 90.000 душъ православно-сербскаго населенія, которое тяготѣетъ нравственно къ восточнымъ, а не западнымъ центрамъ сербо-хорватскаго племени. Кто же можетъ заставить его отречься отъ своего имени, церкви, преданій и симпатій? Ужели ксендзъ Бьянкини?

Врядъ-ли можетъ онъ разсчитывать на успѣхъ въ этомъ сербоборствѣ.

Цетинье. 26 іюня, 1892. **Маркъ П. Драговичъ.**



ГАЛИЦКОРУССКАЯ ПОЛИТИКА

ПОСЛѢДНИХЪ ЛѢТЪ *

Въ числѣ нынѣшнихъ общественныхъ и политическихъ дѣятелей Галицкой Руси одно изъ первыхъ мѣстъ занимаетъ учитель перемышльской гимназіи и посолъ львовскаго сейма д-ръ Ник. Антоневичъ. Въ прежнее время, когда въ Галиціи дѣйствовали Яхимовичъ, Куземскій, Ковальскій, Наумовичъ, Антоневичу не приходилось быть представителемъ такъ называемой «святоюрской» или старорусской партіи; но въ послѣдніе годы обстоятельства постепенно выдвинули его на первое мѣсто въ ряду нынѣшнихъ общественныхъ дѣятелей Галицкой Руси. Это особенно выразилось со времени наступленія такъ назыв. «новой эры», послѣ того какъ осенью 1890 года учитель львовской гимназіи и депутатъ сейма Романчукъ выступилъ съ программою примиренія русскихъ галичанъ съ поляками и съ правительствомъ на началахъ довольно близкихъ къ польской и украинофильской программѣ. Антоневичъ первый отъ имени галицкорусскаго народа выразилъ протестъ противъ этой программы и съ тѣхъ поръ сдѣлался какъ бы представителемъ историческаго русскаго направленія въ Галичинѣ. Это особенно обнаружилось во время январьскаго вѣча во Львовѣ, на которомъ появленіе Антоневича вызвало небывалую овацію и единодушное заявленіе, что его знамя является національнымъ для русскихъ галичанъ.

Тѣмъ интереснѣе узнать мнѣніе о галицкихъ событіяхъ послѣдняго времени такого компетентнаго лица и дѣятеля. Мнѣніе же это изложено имъ въ особой брошюрѣ, озаглавленной: Галицкорусская по-

* Н. Антоневичъ: Галицкорусская политика. Львовъ. 1891.

литика. Записки посла д-ра Ник. Антоневича. Львовъ, 1891 г. Она напечатана въ концѣ истекшаго года, но конфискована еще до выхода въ свѣтъ, по требованію прокуратуры. Эта конфискація была затѣмъ подтверждена львовскими судами первой и второй инстанцій, такъ что брошюра эта какъ бы не существуетъ въ печатномъ видѣ, а можетъ разсматриваться какъ рукопись. Это обстоятельство заставляетъ насъ нѣсколько подробнѣе ознакомить читателей съ ея содержаніемъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ послѣдній фазисъ въ развитіи русскопольскихъ отношеній въ Галиціи. А. Б.

* * *

Изложивъ въ началѣ брошюры нѣкоторыя обстоятельства своей служебной дѣятельности и отразивъ распространенные врагами упреки въ оппортунизмѣ и пристрастіи къ полякамъ и шляхтѣ, которые достаточно уже опровергаются однимъ фактомъ 25-лѣтняго служенія столь выдающагося лица на одномъ и томъ же скромномъ учительскомъ мѣстѣ, г. Антоневичъ переходитъ къ общественнымъ и политическимъ отношеніямъ въ Галиціи послѣднихъ лѣтъ.

Автору брошюры приходилось бесѣдовать съ сотнями галицкорусскихъ патріотовъ, и онъ убѣдился, что такъ назыв. «новая эра» принесла съ собою весьма печальные результаты и вызвала нынѣшнее невыносимое положеніе русскихъ патріотовъ. Но народъ русскій не поддался на эту удочку, и, несмотря на восхваленіе «новой эры» въ многочисленныхъ адресахъ, вызванныхъ то приказами и угрозами, то просьбами и обманомъ, намѣреніе сокрушить «руссофильскую» партію потерпѣло полное фіаско. Даже генеральное собраніе младорусской «Народной рады», которое должно было пропѣть этой партіи «вѣчную память», не имѣло успѣха, что весьма огорчило устроителей этого собранія и протекторовъ новой эры, а Романчуку поневолѣ и по внушенію свыше пришлось примириться съ неудачей. Партія «старыхъ» оказалась сильнѣе «молодыхъ». Въ настоящее время ни для кого уже не тайна, что всѣ эти обѣщанія уступокъ «для блага Руси» были лишь сплошной комедіей и обманомъ. Это сознавалъ и самъ Романчукъ, который послѣ злосчастнаго 13 (25) ноября 1890 г. «пожелтѣлъ, почернѣлъ и трясся всѣмъ тѣломъ», такъ что даже ободренія брата намѣстника, «сердечнаго» гр. Ст. Бадени, не могли его успокоить. Романчукъ оправдывался тѣмъ, что его «втянули» въ послѣдній моментъ; онъ согласился, ибо вѣрилъ въ обѣщанныя уступки, «и если этихъ уступокъ русскимъ не будетъ, говорилъ онъ, я сложу съ себя посольскій мандатъ и больше не буду заниматься политикой». Не одобряли поведенія Романчука и его единомышленники.

При началѣ послѣдней сессіи сейма (въ 1890 г.) гр. Ст. Бадени сообщилъ русскимъ посламъ, что интерпеляціи ихъ, очень внимательно про-

читываемыя императоромъ, раздражаютъ намѣстника, и совѣтовалъ имъ не вносить больше подобнаго рода заявленій, дабы снискать себѣ расположеніе послѣдняго, «который много можетъ сдѣлать». Антоневичъ и Герасимовичъ обѣщали представить этотъ вопросъ своему клубу. Это не понравилось графу, и переговоры съ ними на этомъ и кончились. Вскорѣ однако они узнали, что переговоры ведутся дальше. Разошлась вѣсть, что министръ Залѣскій посѣтилъ депутата Телишевскаго. На запросъ въ клубѣ д-ра Короля о цѣляхъ этого посѣщенія Телишевскій наивно отвѣчалъ, что онъ дважды былъ у намѣстника по дѣламъ своего турецкаго уѣзда, не засталъ его дома, и Залѣскій только отвѣчалъ ему визитомъ. Никто конечно, кромѣ Романчука, не удовлетворился этимъ отвѣтомъ. При такомъ положеніи дѣлъ въ русскомъ клубѣ не замѣтно было прежней дѣятельности, хотя въ началѣ сессіи русскіе послы обѣщали продолжать свои интерпеляціи и предложенія. Все ограничивалось обѣщаніями. Замолкъ и Телишевскій, вносившій за годъ передъ тѣмъ такое обиліе запросовъ. Въ 1889 г. членами русскаго клуба было сдѣлано множество самостоятельныхъ предложеній и интерпеляцій, между тѣмъ въ 1890 г. число ихъ значительно сократилось. Самыя засѣданія стали рѣже и ограничивались преніями по поводу устава и программы. Дуализмъ русскаго клуба становился все болѣе и болѣе очевиднымъ; громко уже говорили о перепискѣ одной части его съ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ и объ усиленномъ ходатайствѣ нѣкоторыхъ русскихъ депутатовъ сейма относительно передачи изданія школьныхъ учебниковъ изъ рукъ старорусской Ставропигіи младорусскому обществу имени Шевченка.

Въ это время Телишевскій, поддерживавшій связи съ польскимъ обществомъ, вступилъ въ какіе-то переговоры, о которыхъ однако русскій клубъ не былъ увѣдомленъ. О проектѣ соглашенія, жертвой котораго сдѣлались русскіе «старой» партіи, стали говорить и многіе изъ депутатовъ-поляковъ. Такимъ образомъ Галицкая Русь удостоилась новаго «соглашенія».

Для ближайшаго объясненія послѣдовавшихъ затѣмъ событій авторъ считаетъ необходимымъ остановиться, хотя и «съ отвращеніемъ», на жалкой манифестаціи 13 (25) ноября 1890 г. Автора упрекали въ томъ, что въ своей рѣчи онъ возставалъ противъ народныхъ читаленъ и порицалъ всю украинскую литературу, между тѣмъ онъ въ отвѣтъ на восхваленія о. Сѣчинскимъ западной культуры заявилъ только, что вліяніе Запада сказывается и на русскихъ читальняхъ въ видѣ распространенія въ нихъ женевскихъ изданій, грозящихъ подорвать религіозность и нравственность русскихъ галичанъ. Что касается рѣчи Романчука, то авторъ возражалъ противъ нея прежде всего потому, что она была явнымъ нарушеніемъ клубнаго устава

и шла вразрѣзъ съ его солидарностью. Сверхъ того Романчукъ, въ партійномъ ослѣпленіи, обвинялъ первыхъ галицкорусскихъ писателей за заимствованія изъ языковъ ц.-славянскаго и «россійскаго», благодаря которымъ ихъ языкъ, «не будучи еще россійскимъ, пересталъ-де уже быть русскимъ». Отсюда слѣдовало-де неизбѣжно и признаніе общерусскаго національнаго единства, что выражено-де было еще въ 1866 г. одною изъ «русскихъ» политическихъ газетъ («Слово»). Въ нападкахъ этихъ Романчукъ дошелъ до того, что сталъ обвинять самого себя, такъ какъ и онъ немало содѣйствовалъ «руссификаціи» галицкаго нарѣчія, какъ бывшій сотрудникъ «Слова».

Чтобы показать, какъ смотрѣли на этотъ вопросъ «украинцы чистой воды», авторъ приводитъ мнѣнія Н. И. Костомарова и А. А. Потебни, лично имъ слышанныя еще въ 1863 г. въ обществѣ Ад. И. Добрянскаго, покойнаго М. Ѳ. Раевскаго, Маркелла Лавровскаго, О. Н. Ливчака и др. Костомаровъ, показавшійся автору рьянымъ руссофиломъ, прямо заявилъ-де, что утверждать, будто малорусы и великорусы (Ruthenen und Russen) различные народы, было бы слишкомъ смѣло. «Есть-де различія въ выговорѣ, однако это недостаточно для такого заключенія; говорить же о двухъ русскихъ языкахъ—это просто вздоръ!» Въ разговорѣ по этому предмету, продолжавшемся, по словамъ автора, около 3—4-хъ часовъ, Потебня категорически заявилъ, что нѣтъ этнографа и филолога, который въ состояніи былъ бы провести границы между малорусскимъ и великорусскимъ населеніемъ: до того они сливаются въ сосѣднихъ селахъ. Возраженія М. Лавровскаго, стоявшаго на украйнофильской точкѣ зрѣнія, были-де весьма слабы и легко были опровергнуты. Порицая украйноманію, которая ведетъ неопытную русскую молодежь къ гибели, Потебня говорилъ, что главными и самыми ловкими апостолами ея являются студенты-поляки кіевскаго университета. Между русскими студентами львовскаго университета были даже и такіе, которые мечтали объ очисткѣ «русскаго» языка отъ всѣхъ словъ, употребляемыхъ «москалями». Дѣйствительно, въ это время начали «ковать» диковинныя слова, въ родѣ: «шаноба», «шана», «шанібный» и др., которыя не могли однако утвердиться въ языкѣ, тѣмъ болѣе что сочиненія украинскихъ писателей по прежнему наполнены словами «московскими», какъ напр. приказчикъ, денщикъ, семейство, и проч. Изгнаніе общерусскихъ словъ нельзя не назвать сепаратизмомъ, хотя нѣкоторые считаютъ это «боротьбою о самостôйность русскоукраинскаго языка». Ничтожные результаты, достигнутые такими дѣятелями, лучше всего характеризуютъ цѣну этихъ усилій.

Соглашаясь вполнѣ съ Романчукомъ, заявившимъ, что галицкое нарѣчіе развивалось быстро благодаря трудамъ первыхъ галицкихъ

писателей, авторъ добавляетъ, что 1860-ый годъ въ этой дѣятельности былъ кульминаціоннымъ пунктомъ. Достаточно-де упомянуть о трудахъ Б. А. Дѣдицкаго, Устіановича, Федьковича, Гушалевича, Лисикевича и др. Побѣда надъ проектомъ гг. Иречка, Евст. Черкавскаго и Голуховскаго, желавшихъ навязать галицкимъ русскимъ латинскую азбуку, одержанная въ 1859 г. Куземскимъ, Головацкимъ, Лозинскимъ, Малиновскимъ и Дѣдицкимъ, еще болѣе укрѣпила силы галицкорусскихъ патріотовъ.

Тогда Голуховскій и комп. выдумали для Руси новую ореографію или вѣрнѣе какографію, противъ которой опять единодушно возстала вся Галицкая Русь.

Въ 1864 г., познакомившись во Львовѣ съ совѣтникомъ Юліаномъ Лавровскимъ, авторъ и отъ него услышалъ мнѣніе, что галичанамъ не слѣдуетъ допускать общерусскаго единства, хотя бы въ этнографическомъ лишь отношеніи, ибо въ такомъ случаѣ ни правительство, ни поляки имъ «ничего не дадутъ». «Намъ слѣдуетъ дѣйствовать дипломатически, говорилъ Лавровскій, если мы желаемъ принести пользу для всей Руси». Авторъ отвѣчалъ ему на это, что въ Вѣнѣ сов. Суммеръ сдѣлалъ еще болѣе радикальное предложеніе, а именно—образовать изъ галицкорусскаго нарѣчія три языка: гуцульскій, подольскій и лемковскій, чтобы такимъ образомъ совершенно отдѣлить галицкихъ русскихъ не только отъ «москалей», но даже и отъ украинцевъ.

Что касается упомянутой какографіи, то она все еще не исчезла, а живетъ донынѣ, пожалуй даже въ худшемъ видѣ, съ уродливыми «пикельгаубами», и называется «школьною правописью»! Нѣтъ сомнѣнія, что со временемъ выйдетъ и третье ея изданіе, а въ концѣ концовъ она распадется сама собою, ибо правописаніе, котораго никто кромѣ газетки «Учитель» и издателей школьныхъ учебниковъ не придерживается, не имѣетъ правъ на существованіе. Характерно-де и то обстоятельство, что поддерживаемыя правительствомъ газеты: «Вѣстникъ», а позже и «Миръ», употребляли хорошій языкъ и старое правописаніе, хотя уже тогда существовала какографія.

Поборникомъ литературной отдѣльности малорусскаго «языка» въ послѣднее десятилѣтіе былъ особенно проф. Э. Огоновскій, хотя раньше, до 1860 г., онъ тоже держался старыхъ преданій въ языкѣ и правописаніи. Перемѣна въ этомъ отношеніи совпала съ назначеніемъ его профессоромъ львовскаго университета, которое вызвало сильное негодованіе среди тогдашнихъ украинцевъ. Съ этого времени проф. Огоновскій отрекся отъ прежнихъ убѣжденій и сталъ во главѣ украинскаго направленія въ галицкорусской литературѣ.

Въ началѣ 1872 учебнаго года онъ прочелъ торжественную рѣчь, въ которой высказалъ свои взгляды на исторію славянскихъ языковъ, особенно же русскаго, все болѣе и болѣе настаивая на полной самостоятельности малорусскаго языка или «мовы». Г. Антоневичъ опровергаетъ его положенія собственными же словами Огоновскаго и тѣми противорѣчіями, которыя незамѣтны лишь для оффиціальныхъ славистовъ Австро-Угріи.

Далѣе авторъ указываетъ на столь же странныя противорѣчія въ воззрѣніяхъ поляковъ на галицкорусскія отношенія въ послѣднія десятилѣтія, именно съ тѣхъ поръ, когда національныя идеи стали развиваться и въ галицкорусскомъ обществѣ. Считая это пробужденіе народнаго сознанія пустымъ капризомъ, поляки въ унисонъ закричали: «Niema Rusi!» и стали доказывать, что галицкорусскій говоръ есть только «нарѣчіе образованнаго польскаго языка». Когда же это нарѣчіе въ дальнѣйшемъ развитіи стало быстро приближаться къ языку «россійскому», тогда они обозвали этотъ діалектъ московскимъ и въ употребленіи его стали видѣть и преслѣдовать чуть не государственную измѣну.

Польскіе дипломаты стали внимательно слѣдить за стилемъ русскихъ галичанъ, раздѣляя ихъ на «москалей-руссофиловъ» и на «истинныхъ русиновъ», смотря по процентному отношенію общерусскихъ или мѣстныхъ терминовъ и формъ въ языкѣ галицкихъ писателей. Есть однако и между польскими учеными люди, которые не винятъ галичанъ за желаніе оставаться такими, какими создалъ ихъ Богъ и сдѣлала исторія. Такъ проф. львовскаго университета Л. (пок. Лиске?) въ бесѣдѣ съ Антоневичемъ сказалъ ему однажды: «У васъ есть прекрасная земля, способные люди, есть опредѣленное будущее, если только вы сумѣете заткнуть тотъ мѣшокъ, изъ котораго постоянно сыплются перекинчики».

Далѣе авторъ доказываетъ, что между Малою и Великою Русью не было никогда этнографическаго различія, причемъ ссылается на лѣтописи и даже польскія хроники. Со временъ Іоанна III послѣднія даже перестали употреблять терминъ «Московское Царство», замѣнивъ его названіемъ «Русь», «Россія». Потому-то и первые польскіе учебники всеобщей исторіи, излагая событія XVI и XVII вв., всегда говорятъ: «wojny russkie», «stosunki russkie». Также выражался -де и Лелевель, не подчинявшійся шовинистическимъ взглядамъ польскихъ эмигрантовъ.

Историческія права русскихъ галичанъ, говоритъ далѣе авторъ, основываются на томъ фактѣ, что Галичина присоединена была къ австрійской монархіи не какъ польская провинція, но какъ искони русскій край, какъ Галицко-Владимірское королевство (Regnum Ga-

liciae et Lodomeriae). Но судьба заставила ихъ жить вмѣстѣ съ другимъ славянскимъ племенемъ, поляками. Для этой совмѣстной жизни необходимо найти какой-нибудь modus vivendi, если ужъ невозможно полное согласіе. Насколько, по мнѣнію автора, русскіе галичане обладаютъ всѣми необходимыми для искренняго и прочнаго согласія данными, настолько у большинства поляковъ замѣчается отсутствіе таковыхъ. Самые горячіе русскіе патріоты, любя свой языкъ, свою церковь, дорожа своими національными идеалами, уважаютъ и то, что дорого полякамъ; они читаютъ и говорятъ по-польски. Между тѣмъ польскій горячій католицизмъ явно переходитъ-де въ ультрамонтанство, а патріотизмъ—въ шовинизмъ. Для значительной части поляковъ русская церковь и русскій языкъ кажутся чѣмъ-то низкимъ; понятія: русскій человѣкъ, хлопъ, варваръ—для нихъ синонимы. Неудивительно поэтому, что въ прочное и искреннее соглашеніе съ поляками всѣмъ какъ-то мало вѣрится. Печальнымъ надо признать и тотъ фактъ, что одинъ изъ пословъ державной думы, самъ славянинъ, открыто заявилъ, что для него славянство не стоитъ и понюшки табаку. Еще печальнѣе то, что этимъ шовинизмомъ увлекаются и нѣкоторые русскіе политики, мечтающіе быть можетъ на этомъ фундаментѣ да на взаимной ненависти къ «москалямъ» заключить прочный договоръ. Весьма знаменательно и слѣдующее признаніе гр. Мир., бывшаго губернаторомъ въ Босніи, человѣка весьма дальновиднаго и образованнаго, съ которымъ Антоневичъ бесѣдовалъ о примиреніи съ поляками и которому выразилъ свое сомнѣніе относительно его возможности, такъ какъ среди нынѣшняго поколѣнія поляковъ нѣтъ еще зрѣлаго для этого матеріала. «Вы вполнѣ правы, сказалъ графъ. Мы, мужчины, могли бы приступить къ дѣлу, но наши женщины и ксендзы никогда не признаютъ примиренія на началахъ равенства!» Надо поэтому ждать другихъ поколѣній или перемѣны воззрѣній польскаго общества.

Вторая причина, по которой примиреніе съ поляками въ настоящее время невозможно, кроется-де въ нынѣшнемъ настроеніи поляковъ. Вѣря искренно въ воскресеніе Польши «отъ моря до моря» и надѣясь, что оно осуществится при содѣйствіи Австріи, они считаютъ необходимымъ всѣми мѣрами усиливать польскій элементъ. «Всякія уступки Руси были бы ослабленіемъ Польши, слѣдовательно онѣ немыслимы!» Покойный посолъ Янко, горячій польскій патріотъ-демократъ, говорилъ автору: «я сознаю, что вы справедливо жалуетесь на обиды, наносимыя вашему народу поляками и правительствомъ, но мы не можемъ дѣлать вамъ уступокъ; вы не имѣете понятія о томъ, какими путями и какою цѣною пріобрѣли мы отъ правительства нѣкоторыя изъ нихъ, да и то административ-

нымъ путемъ! Наша делегація буквально поступила на службу нѣмцамъ... Мы отреклись отъ самихъ себя, отъ нашихъ преданій и идеаловъ, а вы хотите, чтобы мы подѣлились съ вами тѣмъ, что намъ такъ дорого досталось»...

Таковы были воззрѣнія поляка-демократа, человѣка до извѣстной степени безпристрастнаго. Какъ же тутъ мириться! Съ одной стороны руссофилы и чистой воды славянофилы, а съ другой—руссофобы, для которыхъ все славянство не стоитъ и понюшки табаку (Поповскій); съ одной стороны убѣжденіе, основывающееся на исторіи, что Червоная Русь искони русскій край, а съ другой—предразсудокъ, будто эта Русь неотъемлемая часть польскаго организма. Однако по мнѣнію автора примиреніе и даже не въ далекомъ будущемъ возможно, ибо и сельское сословіе и большая часть мѣщанъ стоятъ безусловно за искреннее соглашеніе; даже среди духовенства и женщинъ-патріотокъ найдутся личности, стоящія за него. Такъ какъ несомнѣнно, что убѣжденія поляковъ, при усиленіи демократическихъ идей, измѣнятся, то и русскимъ слѣдуетъ измѣнить свою «тактику». «Мы должны, говоритъ Антоневичъ, обращаться съ поляками вполнѣ откровенно, но не отступать отъ своихъ національныхъ убѣжденій; тогда среди насъ не будетъ ни лизуновъ, ни перекинчиковъ. Притомъ, мы должны заняться нашимъ народомъ, улучшеніемъ его матеріальнаго и нравственнаго быта». Не слѣдуетъ только расчитывать на уступки «изъ милости», такъ какъ ихъ слѣдуетъ пріобрѣсти честною борьбою.

Уже съ первыхъ дней возрожденія Галицкой Руси начались попытки соглашенія, которыя однако не могли быть прочны. Русскіе были слабы, и поляки не могли считать ихъ равными себѣ, а примиреніе со слабымъ—это только «служебный договоръ».

Ни «соглашеніе» Лавровскаго, воодушевившее на нѣкоторое время Галицкую Русь, ни переговоры Ѳомы Полянскаго, вѣрившаго въ добрыя чувства поляковъ, не привели ни къ чему. Поляки стали требовать отъ Полянскаго, чтобы онъ «бросалъ грязью въ своихъ», и онъ рѣшилъ оставить политическое поприще.

Такъ же безплодны были и переговоры Стеф. Качалы съ кн. Юр. Чарторыскимъ, Черкавскимъ и др. Въ эпоху этихъ переговоровъ русскіе послы безусловно придерживались «святоюрской» политики, т.-е. вѣрно служили правительству, даже во вредъ собственнымъ интересамъ. Вскорѣ однако всѣ убѣдились, что пора измѣнить эту политику, что сервилизмъ въ ней совершенно неумѣстенъ и вреденъ, что слѣдуетъ не просить милостыни, а рѣшительно домогаться справедливости, тѣмъ болѣе что само правительство признавало исто-

рическія права Галицкой Руси. Къ чести украйнофиловъ, они первые вступили на этотъ новый путь. Послѣдовалъ славный періодъ народныхъ вѣчъ, періодъ согласнаго дѣйствія галицко-русскихъ партій. Польскіе дипломаты встревожены были этимъ согласіемъ и всѣми мѣрами старались ослабить впечатлѣніе, произведенное вѣчевыми манифестаціями. Въ Вѣнѣ русскихъ галичанъ ославили какъ анархистовъ и соціалистовъ, въ Римѣ—какъ тайныхъ схизматиковъ и опасныхъ руссофиловъ. Римъ рѣшилъ обратить ихъ при помощи іезуитовъ въ искреннихъ католиковъ и отдалъ іезуитамъ Добромиль, а съ нимъ и русское монашество; извѣстный ультра-католикъ митрополитъ Іосифъ былъ удаленъ за свою преданность народу; начался рядъ соціалистическихъ процессовъ и наконецъ знаменитый Hochverrathsprocess 1882 г. Но все это ни къ чему не привело. Въ Вѣнѣ благодаря «высокимъ покровителямъ» убѣдились въ непоколебимой преданности русскихъ галичанъ престолу, въ ихъ вѣрности и преданности своей церкви. Энергическая «рейхсратная тройца»: Ковальскій, Кулачковскій и Озаркевичъ много содѣйствовали укрѣпленію такого убѣжденія, и это обстоятельство привело къ новому «соглашенію» 1883 года.

Переговоры начались по желанію министра Землковскаго, который заявилъ о. Николаю Виницкому, что гр. Альфреду Потоцкому поручено переговорить съ виднѣйшими русскими патріотами. По предложенію о. Виницкаго, старавшагося первоначально привлечь къ этому дѣлу сов. Ковальскаго, который отказался отъ участія въ немъ, не надѣясь на успѣхъ переговоровъ съ поляками, былъ избранъ для веденія переговоровъ Антоневичъ. Онъ написалъ обширное письмо (какъ было условлено) по адресу о. Виницкаго, въ которомъ развивалъ свои взгляды на возможное соглашеніе. Письмо это, написанное по-польски, предназначено было собственно для министра Землковскаго; но оно произвело, по увѣренію о. Виницкаго, прекрасное впечатлѣніе и на гр. А. Потоцкаго, а также на новаго намѣстника Залѣскаго. Когда гр. Потоцкій потребовалъ отъ Антоневича списокъ лицъ, съ которыми слѣдуетъ вести переговоры, то онъ предложилъ въ члены совѣщанія: о. Петрушевича и о. Павликова изъ своей (старорусской) партіи, а д-ра Ал. Огоновскаго и Юл. Романчука—изъ украинской. Всѣ приняли предложеніе гр. Потоцкаго, тѣмъ болѣе что, какъ скоро обнаружилось, онъ былъ посредникомъ не поляковъ, а центральнаго правительства и, вѣроятно, самого государя. При такихъ обстоятельствахъ, соглашеніе съ гр. Потоцкимъ представляло для Руси болѣе гарантій, чѣмъ такъ называ. «новая эра». Это «соглашеніе», сохраняемое до сихъ поръ въ тайнѣ, въ высшей степени замѣчательно. Дѣятельное участіе въ составленіи его прини-

малъ Романчукъ. Вотъ почему трудно простить ему роль въ «новой эрѣ», которою онъ уничтожилъ и свое собственное дѣло.

Наиболѣе замѣчателенъ финалъ этого «соглашенія». Принимая отъ русскихъ депутатовъ готовый докладъ, покойный графъ произнесъ памятныя всѣмъ слова: «Этотъ документъ будетъ странствовать, поѣдетъ въ Вѣну, вернется во Львовъ и снова въ Вѣну; вы получите то, что вамъ слѣдуетъ, но не сразу, а постепенно... Правительство должно однако удовлетворить васъ, ибо вы доказали, что у васъ есть сила!» Этой силой, по замѣчанію автора, является народъ. Съ этимъ согласился и гр. Потоцкій. «Поэтому вся наша дѣятельность, заключаетъ Антоневичъ, должна быть направлена на то, чтобы солидарностью снова пріобрѣсть силу; мы должны заботиться не только о просвѣщеніи, но и о матеріальномъ и нравственномъ возвышеніи нашего народа. Это начало и конецъ нашей политики».

Польская дипломатія, какъ мы уже замѣтили, усиленно старалась умалить значеніе «соглашенія» съ гр. Потоцкимъ, а такъ какъ имъ интересовался самъ императоръ, то русскихъ галичанъ представляли ему какъ «схизматиковъ», соціалистовъ, анархистовъ, москвофиловъ, и т. д. Все же благодаря этому именно «соглашенію» открыты были русскіе параллельные классы при перемышльской гимназіи и получено было мѣсто одного члена въ областной управѣ; этимъ же обусловлено было распоряженіе министра юстиціи (отъ 9 іюня н. ст. 1891 г.) относительно веденія ипотечныхъ книгъ на русскомъ языкѣ. Русскіе послы считали своимъ долгомъ и дальше путемъ интерпеляцій и предложеній требовать другихъ уступокъ, расчитывая и впредь на сочувствіе верховной власти.

Въ сеймовыхъ кружкахъ и за сеймомъ разсказывали слѣдующую исторію, или скорѣе легенду, которая какъ нельзя лучше характеризуетъ положеніе русскихъ. При императорскомъ дворѣ и бѣдная Русь имѣла-де своихъ покровителей. Самымъ вліятельнымъ изъ нихъ былъ покойный наслѣдникъ Рудольфъ, всегда горячо защищавшій Галицкую Русь, особенно послѣ поѣздки по Галичинѣ. Императоръ, внимая заступничеству любимаго сына, потребовалъ основательнаго разъясненія галицкорусскаго вопроса, что возложено было на одного изъ вѣнскихъ гофратовъ, считавшагося знатокомъ галицкихъ отношеній. Онъ долженъ былъ представлять императору точные рапорты о польскорусскихъ отношеніяхъ въ Галичинѣ. Оружіе враждебной польской дипломатіи тупѣло, и желаемый эффектъ не былъ достигнутъ. Дошло до того, что, какъ гласитъ легенда, одному высокопоставленному защитнику польской дипломатіи было замѣчено: «Вы навѣрно смотрите на галицкія отношенія чрезъ ваши спеціальныя очки!»

Польская дипломатія убѣдилась теперь, что возведенное интри-

гами зданіе скоро распадется въ дребезги. Между тѣмъ русскіе послы проявили замѣчательную дѣятельность какъ въ сеймѣ, такъ и въ державной думѣ и на львовскомъ вѣчѣ 1889 г. Наиболѣе замѣчательна памятная интерпеляція ихъ въ сеймѣ 16 ноября 1889 г. «поразившая интригу въ самое сердце». Авторомъ ея былъ собственно посолъ Кулачковскій, Романчукъ же занялся лишь ея окончательной отдѣлкой и первый подписалъ ее, принимая такимъ образомъ на себя отвѣтственность за ея содержаніе. Эта интерпеляція была безъ сомнѣнія не на руку областному управленію; лучшимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ фактъ, что русскіе послы М. (Мандычевскій?) и О. (Озаркевичъ?), считавшіеся всецѣло правительственными, не хотѣли подписать ее. Сильное впечатлѣніе должна была произвести она и въ Вѣнѣ. Въ интерпеляціи этой было сказано, что поляки, желая подавить національное, культурное и экономическое развитіе Галицкой Руси, представляютъ «русиновъ», трудящихся на этомъ поприщѣ, революціонерами и соціалистами, раздувая единичные и самые ничтожные факты до неимовѣрныхъ размѣровъ.

Эта интерпеляція, а также рѣшительный и солидарный образъ дѣйствій русскихъ пословъ на сеймѣ 1889 г., вызвали въ русскомъ клубѣ мысль объ изготовленіи общей программы, которою въ будущемъ руководилась бы вся Галицкая Русь. Изготовленіе ея поручено было Романчуку, какъ предсѣдателю посольскаго клуба. 13 (25) марта 1890 г. созваны были Романчукомъ довѣренныя лица изъ Львова и провинціи, одобрившія набросокъ его программы примиренія и стремленіе къ раздѣлу Галичины, предложенное самимъ Романчукомъ. Но ни проектъ соглашенія, ни политическая программа Галицкой Руси, ни адресъ императору съ жалобами на состояніе Галичины не были готовы къ сроку (къ маю 1890 года).

Когда осенью 1890 г. снова собрался сеймъ, Романчукъ, вмѣстѣ съ послами Кулачковскимъ и Рожанковскимъ, снова принялся за изготовленіе программы общихъ дѣйствій. Замѣчательно, что программу эту Романчукъ обсуждалъ еще за нѣсколько дней до произнесенія такъ назыв. «своей программовой рѣчи» въ сеймѣ, и это обстоятельство служитъ лучшимъ доказательствомъ, насколько неожиданна была эта рѣчь для членовъ русскаго клуба. Но и на всѣхъ галичанъ она произвела чрезвычайно тягостное впечатлѣніе. Какъ школьники или грѣшники, исповѣдали Романчукъ съ К° свое «credo» передъ тѣми, кого никто не считалъ образцомъ лояльности. Еще страннѣе было подобное исповѣданіе политической вѣры въ устахъ митрополита, произнесенное передъ либералами и жидами львовскаго сейма. Что въ этомъ не было никакой надобности, подтверждается

заявленіемъ правительственнаго комиссара въ сеймѣ (24 окт. 1890 г.) о твердой вѣрѣ правительства въ лояльность русскаго народа къ австрійской монархіи и ея династіи. Еще меньше основаній было для исповѣданія религіознаго, ибо въ Австріи свобода вѣроисповѣданія обезпечена основными законами.

Чтобы исправить все это зло и возстановить прежнія добрыя отношенія между галицкорусскими партіями, авторъ считаетъ необходимымъ:

1) Совершенно забыть о «новой эрѣ», а тѣмъ изъ пословъ, выборы которыхъ состоялись «извѣстнымъ» всѣмъ способомъ,—сложить съ себя свои мандаты, или по крайней мѣрѣ отречься отъ служенія своимъ протекторамъ.

2) Литературные и языковѣдные споры предоставить ученымъ и писателямъ, въ компетенцію которыхъ входитъ и вопросъ объ образованіи литературнаго языка.

3) Остерегаться всякаго нигилизма какъ въ литературной, такъ въ особенности въ политической жизни, гдѣ онъ, какъ доказала «новая эра», дѣйствуетъ самымъ разрушительнымъ образомъ.

4) Заняться просвѣщеніемъ народа, улучшеніемъ его матеріальнаго и нравственнаго быта.

5) Для достиженія этой цѣли необходимо учреждать читальни, общественные склады хлѣба и разныхъ товаровъ, организовать общества трезвости, созывать вѣча и т. п. Тогда поляки, убѣдившись въ нашей силѣ, перестанутъ мѣшаться въ наши дѣла и оставятъ свои «сердечныя указанія» для себя.

ОБЩЕНѢМЕЦКІЙ ШКОЛЬНЫЙ СОЮЗЪ

Разсмотрѣвъ въ предыдущей нашей статьѣ * національно-политическую дѣятельность пангерманскаго «Евангелическаго союза имени Густава-Адольфа», мы посвящаемъ нижеслѣдующія строки аналогичной пропагандаторской дѣятельности другого, не менѣе опаснаго для славянъ всенѣмецкаго общества, именуемаго «Школьнымъ союзомъ» (Schulverein).

Прототипомъ этого союза былъ основанный въ 1880 году въ Вѣнѣ «Нѣмецкій школьный союзъ», насчитывающій теперь до 120.000 человѣкъ и расходующій на цѣли германизма свыше 250,000 гульденовъ въ годъ. ** Задачи вѣнскаго кружка нашли себѣ сочувствіе въ Германіи, вслѣдствіе чего въ Берлинѣ было учреждено въ 1881 году самостоятельное общество, подъ названіемъ «Всеобщаго нѣмецкаго школьнаго союза» (Allgemeiner deutscher Schulverein), съ цѣлью поддержки нѣмецкой народности за предѣлами Германіи. Въ печатныхъ воззваніяхъ къ нѣмецкому народу представители «Всеобщаго союза» заявляютъ, что первоначальнымъ поводомъ къ учрежденію ихъ Общества послужила та «угрожающая опасность (drohende Gefahr), которой съ 1866 года подвергаются нѣмцы въ Австріи; но такъ какъ и въ другихъ странахъ Европы и прочихъ частяхъ свѣта нѣмцы нерѣдко страдаютъ-де отъ гнета инородцевъ, то Общество принуждено расширить свои задачи и нынѣ посвящаетъ-де свои заботы поддержанію нѣмецкой народности на всемъ земномъ шарѣ.

Въ §§ 1 и 2-мъ устава «Всеобщаго союза» цѣль его опредѣлена

---

* «Слав. Обозр.». Мартъ. 434—442.

** По отчету этого союза за 1891 г. видимъ, что это общество располагало къ концу этого года капиталомъ въ 461.588 гульд. и содержало на свои средства 18 школъ въ Чехіи, 7 въ Моравіи, 6 въ Словѣніи, съ 74 основными классами и 77 параллельными отдѣленіями· сверхъ того общество содержало 53 дѣтскихъ сада, изъ коихъ 31 въ Чехіи, 13 промышленныхъ заведеній, 10 дополнительныхъ курсовъ, 5 музыкальныхъ школъ, 27 библіотекъ, 132 учителя были награждены обществомъ.

слѣдующими словами: «Всеобщій нѣмецкій школьный союзъ ставитъ себѣ цѣлью: охранять нѣмецкую народность внѣ предѣловъ Германской имперіи и, по мѣрѣ силъ, оказывать нѣмцамъ помощь въ ихъ стремленіи оставаться нѣмцами или снова стать ими. Свою цѣль союзъ осуществляетъ поддержаніемъ и учрежденіемъ нѣмецкихъ школъ и библіотекъ, снабженіемъ ихъ нѣмецкими книгами, распространеніемъ подходящихъ сочиненій, выдачею пособій нѣмецкимъ учителямъ и другими подобными средствами. Съ тѣхъ поръ, какъ возникла нѣмецкая имперія, ни одинъ нѣмецъ, живущій на чужбинѣ, да не будетъ въ правѣ сказать, что онъ презрительно забытъ и покинутъ братьями»...

Рядомъ съ этимъ стремленіемъ собрать воедино нѣмецкій народъ и провозглашеніемъ новыхъ политическихъ принциповъ, идущихъ въ разрѣзъ съ общепринятыми нынѣ понятіями о національныхъ и территоріальныхъ устояхъ каждаго европейскаго государства, въ уставѣ (въ томъ же § 1) и въ воззваніи заявляется, что «Всеобщій школьный союзъ» не есть общество политическое, что онъ стоитъ далеко отъ всякаго рода «партійныхъ стремленій и вожделѣній», наконецъ что онъ не составляетъ и педагогическаго кружка, ибо вовсе не занимается педагогическими вопросами.

Въ настоящее время этотъ сильный союзъ считаетъ въ своей средѣ до 30,000 членовъ, которые уплачиваютъ членскій взносъ по 3 марки въ годъ, или же единовременно 60 марокъ. Вся эта армія, подобно Евангелическому союзу имени Густава-Адольфа, раздѣляется на самостоятельныя мѣстныя группы (Ortsgruppen), со своимъ представительствомъ, а эти мѣстныя группы въ свою очередь соединяются по провинціямъ и германскимъ странамъ въ болѣе обширныя общества (Verbände); совокупность же всѣхъ мѣстныхъ группъ и провинціальныхъ обществъ составляетъ союзъ (Verein), который избираетъ свое главное представительство (Haupt-Vorstand), состоящее по уставу изъ трехъ лицъ и трехъ замѣстителей къ нимъ. Это главное представительство, находящееся въ тѣсной связи съ вѣнскимъ Обществомъ, въ настоящее время въ дѣйствительности состоитъ изъ 36 членовъ. Мѣстопребываніемъ главнѣйшихъ членовъ назначенъ Берлинъ. Предсѣдательское мѣсто въ управленіи занимаетъ тайн. сов. проф. др. Беккъ (Bëckh); его же помощникомъ состоитъ штабный врачъ др. Фалькенштейнъ. Въ дальнѣйшихъ подробностяхъ своей строго-обдуманной и цѣлесообразной организаціи, этотъ союзъ очень сходенъ съ союзомъ «Густава-Адольфа». Управляясь своими берлинскими главнокомандующими, «Всеобщій школьный союзъ», кромѣ собраній мѣстныхъ и провинціальныхъ, имѣетъ ежегодно два общія собранія:

1) закрытое собраніе уполномоченныхъ отъ мѣстныхъ и провинціальныхъ обществъ и членовъ главнаго представительства—на первой недѣлѣ послѣ Пасхи (Vertretertag) и 2) публичное собраніе, куда доступъ имѣютъ не только всѣ члены союза, но и гости, и которое открывается тотчасъ же послѣ закрытія собранія уполномоченныхъ. Мѣсто съѣзда уполномоченныхъ и публичнаго общаго собранія опредѣляется за годъ ранѣе, на собраніи уполномоченныхъ. Обыкновенно избирается для съѣзда одинъ изъ большихъ городовъ Германіи, гдѣ по этому поводу устраивается празднество въ чисто нѣмецкомъ вкусѣ, съ музыкой, пѣніемъ патріотическихъ пѣсенъ, экскурсіями in's Grüne и т. п.

Къ началу 1890 года въ разныхъ странахъ и провинціяхъ Германіи числилось 362 мѣстныхъ обществъ Всеобщаго школьнаго союза, а именно:

Въ Бранденбургѣ	48
» Шлезвигъ-Гольштейнъ-Лауенбургѣ	6
» Гессенъ-Нассау	17
» провинціи Саксоніи	29
» Силезіи	21
» Рейнскихъ странахъ	13
» Восточной Пруссіи	12
» Западной Пруссіи	9
» Познани	6
» Помераніи	7
» Ганноверѣ	7
» Вестфаліи	1
» Баденѣ	14
» Тюрингіи-Ангальтъ	25
» королевствѣ Саксоніи	75
» Вюртембергѣ	26
» Баваріи (Пфальцъ)	31
» Мекленбургѣ	7
» Гессенъ-Дармштатѣ	5
» Эльзасъ-Лотарингіи	4

Къ этому числу слѣдуетъ прибавить еще 11 самостоятельныхъ школьныхъ обществъ, присоединившихся къ союзу, и 67 обществъ гимнастическихъ, пѣвческихъ, студенческихъ, ученыхъ, благотворительныхъ, купеческихъ, учительскихъ, которыя въ числѣ своихъ 5 тысячъ сочленовъ примкнули in corpore къ союзу.

Внѣ Германіи мѣстныхъ обществъ шульферейна числилось 19, а именно: 9 въ Европѣ: (Софіи, Константинополѣ, Солуни, Бари,

Палермо, Букарестѣ, Базелѣ, Цюрихѣ и Лондонѣ; 7 въ Америкѣ: Чикаго, Монтреалѣ (Канада), Порто-Аллегре (Бразилія), Монтевидео, Нуова-Гельвеція (Урагвай), два въ Нуэрте-Монтъ (Чили); 2 въ Азіи: Токіо Іокогама (Японія) и Амазія (М. Азія); 1 въ Австраліи: Сидней.

«Не-школьная» дѣятельность союза весьма рельефно, между прочимъ, характеризуется тѣмъ, что къ составу его примкнуло существующее въ Палермо «Общество нѣмецкой имперской пивной» (deutsche Reichs Kneipe)!

Какого же непріятеля имѣютъ въ виду эти двѣ арміи: одна въ 120,000 человѣкъ, расположенная въ Австріи, и другая въ 30,000 человѣкъ—въ Германіи? Гдѣ же нѣмцевъ притѣсняютъ, чѣмъ они удручены, и что понимаетъ союзъ подъ словами своего воззванія «грозящая опасность»?

Двѣ страны въ Европѣ признаются союзомъ самыми опасными для нѣмцевъ—Австрія и Россія, т. е. два государства, заселенныя преимущественно славянскими племенами.

Итакъ, главный врагъ, противъ котораго направлены дѣйствія грозныхъ нѣмецкихъ полчищъ,—это славяне, съ которыми нѣмцы ведутъ ожесточенную тысячелѣтнюю борьбу и которыхъ они постепенно уничтожили огнемъ и мечемъ сначала на Лабѣ и Одрѣ, а теперь вытравляютъ на Дунаѣ. Не даромъ же на своихъ «школьныхъ» собраніяхъ нѣмцы сопоставляютъ Рейнъ и Дунай: «подайте другъ другу руки, германцы имперіи и Австріи; вспомните, что пѣснь о Нибелунгахъ упоминаетъ одновременно о Рейнѣ и Дунаѣ, а потому называйте же и вы Дунай своею матерью, а Рейнъ—отцомъ».

Какія же происшествія въ Австріи и Россіи могли якобы обезпокоить самоуправствующихъ въ Европѣ нѣмцевъ?

Въ печатномъ воззваніи о вступленіи въ члены «Всеобщаго союза» повѣствуется, что до 1866 года Австрія была въ сущности совершенно нѣмецкимъ государствомъ; нѣмцы господствовали-де тогда не только въ Вѣнѣ, но и въ Прагѣ, Пильзнѣ и т. д. Старый культурный перевѣсъ обезпечивалъ-де за ними безусловное господство надъ чехами, словенцами и прочими народами Австріи. Но наступилъ-де 1866 годъ и нанесъ австрійскимъ нѣмцамъ сильный ударъ: порвалась ихъ политическая связь съ Германіей, затруднились взаимныя сношенія,—словомъ, австрійскіе нѣмцы были-де оторваны отъ «фатерланда». Пользуясь послабленіями австрійскаго правительства, славяне подняли-де голову. Соединившись на почвѣ общей ненависти къ нѣмцамъ, они ринулись-де, какъ распущенная свора, на своихъ прежнихъ господъ и съ того времени угрожаютъ не только сѣсть нѣмцамъ на шею, но даже уничтожить ихъ.

Въ чемъ же выражаются эти притѣсненія? А вотъ въ чемъ: «Въ Богеміи (такъ говорится далѣе въ этой книжкѣ), гдѣ $2^1/_2$ милліона нѣмцевъ живутъ рядомъ съ $3^1/_2$ милліонами чеховъ, послѣдніе хотятъ насильно ославянить первыхъ; въ городахъ, гдѣ еще такъ недавно господствовали нѣмцы, напр. въ Прагѣ, Пильзнѣ, Іозефштадтѣ и др., чехи основываютъ свои школы, а для нѣмецкихъ нѣтъ помѣщеній: ихъ нельзя ни купить, ни нанять; захотятъ нѣмцы строить зданія на свои средства, имъ кладутъ на пути всякаго рода препятствія и затрудненія, даже... непремѣнно выбиваютъ въ помѣщеніяхъ окна. Каждый чиновникъ, который захотѣлъ бы принять сторону нѣмцевъ, рискуетъ навлечь на себя ненависть и вызываетъ противъ себя навѣты и ябеды. Нѣмцевъ вытѣсняютъ изъ всѣхъ сельскихъ должностей, устраняютъ отъ завѣдыванія ссудо-сберегательными кассами и отъ управленія разными общественными учрежденіями. Подобнаго рода притѣсненія повторяются въ Моравіи, Австрійской Силезіи, Крайнѣ».

Лишь крайнее нахальство можетъ подобнымъ образомъ извращать факты. Если въ Австріи издаются богохульные указы объ удаленіи изъ народныхъ школъ священныхъ изображеній св. славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меѳодія,—то о какихъ притѣсненіяхъ могутъ говорить послѣ того противники славянъ и кого они хотятъ одурачить? Изъ всѣхъ нѣмецкихъ нареканій на славянъ имѣетъ смыслъ лишь одно: жалобы на чеховъ за ихъ рѣшимость открывать свои частныя школы! Да liegt der Hund begraben.

Еще возмутительнѣе по своему содержанію тѣ рѣчи, какія произносятся на собраніяхъ шульферейна. Большинство ихъ проникнуты чувствомъ ненависти и презрѣнія къ славянамъ и ихъ правамъ, причемъ ораторы, въ порывѣ болѣзненнаго самомнѣнія, видя въ объединенной Германіи какъ бы новый, богоизбранный народъ, коментируютъ на всѣ лады извѣстную горделивую фразу Бисмарка: «мы, нѣмцы, боимся Бога и никого больше на свѣтѣ». Одинъ же изъ делегатовъ съѣзда, фонъ-Пернерсторферъ, провозглашаетъ слѣдующую фразу: «Для всѣхъ нѣмцевъ было всегда идеаломъ стремленіе къ солидарности взаимныхъ интересовъ; въ этомъ отношеніи мы опередили всѣ народы и заставили ихъ слѣдовать за нами, а потому и въ будущемъ задача наша — служить примѣромъ для всѣхъ народовъ, населяющихъ шаръ земной!»

Чтобы еще болѣе убѣдить читателя, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ опасными шовинистами, которые занимаются болѣе политикою, чѣмъ школою, мы сдѣлаемъ двѣ ссылки.

Во-первыхъ, укажемъ на предложеніе, сдѣланное 26 мая 1888 г.

на засѣданіи Общества въ Кобургѣ отъ имени г. Мерзебурга. Уполномоченные этого города предложили: перемѣнить названіе союза и именовать его впредь: «Союзомъ для поддержанія германизма заграницей». Названіе «Школьнаго союза», говорится въ предложеніи даетъ поводъ къ ложнымъ толкованіямъ; многіе полагаютъ, что имѣется въ виду содѣйствовать «школамъ», но подобное заблужденіе слѣдуетъ рѣшительно опровергнуть; названіе союза, безъ сомнѣнія, имѣетъ важное значеніе, дабы каждый могъ сразу понять, въ чемъ тутъ дѣло. И д-ръ Эттингенъ (Oettingen) въ своей берлинской рѣчи въ началѣ 1892 г. прямо заявилъ, что шульферейнъ не занимается политикою, однако дѣятельность его имѣетъ-де несомнѣнно политическое значеніе. Въ приложеніи же къ новому органу союза: Für das Deutschthum im Auslande (съ ноября 1891 г. въ Берлинѣ) доказывается, что Германія лишь тогда можетъ полагаться на Австрію въ борьбѣ со славянствомъ, если школьному союзу удастся въ ней ослабить славянскій элементъ утвержденіемъ нѣмецкаго языка. Конечно, честнѣе снять маску и заявить, что союзъ избралъ «школу» лишь вывѣской для политической пропаганды. Это «школа» sui generis!

Во-вторыхъ, мы укажемъ па одно чрезвычайно характерное признаніе, помѣщенное въ вышеупомянутомъ печатномъ воззваніи. «Для нѣкоторыхъ (говорится на стр. 42 этой книжки) политическія движенія въ Австро-Венгріи могутъ казаться далеко отстоящими отъ германскихъ интересовъ и мало ихъ касающимися; но эти люди будутъ неправы, ибо при постоянно возростающемъ политическомъ значеніи странъ на европейскомъ востокѣ, ни въ какомъ случаѣ нельзя признать, съ практической точки зрѣнія, безразличнымъ, будемъ ли мы имѣть въ нѣмецкой Австріи защищенную позицію на большой дорогѣ къ Черному морю или же этотъ этапъ будетъ уничтоженъ и нѣмецкое населеніе здѣсь будетъ ослаблено». Эти «особые» германскіе интересы по дорогѣ къ Черному морю были отлично поняты нѣмцами; указанія представителей союза не остались безплодными!...

Въ доказательство приведемъ цифры. Предъ нами лежитъ бюджетъ «Всеобщаго союза» на 1889 годъ и проектъ на 1890 годъ, (помѣщенные въ № 4 Mittheilungen или сообщеній союза за 1890—1891 годы). Приходъ составлялъ за 1889 годъ сумму 32.831 мар. 14 пф.; расходъ показанъ въ той же суммѣ, при чемъ на распространеніе идей шульферейна (Agitation) ассигновано 1.625 м. Главной статьей расхода являются конечно пособія, опредѣленныя въ размѣрѣ 15.794 мар. 15 пф., изъ которыхъ въ Венгрію, Чехію, Моравію, Хорутанію, Штирію, Крайну, Боснію и Галицію

отослано 13.120 мар. 13 пф., въ другія же европейскія страны 1554 м. 35 пф., При болѣе детальномъ знакомствѣ съ бюджетомъ оказывается, что 1093 марки отосланы въ Болгарію, гдѣ въ нынѣшнемъ году шульферейнъ открылъ свои отдѣленія (кромѣ Софіи) въ Филиппополѣ, Рущукѣ и Варнѣ. *

Слѣдя за дѣятельностью союза, мы обращали главное вниманіе на отношенія его къ Россіи. Посылаются ли пособія въ Россію? Разсматривая подробные отчеты шульферейна, мы не нашли въ нихъ свѣдѣній о томъ, въ какія мѣстности Россіи и въ какомъ количествѣ посылаются пособія; но самый фактъ такихъ пособій на поддержаніе германизма въ Россіи не подлежитъ сомнѣнію.** Это было даже предметомъ особаго обсужденія на собраніи уполномоченныхъ въ Кобургѣ, 26 мая 1888 года. Какимъ образомъ союзъ осуществляетъ свои германскія цѣли въ устройствѣ форпостовъ въ Россіи, по пути къ Черному морю,—мы не знаемъ, но зато изъ произнесенной въ г. Нюренбергѣ на общемъ собраніи 3 августа 1890 г. рѣчи г. Зейдлица изъ Кенигсберга, выясняются съ достаточною опредѣленностью тѣ политическія стремленія и вожделѣнія, которыя союзъ преслѣдуетъ въ нашихъ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Зейдлицъ всю историческую часть своей рѣчи строитъ на слѣдующихъ ложныхъ, но зато излюбленныхъ полуобразованными Нѣмцами, положеніяхъ: Нѣмцы спокон вѣка были-молъ носителями культуры среди варварскаго населенія Европы, а врагами постоянными ихъ, равно и культуры, были: гунны, турки, татары и другія монгольскія и славянскія племена. Въ тѣхъ мѣстностяхъ Европы, гдѣ появлялись нѣмцы, тотчасъ же возникалъ-де свѣтъ, водворялась тишина и начиналась работа. Но волны варварства часто заливали культурныя нѣмецкія поля. Такъ было и въ остзейскомъ краѣ. Подъ владычествомъ нѣмцевъ возникли-де тамъ три цвѣтущія герцогства: Курляндія, Лифляндія и Эстляндія. Въ этихъ странахъ нѣмцы долго отбивались-де отъ дикихъ варваровъ русскихъ, которые своими вторженіями вносили въ край разбои, убійства, поджоги—всѣ бѣды земныя. Русскіе наконецъ одолѣли. Всѣмъ извѣстенъ-де гордый отвѣтъ фельдмаршала Шереметева Петру Великому, на его приказаніе опустошить весь остзейскій край: «Ваше Величество, больше ничего не осталось для опусто-

* Общій капиталъ этихъ отдѣленій достигаетъ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, 200,000 марокъ. Балансъ расходовъ союза въ 1891 г. опредѣляется въ 84.000 мар., изъ коихъ 51.000 израсходованы мѣстными отдѣлами.

** На гельсингфорскую нѣмецкую школу ассигнуется ежегодно изъ суммъ шульферейна 300 мар. Есть указанія и на его заботы о нѣмецкихъ школахъ въ балтійскихъ губерніяхъ.

шенія». Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ глубокаго горя и нужды все попрежнему возстановилось-де въ этомъ краѣ: нѣмцы были снова тутъ. На основаніи договора съ царемъ, нѣмецкое населеніе получило полную автономію и самоуправленіе и нѣмецкая культура засіяла-де еще въ большемъ блескѣ. Эсты и латыши — эти первоначальные обитатели края—не могли-де жаловаться на нѣмцевъ: за полстолѣтіе раньше чѣмъ въ Россіи мѣстное населеніе было-де по собственной иниціативѣ нѣмецкаго дворянства освобождено отъ крѣпостной зависимости и, пройдя чрезъ барщину, оно сдѣлалось свободнымъ; во время барщины эсты и латыши были-де зажиточными арендаторами, теперь большинство изъ нихъ — богатые собственники. Никогда ни одинъ эстонецъ или латышъ не былъ-де насильственно германизованъ; насильственная германизація не лежитъ-де въ характерѣ нѣмцевъ, и единственно допустимой является та, которая снисходительно одаряетъ пріобщающагося нѣмецкой культурѣ нѣмецкимъ языкомъ и образованіемъ. Отношенія между нѣмцами и эстами, а также латышами были-де наилучшія, и послѣдніе съ гордостью дозволяли своимъ дѣтямъ превращаться въ «саксонцевъ» (такую кличку носили нѣмцы на языкѣ эстонцевъ). Укрѣпившись въ своемъ краѣ, нѣмцы стали-де благотворить Россіи и просвѣщать ее. Было время, и это время не было-де худшимъ въ Россіи, когда почти всѣ высшіе посты министровъ, всѣ военноначальники, всѣ профессорскія каѳедры были заняты нѣмцами. Отличаясь всѣми возможными хорошими качествами: классическимъ образованіемъ, беспримѣрною въ Россіи любовью къ работѣ и абсолютною честностью, нѣмцы такимъ образомъ сдѣлались-де посредниками между цивилизованной Европой и непросвѣщенною Россіей. Все, что въ Россіи отзывается образованіемъ,— все это покоится-де на основахъ, положенныхъ нѣмцами. Словомъ, балтійская страна — это перлъ русскаго царства (die baltischen Länder die Perle des russischen Reiches). Но варварская русская волна снова нахлынула на этотъ край. Нигилистическая и панславистическая партіи полуобразованныхъ русскихъ взяли въ послѣднее время верхъ надъ истинно-образованными русскими кружками, которые еще и до сихъ поръ благодарны нѣмцамъ за ихъ благодѣянія. Нѣмецъ объявленъ природнымъ врагомъ русскихъ, и всѣ усилія этой страшной, противонѣмецкой партіи направлены къ его уничтоженію если не открытымъ способомъ, посредствомъ насилій и убійства, то разными подвохами. Всякія средства пускаются-де въ ходъ противъ честнаго нѣмца: ложные доносы, несправедливыя обвиненія, высылка административнымъ путемъ, отказъ отъ мѣстъ и уничтоженіе всѣхъ благодѣтельныхъ послѣд-

ствій нѣмецкой культуры. Между нѣмцами и мѣстнымъ населеніемъ бросается-де зажженный факелъ, отношенія обостряются и въ краѣ обнаруживаются аграрныя убійства и поджоги. Нѣмцы, напримѣръ, отличаются-де своимъ отвращеніемъ отъ нигилизма: русская партія, эта «камарилья», обманывающая высшее правительство, нарочно посылаетъ-де въ дерптскій университетъ русскихъ студентовъ-нигилистовъ и такимъ образомъ вводитъ въ край анархію. Ихъ цѣль—снова произнести гордый Шереметевскій отвѣтъ: «больше нечего опустошать». Нѣмцы разсчитываютъ-де только на способность къ культурѣ и выносливость: въ этомъ одномъ ихъ спасеніе въ будущемъ. Если мы, германцы, хотимъ имъ помочь, быть для нихъ факеломъ будущаго, то мы должны постоянно обращать наши взоры между прочимъ и на Остзейскій край: тамъ герои и мученики германства»! *

Такъ пишется нѣмецкая исторія! А между тѣмъ кому неизвѣстно, что нѣмцы были такими же насильниками въ Ливоніи и Эстоніи, какъ и въ областяхъ западнаго славянства; что подъ плащомъ миссіонера и культуртрегера въ этихъ рыцаряхъ тевтонизма скрывались инстинкты самаго грубаго эксплоататора; что и до сихъ поръ области прибалтійскія, въ лицѣ громаднаго большинства своего латышскаго и эстонскаго населенія, страдаютъ еще отъ послѣдствій этого феодально-крестоноснаго захвата! Во всякомъ случаѣ, не видно ли изъ приведенной выдержки, что шульферейнъ — по существу общество политическое, направленное главнымъ образомъ противъ славянъ и Россіи и работающее подъ знаменемъ Гогенцоллерновъ? Но если это такъ, если общество это разжигаетъ расовую ненависть и подготовляетъ для Германіи дороги то къ Финскому заливу, то къ Черному морю, то возникаетъ вопросъ: можетъ ли оно быть терпимо съ точки зрѣнія установившихся международныхъ отношеній?

Во всякомъ же случаѣ, германизаторская дѣятельность обществъ, подобныхъ союзамъ Густава-Адольфа и Школьному, должна бы и со стороны славянъ вызвать соотвѣтственную организацію для обороны своего народнаго достоянія и существованія. Въ этихъ видахъ чехи учредили уже школьную Матицу и Общество Коменскаго. Но для успѣшной борьбы съ подобными общенѣмецкими союзами необходимо учрежденіе аналогичныхъ союзовъ общеславянскихъ.

А. Папковъ.

---

* 25 апр. 1892 г. читалъ подобную статью «О вліяніи нѣмцевъ на русскую образованность» др. Маннгеймеръ въ Ольденбургѣ. Всего забавнѣе, что этотъ нѣмецъ—раввинъ.

БИБЛІОГРАФІЯ

И. М. Собѣстіанскій. Ученія о національныхъ особенностяхъ характера и юридическаго быта древнихъ славянъ. Историко-критическое изслѣдованіе. Харьковъ. 1892 г. 336+XII стр.

Конечный выводъ г. Собѣстіанскаго таковъ: «Если славяне были народъ воинственный, предпріимчивый и жестокій, если у нихъ искони существовала княжеская власть и рабство было обыкновеннымъ явленіемъ; если, далѣе, жена и дѣти вполнѣ были подчинены отцу, — то ни о какихъ коренныхъ отличіяхъ древне-славянскаго характера и юридическаго быта не можетъ быть и рѣчи» (стр. 205). «Ученія о кроткомъ, пассивномъ характерѣ древнихъ славянъ и о господствѣ у нихъ «общины» сложились въ славянской наукѣ путемъ апріористическимъ и привели къ отрицанію самобытной исторической дѣятельности у славянскаго племени, такъ какъ въ результатѣ оказалось, что славяне не были способны по собственному побужденію предпринимать завоевательные походы и не были способны сами образовать государство» (стр. 206). Стало быть, «труды славянскихъ ученыхъ, имѣвшіе главной задачей выдвинуть впередъ самобытную роль славянъ въ исторіи и очистить науку славянскихъ древностей отъ взглядовъ нѣмецкой школы, привели къ противоположному результату» (стр. 207). Въ концѣ концовъ г. Собѣстіанскій совѣтуетъ «будущимъ изслѣдователямъ славянской старины», для которыхъ его работа «очищаетъ путь»... «приступать къ изученію памятниковъ безъ предвзятой мысли о противоположности древняго «славянизма» «германизму» и вернуться къ болѣе трезвымъ взглядамъ славянорусской школы прошлаго столѣтія, а не подгонять факты подъ готовую уже формулу» (стр. 206—8).

Такимъ образомъ, г. Собѣстіанскій вычеркиваетъ изъ славянской исторіографіи страницу, написанную втеченіе цѣлаго столѣтія, на которой блещутъ незабвенныя имена Шафарика, Мацѣевскаго, Лелевеля, Хомякова, К. Аксакова, Самарина и длиннаго ряда людей, посвящавшихъ свои силы тому же служенію родной наукѣ, объявляетъ ихъ поборниками предвзятыхъ теорій и искаженія дѣйствительности, представителями «сентиментально-поэтическаго направленія» въ разработкѣ славянской старины. Жестоко и безпощадно суровъ такой приговоръ, но справедливъ ли онъ? Многое можно было бы сказать по этому поводу, но тѣсныя рамки бѣглой журнальной замѣтки заставляютъ меня ограничиться лишь нѣсколькими, болѣе общими замѣчаніями.

Прежде всего упрекъ въ предвзятости и недоказательности сужденій, брошеный представителямъ «сентиментальнаго» направленія, въ значительной мѣрѣ падаетъ на голову самого обвинителя. Онъ самъ исходитъ изъ вполнѣ «апріористическаго» положенія, будто «всѣ первобытные народы были воинственны, жестоки и свирѣпы», слѣд. отрицаетъ существованіе коренныхъ особенностей народнаго характера, столь же безспорныхъ, какъ различіе языковъ, вѣрованій, быта. Не опровергая, даже не затрогивая воззрѣній, господствующихъ въ современной исторіографіи, соціологіи, этнопсихологіи, г. Собѣстіанскій предпочелъ отступить отъ нихъ на цѣлое столѣтіе назадъ и ограничился вполнѣ голословнымъ заявленіемъ, что «трезвые слависты прошлаго столѣтія», не знакомые основательно ни съ антропологіей, ни съ этнологіей и соціологіей, ни съ сравнительнымъ методомъ, «шире понимали характеръ первобытныхъ народовъ», и позволилъ себѣ заклеймить противное ученіе насмѣшливой кличкой «сентиментально-поэтическаго». Но эта кличка ни мало не оправдывается данными разбираемой книги, которая гораздо больше обѣщаетъ своимъ заглавіемъ, чѣмъ даетъ въ дѣйствительности. О полномъ воспроизведеніи хода развитія разсматриваемыхъ ученій и ихъ обстоятельной оцѣнкѣ нѣтъ и помину; тѣсно связанныя съ славяновѣдѣніемъ теоріи западно-европейской науки пройдены глубокимъ молчаніемъ; не отмѣчено даже существованіе ихъ обстоятельнаго разбора въ соч. проф. Ламанскаго: Объ изученіи грекославянскаго міра на Западѣ. Между тѣмъ пробѣлъ этотъ исключаетъ самую возможность правильнаго уясненія постепеннаго развитія славянской науки; ея воззрѣнія бывали иногда прямымъ противовѣсомъ западно-европейскимъ взглядамъ, иногда оказывались ихъ дальнѣйшимъ раскрытіемъ. Такъ напр. можно ли понять дѣятельность Ломоносова безъ знакомства съ нѣмецкою наукою и жизнью того времени? Не Леклеркъ ли навелъ Болтина на мысль о «само-

бытныхъ особенностяхъ русской жизни»? Не Гебгарди ли вызвалъ труды западно-славянскихъ изслѣдователей народной старины? Трудами этими пользовался и Гердеръ, котораго нашъ авторъ безъ малѣйшаго основанія называетъ родоначальникомъ новаго, именно «сентиментально-поэтическаго направленія» въ изученіи славянства.

Устранивъ, безъ малѣйшей оговорки, отъ разсмотрѣнія труды западныхъ ученыхъ о славянствѣ, г. Собѣстіанскій произвольно обошелъ не только отдѣльныя произведенія, но и цѣлыя школы славянской исторіографіи, притомъ не только юго-славянской, но и русской. Онъ не коснулся напр. теоріи приверженцевъ быта родового и задружно-общиннаго, ученія о культурно-историческихъ типахъ, не говоря уже о многихъ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ и монографіяхъ. Всѣ эти пробѣлы, конечно, значительно подрываютъ научное значеніе разбираемой книги; но не поднимаетъ его и то, что́ даетъ г. Собѣстіанскій въ своемъ трудѣ. Здѣсь сразу бросается въ глаза полное отсутствіе всестороннихъ характеристикъ отдѣльныхъ писателей, въ связи съ запросами и духомъ времени. Взгляды этихъ писателей переданы не въ сжатомъ, удобопонятномъ видѣ, а обыкновенно въ дословныхъ выдержкахъ изъ ихъ сочиненій, причемъ читателю неясно отношеніе этихъ подробностей къ основнымъ воззрѣніяхъ того или другого автора. Правда, г. Собѣстіанскій пытается внести нѣкотораго рода систему въ эту безпорядочную груду выписокъ: онъ дѣлитъ славянскихъ ученыхъ на «трезвыхъ» (слависты прошлаго столѣтія, Карамзинъ, Венелинъ, М. С. Дриновъ и Иловайскій) и сторонниковъ «сентиментально-поэтическаго направленія» (большинство польскихъ, чешскихъ и русскихъ ученыхъ). Но это раздѣленіе основывается на неточномъ воспроизведеніи ученій о славянскомъ характерѣ и бытѣ. Стоитъ сличить взгляды Карамзина (т. I, стр. 16, 33, 34, 35, 37, 42,) «въ противовѣсъ Гердеру постоянно подчеркивающаго жестокость, грубость, воинственность и хищность древнихъ славянъ» (стр. 38), съ мнѣніями Суровецкаго (стр. 25, 66, 68, 72 и т. д.), чтобы убѣдиться, что только умышленное забвеніе чертъ поразительнаго сходства въ воззрѣніяхъ какъ этихъ, такъ и большинства другихъ ученыхъ позволило г. Собѣстіанскому провести столь рѣзкую грань между гла́вными представителями якобы «трезваго» и «сентиментально-поэтическаго направленія».

Подобные же «объективные» пріемы примѣнены г. Собѣстіанскимъ къ изложенію взглядовъ Шафарика, которому приписано стремленіе «доказать въ одно и то же время и воинственность и невоинственность древнихъ славянъ» (стр. 56) и у котораго кромѣ «несамостоятельности» (стр. 45) г. Собѣстіанскій открываетъ «непримиримыя противорѣчія» (стр. 57). Но подобныя «стремленія»

составляютъ выдумку нашего автора и вовсе не подтверждаются ни характеромъ, ни трудами Шафарика; мнимыя же «противорѣчія» прекрасно объясняются общей связью изложенія, упущенной изъ виду г. Собѣстіанскимъ. Кого можетъ напр. «поставить втупикъ» (стр. 47) указаніе (36) чертъ сходства между различными арійскими народами, выдѣляющихъ ихъ въ одну общую семью, съ одной стороны, и на отличія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности (стр. 23)—съ другой? Столь же легкомысленно сдѣланъ г. Собѣстіанскимъ Шафарику упрекъ за его «странную гипотезу, будто славяне рѣшались на завоеванія подъ давленіемъ другихъ народовъ» (стр. 57), которая-де равносильна «отказу въ способности славянъ къ самобытной исторической дѣятельности». Ужели эта способность сказывается только въ безпричинной жаждѣ завоеваній? Ужели чуждыя завоевательной горячкѣ Аѳины жили не исторической жизнью, а завоевательныя орды гунновъ, аваровъ, монголовъ, татаръ обнаружили бо̀льшія способности къ самобытной исторической дѣятельности? По вѣрному замѣчанію Гердера, способность эта опредѣляется наличностью не стихійныхъ разрушительныхъ силъ, а творческихъ. Равнымъ образомъ, ни Шафарикъ, ни кто-либо другой изъ «сентиментальныхъ» славистовъ не доказывалъ, будто славяне были «народомъ голубиной и овечьей кротости, пассивнымъ, безнаказанно обижаемымъ другими, не обижающимъ сосѣдей». И «трезвые», и «сентиментальные» слависты говорили о проявленіяхъ воинственной храбрости нашихъ предковъ, но считали ихъ народомъ земледѣльческимъ и потому по преимуществу мирнымъ. Взглядъ этотъ вовсе не оказывается порожденіемъ «апріористическихъ соображеній», а покоится на цѣломъ рядѣ довольно вѣскихъ доказательствъ въ области языка, вѣрованій, народныхъ сказаній, данныхъ археологіи и наконецъ—свидѣтельствъ лѣтописныхъ.

Выводы г. Собѣстіанскаго покоятся не на точномъ и всестороннемъ опроверженіи всѣхъ такихъ основаній ученія о земледѣльческомъ и, по преимуществу, миролюбивомъ бытѣ и характерѣ древнихъ славянъ, а скорѣе на искусственномъ и пристрастномъ подборѣ указаній памятниковъ. Такъ свидѣтельства Іордана, Прокопія, Маврикія, Гельмольда, рисующія мирный характеръ нашихъ предковъ, извѣстія лѣтописи Фотія и другихъ византійцевъ, арабовъ и западныхъ хронистовъ о земледѣльческомъ бытѣ древнихъ славянъ оставлены г. Собѣстіанскимъ въ сторонѣ, тогда какъ противорѣчащія простой очевидности цифровыя показанія о количествѣ убитыхъ, посаженныхъ въ тюрьму, на колъ и т. п. приводятся полностью (стр. 77—89) безъ всякихъ оговорокъ; за неоспоримыя доказательства принимаются показанія источниковъ, прямо опровергнутыя нау-

кой (Гильфердингомъ, Котляревскимъ, М. С. Дриновымъ); свидѣтельства неочевидцевъ, несовременниковъ, писателей разныхъ временъ и народовъ (стр. 95) сваливаются въ одну кучу; сомнительныя черты одного племени (стр. 76) возводятся въ основныя качества всего славянскаго народа. Г. Собѣстіанскій прибѣгаетъ даже къ намѣренному усиленію мѣстъ памятниковъ, опуская (стр. 77) объясняющія суть дѣла подробности, или внося черточки (стр. 83, 89), дающія картинѣ желаемое, но невѣрное освѣщеніе. Не мудрено, если при такомъ «объективномъ и строго-критическомъ» обращеніи съ памятниками г. Собѣстіанскій убѣждается въ «исконной воинственности и свирѣпости древняго славянства» (стр. 96), хотя основывается исключительно на извѣстіяхъ, относящихся къ періоду борьбы славянъ съ германцами и византійцами (съ VI—XIII в.), когда не можетъ быть рѣчи о «первобытныхъ» славянахъ и ихъ «промитивномъ» бытѣ.

Доказавъ якобы сходство характера древнеславянскаго съ древнегерманскимъ (стр. 189), которое выражалось въ «воинственности древнихъ славянъ» (стр. 96), авторъ дѣлаетъ отсюда заключеніе о такомъ же сходствѣ древнихъ славянъ и германцевъ въ области юридическаго быта (стр. 189—204). Къ сожалѣнію, доводы его въ пользу этого положенія отличаются прежней несостоятельностью. Вмѣсто того чтобы воспользоваться трудами русскихъ и западно-европейскихъ ученыхъ, доказавшихъ широкое распространеніе у арійцевъ общиннаго строя, г. Собѣстіанскій думаетъ опровергнуть «гипотезу о господствѣ у славянъ общины» (стр. 198) указаніемъ на существованіе у нихъ княжеской власти, хотя, какъ это отмѣчено еще К. Аксаковымъ, «существованіе общины отнюдь не отрицало княжеской власти». Явными натяжками страдаетъ и разборъ прямыхъ свидѣтельствъ памятниковъ о демократическомъ строѣ древнихъ славянъ. Таково, напр., (стр. 190—2) толкованіе извѣстнаго мѣста Прокопія: «эти народы (славяне и анты) не управляются однимъ мужемъ, а издревле живутъ въ демократіи, а потому у нихъ въ обычаѣ о полезномъ и вредномъ разсуждать сообща». Западно-европейскіе ученые и славянскіе изслѣдователи понимали здѣсь слово «демократія» въ смыслѣ «народовластія, народоправства», прекрасно отвѣчающее общей связи изложенія Прокопія, но г. Собѣстіанскій увѣряетъ, что «въ устахъ Прокопія терминъ «демократія» вовсе не означаетъ imperium populare», а имѣетъ «особое, ускользавшее отъ вниманія изслѣдователей славянскихъ древностей значеніе (народныя неурядицы, партійныя усобицы, волненія), что прямо усматривается-де изъ хронографовъ І. Малалы и Ѳеофана» стр. 191). Источникомъ такой начитанности автора въ византій-

скихъ авторахъ являются однако указанія словарей Дюканжа и Стефана, откуда г. Собѣстіанскій (безъ упоминанія) позаимствовалъ ссылки на Θеофана и Малалу, приводимыя имъ на стр. 326—327. Изъ ближайшей провѣрки этихъ мѣстъ видно, что въ нихъ или вовсе нѣтъ слова «демократія», или оно означаетъ партію цирка (factio circensis). Да и вообще эти дурнопонятыя указанія словарей вовсе не свидѣтельствуютъ о томъ, что Прокопій, по языку имѣющій очень мало общаго съ Θеофаномъ и Малалой, понималъ слово «демократія» въ желательномъ для г. Собѣстіанскаго значеніи, тѣмъ болѣе что въ его переводѣ разсматриваемый отрывокъ получаетъ крайне своеобразный и притомъ не совсѣмъ-то логическій «смыслъ»: «славяне живутъ въ партійныхъ усобицахъ и потому совѣщаются сообща о полезномъ и вредномъ».

Далѣе, г. Собѣстіанскій открываетъ (стр. 193) неточности въ латинскомъ переводѣ Маврикія и путемъ «апріористическихъ» соображеній опровергаетъ общепринятое пониманіе его извѣстій о славянскомъ общественномъ строѣ, увѣряя, что «анархія Маврикія есть то же, что демократія Прокопія». Однако, обращеніе къ подлиннику Маврикія и возстановленіе общей связи его изложенія легко опровергаетъ натянутыя соображенія г. Собѣстіанскаго. Точно также неосновательно утверждаетъ авторъ, будто «славянскіе ученые совершенно неправильно истолковали смыслъ дитмаровскаго извѣстія объ общественномъ строѣ лютичей» (стр. 196). Это не болѣе какъ придирка къ значенію несущественныхъ словъ, причемъ авторъ упустилъ изъ виду ясное и опредѣленное свидѣтельство Дитмара, что «одно только единогласіе собравшагося народа рѣшало и постановляло о всякомъ дѣлѣ». Слѣдовало бы внимательнѣе отнестись и къ доводамъ Гильфердинга, отрицающаго самое существованіе князей у лютичей XI в. (Гильф. стр. 76 — 77). Однимъ словомъ, опроверженіе «гипотезы о господствѣ у славянъ общины» не основывается на точномъ и безпристрастномъ разборѣ доводовъ сторонниковъ общиннаго быта, а на крайне шаткихъ натяжкахъ и очевидномъ измѣненіи прямого смысла источниковъ.

Затѣмъ, г. Собѣстіанскій приводитъ (стр. 198—201) «длинный рядъ свидѣтельствъ, убѣждающихъ, что рабство искони (т. е. съ VI в.) существовало у славянъ и, какъ у всѣхъ воинственныхъ народовъ, было отмѣчено суровымъ характеромъ» (стр. 202). Но никто и не думалъ отрицать существованія у славянъ рабства въ извѣстную эпоху ихъ жизни. Что же касается его «суроваго характера», то здѣсь г. Собѣстіанскій дѣлаетъ обобщеніе на основаніи всего лишь трехъ показаній памятниковъ XII в. о прибалтійскихъ славянахъ (стр. 200), причемъ всѣ три приводимыя мѣста тол-

куетъ съ явными урѣзками и извращеніемъ точнаго смысла, тогда какъ ясное и опредѣленное свидѣтельство Маврикія онъ голословно объявляетъ «идеализаціей славянской жизни» (стр. 202).

Наконецъ, вмѣсто разсмотрѣнія прямыхъ указаній различныхъ памятниковъ на особенности положенія женщины въ славянской и германской жизни (общность владѣнія имуществомъ супруговъ, право дочерей на наслѣдство, опека матери надъ дѣтьми и т. д.) г. Собѣстіанскій приведеніемъ свидѣтельствъ XI—XII вѣковъ опять доказалъ лишь то, противъ чего никто и не возражалъ,—существованіе многоженства у позднѣйшихъ славянъ, а не то, что онъ называетъ (стр. 204) его «господствомъ у древнихъ славянъ». «Безправное же положеніе дѣтей въ древнеславянской семьѣ» авторъ думаетъ доказать (стр. 204) «практиковавшимся у древнихъ славянъ умерщвленіемъ родителями новорожденныхъ дѣтей», какъ будто широкое распространеніе теоріи Мальтуса на современномъ Западѣ свидѣтельствуетъ о полной зависимости дѣтей отъ родителей! Кромѣ того для закрѣпленія за древними славянами «обычая убивать дѣтей» нужно бы привести не указаніе памятника XII в. на его существованіе у прибалтійскихъ славянъ, а рядъ болѣе древнихъ свидѣтельствъ, обнимающихъ собою по крайней мѣрѣ большинство славянскихъ народовъ.

Такимъ образомъ, всѣ выводы г. Собѣстіанскаго вытекли не изъ внимательнаго и всесторонняго разсмотрѣнія источниковъ и литературы предмета, не изъ желанія «доискаться истины», а изъ намѣреннаго стремленія опровергнуть противниковъ, хотя бы цѣною полнѣйшаго нарушенія требованій исторической критики. Вдобавокъ нельзя не замѣтить, что сочиненіе это написано не по источникамъ первой руки, а на основаніи пособій и отрывочныхъ цитатъ. При этихъ заимствованіяхъ нерѣдко воспроизводятся и неточности переводовъ, которыя сами бросаются въ глаза при сравненіи съ перепечатанными г. Собѣстіанскимъ же въ примѣчаніяхъ мѣстами подлинниковъ, съ очень странными опечатками (напр. стр. 261, прим. 161 и т. д.). Ни въ предисловіи, ни въ книгѣ г. Собѣстіанскій не оговорился, что такъ широко пользуется своими пособіями.

Въ виду такихъ методологическихъ пріемовъ врядъ-ли можно признать работу г. Собѣстіанскаго «историко-критическимъ изслѣдованіемъ», «очищающимъ путь для будущихъ изслѣдователей»...

Харьковъ.
Іюль 1892 г.

Андрей Вязигинъ.

ИСТОРИЧЕСКІЕ МАТЕРІАЛЫ ИЗЪ АРХИВА МИНИСТЕРСТВА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ. ВЫП. I СПБ. 1891.

Очередь архивнаго благоустройства, отвѣчающаго современнымъ взглядамъ на архивное дѣло, дошла и до общаго архива министерства государственныхъ имуществъ. Дѣла его въ настоящее время описываются, приводятся въ систематическій порядокъ и вносятся въ общій алфавитный указатель. Это—огромное собраніе (болѣе 200 т.) дѣлъ какъ бывшихъ департамента госуд. имуществъ министерства финансовъ и V отд. Собственной Е. И. В. канцеляріи, такъ и разныхъ департаментовъ м—ства госуд. имуществъ, представляющее немало документовъ и свѣдѣній, имѣющихъ историческій интересъ. Кромѣ описанія и систематизаціи архива, предпринято нынѣ изданіе особаго сборника. Но это не обыкновенное изданіе сырыхъ матеріаловъ, а извлеченные изъ дѣлъ архива историческіе матеріалы и обработанные по этимъ матеріаламъ отдѣльныя статьи, и именно по матеріаламъ, имѣющимъ историческое значеніе. Для такихъ статей ставится лишь одна общая цѣль — изложить рядъ историческихъ фактовъ, остававшихся до сихъ поръ неизвѣстными или извѣстными только отчасти, и тѣмъ содѣйствовать изслѣдованію и разъясненію отдѣльныхъ историческихъ вопросовъ. Въ первомъ выпускѣ сборника, кромѣ цѣнныхъ матеріаловъ и статей о государственно-хозяйственныхъ вопросахъ и двухъ интересныхъ статей: «Переписка поэта В. А. Жуковскаго о продажѣ ему двухъ конфискованныхъ мызъ въ Лифляндской губерніи (1836—38)» и «О путешествіи по Россіи барона Авг. Гакстгаузена и объ изданіи его сочиненія о Россіи (1842—1854)», напечатаны: «Черногорскіе переселенцы въ Россіи» (статья П. О. Морозова), «Кара-Георгій и сербскіе эмигранты въ Россіи», съ приложеніемъ 16-ти грамотъ русскихъ государей къ черногорскому народу съ 1711 по 1801 г. (его же) и «О водвореніи въ Россіи запорожскихъ казаковъ, возвратившихся изъ-за Дуная въ 1828 г.» (ст. П. А. Шафранова).

Съ Петра В. (прутскій походъ) между Россіей и Черногоріей завязываются непосредственныя, живыя отношенія. Ихъ прежде всего связывали «единовѣріе и единоязычіе». Но кромѣ того у нихъ былъ общій врагъ Турція. Противъ него Россія вела частыя войны, въ которыхъ беззавѣтно-храбрые черногорцы и герцеговинцы оказывали немалое содѣйствіе, отвлекая значительныя силы Турціи, за что нерѣдко сами испытывали жестокую месть со стороны Турокъ. Страдавшіе отъ турецкихъ разореній черногорцы и герцеговинцы обращались по временамъ къ Россіи за матеріальною помощью. Памятниками такихъ отношеній сохранились «грамоты» русскихъ го-

сударей и ихъ уполномоченныхъ, съ призывомъ къ балканскимъ славянамъ ополчиться (иногда подъ предводительствомъ русскихъ военноначальниковъ) на общаго врага или въ отвѣтъ на письменныя ихъ обращенія къ Россіи. Въ приложеніи къ статьѣ о сербскихъ переселенцахъ помѣщено 16 такихъ документовъ. Изъ нихъ грамоты Петра I, Елисаветы П. и Екатерины II уже были напечатаны (см. Милутиновичъ, Кочубинскій и др.), но по сравненіи ихъ съ точными копіями, хранящимися въ архивныхъ дѣлахъ, оказывается, что онѣ напечатаны невполнѣ исправно. Грамоты же Екатерины В., отъ 17 февр. 1788, и Павла I являются здѣсь впервые въ русскомъ изданіи.

Съ 1715 г. черногорскіе владыки стали пріѣзжать въ Россію съ просьбою о помощи, и имъ была назначаема даже постоянная субсидія. Владыка Василій Петровичъ въ послѣдній (третій) свой пріѣздъ въ Россію и скончался въ Петербургѣ въ 1766 году. Съ начала XVIII в. все чаще являются въ Россію и другіе черногорцы и сербы то за пособіемъ, то для поступленія въ русскую службу (Милорадовичи, Зоричи, Ивеличи, Шевичи, Симоничи, Станкевичи и др.). Послѣ русско-турецкой войны 1788—92, турки напали сначала на черногорцевъ, отъ которыхъ понесли полное пораженіе, а потомъ произвели погромъ у герцеговинцевъ. Тогда у герцеговинцевъ, а затѣмъ и у черногорцевъ явилась мысль о массовомъ переселеніи въ Россію. Въ настоящемъ I вып. сообщаются еще неизвѣстныя въ печати документальныя свѣдѣнія объ этихъ дальнихъ балканскихъ переселенцахъ въ Россію.

Въ январѣ 1803 г. герцеговинцы прислали своихъ выборныхъ (сердаря Мину Лазаревича Никшича и оберъ-воеводу Ивана Тіоти) въ Петербургъ ходатайствовать предъ русскимъ правительствомъ о дозволеніи поселиться въ Новорос. краѣ хотя бы 15 семействамъ, съ выдачею имъ пособія на переѣздъ. Любопытны данныя, изложенныя этими выборными въ представленномъ ими русскому правительству прошеніи. Надо замѣтить, что славянскіе переселенцы вообще были менѣе счастливы въ поискахъ русскихъ земель, чѣмъ нѣмецкіе колонисты. Прошеніе это—лѣтопись взаимныхъ отношеній между Россіею и черногорцами и герцеговинцами и, въ частности, ихъ переселенческаго вопроса. Герцеговинскіе ходатаи указывали между прочимъ на то, что въ награду имъ за содѣйствіе («службу») ихъ Россіи въ послѣдней турецкой войнѣ было обѣщано право «переселиться въ Тавриду, дабы наслаждаться преимуществами милостиваго правленія россійскаго», о чемъ они просили еще въ 1794 г. чрезъ архим. Аксентія и того же Тіоти и повторяли свою просьбу въ 1796 г., но В. повелѣніе объ этомъ было отложено до удобнаго

времени. Въ грамотѣ Павла I именно дано согласіе на такое переселеніе и обѣщано «при наступленіи удобнаго къ такому переселенію времени» снабдить русскаго посла въ Вѣнѣ, а также пограничныхъ властей инструкціями относительно переселенцевъ. На заявленіе герц. депутатовъ русск. послу Разумовскому о желаніи 200 герцеговинскихъ семействъ переселиться въ Россію долго не получалось никакого отвѣта, русскій консулъ въ Рагузѣ, Джикъ, не оказалъ при этомъ никакого «вспоможенія» и коллегія иностран. дѣлъ тоже молчала. Лишь спустя четыре года посолъ сообщилъ свой отвѣтъ, что повелѣніе свое имп. Павелъ отмѣнилъ. Теперь имп. Александръ I повелѣлъ министру вн. д. принять всѣ нужныя мѣры для удовлетворенія просьбы герцеговинскихъ ходатаевъ «какъ назначеніемъ мѣста и нужнаго количества земли для поселенія славянъ, такъ и изысканіемъ удобнѣйшихъ способовъ къ доставленію ихъ на тѣ мѣста, и сообразя, сколь великое число семействъ можетъ быть нынѣ переселено и по временамъ переселяемо, донесъ бы о томъ свое мнѣніе Е. В.». Министръ гр. Кочубей въ представленіи своемъ въ комитетъ министровъ высказалъ заключеніе, что хотя многіе пункты прошенія и «не суть соотвѣтственны съ прямымъ положеніемъ вещей (а именно—въ отношеніи могущества народа черногорскаго, никогда въ прошлую войну никого въ почтеніи не удерживавшаго), но, тѣмъ не менѣе, націи, въ областяхъ оттоманскихъ обитающія и съ нами соплеменныя, всегда должны находить покровительство Россійскаго Двора, то въ виду этого, министръ вн. дѣлъ полагалъ: 1) Депутатамъ и семействамъ ихъ отвести по возможности нужныя земли въ Крыму и губ. николаевской и екатеринославской, предоставя имъ принять уже на себя собственно переселеніе свое. 2) Во вниманіе къ тому, что они, депутаты, долгое время находились въ Петербургѣ, выдать имъ по 300 червонцевъ на проѣздъ, обѣщавъ имъ, что всякая семья, которая прибудетъ въ черноморскіе порты, получитъ въ пособіе за путевыя издержки по 20 червонцевъ и будетъ водворена на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ поселяются колонисты, т. е. получитъ ссуду. 3) Всѣ «единовѣрцы ихъ могутъ переселиться въ южныя наши провинціи и получать тамъ всякія поощренія».

Но не скоро нашлись подходящія земли для славян. переселенцевъ. Отысканныя 12 т. д. свободныхъ земель приберегались для менонитовъ, которымъ онѣ были уже обѣщаны; предложенный для этой цѣли участокъ близъ Одессы отданъ подъ поселенія служителей греческаго дивизіона; наконецъ остановились на выборѣ земель въ Ольвіопольскомъ уѣздѣ. Никшичъ, не дождавшись командированнаго для этой цѣли чиновника, уѣхалъ изъ Одессы въ

Тріестъ. Спустя годъ онъ вновь пріѣхалъ, но уже съ 17 герцег. семьями (до 100 чел.). По просьбѣ переселенцевъ, которые, по словамъ херс. губернатора, «носятъ шпаги такой длины, какъ носили во времена Карла В.», выдано отъ казны на семью по 20 червонцевъ, покрыты путевыя издержки, а также было назначено пособіе. Съ самаго начала они не пожелали считаться «колонистами». Никшичъ съ двумя выборными отправился въ Петербургъ ходатайствовать о лучшемъ устройствѣ быта переселенцевъ. Именно Никшичъ просилъ утвердить ихъ въ дворянствѣ, заслуженнымъ родственникамъ дать классные чины, отвести имъ для поселенія 12 т. д. въ Екатеринославской губ. и его самого не оставить безъ награжденія. Здѣсь продолжали смотрѣть на «славяносербскихъ» переселенцевъ какъ на «колонистовъ», хотя въ концѣ концовъ они получили гораздо болѣе, чѣмъ обыкновенно давалось настоящему колонисту. Такъ поселенные «славяносербы» въ Тераспольскомъ уѣздѣ, у Тилигула, на уроч. Балаѣ, получили по 150 д. земли и по 150 р. на каждую изъ 22 семей; Никшичу же 500 д. и 1 т. р. на обзаведеніе. И кормовыхъ денегъ имъ выдавалось больше противъ другихъ колонистовъ. Послѣ смерти Мины Никшича (1808), братъ его, Богданъ, продолжалъ добиваться россійскаго дворянства, утверждая, что Никшичи происходятъ изъ «княжеской фамиліи», и хлопоталъ о прибавкѣ до 9 т. д., но—безуспѣшно. Но вотъ кончились 10 л. колонистскія льготы, и герцеговинцы должны были теперь отбывать земскія повинности, платить казнѣ поземельную подать и погашать полученную ссуду. Но поселенцы, указывая на свое дворянство, отказывались исполнять лежавшія на нихъ обязательства. Въ 1817 г. на нихъ числилось казеннаго долга до 17 т. руб. При взысканіи этой недоимки, герцеговинцы «почитая себя дворянами и чиновными людьми, на неоднократныя требованія отозвались, что, отправивъ въ Петербургъ депутатовъ для исходатайствованія о подтвержденіи благороднаго ихъ права, не примутъ званія колонистскаго, хотя бы то стоило имъ и жизни». Только личное участіе г.-л. Инзова (предс. комитета о колонистахъ) помогло герцег. поселенцамъ выйти изъ затруднительнаго ихъ положенія: въ 1819 г. родъ Никшичей причисленъ къ дворянству рос. имперіи. Такимъ образомъ отъ колонистскихъ повинностей они были освобождены, но за владѣемую ими землю они должны были вносить по 20 коп. съ дес. и уплачивать казенный долгъ. Но Никшичи, скоро достигшіе значительнаго благосостоянія, все еще долго уклонялись отъ платежа сбора за земли (на которыхъ уже завелись и крестьяне) и хлопотали о прибавкѣ ихъ. Не обходилось у нихъ безъ несогласія и междоусобій, и сильные между ними притѣсняли слабѣйшихъ.

Въ 1823 г. поселенцы славяносербск. колоніи перечислены изъ опекунской конторы въ вѣдѣніе херсонскаго губ. правленія.

Одновременно съ герцеговинцами была первая попытка переселенія изъ Черногоріи. Нѣкто Ожеговичъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, съ заявленіемъ желанія 78 семей (до 400 д.) поселиться въ Россіи. Этому посланцу было также объявлено, что черногорскіе переселенцы могутъ получить земли въ Новороссійскомъ краѣ по правиламъ, установленнымъ для колонистовъ. О дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла въ архивѣ нѣтъ свѣдѣній.

Въ 1808 г. уроженецъ Боки Которской, кн. Тановичъ, переселился въ Россію, получивъ 500 д. земли въ славяносербской колоніи и пособіе на обзаведеніе хозяйствомъ.

Въ 1815 г. прибыли въ Россію 16 семействъ (до 90 д.) черногорцевъ, которыхъ было рѣшено водворить въ такъ называемомъ славяносербскомъ участкѣ, предоставляя имъ на выборъ—остаться на положеніи колонистовъ или сдѣлаться военными поселянами «на подобіе казаковъ», такъ какъ именно въ то время предполагалось составить изъ славянскихъ выходцевъ въ Новороссійскомъ краѣ военное поселеніе. Военныя поселенія устраивались здѣсь еще съ 1765 г. изъ переселившихся тогда въ Россію сербовъ, смѣшавшихся впослѣдствіи съ другими жителями этой мѣстности. Послѣдующіе задунайскіе выходцы поселились между Бугомъ и Днѣстромъ и были названы бугскими казаками. Между тѣмъ въ 1815 г. возникъ вопросъ о необходимости упорядочить эту славянскую иммиграцію, въ смыслѣ ея ограниченія (не болѣе 100 или 50 семей въ годъ). Черногорцы въ 1816 г. были водворены сначала среди бугскаго казачьяго войска, а чрезъ годъ—въ славяносербской колоніи особымъ селеніемъ Четыны (Цетинье), на правахъ колонистовъ, и получили по 60 д. земли. Своимъ положеніемъ черногорцы однакожъ были недовольны—просили пособія, начали хлопотать о причисленіи ихъ къ дворянству. Не получая просимаго, они задумали вернуться обратно на родину. Поселенческій комитетъ не удерживалъ ихъ «въ сословіи колонистовъ», такъ какъ они, по его наблюденію, не занимаются хозяйствомъ, не уплачиваютъ податей и, наконецъ, рѣшительно отказываются отъ составленія въ своей колоніи новой народной переписи. Въ 1838 г. четынцы уѣхали въ Черногорію.

Мѣста ихъ заняли нѣмцы-колонисты изъ к. Петерсталь, и колонія Четыны названа Гелененталь. Отъ 20-лѣтняго существованія здѣсь черногорской колоніи не осталось даже географическаго слѣда...

Особенно нынѣ приходится сожалѣть о томъ, что славянскія

переселенія не получили, въ свое время, широкаго развитія, и заселеніемъ свободныхъ земель нашего юга не предупредили наплыва нѣмецкихъ колонистовъ, внесшихъ чужеродные элементы въ жизнь южно-русскаго населенія, распространившихъ штунду и т. п.

Г. Шафрановъ въ своей статьѣ о запорожцахъ сообщаетъ много новыхъ данныхъ о водвореніи ихъ по возвращеніи изъ-за Дуная въ 1828 году.

Послѣ разоренія Запорожской сѣчи на Днѣпрѣ въ 1775 г. часть казаковъ (5 т. ч.) ушла въ Турцію и послѣ разныхъ скитаній поселилась наконецъ въ дельтѣ Дуная. Въ 1828 г., въ началѣ войны Россіи съ Турціей, часть запорожскихъ казаковъ снова вернулась въ свое старое отечество, подъ предводительствомъ кошевого атамана О. М. Гладкаго. Они были поселены на берегу Азовскаго моря вблизи Маріуполя и образовали новое казачье войско—Азовское, просуществовавшее до 1865 года, когда часть его была употреблена для колонизаціи западнаго склона Кавказскаго хребта (около Анапы), и слилась съ своими единоплеменниками черноморцами, а другая часть обращена въ гражданское вѣдомство. Возвращеніе казаковъ въ Россію въ 1828 г.—послѣдній изъ многихъ переходовъ партій запорожцевъ въ Россію и послѣдній фазисъ въ исторіи когда-то знаменитой Запорожской сѣчи на Днѣпрѣ: не стало ея въ Турціи; прекратила, затѣмъ, сѣчь свое бытіе и въ Россіи.

Въ нашей литературѣ о запорожцахъ имѣлось до изданія настоящихъ матеріаловъ мало свѣдѣній. Такъ, не было свѣдѣній ни о предварительныхъ переговорахъ русскаго правительства съ Гладкимъ и казаками, ни о правахъ и привиллегіяхъ, которыхъ просили себѣ запорожскіе казаки, ни о водвореніи ихъ на новыхъ мѣстахъ. Нынѣ въ историческихъ матеріалахъ изъ архива мин-а г. и. (въ обработкѣ г. Шафранова) даются обстоятельныя свѣдѣнія о водвореніи запорожцевъ въ Россіи на правахъ особаго казачьяго войска, о надѣленіи ихъ землями и др. угодіями, о переселеніи къ нимъ малороссійскихъ казаковъ, о присоединеніи цѣлыхъ селеній государственныхъ крестьянъ къ Азовскому войску, о правахъ и привиллегіяхъ, дарованныхъ войску и, наконецъ, объ его упраздненіи. Не достаетъ лишь свѣдѣній о предварительныхъ переговорахъ съ запорожцами до перехода ихъ въ Россію, которыя, надо надѣяться, не замедлятъ появиться въ печати.

Статьи о Кара-Георгіи и сербск. эмигрантахъ мы коснемся въ другомъ мѣстѣ журнала. Остается упомянуть о прославленномъ въ свое время бар. Гакстгаузенѣ, ученомъ путешественникѣ, вздумавшемъ едва-ли не впервые открыть въ Россіи «общину». Появленіемъ своимъ въ Россіи онъ былъ обязанъ господствовавшему еще не-

давно въ извѣстной части нашего общества взгляду, по которому придавалось особенное значеніе въ данномъ вопросѣ о Россіи тому, «что скажетъ Европа». И самъ Гакстгаузенъ вѣрилъ, что его слово о Россіи можетъ возымѣть для ея судебъ не малое значеніе, «при томъ вліяніи, какое имѣютъ мнѣнія иностранцевъ о Россіи на наши политическія отношенія и нашъ кредитъ за границей», какъ писалъ нашъ посланникъ въ Берлинѣ, бар. Мейендорфъ, рекомендовавшій въ 1842 г. Гакстгаузена министру, гр. Киселеву.

Этотъ нѣмецкій ученый сначала занимался между прочимъ изученіемъ крестьянскаго сословія въ германскихъ и славянскихъ земляхъ, а затѣмъ изысканіями о происхожденіи и общественномъ бытѣ славянскихъ народовъ въ Германіи.

Теперь онъ для «довершенія своего труда съ истинною пользою для науки почелъ бы себя счастливымъ, еслибы ему было дозволено заняться продолженіемъ изслѣдованій этого рода и въ самой Россіи—колыбели славянскаго племени». Какъ бы нѣкоторою аттестаціей этого ученаго служила напечатанная имъ въ Берлинѣ статья по поводу указа 1842 г. объ обязанныхъ крестьянахъ.

Не зная Россіи и русскаго языка и понимая, что «внутренняя жизнь русскаго народа до такой степени своеобразна и богата, что о ней никакъ нельзя судить по аналогіи съ другими народами», нѣмецкій ученый надѣялся однако, что его путешествіе дастъ ему возможность «представить вѣрное общее обозрѣніе современнаго состоянія сельско-хозяйственныхъ учрежденій въ Россіи и принесетъ большую пользу разъясненіемъ тѣхъ мѣропріятій, при помощи которыхъ могло бы быть достигнуто постепенное освобожденіе крестьянъ». Но такого его взгляда не раздѣлялъ даже бар. Мейендорфъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ объ ученомъ путешествіи Гакстгаузена былъ разрѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, ему назначено предположенное посланникомъ пособіе въ 1½ т. р., съ условіемъ не дѣлать изъ этого путешествія мѣры правительственной. Впрочемъ самъ Гакстгаузенъ обзавелся рекомендаціей прусскаго короля къ императрицѣ Александрѣ Ѳедоровнѣ.

Неудивительно, что Гакстгаузенъ еще до отъѣзда въ Россію пожелалъ получить хотя бы краткіе отвѣты на рядъ вопросовъ, касавшихся разнообразныхъ сторонъ русской жизни, природы Россіи и т. д. Засуетились наши канцеляріи. По нѣкоторымъ изъ этихъ вопросовъ отвѣтило мин. г. и., съ указаніемъ оффиціальныхъ и печатныхъ источниковъ; по другимъ оно писало начальникамъ губерній. Путешественнику были сообщены отчеты съ обозначеніемъ дѣятельности другихъ министерствъ, записки, мнѣнія и масса оффиціальныхъ и частныхъ изданій, — однимъ словомъ онъ получилъ готовый об-

ширный матеріалъ въ особенности для «всесторонняго изученія современнаго положенія сельскаго населенія имперіи» (онъ увезъ изъ Россіи въ Германію 11 пуд. книгъ и бумагъ). У нѣмецкаго ученаго до того разыгрались разныя вожделѣнія относительно изученія Россіи, что онъ (все еще до изученія ея) даже проектировалъ образовать въ Петербургѣ школу для осуществленія основной задачи его изслѣдованій, разумѣется подъ его наблюденіемъ изъ Берлина. Ученое путешествіе Гакстгаузена по Россіи было обставлено для него большими удобствами. Къ нему былъ прикомандированъ чиновникъ Адеркасъ и добровольно прикомандировался еще кн. Ливенъ. Кромѣ пособія даны прогоны (на 6, а Адеркасу на 3 лошади), назначенъ въ проводники почталіонъ, отъ м-ва в. д. выданъ открытый листъ, а отъ м-ва г. и. рекомендательныя письма къ властямъ. Гакстгаузенъ, въ сопровожденіи и своего секретаря, выѣхалъ изъ Петербурга 28 апр. 1843 г. и ровно черезъ полгода закончилъ свое всестороннее изученіе Россіи, проѣхавъ болѣе 11 тысячъ в. Ученое путешествіе его было такъ быстро, что даже напр. у своихъ земляковъ—нѣм. поселенцевъ на югѣ, въ хортицкомъ менонитскомъ округѣ, пробылъ не болѣе часа.

Для обработки въ Берлинѣ матеріаловъ, собранныхъ Гакстгаузеномъ въ Россіи, ему данъ переводчикъ—чиновникъ особ. пор. мин. г. и.; для этой же цѣли нѣм. ученому разрѣшено взять одного или двухъ помощниковъ изъ обучавшихся въ Берлинѣ студентовъ, трудъ которыхъ оплачивался казною. Насчетъ ея Гакстгаузенъ напечаталъ первые два тома на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ въ 1847 году и въ награду получилъ золотую табакерку, а третій томъ въ 1852 г. Наконецъ въ 1854 г. онъ издалъ соч. «О Закавказскомъ краѣ»; награжденъ бр. перстнемъ. Когда подвели тогда итоги расходовъ на путешествіе Гакстгаузена и на изданіе его сочиненій, то оказалось, что всего было издержано 13,319 р. 23 к.

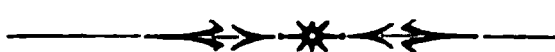
З.

П. Д. Брянцевъ. ПОЛЬСКІЙ МЯТЕЖЪ 1863 ГОДА. ВИЛЬНА. 1892.

Авторъ, издавшій недавно компилятивныя сочиненія свои,— «Исторія Литовскаго государства съ древнѣйшихъ временъ» (В. 1889) и «Очеркъ древней Литвы и Зап. Россіи» (В. 1891), выпустилъ нынѣ новую книгу, заглавіе которой выписано выше. Авторъ расположилъ свой матеріалъ въ трехъ главахъ: I. Возстаніе поляковъ въ Ц. Польскомъ; II. Возстаніе въ Литвѣ и Бѣлорусіи и III. М. Н. Муравьевъ. И здѣсь авторъ ограничился лишь печатнымъ матеріаломъ и далеко не исчерпалъ его не только въ иностранной (которой и не коснулся).

но даже въ русской литературѣ. Но и сгруппированныя въ этомъ сжатомъ очеркѣ фактическія данныя о послѣдней польской смутѣ даютъ рельефную картину политическаго и нравственнаго состоянія польской справы. Послѣ 1831 вплоть до 1860 г. польскіе агитаторы неустанно работали, чтобы вновь поднять возстаніе на западной окраинѣ Россіи, и дѣйствовали большею частью внѣ ея предѣловъ—въ Парижѣ, Краковѣ, Галиціи. До времени ихъ сдерживала грозная политика имп. Николая. Но лишь наступило новое царствованіе Александра II, съ гуманными реформами, поляки все болѣе и болѣе стали вызывающе держать себя по отношенію къ русскому правительству. Дошло до того, что они открыто стали требовать возстановленія конституціи 1815 г. и даже расширенія Ц. П. въ предѣлахъ 1772 г., несмотря на протесты, раздававшіеся изъ Германіи и даже Англіи и, когда наше правительство дало полякамъ болѣе, чѣмъ они желали получить. Стали возникать польскіе агитаціонные кружки не только въ зап. Россіи, но даже въ Петербургѣ и др. городахъ Россіи, затѣмъ различные съѣзды, дѣятельность подпольной печати, открытыя буйныя демонстраціи и наконецъ дѣйствія повстанскихъ бандъ. Печальная лѣтопись, ужасныя картины! Читая лѣтопись мятежа, не хочется вѣрить, чтобы происходило то, что описывается и что дѣйствительно имѣло мѣсто: до такихъ ужасающихъ размѣровъ доходилъ тогда терроръ главарей мятежа. А эти мрачные образы жандармовъ-вѣшателей, кинжалистовъ, во главѣ которыхъ большею частью стояли ксендзы—душа и двигатели польскихъ мятежей! И во что превратили ксендзы свою религію! Въ то же время какими сказочными героями кажутся эти довудцы (предводители) бандъ! Какія уморительно-смѣшныя комедіи разыгрывали эти банды! И весь тогдашній дипломатическій походъ зап. Европы противъ Россіи не имѣлъ ли характера совершенной комедіи! Какими низкими средствами ищутъ поляки-агитаторы осуществленія своего несбыточнаго идеала — отбудованія Рѣчипосполитой и какъ много трудовъ и жизней (въ послѣдній польск. мятежъ погибло до 30 т. ч.) приносятъ въ жертву этого идеала, о которомъ не желаетъ слышать громадное большинство польскаго народа, именно облагодѣтельствованное Россіей крестьянское населеніе Привислянскаго края!

І. Живознаковъ



БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ СЕРБОЛУЖИЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1890 И 1891 ГОДЫ.

Отъ библіографіи серболужицкой письменности читатель не можетъ ожидать длиннаго перечня большихъ произведеній, какъ въ литературахъ другихъ славянскихъ народовъ. Серболужицкое племя, потомокъ нѣкогда великой и могущественной вѣтви славянъ полабскихъ,—одно изъ самыхъ незначительныхъ по числу племенъ Европы, и произведенія его мысли скудны по количеству. Но несмотря на то, что это племя насчитываетъ не болѣе 185 тыс. душъ, что оно въ большинствѣ занимается земледѣліемъ и состоитъ въ значительной части изъ бѣдныхъ сельскихъ жителей, несмотря на то, что оно разъединено какъ въ отношеніи язычномъ, такъ и въ церковномъ и политическомъ, однако ежегодныя пріобрѣтенія серболужицкой литературы значительно больше, чѣмъ у нѣкоторыхъ другихъ, даже болѣе многочисленныхъ народцевъ Европы. Это обстоятельство даже заставило одного извѣстнѣйшаго, въ настоящее время уже покойнаго, славянскаго писателя и поэта съ удивленіемъ отнестись къ этому племени и воскликнуть: «E pur si muove!» Этотъ человѣкъ настолько былъ тронутъ скромной и безкорыстной дѣятельностью серболужицкихъ патріотовъ, что пожертвовалъ значительную сумму денегъ, съ условіемъ чтобы проценты съ этой суммы выдавались ежегодно въ видѣ почетной преміи тому изъ сербскихъ студентовъ, кто втеченіе этого года окажетъ лучшіе успѣхи въ изученіи и письменномъ примѣненіи родного языка. Эта великодушная стипендія оказала уже втеченіе 10 л. весьма благотворное вліяніе на занятія верхнелужицкой молодежи, и еслибы стремленія лужицкихъ сербовъ къ поддержанію и развитію ихъ родного языка могли найти заслуженную поддержку, серболужицкая литература безъ сомнѣнія въ скоромъ времени развилась бы еще шире на славу всего славянскаго племени. Особенно желательно было бы поддерживать отдѣльныхъ писателей, находящихся въ тяжелыхъ матеріальныхъ условіяхъ, и тѣ литературныя общества, во главѣ которыхъ стоитъ «Сербская Матица» въ Будишинѣ съ ея нижнелужицкимъ отдѣленіемъ въ Хотѣбузѣ. Такая поддержка могла бы выражаться во вступленіи въ это общество инославянскихъ членовъ, въ покупкѣ научныхъ его изданій, предназначенныхъ не исключительно только для серболужицкаго племени, и путемъ пожертвованій на постройку серболужицкаго «Народнаго дома» въ Будишинѣ. Кромѣ упомянутой нами «Матицы сербской» въ распространеніи среди народа образовательныхъ и поучительныхъ произведеній принимаютъ весьма дѣятельное участіе и оба церковныя общества: «Serb. luther. knihow. To-

vaŕstwo» и Serb. kathol. knih. Tovaŕstwo». Большинство серболужицкихъ книгъ печатается въ Будишинѣ, столицѣ верхнихъ лужичанъ, а именно въ типографіи Марка Смоляра, сына умершаго въ 1884 г. извѣстнаго патріота Смоляра, и во-вторыхъ, въ типографіи І. Э. Монзе; затѣмъ много книгъ, почти исключительно на нижнелужицкомъ нарѣчіи печатается въ Hogerswerda (Wojerecy), въ провинціальномъ верхнелужицкомъ бранденбургскомъ городкѣ, въ типографіи Оскара Гентшеля; меньше всего однако въ нижнелужицкой столицѣ Хотѣбузѣ, гдѣ вообще нѣтъ ни одной серболужицкой типографіи.

Въ нижеслѣдующемъ перечнѣ я представилъ въ возможной полнотѣ всѣ литературныя произведенія лужицкихъ сербовъ за послѣдніе два года (1890 и 1891 гг.), не только большія изданія и книги, но также и маленькія брошюры и періодическія изданія, съ краткими замѣтками и изложеніемъ содержанія или же со ссылками на рецензіи объ этихъ книгахъ. По моему мнѣнію, для того чтобы представить себѣ полную картину духовной жизни и дѣятельности такого маленькаго народца, какъ лужицкіе сербы, необходимо собрать и описать по возможности все, чтó появилось въ литературѣ этого народа. Въ послѣдніе два года оригинальныхъ серболужицкихъ книгъ было напечатано дѣйствительно менѣе, чѣмъ въ иные предшествовавшіе годы. Это явленіе объясняется тѣмъ, что сербскіе патріоты, занимавшіеся прежде литературной дѣятельностью, теперь почти всѣ свои силы и стремленія направили въ другія двѣ стороны, а именно: 1) на основаніе и развитіе національныхъ серболужицкихъ обществъ и товариществъ среди сербскаго крестьянства, на поддержаніе и развитіе ихъ сословія и поземельныхъ владѣній и 2) на устройство двухъ большихъ общихъ серболужицкихъ музыкальныхъ празднествъ въ Будишинѣ осенью 1890 и 1891 гг., поглотившихъ весьма много времени и средствъ. Другимъ слѣдствіемъ этой дѣятельности было то, что въ серболужицкихъ періодическихъ изданіяхъ за эти годы проявилась и отразилась очень бойкая національная жизнь, такъ что въ это время возникли даже новые важные для народа журналы. Это обстоятельство не можетъ быть пройдено молчаніемъ при обозрѣніи серболужицкой письменности за эти 2 года. Наконецъ, и заботы о собираніи средствъ на постройку серболужицкаго Народнаго дома въ Будишинѣ, конечно текущихъ весьма скудно, поглотили весьма значительную часть трудовъ представителей «Сербской Матицы». При перечисленіи литературныхъ произведеній лужицкихъ сербовъ за 1890 и 1891 гг. я отдѣлилъ произведенія верхнелужицкой письменности отъ произведеній нижнелужицкихъ, причемъ свѣтскую письменность я отдѣлилъ отъ духовной и выдѣлилъ періодическія изданія, какъ важнѣйшее проявленіе духовной жизни лужицкихъ

сербовъ, въ особую рубрику. По желанію уважаемой редакціи, я наконецъ собралъ не только въ серболужицкихъ, но и въ другихъ славянскихъ и нѣмецкихъ періодическихъ изданіяхъ статьи, относящіяся къ литературѣ, этнографіи, національности и языку лужицкихъ сербовъ, насколько все это было возможно, и вкратцѣ оцѣнилъ ихъ.

А. Верхнелужицкія книги и статьи.

I. **Свѣтская письменность.** а) Проза. 1) Wobydlenje Łužiskich Serbow. Napisał Adolf Černý (отдѣльный оттискъ изъ «Časopisa Maćicy Serbskeje») B. Z nakladom Maćicy Serbskeje. 1890. 38 стр. Цѣна 1 мк. Эта обстоятельная и весьма интересная монографія, основанная на личныхъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ автора, снабжена 26 рисунками типовъ построекъ и т. п. Рецензія о ней: Łužica 1890, стр. 24. 2) Ahasverus. Rjana historija wěčneho žida. Wobdźěłał A. Lapsyk. We Wojerecach. 1890. 3) Bojomir abo zawjedźenje křesćijanstwa we Łužicach. Powěsć za lud a dorosćenu młodźinu. Spisał Chociszewski, zeserbšćił A. Žemr-Budyšinski. 1890. Стр. 82. Ц. 25 пф. Весьма интересный и любимый народомъ разсказъ. 4) Bitwa pola Budyšina (1813). Powědančko serbskemu ludu poskićił Jan Radyserb (Wjela). Maćičnych spisow čisło 87. 1891. 134 стр. 50 пф. Этотъ оригинальный разсказъ изъ жизни лужицкихъ сербовъ, содержаніе котораго относится къ извѣстной битвѣ при Будишинѣ, отличается, какъ и всѣ прочіе народные разсказы того же автора*, замѣчательно правдивымъ изображеніемъ жизни лужицкихъ сербовъ, живыми и поэтическими образами и оригинальнымъ народнымъ языкомъ. 5) Předźenak. Protyka (календарь) za Serbow na lěto 1890. Redactor Jan Křižan. B. Z nakł. M. Serb. Со многими иллюстраціями. 40 стр. Ц. 25 пф. Изданіе въ количествѣ 5 т. экз. 6) Krajan Katholska protyka na lěto 1890 (календарь для сербовъ католиковъ). Red. Filip Rězak. B. Z nakładom tow. ss. Cyrilla a Methodija. 40 стр. Ц. 25 пф. Въ количествѣ 3 т. экз. 7) Předźenak. Protyka za Serbow na lěto 1891. Red. Jan Křižan. B. Z nakł. M. Serb. Со многими иллюстраціями и популярными статьями. 40 стр. Ц. 25 пф. 6000 экз. 8) Krajan. Katholska protyka za Hornju Łužicu na lěto 1891. Годъ 24-й. Red. F. Rězak. B. Z nakl. tow. ss. Cyrilla a Methodija.

---

* Назовемъ ихъ: 1) Křiž a połměsac abo Turkojo před Winom w lěće 1683. 1863. 2) Trójniki. Zběrka powědančkow. 1885. 3) Nadpad pola Bukec 1758. Z wobrazom. Druhi wudawk. 1888. 4) Jan Manja abo Hdźe statok mój? Powědančko ze serbskich stawiznow. 1889.

40 стр. Ц. 25 пф. 3 тыс. экз. *. 9) Wustawki «Towaŕstwa serbskich Burow» (Уставъ союза сербскаго крестьянства). B. 1890. 10) Prašenja. K rucy zběraćelam bajkow, powěsći, přiwěrkow a druhih ludowych wěcow. Wudał Ad. Černý. B. 1891 10 стр. Вопросы и программа для серболужицкихъ фольклористовъ.

b) Поэзія. 1) Serbska knihownja (Сербская библіотека). Wudawa A. Černý. Čisło II: Přiroda a wutroba (природа и сердце). Pěsnje Jakuba Ćišinskeho. B. 81 стр. 80 пф. Этотъ сборникъ заключаетъ въ себѣ 46 оригинальныхъ стихотвореній Я. Барта, безспорно даровитѣйшаго и плодовитѣйшаго изъ современныхъ серболужицкихъ поэтовъ, который подъ именемъ Цишинскаго печатаетъ свои произведенія частію въ журналахъ, частію въ видѣ отдѣльныхъ сборниковъ. До настоящаго времени, кромѣ упомянутаго сборника, онъ издалъ еще два болѣе значительныхъ собранія: a) Kniha sonettow. B. 1884, стр. 67. Заключаетъ въ себѣ 44 оригинальныхъ патріотическихъ сонета, исполненныхъ поэтическаго вдохновенія и 7 переводныхъ изъ Петрарки, Шекспира, Мицкевича, Коллара и Врхлицкаго. Рецензія—въ Łužica. 1884, стр. 51 и сл. Ц. 1 мк., b) Formy. Basnje Jakuba Ćišinskeho. B. 1888, 160 стр. Заключаетъ 99 оригинальныхъ стихотвореній (баллады, романсы, сонеты, сестины, канцоны, мадригалы, тріолеты, рондо, газели, эпистолы, сатиры, эпиграммы). Сюжеты этихъ произведеній по большей части родные, національные. Рецензіи: въ Łužica 1889, стр. 7 и сл. и въ Hlásѣ Naroda, 4 listopad, 1884 (Я. Врхлицкаго). Ц. 25 мк. c) Na Hrodźišću (На городищѣ). Činohra w pjećich jednanjah (Драма въ пяти дѣйствіяхъ). B. 1880. Ц. 50 пф. Сюжетъ заимствованъ изъ эпохи борьбы лужицкихъ сербовъ съ нѣмцами за независимость. Я. Врхлицкій, извѣстный чешскій поэтъ, говоритъ о Цишинскомъ между прочимъ слѣдующее: «Цишинскій въ своихъ произведеніяхъ является прежде всего глубокомыслящимъ и нѣжно чувствующимъ человѣкомъ и пламеннымъ патріотомъ, въ общемъ же онъ вполнѣ выработавшійся поэтъ. Его жизненная философія отличается оптимизмомъ, и поэтому его взглядъ на міръ Божій свѣтелъ, ясенъ и полонъ упованій». 2) Spěwna radosć. Zběrka šulskich spěwow. Druhi wudawk. B. 1891. Maćičnych spisow čisło 70. Содержитъ переводъ 94 нѣмецкихъ и 25 сербскихъ оригинальныхъ пѣсенъ H. Zejlér'а и другихъ поэтовъ съ музыкой по большей части національ-

* Эти календари имѣютъ національное значеніе. Для нижнелужицкихъ сербовъ въ промежутокъ времени съ 1880 по 1890 г. 5 лѣтъ издавался народный календарь, но къ сожалѣнію это прекрасное предпріятіе прекратилось.

наго сербскаго композитора кантора К. А. Kocora (Коцура). Оригинальныя пѣсни отчасти патріотическаго содержанія. Переводъ съ нѣмецкаго сдѣланъ весьма искусно Андреемъ Цейлеромъ, Фидлеромъ и другими. Рецензія: журналъ Łužica 1891, страница 31. Prèni wènc spèwow za serbsku młodosć. Druhi wudawk. B., 1891, 48 стр. 10 пф. Сборникъ 38 любимыхъ лужицкихъ пѣсенъ, отчаст- народныхъ, отчасти новѣйшихъ поэтовъ, составленный М. Смоляряромъ. Онъ же издалъ два другихъ подобныхъ сборника, а именно въ 1885 г.: Druhi wènc spěwow (на 48 стр.—38 пѣсенъ, ц. 10 пф.) и въ 1888 г. Třeći wènc spèwow (на 48 стр. 38 пѣсенъ; ц. 10 пф.) Эти сборники весьма популярны въ народѣ. 4) Nazyma. Lyriska pèseń H. Zejlerja, do hudźby zestajana wot K. A. Kocora. Spěwana 1 oktobra 1890 w B. Съ нѣмецкимъ стихотворнымъ переводомъ кантора Э. Пекаря (Pjekař). 22 стр. 5) Zyma. Lyriska pèseń H. Zejlerja, do hudźby zestajana wot K. A. Kocora. Spěwana 30 septembra 1891 w B. Съ нѣмецкимъ метрическимъ переводомъ кантора Э. Пекаря. 20 стр. 20 пф. *. 6) Hońtwa za mužom. Wjeselohra w 2 jednanjomaj wot Michała Bałuckeho. Z polšćiny za dźiwadło serbskich studentow přełožił A. Muka. Отдѣльный оттискъ изъ «Łužicy» 1891 **. Въ ближайшемъ будущемъ долженъ выйти въ свѣтъ 4-й и послѣдній томъ собранія поэтическихъ произведеній самаго выдающагося серболужицкаго національнаго поэта А. Цейлера подъ заглавіемъ: H. Zejlerja zhromadźene spisy. Zrjadował a wudał dr. E. Muka. Первый томъ, вышедшій въ 1883 г., заключаетъ стихотворенія и пѣсни (Basnje a pěsnje 1), съ портретомъ автора; 2-й т., вышедшій тоже въ 1883 г. содержитъ большія произведенія и 3-й, вышедшій въ 1888 г., сти-

---

* Эти отдѣльные оттиски (4 и 5) двухъ извѣстныхъ лирическихъ пѣсень А. Цейлера служили текстомъ на обоихъ сербскихъ музыкальныхъ праздникахъ въ 1890 и 1891 гг. и были переведены въ стихотворной формѣ на нѣмецкій языкъ для возможныхъ слушателей-нѣмцевъ. Сербскія музыкальныя празднества въ Будишинѣ служатъ весьма важнымъ проявленіемъ національной жизни сербовъ. К. А. Коцуръ извѣстный и весьма даровитый національный серболужицкій композиторъ, которому принадлежитъ много выдающихся произведеній, изъ которыхъ перечислены въ «Лужицѣ» 1889 г. (стр. 62) произведенія, написанныя имъ до 1889 г.

** Это 7-й вып. сборника серболужицкихъ произведеній для сцены, издаваемаго А. Мукой. Кромѣ того издателемъ были обработаны для сцены: 1) Naukowe škrónje. 2) Pražski wuj. 3) Winy wosud. Затѣмъ Я. Бартомъ: 4) Incognito (съ чешскаго). 5) Stary serb. Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. 6) Telegram. Въ рукописяхъ существуютъ еще и разныя другія передѣлки на серболужицкомъ нарѣчіи. По недостатку средствъ онѣ не могли быть до сихъ поръ напечатаны въ этомъ собраніи.

хотворенія (pěsnje II). Цѣна каждому тому 4 мк. Рецензіи въ «Лужицѣ» 1883, стр. 89; 1884, стр. 20; 1888 стр. 87.

II. Книги религіознаго содержанія. 1) Nowy Zakoń. Do hornjoserbšćiny po rjedźe Vulgaty přełožištaj Jurij Lusčanski a M. Hórnik. Z dowolnosću duchowneje wyšnosće. B. Z pomocu tow. ss., Cyrilla a Methodija. 1890, zešiwk III (3-й вып. до 3-й гл. посланія къ Коринѳянамъ). Вып. I-й вышелъ въ 1887 и вып. II-й въ 1888 г. Ц. выпуску 1 мк. 50 пф. Это классическій во всѣхъ отношеніяхъ переводъ Новаго завѣта, которымъ М. Горникъ, каноникъ собора св. Петра въ Будишинѣ, оказалъ незабвенную услугу въ дѣлѣ выработки серболужицкаго языка. 2) Biblijske stawizny Stareho a Noweho testamenta. Za ruku šulskich dźěći zestajal šulski radźićel dr. Wild a na serbski přełožił kantor J. Bartko. Wudawk B za delny a srjedźanski skhodźeńk. B. 1880. Z nakł. M. Serb. 317 стр. 3) Biblijske stawizny Stareho a Noweho testamenta. Za ruku žulskich dźěći zestajal šulski radźićel dr. Wilda na serbski přełozil J. E. Matejk, Horny skhodźeńk. B. 1890. 4) Biblijske stawizny staroho a nowoho zakonja. Po zrjadowanju dr. J. Schustera a G. Meya serbscy wudał M. Hórnik. Ze 100 wobvazkami a třomi kartkami. B. 1891. Эти библейскіе разсказы изъ в. и н. завѣта въ обработкѣ каноника М. Горника составляютъ книгу во всѣхъ отношеніяхъ выдающуюся, почему она и получила широкое распространеніе въ католическихъ школахъ В. Лужицы. Выборъ изъ библіи сдѣланъ съ большой осмотрительностью и пониманіемъ; языкъ чистый, хорошій и образцово-правильный. Рецензія въ «Лужицѣ» 1891, стр. 7. 5) Pobožnu wosadnik. Modlitwy a kěrluše za katholskich Serbow. Zrjadował a wudał M. Hórnik. B. 6) Różowa zahroda. Stawizny ze žiwjenja swjatych dźěci. Pěknym serbskim dźěćom spisał M. Bjedrich. 123 стр. Прелестные разсказы, написанные въ высокомъ поэтически-наивномъ стилѣ. 7) Wšědny Boži Khlěb na cyłe lěto. Kniha za kóždźićki křesćijanski dom. Po přikładźe H. Becka wobdźěłał Å. Sykora, B. 1890. Z nakł. serb. luther. knih. towařstwa. 902 стр. 6 Mk. Это молитвословъ съ благочестивыми размышленіями на каждый день года. Языкъ плавный, правильный, приспособленный къ пониманію поселянъ. Это—прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ книга, сразу получившая широкое распространеніе въ народѣ. Изъ подъ пера этого плодовитаго писателя для сербскаго народа вышли уже раньше многія прекрасныя и обширныя религіозныя книги. 8) Biblijksi pućnik na wšitke dny lěta 1890. Zestajany wot H. Matejka. Wudaty wot serb. luther. knih. towařstwa. B. 1890. 9) Biblijski pućnik na wšitke dny lěta 1891. Zestajany wot dra. M. Renča, Wudaty wot serb. luth. knih. towařstwa. 29 lětnik. Towařst. spisow. čisło 96. 156. стр. 10) Pastyŕski list biskopa F. Bernerta na lěto 1890. Přełožił J. Skala. B. 11) Pas-

tyłski list biskopa d-ra L. Wahla na lěto 1891. Přełožił J. Skala. B. 12) Jan Michał Budaŕ, dobroćel Serbow (Иванъ-Михаилъ Бударь, благодѣтель сербовъ). Dopomnjeńki ze swjedźenja znuitřkowneho missionstwa w Budystečanskim Božim domje na 100-lětnym pohrjebnym dnju njeho J. M. Budarja. Podał H. Jmiš. B. 2 изданія въ количествѣ 6 т. экз. каждое въ 1889 г. и въ 1890 г. 13) Три статьи свящ. д-ра Селла въ Кребѣ (Krjeba): a) Hora Modimolle; b) Zełharni profetojo Kafferskeho kraja; c) Krótke rozwučenje wo domjacej Božej słužbje. Всѣ три напечатаны въ 1890 въ Будишинѣ.

B. Нижнелужицкія книги и статьи.

На нижнелужицкомъ нарѣчіи въ истекшіе два года вышли, насколько намъ извѣстно, только 2 книги и 2 брошюры, не считая періодическихъ изданій. 1) Kejžora Wylema I žywjenje a statki (Жизнь и дѣянія императора Вильгельма I). Kralowěrnemu serbskemu ludoju hulicowane wót Tešnarja (Тешнарь). Z nakl. wótrěda Maśice Serbskeje. Wórejce. 98 стр., съ изображеніями трехъ послѣднихъ германскихъ императоровъ. 2) Kopa snopow. To jo 60 rědnych hulicowanjow za młodych a starych Prjedna pěsnastka wót M. Rěže, druga wót K. Šwjele, tśeśa a stwórta wót H. Jordana, Towaŕstwowych knigłow liebnik 18. Šišćane we Wórejcach pla O. Hentschela, 1891. 60 изящныхъ разсказовъ для молодежи и стариковъ. Первые 15 разсказовъ написалъ М. Рѣжа, слѣдующіе 15—К. Швела, остальные Г. Іорданъ. Напечатано въ Ворейцахъ (Hogerswerda). 3) Na šesty maj 1890. Nalětna basnicka (6 мая 1890 г. Весенняя пѣсня). Spisał Emil Frommel. Do serbskeje rěcy pśestawił P. Broniš w Chośebuzu. We Wórejcach. 1890. 8 стр. 4) Prjene źaseś lět «Maśice Serbskeje» we Dolnej Łužyce. Hopisane wót H. Jordana. Towaŕstwowych knigłow liebnik 19. Šišćane we Wórejcach pla O. Hentschela. 1891. (Первыя десять лѣтъ «Сербской Матицы» въ Нижней Лужицѣ). 16 стр. Изъ этого очерка видно, что нижнелужицкое отдѣленіе «Сербской Матицы» втеченіе первыхъ десяти лѣтъ своего существованія по мѣрѣ силъ проявляло свою дѣятельность. 5) Въ скоромъ времени долженъ выйти на нижнелужицкомъ нарѣчіи любимѣйшій народный разсказъ: Robinson (на верхнелужицкомъ нарѣчіи, обработанный К. Кульманомъ. 2 изд. 1886. 146 стр.), въ обработкѣ Г. Брониша.

C. Лужицкія періодическія изданія.

1) Научные журналы. Časopis Maćicy Serbskeje. Redaktor M. Hórnik, předsyda M. S. Выходитъ въ Будишинѣ иждивеніемъ «Серб-

ской Матицы». Въ комиссіи у Э. Риля. Ежегодно выходитъ 2 выпуска. Ц. 3 мк. a) 1890 годъ, выпускъ 1-й (№ 89 всего изданія). Содержаніе: Mythiske bytosće łužiskich Serbow. I dźěl. Napisał Ad. Černý.—Serbske pžisłowa a hrónčka. Wot J. Wjele.—Wućahi z protokollow M. S.—Zličbowanje M. S. w 43 lěće (1889).—Pokładnica Maćićneho domu.—Wosebite fondy při M. S.—Přinoški sobustawow M. S. (1889). — Dary za dom M. S. — Zličbowanje wo domn Maćicy Serbskeje.—Zapis wudatych knihow M. Serbskeje.

b) 1890 годъ, вып. 2-й (№ 82 всего изданія). Содержаніе: Wo stopnjowanju samohłosowkow w Serbšćinje. (О подъемѣ гласныхъ въ сербскомъ языкѣ). Spisał Dr. E. Muka.—Wo předłožkach w serbšćinje (о предлогахъ въ сербскомъ яз.) Spisał Dr. E. Muka.—Frenceliana VII. Podawa Dr. E. Muka.—Frenceliana VIII. Podawa Dr. E. Muka.—Prěni serbskokatholski katechismus. Wopisał M. Hórnik.—Prěnje serbskokatholske kěrluše.. Podał M. Hornik. *). c) 1891 годъ, выпускъ 1-й (№ 83). Содержаніе: Mythiske bytosće łužiskich Serbow. II. dźěl. Napisał A. Černý.—Sto přisłowow. Wot Jana Wjele.—Hdźe pišemy jotowane pismiki? Rozestajił M. Hornik.—Rozprawy a zličbowanja.

II. Журналы беллетристическіе. 2) Łužica (Лужица). Měsačnik za zabawu a powučenje. Zhromadny časopis hornjo — a delnjołužiskich Serbow. Organ serbskich towařstwow. Zamołwity redaktor a wudawař: dr. phil. Ernst Muka w Freibergu (Саксонія). Administrator: 1890 г. A. Sommer, 1891 г. Herman Lětnik 9 (1890) a 10 (1891). «Лужица» выходитъ въ половинѣ каждаго мѣсяца, въ объемѣ одного листа, въ Будишинѣ. Подписная цѣна на годъ 2 рубля. Этотъ весьма важный въ дѣлѣ сербскаго языка и національности органъ заслуживаетъ также и за предѣлами Лужицы большаго вниманія и поддержки, чѣмъ это замѣчалось до сихъ поръ.

III. Газеты для верхнихъ и нижнихъ лужичанъ. 3) Serbske Nowiny. Годъ 49 (1890) и 50 (1891). Politiski a narodohospodařski časopis za hornjołužiskich Serbow. Zamołwity redaktor a wudawař: Smoleř w Budyšinje. Выходитъ по субботамъ въ объемѣ 1—2 листовъ in 4°. Издается въ количествѣ 6 тысячъ экз. Подписная цѣна на три мѣсяца 80 пф., съ пересылкой въ Германіи 1 мк. 4) Serbski Hospodař (Сербскій Хозяинъ). Časopis serbskich ratarjow. Redaktor G. Kubaš.

*) Frenceliana VII и VIII составляютъ окончаніе цѣлаго ряда статей того же автора въ Časopis'ѣ (годы (1880—1882) о знаменитомъ верхнелужицкомъ историографѣ А. Френцелѣ (Бранцелѣ), род. 19 ноября 1656 г. въ Козлѣ (Kózle) и ум. 15 апр. 1740 г. Онъ писалъ, къ сожалѣнію на нѣмецкомъ языкѣ, по исторіи, этнографіи, географіи и языку лужицкихъ сербовъ и оставилъ 37 большихъ рукописныхъ фоліантовъ.

Wudawař M. Smoleř w Budyšinje. Выходитъ дважды въ мѣсяцъ (въ первую и третью субботу). Подписная цѣна на годъ только 1 мк.— Годъ 10-й и 11-й (1891). Этотъ прекрасно редактируемый сельскохозяйственный журналъ имѣетъ огромное вліяніе на солидарность серболужицкихъ сельскихъ хозяевъ, на матеріальное и нравственное развитіе ихъ и на привязанность ихъ къ родинѣ и родному языку.

IV. Духовныя газеты для народа. 5) Katholski posoł. Ludowy časopis. Wudawany wot tomařstwa SS. Cyrilla a Methodija w Budyšinje. Redaktor J. Skala. Выходитъ дважды въ мѣсяцъ (въ первую и третью субботу), въ объемѣ 1—1½ листа in gr. 8°. Годовая цѣна съ пересылкой въ Германіи 2 мк. Годъ 28 (1890) и 19 (1891). Этотъ весьма умѣло редактируемый журналъ широко распространенъ среди католическаго населенія В. Лужицы и безъ сомнѣнія имѣетъ большое вліяніе на религіозныя и нравственныя его чувства и воззрѣнія. 6) Missionski Posoł (za evangelskich serbow). Serbski časopis z Božeho kralestwa domach a wonkach Zamołwity wudawař M. Domašk Sobuwudawař Krygař. Ежемѣсячно выходитъ одинъ выпускъ въ 16 стр.; журналъ весьма распространенъ среди сербовъ-протестантовъ въ Верхней Лужицѣ. Цѣна годовому изданію только 60 пфениговъ, съ пересылкой 1 марка. Годъ 37 (1890) и 38 (1891). 7) Missionski přečel. Powěsće z pola Barlinskeho Missionskeho Towařstwa. W. B. Redaktor J. Dobrucký. Этотъ миссіонерскій листокъ, выходящій по четвертямъ года въ объемѣ 32—48 стр. in gr. 8°, служитъ цѣлямъ берлинскаго миссіонерскаго общества и предназначенъ прежде всего для сербовъ верхнелужицкихъ въ Пруссіи. Онъ основанъ въ 1890 г. и втеченіе 1891 года издавался въ количествѣ 1200 экз. 8) Pomhaj Bóh! Serbske njedželske łopjeno. W. B. Zamołwity redaktor Dr. F. Sella; soburedaktoraj Lenik-Genč a Gólč. Этотъ листокъ посвященъ внутренней миссіонерской дѣятельности среди лужицкихъ сербовъ и былъ основанъ въ 1891 г. свящ. Селлой съ цѣлью противодѣйствовать распространенію нѣмецкаго воскреснаго листка во многихъ сербскихъ приходахъ. Выходитъ каждое воскресенье въ 4 стр. объемомъ, in gr. 4°, и стоитъ въ годъ 1 mk. 60 pf. Листокъ этотъ издается съ большимъ умѣньемъ и ведетъ энергично борьбу съ соціалистическими идеями, которыя собственно и не могутъ найти среди сербовъ никакой почвы: патріархальный образъ жизни и языкъ охраняютъ лужицкихъ сербовъ отъ этихъ заблужденій.

V. Нижнелужицкія газеты. 9) Bramborski Casnik. Serbske nowiny za politiku a pohucenje we hokrejsach Chóśebuza, Kalawy a Grodka. Nakładař a zastupny redaktor C. W W. Šwjela, Lètnik 43 (1890), 44 (1891).

Эта единственная нижнелужицкая газета, существующая уже 44 г., выходитъ еженедѣльно по четвергамъ и стоитъ въ годъ 4 Mk. Изданіе ея ведется въ чистонародномъ духѣ, и заслуги ея въ дѣлѣ поддержки сербскаго языка и обычаевъ въ Н. Лужицѣ весьма велики. 10) Serbcka hutšoba. Serbski zabawny tyźennik, wósebnje za našu lubu młózinu. Redaktor G. Broniš. Это еженедѣльное изданіе, посвященное въ особенности развлеченію нижнелужицкой подрастающей молодежи, было основано 3 окт. 1890 г., какъ самостоятельное прибавленіе къ «Брамборгскому часнику» и высылалось его подписчикамъ за 38 пф. втеченіе трехъ мѣсяцевъ, но послѣ выхода 12 номеровъ, въ концѣ 1890 г., изданіе вслѣдствіе недостатка подписчиковъ прекратилось, о чемъ слѣдуетъ пожалѣть, такъ какъ молодой его руководитель проявилъ много таланта.

D. Нѣмецкія и славянскія изданія и статьи, посвященныя лужицкимъ сербамъ и серболужицкому языку.

I. Цѣлыя книги и изданія. a) На славянскихъ языкахъ. 1) На чешскомъ языкѣ вышли: Łužické obrázky od A. Černého. V Praze 1890; составляютъ 49-й т., издаваемой книгопродавцемъ Ф. Шимачковъ «Kabinetní knihowna». Цѣна 50 коп. Этотъ томикъ содержитъ, всего на 154 стр. in 12°, 10 блестящихъ и въ высшей степени привлекательныхъ картинъ природы и жизни лужицкихъ сербовъ, а также собственныхъ похожденій автора среди лужицкихъ сербовъ. Разсказы эти встрѣчены были съ большимъ сочувствіемъ и въ скоромъ времени должны выйти въ переводѣ на верхнелужицкое нарѣчіе въ «Serbska knihownja»; два изъ этихъ разсказовъ были напечатаны на русскомъ языкѣ въ переводѣ А. Д. Погодина («Старички» и «Колокола») въ ноябр. кн. «Русскаго Вѣстника» за 1891 г. Рецензія, между прочимъ, въ «Łužica» 1890, стр. 87.

b) На нѣмецкомъ языкѣ. 2) Historische und vergleichende Laut und Formenlehre der niedersorbischen (niederlausitzischerbischen) Sprache. Mit besonderer Berücksichtigung der Grenzdialekte und des Obersorbischen. Von D. K. E. Mucke (serb. Muka). Сочиненіе увѣнчанное преміей. Leipzig, bei Hirzel. 1891. XVIII. u. 615 стр. Цѣна 20 мк. Тоже подъ заглавіемъ: «Preisschriften der Fürstlich Jablonowskischen Gesellschaft zu Leipzig. № XVIII der historisch-nationalökonomischen Section. До сихъ поръ рецензіи: въ «Łužica» 1891, стр. 87 сл. «Narodní Listy», příloha k číslu 195 ze dne 18 července 1891. Чешскій «Athenaeum», ročn IX. č. 2 (15 listopadu 1891), стр. 55 сл. «Wisła» 1891 (tom V), zeszyt 3, стр. 659—660. «Literarisches Centralblatt» 1891, № 34. «Anzeiger für indogerm.

Sprache und Alterthumskunde 1892, № 1, стр. 33. «Slovanski Svet». (v Trstu) 1891, № 23, стр. 376. 3) Morkusko. Ein romantischer Sang vom Spreewald. Von E. Müller. Berlin 1891. Buchhandl. der Deutscheu Lehrer Zeitung. 10 пѣсней на 128 стр. in gr. 8°. Эпическое произведеніе изъ эпохи послѣдняго сербскаго короля въ Блотахъ (Шреевальдѣ). Главныя дѣйствующія лица Morkusko, сынъ лужицкаго князя изъ Згорѣльца (Zhorjelc, Görlitz) и Trudeska дочь послѣдняго лужицкаго короля. Рецензія въ «Łužica» 1891, стр. 47. 4) Die slavischen Orts-und Flurnamen der Oberlausitz. Gesammelt und erklärt von Paul Kühnel. I Heft Leipzig 1891. Стр. 53 Ц. 1 мк. Рецензія въ «Łužica» 1891, стр. 68. 5) Въ 1891 г. находилась въ печати и вскорѣ должна выйти: Eine praktische Oberlausitzisch-serbische Grammatik mit Uebungssätzen und Wörterverzeichniss von G. Kral. Будишинъ.

II. Отдѣльныя статьи въ книгахъ и журналахъ. а) Въ русскихъ журналахъ. 6) Благовѣстъ 1890. Статьи: А. Г. Сахаровой «Годичное собраніе общества серболужицкихъ студентовъ», «Картинки изъ жизни лужичанъ». Ад. Чернаго. Ср. Łužica 1891, стр. 31 сл. и Крестьянскія общества у сербовъ-лужичанъ. Н. Филиппова. 7) Живая Старина (подъ ред. В. И. Ламанскаго) 1890 г., вып. I: Путевыя письма и замѣтки Срезневскаго о сербахъ-лужичанахъ. Вып. II: a) Сербо-Лужицкій народный календарь (изъ бумагъ И. И. Срезневскаго); b) Сербо-Лужицкія народныя повѣрья (изъ бумагъ И. И. Срезневскаго). 8) Русскій Вѣстникъ 1891 г., ноябрь. Переводъ «Лужицкихъ картинокъ» А. Чернаго: «Dcera» (Странички) и «Zvony» (Колокола).

9) Въ чешскихъ книгахъ и журналахъ. Ad. Černý: Nyk'us, z baješlovi lužického (Водяной. Замѣтка по серболужицкой миѳологіи) въ журн. «Zlatá Praha» 1890, № 34. 10) Ad Černý: Vylet de lužických «Blot» (Поѣздка въ лужицкія «Болота», Spreewald) въ сборн. «Slavnostní list vydaný na památku pátého sjezdu Sokolské župy Podkrkonošské ku dni 29 měsíce června 1890 v. Polici n. M. стр. 31—34. 11) Ad. Černý: Skhadźovanka lužického studentstwa, фельетонъ въ «Národnich Listach» 1890, № 234. 12) Ad. Černý: Pěvecká slavnost v Budyšině, въ «Hlas'ѣ Národa» 1890, № 265. 13) V. Černý: Několik listů spisovatelů a vlastencův našich do Lužice, въ журналѣ «Hlídka literarní» 1890, № 7, 8 и 9. Ср. также Slovenské pohl'ady 1891 № 3 и 4. 14) Ad. Černý Návštěa въ «Velký Slovánský kalendař na rok 1891». 15) Ad. Černý: Sběratelske Obtíže, фельетонъ въ «Národnish Listach», 1890, №№ 269 и 270. 16) Jaromír Hušek: Lužičtí srbové, въ журналѣ «Českè Zájmy» 15 марта 1891 г. 17) Ad. Černý: Очерки серболужицкой національной музыки, народныхъ музыкаль-

ныхъ инструментовъ и національныхъ композиторовъ, подъ заглавіемъ «Musikantská dvojice» въ музыкальномъ журналѣ «Lýra» 1891, № 2 (15 června 1891). 18) Ad. Černý Dr. Jan Petr Jordan (Лужицкій патріотъ). Pohrobní vzpomínka въ журн. «Zlatá Praha» 1891, №№ 35, 36 и 37. 19) Ab. Šerný: Kanonik M. Hórnik, vůdce duchovního života Lužičanův, въ журналѣ «Zlatá Praha» 1891, № 35, стр. 418 сл. Тоже въ журн. «Světozor» 1891, № 36. 20) V. Erben: Dučman Ondřej, lužickosrbský vlastenec i spisovatěl въ «Zlatá Praha» 1891, № 37 и 38. 21) Ad. Černý: Hornolužický svatební průvod (Верхнелужицкій свадебный поѣздъ), съ картинкой, въ «Světozor'ѣ 1891 г. № 36. 22) Jan Neruda: Dr. phil. A. Muka (біографія), въ журналѣ «Humoristické Listy» 1891, № 32. 23) Ad. Černý: V okolí Mužakova. Příspěvek na poznání germanisačních snah v Lužici въ «Narodních Listach» 1891, № 230. 24) Ad. Černý: Heja. Lužické rychtářské «pravo». Этнографическій этюдъ въ «Narodn. List.» 1891, № 257. 25) Ad. Černý: Spolužáci. Vzpomínka na naštěvu u Nerudy s Michalem Hórnikem, въ иллюстриров. журналѣ «Světozor» 1891, № 42. 26) Ad. Černý: Stopy lužického živlu v krajinách poněmčených, фельетонъ въ «Národn. List.» 1891, № 278. 27) Ad. Černý: Lužiská škola. Очеркъ со снимкомъ съ картины Отто Пильца «Въ лужицкой школѣ», въ журн. «Světozor». Годъ 26, № 6 (25 prosince 1891). 28) Ad. Černý. Rozhled po lužické folkloristice, въ новомъ чешскомъ этнографическомъ журналѣ «Český lid» 1891, № 1, стр. 77—82; № 2, стр. 200—204. Весьма кропотливый и важный сводъ всѣхъ до настоящаго времени трудовъ по серболужицкому фольклору.

c) Въ другихъ славянскихъ изданіяхъ. 29) Melanija Parczewska: Pan Redaktor. Obrazek z Łužyc, фельетонъ о послѣднихъ годахъ жизни извѣстнаго серболужицкаго патріота И. Э. Смоляра, въ польской газетѣ «Dziennik poznański» 1890, № 254. 30) Ad. Černý: Za pieśnią łužycką. Notatki z wędrówek po Lużycach. Весьма обстоятельная монографія о сербо-лужицкихъ народныхъ пѣсняхъ въ извѣстномъ польскомъ этнографич. журналѣ «Wisła» 1891, вып. 2, стр. 397—418.

d) Въ книгахъ и журналахъ на нѣмецкомъ и другихъ языкахъ. 31) Въ книгѣ Dr. Эртеля: «Beiträge zur Landes-und Volkskunde des königreichs Sachsen, Leipzig 1890, четыре слѣдующія главы посвящены саксонскимъ (лужицкимъ) сербамъ и ихъ странѣ: 1) Slavische Reste in Sachsen. 2) Die sächsische Wendei. 3) Das wendische Volkslied. 4) Wanderungen in der sächsischen Lausitz». Въ этой книгѣ смѣшаны истина и вымыселъ. 32) Въ иллюстрированномъ рождественскомъ каталогѣ на 1891 г., изданномъ книгопродавцемъ Hugo Carlson'омъ въ Хотѣбузѣ помѣщена вводная статья о нижнелужиц-

кихъ сербахъ въ Фалишѣ (Fahlisch): «Der Spreewald (Błota) und Seine Bewohner». Здѣсь точно также истина и вымыселъ перемѣшаны. 33) «Die Gerichtsbank für die Meissner Serben in Göda» въ «Chemnitzer Tageblatt (Chemnitzserb. Kamjenica) «Sächsischer Erzähler» 1890, № 17. 34) «Pomhajboh Broniš: Zum vendischen Gesangfest in Bautzen. Рядъ статей въ №№ 222, 223, 226 и 227 «Хотѣбузскаго Вѣстника» Cottbuser Zeitung), 1890 г. 35) Johan Grove: Venderne i Lausitz (Венды въ Лужицѣ), обширная статья въ датской газетѣ «Tagbladet» 1890, № за августъ. 36) Парижскій «Bulletin de l'Union universelle des femmes» помѣстилъ въ 1891 г. длинную статью польской писательницы М. Парчевской, посвященную лужицкой сербкѣ, пріориссѣ саксонскихъ альбертинокъ, М. Симоновой, урожденной Янашъ изъ Debsecy. 37) Mittheilungen der Niederlausitzer Gesellschaft für Anthropologie und Urgeschichte. Эти сообщенія основаннаго въ 1888 г. Любинѣ (Lübben) нѣмецкаго антропологическаго общества естественно отводятъ на своихъ страницахъ мѣсто и нижнелужицкимъ сербамъ, ихъ исторіи, языку, обычаямъ и нравамъ. Здѣсь мы перечислимъ статьи, касающіяся нижнихъ лужичанъ за послѣдніе два года. 1) Годъ 1890. Вып. 5 (I тома): Могильные курганы Нижней Лужицы. II) Д-ра Вейнека.—Доисторическія ткани и пряжа. Д-ра Бушау. — Смерть и погребеніе въ обычаяхъ нижнихъ лужичанъ. Гандера. — Двѣ Шпреевальдскія грамоты. Ал. и В. фонъ-Шуленбурга. — Бронзовые и золотые клады у Бурга. Д-ра Зихе. — Курганы у Горна въ окрестностяхъ Губенъ. Гаутштейна. 2) Годъ 1890. Вып. 6 (I тома): Такъ называемый лужицкій типъ. Д-ра Вейгеля. Окрестности Любина въ доисторическую эпоху. Д-ра Вейнека. Могильные курганы Нижней Лужицы. III) Д-ра Вейнека.— Преданія, обычаи и повѣрія. I) Важнѣйшіе моменты жизни. Гандера. II) Праздничные обычаи. Гандера и д-ра Вейнека. III) Преданія о мѣстностяхъ, д-ра Вейнека, Винцера, Симана. Отчеты о находкахъ. 3) Годъ 1891 г., вып. 1 (II тома), напечатанъ въ Губинѣ (Guben-Gubin) у Альберта Кенига: Глиняные сосуды нижнелужицкихъ могильщиковъ. Опытъ хронологической классификаціи. Проф. Д-ра Г. Ентша. Кладбище у Групова. Свящ. К. Krüger'а. Дикій охотникъ и его конь. Докладъ К. Гандера.—Нижнелужицкія церковныя книги. Др. Цейтшель. 4) Годъ 1891, вып. 2 (II тома): 3 кладбища при Любинѣ. Д. Ф. Вейнека. Могильникъ у Турнова, въ Хотѣбузскомъ окр. К. Кригера.—Древній замокъ у Грана, въ Губинскомъ окр.—Разсказы и преданія изъ Губинскаго округа. К. Гандера. Вѣрованія и обычаи въ окрестностяхъ Любина и Лукова. Ф. Вейнека въ Любинѣ. Извѣстія обь одеждѣ и обычаяхъ славянъ и германцевъ въ VI в. по Р. Хр. К. Лиршъ. Литературныя замѣтки

и мелочи. 38) Hermann Knothe: Zur Orthographie deutscher wie wendischer Ortsnamen, въ научномъ приложеніи къ «Leipziger Zeitung» 1891. № 9, стр. 33, сл. 39) Hermann Knothe. Geschichte der Oberlausitz unter dem Landvogte Hinko Hlawatsch von der Duba (1410—1420) въ «Neues Lausitzer Magazin». Bd, 66 (1890): стр. 74—113. 40) Hermann Knothe. Die geistlichen Güter in der Oberlausitz. Тамъ же, стр. 157—199. 41) Scholtin. Die alterthümlichen Gebäude und Ruinen Bautzens (Будишина), въ журналѣ «Der Gebirgsfreund». Годъ I, стр. 119 сл., 127 сл., 140 сл., 146 сл. 42) Theile. Uralte Christengräber bei Sobrigau (Zaběłigoŕ), въ журналѣ «Uber Berg und Thal». Годъ 1891, стр. 125—129. 43) Hermann Knothe. Die ältesten Siegel des Oberlausitzer Adels, въ «Neues Lausitzer Magasin», Band 67 (1891), стр. 1—32 (съ 7 таблицами).

Мильчанинъ

Обзоръ по чешской литературѣ, языковѣдѣнію и исторіи за 1891 и 1892 годы.

Всѣмъ извѣстно, какое важное значеніе имѣли филологія и исторія при возрожденіи чешскаго народа въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія. Обѣ эти науки, разрабатывавшіяся первоначально и въ Чехіи на языкахъ латинскомъ и нѣмецкомъ, представляютъ въ настоящее время цѣлый рядъ отличныхъ чешскихъ сочиненій, которыми могутъ гордиться не только чехи, но и вообще славяне. Сѣмя, посѣянное великими учеными: Добровскимъ, Юнгманомъ, Шафарикомъ, Палацкимъ и др., приноситъ цѣнные плоды. Сотни дѣятелей идутъ по стопамъ этихъ славныхъ мужей; разработка наукъ на чешскомъ языкѣ перестала быть прихотью диллетантовъ; почувствовалась надобность и въ учрежденіи цѣлаго ряда среднихъ и даже высшихъ школъ, съ преподаваніемъ на чешскомъ языкѣ. Утѣшительный разцвѣтъ въ Чехіи обѣихъ названныхъ, а также и другихъ наукъ поддерживаютъ многочисленныя ученыя общества и союзы, каковы напр.: Королевское общество наукъ, Чешская Матица, Моравская Матица и др. Въ прошломъ году къ нимъ присоединилась и Чешская академія наукъ, словесности и изящныхъ искусствъ, основанная чешскимъ меценатомъ, архитекторомъ Іосифомъ Главкой (Ios. Hlávka). Въ настоящее время она владѣетъ уже доходомъ въ 50.000 гульденовъ. О значеніи и публикаціяхъ этого учрежденія мы поговоримъ въ другой разъ, а теперь перейдемъ къ главной цѣли нашей статьи, обзору важнѣйшихъ трудовъ по языковѣдѣнію и исторіи, изданныхъ въ 1891 и 1892 годахъ.

Средоточіемъ филологическихъ изслѣдованій служатъ теперь «Фи-

лологическіе Листы» (Listy filologické), которые уже девятнадцатый годъ издаетъ «Общество чешскихъ филологовъ» подъ редакціей профессоровъ И. Гебауера и И. Краля (I. Gebauer и I. Kral). Изъ статей, напечатанныхъ въ 1891 году, заслуживаютъ вниманія діалектологическіе очерки Ив. Грушки (I. Hruška): «О фонетикѣ языка ходовъ» (O hláskoslovi chodském) [1]. Печальнымъ представляется для чешскихъ изслѣдователей въ этой области извѣстіе писателя, что уже и между «ходами» исчезаютъ характеристическія особенности рѣчи. Каждое такое извѣстіе служитъ призывомъ къ скорѣйшему собранію того, что еще можно собрать.

Большая жатва предстоитъ еще, правда, въ Моравіи, которая въ лицѣ извѣстнаго діалектолога Ф. Бартоша (F. Bartoš) нашла труженика, какого не имѣютъ еще чехи. Моравской діалектологіи касается статья I. Бартохи (I. Bartocha): «Фонетика долнобечевская» (Hláskoslovi dolnobečevské) [2], составляющая продолженіе его очерковъ, которые уже раньше были напечатаны въ «Филологическихъ Листахъ».

Прочную цѣну имѣетъ трудъ А. Матзенауера (A. Matzenauer): «Вклады въ славянское языковѣдѣніе» (Přispěvky k slovanskému jazykozpytu). Эта работа, составленная въ видѣ словаря, содержитъ богатый матеріалъ для дальнѣйшихъ изслѣдованій, представляя немалый интересъ и сама по себѣ.

Рядомъ со славяновѣдѣніемъ «Филологическіе Листы» занимаются также и классическою древностію.

На славянскую филологію, особенно же на исторію, обращаетъ зоркое вниманіе и «Журналъ чешскаго музея» (Časopis musea království českého), выходящій теперь подъ редакціей I. Тругларжа (I. Truhlář).

Особенно много появилось теперь въ Чехіи статей по исторіи чешской культуры. Такъ напр. д-ръ Зибертъ (Zibrt) напечаталъ статью объ «Иванѣ купалѣ» (Svatojánske obřady), Коштялъ (Košťál) о Марѣ (Mára) Ф. Ржегоржъ (Fr. Řehoř) о «Народной медицинѣ у галицкихъ русскихъ» (Lidová lečba u. haličskych Malorusů), Томекъ (V. V. Tomek) «О богослуженіи и церковномъ строѣ Чехіи XV в. (Rozdíly v náboženství a v církevním zřízení v Čechách za století 15).

Въ Моравіи подъ редакціей В. Бранделя и Ф. Бартоша вновь

---

[1] Ходы (chodové) — вѣтвь чешскаго народа, живущая въ окрестностяхъ г. Домажлицы (Domažlice), на чешско-баварской границѣ.

[2] Долною Бечвою (Dolní Bečva) называютъ сѣверный истокъ рѣки Бечвы (въ Моравіи).

сталъ выходить «Журналъ Моравской Матицы» въ 1882 г. (Časopis Matice Moravské), прекратившей было на время свое существованіе. Бартошъ напечаталъ въ немъ статью «О домашнемъ лѣченіи моравскаго народа» (O domácím lékařství lidu moravského); Пастернекъ же (Pastrnek)—«О новѣйшихъ трудахъ по исторіи славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія» (Novější práce o slav. apoštolu Cyrilu i Methodovi).

Въ историческомъ отдѣлѣ журналъ этотъ обращаетъ главное вниманіе на политическія судьбы Моравіи.

Къ этимъ журналамъ надо причислить еще «Крокъ» (Krok), посвященный потребностямъ среднихъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ журналѣ вышла замѣчательная статья редактора Фр. Кс. Прусика (Fr. X. Prusik): «Источники и взаимныя отношенія, риѳмованныхъ чешскихъ Александреидъ» (Českých Alexandreid rýmovaných pramenové a obapolný poměr); она вышла и отдѣльнымъ изданіемъ.

Археологіи, топографіи, частью антропологіи посвящены два журнала, выходящіе въ Прагѣ: «Памятники археологическіе и топографическіе (Památky archeologické a místopisné)—подъ редакціей д-ра Пича (d-r Pič) и «Журналъ патріотическаго музейнаго оломуцкаго общества (Časopis vlasteneckého muzejního spolku Olomuckého)—подъ редакціею В. Гоудека (V. Houdek): послѣдній смѣло и удачно защищаетъ теорію такъ называемой славянской школы археологовъ, по которой уже во времена римскія въ Чехіи и Моравіи жили славяне.

Критическимъ обозрѣніемъ беллетристическихъ и научныхъ сочиненій занимаются два журнала, выходящіе въ Моравіи (въ Бернѣ—v Brně): «Литературные Листы» (Literární listy), подъ редакціею Ф. Долгаго (Fr. Dlouhý) и «Литературное Обозрѣніе» (Hlídka literární), подъ редакціей ученаго бенедиктинца и литературнаго критика д-ра П. Выходила (P. Vychodil). Оба эти журнала помѣщаютъ статьи по исторіи литературы, критическіе очерки художественныхъ произведеній или рефераты объ этихъ сочиненіяхъ, а равно обзоры иностранныхъ литературъ и критическія замѣчанія о сочиненіяхъ, представляющихъ въ какомъ нибудь отношеніи важность для чеховъ и славянства. Представителемъ научной критики является журналъ «Atheneum», редактируемый извѣстнымъ депутатомъ, докторомъ Кайцлемъ (J. Kaizlem). На страницахъ этого журнала былъ недавно разработанъ вопросъ о подложности краледворской и зеленогорской рукописей (rukopisů Zelenohorského i Královeдvorského), вызванный статьею проф. Гебауера (J. Gebauer) въ № 5 за 1886 г.: «О необходимости дальнѣйшаго изслѣдованія краледворской и зеленогорской рукописей (Potřeba dalších zkoušek rukopisu Kralovedvorského a Zele-

nohorského). Но теперь наступило по этому вопросу затишье. Нельзя не признаться, что нападающая сторона была лучше вооружена и правильнѣе вела споръ, чѣмъ сторона защитниковъ подлинности обѣихъ рукописей. Такъ напр. проф. М. Гаттала (M. Hattala) до сихъ поръ не издалъ давно обѣщанной имъ «Обороны» (Obranu), т. е. апологіи этихъ рукописей, между тѣмъ какъ противники его издали много важныхъ и вѣскихъ возраженій противъ ихъ подлинности.

Мы вполнѣ убѣждены, что споръ, который такъ долго занималъ и знатоковъ, и профановъ, будетъ оконченъ безъ дальнѣйшаго обвиненія скептиковъ въ недостаткѣ патріотизма или измѣнѣ.

На прошлогодней юбилейной выставкѣ, которую въ значительной степени можно считать показателемъ нравственной и физической силы чешскаго народа, была выставлена между прочимъ по почину нашихъ этнологовъ «чешская изба» (Česká chalupa), въ чисто-народномъ стилѣ стараго времени.

Изба эта пользовалась особеннымъ вниманіемъ и сочувствіемъ публики. Это было причиною, что по предложенію нашего этнографа Ф. А. Шуберта (F. A. Šubrt) собраніе любителей чешско-славянской этнографіи 28 іюня 1891 г. постановило открыть въ Прагѣ въ 1893 г. большую этнографическую выставку, подготовительныя занятія къ которой въ настоящее время въ полномъ разгарѣ. Съ этимъ связано и основаніе новаго, весьма важнаго журнала «Чешскій Людъ» (Český lid), который всецѣло посвященъ изученію чешскаго народа въ Чехіи, Моравіи, Слезіи и на Словачинѣ. Редакторами его состоятъ молодые, но опытные дѣятели: д-ръ Зибертъ и Нидерле (Librt a Niederle), изъ которыхъ первый ведетъ культурно историческій и этнографическій отдѣлы, второй же—археологическій и антропологическій. «Чешскій Людъ» стремится собрать вокругъ себя выдающихся дѣятелей чешской этнографіи, организовать трудъ по изданію журнала и собирать матеріалъ для большой чешской этнографіи. Въ этомъ журналѣ обращается особенное вниманіе на отношеніе чешскаго народа къ прочимъ вѣтвямъ великаго славянскаго племени и другимъ сосѣднимъ народамъ. Въ вышедшихъ до сихъ поръ четырехъ выпускахъ этого журнала мы находимъ между прочимъ: прекрасную статью Р. Тыршовой (R. Tyršová). подъ заглавіемъ: «Чешскія народныя вышивки на юбилейной выставкѣ», Яна Коулы (J. Koula), «Объ одеждѣ словаковъ». Обѣ эти статьи снабжены прекрасными иллюстраціями; О. Гостинскій (O. Hostinský) помѣстилъ статью «О нашей свѣтской народной пѣснѣ»; І. Выцпалекъ (J. Vycpálek) «О чешскихъ танцахъ» въ отношеніи музыкальномъ и плясовомъ.

Для друзей славянскаго фольклора важна работа Ад. Чернаго (A. Černého) «Обзоръ лужицкой фольклористики» и Ф. Патка (F. Patek) «Чешская фольклористическая литература до 1890 года».

Въ рамкахъ этой же программы, но только въ большомъ объемѣ, выходитъ при «Чешскомъ Людѣ», «Библіотека чешскаго люда» (Knihovna Českeho Lidu), первый номеръ которой содержитъ маленькую работу д-ра Зиберта (Librt): «Домовой въ народномъ старочешскомъ преданіи» (Skřitek v lidovém podání staročeském). Тутъ авторъ говоритъ о почитаніи домашнихъ божествъ вообще и разбираетъ старочешскія извѣстія о нихъ. Во второмъ номерѣ «Библіотеки» помѣщена работа упомянутаго выше діалектолога и фольклориста, моравянина Ф. Бартоша (Fr. Bartoš): «Моравская свадьба» (Moravská svatba), въ которой подробно описаны свадебные обряды и собраны обычныя при этомъ фамильномъ праздникѣ пѣсни.

Теперь отмѣтимъ нѣкоторыя сочиненія, изданныя отдѣльно. По исторіи культуры заслуживаетъ упоминанія работа неутомимаго д-ра Зиберта: «Листы изъ чешской культурной исторіи (Listy z českých dějin kulturních), гдѣ разсмотрѣны нѣкоторые интересные религіозные обычаи, какъ напр. отсѣченіе головы пѣтуха, сбрасываніе козла, переряживаніе и т. п. На широкой основѣ разработана имъ и роскошно иллюстрирована «Исторія одежды въ чешскихъ краяхъ» (Dějiny Kroje v zemích českých). Въ первой части этого сочиненія излагается исторія одежды съ древнѣйшихъ временъ до гуситскихъ войнъ, причемъ авторъ внимательно выдѣляетъ самобытное отъ заноснаго исчужа. Для желающихъ познакомиться съ исторіей культуры какъ наукой можетъ пригодиться и другое сочиненіе г. Зиберта: «Исторія культуры (Kulturní historie), въ которомъ говорится о возникновеніи, развитіи и современномъ состояніи литературы по этому предмету на языкахъ славянскихъ и неславянскихъ.

Къ кругу сочиненій по исторіи культуры относятся также «Картины изъ чешской культурной исторіи Сватека (Obrazy z kulturních dějin českých—Svátkový). Въ первыхъ двухъ частяхъ этого сочиненія авторъ обнаружилъ оригинальность взгляда и начитанность въ источникахъ, отчасти никѣмъ еще не изученныхъ.

Серьезнаго вниманія заслуживаетъ продолженіе роскошнаго изданія: «Замки и крѣпости чешскаго королевства»—А. Седлачка (Hrady, zamky a tvrze království českého, od Aug. Sedláčka), трудъ важный и въ научномъ и въ художественномъ отношеніи. Выходящая теперь девятая часть содержитъ въ себѣ описаніе Домажлицкаго и Клатовскаго краевъ. Къ этому изданію примыкаетъ также изящное и снабженное многими иллюстраціями изданіе «Чехи» (Čechy). Это коллективный трудъ многихъ выдающихся чешскихъ писателей,

важный въ тоже время и въ этнографическомъ отношеніи. До сихъ поръ вышло 122 выпуска; послѣдніе изъ нихъ посвящены описанію Таборскаго края и порѣчью р. Сазавы. Заслуживаетъ упоминанія и сочиненіе К. Б. Мадля (K. B. Mádl): «Исторія изящныхъ искусствъ» (Dějiny umeni výtvazných). Изданная часть заключаетъ въ себѣ исторію искусствъ древнихъ народовъ.

Далѣе отмѣтимъ сжатое, но тѣмъ не менѣе объемистое сочиненіе д-ра Махала: «Очеркъ славянской миѳологіи» (Nakres slovanského bajeslovi — H. Máchal). Чешской антропологіи касается сочиненіе выше упомянутаго редактора «Чешскаго Люда», д-ра Нидерле: «Прибавленія къ антропологіи чешскихъ земель» (Přispěvky k antropologii zemi českých), гдѣ описаны гробы со скелетами, относящіеся къ концу доисторической эпохи Чехіи. Для археологовъ будетъ интересно небольшое сочиненіе Л. Шнайдра: «Начала доисторической топографіи чешской и нѣкоторые выводы изъ этого» (Počatkové předhistorického místopisu zemè české a nèkteré úvahy odtud vycházející,— L. Šnajdra). Тутъ помѣщенъ полный списокъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ были открыты какіе-либо предметы каменнаго вѣка и послѣдующихъ, съ точнымъ указаніемъ источниковъ, гдѣ о нихъ подробнѣе говорится.

Исторія литературы обогатилась недавно сочиненіемъ Леандра Чеха: «Каролина Свѣтла» (Karolina Světlá), въ которомъ авторъ по примѣру знаменитыхъ французскихъ критиковъ и на основаніи эстетическаго, психологическаго и соціологическаго разбора этой знаменитой, до сихъ поръ живущей писательницы говоритъ объ ея литературномъ значеніи.

Значительно расширяетъ свѣдѣнія чеховъ о русской беллетристикѣ и критикѣ трудъ А. Г. Стина: «Исторія русской литературы въ 19 ст.» («Historie literatury ruské XIX století», A. G. Stín). Авторъ положилъ въ основаніе своего труда сочиненіе Скабичевскаго, значительно имъ переработанное и пополненное, особенно въ отдѣлѣ, гдѣ говорится о состояніи литературы въ первой половинѣ этого столѣтія. До сихъ поръ вышло 5 выпусковъ этого сочиненія.

Докторъ Янъ Поливка (I. Polívka) въ сочиненіи: «Мелкія литературно-историческія замѣтки» (Drobné přispèvky literarné historické) приводитъ нѣкоторыя довольно интересныя соображенія о кочевыхъ средневѣковыхъ легендахъ и повѣстяхъ напр. о Вероникѣ, о крестномъ деревѣ, объ Іудѣ, объ Аполлонѣ Тирскомъ.

Изъ сочиненій, относящихся къ средней эпохѣ чешской исторіи литературы, Зибертомъ издано «Поваренное искусство» (Kucharstvíj), относящееся къ 16 в., Б. Марешомъ (B. Mareš)—«Письма Я. Гуса» (Husovy listy), относящіяся къ 15 в. и наконецъ І. Караськомъ (J.

Karasek)—«Мелкіе труды Петра Хельчицкаго», относящіеся тоже къ 15 в. (Menší spisy Petra Chelčického).

Научной чешской грамматики мы всѣ еще не имѣемъ, но ее можетъ замѣнить теперь отчасти чешская грамматика для среднихъ школъ Гебауера (Mluvnice česká), стоящая значительно выше прежнихъ по своей научной постановкѣ и по особенному вниманію къ историческому развитію языка. Особенно замѣчательны тутъ приложенія во 2-ой части сочиненій. Эту же цѣль преслѣдуетъ ученикъ Гебауера д-ръ М. Коваржъ, въ своемъ оригинальномъ трудѣ: «Введеніе въ грамматику» (Uvedení do mluvnice).

Что касается политической исторіи, то прежде всего нужно отмѣтить «Исторію Чехіи и Моравіи въ новѣйшее время»—д-ра А. Резка (Dějiny Cech a Moravy doby nový, od d-r. A. Rezka), выходящую выпусками. Авторъ уже ранѣе заявилъ себя многими трудами, изъ которыхъ особенно важны: «Исторія нападенія саксовъ на Чехію» (издана въ 1888 г.) и «Исторія Чехіи и Моравіи при Фердинандѣ III. 1889 г. (Dějiny vpódu saského do Céch»; Děje čech a Moravy za Ferdinanda III»). Въ этихъ сочиненіяхъ авторъ искуснымъ перомъ рисуетъ ужасный разгромъ чеховъ въ 17 в., являясь какъ бы продолжателемъ безсмертной «Исторіи чешскаго народа», доведенной Палацкимъ до 1526 г. Г. Резекъ выстроилъ свое зданіе на собственныхъ многолѣтнихъ изслѣдованіяхъ, такъ какъ прежнихъ работъ мало, а тѣ, какія есть, не безпристрастны. Грандіозная борьба чешскаго народа до сихъ поръ не нашла своего историка. Сочиненіе Резка пополняетъ этотъ пробѣлъ, излагая исторію борьбы во всѣхъ ея перипетіяхъ и пролагая путь для новыхъ взглядовъ. Сильное движеніе чеховъ новѣйшаго времени, съ цѣлью добиться возстановленія своихъ государственныхъ правъ, вызванное вѣнскими пунктаціями, обратило на себя вниманіе доктора І. Калоуска (J. Kaloušk), написавшаго соч. подъ заглавіемъ: «Чешское государственное право» (Česke statní právo), въ которомъ исторически изложено происхожденіе и судьбы этой святыни чешскаго народа, съ древнѣйшей эпохи до новѣйшаго времени (до сихъ поръ издано 10 выпусковъ).

Изъ прежнихъ авторовъ, продолжающихъ работать по настоящее время, назову Фр. Шемберу (Fr. Šembera), написавшаго «Исторію среднихъ вѣковъ» (Dějiny středověké). Первая часть вышла еще въ 1881 г., третья часть—въ прошломъ 1891 году; выходящая нынѣ 4-я часть содержитъ въ себѣ эпоху господства папъ и крестовыхъ походовъ. На славянскія дѣла авторъ обращаетъ серьезное вниманіе, но въ основѣ его сочиненія всетаки лежитъ исторія нѣмецкаго народа. Исторія балтійскихъ славянъ излагается только въ связи съ исторіею

нѣмцевъ. Что касается самостоятельной древнѣйшей исторіи славянъ, особенно западныхъ и южныхъ, то авторъ держится отрицательной точки зрѣнія на нее.

Не лишнемъ будетъ обратить вниманіе на выходящую съ 1887 г. обширную чешскую энциклопедію: «Научный Словарь», Отта (Ottův Slovník naučný). Извѣстный издатель, Янъ Отто, рѣшился предпринять этотъ накладный трудъ потому, что Ригровъ «Научный Словарь» (Slovník Naučný Riégrův) и «Сокращенный реальный словарь»— Малаго (Stručný slovník věcný—Malého) во многомъ уже устарѣли. До сихъ поръ издано полныхъ 5 томовъ. Шестой точно выходитъ и начинается статьею «Чехи» (Čechy). Между сотрудниками встрѣчались имена почти всѣхъ выдающихся чешскихъ ученыхъ, а также нѣкоторыхъ ученыхъ посторонниxъ, каковы напр: М. Горникъ, Б. Іовановичъ, д-ръ Карловичъ, Цавинскій, Т. Смичикласъ, д-ръ Смолька и др. Редакція раздѣлена между спеціалистами; главное же руководство принадлежитъ профессорамъ: Ф. Студничкѣ, I Челяковскому, Эм. Майксперу, Солину, а прежде также покойному Фейстмантлю; изъ богослововъ: К. Л. Боровому и М. Ф. Краслю. Всѣхъ сотрудниковъ болѣе 723 (умерло уже 15). Чтобы составить понятіе объ обширности словаря, нужно сравнить содержаніе вышедшихъ 5 томовъ, положимъ, со словаремъ Ригра. Въ послѣднемъ буквы A и B занимали первый томъ, въ новомъ же словарѣ онѣ занимаютъ полныхъ четыре тома. Славянскимъ предметамъ посвящено, конечно, особенное вниманіе, благодаря чему словарь этотъ получаетъ значеніе и для славянъ—не чеховъ. Множество по большей части самостоятельныхъ географическихъ картъ, помѣщенныхъ въ приложеніяхъ, значительно увеличиваетъ достоинство словаря. Немалое значеніе имѣетъ словарь и въ томъ отношеніи, что служитъ хорошею школою для молодыхъ тружениковъ по всѣмъ областямъ знанія, такъ что для этого словаря они работаютъ въ такихъ сферахъ, которыя могли бы остаться безъ всякой разработки. Такъ воспитывается грядущее поколѣніе, подготовляясь къ дальнѣйшимъ трудамъ на пользу народа.

Наконецъ упомяну еще образцовый трудъ историко-географическаго характера В. Брандля (V. Brandl) подъ заглавіемъ: «Книга для каждаго моравянина» (Kniha pro každého moravana). Въ краткихъ чертахъ тутъ изображено географическое положеніе Моравіи, изложено ея историческое развитіе до 1628 г., описаны нравы и обычаи народа; а описаніе археологическихъ находокъ прекрасно пополняетъ трудъ чеха Шнайдра. Интересна также статья о древности и значеніи мѣстныхъ названій.

P. P. Chrudimensis

СМѢСЬ

Изданіе книги «Путешествіе на Востокъ» Наслѣдника Цесаревича. Юбилей П. В. Павлова. † Н. А. Сергіевскій. 100 лѣтіе со дня рожденія кн. П. А. Вяземскаго. Изученіе Востока. 60 л. кроншт. библ—и. Конкурсъ. Женск. рем. уч. въ память Блудовой. Премія имп. Петра В. Очерки Греціи. 50 л. юбилей В. А. Дашкова. Евр. населеніе Ц. П. Эмиграція изъ Россіи. Стипендія Палестинскаго Общ. Сибирскій каналъ. Архивъ дирекціи имп. театровъ. Соч. проф. А. С. Павлова. Общ. имени М. Качковскаго. † Ѳ. И. Бѣлоусъ. Новыя Общества: «Громада», «Днѣстръ» и «Соколъ». Льв. «краевая выставка». Нов. учит. семинарія въ Самборѣ 45-лѣтіе † еп. І. Снѣгурскаго. Евреи въ Галичинѣ. Вѣче евр. студентовъ. Хыровская іезуитская гимназія. Съѣздъ галицко-польск. педагог. общ. Отчетъ краковск. общ. просвѣщенія. Вертикальное письмо. Изданіе «Młode Słowo». Матейко даритъ картину. 50 л. юбилей А. Малэцкаго. Крак. изданіе на паяхъ. 25 л. ж. «Католикъ». Собраніе Verein's. Польск. газеты въ Пруссіи. Памятники Я. Гусу и А. Коменскому. Общества: Берлинск. чешско-славянское, Краков. чешско-польское, Пражск. черногорское и Radhošt. Медаль ч. н. театру. Казарма съ чешск. надписью. Классич. ж. гимназія въ Прагѣ. Проф. М Гаттала. Медали чешск. поэтамъ. Сборникъ Я. Верхлицкаго. Брошюра о короновании имп. Франца. Новые выпуски—«Čechy»; очерковъ С. Чеха; Жизнеописанія І. Коменскаго, Зоубка и Врбки; соч. Билека; Гербена; Я. Неруды; Стина. † В. Пакоста. Выселенія изъ Угріи. Общ. «Народъ». Собраніе соч. Гвѣздослава. «Русско-Словен. словарь.» Мичатека. Сборн. пѣсенъ—М. Франциски. † А. Палка. Австр. Школьн. союзъ. Словинская Матица. Переименованіе улицъ Любляны. Съѣздъ словинскихъ католиковъ. Грацкій унив-ъ. Собраніе соч. Левстика. О переименованіи «Югослав. Академіи наукъ и искусствъ» въ Загребѣ. Хорватская Матица. Задрская семинарія. О введеніи въ Далмаціи славян. литургіи. Отставка Любича. Описаніе путешествія Модрича. Памятникъ Гундуличу. Нов. газ. «Дубровникъ». Брошюра о дубровчанахъ. Мадьярская гимназія. Сербск. церк. конгрессъ. Письмо Пачу къ Каллаю. Совершеннолѣтіе черн. наслѣдника. Раскопки Діоклеи. Сборъ въ Сербіи для пострадавшихъ отъ неурожая въ Россіи. Военная организація Сербіи. † К. Протичъ. Балансъ болг. доходовъ и расходовъ. Болгар. адвокаты. П. Библіотека и болг. выставка въ Пловдивѣ. Соч. Димитрова. Календарь «Голуб.». Америк. гимназія и женск. коллегія въ г. Цареградѣ. Отчетъ панрумынск. лиги. Брошюра Соймеску. Рум. консульство въ Битолѣ. Воен. организація Турціи. Училище для курдовъ и арабовъ. † Васса-паша. Желѣзн. дороги въ Палестинѣ. Австрійскій школьный союзъ. † Э. Гербстъ.

— Въ началѣ будущаго года закончится печатаніе двухъ первыхъ томовъ изданія «Путешествіе на Востокъ Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича», описывающихъ пребываніе Августѣйшаго Путешественника въ Вѣнѣ, Греціи, Египтѣ, Индіи. Третій и четвертый томы будутъ посвящены Цей-

лону, Явѣ, Сіаму, Китаю, Японіи и Сибири. Около шестидесяти печатныхъ листовъ текста—богато иллюстрируются; всѣхъ иллюстрацій будетъ не менѣе четырехъ сотъ, и всѣ онѣ исполняются извѣстнымъ художникомъ Н. Н. Каразинымъ. Художественнымъ исполненіемъ дѣла занята фирма Брокгаузъ. Параллельно съ русскимъ изданіемъ, выйдутъ нѣмецкій, англійскій и французскій переводы, дѣлающіеся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ автора, князя Э. Э. Ухтомскаго.

— Недавно исполнилось 50-лѣтіе учено-литературной дѣятельности **Платона Вас. Павлова**. Онъ родился въ 1823 г. въ Нижегор. губ.; образованіе свое завершилъ въ 1844 въ педагогическомъ ин-ѣ. Въ 1847 магистръ греческой словесности (въ 1849—докторъ историческихъ наукъ) П. В. занялъ каѳедру русск. исторіи въ кіевск. ун-ѣ (послѣ Костомарова), истор. филологич. факультетъ котораго славился тогда своими превосходными профессорами. Съ 1875 П. В. профессорствовалъ по каѳедрѣ теоріи и исторіи искусствъ. Онъ основалъ при к. ун-ѣ художественный музей и положилъ начало спеціальной при немъ библіотекѣ по части художествъ. Учено-литературная дѣятельность П. В. началась ровно полвѣка назадъ въ «Отеч. Запискахъ», и затѣмъ за все продолжительное время онъ напечаталъ много сочиненій по греч. словесности, исторіи русской и всеобщей, археологіи, статистикѣ и по части изящныхъ искусствъ. Особенно извѣстно его соч. «Тысячелѣтіе Россіи» (1862).

— 28 іюня умеръ въ Москвѣ протопресвитеръ Большого Успенскаго собора и заслуженный орд. проф. богословія въ моск. ун-ѣ, прот. **Николай Александровичъ Сергіевскій**. Онъ род. 1827 въ г. Коломнѣ, образованіе получилъ сначала въ моск. дух. сем., а затѣмъ петерб. дух. академіи, въ которую поступилъ, какъ выдающійся по своимъ способностямъ и познаніямъ, 17 л. юношею, еще за два года до окончанія полнаго семин. курса, т. е. прямо изъ средняго философскаго класса. По окончаніи курса академіи вторымъ магистромъ (первымъ былъ записанъ І. Л. Янышевъ, нынѣ духовникъ И. В), въ 1849 былъ оставленъ при той же академіи баккалавромъ по каѳедрѣ физико-матем. наукъ, но въ слѣд. 1850 переведенъ въ томъ же званіи въ моск. д. академію; въ 1854 принялъ рукоположеніе во священника и въ то время посѣщалъ между прочимъ работный домъ для дух. назиданій призрѣваемыхъ въ немъ людей; въ 1858 назначенъ орд. профессоромъ сначала богословія, логики и психологіи, а съ 1861 одного богословія въ моск. ун-ѣ и настоятелемъ универс. храма. Теперь его дѣятельность измѣнилась и сосредоточилась главн. образомъ на поприщѣ науки и литературы. Н. А. не только измѣнилъ господствовавшій до него догматическій методъ преподаванія этого предмета въ м. ун-ѣ, но содѣйствовалъ измѣненію его и въ остальныхъ унив-ахъ. Въ 1861 м. Филаретомъ, высоко цѣнившимъ покойнаго Н. А., и по соглашенію подлежащихъ вѣдомствъ, онъ былъ командированъ въ универс. города для совѣщанія съ профессорами богословія о методахъ наилучшаго преподаванія этого предмета въ нашихъ унив-хъ. Н. А. былъ того мнѣнія, что въ унив-ахъ слѣдовало читать апологію основныхъ христ. истинъ; онъ съ тактомъ и силою отстаивалъ самостоятельность богословской каѳедры въ нашихъ унив-хъ. Унив. его лекціи были живы и увлекательны по изложенію, и аудиторія его всегда была полна: онъ имѣлъ тысячи учениковъ. Унив-тъ высоко цѣнилъ Н. А. и выбиралъ его, послѣ 25 лѣтія, сряду три пятилѣтія снова въ профессоры, даже во время его протопресвитерства. Сочиненія Н. А. б. ч. апологетическаго характера: «Объ основныхъ истинахъ христіанства»; О библейской исторіи творенія въ связи съ естественною; «Вѣчная жизнь» (переводъ) Э. Навиля, «О сущности христіанства» Гизо

(переводъ); онъ издалъ свои универс. лекціи. Покойный пользовался извѣстностью даровитаго оратора. Проповѣди свои Н. А. произносилъ всего чаще въ унив. храмѣ въ праздн. дни и непремѣнно въ «Татьянинъ день». Излюбленною ихъ темою были вопросы объ отношеніи между вѣрою и знаніемъ, разумомъ и откровеніемъ. Н. А. въ 1860 основалъ богословскій (первый въ Москвѣ) ж. «Православное Обозрѣніе» и издавалъ его 10 л. Въ 70-хъ годахъ Н. А. предпринялъ рядъ публичныхъ лекцій объ основныхъ истинахъ христіанства. Въ 1883 онъ былъ избранъ почетн. членомъ петерб. д. академіи, а въ 1884 назначенъ протопресвитеромъ Б. Успенскаго собора и членомъ м. синод. конторы.

— 12 іюля исполнилось 100 л. со дня рожденія кн. Петра Андр. Вяземскаго. Вяземскій—русскій поэтъ-писатель, орд. академикъ по отд. русск. языка и словесности, другъ Карамзина, Жуковскаго и Пушкина, переживщій нѣсколько литературныхъ направленій. Съ 1808—1878 г. онъ написалъ множество стихотвореній, рядъ критическихъ статей, нѣсколько историко-литературныхъ монографій, большое количество записокъ и замѣтокъ. Жизнь его связана съ лучшими преданіями русскаго просвѣщенія.

Болѣе чѣмъ въ полувѣковую свою литературную дѣятельность Вяземскій внимательно относился ко всѣмъ крупнымъ явленіямъ нашей литературы; въ лицѣ его мы наглядно видимъ борьбу искусственной теоріи французскаго классицизма, на которой онъ былъ воспитанъ, съ наплывомъ идей и понятій, выработанныхъ позднѣйшею наукою. Въ 1861 году полувѣковая литературная дѣятельность князя Вяземскаго была почтена юбилеемъ, устроеннымъ президентомъ и членами россійской академіи. Кн. Вяземскій началъ службу въ 1812, поступивъ въ гусарскій полкъ графа Мамонова, находился въ сраженіи при Бородинѣ, затѣмъ служилъ по министерству финансовъ, въ которомъ занималъ мѣсто вице-директора департамента внѣшней торговли, и въ 1846 году управлялъ заемнымъ банкомъ. Въ 1855 году достигъ чина тайнаго совѣтника, съ назначеніемъ товарищемъ министра народнаго просвѣщенія, и затѣмъ званій сенатора и гофмейстера. Вяземскій умеръ 86 лѣтъ, 10-го ноября 1878 года въ Баденъ-Баденѣ; за два дня до своей кончины онъ написалъ извѣстное свое предсмертное стихотвореніе «Хочу я волю дать молитвѣ и слезамъ».

— Въ концѣ нынѣшняго года предполагается открытіе въ Константинополѣ спеціальнаго института, устраиваемаго Императорскимъ московскимъ археологическимъ Обществомъ, для всесторонняго изученія Востока и населяющихъ его народовъ.

— Въ настоящемъ году исполнится шестьдесятъ лѣтъ существованія кронштадтской библіотеки военно-морского вѣдомства. Основанная въ 1832 году, при 2,000 книгъ, кронштадтская морская библіотека въ настоящее время обладаетъ 44,318 сочиненій въ 75,000 томахъ.

— Педагогическій музей военно-учебныхъ заведеній, избравъ три темы на сочиненіе чтеній для солдатъ: 1) «Какъ основалось, собиралось и крѣпло наше государство»; 2) «Полтавская битва» и 3) «Бородинское сраженіе», объявилъ на нихъ конкурсъ. Срокъ для представленія сочиненій назначенъ не позже 15-го ноября текущаго года.

— Въ память скончавшейся въ прошломъ году камеръ-фрейлины, графини А. Д. Блудовой, острожское кирило-меѳодіевское православное братство, обязанное своимъ устройствомъ покойной графинѣ, учреждаетъ два новыхъ, ея имени, женскихъ начальныхъ народныхъ училища съ ремесленными отдѣленіями.

— Ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія назначилъ послѣдній срокъ—1-го ноября для представленія конкурсныхъ сочиненій на соисканіе

въ будущемъ 1893 году премiи императора Петра Великаго по группѣ: «русскаго языка съ церковно-славянскимъ и словесностью и логикою».

— Въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (Москва) печатаются живо набросанные **очерки политической жизни современной Грецiи**, читающiеся съ интересомъ.

— 28 iюля въ Москвѣ праздновался **50—л. юбилей** служебной дѣятельности предсѣдательствующаго въ московскомъ присутствiи опекунскаго совѣта, директора Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ **Василiя Андреевича Дашкова.** Юбиляръ посвятилъ свою полувѣковую дѣятельность разнымъ московскимъ учрежденiямъ административнымъ, научнымъ, воспитательнымъ и благотворительнымъ. Съ 1860 по 1867 г. онъ былъ помощникомъ попечителя моск. уч округа. Въ это время перенесенъ изъ Петербурга въ Москву Румянцевскiй Музей и В. А. былъ назначенъ директоромъ его. Съ 1868 г. онъ состоитъ почетнымъ опекуномъ, а въ послѣднее время попечителемъ моск. женск. гимназiй вѣдомства имп. Марiи. Онъ числится вице-президентомъ м художественнаго общества. Публичный музей называется дашковскимъ, такъ какъ онъ своимъ открытiемъ и существованiемъ обязанъ главн. обр. В. А. Дашкову.

— По даннымъ Варшавскаго статистическаго комитета, въ **Царствѣ Польскомъ** къ концу 1891 г. числилось 1.134.268 д. **еврейскаго населенiя**, т. е. 13,9% общаго числа жителей края, опредѣляемаго въ 8.188.148 д. Въ городахъ евреи составляютъ 50,6% (въ Варшавѣ 33%), въ селенiяхъ же—7,6%. По губернiямъ они распредѣлены такъ: въ ломжинской губ. 17,3%; въ сѣдлецкой 16,6%; въ сувалкской 16,3%; въ радомской 14,3%; въ люблинской 13,7%; въ петроковской 12,2%; въ кѣлецкой 11,5%; въ плоцкой 11%; въ варшавской 11%; въ Калишской 8,7%. Такимъ образомъ, число евреевъ убываетъ по мѣрѣ движенiя отъ В. къ З., гдѣ ихъ мѣсто занимаютъ нѣмцы. Въ утѣшенiе жителей Царства Польскаго можно сослаться на то, что въ сѣверозападныхъ губернiяхъ, именно: гродненской, виленской и ковенской евреи составляютъ 20% населенiя.

— Въ послѣднее пятилѣтiе стала возростать **эмиграцiя изъ Россiи** (Польши, Финляндiи и западныхъ губернiй) **въ Америку**.

Въ	1886	году	выселилось	33.783	чел.
„	1888	году	„	39.307	„
„	1890	году	„	85.548	„
„	1891	году	„	109.515	„

черезъ Бременъ, Гамбургъ и другiе нѣмецкiе порты Общее же число переселенцевъ въ 1891 г. достигло 120.000 ч. Правда это немного на 100 миллiонное населенiе Россiи. Къ тому же выселяются б. ч. инородцы, особенно евреи и поляки. Все же фактъ направленiя и русской эмиграцiи въ Америку, а не въ Азiю, заслуживаетъ вниманiя и разъясненiя.

— Въ память исполнившагося десятилѣтiя существованiя **Имп. Палестинскаго общества** учреждены новыя **стипендiи** при духовныхъ семинарiяхъ для православныхъ **арабовъ**, уроженцевъ iерусалимской, антiохiйской и александрiйской патрiархiи.

— Г. Сибиряковъ выработалъ проектъ **соединенiя Сибири съ Европейскою Россiею** посредствомъ **канала** между рр. Печорою и Сѣв. Двиною на З., а Иртышомъ и Обью на В.

— Въ апр. 1892 г. вышелъ I т. **Архива Дирекцiи Императорскихъ театровъ**. Въ него вошли документы о развитiи въ Россiи театральнаго дѣла съ 1746 по 1801 г. а именно: 1) опись 4.960 документовъ, II) полный текстъ 664 док. и III) систематическiй сводъ свѣдѣнiй о театрахъ означеннаго времени.

— Извѣстный московскiй канонистъ проф. **А. С. Павловъ** издалъ недавно соч.:

Мнимые слѣды католическаго вліянія въ древнѣйшихъ памятникахъ юго-славянскаго и русскаго церковнаго права (М. 1892). Книга эта представляетъ собственно рецензію на соч. **проф. Суворова: Слѣды западно-католическаго церковнаго права въ памятникахъ древняго русскаго права** (Ярославль, 1888 г.). Проф. Павловъ оспариваетъ главные выводы ярославскаго канониста и считаетъ вовсе недоказанною его гипотезу о католическихъ вліяніяхъ на древне-славянское церковное право.

— 27 авг. въ **Стрыѣ** предположено **Генеральное собраніе членовъ общества имени Михаила Качковскаго**. На немъ предположено освященіе хоругви этого дѣятельнаго и полезнаго общества, насчитывающаго до 5000 членовъ. Во главѣ его стоитъ заслуженный ветеранъ галицкой Руси Б. А. Дѣдицкій, секретаремъ же—И. Н. Пелехъ.

Ѳеодоръ Ивановичъ Бѣлоусъ. Покойный Ѳ. И. не принадлежалъ къ числу особенно даровитыхъ людей; несмотря на то онъ былъ своего рода знаменитостью--героемъ самоотверженія для блага своего народа. Во всю жизнь онъ отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ съ единственной цѣлью облегчить страданія другихъ, поддержать угнетенный народъ. Подобные типы могутъ выработываться лишь при столь своеобразныхъ отношеніяхъ, какія существуютъ въ теперешней Галичинѣ для русскихъ. Только благодаря подобнымъ личностямъ успѣли русскіе галичане воскресить свою замиравшую народность и отстоять ее противъ вражескихъ затѣй.

Ѳ. И. родился въ 1828 г., въ посадѣ Витковѣ, отъ убогихъ крестьянъ. Обучившись польской и нѣмецкой грамотѣ въ мѣстной школѣ и въ городѣ Бродахъ, онъ поступилъ въ Львовскую гимназію. Еще мальчикомъ обнаружилъ онъ свойственную себѣ энергію и умѣлость зарабатывать себѣ въ Бродахъ пропитаніе уроками и даже помогая бѣднымъ родителямъ своими малыми сбереженіями. Такъ же содержалъ онъ себя въ гимназіи. Только теперь, во Львовѣ, научился онъ русской грамотѣ и церковному пѣнію, притомъ частнымъ путемъ, ибо тогда въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Галичины русскій языкъ вовсе непреподавался. Въ 1846 г. Ѳ. И. поступилъ во львовскую уніатскую духовную семинарію, по окончаніи которой онъ не пожелалъ однако рукоположиться въ священники, а рѣшилъ посвятить себя учительскому званію. Выдержавъ съ отличіемъ испытаніе на учителя исторіи и географіи, Ѳ. И. получилъ мѣсто при новооткрытой польской гимназіи во Львовѣ, откуда нѣсколько лѣтъ спустя былъ переведенъ въ Тарнополь.

Здѣсь начинается его энергичная общественная дѣятельность. Главною цѣлью его усилій, которой онъ остался вѣренъ до конца жизни, было экономическое и умственное развитіе галицко-русскаго народа. Изъ скуднаго своего жалованья онъ сберегалъ столько, что жертвовалъ по 100 и 200 гульд. на учрежденіе ссудо-сберегательныхъ кассъ въ тѣхъ городахъ и посадахъ, гдѣ было русское мѣщанство, какъ напримѣръ въ Тарнополѣ, Микулинцахъ, Львовѣ, Витковѣ, Самборѣ и др. Кассы эти основывалъ онъ при церквахъ, желая такимъ образомъ соединить экономическій трудъ съ церковною жизнью и предохранить русское мѣщанство отъ нравственной порчи, находящей самую удобную почву въ условіяхъ городской жизни. Русскіе галичане не могли не оцѣнить по достоинству заслугъ Ѳ. И-ча и двукратно, въ 1861—1866 гг. и 1871—1876 гг., избирали его въ депутаты львовскаго сейма. Въ этомъ званіи онъ старался осуществить свои замыслы объ улучшеніи экономическихъ отношеній городовъ и посадовъ путемъ областного законодательства и въ 1875 г. предложилъ сейму проектъ учрежденія промышленныхъ школъ въ Галичинѣ. Вслѣдъ затѣмъ должны были пойти другіе законопроекты по промышленнымъ дѣламъ. Но къ сожалѣнію

Ѳ. И-чу не удалось осуществить своего намѣренія, ибо при новыхъ выборахъ въ сеймъ онъ не попалъ въ депутаты. Но все-таки мысль его не погибла. Воспользовались ею гр. Владиміръ Дѣдушицкій и покойный д-ръ Николай Зыбликевичъ, по настоянію которыхъ сеймъ учредилъ немалое число промышленныхъ школъ, существующихъ до сихъ поръ.

Новое поприще открылось для дѣятельности Ѳ. И., когда онъ былъ назначенъ директоромъ новооткрытой прогимназіи въ Коломыѣ. Въ этомъ городѣ кромѣ евреевъ есть русскіе мѣщане и чиновники, которые не сознавали однако своей народности и употребляли разговорный польскій языкъ. Ѳ. И. немедленно завязалъ сношенія съ мѣщанами и чиновниками и склонилъ ихъ учиться по-русски, выписывать русскія газеты, покупать русскія книги и употреблять въ разговорѣ русскій языкъ. Такимъ образомъ Коломыя становилась понемногу русскимъ городомъ и вмѣстѣ очагомъ русской умственной жизни. И здѣсь Ѳ. И. старался упрочить народную жизнь и положеніе церкви, учредивъ для этого братство архистратига Михаила, которое послужило духовной связью для мѣщанъ и интеллигентнаго класса. Почином Ѳ. И. возникъ позже (въ 1867 г.) и особый русскій клубъ, подъ названіемъ «Русская Бесѣда».

Благодаря дѣятельности Ѳ. И.. Коломыя наряду со Львовомъ и Перемышлемъ стала третьимъ центромъ народнаго движенія Галицкой Руси, а во многомъ даже опередила два послѣднихъ города, особенно съ той поры, когда Ѳ. И. вызвалъ въ Коломыю своего брата, Михаила, и учредилъ для него типографію. Иждивеніемъ Ѳ. И. здѣсь печатались различныя сочиненія по сельскому хозяйству и поучительнаго содержанія, мѣсяцесловы, популярная газетка «Голосъ Народный» и юмористическое «Фуркало». «Голосъ Народный» прекратилъ вскорѣ свое существованіе, вслѣдствіе заключенія въ тюрьму редактора, Михаила Бѣлоуса.

Коломыйскою типографіею воспользовался жившій недалеко отъ Коломыи, въ Стрѣльчѣ, возлѣ Городенки, о. Іоаннъ Наумовичъ. Онъ сталъ издавать здѣсь «Русскую Раду», а позже «Науку» и учредилъ въ 1870 г. славное общество имени Качковскаго, такъ много содѣйствовавшее просвѣщенію народа и развитію Галицкой Руси. Дѣятельность Ѳ. И. послужила такимъ образомъ подготовкою для подвиговъ о. Наумовича, получившаго во многомъ поощреніе и наставленіе отъ Ѳ. И.

Дальнѣйшею заботою Ѳ. И. было подготовлять русскую молодежь къ дѣятельности на поприщѣ государственномъ, школьномъ, торгово-промышленномъ, дабы такимъ образомъ усилить свѣтскую интеллигенцію Галицкой Руси. Какъ директоръ гимназіи, онъ уговаривалъ коломыйскихъ мѣщанъ и окрестныхъ поселянъ опредѣлять въ нее болѣе способныхъ мальчиковъ. По воскреснымъ и праздничнымъ днямъ Ѳ. И садится бывало на первую попавшуюся телѣгу, чтобы у сельскихъ учителей и священниковъ развѣдать о даровитыхъ сельскихъ мальчикахъ и помочь имъ поступить въ гимназію. Такимъ образомъ число русскихъ учениковъ въ коломыйской гимназіи вскорѣ увеличилось; по улицамъ города все чаще можно было видѣть мальчиковъ въ крестьянскомъ платьѣ, бѣгущихъ съ книжками въ рукахъ въ школу. Такъ какъ молодежь эта была бѣдна, то Ѳ. И. основалъ. при помощи коломыйскаго приходника о. Луки Данкевича, пріютъ для нея, подъ названіемъ бурсы. На собственныя средства нанялъ онъ для этой цѣли домъ, пропитаніе же доставляли сосѣдніе священники и крестьяне. Такимъ образомъ въ бурсѣ находили пріютъ 40—50 учениковъ. Это была первая изъ содержимыхъ на добровольныя пожертвованія бурсъ. По ея образцу устроены были потомъ подобные пріюты для учащейся молодежи въ другихъ

городахъ Галичины. Для усиленія фондовъ коломыйской бурсы Ѳ. И. устроилъ у всѣхъ въѣздовъ въ городъ часовни съ кружками, въ которыя пріѣзжіе бросали мелкія подаянія, составлявшія въ годъ свыше 1000 гульденовъ. Половина этой суммы шла въ пользу бурсы, прочее употреблялось для мѣстныхъ церквей.

Дальнѣйшей благотворной дѣятельности Ѳ. И. въ Коломыѣ помѣшали политическія обстоятельства. Когда послѣ пораженія Австріи при Садовой въ 1866 г. у насъ восторжествовала политика Бисмарка, склонявшая Австрію искать для внѣшней своей дѣятельности новаго поприща на Востокѣ, въ Галичинѣ стали верховодничать поляки. Всемогущій намѣстникъ ея, гр. Голуховскій, поощряемый канцлеромъ гр. Бейстомъ, со свойственной себѣ энергіей принялся за ослабленіе и подавленіе русскаго элемента. Видя въ Ѳ. И. практическаго и по его мнѣнію опаснаго для новаго направленія внѣшней государственной политики дѣятеля, Голуховскій перевелъ его въ 1868 г. въ чисто польскую западную Галичину, на должность директора прогимназіи въ Бохнѣ. Отторгнутый отъ своего народа, Ѳ. И. не могъ дѣйствовать въ его пользу съ такимъ успѣхомъ, какъ прежде. Но любовь къ Руси и готовность жертвовать собою для ея блага не переставали его воодушевлять. У него былъ списокъ всѣхъ чиновниковъ, учителей и священниковъ русскаго происхожденія въ Галичинѣ и Буковинѣ. Къ нимъ высылалъ онъ ежедневно письма, утверждая всѣхъ въ любви къ русской церкви, языку, народности, въ мужественномъ служеніи русско-народному дѣлу. Эти письма были странны по внѣшнему виду, написаны на клочкахъ старой бумаги, ибо Ѳ. И. былъ крайне бережливъ, но сберегалъ онъ деньги не для себя, а для народа, зная его бѣдность и нужду.

Филантропизмъ Ѳ. И. обнималъ не однихъ русскихъ, но простирался также и на польскій народъ западной Галичины. Его усиліями основанъ былъ въ Бохнѣ фондъ для поддержки бѣдныхъ крестьянскихъ дѣтей, посѣщавшихъ гимназію. Польская шляхта на это смотрѣла косо, подозрѣвая въ Ѳ. И.«панмосковскіе», панславистическіе и соціалистическіе замыслы.

Не было галичанина, который бы не зналъ Ѳ. И.—одни лично, другіе по слуху. Довольно высокаго роста, бѣлокурый, съ голубыми глазами и правильными чертами лица, Ѳ. И. былъ весьма симпатичною личностью, несмотря на крайнюю небрежность въ туалетѣ, обусловленную его крайнею бережливостью. Отказывая себѣ во всѣхъ удобствахъ жизни, онъ даже не нанималъ себѣ квартиры, а помѣщался гдѣ нибудь въ углу канцелярской комнаты, на харчахъ же былъ у дворника школьнаго зданія. Только въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Бохнѣ онъ принужденъ былъ по требованію начальства нанять себѣ частную квартиру. При такихъ скромныхъ потребностяхъ Ѳ. И. могъ сберегать почти цѣлое свое жалованье и употреблять его на общенародныя цѣли.

Ѳ. И., хотя другихъ женилъ, самъ всю жизнь остался холостякомъ. Разсказываютъ, что причиною того было одно неудачное сватовство его на дочери священника, который былъ возмущенъ желаніемъ жениха устроить на приданое пріютъ для бѣдныхъ дѣвочекъ.

Быть можетъ это обстоятельство обратило вниманіе Ѳ. И. на недостатки женскаго образованія въ Галицкой Руси, ибо кромѣ промышленныхъ дѣлъ, народнаго образованія и церковныхъ отношеній его очень занимала мысль улучшить женское воспитаніе, чтобы приготовить, для русской свѣтской интеллигенціи, чиновниковъ и учителей, хорошихъ патріотическихъ и образованныхъ женъ. Образованный мірянинъ, желая имѣть русскую жену, слѣд. русскій домъ, можетъ въ Галичинѣ найти невѣсту почти исключительно въ священническихъ домахъ. Но большинство священниковъ по недостатку средствъ не даютъ своимъ

дочерямъ почти никакого образованія, пріучая ихъ единственно читать и писать по-польски, кланяться и танцовать, а для завершенія такого образованія предлагая чтеніе польскихъ романовъ. Другіе, болѣе зажиточные, отдаютъ своихъ дочерей въ польскіе пансіоны, гдѣ ихъ учать играть на роялѣ и болтать по-нѣмецки и по-французски. Такое воспитаніе производитъ женъ и матерей, вовсе не понимающихъ своего призванія. Единственное «воспиталище» для русскихъ дѣвочекъ съ разумнымъ направленіемъ существуетъ въ Яворовѣ, подъ управленіемъ инокинь-василіанокъ, но оно не можетъ удовлетворить потребностямъ всей Галицкой Руси. Покойный Ѳ. И. всю жизнь копилъ средства для открытія новаго женскаго пансіона и на смертномъ одрѣ завѣщалъ для этой цѣли свой двухэтажный домъ въ Коломыѣ.

Источникомъ такого самоотверженія Ѳ. И. было глубокое религіозное чувство. Онъ всецѣло былъ преданъ церкви и, горячо любя славянскій обрядъ, каждое воскресенье и праздникъ присутствовалъ на обѣднѣ, читалъ изъ апостола и пѣлъ на клиросѣ. Изъ Бохни ему приходилось ѣздить къ обѣднѣ по желѣзной дорогѣ въ Краковъ.

Ѳ. И. много путешествовалъ. Онъ изъѣздилъ всю Европу, сѣверную Африку и Малую Азію. Выслуживъ 30 лѣтъ въ учительскомъ званіи и получивъ отставку въ 1888 г. онъ предпринялъ еще одно путешествіе въ Святую землю, описанное имъ въ львовскомъ журналѣ «Бесѣда», позже изданное особо въ трехъ частяхъ.

Возвратившись изъ путешествія, Ѳ. И. не участвовалъ болѣе въ публичной жизни, ибо ему пригрозили отнятіемъ жалованія, если будетъ заниматься «политикою», подъ которой въ Галичинѣ разумѣютъ литературную дѣятельность, основаніе читаленъ и ссудо-сберегательныхъ кассъ и всякій трудъ на пользу просвѣщенія народа. Кромѣ того преклонный возрастъ и долгое заточеніе въ западной Галичинѣ ослабили его энергію, такъ что онъ желалъ въ покоѣ окончить жизнь.

Хотя его дѣятельность была направлена главнымъ образомъ на практическую сторону жизни, тѣмъ не менѣе онъ принималъ живое участіе и въ литературномъ движеніи галицкой Руси, составляя статьи для періодическихъ изданій и цѣлыя сочиненія. Вотъ списокъ главнѣйшихъ изъ нихъ: 1) Сѣверная любовь. Львовъ, 1851. 2) Весна. Сборникъ, Львовъ, 1852. 3) Записки школяра—путника. Львовъ, 1853. 4) Древнія зданія, 1858. Описаніе иконъ, находящихся въ церквахъ гор. Львова. 6) Благовонная Китица. Львовъ, 1858. 7) Церкви русскія въ Галиціи и Буковинѣ. Коломыя, 1877. 8) Зоря на русскомъ небосклонѣ. Коломыя, 1878. 9) Марѳа-гарная момица. Коломыя, 1878. 9) Нѣсколько русскихъ и румынскихъ грамотъ. Коломыя, 1880. 10) Грицко Вардинъ Мочиморда. Коломыя, 1880. 11) Исторія князей Острожскихъ. Львовъ, 1883. 12) Ивана Федоровича. Афоризмы и Гадки. Переводъ изъ польскаго. Коломыя, 1882.—1883. 13) Путевыя записки. Львовъ и Коломыя, 1889. 3 части.

Ѳ. И. скончался 27 февраля 1892 г. на 65 году жизни. Его смерть возбудила всеобщее сожалѣніе, даже у тѣхъ, которые при жизни считали его чудакомъ. Дѣйствительно, человѣкъ, добровольно обрекавшій себя на лишенія во всю жизнь и трудившійся для блага своего народа, многимъ могъ казаться чудакомъ. Но еслибы не онъ и сходный съ нимъ по нраву и образу жизни Михаилъ Качковскій, Галицкая Русь никогда не обнаружила бы столько стойкости и силы въ виду враждебнаго напора, сколько мы видѣли въ послѣднее время. Честь и слава этому герою человѣколюбія и патріотическаго самопожертвованія! Да послужитъ онъ образцомъ добродѣтели для своихъ и чужихъ!

Червонорусъ.

— Въ Вѣнѣ организовано галицко-русское общество **«Громада»**, въ составъ котораго входятъ студенты и живущіе въ Вѣнѣ русскіе рабочіе. При обществѣ имѣется читальня. Предсѣдателемъ состоитъ ректоръ русской семинаріи о. Сембратовичъ. Между членами не мало красныхъ и сепаратистовъ.

— Во Львовѣ открыто новое русское **страховое общество «Днѣстръ»**, на началахъ взаимности. Паи этого общества разобраны: 137 священниками, 148 свѣтскими лицами, 27 обществами, 29 женщинами и 9 крестьянами. Во главѣ общества стоитъ И. Березницкій. Оно имѣетъ слегка младорусскую окраску.

— Во **Львовѣ** приступлено къ учрежденію русскаго **гимнастическаго общества «Соколъ»**, по образцу «Соколовъ» чешскихъ и польскихъ. Сепаратисты хотѣли назвать это общество «Сѣчью», но большинство высказалось за чешское названіе гимнастовъ «Соколами».

— Въ 1894 г. во **Львовѣ** предположена **«Краевая выставка»**, на подобіе бывшей недавно въ Прагѣ. Во главѣ организаціоннаго комитета стоитъ кн. Адамъ Сапѣга. Судя по исключительно польскому составу этого комитета, выставка будетъ не столько «краевая», сколько галицко-польская.

— Съ 1 сент. въ г. **Самборѣ** открывается новая **учительская семинарія**, по требованію русскаго населенія. Вѣроятно она будетъ по языку **утраквистскою**, т. е. польскою, какъ и всѣ прочія учительскія семинаріи въ Галичинѣ.

— 12—24 сент. въ Перемышльской епархіи предположено отпраздновать **45-лѣтіе** со дня смерти незабвеннаго перемышльскаго **епископа Іоанна Снѣгурскаго**. Осенью же или зимою состоится перенесеніе его гроба въ особо сооруженную для того часовню въ Перемышлѣ.

— Въ 1867 г., при началѣ австроугорскаго дуализма въ **Галичинѣ**, лишь 38 **имѣній** принадлежали **евреямъ**. Три года спустя ихъ было уже 68; въ 1876 г.— 289; въ 1892 г.—684, изъ общаго числа 3.700 крупныхъ имѣній. Сверхъ того евреи скупили тамъ 43.000 крестьянскихъ надѣла. Большая часть галицкой земли находится уже въ еврейскихъ рукахъ. Лѣтъ черезъ 20, при такой прогрессіи тамъ вовсе не останется христіанскихъ землевладѣльцевъ...

— 4—16 іюня во Львовѣ происходило **вѣче еврейскихъ студентовъ** университета и политехники, обсуждавшее вопросъ, слѣдуетъ ли евреямъ стремиться къ **слiянію** съ поляками (polak mojżeszowego wyznania) или, наоборотъ, къ **образованію отдѣльной народности**, впослѣдствіи и отдѣльнаго государства, въ Палестинѣ или въ другой странѣ (не въ Галичинѣ ли?). Большинство высказалось противъ ассимиляціи евреевъ съ поляками, вслѣдствіе чего образовано особое еврейско-студенческое общество: **«Іешивасъ Ахимъ»**. Упадокъ польскаго вліянія на евреевъ выразился и въ закрытіи газеты «Ojczyzna», бывшей органомъ еврейскаго союза: **«Агудасъ Ахимъ»**.

— Изъ отчета **Іезуитской гимназіи** въ г. **Хыровѣ** въ Галиціи видно, что въ ней воспитывается 367 учениковъ, б. ч. русскаго происхожденія. Плата въ дешевомъ (sic) отдѣленіи 250—350 гульд., въ дорогомъ же 500—600 гульд. Сверхъ гимназическихъ предметовъ тутъ преподаются для желающихъ музыка, фехтованіе и **языкъ «россійскій»**. Послѣдній принятъ вѣроятно въ интересахъ пріѣзжихъ учениковъ изъ Россіи... Гимназія эта скоро получитъ и для высшихъ классовъ право государственной публичности.

— 16 іюня въ Бродахъ происходилъ XXVI-ый общій **съѣздъ галицко-польскаго педагогическаго общества**. Изъ отчета о его дѣятельности за время съ 16 іюня 1891 по 16 іюня 1892 г. узнаемъ, что въ Обществѣ этомъ находится теперь болѣе 3000 членовъ, б. ч. сельскихъ и городскихъ учителей, причемъ оно имѣетъ въ Галичинѣ 61 отдѣлъ и 166 кружковъ (kolek). Органомъ обще-

-ства служитъ журналъ: Szkoła. Благодаря стараніямъ Общества положеніе сельскихъ учителей улучшилось: ихъ жалованье возвышено отъ 300 до 350 и 400 гульд.; выдана пятилѣтняя прибавка къ жалованью; число этихъ пятилѣтокъ объявлено неопредѣленнымъ; есть надежда на назначеніе единовременнаго пособія по случаю дороговизны. Втеченіе отчетнаго года общество издало сверхъ «Школы» (до 80 печ. лист.) 16 сочиненій, б. ч. школьныхъ пособій то для учениковъ, то для учителей. На средства Общества содержалось 24 стипендіата въ бурсахъ; имъ же организованы были каникулярныя колоніи въ Бескидахъ для 102 мальчиковъ. Активъ Общества простирается до 30.000 гульд.; сверхъ того фондъ бурсъ до 6.000 гульд. На изданіе «Школы» и другихъ книгъ было израсходовано болѣе 20.000 гульд., которые затѣмъ выручены отъ продажи изданій.

— Изъ отчета **краковскаго** «Towarzystwa óswiaty ludowej» за 1891 г. узнаемъ, что общество это учредило до сихъ поръ 460 **читаленъ** и снабдило ихъ книгами въ количествѣ 68.921 экземпляровъ, на сумму 16.897 гульд. Изъ 11-ти популярныхъ лекцій, устроенныхъ обществомъ въ Краковѣ, отчетъ выдвигаетъ особенно чтенія проф. Миклашевскаго о конституціи 3 мая, послужившія основою для такихъ же чтеній во всѣхъ прочихъ читальняхъ края. При организаціи отдѣловъ общества помогаютъ ему особые делегаты, которыхъ теперь 23. Успѣшно развивается-де учрежденная обществомъ 2 г. назадъ школа для женской прислуги. Предположено издавать журналъ для ремесленниковъ, на который уже собрано 1.480 гульд. Общая сумма доходовъ общества въ 1891 г. простиралась до 5.519 гульд. Съ нынѣшняго года дѣятельность общества распространена и на австр. Слезію.

— Конференція **краковскихъ** городскихъ школъ въ засѣданіи 1 іюня опредѣлила ввести **вертикальное письмо** вмѣсто наклоннаго, по причинамъ гигіеническимъ и дидактическимъ.

— Младопольскій кружокъ студентовъ краковскаго университета издаетъ особый органъ: «Młode Słowo», въ которомъ пропагандируетъ идеи соціальной реформаціи и демократизма. Въ № 3 этого изданія помѣщено между прочимъ ст. **Казиміра Моровскаго:** «Boże carja chrani», въ которой авторъ разъясняетъ причину колебанія чешскихъ «соколовъ» между «Еще Польска не згинела» и «Боже, царя храни». Чехи руководятся-де при этомъ инстинктомъ самосохраненія отъ нѣмцевъ, но ошибаются-де въ томъ, что видятъ спасеніе славянства въ союзѣ съ Россіей, а не подъ эгидою Польши!.. Интересно-де знать, какой Польши: феодально-клерикальной или «соціально-демократической»? Польскія газеты называютъ г. Маровскаго славянофиломъ. Но отъ этого славянофильства недалеко до г. Поповскаго, который въ Вѣнскомъ рейхсратѣ произнесъ демонстративно, что «славянство не стоитъ въ его глазахъ и щепоти табаку»...

— Извѣстный польскій живописецъ **Матейко** подарилъ «польскому народу» свою новую картину: **«Актъ конституціи 3-го мая»**. Она будетъ пока помѣщена въ львовскомъ сеймовомъ залѣ, какъ единственномъ представительномъ собраніи «польскаго народа»...

— Во Львовѣ отпраздновано недавно **50-лѣтіе** литературной дѣятельности **проф. Ант. Малэцкаго**. Онъ род. въ 1821 г. въ Познанской области, воспитывался въ берлинскомъ университетѣ и служилъ затѣмъ въ званіи учителя познанской гимназіи, а потомъ профессора классической филологіи въ краковскомъ (1850 г.) и инсбрукскомъ (до 1856 г.) университетахъ. Съ 1856 г. онъ переселился во Львовъ, гдѣ преподавалъ польскій языкъ и литературу, до 1873 г. Затѣмъ онъ состоялъ кураторомъ Института Оссолинскихъ во Львовѣ. Изъ

научныхъ его работъ особенно извѣстны Польская грамматика, Очеркъ о Словацкомъ и Исторія польской литературы.

— Въ Краковѣ уже 5-ый годъ издается обществомъ на паяхъ **«Nowa Biblioteka Uniwersalna»**, въ которой помѣщаются научныя и беллетристическія сочиненія лучшихъ авторовъ—оригинальныя и переводныя. Въ N. B. Un. за 1892 г. напечатаны между прочимъ: соч. кс. Калинки (2 тт.), 2 стт. гр. Ст. Тарновскаго; 2 повѣсти Абгаръ-Солтана; новелла В. Лозинскаго; воспоминанія Шумскаго и др. Цѣна годового изданія (120 печ. лл.) 4 гульд или 9 марокъ.

— Въ г. **Бытомѣ** (прусская Слезія) недавно отпраздновано **25-лѣтіе** самаго вліятельнаго изъ мѣстныхъ польскихъ органовъ, **«Католика»** (Katolik). Онъ основанъ К. Мяркою (Miarka) и развитъ кс. Радзишевскимъ; теперь же изд. А. Напеpальскимъ и Я. Эккертомъ (Eckert). Газета эта имѣла значительное вліяніе на подъемъ народнаго сознанія въ средѣ слезскихъ поляковъ.

— 30 сент. въ г. **Познани** предположено общее собраніе нѣмецкаго **Verein'a für Socialpolitik**. Выборъ мѣста обусловленъ желаніемъ обозрѣть новоучрежденныя нѣмецкія колоніи въ купленныхъ отъ поляковъ имѣніяхъ. Главнымъ предметомъ обсужденія будетъ вопросъ о земледѣльческомъ трудѣ и внутреннихъ переселеніяхъ въ Германіи. Рефератъ прочтетъ проф. Кнаппе изъ Страсбурга. Второю темою обсужденія будетъ: «О распредѣленіи земельной собственности и усиленіи мелкопомѣстнаго владѣнія». Читать будутъ проф. Серингъ и Гирке (Sering, Gierke) изъ Берлина.

— **О числѣ польскихъ газетъ въ Пруссіи**. Въ **Верхней Слезіи** выходитъ 7 польскихъ газетъ, изъ нихъ: **Katolik** въ 13.300 экз.; **Praca** въ 7.000 и **Swiatlo** въ 2.300 экз. Всего же считается тутъ подписчиковъ 35.000 на 1.000.000 жит. Въ княжествѣ **Познанскомъ** выходитъ 10 польскихъ газетъ, въ числѣ 22.000 экз. (между ними 15.000 простонародныхъ изданій). Въ зап. Пруссахъ 4 газ. въ 10.000 экз. Въ Варміи 1 газ., съ малымъ числомъ подписчиковъ. Въ Берлинѣ 2 газ., въ 2.000 экз. Въ Вестфаліи 1 газ., до 2.000 экз. Такимъ образомъ всѣхъ польскихъ газетъ въ Пруссіи до 37, съ 62.000 подписчиковъ и вѣроятно втрое большимъ числомъ читателей, на 3½ мил. жит. Отсюда видно, что $^{9}/_{10}$ поляковъ въ Пруссіи не читаютъ польскихъ газетъ.

— 16—28 іюня въ Прагѣ происходило подъ предсѣдательствомъ г. **В. Наперстка** третье общее собраніе комитета по сооруженію въ Прагѣ **памятника Яну Гусу**. При этомъ было доложено, что пражская городская управа отвела для этого памятника мѣсто на т. наз. «Малой староміьстской» площади. Конкурсъ на памятникъ объявленъ еще прошлой осенью. Для выбора изъ представленныхъ чертежей лучшаго образована особая комиссія экспертовъ, въ которую вошли: чешскій живописецъ В. Бражикъ, архитекторъ Я. Зитекъ, проф. А. Ирасекъ, эстетикъ д-ръ О. Гостинскій и три французскихъ скульптора: Л. Э. Барріасъ, М. Ж. Мерсіе и Э. А. Ноель. Собрано на памятникъ пожертвованій болѣе 70.000 гульд. Весь же расходъ предположенъ въ 100.000 гульд. Недостающіе 30 000 комитетъ разсчитываетъ собрать въ непродолжительномъ времени.

— Къ 6-му іюня, какъ памятному дню сожженія **Яна Гуса** въ Констанцѣ, присланы были на его памятникъ вѣнки: 1) отъ *чешско-славянскихъ заграничныхъ обществъ*: въ Житавѣ, Фюссенѣ, Штутгартѣ, Базелѣ, Майнцѣ, Нюренбергѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Сакскаминицѣ, Лейпцигѣ, Бременѣ, Мишни, Цюрихѣ, Фюрстѣ, Пфорцгеймѣ, Эрфуртѣ, Бѣлградѣ, Лондонѣ, Гамбургѣ и Франкфуртѣ; имена этихъ городовъ были вышиты золотомъ на синей лентѣ этого гигантскаго лавроваго вѣнка; 2) отъ *пражскаго комитета по со-*

оруженію памятника Гусу, вѣнокъ пальмовый съ красно-бѣлою лентою; 3) отъ чешскихъ студентовъ въ Прагѣ, лавровый вѣнокъ съ красною бархатною чашею по серединѣ и длинной траурной фатой; 4) отъ почитателей въ г. Рокицянѣ, съ трехцвѣтными лентами. По этому случаю городская дума г. Констанца разрѣшила вырѣзать чешскую надпись на монументѣ, который лежитъ на мѣстѣ сожженія славянскаго, мученика.

— 8—20 авг. предположено открытіе въ г. **Угорскомъ Бродѣ** (въ Моравіи) **памятника** славному моравянину, родившемуся въ окрестностяхъ этого города,, **Амосу Коменскому**. Памятникъ сдѣланъ изъ песчаника, на средства мѣстнаго учительскаго общества. По случаю открытія памятника предположенъ въ этомъ городѣ съѣздъ чешско-моравскаго «учительскаго общества», а также чешско-моравскихъ «соколовъ». Послѣ открытія состоится экскурсія участниковъ въ с. Нивницы, гдѣ въ 1592 г. род. А. Коменскій.

— Въ г. **Фульнекѣ** (Fulnek) въ Моравіи 19 іюня состоялось **открытіе памятника І. Амосу Коменскому**, который былъ въ этомъ городѣ учителемъ въ 1618—21 гг. Памятникъ состоитъ изъ обелиска съ мраморной доской и нѣмецкой (sic) на ней надписью: Hier lebte I. A. Comenius vom 1618—1621. Торжественную рѣчь держалъ депутатъ рейхсрата Габерманъ. Онъ между прочимъ старался доказать, что Коменскій былъ нѣмецкаго происхожденія, именно изъ фамиліи Schwach! Судя по этой рѣчи, скорѣе можно произвести имя Haberman отъ Schwach, чѣмъ Коменскаго...

— 2 іюня въ **Берлинѣ** происходило общее собраніе членовъ **чешско-славянскаго общества**, которое служитъ средоточіемъ живущихъ въ Берлинѣ чеховъ, отчасти и другихъ славянъ. Общество владѣетъ библіотекою въ 475 томовъ и выписываетъ много чешскихъ книгъ и журналовъ, поддерживая съ тѣмъ вмѣстѣ и журналъ «Vlast», издаваемый членомъ этого общества г. Грубымъ. Истинно славянское настроеніе его выражается въ томъ, что оно ежегодно справляетъ поминки по Я. Гусѣ. Въ нынѣшнемъ году оно отпраздновало и юбилей І. А. Коменскаго. Во главѣ общества стоитъ г. Маша. Однимъ изъ дѣятельныхъ его членовъ—редакторъ «Vlasti» В. Грубый.

— По почину чешскаго публициста Ед. Елинка (Jelinek) въ **Краковѣ** организуется **чешско-польское общество**, для поддержанія чешскаго языка и сближеній чеховъ съ поляками. При обсужденіи устава этого возникающаго общества указано было на времена польско-чешскихъ уній—при Пястовичахъ, а затѣмъ при Ягеллонахъ. Настроеніе и духъ возникающаго общества выражается между прочимъ въ томъ, что на учредительномъ его собраніи члены пропѣли сначала: «Kde domôw môj», а затѣмъ: «Jeszcze Polska nie zgineła»... Но не сказалъ ли 100 лѣтъ тому назадъ самъ Косцюшко: «Finis Poloniae»!..

— Въ Прагѣ открыто недавно **«Черногорское общество»** («Černohorský Spolek»), имѣющее цѣлью помогать тѣмъ черногорскимъ юношамъ, которые пожелали бы получить въ Чехіи, Моравіи или Слезіи спеціальное образованіе, по части сельскохозяйственной, промышленной и т. п. Во главѣ этого симпатичнаго общества, которое учреждено въ память юбилейной пражской выставки, стоятъ И. В. Брезновскій, І. Голечекъ и І. С. Вилимекъ.

— Вслѣдствіе закрытія въ 1855 г. моравскаго университета въ г. Оломуцѣ (кромѣ богословскаго факультета), моравяне и слезаки должны на чужбинѣ получать высшее образованіе. Чтобы направить ихъ въ Прагу, учреждено и съ успѣхомъ дѣйствуетъ особое **общество: Radhošť** для вспомоществованія такимъ студентамъ. Оно поддерживаетъ и словаковъ, которые учатся въ Прагѣ. Нельзя не сочувствовать цѣли и дѣятельности этого общества.

— Чешская Академія наукъ и искусствъ присудила **золотую медаль чешскому народному театру** за его блестящіе успѣхи на вѣнской театральной выставкѣ.

— **Пражская** городская дума соорудила за 250.000 гульд. **казарму для мѣстныхъ** войскъ; но управленіе послѣднихъ отказывается принять этотъ даръ, такъ какъ на домѣ красуется **чешская надпись,** а не нѣмецкая, какъ желаютъ генералы.

— По почину славной чешской писательницы **Елишки Красногорской** въ Прагѣ возникло общество «Минерва», которое открыло **женскую гимназію съ древними языками,** чтобы и чехо-словенки могли имѣть доступъ къ самому источнику нынѣшняго просвѣщенія. На актѣ этой гимназіи были между прочимъ продекламированы ученицами отрывки изъ Овидія и Гомера. Всѣхъ ученицъ было до 50. Во главѣ этой частной женской гимназіи стоятъ гг. Прусикъ и І. Валента. По образцу ея предположено и въ Вѣнѣ открыть подобное заведеніе.

— Извѣстный чехословенскій славяновѣдъ проф. **Мартинъ Гаттала** оставилъ каѳедру въ пражскомъ университетѣ, за выслугою полнаго срока на пенсію. Ученая его дѣятельность будетъ теперь сосредоточена въ чешской Академіи наукъ. Въ непродолжительномъ времени ожидается выходъ въ свѣтъ его изслѣдованія о Краледворской рукописи.

— Чешскіе поэты: **Ярославъ Верхлицкій и Зикмундъ Боушка** за свои переводы новопровансальскихъ произведеній получили отъ съѣзда фелибровъ на jeux des fleurs—по серебряной медали. Подобныя награды лишь изрѣдка назначаются писателямъ не-провансальскимъ.

— Въ Прагѣ вышелъ новый сборникъ стихотвореній **Ярослава Верхлицкаго: Život a smrt** (Praha, 1892). Тутъ помѣщено не мало неизданныхъ еще произведеній, написанныхъ въ 1891 г. этимъ знаменитымъ поэтомъ.

— Въ Прагѣ вышла недавно брошюра: **«Cisarské Slovo»,** въ которой перепечатаны четыре заявленія имп. Франца Іосифа **о желаніи его короноваться чешскою короною,** для закрѣпленія связей своей династіи съ чешскимъ народомъ, а именно: 1) слова, сказанныя въ 1861 г. депутаціи чешскаго сейма; 2) въ рескриптѣ сейму 26 авг. 1870 г., 3) въ другомъ такомъ же рескриптѣ и 4) въ манифестѣ 12 сент. 1871 г. Брошюра эта была конфискована пражской полиціей, но потомъ выпущена по распоряженію изъ Вѣны.

— Въ издаваемомъ **Отто** въ Прагѣ «**Slovnik Naučný**» продолжается выходъ въ свѣтъ выпусками статьи: **Cechy.** Выпуски 111 и 112 посвящены главн. обр. чешскимъ школамъ и историческому обзору чешскаго прошлаго.

— Въ Прагѣ вышелъ 13-й вып. юмористическихъ очерковъ **Святополка Чеха,** озаглавленныхъ: **Pestré Cesty po Čechách.** Содержаніе взято изъ воспоминаній о юбилейной пражской выставкѣ 1891 г.

— Вышли 3-й и 4-й вып. Жизнеописанія І. А. Коменскаго, по матеріаламъ Зоубка. подъ ред. Новака: **Fr. Zoubek, Život I. A. Komenského.** Praha. Это одно изъ лучшихъ сочиненій о Коменскомъ, значительно дополненное противъ перваго изданія.

— Въ моравскомъ г. Зноймѣ вышло на нѣм. языкѣ **Жизнеописаніе І. А. Коменскаго Ант. Врбки** (Ant. Vrbka, Leben und Schicksale des Ioh. Am. Comenius. Znaim 1892 г. ц. 1 гульд.), съ портретами и рисунками. Сочиненіе это составлено по лучшимъ существующимъ пособіямъ.

— Въ Прагѣ вышелъ 3-й вып. соч. **Т. Билека: О католической реформаціи въ Чехіи** XVII в. (**T. V. Bilek, Reformace katolická** v král. Českém po bitvě Bělohorské. Praha).

— Въ г. Тельчѣ вышелъ недавно разсказъ др. **Яна Гербена** (Jan Herben): **Do**

třetího i čtvrtého pokolení. Тутъ излагается какъ бы хроника одного словенскаго рода, за цѣлыя 100 л. Въ рамкахъ разсказа тутъ представленъ очеркъ жизни мѣстныхъ крестьянъ, въ очень вѣрномъ и сочувственномъ освѣщеніи.

— Въ Прагѣ вышелъ 13-й вып. **«Sebraných Spisů Jana Nerudy»**, знаменитаго чешскаго юмориста и публициста. Ц. по 16 кр. за выпускъ.

— Вышли 5-ый и 6-й вып. **А. Г. Стина: Исторіи русской литературы въ XIX в.** (A. Stin, Historie literatury ruské XIX stol. Praha). Очеркъ доведенъ до Тургенева.

— Въ г. Пискѣ ум. 10 іюня законоучитель высшей женской школы въ Прагѣ **Войтѣхъ Пакоста** (Pakosta). Онъ род. въ 1856 г., рукоположенъ въ 1871 г. и былъ законоучителемъ сначала въ пражскомъ городскомъ училищѣ, а затѣмъ въ высшей женской школѣ. Пакоста имѣлъ поэтическій талантъ и печаталь стихотворенія, главнымъ образомъ лирическія, въ разныхъ журналахъ, особенно въ «Zlatá Praha», «Světozor», «Osvěta», «Hlas Národa», «Vlast». Отдѣльно вышли его «Růže a trny». Очень удачны его стихотворные переводы, особенно изъ словинскаго и польскаго, наприм. стихотвореній Симона Грегорчича, «Предсвита» Зигмунта Краснигскаго и н. др. Въ послѣднее время имъ написано нѣсколько прекрасныхъ сонетовъ на мотивы шумавскіе. Смерть неожиданно пресѣкла его дѣятельность всего на 36-мъ году жизни.

— По статистическимъ даннымъ въ послѣднія 10 л. **выселилось изъ Угріи въ Америку**: изъ Шаришскаго комитата 20.905 д., изъ Спиша 20.727, изъ Абауй-Торны 15.599, изъ Земплинскаго 12.837, изъ Ужгородскаго 9.189, изъ Тренчанскаго 5.857 и изъ Оравскаго 3.676, такимъ образомъ въ совокупности **до 90.000 русскихъ и словаковъ**. Эта эмиграція служитъ лучшимъ поясненіемъ староугорскаго изреченія: Extra Hungariam non est vita; si est vita, non est ita!

— 9—(21) іюля въ Вѣнѣ происходило первое общее собраніе новооткрытаго **словенскаго литературнаго общества «Народъ»**. Предсѣдателемъ его др. Вагнеръ. Первыми же почетными членами—поэты Гвѣздославъ (П. Орсагъ) и Ваянскій (Св. Гурбанъ). Это ручается за истинно-славянское направленіе этого общества, къ которому относятся очень сочувственно и вѣнскіе чехи, сербы, русскіе и румыны.

— Въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ вышелъ недавно 1-й томъ **«Собранія поэтическихъ произведеній» Гвѣздослава** (Павла Орсага): **Hviezdoslav, Sobrané spisy básnické**. Turčiansky Sv. Martin. 1892 г. Въ него вошли эпическія произведенія этого высокодаровитаго поэта. Есть много стихотвореній, ранѣе нигдѣ не напечатанныхъ. Желательно бы появленіе ихъ въ русскомъ переводѣ. Ц. 1 гульд 20 кр.

— Въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ вышелъ **«Карманный русско-словенскій словарь»**, составленный **А. М. Мичатекомъ**. Это лучшій, даже единственный словарь русско-словенскій, который значительно облегчитъ изученіе русскаго языка словакамъ. Пригодится онъ и русскимъ, особенно если г. Мичатекъ дополнитъ эту часть второю, словенско-русскою. Цѣна 1 р. 25 к.

— Въ Лейпцигѣ напечатанъ недавно **Сборникъ 100 словенскихъ народныхъ пѣсенъ, положенныхъ на ноты для игры на фортепіано Милославомъ Францисци** и изданныхъ его отцомъ, извѣстнымъ словенскимъ дѣятелемъ Ив. Ив. Францисци (Travnice 100 slovenských národnich piešni. Na klavir pristrojil Miloslav Francisci, vydal Jan Francisci). Въ виду общепризнанныхъ высокихъ достоинствъ словенской народной музыки, слѣдуетъ желать широкаго распространенія этого сборника и въ Россіи. Цѣна $1^1/_2$ гульд. Складъ у издателя (Jan Francisci, in Turocz Szent-Marton, Ungarn).

— Въ Липтовскомъ Св. Микулашѣ ум. одинъ изъ самыхъ твердыхъ и дѣятельныхъ словенскихъ патріотовъ **Андрей Палка**. Не занимая никакого офиціальнаго положенія, онъ имѣлъ однако сильное вліяніе на жителей этого города, который былъ средоточіемъ патріотической дѣятельности и знаменитаго словенскаго писателя **М. М. Ходжи**. Духъ Коллара и Ходжи отражался въ настроеніи и дѣятельности Андрея Палки, котораго смерть представляетъ столь же тяжелую утрату для липтовцевъ, какъ недавняя смерть Дакснера для словаковъ гелярскихъ.

— 24 іюня въ Люблянѣ происходило 27-ое общее собраніе **«Словинской Матицы»**. Изъ прочитанныхъ на немъ рѣчей предсѣдателя проф. Марна и секретаря Е. Лаха узнаемъ, что Матица эта имѣетъ теперь болѣе 1750 членовъ и располагаетъ капиталами до 56.000 гульд., не считая фондовъ на особыя цѣли. Балансъ прихода и расхода за отчетный годъ (1 іюня 1891—31 мая 1892 г.) выражается цыфрами: 12.023 : 6.371 гульд. Въ 1891 г. Матица издала 3 книги: 1. Letopis за 1891 г. 2. Zgodovina Novega Mesta, prof. A. Vrhovec. 3. Повѣсть «Pegam in Lamberger» др. Фр. (Детеля?), изъ словинской исторіи XV в. Въ 1892 г. также печатаются 3 книги: 1. Letopis за 1892 г. 2. «Goriška», prof. S. Rutar: это описаніе Горицкаго графства, какъ части Словѣніи; 3. Z ognjem in mečem», романъ Сѣнкевича, въ перев. М. Мраче. Сверхъ того приготовляется «Словинская стенографія», проф. Безеншка (въ Пловдивѣ). Число экземпляровъ 2400—2700.

Матица получила въ обмѣнъ до 260 новыхъ книгъ и журналовъ, въ томъ числѣ 116 русскихъ, 50 словинскихъ, 40 чешскихъ, 31 хорватскихъ, 10 нѣмецскихъ, 5 сербскихъ, 3 англійскихъ, 2 болгар. и латин., 1 серболужицкій. Въ отчетномъ году Матица приняла участіе въ празднествахъ въ честь др. Я. Блейвейса, при открытіи памятной доски на его бывшемъ домѣ, и Поточника, въ Шт. Видѣ.

Умершій 30 марта купецъ **Антонъ Кнезъ** завѣщалъ Матицѣ довольно значительное состояніе (до 30.000 гульд.) на ежегодное изданіе книжекъ для простонародья, въ свободомысленномъ направленіи и католическомъ духѣ. Сверхъ того въ Матицѣ имѣются особые фонды на сооруженіе памятниковъ др. Я. Блейвейсу (2696 гульд.) и др. Костѣ (1355 гульд.), а также фондъ Юрчича, Томшича на литературныя цѣли (2662 гульд.). Въ почетные члены Матицы избранъ президентъ Крайны бар. Винклеръ, какъ одинъ изъ учредителей Матицы и многолѣтній членъ ея комитета.

— Люблянская городская дума по предложенію Грибара опредѣлила **переименовать улицы Люблявы по-словински**, вм. прежнихъ нѣмецкихъ названій. Такимъ образомъ будутъ впредь въ этомъ городѣ площади: Водника, Вальвазора, Блейвейса, Погачаря, Юрчича и улицы: Копитара, Прешерна, Сломшка, Вольфа и др., по именамъ словинскихъ писателей и дѣятелей. Главный городъ Крайны да и вообще Словѣніи приметъ такимъ образомъ постепенно видъ славянскій, вмѣсто прежняго нѣмецкаго.

— 30 и 31 сего августа въ **Люблянѣ** будетъ происходить **съѣздъ словинскихъ католиковъ**, созванный для обсужденія не только церковныхъ, но и народныхъ дѣлъ Словѣніи, конечно въ правительственно-клерикальномъ духѣ.

— Въ **Грацкомъ университетѣ** предположено учредить **двѣ каѳедры** съ преподаваніемъ **на словинскомъ языкѣ**, именно: 1) гражданскаго права и 2) государственнаго права и народной экономіи. Но въ виду протеста подъальпійскихъ нѣмцевъ эта уступка словенцамъ, за вѣрность гр. Гогенварту и Тафе, отложена до 1893—94 уч. г.

— Въ Люблянѣ вышелъ 3-й вып. «Собранія сочиненій» извѣстнаго словинскаго писателя **Левстика.** (**Levstikovi Zbrani spisi. Uredil Fv. Levec III zvezek**). Ljubljana 1892. Ц. 2 гульд. 50 кр.

— Хорватское правительство, вполнѣ зависимое теперь отъ Будапешта, намѣрено переименовать **«Югославянскую Академію наукъ и искусствъ»** въ **Загребѣ** въ «Королевско-хорватскую академію наукъ», подобно какъ нѣкогда Иллирская Матица и прочія иллирскія общества были переименованы въ хорватско-славонскія или просто хорватскія. Причиною, очевидно нежеланіе мадьярскаго правительства поддерживать опасную для мадьяризма идею «югославянства», какъ одного цѣлаго. Еп. Штросмайеръ, который собственно и основалъ Югославянскую Академію считаетъ такое переименованіе противнымъ закону и сомнѣвается въ утвержденіи его загребскимъ соборомъ. Въ послѣднемъ случаѣ онъ намѣренъ, по сообщеніямъ газетъ, передать другому обществу коллекціи, завѣщанныя имъ Югославянской, а не Королевско-хорватской Академіи наукъ. Прибавимъ, что общая стоимость капиталовъ этой Академіи, дома и коллекцій простирается нынѣ до 700.000 гульд. По своей же 25-лѣтней ученой дѣятельности она занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между славянскими учеными учрежденіями.

О дѣятельности «Хорватской Матицы» въ Загребѣ. 19 іюня 1892 г. въ Загребѣ происходило годичное собраніе членовъ «Хорватской Матицы», совпавшее съ 50-тилѣтнимъ юбилеемъ ея существованія. Собраніе происходило подъ предсѣдательствомъ проф. Смичикласа, который во вступительной рѣчи обрисовалъ дѣятельность Матицы въ теченіе этого 50-лѣтія, распадающагося на нѣсколько болѣе замѣтныхъ періодовъ.

Первая мысль о Матицѣ возникла, по словамъ оратора, въ 1836 г., подъ вліяніемъ идей Люд. Гая. Загребскій народный соборъ 1836 г. опредѣлилъ учредить общество для развитія народнаго языка и литературы, но правительство медлило утвержденіемъ этого общества, такъ что гр. Янко Драшковичъ вынужденъ былъ въ 1838 г. основать вмѣсто Матицы «Читальню», при которой лишь позже, въ 1842 г., открыта была «Иллирская Матица», какъ фондъ для изданія книгъ, начиная съ «Османа» Гундулича и другихъ далматинскихъ классиковъ. Въ 1847 г. Матица переименована была изъ «Иллирской» въ «Хорватско-славянское книжевное дружество». Органомъ Читальни, слѣд. и состоявшей при ней Матицы, было «Коло» (Kolo), которое по желанію правительства называлось не журналомъ, а сборникомъ статей.

Въ 1850 г. «Читальня» была упразднена нѣмецкимъ правительствомъ, такъ что Матица получила характеръ самостоятельнаго общества для изданія хорватскихъ книгъ, но не дубровчанъ, а для простонароднаго употребленія. Все таки Матица успѣла въ 50-хъ годахъ издать сочиненія Пальмотича и Джорджича, а также журналъ «Neven» и нѣсколько новѣйшихъ произведеній.

Съ 1858 г. условія становятся благопріятнѣе. Матица развивается, особенно въ матеріальномъ отношеніи, благодаря Ивану Мажураничу, Матію Месичу и Адольфу Веберу.

Въ 60-хъ годахъ возникла Югославянская академія наукъ, которой Матица должна была передать завѣдываніе ученымъ отдѣломъ литературы. Матичный журналъ «Književnik», имѣвшій научное значеніе подъ ред. проф. Ягича, замѣненъ теперь былъ академическимъ Радомъ (Rad.). Для изданія книгъ простонародныхъ основано было, при содѣйствіи Матицы, общ. св. Іеронима. Центромъ хорватской беллетристики сталъ журналъ «Vienac», также основанный не безъ содѣйствія Матицы. На долю послѣдней досталась съ тѣхъ поръ (особенно съ 1874 г., когда изданъ новый уставъ Матицы) литература средняя между

научною и простонародною, предназначенная для всего образованнаго общества. Съ измѣненіемъ характера дѣятельности этого народнаго учрежденія совпало и переименованіе его въ «Матицу Хорватскую». Она затѣяла изданіе: въ 1-хъ, классиковъ — древнихъ и новыхъ, во 2-хъ, отдѣльныхъ популярно-образовательныхъ сочиненій, въ 3-хъ, произведеній хорватской беллетристики и 4-хъ хорватскихъ народныхъ пѣсенъ. Въ основу этого послѣдняго изданія положенъ богатый Сборникъ произведеній хорватской народной словесности Мих. Павлиновича, а затѣмъ—около сотни меньшихъ сборниковъ. Первый томъ этого монументальнаго изданія выйдетъ, по словамъ проф. Смичикласа, въ непродолжительномъ времени.

Изъ слѣдовавшаго за рѣчью предсѣдателя отчета секретаря и казначея Матицы Ивана Кострончича мы узнаемъ, что въ 1891 г. издано этимъ обществомъ восемь книжекъ для раздачи членамъ и одна для вольной продажи. Между первыми отмѣтимъ: Лепушича, Очерки изъ Босніи (Lepušić, Slike iz Bosne), Кумичича, Семейная тайна (Kumičić, Obiteljska tajna); Деметра, трагедія Теута (Demestr, Teuta, Tragedija); Коварца, Между свѣтомъ и тьмою (Kozarac, Medju svjetlom i tminom); Шандора-Дьяльскаго, Изъ вармединскихъ дней (Šandor-Gjalski, Iz varmegjinsik dana). Всѣ эти книжки печатаются въ числѣ 8.100 экземпляровъ, по числу членовъ Матицы, которымъ они разсылаются за 3 гульд. членскаго взноса въ годъ.

Въ 1892 г. предположено издать также 9 книжекъ, между которыми будутъ находиться: «Юбилейная книга» (Spomen knjiga) Матицы, составленная проф. Смичикласомъ и Фр. Марковичемъ; «Хорватская Антологія», проф. Гуго Бадалича, повѣсти Шандора-Дьяльскаго и В. Новака; Кланча, «Хорватская пѣсмарица» и мн. др.

Что касается бюджета Матицы и ея капиталовъ, то изъ отчета г. Кострончича видно, что она владѣетъ теперь домомъ въ 90.000 флор., неприкосновенными вкладами въ 50.000 флор. и годичными доходами до 30.000 флор. Членскихъ взносовъ получается до 20.000.

Въ послѣднія 15 лѣтъ Матица издала до 120 кн., въ количествѣ до 700.000 экз., стоимостью свыше 280.000 гульд. Членовъ насчитывается болѣе 8.000. Между ними до 300 такъ называемыхъ «повѣрениковъ», которые служатъ посредниками между управленіемъ и членами Матицы.

По случаю своего 50-лѣтія Матица опредѣлила: 1) Перенести изъ г. Радгоня (въ Штиріи) въ Загребъ гробъ основателя Матицы гр. Янка Драшковича и 2) пожертвовать 10.000 гульд. на образованіе особаго фонда для пособія нуждающимся хорватскимъ литераторамъ и художникамъ, ихъ вдовамъ и сиротамъ.

— Далматинцы очень обрадованы состоявшимся недавно рѣшеніемъ **іезуитовъ оставить задрскую семинарію**, которою они руководили 26 л. со времени еп. Змаевича. Они очень враждебно относились не только къ православнымъ далматинцамъ, но даже къ католикамъ-глаголяшамъ. Ихъ удаленіе обусловлено вѣроятно утратою прежняго значенія, со смертью далматинскаго латинизатора еп. Маупаса.

— Папа отклонилъ **ходатайство задрскаго архіепископа о введеніи въ Далмаціи славянской литургіи**, ссылаясь на привиллегированное положеніе латинскаго языка во всѣхъ католическихъ церквахъ. Единственное исключеніе сдѣлано католикамъ черногорскимъ: для нихъ разрѣшена славянская литургія, но по глагольскимъ, а не кирилловскимъ книгамъ, примѣнительно къ буллѣ о томъ папы Иннокентія IV.

— Извѣстный хорватскій археологъ, членъ Юго-славянской Академіи **Шиме Лю-**

бичъ, **завѣдывавшій** хорватскимъ археологигескимъ музеемъ въ г. Загребѣ, **вынужденъ** былъ выйти **въ отставку** и переселился въ родной свой Стариградъ въ Далмаціи, гдѣ предполагаетъ продолжать свои работы для Академіи наукъ.

— Далматинскій писатель г. **Модричъ**, совершившій недавно поѣздку по **Россіи**, предполагаетъ издать на итальянскомъ языкѣ обстоятельное **описаніе** этого **путешествія**. Судя по нѣкоторымъ отрывкамъ изъ него въ журналѣ «Il Diritto Croato» (въ Полѣ), книга г. Модрича будетъ очень отраднымъ явленіемъ въ итальянской литературѣ, которая до сихъ поръ пережевывала нѣмецкія выдумки о ненавистномъ нѣмцамъ славянскомъ царствѣ.

— Дубровницкій комитетъ по сооруженію **памятника** знаменитому поэту **Гундуличу** опубликовалъ «Proglas», въ которомъ сообщаетъ, что на памятникъ этотъ собрано уже 11.000 флор. и что если дальнѣйшая подписка пойдетъ успѣшно, то есть надежда, что памятникъ будетъ открытъ къ 20 мая 1893 г.

— Въ Дубровникѣ начала выходить новая **газета**: **«Дубровникъ»**, издаваемая въ сербскомъ, а не хорватскомъ духѣ, въ противность газетѣ «Crvena Hrvatska».

— Въ Дубровникѣ вышла недавно брошюра: **Dubrovčani, je su li Hrvati**? Это оттиски изъ статей въ «Crvena Hrvatska», посвященныхъ спорному вопросу о сербизмѣ или хорватизмѣ старыхъ и новыхъ дубровчанъ. Авторъ ратуетъ за нихъ хорватизмъ. Сербы оспариваютъ однако этотъ тезисъ, ссылаясь на особенности мѣстнаго діалекта.

— Значительный **фондъ сербскаго велико-кикиндскаго округа** въ Угріи рѣшеніемъ торонтальской жупаніи въ суммѣ 250,000 флориновъ **переданъ** въ администрацію **мадьярскаго правительства**. На проценты изъ этого сербскаго фонда содержится въ Великой Кикиндѣ чисто мадьярская гимназія, гдѣ сербскій языкъ вовсе не преподается. Тутъ повторяется исторія съ конфискованнымъ фондомъ словенской матицы, который употребляется на пропаганду мадьяризма между словаками.

— Въ половинѣ октября въ Дольнихъ Карловцахъ предположенъ **сербскій церковный конгрессъ**, подъ предсѣдательствомъ патріарха Юрія Бранковича. О настроеніи послѣдняго можно судить по факту исключенія церковно-славянскаго языка изъ новосадской сербской гимназіи, по опредѣленію патроната, подъ предсѣдательствомъ патріарха.

— Въ Nár. List'ахъ (20—VII) напечатано **открытое письмо** сербскаго доктора **Іована Пачу** къ австроугорскому министру **Веніамину Каллаю**, изъ котораго мы заимствуемъ болѣе выдающіяся мѣста для характеристики нынѣшняго **положенія сербовъ въ Босніи и Герцеговинѣ**: «Пять лѣтъ тому назадъ я поселился въ Сараевѣ, какъ вольно-практикующій врачъ, живущій своимъ трудомъ. Втеченіе всего этого времени, особенно же послѣдніе 3 года я былъ считаемъ лицомъ подозрительнымъ, хотя сначала скрытно. Ко мнѣ обращались за врачебной помощью преимущественно сараевскіе мусульмане. Но ихъ вызывали затѣмъ въ полицію и требовали прекращенія сношеній со мною. Тоже случалось потомъ и съ пріѣзжавшими въ Сараево чужеземцами. Полиція слѣдила за мною и моими посѣтителями, при томъ не тайно лишь, но и открыто. Съ апрѣля же нынѣшняго года полицейскій стражникъ 12 дней и ночей стоялъ у моего дома и настоятельно запрещалъ кому бы то ни было посѣщать меня... Я обратился съ жалобой къ совѣтнику Костѣ Герману... который мнѣ сообщилъ, что эти полицейскія мѣры приняты свѣдома земскаго управленія. Тогда я потребовалъ строгаго изслѣдованія тѣхъ выдумокъ и клеветъ, которыя избрали меня

жертвою; но мнѣ отвѣчено, что никакихъ доводовъ противъ меня не имѣется: въ противномъ случаѣ дѣло не ограничилось бы полицейскимъ наблюденіемъ... Правда, я никогда не скрывалъ своихъ сербскихъ чувствъ, но всегда дѣйствовалъ прямо и открыто, такъ что никто не имѣлъ повода преслѣдовать меня. Очевидно, дѣло не въ моихъ личныхъ отношеніяхъ, а въ нынѣшнемъ положеніи Босніи... Не такъ еще давно всѣмъ чиновникамъ было строго предписано изучить кириллицу; теперь, наоборотъ, обнародовано распоряженіе не обучать магометанскихъ мальчиковъ кириллицѣ въ общественныхъ школахъ, якобы—по просьбѣ о томъ родителей этихъ учениковъ. Въ Сараевѣ оффиціально разрѣшено и законно существуетъ «Сербское православное церковно-пѣвческое общество»: въ правительственномъ органѣ «Bosnische Post» оно называется не «сербскимъ», а «греко-восточнымъ». Правительство утверждаетъ, что не противится сербству и признаетъ сербскій языкъ, между тѣмъ въ гимназіи и прочихъ школахъ по распоряженію властей онъ называется не иначе, какъ «земскимъ»: слова «сербскій» не смѣетъ тамъ произнести ни учитель, ни ученикъ... Очевидно, правительство хочетъ скрыть тотъ безспорный фактъ, что въ Босніи и Герцеговинѣ живетъ, кромѣ небольшаго числа испанскихъ евреевъ, одинъ народъ, говорящій на одномъ сербскомъ языкѣ. Опасаясь всеобщаго недовольства сербовъ, правительство окружило себя терроромъ и шпіонами, отъ навѣтовъ которыхъ никто не можетъ считать себя безопаснымъ. Во главѣ этой полиціи и шпіоновъ стоитъ г. Берксъ, возбудившій противъ себя общую ненависть своей ограниченностью, произволомъ, насиліями и тиранствомъ... Я лично убѣдился, что его шпіоны провожаютъ сербовъ и внѣ Сараева; меня одинъ изъ нихъ (Морицъ Вейсъ) провожалъ до Сегедина (въ Угріи)!.. По порученію того же г. Беркса одинъ чиновникъ, полякъ Р., пригласилъ меня на ужинъ и думалъ напоить до-пьяна, чтобы навести на какую нибудь неосторожную фразу или мысль... Страшно и подумать, сколько людей можетъ погибнуть въ этой шпіонской сѣти, раскинутой изъ Сараева по всей странѣ! Послѣ 5½ л. пребыванія въ Босніи я впервые взялся теперь за перо, чтобы вкратцѣ sine ira et studio изобразить тамошнія отношенія»...

Авторъ этого письма живетъ, кажется, теперь въ Бѣлградѣ и пользуется тамъ общими сочувствіями. Такому свидѣтелю нельзя не вѣрить!..

— 17-го іюня исполнилось **совершеннолѣтіе** (21 г.) **черногорскаго наслѣдника кн. Даніила-Александра Николаевича**. По этому поводу въ Цетиньѣ было торжество, на которомъ пропѣтъ между прочимъ отрывокъ изъ **новой поэмы кн. Николая**: Пjесниk и Вила (поэтъ и муза). Князь Даніилъ не присутствовалъ впрочемъ на этомъ торжествѣ, ибо находился съ матерью княгинею Миленою въ Карлсбадѣ. Въ иностранныхъ газетахъ распространенъ слухъ о предстоящемъ сватовствѣ кн. Даніила на одной изъ русскихъ великихъ княгинь.

— Въ Черногоріи, близъ г. Подгорицы, продолжаются **раскопки** античнаго города **Діоклев** (сла. Дукля). Вырыто много колоннъ, римскія термы, цѣлыя улицы большого и богатаго нѣкогда города. Раскопки далеко еще не закончены.

— Въ **Сербіи** собрано болѣе **70.000 фр.** на **пособіе** пострадавшимъ отъ прошлогодняго неурожая въ Россіи.

— **Военная организація корол..Сербіи.** Военный бюджетъ простирался въ 1891 г. до 9,7 мил. франк. Военная повинность начинается съ 20 л. возраста и обнимаетъ: 2 г. активной службы, 10 л. въ войскахъ линейныхъ, 10 л. въ миліціи перваго призыва и 10 л. второго призыва. Дополнительныя войска имѣютъ чисто территоріальное размѣщеніе. Вооруженіе смѣшанное: системъ Маузера

(100.000), Бердана (90.000), Пибоди-Мартини (60,000), Снайдера, Крнки и др. (40.000). Теперь предположено ввести однородное вооруженіе. Орудія—системъ Де-Банге и Лагитта. Число лошадей—въ мирное время 3100, а въ военное—17000, которыхъ однако врядъ-ли можно будетъ набрать въ странѣ. Изъ 14.000 ежегодно набираемыхъ солдатъ 7.000 служатъ по 2 г., 5.000—1 г., а 2.000—отъ 1 до 5 мѣс. Милиція 1-го призыва обучается по 30 дней въ годъ, 2-го призыва—по 15 дней. Пѣхота и артиллерія организованы гораздо лучше кавалеріи.

Общая численность всѣхъ войскъ (съ обоими призывами):

185.000 батал. пѣх.	170.000 ружей.
38 эскадрон. кавал.	6.300 сабель.
66 батарей.	396 орудій.

Это довольно значительная армія для 2,16 мил. населенія.

— Въ Брестовацкой Банѣ скончался 16 іюня отъ разрыва сердца третій сербскій регентъ, генералъ **Коста Протичъ**. Онъ родился въ 1831 г. въ Пожаревцѣ, учился въ бѣлградской гимназіи и военной академіи, а затѣмъ въ берлинскомъ инженерномъ училищѣ. Въ 1873 г. онъ былъ военнымъ министромъ, въ 1876 г.—начальникомъ главнаго штаба. По окончаніи войны получилъ чинъ генерала и придворнаго маршала: потомъ командовалъ въ Нишѣ. Въ 1883 г. вышелъ въ отставку. Въ болгарской войнѣ не участвовалъ. Въ 1888 г. Миланъ возложилъ на Протича отнять сына отъ королевы Наталіи, въ Висбаденѣ. За это вѣроятно и назначилъ его Миланъ въ 1889 г. третьимъ регентомъ.

— Стамбуловская газета «Свобода» въ Софіи опубликовала **балансъ болгарскихъ доходовъ и расходовъ съ 1879 по 1888 г.** Если вѣрить этимъ цыфрамъ, то они простирались (въ милліонахъ):

въ 1879 г.	доходовъ	23,7	мил.	расходовъ	21,3	м.
» 1880	»	32,2	»	»	26,2	»
» 1881	»	26,5	»	»	24,7	»
» 1882	»	27,4	»	»	28,9	»
» 1883	»	30,5	»	»	31,09	»
» 1884	»	30,09	»	»	31,6	»
» 1885	»	24,2	»	»	45,4	»
» 1886	»	40,89	»	»	55,4	»
» 1887	»	43,06	»	»	49,8	»
» 1888	»	52,2	»	»	71,2	»

Первыя шесть лѣтъ соотвѣтствуютъ русскому управленію болгарскими финансами, послѣднія — австро-еврейскому. Отсюда столь значительная разница въ цыфрахъ до 1884 г. и послѣ него: тамъ сбереженія тутъ—дефицитъ.

— Изъ болгарскаго «Държавнаго Вѣстника» узнаемъ, что **въ Болгаріи** насчитывается уже теперь до **500 адвокатовъ и ихъ помощниковъ,** въ среднемъ по 1 на 6.300 душъ населенія. Если черезъ 12 лѣтъ наплодилось въ этой злополучной странѣ столько юристовъ-практиковъ, то лѣтъ черезъ 10 Болгарія догонитъ въ этомъ отношеніи Угрію, гдѣ въ одномъ Будапештѣ насчитывается до 1000 адвокатовъ!

— По отчету **Пловдивской публичной библіотеки,** въ янв.-мартѣ 1892 г. въ ней было взято для чтенія 3290 книгъ, изъ коихъ было: 1347 болгарскихъ, 1130 русскихъ и 620 французскихъ; нѣмецкихъ же всего 17. Между русскими книгами всего болѣе беллетристическихъ и историческихъ. Что касается **Софійской публичной** библіотеки, то тамъ нѣмецкій языкъ постепенно вытѣсняетъ не толь-

ко французскій, но и русскій. Читаются тамъ по-русски преимущественно юридическія и военныя сочиненія. Въ софійской высшей школѣ математика и исторія читаются еще на русскомъ языкѣ. И въ **Варненской публичной библіотекѣ** всего болѣе читаются русскіе авторы, особенно Тургеневъ, Щедринъ, Герценъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Некрасовъ, Лермонтовъ, Гончаровъ, Островскій, Кольцовъ и др., изъ французскихъ—Викторъ Гюго, изъ нѣмецкихъ—Ауербахъ, Шпильгагенъ и Шиллеръ, изъ англійскихъ же Шекспиръ.

— **Болгарская выставка** въ г. **Пловдивѣ** (Филиппополѣ) открыта 2 августа и продолжится до 1 ноября. Уже теперь въ этомъ городѣ выходитъ посвященная выставкѣ газета «Нашето перво изложеніе».

— Въ Софіи печатается новое сочиненіе г. **Димитрова: Княжество България, въ историческо, статистическо и географическо отношени.** Судя по проспекту этого изданія, оно представляетъ результатъ трехлѣтнихъ странствованій автора по Болгаріи и восточной Румеліи. Сочиненіе распадается на 3 отдѣла: 1) общій обзоръ Болгаріи въ географич., статистич. и общественномъ отношеніяхъ, съ очеркомъ церковнаго болгарскаго вопроса и организаціи школьнаго дѣла; 2) историческіе очерки изъ временъ турецкаго рабства и возрожденіи, вплоть до берлинской конференціи; 3) описаніе «окружныхъ» и «околійскихъ» городовъ и примыкающихъ къ нимъ мѣстностей. Объемъ сочиненія до 50 печ. л. въ 2000 экз. Цѣна 5 фр. Если содержаніе будетъ соотвѣтствовать проспекту, то книга эта можетъ быть полезнымъ дополненіемъ къ извѣстному сочиненію о нынѣшней Болгаріи г. **К. Ирѣчка.**

— Въ Константинополѣ вышелъ оригинальный календарь: **Голуб за 1892 преступна година; штампано у штампарији синове А. Зелика у Цариграду.** Странность его заключается въ языкѣ: онъ не можетъ быть названъ ни сербскимъ, ни болгарскимъ, а какой-то смѣсью обоихъ. Кажется, составители (Пелагонъ и Димко?) считаютъ такой языкъ македонско-славянскимъ. Но онъ не соотвѣтствуетъ ни одному изъ говоровъ Македоніи, по свидѣтельству знакомыхъ съ ними лицъ.

— Изъ отчета о дѣятельности американской гимназіи **«Робертъ Коллежъ»** въ **Цареградѣ** узнаемъ, что въ минувшемъ учебномъ году въ ней воспитывалось 54 болгарина. Между окончившими курсъ было 4 армянина и 1 болгаринъ. На актѣ коллегіи читаны были произведенія учениковъ на языкахъ: турецкомъ, армянскомъ, англійскомъ и болгарскомъ. Присутствовалъ и болгарскій экзархъ.

И въ **женской американской коллегіи въ Юскюдарѣ** (Цареградѣ) обучаются болгарки: двѣ изъ нихъ окончили въ этомъ году курсъ, изъ общаго числа 5. Болгарскій экзархъ почтилъ своимъ присутствіемъ актъ и этой коллегіи.

Если американцы цареградскіе будутъ проникнуты тѣми истинно-христіанскими чувствами, какія были выражены отъ имени американскихъ жертвователей хлѣба для русскихъ крестьянъ въ пострадавшихъ отъ голода мѣстностяхъ, то можно примириться съ успѣхами американско-цареградскихъ коллегій.

— Въ Букарештѣ вышелъ: **Rapport général de l'activité du Comité Central de la ligue pour l'unité d'instruction des Roumains,** lu à l'assemblée générale de la section centrale par **Jean Zupulescu.** Этотъ отчетъ панрумынской лиги обнимаетъ 120 стр. Изъ него мы узнаемъ, что лига имѣетъ 19 отдѣленій въ Румыніи и 4 заграницею, именно: въ Парижѣ, Берлинѣ, Антверпенѣ и Люттихѣ. Большая часть брошюры посвящена обзору нынѣшняго положенія румыновъ въ Угріи и мѣръ, принятыхъ лигою для ихъ избавленія отъ насильственной мадьяризаціи.

— Нѣмцофильскія газеты съ восторгомъ отзываются о брошюрѣ покой-

наго румынскаго сенатора **І. Н. Соймеску: Romania, Russia si intreita aliantia** (т. е. Румынія, Россія и тройственная лига). Сенаторъ этотъ былъ большимъ румынскимъ шовинистомъ и вмѣстѣ руссофобомъ. Ему все мерещилось обращеніе Румыніи въ русскую губернію, для предупрежденія чего необходимо-де крѣпко держаться Австро-Угріи и вообще тройной лиги. Жаль, что сенаторъ не дожилъ до нашихъ дней, когда изъ меморандума семиградскихъ румыновъ онъ могъ бы доподлинно узнать, что сулить эта лига румынамъ, не исключая и молдовалашскихъ.

— Въ г. **Битолѣ** (Македонія) открыто **румынское консульство**, вѣроятно для поддержанія родственнаго румынамъ куцовлахскаго или цынцарскаго населенія подъ Пиндомъ.

— По даннымъ вѣнскаго оффиціознаго изданія: Die Türkische Wehrmacht und die Armeen der Balkanstaaten, von H. A. (Verlag des Reichswehr. Wien), **Турція** имѣетъ съ 1886 г. слѣдующую **военную организацію**. Во главѣ военнаго управленія стоятъ 4 учрежденія: 1) сераскеріатъ, изъ 11 отдѣленій и болѣе 450 офицеровъ, не считая писцовъ и др. субалтернъ-чиновниковъ; 2) артиллерійское управленіе, съ 321 офицерами; 3) министерство флота, съ 60 отдѣленіями, 4) генералъ-инспекторская комиссія, съ 20 членами. Каждый мусульманинъ обязанъ служить отъ 20 до 40 л. возраста: 6 л. въ низамѣ и ихтіатѣ, 8 л въ редифѣ (запасѣ), 6 л. въ мустафикѣ (ополченіи). Военныхъ округовъ шесть: Цареградъ, Адріанополь, Монастырь, Эрзерумъ, Дамаскъ, Багдадъ. Мобилизація можетъ дать на первое время 350—400,000 солдатъ, въ 10-недѣльный срокъ противъ Сербіи, Болгаріи, Черногоріи, 8-недѣльный противъ Румеліи, 12—нед. въ Малой Азіи. Корпусовъ 12—14, да еще 14—17 дивизій для охраны нейтральныхъ границъ.

При полномъ развитіи военныхъ силъ можетъ получиться:

Низамовъ и ихтіатовъ . .	295,000 ч.
Редифовъ	337.000 »
Ополченія.	120,000 »
Нерегулярныхъ войскъ . .	150,000 »

Всего около 900,000. Но это цифра максимальная, которая фактически не будетъ-де достигнута.

— Въ Цареградѣ открывается особое **училище** для образованія **молодыхъ курдовъ и арабовъ**. Оно будетъ находиться подъ особымъ покровительствомъ султана.

— Недавно скончался на 62 г. **ливанскій** генералъ-губернаторъ **Васса-паша**. Онъ былъ родомъ албанецъ, изъ Скадра; образованіе получилъ въ Венеціи. Одно время онъ былъ директоромъ общества трамваевъ, но около 30 л. занималъ разные правительственные посты въ Турціи: былъ политическимъ директоромъ въ Сараевѣ и Алеппо, импертр. комиссаромъ въ Герцеговинѣ и Приштинѣ, совѣтникомъ, а затѣмъ генералъ-губернаторомъ въ Адріанополѣ. Съ 1883 г. онъ состоялъ генералъ-губернаторомъ Ливана. Васса-паша занимался и литературою; оставилъ между прочимъ описаніе нравовъ и обычаевъ его родичей, албанцевъ. Кромѣ многихъ западныхъ языковъ, онъ зналъ всѣ почти славянскія нарѣчія.

— Въ непродолжительномъ времени **въ Палестинѣ** открываются **2 желѣзныя дороги**: 1) изъ Яффы въ Іерусалимъ и 2) изъ Акки мимо Назарета и Галилейскаго озера въ Дамаскъ. Первая будетъ имѣть значеніе главнымъ образомъ для паломниковъ, вторая же—и для торговыхъ сношеній съ Месопотаміею.

— Въ концѣ мая 1892 г. въ Вѣнѣ происходило годичное собраніе **австрійскаго школьнаго союза** (Schulverein). Изъ отчета объ истекшемъ 13-омъ г. дѣятельности союза узнаемъ, что онъ имѣлъ въ 1891 г. дохода 263.178 гульд. отъ членскихъ взносовъ и процентныхъ бумагъ. Изъ нихъ болѣе 45.000 гульд. отчислено въ неприкосновенный капиталъ, который восходитъ до 175.734 гульд., а 216.833 гульд. израсходованы на пособія школамъ, учителямъ и строительнымъ комитетамъ. Школъ союзъ содержитъ 31, изъ коихъ: 18 въ Чехіи, 7 въ Моравіи, прочія въ Словѣніи, съ 74 основными классами и 77 параллельными отдѣленіями. Дѣтскихъ садовъ 53, изъ коихъ 31 въ Чехіи. Сверхъ того союзъ даетъ пособія 44 школамъ и 24 дѣтскимъ садамъ. Промышленныхъ заведеній союзъ содержитъ 13, дополнительныхъ курсовъ 10, музыкальныхъ школъ 5. Школьныхъ зданій союзъ имѣетъ 32, изъ коихъ 16 въ Чехіи. Стоимость недвижимостей союза оцѣнивается въ 250.000 гульд. Библіотекъ союзъ основалъ 27 и помогъ еще 59 школамъ въ обзаведеніи книгами. Изъ учителей 81 получили явныя награды союза, а 51—частныя пособія изъ его средствъ. Все состояніе союза—движимое и недвижимое къ концу 1891 г. простиралось до 461.588 гульд.

Отношеніе союза къ правительству выражается и въ томъ фактѣ, что на общемъ его собраніи присутствовали: министръ Куэнбургъ, нижнеавстр. намѣстникъ гр. Кильмансегъ и губернаторъ гр. Кинскій.

Союзъ имѣетъ особаго представителя въ Германіи, который входить въ составъ комитета «общенѣмецкаго школьнаго союза» (Allgemeiner deutscher Schulverein).

Въ сравненіи съ этимъ могущественнымъ нѣмецкимъ школьнымъ союзомъ совершенно безсильны, въ родѣ напр. обществъ: св. Кирилла и Меѳодія въ Словѣніи, Св. Войнѣха на Словачинѣ, Св. Іеронима въ Хорватіи. Одна «центральная чешская школьная матица» развила болѣе широкую дѣятельность; но и ея средства далеко недостаточны для борьбы съ «австрійскимъ школьнымъ союзомъ», преслѣдующимъ собственно не образовательныя, а германизаторскія цѣли, какъ это недавно констатировано бернскимъ епископомъ Бауеромъ въ Моравіи.

— 25 іюня въ Вѣнѣ умеръ на 72 г. жизни извѣстный австр. депутатъ, б. министръ др. **Эдуардъ Гербстъ**. Онъ родился въ 1820 г. въ Вѣнѣ, въ 1843 г. получилъ тамъ же степень доктора правъ и затѣмъ состоялъ профессоромъ по уголовному праву въ университетахъ львовскомъ (съ 1847 г.) и пражскомъ (съ 1858 г.). Съ 1861 г. былъ постоянно избираемъ въ депутаты какъ чешскаго сейма, такъ и вѣнскаго рейхсрата. Выдающіяся способности, энергія, большія знанія выдвинули его во главу нѣмецкой парламентской партіи. Съ 1867 по 1870 г онъ былъ министромъ юстиціи, причемъ ознаменовалъ себя жестокимъ преслѣдованіемъ чешскихъ газетъ. Высчитано, что въ теченіе 2 л. до 20 чешскихъ редакторовъ было тогда засажено въ тюрьму за «политическія преступленія», въ совокупности на 150 л., со штрафомъ до 60,000 гульд. По выходѣ изъ министерства Гербстъ сталъ главою нѣмецкой парламентской оппозиціи. Но въ 1885 г. онъ началъ хворать и уступилъ это званіе др. Пленеру. Гербстъ оставилъ нѣсколько важныхъ сочиненій по австр. уголовному праву.

ИРОДЪ

Поэма С. Гурбана-Ваянскаго

Со словенскаго

ПРОЛОГЪ

Ты не слыхалъ еще, лазурный небосклонъ,
Чтобъ изъ груди моей, стѣсненной болью жгучей,
Донесся къ вышинѣ твоей тяжелый стонъ!
Душа моя—гранитъ; угрюмъ мой духъ могучій.
Я пыла нѣжныхъ чувствъ любви не знаю,
Удѣлъ мой—скорбь и грусть раба земли.
Небесный сводъ, къ тебѣ я днесь взываю,
Моей печальной лирѣ ты внемли!
Стою какъ блудный сынъ я нынѣ предъ тобою,
Моля тебя отмстить за нашу кровь грозою!

—

Всевышній Царь! устрой для нашихъ палачей,
Чтобъ лютый врагъ разбилъ о камни ихъ дѣтей,
Чтобъ кости тлѣнныя отцовъ ихъ откопалъ
И на съѣденіе гіенамъ ихъ отдалъ!
Такъ повторяю я вслѣдъ за Твоимъ пророкомъ,
Котораго Ты самъ, Создатель, вдохновилъ;
Пошли и мнѣ, чтобъ я въ порывѣ чувствъ высокомъ
Своею пѣснью гнѣвъ въ народѣ пробудилъ!
Пусть пѣснь моя въ вѣкахъ немолчно раздается,
Покуда мстителя она не дозовется!

***

Средь горъ въ кустарникѣ растетъ
Чета двухъ розановъ младая;
Ихъ видитъ только мотылекъ,
Надъ ними трепетно порхая.

Въ ущельѣ тѣсномъ не найдетъ
Ихъ даже свѣтлая денница,
Но неудастся имъ, увы!
Отъ жадной гусеницы скрыться.

Въ долинѣ средь Карпатскихъ горъ
Малютокъ двое мирно жили:
Сиротка, дѣвочка была,
Отца у мальчика убили...

Судьба не улыбалась имъ,
И послѣ роковой потери
Ихъ избы счастье обошло,
И бѣдность постучалась въ двери.

На берегахъ скалистыхъ Вага
Нужда словацкая живетъ;
Хлѣбъ черствый да сухой картофель—
Вотъ пища маленькихъ сиротъ.

Отецъ въ краю далекомъ; въ полѣ
Мать цѣлые проводитъ дни,
А дома крошечныя дѣти
Спятъ на завалинкѣ одни.

Грозу войны и бурю моря
Я воспѣвалъ уже не разъ;
Теперь, друзья, я начинаю
Про бѣдное село разсказъ.

Въ немъ двѣ избы бѣлѣютъ рядомъ,
Какъ близнецы въ семьѣ родной.
Въ одной живетъ сиротка Анка,
Въ другой же Янко молодой.

Два домика, какъ цвѣтники,
Растенья нѣжныя питаютъ:
Одинъ лелѣетъ майоранъ,
Въ другомъ фіалка расцвѣтаетъ.

Не троньте, люди, тѣхъ цвѣтовъ,
Пусть расцвѣтаютъ на свободѣ:
Ихъ корни нѣжны вѣдь и малы,
Въ чужомъ завянутъ огородѣ!

Толпа дѣтей среди села
Въ горѣлки весело играетъ:
Такъ рѣзвыхъ мошекъ легкій рой,
Крутясь на солнышкѣ, летаетъ.

Такъ стая шумныхъ воробьевъ
Щебечетъ въ конопляномъ полѣ,
Такъ по утесамъ стадо сернъ
Пугливыхъ прыгаетъ на волѣ.

Льняные волосы свои
Назадъ зачесываетъ Анка;
Сверкаетъ искра удальства
Въ глазахъ восторженнаго Янка.

Какъ въ шумной стаѣ воробьиной
Замѣтна пара голубей,
Такъ выдѣляются сиротки
Въ кругу ровесниковъ-дѣтей.

А иногда они по нивамъ,
Обнявшись, бродятъ по часамъ:
Заходятъ въ глубь лѣсовъ родимыхъ
И спѣлыхъ ягодъ ищутъ тамъ.

Вотъ ручеекъ. Боится Анка
Пройти по камнямъ босикомъ;
Ее беретъ въ объятья Янко,
Гопъ! Гопъ! и—оба за ручьемъ.

Благоуханіе лѣсовъ
Ихъ душу счастьемъ наполняетъ;
Для нихъ за каждымъ деревцомъ
Міръ чудныхъ сказокъ воскресаетъ.

Даритъ имъ каждая волна
Потоки радужнаго свѣта,
И легкокрылый вѣтерокъ
Несетъ имъ съ горъ слова привѣта.

Волшебной сказкой старый дѣдъ
Сердца ихъ тѣшитъ молодыя,
И послѣ будничнаго дня
Имъ навѣваетъ сны златые:

«Тамъ, за хрустальными горами,
Многоголовый змѣй лежитъ
И очарованной царевны
Сонъ непробудный сторожитъ.

На ольху гибкую надъ Вагомъ
Влѣзъ покачаться водяной,
Волшебнымъ кругомъ очертился
Колдунъ въ пещерѣ потайной.

Тамъ гномы спятъ на грудѣ злата,
Русалки съ нимфами шалятъ,
Три заколдованные брата
Тамъ въ видѣ вороновъ летятъ»...

Но вотъ ихъ дѣдушка умолкъ;
Мечтать малютки продолжаютъ
И жизнь печальную свою
Грезъ легкимъ сонмомъ украшаютъ.

Среди игры и грезъ чудесныхъ
Не скучно въ бѣдныхъ избахъ имъ,
И вкусенъ кажется бѣдняжкамъ
Ихъ хлѣбъ съ картофелемъ сухимъ.

Однажды въ полдень экипажъ
Къ нимъ въ деревушку пріѣзжаетъ.
Усатый кучеръ съ облучка
Толпу дѣтей кнутомъ стегаетъ.

Изъ экипажа вылѣзъ панъ,
Одѣтый въ ментикъ, съ жирнымъ брюхомъ,
Подъ мышкой толстый протоколъ,
Перо гусиное за ухомъ.

Зачѣмъ пріѣхалъ этотъ панъ?
Ахъ, еслибъ, дѣти, вы узнали,
Его проклятыхъ лошадей
Тогдабъ камнями закидали!

Ахъ, дѣти, еслибы вамъ знать,
Чѣмъ гордъ онъ, въ чемъ его отвага,
Вы побѣжали бы стремглавъ,
Чтобъ кинуться въ пучину Вага.

Среди деревни новый Иродъ
Стоитъ въ раздуміи нѣмомъ,
Со лба стирая капли пота
Широкимъ голубымъ платкомъ.

Хозяйку, черпавшую воду,
Онъ тростью манитъ и зоветъ:
— Скажи, пожалуйста, молодка,
Гдѣ здѣсь вашъ староста живетъ?—

Со старостой, спустя минуту
(А староста—продажный хамъ),
Избу онъ за избой обходитъ
И вотъ какъ соблазняетъ тамъ:

— Эй! дядя, тетушка, кума!
У васъ хорошенькія дѣти,
Ей Богу, жаль, что здѣсь они
Всю жизнь проводятъ въ грязной клѣти.

Васъ много въ кучѣ—черезъ-чуръ;
Смотрѣть на васъ мнѣ, право, больно;
Коль мѣста здѣсь хватаетъ всѣмъ,
То хлѣба всѣмъ ли вамъ довольно?

Отдайте мнѣ ихъ! Присланъ я
Увезть ихъ въ пышныя палаты,
И скоро сдѣлаются тамъ
Они счастливы и богаты!—

Кто добровольно не согласенъ,
Съ такимъ онъ всячески хитритъ;
Когда-жъ и хитрость безполезна,
Законной властью онъ грозитъ.

Не удивляйтесь, что порой
Онъ и къ насилью прибѣгаетъ:
Вѣдь онъ пять гульденовъ себѣ
Въ карманъ за душу получаетъ.

Не стадо-ль пойманныхъ гусей
Впередъ хлыстами подгоняютъ?
За ними женщины идутъ,
Тоскливо стонутъ и рыдаютъ...

Нѣтъ, то не пойманные гуси:
Толпа словацкихъ-то дѣтей
Должна снабдить чужое племя
Здоровой кровію своей!

Господь немного плодородныхъ
Полей словакамъ удѣлилъ,
Но злымъ сосѣдямъ ненавистно,
Что Онъ дѣтьми ихъ наградилъ.

У нихъ когда-то отобрали
Лѣса, луга и злакъ полей...
Теперь безстыдно похищаютъ
Прекрасныхъ, рѣзвыхъ ихъ дѣтей!

И наши двое сиротъ тамъ,
Средь плѣнниковъ, стоятъ уныло,
Какъ парочка плакучихъ ивъ
Среди березокъ надъ могилой.

Къ вокзалу привели дѣтей,
По номеру на грудь имъ дали,
И, какъ барановъ на убой,
Въ вагоны для скота вогнали.

Когда засовъ тяжелый стукнулъ,
Раздался плачъ и крикъ и стонъ,
И матери въ безумномъ горѣ
Съ отчаяньемъ рвались въ вагонъ.

Но нѣтъ!... жандармы безпощадно
Прикладами толкаютъ ихъ,
А Иродъ крикнулъ:—Замолчите!
Людей мы сдѣлаемъ изъ нихъ!

Молчать! когда печется баринъ
О васъ, неблагодарный сбродъ,
Когда сиротъ несчастныхъ вашихъ
Паръ въ страны райскія везетъ.

Молчать! словацкій подлый родъ,
Чего орешь не разбирая,
Отъ нищеты твоихъ щенятъ
Мы отвеземъ въ обитель рая!—

Когда же поѣздъ засвисталъ,
Раздался вопль глухой печали,
И дѣти личики свои
Въ слезахъ къ вагону прижимали.

Неистово бѣдняжки били
Въ желѣзныя вагона двери,—
Напрасно все!... дѣтьми вы были,
Теперь—вы номера и звѣри!

Но вотъ заколыхался поѣздъ.
Сильнѣй раздался плачъ и стонъ:,
И съ воплемъ жалобнымъ сливался
Дрожащій колокола звонъ.

Онъ похоронный звонъ малюткамъ,
Зловѣщій, скорбный и глухой;
Вагонъ угрюмый—общій гробъ ихъ,
Могилой будетъ край чужой.

Бѣдняжка Анка, въ уголокъ
Забившись, слезы проливаетъ.
Головку Янко гладитъ ей
И такъ подругу утѣшаетъ:

— Не плачь, сестрица, успокойся,
Всегда я буду при тебѣ,
Прочтемъ Спасителю молитву
И покоримся злой судьбѣ!—

У Янка номеръ сорокъ третій,
У Анки пятый—вотъ бѣда:
Навѣрно Иродъ безпощадный
Друзей разлучитъ навсегда!...

Вотъ станція. Открылись двери:
— Эй! номеръ пятый, выходи!—
Тогда въ отчаяніи Анка
Прижалась мальчику къ груди.

Свою подружку обнялъ онъ
Оцѣпенѣвшими руками,
Не чувствуя, какъ бьютъ его
По дѣтской головѣ плетями;

Не внемлетъ онъ, хотя лицо
Ужъ отъ ударовъ посинѣло;
Безчувственъ онъ, хоть отъ штыковъ
Въ крови его худое тѣло.

И такъ какъ люди не могли
Преодолѣть ихъ дружбу силой,
То и оставили его
Въ одномъ селѣ съ подругой милой.

Заброшены въ семью мадьяръ,
Въ чужой избѣ въ неволѣ дѣтки;
Такъ пара ласточекъ сидитъ
Ненастной осенью на вѣткѣ.

О, дѣти родины моей,
Куда, вы милыя, попали?
Здѣсь, вмѣсто чудныхъ горъ, лѣсовъ,
Пески степей васъ повстрѣчали!

Здѣсь, вмѣсто Вага береговъ,
Поля и грустныя болота,
И вмѣсто набожныхъ молитвъ
Божба и грязныя остроты!

О, дѣти милыя мои,
Гдѣ старый дѣдъ вашъ, гдѣ родные,
Гдѣ дѣтства вашего друзья,
Гдѣ ваши сверстники былые?

Гдѣ свѣтлоструйный, быстрый Вагъ,
Гдѣ вашихъ горъ благоуханья?
Все миновало!.. Вашъ удѣлъ—
Труды, побои и страданья!

Хозяинъ звѣрскій принуждаетъ
Васъ къ непосильному труду:
Тяжелый жерновъ Анка вертитъ,
А Янко коситъ на лугу.

Среди чужихъ и злыхъ людей
Вамъ нѣтъ привѣта, всѣ вамъ чужды...
Васъ бьютъ и плакать не велятъ,
Бьютъ безпощадно, бьютъ безъ нужды.

И вмѣсто рѣчи вамъ родной
Какіе звуки ухо рѣжутъ?
Какъ будто осужденныхъ душъ
Доносится зубовный скрежетъ.

Какъ будто рой бѣсовъ завылъ,
По горнымъ безднамъ пролетая,
Какъ будто, трупъ себѣ найдя,
Закаркала воронья стая.

Гдѣ сладкозвучныя слова,
Гдѣ пѣснь славянская святая,
Гдѣ ты, родимая страна,
Завѣтный, дивный уголъ рая?

Слабѣютъ дѣти день за днемъ,
Тускнѣютъ очи отъ рыданій—
Какъ не изсякъ источникъ слезъ
Отъ неутѣшныхъ ихъ страданій?

Какъ нѣжныя сердца еще
Живутъ и бьются въ тяжкой долѣ,
Какъ ихъ рученки, утомясь,
Не онѣмѣли въ злой неволѣ?

Какъ ножки крошечныя ихъ
Доселѣ могутъ быть въ движеньи,
Какъ могутъ гнетъ судьбы сносить
Ихъ души кроткія въ терпѣньи?

Но съ каждымъ днемъ растетъ тоска,
Терпѣть у нихъ нѣтъ силы болѣ;
У Янка вдругъ явилась мысль,
Когда одинъ пахалъ онъ въ полѣ.

За пѣсни бьетъ его хозяинъ,
Хозяйка дѣвочку бранитъ,
И треплетъ за косу бѣдняжку
Зато, что плачетъ и скорбитъ.

Въ нихъ умъ работать начиналъ,
Когда, исполнены печали,
Въ углу сарая вечеркомъ
Они украдкой горевали.

И мысль спасенія, мелькнувъ
Стрѣлой, въ головкахъ ихъ созрѣла
И вдругъ надеждою живой
Сердца ихъ скорбныя согрѣла.

— Слышь, Анка! мальчикъ говоритъ,
Заглядывая Анкѣ въ глазки:
Намъ жить нельзя въ чужой странѣ,
Безъ пѣсни, безъ любви, безъ ласки.

Приходитъ ночь, бѣжимъ скорѣй
Изъ ненавистнаго намъ дому;
Намъ Богъ укажетъ вѣрный путь
Къ жилищу нашему родному!

Когда съ весною наступаетъ
Конецъ холоднымъ зимнимъ днямъ,
То снова ласточки обратно
Летятъ къ насиженнымъ мѣстамъ.

Создатель правитъ ихъ судьбой,
Онъ ихъ ведетъ надъ бурнымъ моремъ;
Господь укажетъ путь въ степи
И намъ, убитымъ тяжкимъ горемъ.

Ночь. Вѣтеръ воетъ по полямъ,
Все спитъ въ убогой ихъ землянкѣ;
Тайкомъ пробраться за заборъ
Нашъ Янко помогаетъ Анкѣ.

Прошли широкое село,
Нѣтъ бѣглецамъ препятствій болѣ—
Впередъ, теперь свободны вы,
Впередъ чрезъ вспаханное поле.

А поле—безъ предѣловъ ширь...
Ни деревца, ни возвышенья,
Лишь у колодцевъ журавли,
Торчатъ средь степи въ отдаленьи:

Не слышно говора ручья,
Не слышно пѣсенки игривой,
Лишь вѣтеръ воетъ, словно волкъ,
Надъ безконечной, грустной нивой.

Бредутъ сиротки на удачу,
Держась подальше отъ людей:
Вѣдь всякій сразу угадалъ бы,
Какихъ увидѣлъ онъ дѣтей.

Безъ сожалѣнія тогда
Ихъ проводили бы обратно,
И всѣ надежды, всѣ мечты
Тогда прости—и безвозвратно!

Въ степи—колючіе пески,
Ковыль, тернистыя дороги;
Едва бредутъ, и всѣ въ крови
Дѣтей израненныя ноги.

Бѣдняжки жаждутъ: нѣтъ воды;
Ихъ мучитъ голодъ: нѣтъ имъ хлѣба...
Авось Господь ихъ сохранитъ,
Пославъ росу и манну съ неба.

Какъ только Анка утомится,
Ее за ручку братъ беретъ:
— Мужайся, милая сестрица,
Смотри, заря уже встаетъ.

Намъ солнце тѣло отогрѣетъ,
Живѣй польется въ жилахъ кровь,
Оно на насъ съ улыбкой взглянетъ
И намъ прибудетъ силы вновь!—

Въ пути разбойникъ ихъ встрѣчаетъ.
— Ни съ мѣста! имъ онъ закричалъ.
И надъ головками сиротокъ
Сверкнулъ стальной его кинжалъ.

Но, увидавши двухъ малютокъ,
— Ахъ, вы, бѣдняжки!—онъ сказалъ;
Потомъ водою напоилъ ихъ
И хлѣба съ лаской имъ далъ.

Ихъ беззащитностью убогой
Глубоко тронутъ былъ злодѣй.
Не пожалѣлъ послѣдней корки
Онъ для измученныхъ дѣтей.

Васъ пощадилъ бы тигръ свирѣпый,
Кайманъ, лежащій въ камышѣ,
Но нѣтъ и искры сожалѣнья
Къ вамъ въ ренегата злой душѣ!..

Когда жарою доканало
Въ конецъ измученныхъ дѣтей,
Протяжный свистъ локомотива
Вдругъ долетѣлъ до ихъ ушей.

Вотъ дымъ клубится надъ трубою...
Совсѣмъ какъ въ день тотъ роковой,
Когда рыдая разставались
Они съ родимою страной.

Паръ отвозилъ дѣтей несчастныхъ
Въ пустыню, въ рабство, въ нищету;
Быть можетъ онъ же и доставитъ
Домой несчастную чету.

— Пойдемъ-ка, Анка, на дорогу,
Что вся желѣзомъ устлана,
И вѣрь мнѣ, скоро, очень скоро
Домой насъ приведетъ она.

По полотну они идутъ,
Полны увѣренности сладкой,
Что въ ихъ родимое село
Ведетъ ихъ путь прямой и гладкій.

Подъ вечеръ къ станціи пришли.
На небѣ звѣзды засвѣтились.
Крѣпился мальчикъ, но увы!
У Анки ножки подкосились.

Усѣлись въ уголку сиротки,
Ихъ сонъ въ объятія зоветъ;
Во снѣ тревожномъ передъ Янкомъ
Рядъ избъ знакомыхъ возстаетъ.

Но ихъ родная деревушка
Печальной стала и пустой;
Песокъ тамъ стелется сыпучій,
Гдѣ красовался лѣсъ густой.

—А гдѣ же дѣдъ мой!—вскрикнулъ онъ
Въ испугѣ и глухой печали.
Старушка дряхлая въ отвѣтъ
Сказала:—Гдѣ вы пропадали?!

Давно ужъ дѣда нѣтъ у васъ;
Сложилъ онъ старческія кости
И спитъ спокойнымъ, вѣчнымъ сномъ
Въ землѣ холодной на погостѣ.—

И скрылась старая. Но вотъ
Въ деревню экипажъ въѣзжаетъ,
Усатый кучеръ съ облучка
Толпу дѣтей кнутомъ стегаетъ.

Изъ экипажа лѣзетъ панъ,
Одѣтый въ ментикъ, съ жирнымъ брюхомъ,
Подъ мышкой толстый протоколъ,
Перо гусиное за ухомъ.

Внезапно вскрикнулъ Янко мой,
Какъ будто видитъ онъ дракона,
И быстро на ноги вскочилъ,
Какъ бы отъ жала скорпіона.

И Анка вздрогнула, проснувшись,
Смахнула слезы рукавомъ
И въ страхѣ видитъ предъ собою
Дракона въ сумракѣ ночномъ.

Его глазища ярко блещутъ,
Сверкаетъ огненный ихъ лучъ,
Какъ будто двѣ луны на небѣ
Вдругъ появились изъ-за тучъ.

Забились въ уголъ свой дѣтишки,
Другъ къ другу жмутся и дрожатъ...
А два багряныхъ, яркихъ круга
Все ближе, ближе къ нимъ летятъ.

Ужъ виденъ паръ, ужъ слышно дѣтямъ,
Какъ равномѣрно дышетъ онъ.
—Встань, Анка, милая, скорѣе,
Не призракъ то и не драконъ.

То—паровозъ за нами ѣдетъ,
На немъ поѣдемъ мы опять;
Онъ по горамъ и по долинамъ
Домой насъ быстро будетъ мчать.

Не бойся Анка, мой дружочекъ,
Тѣхъ яркихъ, огненныхъ очей;
Рычагъ стальной за ними сбоку
Колеса вертитъ вкругъ осей.

Ахъ, Анка, радуйся, сестрица,
Опять въ вагоны насъ втолкнутъ,
Опять дощечки съ номерами
На грудь обоимъ намъ дадутъ.—

Забилось сердце въ нихъ живѣй,
Глазенки ярко заблестѣли,
Они забыли разомъ все,
Что до сихъ поръ они терпѣли.

Ихъ лица снова расцвѣли,
Румянѣй розъ ихъ щечки стали,
Но все—увы! въ послѣдній разъ,
Чтобъ вслѣдъ затѣмъ навѣкъ увяли!

Вотъ поѣздъ шумно подошелъ;
Въ вагонахъ двери открываютъ.
—Войдемъ туда, мой другъ, скорѣй,
Пускай панъ Иродъ насъ узнаетъ.

Вонъ видишь синій огонечекъ—
Въ вагонѣ томъ найдемъ дѣтей,
Которыхъ съ нами отвозили;
Пойдемъ и сядемъ поскорѣй!

Въ вагонъ войти они хотѣли,
Но ихъ кондукторъ не пустилъ,
Суровымъ голосомъ чего-то
Онъ отъ бѣдняжекъ попросилъ...

Но ничего у нихъ, какъ есть,
Нѣтъ, кромѣ горя и печали...
Зато несчастныхъ сторожа
Съ платформы палками прогнали.

— Не плачь, голубушка моя,
Вѣрь, заживутъ и эти раны,
Когда насъ поѣздъ привезетъ
Въ прекрасныя словаковъ страны.

За что тотъ баринъ разсердился?
Ему навѣрное знакомъ
Хозяинъ нашъ?—Бѣжимъ укрыться
Подъ тотъ большой желѣзный домъ!—

И вотъ дѣтишки, какъ мышата,
Шмыгнули тихо подъ вагонъ,
И ждутъ, тревожно сидя рядомъ,
Что ихъ съ собой захватитъ онъ.

Стальныя оси передъ ними,
Надъ ними балки и шесты,
Съ боковъ—рессоры и колеса,
Крюки и толстые пруты.

Желѣзный срубъ наводитъ страхъ,
Не шевелясь сидятъ въ немъ дѣтки:
Такъ двое пойманныхъ звѣрковъ
Сидятъ испуганные въ клѣткѣ.

Но ихъ поддерживаетъ мысль,
Что скоро кончатся ихъ муки,
Что приближается конецъ
Ихъ долговременной разлукѣ.

Да, дѣти, кончатся для васъ
Земныя, тяжкія страданья,
И въ новой родинѣ—въ раю
Васъ ждетъ пріятное свиданье.

Тамъ вы избавитесь на вѣкъ
Отъ козней вашего злодѣя,
Звѣзда свободы вашей—тамъ
Сіяетъ на небѣ, свѣтлѣя.

Путь освѣщая фонарями,
Прислуга ходитъ близъ дѣтей,
Свистятъ свистки, гремятъ засовы,
Порою слышенъ стукъ дверей.

Катятся тачки, суетливо
Толпа людей въ вагонъ бѣжитъ,
Кругомъ волненье, шумъ и говоръ,
Звонокъ—и паровозъ свиститъ.

— Хватайся, милочка, за цѣпь!
Кричитъ мой Янко подъ вагономъ,
И вотъ ужъ двинулись впередъ
Колеса съ шумомъ и трезвономъ.

Машина тронулась; толчокъ
Передается всѣмъ вагонамъ;
Черезъ минуту полетятъ
И наши дѣточки съ дракономъ.

Стальной рычагъ работу началъ,
Машина тяжело пыхтитъ,
Въ большомъ котлѣ вода клокочетъ,
А Янко дѣвочкѣ кричитъ:

— Держись за цѣпь покрѣпче, Анка,
Терпи, крѣпись, не унывай,
Вѣдь мы съ тобой уже въ дорогѣ
Въ прекрасный нашъ словацкій край!

За цѣпи Анка ухватилась,
Повисъ на кольцахъ Янко мой:
Такъ пара птицъ окоченѣлыхъ
На чердакѣ виситъ зимой.

Быстрѣе дышетъ паровозъ
И сильно прибавляетъ ходу...
Придется-ль птичкамъ тѣмъ летать
На крыльяхъ въ вешнюю погоду?!

Вотъ поѣздъ сильно разошелся,
Какъ вихрь безъ устали бѣжитъ,
Вагонъ надъ головами дѣтокъ,
Какъ туча черная гремитъ.

Одни колеса за другими
Стремятся въ бѣшеной погонѣ,
Бренчатъ отъ тренья звенья цѣпи
И стекла дребезжатъ въ вагонѣ.

Шумъ оглушительный, ужасный,
И визгъ, и стукъ и цѣлый адъ,
Гуляетъ вѣтеръ подъ вагономъ
И рветъ одежду у ребятъ.

Такъ вотъ какъ, Иродъ! ты увезъ
Дѣтишекъ въ пышныя палаты,
Они навѣрное теперь
Счастливы, знатны и богаты!..

— Эй! Анка, слышишь ли меня?
Твой Янко говоритъ съ тобою;
Смотри, чтобъ не попала ты
Въ колеса какъ-нибудь ногою!

Не бойся, милочка моя,
Недолги будутъ наши муки,
Пріѣдемъ скоро мы домой
Изъ долговременной разлуки!—

Но ничего не слышитъ Анка;
Она, бѣдняжка, чуть жива;
Ея рука оцѣпенѣла,
И закружилась голова.

Дрожатъ громадные вагоны,
И доски толстыя трещатъ,
Колеса искры высѣкаютъ,
Стучатъ о рельсы и летятъ.

Качается съ малюткой цѣпь,
Нѣмѣютъ слабыя рученки.
Отъ ранъ глубокихъ всѣ въ крови
Окоченѣвшія ноженки.

Головка кружится сильнѣе,
Рука держаться устаетъ
Твоя подружка, милый Янко,
Навѣрно скоро упадетъ.

Надъ головами ихъ вагонъ,
Съ боковъ—огромныя колеса,
Могила страшная внизу
Манитъ на острые утесы.

Порой освѣтится ихъ путь...
О, Господи, что тамъ творится!
Вагонъ не двигаясь гремитъ,
Дорога бѣшено стремится.

Въ больныхъ головкахъ страшный гулъ
Стоитъ все время, не смолкаетъ,
Какъ будто въ гнѣвѣ великанъ
Свой тяжкій молотъ разбиваетъ.

Какъ будто вихрь въ ущельяхъ скалъ
Пронзительно свиститъ и воетъ,
Какъ будто горный водопадъ
Бездонные овраги моетъ.

Вотъ поѣздъ по мосту несется,
Уныло рельсы дребезжатъ;
Какъ будто въ колоколъ разбитый
Желѣзнымъ молотомъ стучатъ.

Свѣтъ фонарей блеснулъ сильнѣе—
Тамъ бездна страшная лежитъ...
Бренчанье вдругъ смѣнилось гуломъ
Вагонъ по насыпи бѣжитъ.

— О, Господи, помилуй насъ,
Вздохнула Анка чуть живая!
— Постойте! Янко закричалъ
Но поѣздъ мчится, не внимая.

— Остановитесь, ради Бога,
О, погодите хоть немножко,
Мнѣ удалось мелькомъ замѣтить,
Что вся въ крови у Анки ножка!—

Мольбы напрасны, тщетенъ крикъ,
Безъ остановки поѣздъ мчится,
Изъ ранъ на рельсы и песокъ
За каплей капля кровь струится.

— Голубка Анка́, потерпи,
И не тревожься изъ-за раны,
Вѣдь скоро поѣздъ насъ примчитъ
Въ прекрасныя словаковъ страны!—

Не для нея онъ говоритъ,
Не внятенъ Анкѣ голосъ милый,
Но все же держится она
За цѣпь, сберясь съ послѣдней силой.

Но вотъ конецъ, не стало силъ,
Ихъ у нея отняли муки....
Но Янко во время схватилъ
Подругу въ немощныя руки.

Свою застывшую рученку
Онъ, бѣдный, чувствуетъ едва-ль,
Но за себя онъ не страшится,
Ему подружки только жаль.

Она безъ чувствъ; ее къ себѣ
Одной рукой онъ прижимаетъ,
Другою изъ послѣднихъ силъ
Кольцо холодное сжимаетъ.

Ему труднѣе каждый мигъ:
Чѣмъ больше дѣвочка слабѣетъ,
Тѣмъ больше рѣжется кольцо,
И ручка мальчика нѣмѣетъ.

Давно струя горячей крови
Бѣжитъ съ руки ему на грудь...
О, Боже, скоро-ль приведешь Ты
Къ концу тяжелый, страшный путь?!

Въ удобныхъ позахъ пассажиры
Въ вагонахъ поѣзда сидятъ
И въ сладкой нѣгѣ и довольствѣ
Въ окно разсѣянно глядятъ.

Они то кушаютъ, то дремлютъ,
То рѣчь веселую ведутъ...
А подъ вагономъ въ мукахъ адскихъ
Сиротки смерти молча ждутъ.

Неудержимо поѣздъ мчится,
Какъ будто демономъ гонимъ,
Зловѣщей тучею клубится
За нимъ густой и ѣдкій дымъ.

Въ тонель съ шипѣньемъ онъ влетаетъ,
Сильнѣе дѣлается шумъ,
Дыханье сиротъ замираетъ
И помрачается ихъ умъ...

Рука не держитъ ужъ кольца,
Но Анку крѣпче обнимаетъ
И въ мигъ паденья роковой
Къ себѣ сильнѣе прижимаетъ.

Раздался крикъ.... и все свершилось!
Ужасный мигъ! ужасный видъ!
По полотну и по колесамъ
Струя кровавая бѣжитъ.

Но поѣздъ мчится и съ шипѣньемъ
Опять выходитъ изъ норы.
Свистокъ раздался съ грустнымъ стономъ;
Вздыхаютъ жалобно пары.

Дымъ вылетающій, какъ саванъ,
Покрыть тѣла дѣтей спѣшитъ,
И цѣпь, алѣющая кровью,
Скорѣе стонетъ, чѣмъ гремитъ.

Желѣзо тронуто—и плачетъ
Надъ горькой участью дѣтей,
Мелькаетъ жалобнѣе пламя,
Пары вздыхаютъ все сильнѣй.

Лишь ренегата не взволнуешь,
Въ немъ сердце—камень гробовой,
И мѣста нѣтъ для сожалѣнья
Въ душѣ всѣмъ міромъ проклятой!

Приди сюда измѣнникъ Иродъ,
Взгляни на дѣло рукъ твоихъ
И до сыта напейся крови
Страдальцевъ юныхъ и святыхъ!

Но знай: рабы твои свободны;
Палачъ въ раю не страшенъ имъ,
Тамъ милосердый есть Хозяинъ.
Тамъ ихъ ласкаетъ херувимъ!

Эпилогъ.

Лазурный небосклонъ! Твоихъ лучей сіянье
Расплавило снѣга души моей больной;
Ужъ гаснетъ гнѣвное очей моихъ блистанье,
Смѣняясь радостной прощенія слезой.
Отъ пыла нѣжныхъ чувствъ любви я таю,
Мой гнѣвъ къ врагу и скорбь моя прошли...
Небесный сводъ! Опять къ тебѣ взываю,
Моей покорной лирѣ ты внемли.
Стою какъ славянинъ я нынѣ предъ тобою,
Моля тебя не мстить за нашу кровь грозою!

—

Помилуй и прости, Всевышній Боже, тѣхъ,
Что отдаютъ дѣтей во власть врагамъ за плату;
Помилуй и прости ихъ тяжкій, смертный грѣхъ;
Мы мести не хотимъ врагамъ и ренегату.
То крестныя слова Христа я повторяю.
Его Ты вдохновилъ любовію святой;
Съ Голгоѳы Онъ сойдетъ, я вѣрю въ то и знаю,
Чтобъ гнетъ нашъ прекратить святой Своей рукой.

Гроза прекратилась, стихаютъ моря;
Край неба свѣтлѣетъ, восходитъ заря!

Перевелъ **В. Кривошъ.**

ПАНЪ РИШАНЕКЪ И ПАНЪ ШЛЕГЛЬ

Изъ «Малостранскихъ разсказовъ» Яна Неруды

Съ чешскаго

I

СМѢШНО было бы допустить даже предположеніе, что кто-нибудь изъ моихъ читателей можетъ не знать гостинницу «у Штайницевъ» на Малой сторонѣ *. Это первоклассный ресторанъ въ первомъ домѣ съ лѣвой стороны, тотчасъ за башней Карлова моста, на углу Мостецкой и Лазенской улицъ, съ большими окнами, съ большими стеклянными дверями. Единственный ресторанъ, который такъ смѣло занялъ мѣсто на самой людной улицѣ, имѣя къ тому же и входъ прямо съ тротуара! Всѣ остальныя гостинницы или расположены въ прилегающихъ улицахъ, или имѣютъ входъ внутри зданія, или по крайней мѣрѣ входъ въ нихъ закрытъ, на первый взглядъ, аркадами, совсѣмъ въ духѣ скромной Малой стороны **. Поэтому-то коренные обитатели Малой стороны, ея тихихъ улицъ, переполненныхъ поэтическими закоулками, не ходятъ къ «Штайницамъ». Тамъ бываютъ только болѣе крупные чиновники, профессора, офицеры, занесенные туда только случаемъ, да и то вѣроятно ненадолго, потомъ немногіе отставные чиновники и наконецъ нѣкоторые старые богатые домовладѣльцы, давно уже передавшіе кому-нибудь свои дѣла по дому,—и только. Духъ ресторана бюрократическо-аристократическій.

Много лѣтъ тому назадъ, когда я былъ еще маленькимъ гимназистомъ, общество, собиравшееся «у Штайницевъ», отличалось уже своимъ особымъ, хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и инымъ харак-

---

* «Малой стороной» называется часть Праги, находящаяся на лѣвомъ берегу Влтавы.

** Постройки съ аркадами—несомнѣнный признакъ старины. Въ Прагѣ аркады встрѣчаются только въ старыхъ частяхъ города. Въ «Новомъ городѣ» (извѣстная часть Праги) ихъ почти нѣтъ.

теромъ. Короче сказать, это былъ Олимпъ Малой стороны, гдѣ собирались ея боги. Вѣдь уже давно установлено историческими фактами, что боги соотвѣтствуютъ настроенію своихъ народовъ. Іегова напр. былъ богъ пасмурный, строгій и мстительный, суровый и безпощадный, какъ и іудеи. Греческіе боги были изящны и остроумны, красивы и веселы, во всемъ похожіе на грековъ. Славянскіе боги...— но простите! Мы, славяне, никогда не были способны ни на основаніе крупныхъ государствъ, ни на вполнѣ опредѣленное олицетвореніе своихъ боговъ; несмотря на всѣ усилія Эрбена и Костомарова, наши прежніе боги и понынѣ остаются для насъ какой-то туманной группой мягкихъ, неопредѣленныхъ очертаній. Когда-нибудь я, можетъ быть, и напишу спеціальное и ужъ, конечно, очень интересное разсужденіе о параллели между богами и человѣчествомъ; здѣсь же я желаю только заявить, что боги, собиравшіеся «у Штайницевъ», были несомнѣнные боги Малой стороны. Малая сторона, ея дома и населеніе носили на себѣ отпечатокъ чего-то тихаго, важнаго, стариковскаго, можно сказать даже какой-то дремоты; этотъ же отпечатокъ лежалъ и на господахъ посѣтителяхъ ресторана. Конечно и тогда, какъ и теперь, среди нихъ были гражданскіе чиновники, военные, профессора, пенсіонеры; но тогда еще не помыкали такъ чиновниками и военными, не гоняли ихъ изъ одной части государства въ другую, такъ что отцамъ не только удавалось закончить образованіе сыновей въ Прагѣ, но даже и пристроить ихъ на какую-либо должность и, благодаря протекціи, удержать ихъ при себѣ навсегда. Если нѣкоторые изъ посѣтителей «Штайницевъ» останавливались на минуту на тротуарѣ у входа, то всѣ проходившіе мимо кланялись имъ—знали ихъ.

Для насъ, гимназистовъ, Олимпъ «у Штайницевъ» былъ истый Олимпъ уже и потому, что тамъ бывали всѣ наши старые учителя. Старые! Зачѣмъ же называть ихъ старыми! Я зналъ хорошо всѣхъ боговъ нашей Малой стороны, и мнѣ всегда казалось, что никто изъ нихъ никогда не бывалъ молодъ.

Какъ сейчасъ вижу ихъ всѣхъ! Начнемъ съ пана совѣтника аппелляціоннаго суда. Высокій, сухой и очень уважаемый всѣми! Онъ состоялъ еще на службѣ, но я никакъ не могъ уразумѣть, въ чемъ заключались его служебныя обязанности. Когда мы въ десятомъ часу утра возвращались изъ школы, онъ только что выходилъ изъ своего дома на Кармелитской улицѣ и важно направлялся въ Остругову улицу, въ виноторговлю Царды. Въ четвергъ, когда у насъ не бывало послѣобѣденныхъ уроковъ и мы бѣгали по Маріанскимъ бастіонамъ, онъ тоже прогуливался тамъ въ саду; а въ половинѣ пятаго онъ уже входилъ къ «Штайницамъ». Я давалъ себѣ слово прилежно

учиться, чтобы потомъ сдѣлаться такимъ же совѣтникомъ апелляціоннаго суда, ио потомъ какъ-то забылъ объ этомъ.

Затѣмъ слѣдуетъ одноглазый панъ графъ. Положимъ, на Малой сторонѣ никогда не было недостатка въ графахъ, но этотъ одноглазый былъ вѣроятно единственный изъ нихъ, который посѣщалъ гостинницу на Малой сторонѣ, по крайней мѣрѣ тогда. Высокій, костлявый, со свѣжимъ румянцемъ, съ короткими бѣлыми волосами, съ черной повязкой на лѣвомъ глазѣ, онъ стоялъ на тротуарѣ около «Штайницевъ» часа по два, и если мнѣ бывало нужно пройти мимо него, то я всегда проходилъ подъ арками. Сама природа наградила шляхтичей опредѣленнымъ профилемъ, который называется аристократическимъ и который придаетъ имъ большое сходство съ хищными птицами.

Панъ графъ дѣйствительно казался мнѣ похожимъ на того сокола, который съ ужасающею послѣдовательностью ежедневно, въ самый полдень появлялся на куполѣ церкви св. Николая съ голубемъ въ клювѣ и принимался разрывать свою добычу на части, такъ что перья летѣли внизъ на площадь. Итакъ мимо графа я всегда проходилъ подъ арками; онъ внушалъ мнѣ неопредѣленный страхъ, какъ бы онъ не клюнулъ меня.

За нимъ слѣдуетъ толстый панъ штабъ-лѣкарь, не слишкомъ еще старый, но уже въ отставкѣ. Разсказывали, будто онъ однажды, при осмотрѣ пражскихъ больницъ какимъ-то высокопоставленнымъ лицомъ, на замѣчаніе этой важной особы отвѣтилъ, что она, особа, тутъ ничего не смыслитъ. Ему приказано было подать въ отставку, что и возбудило въ насъ расположеніе къ нему, такъ какъ мы, мальчики, считали этого толстяка настоящимъ революціонеромъ. Онъ былъ привѣтливъ и разговорчивъ, если встрѣчалъ мальчугана, который ему нравился,—такимъ мальчуганомъ могла быть и дѣвочка,—онъ останавливалъ его, гладилъ по лицу и говорилъ: «Кланяйся батюшкѣ», хотя бы и не зналъ этого послѣдняго.

Потомъ... впрочемъ нѣтъ! Всѣ эти старики вдругъ какъ-то еще болѣе постарѣли и вскорѣ умерли... Не будемъ же тревожить ихъ костей. Съ наслажденіемъ вспоминаю о тѣхъ пріятныхъ минутахъ, которыя я проводилъ среди нихъ, объ испытанномъ мною чувствѣ самостоятельности, возмужалости, когда, поступивъ въ университетъ, я въ первый разъ и безъ страха предъ профессорами вошелъ къ «Штайницамъ», въ общество этихъ высшихъ существъ. Правда, многіе не обратили на меня никакого вниманія, какъ будто меня тутъ и не было. Только разъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль случилось, что панъ штабъ-лѣкарь передъ отходомъ, проходя мимо моего стола, сказалъ мнѣ: «Да, да, молодой человѣкъ:—пиво сегодня ничего не

стоитъ, что бы они тамъ ни говорили!» и при этомъ съ пренебреженіемъ кивнулъ головой назадъ, именно на тѣхъ, съ которыми только что распрощался. Настоящій Брутъ! Имѣю смѣлость утверждать, что при удобномъ случаѣ онъ не задумался бы и самому Цезарю бросить въ лицо оскорбленіе, что онъ ничего не понимаетъ въ пивѣ.

Зато я внимательно наблюдалъ за ними. Многаго я не могъ слышать, но подмѣтить въ нихъ могъ многое. Я считаю себя только дурной копіей этихъ субъектовъ, но всѣмъ, что есть во мнѣ возвышеннаго, я обязанъ имъ. Особенно памятны для меня останутся двое изъ нихъ, проникшіе въ самую глубину моего сердца. Это панъ Ришанекъ и панъ Шлегль.

Эти двое не могли выносить другъ друга. Но, прошу извиненія,— я лучше поведу разсказъ о нихъ нѣсколько иначе.

При входѣ къ «Штайницамъ» съ Мостецкой улицы, на первомъ планѣ помѣщенія, гдѣ стоятъ билліарды, на правой сторонѣ — три окна, выходящія на Лазенскую улицу. Въ нишѣ каждаго изъ этихъ оконъ стоитъ по маленькому столику, окруженному съ трехъ сторонъ скамьями; помѣститься тутъ могутъ трое: одинъ спиной къ окну, а двое остальныхъ—другъ противъ друга, по обѣ стороны отъ перваго; если и имъ вздумается повернуться спиной къ окну, то билліарды приходятся какъ разъ передъ ними, и они наслаждаются зрѣлищемъ игры.

У третьяго окна, отъ входа направо, каждый вечеръ отъ шести до осьми часовъ сидѣли всѣми уважаемые члены общества: панъ Ришанекъ и панъ Шлегль. Мѣсто ихъ всегда оставалось незанято до ихъ прихода; никто бы и не дерзнулъ сѣсть на чужое обычное мѣсто: такой поступокъ показался бы порядочному и благовоспитанному обывателю Малой стороны положительно невозможенъ, потому что...—ну, да потому что онъ не могъ бы допустить и самой мысли объ этомъ. Мѣсто у самаго окна оставалось всегда пустымъ; панъ Шлегль садился обыкновенно на конецъ скамьи, ближайшій ко входу, а панъ Ришанекъ—на противоположномъ концѣ, въ аршинномъ разстояніи другъ отъ друга. Оба обыкновенно сидѣли спиной къ окну, наполовину отвернувшись отъ стола и другъ отъ друга, и смотрѣли на билліардъ; къ столу же они поворачивались лишь тогда, когда желали хлебнуть пива или набить трубку. Цѣлыхъ одиннадцать лѣтъ они сидѣли уже такъ ежедневно. И въ теченіе одиннадцати лѣтъ они ни слова не сказали другъ другу и даже ни разу не обратили вниманія другъ на друга.

Вся Малая сторона знала о непримиримой враждѣ ихъ между собой. Вражда эта была давнишняя. Причина ея тоже была извѣстна. Главнымъ поводомъ къ ней была женщина. Оба влюбились въ одну

и ту же. Сначала она оказывала предпочтеніе пану Ришанку, который былъ уже нѣкоторое время самостоятельнымъ торговцемъ; потомъ нежданно-негаданно предметъ очутился въ объятіяхъ пана Шлегля... можетъ быть потому, что панъ Шлегль былъ лѣтъ на десять моложе пана Ришанка. Итакъ она превратилась въ пани Шлегль.

Была ли пани Шлегль такая необыкновенная красавица, и можно ли было объяснить этимъ столь продолжительную скорбь Ришанка и его послѣдующую рѣшимость остаться навѣки холостякомъ— мнѣ неизвѣстно. Пани давно уже была въ землѣ: умерла послѣ первыхъ родовъ, оставивъ послѣ себя дочку, и кажется эта послѣдняя была ея портретъ. Въ ту пору, къ которой относится мой разсказъ, дочкѣ Шлегля было съ небольшимъ двадцать. Я зналъ ее, она часто приходила въ гости къ Полдинкѣ *, дочери капитана, жившаго въ верхнемъ этажѣ надъ нами. Дочка Шлегля считалась красавицей. Можетъ быть это и было такъ съ архитектурной точки зрѣнія. Все у нея было на своемъ мѣстѣ, во всемъ надлежащіе размѣры. Но каждый наблюдатель—не архитекторъ пришелъ бы отъ нея въ отчаяніе: лицо ея было такъ же мало подвижно, какъ фасадъ какого-нибудь дворца. Глаза ея блестѣли безъ всякаго выраженія, словно только что вымытыя окна. Уста ея, въ общемъ красивыя, какъ мелкая арабеска, открывались понемножку словно ворота, затѣмъ или ужъ оставались настежь открытыми, или же опять потихоньку закрывались. При всемъ этомъ цвѣтъ лица въ родѣ только что выбѣленной стѣны; быть можетъ теперь, если она еще жива, она ужъ и не такъ красива, но зато непремѣнно пріятнѣе: такія постройки дѣлаются красивѣе, именно когда начинаютъ приходить въ ветхость.

Мнѣ очень жаль, что я не въ состояніи повѣдать читателю, какимъ образомъ панъ Ришанекъ и панъ Шлегль очутились за однимъ столомъ у третьяго окна. Виною тому была вѣроятно какая-нибудь проклятая случайность, ежедневно отравляющая теперь жизнь этихъ стариковъ. Если простая случайность усадила ихъ рядомъ, то на первый разъ ихъ удержала на своемъ мѣстѣ мужественная гордость; во второй разъ они усѣлись также на зло другъ другу, а потомъ уже садились такъ въ доказательство своей непоколебимости, и чтобы не подать повода къ пересудамъ. А теперь ужъ давно всѣ «у Штайницевъ» убѣдились, что это обстоятельство сдѣлалось для нихъ обоихъ вопросомъ чести, и никто изъ нихъ не можетъ уступить другъ другу.

Оба приходили около шести часовъ, сегодня раньше одинъ, а завтра другой. По приходѣ они вѣжливо раскланивались на всѣ четыре стороны, со всѣми, но между собой никогда не здоровались.

* Леопольдиночка.

Кельнеръ бралъ у нихъ лѣтомъ шляпы и палки, а зимой барашковыя фуражки и пальто и вѣшалъ позади нихъ на крючокъ. Затѣмъ сбросившій съ себя верхнее платье встряхивался нѣсколько разъ, подобно голубю, всей верхнею частью тѣла: старики любятъ такъ встряхнуться, когда усаживаются на мѣсто; потомъ онъ опирался одной рукой (панъ Ришанекъ лѣвой, а панъ Шлегль правой) на свой уголъ стола и потихоньку садился спиной къ окну, лицомъ къ билліарду. Когда толстый, вѣчно ухмыляющійся и болтливый хозяинъ гостинницы подходилъ съ предложеніемъ первой понюшки табаку, то долженъ былъ передъ каждымъ изъ нихъ отдѣльно постучать по табакеркѣ и произнести замѣчаніе о томъ: «какая прекрасная сегодня погода»—иначе кто-нибудь изъ нихъ не принялъ бы понюшки и пропустилъ бы сказанное мимо ушей. Никогда и никому не удавалось побесѣдовать съ обоими заразъ. Никто изъ нихъ никогда не обратилъ вниманія на другого, какъ будто за столомъ никого кромѣ него самого и не было.

Кельнеръ ставилъ передъ ними по кружкѣ пива. Минуту спустя, при всей своей взаимной невнимательности, они все-таки взглядывали другъ на друга, но всегда въ разное время, потомъ поворачивались къ столику, вынимали изъ бокового кармана по большой, окованной серебромъ пѣнковой трубкѣ, а изъ другого кармана кисетъ съ табакомъ, набивали трубку, закуривали и снова отворачивались отъ окна. Такъ они просиживали два часа, выпивали по три кружки пива, потомъ вставали, но тоже всегда не въ одно время, совали трубку въ карманъ, прятали кисетъ, кельнеръ подавалъ пальто уходившему, а этотъ послѣдній раскланивался со всѣми, исключая своего сосѣда.

Я намѣренно подсаживался къ столику въ сторонѣ, около печки. Отсюда я могъ смотрѣть прямо въ лицо и пану Ришанку и пану Шлеглю, и мнѣ удобно было наблюдать за ними, не возбуждая ничьего вниманія.

Панъ Ришанекъ въ былыя времена торговалъ канифасомъ, а панъ Шлегль желѣзнымъ товаромъ. Теперь оба уже были богатые домовладѣльцы и не занимались болѣе торговлей; но внѣшность ихъ все еще напоминала о прежнемъ ихъ занятіи: лицо пана Ришанка постоянно напоминало мнѣ бѣлый канифасъ съ красными полосками, а вся фигура пана Шлегля на мой взглядъ имѣла большое сходство съ чугунной купеческой ступкой.

Панъ Ришанекъ былъ выше ростомъ, худѣе и, какъ уже было сказано, старше. Онъ видимо уже не обладалъ крѣпкимъ здоровьемъ; часто въ немъ замѣчалась слабость; нижняя челюсть его какъ-то невольно отдѣлялась и отвисала книзу. Сѣрые глаза были вооружены очками съ оправой изъ черной кости. Голова его была прикрыта

свѣтлымъ парикомъ, а по бровямъ его, невполнѣ еще посѣдѣвшимъ, можно было заключить, что панъ Ришанекъ былъ когда-то блондинъ. Щеки у него были впалыя, блѣдныя, настолько блѣдныя, что длинный красный носъ казался ярко пурпуровымъ. На кончикѣ носа иногда красовалась капля, слеза, выкатившаяся изъ самой глубины его. Какъ добросовѣстный біографъ, я долженъ упомянуть, что панъ Ришанекъ иногда такъ долго собирался отереть эту слезу, что она капала ему на грудь.

Панъ Шлегль былъ мужчина коренастый; шеи словно у него вовсе не было; голова его походила на бомбу; волосы онъ имѣлъ черные съ сильною просѣдью; лицо на обритыхъ мѣстахъ черносиняго цвѣта, а въ общемъ розовое; цвѣтъ кожи мѣстами лоснящійся, мѣстами матовый, совсѣмъ какъ на потемнѣвшемъ портретѣ кисти Рембрандта.

Я питалъ рѣшительное уваженіе къ этимъ двумъ героямъ, даже преклонялся передъ ними. Сидя здѣсь, они ежедневно вели между собой великую, суровую, непримиримую войну. Они сражались особымъ оружіемъ: молчаніемъ, пропитаннымъ ядомъ и самымъ тяжкимъ пренебреженіемъ другъ къ другу. Кто же изъ нихъ занесетъ наконецъ пяту на выю побѣжденнаго соперника! Панъ Шлегль былъ физически сильнѣе, все въ немъ было кратко, отрывисто, каждое его слово звучало словно ударъ часовъ на башнѣ. Панъ Ришанекъ говорилъ мягко и протяжно, былъ слабъ, но молчалъ и ненавидѣлъ съ такимъ же геройствомъ.

II.

Вдругъ случилось событіе.

Была какъ разъ среда предъ третьимъ воскресеньемъ по Пасхѣ, когда пришелъ панъ Шлегль и усѣлся на свое мѣсто. Усѣвшись, онъ набилъ трубку и выпустилъ облако дыму, повалившаго словно изъ трубы. Тутъ вошелъ хозяинъ гостинницы и по обыкновенію прямо къ нему, постучалъ по табакеркѣ и предложилъ понюхать. Потомъ закрывъ табакерку и снова встряхнувъ ее, онъ бросилъ взглядъ на входную дверь и сказалъ:

— Такъ мы сегодня не увидимъ пана Ришанка.

Панъ Шлегль ничего не отвѣтилъ, съ невозмутимымъ равнодушіемъ посматривая прямо предъ собою.

— Объ этомъ мнѣ сказалъ вонъ тамъ панъ штабный лѣкарь, продолжалъ разсказывать хозяинъ, стоя теперь уже спиной ко входу; при оборотѣ взглядъ его скользнулъ по лицу пана Шлегля.—Поутру онъ какъ и всегда сталъ было вставать съ постели, какъ вдругъ его начала трясти такая лихорадка, что пришлось опять лечь въ постель и какъ можно скорѣе послать за докторомъ.—Воспаленіе легкихъ.—

Штабный лѣкарь былъ у него сегодня уже три раза: вѣдь человѣкъ-то старый! Ну да теперь онъ въ хорошихъ рукахъ. Можно надѣяться!

Панъ Шлегль что-то промычалъ, не раскрывая рта: онъ не проронилъ ни единаго слова, не моргнулъ глазомъ.

Хозяинъ направился къ сосѣднему столу.

Тутъ я впился взоромъ въ лицо пана Шлегля. Долго оно оставалось совершенно неподвижнымъ, только губы раскрывались и выпускали клубы дыма, да чубукъ скользилъ иногда изъ одного угла рта въ другой. Чрезъ нѣкоторое время къ нему подошелъ одинъ изъ знакомыхъ. Разговорились, причемъ панъ Шлегль иногда громко смѣялся. Смѣхъ его былъ мнѣ противенъ.

Вообще сегодня панъ Шлегль держалъ себя совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Прежде онъ былъ словно пригвожденъ къ своему мѣсту, какъ часовой къ своей сторожевой будкѣ; теперь онъ блуждалъ, ему не сидѣлось, даже пустился играть на билліардѣ съ купцомъ, паномъ Келеромъ. При каждой партіи счастье улыбалось ему до самаго дублета, и, признаюсь, я почти желалъ, чтобы онъ ни разу не сдѣлалъ заканчивающаго партію дублета, и чтобы панъ Келеръ тѣмъ временемъ догонялъ его въ счетѣ.

Потомъ онъ снова усѣлся, сталъ курить и пить. Если кто-нибудь подходилъ къ нему, то панъ Шлегль говорилъ громче и былъ словоохотливѣе прежняго. Самое малѣйшее движеніе его не ускользнуло отъ меня; я видѣлъ ясно, какъ онъ въ душѣ былъ доволенъ тѣмъ, что не чувствовалъ даже самаго обычнаго состраданія къ своему больному врагу, и онъ мнѣ окончательно опротивѣлъ.

Онъ нѣсколько разъ бросалъ быстрый взоръ за арку къ буфету, у котораго сидѣлъ панъ штабный лѣкарь. Онъ навѣрное крѣпко пожалъ бы ему руку, еслибы тотъ поменьше ухаживалъ за больнымъ. Злой человѣкъ, рѣшительно злой!

Около осьми часовъ панъ штабный лѣкарь собрался уходить и остановился у третьяго столика. Покойной ночи!—сказалъ онъ.

Мнѣ необходимо еще разъ зайти сегодня къ Ришанку. Надо быть внимательнѣе!

— Покойной ночи! холодно отвѣтилъ панъ Шлегль.

Сегодня панъ Шлегль выпилъ четыре кружки пива и просидѣлъ до половины девятаго.

Прошло нѣсколько дней, прошло нѣсколько недѣль. Послѣ холоднаго, пасмурнаго апрѣля наступилъ теплый май; въ тотъ годъ была прекрасная весна. Если въ маѣ хорошая погода, то на Малой сторонѣ бываетъ сущій рай. Петринъ *) весь усѣянъ бѣлыми цвѣ-

*) Petřín—одинъ изъ семи холмовъ пражскихъ, на лѣвомъ берегу Влтавы.

тами, точно сквозь него пробивается кипящее молоко, а вся Малая сторона пропитана благоуханіемъ цвѣтущей сирени.

Для пана Ришанка опасность уже миновала. Весна была для него настоящій бальзамъ. Я уже встрѣчалъ его гуляющимъ въ общественныхъ садахъ. Онъ едва передвигалъ ноги, опираясь на палку. Онъ былъ еще худѣе и суше прежняго, и нижняя челюсть его уже совсѣмъ отвисла. Оставалось только подвязать ему подбородокъ платкомъ, закрыть усталые глаза и положить его въ гробъ. Но онъ всетаки поправлялся понемножку.

Къ «Штайницамъ» онъ не ходилъ. Тамъ у третьяго столика все еще царствовалъ одинъ панъ Шлегль, и вертѣлся и садился, какъ ему только было угодно.

Вдругъ, въ концѣ уже іюня, и именно въ день Петра и Павла, я замѣтилъ, что панъ Ришанекъ и панъ Шлегль опять сидятъ вмѣстѣ. Снова панъ Шлегль сидѣлъ на своемъ мѣстѣ какъ пригвожденный, и оба были обращены спиною къ окнамъ.

Сосѣди и знакомые подходили и протягивали пану Ришанку руку. Каждый отъ души привѣтствовалъ его; старикъ слегка дрожалъ отъ пріятнаго волненія, улыбался, говорилъ съ нѣжностью, былъ мягокъ. Панъ Шлегль смотрѣлъ на билліардъ и курилъ.

Когда панъ Ришанекъ оставался на нѣсколько минутъ одинъ, онъ всегда устремлялъ взоры къ буфету, гдѣ сидѣлъ его врачъ. Признательный человѣкъ!

Только что онъ опять направилъ туда свой взглядъ, какъ панъ Шлегль неожиданно повернулъ голову немного въ сторону. Взоръ его измѣрялъ фигуру пана Ришанка отъ пола вверхъ, отъ острыхъ его колѣнъ къ рукѣ, покоившейся на углу стола и похожей на руку скелета, обтянутую кожей; на минуту взоръ его остановился на этой рукѣ, потомъ снова задвигался вверхъ, пока не достигъ отвисшей челюсти, измученнаго лица, но едва остановился на немъ, какъ тотчасъ же соскользнулъ, и голова его приняла опять прежнее положеніе.

— Выздоровѣли!.. вотъ радость-то! залепеталъ хозяинъ гостинницы, только что пришедшій изъ кухни или изъ подвала. Только что войдя и увидавъ пана Ришанка, онъ подошелъ къ нему торопливыми шагами.—Такъ вы теперь здоровы и опять нашъ: ну, слава Богу!

— Слава Богу, слава Богу! съ улыбкой произнесъ панъ Ришанекъ. Опять удалось мнѣ выкарабкаться. Теперь я чувствую себя совсѣмъ хорошо.

— Но панъ Ришанекъ вѣдь не куритъ... еще нѣтъ желанія?

— Сегодня въ первый разъ какъ будто чувствую желаніе закурить.

— Такъ, такъ, это хорошій знакъ, проговорилъ хозяинъ, закры-

вая табакерку; потомъ снова постучалъ по ней, протянулъ ее пану Шлеглю съ какимъ-то замѣчаніемъ и отошелъ.

Между тѣмъ панъ Ришанекъ вынулъ свою трубку и сталъ искать кисетъ въ карманѣ, но вдругъ онъ замоталъ головой, потомъ еще второй разъ пощупалъ карманъ, потомъ третій, и наконецъ подозвалъ къ себѣ младшаго кельнера.

— «Сбѣгай ко мнѣ, вѣдь ты знаешь, гдѣ я живу? Вотъ здѣсь на углу. Скажи, чтобы тебѣ дали мой кисетъ съ табакомъ: онъ вѣроятно лежитъ на столѣ».

Мальчикъ подпрыгнулъ и убѣжалъ.

Но тутъ сдѣлалось нѣчто по-истинѣ удивленія достойное. Панъ Шлегль сдѣлалъ движеніе. Медленно протянулъ онъ руку къ своему открытому кисету и придвинулъ его совсѣмъ близко къ пану Ришанку.

— Не угодно-ли:—у меня трикралевый съ краснымъ *, проговорилъ онъ, по своему обыкновенію, отрывисто и крякнулъ.

Панъ Ришанекъ ничего не отвѣтилъ. Панъ Ришанекъ даже не взглянулъ на пана Шлегля: голова его осталась въ прежнемъ положеніи, на лицѣ то же неподвижно равнодушное выраженіе, какъ и въ теченіе цѣлыхъ одиннадцати лѣтъ, рука его вздрогнула нѣсколько разъ и губы нервно сжались.

Правая рука пана Шлегля осталась на кисетѣ какъ прикованная, взоръ его потупился; онъ то выпускалъ клубъ дыму, то кряхтѣлъ.

Вскорѣ вернулся мальчикъ.

— Благодарю васъ, вотъ ужъ и мой кисетъ, сказалъ только теперь панъ Ришанекъ пану Шлеглю, но и тутъ не взглянулъ на него. Я тоже курю трикралевый съ краснымъ, прибавилъ онъ минуту спустя, словно чувствовалъ себя обязаннымъ сказать еще что-нибудь, и затѣмъ онъ набилъ трубку, закурилъ ее и началъ пускать дымъ.

— Нравится? проворчалъ панъ Шлегль болѣе суровымъ голосомъ, чѣмъ обыкновенно.

— Нравится, благодарю васъ!

— Гмъ! Благодарю!.. повторилъ панъ Шлегль. По губамъ его пробѣжала судорога, словно молнія по хмурому небу, и онъ добавилъ торопливо:

— А мы боялись за васъ.

Теперь только панъ Ришанекъ повернулся къ нему лицомъ, и взоры ихъ встрѣтились.

Съ той поры панъ Ришанекъ и панъ Шлегль уже постоянно вели бесѣду за третьимъ столикомъ.

Перев Э. П. П—ская.

---

*) Извѣстный фабричный знакъ.

ИЗВѢЩЕНІЯ.

ОТЪ СОВѢТА

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО СЛАВЯНСКАГО БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАГО ОБЩЕСТВА

Извлеченіе изъ протоколовъ Совѣта

Въ засѣданіяхъ Совѣта, состоявшихся 11 іюня и 14 іюля, между прочимъ, постановлено: въ первомъ: а) прошенія 1 болгарина, 1 словака, 1 словинца, 1 серба, 1 черногорца и 2 добровольцевъ, о выдачѣ имъ какихъ либо денежныхъ пособій, отклонить; б) выдать въ единовременныя пособія: 1 болгаркѣ 25 р., 1 чеху 30 р., 2 добровольцамъ, женѣ 1 добровольца и матери 1 убитаго добровольца 30 р. и 5 стипендіатамъ Общества стипендіи впередъ за 3 мѣсяца: іюнь, іюль и августъ, 375 р.; в) назначить 1 болгарину, приготовляющемуся къ поступленію въ технологическій институтъ, пособіе на $2^1/_2$ мѣсяца, по 20 р. въ мѣсяцъ; г) прошеніе 1 серба, о назначеніи ему стипендіи, препроводить въ комиссію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ, по принадлежности, на зависящее распоряженіе и д) утвердить расходы, произведенные съ 17 мая по 11 іюня, на 256 р. 6 к., и во второмъ: а) выдать въ пособіе: 1 галичанину 15 р., 1 сербу 25 р., 5 добровольцамъ и 1 вдовѣ добровольца 85 р.; б) послать 1 сербскому священнику просимыя имъ книги; в) просить комиссію по образованію въ Россіи южныхъ славянъ объ удовлетвореніи ходатайства 1 болгарина о назначеніи ему стипендіи; г) просить Одесское Болгарское Настоятельство о принятіи 1 болгарки въ число стипендіатокъ и д) утвердить расходы, произведенные съ 11 іюня по 14 іюля, на 239 р. 80 к.

ЛАВЯНСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1892

СЕНТЯБРЬ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ.—ТОМЪ III

Александръ Өеодоровичъ Гильфердингъ
1831—1872

«Славянское Обозрѣніе»

ТИП ЭД. ГОППЕ.

АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ ГИЛЬФЕРДИНГЪ

АЛЕКСАНДРЪ Ѳеодоровичъ Гильфердингъ принадлежитъ къ числу замѣчательныхъ дѣятелей шестидесятыхъ годовъ и общественныхъ и литературныхъ. Его непродолжительная жизнь (онъ скончался на 42 году) посвящена была дѣятельности въ одномъ направленіи, согрѣта однимъ желаніемъ: будить сознаніе и въ родной землѣ и во всемъ славянствѣ. Оттого его зналъ весь славянскій міръ, и въ Россіи онъ встрѣчалъ болѣе сочувствія, чѣмъ противодѣйствія. Его характеръ ровный, изящный, его умъ ясный, чуждый крайностей доставили ему особенное положеніе. Лучшимъ доказательствомъ такого его значенія служитъ общее сочувствіе къ нему, выразившееся единодушно въ литературѣ людьми всѣхъ партій по случаю его кончины, послѣдовавшей, какъ извѣстно, въ то время, когда онъ собиралъ остатки народнаго творчества въ олонецкомъ краѣ и изучалъ бытъ мѣстнаго населенія. Была бы очень интересна подробная его біографія, но для нея нужна обширная подготовительная работа, въ особенности потому, что его служебная дѣятельность тѣсно связана съ его воззрѣніями и общимъ направленіемъ его жизни, для изученія которой необходимо и ознакомленіе съ архивомъ, и невозможность опредѣлить, что́ именно лично принадлежитъ ему. Въ особенности это относится къ его участію въ преобразованіяхъ, введенныхъ въ Царствѣ Польскомъ, въ которыхъ онъ явился дѣятельнымъ сотрудникомъ Н. А. Милютина. Въ настоящее время ограничимся краткимъ очеркомъ его жизни и трудовъ, основываясь и на

сообщеніяхъ, появившихся въ печати, и на личныхъ воспоминаніяхъ.

Александръ Θеодоровичъ родился 2-го іюля 1831 г. Первоначальное воспитаніе получилъ въ домѣ отца своего Θеодора Ивановича, служившаго директоромъ дипломатической канцеляріи при намѣстникѣ Царства Польскаго. Θеодоръ Ивановичъ былъ человѣкъ умный, образованный (онъ учился въ московскомъ университетѣ), чрезвычайно добродушный и хорошій русскій патріотъ, несмотря на то, что былъ католическаго исповѣданія (православіе Александръ Θеодоровичъ принялъ лично). Овдовѣвъ, Θеодоръ Ивановичъ посвятилъ всѣ свои досуги воспитанію сына, съ которымъ у него до конца жизни сохранились трогательныя дружескія отношенія. Воспитаніе молодому человѣку дано было самое тщательное: онъ основательно изучилъ древніе и новые иностранные языки и познакомился, что тогда было рѣдкостью, съ славянскими нарѣчіями. Въ числѣ его учителей былъ извѣстный славистъ Паплонскій. Сохранилось непрерѣкаемое свидѣтельство о тогдашнемъ развитіи Гильфердинга и о тѣхъ интересахъ, которые и тогда уже занимали его: въ бумагахъ его нашлась тетрадка подъ заглавіемъ: «Краткій очеркъ исторіи славянскихъ народовъ въ IX и X столѣтіи». Здѣсь разсказывается разселеніе славянскихъ племенъ, основаніе первыхъ государствъ, проповѣдь Кирилла и Меθодія, паденіе государствъ Болгарскаго и Моравскаго, основаніе Польскаго. Словомъ, въ этой юношеской работѣ мы встрѣчаемся съ тѣми самыми задачами, которыя занимали всю его жизнь и, что всего замѣчательнѣе, съ тѣми же свойствами изложенія, которыя даютъ покойному такое высокое мѣсто въ ряду русскихъ писателей: умѣніе отдѣлить существенное отъ несущественнаго, поставить событія въ правильной исторической перспективѣ, изложить ясно, просто и положительно.

Въ 1848 г. Гильфердингъ поступилъ въ московскій университетъ по историко-филологическому факультету. Университетъ тогда еще былъ въ полномъ цвѣтѣ. Реформа: закрытіе каθедры философіи, стѣсненіе преподаванія по нѣкоторымъ предметамъ, ограниченіе числа студентовъ — послѣдовала только въ 1849 г.; но и эта реформа существенно измѣнила немного, особенно на факультетѣ, выбранномъ Гильфердингомъ. Самою важною перемѣной была передача философіи профессору богословія;

комплектъ студентовъ вошелъ въ силу только съ слѣдующаго года. Но не по этой причинѣ университетъ не имѣлъ такого глубокаго вліянія на Гильфердинга, какое имѣлъ на многихъ другихъ. Дѣло въ томъ, что въ 40-хъ годахъ московское интеллигентное общество рѣзко дѣлилось на два лагеря: съ одной стороны стояли западники, съ Бѣлинскимъ, только что тогда умершимъ, и Грановскимъ во главѣ, третьимъ вождемъ былъ только что эмигрировавшій Герценъ; съ другой стороны стояли славянофилы. Большинство профессоровъ московскаго университета той поры были западниками; даже тѣ изъ нихъ, которые во многомъ сходились съ славянофилами (Буслаевъ, Соловьевъ), все-таки отдаляли себя отъ нихъ; то-же слѣдуетъ сказать и о Кавелинѣ, только что оставившемъ тогда университетъ и вліяніе котораго еще сильно чувствовалось. Близко къ славянофиламъ были только Шевыревъ и отчасти Бодянскій, который впрочемъ по независимости своего характера держалъ себя какъ-то особнякомъ. Гильфердингъ, по тому направленію, которое получилъ дома, не могъ стать западникомъ, а по связямъ своего отца получилъ доступъ въ славянофильскій кружокъ. Кружокъ этотъ былъ собраніемъ независимыхъ, высокообразованныхъ и ярко талантливыхъ людей: въ ихъ собраніяхъ слышались остроумныя и глубокомысленныя слова Хомякова, горячая, нравственно-чистая рѣчь К. С. Аксакова, изящная, звучащая непоколебимымъ убѣжденіемъ рѣчь Самарина; слышалась полная вѣры рѣчь И. В. Кирѣевскаго; говорилъ тамъ и П. В. Кирѣевскій, знатокъ народнаго творчества, проникнутый сознаніемъ народнаго духа, мало оцѣненный потому, что мало по себѣ оставилъ, но зато завѣщавшій потомству огромное богатство собраннаго имъ матеріала. Попавъ въ этотъ кружокъ, молодой человѣкъ, особенно еще подготовленный къ воспріятію его взглядовъ первоначальнымъ воспитаніемъ, долженъ былъ подчиниться его вліянію. Такъ и было съ Гильфердингомъ. Изъ его университетскихъ учителей имѣлъ на него вліяніе только Григоровичъ, полгода замѣнявшій Бодянскаго. Въ Русской Старинѣ по смерти того и другого напечатано было письмо Гильфердинга къ Григоровичу, свидѣтельствующее, что непродолжительное преподаваніе его было плодотворно для молодого слависта. Подъ вліяніемъ филологическихъ взглядовъ Хомякова, которые онъ высказывалъ въ статьѣ, помѣщенной въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ», Гильфердингъ

*

принялся за изученіе санскритскаго языка; учителемъ его былъ К. А. Коссовичъ, а ревностнымъ товарищемъ въ занятіяхъ С. П. Микуцкій, умершій недавно преподавателемъ варшавскаго университета, обладавшій громадною памятью словъ и формъ, любившій рискованныя сближенія, но къ сожалѣнію не одаренный умственнымъ творчествомъ ни въ какой степени; впрочемъ не того отъ него и требовалось, а свѣдѣнія его служили значительнымъ пособіемъ. Кончивъ курсъ въ 1852 г., Гильфердингъ въ 1853 г. помѣстилъ въ «Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ» свое сочиненіе: «О сродствѣ языка славянскаго съ санскритскимъ», и въ томъ же году защитилъ въ московскомъ университетѣ диссертацію на степень магистра славянскихъ нарѣчій: «Объ отношеніяхъ языка славянскаго къ языкамъ родственнымъ». Филологическія работы Гильфердинга не оставили глубокаго слѣда въ наукѣ, но свидѣтельствовали о замѣчательномъ талантѣ молодого ученаго. Впослѣдствіи онъ рѣдко обращался къ филологіи: можно упомянуть объ его «Общеславянской Азбукѣ», трудѣ очень остроумномъ, но не имѣвшемъ практическаго успѣха. Отъ филологіи онъ обратился къ исторіи, какъ предмету болѣе ему сродному, и труды историческіе и публицистическіе положили основу его извѣстности и до сихъ поръ составляютъ украшеніе нашей литературы.

Въ 1854 г. появилось начало двухъ историческихъ сочиненій Гильфердинга: въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» «Письма объ исторіи сербовъ и болгаръ» (продолженіе было въ «Русской Бесѣдѣ»), въ «Москвитянинѣ»—«Исторія балтійскихъ славянъ» (продолженіе въ «Архивѣ» Калачева за 1861 г.; въ «Сочиненіяхъ, т. IV, помѣщено еще дальнѣйшее продолженіе, до смерти императора Генриха III, найденное въ бумагахъ покойнаго). Сочиненія эти, мало извѣстныя тогда у насъ, обратили на себя вниманіе въ славянскихъ земляхъ («Исторія сербовъ» переведена на нѣмецкій языкъ). Въ нашей тогдашней исторической литературѣ они были положительной новостью: исторіей славянъ занимались по большей части люди съ преобладаніемъ фантазіи (Венелинъ, Савельевъ-Ростиславичъ), профессора же славянскихъ нарѣчій отдавались почти исключительно филологіи и отчасти археологіи; существовалъ переводъ «Славянскихъ древностей» Шафарика, но по своему изложенію онѣ мало были доступны читателю и къ тому же обнимали только языческій періодъ. Такимъ

образомъ, книги Гильфердинга были положительной новостью для тѣхъ, кто прочелъ ихъ; но прочли очень немногіе, ибо то было время преобладанія западничества. Извѣстно, что позднѣе (въ 1858) въ «Атенеѣ» австрійскій жандармъ провозглашался цивилизаторомъ между западными славянами. Въ сочиненіяхъ этихъ порою проглядываетъ юношеская неумѣлость; впрочемъ въ новомъ изданіи «Писемъ объ исторіи сербовъ и болгаръ» въ I т. «Сочиненій», вышедшемъ еще при жизни автора, она частью сглажена: уничтожена форма писемъ, уничтожены нѣкоторыя обращенія. Но это—мелочь, которая блѣднѣетъ при высокихъ ихъ достоинствахъ. Это не только исторія событій и даже смѣны учрежденій и бытовыхъ особенностей; нѣтъ, это исторія понятій и воззрѣній: передъ нами сплачивается изъ различныхъ стихій царство болгарское и рядомъ съ нимъ образуется сербское. Болгарское принимаетъ христіанство. Здѣсь мы видимъ значеніе христіанской проповѣди. Слѣдуетъ блистательный вѣкъ царя Симеона, его отношенія къ Византіи, причины паденія его царства: оно сложилось механически, внѣшне. Авторъ осуждаетъ такое насильственное, внѣшнее соединеніе и видитъ въ этомъ обстоятельствѣ главную причину паденія царства Симеона. Также ярко характеризуется попытка Самуила, причины ея неудачи, изображаются преступленія его рода,—и картина выходитъ замѣчательно полная и округленная, безъ всякаго желанія блистать внѣшнею красотою разсказа и бить на эфектъ; отсутствіе эфекта при замѣчательной стройности изложенія—болѣе всего поражаетъ непредубѣжденнаго читателя. Строгій критикъ можетъ остановиться на томъ, почему принято одно показаніе или оставлено другое. Можетъ быть осужденія его будутъ иногда и правильны: объ этомъ пусть судятъ спеціалисты; но такую картину въ состояніи нарисовать немногіе даже и изъ спеціалистовъ. «Исторія балтійскихъ славянъ» представляетъ тѣ же достоинства, но съ тою разницею, что здѣсь въ значительной доли повѣствованіе о внѣшнихъ событіяхъ (извѣстія о которыхъ скудны) оттѣснено на задній планъ изложеніемъ особенностей быта, представляющаго такое разнообразіе въ этомъ уголкѣ славянщины, гдѣ нашли себѣ мѣсто всѣ формы политическаго устройства, которыя только встрѣчаются у древнихъ славянъ (княжеская власть у однихъ племенъ, аристократія у другихъ, демократія у третьихъ), гдѣ встрѣчаются и попытки федеральнаго устрой-

ства, которыя, какъ основательно доказалъ Гильфердингъ, никогда не имѣли успѣха у славянъ.

На службу Гильфердингъ поступилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ и по заключеніи парижскаго мира въ 1856 г. назначенъ былъ консуломъ въ Боснію. Время для дипломатіи русской было тяжелое: значеніе наше на Востокѣ понизилось вслѣдствіе неудачъ только что завершенной войны; постоянные наши соперники на Босфорѣ торжествовали побѣду и ревниво слѣдили за каждымъ нашимъ шагомъ; дома мало думали о вѣковыхъ задачахъ русской политики; все вниманіе было устремлено на приготовленіе внутреннихъ реформъ; восточный вопросъ казался препятствіемъ къ правильному развитію и помѣхою нашего сближенія съ Европой.

Никогда можетъ быть западничество наше не заявляло себя такъ торжественно и такъ не принижалось все національное. Общество наше было западническимъ и въ 20-хъ годахъ, но тогда роль Россіи представлялась господствующею въ Европѣ: «вождь вождей, царей диктаторъ» открылъ намъ дорогу въ Парижъ. Все ликовало и если сознавались недостатки во внутреннемъ устройствѣ, недостатки иногда и мнимые, то зато крѣпко вѣрили во внѣшнюю силу Россіи. Эта вѣра еще возросла въ слѣдующее царствованіе и—вдругъ неудача все поколебала и все поставила подъ вопросъ. Такъ внутренніе вопросы не только затмили внѣшніе, но даже явилось сомнѣніе въ правильной постановкѣ этихъ внѣшнихъ вопросовъ.

Въ это-то время началась дипломатическая дѣятельность Гильфердинга. На Востокѣ консулъ не то, что на Западѣ; тамъ онъ долженъ поддерживать мѣстное православное населеніе, слѣдственно имѣетъ дѣло не только съ русскими подданными. Молодой консулъ съ честію занималъ этотъ постъ, находя къ счастію для себя поддержку въ умномъ и понимавшемъ дѣло директорѣ азіатскаго департамента: тогда этотъ постъ занималъ Е. П. Ковалевскій. Сараевскій консулъ былъ не только дипломатъ, онъ былъ и ученый. Побуждаемый интересомъ знанія, онъ объѣхалъ Боснію, Герцеговину и Старую Сербію и собралъ свои наблюденія въ книгѣ: «Боснія, Герцеговина и Старая Сербія» (Спб. 1859). Книга эта (переиздана въ т. III «Сочиненій») представляетъ живые очерки мѣстностей, историческія воспоминанія, археологическія описанія храмовъ, литературныя

замѣтки о рукописяхъ. Въ самой книгѣ и въ приложеніяхъ къ ней читатель знакомится и съ прошедшимъ и съ настоящимъ состояніемъ описанныхъ областей. Высокій интересъ предмета и необыкновенно даровитое изложеніе обратили на себя вниманіе всѣхъ интересующихся русской литературой, безъ различія партій. Во время своего консульства Гильфердингъ написалъ по-французски обзоръ движенія у западныхъ славянъ и напечаталъ безъ имени въ Парижѣ подъ заглавіемъ: «Les slaves occidentaux» въ 1858 году. Въ томъ же году А. Ѳ. женился на В. Ф. Ридель, съ которой былъ знакомъ еще въ Москвѣ и скоро возвратился въ Россію.

Въ 1860 г. образовалась редакція «Энциклопедическаго Словаря». Мнѣ предложили отдѣлъ русской и славянской исторіи. По славянской мои свѣдѣнія были слабы, и я обратился за помощью къ А. Ѳ. Гильфердингу (отдѣлъ польскій принялъ на себя Ю. С. Рехневскій). Это было поводомъ къ знакомству съ Гильфердингомъ. Мы хотя и были современниками въ университетѣ, но не встрѣчались, ибо были и на разныхъ курсахъ и на разныхъ факультетахъ. Мало-по-малу это дѣловое знакомство перешло въ тѣсную дружескую связь; изящная природа Гильфердинга, его необыкновенная талантливость, его житейскій тактъ неотразимо влекли къ себѣ. Онъ не любилъ говорить для разговора, и съ людьми мало знакомыми онъ былъ вѣжливъ, но неразговорчивъ; инымъ онъ являлся въ дружескомъ кругѣ и тамъ, гдѣ слово его было нужно, гдѣ приходилось защищать любимыя убѣжденія. Для меня сближеніе съ Гильфердингомъ было очень важно: это былъ первый изъ славянофиловъ, съ которымъ я сходился немимолетно. Разговоръ его заставилъ меня вникнуть въ ученіе славянофиловъ, на которое дотолѣ я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, вынесеннымъ изъ московскихъ литературныхъ кружковъ. Вотъ почему А. А. Григорьевъ замѣтилъ мнѣ разъ (съ нимъ къ сожалѣнію я былъ поверхностно знакомъ), что въ моей статьѣ: «Современное состояніе русской исторіи какъ науки» я смотрю на русскую народность очень объективно. Со времени знакомства съ Гильфердингомъ, а въ особенности съ изученія славянофиловъ (признаюсь, не сразу) я сталъ на значительно иную точку зрѣнія и почувствовалъ, что въ славянской природѣ есть нѣчто новое, своеобычное, что измѣнило въ значительной степени и

мой взглядъ на русскую исторію. Разговоръ и сочиненія Гильфердинга много помогли мнѣ въ пониманіи особенностей славянскаго міра.

Здѣсь нахожу умѣстнымъ сказать кой-что объ общемъ направленіи воззрѣній Гильфердинга, сказавшемся какъ въ его ученыхъ трудахъ, такъ и въ его служебной и общественной дѣятельности. Слѣдущая замѣтка была уже высказана мною въ статьѣ «А. Ѳ. Гильфердингъ, какъ историкъ» (см. мой сборникъ: «Біографіи и характеристики». Спб. 1892). Идеей, опредѣлившей всю дѣятельность Гильфердинга, было поднятіе нашего народнаго самосознанія; но это самосознаніе не ограничивалось для него географическими предѣлами русскаго государства, ни даже этнографическими предѣлами русскаго племени: оно простиралось на весь славянскій міръ, который являлся ему однимъ цѣлымъ, несмотря на разнообразіе народовъ, его составляющихъ. Единство это являлось Гильфердингу кореннымъ единствомъ взглядовъ, понятій. «Народный характеръ—читаемъ въ одной изъ записныхъ его книжекъ—составляютъ не какія бы то ни были нравственныя качества, а понятія, на которыхъ онъ основываетъ свой общественный и частный бытъ. Измѣняемость нравственныхъ качествъ (вліяніе просвѣщенія и пр.); неизмѣняемость этихъ понятій. Эти понятія — плодъ первоначальной жизни народа (сравнить съ образованіемъ человѣческаго характера)». Далѣе опровергая мнѣнія одного нѣмца, основывавшаго родство народовъ на сходствѣ нравственныхъ качествъ, онъ говоритъ: «Это то же самое, что еслибъ я, для доказательства родства своего съ такимъ-то (котораго наслѣдство, положимъ, хотѣлъ бы получить), сказалъ, что онъ такой, какъ я, неуживчивый человѣкъ, такъ же предпочиталъ охоту и разбой мирному промыслу, такъ же былъ храбръ, такой же былъ пьяница, такъ же женился изъ-за денегъ, любилъ пѣсни и одѣвался одинаково. Родство народа съ народомъ, или и человѣка съ человѣкомъ, доказывается совершенно иначе». Проникнутый этими мыслями онъ не оберегаетъ древнихъ славянъ отъ обвиненій напр. въ пиратствѣ, и тѣмъ избавляется отъ свойственной многимъ историкамъ слабости находить у одного народа всѣ добродѣтели, а у другого—всѣ пороки; зато за понятіями онъ слѣдитъ внимательно и ихъ-то старается выставить на первый планъ. Припомнимъ подробный анализъ учрежденій общественныхъ и семейнаго быта у славянъ балтійскихъ

дъ вліяніемъ большаго или меньшаго искаженія, приносимаго щами; припомнимъ краткій, но блистательный очеркъ исторіи хіи, доказывающій то же самое. Крайнимъ выраженіемъ этой сли служитъ характеристика главнѣйшихъ народовъ арійскихъ «Древнѣйшей исторіи славянъ», гдѣ три пары народовъ, редовавшихся въ числѣ народовъ арійскихъ, индусы и персы, еки и римляне, германцы и славяне, раздѣлены на двѣ группы: одной отличительное свойство — индивидуализмъ съ его естящимъ умственнымъ и художественнымъ развитіемъ; въ угой —общинность съ неизбѣжно соединенною съ нею способстью къ политической организаціи. Эта характеристика, воздившая противъ себя толки, быть можетъ, потребуетъ ачительныхъ смягченій, ограниченій, но тѣмъ не менѣе она только блистательно остроумна, но и въ высшей степени жна, какъ указаніе на то, чего долженъ преимущественно биваться историкъ въ изученіи жизни народовъ, въ чемъ онъ долнъ полагать свою главную задачу. Дѣйствительно, съ теченіемъ емени все измѣняется: и обычаи, и нравы, и экономическія ношенія, а все-таки остается что-то такое, что составляетъ сущсть народной жизни, и это что-то есть понятіе, выражающееся къ или иначе среди всѣхъ измѣненій судебъ народовъ. Ясно, о, поставивъ себѣ подобную задачу, Гильфердингъ не могъ вольствоваться частными историческими изслѣдованіями, меднно подготовляющими матеріалы для будущаго зданія и долго сомнѣніемъ осматривающими каждый камень, годенъ ли онъ я предполагаемаго зданія; не могъ онъ также довольствоться изложеніемъ того, чтó уже принято въ наукѣ, имѣющей виду подготовить новыхъ тружениковъ на этомъ полѣ, укаъ имъ, чтó сдѣлано и чего еще не сдѣлано. Поставивъ цѣлью торіи вообще, а слѣдовательно и своихъ собственныхъ историческихъ трудовъ—не только изображать прошлое, т. е. указвать, насколько народы прославили себя въ своей исторіи, но будить народное сознаніе въ настоящемъ, онъ не могъ ограчиться ни тою, ни другою дѣятельностью. Онъ даже съ нѣторою недовѣрчивостью относился къ различнымъ мнѣніямъ, огія изъ которыхъ казались ему просто ученою прихотью; а ѣдовательно, занятіе ими въ его глазахъ было бы только отеченіемъ отъ главной цѣли. Оттого въ его сочиненіяхъ такъ ло полемическаго элемента, чтó имъ придаетъ особую зани-

мательность. Чтó бы мы ни думали по этому поводу, нельзя не согласиться, что съ своей точки зрѣнія онъ былъ совершенно правъ: онъ прокладываетъ новые пути, ведетъ по нимъ; до того ли ему, чтобы доказывать, что старые никуда не годятся или годятся только въ половину!

Въ 1861 г., оставивъ министерство иностранныхъ дѣлъ, Гильфердингъ перешелъ на службу въ государственную канцелярію, гдѣ и началъ свою дѣятельность по отдѣленію государственной экономіи, которымъ въ то время управлялъ извѣстный и опытный финансистъ, нынѣ покойный А. П. Заблоцкій-Десятовскій. Въ этой повидимому чуждой ему сферѣ Гильфердингъ скоро показалъ всю силу своихъ способностей. Приводимъ по этому случаю свидѣтельство М. И. Семевскаго *, бывшаго сослуживца Александра Θеодоровича: «Невозможно повѣрить, до какой степени легко давалась самая многосложная работа этому человѣку. Сноровка и быстрота, съ какими работалъ Гильфердингъ, почти вошла въ пословицу въ тѣхъ департаментахъ государственнаго совѣта, въ которыхъ онъ служилъ: все, что другимъ доставалось нерѣдко весьма усидчивымъ и упорнымъ трудомъ, что у другихъ выходило полно безчисленныхъ перемарокъ, то изъ-подъ пера Гильфердинга, въ немногіе часы, излагалось какъ-бы шутя, просто, легко, почти безъ помарки и всегда въ изложеніи краткомъ и ясномъ. Почеркъ его, кстати сказать, былъ очень четокъ и красивъ». Такимъ образомъ, и здѣсь умъ его, живой и ясный, служилъ горячо имъ любимой родной землѣ.

Но скоро открылось ему другое, болѣе свойственное ему поприще: въ 1863 г. вспыхнуло польское возстаніе. Правительству пришлось и отписываться на дипломатическія ноты, и усмирять возстаніе и преобразовать устройство Царства П. Эта послѣдняя задача поручена была Н. А. Милютину. Въ числѣ другихъ своихъ сотрудниковъ Милютинъ обратился и къ Гильфердингу, который съ тѣхъ поръ началъ работать въ комитетѣ по дѣламъ Царства Польскаго, участвуя въ то же время въ трудахъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго населенія. Дѣятельность Гильфердинга въ эти годы была обширна: онъ являлся редакторомъ оффиціальныхъ бумагъ,

---

* «Русская Старина», 1872 г., № 10.

помѣщалъ статьи въ газетахъ, въ которыхъ разъяснялся польскій вопросъ для русской публики, издалъ по-англійски брошюру (анонимно): «Polish Question». Общій свой взглядъ на лучшій способъ разрѣшенія польскаго вопроса высказалъ онъ въ 1863 г. въ слѣдующихъ словахъ одной изъ своихъ статей: «Наша обязанность тамъ—и для нашей собственной пользы, и для блага польской націи—доставить самостоятельность польскому крестьянству и употребить всѣ усилія для распространенія въ Польшѣ серьезнаго научнаго образованія. Эти вопросы несравненно важнѣе всякихъ вопросовъ о политическомъ устройствѣ Царства. Никакое политическое устройство, никакая система управленія не можетъ удовлетворить поляковъ; польскій вопросъ не разрѣшимъ никакими политическими мѣрами; польскій вопросъ можетъ быть только упраздненъ, а упразднить его могутъ только соціальныя средства». Таково же было мнѣніе и тогдашнихъ руководителей реформъ въ Царствѣ: послѣ устройства сельскаго населенія распространеніемъ на него Положенія 19-го февраля 1861 г. послѣдовалъ рядъ узаконеній объ устройствѣ учебныхъ заведеній, начиная съ низшихъ, отъ которыхъ устранено вліяніе ксендзовъ и шляхты, до среднихъ, въ которыхъ введено преподаваніе нѣкоторыхъ предметовъ на русскомъ языкѣ (полное обрусеніе преподаванія относится къ послѣдующему времени). Устройство учебныхъ заведеній завершилось открытіемъ варшавскаго университета. Въ начертаніи этихъ уставовъ Гильфердингъ имѣлъ самое большое значеніе * хотя и не ему пришлось осуществить ихъ. ** Онъ также принималъ участіе въ начертаніи мѣръ для сокращенія числа католическихъ монастырей, новаго административнаго раздѣленія Царства и наконецъ въ работахъ по устройству судебной части.

Въ послѣдніе годы Гильфердингъ особенно занятъ былъ мыслью о трудѣ, который долженъ былъ сосредоточить въ себѣ всѣ его предварительныя ученыя работы. Трудъ этотъ—«Исторія славянъ» былъ имъ лишь только начатъ: первыя главы его по-

---

* Есть основаніе предполагать, что А. Ѳ. Гильфердингъ по указаніямъ Н. А. Милютина составилъ «Общую объяснительную записку объ устройствѣ учебной части въ Ц. Польскомъ», напечатанную въ «Славянск. Обозр.»: II, 300 стр. *Ред.*

** Н. А. Милютинъ желалъ ходатайствовать въ 1864 г. о назначеніи А. Ѳ. Гильфердинга попечителемъ варш. уч. округа. Но это не входило въ планы намѣстника Ц. П. гр. Берга и постъ попечителя былъ предоставленъ Ѳ. Ѳ. Витте. *Ред.*

явились въ «Вѣстникѣ Европы», подъ заглавіемъ: «Древнѣйшая исторія славянъ»; въ бумагахъ покойнаго сохранились наброски еще двухъ главъ: о славянахъ панонскихъ и о скиѳахъ. Они должны были войти въ пятую часть его «Сочиненій», печатаніе которой остановилось по случаю банкротства издателя Д. Е. Кожанчикова. Труду этому покойный отдавалъ большую часть своихъ досуговъ: читалъ древнихъ писателей, отыскивалъ въ нихъ какія-либо свѣдѣнія о народахъ, въ которыхъ можно было бы признать славянъ. Онъ не пренебрегалъ никакими свѣдѣніями и искалъ ихъ и въ твореніяхъ отцовъ церкви, и у историковъ, и у географовъ, и у писателей о земледѣліи и т. д. Множество выписокъ было имъ сдѣлано. Сколько разъ заставалъ я его у конторки надъ громадными книгами, которыя онъ внимательно изучалъ. Съ какою любовью говорилъ онъ объ этомъ трудѣ и ему не суждено было осуществиться!...

Послѣ славянскаго съѣзда 1867 года, создалось въ Петербургѣ отдѣленіе московскаго славянскаго благотворительнаго комитета. Сначала предсѣдатели смѣнялись, но скоро явился постоянный, и имъ былъ Гильфердингъ. Многіе еще помнятъ, съ какимъ тактомъ онъ предсѣдательствовалъ, какъ онъ умѣлъ руководить преніями, какъ онъ вдохновлялъ своими рѣчами, какъ онъ умѣлъ находить людей, направлять ихъ дѣятельность, какъ по его почину устраивались публичныя чтенія, живыя картины, которыми съ одной стороны будился въ обществѣ интересъ къ славянству, а съ другой—находились средства для благотворительной цѣли комитета. Его усиліями созданъ въ Прагѣ православный храмъ; но А. Ѳ. не суждено было дожить до его освѣщенія.

Въ послѣдній годъ своей жизни Гильфердингъ былъ предсѣдателемъ этнографическаго отдѣленія географическаго общества. Къ этой обязанности онъ относился также чрезвычайно внимательно: устраивалъ интересныя засѣданія, печаталъ важные этнографическіе труды и наконецъ самъ совершилъ капитальный этнографическій трудъ. Лѣтомъ онъ иногда уѣзжалъ далеко изъ Петербурга (разъ онъ совершилъ поѣздку къ балканскимъ славянамъ, откуда вывезъ собраніе рукописей, купленныхъ впослѣдствіи Хлудовымъ). Въ апрѣлѣ 1871 г. онъ задумалъ поѣздку въ олонецкую губернію. Поводомъ къ поѣздкѣ было то обстоятельство, что сокровища былиннаго эпоса, открытыя П. И. Рыбниковымъ, возбуждали сомнѣнія въ нѣкоторыхъ ученыхъ. Гильфер-

дингъ рѣшился лично повѣрить открытіе Рыбникова и посѣтилъ этотъ отдаленный край, гдѣ часто приходилось ему проѣзжать верхомъ по лѣсамъ и болотамъ. Трудъ его награжденъ былъ сторицею: онъ вывезъ оттуда «Онежскія былины» (изданныя уже по его кончинѣ) *. Гильфердингъ самъ знакомился съ пѣвцами, ** заставляя ихъ пѣть речитативомъ, что давало ему возможность записывать ихъ былины слово въ слово и даже отмѣчать удлиненіе слоговъ. Это послѣднее обстоятельство открыло ему тайну русскаго народнаго стиха. Такимъ образомъ «Онежскія былины» дали прочную основу для историковъ литературы, историковъ языка и т. д. Здѣсь въ первый разъ изслѣдователи встрѣтились съ матеріаломъ, вполнѣ годнымъ къ употребленію. Всѣ сомнѣнія замолкли сами собою. Свое путешествіе Гильфердингъ описалъ въ статьѣ «Олонецкая губернія и ея народные рапсоды» («Вѣстн. Евр.», 1872, № 3), въ которой рукою мастера изображены и край, и бытъ народа и охарактеризованы пріемы пѣвцовъ. Нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжали зимою 1871—72 г. въ Петербургъ, пѣли у Гильфердинга; а одинъ изъ нихъ, Рябининъ, пѣлъ и въ славянскомъ комитетѣ и въ географическомъ обществѣ. По ходатайству Гильфердинга черезъ Августѣйшаго предсѣдателя общества Рябинину пожалована была медаль. Лѣтомъ 1872 г. Гильфердингъ снова поѣхалъ въ олонецкую губернію. Доѣхавъ на пароходѣ до вознесенской пристани, онъ пересѣлъ на трешкотъ, желая прислушаться къ говору простого народа. Въ Вытегрѣ онъ почувствовалъ себя дурно, но лѣчиться не хотѣлъ, и поѣхалъ въ Каргополь, откуда уже ѣхать не могъ: здѣсь посѣтилъ его докторъ и не могъ уже ничего сдѣлать: у больного былъ брюшной тифъ. 20-го іюня онъ скончался. Въ Каргополѣ онъ проболѣлъ всего пять дней. *** При вѣсти о кончинѣ Гильфердинга отслужены были въ разныхъ мѣстахъ по немъ панихиды. Въ Карлсбадѣ прот. Кустодіевъ произнесъ хорошую рѣчь, гдѣ сказалъ между прочимъ: «Мысль его многоплодно простиралась и на сѣверъ, но она болѣе утверждалась на югѣ въ той вели-

* Нынѣ онѣ переиздаются вновь, ибо въ продажѣ ихъ уже давно нѣтъ.

** Въ «Русск. Стар.», 1872, № 12, напечатанъ неоцѣнимый по своему простодушію разсказъ одного изъ этихъ пѣвцовъ, Касьянова, о знакомствѣ съ Гильфердингомъ.

*** Письмо изъ Каргополя («Русск. Старина», 1872, № 10).

кой задачѣ, къ рѣшенію которой онъ стремился съ свойственной ему настойчивостью и благоразуміемъ». 4-го іюля тѣло Гильфердинга было привезено въ Петербургъ, встрѣчено на пристани друзьями и почитателями и похоронено въ Новодѣвичьемъ монастырѣ. Здѣсь тогдашній ректоръ семинаріи, впослѣдствіи епископъ нижегородскій, нынѣ уже почившій Хрисанфъ, со свойственнымъ ему глубокомысліемъ и краснорѣчіемъ произнесъ рѣчь, изъ которой выпишемъ слѣдующія, проникнутыя мыслію и глубокимъ чувствомъ строки: «Это былъ дѣятель въ полномъ и широкомъ смыслѣ слова... Не напрасно и не по имени только здѣсь, у насъ, онъ былъ центромъ всѣхъ живыхъ дѣятельныхъ стремленій нашихъ во имя славянства. Всѣ мы знаемъ это, знаютъ объ этомъ и тамъ—среди самихъ славянскихъ племенъ. Въ самой государственной службѣ онъ является какъ ревностный помощникъ одного, также недавно умершаго поборника русскаго дѣла, русскихъ интересовъ въ борьбѣ съ одноплеменнымъ, но непріязненнымъ намъ народомъ. Словомъ, вся жизнь его была однимъ нераздѣльнымъ, цѣльнымъ служеніемъ одному дѣлу—одной національной идеи.

«Но не то же ли говоритъ о немъ и самая смерть его, такъ поразившая насъ своею неожиданностью? Передъ нами, братья, жертва любви къ наукѣ и своему призванію, жертва ревности къ своему дѣлу. Смерть застигла его въ глухомъ краю, куда стремился онъ единственно за тѣмъ, чтобы собрать дорогія для него преданія изъ устъ народа, среди котораго еще уцѣлѣли слѣды первобытныхъ временъ, имѣющія скоро и здѣсь исчезнуть... Конецъ, достойный жизни»! *

14-го февраля 1873 г. петербургскій отдѣлъ славянскаго благотворительнаго комитета собрался подъ предсѣдательствомъ И. П. Корнилова. Это торжественное засѣданіе съ присутствіемъ публики посвящено было памяти Гильфердинга. Тогда Т. И. Филипповъ прочелъ рѣчь о московскихъ годахъ жизни Гильфердинга, О. Ѳ. Миллеръ—объ его заслугахъ въ собираніи памятниковъ народнаго творчества, В. И. Ламанскій—объ его трудахъ по славянству, а нижеподписавшійся—объ его историческихъ трудахъ.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

* Обѣ рѣчи напечатаны въ названномъ уже № «Русск. Старины».

ЧЕРВОНОРУССКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

Червонорусскія области Австро-Угріи, а именно восточная и средняя Галичина, сѣверная Буковина и восточная Угрія, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ, такъ и теперь заселены сплошь вѣтвями восточнаго славянства и составляютъ какъ бы западный форпостъ русскаго народа. Насколько запомнитъ исторія, тамъ никогда и не было другихъ, старшихъ туземцевъ, такъ что червонорусы или—какъ нѣмцы, а за ними и наши западники любятъ выражаться — «рутены», «русины» составляютъ автохтонное населеніе названныхъ областей. Потому-то средняя часть большой карпатской дуги, составляющая какъ бы позвоночный столбъ червонорусской народности, издревле называется въ географической литературѣ «русскими горами, русскими Карпатами», въ народныхъ же говорахъ—Бескидами.

Но въ древнее время это русское Подкарпатье шло гораздо далѣе нынѣшняго и на сѣверъ, и на югъ, и на западъ, упираясь въ Спишскія Татры съ одной стороны, а въ Семиградскія Альпы съ другой; въ долинѣ же угорской русскія поселенія забѣгали нѣкогда далеко за Тису, которая въ своемъ верхнемъ и среднемъ теченіи была рѣкою сплошь червонорусскою. То же слѣдуетъ сказать о большей части ея притоковъ, въ томъ числѣ и нѣкоторыхъ семиградскихъ. Этою обширностью червонорусской территоріи, а также ея счастливымъ положеніемъ и богатствомъ, объясняется въ значительной мѣрѣ историческая роль червонорусскихъ князей XII—XIII в., въ такихъ поэтическихъ краскахъ обрисованная и пѣвцомъ «Слова

о полку Игоревѣ», который самъ происходитъ кажется изъ галицко-волынской области.

И послѣ паденія своей независимости, Червонная Русь, раздѣленная съ XIV в. между Польшей и Угріей, слѣд. какъ бы разсѣченная пополамъ, все еще продолжала быть важнымъ факторомъ въ политическихъ событіяхъ Востока, опредѣляя собою до нѣкоторой степени величіе Польши въ 15—16 вв., а также значеніе Угріи при Людовикѣ В., Гуніадѣ и Корвинѣ, а позже—воеводства Трансильваніи съ восточной Угріей и Молдавіи съ Валахіей. Даже въ послѣднее столѣтіе, по возсоединеніи всѣхъ — правда, сильно уже обрѣзанныхъ инородцами— червонорусскихъ областей подъ Габсбургами, червонорусскіе полки, наряду съ сербско - граничарскими, всегда считались ядромъ австроугорскихъ армій, самою стойкою ихъ частью. Въ области же литературной, не червонорусы ли произвели лучшую изъ древне-русскихъ лѣтописей—галицко-волынскую? Не они ли дали намъ св. Петра и цѣлый рядъ знаменитыхъ богослововъ-полемистовъ XVI—XVII вв.? Да и въ нынѣшнемъ вѣкѣ изъ червонорусовъ вышло, при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, не мало замѣчательныхъ ученыхъ, писателей, дѣятелей, напр. нашихъ Балудьянскаго, Орлая, Кукольника, Венелина, Головацкаго, затѣмъ Снѣгурскаго, Зубрицкаго, Малиновскаго, Яхимовича, Петрушевича, Федьковича, Наумовича, А. И. Добрянскаго и мн. др.! А сколько крупныхъ талантовъ дала Червонная Русь полякамъ и въ «золотой» сигизмундовскій періодъ и въ ближайшее къ намъ время! Да и мадьярскій диктаторъ Кошутъ былъ собственно земплинецъ, слѣд. происхожденія угрорусскаго. Но всего замѣчательнѣе нынѣшняя духовная пробужденность червонорусскаго простонародья, особенно въ Галичинѣ, гдѣ оно въ послѣднее десятилѣтіе устроило цѣлыя тысячи читаленъ, сотни обществъ народной торговли, трезвости, десятки вѣчъ и раскупаетъ по 5—6000 экз. изданій общества Качковскаго, отчасти и «Просвѣты», поддерживая въ то же время полдюжины газетокъ—политическаго, религіознаго и хозяйственнаго содержанія. Если вспомнить, что число русскихъ галичанъ опредѣляется въ 3 съ небольшимъ мил. д., слѣд. лишь немногимъ больше населенія—положимъ—волынской губ., то нельзя не признать преимуществъ крестьянина галицкаго передъ нашимъ по степени духовной пробужденности. Ко-

нечно, это объясняется самою трудностью общественно-экономическихъ и народно-культурныхъ условій жизни русскаго галичанина, въ сравненіи съ нашимъ подоляниномъ или украинцемъ; но во всякомъ случаѣ это служитъ новымъ доказательствомъ рѣдкой даровитости червонорусскаго населенія и его правъ на лучшую будущность.

Красота подкарпатской природы, относительное богатство ея и обычная консервативность характера и жизни горцевъ служатъ достаточнымъ объясненіемъ любви червонорусовъ къ своей родинѣ, въ чемъ они ни мало не уступаютъ ни тирольцамъ, ни швейцарцамъ. Если поэтому червонорусскому крестьянину и приходилось оставлять иной разъ свою страну для заработковъ, спускаясь напр. на косьбу и жатву въ долины мадьярскаго и румынскаго Потисья или мазовецкаго Повислія, то подобныя отлучки на отхожіе промыслы длились обыкновенно лишь нѣсколько лѣтнихъ мѣсяцевъ, слѣд. не разрывали связей населенія съ ихъ родиной. Даже тѣ спишскіе и шаришскіе коробейники, которые подобно словакамъ турчанскимъ, оравскимъ и тренчинскимъ на болѣе продолжительное время удалялись въ Польшу, западную Русь и др. смежныя страны для продажи корзинъ, мышеловокъ и др. своихъ издѣлій, не могли еще называться эмигрантами, а лишь ходебщиками, которые непремѣнно возвращаются домой, въ свои насиженныя гнѣзда, къ своимъ оставленнымъ семьямъ.

Такъ оно было издревле, въ теченіи многихъ вѣковъ. Но въ послѣднее 25-лѣтіе, со времени введенія пресловутаго дуализма и отдачи Руси галицкой въ кабалу полякамъ, а закарпатской мадьярамъ, червонорусскія хожденія мало по малу начинаютъ измѣнять свой характеръ: вмѣсто смежныхъ европейскихъ странъ, они направляются теперь главнымъ образомъ въ Америку, причемъ постепенно теряютъ значеніе отхожихъ промысловъ и перерождаются въ настоящую эмиграцію. Въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ уже теперь насчитываютъ болѣе 150.000 червонорусскихъ рабочихъ, которые заняты главнымъ образомъ въ каменноугольныхъ копяхъ и составляютъ не одинъ десятокъ приходовъ, имѣющихъ свои церкви, причты и до нѣкоторой степени—осѣдлость въ этихъ заокеанскихъ колоніяхъ. Правда, большинство этихъ эмигрантовъ еще поддерживаютъ связи съ оставленной родиной и родными; многіе по-

сѣщаютъ ихъ хоть черезъ нѣсколько лѣтъ или и совсѣмъ возвращаются въ свои прежнія села, къ своимъ семьямъ, выкупаютъ свои заложенные евреямъ участки и возобновляютъ на нихъ прежнее хозяйство. Но многіе совершенно ликвидируютъ на родинѣ дѣла, забираютъ съ собой семьи и навсегда переселяются въ Пенсильванію и другіе штаты Сѣверной Америки.

Но это эмигранты изъ горъ, слѣдовательно мѣстностей относительно глухихъ, недоступныхъ для экономическихъ улучшеній, отсталыхъ по условіямъ хозяйственной обработки и вообще жизни.

Но съ лѣта нынѣшняго года началось еще болѣе замѣчательное эмиграціонное движеніе червонорусовъ изъ галицкаго подолья (округи скалатскій, збаражскій и смежные съ ними), слѣдовательно изъ мѣстности, которая донынѣ считалась какъ бы житницею Галичины и занимаетъ въ ней чуть ли не первое мѣсто по плодородности своей черноземной почвы. И вотъ эти подоляне цѣлыми тысячами распродаютъ свои дѣдовскія поля и усадьбы, забираютъ женъ и дѣтей и вопреки всѣмъ отговорамъ мѣстной интеллигенціи и даже противодѣйствію властей—бѣгутъ черезъ границу, въ сосѣднюю Волынь и наше Подолье. Это уже не отхожіе промыслы, не единичное выселеніе, а настоящая народная эмиграція, подобная ирландской въ Америку или боснійской въ Турцію.

Спрашивается, чѣмъ вызвано это выселеніе червонорусовъ, съ одной стороны изъ Подбескидья за океанъ, въ Америку, съ другой же—изъ галицкаго Подолья въ пограничные уѣзды юго-западной Россіи?

Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ одни утверждаютъ, что червонорусская эмиграція—подобно словенской изъ сѣверныхъ комитатовъ Угріи или польской изъ западной Галичины и нѣкоторыхъ губерній царства польскаго, особенно плоцкой и ломжинской—вызвана исключительно искусственной агитаціей еврейскихъ агентовъ, состоящихъ на службѣ гамбургскихъ и бременскихъ судовладѣльцевъ или даже сѣверо-американскихъ и бразильскихъ спекулянтовъ и плантаторовъ, разсчитывающихъ имѣть въ русскихъ, словенскихъ и польскихъ эмигрантахъ дешевую рабочую силу, какъ бы второе изданіе африканскихъ рабовъ-негровъ. Въ подтвержденіе ссылаются на вадовицкій процессъ въ Галичинѣ противъ подобныхъ агентовъ, окончившійся осужденіемъ

многихъ изъ нихъ въ Вадовицахъ, Освѣтимѣ, Бѣлѣ и др. пограничныхъ городкахъ Галичины и Слезіи. Нельзя отрицать, что нѣкоторое число подкарпатскихъ эмигрантовъ могло быть сбито съ толку подобными еврейскими факторами, которые спекулировали при этомъ и на дешевую покупку движимаго и недвижимаго имущества эмигрантовъ, при ликвидаціи ими дѣлъ на родинѣ. Но почему же подобнаго рода еврейская спекуляція встрѣтила наименьшій отпоръ именно въ средѣ подкарпатскихъ славянъ, а не въ другихъ областяхъ Австро-Угріи или Германіи? Очевидно, въ мѣстныхъ условіяхъ жизни червонорусовъ, словаковъ и даже галицкихъ мазуровъ были и есть какія-то условія, благопріятствующія спекулянтамъ эмиграціи.

Другіе объясняли ее непосѣдливымъ характеромъ подкарпатскихъ славянъ, ихъ исконной страстью къ отхожимъ промысламъ и легкомысленною погоней за легкой наживой. Въ самомъ дѣлѣ, подкарпатскіе горали или горцы червонорусскаго, словенскаго и польскаго происхожденія, какъ выше упомянуто, издревле занимались коробейничествомъ и ходили на заработки въ долины; но, во-1-хъ, это можно сказать лишь о собственныхъ подкарпатскихъ горцахъ, населяющихъ не болѣе восьмой—девятой части той подкарпатской территоріи, которая охвачена теперь эмиграціоннымъ движеніемъ; во 2-хъ, характеръ этихъ старыхъ временныхъ хожденій существенно разнился отъ нынѣшнихъ переселеній — навсегда. Къ тому же подкарпатскіе эмигранты и въ Америкѣ, и въ Россіи вовсе не избѣгаютъ тяжелыхъ работъ, а наоборотъ—ищутъ ихъ. Такъ въ С. Америкѣ они въ большинствѣ занимаются въ рудникахъ, слѣдовательно самымъ тяжелымъ видомъ промышленнаго труда, на который у насъ напр. осуждаются каторжники. Можно ли назвать подобный заработокъ—легкой наживой!

Были и такіе голоса, которые вмѣняли червонорусскую эмиграцію въ вину мѣстнымъ панславистамъ или панрусистамъ, изъ школы Наумовича въ Галичинѣ и Добрянскаго въ Угріи. Цѣль этихъ агитаторовъ состояла-де въ томъ, чтобы сдѣлать непріятность польскому и мадьярскому правительствамъ и обществамъ, ослабить рабочія силы этихъ областей и между прочимъ — военные контингенты Австро-Угріи въ самыхъ важныхъ пограничныхъ ея краяхъ. Въ доказательство указываютъ между прочимъ на то, что эмиграція всего сильнѣе изъ тѣхъ именно

уѣздовъ Угріи и Галичины, которые были средоточіемъ якобы агитаціонной дѣятельности коноводовъ австроугорскаго панславизма.

На это мы можемъ возразить, что съ точки зрѣнія панславистовъ или панруссистовъ, если таковые вообще имѣются въ Австро-Угріи, гораздо желательнѣе бы усиливать славянское населеніе Подкарпатья, особенно его русскую и словенскую части, чѣмъ ослаблять это населеніе эмиграціей, да вдобавокъ еще въ Америку, въ добычу англоамериканской народности. Панслависты, при желаніи насолить полякамъ, мадьярамъ или центральному правительству, вѣроятно нашли бы болѣе дешевый къ тому способъ, чѣмъ растрата лучшихъ славянскихъ силъ за океаномъ. Да и эмиграція въ Россію не могла бы не казаться имъ крупною стратегическою ошибкою, именно ослабленіемъ и безъ того слабаго авангарда для усиленія и такъ уже достаточно сильнаго центра или резервовъ.

Высказана была наконецъ догадка, что послѣдній фазисъ червонорусской эмиграціи, именно передвиженіе галицкихъ подолянъ на Волынь и въ Украйну, вызванъ былъ нарочно польскими чиновниками и помѣщиками Галичины передъ ожидавшимся пріѣздомъ во Львовъ императора, въ видахъ еще болѣе усилить недовѣріе послѣдняго къ лояльности его русскихъ подданныхъ и на такомъ фонѣ ярче выставить свою польскую вѣрность Габсбургамъ, чтобы этимъ способомъ выторговать какую нибудь новую льготу для полонизма, на счетъ дискредитованныхъ червонорусовъ.

Но и эта догадка кажется намъ мало вѣроятною. Во-1-хъ, подобнаго рода эксперименты не лишены своей опасной стороны, какъ игра съ огнемъ или вѣтромъ, который могъ бы наконецъ вырваться изъ рукъ польскихъ заправилъ и разростись въ опасную для нихъ бурю. Во-2-хъ, поляки такъ уже много получили отъ Габсбурговъ, именно на счетъ червонорусовъ, что врядъ ли и остается уже что нибудь существенное у послѣднихъ для передачи полякамъ. Наконецъ, еслибы поляки инсценировали всю эту подольскую эмиграцію въ видѣ политическаго фона для львовскихъ иллюминацій, то врядъ ли они сами такъ испугались бы потомъ этого движенія, которое было кажется главнымъ поводомъ и отмѣны предположеннаго посѣщенія Львова императоромъ Францемъ Іосифомъ.

Но если это такъ, то что же остается намъ думать о причинахъ, вызвавшихъ и поддерживающихъ червонорусскую эмиграцію въ новый свѣтъ и Россію? А то, что это движеніе въ основѣ своей вовсе не искусственно и не случайно, а наоборотъ, совершенно естественно и даже неизбѣжно при нынѣшнихъ условіяхъ червонорусской жизни. Уже одно то, что начало разсматриваемаго народнаго движенія совпало со введеніемъ въ Австро - Угрію дуализма и что движеніе это постепенно возростаетъ съ укрѣпленіемъ и развитіемъ этого новаго строя въ имперіи Габсбурговъ, указываетъ на существованіе причинной связи между этимъ строемъ и эмиграціей. Да иначе и быть не могло: дуализмъ привелъ вѣдь къ постепенному порабощенію червонорусовъ галицкихъ поляками, а закарпатскихъ или угорскихъ мадьярами, слѣд. создалъ новый періодъ рабства, притомъ самой тяжелой его формы. Въ самомъ дѣлѣ, что значитъ рабство, напр. восточное, состоящее въ подчиненіи милліоновъ одному богдыхану, шаху или султану, либо даже рабство западное въ средневѣковой его формѣ, гдѣ надъ массами воцарилась олигархія сословная, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ, сотенъ или тысячъ лицъ и родовъ, что значатъ такія формы деспотіи или олигархіи въ сравненіи съ новѣйшею формою—рабства народнаго, гдѣ количество привиллегированныхъ существъ опредѣляется уже не тысячами, а милліонами, напр. восходитъ въ Галичинѣ до $2^1/_2$ мил. (поляковъ), а въ Угріи до 4 мил. (мадьяръ)! Понятно, что такая тяжесть надъ головою, на шеѣ, на плечахъ порабощеннаго народа должна давить его до смерти, по крайней мѣрѣ до отчаянія и бѣгства куда нибудь подальше, за море, за кордонъ! Механическая тяжесть такого инородческаго ига тѣмъ чувствительнѣе и невыносимѣе, что оно не обусловлено ни завоеваніемъ, ни духовнымъ перевѣсомъ, ни памятью о заслугахъ—личныхъ или наслѣдственныхъ, а единственно придворными интригами и парламентскими фокусами, какъ это имѣетъ мѣсто въ Австріи и Угріи.

Въ самомъ дѣлѣ, когда завоевали поляки Русь Червонную или мадьяры—угорскую? Кто можетъ доказать, что духовныя дарованія, умственная производительность, нравственная сила и культурныя основы народности польской или мадьярской выше, чѣмъ духовная сила и мощь народа русскаго? Гдѣ въ преданіяхъ червонорусскаго народа тѣ благодѣянія или милости,

которыми надѣлили ихъ поляки или мадьяры и за которыя галичане или угрорусы должны теперь расплачиваться съ благодѣтелями—цѣною своей свободы, своей человѣческой и народной личности? Развѣ поляки или мадьяры просвѣтили червонорусовъ христіанствомъ? Развѣ они создали первыя червонорусскія княжества, доставили народу начала государственнаго строя и гражданскаго развитія? Развѣ они освободили подкарпатскую Русь отъ монголовъ или турокъ? Они ли положили основу червонорусской письменности, грамотности, образованія? Скорѣе наоборотъ, поляки и мадьяры позаимствовались этимъ у русскихъ и несмотря на то не переставали издревле наносить тяжелые удары и червонорусской церкви, и государственности, и образованности. Ужели теперь эта разрушительная дѣятельность должна быть вмѣнена червонорусами въ заслугу полякамъ и мадьярамъ и оплачена вѣчнымъ порабощеніемъ? Правда, поляки и мадьяры величаютъ себя авангардомъ западной Европы, antemurale Christianitatis, или вѣрнѣе—Latinitatis, носителями западной образованности въ среду восточныхъ народовъ вообще, а червонорусскаго въ частности. Но если бы даже Червонная Русь была убѣждена, что эта западная образованность безусловно выше восточной и для нея пригоднѣе послѣдней, то и въ такомъ случаѣ было бы не ясно, почему же червонорусы должны подчиняться служебнымъ орудіямъ Запада, а не дѣйствительнымъ его господамъ, народамъ романскимъ и германскимъ? Почему бы имъ предпочитать блѣдную польско-мадьярскую копію западной образованности яркимъ ея оригиналамъ—въ Италіи, Франціи, Германіи? Ужели червонорусъ не можетъ изучать латинской или нѣмецкой книги иначе, какъ въ мадьярскомъ или польскомъ переводахъ?

Но нравственная унизительность подчиненія сыновъ великаго русскаго народа столь слабымъ и несамостоятельнымъ историческимъ дѣятелемъ, какъ поляки или мадьяры, составляютъ далеко не единственный источникъ огорченій и бѣдствій нынѣшняго червоноруса. Дѣло въ томъ, что поляки и мадьяры не удовлетворились теоретическимъ признаніемъ первенства ихъ народностей передъ русскою и всѣми другими въ Галичинѣ или Угріи, а постарались и сумѣли извлечь для себя изъ этой государственной теоріи громадныя выгоды въ областяхъ политической, экономической, церковной, школьной, — словомъ, во

всѣхъ сферахъ физической и духовной жизни. И кто же оказался плательщикомъ за эти польскія и мадьярскія привиллегіи? Конечно, непривиллегированныя или порабощенныя народности Галичины и Угріи, главнымъ же образомъ червонорусы.

Прежде всего они были исключены изъ представительныхъ собраній Цислейтаніи и Транслейтаніи, посредствомъ искусственной системы выборовъ, дающей всѣ преимущества высшимъ слоямъ населенія передъ низшими, слѣд. ополяченнымъ и омадьяренным передъ чисто-русскими въ Подкарпатьѣ. Гдѣ же оставался еще у червонорусовъ интеллигентный патріотъ, не измѣнявшій своему народу и церкви, тамъ на выборахъ пускаемы были въ ходъ подкупы, давленіе чиновниковъ и даже военная сила, чтобы не допустить подобнаго «панслависта» въ сеймъ или центральные парламенты. Этимъ способомъ полумилліонная Русь угорская вовсе лишена теперь представительства въ будапештскомъ сеймѣ, трехмилліонная же Русь галицкая если и имѣетъ еще въ львовскомъ сеймѣ и вѣнскомъ рейхсратѣ по нѣскольку депутатовъ, то во 1) они принадлежатъ главнымъ образомъ къ полякующей младорусской партіи, во 2) такъ малочисленны и настолько зависимы отъ польской администраціи и своей запуганной іерархіи, что не въ состояніи ничего сдѣлать въ пользу народа ни въ Львовѣ, ни въ Вѣнѣ. Даже въ Буковинѣ, гдѣ громадное большинство населенія принадлежитъ къ русской народности на сѣверѣ, а румынской на югѣ, и лишь самый незначительный процентъ его приходится на долю нѣмцевъ (вѣрнѣе евреевъ) и поляковъ, послѣдніе сумѣли уже втереться въ черновецкій сеймъ, подчинить себѣ младорусскихъ мамелюковъ и такимъ образомъ начали подготовлять «польское крулевство» въ долинахъ Прута и Серета. Четверть вѣка тому назадъ червонорусскій народъ имѣлъ еще въ парламентахъ Угріи и Австріи такихъ представителей, какъ А. И. Добрянскій, Петрушевичъ, Наумовичъ, Ковальскій, Геровскій, Кулачковскій и др. Теперь тамъ засѣдаютъ только гг. Романчукъ да Барвинскій, съ 2—3 безгласными товарищами изъ полякующихъ. Даже во львовскомъ сеймѣ чуть ли не одинъ профессоръ Антоневичъ поддерживаетъ еще достоинство червонорусскаго представительства. Такимъ образомъ четырехмилліонный червонорусскій народъ, составляющій болѣе 10% населенія имперіи, слѣд. уступающій въ многочисленности лишь нѣм-

цамъ и чехославянамъ, ровный по числу съ мадьярами и значительно превышающій число поляковъ,—вовсе лишенъ участія въ представительномъ правленіи, которое между тѣмъ кичится мнимымъ равенствомъ правъ и обязанностей каждаго австроугорскаго гражданина. Червонорусъ не можетъ воспользоваться парламентскою трибуною хотя бы для того, чтобы заявить свой протестъ противъ этой фиктивной равноправности и съ достоинствомъ выйти изъ «совѣта нечестивыхъ»—верховодовъ изъ нѣмцевъ и евреевъ, поляковъ да мадьяръ. Наоборотъ, онъ долженъ перенести униженіе—слышать съ этой трибуны отъ своего имени рѣчи якобы русскихъ депутановъ польскаго либо мадьярскаго происхожденія или воспитанія, всего же чаще—продажныхъ ренегатовъ, которые выставляютъ передъ нѣмцами и евреями на показъ свое презрѣніе ко всему русскому и славянскому, имѣя при этомъ безстыдтство именовать себя русскими или—положимъ—рутенскими, русинскими депутатами.

Удивительно ли, что при такомъ представительствѣ австроугорское законодательство менѣе всего озабочено охраною правъ и интеересовъ червонорусскихъ населеній,—а скорѣе наоборотъ считаетъ эти интересы самымъ удобнымъ объектомъ парламентской спекуляціи и отдачи на откупъ тому, кто въ данный моментъ болѣе нуженъ правительству или верховодящей партіи! Такими откупщиками и оказалась на этотъ разъ польская шляхта и ксендзы въ Галичинѣ, а мадьярскіе н е м е ш и, мадьярскій интеллигентный пролетаріатъ въ Угріи. Въ руки этихъ откупщиковъ и перешли постепенно не только всѣ почти червонорусскіе мандаты въ сеймахъ, но также всѣ почти административные посты въ областяхъ червонорусскихъ, за исключеніемъ самыхъ низкихъ либо такихъ, которые требуютъ принадлежности къ греко-уніатской церкви, напр. по духовной службѣ. И въ судебномъ вѣдомствѣ червонорусы были постепенно отодвинуты на заднiй планъ, или по крайней мѣрѣ удалены гдѣ нибудь «на мазуры», въ Вѣну, Инсбрукъ, чтобы лишить ихъ возможности дѣйствовать въ пользу соплеменниковъ. Даже въ области частной службы, напр. въ желѣзнодорожномъ вѣдомствѣ, общественныхъ банкахъ, управленіи санитарномъ и т. п. червонорусы были вытѣснены то поляками, то мадьярами, а нерѣдко и евреями, такъ что для нихъ осталась чуть ли не одна адвокатура да частная медицинская практика, наряду съ «душпастыр-

ствомъ», низшимъ учительствомъ и сельскимъ или канцелярскимъ писарствомъ. При такихъ условіяхъ не только крайне обѣднѣла и оскудѣла червонорусская интеллигенція, но и простому народу трудно стало добиваться своего права и правды въ правительственныхъ учрежденіяхъ и присутствіяхъ.

Сверхъ того прокормленіе—и то обильное—массы польскихъ и мадьярскихъ чиновниковъ, очень часто синекуристовъ, и само по себѣ было уже тяжелымъ бременемъ для червонорусскаго простонародья, которое между тѣмъ за свои приношенія «на алтарь» польскаго или мадьярскаго «отечества» или «государства» не получало ни безпристрастнаго суда, ни скорой и дѣйствительной администраціи, ни равенства фискальныхъ правъ и обязанностей съ прочими согражданами, принадлежащими къ народностямъ господствующимъ, привиллегированнымъ. Даже при оцѣнкѣ земли, какъ основѣ ея обложенія, повѣрочныя комиссіи нерѣдко руководились не объективными данными, а соображеніями о составѣ мѣстнаго населенія, такъ что оцѣнка эта оказывалась во многихъ случаяхъ непропорціонально высокою въ червонорусскихъ горахъ, а болѣе низкою въ мадьярскихъ или польскихъ долинахъ. Даже при постройкѣ желѣзныхъ и другихъ дорогъ интересы мадьярскихъ и польскихъ помѣщиковъ, особенно болѣе крупныхъ и вліятельныхъ, всегда стояли выше экономическихъ нуждъ червонорусскаго простонародья.

Но чуть ли не главною причиною прогрессивнаго его обѣднѣнія было крайнее усиленіе въ дуалистической Австро-Угріи евреевъ, которые не замедлили приписаться въ Галичинѣ къ полякамъ, а въ Угріи къ мадьярамъ «моисеева вѣроисповѣданія». Этимъ они возвысились до роли господствующей народности и воспользовались для захвата въ свои руки не только множества вліятельныхъ мѣстъ и должностей, особенно въ городскомъ управленіи, но и значительной части, кое-гдѣ даже большинства движимой и недвижимой собственности, главнымъ образомъ на площади червонорусскаго населенія. Правда, отъ этого захвата сильно пострадали и «привиллегированныя» народности Галичины и Угріи: много историческихъ родовъ польскихъ и мадьярскихъ вытѣснено уже евреями изъ наслѣдственныхъ помѣстій или настолько задолжали у евреевъ, что скорѣе могутъ считаться еврейскими управляющими, чѣмъ самостоятельными вла-

дѣльцами дѣдовской земли. Но такіе захудалые шляхтичи и немеши имѣютъ еще шансъ поправить свое состояніе въ государственной службѣ, при искусномъ, такъ сказать, доеніи казенной коровы... Къ тому же польскіе и мадьярскіе евреи, записавшись въ помѣстную знать, не прочь породниться съ шляхтичами и немешами, для чего принимаютъ лютеранство или по крайней мѣрѣ ту своеобразную австрійскую религію, которая носитъ характерное названіе: Confessionslos, т. е. не принадлежащій ни къ какому вѣроисповѣданію. Этимъ же путемъ утраченныя польскою и мадьярскою знатью помѣстья могутъ со временемъ хоть отчасти вновь къ ней возвратиться, въ качествѣ приданаго за вельможными еврейками.

Гораздо безвыходнѣе положеніе червонорусскаго поселянина, задолжавшаго еврею и заложившаго или даже продавшаго ему свой участокъ. Онъ переходитъ тогда въ положеніе бездомнаго бобыля, илота, по рукамъ и ногамъ скованнаго своею зависимостью отъ еврейскаго шинкаря или ростовщика, осѣвшаго на его дѣдовскомъ участкѣ. Если причиною разоренія было пьянство, то подобный крестьянинъ такъ и погибаетъ жертвою искусственно развитаго мѣстнымъ шинкаремъ алкоголизма; если же виною была неудачная спекуляція на занятыя у еврея подъ громадный ростъ деньги, то открывалась еще возможность выплатить этотъ долгъ и слѣд. раздѣлаться съ евреемъ на—американскія деньги. Вотъ это и было для червонорусскаго населенія однимъ изъ главныхъ побужденій ѣхать на заработки въ Америку. Этимъ путемъ дѣйствительно многія подкарпатскія села выкупились отъ еврейскихъ кредиторовъ и даже закупили у мѣстныхъ помѣщиковъ болѣе или менѣе значительные участки. Къ сожалѣнію, пребываніе въ Америкѣ въ большинствѣ случаевъ не содѣйствовало нравственному подъему червонорусскихъ рабочихъ, а наоборотъ пріучало ихъ къ своего рода роскоши, отрывало отъ вѣковыхъ преданій и привычекъ, разстраивало жизнь семейную, наконецъ нерѣдко отражалось вредными послѣдствіями на здоровьѣ крестьянъ. При такихъ же условіяхъ принесенные рабочимъ изъ Америки 1000 или даже 2000 долларовъ скоро опять оказывались въ карманѣ мѣстнаго еврея, шинкаря. Нужно было отправляться въ Америку вновь и вновь, пока наконецъ не стала созрѣвать въ червонорусскомъ крестьянствѣ рѣшимость—навсегда остаться въ Америкѣ, вдали отъ ро-

дины, но зато—и отъ эксплоататора еврея. Аналогичныя экономическія условія могли вызвать въ средѣ галицкихъ подолянъ рѣшимость спасаться отъ поляка и еврея—за кордонъ, въ Россію...

Во всякомъ случаѣ нынѣшняя борьба червонорусскаго крестьянина съ евреемъ за землю, слѣдовательно почти за жизнь, оказывается неравною. Она должна въ болѣе или менѣе близкомъ уже будущемъ привести къ полному обезземеленію коренного населенія, слѣдовательно къ его батрачеству, къ новому періоду рабства, тѣмъ болѣе тяжелаго и невыносимаго, что это будетъ илотство русскаго подъ евреемъ, христіанина подъ сухимъ и мрачнымъ талмудистомъ... Легко представить, какими страшными катастрофами гайдамацкаго типа чревато будущее арійскаго населенія, осужденнаго на подобное симитское иго!

Но и этимъ не исчерпываются еще бѣды червонорусскаго народа. Закрѣпостивъ его себѣ въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, поляки и мадьяры какъ христіанскаго, такъ и моисеева вѣроисповѣданія рѣшились занести руку и на внутреннее содержаніе червонорусской народности, ея религіозныя и вообще культурныя основы, въ видахъ постепеннаго перерожденія людей русскихъ въ поляковъ или мадьяръ, слѣд. косвеннымъ образомъ—въ нѣмцевъ.

Въ этихъ видахъ Галичина, а въ послѣднее время и Буковина постепенно наводнена іезуитами и ихъ польскимъ подобіемъ—змартвыхвстанцами или воскресенцами, въ самомъ названіи которыхъ отражается возложенная на нихъ задача «воскресить» ойчизну. И добро бы еще эти «отбудователи ойчизны» поселились и дѣйствовали гдѣ-нибудь между поляками и католиками; нѣтъ, они избрали объектомъ своей дѣятельности именно червонорусовъ, предполагая перевоспитать ихъ въ католиковъ, а затѣмъ въ поляковъ и такимъ образомъ вырыть гробъ для цѣлаго народа, далеко превосходящаго галицкихъ поляковъ и по числу, и по самобытности основъ духовной жизни.

При помощи правительства и съ благословенія папы, польскіе іезуиты подчинили себѣ галицкорусскихъ іерарховъ, завладѣли монастырями, вторглись въ русскія школы, особенно богословскія, забрали въ свои руки образованіе подроста русской молодежи духовнаго происхожденія, организовали повсемѣстно миссіи въ русскихъ приходахъ, наконецъ устроили даже во

Львовѣ митрополитальный синодъ галицкорусской церкви, подъ предсѣдательствомъ римскаго прелата, въ видахъ декретировать этой церкви культъ разныхъ іезуитскихъ святыхъ, григоріанскій календарь, целибатъ духовенства и сближеніе богослуженія греко-уніатскаго съ латинскимъ. Правда, единодушный почти протестъ низшаго клира, особенно противъ целибата, остановилъ пока іезуитскихъ реформаторовъ галицкорусской церкви на полупути, но они вовсе не отказались отъ своихъ затѣй и возобновятъ натискъ при первой вѣроятности успѣха. Іезуитами, какъ теперь доказано, инсценированъ былъ въ 1882 г. и памятный процессъ противъ А. И. Добрянскаго и многихъ галичанъ по обвиненію въ государственной измѣнѣ. Да и до сихъ поръ подобные процессы возобновляются отъ времени до времени, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ, въ надеждѣ забрать слабыхъ и наложить узду на болѣе неподатливыхъ. Дошло до того, что цѣлые галицкорусскіе приходы совращаются въ латинство, хотя это прямо противорѣчитъ условіямъ русской уніи съ латинскою церковью. Когда изъ содержимыхъ нынѣ іезуитами питомниковъ при монастыряхъ, гимназій, семинарій выйдетъ новое поколѣніе дрессированныхъ въ польско-латинскомъ духѣ священниковъ, тогда конечно не только григоріанскій календарь и целибатъ, но пожалуй и латинская мисса не встрѣтитъ съ ихъ стороны отпора въ галицкорусской церкви. Но что скажетъ тогда народъ? Пойдетъ ли онъ за ренегатскимъ клиромъ или отвернется отъ него, какъ славные братчики XVI—XVII вв.?

Во всякомъ случаѣ, въ этихъ польско-іезуитскихъ посягательствахъ на галицкорусскую церковь скрывается не только серьезная опасность для послѣдней, но и источникъ броженія въ средѣ червонорусскаго населенія, слѣдовательно одна изъ причинъ его крайняго недовольства нынѣшней жизнью и эмиграціоннаго порыва то въ Америку, то въ Россію.

Въ Угріи іезуиты пока не нашли еще простора, благодаря силѣ кальвинизма и вообще протестантства между мадьярами и въ правящихъ сферахъ. Но тамъ червонорусскому населенію предстоитъ другая опасность: стремленіе правительства омадьярить русскую церковь, замѣнивъ богослуженіе церковнославянское мадьярскимъ, какъ это уже сдѣлано въ нѣкоторыхъ греко-уніатскихъ приходяхъ за Тисой, «на ниру», какъ выражает-

ся народъ. Замѣну эту можно бы оправдать господствомъ мадьярскаго языка въ этихъ частяхъ угорской Россіи, слѣдовательно интересами духовнаго просвѣщенія. Но на дѣлѣ интересы эти стоятъ на заднемъ планѣ въ соображеніяхъ мадьярскаго правительства; главная же его цѣль—пользоваться всѣми средствами, слѣдовательно и церковью, для вытѣсненія всѣхъ угорскихъ языковъ, особенно же ненавистнаго русскаго, въ видахъ усиленія и расширенія языка мадьярскаго. Къ сожалѣнію, угрорусское духовенство слишкомъ уступчиво мадьярамъ насчетъ языка своей паствы. Оно не прочь не только въ семьяхъ, но и въ церкви говорить по-мадьярски, пренебрегая при этомъ интересами простонародья, которое вовсе не понимаетъ мадьярской рѣчи, за исключеніемъ селъ со смѣшаннымъ русско-мадьярскимъ населеніемъ.

Въ Буковинѣ интересы русскаго населенія въ церквахъ приносятся иной разъ въ жертву языку румынскому, который почему то считается тамъ аристократичнѣе червонорусскаго. Но это не представляется намъ столь вопіющею измѣною народному дѣлу, какъ подчиненіе полонизму или мадьяризму, потому что румыны принадлежатъ къ нашей восточной церкви и образованности, слѣд. духовная связь съ ними не представляетъ культурнаго ренегатства, а наоборотъ, взаимную поддержку противъ общихъ недруговъ на Западѣ.

Въ школьныхъ отношеніяхъ червонорусскаго населенія также нельзя не видѣть серьезнаго источника его огорченій и недовольства. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе цѣлаго почти тысячелѣтія, со временъ кирилло-меѳодіевскихъ, народъ этотъ не только молился, но и учился на своемъ родномъ языкѣ или очень близкомъ къ нему, священномъ органѣ славянской церкви. Даже въ польскія и австрійскія времена не прерывались вполнѣ эти давнія традиціи русско-славянской школы какъ въ Литвѣ и Украйнѣ, такъ и въ Руси Червонной. Если же въ системѣ средняго и высшаго образованія и были дѣлаемы уступки въ пользу инородческихъ языковъ, то ужъ никакъ не польскаго или мадьярскаго, а развѣ греческаго, латинскаго, позже и нѣмецкаго, т. е. большихъ міровыхъ языковъ, которымъ наравнѣ съ червонорусскимъ подчинялись всегда и частные языки польскій да мадьярскій. Послѣ такихъ вѣковыхъ преданій не должно ли представляться крайне обиднымъ и унизительнымъ для

русскихъ жителей Галичины и Угріи подчиненіе въ школахъ высшихъ, среднихъ, отчасти даже и низшихъ ихъ родного русскаго языка, съ его безграничнымъ просторомъ и безчисленнымъ населеніемъ— совершенно слабымъ и малораспространеннымъ языкамъ польскому и мадьярскому! Не равносильно ли это предпочтеніе въ червонорусскихъ школахъ чужого польскаго или мадьярскаго языка своему русскому—превращенію великана въ карлика, сокола въ ворона, человѣка съ обширнымъ физическимъ и нравственнымъ горизонтомъ въ провинціала съ колоколеннымъ патріотизмомъ? По отношенію къ польскому языку еще можно пожалуй сказать, что онъ представляетъ хотя и не главную, но все же существенную вѣтвь великаго славянскаго языка. Но что такое языкъ мадьярскій, т. е. оторванный отъ своего корма и едва не заглохшій въ чуждой племенной средѣ языкъ финскій, въ сравненіи съ русскимъ или любымъ другимъ славянскимъ? Какіе горизонты онъ открываетъ? Какой даетъ выходъ изъ узкаго Потисья въ широкій свѣтъ Божій? Не представляетъ ли онъ наоборотъ рабской цѣпи, которая приковываетъ говорящаго только на немъ къ крошечной тисо-дунайской Месопотаміи, представляющей весь «глобусъ» распростаненія этого пигмейскаго языка! Бывали, правда, языки не важные въ смыслѣ численномъ и территоріальномъ, но богатые въ духовномъ отношеніи, по своему внутреннему содержанію или по культурнымъ вкладамъ. Но мадьярскій языкъ и въ этомъ не представляетъ ничего крупнаго. По строенію это языкъ агглутинаціи, т. е. второго класса по морфологической классификаціи В. Гумбольдта, слѣд. языкъ недоразвившійся до флексіи, которая опредѣляетъ типъ языка славянскаго, какъ и всѣхъ другихъ аріоевропейскихъ, а равно симитскихъ, т. е. всѣхъ высшихъ культурныхъ языковъ, за исключеніемъ китайскаго. Съ какой же стати, въ какихъ культурныхъ цѣляхъ долженъ теперь славянинъ или нѣмецъ въ мадьярской школѣ опускаться съ высоты флексіи на уровень агглутинаціи, т. е. переходить отъ высшаго типа языка къ низшему, отъ своего арійства къ финнизму, чтобы этимъ способомъ пріобщиться къ мадьярской народности и культурѣ? Да и какая же это культура? Помѣсь грекославянской съ латинско-нѣмецкою, лишенная всякаго оригинальнаго содержанія, слѣдовательно представляющая только мостъ отъ Востока къ Западу, мостъ, по которому нѣмцы совершаютъ теперь свой Drang nach Osten!

Сознавая, что русская народность сама по себѣ, въ своемъ этнографическомъ составѣ и историческомъ развитіи, безконечно сильнѣе и польской и мадьярской, особенно пока червонорусы держатся своихъ племенныхъ чувствъ, связей и преданій, роднящихъ ихъ съ громаднымъ русскимъ міромъ на востокѣ, за кордономъ, австро-польская и мадьярская политика поставили себѣ задачей—разорвать эти связи, ослабить эти желанія, отбить у червонорусовъ· историческую ихъ память и такимъ образомъ превратить ихъ въ вѣтвь оторванную отъ своего родного ствола и засыхающую въ невольной безпочвенности. Вотъ цѣль преслѣдованія поляками и мадьярами такъ называемаго на ихъ языкѣ панславизма или панруссизма, москвофильства; вотъ смыслъ искусственнаго развитія въ средѣ червонорусовъ племенного и культурнаго сепаратизма; вотъ между прочимъ объясненіе политическихъ успѣховъ въ послѣднее время въ Галичинѣ гг. Романчука и Барвинскаго, Савчака и Огоновскаго, вообще червонорусскихъ сепаратистовъ, провозгласившихъ въ сеймѣ догматъ племенной и культурной отдѣленности червонорусовъ отъ Руси закордонной, особенно же Великой.

Въ этомъ стремленіи поляковъ подрѣзывать подъ червонорусами всѣ ихъ вѣковые историческіе корни и такимъ образомъ ослаблять устойчивость въ борьбѣ съ полонизмомъ—слѣдуетъ видѣть объясненіе и затѣянной недавно въ Галичинѣ и Буковинѣ реформы историческаго червонорусскаго правописанія, съ замѣною его такъ называемымъ фонетическимъ, въ сущности же совершенно произвольной смѣсью знаковъ то словопроизведеннаго, то звукового значенія, которое можетъ внести лишь смуту въ сознаніе учащихся и во всякомъ случаѣ—ослабить связи русской школы съ церковью, письменности свѣтской съ духовной.

Но если это такъ, если червонорусы низведены въ нынѣшнюю дуалистическую эру къ положенію народно-политическихъ паріевъ, осужденныхъ на вѣчное рабство привиллегированнымъ народностямъ; если они постепенно оттѣснены отъ представительныхъ учрежденій, государственныхъ и земскихъ должностей и учрежденій; если они все болѣе и болѣе подавляются и въ экономической области вымогательствами государства, привиллегіями знати и эксплоатаціей евреевъ; если и въ лонѣ своей народной церкви они не находятъ пріюта, покоя и терпимости, а наоборотъ, подвергаются гнету раболѣпной іерархіи и разныхъ

пришлыхъ орденовъ, особенно же исконныхъ враговъ всего русскаго—іезуитовъ; если школа считается въ примѣненіи къ червонорусамъ не средствомъ умственнаго и нравственнаго развитія, а скорѣе—народнаго ренегатства, искусственнаго и насильственнаго перерожденія въ поляковъ да мадьяръ; если правительство и верховодящая знать ежедневно вмѣшиваются и въ червонорусскую науку и въ литературу, и даже въ вопросы языка и правописанія; если червонорусы своими глазами видятъ въ рукахъ своего правительства ножъ, занесенный надъ ихъ головою, угрожающій всему ихъ духовному достоянію, ихъ преданіямъ, святынямъ, самому ихъ имени: то кто же станетъ удивляться, что поставленный въ такое положеніе народъ станетъ наконецъ разбѣгаться во всѣ стороны свѣта, чтобы спасти свою церковь, свой языкъ, свое народное существованіе!

И если въ соблазнительной близости нѣсколькихъ десятковъ километровъ находится страна, гдѣ живетъ родственное червонорусу населеніе, гдѣ свободно развивается русская церковь, русскій языкъ, русская государственность и народность, то какъ устоять ему отъ соблазна перейти черезъ эту границу, перенести туда свой семейный очагъ, свой трудъ и свои надежды на лучшее будущее?..

Все это такъ естественно, такъ законно, почти неизбѣжно, что слѣдуетъ дивиться не тому, что ихъ перешло 3000 заразъ, а скорѣе тому, что ихъ не 3 милліона!...

Въ самомъ дѣлѣ, если обрисованное въ этой замѣткѣ положеніе червонорусскихъ населеній въ Галичинѣ, Буковинѣ и Угріи не измѣнится къ лучшему, то никакіе кордоны, никакія запретительныя мѣры съ австрійской и нашей стороны не остановятъ возростающаго потока червонорусской эмиграціи какъ въ Америку, такъ и въ Россію. Такъ приблизительно смотрятъ на эту эмиграцію и безпристрастные поляки. Въ доказательство приведу выдержку изъ статьи: «О причинахъ отмѣны императорскаго пріѣзда» въ Львовскомъ Курьерѣ (Kurjer Lwowski, 1 września 1892): «Эмиграція русскаго простонародья въ Россію не должна считаться явленіемъ столь маловажнымъ и пустымъ, какъ думаетъ большая часть нашихъ оффиціозовъ. Наоборотъ, это фактъ грозный съ точки зрѣнія и общественной и политической. Это не выраженіе лишь недовѣрія къ областному управленію, но просто актъ политическаго отчаянія, который сильно компро-

митируетъ передъ заграницей хваленое довольство австрій-скихъ народовъ. Подданные могутъ выражать свое крайнее недовольство государственными порядками только въ двоякой формѣ: либо вооруженнымъ, возстаніемъ, либо исполненною гнѣва и отчаянія массовою эмиграціею изъ страны. Народы горячіе и порывистые предпочитаютъ первый способъ; нашъ же смирный, но упрямый и глубоко-чувствующій обиды русскій крестьянинъ—эмигрируетъ изъ края, гдѣ ни въ комъ не находитъ поддержки, гдѣ ему сочиняютъ искусственныхъ представителей его воли и желаній, ставятъ потемкинскія фигуры, называя ихъ классическими, полнокровными русинами примирительной эры. Русскій крестьянинъ съ тихимъ проклятіемъ на устахъ покидаетъ государство, котораго представитель, отуманенный лестью пропинаротовъ и карьеровичей, эмфатически повторяетъ за Вильгельмомъ II циническія слова: «пусть себѣ уходятъ прочь недовольные и мятежные элементы»; другихъ средствъ противъ гнетущей нужды онъ не находитъ! Трудно найти параллель для той флегмы, съ которою гр. Бадени смотрѣлъ цѣлые мѣсяцы на русскую эмиграцію: онъ ограничивался сначала циническимъ вопросомъ, а потомъ, когда выселеніе приняло грозные размѣры, расположилъ кордонъ съ манлихеровками и распустилъ сказку о какихъ то москалефильскихъ агитаціяхъ... Понятно, что императоръ устранился отъ жалкой пародіи представленія якобы умиротворенныхъ русиновъ, опасаясь услыхать за ширмами этого дипломатическаго фиглярства окрики эмигрантовъ, уходящихъ изъ страны, гдѣ нѣтъ ни хлѣба, ни законной обороны»...

Кажется, центральное правительство Цислейтаніи такъ и взглянуло на этотъ «исходъ» галичанъ. Носятся слухи, что императоръ Францъ Іосифъ выразилъ желаніе, чтобы устранены были причины, вызвавшія столь опасное движеніе между «тирольцами Востока». Врядъ ли однако ему извѣстно, какъ глубоко коренятся эти причины въ нынѣшнемъ государственномъ строѣ Австро-Угріи, въ существованіи народовъ государственныхъ и негосударственныхъ, привиллегированныхъ и порабощенныхъ, между которыми червонорусскій занимаетъ самое низкое мѣсто,—ниже словаковъ, сербовъ, румыновъ, цыганъ, не говоря уже про хорватовъ и чехоморавянъ.

Не на нашей ли дипломатіи лежитъ обязанность въ самой дружественной формѣ разъяснить австрійскому императору опас-

ность такого положенія какъ для внутренняго мира его государства, такъ и для внѣшняго, особенно въ виду того, что народное броженіе въ Галичинѣ неизбѣжно отражается въ настроеніи и чувствахъ населенія сосѣднихъ областей Россіи? Къ тому же эмиграція, подобная нынѣшней, ставитъ и наше правительство и общество въ довольно затруднительное положеніе, вынуждая насъ или оттолкнуть назадъ этихъ несчастныхъ бѣглецовъ, что было бы крайне безчеловѣчно и не по-братски, либо озаботиться ихъ размѣщеніемъ въ Россіи, что въ свою очередь не можетъ не усложнить задачъ нашей собственной колонизаціонной политики. Въ дипломатической исторіи Австро-Угріи можно найти примѣры подобнаго рода дружественныхъ дипломатическихъ представленій то въ Турціи, то въ Сербіи, Черногоріи, Румыніи, при аналогичныхъ событіяхъ, ставившихъ въ затруднительное положеніе смежныя съ этими государствами области имперіи. Вѣдь этимъ собственно мотивировано было и занятіе австроугорскими войсками, а затѣмъ и администраторами турецкихъ областей Босніи и Герцеговины, гдѣ аграрныя движенія, подобныя галицкимъ, вызывали эмиграцію въ Далматію, Хорватію, Славонію и ставили администрацію этихъ областей въ затрудненія, подобныя нашимъ нынѣшнимъ на Волыни и Подоліи...

Повторяемъ, червонорусская эмиграція вызвана серьезными внутренними причинами и не прекратится дотолѣ, пока онѣ не будутъ устранены. Указать на это обстоятельство—составляетъ не только право, но и долгъ нашей вѣнской дипломатіи.

Спб. 21 сентября 1892. **А. Будиловичъ.**

РИМСКО-НѢМЕЦКАЯ ИМПЕРІЯ ГОГЕНЦОЛЛЕРНОВЪ
И
ГРЕКО-СЛАВЯНЕ

(политическій очеркъ)

Продолженіе.

XI *

Семимиллионное населеніе чехославянъ состоитъ изъ двухъ главныхъ группъ: цислейтанской до 5 мил. и угорской до 2 мил. Первая объединена общимъ чешскимъ литературнымъ языкомъ и слагается изъ собственныхъ чеховъ въ Богеміи, а затѣмъ ганаковъ, валаховъ и словаковъ въ Моравіи и Слезіи; вторую же группу составляютъ угорскіе словаки, пишущіе на своемъ очень хорошо сохранившемся нарѣчіи. Въ смыслѣ географическомъ всѣ вѣтви чехо-славянъ составляютъ одно довольно компактное цѣлое; но политически они распадаются съ 1867 г. на два государства, съ дальнѣйшими подраздѣленіями — на герцогство Слезію, маркграфство Моравію и королевство Богемію, которое представляетъ главный стволъ чехославянскаго племени.

Но это распаденіе, какъ оно ни тяжело, не составляетъ однако главнаго затрудненія въ развитіи чехославянъ: важнѣе то, что ни въ одной изъ названныхъ областей они не могутъ добиться признанія своихъ національныхъ правъ.

Чрезвычайно тяжело положеніе словаковъ въ Угріи. Они не имѣютъ ни областной автономіи, какъ хорваты подъ своимъ баномъ, ни національной церкви, какъ сербы и русскіе, а наоборотъ распа-

---

* См. Слав. Обозрѣніе, книжку за іюль-августъ, стр. 265—294.

*

даются на два вѣроисповѣданія, римско-католическое и протестантское, высшія управленія которыхъ не только не поддерживаютъ національныхъ правъ и стремленій словаковъ, но даже подавляютъ ихъ въ пользу мадьяризма. Чехославяне Слезіи также составляютъ ничтожное меньшинство среди нѣмцевъ и, несмотря на свою подвижность, имѣютъ тамъ не больше значенія, чѣмъ грубо-подавленные словаки въ Угріи. Въ Чехіи и въ Моравіи славяне составляютъ конечно абсолютное большинство жителей, ибо изъ $5^1/_2$ мил. населенія Богеміи славянъ насчитывается 63%, а нѣмцевъ 37%; въ Моравіи же изъ $2^1/_4$ мил. славянамъ принадлежитъ 71%, нѣмцамъ же только 29%. Однако, благодаря искусственной системѣ выборовъ и покровительству нѣмецкаго элемента правительствомъ, высшей знатью и могущественнымъ духовенствомъ, славяне не могутъ образовать прочнаго большинства ни въ чешскомъ, ни въ моравскомъ сеймахъ.

Выше мы доказали уже статистическими цыфрами, что чехославяне, безсильные дома, не занимаютъ сколько нибудь вліятельнаго положенія и въ Вѣнѣ, въ рейхсратѣ и делегаціяхъ. Прежде, при существованіи одного общаго чешскаго клуба въ рейхсратѣ, подъ главенствомъ старочеховъ, поверхностному наблюдателю могло казаться, будто чехи, наряду съ поляками, имѣютъ вліяніе на правительственныя дѣла. Но это вліяніе фактически было направлено лишь въ пользу правительства и его польскихъ прислужниковъ, тогда какъ въ пользу чеховъ клубъ не могъ выхлопотать даже столь невинной уступки, какъ нѣсколько чешскихъ словъ на нѣмецко-мадьярскихъ бумажкахъ! Не удивительно, что народъ разглядѣлъ наконецъ это безсиліе своего правительственнаго представительства и круто перешелъ къ младочехамъ, раньше чѣмъ правительство могло это предвидѣть и предупредить.

Чехославянскій народъ представленъ теперь въ рейхсратѣ младочешскимъ клубомъ; но послѣдній далеко уже уступаетъ прежнему старочешскому по числу членовъ, ибо, ставъ въ оппозицію къ правительству, онъ оттолкнулъ отъ себя чехоморавскую знать, духовенство и многихъ депутатовъ изъ прежняго старочешскаго клуба. Но эта малочисленность не составляетъ единственнаго зла въ нынѣшнемъ положеніи младочешскаго клуба. Важнѣе то, что онъ не успѣлъ еще выработать самостоятельной программы. Многіе депутаты этого клуба, соблазняясь нѣмецкимъ либерализмомъ, все еще держатся антиславянской программы старочеховъ; они все еще надѣются завоевать для земель чешской короны такое же положеніе въ монархіи, какое занимаетъ нынѣ Угрія со своими землями. Понятно, что подобная программа не только трудно осу-

ществима, но и не вызываетъ сочувствія къ чехамъ среди прочихъ славянскихъ племенъ, которымъ и одной Угріи много. Съ другой стороны младочешскій клубъ ослабляется внутренними антагонизмами, притомъ по вопросамъ очень существеннымъ, быть можетъ даже по всѣмъ, за исключеніемъ недостижимаго идеала—государственной независимости земель чешской короны.

Особенно подрываютъ авторитетъ младочешскаго клуба такъ называемые реалисты (прежде ихъ называли и нигилистами). Они правда ратуютъ по виду и за чешское государственное право; но это лишь маска, подъ которою скрываются стремленія, не имѣющія ничего общаго съ національными преданіями и идеалами славянъ. Главную задачу свою реалисты ставятъ въ поддержаніи и развитіи чехославянскаго сепаратизма; въ своихъ философскихъ трактатахъ они возстаютъ противъ кирилло-меѳодіевскихъ преданій своего племени и воодушевляются идеями чешскихъ братьевъ, слѣдовательно протестантизмомъ. Словомъ, главныя усилія реалистовъ направлены къ ослабленію въ народѣ славянскаго самосознанія. И эти усилія не пропадаютъ даромъ: идеи чешскаго сепаратизма распространяются между молодежью, отчасти и зрѣлыми людьми, даже среди депутатовъ клуба. Въ доказательство сошлемся на парламентскія рѣчи даровитаго депутата Герольда, а также молодаго публициста Айма, въ которыхъ трудно отыскать хотя бы зерно славянскаго чувства. Недавніе выборы въ делегацію доказали, что большинство членовъ младочешскаго клуба болѣе или менѣе заражено уже либерально-сепаратистическими тенденціями реалистовъ; ни Эдуардъ Грегръ, ни Вашатый не попали въ число делегатовъ отъ этого клуба, конечно въ угоду реалистамъ, которымъ не нравится славянское направленіе означенныхъ двухъ депутатовъ и той фракціи клуба, во главѣ которой они стоятъ.

Высоко патріотическія рѣчи д-ра Вашатаго направлены главнымъ образомъ противъ союза Австро-Угріи съ Германіей, въ составѣ тройной лиги, вмѣсто которой Вашатый проповѣдуетъ сближеніе Австро-Угріи съ Россіей и примыкающими къ ней державами. Легко видѣть, съ какимъ ожесточеніемъ должны были отнестись къ идеямъ Вашатаго приверженцы правительства, особенно поляки. Это не смутило однако чешскаго депутата, который достаточно дальновиденъ, чтобы предусматривать опасности австро-германскаго союза не только для народовъ, но и для правительства габсбургской монархіи. Если послѣдней суждена еще самостоятельная политическая жизнь, то она и возможна единственно на основахъ программы Вашатаго, къ которой легко могли бы примкнуть не

только славянскіе и румынскіе, но и нѣмецкіе патріоты Австріи. Возстановленіе традиціонной дружбы съ Россіей доставило бы Австріи возможность прекратить нынѣшнюю борьбу всѣхъ противъ всѣхъ, преобразоваться въ федерацію національно-автономныхъ группъ, уменьшить напряженіе военныхъ приготовленій, а слѣдовательно поднять и матеріальное благосостояніе своихъ народовъ. Легко понять, какое значеніе имѣла бы проповѣдь Вашатаго съ каѳедры австро-угорской делегаціи! Тѣмъ прискорбнѣе уступчивость правительству младочешскаго клуба, который большинствомъ двухъ голосовъ избралъ въ делегацію не Вашатаго или Грегра, а болѣе безцвѣтныхъ въ политическомъ отношеніи лицъ, близкихъ къ реалистамъ.

Слѣдуетъ еще остановиться на томъ пунктѣ младочешской программы, который всего яснѣе формулированъ былъ въ рѣчахъ Эдуарда Грегра и касается вопроса о преобразованіи Австро-Угріи въ федерацію не народностей, а королевствъ и областей. По взглядамъ Грегра, Чехоморавія должна въ этой федераціи занять положеніе, подобное нынѣшней Угріи, которое представляется ему не только нормальнымъ, но и блестящимъ. Но если это такъ, то младочехи, стоя на почвѣ угорскаго государственнаго права, должны конечно ратовать за присоединеніе къ Угріи не только Далмаціи, но и Босніи съ Герцеговиной, которыя входили нѣкогда въ составъ земель короны св. Стефана. Признавая государственную независимость земель чешской короны съ населеніемъ до $8^3/_4$ мил. д., Грегръ и его приверженцы не могутъ уже отказать въ такой же независимости и королевству галицко-владимірскому или Червонной Руси, со включеніемъ Кракова и Буковины, съ населеніемъ до $7^1/_4$ мил. д., причемъ польскій языкъ, по взглядамъ этихъ чешскихъ федералистовъ, долженъ тамъ господствовать надъ большинствомъ автономнаго русскаго населенія, подобно языку мадьярскому въ земляхъ угорской короны!

Наряду съ $7^1/_2$ мил. населеніемъ Угріи, съ примыкающими къ ней землями, а затѣмъ съ $8^3/_4$ мил. населеніемъ чешскихъ земель и $7^1/_4$ мил. населеніемъ польскихъ земель, Грегру пришлось бы затѣмъ допустить въ имперіи еще четвертую группу земель старо-австрійскихъ: Нижней и Верхней Австріи, Зальцбурга, Штиріи, Хорутаніи, Крайны, Горицы и Градиски, Истріи, Тріеста съ областью, Тироля и Форарльберга. Населеніе земель этой группы простиралось бы до $7^1/_2$ мил. д., причѣмъ нѣмцы безусловно господствовали бы тутъ надъ словенцами, хорватами и итальянцами.

Осуществленіе такой программы было бы, по нашему убѣжденію, началомъ конца габсбургской монархіи; но еще ранѣе

этого конца оно повлекло бы за собою поглощеніе сербовъ, хорватовъ и словаковъ мадьярами, русскихъ и румыновъ поляками и мадьярами, а словенцевъ нѣмцами; а это было бы наруку лишь династіи Гогенцоллерновъ, но никакъ не чехамъ или другому народу Австро-Угріи. Чехославяне были бы тогда принуждены вести непрерывную борьбу съ тремя мил. чехоморавскихъ нѣмцевъ, которые опираются на соплеменниковъ не только Австріи, но и Германіи. Эта борьба была бы тѣмъ тяжелѣе, что богемскіе нѣмцы издревле пользовались поддержкою мѣстныхъ епископовъ и монаховъ, особенно цистерсовъ и премонстратовъ, принимавшихъ, какъ извѣстно, дѣятельное участіе въ подавленіи національной кирилло-меѳодіевской церкви и въ населеніи страны нѣмецкими колонистами. При подобныхъ условіяхъ могутъ ли эти нѣмцы, окрѣпшіе въ Чехіи еще во времена Премысловичей, признать надъ собою главенство чехославянъ, особенно теперь, въ періодъ развитія нѣмецкаго самосознанія и постепеннаго объединенія нѣмцевъ, подъ династіей Гогенцоллерновъ? Втеченіе тысячелѣтней борьбы богемскіе нѣмцы успѣли привить чехослявянамъ нѣмецкіе нравы и обычаи, навязать имъ свою церковь, втянуть въ свои политическія комбинаціи,—словомъ, значительно подготовить къ совершенному поглощенію и этого слабаго остатка могущественныхъ нѣкогда племенъ полабскаго славянства. Кто же заставитъ теперь этихъ нѣмцевъ удовлетвориться хотя бы самою полною равноправностью въ составѣ государства, которое носило бы ненавистное и презрѣнное для нихъ имя государства чешскаго? Без прерывная борьба чехославянъ богемскаго государства съ этими нѣмцами неизбѣжно поглотила бы всѣ силы первыхъ, не представляя имъ ни малѣйшихъ шансовъ на окончательный успѣхъ. Конечное торжество могло бы тамъ принадлежать не пяти милліонамъ славянъ, а тремъ милліонамъ нѣмцевъ, ибо послѣдніе, несмотря на свое относительное меньшинство, имѣли бы на свой сторонѣ всѣ преимущества, главнымъ же образомъ поддержку сосѣдней и могущественной Германіи съ одной стороны, а австро-нѣмецкаго государства въ странахъ подальпійскихъ съ другой, тогда какъ чехи, при своей антиславянской политикѣ, никоимъ образомъ не могли бы разсчитывать на энергическую поддержку народовъ славянскаго міра. Такимъ образомъ положеніе чехославянъ будущаго чешскаго государства было бы безнадежно, или по меньшей мѣрѣ гораздо опаснѣе положенія тѣхъ славянъ и румыновъ, которые столь легкомысленно предаются нынѣ чехами на съѣденіе нѣмцамъ—нынѣшнимъ или будущимъ: къ послѣднимъ мы причисляемъ особенно мадьяръ и поляковъ.

Лишь поневолѣ открыли мы здѣсь предусматриваемыя послѣдствія хотя бы самаго благополучнаго осуществленія програмы, начертанной Эд. Грегромъ и воодушевляющей младочешскій клубъ рейхсрата. Мы весьма далеки отъ того, чтобы заподазривать патріотизмъ большинства его членовъ, особенно вождя этого клуба, Э. Грегра. Но очевидность обязываетъ насъ констатировать, что грегровская программа не отличается существенно отъ той, которая еще въ 1866 г. была выработана пресловутымъ польскимъ графомъ, намѣстникомъ Галиціи, а одно время и министромъ внутреннихъ дѣлъ, Голуховскимъ, въ особой славянской конференціи, состоявшейся въ Прагѣ, въ присутствіи депутатовъ польскихъ, чешскихъ и хорватскихъ. Одобренная вождями старочеховъ, программа эта понемногу распространилась между народными массами, а теперь усвоена съ небольшимъ видоизмѣненіемъ и др. Грегромъ, который прежде держался совсѣмъ другихъ воззрѣній. Объ этомъ оппортунизмѣ нельзя не пожалѣть, ибо усвоеніе упомянутой программы младочехами поставило ихъ въ еще большее противорѣчіе съ самими собою и съ исторіею, чѣмъ въ какомъ находились старочехи, сбитые съ толку поляками и своимъ феодально-клерикальнымъ вождемъ, графомъ Генрихомъ Кламъ-Мартиницемъ.

Полонофильская программа графа Голуховскаго отличалась отъ нынѣшней младочешской—въ рамкахъ конечно нераздѣленной еще въ 1866 г. имперіи—лишь тѣмъ, что кромѣ государствъ угорскаго и хорватскаго, польскаго и чешскаго она признавала желательнымъ образованіе не одного, а двухъ нѣмецкихъ государствъ, изъ коихъ одно было бы составлено изъ областей староавстрійскихъ, а другое изъ внутреннеавстрійскихъ. Но мы не станемъ подробнѣе разбирать этотъ вопросъ, тѣмъ болѣе что онъ обстоятельно разсмотрѣнъ въ интересной брошюрѣ, вошедшей въ 1885 г. въ Вѣнѣ п. з.: «Programm zur Durchführung der nationalen Autonomie in Oesterreich. Von einem Slaven». Здѣсь достаточно будетъ указать на характерную цѣль усвоенной младочехами программы, составляющую суть ея и выраженную въ словахъ: «При полномъ уваженіи и сохраненіи генетическихъ національностей (племенныхъ особей), нужно дать удовлетвореніе историческому правовому сознанію и національной гордости историко-политическихъ національностей, и на этой основѣ сдѣлать возможнымъ гармоническое взаимодѣйствіе всѣхъ народностей».

Кто знакомъ съ идеями и стилемъ покойнаго мадьярскаго писателя и министра Этвеша (сначала въ министерствѣ Батьяни-Кошута въ 1848 г., а затѣмъ въ министерствахъ Андраши и Лоньяя въ 1867 г.), тотъ сразу узнаетъ, откуда ведетъ свои

преданія противоположеніе національностей историко-политическихъ генетическимъ: это политическая микстура, составленная по мадьярскому рецепту! По этому рецепту габсбургская монархія должна распасться на пять государствъ, размежеванныхъ не по народнымъ группамъ, а по историко-политическимъ національностямъ, чтобы такимъ образомъ питать «правовое сознаніе и гордость» нѣсколькихъ привиллегированныхъ народностей, насчетъ «національностей генетическихъ», т. е. румыновъ, сербовъ, русскихъ, словаковъ и словенцевъ, которые при всемъ къ нимъ «уваженіи и признаніи» должны служить матеріаломъ, лишеннымъ всякаго права на «самосознаніе и національную гордость».

Къ числу такихъ осужденныхъ программою Голуховскаго и Грегра генетическихъ національностей должны мы, къ сожалѣнію, отнести теперь и хорватовъ: въ 1866 г. они причислялись еще къ народностямъ историко-политическимъ, теперь же уступили это преимущество мадьярамъ, давно позабывшимъ о пресловутой carte blanche, предоставленной въ 1867 г. Деакомъ хорватомъ, и сдѣлались политическими илотами мадьярскихъ «культуртрегеровъ». Хорватская претензія возвыситься надъ сербами потерпѣла жестокую кару! То-же ожидаетъ въ близкомъ будущемъ и чехославянъ, если они будутъ возвышать себя надъ прочими славянами, стремясь къ господству надъ ними. На содѣйствіе же мадьяръ, поляковъ или нѣмцевъ чехи разсчитывать не могутъ, ибо эти народы и теперь уже имѣютъ болѣе, чѣмъ сколько предлагаетъ имъ грегровская программа. Такимъ образомъ она не можетъ удовлетворить ни одного изъ народовъ габсбургской монархіи, а наоборотъ должна еще болѣе усилить ихъ вражду и приблизить къ цѣли династію Гогенцоллерновъ.

Въ настоящее время сербы, румыны и русскіе, соплеменники которыхъ внѣ Австро-Угріи успѣли образовать и удержать два королевства, одно княжество и одну могущественную имперію,—по крайней мѣрѣ на бумагѣ считаются равноправными въ составѣ другихъ австро-угорскихъ народностей: какимъ же образомъ удовлетворитъ ихъ грегровская программа «генетическихъ» національностей?

Если нѣмцы крайне опасаются автономіи этихъ народовъ и ихъ вѣрности національной церкви, которая является неприступною ихъ твердынею, то это вполнѣ понятно, равно какъ и вражда къ этимъ народамъ и церквамъ нѣмецкихъ услужниковъ, мадьяръ и поляковъ. Но если во враждебное отношеніе къ означеннымъ народностямъ и церквамъ становятся и чехи, которые не отреклись еще отъ своихъ славянскихъ преданій и стремленій, то въ этомъ мы видимъ неразрѣшимое противорѣчіе.

Слѣдуетъ еще принять въ соображеніе, что къ генетическимъ національностямъ, наряду съ сербами, румынами и русскими, причисляются въ программахъ Голуховскаго и Грегра ближайшіе соплеменники чеховъ — словаки, занимающіе весь сѣверъ Угріи и составлявшіе нѣкогда зерно могущественнаго великоморавскаго государства. На юго-западѣ же къ народностямъ «генетическимъ» сверхъ хорватовъ, имѣвшихъ столь славное прошлое еще задолго до прибытія на Дунай мадьяръ, принадлежатъ и словенцы, которые также принимали дѣятельное участіе въ міровыхъ движеніяхъ кирилло-меѳодіевскаго времени, имѣли своихъ князей, свою исторію и слѣдовательно не менѣе чеховъ и словаковъ заслуживаютъ имени историко-политическихъ національностей, если вообще имя это имѣетъ какой нибудь смыслъ. То обстоятельство, что словенцы и словаки нѣсколько раньше чеховъ подчинились иноплеменнымъ государствамъ, не имѣетъ существеннаго значенія; теперь они и въ Австріи, и въ Угріи раздѣляютъ судьбу чеховъ, слѣдовательно могутъ считаться ихъ союзниками въ несчастіи. Если чехи объ этомъ забываютъ и отказываютъ также словенцамъ, хорватамъ, даже словакамъ въ историко-политической національности, подрывая такимъ образомъ подъ ними историческую почву и осуждая ихъ въ добычу нѣмцамъ — нынѣшнимъ или будущимъ, то въ этомъ мы опять видимъ не только противорѣчіе, но и очень опасный самообманъ.

Нѣкоторые высказываютъ предположеніе, что либеральные младочехи оспариваютъ у словенцевъ, словаковъ, сербовъ, румыновъ и русскихъ правовое сознаніе на томъ основаніи, что въ титулѣ австрійскаго императора значатся лишь королевства чешское, угорское и хорватское, но вовсе не упоминаются области сербскія, румынскія, русскія, словенскія и словинскія. Но это предположеніе представляется намъ абсурдомъ, который легко разоблачается и историческими, и статистическими данными.

Что касается сербовъ, то извѣстно, что большинство ихъ переселилось въ Угрію изъ областей турецкихъ по вызову Леопольда I, съ цѣлью служить стѣною отъ нападеній турецкихъ. При этомъ переселенцамъ была гарантирована церковная и національная независимость на вѣчныя времена. Условія эти сербы считаютъ столь же ненарушимыми, какъ тѣ, которыя были дарованы Фердинандомъ I чехамъ, при его вѣнчаніи въ чешскіе короли. Въ самомъ дѣлѣ, сербы имѣли свою особую «иллирскую» канцелярію еще въ то время, когда чешская существовала лишь по имени. Конечно, эта сербская придворная канцелярія была равно ненавистна какъ хорватамъ, такъ и мадьярамъ, особенно же ихъ духовенству, по-

чему и упразднена въ концѣ XVIII в.; но взамѣнъ того особымъ закономъ угорскаго сейма за сербами признано право національнаго представительства, наравнѣ съ хорватами, въ угорской придворной канцеляріи и намѣстничествѣ; нѣсколько же позже возстановлена была Воеводина сербская, которая по закону и до сихъ поръ собственно не упразднена.

Но то же приблизительно можно доказать и относительно прочихъ народовъ, низведенныхъ младочешскою программою къ положенію генетическихъ національностей и обреченныхъ въ жертву нѣмцамъ — настоящимъ или будущимъ.

Такъ напримѣръ воеводство Буковина, образованное изъ части прежняго молдавскаго княжества, до сихъ поръ упоминается въ императорскомъ титулѣ. То же должно сказать о великокняжествѣ Семиградіи, которая сплошь населена румынами (за изъятіемъ двухъ островковъ: секлерскаго и сакскаго); встарину она была управляема румынскими воеводами, а потомъ, въ турецкое время, независимыми отъ Угріи князьями; по изгнаніи же турокъ Семиградія имѣла вплоть до 1867 г. (съ двумя небольшими перерывами: при Іосифѣ II и при министрѣ Бахѣ) особые сеймы и свои особыя земскія и придворныя дикастеріи, такъ что вовсе не подчинялась Угріи.

Въ императорскомъ титулѣ упоминается затѣмъ и маркграфство Моравія, какъ жалкій остатокъ славнаго великоморавскаго государства, зерно котораго составляли именно угорскіе словаки и моравяне. Словенцы же упоминаются въ этомъ титулѣ не только въ составѣ королевства Иллиріи, гдѣ они, наряду съ хорватами, составляютъ издревле большинство населенія, но и въ составѣ историческихъ герцогствъ Хорутаніи или Каринтіи со Штиріей, затѣмъ Крайны, далѣе графства Горицы и Градиски и наконецъ Словинской марки (Windische Mark). Слѣдовательно и словенцы имѣютъ право на «національную гордость» и «правовое сознаніе», въ которыхъ имъ нынѣ готовы отказать младочехи.

Еще страннѣе притязаніе младочеховъ, по программѣ Грегра, исключить изъ числа историко-политическихъ національностей Червонную Русь, которая вѣдь упоминается и въ императорскомъ титулѣ подъ именемъ «королевства Галиціи и Лодомеріи», врядъ ли уступающаго самой Чехіи по пространству и числу жителей. Это королевство имѣло до 1340 г. народныхъ государей изъ русскаго рода Рюриковичей и слѣдовательно было вполнѣ независимо отъ вліянія чужихъ государствъ, тогда какъ Чехія уже съ 1158 по 1298 г. получила не менѣе одиннадцати различныхъ грамотъ отъ нѣмецкихъ императоровъ, съ привиллегіями для чешскихъ го-

сударей, которыя затѣмъ закрѣплены были золотою буллою Карла IV. Чешскіе короли считались уже тогда нѣмецкими курфирстами и обермундшенками (archipincernae) римско-нѣмецкой имперіи, и въ этомъ качествѣ обязаны были въ торжественныхъ случаяхъ услуживать нѣмецкимъ императорамъ.

Когда въ 1340 г. вымерли галицко-волынскіе князья изъ дома Рюриковичей, Червонная Русь досталась польскому королю Казимиру Великому, какъ зятю послѣдняго галицкаго пароднаго князя. По смерти же Казимира оба его государства, т. е. Польша и Червонная Русь, перешли по праву родства на угорскаго короля Людовика Великаго. По завѣщанію послѣдняго, Угрія съ Галиціей должны были перейти къ его старшей дочери Маріи, супругѣ нѣмецкаго императора Сигизмунда; младшей же дочери Людовика, Ядвигѣ, назначена была одна только Польша. Но бракъ Ядвиги съ великимъ княземъ литовскимъ Ягайломъ настолько усилилъ Польшу, что ей не стоило большого труда различнаго рода дипломатическими уловками оттягать Червонную Русь отъ ослабленной тогда Угріи. Такимъ образомъ съ 1387 по 1772 г., въ теченіи 400 почти лѣтъ, польскіе короли господствовали и въ Галиціи, пока наконецъ Марія Терезія не присоединила ее къ своимъ угорскимъ владѣніямъ, съ согласія польскаго короля и сейма и въ силу «правъ угорской короны», нарушенныхъ-де Ядвигою.

Во всякомъ случаѣ, Галиція и Лодомерія были совершенно независимымъ государствомъ съ XI в., тогда какъ въ Польшѣ напримѣръ уже въ 1032 г. нѣмецкій императоръ Конрадъ II считался верховнымъ государемъ, назначалъ епископовъ и опредѣлялъ границы епархій. Независимою оставалась Галиція и въ XII—XIII вв., въ ту эпоху, когда Хорватія подчинялась уже Угріи, а Чехія императорамъ нѣмецкимъ. Если же впослѣдствіи, съ 1389 г., Галичъ и Владиміръ управлялись не народными, а польскими государями, то все же подобно Литвѣ они никогда не считались составною частью Польши или Угріи, что удостовѣряется какъ титулами польскихъ королей: rex Lituaniae, rex Russiae, такъ и существованіемъ особыхъ сеймовъ, а наконецъ актомъ люблинской уніи, заключеннымъ въ 1569 г., между тремя особыми государствами: Польшей, Литвой и Русью.

Лишь эта унія, въ память которой во Львовѣ, на Высокомъ-замкѣ, насыпанъ особый холмъ или копецъ, иждивеніемъ президента вѣнскаго рейхсрата Смолки, измѣнила прежнюю персональную лигу въ болѣе тѣсную зависимость Литвы и Руси отъ Польши, подобно какъ это произведено впослѣдствіи прагматическою санкціею въ монархіи габсбургской. Все же и люблинская унія

не присвоила Польшѣ законной суprематіи надъ Литвой и Русью, ибо въ ней прямо сказано, что этотъ союзъ заключаютъ «равные съ равными, свободные со свободными». Если несмотря на то Русь и Литва, ослабленныя церковною уніею 1596 г. и измѣною народной знати, постепенно подавлены были поляками, то это было незаконное вторженіе, которое вызывало безпрерывныя возстанія и довело наконецъ до раздѣловъ Польши, такъ что на эти правонарушенія никакъ нельзя ссылаться въ доказательство законнаго подчиненія Галиціи и Лодомеріи Польшѣ. Вѣдь и чехи съ 1306 г. имѣли только одного національнаго короля, Юрія Подѣбрада (въ 1458—1471), хорваты же уже съ конца XI в. не имѣли своихъ національныхъ государей!

Непрерывность историческихъ правъ Червонной Руси признана самой Польшей въ 1772 г., когда, уступая Маріи Терезіи Галичъ и Лодомерію, она назвала это королевство не польскимъ, а русскимъ, и уступила его не Австріи, а Угріи, отъ которой оно было-де незаконно отнято послѣ смерти Людовика Великаго. Въ то же время Марія Терезія, въ качествѣ чешской королевы, присоединила къ своимъ владѣніямъ отторгнутыя нѣкогда поляками чешскія герцогства Освѣтимъ и Заторъ. Какъ часть земель чешской короны, герцогства эти, по опредѣленію 1815 г., входили въ нѣмецкій бундъ и ставили особый контингентъ въ нѣмецкую союзную армію, что продолжалось до 1866 г.

Но если такимъ образомъ Буковина никогда не входила въ польскія владѣнія, а была областью молдавской, если Галичъ искони принадлежалъ къ русской системѣ государствъ, Заторъ же и Освѣтимъ къ чешской, — то спрашивается, что же собственно въ Австріи составляетъ наслѣдіе польскаго государства? Таковымъ можетъ быть названо единственно только герцогство Краковское. Оно же состоитъ изъ присоединеннаго къ Австріи въ 1846 г. города Кракова и его небольшой области, которая нѣкогда, въ X в., подобно Моравіи и Слезіи, была подчинена чешскому герцогу Болеславу II (967—999), а затѣмъ отошла къ Польшѣ и играла въ ней довольно важную роль, какъ культурный мостъ съ западной Европы въ восточную. Въ пору присоединенія къ Австріи область эта занимала не болѣе 1100 кв. кил., съ населеніемъ до 140,000 д. (и теперь ихъ врядъ ли болѣе 250,000).

Всего страннѣе, что большинство младочешскаго клуба считаетъ и названныя древнія чешскія герцогства, Освѣтимъ и Заторъ, безспорною принадлежностью земель польской короны. Впрочемъ пространство этихъ герцогствъ не превышаетъ 3,578 кв. кил. съ населеніемъ до 500,000 д., которыя и составляютъ такимъ обра-

зомъ чешскій даръ полякамъ. Это немного въ сравненіи съ громаднымъ пространствомъ Червонной Руси и Буковины, которыя составляютъ до 89,000 кв. кил., съ населеніемъ до $7^1/_4$ мил. д., приподносимыхъ полякамъ въ даръ отъ приверженцевъ программы Голуховскаго-Грегра!

Изъ изложеннаго видно, что исторія не можетъ служить основою для того, чтобы лишить сербовъ, румыновъ, словаковъ, словенцевъ и русскихъ въ габсбургской монархіи—«національной гордости» и «правового сознанія», или даже возвести поляковъ въ историко-политическую національность. Точно также включеніе того или другого королевства, герцогства или графства въ императорскій титулъ имѣетъ лишь отдаленное отношеніе къ современной дѣйствительности, такъ какъ эти титулы вовсе не соотвѣтствуютъ нынѣшнему значенію и силѣ отдѣльныхъ областей. Да и самыя названія ихъ втеченіе времени не мало измѣнялись.

Вотъ почему приверженцы программы Голуховскаго-Грегра пытались поддержать фикціи о господствующихъ и служебныхъ народностяхъ статистическими цыфрами ихъ численности. Но, несмотря на искусственную подтасовку такихъ цыфръ при народныхъ перепискахъ, и статистика не оправдывала во многихъ случаяхъ подобной фикціи. Такъ напримѣръ сербы, словаки и румыны вовсе не уступаютъ въ численности хорватамъ, а русскіе даже превосходятъ поляковъ, судя по контингентамъ арміи.

Конечно, при подобного рода цыфровыхъ операціяхъ дѣло идетъ обыкновенно не о числѣ жителей той или другой народности во всей монархіи и даже не въ отдѣльныхъ областяхъ, а въ особаго рода правительственныхъ округахъ. При образованіи такихъ же округовъ государственнымъ людямъ полиглотной имперіи открывается громадный просторъ для разнаго рода перестановокъ и фокусовъ, при помощи коихъ возможно большинство сдѣлать меньшинствомъ и такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ для виду, оправдать господство нѣмцевъ и нѣмцефиловъ надъ настоящими славянами и румынами.

Въ самомъ дѣлѣ, въ монархіи встрѣчаются очень маленькія земли, которыя въ интересахъ германизма имѣютъ свое особое управленіе, особые даже сеймы, какъ напримѣръ Слезія или крошечный Форарльбергъ. Между тѣмъ въ Угріи напр. никто и не думаетъ о національномъ самоуправленіи русскихъ, упразднена сербская Воеводина, подчинены угорскому министерству королевства Хорватія и Славонія; что же касается румынской Семиградіи, то она прямо соединена съ Угріей въ одно административное цѣлое. Всѣ эти вопіющія нарушенія государственныхъ и народныхъ правъ

совершены лишь для того, чтобы доставить мадьярскимъ пришельцамъ господство надъ громаднымъ большинствомъ автохтоннаго населенія нынѣшней Угріи. Такимъ образомъ мадьяры получили щедрое вознагражденіе за свое антиславянское и особенно антирусское направленіе. Теперь дѣло идетъ о подобной наградѣ и для поляковъ, которые, подобно мадьярамъ, предпочитаютъ исчезнуть въ германизмѣ, чѣмъ жить и дѣйствовать солидарно съ прочими славянскими народами.

Для усиленія польскаго элемента въ Австріи дѣйствительно много уже и сдѣлано, насчетъ элемента русскаго. Въ польскихъ рукахъ находятся теперь въ Галиціи всѣ административныя, полицейскія и судебныя мѣста и должности, начиная отъ намѣстника и кончая послѣднимъ комиссаромъ; вліяніе русскаго элемента совершенно исключено изъ земскаго сейма и рейхсрата, благодаря насиліямъ и несправедливой системѣ выборовъ, такъ что русскіе находятъ пріютъ дли своихъ національныхъ стремленій единственно въ славянской церкви и въ частныхъ обществахъ. Для оправданія этого господства польскаго элемента понадобилось хоть на бумагѣ увеличить его числовую силу, что благополучно и достигнуто, при помощи разнаго рода искусственныхъ манипуляцій при народныхъ переписяхъ.

Благодаря политическо-административному присоединенію къ Галиціи Кракова, Освѣтима и Затора, полякамъ удалось усилить на 1/2 мил. число ополяченныхъ еще въ старое время населеній въ западной Галиціи. Не менѣе значительнымъ, хотя и фиктивнымъ лишь контингентомъ галицкаго полонизма являются евреи, которые въ количествѣ до 3/4 мил. д. населяютъ всѣ почти польскіе или полонизованные города и посады Галиціи и во время переписей охотно объявляютъ своимъ домашнимъ языкомъ польскій, какъ господствующій въ провинціи. Не мало увеличили наконецъ собою число поляковъ, хотя тоже на бумагѣ лишь, нѣмецкіе мѣщане и колонисты Галиціи, особенно католики, такъ какъ на языкѣ мѣстнаго населенія термины «полякъ» и «католикъ» считаются синонимами.

Если несмотря на все это и по польской официальной статистикѣ число поляковъ въ Галиціи лишь на 1/2 мил. превышаетъ число русскихъ, то изъ этого слѣдуетъ, что фактически русскіе имѣютъ въ странѣ значительное большинство; это подтверждается также и перевѣсомъ русскихъ контингентовъ надъ польскими при наборахъ въ армію. Русское большинство оказалось бы прямо подавляющимъ, если-бы обширныя и населенныя русскія королевства Галиція и Лодомерія получили, на ряду съ мелкими нѣмецкими

герцогствами: Зальцбургомъ, Каринтіей и др., свое особое земское управленіе и свой сеймъ, отдѣльный отъ польскаго въ Краковѣ. Эту опасность очень хорошо сознавалъ графъ Голуховскій, этотъ предтеча нынѣшнихъ младочеховъ по программѣ «историческихъ» и «неисторическихъ» народностей. Вотъ почему сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, этотъ графъ поспѣшилъ немедленно соединить западную Галицію съ восточною въ одно политическое и административное цѣлое. Протесты русскаго епископата, а также всѣхъ—довольно еще многочисленныхъ въ 60-е годы—русскихъ депутатовъ сейма и рейхсрата противъ этого политическо-административнаго соединенія столь разнородныхъ областей и столь враждебныхъ издревле народностей—остались безъ послѣдствій.

Все это очень хорошо извѣстно чехамъ, какъ ближайшимъ сосѣдямъ Галиціи. Они должны были бы знать, что государственные фокусники, въ родѣ Голуховскаго, уже позаботились бы о томъ, чтобы при раздѣленіи Австріи на три государства ни въ одномъ изъ нихъ не оказалось славянскаго большинства. Для этого стоило бы только присоединить Чехію, Моравію и Слезію къ Нижней Австріи и Штиріи. Въ этомъ средне-австрійскомъ государствѣ, раскинутомъ на пространствѣ 140,000 кв. кил., нѣмецкій элементъ настолько же преобладалъ бы надъ чешскимъ, на сколько въ областяхъ подальпійскихъ (до 70,000 кв. кил.) онъ преобладалъ бы надъ словенцами и хорватами. Въ соотвѣтствіе этимъ двумъ нѣмецкимъ государствамъ, поляки имѣли бы подъ своимъ управленіемъ третье государство, образованное главнымъ образомъ изъ земель чешскихъ, румынскихъ и особенно русскихъ, на пространствѣ до 90,000 кв. кил. и съ 9 мил. населенія.

Такимъ образомъ проведеніе младочешской программы создало бы для славянъ и румыновъ столь же безпомощное положеніе въ Австріи, какъ и въ нынѣшней Угріи. Правительству легко было бы добиться въ пользу этой комбинаціи нужнаго числа голосовъ не только въ рейхсратѣ, но и въ сеймахъ, не исключая чешскаго. Объ этомъ позаботились бы уже нѣмцы, съ ихъ польскими пособниками. И что могли бы потомъ предпринять противъ такой комбинаціи чехославяне!

Если Грегръ и его приверженцы считаютъ совершенно законнымъ образованіе нынѣшней централизованной Угріи изъ прежней федераціи мадьяръ, кумановъ и русскихъ, а потомъ еще румыновъ, хорватовъ и сербовъ, существовавшей до конца XVII в., т. е. до изгнанія турокъ; если онъ называетъ «здоровымъ прогрессомъ» нынѣшнее мадьярское управленіе, съ его финансовыми вымогательствами, навязываніемъ всѣмъ безплоднаго мадьярскаго языка и

систематическимъ вытравленіемъ всѣхъ прочихъ народностей, — то трудно знать, въ чемъ же собственно онъ полагаетъ историческія права народностей и правовой строй государства?

Если младочехи признаютъ нормальными нынѣшніе порядки въ Угріи, основанные на подавленіи всѣхъ народностей мадьярами, то имѣютъ ли они право жаловаться на аналогичное подавленіе славянъ цислейтанскихъ нѣмцами и польскими шляхтичами? Вѣдь дуализмъ, какъ видно изъ его названія, раздѣлилъ уже монархію на два совершенно независимыя государства, связанныя между собою лишь личностью государя да общими министерствами — иностранныхъ дѣлъ, войны, высшаго контроля и общихъ финансовъ. Какъ узокъ кругъ дѣятельности этихъ общихъ министровъ, видно хотя-бы изъ того, что на министра общихъ финансовъ возложено и высшее управленіе оккупаціонной областью. Угорская половина имперіи, составленная нынѣ, послѣ уничтоженія великаго княжества Семиградіи, только изъ королевствъ Угріи, Хорватіи и Славоніи, по числу жителей на шесть мил. меньше австрійской половины, слагающейся изъ бо́льшаго числа королевствъ и отдѣльныхъ областей. Зато пространство Транслейтаніи на 25.000 кв. кил. больше площади Цислейтаніи. Такимъ образомъ ихъ силы приблизительно уравновѣшиваются и въ концѣ-концовъ должны сравняться, особенно когда мадьяры рѣшатся на присоединеніе къ своему государству Далмаціи, Босніи и Герцеговины. А это наступитъ въ тотъ моментъ, когда Хорватія и Славонія будутъ уже достаточно мадьяризованы, чтобы послужить мостомъ для дальнѣйшаго движенія мадьяризма за Велебитъ и Саву. Цислейтанскіе нѣмцы охотно примирятся съ такимъ расширеніемъ мадьяризма на югѣ, такъ какъ оно облегчитъ впослѣдствіи распространеніе германизма въ долинѣ средняго Дуная, а затѣмъ, на плечахъ мадьяръ, и вглубь балканскихъ областей.

Нѣмцы лишь въ томъ случаѣ согласились бы на раздѣленіе нынѣшней Цислейтаніи на три государства, еслибы среднее изъ нихъ образовано было не только изъ Чехіи, Моравіи и Слезіи, но еще изъ Нижней Австріи и Штиріи. Такое раздѣленіе Австріи на три государства было бы нѣмцамъ тѣмъ желательнѣе, что это доставило бы имъ возможность еще лучше нынѣшняго замаскировать свои германизаторскія цѣли и такимъ образомъ возвысить нравственный авторитетъ своихъ польскихъ и мадьярскихъ прислужниковъ — фикціею ихъ патріотическаго служенія не германизму, а полонизму и мадьяризму...

Чешскій вопросъ былъ бы этимъ навсегда устраненъ. При этомъ чешскіе вожди не имѣли бы даже права жаловаться на по-

добное рѣшеніе, ибо сами предложили раздѣлить Австрію на три части, восторгались порядками нынѣшней Угріи и не видятъ ничего ненормальнаго въ господствѣ польскихъ шляхтичей и польскаго языка подъ большинствомъ червонно-русскаго, румынскаго и даже чешскаго населенія въ Галиціи и Буковинѣ. Кромѣ того не подрываютъ ли сами чехи историческое право земель чешской короны, если они отвергаютъ его для всѣхъ прочихъ народовъ монархіи, кромѣ однихъ только мадьяръ да поляковъ? Впрочемъ, нѣмцамъ не трудно бы подыскать и историческія основанія для присоединенія Чехіи, Моравіи и Слезіи къ Нижней Австріи и Штиріи: для этого имъ стоило бы лишь сослаться на эпоху послѣднихъ Премысловичей и первыхъ Габсбурговъ, когда названныя области дѣйствительно составляли одно политическое цѣлое.

Въ виду этихъ обстоятельствъ трудно объяснить себѣ странное стремленіе большинства младочешскаго клуба раздѣлить имперію на народности «господствующія и служебныя», со включеніемъ въ число послѣднихъ не только румыновъ, но и всѣхъ славянъ, за исключеніемъ западной части чехославянскаго племени! Особенно же дикою представляется намъ готовность чешскихъ вождей предать въ жертву мадьярамъ своихъ непосредственныхъ соплеменниковъ —словаковъ, вмѣсто того, чтобы искать соединенія съ ними и взаимнаго укрѣпленія общей чехославянской народности. Ужели нынѣшніе вожди чеховъ желаютъ подрыть тѣ славянскія основы, которыя для ихъ великихъ патріотовъ: Юнгмана, Шафарика, Коллара, Челяковскаго, Ганки, Эрбена и другихъ послужили почвою для возрожденія дремавшаго народнаго сознанія и чувства? Всего страннѣе это предположить о большинствѣ младочешскаго клуба, которое настолько дальновидно, что врядъ ли можетъ предаваться иллюзіямъ относительно будущности чеховъ, отрѣзанныхъ отъ прочихъ славянъ и румыновъ! Если же имъ чуждо сознаніе безнадежности борьбы одного чешскаго народа съ цѣлымъ германскимъ міромъ, то оно должно бы оживиться отъ частыхъ сношеній этихъ депутатовъ со своими избирателями, которые инстинктивно обращаются своими надеждами къ востоку, а не къ западу, чаютъ спасенія въ солидарности съ прочими вѣтвями славянства...

Такимъ образомъ, остается возможнымъ одно только предположеніе, что программа Голуховскаго, привитая старочехами своему обществу, была удержана затѣмъ Грегромъ и его единомышленниками единственно изъ расчетовъ партійныхъ. Если эта догадка основательна, то въ близкомъ будущемъ слѣдуетъ ожидать измѣненія программы «государственнаго федерализма», основаннаго на подавленіи однихъ народовъ другими, программою «федерализма

народнаго», въ рамкахъ котораго и чехи, и всѣ прочіе славяне, и румыны нашли бы признаніе своихъ естественныхъ правъ и гарантію своего сохраненія въ будущемъ.

Какъ скоро большинство младочешскаго клуба отрѣшится отъ фикціи, что оно призвано отстаивать интересы будущаго смѣшаннаго чешско-нѣмецкаго государства, и сосредоточитъ свои усилія на охранѣ интересовъ чехославянской народности, поднявъ надъ собою въ рейхсратѣ знамя національной автономіи отдѣльныхъ народностей,—то къ нему немедленно обратятся сочувствія и надежды всѣхъ прочихъ австрійскихъ славянъ и румыновъ, которые донынѣ лишь съ недовѣріемъ могли относиться къ старочешской и младочешской программѣ «господствующихъ и служебныхъ народностей». Младочешскій клубъ сталъ бы тогда зерномъ большой австро-славянской парламентской группы, которая хотя и не составляла бы большинства въ рейхсратѣ, однако импонировала бы фактическимъ большинствомъ представляемыхъ этой группою населеній. Основной государственный законъ о національной равноправности всѣхъ австрійскихъ народовъ перешелъ бы тогда изъ бумаги въ дѣйствительность, послѣ чего и задача поглощенія Австріи Гогенцоллернами постепенно отодвинулась бы въ неопредѣленную даль.

Это было бы первымъ значительнымъ успѣхомъ славянъ и румыновъ въ конституціонной Австріи. Уже одно соединеніе подавленныхъ народовъ къ общему дѣйствію, а еще болѣе надежда на его успѣхъ вдохнули бы въ эти народы новую жизнь, а черезъ то усилили-бы ихъ противодѣйствіе постепенному обезнароживанію и деморализаціи. Фактическое же проведеніе равноправности вызвало бы въ средѣ этихъ народовъ такое одушевленіе, которое немедленно отразилось бы на увеличеніи числа славянскихъ и румынскихъ депутатовъ въ рейхсратѣ, и даже въ земляхъ угорской короны вызвало бы благодѣтельный поворотъ въ настроеніи и положеніи славянъ и румыновъ. Въ первомъ отношеніи можно бы разсчитывать на присоединеніе къ національной программѣ представителей крупнаго землевладѣнія въ Чехіи, Моравіи и Слезіи, а затѣмъ на увеличеніе числа депутатовъ словинскихъ и особенно русскихъ, которые въ настоящее время вовсе отсутствуютъ въ рейхсратѣ. Съ другой стороны, успѣшное развитіе народовъ австрійскихъ пробудило бы инстинкты жизни въ ихъ угорскихъ соплеменникахъ, которые теперь дошли до полной безправности и апатіи, отказались отъ участія въ конституціонной жизни и сосредоточили свои надежды на международныхъ усложненіяхъ, долженствующихъ удовлетворить ихъ жажду мести

угнетателямъ. Этого рода поворотъ въ настроеніи угорскихъ народовъ вынудилъ бы правительство отказаться отъ своей террористической политики и преобразовать ее, примѣнительно къ требованіямъ полиглотнаго государства.

Стоитъ взглянуть на географическую карту габсбургской монархіи, чтобы оцѣнить важность такого союза чехославянъ съ прочими угнетенными нынѣ народами имперіи. Чехи непосредственно соприкасаются со словаками, эти съ русскими, послѣдніе съ румынами, а далѣе—съ сербами, хорватами и словенцами. Въ совокупности всѣ эти народы составляютъ болѣе 20 мил. д. и обхватываютъ кольцомъ съ сѣвера, востока и юга всю имперію, причемъ чехославяне образуютъ какъ бы голову этого громадного организма, русскіе его грудь, румыны и сербы—руки, а хорваты и словенцы—ноги. Всѣ эти части отлично бы дѣйствовали соединенными силами, по общей программѣ, такъ что господствующія нынѣ народности поневолѣ должны бы были удовлетвориться автономіей на своихъ, а не на чужихъ племенныхъ площадяхъ.

Вопросъ заключается слѣдовательно въ томъ, будутъ ли младочехи коснѣть въ своемъ противоестественномъ стремленіи изолировать $^3/_4$ чехославянскаго племени отъ прочихъ славянъ и румыновъ, или наоборотъ они возвратятся къ старой славянской программѣ чеховъ, которой держались еще въ кромѣрижскомъ рейхстагѣ Палацкій и Ригеръ * и на которой основано возрожденіе чешскаго народа?

Мы хотимъ надѣяться послѣдняго, ибо безплодная борьба за то, что никого не можетъ удовлетворить, способна каждаго привести въ отчаяніе. Вѣдь достаточно извѣстно и изъ парламентскихъ рѣчей и изъ печати, что нынѣшняя политика младочешскаго клуба и его ссылки на чешское историческое право ни мало не безпокоятъ нѣмцевъ, ибо они имѣютъ въ своихъ архивныхъ арсеналахъ гораздо болѣе подобныхъ заржавѣлыхъ доспѣховъ, и вовсе не боятся борьбы съ чехами на этомъ археологическомъ поприщѣ!

Но самое важное преимущество нѣмцевъ передъ чехославянами заключается въ томъ, что каждый австрійскій нѣмецъ, при всѣхъ

---

* Когда на этомъ рейхстагѣ львовскій епископъ Яхимовичъ держалъ одушевленную рѣчь о прежней силѣ и богатствѣ червонорусскаго народа и о безспорности его историческихъ правъ, вопреки притязаніямъ поляковъ, то д-ръ Ригеръ выразилъ желаніе, чтобы ораторъ избралъ точкою отправленія не времена прошедшія, а современность, потребности настоящаго. Какъ измѣнились съ тѣхъ поръ люди и убѣжденія!

своихъ мѣстныхъ особенностяхъ, сознаетъ себя органическимъ членомъ одного нѣмецкаго народа, объединеннаго кровью, историческими преданіями, общимъ языкомъ и общими культурными задачами. Это сознаніе доставляетъ австрійскимъ нѣмцамъ увѣренность въ конечномъ торжествѣ надъ осколками разбитаго славянства, при помощи нѣмецкаго правительства, нѣмецкой знати, нѣмецкой церкви и нѣмецкаго мѣщанства. Возможно ли думать, что, въ угоду дробнымъ партіямъ чешскаго сейма или клуба, австрійскіе нѣмцы отрекутся отъ своихъ вѣковыхъ притязаній, къ осуществленію которыхъ они теперь такъ приблизились, при содѣйствіи своихъ мадьярскихъ и польскихъ прислужниковъ!

Какъ бы то ни было, мы идемъ на встрѣчу серьезнымъ временамъ, когда старыя фикціи оказываются вредными; чешскія же угрозы прибѣгнуть къ репрессаліямъ ни мало не импонируютъ, ибо нѣмцы считаютъ свою тройную лигу, съ Германіей во главѣ, достаточно сильною, чтобы сломить противодѣйствіе чеховъ. Стоитъ лишь чехамъ присмотрѣться къ нынѣшнему угнетенію сербовъ, румыновъ и русскихъ въ габсбургской монархіи, чтобы понять причину полнѣйшаго равнодушія берлинскихъ политиковъ къ настроенію и желаніямъ чеховъ. Вѣдь нѣмцы знаютъ, что чехи не имѣютъ за границею столь близкихъ и смежныхъ государствъ, какъ Сербія, Румынія и Россія; знаютъ, что чехи связаны по рукамъ и ногамъ 3-хъ мил. населеніемъ Чехіи, Моравіи и Слезіи; знаютъ наконецъ, что въ пользу германизма тутъ работаетъ не только вѣнское правительство, но и феодальная знать и могущественная латинская церковь.

Какъ измѣнились бы дѣла, если бы вожди чехославянъ, узнавъ причину своихъ неудачъ, ополчились за права подавленныхъ народовъ Австро-Угріи, и потребовали бы соединенными силами фактическаго проведенія національной равноправности, обезпеченной основными государственными законами!

Ставъ во главѣ угнетенныхъ славянъ и румыновъ, вмѣсто того, чтобы плестись въ хвостѣ нѣмцевъ, мадьяръ и поляковъ, чехославяне получили бы значеніе не только во внутреннихъ, но и въ внѣшнихъ дѣлахъ имперіи; имъ досталась бы тогда вліятельная роль и при наступленіи предусматриваемыхъ великихъ переворотовъ въ Европѣ. При нынѣшнемъ же положеніи дѣлъ словаки представляются болѣе подготовленными къ этимъ переворотамъ, чѣмъ чехи, между которыми чуть ли не одинъ д-ръ Вашатый имѣетъ ясный взглядъ на важность переживаемой эпохи.

Года три тому назадъ, въ началѣ 1889 г., въ Люблянѣвы шла брошюра: «О политическихъ партіяхъ въ Чехіи» («Das Partei-

wesen der Slaven in Böhmen»). Въ этой замѣчательной и пророческимъ духомъ проникнутой брошюрѣ анонимный авторъ предсказалъ старочехамъ неминуемый упадокъ, за полнѣйшую зависимость отъ правительства и его польскихъ мамелюковъ. Предсказаніе это не замедлило исполниться. Но въ той же брошюрѣ разъяснено, что и младочешская партія не удержится на высотѣ своего положенія, если будетъ слѣдовать той же отжившей программѣ «историческихъ правъ» и не замѣнитъ ея новою, именно программою «національной равноправности». И это предсказаніе дѣйствительно сбудется, если младочешскіе депутаты будутъ и впредь игнорировать пробужденное славянское сознаніе народныхъ массъ. Сознаніе это очень ясно выражалось каждый разъ, когда въ парламентскомъ клубѣ младочеховъ возникали разногласія между др. Вашатымъ съ одной стороны, а Тильшеромъ, Герольдомъ, Массарикомъ и др. чешскими сепаратистами съ другой.

Но и независимо отъ этихъ принципіальныхъ недоразумѣній чехославянское дѣло сильно подрывается ожесточенными спорами между партіями старочеховъ, младочеховъ, а въ послѣднее время еще—реалистовъ. Эта борьба поглощаетъ значительную часть силъ чешской интеллигенціи, которая между тѣмъ даже въ совокупности едва достаточна для того, чтобы обезпечить національное существованіе чехославянъ. Въ этой борьбѣ вожди отдѣльныхъ партій забываютъ, что государственно-правовыя отношенія могутъ при благопріятныхъ условіяхъ улучшиться втеченіе немногихъ дней, тогда какъ утраченное народностью поле навсегда для нея пропадаетъ. Сколько новыхъ государствъ создано подъ Балканами втеченіе этого вѣка побѣдами русскихъ войскъ! Съ другой стороны—сколько древнихъ государствъ уничтожено успѣхами Пруссіи, хотя бы только въ одномъ 1886 г.! Ужели чехи думаютъ, что, получивъ возможность распоряжаться въ ихъ странѣ, Гогенцоллерны отнеслись бы съ большимъ уваженіемъ къ историческимъ правамъ Чехіи, чѣмъ Ганновера или Нассау?

Весьма отраднымъ представляется намъ то, что наряду съ тремя вышеозначенными чешскими партіями: старочешской, младочешской и реалистической, зарождается теперь между чехославянами четвертая, славянская національная партія, которая одушевляется идеалами Юнгмана, Шафарика, Коллара, Челяковскаго, Ганки, имѣетъ глубокіе корни въ народѣ и уже теперь располагаетъ отлично издаваемыми газетами какъ въ Чехіи, такъ и въ Моравіи. Правда, въ составѣ этой партіи мы находимъ менѣе людей съ высшимъ образованіемъ, чѣмъ въ прочихъ, но вѣдь это партія собственно народная, къ которой могутъ при-

мыкать лишь вполнѣ независимые и самостоятельные люди. Относительно богаче образованными людьми партія реалистовъ, которая зато не имѣетъ подъ собою народа, а слагается изъ одной интеллигенціи. Не мало людей съ высшимъ образованіемъ и въ средѣ старочешской партіи, къ которой примыкаетъ большинство чиновниковъ, почти все духовенство и высшая знать, а также преподаватели государственныхъ школъ, но въ народныхъ массахъ партія эта особенно сильна. Менѣе богата лицами съ высшимъ образованіемъ партія младочешская; она опирается главнымъ образомъ на мѣщанствѣ, вообще нанизшихъ слояхъ городского и лишь въ меньшей степени—сельскаго населенія. Быть можетъ этимъ и объясняется связь младочеховъ съ реалистами, въ средѣ которыхъ есть компетентные спеціалисты по разнымъ отраслямъ управленія.

Мы не считаемъ впрочемъ особеннымъ недостаткомъ національной партіи то, что въ ея рядахъ находится менѣе представителей интеллигенціи, чѣмъ въ прочихъ партіяхъ недочетъ количественный восполняется здѣсь перевѣсомъ качественнымъ, свободнымъ взглядомъ, твердымъ характеромъ и пламеннымъ патріотизмомъ приверженцевъ этой партіи. А этотъ патріотизмъ особенно необходимъ для лицъ славянскаго направленія, ибо оно въ габсбургской монархіи считается крайне опаснымъ панславизмомъ и даже родомъ государственной измѣны. Если несмотря на такія опасности между чехославянами оказывается все болѣе приверженцевъ идеи культурной взаимности съ прочими славянами, то въ этомъ выражается искренность убѣжденій приверженцевъ этой четвертой, все болѣе возрастающей партіи.

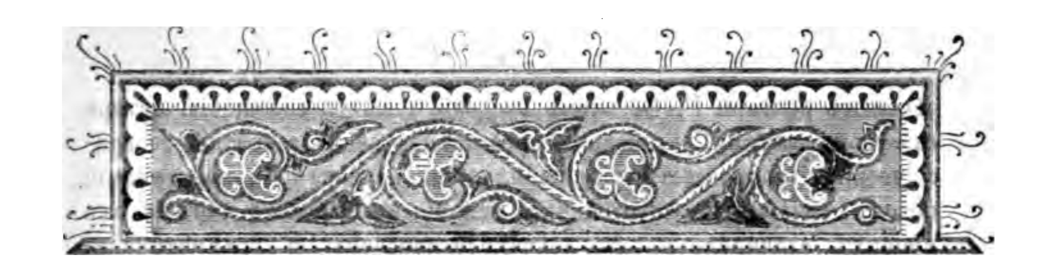
Заговоривъ о культурныхъ отношеніяхъ между славянами, мы должны остановиться здѣсь и на вопросѣ объ общемъ ихъ языкѣ. Настоятельность этого вопроса и для чехославянъ вызывается тѣмъ, что мѣстный чешскій діалектъ не въ состояніи бороться съ обще-нѣмецкимъ языкомъ въ области не только международныхъ сношеній, но также и въ спеціальныхъ отдѣлахъ науки и литературы. Чехославяне не имѣютъ недостатка въ спеціалистахъ и научныхъ работахъ: имъ недостаетъ только читателей и покупателей для подобныхъ сочиненій. Это заставляетъ авторовъ прибѣгать къ нѣмецкому языку въ своихъ изданіяхъ, даже изъ области славяновѣдѣнія, вслѣдствіе малой распространенности русскаго языка между учеными даже національнаго направленія. Въ такой же мѣрѣ глубоко укоренились въ чехославянскомъ обществѣ нѣмецкіе нравы, учрежденія и воззрѣнія, такъ что отдѣлаться отъ нихъ и возродиться въ славянскомъ духѣ составляетъ для него задачу,

требующую большого напряженія и самоотверженія. Въ пользу этого и ратуетъ съ особой настойчивостью народная чехославянская партія. Ея авторитетъ въ народѣ увеличивается и тѣмъ, что она одна совершенно свободна отъ первороднаго грѣха оппортунизма, который такъ силенъ въ прочихъ партіяхъ и такъ подрываетъ довѣріе къ нимъ населенія. Среди славянской партіи нѣтъ оппортунистовъ потому, что сильные міра въ Австріи съ наибольшимъ отвращеніемъ относятся именно къ славянизму и національзму. Во всякомъ случаѣ, число образованныхъ людей въ средѣ этой партіи довольно многочисленно для того, чтобы прояснять здравыя воззрѣнія народныхъ массъ, примѣнять ихъ къ дѣлу и охранять отъ искаженій. Вотъ почему мы думаемъ, что въ непродолжительномъ времени эта именно славянская народная партія призвана стать во главѣ не только чехославянъ, но и всѣхъ прочихъ угнетенныхъ народовъ габсбургской монархіи. Возможно и крайне желательно было бы конечно возсоединеніе этой новообразованной партіи съ младочешскою, еслибы вожди послѣдней освободились отъ оппортунистическихъ вліяній—польскихъ, мадьярскихъ, реалистическихъ — и сосредоточили бы свои усилія на охраненіи народнаго существованія чехославянъ и другихъ угнетенныхъ народовъ Австріи, путемъ проведенія національной равноправности и автономіи. Въ вопросахъ же внѣшней политики они должны стать на сторону др. Вашатаго. «Вся же прочая приложатся къ симъ.»

Такое соединеніе двухъ названныхъ партій не принадлежитъ къ числу невозможностей. Если же оно не совершится, то и въ такомъ случаѣ національная партія завоюетъ себѣ, хотя и нѣсколько позже, всеобщее признаніе. Во всякомъ случаѣ, въ періодъ ожидаемыхъ переворотовъ она станетъ во главѣ народнаго движенія и спасетъ то, что еще возможно будетъ спасти. Такимъ образомъ чешскій народъ не долженъ падать духомъ въ виду неудачъ, обусловленныхъ нынѣшнею превратною программою его вождей. Высоко-развитое народное самосознаніе чехославянскихъ народныхъ массъ служитъ порукою, что въ минуту развязки нынѣшняго кризиса славянская струя получитъ должный перевѣсъ; народъ воспрянетъ тогда, какъ во дни Меѳодія и Гуса, подъ знаменемъ славянской церкви, славянскаго языка и народности, и мужественно отразитъ напоръ германизма, поддержанный союзомъ съ прочими славянами, румынами и греками.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Срѣмецъ.



ВИКТОРЪ ИВАНОВИЧЪ ГРИГОРОВИЧЪ

ВЪ КАЗАНИ

(Библіографическій очеркъ)

(Окончаніе) *

12 августа 1847 года Григоровичъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены «Казанскаго общества любителей отечественной словесности», образовавшагося при университетѣ частно еще въ 1806 г., а съ 1814 г. утвержденнаго правительствомъ. На публичныхъ собраніяхъ Общества читались литературныя и ученыя статьи членовъ, отличавшіяся, за небольшими исключеніями, той консервативностью воззрѣній, которая и въ сороковыхъ еще годахъ идеалъ поэта видѣла въ Державинѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ въ Обществѣ еще въ 1815 г. поднимались и филологическіе вопросы, напр. о томъ, «какіе языки, когда, гдѣ и сколь большое вліяніе имѣли въ языкъ нашъ отечественный?» «Откуда взялся нашъ богатый и сильный библейскій языкъ?» или: «Языкъ библейскій и простой русскій одинъ и тотъ же или совершенно различные?» [63] Григоровичу предстояло сказать уже казанской публикѣ, а не только университетской аудиторіи, новое слово о новомъ для казанцевъ славянскомъ мірѣ и разрѣшить многіе назрѣвшіе вопросы. И вотъ 30 марта 1848 г. имъ была на собраніи прочтена статья «О среднемъ и новомъ болгарскомъ языкѣ, разсматриваемомъ сравнительно по древнимъ рукописямъ и народнымъ пѣснямъ», составляющая введеніе къ изданію болгарскихъ пѣсенъ, собранныхъ въ путешествіи по Румеліи, въ которой наиболѣе

---

* См. Слав. Обозрѣніе, кн. іюль—августъ, стр. 229—265.

[63] Казанскія Извѣстія за 1815 г., № 58.

обитаютъ болгары [64]. Въ этомъ введеніи (слѣдуя сообщенію автора газетной замѣтки) Григоровичъ представилъ сначала краткій географическій очеркъ мѣстности, занимаемой болгарами и хорутанами; потомъ изложилъ существенныя отличія болгарскаго нарѣчія отъ прочихъ славянскихъ въ лексикологическомъ и грамматикальномъ отношеніяхъ, и вліяніе на него другихъ языковъ—греческаго и валашскаго; затѣмъ представилъ краткую исторію болгарскаго языка, и, разобравъ мнѣнія Копитара и другихъ славянскихъ ученыхъ, старался доказать, что языкъ болгарскій началъ принимать въ довольно отдаленное время, можетъ быть съ XI в., тѣ грамматическія формы, въ какихъ онъ является нынѣ, и что поэтому всѣ отличія, характеризующія его въ семействѣ славянскихъ нарѣчій, не были слѣдствіемъ вліянія другихъ языковъ, хотя и не отвергаетъ онъ вліянія языка албанскаго. «Статья эта—продолжаетъ авторъ замѣтки—столь важная въ томъ отношеніи, что языкъ болгарскій, нынѣ почти всѣми учеными признаваемый за языкъ перваго перевода книгъ Библіи, сдѣланнаго Кирилломъ и Меѳодіемъ ...имѣлъ чрезвычайно сильное вліяніе на наше русское нарѣчіе—возбудила общее вниманіе и послужила поводомъ къ продолжительнымъ сужденіямъ членовъ Общества любителей словесности о грамматическихъ формахъ языковъ вообще [65].

[64] Казанскія Губ. Вѣдомости, 1848 г., № 15. Издатель хорватскаго журнала «Kolo», извѣстный Станко Вразъ, помѣстилъ въ IV и V кн. этого сборника за 1847 г. «Narodne pesme bugarske» изъ собранія В. И. Григоровича, съ замѣткою, что это собраніе самое богатое и самое важное, заключающее въ себѣ до 200 пѣсенъ, причемъ прибавилъ, что воспользовался рукописью Григоровича, составленною (по словамъ Григоровича) какимъ-то тринадцатилѣтнимъ Козьмою, родомъ изъ Галечника. И дѣйствительно, большинство изданныхъ пѣсенъ не изъ Румеліи, какъ говорится въ замѣткѣ Каз. Губ. Вѣдомостей, а съ болгарскаго запада. Въ бумагахъ Григоровича имѣется и собраніе собственноручно записанныхъ имъ болгарскихъ пѣсенъ. См. Викторова: Собр. рукописей В. И. Григоровича. М. 1879 г., стр. 52.

[65] Эта замѣтка, почти дословно предлагаемая здѣсь, какъ рефератъ о неизданной статьѣ Григоровича, завершается страннымъ прибавленіемъ, конечно выпесеннымъ не изъ чтенія Григоровича, и служащимъ прискорбнымъ доказательствомъ, что строго научныя изысканія Григоровича въ ту давнюю пору еще не находили готовой почвы для умѣлаго пользованія его открытіями и изслѣдованіями. «Такъ какъ древнѣйшими жителями нашей казанской губерніи были такіе же болгары, соплеменные болгарамъ дунайскимъ, нынѣ совершенно исчезнувшіе и оставившіе о себѣ память только въ развалинахъ своихъ городовъ... въ слѣдахъ крѣпостей... въ различныхъ урочищахъ... то мы полагаемъ сдѣлать пріятное читателямъ нашей газеты, сообщивъ здѣсь двѣ-три пѣсни болгарскія, какъ образчикъ или, вѣрнѣе, какъ напоминаніе языка, коимъ говорили первопоселенцы здѣшняго края:

Како бóсилк от що іе въ пáзуа, И іако се óвенет...» и т. д.

И референтъ сообщаетъ пять болгарскихъ пѣсенъ въ оригиналѣ и переводѣ.

Въ собраніи Общества 4 мая Григоровичъ прочиталъ «нѣкоторыя дополнительныя извѣстія о св. Кириллѣ и Меѳодіи, первопросвѣтителяхъ славянскихъ и изобрѣтателяхъ славянской грамоты». Въ этой статьѣ онъ говорилъ о «службахъ» Кириллу и Меѳодію, относимыхъ имъ къ XIII вѣку [66]. Въ нихъ, по мнѣнію Григоровича, было раскрыто отношеніе къ папамъ первоучителей. Апостольскіе труды послѣднихъ были первѣйшими побудительными причинами къ совершенному раздѣленію церквей въ половинѣ XI в. Между прочимъ Григоровичъ тогда же сообщилъ извѣстіе о присвоеніи русскимъ нарѣчіямъ перевода священнаго писанія, по Константину Костенчскому, изъ котораго и представилъ извлеченіе [67].

Въ засѣданіи Общества 20 октября Григоровичъ читалъ «Замѣчанія объ изученіи славянской филологіи, основанномъ на общихъ началахъ сравнительной филологіи». Въ этомъ чтеніи Григоровичъ старался познакомить слушателей съ тѣми воззрѣніями, какія онъ имѣлъ на взаимную связь всѣхъ славянскихъ нарѣчій, и объяснить, акимъ образомъ изученіе одного изъ нихъ можетъ служить пособіемъ и дополненіемъ къ изученію другого. Затѣмъ Григоровичъ прочиталъ въ оригиналѣ и переводѣ прологъ къ драмѣ Captislava, [68] написанной Дьономъ Пальмотичемъ.

---

[66] Итакъ еще задолго до изданія этого памятника (1862 г). Григоровичъ желалъ ознакомить съ нимъ казанскихъ слушателей; вскорѣ послѣ того темный до извѣстной степени текстъ былъ имъ комментированъ и уже въ 1852 г., приготовленъ былъ къ печати, но не напечатанъ непоеговинѣ (См. Древне-словянскій памятникъ, etc., стр. 25), между тѣмъ какъ та же духовная цензура допустила помѣщеніе статьи А. В. Горскаго «О древнихъ канонахъ св. Кириллу и Меѳодію» въ приб. къ изданію «Твореній св. отцевъ» за 1856 г. Такъ далеко отстояла, да и сейчасъ отстоитъ Казань отъ очага просвѣщенія!

[67] Каз. Губ. Вѣдомости, 1848 г, № 20. Издано сказаніе Константина Костенчскаго въ 1-й книгѣ Учен. Записокъ к. у-та за 1851 г. Отд. оттискъ: Статьи, касающіяся древняго словянскаго языка. Казань. 1852 г. 2+108 (на стр. 26—52: О трудахъ, касающихся др. словянскаго языка до М. Смотрицкаго). Только въ октябрѣ 1868 г. книга Григоровича попалась подъ руку Даничичу, который и издалъ въ 1869 г. въ первой книгѣ «Starine» трактатъ К. Костенчскаго о правописаніи.

[68] Каз. Губ. Вѣдомости, 1848 г. № 44. «Затѣмъ —по выраженію референта газеты—Григоровичъ прочиталъ въ оригиналѣ и переводѣ прологъ къ драмѣ Zawi—slawa (Цвѣтислава), соч. Палмотичемъ, извѣстнымъ рагузскимъ авторомъ двухъ поэмъ: Возобновленный Дубровникъ и Крестовка.» Очевидно референтъ невнимательно отнесся къ дѣлу, такъ какъ смѣшалъ двоихъ Палмотичей—Дьона и Якету (Діонорича), изъ которыхъ первому дѣйствительно принадлежитъ драма Captislava и поэма Kristiada, а поэма Dubrovnik ponovljen,

Декабря 28 того же года Григоровичъ, уже считавшійся профессоромъ московскаго университета, о чемъ будетъ сказано ниже, прочиталъ въ засѣданіи Казанскаго общества любителей словесности статью «О глаголитѣ». Открытіе глаголитскихъ письменъ во многихъ мѣстахъ, гдѣ доселѣ и не подозрѣвалось ихъ существованіе (по словамъ референта губернской газеты), заставляетъ Григоровича думать о повсемѣстномъ распространеніи этой азбуки, и онъ даже предполагаетъ, что при тщательнѣйшихъ изслѣдованіяхъ кургановъ, можетъ быть, откроются въ Россіи глаголическіе памятники древнѣе всѣхъ извѣстныхъ донынѣ, и послужатъ къ окончательному разрѣшенію вопроса о древности обѣихъ азбукъ. Замѣчая, что глагольскія рукописи преимущественно относятся къ древнѣйшему болгарскому нарѣчію, онъ думаетъ также, что открытіе такихъ памятниковъ не сдѣлается ли въ предѣлахъ казанской губерніи, гдѣ нѣкогда существовало болгарское царство, въ развалинахъ столицъ котораго доселѣ искали однѣхъ монетъ и не заботились о другихъ находкахъ [69].

18 января 1849 г. Григоровичъ продолжалъ чтеніе своихъ «разысканій о глаголитѣ». Онъ высказалъ мнѣніе, что св. Меѳодій первый началъ греческими буквами выражать славянскіе звуки, а св. Кириллъ въ Херсонѣ нашелъ глаголицу. Сходство глагольскихъ буквъ съ самаританскими Григоровичъ объяснялъ заимствованіемъ ихъ у хазаровъ. Хазары сосѣдили съ славянами и, будучи послѣдователями іудейской вѣры и имѣя еврейскую азбуку, могли сообщить нѣкоторые еврейскіе знаки для азбуки славянской глаголитской [70].

Какъ выше было замѣчено, въ декабрѣ 1848 г. Григоровичъ, живя еще въ Казани, былъ уже профессоромъ московскаго университета, сдѣлавшись нежданно-негаданно замѣстителемъ каѳедры

еще неизданная въ то время, написана была Пальмотичемъ—Діонорпчемъ. Григоровичъ, знакомый съ книгою Аппендини, на которую онъ ссылался еще въ своемъ первомъ печатномъ трудѣ (Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ, стр. 45), не могъ сдѣлать такой грубой ошибки.

[69] Каз. Губ. Вѣдомости, 1849 г., № 1. И въ этомъ рефератѣ чуется что-то недоговоренное, или перепначенное, такъ какъ Григоровичъ, знакомый съ источниками и пособіями по исторіи болгаръ, вѣроятно, иначе редактировалъ бы свою мысль о поискахъ глаголицы на востокѣ Руси. Какъ Григоровичъ смотрѣлъ на болгаръ, можно видѣть изъ его магистерской диссертаціи, вышедшей въ 1843 г. (стр. 33—34) и изъ послѣдующихъ трудовъ, о которыхъ будетъ рѣчь впереди.

[70] Каз. Губ. Вѣдомости, 1849 г., № 8.

Бодянскаго. Оба профессоры южноруссы на себѣ испытали правду южнорусской пословицы: паны скубуться, а у мужиковъ чубы болять. Дрязги, которыхъ не чуждались великіе въ тогдашней ученой іерархіи Уваровъ и Строгоновъ, были причиною перемѣщенія Григоровича въ Москву, а Бодянскаго въ Казань, о чемъ министръ просвѣщенія 28 октября 1848 г. и извѣстилъ попечителя казанскаго учебнаго округа. Но Бодянскій не пожелалъ разстаться съ Москвой, и 2 января 1849 г. былъ Высочайше уволенъ отъ службы, а Григоровичъ очень радъ былъ промѣнять царство керемети на первопрестольную столицу Руси, обладавшую многочисленными сокровищами древнеславянскаго слова. Скромный ученый, уважаемый и сослуживцами и студентами и обязанный извѣстное число лѣтъ прослужить въ Казани, едва-ли попалъ бы въ Москву, гдѣ въ ту пору сильнѣе чѣмъ когда либо зашевелились идеи и о славянствѣ, хоть въ образѣ такъ называемаго славянофильства.

Москва и ея литературные органы той поры «Москвитянинъ» и особенно «Московскіе Сборники» 1846 и 1847 года, а равно и валуевскій «Сборникъ.... свѣдѣній о Россіи и народахъ ей единовѣрныхъ и единоплеменныхъ» (1845 г.) уже громко говорили о значеніи славянства, какъ жизненной стихіи въ русской исторіи. Но администрація казанскаго округа, или не желая такъ скоро лишиться достойнаго ученаго, или имѣя въ виду возможность перемѣнъ въ высшей администраціи по просвѣщенію, высказывала оффиціально «опасеніе, что каѳедра славянскихъ нарѣчій, основавшаяся недавно, надолго останется не занятою», и заявляла открыто глубокоосновательную мысль, впослѣдствіи забываемую, о «важности изученія славянскихъ нарѣчій для основательнаго знанія языка отечественнаго». Попечитель казанскаго округа 8 марта 1849 г. сообщилъ университету, «что для московскаго университета не будетъ существенной потери, если г. Григоровичъ начнетъ свое преподаваніе не въ половинѣ гражданскаго, а въ началѣ слѣдующаго учебнаго года. Это побуждало Мусина-Пушкина обратиться къ министру народнаго просвѣщенія съ просьбою: оставить Григоровича при казанскомъ университетѣ до конца наступившаго семестра. Министръ предложилъ попечителю казанскаго учебнаго округа войти по этому вопросу въ сношеніе съ попечителемъ московскаго округа, и Голохвастовъ, «имѣя въ виду, что отъ начала текущаго семестра прошло уже довольно времени, такъ что пріѣздъ Григоровича въ Москву на нѣсколько недѣль, остающихся въ (томъ) академическомъ году, не доставивъ никакой пользы для университета московскаго, повредилъ бы только безъ нужды слушателямъ его въ казанскомъ университетѣ, съ своей стороны не на-

ходилъ препятствія къ исполненію желанія Мусина-Пушкина, на оставленіе Григоровича въ Казани до окончанія текущаго учебнаго года, о чемъ и сообщаетъ еще 20 февраля».

Къ началу 1849—1850 академическаго года Григоровичъ былъ уже въ Москвѣ.[71] Онъ былъ встрѣченъ весьма сочувственно всѣми молодыми учеными, посвящавшими себя изученію славянства. Въ числѣ ихъ были извѣстные впослѣдствіи ученые—Безсоновъ, Гильфердингъ и Новиковъ. Послѣдній изъ нихъ, между прочимъ, диспутировалъ съ Григоровичемъ, защищая свою магистерскую диссертацію «Объ особенностяхъ лужицкихъ нарѣчій» (М., 1849 г.).[72] Но уже 22 декабря того же года Бодянскій снова былъ «опредѣленъ» профессоромъ славянской филологіи въ московскій университетъ, а и. д. экстраординарнаго профессора Григоровичъ снова перемѣщался, по волѣ администраціи, въ Казань, но «въ вознагражденіе за независящія отъ него неудобства переѣзда изъ Казани въ Москву и обратно въ Казань, назначался уже и. д. ординарнаго профессора».

Возвратясь въ Казань, Григоровичъ продолжалъ обработку и обнародованіе прежде собранныхъ имъ матеріаловъ. 6 марта 1851 г. онъ прочиталъ въ Обществѣ любителей словесности «О нѣкоторыхъ сербскихъ стихотвореніяхъ XVIII ст., имѣющихъ отношенія къ событіямъ царствованій Петра I и Екатерины II». «Статья эта, при всей краткости, вполнѣ раскрывала слушателямъ то сочувствіе единокровныхъ и единовѣрныхъ сербовъ, которое они постоянно оказывали и оказываютъ къ подвигамъ русскихъ царей. Одно изъ этихъ стихотвореній, по времени сочиненія, относящееся къ началу царствованія Петра, поразительно своимъ духомъ предвидѣнія», говоритъ референтъ губернской газеты: «поэтъ съ восторгомъ смотритъ на юнаго русскаго царя и говоритъ, что онъ прославитъ свое отечество на поприщахъ гражданскомъ и военномъ, что вмѣстѣ съ нимъ начинается для Россіи и для сербовъ новая заря...[73] Другія стихотво-

---

[71] Преподаваніе славянской филологіи въ казанскомъ университетѣ было поручено А. И. Соколову.

[72] Диссертація разрѣшена къ печатанію 15 сентября 1849 г.

[73] Казанскія Губ. Вѣдомости, 1851 г., № 12. Референтъ не приводитъ имени поэта, но, вѣроятно, Григоровичъ указывалъ на Витезовича, издавшаго въ 1710 г. Geniticon sive fatum ex nominibus serenissimi, potentissimi invictissimique principis ac domini domini Petri Alexievich Moscorum Imperatoris, etc. См. перепечатку этого произведенія, сдѣланную П. А. Лавровскимъ во 2 кн. Чтеній М. Общества Исторіи, за 1862 годъ.

ренія воспѣваютъ подвиги Румянцева-Задунайскаго и прочихъ дѣятелей временъ Екатерины, прославившихся въ турецкія войны».

Въ томъ же году появились два замѣчательнѣйшіе труда Григоровича, въ которыхъ ярче, чѣмъ въ остальныхъ, высказывались его убѣжденія, выработавшіяся продолжительными неутомимыми изслѣдованіями въ области славянскаго слова.

17 сентября 1851 г., въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія Ширинскаго-Шихматова, Григоровичъ изложилъ предъ университетской аудиторіей свои мысли «О древней письменности славянъ». Такъ какъ взглядъ Григоровича на этотъ вопросъ извѣстенъ большинству людей, не чуждыхъ славянской письменности, то достаточно будетъ вкратцѣ повторить одни выводы, впервые затѣмъ появившіеся въ печати. О чемъ только отрывочно сообщалъ Григоровичъ публично въ засѣданіяхъ Общества любителей словесности [74], то съ возможной основательностью въ системѣ излагалъ въ этой лекціи. Предоставляя себѣ представить эти выводы Григоровича ниже, укажемъ предварительно на второй трудъ его, на «Рѣчь о значеніи церковно-словянскаго языка», произнесенную въ торжественномъ собраніи Общества любителей отечественной словесности 20 сентября того же 1851 г., въ присутствіи министра народнаго просвѣщенія [75].

Никто ни до него, ни послѣ него не высказывалъ по этому вопросу столько живыхъ мыслей объ этомъ мертвомъ языкѣ, какъ привыкли называть его; никто такъ глубоко не проникалъ въ сущность и значеніе просвѣтительной рѣчи славянина. Въ церковно-славянскомъ языкѣ Григоровичъ видѣлъ «начало духовнаго единства, скрѣпившаго разрозненныя племена; но не подавляя нарѣчій, этотъ языкъ, по выраженію Григоровича, былъ представителемъ ихъ древнѣйшаго образованія. Предоставляя выраженіе частныхъ потребностей каждому нарѣчію, онъ общилъ племена, разрозненныя въ пространствѣ. Съ этой точки зрѣнія—говорилъ Григоровичъ—можно утверждать, что какъ во всѣхъ народахъ, такъ и въ русскомъ не внѣшняя сила, не привычка, но внутренняя потребность заставляла племена, проникавшіяся невѣдомымъ стремленіемъ къ просвѣщенію, удерживать въ письменности языкъ, котораго характеръ не подчинялся всѣмъ современнымъ измѣненіямъ. Нынѣ, когда уяснено въ значительной

---

[74] Общество издало только 1 книжку своихъ «Трудовъ», вышедшую въ Казани, въ 1815 году. Протоколы засѣданій тоже не печатались, а потому интересующіеся чтеніями въ Обществѣ поневолѣ должны ограничиваться не всегда точными сообщеніями референта губернской газеты о засѣданіяхъ Общества.

[75] Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка. Казань. 1852, стр. 1—25.

степени его органическое развитіе, когда вполнѣ дознана послѣдовательность въ звукахъ и формахъ, въ памятникахъ, близкихъ ко временамъ свв. Кирилла и Меѳодія, каждый славянинъ съ удивленіемъ находитъ начала родныхъ своему нарѣчію стихій. И этотъ его характеръ достоинъ особеннаго вниманія. Какъ древнѣйшій изъ славянскихъ нарѣчій, рано возведенный до письменности, онъ сохранилъ болѣе свойствъ кореннаго языка. Не бывъ именно коренным, первообразомъ, церковно-славянскій языкъ заключаетъ главныя условія разнообразія нарѣчій въ звукахъ и формахъ, и потому, сближаясь съ каждымъ, онъ то оправдываетъ ихъ отличительные признаки, то даже способствуетъ къ раскрытію въ нихъ первообразнаго. Такимъ образомъ поясняя всѣ славянскія нарѣчія, и поясняясь ими взаимно, заставляетъ болѣе цѣнить то, что кажется намъ по свойству русскаго языка заимствованнымъ или испорченнымъ въ нихъ, и служитъ къ опредѣленію самостоятельности каждаго. Замѣчательно, что живыя славянскія нарѣчія другъ друга исключали, не признавали правильности формъ своихъ до тѣхъ поръ, пока церковно-славянскій языкъ, раскрытый въ древнѣйшихъ памятникахъ, не объяснилъ отдѣльной организаціи каждаго, доказавъ необходимость свойствъ ея. Расходясь параллельно, славянскіе языки никогда бы можетъ быть не были изучаемы по извѣстнымъ прочнымъ правиламъ безъ познанія полнаго состава древняго славянскаго языка».

Въ этой рѣчи высказались всѣ убѣжденія Григоровича о значеніи органа южно-славянской письменности, изученной имъ по непосредственнымъ матеріаламъ, изъ которыхъ многіе открылъ самъ Григоровичъ. На основаніи такихъ матеріаловъ имъ приготовлено было къ печати и изслѣдованіе о древности глаголицы сравнительно съ кирилловскимъ алфавитомъ. Эта самая мысль и была высказана Григоровичемъ на лекціи, 17 сентября. «Два обстоятельства—говорилъ Григоровичъ — представляются каждому познающему словесность, внушенную возвышенною потребностью словянскаго богослуженія: 1) связь литературы съ существенною потребностью словянскихъ народовъ, и 2) возникновеніе отсюда необыкновенно усиленной литературной дѣятельности, давшей обиліе памятниковъ. Изъ соображенія этихъ обстоятельствъ, не умаляя значенія Кирилла и Меѳодія, возможно было предположеніе, что славянская письменность могла существовать гораздо прежде ихъ появленія. Это доказываютъ самые успѣхи литературы IX вѣка, которые необъяснимы безъ предварительныхъ, можетъ быть, долговременныхъ попытокъ въ письменности вообще». Эти соображенія склоняли нашего ученаго къ мнѣнію, что одинъ изъ алфавитовъ славянскихъ возникъ гораздо прежде другого; а за древнѣйшій онъ принималъ глаголицу.

Выражая утвердительно свое убѣжденіе, онъ сознавался, что далеко не въ силахъ былъ доказать такое положеніе совершенно ученымъ образомъ. Сопоставивъ взгляды Добровскаго, Копитара, Прейса, державшагося мнѣнія Добровскаго, и Срезневскаго, признававшаго вообще древность глаголицы, Григоровичъ сообщилъ и свои доводы въ пользу старѣйшинства глаголицы. Главнѣйшими изъ нихъ, по словамъ Григоровича, были слѣдующіе: 1) Пополненіе кириллицы глаголическими знаками безъ соблюденія одинаковости значенія. 2) Древнія названія буквъ получаютъ объясненіе изъ примѣненія къ глаголическимъ. Напр. ь (ерь)=глагол. ь (=ꙑ), ⰺ=ⰰ (а) + ь (=і, є); кирил. ѧ=ѧ сходно съ глагол. ѧ (ⰺ). 3) Извѣстно, что унціальныя (капительныя) буквы древнѣе курсива; а въ кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчаются унціальныя буквы—глаголическія. Напр. въ псалтири Погодина и въ рукописи словъ Св. Григорія Богослова, находящейся въ петербургской публичной библіотекѣ. 4) Въ греческихъ и славянскихъ кирилловскихъ рукописяхъ встрѣчаются глаголическія вставки и приписки, доказывающія, что глаголица была обычнымъ письмомъ у большого количества славянъ. Такъ на греческой грамотѣ иверскаго монастыря встрѣчена была глаголическая подпись, принадлежавшая X вѣку, по свидѣтельству арх. Порфирія, и проч. Самимъ Григоровичемъ открыта кирилловская рукопись апостола, въ которой двѣ страницы писаны вполовину по-кирилловски, вполовину по-глаголически. 5) Палимпсестъ глаголическій, писанный кириллицею. Рукопись Евангелія, открытая Григоровичемъ въ Боянѣ, въ Болгаріи. Языкъ стертаго письма, судя по одной уцѣлѣвшей строкѣ—древнѣйшій. 6) Распространенность глаголицы, судя по памятникамъ, открытымъ Григоровичемъ. 7) Встрѣчается много рукописей кирилловскихъ, списанныхъ съ глагольскихъ.

Вотъ соображенія въ пользу старѣйшинства глаголицы, хотя онѣ и не рѣшали вопроса, по выраженію самого Григоровича. Послѣ всѣхъ доказательствъ, приведенныхъ сейчасъ, Григоровичъ пришелъ къ такому выводу: глаголица существовала до Кирилла; Кириллъ уже нашелъ ее, а Меѳодій (можетъ быть вмѣстѣ съ Кирилломъ) послѣ обратилъ ее и греческій алфавитъ въ славянскую азбуку (кирилловскую). Въ рукописи Апостола, открытой Григоровичемъ въ Охридѣ, встрѣтилось указаніе, что Св. Меѳодій «прѣложи въскресъ наставлъ ѳати ѿ гречьска въ Словѣнскъ ѩзыкъ» [76]. Въ древнихъ

[76] Какъ осторожно слѣдуетъ относиться къ рефератамъ губернской газеты о выводахъ Григоровича, сообщенныхъ имъ въ засѣданіяхъ Общ. любителей

службахъ свв. Кириллу и Меѳодію, послѣдній названъ былъ «обратникомъ святымъ буквамъ». Отсюда Григоровичъ заключалъ, что Меѳодій сталъ первый писать греческими буквами славянскій языкъ. Св. Кириллъ не сталъ писать съ греческаго. Если это такъ, то остается заключить, что онъ писалъ особенными буквами. Въ Паннонскомъ житіи св. Кирилла говорится, что онъ прежде отправленія въ Моравію былъ въ Херсонѣ и тамъ «обрѣлъ евангеліе и псалтирь писанныя Роушкими письменами». Это мѣсто житія Григоровичъ объяснялъ въ пользу глаголицы, найденной св. Кирилломъ [77].

Открытіе и мысль Григоровича тогда же были по достоинству оцѣнены Шафарикомъ въ его статьяхъ о глагольской письменности, вышедшихъ немедленно въ свѣтъ по обнародованіи изслѣдованія Григоровича. «Первая часть Копитарова ученія—писалъ Шафарикъ — а именно, что глаголица значительно древнѣе, нежели полагалъ Добровскій,—получила окончательное подтвержденіе отъ путешествія по Турціи (1844 — 1845) и обнародованія нѣкоторыхъ важныхъ глаголическихъ памятниковъ профессора казанскаго университета Григоровича и архимандрита Порфирія Успенскаго» [78]. Вмѣстѣ съ этимъ Шафарикъ воспользовался извѣстіемъ изъ краткаго житія св. Климента, открытаго Григоровичемъ, въ которомъ говорилось, что «Климентъ изобрѣлъ и иные знаки письменъ яснѣйшіе, нежели тѣ, которые были изобрѣтены мудрымъ Кирилломъ», построивъ на немъ новую теорію о глаголицѣ. Изобрѣтателемъ ея Шафарикъ назвалъ св. Климента болгарскаго, говоря, что онъ, по примѣру нѣкоторыхъ восточныхъ народовъ, имѣющихъ двоякія, простыя и священныя письмена, вздумалъ дать своимъ болгарамъ, имѣвшимъ уже кириллицу или греческое письмо, священныя письмена. Шафарикъ при этомъ ссылался на иное открытіе Григоровича. Это открытіе состояло въ томъ, что Григоровичъ въ бытность свою въ Охридѣ нашелъ греческое евангеліе X в., на которомъ съ боку написано

словесности, видно уже изъ того, что въ № 1 газеты 1849 г. говорится, что по заключенію Григоровича, Кириллъ св. писаніе только первый началъ писать греческими буквами, а въ № 8 газеты говоритъ, что Меѳодій первый началъ греческими буквами выражать славянскіе звуки.

[77] О древней письменности славянъ. Ж. М. Н. Пр. 1852 г., № 3.

[78] Pohled na prvověk hlaholského písemnictví. Časop. Č. M. 1852, sv. II, стр. 83—84.

было девять буквъ, подобныхъ глаголическимъ, съ припиской ἱεροῖς χαρακτῆρσι [79]. Какъ въ этой статьѣ Шафарика, такъ и въ переработкѣ ея, изданной въ слѣдующемъ году, Шафарикъ безпрестанно въ своихъ положеніяхъ опирался на открытія Григоровича. Въ «Памятникахъ глагольской письменности», изданныхъ Шафарикомъ, уже приведены были и отрывки изъ глаголическихъ рукописей Григоровича въ ихъ оригинальномъ видѣ [80]. Впрочемъ и до обнародованія этого труда Шафарикъ неоднократно пользовался рукописями Григоровича, въ своемъ изданіи древнихъ славянскихъ памятниковъ [81].

Одновременно съ новымъ мнѣніемъ о древности глаголицы Григоровичъ напечаталъ статью: «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской литературы» [82]. Въ ней онъ опредѣлялъ взаимное отношеніе древнихъ памятниковъ и ихъ характеръ, раздѣливъ ихъ на семь разрядовъ, на основаніи формальныхъ и палеографическихъ особенностей. До него принималось обыкновенно три или четыре разряда, или рецензіи: болгарская, древнѣйшая, затѣмъ сербская, и наконецъ позднѣйшая — русская. Онъ же, въ разрѣзъ ходячимъ мнѣніямъ, высказалъ оригинальную, но вполнѣ вѣрную мысль, что русская рецензія образовалась уже въ XI в., и что сербская могла возникнуть только въ концѣ XII или началѣ XIII вѣка. Дѣленіе рукописей по внѣшнимъ признакамъ Григоровичъ сопоставлялъ съ возникновеніемъ церкви у славянъ православныхъ: а) церковь охридская (архіепископатъ болгарскій, въ IX в.); б) ц. кіевская (митрополія въ XI в.); в) ц. терновская (патріархатъ съ начала XII в.); ц. ипекская (архіепископатъ, съ XII и патріархатъ сербскій, съ XIV в). Въ первый разрядъ памятниковъ Григоровичъ, согласно своимъ изысканіямъ, ставилъ, разумѣется, древнѣйшіе глаголическіе памятники; а супрасльскую рукопись, только что изданную тогда Миклошичемъ, и огласительныя поученія Кирилла іерусалимскаго, открытыя самимъ Григоровичемъ, онъ относилъ къ древнѣйшимъ памятникамъ второго разряда. Послѣдній памятникъ, открытый Григоровичемъ на Аѳонѣ въ монастырѣ хиландарскомъ «въ хламѣ темнаго монастырскаго подвала», къ сожалѣнію состоялъ только изъ двухъ по-

---

79 Ibid., 97—98.

80 Památky hlaholského písemnictví. V Praze. 1853, стр. 47—50, 54.

81 Напр. «Законникомъ Душана въ «Památky dřevniho písemnictví jihoslovanův». Praha. 1851. Грамота Стефана Уроша (1327 г.), грамота Іоанна Асѣня (1347 г.), Іоанна Шишмана—(1356—1392 г.), во 2 изданіи книги «Památky dřevniho pisemnictvi jihoslovanův». V Praze. 1873 г.

82 Извѣстія II Отд. Академіи Наукъ. Т. I, стр. 86—99.

*

порченныхъ листковъ; Григоровичъ издалъ его съ греческимъ текстомъ и филологическимъ комментаріемъ [83]. Въ заключеніе статьи нашъ ученый напечаталъ «Похвалу Петру царю болгарскому» († 966), какъ образецъ рукописей пятаго разряда. Вновь предложенное дѣленіе древнихъ славянскихъ рукописей на разряды Григоровичъ «основывалъ на наблюденіяхъ, повѣряемыхъ небольшимъ собраніемъ рукописей, находящихся въ его библіотекѣ». Въ примѣчаніяхъ къ этой статьѣ Востоковъ и Срезневскій представили и свои соображенія о нѣкоторыхъ рукописяхъ, цитированныхъ Григоровичемъ, но не опровергали новой мысли нашего ученаго.

Два послѣдніе труда Григоровича въ 1852 г. были помѣщены и въ сборникѣ его «Статей, касающихся древняго словянскаго языка». Въ этотъ сборникъ вошли еще слѣдующія важныя для науки изслѣдованія. Во первыхъ: «О трудахъ, касающихся древняго славянскаго языка до М. Смотрицкаго». Въ этой статьѣ нашъ ученый проводилъ мысль, что «славянскій языкъ не безсознательно переходилъ отъ поколѣнія къ поколѣнію, отъ народа къ народу», что «измѣненія, встрѣчающіяся въ рукописяхъ, вводимы были обдуманно, съ намѣреніемъ усовершенствовать изображеніе славянскихъ звуковъ», какъ видно изъ легенды о Климентѣ. Вслѣдствіе заботливости объ исправленіи книгъ со стороны Іоакима и Евѳимія (XIII—XIV), патріарховъ болгарскихъ, такъ называемые тръновскія рецензіи сдѣлались образцами для послѣдующихъ, давшихъ такъ называемую среднеболгарскую рецензію древне-славянскихъ рукописей. Русскіе люди, у которыхъ образовалась своя рецензія, допускали и иные способы писанія. Въ доказательство этого Григоровичъ привелъ старинные грамматическіе сборники, въ которыхъ между прочимъ нашелъ и объясненіе загадочныхъ юсовъ [84]. Въ числѣ сербскихъ трудовъ по древне-славянской грамматикѣ Григоровичъ привелъ трактатъ Константина Костенчскаго, писателя первой половины XV вѣка. Въ Болгаріи посчастливилось нашему ученому открыть въ двухъ неполныхъ спискахъ его любопытное сочиненіе о славянской грамотѣ, которое съ примѣчаніями своими и издалъ Григоровичъ [85]. Ученые сербо-хорваты не знали объ этомъ изданіи и только въ послѣднее

[83] Издано въ «Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ». Томъ I, стр. 90—95. и въ книгѣ «Статьи, касающіяся древняго словянскаго языка». Стр. 80—89. Отдѣльно былъ изготовленъ литографическій снимокъ съ одной страницы текста.

[84] Стр. 30. Чрезъ три года послѣ обнародованія этого извѣстія о юсахъ въ «Извѣстіяхъ Отд. Академіи Наукъ» снова заново сообщалось о томъ же. Т. IV, стр. 257.

[85] Статьи,—стр. 36—52.

время, познакомившись съ изслѣдованіемъ Григоровича, издали и по своимъ спискамъ трактатъ Константина Костенчскаго [86]. Въ томъ же сборникѣ своихъ статей Григоровичъ помѣстилъ «Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей, писанныхъ на древне-славянскомъ языкѣ». Въ немъ заключается списокъ словъ, пропущенныхъ въ изданіи Миклошича: Lexicon linguae slovenicae, или имѣющихъ значенія, не указанныя знаменитымъ лексикографомъ.

Въ 1854 г. Григоровичъ издалъ «Посланіе митрополита Іоанна II» [87] къ папѣ Клименту III-му». Посланіе это было извѣстно уже изъ изданія Калайдовича: «Памятники Россійской Словесности XII в.», подъ заглавіемъ: «Посланіе митрополита Іоанна къ папѣ Александру III» [88]. Калайдовичъ, издавшій это посланіе въ славяно-русскомъ переводѣ, не зналъ—на греческомъ или латинскомъ языкѣ писалъ митрополитъ Іоаннъ, IV по его мнѣнію. Уже Неволинъ [89] доказывалъ, что это посланіе могло быть писано только Іоанномъ II и папѣ Клименту III, а стало быть должно относиться къ памятникамъ XI в. Григоровичъ открылъ греческій оригиналъ посланія въ рукописи ранѣе XIII ст., принадлежавшей иверскому монастырю на Аѳонѣ. Печатая этотъ текстъ вмѣстѣ съ переводомъ, изданнымъ Калайдовичемъ, нашъ ученый свѣрялъ его съ оригиналомъ, измѣнилъ отчасти интерпункцію, чѣмъ осмыслилъ темныя мѣста; возстановилъ орѳографію церковныхъ памятниковъ русской рецензіи, и снова заявилъ объ ея древности, восходящей къ XI вѣку. Если оправдается это, замѣтилъ Григоровичъ, то изслѣдованіе памятниковъ «русской рецензіи, грамматическое и лексикальное, должно составить особый отдѣлъ въ исторіи церковно-славянскаго языка, обѣщающій обильные предметы для наблюдательности». Этотъ послѣдній трудъ былъ изданъ Григоровичемъ въ то время, когда народы крайняго Запада, «эти передовые стражи міровой цивилизаціи», ополчились на Русь, боровшуюся съ Турціей, когда парижскій архіепископъ, проповѣдуя крестовый походъ противъ руссовъ, говорилъ, что «истинная причина къ этой войнѣ, причина святая, угодная Богу, есть необходимость отогнать ересь Фотія, укротить, сокрушить ее; что такова признанная цѣль этого новаго крестоваго похода, и что такова же была скрытая цѣль и всѣхъ прежнихъ крестовыхъ походовъ, хотя участвовавшіе въ нихъ и не признава-

[86] Starine. Кн. 1. Zagreb. 1869, стр. 1—43.

[87] Ученыя Записки II Отд. Академіи Наукъ. Кн. 1. Спб. 1854.

[88] Памятники Россійской Словесности XII вѣка, изданные Калайдовичемъ. Москва. 1821, стр. 209—222.

[89] Извѣстія II Отд. Академіи Наукъ. Т. II, стр. 95—101.

раторъ, встревоженный могуществомъ Османовъ, не видя у себя помощи, рѣшился искать ея у чужихъ. Съ этого времени начинается рядъ событій, въ которыя постепенно вовлечены были всѣ народы, окружавшіе Византію... Между тѣмъ какъ уже въ самой Византіи образовалась значительная партія туркофиловъ, мысль о томъ, чьей искать помощи, раздѣлила византійцевъ на двѣ стороны, славянскую и латинскую. Тѣ, которые предпочитали помощь болгаръ и сербовъ, утверждали, что эти народы единовѣрны, близкіе по мѣсту и отношеніямъ и въ опасности Византіи видятъ собственную опасность. Но совѣту такому, предложенному, кажется, духовенствомъ, возражали люди давно знакомые съ феодальнымъ направленіемъ Европы. Увлеченные космополитизмомъ, они усиливались сблизить Византію съ латинскою Европою въ гражданскомъ и духовномъ отношеніяхъ и, обличая вражду свою къ славянамъ, утверждали, что славяне рады пользоваться бѣдствіями Византіи, ненавидятъ ее и скорѣе рѣшатся сами терять, лишь бы она страдала; притомъ—славяне бѣдны и не привыкли къ дальнимъ предпріятіямъ, тогда какъ западные народы богаты, предпріимчивы, а рыцари ихъ пылаютъ желаніемъ прославиться подвигами. Эти цивилизированные греки были проводниками феодальной политики и вмѣстѣ съ нею владычества папъ.

Среди приверженцевъ славянъ и латинянъ партія туркофиловъ, усилившаяся около 1370 г., ожидала только случая, чтобы воспользоваться неудачами той или другой стороны. Привыкши по частнымъ своимъ сношеніямъ съ Османами къ ихъ образу жизни, она сулила себѣ выгоды отъ подчиненія владычеству ихъ и желала бы даже предать имъ Царьградъ на условіяхъ. Какъ истинные византійцы, туркофилы ласкали себя надеждою наслаждаться прочнымъ миромъ подъ защитою Османовъ и равнодушно взирая на отчужденіе городовъ и областей, убѣждены были, что личные, самолюбивые ихъ интересы не пострадаютъ, измѣнится только названіе защитниковъ. Такое безвѣрье въ прочность своего отечества, рано проникнувъ знатныхъ грековъ, обласканныхъ султанами, было зловѣщимъ знакомъ несчастныхъ отношеній сербовъ къ Византіи.

Взвѣсивъ совѣты этихъ трехъ партій, императоръ Іоаннъ Палеологъ заключилъ, что не предпочитая ихъ другъ другу, можно воспользоваться ими всѣми. Итакъ, посредствомъ духовенства онъ скрѣпилъ союзъ съ Сербіей, подтвердивъ самостоятельность ея церкви подъ условіемъ вѣчнаго мира и взаимной защиты; посредствомъ туркофиловъ онъ завелъ переговоры съ Османами о неприкосновенности остальныхъ византійскихъ областей. Внявъ наконецъ представленіямъ о помощи латинянъ, онъ отправился лично на западъ и далъ

клятвы папѣ въ подчиненіи взамѣнъ обѣщанной защиты. Но надежда на эту защиту скоро оказалась тщетною. Вмѣсто ея, византійскій императоръ еще на возвратномъ пути, въ Венеціи, подвергся оскорбленіямъ и, исполненный недовѣрія къ Западу, рѣшился предаться партіи туркофиловъ. Торжество туркофиловъ, основанное на этомъ недовѣріи, нанесло гибельный ударъ Сербіи, союзу которой Византія постыдно измѣнила...

Вопросъ о томъ, возможно ли было тогда изгнаніе турокъ изъ Европы, рѣшается самъ собою для того, кто вникалъ въ ходъ событій, послѣдовавшихъ за паденіемъ Баязета. Изгнаніе турокъ, также часто проповѣдуемое въ XV ст., какъ и въ XVIII-мъ, было лишь темою для риторическихъ возгласовъ, на самомъ дѣлѣ скрывало, какъ всегда, корыстолюбивые замыслы. Возможно-ли, чтобы Византія, равнодушная къ своимъ и чужимъ успѣхамъ въ гражданственности, могла рѣшиться изгнаніемъ турокъ лишить себя надежды распоряжаться судьбами народовъ, противополагая ихъ другъ другу? Возможно ли, чтобы феодальная Европа, открывшая просторъ насилію вассаловъ, снисходила къ потребностямъ угнетенныхъ народовъ? Мысль объ изгнаніи, слѣдственно, Османовъ изъ Европы въ XV ст. должна была уступить замысламъ превратить Османовъ въ послушное орудіе угнетенія другихъ народовъ»...

Въ этихъ послѣднихъ словахъ, продиктованныхъ нашему ученому его глубокимъ знаніемъ исторіи славянъ и народовъ, сосѣдящихъ съ ними, мы видимъ какъ бы исторію нашихъ дней съ возгласами во имя свободы и съ дѣйствіями, направленными къ подавленію свободы славянства. Европа—во образѣ ли Византіи и Рима, во образѣ ли Вѣны, Берлина и Лондона—осталась вѣрна себѣ во враждѣ къ славянству. И славянская наука въ лицѣ Григоровича предупреждала общество о томъ, откуда грозила и грозитъ опасность славянству.

Въ апрѣлѣ 1861 г. Григоровичъ напечаталъ программу трехъ публичныхъ лекцій, которыя намѣревался прочитать, между прочимъ, въ пользу студенческой кассы. Первая посвящалась изложенію «значенія событій въ Болгаріи и Византіи въ первой половинѣ X в.; вторая сообщала «о сочувствіи южныхъ славянъ къ преобразованіямъ Петра В., выраженномъ въ ихъ словесности»; и третья—«о дѣятельности славянскаго педагога Яна Амоса Коменскаго».

Въ первой лекціи, посвященной возникновенію славянской письменности у болгаръ, проводилась мысль, что между тѣмъ какъ просвѣщеніе въ Византіи достигло крайней отвлеченности, въ Болгаріи оно ознаменовалось общеніемъ христіанскихъ идей. Послѣдній выводъ въ этой первой лекціи состоялъ въ томъ, что «древняя славянская литература

будетъ всегда знаменателемъ не частнаго, но общаго участія болгаръ въ судьбѣ славянъ». Во второй лекціи Григоровичъ доказывалъ, что «въ тяжбѣ о значеніи преобразованія Петра В. можно признать и свидѣтельство славянъ, что терроризмъ мѣръ Петра не омрачилъ славянъ, которые рано начали сознавать его высокое значеніе». Въ третьей лекціи нашъ ученый достойно оцѣнилъ труды чеха Коменскаго въ исторіи педагогіи, который въ своихъ сочиненіяхъ въ отпоръ схоластикѣ XVII в. поднялъ знамя реализма въ воспитаніи. Несмотря на авторитетность лектора, на полное жизни изложеніе, его чтенія посѣщались очень немногими. Мы не знаемъ, какъ относился Григоровичъ къ такому равнодушію общества, знаемъ только, что восточный городъ ему, южанину, былъ не по душѣ. Знаемъ, что вскорѣ затѣмъ возникла у правительства мысль о преобразованіи одесскаго лицея въ университетъ, и люди, принадлежавшіе къ высшей администраціи, видѣли въ Григоровичѣ достойнѣйшаго преподавателя для будущаго университета. Одновременно съ тѣмъ въ Казани Григоровичъ встрѣтился съ однимъ крупнымъ петербургскимъ сановникомъ, который по своему служебному положенію долженъ былъ близко стоять къ дѣлу русскаго просвѣщенія. Сановникъ предложилъ Григоровичу изложить на бумагѣ его мысли о значеніи каѳедры славянской филологіи въ ришельевскомъ лицеѣ. Григоровичъ, всегда любившій югъ, какъ свою родину, Григоровичъ, понимавшій, какое значеніе должна была сказать славянская наука на томъ югѣ, гдѣ уже издавна жили сербскіе и болгарскіе переселенцы, хорошо уяснившій себѣ значеніе Одессы для образованія южныхъ славянъ, представилъ свои чаянія въ формѣ докладной записки. Но ему не удалось узнать результата своихъ стараній. Узнали его другіе: еще не доѣзжая до Петербурга сановникъ говорилъ, что Григоровичъ сошелъ съума....

Послѣднимъ произведеніемъ Григоровича, вышедшимъ въ Казани, была его замѣчательная рѣчь, произнесенная на древне-славянскомъ языкѣ во время празднованія тысячелѣтія Руси: Слово еже сказасѧ и роукнꙗ лѣта аѿѯв.[92]

Въ 1863 г. Казанскій университетъ поднесъ ему дипломъ на степень доктора славянской филологіи, а въ 1864 г. Григоровичъ уже въ новороссійскомъ университетѣ преподавалъ науку, которая была для него всѣмъ въ его одинокой, аскетической жизни. Первымъ трудомъ его, изданнымъ въ Одессѣ, было ученое развитіе первой публичной лекціи, читанной въ Казани, подъ заглавіемъ: «Какъ выражались отно-

[92] Четыре страницы. Въ универс. тип. Подпись цензора: 12 сент. 1862 г.

шенія константинопольской церкви къ окрестнымъ сѣвернымъ народамъ и преимущественно къ болгарамъ въ началѣ X ст.». [93] Въ приложеніи къ этому труду Григоровичъ помѣстилъ въ оригиналѣ и переводѣ четыре посланія Николая Мистика къ Симеону, князю болгарскому. Въ этомъ сочиненіи, съ ученымъ безпристрастіемъ авторъ указалъ, что константинопольская церковь той поры, принимая народы въ свое общеніе, внушала мысль доступнаго разумѣнію богослуженія, и не считала схизмою возможную самостоятельность». «Въ отношеніяхъ Константинополя къ сѣвернымъ народамъ—говоритъ авторъ—замѣтны не одни только вражды и происки, вызываемые матеріальными интересами. Племена сѣверныя, смущаемыя злымъ соперничествомъ, невидимо испытывали силу, благодѣтельно пробуждавшую ихъ въ мракѣ варварства отъ грезъ враждебныхъ предубѣжденій. Они ощущали, какъ постепенно эта сила извлекала ихъ изъ языческой безсознательности и вводила въ семью просвѣщенныхъ народовъ... Эта сила исходила изъ Константинопольской церкви....Эта церковь, возвышаясь надъ монополіею, надъ вреднымъ разграниченіемъ, разъединеніемъ интересовъ сословныхъ, народныхъ и государственныхъ, выработывала мысль о равномѣрномъ развитіи въ народахъ исторической жизни, поставивъ исходной точкой христіанское просвѣщеніе» [94].

Дальнѣйшая ученая дѣятельность Григоровича въ Одессѣ была посвящена не только изложенію вопросовъ славянской науки, но касалась и мѣстныхъ интересовъ, разумѣется со стороны археологіи и этнографіи. Такъ онъ издалъ «Историческіе намеки о значеніи Херсона и его церкви» (1864); «Записку объ археологическомъ изслѣдованіи днѣстровскаго побережья» (1864); «Записку относительно археологическихъ изслѣдованій въ Херсонѣ»; «Записку антиквара о его поѣздкѣ на Калку и Калміусъ въ Корсунскую землю и на южныя побережья Днѣпра» (1874); «Записку о пособіяхъ къ изученію южнорусской земли, находящихся въ военно-ученомъ архивѣ главнаго штаба» (1876). По славянской наукѣ онъ напечаталъ «О Борисѣ—Михаилѣ болгарскомъ, праотцѣ славянскаго просвѣщенія» (1870) [95]. «Краткій отчетъ о дѣятельности Одесскаго славянскаго комитета» (1871); «Замѣтку о Солунѣ и Корсунѣ, посвященную вопросу о возникновеніи славянской письменности» (1872); «Значеніе взаимности славянской въ русскомъ спорѣ о старинѣ и преобразо-

---

[93] Рѣчь, читанная на актѣ новороссійскаго университета 30 авг. 1866 г. Одесса. 1866.

[94] Ibid. Стр. 40—41.

[95] Одесскій Вѣстникъ, 1870, № 97, и «Славянскій Ежегодникъ». 1877. Стр. 316—324.

ваніяхъ» (1870); «Янъ Амосъ Коменскій, какъ педагогъ» (1871); «Изъ лѣтописи науки Славянской»; «Что намъ принесъ годъ прошедшій» (1873) [96]. «Объ участіи сербовъ въ нашихъ общественныхъ отношеніяхъ» (1876).

Это былъ послѣдній трудъ, изданный Григоровичемъ. Уже въ своемъ отчетѣ о поѣздкѣ въ Петербургъ, лѣтомъ 1875 г., отчетѣ, представленномъ 26 мая 1876 г., Григоровичъ говорилъ, что желаетъ, «послѣ всѣхъ памятныхъ ему неудачъ» издать часть своихъ древнихъ памятниковъ, что «подобныя занятія желаетъ поставить условіемъ жизни, при неминуемой необходимости оставить службу». Мы хорошо не знаемъ, что побуждало Григоровича оставить его святую проповѣдь славянству о славянствѣ, но знаемъ, что онъ былъ не вполнѣ доволенъ Одессой. Въ маѣ 1876 г. Григоровичъ подалъ прошеніе объ отставкѣ, которую и получилъ 16 сентября. Въ октябрѣ онъ оставилъ Одессу и переселился въ Елисаветградъ, въ которомъ, по словамъ его предсмертнаго письма, «русскій элементъ былъ подавленъ менѣе, нежели въ другихъ городахъ Херсонской губерніи» [97].

19 декабря 1876 года не стало Григоровича.

Въ заключеніе приведу нѣсколько строкъ статьи Григоровича «Изъ лѣтописи науки словянской», которыя могутъ служить данными и для біографіи великаго ученаго и для исторіи развитія идей о славянствѣ на Руси.

«Пытливость ученыхъ въ каждомъ славянскомъ племени, обращенная на изученіе частныхъ задачъ, видимо руководилась сознаніемъ общихъ родовыхъ признаковъ— говорилъ Григоровичъ; критика въ языкознаніи, въ исторіи, въ литературѣ выдѣляла чуждое отъ своего, древнее отъ новаго, общее отъ частнаго. Настала пора заговорить о славянской взаимности. Появились въ свѣтъ «Древности Шафарика» и «Остромирово Евангеліе», изданное Востоковымъ. Ростъ этой науки при насъ совершился. Она юна, но много уже испытала. Сначала,

---

[96] Отчетъ о дѣятельности Одесскаго славянскаго благотворительнаго комитета, за 1872—73 г.

[97] Двадцатипятилѣтіе и. новороссійскаго университета. Истор. Записка проф. Маркевича. Стр. 236. По кончинѣ Григоровича части его лекцій были изданы по неточнымъ запискамъ слушателей: 1) Обзоръ славянскихъ литературъ. Воронежъ. 1880 г. (Изъ Филолог. Записокъ). 2) Древности, вып. 1. Варшава. 1882 г. и 3) Славянскія нарѣчія. Варшава. 1884 (Изъ Русскаго Филологическаго Вѣстника). Кромѣ работъ, выше поименованныхъ, изданы были и еще нѣкоторыя, вошедшія въ «Труды Кіевскаго Археологическаго съѣзда», 1878 г., и перечисленныя въ Исторической Запискѣ о Новороссійскомъ университетѣ, стр. 249.

среди общаго затишья, она казалось была голосомъ вопіющимъ въ пустыни. Отзываясь на всякое отрадное событіе въ жизни словянъ, сочувственно относясь къ несчастіямъ ихъ, она ободряла ихъ, внося смыслъ въ ихъ историческія требованія... Обнимая собою цѣлое, уставляя на мѣстѣ всѣ явленія жизни славянской, она дорожитъ и буквою, и словомъ, и заржавѣлымъ преданіемъ, и загадочнымъ намекомъ лѣтописи, и перломъ поэзіи и правдою закона. Она, овладѣвъ самымъ разнообразнымъ содержаніемъ, придастъ ему извѣстный порядокъ и послѣдовательность. Къ такому труду призваны были первые ея труженики. Они, эти труженики, не имѣя предшественниковъ—наставниковъ, не могли не чувствовать себя то нерѣшительными, то односторонними...

Какъ же слагалася эта наука? Какое основаніе, какой порядокъ, какой смыслъ придавали имъ тѣ, которые призваны были къ послѣдовательному ея изложенію?

Не берусь за другихъ отвѣчать—замѣчаетъ Григоровичъ—за себя скажу, что построеніе ея (систему), казалось, только преемники наши могутъ довершить. Мнѣ представлялось возможнымъ только привести въ порядокъ матеріалъ, нужный для ея построенія—и этотъ сводъ свѣдѣній, стоившій мучительнаго труда, происходилъ по требованіямъ соразмѣрности въ частяхъ и по внутреннему смыслу движущихъ науку началъ...

Разнообразіе и сила словесности современнаго намъ періода—продолжалъ далѣе Григоровичъ—доказали, что славяне съ истеченіемъ тысячелѣтія со временъ Кирилла и Меѳодія достигли сознанія дружнаго содѣйствія въ просвѣщеніи. Въ теченіе истекшаго тысячелѣтія они, такъ сказать, выручали себя. Если слово замирало у однихъ, то у другихъ оно внятно проповѣдывало, что славянское поколѣніе имѣетъ свою будущность. Будущность не намъ гадать, но настоящее.... видимо доказываетъ, что есть міръ словянскій, который необходимо изучать. Изучая, напомнимъ.... слова Карамзина: «Пора намъ перестать быть умными чужимъ умомъ и славными чужою славою». [98]

Эту-то самостоятельность славянской мысли съ перваго своего печатнаго труда и до послѣдняго и проповѣдывалъ Григоровичъ, говоря еще въ 1841 г., что «славяне, хотя и разрозненные, имѣютъ много общаго, имѣютъ какое-то сочувствіе въ великихъ и благо-

---

[98] Изъ лѣтописи науки словянской. Одесса. 1871. Стр. 6—17.

творныхъ начинаніяхъ и не разъ движутся однимъ и тѣмъ же восторгомъ, одною и тою же идеей. Но мы привыкли глядѣть на себя въ отраженіе чужеземныхъ народовъ; питаясь ихъ умственнымъ запасомъ, ожидая отъ ихъ ученыхъ приговора во всемъ, что весьма близко касается насъ, мы слишкомъ покорно повинуемся указаніямъ иностранныхъ взглядовъ, забываемъ свое и не видимъ у себя великаго движенія и переворотовъ, проникающихъ всѣ племена. Во всемъ духѣ народной жизни нашей мы не разъ можемъ найти подобныя сочувствія, сильную борьбу и много великихъ идей, истекшихъ изъ славянской вѣковой жизни. Мы ихъ откроемъ, когда болѣе станемъ сознавать, въ противоположность германской, славянскую Европу, и почувствуемъ въ себѣ потребность имѣть исторію славянской Европы».[99]

Свѣтлый умъ Григоровича конечно понималъ, что русское племя, несмотря на видимое забвеніе славянскихъ началъ, лежащихъ въ немъ, жило славянскою жизнью, что струи славянской крови кипѣли въ немъ такъ же сильно, какъ и за тысячу лѣтъ предъ тѣмъ, и не смущался торопливыми криками литературныхъ и другихъ вліятельныхъ сферъ, отрицавшихъ славянскія основы. Только славянамъ Григоровичъ могъ говорить то, что говорилъ, и такъ, какъ говорилъ. Въ своей любвеобильной душѣ онъ вѣрилъ, что наступитъ пора, когда славянскіе инстинкты скажутся въ русскомъ обществѣ. Но неисповѣдимымъ судьбамъ неугодно было, чтобы онъ отошелъ съ миромъ, чтобы очи его увидѣли спасеніе, уготованное Русью славянству предъ лицомъ всѣхъ людей...

М. П—ій

[99] Краткое обозрѣніе славянскихъ литературъ. См. «Учен. Зап. и. казанскаго университета», за 1841 годъ. Кн. I, стр. 153.

КОНГРЕССЪ СТАРО-КАТОЛИКОВЪ ВЪ ЛЮЦЕРНѢ *

Появленіе на страницахъ «Слав. Обозрѣнія» отчета о конгрессѣ старо-католиковъ, конгрессѣ преимущественно богословскаго характера, не удивитъ конечно постоянныхъ его читателей. Славянская жизнь и наука издревле развиваются въ тѣсной связи съ церковью; вопросы богословскіе, во многомъ обусловливающіе направленіе этой жизни, не могутъ быть чужды и славянской публицистикѣ. Особенно должно сказать это о старо-католицизмѣ, который независимо отъ своего общаго значенія, важенъ для насъ и въ томъ отношеніи, что представляетъ совершенно естественный исходъ религіознымъ затрудненіямъ западнаго славянства, уже сильно разочарованнаго въ западномъ христіанствѣ, особенно его новѣйшей формаціи, но все еще прикованнаго къ нему многовѣковыми преданіями и привычками.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое старо-католицизмъ? Уже изъ самаго названія его явствуетъ, что это тотъ католицизмъ, который исповѣдывалъ Западъ, когда онъ былъ православнымъ, когда былъ соединенъ съ Востокомъ и составлялъ съ нимъ единую великую каѳолическую церковь, признававшую своимъ главою единаго Христа Спасителя и руководимую вселенскими соборами. Только по недоразумѣнію можно тутъ говорить о какой-то новой религіи, новой церкви, устроенной будто бы знаменитымъ Дэллингеромъ и его единомышлениками. Ново въ старо-католичествѣ лишь то, что во 1-хъ онъ отбросилъ неправильные догматы, введенные въ вѣроученіе церкви римскими епископами, вопреки ясному ученію не-

* 1/13, 2/14 и 3/15 сентября 1892 года.

раздѣленной церкви, и во 2-хъ, что онъ стремится къ возсоединенію и учено-догматическому и реальному (communio in sacris) съ восточной, православною церковью, не преслѣдуя при этомъ ни политическихъ, ни властолюбивыхъ, ни матеріальныхъ цѣлей. Таково было направленіе старо-католичества съ самаго его возникновенія; этого направленія оно держится и доселѣ. Благодаря этому, разрабатывая все болѣе и болѣе свою догматику, ст.-католики пришли, и притомъ совершенно самостоятельно (ибо Востокъ участвовалъ въ этомъ движеніи лишь единичными силами и притомъ весьма не многочисленными), къ устраненію изъ символа вѣры словъ Filioque, догмата непорочнаго зачатія Пресв. Дѣвы, ученія о папской непогрѣшимости, циническихъ злоупотребленій индульгенціями, и наконецъ—къ введенію причащенія мірянъ подъ обоими видами, т. е. къ той древне-христіанской формѣ причащенія, изъ за которой пролито такъ много крови (и увы тщетно!) нашими братьями—чехами.

Читатели видятъ, до какой степени къ намъ близки старо-католики. Но, говорятъ иные, что́ намъ до нихъ, въ сущности, за дѣло?! Вѣдь мы въ нихъ не нуждаемся, жили безъ нихъ и проживемъ безъ нихъ; пусть ихъ тамъ себѣ дѣлаютъ, что хотятъ, на Западѣ. Вѣдь это «за границей», за нашей «великой стѣной;» у насъ объ этомъ оффиціально ничего неизвѣстно, а то, что́ не существуетъ оффиціально, вообще не существуетъ. Это китайское разсужденіе мы слышимъ уже не въ первóй: не разъ оно примѣняемо было ко всему за граничному славянству, которое-молъ существуетъ для Германіи, Австріи, Турціи, но вовсе не для Россіи: ей довольно-молъ дѣла и у себя дома. Но если бы даже согласиться съ такимъ ограниченнымъ взглядомъ на призваніе Россіи въ славянскомъ мірѣ, то и тогда все-таки осталось бы безспорнымъ вселенское призваніе нашей церкви, налагающее на насъ особыя обязанности по отношенію къ нашимъ единовѣрцамъ, а равно и къ тѣмъ людямъ или обществамъ, которые ищутъ духовнаго общенія съ нами.

Повторяю, намъ слѣдуетъ заботиться о нашихъ единоплеменникахъ и единовѣрцахъ не потому, что это намъ выгодно, а потому, что это наша обязанность. Если мы еще вольны отказываться отъ нашего права, то отъ нашей обязанности мы отказываться не можемъ, хотя бы это было и прибыльно.

Гоняясь за нашимъ правомъ, мы можетъ быть (?) нѣсколько усилимся матеріально; исполняя нашу обязанность, мы выростемъ нравственно, а это важнѣе. Въ данномъ случаѣ для насъ, какъ православныхъ христіанъ, не можетъ представляться безразличнымъ, что на Западѣ возникло христіанское общество, ищущее съ нами общенія, готовое заодно съ нами работать

для возстановленія древняго церковнаго единства, притомъ общество хотя и немногочисленное, но заключающее въ своей средѣ лучшихъ представителей западной богословской науки!

Этими вступительными замѣчаніями я пока и ограничусь, ибо многое изъ того, что бы здѣсь еще слѣдовало сказать, встрѣтится при разборѣ рѣчей, которыя были произнесены на люцернскомъ конгрессѣ старо-католиковъ, составляющемъ предметъ нижеслѣдующихъ сообщеній.

Не безъ нѣкотораго волненія, не безъ опасеній ѣхалъ я въ Люцернъ на конгрессъ старо-католиковъ. Главный ихъ вождь—знаменитый Дэллингеръ, сильнѣйшая ихъ опора въ Германіи и особенно въ Баваріи—скончался. Со сцены сошли и многіе другіе, напр. Губеръ, Михелисъ, Кнодтъ. Гоненія, которымъ и прежде подвергались ст.-католики, значительно усилились, въ особенности въ Баваріи, гдѣ и регентъ и будущій король принадлежатъ къ числу ярыхъ ультрамонтанъ. И не одни католическія правительства, но и протестанскія, кокетничающія нынѣ съ партіею центра, давятъ старо-католиковъ и пользуются ихъ беззащитностію для того, чтобы торговать ими, чтобы цѣною самыхъ беззаконныхъ притѣсненій старо-католиковъ покупать благосклонность партіи центра. Торгуются самымъ открытымъ образомъ: вы-де подайте голосъ за такую-то статью правительственнаго бюджета, а мы отдадимъ вамъ на съѣденіе такую-то старо-католическую общину или церковь... И постыдный торгъ заключается, церковь отнимается, тотъ или другой старо-католическій священникъ лишается насущнаго куска хлѣба! Политика же покрываетъ все это своею мантіею лжи и обмана.

Все это, повторяю, было мнѣ извѣстно; я направлялся въ Люцернъ въ невеселомъ настроеніи, ожидая найти дѣло старо-католиковъ въ загонѣ, въ упадкѣ, въ разложеніи. Но не прошло и сутокъ послѣ моего пріѣзда, какъ я убѣдился, что опасенія мои не основательны. Правда, притѣсненія, которымъ подвергаются старо-католики, оказались бо́льшими, сильнѣйшими, нежели я ожидалъ, но притѣсненія эти вызываютъ и сильное противодѣйствіе, даже мученичество съ его возвышающимъ настроеніемъ! Дѣло старо-католиковъ крѣпнетъ: таково вынесенное мною изъ конгресса общее впечатлѣніе!

Вмѣстѣ съ приглашеніемъ прибыть на конгрессъ, устроителями его были разосланы программы его занятій, списки тезисовъ, предложеній (Anträge, Thèses), которыя должны были подлежать обсужденію, и еще очень важный документъ: «Utrechter Erklärung» 24-го сентября 1889 года или декларація архіепископа утрехтскаго Іоанна Гейкампа, епископа гарлемскаго Каспара Ринкеля, епископа девентерскаго Корнилія Дипендааля, епископа старо-католической церкви

Германіи Іосифа Губерта Рейнкенса и епископа старо-католической церкви Швейцаріи Эдуарда Герцога. Въ деклараціи этой установлены и указаны принципы, коихъ держится старо-католическая церковь, выражены надежды, которыя она питаетъ. Между прочимъ въ деклараціи говорится слѣдующее:

Мы крѣпко и несокрушимо придерживаемся древняго церковнаго принципа, кратко и ясно выраженнаго Св. Винцентіемъ Лиринскимъ въ словахъ: «мы держимся того, во что вѣровали всѣ, повсюду и всегда» (quod semper, quod ubique, quod ab omnibus creditum est). Поэтому, поясняютъ епископы, мы придерживаемся вѣроученія древней церкви въ томъ видѣ, какъ оно высказано во вселенскихъ символахъ и опредѣлено всѣми догматическими постановленіями вселенскихъ соборовъ нераздѣленной церкви перваго тысячелѣтія (§ I).

Значеніе этого опредѣленія не ускользнетъ конечно отъ человѣка, мало-мальски знакомаго съ богословіемъ. Это опредѣленіе прямо ставитъ дѣло на почву древняго православнаго ученія семи вселенскихъ соборовъ, т. е. на почву и нашего вѣроученія. Болѣе точнаго опредѣленія (принципіальнаго) нельзя и желать! Въ послѣдующихъ §§-хъ отвергаются разныя новшества Рима и его притязанія на неограниченную власть, установляется причащеніе подъ обоими видами, а въ § 7-мъ выражается надежда, что стараніямъ богослововъ удастся, придерживаясь вѣроученія нераздѣленной церкви, придти къ соглашенію на счетъ вѣроисповѣдныхъ разностей, раздѣляющихъ нынѣ христіанскія церкви. И здѣсь опять, какъ видятъ читатели, признается обязательнымъ ученіе древней, т. е. православной церкви.

Надежды, возбужденныя чтеніемъ этого документа, вполнѣ оправдались и даже усилились на конгрессѣ: во все время конгресса, при каждомъ удобномъ случаѣ, выставлялось желаніе сблизиться съ православной церковью, признавалась чистота ея ученія, а представителямъ ея отводилось всюду первенствующее, почетное мѣсто.

Гостей и участниковъ собралось много, до трехсотъ человѣкъ, въ томъ числѣ изъ православныхъ: б. архіепископъ патрасскій Никифоръ Калогерасъ, протопресвитеръ Янышевъ, А. П. Мальцевъ, свящ. въ Берлинѣ, съ его симпатичнымъ помощникомъ, Геккеномъ (бывшимъ прусскимъ офицеромъ), о. Казанскій (изъ Выборга) и нѣк. друг. Изъ старо-католиковъ утрехтскихъ: архіеписк. города Утрехта Гуль; изъ англиканъ: архіепископъ дублинскій лордъ Плэнкетъ. епископъ солсбэрійскій D-г Вордсвортъ; D-г Ольдгамъ, присланный примасомъ Англіи архіеписк. кэнтербэрійскимъ въ качествѣ его представителя; каноникъ Мейрикъ, секретарь англо-континентальнаго обще-

ства, спеціально занимающагося вопросомъ о возсоединеніи церквей. Было и еще много англиканъ—духовныхъ и свѣтскихъ. Предсѣдательствующій епископъ англиканской епископальной церкви въ Соединен. штатахъ С. Америки прислалъ своимъ представителемъ Д-ра Нэвина. Были еще: графъ Кампелло, б. каноникъ храма Св. Петра, нынѣ глава итальянскихъ старо-католиковъ; Жуанъ Кабрера, представитель старо-католиковъ испанскихъ; изъ Парижа прибылъ знаменитый проповѣдникъ Іоакинѳъ (le père Hyacinthe), настоятель парижской старо-католической общины; изъ Австріи —управляющій австрійскимъ старокатолич. епископствомъ (Bisthumsverweser) d-r Чехъ (онъ и дѣйствительно, по происхожденію, принадлежитъ къ чешской народности) и его помощникъ d-r Бэндель, членъ австр. парламента. Гаитійское правительство прислало на конгрессъ секретаря своего посольства въ Лондонѣ, Людвига Жанвье, негра, получившаго образованіе въ Монпелье: онъ докторъ правъ и отлично говоритъ по-французски. Изъ Іерусалима явился профессоръ Исаакъ (армянскаго сіонскаго монастыря). Наконецъ изъ Германіи м. пр. прибыли: епископъ І. Г. Рейнкенсъ, глава старокатоликовъ Германіи, выдающійся ученостію, краснорѣчіемъ, умомъ и осторожной твердостію; онъ пользуется заслуженнымъ авторитетомъ у германскаго правительства: покойный императоръ Вильгельмъ высоко цѣнилъ его дарованія и былъ съ нимъ въ перепискѣ (теперешній императоръ ограничивается телеграммами); далѣе—профессоръ мюнхенскаго университета Фридрихъ, первоклассный ученый, извѣстный историкъ Ватиканскаго собора; боннскій профессоръ Веберъ, и многіе другіе. Изъ мѣстныхъ швейцарскихъ старо-католиковъ назову: епископа Герцога; ректора бернскаго университета Евгенія Мишо, убѣжденнаго сторонника Россіи и православной церкви; d-r Вокера, профессора бернскаго университета; d-r правъ Вейбеля, избраннаго секретаремъ конгресса; г. Филиппи, избраннаго президентомъ конгресса, который и руководилъ очень безпристрастно нашими засѣданіями. Откликнулся на призывъ старокатоликовъ и протестанскій союзъ (Evangel. Bund), выславъ на конгрессъ въ качествѣ своего оффиціальнаго представителя d-r богословія и професс. галльскаго университета Бейшлага.

Первое, что бросается въ глаза при просмотрѣ списка членовъ конгресса, это оффиціальное участіе англиканской церкви. Оно объясняется тѣмъ, что церковная жизнь бьетъ теперь въ Англіи живымъ ключемъ; борьба идетъ дѣятельная съ разными сектантами и съ Римомъ; наука, часто враждебная религіи, выставляетъ крупныхъ представителей. Понятно, что и представители церкви должны быть постоянно готовы къ борьбѣ, постоянно быть «на чеку»; понятно и то, что они живо интересуются всѣми явленіями рели-

гіозной жизни въ Европѣ; каждое изъ нихъ отражается вѣдь и на религіозной жизни Англіи. При такихъ условіяхъ между англиканами и ст.-католиками установились наилучшія, дружественныя отношенія; старо-католики не могутъ не быть признательны англиканамъ за ихъ постоянное вниманіе. Едва ли однако отношенія эти могутъ превратиться въ соединеніе обѣихъ церквей: къ этому имѣется серьезное препятствіе, и именно со стороны Англіи. Какъ извѣстно, въ Англіи существуетъ такъ наз. «установленіе (Establishment) церкви». Установленная церковь (Established church) состоитъ изъ нѣсколькихъ частей, признающихъ весьма неопредѣленныя и разнообразныя доктрины, которыя установлены въ XVI столѣтіи и находятся во «всеобщемъ молитвенникѣ» (Common prayer book) и въ такъ называемыхъ «статьяхъ» (articles). Этихъ статей 39. Самый молитвенникъ составленъ въ смыслѣ охранительномъ: по духу своему онъ подходитъ подъ наше, православное ученіе, тогда какъ 39 статей сильно отзываются кальвинизмомъ. Въ нихъ напр. проводится мысль о предопредѣленіи, отрицается авторитетъ церкви и т. п. Однимъ словомъ между книгой молитвъ и 39 статьями значительное противорѣчіе. Понятно, что эта двойственность англиканской богословской мысли отражается и на устройствѣ англиканской «установленной» церкви. Въ ней есть партіи совершенно равноправныя, придерживающіяся несовмѣстимыхъ и даже противорѣчивыхъ богословскихъ ученій. Такое положеніе дѣла объясняется лишь особенностями національнаго характера англичанъ. Какъ въ своей политической жизни, такъ и въ устройствѣ своей церкви англичанинъ прежде всего старается стать на практическую почву, мало заботясь о логической связи и послѣдовательности ея ученій. Въ жизнь церковную онъ переноситъ привычки своей политической жизни, основанной на компромиссахъ. Но конечно то, что годится для послѣдней, не примѣнимо къ первой. Въ политической жизни, на практикѣ, постоянно допускаются компромиссы: приходится терпѣть противорѣчія, дѣлать взаимныя уступки. Но все это возможно лишь въ вопросахъ, неотносящихся до сферы безусловной истины. Этого англикане не понимаютъ и думаютъ, что—несмотря на противорѣчія, встрѣчающіяся въ ихъ вѣроисповѣданіи, несмотря на то, что нѣкоторыя партіи ихъ церкви исповѣдуютъ положительную ересь—все же съ англиканской церковью можно соединиться. Но это ни для насъ, ни для старокатоликовъ невозможно *. Мы можемъ стать въ очень близкія

* Должно впрочемъ замѣтить, что католицизмъ дозволяетъ странное и неправильное, на нашъ взглядъ, единеніе въ таинствахъ, независимое отъ единенія въ вѣрѣ,—правда, лишь какъ дѣйствіе единоличное.

отношенія къ такъ называемой высокой церкви (high church). Это, безъ сомнѣнія, и имѣлъ въ виду преосвященный Платонъ (кіевскій) ведшій по этому поводу переговоры съ примасомъ Англіи. Но какъ бы къ намъ или къ старо-католикамъ ни относились отдѣльныя представители высокой церкви, соединеніе съ англиканской церковью въ ея настоящемъ видѣ состояться не можетъ. До этого должно состояться ея отдѣленіе отъ государства, т. е. ея disestablishment, и ея раздѣленіе на составныя части. Тогда и намъ и старо-католикамъ можно будетъ приступить къ изученію тѣхъ условій, на основаніи которыхъ возможно будетъ соединиться съ той частію англиканской церкви, которая называется «высокой церковью (high church)».

Я имѣлъ по этому поводу очень интересный разговоръ съ d-r Ольдгамомъ (представителемъ примаса Англіи) и съ еп. солсбэрійскимъ. Вопросъ шелъ преимущественно о тридцати девяти статьяхъ. Еп. солсбэрійскій, не оправдывая ихъ кальвинистскаго характера, отстаивалъ ихъ полезность въ виду характера англичанъ, которые-де слишкомъ склонны надѣяться на свои собственныя силы, на свою энергію, самостоятельность, на свои права. Поэтому, утверждалъ епископъ, очень полезно имѣть къ ихъ убѣжденіямъ такой коррективъ, который бы указывалъ имъ на тщету этихъ правъ, этихъ заслугъ, этой силы и энергіи. (Кальвинъ, какъ извѣстно, былъ сторонникомъ безусловнаго предопредѣленія и уничтожалъ значеніе заслугъ, дѣлъ, личной энергіи). Конечно, такіе аргументы не поддаются никакому богословскому обсужденію.

Кстати замѣчу здѣсь слѣдующее: часто приходится разъяснять иновѣрцамъ—даже и тѣмъ, которые расположены и къ Россіи, и къ нашей вѣрѣ—каноническія отношенія царя къ церкви, отношенія, о которыхъ они не имѣютъ и понятія. Часто слышишь выраженія сожалѣній о томъ, что у насъ процвѣтаетъ цезаро-папизмъ, что глава нашей церкви—царь! Извѣстно, что это обвиненіе не имѣетъ ни малѣйшаго богословскаго основанія, что если встрѣчались въ нашей исторіи факты вмѣшательства мірской власти въ дѣла вѣры, то это вмѣшательство было дѣяніемъ незаконнымъ. Мнѣ случалось слышать подобные упреки нашей церкви и отъ протестантовъ, и англиканъ: между тѣмъ именно у нихъ-то и есть цезаро-папизмъ! Вотъ напр. декларація, предшествующая тѣмъ XXXIX статьямъ, о которыхъ сказано выше: * «Декларація Его Величества»:

---

* См. «Articles of Religion» Въ The book of common prayer, Articles. Pag. 310. Oxford. Ruby 32-mo.

«Будучи, по божьей волѣ (ordnance) и согласно нашему справедливому титулу, «защитникомъ вѣры» и высшимъ управителемъ (governour) церкви въ этихъ нашихъ владѣніяхъ, мы считаемъ весьма пріятнымъ нашему королевскому достоинству (most agreable to this our Kingly office) и нашему религіозному усердію (zeal) оберегать и удерживать (maintain) ввѣренную нашему попеченію (commited to our charg) церковь въ единствѣ истинной религіи» и т. д. Третій параграфъ декларацiи начинается такъ: «Что мы, верховный управитель (governour) англійской церкви». и т. д.! А еще толкуютъ о нашемъ цезаро-папизмѣ! Что касается кальвинскаго вліянія на англиканизмъ, то онъ съ особенной ясностію обнаруживается въ § XI гдѣ прямо говорится, что человѣкъ оправдывается единственно вѣрою (by faith only).

Повторяю, англикане не могутъ разсчитывать на то, чтобы съ ними соединились старо-католики Германіи, Швейцаріи и Австріи; но отдѣльныя и немногочисленныя личности (въ Испаніи напр.) находятся въ такой матеріальной зависимости отъ нихъ и до такой степени лишены всякой поддержки извнѣ, что можетъ быть пойдутъ на компромиссъ. Конечно, тогда лица эти перестанутъ быть старо-католиками. На эту тяжелую зависимость и указалъ въ довольно грубой формѣ архіеписк. дублинскій, въ одной изъ своихъ рѣчей, произведшей на всѣхъ присутствовавшихъ самое тяжелое впечатлѣніе.

Роль протестантовъ (на конгрессѣ ихъ было нѣсколько, но важнѣйшимъ, оффиціальнымъ представителемъ ихъ былъ d-r Бейшлагъ) не имѣла богословскаго характера; они прибыли на конгрессъ не для достиженія какихъ-либо цѣлей въ области церковной жизни, а лишь для выраженія общаго, человѣческаго сочувствія благороднымъ стремленіямъ старо-католиковъ. Старо-католики конечно не допускаютъ и мысли о какомъ-либо церковномъ единеніи съ протестантами, однако они очень дорожатъ ихъ нравственной поддержкой. Протестанты, которымъ подчасъ тоже достается отъ римскихъ католиковъ, вообще сочувствуютъ старо-католикамъ. Исключеніе составляютъ такъ называемые «ортодоксалы», «консерваторы», которые, забывая причину отдѣленія старо-католиковъ отъ Рима, видятъ въ нихъ лишь «либераловъ», возставшихъ на свое «начальство».

Впрочемъ это наивное обвиненіе старо-католиковъ въ возмущеніи противъ «начальства» было однажды высказано мнѣ и однимъ высокопоставленнымъ православнымъ лицомъ. На это я ему замѣтилъ, что вѣдь въ такомъ возмущеніи виноваты не одни старо-католики, что и мы не признаемъ ихъ бывшаго «начальства», за которымъ когда-то признавали приматъ во всей церкви.

Перехожу теперь къ самому конгрессу. Конечно, я ограничусь

лишь тѣмъ, что имѣетъ общій интересъ, и что особенно можетъ выяснить характеръ и направленіе старо-католицизма.

30-го августа, еще до открытія конгресса, въ Люцернъ прибыло уже не мало гостей, и между прочимъ преосвященный Никифоръ Калогерасъ, б. архіепископъ патрасскій. Въ этотъ день, особенно дорогой для насъ, русскихъ, происходило богослуженіе въ церкви люцернской старо-католической общины. Епископъ Герцогъ пригласилъ преосвященнаго Никифора преподать старо-католической паствѣ архипастырское благословеніе. Преосвященный охотно это и совершилъ, употребляя для сего языкъ греческій, т. е. тотъ самый, какъ пояснилъ слушателямъ еп. Герцогъ, на которомъ писалъ апостолъ Павелъ. Такимъ образомъ, хотя еще неоффиціально, конгрессъ начался при выраженіи благожеланія и такъ сказать при содѣйствіи высокаго представителя автокефальной греческой церкви. Послѣ долгаго, многовѣкового перерыва снова прозвучало въ западной Европѣ греческое слово, обращенное къ католическимъ слушателямъ, къ католической общинѣ! Старо-католики очень этому радовались.

31-го августа, вечеромъ, происходила встрѣча старо-католиками Люцерна представителей разныхъ церквей, сочувствующихъ старокатоликамъ. Привѣтственную рѣчь говорилъ d-r Штейгеръ. Даже и въ этой первой рѣчи, посвященной выраженію радости видѣть столькихъ сочувствующихъ старо-католическому движенію, описанію борьбы за существованіе, которую вынуждено вести старо-католичество, ораторъ съ особеннымъ удареніемъ высказалъ надежду старо-католиковъ на возстановленіе на западѣ ученія древней нераздѣленной, (т. е. нашей православной) церкви, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на возсоединеніе разъединенныхъ Римомъ церквей. Въ томъ же смыслѣ говорилъ и викарій германскаго епископа, d-r Веберъ (изъ Бонна), указывавшій на стремленіе старо-католицизма совмѣстить въ своей доктринѣ и жизни—вѣру и знаніе, стремленіе служить и своей церкви, и своему отечеству.

Во вторникъ $^{1}/_{13}$ августа, открылся конгрессъ торжественнымъ богослуженіемъ въ прекрасной старо-католической базиликѣ (Christus-Kirche). Эта базилика построена была на скудныя средства люцернской общины, послѣ того какъ старо-католики были лишены совмѣстнаго пользованія римско-католической церковью. Въ Швейцаріи, какъ и въ юго-западной Германіи, такое совмѣстное пользованіе одного и того же зданія общинами разныхъ исповѣданій (пользованіе, которое по нашимъ понятіямъ не можетъ быть терпимо) допускается безпрепятственно и вошло въ обычай. Вообще, должно замѣтить, что на западѣ жизнь выработала многіе пріемы церковной практики, которые у насъ были бы сочтены черезчуръ «либераль-

ными». Богослуженіе совершалось конечно не по-латыни, а по-нѣмецки, на народномъ языкѣ. Ясно было, что вся община относилась къ службѣ вполнѣ сознательно и слѣдила за ней съ постояннымъ вниманіемъ. Священникъ говоритъ и читаетъ, какъ у насъ, речитативомъ, но не жертвуетъ при этомъ смысломъ читаемаго условной красотѣ и силѣ голоса. Ни о какихъ разговорахъ между присутствующими нѣтъ и рѣчи. Для насъ, православныхъ, всего утѣшительнѣе было то, что символъ вѣры читался въ его православной древней формѣ, т. е. безъ Filioque, въ той чистотѣ, въ которой онъ не читался въ западномъ католическомъ храмѣ со времени Карла Великаго! Развѣ это не хорошо? Развѣ можно относиться къ этому равнодушно, на томъ лишь основаніи, что это истина «заграничная», не наша, заэйдткуненская! Не менѣе отрадно возстановленіе у ст.-католиковъ причащенія подъ обоими видами (Sub utraque). Отрадно было видѣть эту чашу, изъ за которой было пролито столько крови въ родственной намъ чешской землѣ. Да конечно, все это происходитъ за границей, даже гораздо далѣе Эйдткунена; но неужели это можетъ помѣшать намъ радоваться тому, что истина, к о т о р о й м ы в ѣ р и м ъ, которой мы служимъ, возстановляется у нашихъ сосѣдей? Развѣ потому, что н а м ъ употребленіе чаши о б е з п е ч е н о, что у н а с ъ ее никто не отнималъ и не отнимаетъ, намъ можетъ быть безразлично, что она возвращена другимъ христіанамъ?!

Странное дѣло! Вездѣ и всѣ теперь толкуютъ о солидарности въ жизни культурныхъ народовъ, всѣ повторяютъ на всѣ лады «nihil humani a me alienum esse puto»! Какое нибудь техническое изобрѣтеніе, какое нибудь улучшеніе въ способѣ фиксированія цвѣтовъ на фотографіи, какой нибудь « н о в ы й м е т о д ъ » въ изслѣдованіи бактерій—все это встрѣчается у насъ съ величайшимъ интересомъ, все это облетаетъ нашъ интеллигентный міръ; а вотъ на нашихъ глазахъ въ той же цивилизованной Европѣ происходитъ явленіе, могущее повести къ возстановленію церковнаго единства Запада и Востока,—и мы остаемся къ этому равнодушны! Притомъ это равнодушіе распространяется не только на лицъ, индифферентныхъ къ религіи, но и на многихъ искренно вѣрующихъ, даже приверженцевъ православнаго миссіонерства, только на Востокѣ, а не на Западѣ, какъ будто явленія религіозной жизни оцѣниваются не по внутреннему ихъ содержанію, а по градусамъ меридіана или параллели! Послѣ богослуженія состоялось первое собраніе делегатовъ въ мѣстной «Turnhalle» (въ Швейцаріи, да и вообще за границей, въ каждомъ маломальски значительномъ городѣ есть свое гимнастическое или фехтовальное общество). Президентомъ былъ единогласно избранъ д-ръ Филиппи, изъ Базеля, секретаремъ д-ръ правъ Вейбель.

До открытія конференцій были прочитаны сочувственныя телеграммы и письма отъ разныхъ лицъ и учрежденій, между прочимъ отъ аѳинскаго митрополита Германа, отъ ректора московской духовной академіи архимандрита Антонія, отъ казанскаго профессора Бѣляева, отъ предсѣдателя Слав. благотв. обществ. графа Игнатьева (въ телеграммѣ графа указано было на значеніе старо-католицизма для славянъ) и др. Всѣ эти обращенія были встрѣчены старокатоликами съ великой радостію. Кромѣ того присланъ былъ «мемуаръ» сѣверо-американскаго епископа Дона (Doan) изъ Албани, въ которомъ весьма смѣло и независимо обсуждаются 39 статей англиканизма: епископъ даже не признаетъ ихъ обязательными для Америки, что идетъ совершенно въ разрѣзъ съ ученіемъ англиканской «установленной церкви» (Establi shed Church). Затѣмъ приступили къ разсмотрѣнію IX тезисовъ или предложеній.

Обязанность представить рефераты по этимъ тезисамъ была возложена на членовъ конгресса, по соглашенію ихъ съ организаціоннымъ комитетомъ. Самые тезисы были конечно разосланы референтамъ заблаговременно. Такъ мнѣ было поручено представить рефератъ по VI тезису. I тезисъ состоялъ въ слѣдующемъ: «Старо-католическое движеніе не есть одинъ только протестъ противъ новыхъ ватиканскихъ догматовъ, въ особенности противъ догмата непогрѣшимости; этимъ не исчерпывается его значеніе: ст. католицизмъ есть еще возвращеніе къ древнему каѳоличеству древней нераздѣленной церкви, путемъ устраненія изъ него порчи (Verderbnisse), внесенной папами и іезуитами; далѣе онъ есть еще и призывъ ко всѣмъ христіанскимъ церквамъ, приглашающій ихъ къ единенію на древнецерковномъ основаніи».

Референтомъ былъ профессоръ Фридрихъ изъ Мюнхена, извѣстный сотрудникъ Дэллингера. Я его не видалъ съ 75-го года: онъ состарился, но ни замѣчательныя ораторскія дарованія, ни энергія его не уменьшились: съ первыхъ словъ онъ овладѣлъ вниманіемъ своихъ слушателей и удержалъ его во все время длинной рѣчи, нѣсколько вышедшей за рамки реферата. Между прочимъ онъ указалъ на необходимость неустанной, энергической борьбы съ папствомъ, которое не только исказило-де церковь, не только извратило древніе догматы, но, даже теперь, посягаетъ еще и на мірскую власть, на достояніе кесаря. Самъ папа вызываетъ насъ на борьбу, говорилъ ораторъ, вынуждаетъ къ ней, и притомъ, даже преимущественно, на почвѣ не духовной, а свѣтской. Догматъ папской непогрѣшимости, заранѣе поясненный и укрѣпленный теоріями силлабуса, далъ-де папѣ законное право—законное конечно съ точки зрѣнія инфаллибилизма, а не христіанства—вмѣшиваться въ дѣла міра; и нынѣшній папа—широко пользуется этимъ «правомъ». Это вызываетъ и противниковъ папы

на отпоръ, имъ приходится поневолѣ вмѣшиваться въ политику. Ораторъ подробно разсмотрѣлъ случаи такого вмѣшательства куріи въ дѣла чисто политическія: такъ папа запретилъ испанцамъ поддерживать Дон-Карлоса; такъ теперь онъ повелѣваетъ французскимъ легитимистамъ признать республику и подчиниться ей. Но, говорилъ Фридрихъ, нужно быть очень близорукимъ, чтобы не понимать, что допустивъ вмѣшательство папы въ мірскія дѣла въ одномъ направленіи, трудно будетъ устранить его при другихъ измѣнившихся обстоятельствахъ. Онъ привелъ примѣры и изъ отношеній разныхъ германскихъ правительствъ къ папѣ; должно-де думать, что правительства эти не понимаютъ опасности, которой они себя подвергаютъ, заигрывая съ Римомъ, заставляющимъ ихъ принимать относительно ст. католиковъ прямо противузаконныя мѣры. Но, продолжалъ ораторъ, мы (старо-католики) не должны ограничиваться однимъ протестомъ, одной борьбой съ Римомъ: этимъ не исчерпывается наша задача; мы стремимся къ цѣлямъ положительнымъ, къ сближенію съ другими Церквами, въ особенности съ Церквами Востока. Поэтому онъ предлагаетъ просить епископовъ Германіи, Швейцаріи и Голландіи войти въ оффиціальныя сношенія съ этими Церквами. Что касается до Церквей, вышедшихъ изъ реформаціи (стало быть и англиканской), то профессоръ Фридрихъ желаетъ, чтобы миролюбивыя отношенія, существующія между ними и старо-католиками, не только поддерживались, но еще улучшались.

Не нужно быть богословомъ, чтобы видѣть глубокую разницу, сдѣланную профессоромъ Фридрихомъ между нами и протестантами.

Епископъ старо-католиковъ Германіи Рейнкенсъ вполнѣ подтвердилъ все сказанное его другомъ и единомышленникомъ Фридрихомъ. Онъ замѣтилъ, что и съ самаго начала движенія старо-католики заботились о томъ, чтобы не ограничиваться одними протестами, однимъ отрицаніемъ; съ самаго начала они старались удалять изъ своей Церкви все ложное, фальшивое, заботливо сохраняя все существенное, истинное, все то, что перешло къ старо-католицизму отъ древней нераздѣльной Церкви.

Д-ръ Вейбель поддерживаетъ предложеніе д-ра Фридриха. Онъ тоже желаетъ, чтобы епископы вступили въ оффиціальныя сношенія съ церквами Востока, съ цѣлью окончательнаго съ ними соединенія.

Читатели видятъ, что при всякомъ удобномъ случаѣ старо-католики съ особеннымъ удареніемъ говорили о необходимости сближенія съ нами, о томъ, что мы сохранили истинную вѣру. Это впечатлѣніе сохранилось во все время конгресса.

Послѣ словъ др. Вейбеля протопресвитеръ І. Л. Янышевъ высказалъ приблизительно слѣдующее:

«Такъ какъ проф. Фридрихъ заключилъ свой рефератъ предложеніемъ (вѣрнѣе—просьбою), обращеннымъ къ ст. католич. епископамъ, чтобы они оффиціально (amtlich) приступили къ дѣлу соединенія съ христіанскими церквами, и обратился къ представителямъ восточной церкви, прося ихъ, чтобы они приняли это дѣло къ сердцу, и въ этомъ смыслѣ дѣйствовали бы передъ своими церковными властями, съ чѣмъ согласился епископъ Рейнкенсъ, то протопресв. I. Л. Янышевъ счелъ долгомъ заявить, что по его мнѣнію оффиціальныя сношенія съ церковными властями со стороны старо-католиковъ—еще рановременны; мы еще недостаточно для этого взаимно ознакомились. Отецъ протопресвитеръ предложилъ: пусть представители восточной церкви и старо-католическіе епископы предварительно снесутся между собою частнымъ образомъ и о результатѣ этихъ сношеній сообщатъ слѣдующему старокатолическому конгрессу: тогда будетъ видно, можно ли приступить къ оффиціальнымъ сношеніямъ съ восточными церковными властями».

Рефератъ Пр. Фридриха, съ дополнительнымъ предложеніемъ И. Л. Янышева, принятъ собраніемъ единогласно.

Второе предложеніе гласитъ: «для христіанина обязательно ученіе Христа, а не богословское умствованіе, изъ котораго могутъ произойти лишь человѣческія мнѣнія, которыя свободны и не обязательны». Далѣе идетъ ссылка на декларацію епископовъ 1889 года. Съ перваго взгляда предложеніе это кажется до того простымъ, что о немъ нечего и говорить; оно кажется даже нѣсколько безцѣльнымъ, лишеннымъ практическаго характера. Но на дѣлѣ оно имѣетъ большое значеніе, именно для нашихъ дальнѣйшихъ работъ. Докладывалъ по этому пункту ректоръ бернскаго университета Мишо (по французски). Съ величайшей послѣдовательностію и ясностію онъ доказалъ необходимость разграничить область догмата отъ области богословія. Догматъ, по совершенно правильному взгляду референта, есть нѣчто данное свыше, не подлежащее измѣненію, независимое отъ того или другого взгляда, господствующаго въ данное время въ наукѣ. Совсѣмъ не то—богословское мнѣніе; оно можетъ и должно измѣняться, ибо принадлежитъ къ области науки, а наука не можетъ оставаться неподвижною. Для христіанина обязателенъ догматъ, ученіе Христа, а не богословское разсужденіе (la spéculation théologique), которое оставляетъ нѣкоторый просторъ и для личныхъ взглядовъ.

Я считаю этотъ рефератъ очень важнымъ и вотъ почему Православный Востокъ, служившій когда-то источникомъ свѣта для всего міра и передавшій Западу сокровища своей культуры, долженъ былъ вслѣдствіе разныхъ переворотовъ временно отказаться отъ своего

наченія и вліянія; ему пришлось вынести тяжкую борьбу съ притѣснителями, устремлявшимися на него то изъ Европы, то изъ Азіи. Эту борьбу онъ вынесъ, и нынѣ, съ новыми силами, почерпаемыми уже и въ славянствѣ и м. пр. у его представительницы Россіи, снова выступаетъ на міровую сцену, притомъ не въ качествѣ только матеріальной мощи, слѣпой стихійной силы, а какъ носитель и культурныхъ началъ! Главное изъ нихъ конечно наша вѣра. Вотъ тутъ то мы и сталкиваемся съ церквами Запада: однѣ изъ нихъ встрѣчаютъ насъ съ стародавней, неизмѣнной враждебностію (Римъ), другія—съ нѣкоторой гордой недовѣрчивостію (протестантизмъ и его развѣтвленія), а церковь старо-католическая, слабая числомъ, но сильная наукой и вѣрой, сама къ намъ стремится, признавая насъ носителями несомнѣнной, безусловной истины, сохраненной нами среди всякихъ невзгодъ и испытаній, всякихъ обольщеній и обмановъ.

Но, сближаясь съ западными церквами, мы должны имѣть готовые отвѣты на всѣ ихъ вопросы, мы въ особенности должны выяснить, что составляетъ сущность нашей вѣры и что ея случайное выраженіе. Намъ придется сказать, что мы считаемъ существеннымъ и что несущественнымъ въ нашемъ ученіи, что мы требуемъ принять отъ насъ какъ несомнѣнную Богомъ установленную истину (догматъ), а что подлежитъ возможнымъ измѣненіямъ.

Мы твердо вѣруемъ и знаемъ, что вѣроученіе наше правильно, но въ него входятъ и догматы, данные свыше, входятъ и временныя, измѣняемыя богословскія мнѣнія, которыя не могутъ притязать на одинаковое значеніе съ догматомъ. Въ теоріи этого конечно никто оспаривать не будетъ, но на практикѣ вопросъ этотъ далеко не такъ простъ и ясенъ, какъ можетъ казаться съ перваго взгляда. Мы сплошь да рядомъ наталкиваемся, даже въ спорахъ съ богословами, на такія мысли, которыя очевидно основаны на смѣшеніи понятій о догматѣ и о научномъ мнѣніи (opinio). Богословы зачастую увлекаются и склонны придавать своему научному мнѣнію значеніе догмата. Напомню напр. споры, происходившіе между принцемъ Вальдемаромъ Датскимъ и его духовникомъ съ одной стороны, а нашимъ оффиціальнымъ богословомъ о. Насѣдко съ другой. Вѣдь Насѣдко былъ увѣренъ въ своей правотѣ, требуя для своихъ богословскихъ мнѣній значенія догматовъ. Они казались ему безусловно важными, обязательными.... Припомнимъ, что говорилъ московскій людъ, даже и духовенство про Самозванца.

Конечно, никто изъ нашихъ современныхъ богослововъ не будетъ требовать, чтобы возсоединяющіеся старо-католики непремѣнно ходили по субботамъ въ баню и воздерживались отъ телятины, но вѣдь многое можетъ найтись и теперь въ этомъ родѣ, кромѣ бани

да телятины! Повторяю, очень важно разграничить сферу догмата и сферу науки, богословія, которое должно дать лишь объясненіе (философское, научное) догмата, но не должно быть съ нимъ смѣшиваемо. Въ этомъ и заключается важность 2-го предложенія и реферата Мишо.

Этими двумя рефератами въ первое засѣданіе мы и ограничились. Вечеромъ происходило собраніе въ церкви. Говорили сначала епископы, затѣмъ духовныя лица, не облеченныя епископскимъ саномъ.

Первое слово было предоставлено православному архіепископу Никифору патрасскому. Онъ кажется когда-то учился въ Германіи и говоритъ, хотя не вполнѣ свободно, по-нѣмецки. Появленіе его на каѳедрѣ старо-католическаго храма возбудило живѣйшій интересъ и обрадовало присутствующихъ. Очень хорошо и ясно говорилъ онъ о догматическихъ различіяхъ и о возможности ихъ устраненія, объ охранѣ догматическаго единства въ церкви вселенскими соборами, о томъ что это догматическое единство не нарушается національными различіями въ культѣ и въ организаціи церковной жизни и церковнаго управленія. Христіанскія разъединенныя церкви—продолжалъ онъ—постоянно стремились къ возсоединенію, но попытки эти не удавались, ибо къ нимъ примѣшивались посторонніе элементы, не имѣющіе ничего общаго съ религіею. Архіепископъ закончилъ свою рѣчь выраженіемъ надежды на возсоединеніе церквей. После православнаго іерарха говорили архіепископъ старо-католической церкви въ Голландіи, Герардъ Гуль, и епископъ англиканскій д-ръ Вордсвортъ солсбэрійскій. Послѣдній очень умно и осторожно разъяснилъ вопросъ объ условіяхъ общенія въ таинствахъ. Онъ обошелъ молчаніемъ затрудненія, представляемыя органическими противорѣчіями въ самой англиканской церкви. Разбирая условія возсоединенія и разныя ступени—какъ онъ выразился—ведущія къ нему, онъ указалъ какъ на первую изъ этихъ ступеней—на взаимную снисходительность и взаимную любовь. Замѣчаніе это, которое иному покажется общимъ мѣстомъ, не лишено значенія во взаимныхъ отношеніяхъ христіанскихъ церквей. Въ самомъ дѣлѣ, какъ часто люди расходятся во взглядахъ и дѣйствіяхъ потому только, что не могутъ разстаться съ своимъ эгоизмомъ, а потому не въ состояніи отнестись объэктивно къ мнѣніямъ противника, и понять его точку зрѣнія! Въ концѣ своей рѣчи епископъ сообщилъ интересное свѣдѣніе, что общеніе въ таинствахъ существуетъ между однимъ изъ православныхъ патріархатовъ Малой Азіи и армянской церковью. (?) Хотя въ числѣ гостей и былъ армянинъ, который могъ бы сообщить объ этомъ нѣкоторыя подробности, но мнѣ не удалось разъяснить этого дѣла; полагаю скорѣе, что свѣдѣнія эти относятся къ какому нибудь частному случаю.

Послѣ епископовъ—гостей, говорили другіе гости. Тутъ опять первое мѣсто было предоставлено православному: на каѳедру взошелъ протопресвитеръ И. Л. Янышевъ. Онъ изложилъ свой взглядъ на характеръ взаимныхъ отношеній между православными автокефальными церквами, при-чемъ, раскрывъ идеальную сторону этихъ отношеній, указалъ на силу зла, препятствующую полному осуществленію идеала и обнаруживающуюся не только въ разныхъ обрядовыхъ, національныхъ, политическихъ пристрастіяхъ и предубѣжденіяхъ, но и въ антагонизмѣ между цѣлыми частями свѣта, каковы Западъ и Востокъ. Свой рефератъ онъ закончилъ указаніемъ на старо-католицизмъ, какъ на единственный на всемъ Западѣ свѣтлый симпатичный для восточной православной церкви пунктъ, и выраженіемъ надежды на помощь свыше въ дѣлѣ возсоединенія раздѣленныхъ нынѣ церквей на той почвѣ древней церкви, на которую возвращается старо-католицизмъ.

Послѣ протопресвитера Янышева произнесъ рѣчь (по-итальянски) бывшій каноникъ храма Св. Петра, графъ Кампелло. Онъ говоритъ съ паѳосомъ, который намъ, людямъ сѣвера, кажется преувеличеннымъ, но безспорно обладаетъ замѣчательнымъ даромъ слова. Съ особенной настойчивостью графъ Кампелло говорилъ о вредѣ господствующей теперь въ Италіи методы религіознаго обученія народа, который сначала долженъ выслушивать непонятныя ему молитвословія мессы, а затѣмъ слушать съ каѳедры нерѣдко весьма странныя исторіи о разныхъ святыхъ, о Пречистой Дѣвѣ, ихъ чудесномъ вмѣшательствѣ въ обыденную жизнь человѣка, причемъ лишь очень рѣдко упоминается Христосъ и Его ученіе. По словамъ оратора, вся поучительная часть христіанскаго ученія затемняется въ этихъ проповѣдяхъ частью анекдотической. Графъ Кампелло упомянулъ и о томъ, что папа гораздо болѣе занимается политикой, нежели религіей, и готовъ на всякіе компромиссы, отъ которыхъ конечно откажется при первомъ удобномъ случаѣ, если это будетъ ему выгодно.

Съ особеннымъ интересомъ ожидали мы рѣчи представителя австрійскихъ старо-католиковъ д-ра Чеха. Для насъ, русскихъ, отношенія славянъ къ старо-католичеству особенно интересны. Казалось бы, что австроугорское славянство должно служить самой благодарной почвой для старо-католицизма, въ которомъ не безъ основанія можно видѣть какъ бы продолженіе чешскаго гуситства. И Гусъ стремился къ очищенію римской церкви отъ всякихъ заблужденій, уже тогда разъѣдавшихъ ее; и онъ хотѣлъ возстановить законныя права національныхъ церквей, попранныя папой; наконецъ и самая чаша, которая возстановлена въ старо-католической литургіи, должна бы возбудить сочувствіе чеховъ. Къ тому же славяне-

католики подобно многимъ другимъ католикамъ большею частью не признаютъ новаго догмата 1870 года. Конечно, я говорю лишь о тѣхъ, которые имѣютъ нѣкоторое богословское образованіе. Даже поляки, отличающіеся слѣпой вѣрой въ Римъ, видящіе въ папизмѣ знамя, соединительный элементъ всего враждебнаго Россіи, и они большею частью обходятъ молчаніемъ новый догматъ. Все это могло бы, кажется, побудить славянъ къ сближенію со старокатолицизмомъ. Но пока этого незамѣтно. Правда, въ настоящую минуту славяне всѣцѣло поглощены политикой; но вѣдь такое положеніе дѣлъ не можетъ вѣчно продолжаться: политическая борьба составляетъ не цѣль народной жизни, а лишь средство обезпечить національное существованіе и полноту народнаго развитія. Обезпечивъ свою народность, славяне не могутъ въ дальнѣйшемъ развитіи остаться въ сторонѣ отъ волнующихъ весь Западъ движеній религіознаго характера. Вотъ тутъ то старо-католицизмъ и представится удобнымъ мостомъ для постепеннаго сближенія славянъ западныхъ, особенно католическихъ, съ восточными, православными. На это мнѣ могутъ отвѣтить, что католическимъ славянамъ, не мудрствуя лукаво, слѣдуетъ просто сдѣлаться православными. Люди, которые такъ разсуждаютъ, конечно доказываютъ этимъ свою преданность православію, но едва ли и пониманіе той борьбы, которая происходитъ въ душѣ человѣка, вынужденнаго отказаться отъ вѣры отцовъ. На такое дѣйствіе, если оно не зависитъ отъ какихъ либо спеціальныхъ условій, способенъ лишь тотъ, кто глубоко изучилъ вѣроисповѣдные вопросы и притомъ одаренъ желѣзной послѣдовательностью, въ родѣ покойнаго чешскаго вождя Сладковскаго. Но мы видимъ, что и у него послѣдователей оказалось не-много. Дѣло въ томъ, что религія—не наука, не раціоналистическая система, долженствующая удовлетворить одному разуму. Она захватываетъ все существо, всю душу человѣка. Тутъ не достаточно навести надлежащую справку въ исторіи церкви да въ догматикѣ, провѣрить, исполняются ли въ данной церкви постановленія вселенскихъ соборовъ, нѣтъ ли какихъ отклоненій отъ того, что ими предписывается, и не вторгается ли власть кесаря въ дѣло божіе; нѣтъ, религія глубоко коренится въ душѣ человѣка и отказаться отъ нея не такъ легко, какъ отъ научнаго положенія, которое оказалось неправильнымъ. Даже самый внѣшній обликъ, внѣшнее выраженіе религіи, и тѣ дороги человѣку, иногда такъ дороги, что изъ-за нихъ онъ готовъ многое простить своей церкви. Это чувство есть конечно и у католиковъ-славянъ. Поэтому очень важно указать имъ на старокатолицизмъ, какъ на религію, въ которой при истинномъ догматѣ существуютъ привычныя и дорогія этимъ славянамъ древнія формы. Но все это необходимо имѣть намъ въ виду и при обсужденіи старо-

католицизма. Отъ западнаго христіанина невозможно требовать, чтобы онъ, безо всякой причины, разстался со своимъ обрядомъ, связаннымъ со всей его культурой. Старо-католицизмъ и представляетъ исходъ изъ всѣхъ этихъ затрудненій. Догматъ признается вселенскій, а оболочка его остается мѣстная, народная. Къ сожалѣнію, старо-католицизмъ считается въ Австріи нѣмецкимъ движеніемъ, и это служитъ препятствіемъ къ тому, чтобы въ настоящее время славяне-католики относились къ нему сочувственно. Впрочемъ д-ръ Чехъ сказалъ мнѣ, что около трети вѣнской старо-католической общины состоитъ изъ славянъ, преимущественно изъ чеховъ и моравянъ. Д-ръ Чехъ говоритъ прекрасно и—какъ славянинъ—очень образно. Свою рѣчь онъ закончилъ указаніемъ на великое благо, которое долженъ принести христіанскому міру созывъ вселенскаго собора. Это, конечно, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, и если о немедленномъ созывѣ такого собора не можетъ еще быть рѣчи, то ничто не мѣшаетъ готовиться къ нему, въ особенности же разъяснять печатно и устно его необходимость въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Засѣданіе делегатовъ и гостей втораго дня конгресса (2—12 сент.) было посвящено дальнѣйшему разсмотрѣнію предложеній. Ихъ оставалось семь, но большинство изъ нихъ, за исключеніемъ VI-го, порученнаго мнѣ, не можетъ представить особеннаго интереса для читателей «Сл. Обозр.» Поэтому я ограничусь простымъ ихъ перечнемъ, хотя долженъ замѣтить, что нѣкоторые изъ нихъ сопровождались дѣйствительно мастерскими, великолѣпными рѣчами. Особенно хороша была рѣчь д-ра Вокера, профессора бернскаго университета. Онъ дѣлалъ докладъ по III тезису: о правѣ національныхъ (автокефальныхъ) церквей Востока и Запада жить и дѣйствовать самостоятельно, примѣнительно къ народнымъ обычаямъ населенія, его образованію и преданіямъ, притомъ безъ нарушенія общаго церковнаго единства.

По IV тезису докладывалъ д-ръ правъ Вейбель. Онъ доказывалъ необходимость сплотиться для борьбы противъ Рима, который теперь, отказываясь отъ своихъ обычныхъ легитимистскихъ симпатій, старается захватить въ свои руки соціальные вопросы и для достиженія своихъ личныхъ цѣлей опереться на народныя массы, какъ прежде опирался на князей и сильныхъ міра сего.

Профессоръ Веберъ изъ Бонна, викарій германскаго епископа, представилъ рефератъ по V-му предложенію; оно клонилось къ тому, чтобы протестанты не называли впредь римско-католиковъ (инфаллибилистовъ) «католиками». Это по виду довольно странное предложеніе имѣетъ для старо-католиковъ Швейцаріи спеціальный интересъ и

кажется отъ разныхъ протестантскихъ обществъ получено уже согласіе на такое ходатайство.

Рефератъ по VI тезису былъ порученъ мнѣ. Вотъ его текстъ: «Желательно основать международный богословскій факультетъ, а равно международный богословскій журналъ» (Zeitschrift).

Двойное предложеніе это имѣло важное практическое значеніе, въ особенности та его часть, которая относится къ основанію международнаго богословскаго журнала. Оно представляетъ необходимое дополненіе къ состоявшемуся наканунѣ постановленію по I предложенію (Фридрихъ-Янышева) объ обращеніи къ независимымъ отъ Рима церквамъ, съ цѣлію возстановить древнее единство церкви, и о приглашеніи принадлежащихъ къ разнымъ церквамъ богослововъ совмѣстно выяснить догматическія и каноническія разности, раздѣляющія ихъ церкви, чтобы такимъ образомъ придти къ взаимному соглашенію.

Въ моемъ рефератѣ я высказалъ, что старо-католики уже много сдѣлали для сближенія съ догмою нераздѣленной древней церкви, что въ этомъ отношеніи они стоятъ на почвѣ этой послѣдней; что съ отказомъ старо-католиковъ отъ догмата Filioque, отъ теоріи индульгенцій и связаннаго съ ними неправильнаго ученія о загробной жизни, отъ догматовъ непорочнаго зачатія Пресвятой Дѣвы и папской непогрѣшимости и съ введеніемъ ими у себя причащенія подъ обоими видами, они оказались «едиными» въ догматѣ съ древней нераздѣленной церковью; но что этого еще недостаточно, что остались нерѣшенными разные вопросы каноническіе, что наконецъ не довольно п р и н я т ь все, чему учила древняя церковь, но что необходимо еще о т в е р г н у т ь то, что она отвергала. Полагаю, что такая постановка дѣла въ не малой степени облегчитъ рѣшеніе вопроса о сношеніяхъ съ протестантизмомъ и англиканизмомъ. При этомъ я указывалъ на значеніе старо-католицизма, который стоитъ выше племенныхъ разногласій и стремится къ задачамъ міровымъ, но можетъ обезпечить за собою это значеніе лишь безусловной вѣрностію ученію нераздѣленной церкви.

Основаніе международнаго богословскаго факультета при б е р н с к о м ъ университетѣ, или вѣрнѣе расширеніе нынѣ существующаго, я защищалъ на томъ основаніи, что хотя старо-католическія ученыя силы напр. въ боннскомъ университетѣ значительнѣе силъ университета бернскаго, но все-таки нигдѣ кромѣ Берна нѣтъ полнаго старо-католическаго факультета, могущаго давать законные дипломы на ученыя степени.

Я полагаю, что въ этотъ богословскій факультетъ было бы полезно посылать и русскихъ воспитанниковъ. У насъ не принято посылать за границу молодыхъ богослововъ, но я не вижу, почему бы

этого не дѣлать. Если свѣтская наука наша считаетъ полезнымъ посылать за границу молодыхъ людей для того, чтобы они могли самолично ознакомиться съ западной наукой и ея носителями, то мнѣ кажется, что этому примѣру могла бы послѣдовать и наша наука богословская. При всемъ уваженіи къ представителямъ послѣдней, нельзя же отвергать, что богословіе существуетъ и на Западѣ. Опасенія за то, что наши воспитанники совратятся, едва ли могутъ имѣть серьезное основаніе. Во многихъ германскихъ университетахъ (и въ католическихъ и въ протестантскихъ) воспитываются греческіе богословы, и съ большимъ успѣхомъ. Притомъ въ бернскомъ факультетѣ ихъ конечно не будутъ совращать изъ православія, ибо старо-католицизмъ старается съ нами же соединиться. Наконецъ было бы желательно видѣть нашихъ молодыхъ ученыхъ на бернскомъ факультетѣ еще и потому, что они могли бы тамъ овладѣть языками французскимъ и нѣмецкимъ. А это очень желательно! Россія и ея церковь все болѣе и болѣе втягиваются въ общую жизнь образованныхъ народовъ; намъ приходится принимать въ ней дѣятельное участіе (конечно не съ тѣмъ, чтобы поступиться нашими принципами, а чтобы вліять на Западъ, сообщить ему нашу истину).

Основаніе международнаго журнала имѣетъ подобное же значеніе. Ежели въ немъ примутъ участіе православные ученые, онъ будетъ служить для запада какъ бы «маякомъ» православія. Роль такого маяка игралъ нѣкогда «Union chrétienne» покойнаго отца Владиміра Геттэ. Было бы очень желательно возстановить его; и если наши ученые примутъ участіе въ новомъ международномъ органѣ, то конечно онъ будетъ представлять не малый интересъ и для западныхъ читателей, а вмѣстѣ съ тѣмъ служить проводникомъ нашихъ богословскихъ взглядовъ и мнѣній. Я предложилъ избрать особую комиссію изъ представителей разныхъ церквей для того, чтобы пропагандировать мысль объ этомъ международномъ органѣ, редакцію которой я предложилъ возложить на международный богословскій факультетъ, поручивъ ее профессорамъ Мишо и Вокеру. Всѣ мои предложенія приняты единогласно. Въ члены предложенной мною комиссіи избраны: архіепископъ патрасскій Никифоръ Калогерасъ, (Греція), Докторъ правъ Вейбель (Швейцарія), Д-ръ богословія Веберъ (викарій Германскій), Д-ръ богословія Вордсвортъ Епископъ Солсбэрійскій (Англія), Д-ръ богословія Гэль (Америка), Графъ Капелло (Италія), Жуанъ Кабрера (Испанія), Д-ръ Бэндель (Австрія), Д-ръ правъ Жанвье (Гаити), фонъ Зандтенъ (Голландія) и я (Россія).

Вечеромъ того же дня комиссія эта собралась подъ временнымъ предсѣдательствомъ епископа солсбэрійскаго. Мы избрали постоян-

нымъ своимъ предсѣдателемъ Д-ра Вейбеля и пригласили къ участію въ нашемъ дѣлѣ епископа швейцарскаго Герцога и бернскихъ профессоровъ Мишо и Фридриха.

Замѣчу кстати, что и тутъ, при избраніи референтовъ изъ числа не старокатоликовъ, выборъ старокатоликовъ палъ на православнаго, хотя въ числѣ англиканъ были такіе, которые владѣли нѣмецкимъ языкомъ не хуже меня. Я привожу этотъ мелкій фактъ въ подтвержденіе сказаннаго мною выше о желаніи старо-католиковъ всячески выказать свое сочувствіе православнымъ.

Доклады по остальнымъ тезисамъ: VII. О борьбѣ противъ индифферентизма, г. Эридье (по-французски); VIII. О присутствіи на богослуженіи, о дѣлахъ милосердія и о помощи ближнему, безъ различія вѣроисповѣданій, д-ра Тюрлингса (по-нѣмецки) и IX. О совмѣстномъ пользованіи церквей, г-на Гино (по-французски)—дали намъ случай выслушать прекрасныя рѣчи, но не представляютъ особаго интереса для читателей «Славянскаго Обозрѣнія», почему я ихъ и обхожу. Ограничусь замѣчаніемъ, что и эти тезисы были приняты конгрессомъ. Во время преній, былъ тутъ затронутъ вопросъ и о мѣстѣ будущаго конгресса. По уговору съ гг. Чехомъ и Бенделемъ, я предложилъ Вѣну; но уже до конгресса былъ назначенъ Утрехтъ (на 1894), такъ что мое предложеніе осуществится лишь въ 1896 году.

Въ 2 часа того же дня происходилъ торжественный «банкетъ», на которомъ конечно было произнесено немало хорошихъ рѣчей, впрочемъ свѣтскаго содержанія. Отмѣчу двѣ изъ нихъ. Архіепископъ дублинскій сказалъ между прочимъ слѣдующее: Астрономы могутъ судить о силѣ планетъ по тѣмъ девіаціямъ, которыя онѣ производятъ на орбиты другихъ планетъ: чѣмъ сильнѣе и многочисленнѣе эти девіаціи, тѣмъ сильнѣе стало быть и производящія ихъ планеты. Вотъ и мы, по примѣру планетъ, собрались вокругъ старокатолицизма и въ нашихъ путяхъ онъ произвелъ девіаціи. Насъ много; прибыли мы изъ противоположныхъ странъ міра, изъ Гаити и Петербурга, изъ Сиріи и Америки, изъ Италіи и Голландіи,—отовсюду: стало быть мы должны заключить, что и у старо-католицизма есть дѣйствительная внутренняя сила, которая всѣхъ насъ притягиваетъ.

Протопресвитеръ І. Л. Янышевъ указалъ на связь, издавна существующую и донынѣ продолжающуюся между Россіею и Швейцаріею, на Лефорта, на Лагарпа, на походъ Суворова, на Красный Крестъ, и закончилъ свою импровизацію предложивъ тостъ за Швейцарію, не нѣмецкимъ «Hoch», а русскимъ «Ура». Это нововведеніе повидимому очень понравилось присутствующимъ, неоднократно и весьма дружно прогремѣвшимъ «Ура»!

На эту рѣчь немедленно отвѣтилъ д-ръ Вейбель, замѣтивъ, что имп. Александръ I съ лихвой заплатилъ свой долгъ Швейцаріи, спасши ее отъ расчлененія на Вѣнскомъ Конгрессѣ, и что этого Швейцарія не забудетъ.

На третій, послѣдній день конгресса тоже происходило собраніе делегатовъ. Изъ числа произнесенныхъ рѣчей отмѣчу рѣчь армянина Исаака. Онъ утверждалъ, что хотя армяне не признали IV-го Собора вселенскимъ и не признаютъ его таковымъ, но что они нисколько не еретики, не эвтихіане, что доктрина ихъ вполнѣ православна и что они принимаютъ ученіе IV Собора. Это заявленіе слѣдуетъ принять во вниманіе. Но затѣмъ онъ очень безтактно вдался въ политику, что не входило въ программу и было крайне непріятно старо-католикамъ.

Не менѣе интересна, но тоже довольно безтактна была рѣчь архіепископа дублинскаго, лорда Плэнкета. Онъ сдѣлалъ краткій очеркъ исторіи ирландской церкви, основанной внѣ римскаго вліянія и долго жившей внѣ этого вліянія. Но этимъ очеркомъ лордъ Плэнкетъ не ограничился и довольно неумѣстно упомянулъ о протекціи, которую онъ оказываетъ испанскимъ старо-католикамъ. Должно сказать, что по мѣрѣ роста и укрѣпленія старо-католичества, вокругъ него появляются паразиты, выростаютъ «плевелы», въ лицѣ такихъ «союзниковъ» и «единомышленниковъ», отъ которыхъ настоящимъ старо-католикамъ приходится открещиваться. На первыхъ порахъ старо-католики были склонны сближаться и съ такими лицами, но теперь они стали осторожнѣе. Впрочемъ и между старо-католиками есть такіе, которые не всегда придерживаются строго-богословскихъ понятій. Нѣкоторые изъ ораторовъ, говорившихъ на конгрессѣ, тоже не всегда держались богословскихъ мотивовъ и переходили иногда въ чуждыя конгрессу области. Къ числу такихъ ораторовъ принадлежалъ въ нѣкоторомъ отношеніи и отецъ Іоакинѳъ (Hyacinth). Онъ говорилъ два раза, съ необыкновеннымъ, неподдѣльнымъ жаромъ, увлекательно, но не всегда соблюдая рамки богословія. Конгрессъ заключился прогулкой на живописное «Рютли» гдѣ по преданію Штауффахеръ, Фюрстъ и Мельхталь на сходкѣ поклялись освободить свою родину отъ австрійцевъ. Въ этой живописной обстановкѣ мы выслушали энергическую рѣчь нашего почтеннаго предсѣдателя д-ра Филиппа. Онъ говорилъ о совмѣстномъ служеніи церкви и родинѣ, о готовности швейцарскихъ старо-католиковъ нести и трудъ и матеріальныя лишенія, чтобы охранять эти двѣ святыни отъ каждаго, кто бы на нихъ дерзновенно посягнулъ!

Всякое благородное чувство, въ особенности если оно искренно и сильно выражено, находитъ отголосокъ въ сердцѣ каждаго порядоч-

наго человѣка; чѣмъ возвышеннѣе это чувство, тѣмъ конечно выше и то наслаждсніе, которое оно доставляетъ сердцу, не вполнѣ погрязшему «въ заботахъ суетнаго свѣта!». Тѣмъ живѣе чувствовался въ этомъ историческомъ и поэтическомъ уголкѣ Швейцаріи призывъ къ примиренію истинной религіозности съ чистымъ патріотизмомъ во имя высшихъ идеаловъ жизни и мысли. Во все время нашего пребыванія въ Люцернѣ среди старо-католиковъ, мы чувствовали себя въ обществѣ людей, у которыхъ слово не расходится съ дѣломъ. А такіе люди очень рѣдки всегда, особенно же въ наше время, когда ясность сознанія и цѣльность характера въ большинствѣ случаевъ разбиты сложными и ложными условіями общественной жизни!

Я представилъ читателямъ лишь краткій и блѣдный очеркъ этого поучительнаго конгресса. Какъ выше сказано, онъ былъ созванъ не для рѣшенія какихъ либо догматическихъ вопросовъ; однако принятыя на немъ опредѣленія несомнѣнно поведутъ къ рѣшенію и догматическихъ и каноническихъ вопросовъ: я разумѣю тутъ особенно работы богослововъ, которыя своевременно будутъ представлены на благоусмотрѣніе православной церкви. Когда дѣло это дойдетъ до нашего церковнаго правительства, оно конечно сумѣетъ отвѣтить на этотъ призывъ въ духѣ милосердія и правды. Не уступая ни іоты изъ сохраненной нами истины древней нераздѣленной церкви, наша іерархи не станутъ конечно воздвигать и искусственныхъ преградъ соединенію съ тѣми, которые такъ настойчиво его ищутъ, не станутъ придавать вещамъ несущественнымъ—значенія принципіальнаго, въ особенности не будутъ выдавать частныхъ (хотя бы и принятыхъ многими почтенными людьми) мнѣній за непогрѣшимый голосъ церкви.

Какая же при этомъ можетъ и должна быть наша роль? Можемъ ли мы, частные люди, міряне, принимать участіе въ этомъ дѣлѣ? Не только можемъ, но и должны! По ученію православной церкви, всѣ ея члены суть живые участники въ ея жизни. Всякій православный имѣетъ право высказывать свои убѣжденія по вопросамъ, касающимся его церкви, въ особенности столь важнымъ, какъ старо-католическій. Что же касается рѣшенія подобныхъ вопросовъ, то оно принадлежитъ высшей духовной власти, именно вселенскому собору. Законъ, которому мы должны повиноваться въ дѣлахъ духовныхъ въ вопросахъ высшаго порядка, есть догматическое изреченіе вселенскаго собора. Но и вселенскій соборъ есть не что иное, какъ собраніе епископовъ—свидѣтелей вѣры своихъ паствъ. Они non sunt auctores fidei, sed testes. Таково ученіе православной церкви. Ученіе это нетолько даетъ намъ слѣдовательно право, но

и налагаетъ на насъ обязанность высказаться и по старокатолическому вопросу. Замѣчу, что право высказываться—и даже смѣло—ничуть не исключаетъ обязанности повиноваться, и что молчаніе не всегда—согласіе.

Какъ же должно намъ отнестись къ старо-католической церкви, ея стремленіямъ и ученію? Мнѣ уже не разъ приходилось касаться этого вопроса, не разъ на него отвѣчать: не встрѣтивъ серьезныхъ возраженій противъ сказаннаго мною, я до сихъ поръ стою на прежнемъ. Однимъ изъ главныхъ условій, которымъ должна удовлетворять церковь, представляется существованіе въ ней законно-рукоположеннаго епископата и священства. Епископы Утрехтской церкви имѣютъ несомнѣнно законное рукоположеніе отъ преемства апостольскаго. Правда, Римъ признаетъ ихъ схизматиками, но вѣдь и насъ тоже. Стало быть намъ надъ этимъ останавливаться нечего, тѣмъ болѣе, что по римскому ученію рукоположеніе схизматическое всетаки признается дѣйствительнымъ. На это возражаютъ, что епископъ Рейнкенсъ былъ рукоположенъ однимъ епископомъ, а не тремя (какъ это дѣлается у насъ) и не двумя или тремя (какъ то предписывается первымъ «правиломъ св. Апостоловъ»). Но, во первыхъ, и въ нашей церкви по нуждѣ допускается рукоположеніе однимъ епископомъ; затѣмъ, и это главное, по каноническому праву Запада рукоположеніе однимъ епископомъ считается вполнѣ правильнымъ и законнымъ (могу указать, гдѣ это сказано: Permaneder Handbuch, pag. 410. Канонич. право. Изд. 1865 года.) Какъ нибудь должны же мы смотрѣть на поставленіе Рейнкенса: или по нашему, или по западному!? Но и по нашему и по западному онъ поставленъ правильно: по нашему—въ видѣ исключенія (нужда была очевидная), по западному—вполнѣ согласно закону, признаваемому Западомъ.

Перейдемъ къ ученію старо-католиковъ. Какъ извѣстно, ихъ ученіе есть ученіе католическое (римское), очищенное отъ римскихъ новшествъ, римскихъ ересей. Всякому, занимавшемуся церковной исторіей, извѣстно, въ чемъ, начиная съ временъ св. патріарха Фотія, состояли серьезныя догматическія разности, служившія препятствіемъ къ единенію. И великій этотъ патріархъ, а позже и св. Маркъ эфесскій указывали на незаконную вставку словъ Filioque въ символъ вѣры. Эту ошибку старо-католики исправили. Символъ читается ими по-нашему, по православному. Далѣе идетъ вопросъ о формѣ таинства евхаристіи: Римъ, вопреки словамъ Христа, отнимаетъ у мірянъ чашу, у старо-католиковъ она возстановлена. Въ началѣ XVI в. финансовыя затрудненія наводятъ папу на мысль торговать индульгенціями,—афера, обошедшаяся ему очень дорого! Еслибы онъ

могъ предвидѣть цѣну, которую ему придется уплатить за доставленныя ему такимъ образомъ деньги, онъ бы конечно отъ нихъ отказался. Эта торговля опиралась на цѣлое мудреное ученіе о загробной жизни, выработанное католическими канонистами. Все это ученіе и всѣ эти индульгенціи отброшены старо-католиками. Далѣе: уже въ наше время, папа Пій IX выдумалъ догматъ «непорочнаго зачатія»: его не существуетъ у старо-католиковъ, онъ ими отброшенъ. Наконецъ, самое чудовищное новшество Рима—папская непогрѣшимость—было причиной отдѣленія старо-католиковъ отъ Рима: движеніе и началось съ того, что непогрѣшимость эта была отброшена. Спрашиваю: если бы ни одного изъ этихъ догматовъ не было внесено Римомъ въ свою догматику, признавали-ли бы мы папу и его ученіе православными? Отвѣтъ несомнѣненъ—признавали бы! Мы не только бы признали папу православнымъ но даже сохранили бы за нимъ первенство чести (приматъ).

Но то же самое разсужденіе мы логически должны примѣнить и къ старо-католикамъ. Въ настоящее время никакихъ догматическихъ разностей между нами не существуетъ. Говорю такъ опредѣленно потому, что опираюсь на авторитетъ, который едва ли кто рѣшится опровергать: я имѣю въ виду схему спорныхъ вопросовъ (Schema quaestionum controversarum), составленную нашими богословами (въ ихъ числѣ были между прочимъ профессоръ Осининъ и протоіерей І. В. Васильевъ), которая была въ 1873 году послана въ Боннъ и послужила исходной точкой нашихъ переговоровъ. Стало быть, въ этомъ отношеніи дѣло представляется безспорнымъ. Съ другой стороны, вопросы чисто обрядовые не могутъ служить препятствіемъ къ церковному единенію. Вѣдь и мы допускаемъ у себя обрядовыя разности, напр. въ обрядѣ совершенія главнѣйшаго христіанскаго таинства. Справедливо ли будетъ относиться къ чужимъ строже, нежели къ своимъ? Если же между старо-католиками и нами окажутся болѣе или менѣе важныя разности по каноническимъ вопросамъ или въ обрядахъ, то по разностямъ этого рода вѣдь можно сговориться. Но конечно, для того чтобы войти съ ними въ общеніе таинствъ, необходимо опредѣленное о томъ постановленіе церковныхъ правительствъ автокефальныхъ церквей или—еще лучше—вселенскаго собора. Мнѣ же представляется несомнѣннымъ, что относительно старо-католическихъ догматовъ и автокефальныя церкви и вселенскій соборъ придутъ къ тѣмъ же результатамъ, на которые и я позволяю себѣ указывать. Во всякомъ случаѣ, намъ слѣдуетъ помнить, что если нашъ догматъ безусловно чистъ и непогрѣшимъ, то лишь потому, что онъ божественъ, но что въ остальномъ и у насъ есть недостатки. Къ святой работѣ соглашенія со старо-католиками

нужно приступать съ тѣмъ чувствомъ христіанскаго смиренномудрія, которое прекрасно выразилось въ словахъ протопресвитера Янышева, когда онъ передавалъ конгрессу благожеланія, покойнаго нынѣ, петербургскаго митрополита Исидора: «Православные, сказалъ онъ, не могутъ не сочувствовать старо-католикамъ; почва древней нераздѣленной церкви есть именно ихъ собственная почва, до такой степени, что если бы нѣмецкая наука или кто бы то ни было доказалъ православнымъ, что они находятся по какому либо пункту въ противорѣчіи съ древней нераздѣльной церковью, то они первые поспѣшили бы устранить это противорѣчіе»!

Кромѣ того, намъ еще должно помнить, что если истина намъ дана въ большей мѣрѣ, нежели другимъ, то это возлагаетъ на насъ и большія обязанности. Мы должны и подѣлиться этой истиной съ тѣми, которыхъ считаемъ обдѣленными; мы не должны ограничиться самодовольной мыслью, что у насъ полнота благодати. Нѣтъ, мы не должны забывать и притчи о талантахъ, должны знать, что схоронить истину не значитъ сохранить ее,—даже для себя!

Стрѣльна. 17 сент. 1892. А. Кирѣевъ.

400-лѣтіе открытія Америки и ея значеніе для славянъ.—Колебанія султана.—Экономическія затрудненія тройной лиги.—Кошутъ и мадьяризмъ.—Чешское государственное право.—Партійная рознь славянъ.—Грекоболгарскія школы.

I.

Вся западная Европа съ августа мѣсяца занята юбилейными празднествами 400-ой годовщины того великаго плаванія черезъ океанъ, которое привело Колумба къ открытію Америки. Празднества эти начались въ Генуѣ, а закончатся лишь въ будущемъ году всемірною выставкою въ Чикаго. Хотя открытіе Америки имѣетъ значеніе эры, отдѣляющей исторію средневѣковую отъ новой, лишь для народовъ романскихъ и германскихъ, раздѣлившихъ между собою господство въ южной и сѣверной половинахъ великаго заокеанскаго материка, однако косвеннымъ образомъ событіе это отразилось важными послѣдствіями и на судьбахъ грекославянскаго міра.

Перенесеніе торговыхъ и промышленныхъ центровъ Европы изъ побережій Средиземнаго моря на берега Атлантическаго океана значительно ослабило интересъ западноевропейцевъ къ водамъ Леванта. Такимъ образомъ оно содѣйствовало окончательному очищенію этихъ водъ отъ различнаго рода франковъ, осѣвшихъ было въ періодъ Крестовыхъ походовъ и могущества итальянскихъ республикъ—Венеціи, Генуи, Пизы—на островахъ и берегахъ Архипелага, отчасти даже Мраморнаго и Чернаго морей. И съ сухопутной стороны замѣтно ослабѣлъ съ тѣхъ поръ натискъ на Востокъ (Drang nach Osten) народовъ романогерманскихъ, которые получили теперь за океаномъ болѣе заманчивыя мѣста для колонизаціи, куда и стали затѣмъ направляться безпокойные элементы Испаніи, Франціи,

Англіи, Голландіи, отчасти и Германіи. Не будь Америки, эта эмиграціонная волна попрежнему заливала бы мало по малу земли западнославянскія, пробиваясь черезъ нихъ и въ наши западныя окраины, какъ это уже начато было итальянцами въ Крыму, а ганзейскими и меченосными нѣмцами—на восточныхъ побережьяхъ Балтійскаго моря. Борьба турокъ съ Габсбургами едва ли приняла бы въ XVI в. столь благопріятный для первыхъ, а слѣдовательно косвенно и для всего грекославянскаго востока—исходъ, еслибы испанскіе Габсбурги не предпочли искать славы и богатства за океаномъ, предоставивъ Габсбургамъ нѣмецкимъ въ одиночку раздѣлываться съ турецкими соперниками на Балканахъ и въ долинахъ средняго Дуная. Этимъ, думаю, объясняется и относительная слабость въ XVI в. нѣмецкаго натиска на Польшу, которая вслѣдствіе того получила наконецъ возможность справиться съ тевтонскимъ и меченоснымъ орденами, и такимъ образомъ достигнуть опять балтійскаго Поморья, почти утраченнаго было ляшскими племенами въ 13—15 вв. И успѣхи шведовъ на южныхъ побережьяхъ этого моря были не мало парализованы тѣмъ обстоятельствомъ, что остальные скандинавцы, именно датчане и норвежцы, издавна обращены были лицомъ къ западу, стремились за океанъ, сначала въ Нормандію, затѣмъ въ Англію, Шотландію, оо. Шетландскіе и Фарерскіе, а наконецъ въ Исландію, Гренландію, сѣв. Америку, Вестъ-Индію.

Это отвлеченіе западно-европейскихъ силъ за океанъ продолжалось всѣ эти 400 л.; оно не закончилось и теперь, причемъ однако наряду съ Америкой выдвигаются постепенно и другія колоніальныя страны, особенно Восточ. Индія, побережья Африки, Австраліи и архипелаги Океаніи.

Но этою косвенною услугою не исчерпываются благодѣтельныя слѣдствія открытія Америки для народовъ грекославянскаго міра. Кромѣ ослабленія натиска на нихъ съ запада, американская колонизація создала за океаномъ, изъ смѣси европейцевъ съ индѣйцами, отчасти и съ неграми, довольно самостоятельныя развѣтвленія романогерманскаго типа. Тамъ сложились новые народы, съ новыми понятіями и стремленіями, во многомъ чуждые европейскимъ ихъ метрополіямъ, отчасти даже враждебные имъ. Особенно должно это сказать объ англо-американскихъ янки. Но и южноамериканскіе испанцы и португальцы также пошатнулись въ вѣрности своей иберійской метрополіи. Это отражается между прочимъ и въ республиканскомъ строѣ всѣхъ американскихъ государствъ какъ германскаго, такъ и романскаго населенія, вовсе не похожемъ на монархическій строй ихъ метрополій. Однѣ собственно-европейскія колоніи составляютъ въ этомъ отношеніи исключеніе, но вѣроятно лишь временное, если

суждено осуществиться провозглашенному уже въ С.-Американскихъ штатахъ лозунгу: «Америка для американцевъ». Установившіяся 100 л. тому назадъ довольно холодныя отношенія между англоамериканцами и великобританцами служатъ доказательствомъ, что европейскія метрополіи американцевъ не всегда могутъ разсчитывать на поддержку послѣднихъ въ случаѣ международныхъ усложненій. Наоборотъ, возможны и такія комбинаціи, при которыхъ напр. грекославяне могли бы воспользоваться содѣйствіемъ янки или креоловъ, въ борьбѣ съ притязаніями великобританцевъ или романцевъ. Въ доказательство сошлемся на прошлогоднюю помощь англоамериканцевъ русскимъ, выразившуюся въ трогательной присылкѣ четырехъ громадныхъ кораблей съ хлѣбомъ, для пострадавшихъ отъ неурожая крестьянъ. При этомъ произнесены были американскими делегатами отъ имени благотворителей и всего общества такія сочувственныя рѣчи, какихъ русскимъ не приходилось еще слышать отъ настоящихъ англичанъ или нѣмцевъ.

Наконецъ, въ послѣдніе годы Америка пріютила у себя не одну уже сотню тысячъ славянскихъ эмигрантовъ, особенно поляковъ (до 1 мил.), чеховъ, словаковъ, червонорусовъ, хорватовъ, сербовъ и словенцевъ. Общее ихъ число въ сѣверной и южной Америкѣ можетъ уже восходить до 2 мил. д. Въ послѣднее десятилѣтіе въ Америкѣ, именно сѣверной, возникло множество славянскихъ обществъ, приходовъ, газетъ, число коихъ съ каждымъ годомъ возрастаетъ, такъ что за океаномъ возникаетъ какъ бы новое славянство, къ судьбамъ котораго мы не можемъ быть равнодушны. Къ сожалѣнію, эти заокеанскіе славяне оказываются столь же разрозненными по языку, вѣроисповѣданіямъ, стремленіямъ, какъ и славяне Стараго свѣта. И тамъ поляки настроены враждебно къ русскимъ, хорваты къ сербамъ, даже отчасти чехи къ словакамъ, что не мало ослабляетъ ихъ племенную силу и облегчаетъ процессъ слiянія съ англоамериканцами. Между тѣмъ организованные въ одно цѣлое, или по крайней мѣрѣ въ нѣсколько сильныхъ группъ, заокеанскіе славяне могли бы надолго обезпечить свою національность и явиться важнымъ факторомъ въ развитіи славянской образованности. Основою такой организаціи могла бы послужить славянская церковь, еслибы словаки, чехи, хорваты и словенцы (о полякахъ умалчиваемъ) возстановили у себя хоть въ Новомъ свѣтѣ кирилло-меѳодіевское богослуженіе, которое въ Европѣ было у нихъ насильственно подавлено итальянцами и еще болѣе нѣмцами. Къ сожалѣнію, и за океаномъ не перестаютъ преслѣдовать славянъ іезуиты и другіе поработители во имя религіи. Но и отъ этой бѣды можно бы заокеанскимъ славянамъ избавиться, еслибы они рѣшились — какъ это уже случилось въ

одномъ уніатскомъ приходѣ американскихъ червонорусовъ — примкнуть къ организаціи церкви русскославянской, имѣющей въ С.-Франциско своего представителя, который и призванъ быть духовнымъ главою американскихъ грекославянъ. Конечно, для выполненія этой высокой миссіи русскій епископъ въ С.-Франциско долженъ быть окруженъ опытными миссіонерами и располагать достаточными матеріальными средствами для поддержки возникающихъ грекославянскихъ церквей и причтовъ. Религіозная будущность Америки, для опредѣленія которой нѣмецкія миссіи расходуютъ въ годъ болѣе 100.000 марокъ, а англійскія—болѣе милліона, даже датскія болѣе 50.000, не можетъ представляться безразличною и для сыновъ грекославянской церкви: вѣдь въ Старомъ свѣтѣ она не безъ успѣха борется какъ съ язычествомъ, такъ равно съ непріязненными намъ миссіями католическими и протестантскими. Между тѣмъ Америка уже теперь во многомъ обогнала Европу. Организація напр. американскихъ школъ, особенно низшихъ, представляетъ безспорныя преимущества. Но то же скоро случится со школами средними и высшими, ибо Америка не щадитъ средствъ на ихъ развитіе, тогда какъ Европа, особенно континентальная, принуждена ограничить свои бюджеты по народному просвѣщенію для сбереженія средствъ на колоссальныя вооруженія, вовсе незнакомыя да и ненужныя американцамъ. При такихъ условіяхъ, такихъ перспективахъ въ будущемъ не грустно ли было бы грекославянамъ навсегда отказаться отъ надежды имѣть и въ Америкѣ своихъ единовѣрцевъ, а слѣдовательно сотрудниковъ на культурномъ полѣ, соратниковъ въ трудной борьбѣ со старыми и новыми дѣятелями романогерманской образованности? Присутствіе въ Америкѣ болѣе 150.000 червонорусовъ и нѣсколькихъ десятковъ тысячъ сербовъ, болгаръ, румыновъ, грековъ, а также цѣлой русской, хотя и не многочисленной епархіи, ставитъ грекославянскую церковь въ возможность постепенно расширить кругъ своихъ вѣрныхъ, особенно въ средѣ славянъ—чеховъ, словаковъ, словенцевъ и хорватовъ. Слѣдуетъ вѣрить и надѣяться, что впослѣдствіи къ организаціи этой примкнутъ и многіе изъ американцевъ, въ средѣ которыхъ замѣчается неудовлетворенность нынѣшними вѣроисповѣдными формами, а также болѣе свободный взглядъ на Россію и славянство, чѣмъ какой издавна укоренился въ западной Европѣ.

II.

Вызванныя американскимъ юбилеемъ празднества ознаменовались въ Генуѣ довольно демонстративнымъ появленіемъ французской эскадры и какъ будто поворотомъ Италіи отъ тройной лиги къ союзу съ Фран-

ціей. Трудно сказать, вызванъ ли этотъ поворотъ разочарованіями Италіи въ надеждахъ на лигу, взрывомъ ли родственныхъ чувствъ романизма апеннинскаго къ французскому или новыми вѣяніями изъ Лондона. Несомнѣнно однако, что онъ вызвалъ ревнивую подозрительность въ нѣмцахъ и не мало охладилъ жаръ ихъ чувствъ къ «чернокудрой» Италіи.

Но съ другой стороны преждевременно было бы выводить отсюда какія нибудь опасности для лиги, такъ какъ она, въ противоположность русско-французской контрлигѣ, представляетъ союзъ не нравственный только, но и формальный, равно обязательный для всѣхъ участниковъ до истеченія означеннаго въ договорѣ срока.

Въ этомъ и заключается существенное преимущество его передъ нашей неписаной контрлигой, а равно и причина, почему послѣдняя все еще не импонируетъ въ должной мѣрѣ ни на англичанъ, ни на турокъ, не говоря уже о другихъ, болѣе второстепенныхъ факторахъ международной политики. Правда, въ послѣднее время не мало писано было въ заграничныхъ газетахъ о близости заключенія формальнаго договора между Россіей и Франціей, но слухъ этотъ не подтвердился. Потому-то и политическія его слѣдствія не могли проявиться ни въ Болгаріи, ни въ Египтѣ, ни въ Афганистанѣ, гдѣ все остается по прежнему, несмотря на совершившееся торжество виговъ и федералистовъ въ Великобританіи. Но особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи безспорное заигрываніе султана съ Кобургомъ, очевидно въ угоду его вѣнскимъ, берлинскимъ и лондонскимъ протекторамъ. Оно не могло не вызвать протеста съ русской стороны, хотя и въ очень мягкой формѣ, обусловленной одушевляющимъ Россію желаніемъ жить не только мирно, но и любовно съ южнымъ нашимъ сосѣдомъ и естественнымъ союзникомъ. Мы не придаемъ потому вѣры нѣмецко-англійскимъ сообщеніямъ о якобы предстоящемъ захватѣ Россіею Арменіи, въ качествѣ залога за все еще недоплаченную турками контрибуцію. Положимъ, подобная оккупація сосѣдней съ нашимъ Закавказьемъ области, населенной дружественнымъ Россіи и близкимъ ей по вѣрѣ народомъ, не представила бы серьезныхъ затрудненій: они врядъ ли были бы больше тѣхъ, какія осилила Австро-Угрія при оккупаціи турецкихъ же областей—Босніи и Герцеговины. Скорѣе можно даже думать, что задача Россіи была бы въ этомъ случаѣ значительно легче, такъ какъ мѣстное населеніе турецкой Арменіи, крайне подавленное теперь и турками и курдами, встрѣтило бы съ распростертыми объятіями освободительныя русскія войска, тогда какъ въ Босніи и Герцеговинѣ значительное

большинство населеній, именно всѣ православные и мусульмане, вовсе не желали подчиниться инородной и иновѣрной Австро-Угріи. Къ тому же Россія могла бы при этомъ разсчитывать на содѣйствіе своихъ армянскихъ подданныхъ и на благословеніе эчміадзинскаго католикоса, духовнаго главы не русскихъ лишь, но также персидскихъ и турецкихъ армянъ. Нечего и говорить, что занятіе турецкой Арменіи, лежащей у истоковъ Тигра и Эвфрата и вслѣдствіе того господствующей надъ значительною частью Малой Азіи, Сиріи и Месопотаміи,—значительно усилило бы русское могущество въ этихъ важныхъ краяхъ, приблизивъ Россію и къ Александреттѣ, и къ Іерусалиму, и къ Багдаду. Такимъ образомъ территорія эта безспорно была бы достаточнымъ окупомъ или хотя бы залогомъ за непокрытые еще расходы войны 1878 г. Но все это не помѣшаетъ Россіи терпѣливо ждать естественной развязки турецко-армянскихъ и вообще анатолійскихъ отношеній, если Турція сама не подастъ повода къ вмѣшательству—либо дальнѣйшимъ угнетеніемъ армянъ и грековъ въ Малой Азіи, либо явнымъ переходомъ въ непріязненный намъ лагерь по дѣламъ болгарскимъ и вообще въ вопросахъ международной политики. Въ послѣднемъ случаѣ Турція сама подписала бы себѣ смертный приговоръ, котораго не измѣнили бы ни бріальмонтовскія фортификаціи на Босфорѣ и Дарданелахъ, ни вассальныя увѣренія Кобурга и его псевдоминистровъ.

III.

Законопроектъ о золотой валютѣ, какъ извѣстно, давно уже утвержденъ австроугорскими палатами и императоромъ; но тутъ то и началась самая трудная часть предпринятой регуляціи: необходимо раздобыть побольше золота. Еврейскіе банкиры, съ вѣнскимъ Ротшильдомъ во главѣ, предложили правда свои услуги правительствамъ обѣихъ Лейтаній, но на столь невыгодныхъ условіяхъ, что оба министра австроугорскихъ финансовъ принуждены были отклонить ихъ, несмотря на свою обычную сговорчивость съ тузами еврейскаго капитализма. Врядъ-ли однако эта похвальная заботливость гг. Штейнбаха и Векерле о карманахъ своихъ плательщиковъ принесетъ послѣднимъ пользу: безъ еврейскаго золота этимъ министрамъ всетаки не обойтись. Есть, правда, въ Австріи Länderbank, съ богатыми іезуитскими и аристократическими капиталами; но для нихъ имѣется другое назначеніе: закупать «схизматическія» земли на югѣ, особенно Сербію и Болгарію, чтобы затѣмъ, по извѣстной программѣ кардинала Колонича, сдѣлать ихъ населенія нищими, далѣе рабами, а наконецъ католиками или вѣрнѣе—австро-католиками.

Имѣлась надежда, что торговый договоръ съ Германіею и Ита-

ліею откроетъ въ Австро-Угрію доступъ и нѣмецкому и итальянскому (?) золоту. Однако эта надежда до сихъ поръ не оправдалась. Наоборотъ, Италія нанесла уже теперь тяжелый ударъ австро-угорскому винодѣлію, особенно далматинскому, заплавивъ Тріестъ и даже Вѣну дешевыми итальянскими винами. Что же касается Германіи, то и она подорвала въ Австро-Угріи вѣру въ прибыльность означеннаго торговаго говора, выразивъ въ принципѣ согласіе на облегченіе ввоза на нѣмецкіе рынки и русскаго хлѣба. Съ послѣднимъ трудно вѣдь конкурировать не только хлѣботорговцамъ австрійскимъ, но даже угорскимъ.

Но въ такомъ случаѣ оправдаются ли надежды австрійскихъ финансистовъ на благопріятный торговый балансъ? Если же это сомнительно, то чѣмъ же обезпечить прочность—хотя бы и введенной уже золотой валюты? Откуда почерпнуть средства для дальнѣйшаго развитія австро-угорскаго милитаризма, съ цѣлію уравненія его съ германскимъ, согласно союзному договору?

Такимъ образомъ въ Австро-Угріи, какъ и въ Италіи, договоръ этотъ оказывается невыносимымъ бременемъ, непосильною бронею, подъ тяжестью которой борцы могутъ и даже должны пасть ранѣе битвы. Сознаніе этой тяжести поколебало наконецъ прежній оптимизмъ австроугорскаго правительства и его вѣру въ неограниченную растяжимость своего военнаго бюджета. Оно вынуждено было, подобно итальянскому, остановиться на этой опасной покатости, отказавшись отъ надежды догнать въ этомъ отношеніи Францію, или хотя бы Германію. Вотъ почему послѣдней ничего другого не остается теперь предпринять для уравненія военныхъ силъ тройной лиги съ французско-русскими, какъ ввести двухлѣтній срокъ службы и соединенное съ нимъ крупное увеличеніе (до 100 мил. мар. въ годъ) военнаго бюджета. Предстоящую поѣздку императора Вильгельма и его канцлера въ Вѣну австроугорскія газеты приводятъ въ связь съ изложенными обстоятельствами. Врядъ ли однако переговоры дипломатовъ могутъ измѣнить фактъ постепеннаго обѣднѣнія австроугорскихъ народовъ и необходимость считаться съ нимъ при составленіи военныхъ бюджетовъ.

Такимъ образомъ Европа почти приблизилась уже къ кульминаціонной точкѣ въ развитіи военныхъ силъ и военныхъ бюджетовъ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ континентальныхъ государствахъ. За этой точкой въ дальнѣйшемъ движеніи слѣдуетъ ожидать уже регресса въ области милитаризма. Въ этомъ регрессѣ не было бы собственно ничего печальнаго: наоборотъ, онъ могъ бы отразиться благопріятно на экономическомъ и духовномъ развитіи народовъ. Но тутъ является вопросъ: предусматривая близость такого регресса, не

пожелаютъ ли достигшіе вершинъ милитаризма государства утилизировать накопленныя средства и силы, не дожидаясь времени ихъ постепеннаго сокращенія? Въ этомъ и заключается главная опасность настоящаго момента, вовсе не устраняемая притворными рѣчами о миролюбивыхъ цѣляхъ тройной лиги, не находящихъ-де признанія лишь во Франціи да въ Россіи. Одновременно съ этими миролюбивыми увѣреніями ведется очень рѣшительная и наступательная политика, особенно на Дунаѣ и Балканахъ, гдѣ усердно накопляется матеріалъ для якобы случайнаго взрыва. Не удивительно, если онъ и произойдетъ наконецъ отъ первой случайной искры!...

IV.

Къ огорченіямъ, причиняемымъ нынѣ Австро-Угріи вымогательствами еврейскихъ банкировъ и германскихъ союзниковъ, не перестаютъ присоединяться и болѣзни болѣе органическаго характера, обусловленныя народными и культурными антагонизмами ея населеній. Но особенно должна быть прискорбна отеческому сердцу Франца-Іосифа невѣрность ему значительной части мадьяръ! Кому не извѣстно особенное расположеніе къ нимъ нынѣшняго австрійскаго императора и его супруги, которымъ собственно и обязаны теперь мадьяры своимъ привиллегированнымъ положеніемъ не только передъ словаками или румынами, но даже передъ нѣмцами! А вѣдь къ послѣднимъ все-таки принадлежатъ по происхожденію Габсбурги.... Сколько законныхъ и незаконныхъ льготъ и милостей получили отъ своего нынѣшняго короля мадьяры въ послѣднее 25-лѣтіе, со времени провозглашенія дуализма! Габсбургская династія принесла имъ въ жертву даже свою прежнюю популярность между угорскими славянами, румынами, нѣмцами. И чѣмъ же отплатили этой династіи мадьяры за такія неслыханныя жертвы?—Тѣмъ, что и теперь, какъ въ 1848 г. они считаютъ все-таки не Франца-Іосифа, а Лаіоша Кошута отцомъ и пророкомъ мадьярскаго народа, что и теперь они охотнѣе слушаютъ мятежныя противъ Габсбурговъ рѣчи 90-лѣтняго революціонера, чѣмъ своего коронованнаго короля и безусловнаго покровителя мадьяризма! Это воочію обнаружилось въ недавнихъ празднествахъ во славу Кошута, по случаю 90-лѣтней годовщины его рожденія. Даже Будапештъ, который распасся при Францѣ-Іосифѣ на счетъ всѣхъ комитатовъ и сталъ благодаря ему вторымъ по богатству и населенности городомъ имперіи,—даже Будапештъ избралъ по этому поводу Кошута въ свои почетные члены, невзирая на протестъ бургомистра и робкія предостереженія органовъ правительства!.. Въ довершеніе скандала мадьярскія газеты распустили слухъ, будто и

императрица Елисавета послала Кошуту привѣтствіе, позабывъ, что въ 1849 г. онъ провозгласилъ было низложеніе Габсбурговъ и до сихъ поръ упорствуетъ въ протестѣ противъ ихъ якобы незаконнаго господства въ Угріи. Слухъ этотъ, конечно, дерзкій апокрифъ, но все же онъ доказываетъ шаткость мадьярской лояльности и слѣпоту мадьярской вѣры въ величіе своего «глобуса». А между тѣмъ еще недавно, по вопросу о такъ называемыхъ Wegtaufungen, т. е. о передачѣ въ протестантскія метрики записей о дѣтяхъ, неправильно крещенныхъ въ латинскихъ или уніатскихъ церквахъ,—обнаружилось полное безсиліе мадьяръ въ борьбѣ съ Ватиканомъ и его агентами въ Вѣнѣ. Подобное фіаско потерпѣли бы они и по всѣмъ остальнымъ церковнымъ, политическимъ и народнымъ вопросамъ, еслибы только династія хотя бы на одинъ день лишила ихъ своей помощи въ борьбѣ съ прочими, подавленными мадьяризмомъ народами Угріи. Такъ напр. мадьярское правительство не въ силахъ было устранить изъ дьяковской епархіи ненавистнаго мадьярамъ хорватскаго епископа Штроссмайера, потому что за него вступилась курія. Не въ силахъ были мадьяры избавиться и отъ неугоднаго имъ министра гонведовъ Фейервари. И въ коллизіяхъ мадьярскихъ гражданъ, корпорацій, городовъ съ офицерами австрійской арміи въ концѣ концовъ всегда торжествовали послѣдніе, благодаря вліянію вѣнскихъ генераловъ и военной канцеляріи императора. Есть основаніе предполагать, что и въ завязавшейся нынѣ борьбѣ мадьяръ съ румынами восторжествуютъ послѣдніе, если король Карлъ Гогенцоллернъ оцѣнитъ преимущества предложеннаго ему титула: le roi des roumaines передъ старымъ: le roi de Roumainie....

Чувствуя свою крайнюю зависимость отъ милости двора, мадьяры уже пытались было предрѣшить вопросъ о наслѣдникѣ угорскаго престола, и кажется въ пользу наиболѣе омадьяреннаго изъ эрцгерцоговъ Іосифа, вмѣсто болѣе ополяченнаго Карла Людвика или—какъ думаютъ—чехофильствующаго Фердинанда д'Эсте. Но изъ Вѣны поданъ былъ сигналъ—замолчать, который и прекратилъ всѣ эти праздные толки мадьярскихъ газетъ и политиковъ, ясно сознающихъ всю тщету борьбы съ вѣнской камарильей. Не ей ли собственно и обязанъ нынѣшній мадьяризмъ своею—положимъ, призрачной—силой, своимъ временнымъ торжествомъ? Правда, Кошутъ и его приверженцы среди мадьяръ все еще недовольны и нынѣшнимъ господствомъ этого 4-милліоннаго народца надъ подавляющимъ большинствомъ (до $13^{1}/_{2}$ мил.) не мадьярскихъ народовъ Угріи. Даже глава консервативной оппозиціи гр. Аппони любитъ ораторствовать на тему о слабости національной политики нынѣшняго «либеральнаго» правительства. Эти слѣпые шовинисты хотѣли бы, очевидно, повырывать языки у всѣхъ словаковъ, угрорусовъ, сербо-

хорватовъ, румыновъ, даже нѣмцевъ, говорящихъ въ Угріи не по-мадьярски! Очевидно, опытъ 1848—49 гг., когда всѣ почти угорскіе народы возстали противъ мадьярскаго терроризма, пропалъ для мадьяръ даромъ. Они вновь идутъ на встрѣчу подобной же катастрофѣ, которая можетъ разразиться надъ ними еще ранѣе ожидаемаго 1000-лѣтія со времени прибытія въ долину средняго Дуная кочевой орды Арпада!..

IV.

Однако въ настоящее время не только мадьяры, но и многіе болѣе объективные наблюдатели происходящихъ въ Угріи событій, назрѣвающихъ въ ней рѣшеній и переворотовъ вовсе не замѣчаютъ, повидимому, шаткости и хрупкости этого мадьярскаго глобуса. Возьмемъ напр. чеховъ. Не только Ригеръ и его послѣдователи между старочехами, но и многіе вожди младочеховъ, но исключая Грегровъ, отъ времени до времени проговариваются въ томъ смыслѣ, что имъ завидно положеніе мадьяръ и что чехи не прочь бы занять подобное положеніе въ земляхъ короны св. Вячеслава, какое захватили себѣ мадьяры въ земляхъ короны св. Стефана. Правда, въ государственномъ положеніи обѣихъ этихъ группъ, равно прижененныхъ себѣ въ XVI в. Габсбургами и связанныхъ съ ними аналогичными договорами династическаго характера, нѣтъ существенной разницы. Это много разъ было доказано чешскими юристами, а недавно выяснено въ младочешскомъ проектѣ адреса императору отъ пражскаго сейма, по поводу котораго происходили и—безплодныя впрочемъ—совѣщанія съ прочими народными партіями, старочешскою и феодальною. Въ проектѣ этомъ дѣлается ссылка на прагматическую санкцію, какъ основу правовыхъ отношеній Чехіи, Моравіи и Слезіи къ прочимъ владѣніямъ дома габсбурско-лотарингскаго—отношеній, построенныхъ скорѣе по типу федераціи или даже персональной уніи, чѣмъ централизованной имперіи. Младочехи настаиваютъ на равной обязательности этого договорнаго отношенія для обѣихъ сторонъ: короля и королевства, и въ силу этого требуютъ коронаціи Франца Іосифа, по примѣру его предковъ, на пражскомъ Градчинѣ. Для поддержанія этихъ—конечно законныхъ—требованій предположенъ даже съѣздъ парламентскихъ представителей Чехіи, Моравіи и Слезіи, т. е. всѣхъ трехъ частей королевства св. Вячеслава. И однако—нужно сознаться—нѣтъ никакихъ видовъ на осуществленіе этихъ стремленій чехоморавскаго народа! Причины этой безнадежности обстоятельно разъяснены г. Срѣмцемъ, въ статьѣ: «Римско-нѣмецкая имперія Гогенцоллерновъ» (сент. кн. Слав. Об.), почему

я и не стану долѣе на нихъ останавливаться. Замѣчу только, что неудача недавней попытки младочеховъ сговориться съ старочехами и феодалами, по вопросу объ адресѣ императору вышеозначеннаго содержанія, служитъ новымъ доказательствомъ глубокой разрозненности современнаго чешскаго общества и его неспособности дѣйствовать солидарно въ борьбѣ съ нѣмцами. Если старочехи не рѣшились подписать грегровскаго проекта адреса по вопросу о чешскомъ государственномъ правѣ, въ старочешскомъ его пониманіи и освѣщеніи; если затѣмъ чешскіе феодалы прямо заявили, что стоятъ на почвѣ не историческаго права Чехіи, а дѣйствующаго нынѣ дуалистическаго строя Австро-Угріи, слѣдовательно признаютъ право цислейтанское, а не чешское; если наконецъ многочисленное нѣмецкое населеніе Чехіи и его парламентскіе вожаки, съ др. Пленеромъ во главѣ, и слышать не хотятъ о чешскомъ государственномъ правѣ; если они устами моравянина Хлумецкаго, вицепрезидента рейхсрата и президента цислейтанской делегаціи, подымаютъ даже на смѣхъ это право «Wenzelstaat'а:» то спрашивается, какіе же шансы имѣютъ чехоморавяне нагнать въ этомъ отношеніи мадьяръ, занять алогичное мѣсто гегемоновъ въ земляхъ чешской короны? Впрочемъ, еслибъ чешское общество было въ данномъ случаѣ столь же солидарно, какъ мадьярское при Деакѣ, во время выработки дуализма, то и въ такомъ случаѣ задача чеховъ была бы несравненно труднѣе, ибо они не составляютъ столь слабаго и изолированнаго, слѣдовательно безопаснаго для нѣмцевъ народа, какъ мадьяры, а наоборотъ, представляютъ важную вѣтвь могущественнаго славянскаго племени. Къ тому же чехи населяютъ не какія нибудь пушты Затисья или открытыя со стороны нѣмцевъ поля и болота старой Паннонія, а неприступный горный четыреугольникъ, врѣзавшійся въ самое сердце Германіи и господствующій до извѣстной степени надъ Бреславлемъ и Дрезденомъ, Лейпцигомъ и Нюренбергомъ, даже Берлиномъ, Мюнхеномъ и Вѣною. Наконецъ въ экономическомъ отношеніи мадьяры вовсе не то, что чехи, хотя по качеству земли, по плодородію Угрія конечно превосходитъ и Чехію, и Моравію. Промышленная конкуренція мадьяръ вовсе не пугаетъ нѣмцевъ не только въ Австро-Угріи, но даже на Балканскомъ полуостровѣ,—тогда какъ чехи по многимъ производствамъ догнали, даже опередили нѣмцевъ, и въ настоящее время, своимъ напр. участіемъ на филиппопольской выставкѣ, съ успѣхомъ вторгаются на рынки Востока и угрожаютъ ослабить ихъ зависимость отъ нѣмецкихъ фабрикантовъ Австріи и Германіи.

Нѣмцы наконецъ знаютъ, что и по характеру, по крѣпости народнаго самосознанія, способности къ общественной организаціи, по стойкости въ борьбѣ за существованіе чехи далеко превосходятъ мадьяръ, и съ успѣхомъ могутъ вести не только оборонительную,

но и наступательную борьбу съ германизмомъ. Уже теперь съ каждомъ годомъ усиливается чешское населеніе Вѣны, благодаря непрерывному приливу изъ южней Чехіи и западной Моравіи, а также значительнымъ чешскимъ колоніямъ въ Нижней Австріи, у самыхъ воротъ дунайской столицы. Понятно, что нѣмцы никогда не согласятся добровольно передать чехамъ господство или хотя-бы равноправность въ земляхъ чешской короны,—никогда не сдѣлаютъ имъ тѣхъ уступокъ, какія допущены въ Угріи для мадьяръ.

Изъ этого однако не слѣдуетъ, что чехи должны опустить руки и примириться съ постепеннымъ ростомъ германизма. Наоборотъ, они могутъ и должны вести борьбу; могутъ даже побѣдить въ концѣ концовъ, но только не тѣмъ оружіемъ, которое называется «историческимъ» или «государственнымъ» правомъ. По отношенію къ этому праву и теперь имѣетъ силу то, что сказалъ нѣкогда Данилевскій въ своей книгѣ: «Европа и Россія». Историческое право, по его мнѣнію, имѣетъ смыслъ лишь тамъ, гдѣ оно является спутникомъ силы: это ноль, который въ десять разъ увеличиваетъ предшествующую единицу, но ничего не значитъ—безъ нея.

Чешская же сила заключается вовсе не въ этомъ правѣ, а въ даровитости и энергіи населенія, въ его народной пробужденности, въ кровныхъ связяхъ съ прочими славянами, въ принадлежности къ великому славянскому міру. Вотъ гдѣ чешская единица: она и должна быть поставлена впереди, а уже за нею, въ дальнѣйшей перспективѣ можетъ виднѣться и тотъ—конечно знаменательный—ноль, который называется чешскимъ историческимъ правомъ. Кажется, въ чешско-моравскомъ обществѣ и совершается постепенно передвиженіе точекъ зрѣній на относительную силу чехизма и славизма, въ ихъ жизненной связи и взаимодѣйствіи. Къ числу признаковъ такого поворота можно отнести предъявленый на дняхъ младочешскимъ делегатомъ Аймомъ протестъ противъ тройственной лиги, направленной противъ Россіи, а потому несогласной-де съ дѣйствительными интересами и чувствами всего чешскаго народа.

V.

Подобно тому, какъ въ Чехіи много вредитъ народному дѣлу партійность его парламентскихъ вождей и вообще интеллигенціи, такъ и въ прочихъ австроугорскихъ земляхъ мы замѣчаемъ безплодную растрату славянскихъ силъ въ междоусобной борьбѣ старыхъ съ молодыми, консерваторовъ съ прогрессистами, либераловъ съ радикалами и т. п.

Даже въ обществѣ австропольскомъ замѣчается такая борьба; но

она парализуется до нѣкоторой степени общею зависимостью польскихъ партій отъ правительства и общимъ ихъ оппортунизмомъ. Это и дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе какъ въ Вѣнѣ, такъ и во Львовѣ одного польскаго клуба, рѣшенія котораго обязательны для всѣхъ польскихъ депутатовъ рейхсрата, сейма, делегацій. Что же касается партій собственно крестьянской и возникающей соціально-демократической, то онѣ пока не настолько сильны, чтобы заявить себя въ парламентахъ. Лишь въ городскихъ представительствахъ, даже г. Львова, возникаютъ иногда принципіальныя разногласія между гласными разныхъ партій и направленій, но и они безъ особаго труда устраняются администраціей или рѣшающимъ польскіе споры приговоромъ гласныхъ еврейскаго происхожденія. Въ Познани же и Царствѣ Польскомъ единство дѣйствія поддерживается господствомъ въ польскомъ обществѣ касты жрецовъ.

Гораздо прискорбнѣе сложились партійныя отношенія русскихъ галичанъ, на которыя администрація вліяетъ не въ объединяющемъ, а наоборотъ въ раздѣляющемъ направленіи. Извѣстно, какъ ослаблено теперь галицко-русское общество борьбою партіи молодыхъ или романчукистовъ со старыми, которые остались вѣрны историческимъ преданіямъ народа. Промежуточное положеніе между ними заняла третья, радикальная или соціально-демократическая партія, которая сдѣлала не мало завоеваній и между старыми, и между молодыми, подобно какъ это замѣчается и въ средѣ польской, чешской, хорватской, даже сербской и болгарской. Не мало содѣйствуетъ усиленію между славянами соціально-демократическихъ теченій, съ отрицательнымъ отношеніемъ къ религіи, повсемѣстное почти вмѣшательство въ народную жизнь западныхъ и южныхъ славянъ римскаго клерикализма и іезуитства. О силѣ ихъ въ средѣ польской нечего и говорить. Въ послѣдніе годы тѣ же вліянія начали одолѣвать и въ червонорусской средѣ, что выразилось и въ прошлогоднемъ львовскомъ синодѣ. Теперь подобный синодъ—но въ болѣе обширныхъ размѣрахъ—состоялся между словенцами, въ формѣ Люблянскаго католическаго съѣзда. Онъ оставилъ довольно глубокій слѣдъ въ настроеніи населеній и еще усилилъ прежнюю борьбу партій клерикальной съ либеральною, правительственной съ оппозиціонною.

И въ средѣ угорскихъ сербовъ все болѣе разыгрывается антагонизмъ между партіями «либеральною» и «радикальною», которыя до нѣкоторой степени можно назвать также «церковною» и «антицерковною» (по крайней мѣрѣ антипатріаршескою). Эта борьба не мало облегчаетъ задачи мадьярскаго правительства, направленныя къ подавленію сербской церкви и народности.

Грустно, что и сербское королевство развило надъ собою знамя

подобнаго же рода борьбы между «либералами» и «радикалами», безплодной для народнаго дѣла, но ослабляющей и правительство и общество въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Даже въ патріархальной Черногоріи уже начиналась было какая то борьба партій, вызванныхъ кажется инородными вліяніями. Она разрѣшилась выселеніемъ въ «Новую-Австрію» или Боснію воеводы Миша Вербицы, который и былъ, кажется, главнымъ проводникомъ австрійскаго вліянія въ Цетиньѣ. Если это вѣрно, то не много и босняки выиграютъ отъ этого гостя.

Что касается наконецъ нынѣшней Болгаріи, то и въ ней партійныя отношенія окрашены въ западные, преимущественно австро-угорскіе цвѣта: Цанковъ считался консерваторомъ, Каравеловъ либераломъ, Стамбуловъ радикаломъ. Теперь этотъ радикализмъ превратился въ башибузуцкое отрѣзываніе не только носовъ, но и головъ поверженныхъ противниковъ, во имя якобы законной власти никѣмъ не признаннаго князя и на основаніи поддѣланныхъ какимъ-то Іудою за деньги документовъ.

Мадьярскимъ, слѣдовательно западнымъ вліяніямъ склонны мы объяснять и прошлогоднее опредѣленіе софійскаго собранія о введеніи болгарскаго языка въ преподаваніе и всѣхъ инородческихъ школъ княжества, даже содержимыхъ на частныя средства, не исключая начальныхъ, гдѣ дѣти иной разъ ни слова не понимаютъ по-болгарски. Это совершенно по-мадьярски! И въ Угріи никто не спрашиваетъ, понимаетъ ли школьникъ или нѣтъ языкъ учителя, слѣдовательно можетъ ли онъ воспользоваться его уроками или долженъ подражать попугаю, безмысленно повторяющему чужія слова и фразы.

Что въ основѣ означеннаго опредѣленія скрываются западныя побужденія и цѣли, это видно и изъ его примѣненія главнымъ образомъ къ греческимъ училищамъ Болгаріи и Восточной Румеліи. Какъ бы низко мы ни ставили историческія познанія и политическую дальновидность болгарскихъ законодателей стамбуловскаго подбора, все же мы склонны думать, что имъ не совсѣмъ уже чуждо пониманіе громадной культурной роли греческаго языка, въ особенности на христіанскомъ востокѣ и прежде всего для балканскихъ славянъ, которые отъ грековъ получили и вѣру, и письменность, и гражданственность,—словомъ, важнѣйшія основы своей нынѣшней и будущей образованности! Кромѣ того, кому не извѣстно что и теперь греки—одинъ изъ важнѣйшихъ народовъ на Балканскомъ полуостровѣ и на побережьяхъ Архипелага, что они непосредственные сосѣди болгаръ, отчасти же обитатели болгарскихъ городовъ и береговъ, слѣдовательно естественные союзники болгаръ,

ихъ соратники какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, хотя бы временно они и казались соперниками или даже врагами?

Очевидно, болгарамъ тутъ навязаны тѣ представленія о грекахъ, какъ архисхизматикахъ, фотіанцахъ, противникахъ всего западнаго, которыя естественны въ Римѣ, даже въ Вѣнѣ и Будапештѣ, но дики въ Софіи, въ Филиппополѣ.

Правда, въ послѣдніе годы, со времени образованія болгарскаго экзархата, и греки, особенно цареградскіе, не особенно то любовно относились къ болгарамъ. Но это если не оправдывается, то объясняется до нѣкоторой степени неканоническимъ характеромъ выдѣленія экзархіи изъ цареградскаго патріархата, въ силу султанскихъ фирмановъ, а не по добровольному соглашенію представителей церкви, не опредѣленіемъ собора.

Во всякомъ случаѣ, грекоболгарскій церковный раздоръ представляетъ явленіе ненормальное и тягостное для всѣхъ истинныхъ сыновъ церкви; какъ же назвать попытку еще болѣе разжечь эту вражду насильственнымъ искорененіемъ греческаго языка въ школахъ княжества, вопреки и завѣщаніямъ жертвователей, и желаніямъ родителей, и элементарнымъ требованіямъ здравой педагогіи?

Будемъ надѣяться, что хоть на этотъ разъ болгары не останутся глухи къ протестамъ греческихъ подданныхъ княжества, поддержаннымъ цареградскимъ патріархомъ, аѳинской дипломатіей и общественнымъ мнѣніемъ Россіи, которое раздѣляется и лучшими людьми Франціи. Въ противномъ случаѣ придется вѣрить, что Болгарія стала второй Мадьяріей или даже второй «Ново-Австріей», управляемой не изъ Софіи, а изъ Вѣны и Будапешта. Если же утвердится такой взглядъ, то не Болгарію, даже не Турцію, а Австро-Угрію нужно будетъ привлекать и къ отвѣту за все, что дѣлается не только Кобургомъ или Стамбуловымъ, но и псевдо-болгарскимъ народнымъ собраніемъ въ Софіи. *

26 сентября, 1892 г. Спб. **А. Б.**

* Въ Лѣтописи предыдущей книжки вкрались слѣд. крупныя опечатки: Вм. міра чит. лица (II, 380^7), вм. неба—него (388_7). вм. tands—hands (392^4) вм. выражая — выражаясь (391_3), вм. Айшомъ— Аймомъ (397_5), вм. стеснялся — стѣснительною (398_{11}), вм. подавлены — подавлено (400_{10}), вм. под. — господамъ (403_1).

ПИСЬМА ИЗЪ СЛАВЯНСКИХЪ ЗЕМЕЛЬ

Изъ Пряшева (въ Угріи).

О дѣятельности угрорусскихъ монастырей.

Письмо Ж. З. И. изъ Кошицъ (см. «Слав. Обозрѣніе», май—іюнь) въ общихъ чертахъ вѣрно рисуетъ угрорусскую народную жизнь, но есть въ немъ и нѣкоторая неточность, которую надо исправить. Это—замѣчаніе объ угрорусскихъ монастыряхъ и монахахъ, которые, по словамъ автора, «ничего почти не дѣлаютъ».

Всѣхъ монастырей русскихъ въ Угріи 8; въ нихъ живутъ 23 іеромонаха и 1 монахъ (laicus). Главнѣйшіе монастыри: Мукачевскій и Марія-Повчанскій. Въ первомъ изъ 6-ти лицъ одинъ занимаетъ должность протоигумена или главнаго настоятеля всѣхъ угрорусскихъ монастырей. Другой состоитъ мѣстнымъ игуменомъ, завѣдывая домостроеніемъ, богослуженіемъ и хозяйствомъ монастыря, которое доставляетъ братіи все содержаніе, ибо тутъ нѣтъ иныхъ средствъ въ жизни. Въ помощники ему придано 3-е лицо, въ родѣ прикащика, управляющаго полевыми работами и челядью. 4-е лицо живетъ на селѣ въ Бобовищахъ, гдѣ тоже есть монастырское хозяйство, которымъ оно руководитъ. Остаются еще 2 члена, одинъ изъ нихъ—секретарь протоигуменскаго управленія и «магистеръ новиціевъ» (начальникъ послушниковъ), будущихъ іеромонаховъ, другой—эклесіархъ и церковный проповѣдникъ. Итакъ для каждаго изъ нихъ есть свое занятіе, нельзя слѣд. утверждать, что эти монахи почти ничего не дѣлаютъ. Мѣстный игуменъ о. Анатолій Кралицкій извѣстенъ не только въ мѣстной нашей литературѣ, но и въ общерусской. Если это и исключеніе, все-же его нельзя оставлять безъ вниманія. Въ Марія-Повчанскомъ монастырѣ, къ которому принадлежатъ: приходъ, мѣстное богословское заведеніе

и 6-ти классное училище, находится 7 монаховъ. Изъ нихъ игуменъ состоитъ администраторомъ прихода, числящаго 1,050 душъ; намѣстникъ завѣдываетъ хозяйствомъ и помогаетъ игумену въ приходскихъ занятіяхъ; 2 монаха состоятъ учителями богословія (s. theologiae lectores), обучая въ настоящее время 8 учениковъ, которымъ преподаютъ: исторію и церковное право, богословіе догматическое, нравственное и пастырское, герменевтику, экзегезисъ и археологію. Курсъ училищный длится 4 года, ученики-монахи въ концѣ каждаго учебнаго года подвергаются испытанію профессорами унгварскаго лицея: иначе они не были бы допущены къ іерейскому сану. Вышеупомянутые два «лектора богословія» поочередно проповѣдываютъ по воскресеньямъ и праздникамъ въ церкви. Остальные 3 іеромонаха учатъ въ 6-ти-классномъ училищѣ мѣстнаго городка, гдѣ считается 123 ученика обоего пола.

Вотъ что дѣлаютъ монахи въ двухъ главнѣйшихъ монастыряхъ.

Что сказать теперь о прочихъ 6-ти монастыряхъ, разбросанныхъ въ 5-ти комитатахъ?

Въ Биксадскомъ монастырѣ живутъ 2 іеромонаха, въ Мстичевскомъ тоже 2, въ Боронявскомъ 2, въ Березницкомъ 3, въ Краснобродскомъ 2, а въ Буковскомъ 1: и этотъ одинъ питается изъ складокъ прочихъ монастырей.

Живя по 2—3 лица въ одномъ монастырѣ и питаясь обработываніемъ тѣхъ крошечныхъ неплодородныхъ землицъ, а кромѣ того совершая ежедневно богослуженіе: полунощницу, утреню, литургію, вечерню и повечеріе, 2—3 лица, внѣ селеній, на горахъ (за изъятіемъ Марія-Повчи)—какую могутъ монахи проявить дѣятельность?

Кромѣ того авторъ письма ошибается, говоря, «что здѣшніе монастыри достаточно обезпечены». Къ таковымъ принадлежатъ только Мукачевскій и Марія-Повчанскій монастыри, члены коихъ проявляютъ довольно дѣтельности; прочіе же борются съ нищетою.

Надо признать, что авторъ правъ, когда говоритъ, что «монахи уже теперь большею частію говорятъ между собою по-мадьярски». Такой духъ внесенъ въ монастыри извнѣ, изъ училищъ, такъ что теперь и въ монастыряхъ ученики должны обучаться и сдавать экзамены по-мадьярски, за изъятіемъ пастырскаго богословія, которое преподается по-русски.

С—чъ.

Примѣчаніе редактора.

Охотно помѣщаемъ эти замѣчанія на «Письмо изъ Кошицъ». Не имѣемъ основаній оспаривать точность сообщенныхъ здѣсь данныхъ

объ угрорусскихъ монастыряхъ. Но позволяемъ себѣ отмѣтить, что въ Письмѣ изъ Кошицъ собственно не сказано, будто угрорусскіе монахи «ничто почти не дѣлаютъ», а нѣсколько иначе: «они почти ничего не дѣлаютъ для народа и литературы» (II, 171), причемъ ниже еще прибавлено: «исключенія есть, но они лишь подтверждаютъ правило». Кошицкій корреспондентъ нашъ имѣлъ очевидно въ виду не исправленіе монахами духовныхъ требъ и другихъ монастырскихъ обязанностей, а дѣятельность народно-просвѣтительскую и научно-литературную, которая въ послѣднее время дѣйствительно ослабѣла въ угро-русскихъ монастыряхъ. Фактъ этотъ находитъ конечно свое объясненіе въ правительственномъ преслѣдованіи въ Угріи всего славянскаго, а тѣмъ болѣе русскаго, но все же онъ не перестаетъ, къ сожалѣнію, быть—фактомъ.

Изъ Турчанскаго Св. Мартина (Угрія).

Румыны и словаки; увозъ словенскихъ дѣтей; годичное собраніе «Живены»; проектъ «Ученаго общества»; наши школы; мадьярская публицистика.

Словаки втихомолку переживаютъ свое тяжелое время. Быть можетъ и къ вамъ досталась брошюра румынскихъ студентовъ: «Die rumänische Frage» (La question roumaine), гдѣ въ яркихъ краскахъ представлена картина народныхъ бѣдствій румыновъ въ Угріи. Многое изъ сказаннаго тамъ относится—mutatis mutandis—и къ намъ. Но только ко всей бѣдѣ румыновъ у насъ прибавляется еще огромный плюсъ. Возьмемъ напр. вопросъ церковный. Румыны въ обѣихъ своихъ церквахъ—православной и уніатской—пользуются матеріальною и нравственною поддержкою своихъ епископовъ, хотя нѣкоторые изъ нихъ и кокетничаютъ съ правительствомъ. У насъ наоборотъ, обѣ церкви—католическая и протестантская—не только оставили словенскую народность, но и сдѣлались ея врагами, орудіемъ искорененія нашего языка и народности. Что же касается 50,000 словаковъ греко-уніатскаго обряда, то они раздѣляютъ судьбу русскихъ, съ которыми сосѣдятъ и отъ которыхъ иные ихъ выводятъ. Румыны имѣютъ свои школы, нѣсколько гимназій, каѳедру своего языка въ будапештскомъ и колошварскомъ (Klausenburg) университетахъ. Мы не имѣемъ ни школъ, ни гимназій, ни каѳедры. Румыновъ мадьяры все еще надѣются перетянуть на свою сторону, ибо вѣдь и румыны не славяне; насъ же они стараются уничтожить во что бы ни стало, чтобы нанести рану славянскому міру, въ которомъ они видятъ своего смертельнаго врага.

Отсюда ихъ беззастѣнчивость, твердость и суровость въ отношеніи къ словакамъ. Румыновъ мадьяры пугаютъ славянами, особенно Россіей; къ намъ подобныя угрозы не примѣнимы. Что дѣйствительно мадьяры стараются уничтожить словаковъ, это доказывается новыми фактами захвата словенскихъ дѣтей и переселенія ихъ въ низменность, гдѣ живутъ мадьяры. Русскимъ читателямъ уже знакомы изъ брошюры г. Папкова мадьярскія звѣрства надъ дѣтьми словаковъ; извѣстна и отчаянная оборона невинныхъ крошечныхъ мучениковъ въ словенской литературѣ. Другого оружія мы не имѣемъ; это же—слишкомъ слабо въ борьбѣ съ мадьярскими Иродами. Въ іюлѣ нынѣшняго года католическій священникъ въ селѣ Лужномъ (липтовской жупаніи, съ 2150 жит.), по имени Стефанъ Ровдеръ, желая получить лучшій приходъ, предложилъ верхне-угорскому культурному обществу *—поставлять словенскихъ дѣтей для мадьяръ. Этотъ палачъ въ реверендѣ дѣйствительно навербовалъ 15 дѣтей, увѣривъ обманно ихъ родителей, что мадьяры собрали на этихъ дѣтей 15.000 гульд., примутъ ихъ на воспитаніе, отдадутъ въ школу и т. п. Родители въ своей сельской простотѣ повѣрили этой лжи. Дѣтей увезли въ Годмезе-Вашаргель (Hódmezö Vásárhely), гдѣ ихъ били, запирали въ погребъ, такъ что дѣтямъ стало невмоготу: одни изъ нихъ убѣжали домой, другіе упросили родителей притти за ними. Дѣти были найдены въ лохмотьяхъ, заѣденныя вшами. Всѣ вернулись, кромѣ одного. На этотъ разъ экспедиція не удалась. Но изъ нея вышло наружу, что означенное quasi-культурное общество и правительство дѣйствительно стремятся истребить словаковъ. Что же касается мадьяръ, заказавшихъ себѣ дѣтей, то ихъ цѣлью было получить дешевыхъ рабовъ, завести себѣ слугъ, которымъ не нужно платить и которые будутъ имъ принадлежать во имя филантропизма. А вѣдь въ селѣ Лужномъ не было ни голоду, ни холеры! Да и вообще это не были сироты.

Но этотъ путь искорененія словаковъ слишкомъ далекъ, да нерѣдко и связанъ съ неудачами. Вотъ почему сеймъ издалъ законъ, въ силу котораго каждое село должно завести себѣ и содержать мадьярскую бабу, которая будетъ обучать дѣтей отъ трехлѣтняго возраста по-мадьярски, якобы по методѣ Фребеля!

Такимъ образомъ нашу землю хотятъ затопить заштатными жрицами Венеры,—ибо иныхъ «культурныхъ» женщинъ не найдутъ

* Общество это имѣетъ цѣлью—насильственную мадьяризацію всѣхъ народовъ Угріи. Въ немъ засѣдаютъ самые отчаянные ренегаты, пользующіеся поддержкою правительства и даже протекторатомъ эрцгерцога Іосифа.

для такого подлаго и невыгоднаго ремесла! Законъ этотъ доселѣ еще остается на бумагѣ для селъ, но въ посадахъ уже вездѣ появились такія «почтенныя» лица, для завѣдыванія «дѣтскими садами». Міръ не имѣетъ понятія о томъ, какими способами хотятъ деморализовать и искоренить нашъ народъ! У людей, посѣдѣвшихъ на общественной службѣ, отнимаютъ хлѣбъ, бросаютъ ихъ на произволъ судьбы, если они хоть словомъ выдадутъ свое словенское народное сознаніе. Впрочемъ, это ужъ старыя новости, которыя однако отъ времени не теряютъ своей горечи для бѣдныхъ жертвъ и всего народа...

Но народъ живетъ себѣ дальше, надѣясь переждать бѣду. Иной разъ ему удается выразить и свою волю. У насъ уцѣлѣло еще одно-одинехонькое неразрушенное общество—«Живена». Это—общество словенскихъ женщинъ; его главная цѣль—заботиться о женскомъ образованіи и охранять интересы словенскихъ женъ и дѣвицъ. Но такъ какъ правительство не дозволяетъ словакамъ и заикнуться о народномъ образованіи, то и «Живена» не могла заняться школьнымъ вопросомъ. Зато она созываетъ общія собранія, собираетъ образцы узоровъ и даже устроила въ 1887 г. прекрасную выставку словенскихъ вышивокъ, костюмовъ и другихъ предметовъ народнаго искусства. Выставка продолжалась полтора мѣсяца и имѣла до 10,000 посѣтителей. Кромѣ того общество это издало два выпуска альманаха «Живена» (Živena), изъ коихъ послѣдній заключаетъ цѣнныя работы нашихъ лучшихъ писателей. Маленькій капиталъ общества (4428 гульд.) не позволяетъ предпринять что-нибудь болѣе крупное. А между тѣмъ члены, опасаясь конфискаціи, прекратили дальнѣйшіе взносы. При всемъ томъ «Живена» устраиваетъ ежегодныя собранія, которыя имѣютъ при нашихъ условіяхъ значеніе всенародныхъ торжествъ.

И нынѣшнимъ лѣтомъ состоялось 16—18 августа такое собраніе. По этому поводу сошлись въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ болѣе 300 словенскихъ патріотовъ. И народный «Домъ» созвалъ къ тому же времени своихъ акціонеровъ, такъ что нашъ Св. Мартинъ сталъ на три дня сходбищемъ массы людей, которые все еще не пали духомъ. Прибыть въ Св. Мартинъ на праздникъ означаетъ на жаргонѣ здѣшнихъ чиновниковъ государственную измѣну, панславизмъ; понятно, что къ намъ прибыли лишь люди совершенно независимые, ничѣмъ не связанные съ правительствомъ и ничего отъ него не ожидающіе, готовые подвергнуться преслѣдованію. Потому-то собраніе это имѣло особенный характеръ сердечности, братства, радостнаго волненія; формальности здѣсь тонутъ въ глубинѣ истиннаго чувства. Сознаніе, что эти три дня представляютъ свѣтлый оазисъ въ пустынѣ цѣлаго

года, что въ Мартинѣ можно еще свободно вздохнуть по-словенски, повидаться со своими, услышать родную пѣсню и слово утѣшенія, не подвергаясь чужимъ насмѣшкамъ,—проникло старыхъ и молодыхъ и придало характеръ какой-то олимпіады самымъ обыкновеннымъ развлеченіямъ. Эти празднества поддерживаютъ въ народѣ сознаніе своей индивидуальности.

Уже 16 августа городъ наполнился гостями, прибывшими то на повозкахъ, то по желѣзной дорогѣ. Городъ повеселѣлъ, оживился. Вечеромъ состоялось любительское представленіе комедіи Яна Палярика «Obzinky». Пьеса эта, слабая сама по себѣ, была оживлена народными пѣснями, танцами и изящными простонародными словенскими костюмами, въ которыхъ наши прекрасныя дѣвицы дѣйствительно вызывали эстетическое наслажденіе.

Послѣ представленія публика начала взаимно знакомиться; было много гостей и изъ Чехіи и Моравіи: пріѣхали литераторы, профессора, адвокаты; они удивлялись той духовной теплотѣ, которая воцарилась въ залѣ и рѣдко встрѣчается въ другихъ собраніяхъ, даже при развитой общественности. Такая теплота можетъ согрѣвать лишь тѣхъ людей, которые подвергаются преслѣдованію! Мы не безъ нѣкоторой зависти смотримъ на свойственный чехамъ холодъ; будь онъ у насъ, это бы означало, что мы уже прожили первые тяжелые дни возрожденія.

На другой день было засѣданіе «Живены». Постановлено возобновить пріемъ членскихъ взносовъ, закупать образцы женскихъ рукодѣлій и т. п. Госпожа Елена Шолтисова прочла умную и интересную лекцію о нашихъ общественныхъ отношеніяхъ.

Собраніе акціонеровъ «Дома» выслушало отчетъ предсѣдателя Матуша Дула и кассира Галаша. «Домъ» разсчитанъ на 800 акцій по 50 гул., но изъ нихъ доселѣ не распродано еще 142, что составляетъ больное мѣсто всего предпріятія. Постройка «Дома» обошлась въ 60,000 гул.; изъ нихъ 21,000 взяты въ долгъ. Затѣмъ доложенъ былъ собранію отчетъ Светозара Гурбана о состоящей при «Домѣ» библіотекѣ. Она раздѣляется на четыре отдѣла: I. Chalupkiana, даръ славнаго словенскаго поэта Самка Халупки; тутъ 980 сочиненій, между которыми много драгоцѣнныхъ остатковъ XVI и XVII, кажется даже и XV вѣковъ. II. Slovenica: тутъ 1152 сочиненій словенскихъ или относящихся къ словакамъ; между ними есть старые словенскіе инкунабулы, напечатанные въ Словачинѣ. III. Slavica: книги чешскія, русскія... послѣднихъ весьма мало. Мы не имѣемъ даже русскихъ классиковъ. Вся эта библіотека—даръ патріотовъ, которые не имѣли русскихъ книгъ. Не найдется ли въ Россіи добрый человѣкъ, который бы заполнилъ этотъ пробѣлъ? У насъ книги

не стоятъ даромъ, а ежедневно берутся для чтенія и выполняютъ важную культурную миссію. IV. Книги на прочихъ языкахъ: ихъ набралось втеченіе двухъ лѣтъ 4900 заглавій. Первое и второе отдѣленіе уже каталогизованы на карточкахъ. Что касается состоящаго при «Домѣ» музея, то онъ слагается изъ 10 отдѣленій и понемногу наполняется.

Пополудни (17 августа) состоялся банкетъ, подъ предсѣдательствомъ Яна Францисци. Въ началѣ наше пѣвческое общество пропѣло по-церковно-славянски «Отче нашъ». Какъ все, и банкетъ носилъ отпечатокъ той искренней веселости, при которой ѣда отступаетъ на задній планъ, а пѣніе, музыка и общая радушность овладѣваютъ всѣмъ. Во время обѣда прибыло до 20 чешскихъ туристовъ изъ Татеръ. Послѣ обѣда состоялось частное собраніе нашихъ передовыхъ людей. На немъ рѣшено между прочимъ основать у насъ «Ученое общество», по предложенію католическаго священника Андрея Кметя. Человѣкъ этотъ заслуживаетъ глубокаго уваженія не только у насъ, словаковъ, но и во всемъ славянскомъ мірѣ. Пылкій душою, образованный, даже ученый, прилежный какъ пчела, славянинъ безукоризненнаго и непоколебимаго убѣжденія, Кметь уже лѣтъ 20 ратуетъ за свой проектъ. «Ученое общество» должно, по его мнѣнію, организовать духовный трудъ словаковъ, собирать во всемъ краѣ предметы изъ области археологіи, естествознанія, этнологіи и другихъ отдѣловъ отечествовѣдѣнія. Онъ самъ лично при самыхъ небогатыхъ средствахъ собралъ образцы мѣстныхъ минераловъ, раскапывалъ могилы, создалъ большую коллекцію дикихъ розъ, причемъ вступилъ въ сношеніе съ лучшими спеціалистами Германіи, Франціи, даже Америки и Африки. Эта—правда, спеціальная—коллекція имѣетъ огромную цѣнность. Она будетъ подарена въ музей «Дома». Нашлись у Кметя пріятели, которые принялись за другія спеціальности: напр. священникъ Андрей Трухлый занялся растеніями тайнобрачными. Такъ-то словенскій умъ, словенская сила должны во мракѣ угнетенія искать себѣ выхода, словно запертое въ темномъ погребѣ растеніе, выпускающее къ свѣту новые блѣдные побѣги... Не имѣя возможности весело работать на поприщѣ политическомъ или общественномъ, даровитые словаки должны скрываться въ лабиринтѣ спеціальностей и коллектованія!

Своей настойчивостью Кметь заставилъ насъ всѣхъ увѣровать въ свой идеалъ и «Ученое общество» будетъ основано.

Въ заключеніе нашихъ словенскихъ олимпіадъ состоялась экскурсія въ сосѣднія горы, сопровождаемая играми, пѣснями и танцами молодежи. Хотя торжество это имѣло повидимому увеселительный характеръ, однако оно оставило замѣтный слѣдъ на на-

шихъ народныхъ отношеніяхъ. Кромѣ задуманнаго учрежденія «Ученаго общества», много высказано было практическихъ совѣтовъ и вообще по дѣлу народной организаціи. Обсуждены были вопросы о газетахъ, литературѣ, дѣлахъ общинныхъ, церковныхъ и т. д. Вслѣдъ за празднествами получены значительные дары для библіотеки и музея: такъ благодѣтельно дѣйствіе живого слова!

Теперь мы опять возвратились въ сферу своихъ обыденныхъ занятій и заботъ. Начинается школьный годъ. Куда посылать дѣтей? Вездѣ ихъ ждетъ либо обезнароженіе, либо преслѣдованіе до крови. И что это за школы? Подъ мадьярскимъ управленіемъ ничто не пало такъ низко, какъ школы. Статистика не можетъ служить въ этомъ отношеніи руководителемъ. Что за польза изъ возрастающей цифры школъ, если ихъ внутреннее достоинство страшно пало! Мы съ ужасомъ смотримъ на матуристовъ мадьярскихъ гимназій: эти бѣдняки ничего не знаютъ, кромѣ мадьярчины! Неудивительно, что вѣнскій университетъ не принимаетъ уже мадьярскихъ абитуріентовъ безъ экзамена. Кто изъ нихъ не возмѣстилъ школы частными занятіями, тотъ остается полнымъ невѣждою, притомъ прикованнымъ къ землѣ, ибо не знаетъ ни одного языка, кромѣ мадьярскаго. Мадьярчина служитъ для него китайскою стѣною. Политика эта быть можетъ хороша для мадьярской расы, но для насъ она гибельна. Чѣмъ менѣе молодежь образована, тѣмъ болѣе она буйствуетъ. Сами профессора пештскаго университета жалуются, что среди студентовъ вовсе не замѣчается любознательности, а только лѣнь и мотовство, фатовство и политиканство, уличные скандалы, затѣмъ идутъ—карты, кофейни, кабаки и дома терпимости... Отъ этихъ студентовъ не услышишь ни слова о наукѣ или искусствѣ, а только о пустякахъ уличной жизни и приключеніяхъ балаганнаго характера. Не знаю, что станется съ пресловутой мадьярской культурой, когда на сцену выступитъ нынѣшній подростъ мадьярскаго общества! Донынѣ умственная жизнь мадьяръ питается еще старымъ тукомъ. Нѣмцы провели старшее поколѣніе черезъ довольно хорошую школу; да и отъ прежнихъ временъ остались еще разсадники классической образованности. Однако въ мадьярской наукѣ уже и теперь довольно глухо. Мадьярская академія наукъ стала убѣжищемъ инвалидовъ и синекуристовъ! Еще недавно одинъ изъ ея членовъ, именно профессоръ пештскаго университета д-ръ Пауеръ, обличенъ въ плагіаторствѣ нѣмецкихъ философскихъ сочиненій! Впрочемъ и вся мадьярская наука безплодна какъ степь: это не болѣе какъ плохой парафразъ науки нѣмецкой.

Но всетаки нужно признать, что мадьяры, при всей своей научной и художественной импотенціи, не опускаютъ рукъ. Они умѣютъ

находить людей, иной разъ и весьма серьезныхъ. Особенно замѣчательна ихъ производительность въ области легкой публицистики. Имѣютъ двѣ газеты: «Nemzet» и «Egyetértés», которыя по объему далеко оставляютъ за собою «Новое Время» и «Московскія Вѣдомости»: выходятъ по два раза въ день, въ огромномъ форматѣ, мелкой печатью. Тутъ найдется все, чего только можно пожелать отъ большой газеты. Но кромѣ этихъ ежедневныхъ изданій есть еще до двадцати другихъ, а между ними пять большихъ. Въ каждомъ городѣ издается одна или нѣсколько мѣстныхъ газетъ. Словомъ, по этой части мадьярская литература могла бы вполнѣ удовлетворить хотябы и 20-ти милліонный народъ. И это тѣмъ удивительнѣе, что ни одна изъ мадьярскихъ газетъ не имѣетъ болѣе 5,000 подписчиковъ. «Nemzet» напримѣръ насчитываетъ всего до 2,000. Удивительно, какъ могутъ держаться эти газеты! Отмѣтимъ еще, что мадьяризму служатъ и нѣкоторыя нѣмецкія газеты: напр. «Pester Lloyd» (съ 14,000 подп.), «Pester Journal» (25,000 подписч.) и др. И всѣ эти газеты редактируются очень недурно. Правда, они держатся преимущественно еврейскими силами. Такъ напр. «Egyetértés» весь переполненъ евреями, которые помадьярили свои имена. Имѣютъ мадьяры и два недурныя мѣсячныя обозрѣнія. Но въ изящной литературѣ они сильно хромаютъ: Іокай—уже исписался, его едва хватаетъ на безвкусныя фантазіи; прочіе стремятся подражать ему, а также французскимъ реалистамъ и натуралистамъ, но изъ этого пока ничего порядочнаго не вышло. Еще самымъ даровитымъ изъ учениковъ Іокая является нашъ словенскій ренегатъ Миксатъ (Mikszath). Изъ стихотворцевъ чуть-ли не первымъ слѣдуетъ признать еврея Киша (Kiss), подражателя Гейне. Въ области искусства у мадьяръ также первое мѣсто занимаютъ ренегаты: такъ напр. покойный скульпторъ Гусаръ былъ словакъ изъ Зволена, не знавшій даже по-мадьярски; живописецъ Бенцуръ, директоръ академіи художествъ въ Будапештѣ, происходитъ изъ нашей Оравы; Щетка и Балло тоже словаки; Литценмайеръ и Марчиттай—нѣмцы и т. д.

Но зато въ политикѣ мадьяры настоящіе художники, хотя и здѣсь первую, но закулисную роль уже давно играетъ крещеный еврей Максъ Фалькъ, редакторъ «Pester Lloyd'a». Публика не догадывается, какъ силенъ этотъ человѣкъ, — но и министры черпаютъ у него вдохновеніе. Фалькъ не выступаетъ впередъ, но имѣетъ рѣшающее вліяніе въ либеральной партіи. Онъ дѣлаетъ политику, хотя состоитъ не болѣе какъ докладчикомъ по иностраннымъ дѣламъ въ делегаціи. Стоя во главѣ могущественнаго еврейства, онъ въ состояніи когда угодно прижать къ стѣнѣ и партію и правительство, которыя не могутъ обойтись безъ субсидій изъ еврейскаго капитала.

Умѣренная оппозиція, съ графомъ Аппони во главѣ, не имѣетъ дѣйствительнаго значенія. Зато въ крайней лѣвой есть политики, вполнѣ преданные дѣлу. Тутъ всего лучше отражается стремленіе чистокровныхъ мадьяръ имѣть самостоятельную Угрію, съ персональной уніей. Но и здѣсь замѣтенъ расколъ: фракція Угрона все болѣе приближается къ правительству, которое однако не имѣетъ надобности въ этой поддержкѣ. Предшественникъ гр. Сапари, К. Тиса, такъ выдрессировалъ свою партію, что она слѣпо пойдетъ еще за нѣсколькими министрами-президентами. У насъ можно бы свергнуть правительство лишь въ томъ случаѣ, еслибы этого пожелала корона, чего не скоро дождемся. Вообще, нынѣшняя Угрія опирается на двухъ столбахъ: волѣ государя и поддержкѣ крупнаго биржевого капитала. Если же иные увѣряютъ, что основою нынѣшней Угріи служитъ конституціонный духъ населенія и либерализмъ, то это ложь и обманъ. Такого духа нѣтъ даже у чистокровныхъ мадьяръ, а куда ужъ у немадьяръ!...

25 августа, 1892 года. **В.**

Изъ Бѣлграда

Перемѣна министерства; настроеніе народныхъ массъ; генезисъ и характеръ сербскихъ партій.

Въ виду того, что совершившаяся недавно въ Сербіи перемѣна министерства вызвала въ славянской, даже въ русской печати тревожныя опасенія за будущее, я считаю своимъ долгомъ познакомить читателей «Славянскаго Обозрѣнія» со взглядомъ на эту перемѣну самихъ сербовъ славянско-народнаго направленія.

Прежде всего русскимъ людямъ слѣдуетъ знать, что народъ сербскій въ массахъ всегда былъ и есть преданъ Россіи и глубоко благодаренъ ей за братскую помощь, оказанную какъ въ первой борьбѣ за освобожденіе, такъ и во второй—за независимость. Каждое сербское министерство, какой бы оно партіи ни принадлежало, можетъ разсчитывать на сочувствіе народныхъ массъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой оно пользуется довѣріемъ Россіи и благоволеніемъ русскаго Государя. Можетъ, конечно, просуществовать нѣкоторое время и министерство другого направленія, но только—силой, а не довѣріемъ народа: примѣромъ можетъ служить недавнее «напредняцкое» министерство.

Что же касается такъ называемой сербской интеллигенціи, которая отчасти воспитывалась на мѣдные гроши, а отчасти въ

разныхъ иностранныхъ государствахъ или подъ вліяніемъ Западныхъ литературъ, то это другая статья.

Въ ея средѣ совершается броженіе разныхъ направленій, вслѣдствіе чего она дробится и на политическія партіи.

Первоначально въ Сербіи существовали только двѣ партіи, болѣе династическаго характера: партія Карагеоргіевичей и партія Обреновичей. Но съ 1858 года, по изгнаніи свято-андреевскою скупштиною австрофила Александра Карагеоргіевича, его партія стала называться «консервативной»; во главѣ ея сталъ Гарашанинъ старшій. Съ 1880 года она переименована въ «напреднядкую» (прогрессивную), причемъ ея руководителемъ сталъ Гарашанинъ младшій. Эта партія долго была во власти, а поэтому она имѣетъ въ своихъ рядахъ немало богатыхъ и интеллигентныхъ людей, но не пользуется сочувствіемъ народныхъ массъ. Впрочемъ она мало и заботилась объ этомъ сочувствіи, а всегда старалась заручиться поддержкою той или другой изъ западныхъ державъ, но никакъ не Россіи. Только во время войны, когда сербскимъ войскомъ командовалъ русскій генералъ и когда въ рядахъ этого войска было много русскихъ добровольцевъ, члены напредняцкой партіи стали заискивать довѣрія русскихъ, въ чемъ и успѣли. Всѣ почти деньги, которыя изъ Россіи посылались на помощь пострадавшимъ отъ военнаго погрома, проходили черезъ руки «напредняковъ», ибо русскіе агенты относились тогда холодно къ приверженцамъ другой, либеральной партіи, считая ихъ виновниками войны, въ которую принуждена была вмѣшаться и Россія. Но какъ только король Миланъ началъ склоняться къ коалиціи среднеевропейскихъ державъ, «напредняки» тотчасъ сдѣлались послушнымъ орудіемъ этой политики и стали враждебно относиться къ Россіи.

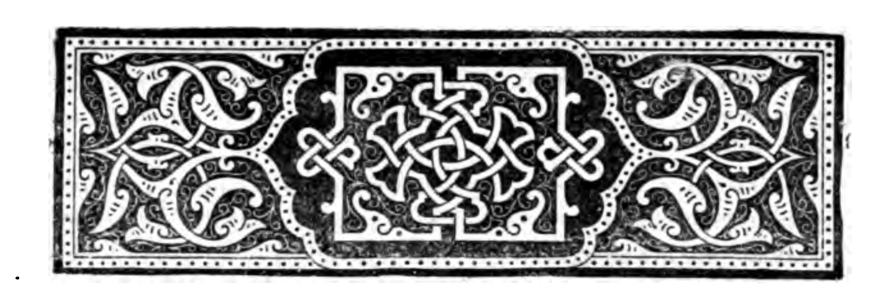
Таковы были послѣдовательныя метаморфозы западнической партіи Карагеоргіевичей, alias консервативной или напредняцкой. Что касается противоположной имъ партіи Обреновичей, то принявъ наименованіе «либеральной», въ отличіе отъ той, консервативной, она всегда стояла заодно съ народомъ, слѣдовательно предана была и Россіи, какъ представительницѣ славянства и православія. Къ этой истинно-народной партіи принадлежатъ почти всѣ наши лучшіе ученые, писатели, дѣятели,—болѣе независимаго образа мыслей. Таковы напримѣръ: регентъ Іов. Ристичъ, генералъ Белимарковичъ, Авакумовичъ, А. Васильевичъ, проф. Сретьковичъ и многіе другіе. И митрополитъ Михаилъ наиболѣе сочувствуетъ этой партіи, хотя и не принадлежитъ къ ней непосредственно, стоя выше всѣхъ партійныхъ интересовъ, какъ истинный глава серб-

ской церкви и вѣрный хранитель кирилло-меѳодіевскихъ завѣтовъ. Третья наша партія, радикальная, сплотилась лѣтъ 12 тому назадъ изъ разныхъ фракцій, недовольныхъ обѣими существовавшими дотолѣ партіями. Пользуясь съ одной стороны ненародной политикой напредняковъ, а съ другой—мирной и легальной оппозиціей либераловъ, эта новая и буйная партія, не особенно строгая въ выборѣ средствъ для дѣйствія на правительство и народъ, скоро обратила на себя вниманіе и одной и другой стороны. Члены этой партіи нѣсколько разъ возмущались противъ правительства; народнымъ же массамъ они сулили золотыя горы, обѣщая уничтожить государственный долгъ, уменьшить подати, замѣнить регулярное войско народнымъ и т. п. Этимъ радикалы привлекли на свою сторону простонародье, особенно людей бѣдныхъ, которымъ было даже обѣщано пособіе изъ казны. Интеллигенція этой партіи, которую составляютъ преимущественно учителя народныхъ и среднихъ школъ, мало симпатизируетъ Россіи, исключая вождей партіи, Груича и Пашича. Генералъ С. Груичъ принадлежалъ прежде къ либераламъ, но его сманили радикалы, предложивъ ему первую роль, чтобы имѣть въ своей средѣ хоть одного именитаго человѣка. Что касается г. Пашича, то конечно въ послѣднее время, по возвращеніи своемъ изъ эмиграціи, онъ принадлежалъ къ числу истинныхъ приверженцевъ и друзей Россіи; но въ прежніе годы и онъ увлекался западными идеями, даже соціализмомъ, который былъ пересаженъ въ Сербію изъ Швейцаріи, не безъ участія русской эмиграціи. Если несмотря на все это радикальное министерство дорожило довѣріемъ Россіи, то это объясняется не столько настроеніемъ большинства его членовъ, сколько требованіями регентства и народныхъ массъ. Благодаря этому именно обстоятельству министерство Пашича и могло оставаться три года во власти. Къ сожалѣнію, ему не удалось въ теченіи этого времени осуществить ни одного изъ данныхъ народу обѣщаній, влѣдствіе чего въ немъ стало обнаруживаться недовольство, а интеллигенція этой партіи стала разлагаться на свои прежнія фракціи. Это же привело къ расколу въ самомъ кабинетѣ. Три самые значительные его члена, а именно министры: внутреннихъ дѣлъ Миросавлевичъ, военный Джуричъ и юстиціи Крестичъ, подали въ отставку. Г. Пашичу не легко было замѣнить этихъ коллегъ другими лицами, ибо радикальная партія очень бѣдна людьми съ высшимъ образованіемъ и административнымъ опытомъ. Къ этимъ внутреннимъ затрудненіямъ кабинета присоединилось еще столкновеніе съ регентствомъ по поводу назначенія третьяго регента, вмѣсто умершаго генерала Протича. Г. Пашичъ предложилъ на-

мѣстникамъ созвать для этой цѣли ранѣе узаконеннаго времени скупштину на экстренное засѣданіе, для выбора третьяго намѣстника и принятія торгового договора съ Австріей. Когда регенты отклонили это предложеніе, кабинетъ подалъ въ отставку. Это вызвало къ жизни новый кабинетъ, составленный изъ членовъ либеральной партіи, къ которой—кстати сказать—принадлежатъ и оба регента. Нельзя отрицать, что въ кабинетъ этотъ вошли самые способные люди названной партіи. Въ немъ нѣтъ, правда, Алимпія Васильевича, который всегда бывалъ членомъ въ министерствахъ Ристича, но г. Васильевичъ, какъ намъ передавали, самъ не пожелалъ принять участіе въ этомъ кабинетѣ, потому что и президентъ министерства Авакумовичъ, и регентъ Белимарковичъ его близкіе родственники. Радикалы теперь раскаиваются въ томъ, что подали въ отставку и утѣшаются лишь надеждою имѣть при новыхъ выборахъ въ скупштину прежнее большинство. Но эта надежда можетъ и не оправдаться, ибо народъ не вполнѣ удовлетворенъ ихъ управленіемъ. Особенно же сильно они дискредитировали себя насильственнымъ изгнаніемъ королевы Наталіи. Очень возможно слѣдовательно и либеральное большинство въ ближайшей скупштинѣ.

Бѣлградъ.
19 Августа 1892.

Бѣлградецъ.



БИБЛІОГРАФІЯ

В. С. Иконниковъ, проф., опытъ русской историографіи. Томъ I (въ двухъ книгахъ). Кіевъ, 1892.

Сочиненіе проф. Иконникова прежде всего поражаетъ своимъ объемомъ: въ двухъ книгахъ, составляющихъ первый томъ, до 2000 страницъ. Принимаясь за чтеніе, поражаешься массою труда, огромною начитанностью автора. Если вспомнимъ при этомъ, что труды по исторіографіи въ нашей литературѣ немногочисленны, что они не доходятъ до послѣдняго времени, что по большей части они кратки и даже въ свое время не всѣ были удовлетворительны, то съ тѣмъ большею благодарностью отнесемся къ лежащему передъ нами сочиненію. Вышедшій первый томъ составляетъ какъ бы введеніе ко второму, долженствующему заключать въ себѣ то, что составляетъ содержаніе русской исторіографіи. Томъ этотъ распадается на два отдѣленія, которыя сами по себѣ представляютъ важные и новые въ русской литературѣ труды. Первое отдѣленіе — изложеніе исторической методологіи съ обозрѣніемъ исторіи собиранія и изданія памятниковъ письменныхъ и вещественныхъ въ Россіи; второе — состоитъ изъ обстоятельныхъ свѣдѣній о библіотекахъ, архивахъ и музеяхъ въ Россіи и заграницей, хранящихъ источники по русской исторіи.

Курса методологіи мы до сихъ поръ не имѣли, хотя многіе профессора посвящали часть своихъ лекцій на методологическія указанія и практически руководили своихъ слушателей въ ихъ работахъ. Вотъ почему, особенно теперь, когда число занимающихся русской исторіей значительно возрасло, появленіе подобнаго курса наиболѣе своевременно. Почтенный авторъ много работалъ надъ

этимъ курсомъ, много прочелъ для него и составилъ въ высокой степени полезное руководство. Онъ излагаетъ здѣсь понятіе объ исторіи, о мѣстѣ исторіи въ ряду другихъ наукъ, о вспомогательныхъ знаніяхъ для исторіи, о приложеніи критики низшей и высшей къ разнаго рода источникамъ, о значеніи сравнительнаго метода, о личности и національности въ исторіи, о прогрессѣ, о качествахъ, которыя требуются отъ историка, о разныхъ способахъ историческаго изложенія и т. д. Одинъ перечень этихъ вопросовъ свидѣтельствуетъ о глубокомъ интересѣ, который представляетъ для занимающагося исторіей методологическое введеніе автора. Конечно, не со всѣмъ тѣмъ, что онъ говоритъ, можно согласиться безусловно, но таково ужъ свойство всякаго изложенія. Заслуга автора состоитъ въ томъ, что онъ привелъ въ систему результаты своего многолѣтняго преподаванія и обширнаго, разнообразнаго чтенія. Даже тѣ, которые несогласны съ его выводами, найдутъ въ ихъ обстоятельномъ изложеніи возможность обсудить свои собственныя соображенія, и укрѣпиться въ нихъ или ихъ отвергнуть или ограничить. Далѣе авторъ чрезвычайно обстоятельно излагаетъ исторію собиранія и изученія памятниковъ въ Россіи. Изложеніе его представляетъ много любопытныхъ свѣдѣній и служитъ первымъ общимъ обзоромъ этого вопроса.

Второе отдѣленіе книги—трудъ совершенно новый и оригинальный, занимающій собою большую часть книги. Авторъ излагаетъ здѣсь исторію и современное состояніе архивовъ, библіотекъ и музеевъ, правительственныхъ и частныхъ въ Россіи, а также подобныхъ учрежденій за границею, какъ въ славянскихъ земляхъ и на Востокѣ, такъ и въ разныхъ государствахъ Европы. Нѣтъ нужды говорить о томъ, какого огромнаго труда стоило собрать тѣ свѣдѣнія, которыя читатель находитъ въ его книгѣ. Теперь каждый начинающійся заниматься знаетъ, куда обратиться за отыскиваніемъ нужныхъ ему для задуманной работы матеріаловъ; знаетъ, гдѣ хранятся разнаго рода документы, гдѣ искать важныхъ рукописей. Вѣроятно, каждый изъ новыхъ дѣятелей, пересмотрѣвъ занимающую насъ книгу, найдетъ въ ней такія указанія, которыя нигдѣ не собраны вмѣстѣ, искать которыхъ пришлось бы по множеству книгъ и притомъ часто рѣдкихъ. Самое указаніе такихъ книгъ, въ которыхъ иногда можно встрѣтить дополнительныя подробности, драгоцѣнно для занимающагося. Можно сказать, что къ помощи проф. Иконникова будутъ не разъ прибѣгать и опытные изслѣдователи: кто для того, чтобы вспомнить забытое, кто для того, чтобы узнать что-нибудь новое. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что и имъ трудъ этотъ представитъ много новаго: всего знать нельзя. Благодаря обширнымъ поправкамъ

и дополненіямъ книга доведена такъ сказать до вчерашняго дня. Такого обширнаго репертуара свѣдѣній по вопросамъ, намѣченнымъ авторомъ, русская литература не представляетъ; даже не вездѣ авторъ могъ руководиться существующими отдѣльными описаніями и статьями о томъ или другомъ учрежденіи: ему приходилось обращаться за свѣдѣніями въ разныя мѣста и къ разнымъ лицамъ. Интересъ его изложенія еще усиливается тѣмъ, что онъ не ограничивается только указаніемъ памятниковъ, хранящихся въ томъ или другомъ учрежденіи, но старательно собираетъ свѣдѣнія о лицахъ, работавшихъ въ этихъ учрежденіяхъ, и о тѣхъ изъ хранящихся въ нихъ памятникахъ, которые изданы въ свѣтъ.

Во второмъ томѣ авторъ предполагаетъ помѣстить обозрѣніе источниковъ по ихъ родамъ, а также общаго хода развитія русской исторической науки. И настоящій трудъ его и множество помѣщенныхъ имъ въ разныхъ журналахъ критическихъ и библіографическихъ статей свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, способенъ довести до конца свое обширное предпріятіе.

Изъ этого бѣглаго очерка уже видно, что мы имѣемъ дѣло съ однимъ тѣхъ изъ рѣдкихъ, выдающихся трудовъ, которые надолго остаются необходимымъ пособіемъ для всѣхъ занимающихся и навсегда пребудутъ памятникомъ высокой любви къ наукѣ, вдохновлявшей ихъ авторовъ.

Нельзя не пожелать, чтобы такой трудъ былъ доведенъ до конца. Пожелаемъ же, чтобы силы еще долго не измѣняли автору, и чтобы трудъ его встрѣченъ былъ въ кругу занимающихся съ тѣмъ уваженіемъ и тою благодарностью, которыхъ онъ вполнѣ заслуживаетъ.

Бывшій профессоръ русской исторіи.

Знаменскій, П. ИСТОРІЯ КАЗАНСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ ЗА ПЕРВЫЙ (ДОРЕФОРМЕННЫЙ) ПЕРІОДЪ ЕЯ СУЩЕСТВОВАНІЯ (1842—1870 ГОДЫ). I—III ВЫП. КАЗАНЬ. 1891—1892.

21-го текущаго сентября Казанская Духовная Академія празднуетъ 50-лѣтній юбилей своего новаго (послѣ закрытія старой академіи въ 1818 г.) существованія—со времени открытія ея въ 1842 г. Ко дню этого юбилея проф. академіи П. В. Знаменскій, по порученію академическаго совѣта, составилъ и напечаталъ исторію новой академіи за первый дореформенный періодъ ея существованія въ трехъ большихъ выпускахъ. Въ первымъ выпускѣ описывается «состояніе административной части въ академіи до 1870 г.», при чемъ подробно излагается и примѣрами историческихъ лицъ—главныхъ дѣятелей ака-

деміи и выдающихся фактовъ ея жизни ярко освѣщается дѣятельность а) внутренняго правленія академіи, б) академической конференціи и в) внѣшняго или окружного правленія академіи, имѣвшаго отношеніе къ управленію духовно-учебными заведеніями округа. Второй выпускъ посвященъ описанію и характеристикѣ «состоянія учебной части въ академіи до 1870 г.», причемъ въ самомъ началѣ представленъ «общій составъ академическаго курса», а затѣмъ уже «частное обозрѣніе академическихъ каѳедръ и личнаго состава преподавателей», говорится далѣе объ ученыхъ средствахъ академіи (научныхъ кабинетахъ, библіотекахъ и пр.), объ академическомъ журналѣ («Православный Собесѣдникъ») и наконецъ о матеріальныхъ средствахъ и бытѣ наставниковъ академіи. А въ третьемъ выпускѣ авторъ даетъ обозрѣніе академической экономіи и описываетъ «нравственную часть» академической жизни, касающуюся благоповеденія студентовъ, а также учебныя ихъ занятія въ академіи и пр. Въ концѣ III вып. приложены списки студентовъ въ порядкѣ академическихъ курсовъ съ краткими біографическими данными и библіографическими указаніями ихъ ученыхъ трудовъ (у кого послѣдніе имѣются).

Многосодержательный трудъ проф. Знаменскаго полонъ живого, даже можно сказать—захватывающаго интереса, не только по манерѣ авторскаго изложенія, нерѣдко картиннаго, не только по основательному знакомству автора съ подлежащимъ матеріаломъ и близости его къ описываемымъ событіямъ, но главнымъ образомъ по историческому содержанію его книги, описывающей жизнь академіи и притомъ еще при особыхъ условіяхъ и нуждахъ того края, въ которомъ она учреждена. Приступая къ изложенію исторіи академіи за указанный періодъ времени (до 1870 г.), авторъ говоритъ между прочимъ. «Время это настолько уже далеко отъ насъ, что мы имѣемъ, кажется, полную возможность взглянуть на него съ настоящей исторической точки зрѣнія... Субъективность историка этой старой академической жизни, которую онъ когда-то и самъ переживалъ, можетъ выразиться не столько въ его отношеніи къ ея общему строю и теченію, сколько развѣ въ нѣкоторыхъ излишествахъ разсказа, свойственныхъ всѣмъ авторамъ мемуаровъ, въ излишнемъ увлеченіи знакомыми и еще слишкомъ живыми въ душѣ его образами, до которыхъ другимъ, можетъ быть, нѣтъ никакого дѣла, и въ невольномъ выраженіи до сихъ поръ все еще не пережитыхъ личныхъ симпатій и антипатій». Правда, авторъ иногда впадаетъ въ подобнаго рода субъективизмъ, въ особенности когда говоритъ о представителяхъ. академической администраціи и вообще о дѣятеляхъ академіи, знакомыхъ ему лично или по воспоминаніямъ другихъ близкихъ къ нимъ по времени лицъ. «Но такая

Субъективность, замѣчаетъ авторъ, еще небольшая бѣда. Соединеніе исторіи съ мемуарами можетъ имѣть и свою прелесть, и свое даже научно-историческое достоинство, которое будущій, болѣе поздній по времени и болѣе научный по своему образованію историкъ академіи можетъ найти для себя даже особенно цѣннымъ». Но главный все-таки интересъ книги г. Знаменскаго заключается въ ея историческомъ содержаніи, въ тѣхъ историческихъ матеріалахъ, которые характеризуютъ жизнь академіи за описываемый періодъ времени, ея значеніе въ исторіи русскаго духовнаго просвѣщенія и вообще въ культурной жизни того края, въ которомъ она учреждена не только какъ «вертоградъ высшихъ духовныхъ знаній», но и какъ «высшее духовно-учебное заведеніе именно восточнаго края имперіи». Казанская духовная академія, въ общемъ устроенная по типу другихъ существовавшихъ уже ранѣе духовныхъ академій (с.-петербургской, московской и кіевской), руководствовалась и въ своей дальнѣйшей жизни описываемаго времени однимъ и тѣмъ же съ ними уставомъ (1814 г.). Но въ учебномъ отношеніи, кромѣ наукъ богословскихъ и философскихъ, а также историческихъ, словесныхъ и физико-математическихъ, казанская академія имѣла въ своемъ курсѣ и науки особыя, спеціально введенныя въ курсъ только этой академіи, науки такъ называемаго миссіонерскаго отдѣленія. Еще при самомъ учрежденіи академіи Св. Синодъ постановилъ между прочимъ: «Какъ сверхъ предметовъ, назначенныхъ уставомъ для духовныхъ академій, въ казанской академіи представляется нужнымъ учредить современемъ особыя каѳедры для преподаванія языковъ, употребляемыхъ языческими народами въ сибирскихъ и другихъ епархіяхъ казанскаго округа, то разсмотрѣніе сего обстоятельства поручить правленію вновь учреждаемой академіи, съ тѣмъ, чтобы оно представило подробное соображеніе о томъ, какіе именно языки и въ какомъ объемѣ нужно будетъ преподавать въ академіи, сообразно съ мѣстными потребностями семинарій подвѣдомственнаго имъ округа». Дѣйствительно, въ интересахъ расширенія православно-христіанской миссіи среди восточныхъ инородцевъ имперіи вскорѣ въ курсъ академіи было введено изученіе языковъ арабскаго, татарскаго, калмыцкаго и др. Съ этимъ конечно связывались прежде всего практическія задачи противомусульманской и противобуддійской полемики. Академія, благодаря лучшимъ своимъ представителямъ на этомъ поприщѣ, съ большимъ самоотверженіемъ выполняла свое назначеніе. Имена ея замѣчательныхъ оріенталистовъ, беззавѣтно преданныхъ и христіанскому миссіонерскому дѣлу, какъ напр. Г. С. Саблукова, А. А. Бобровникова, Н. И. Ильминскаго, В. В. Миротворцева и другихъ еще живыхъ достойныхъ ихъ учениковъ по академіи останутся незабвенными

не только въ исторіи академіи и русскаго духовнаго просвѣщенія, но и вообще въ исторіи распространенія православнаго греко-славянскаго культурнаго вліянія на азіатскомъ Востокѣ. Въ разсматриваемой книгѣ г. Знаменскаго (во II вып.) подробно изложена судьба т. н. миссіонерскихъ предметовъ въ академіи, а также выяснено тамъ и значеніе въ наукѣ главныхъ представителей ихъ на академическихъ каѳедрахъ. Крайне любопытны всѣ эти свѣдѣнія: проливая достаточный свѣтъ на ученые труды академическихъ оріенталистовъ, они въ то же время даютъ вообще ясно понять смыслъ и характеръ православной русской миссіи, а также невольно поднимаютъ вѣру въ успѣхъ ея христіанизирующаго вліянія на Востокѣ, съ чѣмъ конечно тѣсно связанъ и успѣхъ греко-славянской культуры вообще среди сосѣднихъ инородцевъ—спутниковъ нашего культурнаго міра. Въ книгѣ г. Знаменскаго есть свѣдѣнія и о томъ, что въ академіи даже въ описываемый періодъ времени сообщались студентамъ нѣкоторыя части изъ цѣлой науки славяновѣдѣнія: въ интересахъ противораскольнической миссіи введено было (съ 1855) въ академіи преподаваніе славянской палеографіи. Первымъ преподавателемъ ея былъ извѣстный нашъ славистъ В. И. Григоровичъ въ бытность его въ Казани на университетской каѳедрѣ. О преподаваніи его въ академіи читатели найдутъ нѣсколько свѣдѣній въ разсматриваемой книгѣ (II вып., стр. 383 и слѣд.), а здѣсь, на страницахъ «Слав. Обозрѣнія», мы не можемъ все-таки не привести того общаго отзыва, какой даетъ относительно этой замѣчательной личности проф. Знаменскій.

«Въ сентябрѣ 1855 г. началось преподаваніе славянской палеографіи В. И. Григоровичемъ..... Викторъ Ивановичъ взялся читать ее безмездно. Страстный любитель славянства, незабвенный профессоръ—идеалистъ всей своей младенчески-чистой душой восторгался, что у него будетъ чуть не 30 слушателей сколько онъ никогда не видалъ передъ собою въ университетѣ, притомъ слушателей избранныхъ, привычныхъ къ труду и научно развитыхъ. Своимъ одушевленіемъ онъ съ первой же лекціи завоевалъ себѣ полное вниманіе академической аудиторіи; его лекціи посѣщали не одни только студенты младшаго курса, но и старшіе. Въ виду такого значительнаго собранія слушателей, питавшихъ полное къ нему вниманіе, онъ даже совсѣмъ забылъ ту узко-спеціальную цѣль, которую долженъ былъ преслѣдовать въ своемъ преподаваніи, и пустился въ свою любимую область сравнительнаго изученія славянскихъ нарѣчій. Каждая лекція его заключала массу любопытныхъ свѣдѣній изъ совершенно новой для академіи научной области. Ученый профессоръ былъ видимо радъ, найдя такихъ сочувствовавшихъ ему слушателей, и какъ будто торопился выска-

зать въ данный ему срокъ все, что его занимало, одушевляло и волновало, и только уже подъ конецъ года вспомнилъ, что дѣло дѣломъ, а оффиція оффиціей, что студентамъ надобно будетъ сдавать по палеографіи какой нибудь экзаменъ. По просьбѣ студентовъ онъ наскоро набросалъ для нихъ коротенькія записки, раздѣленныя всего на 7 билетовъ, подробно растолковалъ каждый билетъ и по нимъ же вмѣстѣ со студентами составилъ экзаменскую программу.... Чтобы доставить удовольствіе полюбившемуся профессору, студенты въ нѣсколько дней приготовились къ отвѣтамъ по этой программѣ и отвѣчали на славу, такъ что Викторъ Ивановичъ вышелъ съ экзамена въ восторгѣ; онъ съ удивленіемъ разсказывалъ потомъ, что каждый студентъ отвѣчалъ ему такъ свободно и обстоятельно, точно читалъ какую нибудь публичную лекцію. Для студентовъ не прошли даромъ и его пространныя устныя лекціи; лекціи эти послужили къ развитію среди нихъ интереса и вкуса къ изученію памятниковъ славянской письменности и славянства вообще». Дѣло, начатое В. И-чемъ при полномъ сочувствіи преосв. казанскаго Григорія (впослѣдствіи митрополита с.-петербургскаго), продолжали нѣкоторое время свои академическія, воспитавшіяся подъ неотразимымъ его научнымъ вліяніемъ, ученыя силы (напр. А. А. Лиловъ). Правда, встрѣчались впослѣдствіи личныя (со стороны нѣкоторыхъ начальниковъ академіи) невѣжественныя препятствія развитію этого дѣла въ академіи, подобно тому, какъ встрѣчались тоже нерѣдко препятствія и для лучшей постановки въ академіи т. н. миссіонерскихъ предметовъ. Но въ томъ и другомъ отношеніи нужды жизни и просвѣщенія все настойчивѣе выдвигали потребность въ этихъ изученіяхъ на академическихъ каѳедрахъ. Поэтому впослѣдствіи оффиціально не только должны были расширить, но и упрочили въ академіи эти изученія. Впрочемъ начало этихъ перемѣнъ выходитъ уже за періодъ академической жизни, описанной въ книгѣ г. Знаменскаго: для лучшей постановки славяновѣдѣнія въ академіи наступило время только съ введеніемъ академическаго устава 1869 г., а т. н. миссіонерскіе предметы въ казанской академіи получили лучшую и болѣе прочную постановку только по уставу духовныхъ академій 1884 г., хотя — къ сожалѣнію—по тому же уставу нѣсколько съужено преподаваніе славянской филологіи въ академіяхъ. Желательно по крайней мѣрѣ пополнить и расширить въ академіяхъ славянскія изученія въ смыслѣ изученія историческихъ греко-славянскихъ отношеній. Но это уже касается пополненія учебныхъ программъ почти всѣхъ духовныхъ академій. Въ данномъ же случаѣ необходимо все-таки признать, что въ казанской академіи изученія славянскія въ широкомъ смыслѣ слова (включая сюда конечно изученія по древне-русской литературѣ) всегда

находили сочувственный пріютъ, а также достойныхъ цѣнителей и безкорыстно-ученыхъ адептовъ, извѣстныхъ въ наукѣ своими весьма почтенными учеными трудами и правильнымъ пониманіемъ важности этихъ изученій. Въ книгѣ г. Знаменскаго можно находить немало рельефныхъ указаній и въ этомъ отношеніи, а еще болѣе свидѣтельствуетъ объ этомъ содержаніе академическаго журнала на протяженіи нѣсколькихъ лѣтъ его существованія и многочисленныя отдѣльныя изданія академическихъ наставниковъ и питомцевъ.

18 сент. 1892.
СПБ.

И. П—въ.

Karl Ernst Mücke. Historische und vergleichende Laut-und Formenlehre der Niedersorbischen (Niederlausitzisch—wendischen) Sprache Mit besonderer Berüksichtigung der Grenzdialekte und des obersorbischen. (Preisschriften, gekrönt und herausgegeben vou der fürstlich Jablonowski'schen Gesellschaft zu Leipzig. 1891 г. VIII. стр. 615. больш. 4°. Цѣна 12 гульд. (20 мк.)

Озаглавленное сочиненіе сербо-лужицкаго писателя составляетъ плодъ обширнаго труда, проникнутаго горячей любовью къ предмету и истинно-научнымъ методомъ. Самый меньшій по числу и площади изъ славянскихъ народовъ получилъ въ этомъ сочиненіи д-ра Мукке—или вѣрнѣе Муки—такую грамматику, какою могъ бы гордиться и любой изъ большихъ народовъ. Мука оставилъ далеко за собою относящіеся къ лужицкимъ нарѣчіямъ отдѣлы грамматики Миклошича, такъ что отнынѣ разбираемое сочиненіе должно служить точкою отправленія при дальнѣйшемъ изученіи звуковъ и формъ этихъ нарѣчій. Особенно важенъ этотъ трудъ для тѣхъ славистовъ, которые занимаются сѣверо-западною группою славянскихъ нарѣчій, т. е. чешскимъ, польскимъ, лужицкими и вымершими нынѣ полабско-прибалтійскими говорами.

Грамматическая разработка нижне-лужицкаго нарѣчія значительно отстала отъ прочихъ: отъ 1761 г., когда вышла практическая грамматика этого нарѣчія Гауптмана, ничего значительнаго не появилось въ этой области. Въ виду этого лейпцигское ученое общество имени князя Яблоновскаго объявило конкурсъ на научную обработку звуковъ и формъ этого нарѣчія. Профессоръ Мука по этому вызову и представилъ въ 1887 г. озаглавленное сочиненіе, подъ характернымъ девизомъ: Lingua non habet osorem, nisi ignorantem. Посвящено оно было Миклошичу, который однако скончался до выхода книги въ свѣтъ (въ 1891 г.).

Но г. Мука вышелъ далеко за предѣлы указанной конкурсомъ программы; онъ привлекъ къ сравненію и верхне-лужицкое нарѣчіе, изучилъ всѣ говоры обоихъ нарѣчій и переходныя ихъ формы, по направленію къ чешскому и польскому, такъ что сочиненіе это имѣетъ большую важность и для сербо-лужицкой этнографіи. Передъ грамматикой Миклошича сочиненіе г. Муки имѣетъ еще то преимущество, что оно переработало и всѣ важнѣйшіе историко-діалектическіе матеріалы, за 350 л. литературнаго употребленія лужицкихъ нарѣчій.

Для сравненія авторъ привлекаетъ всѣ прочіе сѣверо-западные славянскіе языки, особенно чешскій и польскій. Точкою же отправленія для него служитъ старый церковно-славянскій языкъ. Мы вполнѣ одобряемъ этотъ пріемъ, такъ какъ обратившись отъ историческаго церковно-славянскаго языка къ теоретическому праславянскому, авторъ былъ бы вынужденъ вдаться въ разнаго рода гипотезы, цѣнность которыхъ представляется теперь весьма сомнительною.

Въ историческомъ введеніи и различныхъ мѣстахъ своего сочиненія г. Мука касается и литературной исторіи лужичанъ, пользуясь не печатными лишь, но и рукописными матеріалами. При этомъ ему удалось разрѣшить не одинъ запутанный вопросъ, напримѣръ о діалектѣ, которымъ писана библія Якубицы. Извѣстно, что проф. Лескинъ не въ состояніи былъ опредѣлить этого діалекта (Arch. für slav. Phil. I).

По изданіи грамматики г. Муки звуковой и формальный строй сѣверо-западной группы славянскихъ нарѣчій обрисовывается гораздо яснѣе прежняго. Точно также индивидуальныя особенности сербо-лужицкой группы, въ ея отношеніяхъ къ чешскому и польскому нарѣчіямъ, выяснены теперь несравненно точнѣе, чѣмъ въ сочиненіяхъ Добровскаго или Миклошича. И территоріальныя измѣненія въ жизни сербо-лужицкихъ нарѣчій и отдѣльныхъ говоровъ, за послѣдніе 3—4 в., опредѣлены г. Мукою съ приблизительною точностью.

Изслѣдовавъ исторически сербо-лужицкое правописаніе и оцѣнивъ роль въ этомъ процессѣ М. Френцеля, Готлиба Фабриція и другихъ своихъ предшественниковъ, нашъ авторъ пытается и самъ упрочить систему нижне-лужицкой орѳографіи. При этомъ онъ держится этимологическихъ основъ этого языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ старается сблизить правописаніе лужичанъ нижнихъ и верхнихъ.

Первая часть сочиненія, посвященная звукоученію, распадается на два отдѣла: вокализмъ или систему гласныхъ и консонантизмъ или систему согласныхъ. Въ общемъ авторъ держится системы Миклошича, съ тѣмъ однако различіемъ, что онъ, подобно другимъ новѣйшимъ языковѣдамъ, не признаетъ уже мнимой аксіомы о трехъ праязычныхъ гласныхъ. Для облегченія справокъ обильныя ссылки расположены въ алфавитномъ порядкѣ.

Во второй части, посвященной склоненіямъ и спряженіямъ, матеріалъ разработанъ такъ обстоятельно, что ни одинъ славянскій языкъ не можетъ похвалиться болѣе подробной морфологіей. Въ классахъ спряженія авторъ держится системы Лескина. Въ научномъ отношеніи противъ этого ничего нельзя возразить, но для практическихъ справокъ намъ представляется болѣе удобною формальная классификація Добровскаго.

Какъ чехъ, я долженъ прибавить, что книга г. Муки очень важна для изученія древне-чешскаго языка и современныхъ его нарѣчій, особенно сѣвернаго, которое соприкасалось нѣкогда съ верхне-лужицкимъ. Но теперь они къ сожалѣнію раздѣлены вторженіемъ въ Рудныя горы саксонскихъ нѣмцевъ.

Въ заключеніе позволимъ себѣ выразить желаніе, чтобы монументальное сочиненіе г. Муки нашло широкое распространеніе между славянскими этнографами, историками и особенно языковѣдами.

Вѣна. Августъ 1892. **Іосифъ Карасекъ.**

ОБЗОРЪ ЧЕШСКОЙ ИЗЯЩНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ЗА 1891 ГОДЪ *

Наряду съ направленіемъ реалистическимъ, къ которому доселѣ принадлежитъ только меньшая часть нашихъ талантливыхъ беллетристовъ, у насъ процвѣтаетъ и старый идеалистическій романтизмъ. Въ прошедшемъ году этотъ романтизмъ нашелъ себѣ даже теоретическихъ защитниковъ. Къ нимъ принадлежатъ редакторы нашихъ лучшихъ журналовъ: В. Волчекъ («Освѣта») и Ф. Шульцъ («Злата Прага»). Они, защищая сначала только свои собственныя произведенія, потомъ повели борьбу прямо или косвенно противъ реалистовъ вообще. Шульцъ, издавъ свои очерки подъ названіемъ: «Моментальная фотографія и фигурки», хотѣлъ кажется сдѣлать этимъ значительную уступку новому реалистическому направленію, но изъ предисловія Шульца къ его очеркамъ можно видѣть, что эта уступка далеко не искренняя.

Знамя стараго романтизма высоко держитъ въ прозаической литературѣ Ю. Зейеръ, оставаясь при этомъ вполнѣ на художественной почвѣ. Этотъ плодовитый писатель (о немъ мы ранѣе упоминали) въ прошедшемъ году издалъ романъ «I. М. Плойгаръ», сначала напечатанный въ «Люмирѣ» за 1888 годъ. Нѣкоторые кри-

* (Продолженіе) См. «Славянское Обозрѣніе», кн. январь, февраль и мартъ (библіографія).

тики признаютъ это произведеніе Зейера лучшимъ изъ всѣхъ его прозаическихъ произведеній. И мы, съ своей стороны, не имѣемъ основаній не соглашаться съ такимъ мнѣніемъ. Этотъ романъ, носящій названіе своего героя, заимствуетъ свое содержаніе изъ современной жизни. Авторъ, привыкшій вращаться въ странахъ, населенныхъ потомками древнихъ римлянъ, съ изображеніемъ солнечнаго юга соединяетъ описаніе излюбленнаго родного чешскаго края. Въ лицѣ своего героя онъ представляетъ намъ самого себя, раскрываетъ свою внутреннюю жизнь и свои взгляды на нашу общественную жизнь. Это придаетъ его произведенію особенный интересъ. Вѣроятно многія горькія жалобы его на чешское общество покажутся читателю преувеличенными, хотя нельзя отрицать и того, что въ нихъ содержится нѣкоторая доля правды. Въ романѣ встрѣчаемъ немало ясно очерченныхъ характеровъ и описаній природы, въ которыхъ виденъ поэтъ-романтикъ. Объ этомъ особенно свидѣтельствуютъ его описанія Италіи и преимущественно Рима. А его сужденія объ искусствахъ показываютъ въ немъ не только знатока ихъ, но и ревностнаго ихъ приверженца. Въ общемъ, произведеніе Зейера представляетъ плодъ сильнаго индивидуальнаго творчества и привлекаетъ къ себѣ сочувствіе лицъ, даже враждебныхъ романтизму.

Другіе представители этой школы стоятъ много ниже своего главы. Болѣе извѣстная изъ нихъ Софія Подлипская издала въ прошедшемъ году разсказъ подъ названіемъ «Земной прахъ». Въ этомъ разсказѣ она придерживается своего прежняго шаблона, по которому уже написала цѣлый рядъ не совсѣмъ удачныхъ, мало жизненныхъ романовъ. Въ этихъ романахъ она трактуетъ обыкновенно о своихъ фантастическихъ идеяхъ, которыя занимаютъ кругъ лицъ, не отличающихся жизненностію. Настоящаго искусства въ этихъ очеркахъ гораздо менѣе, чѣмъ стремленія воспитывать чешскихъ читательницъ не совсѣмъ-то удачнымъ способомъ.

Еще менѣе удачны романическіе опыты, которые съ удивительною настойчивостью производитъ другая дама-писательница, Т. Новакова. Вышедшій въ прошедшемъ году томъ ея очерковъ исполненъ чрезмѣрнаго сантиментализма и искусственныхъ произведеній фантазіи, которыя говорятъ болѣе о стремленіи къ теоріи, чѣмъ разумномъ наблюденіи дѣйствительной жизни. Нарисованные Т. Новаковой типы болѣе походятъ на призраки, чѣмъ на дѣйствительныхъ людей; ихъ разговоры, отдѣланные въ стилистическомъ отношеніи, далеко не соотвѣтствуютъ разговорной рѣчи живыхъ лицъ.

Павелъ Альбіэри, нѣсколько лѣтъ тому назадъ поселившійся въ Америкѣ, въ прошедшемъ году издалъ томъ своихъ прежнихъ произведеній, ранѣе не выходившихъ въ свѣтъ особымъ изданіемъ.

Это разсказы подъ заглавіемъ: «Въ плѣну Армиды» и «Въ походѣ къ Парижу». Альбіэри съ самаго начала своей литературной дѣятельности бралъ сюжеты для своихъ произведеній изъ военнаго быта. Но, зная — и то поверхностно — только внѣшнюю сторону этого быта, онъ описывалъ собственно обыденную жизнь, которая потомъ и стала главнымъ предметомъ его разсказовъ. Въ названныхъ выше разсказахъ авторъ вводитъ насъ въ послѣднюю эпоху наполеоновскихъ войнъ, но и тутъ великія событія исторіи служатъ только фономъ, на который опираются вымышленныя авторомъ различныя приключенія заурядныхъ дѣйствующихъ лицъ его произведеній. Въ первомъ разсказѣ («Въ плѣну Армиды») авторъ повѣствуетъ о любовныхъ отношеніяхъ австрійскаго воина къ Армидѣ, дочери французскаго офицера. Героемъ второго разсказа («Въ походѣ къ Парижу») является полковой католическій священникъ и его прежняя фаворитка, съ которой онъ встрѣтился въ Парижѣ, когда явился туда вмѣстѣ съ войсками союзной арміи. Авторъ старается придать своимъ разсказамъ усиленный интересъ; это ему удалось, но въ ущербъ правдоподобію и даже простой вѣроятности. Его цѣлью, повидимому, скорѣе эффектная оригинальность, чѣмъ правдивое изображеніе характеровъ и твердое обоснованіе разсказываемаго.

Совсѣмъ другую сферу жизни затрогиваютъ «Zámecké novelky» («Очерки жизни феодаловъ, живущихъ въ древнихъ замкахъ») молодого романиста В. Рѣзничка, ранѣе извѣстнаго разсказами изъ народнаго быта, иногда удачными, даже прелестными, а иногда и жиденькими. Въ указанной книгѣ авторъ вводитъ читателя въ жизнь настоящаго и прошедшаго столѣтій въ имѣніи графа Паара и беретъ сюжеты своихъ мелкихъ очерковъ изъ жизни или самого графскаго семейства, или его чиновниковъ и служащихъ.

Любовныя и другія интриги, безъ глубокаго и серьезнаго ихъ анализа, составляютъ обыкновенное содержаніе разсказовъ В. Рѣзничка, а такъ какъ и форма ихъ далеко не безукоризненна, то они и могутъ считаться не болѣе, какъ посредственными произведеніями.

Ранѣе упомянутый нами В. Бенешъ Шумавскій издалъ особой книгой небольшой романъ «Семейство Кавана». Мѣстомъ дѣйствія въ романѣ является Прага. Дѣйствіе относится къ нашему времени. Главными дѣйствующими лицами романа являются двѣ жены крупнаго торговца Кавана, который, послѣ развода съ первой женой, въ Семиградіи (Трансильваніи) принялъ унію и вторично женился. Послѣ его смерти разведенная жена судится съ его наслѣдниками и эта тяжба, вмѣстѣ съ другими побочными обстоятельствами, служитъ главнымъ предметомъ всего разсказа. Романъ этотъ производитъ на читателя впечатлѣніе болѣе полнотою и

стройностію дѣйствія, чѣмъ глубиною психологическаго анализа характеровъ, описываемыхъ большею частію въ общихъ чертахъ.

Богданъ Каминскій, который ранѣе, сравнительно успѣшно, дебютировалъ мелкими разсказами и лирическими стихотвореніями, издалъ въ прошедшемъ году собраніе своихъ очерковъ и этюдовъ. Его «Ružné panstvo» («Разные господа») болѣе чѣмъ наполовину имѣетъ своимъ сюжетомъ жизнь въ Прагѣ и только отчасти жизнь провинціальную. Авторъ съ особеннымъ вниманіемъ и усердіемъ представляетъ типы, принадлежащіе къ лучшимъ слоямъ общества, полные благородныхъ стремленій, но, по различнымъ обстоятельствамъ, павшіе такъ глубоко, что они не имѣютъ силы подняться. Бывшій богачъ, теперь нищій, презрѣнный актеръ, погибающій съ голода, прозябающій скульпторъ, музыкантъ, въ неудачномъ супружествѣ потопившій идеалы своей молодости,—вотъ, можно сказать, главные сюжеты произведеній Б. Каминскаго.

Авторъ почти исключительно описываетъ внѣшнюю жизнь своихъ героевъ, не касаясь ихъ душевнаго состоянія, чтобы отсюда выводить и объяснять ихъ жизнь и дѣйствія, но довольствуется большею частію одной какой-либо характерной чертой, изъ которой однако становится понятнымъ остальное. Въ этюдѣ «Лакей» напр. довольно одной такой мѣткой черты, чтобы склонить всѣ симпатіи читателя на сторону страждущаго на барской службѣ бѣдняка. Книга снабжена хорошими иллюстраціями В. Олива, соотвѣтственно модѣ, которая у насъ теперь господствуетъ уже сверхъ необходимости и въ ущербъ художественности.

Недавно умершій драматургъ нашего національнаго театра, Ладиславъ Строупежницкій, кромѣ драматическихъ произведеній занимавшійся и эпической прозой, въ прошедшемъ году издалъ свои юмористическіе очерки, подъ названіемъ: «Изъ Праги и изъ деревни». Это собственно нѣсколько дополненное и снабженное иллюстраціями прежнее собраніе произведеній автора, изданное ранѣе подъ названіемъ, «Смѣшные люди». Авторъ знакомитъ насъ съ цѣлымъ рядомъ интересныхъ личностей изъ самыхъ низшихъ слоевъ пражскаго населенія, мѣтко и точно схватывая ихъ слабыя и смѣшныя стороны и въ то же время вѣрно сохраняя общій характеръ той: такъ сказать, атмосферы, изъ которой онъ беретъ характеры этихъ личностей. Болѣе разнообразнымъ и интереснымъ слѣдуетъ признать второй отдѣлъ, сюжетъ для котораго авторъ беретъ со своей родины, деревни въ южной Чехіи. Здѣсь мы находимъ нѣсколько интересныхъ типовъ и картинъ, представляющихъ удачное описаніе живыхъ сценъ (напр. ярмарка, въ очеркѣ: «Одежда Мартина»), или серьезную характеристику. Юморъ Строупежницкаго сильный,

пронизывающій, мѣстами слабѣетъ и переходитъ въ сухой тонъ разсказа.

Изъ тѣхъ авторовъ, которые выступили въ прошедшемъ году на литературное поприще съ отдѣльными изданіями, кромѣ вышеупомянутыхъ, укажемъ на слѣдующихъ.

Р. Кутина издалъ мелкіе очерки «Изъ карнавала жизни», въ которыхъ онъ не смогъ преодолѣть препятствій, легко побѣждаемыхъ даже начинающими писателями. Онъ слишкомъ много мѣста даетъ повѣствованію о мелкихъ обыденныхъ явленіяхъ и болѣе чѣмъ слѣдуетъ занимается собственною личностью. Онъ еще доселѣ не умѣетъ давать своимъ типамъ рѣзкаго очертанія и той пластичности, безъ которой никакая картина не производитъ благопріятнаго впечатлѣнія.

Въ болѣе выгодномъ свѣтѣ выступаетъ предъ читателями другой начинающій писатель В. К. Ержабекъ, издавшій собраніе мелкихъ разсказовъ: «Картинки жизни». Онъ умѣетъ наблюдать жизнь и подмѣчать болѣе выразительныя черты ея, проявляя при этомъ опредѣленное, прочно-сложившееся міровоззрѣніе. Свои типы Ержабекъ рисуетъ правильно, сообразуясь съ дѣйствительностію и въ то же время присматриваясь къ ихъ внутренней, духовной сторонѣ. Его «Картинки жизни» удовлетворительны и съ внѣшней стороны, будучи написаны живымъ и яснымъ слогомъ.

Много новыхъ картинъ, а съ ними конечно и мыслей представляютъ «Мелкіе очерки и разсказы», изданные І. Горицей. Онъ въ теченіе многихъ лѣтъ былъ офицеромъ и хорошо познакомился съ военною жизнью еще въ военныхъ училищахъ, потомъ въ разныхъ лагеряхъ и во время похода въ Боснію. Оставивъ военную службу, Горица рѣшилъ воспользоваться знаніемъ военной жизни для своихъ литературныхъ работъ. Въ указанныхъ очеркахъ онъ представляетъ рядъ типовъ изъ жизни въ военныхъ училищахъ, общественныхъ казармахъ, изъ жизни офицеровъ, даже въ отношеніяхъ ихъ къ гражданскому обществу. Изъ очерковъ, предметомъ которыхъ служитъ походъ въ Боснію, особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ, въ которыхъ авторъ касается жизни и обычаевъ боснійскихъ славянъ. Горица несомнѣнно обладаетъ наблюдательностію и пониманіемъ жизни, всегда схватывая самыя мелкія черты въ описаніяхъ природы и жизни человѣческой. Однако его очерки обнаруживаютъ въ авторѣ именно военнаго человѣка, который довольствуется отрывочными и краткими описаніями, не пускаясь въ какой-либо анализъ.

Гораздо слабѣе описанія военной жизни въ разсказахъ Г. Н. Майергофера подъ заглавіемъ: «Изъ крѣпости. Воспоминанія стараго маіора». Эти разсказы къ военной жизни имѣютъ развѣ

только то отношеніе, что дѣйствующими въ нихъ лицами являются военные. Содержаніемъ же разсказовъ являются разныя приключенія и амурныя похожденія молодыхъ и старыхъ ловеласовъ. Болѣе достойнымъ вниманія представляется разсказъ: «По материнскому сердцу».

Беллетристическимъ же характеромъ отличаются и двѣ книги путевыхъ записокъ. Изъ нихъ одна подъ названіемъ: «Въ странѣ словенцевъ», принадлежащая Аннѣ Регаковой, представляетъ описаніе быта славянъ Крайны и Хорутаніи. Ея эскизы отличаются художественными описаніями красотъ природы и еще болѣе горячею любовью къ братскому словинскому народу, ведущему борьбу за свою національную независимость,—борьбу, не менѣе трудную сравнительно съ той, какую ведемъ мы—чехи. Поэтому книгу эту встрѣтили у насъ необыкновенно радушно.

Другая книга путевыхъ записокъ принадлежитъ извѣстному нашему туристу профессору І. Виншу. Какъ всегда присуща его разсказамъ доступность и забавность, такъ и настоящая книга путевыхъ замѣтокъ, носящая названіе: «Мимоходомъ», не лишена этихъ качествъ. Она представляетъ собою нѣсколько мелкихъ отрывковъ изъ описанія путешествій автора на югъ и востокъ,—отрывковъ безъ внутренней связи и единства. Онъ описываетъ приключенія въ своихъ путешествіяхъ по Угорщинѣ, въ Римъ, Александрію, Каиръ, Портъ-Саидъ, Яффу и на обратномъ пути чрезъ Боснію. Описанія отличаются живымъ и естественнымъ юморомъ.

По стопамъ Винша слѣдуетъ искусный его подражатель докторъ Ю. Гутъ, который въ теченіе послѣднихъ лѣтъ помѣщалъ въ нашихъ лучшихъ журналахъ описанія своихъ путешествій. Въ настоящее время онъ издалъ эти свои статьи особой книгой, подъ заглавіемъ: «Разсказы о моихъ путешествіяхъ». Въ нихъ онъ знакомитъ читателя со своими путешествіями по Испаніи. Малага и Гранада, съ Алгамброю и остатками прежней мавританской славы и памятниками побѣдъ католическихъ королей составляютъ средоточіе чрезвычайно интересныхъ описаній автора.

Ф. Выкоукалъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*)

— Въ сент. с. г. исполнилось **40-лѣтіе писательской дѣятельности** нашего великаго романиста, **гр. Л. Н. Толстого.** Въ сентябрской книжкѣ «Современника» въ 1852 г. появился первый печатный его разсказъ: «Исторія моего дѣтства». Если вѣрны газетныя сообщенія, что гр. Толстой приступилъ теперь вновь къ составленію большого романа, то 40-л. юбилей совпалъ бы со знаменательнымъ поворотомъ въ дѣятельности поэта, такъ прискорбно прерванной его религіозно-философскими трактатами и составленными въ ихъ духѣ тенденціозными разсказами.

— Въ концѣ авг. с. г. исполнилось **50-лѣтіе учено-литературной дѣятельности** извѣстнаго нашего филолога, б. московскаго профессора **Ѳ. И. Буслаева.** Она началась въ 1842 г. замѣтками о Словѣ о полку Игоревѣ, напечатанными въ «Москвитянинѣ», и не прерывается до настоящаго времени. Значительны вклады Ѳ. И. въ изученіе русскаго языка, народной словесности, миѳологіи, археологіи, въ послѣднее же время—и исторіи русскаго искусства. Какъ профессоръ, Ѳ. И. оставилъ глубокій слѣдъ въ лѣтописяхъ московскаго университета и вообще русскаго просвѣщенія. И теперь его ученики наполняютъ каѳедры многихъ русскихъ университетовъ и преподаютъ русскій языкъ во многихъ среднихъ заведеніяхъ, въ духѣ и по методу его статей и лекцій по русскому языку и словесности.

— Въ сент. с. г. исполнилось **60-лѣтіе** общественно-литературной дѣятельности вицепрезидента Имп. Академіи наукъ **Якова Карловича Грота.**

— Въ іюлѣ с. г. исполнилось **40-лѣтіе** учено-литературной дѣятельности бывшаго профессора харьковскаго и ректора варшавскаго университета, а нынѣ попечителя дерптскаго учебнаго округа **Николая Алексѣевича Лавровскаго.**

— Въ авг. с. г. въ Москвѣ состоялся **второй международный зоологическій конгрессъ.** На немъ присутствовало до 150 членовъ. Прочитано до 40 докладовъ. Организованъ постоянный совѣтъ международныхъ зоологическихъ конгрессовъ, который будетъ засѣдать въ Парижѣ. Учреждены двѣ преміи: имени Государя Императора и Наслѣдника Цесаревича, которыя будутъ присуждаемы каждые три года за сочиненіе по зоологіи. Слѣдующій зоологическій конгрессъ соберется въ Лейденѣ (въ Голландіи).

— Въ первыхъ числахъ авг. с. г. въ Москвѣ **происходилъ международный конгрессъ до-исторической археологіи и антропологіи.** Между посѣтившими его заграничными гостями отмѣтимъ: знаменитаго нѣмецкаго патолога, антрополога и этнолога Руд. Вирхова, возставшаго на конгрессѣ противъ дарвинизма; франц. антрополога Шантра, швейцарскаго Кольмана, итальянскаго Серджи, австроугорскихъ Бенедикта и Терека, чеха Пича, румына Точилеско. Изъ русскихъ же

особенно выдавался московскій проф. Богдановъ, сдѣлавшій важный докладъ о древнѣйшей долихокефальной расѣ въ Россіи и позднѣйшей смѣнѣ ея восточными брахикефалами. При съѣздѣ открыта была археологическая и географическая выставка, трудами главнымъ образомъ гр. П. С. Уваровой и проф Д. Н. Анучина.

— Въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, по соглашенію съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, выработанъ проектъ учрежденія **естественно-историческихъ губернскихъ земскихъ музеевъ**. Расходъ на содѣржаніе каждаго такого музея исчисленъ въ 2,000 руб. ежегодно.

— Недавно скончался въ городѣ Варшавѣ, проѣздомъ изъ-за границы, волынскій губернаторъ **Е. О. Янковскій**, на 50 г. жизни. Хотя онъ пробылъ едва $3^1/_2$ г. въ должности волынскаго губернатора, однако оставилъ по себѣ благодѣтельный слѣдъ въ этой области. Ему удалось значительно осадить нѣмецкій элементъ Волыни, восходящій до 200.000 душъ. Не менѣе 800 нѣмецкихъ колоній переименованы при немъ въ русскія по названію села, замѣтно ослаблена «штунда», еврейское же населеніе, разбросанное вопреки закону по деревнямъ, оттѣснено въ города и посады, окрѣпло русское землевладѣніе, составъ же чиновничества началъ обновляться въ русскомъ духѣ. Покойный принималъ дѣятельное участіе въ памятныхъ юбилейныхъ празднествахъ во Владимірѣ-Волынскомъ.

— Вожди **галицко-русскаго** народа опредѣлили представить **императору**, подобно семиградскимъ румынамъ, **памятную записку** о нынѣшнемъ угнетенномъ положеніи червонорусскаго народа, его церкви и духовенства, школъ и общинъ, о вопіющемъ нарушеніи властями закона, о народной равноправности и о постепенномъ обѣдненіи народа. Но такъ какъ императоръ отмѣнилъ предположенную было поѣздку во Львовъ, то и представленіе записки отложено до другого удобнаго случая. Не состоялась конечно и «руськая» депутація къ императору съ г. Романчукомъ во главѣ.

— Младорусское политическое общество: **«Народная Рада»** во Львовѣ представила гр. Тафе **меморандумъ** о расширеніи **правъ русскаго** языка въ восточной Галичинѣ, примѣнительно къ положенію 20 апр. 1872 г. о правахъ языковъ въ Далмаціи и 19 апр. 1880 г. — о томъ же въ Чехіи. Очень жаль, что подобнаго рода петиціи имѣютъ партійную окраску и исходятъ не отъ дѣйствительныхъ, а отъ мнимыхъ представителей большинства червонорусскаго населенія. Какой вѣсъ можетъ имѣть въ глазахъ гр. Тафе подобная петиція, когда онъ знаетъ что «Народная Рада» не имѣетъ никакихъ полномочій говорить отъ имени Червонной Руси? Если «Нар. Радѣ» дѣйствительно дороги интересы народнаго языка, то почему она агитируетъ противъ его историческаго правописанія?...

— Во Львовѣ предположено открыть **«Церковное общество міряиъ»**, для подъема религіозности въ населеніи и охраненія автономіи русской церкви отъ поляковъ и іезуитовъ. Нельзя не признать важности этой благой мысли при нынѣшнемъ критическомъ положеніи червоноруссовъ въ Галиціи, Буковинѣ и Угріи. Съ неменьшимъ сочувствіемъ слѣдуетъ отнестись и къ проекту **«Русскаго школьнаго** общества» во Львовѣ.

— $^4/_{16}$ авг. во **Львовѣ** безъ шуму отпразднована была годовщина со дня смерти о. **Іоанна Наумовича**. Его имя и теперь еще не даетъ спать польскимъ администраторамъ въ Галичинѣ: они готовы приписать покойному и отвѣтственность за выселеніе галицкихъ поселянъ (изъ збаражскаго и скалатскаго уѣздовъ) въ Россію! Какъ бы рады они еще разъ засадить о. Іоанна въ пресловутую «Иванову хату», наряду съ сотнями его духовныхъ чадъ въ восточной Галичинѣ!..

— Редакція угрорусскаго «Листка» расписала **конкурсъ на собраніе угрорус-**

скихъ народныхъ сказокъ, въ томъ изложеніи, какъ онѣ существуютъ въ народѣ Удовлетворяющія условіямъ сказки будуть оплачиваемы гонораромъ по 2—5 гульд. каждая.

— Въ галицкомъ г. Старомъ Сончѣ поляки справляли въ августѣ съ большой помпой **600 л. годовщину** смерти своей королевы и патронесы **св. Кунегунды или Кинги.** Народу собралось до 30,000 ч. Празднеству приданъ былъ характеръ народно-патріотической демонстраціи противъ «тройственнаго забора», имѣвшей цѣлью постепенную подготовку народныхъ массъ къ борьбѣ со схизматической Москвой и возстановленію «Przedmurza Europy» (т. е. Польши). Во главѣ этой «органической работы» стоятъ іезуиты и змартвыхвстанцы. Эта идея недурно выражена въ нижеслѣдующемъ юбилейномъ чѐтверостишіи:

A ludzkość gdy przywróci zburzone okopy,
Skąd broniły **Zachodu poświęcone klingi,**
Nową erę — na progu wschodniej Europy
Powita chlebem Piastów, solą swiętej Kingi.

— Осенью с. г. въ Краковѣ предположенъ **съѣздъ** т.-наз. **Kółek rolniczych»** т. е. земледѣльческихъ кружковъ, призванныхъ содѣйствовать подъему польскаго крестьянства и распространенію въ эту среду идей объ «отбудованіи ойчизны».

— Въ г. Познани состоялся въ іюлѣ с. г. **второй съѣздъ польскихъ промышленниковъ** и **ремесленниковъ** въ Германіи. На немъ присутствовали депутаты 88 польскихъ промышленныхъ обществъ. Изъ принятыхъ съѣздомъ резолюцій отмѣтимъ:

1 Польскія промышленныя общества должны и впредь руководиться принципами **католическими.**

2. Необходимо устроять **съѣзды представителей** промышл. обществъ, а буде возможно и постоянный ихъ комитетъ въ г. Познани.

3. Выработать нормальный статутъ для промышленныхъ обществъ.

4. Устраивать ихъ съѣзды каждые два года.

5. Открывать польскіе магазины, особенно для предметовъ крестьянскаго быта,

6. Основывать чайныя и пріюты для промышленниковъ и ремесленниковъ.

7. Поддерживать общество имени Карла Марцинковскаго, въ интересахъ кустарной промышленности.

— Въ авг. выпускѣ **«Nowa biblioteka uniwersalna»** помѣщено продолженіе мелкихъ статей К. В. Калинки, повѣсть Абгара-Солтана: Rusini и еще нѣкоторыя статьи.

— Въ городскомъ ратушѣ г. **Бреславля** въ Слезіи отыскана недавно значительная коллекція рукописей 15—16 вв., въ томъ числѣ до 5000 писемъ и грамотъ. Между ними есть много важныхъ для исторіи Слезіи и сосѣднихъ странъ,—между прочимъ свѣдѣнія о гуситахъ и много писемъ кор. Юрія Подѣбрада.

— Въ Прагѣ открыто новое общество: **Наслѣдіе Коменскаго** (Dědictví Komenského), которое уже теперь насчитываетъ между членами 1130 учителей и учительницъ и 27 корпорацій. Въ общемъ собраніи предсѣдателемъ избранъ Ф. Земанъ. Изъ принятыхъ на этомъ собраніи резолюцій отмѣтимъ слѣдующія:

1) Необходимо издавать ежегодникъ, который будетъ слѣдить за чешскою и на другихъ языкахъ педагогическою литературою, учебными пособіями, книжками для молодежи, дѣятельностью чешскославянскаго учительства и педагогическимъ движеніемъ за границею.

2) Составить исторію чешскаго школьнаго дѣла.

3) Разрабатывать систему народнаго воспитанія и образованія.

4) Издавать хорошія сочиненія по учебной методикѣ и вообще педагогіи.

5) Оцѣнивать новыя явленія педагогической литературы.

6) Издавать для молодежи хорошія книжки, въ народномъ духѣ, знакомя ее и съ другими славянскими народностями.

Для каждой изъ этихъ задачъ учреждены особые комитеты при управленіи общества.

— Предположенное въ **Угорскомъ Бродѣ торжество** въ честь І. А. Коменскаго не состоялось: оно было запрещено австрійскими властями якобы по санитарнымъ соображеніямъ.

— Въ моравскомъ **г. Преровѣ** при большомъ стеченіи народа открыта памятная доска І. А. Коменскому, въ память его пребыванія въ этомъ городѣ въ 1614—16 г.г.

— Изъ Чикаго сообщаютъ чешскимъ газетамъ, что тамошніе **чешскіе евреи** основали комитетъ для сбора пожертвованій въ пользу чешской центральной школьной матицы. Этимъ они хотятъ-де выразить свое сочувствіе къ чехамъ и ихъ народной борьбѣ съ нѣмцами.

— Въ Чехіи и Моравіи усердно собираются матеріалы и денежныя средства на **устройство въ 1894 г. въ Прагѣ этнографической выставки**. Образованы для этой цѣли комитеты во всѣхъ городахъ и даже многихъ посадахъ Чехо-Моравіи; организуются частныя этнографическія выставки изъ постепенно накопляемыхъ матеріаловъ; вносятся вклады для покрытія расходовъ, исчисленныхъ примѣрно въ 300—400.000 fl.; получено отъ г. Праги разрѣшеніе утилизовать для этнографической выставки зданія, уцѣлѣвшія отъ прошлогодней юбилейной выставки.

— Лѣтомъ с. г. въ Моравіи устроена была цѣлая **серія промышленныхъ и этнологическихъ выставокъ**: въ Башковицахъ, Орѣховѣ, Клобукахъ, Всетинѣ, Костинѣ, Товачовѣ, Вышковѣ и др. Въ сент. состоялась такая же выставка и въ Годонинѣ. Цѣль ихъ — содѣйствовать подъему промышленности и ремеселъ а также подготовлять матеріалъ для предстоящей въ 1894 г. большой чехославянской этнографической выставки, въ г. Прагѣ.

По размѣрамъ своимъ, первое мѣсто между моравскими выставками занимаетъ **Всетинская**, въ средѣ моравскихъ «валаховъ». Она открыта была съ 14 по 28 авг. н. ст. и заключала въ себѣ: произведенія кустарной промышленности «Валашска», работы учениковъ и ученицъ мѣстныхъ школъ, произведенія искусствъ, вышивки и костюмы народа, модели построекъ (между прочимъ шинка), мѣстныя грамоты, коллекціи монетъ и доисторическихъ древностей, музыкальные инструменты, карта говоровъ (Бартоша) и т. п. По случаю этой выставки во Всетинѣ состоялся съѣздъ всѣхъ моравскихъ этнографическихъ комитетовъ, подъ предсѣдательствомъ гр. Владиміра Лажанскаго изъ Праги. Обсуждаемы были мѣры для организаціи мѣстныхъ отдѣловъ на пражской этнографической выставкѣ 1894 г. Въ числѣ посѣтителей Всетинской выставки были и сосѣдніе словаки изъ Угріи, которые также примутъ участіе въ пражской выставкѣ 1894 г. Очень богаты были этнографическія коллекціи и на выставкѣ **Товачовской**, особенно по части вышивокъ и костюмовъ ганацкихъ. Не уступала имъ въ богатствѣ и недавняя художественная, промышленная и этнографическая выставка въ Годонинѣ.

— Въ чешскомъ г. **Добрушкѣ** (Dobruška въ половинѣ авг. с. г. открыта была **сельскохозяйственная и промышленная выставка**, подъ предсѣдательствомъ кн. ф. Лобковица. Въ ней приняли участіе 579 чешскихъ экспонентовъ изъ разныхъ областей Чехіи.

— 8/20 авг. въ моравскомъ городѣ Босковицахъ состоялся **съѣздъ моравскихъ**

студентовъ. На немъ обсуждаемы были вопросы: о студенческихъ корпораціяхъ, объ усиленіи фонда для пособія нуждающимся студентамъ, о развитіи въ студенчествѣ народнаго самосознанія и характера, о необходимости второго чешскаго университета, о лѣтнихъ экскурсіяхъ студентовъ въ сосѣднія славянскія земли, объ учрежденіи читаленъ и т. п.

— Изъ программы **1-ой торгово-промышленной женской школы** въ г. Прагѣ узнаемъ, что въ ней, наряду съ языками французскимъ и нѣмецкимъ, преподается и **русскій языкъ** по 2 часа въ недѣлю. «Старосткою» этой школы состоитъ извѣстная писательница **Елишка Красногорская.**

— Въ Чехіи отпраздновано лѣтомъ 80-лѣтіе извѣстнаго археолога, юриста и историка **Вштилина Рыбички.** Онъ положилъ основаніе чешской геральдики, сфрогистики и генеалогіи, собралъ надписи на чешскихъ колоколахъ и изучилъ ихъ исторію, обнародовалъ матеріалы для чешскаго народнаго права и составилъ жизнеописаніе большого числа чешскихъ писателей, художниковъ и дѣятелей стараго и новаго времени, особенно 18 и 19 в. Много матеріаловъ извлечено имъ изъ архивовъ и старыхъ изданій. Всѣ труды Р. отличаются строгой объективностью и научной серьезностью.

— Въ Чехіи умеръ одинъ изъ лучшихъ чешскихъ педагоговъ **Нес. Коржинекъ.** Онъ род. въ 1829 г. въ с. Тросвицахъ (хрудимскаго уѣзда). Былъ учителемъ, а потомъ и директоромъ гимназіи. Издалъ «латинскую грамматику», упражненія въ переводѣ съ чешскаго языка на греческій», «Краледворскую и Зеленогорскую рукописи», «Александреиду чешскую», и нѣкоторыя сочиненія І. А. Коменскаго (**Labirint světa, Informatorum**). Чешская академія почтила его званіемъ своего члена-корреспондента.

— Въ с. Требижѣ, близъ г. Сланаго въ Чехіи, состоялось недавно открытіе памятника очень популярному чешскому беллетристу **Вацлаву Бенешу Требижскому**, въ присутствіи до 10.000 народа и до 60 обществъ со знаменами. Заслуги его вѣрно очерчены Верхлицкимъ въ нижеслѣдующемъ 8-стишіи:

Čech, člověk, kněz—vše v krásném souzvuku,
vše srdcem pojato a posvěceno,
a život plný práce bez hluku,
a láska i těch malých v sladké věno,
v svých dílech pomník, v srdci lidu jméno,
vždy vlídný úsměv pod šedivou skrání
a pozdním časům ještě požehnání:
víc nelze přát si, nelze dáti ani.

— 6 и 7 авг. въ г. Хлумцѣ подъ Цидлиною (въ Чехіи) отпразднована **100 л. годовщина** рожденія чешскаго драматурга **Вацлава Клицперы** (Klicpera). Юбилейную рѣчь произнесъ редакторъ «Освѣты» В. Волчекъ.

— Чешскій беллетристъ др. **Янъ Гербенъ** издалъ романъ: Do třetího a čtvrtého pokolení, гдѣ изобразилъ жизнь моравскихъ поселянъ въ Годонскѣ, въ теченіе цѣлаго столѣтія.

— Въ газетѣ «Čech» напечатанъ рядъ статей г. **О. В. Сейкоры** въ оборону **Краледворской рукописи**, противъ нападеній на нее профессора Гебауера. Многія возраженія послѣдняго дѣйствительно ослаблены собранными г. Сейкорою матеріалами. Но до конца спора—тутъ еще далеко!...

— Общество пражскихъ книготорговцевъ издало недавно въ Прагѣ 3-й т. **«чешскаго библіографическаго каталога»**, обнимающій книги, брошюры, журналы и музыкальныя изданія за 1891 г.

— Роскошнаго изданія: **Sto let prace**, въ память прошлогодней пражской выставки, вышло уже 3 выпуска. Цѣна по 1 fl.

— Въ Оттовой «Ruská knihovna» продолжается изданіе **Ѳ. М. Достоевскаго** въ переводѣ Яромира **Грубаго.**

— Чешскій романистъ **Клостерманъ** приступилъ къ изданію новаго романа изъ шумавской жизни, **п. з. «V Šumavském raji»**. Онъ будетъ выходить отдѣльными выпусками иждивеніемъ І. Вилемка въ Прагѣ.

— Въ чешскомъ журналѣ: Pedahohické Rozhledy (IV и V вып.) напечатанъ рядъ статей, посвященныхъ **памяти І. А. Коменскаго**. Авторами ихъ являются: І. Клика, І. В. Новакъ и н. др.

— Моравскій этнографъ Мат. **Вацлавекъ** издалъ въ г. Тельчѣ соч. **«Valašská svadba, její zvyky a obyčeje»** (v Telči. 1892).—Цѣна 50 кр. Матеріалъ собранъ авторомъ изъ личныхъ наблюденій.

— Изъ годового отчета **верхнеугорскаго культурнаго** (!) **общества** за текущій годъ узнаемъ, что оно приготовило еще 1423 мѣста въ мадьярскихъ селахъ и городахъ для **словенскихъ дѣтей**. Таковыхъ набрано-де уже 495 (4 изъ Оравы, 30 изъ Липтова, 200 изъ Тренчина и 250 изъ Нитры), которые и будутъ уведены отъ родителей на «мадьяры» для мадьяризаціи... Вотъ и торговля людьми въ самомъ сердцѣ Европы.

— **Народно-словенское общество въ Америкѣ** въ общемъ собраніи членовъ рѣшило **поддерживать матеріально своихъ родичей** на Словачинѣ. На первый разъ они прислали 715 fl. для распредѣленія: на памятникъ Гурбана, Домъ народный, Гимназію словенскую, общ. св. Войтѣха, общ. Живену, общ. Народъ въ Вѣнѣ, общ. Детванъ въ Прагѣ, музей въ Т. Св. Мартинѣ и словенскій «Спѣвоколъ» тамъ же.

— 8 сент. н. ст. въ с. Глубокомъ въ верхней Угріи назначено было торжественное открытіе сооруженнаго на пожертвованія народа надгробнаго памятника **др. Іос. Гурбану**. Правительство запретило однако это торжество, по неизвѣстнымъ причинамъ, такъ что на кладбищѣ въ этотъ день присутствовали одни жандармы. Собравшійся отовсюду народъ вынужденъ былъ ограничиться однимъ богослуженіемъ въ память своего отца и вождя. Легко понять народное негодованіе, вызванное этимъ распоряженіемъ мадьярскаго правительства!

— **Словинское друштво** въ Штиріи въ общемъ своемъ собраніи въ г. Цельѣ 21 авг. приняло единогласно слѣдующія резолюціи (въ сокращеніи):

1. Нѣмцы не имѣютъ права упрекать словенцевъ за требованіе отъ мѣстныхъ чиновниковъ знакомства съ языкомъ мѣстнаго населенія;

2) Необходимо прекратить борьбу словинскихъ партій;

3) Выразить благодарность обществамъ: св. Магора, свв. Кирилла и Меѳодія, Матицы слов. и пѣвческому за патріотическую дѣятельность;

4) Протестовать противъ сооруженія на казенный счетъ нѣмецкихъ школъ въ словинскихъ городахъ и посадахъ;

5) Требовать отъ словинскихъ депутатовъ рейхсрата—войти въ югославянскій клубъ.

— Городская управа города Любляны подала въ министерство **протестъ противъ запрещенія** областнымъ управленіемъ Крайны **замѣны нѣмецкихъ названій улицъ словинскими въ г. Люблянѣ.** Протестъ мотивированъ крайне малымъ числомъ нѣмцевъ въ Люблянѣ и ссылается на прецеденты городовъ Целья, Целовца, Птуя, Марибора, Горицы, Тріеста, гдѣ находятся довольно значительныя меньшинства словенцевъ, но названія улицъ только нѣмецкія или итальянскія, смотря по большинству населеній. Того же требуетъ-де и большинство словинское въ Люблянѣ.

¹⁹/₃₁ іюля въ г. Прагѣ умеръ извѣстный словинскій патріотъ и писатель **Матія Маяръ**. Онъ род. 1809 г. въ Горицахъ (Зильская долина, въ Хорутаніи). Былъ священникомъ сначала близъ родины, потомъ близъ г. Целовца, а съ 1883 г. проживалъ въ Прагѣ. Еще въ 1848 г. онъ издалъ «Pravila, kako izobraževati ilirsko narečje i u obče slovenski jezik». За составленную имъ тогда петицію словенцевъ М. вынужденъ былъ на нѣкоторое время оставить Целовецъ. Въ 1851 г. онъ былъ въ числѣ учредителей общества св. Магора. Въ 1864 г. написалъ: «Sv. brata Ciril in Metod, slavjanska apostola», а годъ спустя — Uzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska. Тутъ онъ пропювѣдывалъ литературное объединеніе славянъ, путемъ взаимнаго сближенія ихъ языковъ. Въ 1873 г. издавалъ журналъ «Slavjan» для проповѣди тѣхъ же мыслей. Онъ принадлежалъ къ числу самыхъ одушевленныхъ послѣдователей Коллара и дѣятелей славянскаго сближенія. Миръ его праху!

— Въ октябрѣ с. г. въ Вѣнѣ предположенъ **съѣздъ представителей угнетенныхъ народностей Австро-Угріи**, а именно: чеховъ, словаковъ, червонорусовъ, сербовъ, хорватовъ, далматинцевъ, румыновъ и угорскихъ нѣмцевъ (?). Составленъ будетъ Memorandum для европейскихъ правительствъ и программа преобразованія Австро-Угріи въ федерацію, для врученія императору.

— 4-го сентября сего года истекло 40 л. со времени начала литературной дѣятельности словенскаго историка и патріота **Франья Сасинка** (Fr. Sasinek). Онъ род. въ 1830 г. въ Скалицѣ; воспитывался въ этомъ городѣ и Солнокѣ; въ 1846 г. вступилъ въ орденъ капуциновъ, а въ 1852 г. рукоположенъ въ діаконы въ Остригонѣ. 4-го сентября 1852 г. напечаталъ въ журналѣ: «Cyrill a Method», пѣснь въ честь этихъ святыхъ. Былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Katolickich Novin». Занималъ должности проповѣдника—на языкахъ нѣмецкомъ, мадьярскомъ и словенскомъ—въ Пресбургѣ, Татѣ, Пезинкѣ, Будинѣ, Банской Быстрицѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ преподавателемъ разныхъ предметовъ въ духовныхъ заведеніяхъ этихъ городовъ. Въ 1864 г. Сасинекъ, при содѣйствіи славнаго епископа Мойсеса, вышелъ изъ ордена капуциновъ и въ слѣдующемъ году сталъ библіотекаремъ словенской Матицы въ Банской Быстрицѣ. Это доставило ему возможность приступить къ обработкѣ и изданію «Древнеугорской исторіи». Съ 1869 г. онъ жилъ въ Турчанскомъ Св. Мартинѣ, какъ секретарь и редакторъ Матицы, до упраздненія ея правительствомъ въ 1875 г. Нѣсколько лѣтъ затѣмъ велъ Сасинекъ кочевую жизнь, проживалъ у знакомыхъ, пока наконецъ въ 1881 г. ему не удалось найти убѣжище въ Прагѣ, въ должности духовника «Больницы сестеръ милосердія». Во все это время онъ не переставалъ работать въ области славянскихъ древностей и угорской исторіи. Очень много его статей напечатано въ вѣнскомъ «Parlamentär'ѣ», а также въ «Nár. Novinach», «Slovenskych Pohladach» и др. изданіяхъ. Всѣ онѣ запечатлѣны ученой пытливостью, независимостью мысли и истиннымъ кирилло-меѳодіевскимъ духомъ. Въ Ружомборкѣ, на Словачинѣ, издана по поводу этого 40-лѣтняго юбилея брошюра: Pamiatka na styridsat'ročje literárnej Činnosti Franka V. Sasinka, съ біографіей его, напечатанной Фр. Освальдомъ.

— Въ хорватскомъ г. Крижевцѣ недавно поселился новопоставленный **уніатскій епископъ Іюлій Дрогобецкій**, изъ угро-русскихъ канониковъ. На него возложена миссія распространять унію между сербо-хорватскими «схизматиками».

— Изъ новѣйшей **статистики хорватско-славонскихъ городовъ** оказывается, что въ 20 городахъ Хорватіи и Славоніи насчитывается 148,000 жит. (на 2.186,000 жит. общаго населенія). Изъ нихъ: 28,000 **нѣмцевъ** и 6000 **мадьяръ**. Первые занимаются главнымъ образомъ промышленностью и торговлею, и составляютъ до-

вольно значительный процентъ населенія гг. Земуна, Митровицы, Загреба, обечно же Осека, гдѣ они имѣютъ абсолютное большинство. Особыя нѣмецкія школы охраняютъ ихъ отъ сліянія съ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ. Что касается мадьяръ, то они служатъ преимущественно въ желѣзнодорожномъ управленіи. Развитіе приморскихъ городовъ Хорватіи парализовано своекорыстною политикою мадьярскаго правительства, которое заинтересовано лишь усиленіемъ г. Рѣки, считаемой какъ бы портомъ Будапешта.

— Въ августѣ мѣсяцѣ въ г. **Загребѣ** состоялась **выставка учебныхъ пособій**. Она была посѣщена между прочимъ и чешскими учителями (до 100), которые приняты мѣстнымъ хорватскимъ обществомъ весьма сочувственно, хотя мадьярское правительство Загребы и Рѣки (Fiume) взглянуло очень косо на это новое проявленіе славянской взаимности.

— Въ августѣ мѣсяцѣ въ г. **Загребѣ** по распоряженію правительства произведены новые **выборы** членовъ въ **городскую думу**. Результатъ ихъ былъ крайне неблагопріятенъ для народной партіи: **побѣдили мадьяроны**, имѣющіе теперь въ этой думѣ большинство 10 голосовъ. Это пораженіе народно-хорватской партіи или вѣрнѣе хорватскаго народа ренегатами объясняется правительственнымъ давленіемъ на избирателей, а также измѣною чиновниковъ, крупныхъ собственниковъ и евреевъ. На мѣсто прежняго умнаго и дѣятельнаго городскаго головы др. Амруша опредѣленъ теперь мадьяронъ Мошинскій. Это тяжелый ударъ для славянскаго дѣла въ Хорватіи.

— Въ хорватскомъ **«Obzor'ѣ»** напечатанъ недавно рядъ политическихъ **статей** по поводу адресса императору отъ новаго сейма. Авторъ (какъ полагаютъ, академикъ **Рачкій**), стоя на славянской точкѣ зрѣнія, отражаетъ безграничныя притязанія мадьяръ въ Хорватіи и высказывается за полную эманципацію хорватовъ отъ Угріи въ отношеніяхъ экономическомъ и политическомъ.

— Въ г. **Тріестѣ** предположено учредить **хорватское школьное общество**, по образцу аналогичныхъ обществъ нѣмецкихъ, словинскихъ, чешскихъ и др. Цѣль этого общества—противодѣйствовать итальянизаціи хорватскихъ школьниковъ въ Истріи.

— Вѣнскій славяновѣдъ др. **Облакъ** совершилъ ученую **экскурсію** на **далматинскіе острова**, для изученія мѣстныхъ сербохорватскихъ говоровъ. Экскурсія эта доставитъ, вѣроятно, славянской діалектологіи болѣе ученыхъ данныхъ чѣмъ недавняя поѣздка ученаго словенца въ Македонію, такъ грубо прерванная турецкими властями.

— Въ Туринѣ печатается новое сочиненіе далматинскаго серба **Іосифа Николаевича Модрича: La Russia**, какъ результатъ недавней его поѣздки по Россіи Подписка принимается у автора, въ г. Зарѣ (Zara, Dalmatia). Цѣна $2^1/_2$ fl.

— Съ лѣта въ г. Дубровникѣ, выходитъ новая сербская **газета «Дубровникъ»**. Она поставила себѣ задачей отстаивать интересы далматинскихъ сербовъ, въ ихъ борьбѣ съ итальянцами и хорватами. Мѣстная газета: «Crvena hrvatska» не особенно сочувственно встрѣтила новаго собрата. Но такая полемика на-руку скорѣе итальянцамъ и нѣмцамъ, чѣмъ сербамъ или хорватамъ.

— **Латинская пропаганда въ Босніи и Герцеговинѣ** развивается все шире: учреждаются все новые католическіе приходы, сооружаются на казенный счетъ костелы, между прочимъ каѳедральный въ Сараевѣ, основываются францисканскія, трапистскія и даже іезуитскія школы (напр. въ Травникѣ), раздаются народу безплатно миссіонерскаго содержанія листки и книги. Страна быстро наполняется множествомъ латинскихъ конгрегацій, мужскихъ и женскихъ, подъ разными наименованіями. Воздвигнуто гоненіе на кирилловское письмо и даже

на сербское имя, не разрѣшается постройка православныхъ церквей, напр. въ Бихачѣ и Новомъ. Процессъ этотъ сильно напоминаетъ одновременное **вытравленіе** всего русскаго, при помощи тѣхъ же іезуитовъ, въ Галичинѣ. По сообщеніямъ чешскихъ «Nár. Listy» (18 авг.). іезуитское общество св. Іеронима въ Римѣ ассигновало 4 мил. гульд. на пропаганду въ западныхъ областяхъ Балканскаго полуострова, Австрія же — 1 мил.

— Въ Босніи начаты работы по сооруженію **желѣзной дороги**, долженствующей связать гг. **Сараево** и **Сплѣтъ**, т. е. Боснію съ Адріатикою.

— Оккупаціонное правительство провозгласило лѣтомъ с. г. въ Босніи и Герцеговинѣ **отмѣну натуральной упряжной повинности** и замѣну ея денежною. Но это мало улучшило положеніе мѣстныхъ крестьянъ, которые и теперь, какъ до оккупаціи, почти вовсе не владѣютъ землею, а арендуютъ ее у мусульманскихъ беговъ и агъ за третью часть (33%) урожая. Если прибавить, что 10% послѣдняго отдается правительству (въ деньгахъ, по произвольной оцѣнкѣ), то оказывается, что земледѣльцу остается едва 57% урожая, т. е. лишь немного болѣе половины. Изъ этого видно, что **аграрныя условія** населенія теперь не лучше тѣхъ, которыя вызвали возстаніе противъ беговъ и агъ въ 1875 г.

— Баронъ **Аппель** въ Сараевѣ праздновалъ недавно **10-лѣтіе** своего **управленія Босніей**. Въ теченіе этого времени мало, правда, сдѣлано для подъема прежней райи, но много для постепеннаго превращенія ея въ латинизованныхъ швабовъ.

— **Бока Которская** постепенно **окатоличивается**. При недавнихъ выборахъ въ городскую думу г. Котора католики побѣдили въ 1-ой и 3-ей куріяхъ, а православные лишь во 2-ой. Правительство не утвердило однако послѣднихъ, и назначило перебаллотировку во 2-ой куріи, въ надеждѣ доставить и въ ней торжество католикамъ-хорватамъ надъ православными сербами.

— Въ распоряженіе новосадской «Србской Матицы» переданъ недавно душеприкащиками **кн. Александра Карагеоргіевича фондъ** его имени, въ 96.267 флор., для выдачи **стипендій** сербскимъ ученикамъ изъ Угріи, Сербіи, Черногоріи, Босніи, Герцеговины и Старой Сербіи.

— Въ угросербскомъ городѣ **Суботицѣ** (Theresiopol) недавно открыта мѣстными «буневцами» (сербы-католики) **сербская типографія**. Это указываетъ на постепенное пробужденіе славянскаго самосознанія въ средѣ суботицкихъ сербовъ, которыхъ насчитывалось до 50.000 д.

— Въ октябрѣ с. г. въ срѣмскихъ **Карловцахъ** будетъ созванъ **сербскій церковный конгрессъ**, подъ предсѣдательствомъ патріарха Бранковича и въ присутствіи королевскаго комиссара Θеодора Николича. При нынѣшнемъ гнетѣ мадьярскаго правительства и разрозненности сербскихъ партій (т. наз. либеральной и радикальной) трудно ожидать отъ этого конгресса плодотворной дѣятельности для сербской церкви и народности.

— Въ Бѣлградѣ вышло недавно подъ редакціей профессора Бошковича начало (А—З.) третьяго изданія извѣстнаго «**Српскаго Рјечника**» **Вука Стеф. Караджича**. Цѣна 1-го вып. $4^1/_2$ фр.

— Сербскій поэтъ **Радое Церногорецъ** издалъ недавно **драму** въ 3 д. п. з.: «**Царев Лаз**». Сюжетъ заимствованъ изъ черногорской исторіи начала 18 в., временъ владыки Данила I, который разбилъ въ 1712 г. турокъ на «Царевомъ Лазѣ», отсюда и названіе драмы.

— Въ бѣлградскомъ «Новомъ Листѣ» напечатанъ рядъ статей черногорца Іована Рогановича объ извѣстной поэмѣ **Мажуранича: «Смрт Смаил-аге Ченгича»**. Авторъ доказываетъ, что матеріалъ этой поэмы доставленъ хорватскому поэту черногорскимъ владыкою Петромъ II, авторомъ «Горскаго вѣнца», которому принадлежала слѣдовательно на половину и означенная поэма.

— **Бѣлградская** «велика школа» будетъ преобразована съ 189³/₄ г. **въ свеучилиштэ** или **университетъ**. Но медицинскій факультетъ предположено открыть лишь тогда, когда Коларчевъ фондъ возростетъ до мил. франковъ.

— Въ сербскомъ г. **Шабцѣ** состоялся 6—8 іюля с. г. **съѣздъ членовъ сербскаго учительскаго общества**. На немъ присутствовали депутаты и отъ **хорватскихъ** учительскихъ обществъ, принятые сербскими учителями очень сочувственно, во имя сербохорватскаго народнаго единства въ культурномъ отношеніи. Въ рефератахъ обсуждаемы были вопросы: объ учрежденіи въ Бѣлградѣ «учительскаго дома»; объ организаціи «учительской задруги»; о школьномъ надзорѣ; о перемѣщеніи учителей; о срокахъ службы; о средствахъ расширенія въ народѣ грамотности; о преподаваніи географіи; о сближеніи учителей съ учениками и т. п. По многимъ изъ этихъ вопросовъ приняты были резолюціи обращенныя къ правительству.

— Въ г. **Враньѣ** въ Сербіи состоялась въ авг. мѣс. промышленная выставка, устроенная «обществомъ сербскихъ промышленниковъ». Она привлекла не мало посѣтителей изъ всѣхъ областей Сербіи. И молодой король Александръ осмотрѣлъ ее, въ сопровожденіи г. Ристича.

— Новый **австро-сербскій торговый договоръ**, утвержденіе котораго ожидается отъ ближайшей скупщины, предоставляетъ сербамъ нѣкоторыя льготы по вывозу въ Угрію скота, но зато пошлина на хлѣбъ увеличилась на 25%. Что касается ввоза въ Сербію, то онъ будетъ затрудненъ лишь по тѣмъ статьямъ, которыя составляютъ въ ней правительственную монополію; сюда относятся: табакъ, соль, порохъ, керосинъ, алкоголь, спички и сигаретная бумага.

— Въ г. Неготинѣ открытъ **памятникъ** славному сербскому **гайдуку Вельно**, одному изъ сподвижниковъ Георгія Чернаго и Милоша Обреновича при освобожденіи Сербіи отъ турокъ.

— Въ теченіи 6 л. **стамбуловскаго режима** въ Болгаріи пало **жертвою терроризма до 180** человѣкъ, а именно: 150 было убито его мамелюками при выборахъ въ народное собраніе въ 1887 г. (въ Плевнѣ, Кутловицѣ и Горной Ораховицѣ), остальные же 30 ч. были разстрѣляны или повѣшены послѣ «возстаній»—рущукскаго, силистрійскаго, бургасскаго, старозагорскаго, а также по дѣламъ Паницы и Бельчева. Но въ этотъ счетъ не входятъ лица, замученныя въ тюрьмахъ или убитыя тайно, какъ напр. 6 старозагорцевъ, брошенныхъ ночью въ Дунай рущукскимъ префектомъ Мантовымъ, въ 1887 г.

— **Четыре софійскіе мученика** (некрологъ). Изъ казненныхъ 15—27 іюля стамбуловскимъ лжеправительствамъ по процессу Бельчева четырехъ болгарскихъ патріотовъ, наиболѣе извѣстенъ былъ въ Болгаріи **Святославъ Миларовъ**. Онъ род. въ 1850 г. въ Цареградѣ, образованіе среднее и высшее получилъ въ Загребѣ и съ успѣхомъ занимался публицистикой, пописывая въ журналахъ хорватскихъ и болгарскихъ, особенно въ «Македоніи» Славейкова (въ 1869—70 гг.). Въ началѣ 1870-хъ годовъ онъ былъ арестованъ турками по обвиненію въ политическомъ заговорѣ и просидѣлъ два года въ цареградской тюрьмѣ, откуда наконецъ спасся бѣгствомъ. Воспоминанія объ этомъ заключеніи напечатаны потомъ были Миларовымъ по-хорватски и въ переводѣ болгарскомъ.

Во время войны за освобожденіе Миларовъ сражался въ рядахъ русскихъ войскъ, а затѣмъ—по освобожденіи Болгаріи—издавалъ въ Терновѣ газеты «Болгарскій Левъ», «Клепало», «Echo des Balcans», «9-ое августа», «19-ое февраля» и сотрудничалъ во многихъ другихъ болгарскихъ газетахъ. За участіе въ изгнаніи Батенберга Миларовъ былъ удаленъ изъ отечества, но въ 1889 г. получилъ амнистію и возвратился изъ Румыніи на родину. Тутъ онъ раздумывалъ

о средствахъ спасти ее отъ нынѣшняго терроризма, но былъ арестованъ и казненъ на 42 г. жизни. Его мужество подъ висѣлицей произвело глубокое впечатлѣніе даже на палачей.

Тома Георгіевъ род. въ 1858 г. въ подбалканскомъ селѣ Панагюриштѣ и уже на 18 г. жизни принималъ участіе въ партизанскихъ дѣйствіяхъ противъ турокъ отряда воеводы Бенковскаго. Взятый въ плѣнъ, онъ былъ брошенъ въ тюрьму и не повѣшенъ лишь благодаря своей молодости. По освобожденіи Болгаріи Г. служилъ маленькимъ чиновникомъ въ М. Н. Пр. и по контролю. Онъ считался однимъ изъ самыхъ рѣшительныхъ партизановъ Каравелова. Повѣшенъ на 34 г., оставивъ вдову и малолѣтнихъ дѣтей безъ всякихъ средствъ.

Константинъ Поповъ род. въ 1867 г. въ с. Айтасъ, во Ѳракіи. Служилъ въ окружномъ управленіи г. Бургаса, участвовалъ въ бургасскомъ возстаніи 1886 г. и въ четѣ Набокова въ 1887 г., послѣ чего бѣжалъ въ Турцію. Въ 1890 г. К. П. вернулся, съ намѣреніемъ помочь Миларову въ низверженіи стамбуловскаго режима, но скоро вынужденъ былъ снова бѣжать въ Турцію, которая однако выдала его Стамбулову, подъ условіемъ предать его не военному, а обычному уголовному суду. Это обѣщаніе Стамбулова было нарушено и К. П. казненъ 25 л. отъ роду, оставивъ семью безъ средствъ къ жизни.

Александръ Карагуловъ род. въ 1858 г. близъ г. Охриды. Занимался въ Софіи торговлей. Потомъ былъ редакторомъ «Македонскаго Гласа» и членомъ македонскаго комитета. Съ 1885 г. А. К. былъ судебнымъ приставомъ въ Софіи. Казнь Паницы вызвала его къ борьбѣ противъ Стамбулова, которая довела его до висѣлицы на 34 г. жизни.

— 15—27 авг. въ **Пловдивѣ** открыта принцемъ Фердинандомъ Кобургскимъ и его министрами **болгарская хозяйственно-промышленная выставка**, составленная по образцу прошлогодней чешской. Она состоитъ собственно изъ 2 частей: а) выставки болгарской и б) выставки австроугорской, въ частности же чешской. Первая не особенно обширна, особенно въ сравненіи съ пражской. Въ главномъ павильонѣ представлена общая картина болгарскаго земледѣлія и промышленности, въ примыкающихъ же къ нему отдѣльныхъ павильонахъ—выставлены произведенія отдѣльныхъ городовъ и областей. Затѣмъ слѣдуетъ эффектный павильонъ угорскій, а за нимъ австрійско-чешскій. Половину послѣдняго занимаетъ выставка вѣнская, главнымъ образомъ галантерейныхъ товаровъ, а другую—выставка чешская, обставленная очень хорошо и привлекающая общее вниманіе посѣтителей. Это констатировано при открытіи выставки и принцемъ Кобургскимъ, который въ болгарской рѣчи къ чешскимъ экспонентамъ называлъ себя «ихъ братомъ» и «государемъ славянскимъ»... На банкетѣ же по поводу открытія выставки этотъ самозванецъ именовалъ даже себя «протекторомъ болгарской православной церкви»!! Замѣчательно, что корреспонденты чешскихъ газетъ (даже När. List'овъ) принимаютъ всю эту хлестаковщину за чистую монету! .. Вѣроятно они увлекаются надеждою на торговыя выгоды въ Болгаріи: но онѣ скорѣе достанутся нѣмцамъ и евреямъ.

— **Вѣнскій Лендербанкъ**, по газетнымъ сообщеніямъ, вновь ссужаетъ болгарскому лжеправительству 20 мил. фр. подъ залогъ табачной монополіи. Кто будетъ погашать эти незаконные долги незаконнаго правительства?

— Въ софійскомъ «Державномъ Вѣстникѣ» (іюль 1892 г.) представлены подробныя свѣдѣнія **о бюджетѣ 77 болгарскихъ городовъ** въ 1892 г. Мы узнаемъ отсюда, что многіе города хозяйничаютъ теперь въ долгъ, а именно: Добричъ (заемъ въ 275 т. фр.), Виддинъ (600 т. фр.), Кюстендилъ (100 т.), Радомиръ (15 т.), Филиппополь (1,666 т.), Станимака (200 т.), Плевна (100 т.), Тутроканъ (200 т.), Ямболи (100 т.), Софія (500 т. субсидіи отъ правительства!),

Терново (90 т.). Насколько производительны ихъ расходы на занятыя деньги изъ журнала не видно.

— Болгарскій инженерь **П. Николаевъ** издалъ въ Софіи брошюру: **Нѣсколко думи върху нашитѣ желѣзници**. Авторъ доказываетъ необходимость сооруженія, трехъ новыхъ линій: 1) отъ рущуцко-варненской линіи на Терново и Плевну въ Софію, съ вѣтвью отъ Врацы въ Виддинъ; 2) отъ Софіи къ Архипелагу и 3) отъ Пловдива на Чирпанъ и Ст. Загору къ Нов. Загаръ, всего до 830 километровъ, стоимостью въ 112—115 мил. фр. Сверхъ того онъ предлагаетъ улучшить порты въ Варнѣ и Бургасѣ, за 25—30 мил. фр.

— Въ Софіи приступлено къ изданію **Собранія сочиненій** покойнаго болгарскаго поэта, публициста и историка **Р. И. Жинзифова** (род. 1839 г. † 1877 г.), который нѣсколько извѣстенъ и въ русской литературѣ своими статьями въ «Днѣ», «Правосл. Обозрѣніи», «Московск. Вѣд.» и между прочимъ въ «Поэзіи славянъ» Гербеля.

Г. Хр. Дановъ издалъ новую **карту Балканскаго полуострова**. Въ основу ея положена австрійская карта, но со значительными поправками и дополненіями, особенно въ областяхъ Болгарскаго княжества. Болѣе промаховъ замѣчается въ областяхъ Турціи. Быть можетъ они будутъ устранены ожидаемымъ изданіемъ оффиціальной карты Турціи, предпринятой министерствомъ публичныхъ работъ.

— Въ Софіи вышла VII-ая кн. **Сборника за народни умотворенія, наука и книжнина**. (1892 г. цѣна 5 фр). Тутъ напечатано нѣсколько важныхъ статей по мѣстной археологіи, этнографіи, литературѣ гг. Шкорпила, Балдяшева, Гудева, Цонева, Драгоманова (о легендахъ), Илиева, Паулера, Кесякова, Матова и др. Есть и путевыя замѣтки Ив. Вазова.

— Въ Софіи вышла брошюра **Х. П. Константинова: Первый славянскій стенографическій конгрессъ въ Прагѣ**. Тутъ изложены результаты совѣщаній славянскихъ стенографовъ въ авг. 1891 г. въ Прагѣ, по вопросу о выработкѣ общеславянской стенографической системы и другимъ очереднымъ вопросамъ стенографіи. Отмѣтимъ кстати, что 6 сент. въ Пловдивѣ назначенъ съѣздъ болгарскихъ стенографовъ.

— Въ г. Видинѣ началъ выходить новый болгарскій литературно-политическій журналъ: **«Видинъ»**, подъ ред. **Т. Тощева** и **Н. Найденова**.

— Въ Лозаннѣ вышло соч. **Н. Янчева: La Bulgarie et l'étranger. La nationalité bulgare, le regime des capitulations**. Это докторская диссертація, по юридическому факультету.

— Въ женевскомъ географич. журн. Le Globe (т. XXXI) напечатана обширная статья г. **Стрѣзова о восточной части Солунскаго вилаета**, основанная на личномъ изученіи этого края.

— По газетнымъ сообщеніямъ, **цареградскій** патріархъ образовалъ **коммиссію** изъ 4 членовъ для обсужденія предложенія сербскаго митрополита **Михаила, объ исправленіи юліанскаго календаря**.

— **Изъ общественной и учебной статистики Румынскаго королевства**. Въ 1892 г. въ Румыніи считается до 6 мил. жит., изъ коихъ до 5 мил. румынской народности, 600,000 евреевъ и до 400,000 прочихъ народностей: русскихъ (б. ч. старообрядцы и даже скопцы въ большихъ городахъ и въ Добруджѣ), болгаръ, сербовъ, поляковъ, чеховъ, армянъ, цыганъ, мадьяръ, турокъ, грековъ, итальянцевъ, французовъ, англичанъ, нѣмцевъ. По вѣроисповѣданіямъ большинство принадлежитъ къ православной церкви (румыны и русскіе, болгары и сербы); затѣмъ слѣдуютъ евреи-талмудисты, протестанты (нѣмцы—лютеране, мадьяры—кальвинисты), католики (поляки, чехи, часть западно-европейцевъ).

Въ административномъ отношеніи Румынія раздѣлена на 32 округа или уѣзда, изъ коихъ: 13 въ Молдавіи, 12 въ Валахіи и 5 въ Малой Валахіи или Краёвскомъ Банатѣ и 2 въ Добруджѣ. Уѣзды раздѣляются на 167 становъ, а станы на общины (comuna)—3041. Городовъ насчитывается 70, селъ до 3000. Во главѣ уѣздовъ стоятъ префекты, во главѣ становъ—подпрефекты, а въ общинахъ—головы (primar).

Народнымъ просвѣщеніемъ Румыніи завѣдуетъ министръ и его помощникъ (генералъ-секретарь). Ежегодно въ сентябрѣ на совѣщаніе съ министромъ собирается «общій совѣтъ просвѣщенія», въ составъ котораго входятъ по выбору представители высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній, 2 члена высшей кассаціонной палаты (въ родѣ сената), 2 отъ высшаго духовенства и 2 отъ военнаго вѣдомства. Исполнительнымъ органомъ этого «общаго совѣта» служитъ «перманентный совѣтъ просвѣщенія», собирающійся по 3 раза въ недѣлю.

Для наблюденія за низшими школами, которыхъ насчитывается болѣе 2000 по селамъ и до 350 въ городахъ, въ каждомъ уѣздѣ состоитъ нѣсколько инспекторовъ народныхъ училищъ. Сверхъ того, имѣются два главныхъ инспектора (изъ профессоровъ) для наблюденія надъ средними учебными заведеніями. Во время лѣтнихъ испытаній командируются обыкновенно депутаты изъ профессоровъ букурештскаго и ясскаго университетовъ.

Высшихъ учебныхъ заведеній въ Румыніи 6, а именно: два университета, букурештскій и ясскій, изъ коихъ въ первомъ имѣется 5 факультетовъ (богословскій, ист.-филол., физ.-математ., юридич. и медицинскій), а во второмъ 4 (тѣже, безъ богословскаго); двѣ высшія нормальныя школы, при тѣхъ же университетахъ, для приготовленія къ учительскому званію по ист.-филол. и физ.-математическимъ наукамъ: высшая фармацевтическая школа въ Букурештѣ: высшая ветеринарная школа—тамъ же; военная академія генеральнаго штаба; институтъ путей сообщенія—тамъ же.

Для средняго образованія въ Румыніи имѣется: 10 восьмиклассныхъ «классическихъ лицеевъ» или гимназій; 3 восьмиклассные «реальные лицея»; 18 четырехклассныхъ классическихъ прогимназій и 12 реальныхъ; 3 восьмиклассныя духовныя семинаріи и 6 четырехклассныхъ духовныхъ училищъ; далѣе: 15 женскихъ восьмиклассныхъ институтовъ, изъ коихъ 3 съ общежитіями, а 12—безъ оныхъ. Сверхъ того, въ Румыніи есть до 60 частныхъ гимназій и прогимназій.

Къ спеціальнымъ среднимъ школамъ принадлежатъ: 7 военныхъ училищъ, изъ коихъ 3 въ Букурештѣ (артиллерійское, кавалерійское и школа офицерская), 1 въ Галацѣ (военно-морское) и 1 въ Быстрицѣ (военно-интендантское).

Для приготовленія учителей въ городскихъ училищахъ имѣются два учительскіе института, съ 4 л. курсомъ и дипломомъ прогимназіи, въ Букурештѣ и Яссахъ; для сельскихъ же учителей—8 учительскихъ семинарій, съ 4 л. курсомъ.

Имѣется еще: 4 сельскохозяйственныя училища (изъ нихъ высшія: херестреуское и букурештское); 6 коммерческихъ училищъ; 2 консерваторіи для музыки и декламаціи; 2 школы изящныхъ искусствъ; училище строительное; сиротскій институтъ; 3 техническія училища; 2 телеграфо-почтовыя; 1 желѣзнодорожное; 11 ремесленныхъ для мальчиковъ и 4 для дѣвочекъ; 2 школы акушерокъ; 1 гимнастическое училище; 1 оружейное; 1 пиротехническое и мн. др.

Изъ частныхъ женскихъ профессіональныхъ школъ всего извѣстнѣе ясская, содержимая обществомъ румынскихъ женщинъ при церкви св. Саввы.

Между частными училищами въ Румыніи, особенно городскими, есть и конфессіональныя: католическія, протестантскія, армянскія, а также 1 сербское (въ Турнѣ-Северинѣ) и 1 болгарское (въ Тульчѣ).

Въ непродолжительномъ времени предстоитъ открытіе въ Румыніи еще слѣдующихъ учебныхъ заведеній: политехническаго института, 4 училищъ садоводства, 3 школъ сывcovаренія и молочнаго хозяйства, 2 винодѣлія, 1 огородничества, 1 землемѣрно-таксаторскаго, 1 кондукторовъ путей сообщенія, 1 горнозаводскаго, 1 скотоводства, 1 печатнаго дѣла, 2 рисовальныхъ и 2 филармоническихъ.

Во главѣ ученыхъ учрежденій Румыніи стоитъ «Румынская академія», основанная въ 1867 г. и преобразованная въ 1883 г. Она владѣетъ капиталомъ въ 700,000 франковъ и получаетъ правительственную субсидію въ 30,000 фр. въ годъ. Органомъ академіи служатъ ея «Annalele», издаваемые по-румынски. Предсѣдателемъ академіи состоитъ князь I. Гика, секретаремъ же Д. А Стурдза. Всѣхъ членовъ было 100, изъ коихъ 20—дѣйствительныхъ, 70—сотрудниковъ и до 40 почетныхъ. Отдѣленій 3: литературное, историческое и научное каждое имѣетъ своего предсѣдателя. Дѣйствительные члены за присутствіе въ засѣданіи получаютъ каждый разъ по 25 фр. Изъ академиковъ румынскихъ наиболѣе извѣстны своими учеными трудами: историки—Хышдэу, Збіера, Сіонъ Ксенополь, Ербичану, археологи—Стурдза, Калинмахъ, Точилеску, Одобеску литературные критики—Авреліанъ, Маіореску, Негруцъ, натуралисты—Стефанеску, Крецулеску, Бабешъ, Кобылческу, медикъ Асаки и н. др.

За академіей слѣдуетъ Румынское географическое общество, основанное л. 27 тому назадъ и располагающее капиталомъ въ 200,000 фр., да ежегоднымъ пособіемъ въ 10,000 фр. Президентами состоятъ г. Many и К. Баротзъ, секретаремъ же Г. Лаховари. Всѣхъ членовъ- дѣйствительныхъ корреспондентовъ, почетныхъ — болѣе 100. Органомъ общества служитъ его «Бюлетень» (Bulletinul).

«Румынскій Атеней»—общество для распространенія любви къ чтенію, въ родѣ педагогическихъ учрежденій «Соляного городка» въ Спб. Атеней учрежденъ въ 1865 г., располагаетъ капиталомъ до 1 мил. франковъ и ежегоднымъ пособіемъ до 20,000 фр. Въ Букурештѣ владѣетъ роскошнымъ домомъ. Членовъ до 400. Во главѣ Атенея стоятъ теперь гг. Крецулеску, Авреліанъ и Экзархъ. Во многихъ городахъ Атеней имѣетъ свои отдѣленія. Издаетъ популярныя книжки и скоро приступитъ къ изданію журнала.

«Румынскій Амвонъ» (Amvonul)—общество, соотвѣтствующее русскимъ обществамъ «любителей духовнаго просвѣщенія». Предсѣдателемъ архим. Миронеску. Чтенія этого общества печатаются въ органѣ румынскаго св. синода «Biserica OrthodoxăRomână».

Далѣе упомянемъ еще общества: медицинское, издающее въ Букурештѣ свой Бюллетень; фармацевтическое, издающее особое Обозрѣніе; ветеринарное—тоже; естествоиспытателей и врачей—въ Яссахъ, съ музеемъ, садомъ, — издаетъ «Архивъ»; земледѣльческое въ Букурештѣ, изд. Обозрѣніе; лѣсное тоже; архитектурное, художественное и политехническое — имѣютъ Обозрѣніе; «Румынское согласіе» въ Букурештѣ, въ родѣ Москов. историческаго музея; корпорація учителей—устраиваетъ ихъ съѣзды и поддерживаетъ «Педагогическое Обозрѣніе»; Карпаты, въ родѣ русскихъ слав. обществъ, для поддержки закордонныхъ румыновъ, въ Семиградьѣ, Буковинѣ, Банатѣ,—подъ предсѣдательствомъ К. Добреску, въ Букурештѣ; «Свѣтъ» (Lumina)—подобное предъидущему, но поставившее себѣ цѣлью поддержку румыновъ македонскихъ или куцовлаховъ: главнымъ его дѣятелемъ является Апостолъ Маргаритъ въ Македоніи; «Дрита» (Drita) — подобное общество для просвѣщенія албанцевъ

издаетъ въ Букурештѣ по-албански и по-румынски еженедѣльникъ «Skipetaru»; еврейско-румынское дидактическое общество — содержить училища и издаетъ журналы въ Букурештѣ и Яссахъ, на языкахъ румынскомъ, еврейскомъ и нѣмецкомъ; военное собраніе (Cercul) — въ Букурештѣ издаетъ «Военное Обозрѣніе» и отдѣльныя переводныя сочиненія; «Развитіе» — общество гимнастическое въ Букурештѣ; главное общество румынскихъ университетскихъ студентовъ — въ Букурештѣ, его же отдѣленіе въ Яссахъ: устраиваетъ ежегодные конгрессы студенчества по уѣзднымъ городамъ, на счетъ ихъ населенія, и издаетъ ежегодно отчетъ; Единство (Unirea) — общество букурештскихъ студентовъ; «Народность» — общ. ясскихъ студентовъ; Общ студентовъ-медиковъ въ Букурештѣ, издаетъ Spitalul; Общ. румынской молодежи въ Букурештѣ, изд. Revista; общ. торгово-финансовое въ Букурештѣ, подъ председат. Ѳ. Стефанеску, до 1000 членовъ, субсидируетъ нѣсколько спеціальныхъ журналовъ, имѣетъ отдѣленія въ 4 другихъ городахъ; Ясское научно-литературное, съ 1889 г. при университетѣ подъ председ. профф. Кобылческу и Ксенопола, изд. «Архивъ», одинъ изъ лучшихъ научныхъ журналовъ Румыніи; общ. для образованія румынскаго народа въ Букурештѣ, подъ председ. генер. Флореску, содержить 2 средція и 3 низшія учебныя заведенія, поддерживая дѣтскіе сады, воскресныя школы и т. п., имѣетъ отдѣленія въ Яссахъ (председ. А. Виванти) и Плоештахъ.

(Окончаніе слѣдуетъ). **Г. Самурянъ.**

Букурештъ.
Іюль 1892.

— Съ будущаго учебнаго года, по распоряженію французскаго министра народнаго просвѣщенія Буржуа, въ двухъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города **Парижа** вводится **преподаваніе русскаго языка**. Донынѣ онъ преподавался лишь въ нѣкоторыхъ высшихъ школахъ въ Парижѣ, а именно: въ «Collège de France», «Ecole des langues orientales» и «Ecole des sciences morales et politiques». Со временемъ предположено ввести постепенно нашъ языкъ, на ряду съ англійскимъ и нѣмецкимъ, во всѣ прочія среднія школы Франціи, въ виду возрастающаго значенія русской науки и литературы, развитія торгово-промышленныхъ связей Франціи съ Россіей и установившейся политической ихъ солидарности

— Изъ австр. Statistische Monatsschrift узнаемъ, что въ 1873—1890 гг. **въ австрійской арміи было 5,808 самоубійствъ**, т. е. по 321 въ годъ. Въ 1891 г. ихъ случилось 336. Изъ общаго числа самоубійцъ—солдатовъ было: 3431 въ Цислейтаніи (въ томъ числѣ 925 въ Галичинѣ!), 1982 въ Транслейтаніи и 395 въ Босніи и Герцеговинѣ. Причина этого громаднаго числа самоубійствъ въ австро-угорской арміи не разъяснена. Видно, условія духовной жизни въ ней очень ужъ не нормальны...

— Для **новыхъ австрійскихъ денегъ** принята рейхсратомъ слѣд. **латинская надпись**: Franciscus Josephus Primus Dei Gratia Imperator Austriae, rex Bohemiae. Galiciae, Illyriae etc etc. apostolicus rex Hungariae. Послѣ Hungariae хорваты требовали еще прибавить: Croatiae, но безъ успѣха.

— Въ Германіи предположено значительное развитіе **внутренней колонизаціи** Избытокъ нѣмецкаго населенія на западѣ, именно въ вел. герц. Баденскомъ, будетъ переселенъ на востокъ, въ польскія области, особенно въ Познань, при содѣйствіи пресловутой колонизаціонной комиссіи. Это грозитъ окончательнымъ вытѣсненіемъ изъ Великой Польши славянскихъ автохтоновъ.

— **Книжная производительность Турціи въ 1891 г.** выражается цифрою 940

книгъ. Изъ нихъ: 427 на турецкомъ языкѣ, 146 на греческомъ, 120 на армянскомъ, 29 на французскомъ. 15 на персидскомъ, 6 на испанскомъ, 15 на болгарскомъ, 2 на англійскомъ и 2 на нѣмецкомъ.

Въ Прагѣ изданъ недавно подъ редакціей Карла Фишера **чешско-еврейскій календарь** на 1892—1893 г. Въ немъ мы находимъ: стихотвореніе Ярослава Верхлицкаго «Modlitba Mysaph», на библейскіе мотивы; статью І. Жалуда «Изъ настоящаго и прошлаго евреевъ въ Чехіи»; А. Штейна «Описаніе пражскихъ синагогъ»; І. Арнштейна «Объ эманципаціи и ассимиляціи евреевъ»; Ф. Крауса «Семинарія и вопросъ чешско-еврейскій», и нѣкоторыя другія статьи подобнаго рода. Цѣль этого календаря—служить руководителемъ въ организаціи чешскаго еврейства.

— Въ «Одесск. Нов.» напечатана корреспонденція изъ Яффы **объ еврейскихъ колоніяхъ** въ Палестинѣ. Авторъ описалъ слѣд. колоніи: Зихронъ-Яковъ, Ришонъ-Леціонъ, Вадъ, Эль-Ханинъ, Гдейра, Пейсахъ-Тикве, Микв.-Израиль. Всѣ онѣ устроены очень хорошо, подъ покровительствомъ б.р. Альфонса Ротшильда. Занимаются б. ч. виноделіемъ и садоводствомъ. Жителей до 4.000. Имѣютъ будущность, при поддержкѣ Ротшильдовъ, Гиршей и т. п. Въ той же газетѣ напечатана подробная корр. изъ Аргентины о причинахъ неудачи первыхъ еврейскихъ поселеній въ ней, устроенныхъ на средства бар. Гирша, подъ наблюденіемъ его агентовъ: Лейвенталя, Рота и Гольдсмита. Причина заключается-де въ невѣжествѣ и неспособности колонистовъ, изъ подольскихъ евреевъ. Они вызвали противъ себя аргентинское общество и народъ. Авторъ однако надѣется, что дѣло будетъ исправлено лучшими еврейскими колонистами. Но откуда ихъ взять!..

— По слухамъ изъ Рима, папа предполагаетъ учредить въ Цареградѣ **генеральный патріархатъ** для всѣхъ **католиковъ и уніатовъ въ Турціи**. На должность эту намѣченъ армянско-уніатскій патріархъ Азаріанъ въ Цареградъ. Этимъ было бы достигнуто устраненіе австрійскаго и итальянскаго вліянія на католиковъ Албаніи и прочихъ областей Турціи. Мѣра эта нѣкоторыми газетами объясняется какъ шахматный ходъ Ватикана противъ державъ тройной лиги, по соглашенію съ султаномъ и Франціей.

— По свѣдѣніямъ журнала «Les Missions Catholiques» къ 1-му янв. 1892 г. **католическая іерархія** состояла: изъ 56 кардиналовъ (изъ нихъ 22 итальянца!) 800 архіепископовъ и епископовъ латинскаго обряда, 45 архіепископовъ и епископовъ обряда восточнаго, 317 архіеп. и епископовъ титулярныхъ, 13 архіеп. и епископовъ безъ всякаго титула, 6 прелатовъ nullius dioeceseos, всего же 1237 лицъ. Папа Левъ XIII во время своего управленія учредилъ: 1 патріархатъ, 26 архіепископствъ, 74 епископства, 45 викаріатствъ, 1 апостольскую делегацію и 16 апост. префектуръ.

— Между католическими славянами, особенно словенцами, идутъ уже приготовленія къ предстоящему 19 февраля 1893 г. **50-лѣтію еп. скопскаго служенія папы Льва XIII.** Предположены пилигримскія поѣздки въ Римъ и др. выраженія преданности престарѣлому юбиляру.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ МАКЕДОНСКИХЪ БОЛГАРЪ *

КОРОЛЬ ЛАТИНИНЪ И ОГНЕНЪ

Пожелалъ король Латининъ сына
Поженить; сыграть затѣялъ свадьбу;
Но бѣда, что сынъ его уродливъ:
У него одна изъ губъ хватаетъ
До чела, до пояса—другая.
И король все думаетъ, что дѣлать?
Онъ себѣ намѣтилъ ужъ невѣстку
Вдалекѣ—во городѣ Легенѣ.
У нея есть девятеро братьевъ.
Вся родня подарки припасаетъ.
По мѣшку казны идетъ отъ брата;
Мать даетъ рубашку съ позументомъ,
Воротъ весь въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ;
Тесть даетъ складную чудо-саблю,
Сабля та двѣнадцати суставовъ,
Мѣсто ей за пазухой, и рубитъ
Сабля та и дерево и камень;
Столъ большой золоченый готовитъ,
Столъ на семь десятковъ лицъ; блеститъ онъ
Отъ камней безцѣнныхъ, самоцвѣтныхъ;
И за нимъ обѣдъ и ужинъ могутъ
Быть безъ свѣчъ и безъ пучковъ смолистыхъ;
Отъ камней гостямъ довольно свѣта!
Жениху коня готовятъ снохи;
Трехъ онъ лѣтъ, его изюмомъ кормятъ,
Переплыть онъ можетъ черезъ море.
Порѣшилъ король, чтобы на свадьбѣ
Кумомъ ** былъ самъ Марко королевичъ.
Поднялся съ зарею въ день воскресный
И коня куетъ богато Марко:

---

* Изъ Сборника Болгарскихъ пѣсенъ Миладиновыхъ.

** *Кумъ* исполняетъ у болгаръ обязанности посаженаго отца, отчасти *дружки и крестнаго отца.*

Изъ монетъ серебряныхъ подковы,
Гвозди всѣ изъ золотыхъ дукатовъ.
Говоритъ жена-молодка Марку:
«Господинъ мой, ненаглядный Марко!
Знать тебя заставила неволя
Своего коня ковать на славу:
Или ты идешь въ войска султана,
Или ты сбираешься на свадьбу?»
Говоритъ ей Марко королевичъ:
— Полно ты, молодка Марковица!
Не хочу идти въ войска султана,
Не хочу теперь на свадьбу ѣхать;
А меня зоветъ король Латининъ,
Въ кумовья зоветъ на свадьбу къ сыну.
Не пойду я въ кумовья на свадьбу,
Но пущу на свадьбу эту сына;
Ты его переодѣнь получше».
Принялась молодка Марковица
Одѣвать въ походъ малютку сына;
Вотъ беретъ шелко́вую рубашку,
А наверхъ доламу надѣваетъ;
Сверхъ всего плащемъ его одѣла
И дала ему соболью шапку.
На груди его горѣли камни,
И дитя сіяло словно солнце.
На коня ребенка посадили,
И коня поцѣловавши въ очи,
Говоритъ молодка Марковица:
«Гой ты конь ретивый, черноокій!
Береги дитя мое родное:
Мальчуганъ—неопытный ребенокъ»!
Отвѣчалъ ей конь: «Разстанусь съ жизнью,
А дитя твое, повѣрь, не выдамъ!»
И тогда ребенку молвилъ Марко:
«Я хочу тебя, малютка Огненъ,
Отпустить попировать на свадьбѣ
Короля Латинина,—смотри же
Ты меня не осрами, достойно
Докажи, что ты изъ рода Марка.
Ты не пей вина, не пей ракіи,
Не вкушай господскихъ яствъ на пирѣ,
Не сходи отнюдь съ коня на землю,
Возвратись такимъ, какимъ поѣдешь».

И дитя отправилось на свадьбу.
Что отецъ приказывалъ Огнену,
То малецъ и выполнилъ до слова.
Поѣзжанъ засталъ онъ въ полномъ сборѣ,
Всѣ сидятъ въ гостиной королевской,
Пьютъ, ѣдятъ и поджидаютъ кума,
Чтобы съ нимъ пуститься по невѣсту.
Прискакалъ тогда на свадьбу Огненъ
И къ нему сошелъ король Латининъ,
Цѣловалъ юнацкое сѣдельце
И просилъ, чтобы малютка Огненъ
Слѣзъ съ коня ретиваго и шелъ бы
Къ королю за честную трапезу.
Отвѣчалъ ему малютка Огненъ:
«Ахъ, король Латининъ! мой родитель
Не давалъ, прощаясь, дозволенья
Принимать участіе въ трапезѣ,
Пить вино и крѣпкую ракію,
Яства ѣсть господскія на пирѣ,
И съ коня ретиваго спускаться.
Трогай въ путь гостей своихъ нарядныхъ,
Время всѣмъ пуститься по невѣсту».
А король Латининъ отвѣчаетъ:
«Милый мой! Прости, сознаться надо,
Звалъ тебя, а не сказалъ, въ чемъ дѣло:
Еслибъ ты себя за зятя выдалъ?»
Отвѣчалъ на то малютка Огненъ:
«Ну такъ что-жъ, король Латининъ, можно!
Я себя за зятя выдамъ, если
Ты со мной въ одномъ пойдешь на сдѣлку:
Ты впередъ мнѣ уступи подарки,
Что дадутъ невѣстины родные—
Я тебѣ невѣсту уступаю.
Если такъ, то я прикинусь зятемъ».
И сказалъ король Латининъ: «Ладно!
Пусть тебѣ достанутся подарки,
А у насъ останется невѣста.
Да смотри, не осрами насъ, парень!
Какъ сюда невѣсту мы залучимъ,
Будешь ты у насъ почетнымъ кумомъ».
Поднялись разряженые гости,
Поднялись, пустились по невѣсту,
По путамъ-дорогамъ потянулись.

Впереди летитъ малютка Огненъ.
Горячитъ коня лихого Огненъ,
Самъ блеститъ-сіяетъ словно солнце.
Вотъ его завидѣли Легенки,
Говорятъ Легенскія дѣвчата:
«Боже мой! Ахъ, милостивый Боже!
Хорошо быть матерью такого
Молодца, а лучше быть женою!»
Вотъ и всѣ явились въ городъ Легенъ,
Чтобы взять красавицу невѣсту.
Вся родня подарки вынимаетъ:
По мѣшку казны подносятъ братья;
Мать даетъ рубашку съ позументомъ,
Воротъ весь въ каменьяхъ самоцвѣтныхъ.
А отецъ даетъ складную саблю,
Сабля та двѣнадцати суставовъ,
Мѣсто ей за пазухой, и рубитъ
Сабля та и дерево и камень.
Принесли и столъ позолоченый —
Столъ на семь десятковъ лицъ, блестящій
Отъ камней безцѣнныхъ, самоцвѣтныхъ,
Чтобъ могли за нимъ обѣдъ и ужинъ
Ѣсть безъ свѣчъ и безъ пучковъ смолистыхъ:
Отъ камней гостямъ довольно свѣта.
Жеребца дарятъ охотно снохи,
Трехъ онъ лѣтъ, его изюмомъ кормятъ,
Переплыть легко онъ можетъ море.
Вотъ берутъ невѣсту поѣзжане,
По путямъ—дорогамъ потянулись
И стоятъ ужь передъ Чернымъ моремъ.
Вѣтерокъ нечаянный повѣялъ
И смахнулъ съ невѣсты покрывало,
Тутъ женихъ ее увидѣлъ мнимый.
И тогда промолвила невѣста:
«Хорошо быть матерью такого
Молодца, а лучше быть женою!»
А въ отвѣтъ сказалъ малютка Огненъ:
«Ахъ, моя красавица-невѣста!
Не гляди ты на меня напрасно,
Посмотри въ толпу гостей нарядныхъ:
У кого одна изъ губъ хватаетъ
До чела, до пояса—другая,
За того и замужъ ты выходишь.

UNIVERSITY OF MICHIGAN
3 9015 02488 3103